

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАЙ.

1879.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАДАШЕВА

Екатери. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1879.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Взглядъ митрополита Данила на отноше-
нія къ еретикамъ . . . . . В. Жмакина.
- Трагедокомедія Оеофана Прокоповича „Вла-
диміръ“. . . . . Н. Тихонравова.
- Господствующая группа выводовъ. . . . . М. Каринскаго.
- Критическія и библиографическія замѣтки:
Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорус-
скаго нарѣчія въ XVI и XVII ст. (по рукопи-
слямъ Соловецкой бібліотеки) П. В. Владимірова. В. К.
- Неустойчивость критики въ руководствахъ
по теоріи словесности. . . . . М. Шаврова.
- О замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ преподава-
телей въ среднихъ учебныхъ заведе-
ніяхъ съ 1871 по 1877 годъ включи-
тельно.
- Императорское Русское Историческое Обще-
ство въ 1878 году.
- Императорское Русское Археологическое
Общество въ 1878 году.
- Московская антропологическая выставка
1879 года.
- Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) универ-
ситеты, б) низшія училища.
- Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

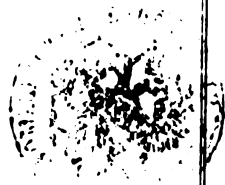
ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССП.

БІБЛОТКА
Państw. gimnaz.
W. LOMŻY.
Арт. XXIX
Лит. 41
№ 7-6

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИИ В. С. ВАЛАНШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, д. № 90-1.

1879.

PSlav 318.10

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (16-го января 1879 года). О правахъ лицъ, окончившихъ курсъ въ бывшихъ уѣздныхъ училищахъ Царства Польскаго.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Высочайше учрежденномъ при государственномъ совѣтѣ особомъ присутствіи о воинской повинности, о правахъ лицъ, окончившихъ курсъ въ бывшихъ уѣздныхъ училищахъ Царства Польскаго, при отбываніи ими воинской повинности, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ особомъ присутствіи о воинской повинности, рассмотрѣвъ представленіе управляшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о правахъ лицъ, окончившихъ курсъ въ бывшихъ уѣздныхъ училищахъ Царства Польскаго, при отбываніи ими воинской повинности, и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ его, управляшаго министерствомъ, мнѣніемъ положилъ: разъяснить, что окончившіе курсъ въ бывшихъ уѣздныхъ училищахъ Царства Польскаго пользуются, при отбываніи воинской повинности, правами окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ третьяго разряда.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

2. (20-го ноября 1878 года). По дѣлу о правахъ и обязанностяхъ почетныхъ блюстителей сельскихъ училищъ и объ учрежденіи званія почетныхъ блюстительницъ при сихъ училищахъ.

Въ комитетѣ министровъ слушана записка министра народнаго просвѣщенія, отъ 14-го октября за № 10870 (по деп.), о разъясненіи правъ и обязанностей почетныхъ блюстителей сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія и объ учрежденіи званія почетныхъ блюстительницъ при сихъ училищахъ.

Выслушавъ дѣло это, комитетъ находилъ, что предположенія министра народнаго просвѣщенія относительно дополненія дѣйствующаго закона о почетныхъ блюстителяхъ начальныхъ народныхъ училищъ подлежатъ разрѣшенію въ законодательномъ порядкѣ. Посему и не встрѣчая вообще препятствій къ предоставленію званія почетныхъ блюстительницъ упомянутыхъ училищъ лицамъ женскаго пола, комитетъ полагалъ предоставить министру народнаго просвѣщенія: 1) примѣнительно къ правиламъ, установленнымъ для почетныхъ блюстителей при двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, учреждать при сихъ училищахъ и званіе почетныхъ блюстительницъ, и 2) предположенія относительно дополненія дѣйствующаго закона о почетныхъ блюстителяхъ ввести, когда признаетъ это нужнымъ, на обсужденіе государственнаго совѣта.

Государь Императоръ положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

3. (19-го января 1879 года). Объ устройствѣ шестаго съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ.

Въ комитетѣ министровъ слушана записка министра народнаго просвѣщенія, отъ 23-го декабря 1878 года за № 13597 (по деп.), о разрѣшеніи шестаго съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ въ декабрѣ 1879 года.

Комитетъ полагалъ: испросить на сіе, согласно съ представленіемъ, Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ на сіе Высочайше соизволилъ.

4. (23-го января 1879 года) Объ учрежденіи педагогическихъ курсовъ для приготовленія учителей рисованія.

Его Императорское Величество вполнѣдовавшее мнѣніе въ общемъ

собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи педагогическихъ курсовъ для приготовленія учителей рисованія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.
Миѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи педагогическихъ курсовъ для приготовленія учителей рисованія, миѣніемъ положилъ:

I. Учредить, съ 1-го іюля 1879 г., при Императорской академіи художествъ, педагогическіе курсы для приготовленія учителей рисованія, съ нормальною школою и музеемъ учебныхъ пособій, на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Означенныя учрежденія состоятъ въ вѣдѣніи академіи художествъ.

2) Ближайшее наблюденіе за педагогическими курсами, школою и музеемъ поручается преподавателю-руководителю, служебныя права котораго опредѣляются штатомъ.

3) Лица, удостоенныя свидѣтельствъ объ успѣшномъ окончаніи педагогическихъ курсовъ, имѣютъ право преподавать рисованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ предоставленіемъ имъ преимуществъ, присвоенныхъ должности учителя рисованія.

II. Проектъ штата педагогическихъ курсовъ, съ состоящими при нихъ учрежденіями, представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

III. Предоставить министру народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министромъ Императорскаго двора, составить и утвердить, на вышеизложенныхъ главныхъ основаніяхъ, положеніе для названныхъ курсовъ, школы и музея; и

IV. Отпустить изъ государственнаго казначейства на первоначальное устройство упомянутыхъ учрежденій 6000 рублей и на содержаніе оныхъ во второй половинѣ 1879 года 3000 рублей, всего девять тысячъ рублей, со внесеніемъ этой суммы въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія на 1879 г.; а съ 1880 г. ассигновать по смѣтамъ изъ казны на содержаніе сихъ учрежденій по шести тысячъ рублей въ годъ.

Подлинное миѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателемъ и членами.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написаю: „Быть по сему“. Въ С.-Петербургѣ, 23-го января 1879 года.

Ш Т А Т Ъ

педагогическихъ курсовъ при Императорской академіи художествъ, съ состоящими при нихъ нормальною школою рисованія и музеемъ учебныхъ пособій.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.	Классы и разряды.		По пенсіи.
		Рубли.	По должностямъ.	По шитью на мушкетрѣ.	
Преподаватель-руководитель . .	1	2000	VIII	VIII	По учебной службѣ Министерства Народнаго просвѣщенія, изъ оклада по 750 руб. въ годъ.
На вознагражденіе лицу, заведывающему музеемъ учебныхъ пособій	1	600			
На 4 стипендіи слушателямъ педагогическихъ курсовъ.	—	1400			
На пополненіе музея учебныхъ пособій	—	700			
На покупку рисовальныхъ матеріаловъ для школы, на награды ученикамъ, на наемъ сторожей и прочіе расходы	—	1260			
Итого . . .	—	6000			

Примѣчаніе. Суммы на содержаніе педагогическихъ курсовъ вносятся въ смету министерства народнаго просвѣщенія и перечисляются въ кассу министерства Императорскаго двора. Расходованіе суммъ производится порядкомъ, установленнымъ для Императорской академіи художествъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

5. (6-го февраля 1879 года). О причисленіи Виленскаго и Житомирскаго еврейскихъ учительскихъ институтовъ ко-

второму разряду учебныхъ заведеній по отношенію къ отбыванію воинской повинности.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о причисленіи Виленскаго и Житомирскаго еврейскихъ учительскихъ институтовъ ко второму разряду учебныхъ заведеній по отношенію къ отбыванію воинской повинности, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ особомъ присутствіи о воинской повинности и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о причисленіи Виленскаго и Житомирскаго еврейскихъ учительскихъ институтовъ ко второму разряду учебныхъ заведеній по отношенію къ отбыванію воинской повинности, и соглашаясь съ заключеніемъ его, управлявшаго министерствомъ, мнѣніемъ положилъ постановить:

„Виленскій и Житомирскій еврейскіе учительскіе институты причисляются ко второму разряду учебныхъ заведеній по отношенію къ отбыванію воинской повинности, съ предоставленіемъ воспитанникамъ, неокончившимъ полнаго курса въ сихъ институтахъ, правъ окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ третьяго разряда“.

6. (7-го марта 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Троицкосавскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ пожертвованнаго Троицкосавскимъ городскимъ обществомъ и торгующимъ въ городѣ Кяхтѣ купечествомъ капитала 5000 руб., заключающагося въ билетѣ государственнаго банка 1-го выпуска, одной стипендіи при Троицкосавскомъ реальномъ училищѣ въ память пребыванія генераль-адъютанта барона Фредерикса генераль-губернаторомъ Восточной Сибири, съ наименованіемъ оной: „стипендія генераль-адъютанта барона Платона Александровича Фредерикса“, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

7. (7-го марта 1879 года). О наименованіи открытаго въ городѣ Юрьевцѣ, Костромской губерніи, трехкласснаго го-

родскаго училища Юрьевецкимъ трехкласснымъ городо-Миндовскимъ (А. И.) училищемъ.

Вслѣдствіе поступившаго въ пользу города Юрьевца, Костромской губерніи, пожертвованія въ 50000 руб. отъ Юрьевецкаго 1-й гильдіи купца И. А. Миндовскаго, по духовному завѣщанію умершаго отца его Александра Ивановича Миндовскаго, Юрьевецкая городская дума въ экстренномъ засѣданіи 5-го мая 1878 г., постановила: 1) открыть въ Юрьевцѣ трехклассное городское по положенію 31-го мая 1872 г. училище съ дополнительными классами бухгалтеріи и ремесль; 2) выстроить для этого училища особый каменный двухъ-этажный домъ въ 15 комнатъ; 3) на содержаніе училища съ дополнительными классами бухгалтеріи и ремесль ежегодно отпускать: а) изъ городскихъ суммъ по 2265 руб.; и б) всѣ проценты съ 37000 руб., изъ пожертвованныхъ Миндовскимъ 50000 руб., для чего 37000 руб. внести на вѣчное время въ Юрьевецкій общественный банкъ, остальные же 13000 руб. употребить на постройку училищнаго дома. Затѣмъ, въ засѣданіи 7-го іюня того же года, дума постановила ходатайствовать о присвоеніи училищу наименованія „Юрьевецкое трехклассное городо-Миндовское (А. И.) училище“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на присвоеніе упомянутому училищу, уже открытому нынѣ, означеннаго наименованія.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (4 ноября 1878 г.). Положеніе о стипендіи бывшаго директора училищъ Симбирской дирекціи, статскаго совѣтника Пикторова, учрежденной при Симбирской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 27-й день іюня 1878 г., при Симбирской гимназій учреждается стипендія имени статскаго совѣтника Пикторова, на счетъ процентовъ съ капитала 1860 руб., оставшагося послѣ смерти бывшаго директора училищъ Симбирской губерніи, статскаго совѣтника Пикторова, умершаго безъ наслѣдниковъ.

2. Капиталь этотъ, по обращеніи въ 5% билеты государственнаго банка, долженъ храниться въ спеціальныхъ средствахъ гимназій.

3. Стипендією пользуется одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназій, сирота, сынъ бѣднаго чиновника, служившаго въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія.

4. Выборъ и утвержденіе стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназій.

5. Стипендіатъ пользуется стипендією до окончанія курса ученія или выхода его по какимъ либо причинамъ изъ гимназій, но и во время пребыванія въ заведеніи можетъ быть лишенъ стипендіи по малоуспѣшности въ наукахъ или неодобрительному поведенію, вслѣдствіе опредѣленія педагогическаго совѣта гимназій.

6. По окончаніи въ заведеніи курса, стипендіатъ не подлежитъ за пользованіе стипендією никакимъ обязательствамъ.

2. (11-го ноября 1878 года). Уставъ юридическаго общества при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Юридическое общество при Казанскомъ университетѣ имѣетъ своею цѣлю теоретическую и практическую разработку права и распространеніе юридическихъ свѣдѣній.

§ 2. Для достиженія означенной цѣли общество имѣетъ свои соборы, имѣетъ право издавать, на основаніи существующихъ узаконеній, свои протоколы и отчеты или печатать ихъ въ одномъ изъ современныхъ изданій, по своему усмотрѣнію, равнымъ образомъ, издавать, руководствуясь дѣйствующими узаконеніями о печати, свои записки или журналъ, а также юридическія изслѣдованія или сочиненія, или содѣйствовать изданію такихъ изслѣдованій и сочиненій назначать преміи за составленіе или изданіе юридическихъ сочиненій, актовъ и матеріаловъ, снаряжать ученыхъ экспедиціи для изученія и собиранія обычаевъ и для другихъ научныхъ цѣлей, устраивать, съ разрѣшенія, въ установленномъ порядкѣ, публичныя лекціи и съѣзды русскихъ юристовъ и принимать другія мѣры, какія будутъ имъ признаны необходимыми для разработки права и распространенія юридическихъ свѣдѣній.

§ 3. Общество состоитъ изъ членовъ почетныхъ и дѣйствительныхъ, соревнователей и сотрудниковъ.

§ 4. Почетными членами могутъ быть лишь лица, оказавшія особаго заслуги юридической наукѣ или значительное содѣйствіе обществу. Дѣйствительными членами могутъ быть всѣ лица, получившія высшее юридическое образованіе или извѣстность своею практичес-

кою юридическою дѣятельностью. Соревнователемъ можетъ быть всякое лицо, интересующееся успѣхами юридической науки или принесшее въ даръ обществу одновременно не менѣе 200 руб. Званіе сотрудниковъ получаютъ лица, изъявившія готовность доставлять обществу нужныя ему свѣдѣнія.

Примѣчаніе. Почетные члены могутъ быть и дѣйствительными, по заявленіи о томъ предсѣдателю общества и съ принятіемъ на себя всѣхъ сопряженныхъ съ этимъ званіемъ обязанностей.

§ 5. Для избранія въ почетные члены требуется письменное заявленіе, по крайней мѣрѣ, трехъ дѣйствительныхъ членовъ общества съ изложеніемъ заслугъ предлагаемаго лица, а для избранія въ дѣйствительные члены достаточно предложенія одного изъ дѣйствительныхъ членовъ.

§ 6. Избраніе въ члены общества, почетные и дѣйствительные, производится посредствомъ баллотировки (закрытой подачи голосовъ), простымъ большинствомъ голосовъ присутствующихъ въ засѣданіи дѣйствительныхъ членовъ. Соревнователи же и сотрудники поступаютъ въ общество безъ всякой баллотировки по предложенію одного изъ дѣйствительныхъ членовъ общества и въ собраніяхъ общества имѣютъ голосъ совѣщательный.

Примѣчаніе. Членами—основателями общества считаются члены юридическаго факультета Казанскаго университета.

§ 7. Каждый дѣйствительный членъ вноситъ ежегодно въ кассу общества не менѣе пяти рублей или замѣняетъ этотъ ежегодный взносъ единовременнымъ не менѣе 50 р. Не внесшіи платы считается выбывшимъ изъ общества. Для почетныхъ членовъ и сотрудниковъ, а равно для иностранныхъ ученыхъ, изъявившихъ желаніе быть дѣйствительными членами, этотъ взносъ не обязателенъ. Сотрудникъ, два года не доставлявшій обществу никакихъ свѣдѣній, считается сложившимъ съ себя это званіе.

§ 8. На званіе почетнаго члена и соревнователя общество выдаетъ дипломы за подписью предсѣдателя и скрѣпкою секретаря и съ приложеніемъ своей печати.

§ 9. Почетные и дѣйствительные члены соревнователи и сотрудники бесплатно получаютъ протоколы засѣданій и отчеты общества; прочія же сочиненія, издаваемые обществомъ, уступаются имъ по цѣнѣ, въ которую обошлось изданіе.

§ 10. Общество имѣетъ свою бібліотеку, завѣдываніе которою поручается одному изъ членовъ.

§ 11. Управленіе дѣлами общества сосредоточивается въ лицѣ предсѣдателя и секретаря, который въ началѣ существованія общества, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и казначей. При дальнѣйшемъ развитіи дѣятельности общества къ нимъ можетъ быть присоединено отъ 3 до 5 членовъ. Предсѣдатель и секретарь, а также и означенные члены, избираются ежегодно изъ дѣйствительныхъ членовъ общества въ годичномъ собраніи посредствомъ баллотировки, простымъ большинствомъ; причемъ тѣ же самыя лица могутъ быть избираемы въ означенныя должности и на слѣдующіе годы.

§ 12. Предсѣдатель созываетъ членовъ въ собранія общества и руководитъ преніями. За отсутствіемъ предсѣдателя, собравшіеся въ засѣданіе члены избираютъ временнаго предсѣдателя для этого засѣданія.

§ 13. Сношенія общества съ посторонними учрежденіями и лицами производятся чрезъ предсѣдателя, который есть первенствующее лицо въ обществѣ.

§ 14. Общество имѣетъ свою печать съ девизомъ: *non verba le- gum sed vim ac potestatem*“.

§ 15. Собранія общества бываютъ обыкновенныя, чрезвычайныя и годичныя. Обыкновенныя собранія назначаются не менѣе 9 разъ въ годъ, съ сентября по май включительно. Чрезвычайныя засѣданія могутъ быть назначаемы во всякое время въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства. Въ годичномъ собраніи, которое назначается въ январѣ, читывается отчетъ о дѣятельности общества и состояніи суммъ его за истекшій годъ, раздаются награды и преміи и могутъ быть произносимы рѣчи и прочитываемы статьи юридическаго содержанія. Для разсмотрѣнія годовой отчетности общества, собраніе избираетъ комиссію изъ трехъ членовъ, заключеніе которой докладывается въ ближайшемъ обыкновенномъ собраніи. Засѣданія общества происходятъ въ зданіи университета, въ помѣщеніи, назначенномъ для этой цѣли начальствомъ университета.

§ 16. Каждый членъ общества можетъ вносить свои предложенія или непосредственно въ общество (въ такомъ случаѣ внесенное предложеніе можетъ быть обсуждаемо только въ слѣдующемъ засѣданіи) или чрезъ предсѣдателя, который въ призывной повѣсткѣ, въ числѣ другихъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, упоминаетъ и о внесенномъ предложеніи.

§ 17. Въ заключеніяхъ общества, въ которыхъ читаются труды членовъ и обсуждаются научные вопросы, могутъ присутствовать и посторонніе посѣтители, введенные почетными или дѣйствительными членами, съ согласія предсѣдателя.

§ 18. Всѣ дѣла общества рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ дѣйствительныхъ членовъ, участвующихъ въ засѣданіи, за исключеніемъ случая, означеннаго въ § 20. При равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 19. Постановленія общества, касающіяся разъясненій и развитія §§ этого устава, имѣютъ для членовъ общества обязательную силу.

§ 20. Измѣненія какого-либо § этого устава могутъ быть сдѣланы лишь на годичномъ собраніи общества большинствомъ двухъ третей голосовъ дѣйствительныхъ членовъ, присутствующихъ въ собраніи, и получаютъ силу по утвержденіи ихъ подлежащею властію.

§ 21. Въ случаѣ закрытія общества, бібліотека его сливается съ бібліотекою юридическаго факультета Казанскаго университета, а остальное имущество употребляется по усмотрѣнію этого факультета на усиленіе научныхъ его средствъ.

3. (13-го января 1879 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ѳедоровича Базилевскаго.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. На проценты съ капитала въ 1000 р., заключающагося въ десяти облигаціяхъ 1-го восточнаго займа, пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Базилевскимъ, учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 10-го января 1879 г., при Стерлитамакской прогимназіи, стипендіи имени жертвователя.

2. Капиталъ этотъ составляетъ спеціальныя средства прогимназіи и хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ.

3. Проценты съ означеннаго капитала употребляются на плату за ученіе одного стипендіата, на приобрѣтеніе для него учебныхъ пособій и одежды, а остатокъ отъ нихъ, а равно остатокъ, могущій образоваться отъ незамѣщенія вакансіи, присоединяется къ основному капиталу, для образованія новой стипендіи.

4. Выборъ стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Стерлитамакской прогимназіи.

5. Въ стипендіаты избираются дѣти бѣдныхъ родителей, безъ различія сословій.

6. Стипендіать, не оказывающій удовлетворительныхъ успѣховъ, не удостоенный перевода въ высшій классъ, или неодобрительнаго поведенія, смѣщается со стипендіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта.

7. Пользованіе стипендіей не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ со стороны стипендіата и продолжается во все время пребыванія его въ заведеніи, при соблюденіи условій, изложенныхъ въ п. 6 сего положенія.

4. (13-го января 1879 года). Положеніе о стипендіи 2-й саперной бригады, учреждаемой при Рижской Александровской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго русскимъ обществомъ города Риги, по поводу возвращенія 2-й саперной бригады изъ похода въ Турцію, и состоящаго въ одной облигаціи 2-го восточнаго займа, въ 1000 руб., изъ 5⁰/₀ въ годъ, учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 10-го января 1879 г., при Рижской Александровской гимназій, стипендіи 2-й саперной бригады.

2. Означенная стипендіи, въ размѣрѣ 50 р. въ годъ, производится одному изъ бѣдныхъ и способныхъ учениковъ Рижской Александровской гимназій, преимущественно изъ числа дѣтей лицъ, служащихъ или служившихъ во 2-й саперной бригадѣ, какъ въ офицерскихъ, такъ и въ нижнихъ чинахъ, и отличающемуся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

3. Право назначать стипендіата изъ числа способныхъ учениковъ принадлежитъ 2-й саперной бригадѣ.

4. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи 2-й саперной бригады, проценты съ капитала, оставшіеся невыданными въ видѣ стипендіи, обращаются въ пособіе стипендіату.

5. Означенный въ § 1 капиталъ въ 1000 руб., составляя неприкосновенную собственность Рижской Александровской гимназій, хранится вмѣстѣ съ спеціальными суммами этой гимназій въ Лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ.

5. (13-го января 1879 года). Правила о стипендіи имени бывшаго предсѣдателя Курскаго губернскаго земскаго со-

бранія, свѣтлѣйшаго князя Алексѣя Александровича Солтыкова-Головкина при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. При Харьковскомъ университетѣ на счетъ процентовъ съ капитала въ 5000 руб., назначеннаго Курскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, учреждается стипендія, которая, для сохраненія навсегда памяти о дѣятельности бывшаго предсѣдателя Курскаго губернскаго земскаго собранія князя Солтыкова-Головкина, съ Высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго въ 10 день января 1879 г., именуется стипендіею князя Алексѣя Александровича Солтыкова-Головкина⁴.

2. Помянутый капиталъ, за обращеніемъ его въ процентныя бумаги, гарантированныя правительствомъ, на имя Харьковскаго университета, составляя неприкосновенную собственность университета, долженъ храниться въ Харьковскомъ отдѣленіи государственнаго банка.

3. Проценты съ означеннаго капитала полностью обращаются на взносы за ученіе и содержаніе, за одного изъ бѣднѣйшихъ лицъ, уроженцевъ Курской губерніи, безъ различія званія, вѣроисповѣданія православнаго.

4. Право полученія процентовъ съ помянутаго капитала, на содержаніе одного стипендіата, предоставляется начальству Харьковскаго университета.

5. Право опредѣленія стипендіата, изъ числа лицъ, подавшихъ прошенія въ Курскую губернскую земскую управу, принадлежит по уполномочію Курскаго губернскаго земскаго собранія, Курской губернской земской управѣ.

6. Избранный такимъ образомъ стипендіатъ, пользуется правомъ на полученіе стипендіи, до окончанія курса наукъ въ Харьковскомъ университетѣ или впредь до увольненія стипендіата изъ заведенія.

7. Въ случаѣ утраты стипендіатомъ права на пособіе, или прекращенія выдачи оного по инымъ причинамъ, равно какъ и по окончаніи имъ курса ученія въ Харьковскомъ университетѣ, немедленно Курскою губернской земскою управою избирается новый стипендіатъ изъ имѣющихся въ виду кандидатовъ.

8. Въ случаѣ могущаго когда либо послѣдовать совершеннаго упраздненія Харьковскаго университета, основной капиталъ, обращенный въ 5% билеты для учрежденія стипендіи имени Алексѣя Александровича Солтыкова-Головкина, долженъ быть возвращенъ полностью въ распоряженіе Курскаго губернскаго земскаго собранія.

6. (13-го января 1879 года). Правила о стипендіи учрежденной, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, имени покойнаго заслуженнаго профессора сего университета и гласнаго Московской городской думы Михаила Петровича Погодина.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. На капиталъ въ шесть тысячъ рублей, пожертвованный Московскою городскою думою и заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, учреждена при Московскомъ университетѣ одна стипендія въ изъявленіе общественной признательности къ памяти заслуженнаго профессора Московскаго университета и гласнаго думы покойнаго Погодина, честно послужившаго Москвѣ, какъ своими трудами на пользу науки, такъ и участіемъ въ дѣлахъ городского общественного управленія.

2. Стипендія эта, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26 іюля 1878 г., именуется „Стипендіею Михаила Петровича Погодина“.

3. Размѣръ стипендіи триста рублей въ годъ.

4. Стипендія назначается одному изъ отличнѣйшихъ и недостаточныхъ студентовъ историко-филологическаго факультета, историческаго или славяно-русскаго отдѣленія.

5. Стипендія можетъ быть назначена, при соблюденіи § 4, исключительно студенту изъ семейства, принадлежащаго къ Московскому городскому обществу.

6. Назначеніе стипендіи принадлежитъ совѣту университета, по соглашенію съ Московскимъ городскимъ головою.

7. Стипендіатъ лишается стипендіи, если не перейдетъ на слѣдующій курсъ, а равно и въ томъ случаѣ, если будетъ вести себя не похвально.

7. (13-го января 1879 г.). Инструкція училищнымъ совѣтамъ дирекцій народныхъ училищъ Виленскаго учебнаго округа.

(Утверждена г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Настоящею инструкціею, на основаніи Высочайше утвержденныхъ, въ 23 день марта 1863 года, временныхъ правилъ для народныхъ школъ въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Могилевской, Минской, и Витебской, опредѣляются предметы вѣдѣнія и порядокъ дѣйствій училищныхъ совѣтовъ дирекцій народныхъ училищъ Виленскаго учебнаго округа.

§ 2. Училищный совѣтъ состоитъ изъ предсѣдателя, съ званіемъ

директора народныхъ училищъ, изъ члена отъ епархіальнаго вѣдомства православнаго исповѣданія, каковъ членъ избирается и назначается епархіальнымъ архіереемъ, члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и изъ инспекторовъ народныхъ училищъ.

Примѣчаніе. По дѣламъ училищъ, учреждаемыхъ для католическаго, лютеранскаго и реформатскаго населенія, председатель совѣта, въ нужныхъ случаяхъ, приглашаетъ лицъ духовнаго вѣдомства этихъ исповѣданій, по избранію римско-католическаго епископа, евангелическо-лютеранской консисторіи и Виленскаго реформатскаго синода, по принадлежности.

§ 3. Училищный совѣтъ имѣетъ слѣдующія обязанности: 1) наблюденіе за преподаваніемъ во всѣхъ вообще училищахъ дирекціи посредствомъ возможно частаго обзорѣнія оныхъ инспекторами; 2) попеченіе объ открытіи новыхъ училищъ и отдѣленій оныхъ и объ улучшеніи существующихъ; 3) разрѣшеніе на открытіе новыхъ училищъ обществами городскими, сельскими и частными учрежденіями и лицами; 4) снабженіе училищъ учебными пособиями; 5) назначеніе учителей и учительницъ въ училища, содержимыя отъ казны, и утвержденіе лицъ, избираемыхъ въ эти должности для своихъ училищъ обществами городскими и сельскими, а также частными учрежденіями и лицами; 6) представленіе попечителю учебнаго округа о назначеніи изъ училищныхъ суммъ паградъ и пособій учителямъ и учительницамъ, заслуживающимъ поощренія, и немедленное удаленіе тѣхъ, кои будутъ признаны почему-либо неблагонадежными; 7) представленіе попечителю и подлежащему начальству о закрытіи училища въ нужныхъ случаяхъ; 8) сообщеніе своихъ распоряженій училищамъ посредствомъ циркуляровъ и представленіе оныхъ по числу учебнаго округа, генералъ-губернатору, губернатору и мѣстному епархіальному архіерею; и 9) сношеніе, въ нужныхъ случаяхъ, по дѣламъ учебнымъ со всѣми вѣдомствами и лицами.

§ 4. Для установленія надлежащаго порядка въ наблюденіи за ходомъ и направленіемъ преподаванія во всѣхъ вообще училищахъ, подвѣдомственныхъ дирекціи, училищный совѣтъ раздѣляетъ губернію, по числу инспекторовъ на участки, при чемъ принимаетъ во вниманіе число училищъ, географическое ихъ распредѣленіе, удобства или неудобства путей сообщенія и административное дѣленіе губерніи на уѣзды.

§ 5. Участки распредѣляются между инспекторами на два или на

три года, такъ, чтобы въ продолженіе сего времени каждый изъ инспекторовъ могъ ознакомиться со всѣми училищами губерніи и чтобы училищный совѣтъ получалъ чрезъ то болѣе обстоятельныя и точныя свѣдѣнія о каждомъ училищѣ.

§ 6. Предсѣдателю совѣта, который, по званію директора народныхъ училищъ, по необходимости, долженъ оставаться въ губернскомъ городѣ для завѣдыванія текущими дѣлами дирекціи, особаго участка не назначается: онъ посѣщаетъ училища, по мѣрѣ возможности, и особенно такія, которыя, по обстоятельствамъ, требуютъ его личнаго осмотра.

§ 7. Училищный совѣтъ наблюдаетъ и принимаетъ мѣры, чтобы каждое училище было подробно осмотрѣно не менѣе одного раза въ годъ, а если возможно, то два и три раза.

§ 8. Въ случаѣ продолжительнаго отсутствія или болѣзни кого нибудь изъ инспекторовъ, порученный его надзору участокъ распределяется между директоромъ и остальными наличными инспекторами.

§ 9. Такъ какъ продолжительность учебнаго времени не для всѣхъ школъ одинакова,—именно: въ сельскихъ училищахъ ученіе открывается въ октябрѣ и оканчивается въ апрѣлѣ, а въ городскихъ оно продолжается съ 15 августа по 15 іюня, то и осмотръ оныхъ членами дирекціи долженъ быть производимъ: первыхъ съ мѣсяца ноября по май, а послѣднихъ съ сентября по 15 іюня.

§ 10. Послѣ осмотра училищъ каждый инспекторъ представляетъ о результатахъ онаго краткій отчетъ училищному совѣту, съ объясненіемъ о важнѣйшихъ недостаткахъ и нуждахъ осмотрѣнныхъ школъ; на основаніи этихъ заявленій совѣтъ немедленно дѣлаетъ соотвѣтственныя распоряженія и принимаетъ мѣры къ исправленію замѣченныхъ недостатковъ и вообще къ приведенію училищъ въ лучшее состояніе, какъ въ учебномъ и воспитательномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ. По окончаніи же учебнаго года, инспекторы представляютъ подробныя о состояніи всѣхъ осмотрѣнныхъ ими въ теченіе онаго училищъ отчеты, которые разсматриваются совѣтомъ и служатъ данными для опредѣленія какъ общаго состоянія народнаго образованія въ губерніи, такъ и нужныхъ для поднятія его уровня мѣропріятій, а также для составленія общаго годичнаго отчета о состояніи народныхъ училищъ дирекціи.

§ 11. Совѣтъ обязапъ: 1) тщательно слѣдить какъ за объемомъ и содержаніемъ, такъ въ особенности за методомъ и характеромъ преподаванія cadaго изъ положенныхъ въ училищахъ учебныхъ пред-
часть ссн, отд. 1.

метовъ; 2) прилагать стараніе, чтобы кромѣ обязательныхъ предметовъ, положенныхъ для народныхъ училищъ, по мѣрѣ средствъ и возможности, были еще вводимы гимнастика и нѣкоторыя ремесла или мастерства, наиболѣе пригодныя для той мѣстности, гдѣ находится училище; 3) наблюдать за продолжительностію учебнаго періода и времени лѣтнихъ и зимнихъ вакацій, а равно установленнымъ числомъ уроковъ; 4) особенно строго слѣдить, чтобы во всѣхъ начальныхъ народныхъ училищахъ преподаваніе производилось на русскомъ языкѣ, и 5) наблюдать также, чтобы въ каждомъ училищѣ ведены были именныя списки учащихся, съ показаніемъ ихъ вѣроисповѣданія, званія, возраста, времени поступленія въ училище и времени выбытія изъ онаго.

§ 12. Училищный совѣтъ обязанъ наблюдать, какъ за порядкомъ надзора, установленнаго для учащихся, такъ и за принятыми въ училищахъ мѣрами поощренія и взысканія, чтобы воспитаніе дѣтей было основано на здоровыхъ началахъ педагогики.

§ 13. Совѣтъ заботится, чтобы какъ внѣшнее, такъ и въ особенности внутреннее устройство училищъ соотвѣтствовало, по возможности, ихъ назначенію не только въ учебномъ, но и въ гигиеническомъ отношеніяхъ, соображаясь при этомъ со средствами сихъ училищъ, въ особенности школъ, содержимыхъ духовенствомъ и частными лицами.

§ 14. Совѣтъ обращаетъ вниманіе на то, чтобы въ каждомъ училищѣ, въ особенности содержимомъ при участіи казны, была ведена опись училищному имуществу, съ обозначеніемъ, когда и откуда какая вещь поступила и, по возможности, съ указаніемъ стоимости ея.

§ 15. Совѣтъ обращаетъ также вниманіе на то, чтобы какъ въ казенныхъ начальныхъ народныхъ училищахъ, такъ и тѣхъ, которыя содержатся духовенствомъ, городскими сельскими обществами и частными лицами назначенныя для нихъ суммы поступали и расходовались въ надлежащей исправности, доводя о всѣхъ отступленіяхъ въ этомъ отношеніи до свѣдѣній надлежащихъ учреждений и лицъ, въ случаѣ же недостаточности матеріальныхъ средствъ училищъ совѣтъ обращается съ ходатайствомъ о необходимомъ пособіи.

§ 16. О лицахъ, особенно содѣйствующихъ преуспѣванію училищъ, совѣтъ можетъ входить съ подлжжащими, куда слѣдуетъ, представленіями, испрашивая соотвѣтствующія по заслугамъ сихъ лицъ вознагражденія.

§ 17. Не ограничиваясь надзоромъ за существующими училищами

и заботами объ ихъ улучшеніи, совѣтъ обязаѣь прилагать стараніе къ открытію новыхъ училищъ и ихъ отдѣленій въ такихъ селеніяхъ, гдѣ, по мѣстнымъ или административнымъ соображеніямъ, усматривается въ нихъ постоянная потребность. Для этого совѣтъ входитъ въ непосредственныя письменныя или личныя чрезъ своихъ членовъ сношенія съ тѣми учрежденіями и лицами, которыми наиболѣе могутъ къ тому способствовать, стараясь притомъ склонить мѣстныя общества къ принятію на себя полного обезпеченія училищъ необходимымъ содержаніемъ.

§ 18. Когда городское или сельское общество, а также частное лицо пожелаетъ открыть училище и будетъ просить на то дозволенія, училищный совѣтъ, предварительно разрѣшенія, удостовѣряется въ томъ, чѣмъ обезпечивается существованіе училища, а именпо: какое предполагается для него помѣщеніе, какая сумма назначена на жалованье учителю, а также на отопленіе, освѣщеніе, прислугу, учебныя пособія и другія училищныя нужды.

§ 19. Если по удостовѣренію совѣта средства, назначенныя на содержаніе училища и жалованье учителю недостаточны для прочнаго существованія училища и его преуспѣянія и общество или учредитель по своей бѣдности, не въ состояніи увеличить ихъ, то совѣтъ ходатайствуетъ о пособіи на содержаніе сего училища изъ суммъ, отпускаемыхъ въ распоряженіе округа, на начальныя народныя училища.

§ 20. Попеченія совѣта о распространеніи народнаго образованія должны быть также направлены къ тому, чтобы и крестьянскія дѣвочки, по мѣрѣ возможности, получали наставленія въ правилахъ вѣры и необходимое начальное образованіе.

§ 21. Въ случаѣ невозможности учрежденія для дѣвочекъ ни отдѣльныхъ училищъ, ни особыхъ смѣшъ, совѣтъ можетъ допустить и совмѣстное обученіе дѣвочекъ съ мальчиками въ однихъ и тѣхъ же училищахъ, съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: а) чтобы дѣвочки были не старѣе 12 лѣтъ, и б) чтобы мальчики и дѣвочки помѣщались въ классахъ на разныхъ скамьяхъ.

§ 22. Какъ въ училищахъ для мальчиковъ, сверхъ обязательныхъ учебныхъ предметовъ, могутъ быть вводимы нѣкоторыя ремесла или мастерства, такъ и въ училищахъ или отдѣленіяхъ для дѣвочекъ можетъ быть введено обученіе рукодѣліямъ, приноровленнымъ къ простому быту и мѣстнымъ нуждамъ населенія, на что и должно быть обращено надлежащее вниманіе совѣта.

§ 23. Совѣтъ, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами и лицами, предлагаетъ попеченіе о томъ, чтобы при училищахъ, гдѣ окажется возможность, были устраиваемы особые уроки для взрослыхъ поселятъ, стараясь убѣжденіями привлечь ихъ къ ученію и ходатайству, въ случаѣ успѣха, объ отпускѣ изъ подлежащихъ учрежденій суммъ, необходимыхъ для вознагражденія учителей за такой трудъ ихъ сверхъ прямыхъ обязанностей.

§ 24. Училищный совѣтъ имѣетъ попеченіе о томъ, чтобы при каждомъ училищѣ, по мѣрѣ средствъ, находились: а) библіотека учительская, состоящая изъ руководствъ, сочиненій по части педагогики и вообще книгъ, могущихъ служить къ дальнѣйшему самообразованію учителей; и б) библіотека ученическая, состоящая изъ учебныхъ руководствъ, книгъ для чтенія и другаго рода учебныхъ пособій, собственно для употребленія въ классахъ и для чтенія учениками.

§ 25. Для образованія этихъ учебно-воспитательныхъ учрежденій совѣтъ безмездно рассылаетъ во всѣ подвѣдомственныя ему народныя училища книги и учебныя пособия изъ состоящаго при дирекціи книжнаго склада.

§ 26. Книжный складъ дирекціи состоитъ въ завѣдываніи директора, который и рассылаетъ книги въ училища по требованіямъ учителей во всякое время года, но преимущественно въ каникулярное, такъ, чтобы училища въ учебное время не испытывали въ нихъ недостатка.

§ 27. При покупкѣ книгъ и учебныхъ пособій для склада, училищный совѣтъ входитъ въ сношеніе съ книгопродавцами и издателями, чтобы пріобрѣтать нужныя книги изъ первыхъ рукъ и по возможно дешевымъ цѣнамъ. Кромѣ книгъ, выписываются, для раздачи ученикамъ въ награду, священные картины, образки, иконы, крестики, допускаемые къ употребленію православною церковью.

§ 28. Относительно снабженія училищъ книгами и учебными пособиями совѣтъ наблюдаетъ, чтобы для народныхъ школъ не пріобрѣтались книги и пособия, которыя не были предварительно одобрены министерствомъ народнаго просвѣщенія или духовнымъ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія, по принадлежности, согласно спискамъ, ежегодно печатаемымъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, или отдѣльно рассылаемымъ по училищамъ каталогамъ.

§ 29. Наибольшее вниманіе училищный совѣтъ останавливаетъ на томъ, чтобы изъ числа учебныхъ руководствъ, книгъ для чтенія

и другаго рода учебныхъ пособій, приобретенныхъ для училищъ, въ классахъ употреблялись преимущественно такія, которыя заслужили особенно одобрительные отзывы со стороны министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства православнаго исповѣданія.

§ 30. Въ видахъ облегченія учащимся покупки учебниковъ и возможно большаго распространенія въ народѣ полезныхъ книгъ, училищный совѣтъ учреждаетъ въ извѣстныхъ, болѣе удобныхъ, пунктахъ продажныя книжныя склады, завѣдываніе коими поручается мѣстному учителю или законоучителю, съ согласія послѣдняго, съ надлежащею въ томъ отчетностію и отвѣтственностію.

§ 31. Всѣмъ, находящимся въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ народныхъ училищъ, предметамъ должны быть водены подробныя шпуровыя описи, съ означеніемъ цѣны и случаевъ поступленія, и инспекторы, при осмотрѣ училищъ, обязаны наблюдать, всегда ли и въ надлежащей ли исправности это исполняется, о чемъ свидѣтельствуютъ собственноручною подписію въ книгахъ.

32. При назначеніи въ училища учителей и учительницъ, избираемыхъ всегда изъ лицъ православнаго исповѣданія и русскихъ поданныхъ, совѣтъ принимаетъ во вниманіе свидѣтельства о выдержаніи кандидатами экзамена, установавшаго для приобретенія права на званіе учителя или учительницы начальнаго народнаго училища или свидѣтельства объ окончаніи съ успѣхомъ курса въ такомъ заведеніи, которое даетъ безъ экзамена право на сіе званіе. Кромѣ того, въ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ кандидатовъ и въ способности ихъ къ педагогической дѣятельности, совѣтъ, въ случаѣ надобности, удостовѣряется посредствомъ практической при дирекціи подготовки ихъ къ учительской должности и пробныхъ уроковъ въ одномъ изъ мѣстныхъ приходскихъ училищъ, въ присутствіи одного изъ членовъ совѣта. Эти же условія соблюдаются и при утвержденіи лицъ, избираемыхъ въ учителя и учительницы обществами городскими и сельскими и вообще учредителями и содержателями училищъ. Назначеніе и увольненіе священниковъ отъ должности законоучителей при народныхъ школахъ предоставляется совѣтамъ дирекцій, съ утвержденія епархіальнаго архіерея, который какъ лично, такъ и чрезъ уполномоченныхъ имъ на сей предметъ духовныхъ лицъ, наблюдаетъ вообще за преподаваніемъ закона Божія и за нравственнымъ направленіемъ въ народныхъ училищахъ и, въ случаѣ надобности, входитъ въ сношеніе по сему предмету съ попечителемъ учебнаго округа.

Примѣчаніе 1. Лица духовнаго званія назначаются въ учительскія должности и увольняются отъ оныхъ совѣтомъ, по предварительномъ сношеніи съ епархіальнымъ начальствомъ.

Примѣчаніе 2. При назначеніи законоучителей римско-католическаго исповѣданія, совѣтъ руководствуется особыми, написанными на этотъ предметъ, правилами.

§ 33. Въ видахъ безотлагательнаго замѣщенія открывающихся вакансій учителей народныхъ училищъ, совѣтъ заблаговременно, по мѣрѣ возможности, пріискиваетъ способныхъ и благонадежныхъ кандидатовъ изъ лицъ, имѣющихъ право на званіе учителя начальныхъ училищъ.

§ 34. Въ случаѣ неимѣнія вакансій, кандидаты могутъ быть, съ согласія поддѣжающихъ учрежденій, обществъ и лицъ, распредѣляемы совѣтомъ временно по училищамъ, въ качествѣ помощниковъ учителей, частію для облегченія трудовъ учителей въ многолюдныхъ классахъ, частію для собственной ихъ практики и усовершенствованія въ дѣлѣ преподаванія, притомъ съ ходатайствомъ, гдѣ слѣдуетъ, о вознагражденіи ихъ по мѣрѣ занятій,

Примѣчаніе. Все сказанное какъ въ предыдущихъ, такъ и въ послѣдующихъ параграфахъ этой инструкціи, объ учителяхъ народныхъ училищъ, примѣняется совѣтомъ въ равной мѣрѣ и къ учительницамъ.

§ 35. Представленіе народныхъ учителей къ наградамъ производится совѣтомъ на основаніи заявленія директора и инспекторовъ; причемъ, кромѣ удовлетворительнаго состоянія училища, принимается въ соображеніе большая или меньшая многолюдность его, усердіе и правдивныя достоинства учителя, вліяніе его на мѣстное общество, а также особыя заслуги, напримѣръ по завѣдыванію книжнымъ продажнымъ складомъ, по устройству хора пѣвчихъ и т. п. То же самое соблюдается и при ходатайствѣ предъ епархіальнымъ начальствомъ о наградахъ законоучителей.

§ 36. Пособія и единовременныя выдачи испрашиваются совѣтомъ по случаю вступленія учителей въ бракъ, а также разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ жизни, какъ-то: пожара, болѣзни, покражи имущества и тому подобныхъ бѣдствій, которыя народному учителю, особенно челоѣку семейному, при крайней ограниченности его содержанія, очень трудно перенести безъ благовременнаго вспоможенія.

§ 37. Училищный совѣтъ удалитъ учителей отъ должности, если усмотритъ такіе со стороны ихъ поступки, по которымъ они не могутъ быть терпимы въ училищахъ безъ явнаго вреда для послѣднихъ.

§ 38. Еслибы, при ревизіи школъ, оказалось, что то или другое училище, какъ изъ числа учрежденныхъ на средства казны, такъ и изъ содержимыхъ духовнымъ вѣдомствомъ, городскими и сельскими обществами и частными учрежденіями и лицами, не удовлетворяетъ своему назначенію въ той мѣстности, гдѣ оно существуетъ, тогда какъ въ другой мѣстности оно могло бы принести болѣе существенную пользу, въ такомъ случаѣ совѣтъ входитъ въ непосредственное сношеніе съ подлежащими учрежденіями и лицами о переводѣ училища, и, по воспослѣдованіи между обѣими сторонами соглашенія, дѣлаетъ распоряженіе о переводѣ училища въ другой болѣе удобный для этого пунктъ, имѣя въ виду достиженіе по возможности равномѣрнаго между сельскимъ населеніемъ распредѣленія училищъ.

Примѣчаніе. Церковно-приходскія училища не могутъ быть переводимы въ такіи мѣстности, гдѣ священнику или псаломщику, за дальностью разстоянія, неудобно будетъ исполнять обязанности наставниковъ тѣхъ училищъ.

§ 39. Въ случаѣ, еслибы по какимъ-либо причинамъ потребовалось совершенное закрытіе того или другаго училища, совѣтъ входитъ съ представленіемъ объ этомъ къ попечителю учебнаго округа и только съ его разрѣшенія закрываетъ училище.

§ 40. Въ случаѣ еслибы общество, содержащее на свои средства училище, пожелало закрыть оное и довело объ этомъ до свѣдѣнія дирекціи, то училищный совѣтъ предварительно удостовѣряется дѣйствительно ли указанныя обществомъ причины къ закрытію училища заслуживаютъ уваженія и затѣмъ, изъявляя свое согласіе только въ крайнихъ случаяхъ, представляетъ о томъ попечителю округа на утвержденіе.

Примѣчаніе. Училище, содержащееся на средства мірскаго общества, по прекращеніи обществомъ отпуска оныхъ на содержаніе его, можетъ быть, съ согласія подлежащей дирекціи народныхъ училищъ, обращено въ церковно-приходское, если мѣстный священникъ или приходское попечительство изъявитъ свою готовность его поддерживать, или въ училище частное, если кто-либо изъ благотворителей пожелаетъ содержать его.

Въ такомъ случаѣ, книги, учебныя пособія и все имущество, съ согласіи подлежащаго мірскаго общества, передаются по каталогамъ и инвентарной описи тому лицу, или попечительству, которое принимаетъ училище въ свое завѣдываніе и на свое содержаніе.

§ 41. За каждый истекшій гражданскій годъ совѣтъ представляетъ попечителю учебнаго округа, въ установленный для того срокъ, по плану, утвержденному министромъ народнаго просвѣщенія, отчетъ о состояніи всѣхъ вообще училищъ губерніи, каковой отчетъ, въ копіяхъ, препровождается къ генералъ-губернатору, губернатору и мѣстному епархіальному архіерею.

§ 42. Для ежегодной ревизіи казеннаго имущества дирекціи, а также склада книгъ и учебныхъ пособій, составляется коммиссія изъ двухъ или трехъ членовъ совѣта.

§ 43. Въ такой же коммиссіи повѣряются два раза въ годъ рапорты и вѣдомости о проданныхъ книгахъ и вырученныхъ отъ продажи деньгахъ въ складахъ, учрежденныхъ при дирекціи и при приходскихъ и народныхъ училищахъ.

§ 44. Къ обязанностямъ совѣта относится также повѣрка и свѣдѣтельствованіе мѣсячныхъ отчетныхъ сличительныхъ вѣдомостей и кассовой книги по приходу и расходу.

§ 45. Вообще, по части матеріальной и хозяйственной, совѣтъ наблюдаетъ, чтобы суммы, назначенныя на содержаніе училищъ, расходовались наиболѣе производительнымъ образомъ, съ соблюденіемъ всевозможной бережливости и согласно съ дѣйствительною потребностію.

§ 46. Всѣ преподаватели начальныхъ народныхъ училищъ въ учебномъ отпошеніи, состоятъ въ вѣдѣніи и подъ ближайшимъ надзоромъ училищнаго совѣта.

§ 47. Предсѣдателю совѣта, директору народныхъ училищъ предоставляется также осматривать учительскія семинаріи, учительскія школы и педагогическіе курсы во время нахождения его въ той мѣстности, гдѣ таковыя существуютъ. Съ этою цѣлію онъ можетъ присутствовать въ засѣданіяхъ совѣтовъ сихъ семинарій, школъ и курсовъ, и сообщать имъ свои соображенія, на основаніи наблюденій и опыта.

§ 48. Равнымъ образомъ, директоръ можетъ присутствовать, съ правомъ голоса, въ испытательныхъ комитетахъ п педагогическихъ совѣтахъ гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училищъ, когда въ нихъ

производятся испытанія на знаніе учителей начальныхъ народныхъ училищъ.

§ 49. Училищный совѣтъ непосредственно подчиняется попечителю учебнаго округа.

§ 50. Настоящая инструкция вводится въ дѣйствіе, въ видѣ опыта, на шесть лѣтъ.

8. (27-го января 1879 г.) Положеніе о стипендіи имени графа Дмитрія Андреевича Толстаго, учрежденной при Тульской гимназій.

(утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, послѣдовавшаго въ 28 день октября 1878 г., при Тульской гимназій учреждается стипендія имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Дмитрія Андреевича Толстаго на проценты съ пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ А. И. Торопчаниновымъ капитала въ 600 рублей.

2) Означенный капиталъ, состоящій изъ шести сторублевыхъ облигацій 2-го восточнаго займа, считается на вѣчныя времена неприкосновенною собственностью Тульской гимназій и, находясь въ вѣдѣніи педагогическаго совѣта, хранится въ мѣстномъ казначействѣ.

3) Изъ получаемыхъ педагогическимъ совѣтомъ гимназій процентовъ съ этого капитала, составляющихъ въ годъ тридцать руб., производится выдача стипендіи одному изъ учениковъ гимназій.

4) Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой утверждаетъ одного изъ двухъ избранныхъ на означенную стипендію педагогическимъ совѣтомъ гимназій воспитанниковъ, христіанскаго вѣроисповѣданія, отличающихся благонравіемъ и хорошими успѣхами въ наукахъ, или назначаетъ на оную своего собственнаго кандидата; послѣ же смерти графа Дмитрія Андреевича, право выбора стипендіата переходитъ къ педагогическому совѣту Тульской гимназій.

5) За безуспѣшность въ наукахъ и неодобрительное поведеніе стипендіатъ лишается стипендіи, по опредѣленію того же совѣта гимназій, о чемъ и доносится графу Толстому, вмѣстѣ съ представленіемъ новыхъ кандидатовъ.

6) Стипендіату, оставшемуся на другой годъ въ томъ же классѣ, стипендія можетъ быть сохранена по особо уважительнымъ причинамъ, но только однажды въ теченіе учебнаго курса.

7) Въ случаѣ выбытія стипендіата изъ Тульской гимназій, пере-

хода его въ другое учебное заведеніе, или, наконецъ, лишенія, на основаніи §§ 5 и 6 сего положенія, права на стипендію, производство таковой прекращается, но выданныя уже стипендіату деньги не подлежатъ возврату.

9. (3-го февраля 1879 г.) Правила о преміи Николая Ивановича Пирогова, учрежденной при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра.

(утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Преподаватели учебныхъ заведеній Кіевскаго учебнаго округа, студенты университета Св. Владиміра и частныя лица собрали между собою, по добровольной подпискѣ, капиталъ въ 2,000 р., для выдачи изъ процентовъ сего капитала преміи, въ честь бывшаго попечителя Кіевскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Пирогова, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 27 іюня 1878 г., именуется „преміею Николая Ивановича Пирогова“.

2) Премія эта выдается за одно изъ сочиненій, удостоенныхъ совѣтомъ университета золотой медали.

3) Къ соисканію преміи допускаются студенты всѣхъ факультетовъ, но съ соблюденіемъ установленной между факультетами очереди.

4) Если факультетъ, которому по очереди предоставлено право назначенія преміи Н. И. Пирогова ни за одно изъ сочиненій не присудитъ золотой медали, то премія назначается за сочиненіе, удостоенное медали слѣдующимъ факультетомъ, которому по очереди принадлежитъ право.

5) Премія назначается въ размѣрѣ ста руб. Если изъ остатковъ отъ $\frac{1}{100}$ съ капитала накопится въ теченіе времени сумма, достигающая 100 р., то въ такомъ случаѣ могутъ быть выданы въ одномъ году двѣ преміи, въ размѣрѣ 100 р. каждая, на двухъ факультетахъ, по установленной очереди.

6) Премія Н. И. Пирогова присуждается факультетомъ и выдается съ утвержденія постановленія факультета совѣтомъ.

10. (17-го февраля 1879 г.) Правила о стипендіяхъ генераль-адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

(утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Киргизскія общества Тургайской области пожертвовали капи-

талъ въ тринадцать тысячъ рублей, заключающійся въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа перваго выпуска, на учрежденіе при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ двухъ стипендій для бѣдныхъ студентовъ изъ киргизскихъ дѣтей Тургайской области въ благодарное воспоминаніе о заботахъ и трудахъ на пользу киргизскаго населенія той области оренбургскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго.

2) Пожертвованный капиталъ долженъ оставаться неприкосновеннымъ и храниться въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ; въ случаѣ же выхода билетовъ въ тиражъ, они обмѣниваются на другіе билеты государственныхъ учреждений.

3) На проценты съ имѣющагося въ 13,000 руб. капитала учреждаются при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ двѣ стипендіи.

4) Каждая стипендія въ триста восемнадцать руб. пятьдесятъ коп. въ годъ, со включеніемъ платы за право слушанія лекцій.

5) Право пользованія стипендіями въ университетѣ предоставляется только студентамъ изъ киргизскихъ дѣтей Тургайской области, которые, при предъявленіи права на стипендіи, должны представить надлежащее удостовѣреніе отъ общества Тургайской области въ томъ, что они дѣйствительно принадлежатъ къ обществу этой области.

6) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, 19-го сентября 1878 г., студенты, пользующіеся этими стипендіями, именуется стипендіатами генераль-адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго.

7) Назначеніе стипендіатовъ предоставляется совѣту университета, который руководствуется при этомъ, кромѣ вышеозначенныхъ условий, еще и правилами, утвержденными г. попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа о назначеніи стипендій и пособій студентамъ.

8) По окончаніи курса, они не обязываются никакою службой.

9) Если учреждаемыя двѣ стипендіи для киргизскихъ дѣтей Тургайской области не всѣ будутъ замѣщены, то оставшіеся не выданными проценты присовокупляются къ капиталу и, по усмотрѣнію совѣта университета, впоследствии, могутъ быть выдаваемы окончившимъ въ университетѣ курсъ стипендіатамъ изъ киргизскихъ дѣтей въ пособіе имъ, или на прогоны, въ какомъ размѣрѣ это окажется нужнымъ и возможнымъ.

10) Правленіе университета о назначенныхъ на стипендіи студентахъ, также въ случаѣ лишенія ихъ стипендій, равно и о назначе-

ніи окончившимъ курсъ пособій увѣдомляетъ своевременно г. Оренбургскаго генералъ-губернатора для сообщенія тѣмъ обществамъ Тургайской области, къ которымъ принадлежатъ степендіаты.

11) Если же стипендіатовъ изъ киргизскихъ дѣтей Тургайской области не будетъ вовсе въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, то изъ остающихся процентовъ на капиталъ въ 13,000 рублей учреждается при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ еще одна стипендія имени того-же генералъ-адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго для уроженцевъ оренбургскаго края.

11. (8-го марта 1879 г.) Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ уплаты денегъ за бланки ассигновокъ.

Въ видахъ избѣжанія на будущее время накопленія недоимокъ въ платежахъ, причитающихся экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ за отпускаемые губернскимъ учрежденіемъ бланки ассигновокъ, министерство финансовъ сдѣлало распоряженіе, чтобы заготовляемые означенною экспедиціею бланки ассигновокъ отпускались ею губернскимъ учрежденіемъ не иначе, какъ по полученіи квитанцій главнаго казначейства во взносѣ причитающихся экспедиціи за требуемое количество бланковъ денегъ.

Сообщая о семъ, министерство финансовъ обратилось въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбою сдѣлать распоряженіе, чтобы на будущее время подчиненныя министерству народнаго просвѣщенія учрежденія, вмѣсто уплаты причитающихся за требуемые ими бланки ассигновокъ денегъ посредствомъ губернскихъ и уѣздныхъ казначействъ, деньги сіи высылали непосредственно въ главное казначейство, для зачисленія въ депозиты экспедиціи, согласно § 25 положенія объ оной.

Вслѣдствіе вышеизложеннаго, я имѣю честь, по порученію г. министра народнаго просвѣщенія, покорнѣйше просить ваше превосходительство сдѣлать по сему предмету надлежащее распоряженіе, предложивъ при этомъ всѣмъ подвѣдомственнымъ вамъ учрежденіямъ, чтобы они не иначе обращались въ министерство съ требованіями о высылкѣ къ нимъ бланковъ ассигновокъ, какъ по отсылкѣ ими слѣдующихъ за сказанные бланки денегъ въ главное казначейство, и чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, департаменту сообщено было свѣдѣніе, когда именно таковая отсылка послѣдовала.

12. (10-го марта 1879 г.). Положеніе о стипендіи Имени Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго при Сквирской ремесленной школѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, послѣдовавшаго въ 7 день марта 1879 г. по случаю совершившагося 15 іюня 1877 г. славнаго перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, при Сквирской ремесленной школѣ, устроенной при мѣстномъ двухклассномъ городскомъ училищѣ, учреждается стипендія Имени Его Императорскаго Высочества, бывшаго главнокомандующаго Дунайской арміей, Великаго Князя Николая Николаевича, на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго дворянами Сквирскаго уѣзда, въ тысячу руб. сер.

2) Капитальъ этотъ, по желанію жертвователей и существующимъ законеніямъ, обращенъ въ государственныя процентныя бумаги, которыя должны храниться въ мѣстномъ казначействѣ за печатью предводителя дворянства. Проценты же, получаемые пополугодію, препровождаются штатному смотрителю училища и расходуются на содержаніе стипендіата.

3) Выборъ кандидата на стипендію долженъ производиться педагогическимъ совѣтомъ училища, преимущественно изъ дѣтей убитыхъ воиновъ въ настоящую войну.

4) Стипендіатъ долженъ пользоваться стипендіею до окончанія полнаго курса школы, и можетъ быть лишенъ оной не иначе, какъ вслѣдствіе неуспѣшнаго ученія или за неодобрительное поведеніе.

5) Стипендіатъ въ теченіе каждаго полугодія обязанъ представить въ педагогическій совѣтъ училища собственную работу, избираемую съ одобренія учителя-мастера, который доводитъ до свѣдѣнія педагогическаго совѣта училища, какъ о достоинствѣ означенной работы, такъ и вообще объ успѣшности занятій стипендіата.

6) За пользованіе стипендіею стипендіатъ не подлежитъ никакимъ обязательствамъ.

13. (10-го марта 1879 г.). Правила о стипендіи, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, имени покойнаго князя В. А. Черкаскаго.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ шесть тысячъ руб., пожертво-

ваннаго Московскою городскою думою, учреждена въ Московскомъ университетѣ одна стипендія въ память покойнаго князя В. А. Черкаскаго и въ изъявленіе признательности городскаго общества къ особымъ заслугамъ покойнаго, столь извѣстнаго своею выдающеюся общественною дѣятельностію и трудами на пользу Москвы.

2) Стипендія на основаніи Высочайшаго повелѣнія 10 января 1879 г. именуется „стипендію князя Владиміра Александровича Черкаскаго“.

3) Размѣръ стипендіи триста рублей въ годъ.

4) Стипендія назначается одному изъ недостаточныхъ и отличныхъ по успѣхамъ и поведенію студентовъ, безъ различія факультета.

5) Назначеніе кандидата на стипендію принадлежитъ, пожизненно, вдовѣ покойнаго князя Черкаскаго, а послѣ ея смерти одному изъ славянскихъ благотворительныхъ обществъ по назначенію Московской городской думы.

6) Распорядительница назначеніемъ стипендіи сносится съ ректоромъ университета для полученія свѣдѣній объ успѣхахъ и поведеніи избраннаго ею кандидата на стипендію.

7) При освобожденіи стипендіи, за окончаніемъ курса стипендіатомъ или по другому случаю, сообщается отъ университета книгѣ Черкасской при ея жизни, а послѣ ея смерти тому славянскому благотворительному обществу, которое будетъ указано городскою думою.

8) Стипендіатъ не перешедшій на слѣдующій курсъ лишается стипендіи, а равно и въ томъ случаѣ, если будетъ замѣченъ въ чемъ либо предосудительномъ.

9) Образовавшіеся, по какому бы то ни было случаю, остатки отъ процентовъ съ капитала присоединяются къ капиталу для увеличенія, впослѣдствіи, размѣра стипендіи.

13. (13-го марта 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о стѣнныхъ физическихъ таблицахъ Карла Янскаго.

Издатель составленныхъ преподавателемъ высшей реальной гимназіи въ Богеміи Громадко стѣнныхъ физическихъ таблицъ Карлъ Янскій обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ объ одобреніи этихъ таблицъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства.

Ученый комитетъ, имѣя въ виду отличное исполненіе этихъ таблицъ, нанесеніе на нихъ важныхъ въ методическомъ отношеніи подробностей, служащихъ къ облегченію объясненія физическихъ законовъ, отличный выборъ матеріала для рисунковъ, признаетъ таблицы Янскаго весьма полезнымъ пособіемъ при объясненіи физическихъ явленій и преподаваніи физики воспитанникамъ учительскихъ институтовъ и семинарій, уѣздныхъ и городскихъ училищъ, ученикамъ женскихъ гимназій, а также для класснаго повторенія физики въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

Вслѣдствіе сего и по порученію г. министра покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить начальникамъ названныхъ мужскихъ учебныхъ заведеній и педагогическимъ совѣтамъ женскихъ гимназій учебнаго округа, послѣднимъ, если они по средствамъ своимъ найдутъ возможнымъ, приобрести означенныя таблицы отъ комиссіонеровъ министерства народнаго просвѣщенія Фену и К^о (Невскій пр., домъ Армянской церкви), изъявившихъ готовность снабжать учебныя заведенія министерства таблицами Янскаго, по 4 р. 25 коп. за экземпляръ изъ 12 таблицъ, въ томъ числѣ и расходы по пересылкѣ, и о числѣ выписанныхъ учебными заведеніями экземпляровъ уведомить департаментъ народнаго просвѣщенія, въ возможной скорости.

14. (24-го марта 1879 г.). Циркуляръ попечителямъ учебныхъ округовъ и главнымъ начальникамъ частей, имѣющимъ въ своемъ вѣдомствѣ высшія учебныя заведенія.

Государь Императоръ, въ 20 день сего марта, Высочайше повелѣтъ изволилъ: распространить на воспитанниковъ духовныхъ семинарій православнаго духовнаго вѣдомства общія правила, постановленныя въ законѣ для поступленія въ университеты и другія высшія учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ для лицъ, неокончившихъ курса въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и на семъ основаніи, начиная съ будущаго 1879—1880 учебнаго года прекратить доступъ въ университеты и другія высшія учебныя заведенія воспитанниковъ семинарій, если они не подвергнутся испытанію зрѣлости въ гимназіяхъ или окончательному экзамену въ реальныхъ училищахъ вѣдомства означеннаго министерства (по принадлежности), наравнѣ съ тѣми, кои не окончили курса въ сихъ гимназіяхъ или училищахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было

повелѣтъ сохранить, въ видѣ временной мѣры, право поступления изъ семинарій въ историко-филологическіе институты и въ Ярославскій Демидовскій лицей, предоставивъ министру народнаго просвѣщенія установить тѣ ограниченія, какія онъ признастъ нужными, дабы со временемъ и въ эти заведенія пріемъ изъ семинарій былъ допускаемъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ университеты и прочія учебныя заведенія.

Сверхъ того Высочайше повелѣно принимать, начиная съ будущаго учебнаго года, воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ ветеринарные институты не иначе, какъ по выдержаніи ими, вмѣстѣ съ воспитанниками гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, испытаній, установленныхъ для перехода сихъ воспитанниковъ изъ 6-го въ 7-ой классъ.

III. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

27-го января 1879 года. (№ 1). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Леонтовичъ — деканомъ юридическаго факультета сего университета, на три года, съ 8-го декабря 1878 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Мюлау — деканомъ богословскаго факультета сего университета, на три года, съ 1-го января 1879 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Масловскій — деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, на три года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Тольскій — ординарнымъ профессоромъ сего университета, по занимаемой имъ кафедрѣ акушерствѣ и женскихъ болѣзней, съ 18-го ноября 1878 года.

Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ физики Бобылевъ — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ механики, съ 16-го октября 1878 года.

Инспекторъ Александровской Николаевской гимназій, статскій совѣтникъ Месняевъ — директоромъ Херсонскаго реальнаго училища, съ 1-го декабря 1878 года.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Письменный — почетнымъ попечителемъ Павлоградской прогимназіи, на три года.

Исправляющій должность инспектора училищъ Якутской области статскій совѣтникъ Жуковичъ — директоромъ Якутской прогимназіи.

Исправляющій обязанности инспектора Александровской Керченской гимназіи, учитель сей гимназіи, статскій совѣтникъ Лагоріо — директоромъ Феодосійскаго учительскаго института.

Инспекторъ народныхъ училищъ Пермской губерніи, статскій совѣтникъ Шишонко — директоромъ народныхъ училищъ той же губерніи.

Бухгалтеръ и казначей Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, коллежскій ассесоръ Кедровъ — экономомъ и экзекуторомъ сего института, съ 1-го января 1879 года, съ увольненіемъ отъ должностей бухгалтера и казначея.

Назначаются: магистръ полицейскаго права Тарасовъ — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лицея по кафедрѣ политической экономіи, съ 1-го января 1879 года.

Кандидаты Императорскаго С.-Петербургскаго университета Липинскій и Исаевъ — исправляющими должность доцентовъ Демидовскаго юридическаго лицея, по кафедрамъ: первый — исторіи русскаго права, а второй — политической экономіи, оба съ 1-го января 1879 года.

Исполняющій обязанности инспектора Александровскаго Орловскаго реальнаго училища, учитель сего училища, коллежскій совѣтникъ Богомоловъ — исправляющимъ должность директора Муромскаго реальнаго училища.

Опредѣляется: землевладѣлецъ Псковской губерніи, дворянинъ Вогушевскій — почетнымъ попечителемъ Псковской учительской семинаріи, съ 29-го ноября 1878 года.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: старшій консерваторъ С.-Петербургскаго ботаническаго сада, докторъ ботаники, коллежскій ассесоръ Шмальгаузенъ, съ утвержденіемъ экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго университета св. Владиміра, по кафедрѣ ботаники съ 13-го октября 1878 года.

Перемѣщается: директоръ народныхъ училищъ Пермской губерніи, часть ссн, отд. 1.

бернѣи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чоглоковъ — директоръ народныхъ училищъ Уфимской губерніи.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія: преподаватель Московской первой гимназіи Стаменовъ, съ увольненіемъ отъ настоящей должности и съ откомандированіемъ въ распоряженіе гражданскаго управленія въ Болгаріи, съ 25-го ноября 1878 года.

Причисленный къ IV отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій совѣтникъ Хруцовъ, съ оставленіемъ на службѣ при означенномъ отдѣленіи, и съ командированіемъ, для занятій, въ распоряженіе попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, съ 16 декабря 1878 года.

Оставляются на службѣ: по 15-е іюля 1881 года: директоръ Ровенскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Суцевскій.

На два съ половиною года: директоръ Полтавскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Юшковъ, съ 16-го января 1879 года.

На пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Бекетовъ, съ 10-го августа 1878 года.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Милдингъ, съ 12-го августа 1878 года.

Инспекторъ студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Рогожинъ, съ 6-го сентября 1878 года.

Директоръ Александро-Маріинскаго Саратовскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мерцаловъ, съ 14-го октября 1878 года.

Предсѣдатель Виленской комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Головацкій, съ 13-го декабря 1878 года.

Увольняются въ отставку: Помощникъ попечителя Кіевского учебнаго округа, генераль-майоръ Новиковъ—въ Москву и помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Преображенскій—въ Орловскую губернію, оба на два мѣсяца.

Почетный смотритель Суджапскаго уѣзднаго училища, коллежскій регистраторъ Койленскій и исправляющій должность почетнаго смо-

трителя Рогачевского городского училища Верманъ—за границу, на три мѣсяца; первый по болѣзни.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: окружному инспектору Виленскаго учебнаго округа, коллежскому совѣтнику Попову и директору Виленскаго городского учительскаго института, надворному совѣтнику Крачковскому—за примѣрно-полезную и усердную ихъ службу.

Совѣтнику правленія Императорскаго Московскаго университета, надворному совѣтнику Гоголицу, учителю приготовительнаго класса Рыбницкой прогимназіи, титулярному совѣтнику Бѣляеву, начальницѣ Смоленской Маріинской женской гимназіи Клочковой и преподавательницамъ той же гимназіи Бороздиной, Богословской и Можайской и преподавательницѣ и надзирательницѣ Рыбинской Маріинской женской гимназіи Доброхотовой—за полезную и усердную ихъ службу.

Врачу Ярославскаго городского трехкласснаго училища, статскому совѣтнику Никольскому—за полезную дѣятельность его по званію врача.

Мировымъ посредникамъ Гродненской губерніи: 2-го участка Слонимскаго уѣзда, коллежскому совѣтнику Акинину и 3-го участка Волковыскаго уѣзда, коллежскому секретарю Томашевичу—за полезную ихъ дѣятельность по удовлетворенію потребностей пародныхъ училищъ, находящихся въ предѣлахъ, подвѣдомыхъ имъ участковъ.

Игумену Веркольской обители, Архангельской губерніи, Θεодосію—за пожертвованія его въ пользу Веркольскаго пачальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія.

Землевладѣльцамъ Адриану Устинову и Михаилу Устинову, Прусской подданной Менцель и Бековскому церковно-приходскому попечительству—за пожертвованія ихъ на устройство въ селѣ Бековѣ, Сердобскаго уѣзда, женскаго училища.

Предсѣдателю Сердобскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, землевладѣльцу Сергѣю Устинову, почетному блюстителю Рошценскаго однокласнаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Черниговскаго уѣзда, мѣстному землевладѣльцу Тризни, бывшимъ почетнымъ смотрителямъ двухклассныхъ городскихъ училищъ: Сквирскаго, отставному штабсъ-капитану Александровичу и Каневского, коллежскому секретарю Гудимѣ-Левковичу, врачу Сквирскаго городского училища Финке, смотрителю Черкаскаго двух-

класснаго городскаго училища Поголоцкому и законоучителю сего же училища, священнику Дирдовскому—за усердіе ихъ на пользу народнаго образованія.

Отчисляется отъ министерства народнаго просвѣщенія, согласно прошенію: причисленный къ сему министерству, коллежскій секретарь Яновичъ, съ 20-го января 1879 года.

Увольняются, согласно прошеніямъ: проректоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, ординарный профессоръ сего университета, статскій совѣтникъ Ковалевскій—отъ должности проректора, съ 9-го декабря 1878 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Богдановскій—отъ службы въ этомъ университетѣ.

Директоръ народныхъ училищъ Уфимской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пановъ—отъ службы, съ 1-го января 1879 года, съ дозволеніемъ носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Исправляющій должность доцента Демидовскаго юридическаго лицея Грегоровичъ, директоръ Феодосійскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Шугуровъ и директоръ Херсонскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Федорченко—отъ службы; изъ нихъ Федорченко съ 1-го декабря 1878 года.

Исключается изъ списковъ умершій: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Левестама.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями Ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу подъ заглавіемъ: „Справочная книжка и указатель русскаго правописанія“. Сост. преподаватель 1-го реальнаго училища В. П. Геннингъ. С. Петербургъ 1879 г. Цѣна 1 р. 25 коп.—одобрить въ видѣ учебнаго пособия для гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Географія Россіи. Курсъ низшихъ учебныхъ заведе-

ній, преимущественно уѣздныхъ и начальныхъ училищъ. Сост. П. Малининъ. Москва 1879 г. цѣна 1 р. допустить въ основныя библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ, а также и двуклассныхъ училищъ, собственно въ виду рисунковъ ея, изъ которыхъ лучшими иногда преподаватели могутъ воспользоваться.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Краткая просодія и элементарныя свѣдѣнія изъ метрики латинскаго языка, именно: о латинскомъ стихѣ вообще, о составѣ, раздѣленіи на стопы и чтеніи Федорова ямба, гекзаметра и пентаметра, съ разборомъ ихъ образцовъ, и о размѣрахъ Горациа, съ приближеніемъ указателя. Сост. протоіерей Николай Кувшинскій. Изд. 2-е исправленное и дополненное. Вятка 1878 г. Цѣна 30 коп.—внести въ списокъ одобренныхъ для гимназій и прогимназій Министерства народнаго просвѣщенія по латинскому языку, учебныхъ пособій.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Учебникъ по словесности. I. Стилстика. II. Теорія прозы. III. Теорія поэзіи. Андрея Филонова. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е. С.-Петербургъ 1879 г. Цѣна 1 руб.—одобрить какъ учебное пособіе при изученіи словесности въ гимназіяхъ.

— Изданныя обществомъ распространенія полезныхъ книгъ брошюры: 1) „Соломонія. Повѣсть изъ русской старины (1525 годъ) Е. Обуховой. Москва 1875 года. Цѣна 40 к., 2) Гуттенбергъ, первый изобрѣтатель книгопечатанія. Москва 1877 г. Цѣна 15 коп. 3) „Георгъ Стифенсонъ, изобрѣтатель паровозовъ. Москва 1877 г. Цѣна 15 к. 4) Правдивый Петья. Изд. 2-е. Москва 1877 г. Цѣна 1 коп.—допустить: первую въ библіотеки учебныхъ заведеній Министерства народнаго просвѣщенія, а послѣднія три — въ библіотеки городскихъ и сельскихъ училищъ.

— Книгу: „Сборникъ стихотвореній для приготовительнаго и низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Изд. А. Г. Сыркино. Вильна 1878 г.“ — допустить въ низшихъ классахъ гимназій, какъ „дополненіе къ существующимъ хрестоматіямъ, въ которыя еще не вошли поименованныя въ учебныхъ планахъ министерства стихотворенія.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Исторія Болгаръ. Соч. профессора Пражскаго университета доктора Конс. Юс. Иречка. Переводъ Ф. К. Бруна и В. Н. Палаузова. Одесса. 1878 г.“ — признать годною для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Русское слово. Практическое руководство къ изученію русскаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Прибалтійскаго края. Сост. Е. Ковинъ. (Praktischer Leitfaden zum Erlernen der Russischen Sprache). Либава 1876 г. Цѣна 1 р. 20 к. — одобрить въ видѣ учебнаго руководства для учебныхъ заведеній Прибалтійскаго края и вообще для тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ обучаются лица нѣмецкаго происхожденія.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Греческо-русскій словарь, составленный А. Д. Вейсманомъ, экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-Филологическаго института. С.-Петербургъ 1879 г.“ — признать заслуживающею рекомендаціи какъ учебное пособие по греческому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги подъ заглавіями: 1) „Русская хрестоматія. Т. II. Изд. 17-е. Сост. А. Галаховъ. С.-Петербургъ 1879 г.“ — одобрить какъ учебное пособие для мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ и городскихъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ“. 2) „Родипа. Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ 3 частяхъ. Сост. А. Радонежскій. Изд. 6-е. С.-Петербургъ. 1879 г. Цѣна 75 к.“ — одобрить для класснаго чтенія и упражненій въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи въ подготовительномъ и первыхъ трехъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ городскихъ и народныхъ училищахъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ по Вёкелю, Шниццу и др. Сост. А. Дмитриевъ. Примѣнено къ курсу гимназій и реальныхъ училищъ. Кн. II. Стереометрія. Съ приложеніемъ задачъ на максимумъ и минимумъ, а также геометрическихъ темъ для окончательныхъ испытаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ таблицею чертежей. С.-Петербургъ 1879 г.“ — одобрить какъ весьма полезное пособие для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Исторія христіанской церкви, общедоступно изложенная. Выпуски 1 и 2. Сост. священникъ магистръ Пав. Образцовъ. Гатчино 1877 г.“ — допустить, согласно съ заключеніемъ учебнаго комитета, въ число учебныхъ пособій для старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Chrestomathie Française pour les clas-

ses moyennes et les classes superieures des établissements d'éducation avec dictionnaire, introductions litteraires, notices biographiques, notes explicatives et exercices par V. Jaclard-Corvin, professeur de langue et de litterature françaises. Tome I — prose; tome II — poésie. St.-Petersbourg 1878. Цѣна I-го тома — 1 р., цѣна II-го т. 1 р. 35 к., за оба тома вмѣстѣ 2 руб. — допустить къ употребленію въ качествѣ пособія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: — составленную В. Ястребовымъ книгу: „Воспитаніе Петра Великаго“. Разсказъ для дѣтей. Елисаветградъ 1879 г. ц. 15 к. — допустить въ бібліотеки всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Составлены Н. Рязанскимъ брошюры: 1) „Первые уроки грамоты и письма“. Изд. 5-е. М. 1879 г. ц. 7 к. и 2) „Поставленіе къ тому, какъ давать первые уроки грамоты и письма“. Изд. 5-е. М. 1879 г. ц. 20 к. — одобрить и пятое изданіе названныхъ брошюръ.

— Изданныя Московскимъ обществомъ распространенія полезныхъ книгъ брошюры: 1) „Петруша Лабуле“. Переводъ съ французскаго. Изд. 2-е. М. 1878 г. ц. 15 к. и 2) „Робертъ Фультонъ“, изобрѣтатель пароходовъ. Изд. 2-е. М. 1879 г. ц. 15 к. — допустить въ бібліотеки народныхъ училищъ.

— Составленную народнымъ учителемъ П. Вересовымъ книгу: „Подарокъ. Стихотворенія для дѣтей и бесѣды съ дѣтьми“. С.-Петербургъ 1879 г. — одобрить для употребленія въ начальныхъ школахъ.

— Составленную С. Миропольскимъ книгу: „Методика обученія письму въ народной школѣ“. Практическое руководство для учительскихъ семинарій, учителей, учительницъ народныхъ школъ и руководителей педагогическими курсами. Изд. 3-е С.-П.-б. 1878 г. ц. 75 к., одобрить и въ третьемъ ея изданіи.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшимъ докладамъ его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, въ 10 день января 1879 г. Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ:

1) Повгородскаго реальнаго училища—портрета бывшаго помощника попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кирилла Петровича Яновскаго.

2) Сарапульскаго реальнаго училища—портретовъ министра народнаго просвѣщенія и попечителя Казанскаго учебнаго округа тайнаго совѣтника Шестакова.

3) Елабужскаго реальнаго училища—портретовъ министра народнаго просвѣщенія, попечителя Казанскаго учебнаго округа тайнаго совѣтника Шестакова и почетнаго гражданина 1-й гильдіи купца Ивана Ивановича Стахѣва.

4) Самарской гимназіи—портретовъ министра народнаго просвѣщенія и попечителя Казанскаго учебнаго округа тайнаго совѣтника Шестакова.

и 5) Уфимской гимназіи—портретовъ министра народнаго просвѣщенія и попечителя Оренбургскаго учебнаго округа тайнаго совѣтника Лавровскаго.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 7 день марта сего года Всемилостивѣйше соизволилъ на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія, въ случаѣ невозможности прійскать на открывающіяся вакансіи преподавателей наукъ въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ Сибири, кандидатовъ удовлетворяющихъ требованіямъ уставовъ, замѣщать эти вакансіи лицами, имѣющими и высшій образовательный цензъ, но извѣстныхъ министерству по своимъ педагогическимъ способностямъ, съ тѣмъ однако-жь, чтобы въ преподаватели наукъ назначаемы были лица, по крайней мѣрѣ прошедшія гимназическій курсъ, а въ преподаватели новыхъ языковъ—пріобрѣвшія званіе домашнихъ учителей сихъ предметовъ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, въ 7 день марта сего года Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ

Симбирской гимназіи портрета директора оной дѣйствительнаго статскаго совѣтника Вишневецкаго.

— Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, въ 9 день сего марта, существующій нынѣ порядокъ выдачи евреямъ свидѣтельствъ на званіе меламда, продолженный по 3 мая 1879 года, продлить, безъ означенія особаго срока, а впредь до окончательнаго разсмотрѣнія дѣла въ государственномъ совѣтѣ и изданія новаго закона объ евреяхъ, занимающихся преподаваніемъ еврейскаго вѣроученія.

АДРЕСЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

С.-Петербургскаго университета.

Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйшій Государь! Тринадцать лѣтъ назадъ преступная рука постигла на драгоценную для Россіи жизнь Вашего Величества. Всѣ слои русскаго общества громко и единодушно выразили тогда непоколебимую, унаслѣдованную отъ предковъ, преданность къ священной Особѣ Вашей. Опирались на любовь призваннаго къ новой жизни народа; Вы, Государь, продолжали благія преобразованія, ознаменовавшія и прославившія Ваше царствованіе. Ваше Величество имѣли утѣшеніе познать, во время послѣдней войны, всю силу и всю глубину преданности русскаго народа. Какъ потрясающее исключеніе изъ общаго строя русской жизни, явилось нынѣ преступное событіе, повергнувшее въ глубокое горе всю русскую землю, весь русскій народъ. Внимая его молитвамъ, Провидѣніе сохранило драгоценную жизнь Вашу. Какъ кость отъ костей русскаго народа, мы представители науки благословляемъ Провидѣніе за спасеніе Ваше, видя въ немъ залогъ новыхъ благъ для нашего дорогаго отечества.

С.-Петербургской 3-й гимназіи.

— Страшная вѣсть, потрясла всю столицу, всю Россію, всю Европу, вѣсть о гнусномъ покушеніи на священную особу Нашего Царя освободителя, 2 апрѣля сего года, отозвалась и въ стѣнахъ

3-й С.-Петербургской гимназіи съ ужасомъ и съ омерзениемъ, чувствами, овладѣвающими сердцемъ каждаго христіанина въ виду совершившагося святотатства и тѣмъ болѣе, что, судя по подтверждающемуся все болѣе слуху, злодѣйская рука, поднявшаяся на Отца, Государя Нашего, принадлежитъ человѣку, который между ея питомцами, хотъ и 14 лѣтъ тому назадъ, получивъ, благодаря щедротамъ Августѣйшихъ лицъ, предварительное воспитаніе, запятналъ и осквернилъ лѣтонисъ заведенія, его пріютившаго и доставившаго ему возможность приносить пользу отечеству своему. 3-я С.-Петербургская гимназія проситъ довести до Высочайшаго свѣдѣнія, что она, торжественно отрекаясь отъ питомца-изверга, никогда не перестанетъ возсылать ко Всевышнему самыя теплыя молитвы, чтобы Онъ мощною десницею сохранилъ драгоцѣнную жизнь помазаннаго своего, въ лицѣ котораго всѣ вѣрнопопдаанные видятъ своего отца и благодѣтеля, но она и не перестанетъ приносить молитвы Господу Богу о томъ, чтобы Онъ благословилъ впредь ея дѣятельность и охранялъ ея питомцевъ отъ искушеній духа времени, который подрадывается къ нимъ со всѣхъ сторонъ внѣ стѣнъ заведенія.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 7 день текущаго апрѣля, высочайше соизволилъ на постановку портрета бывшаго предводителя дворянства Лихвинскаго уѣзда, Калужской губерніи, Кирѣевскаго въ одномъ изъ начальныхъ народныхъ училищъ названнаго уѣзда, содержащихся земствомъ, по избранію сямъ послѣднимъ для этого училища.

— Вслѣдствіе донесенія г. попечителя Казанскаго учебнаго округа о пожертвованіи симбирскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ 3,530 р. на устройство параллельныхъ классовъ при Симбирской гимназіи, съ обязательствомъ продолжать взносы на тотъ же предметъ и въ послѣдующіе годы, если встрѣтится въ томъ надобность, его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія изволилъ поручить г. попечителю Казанскаго учебнаго округа передать Симбирскому губернскому земскому собранію, чрезъ предсѣдателя губернской земской управы, искреннюю благодарность министерства за столь просвѣщенную заботливость земства о преуспѣяніи губернской гимназіи.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ открыть съ 1-го іюля текущаго года, Тюменское реальное училище въ составѣ первыхъ двухъ классовъ, съ отнесеніемъ всѣхъ потребныхъ для сего расходовъ на средства мѣстнаго городского общества

съ тѣмъ однакожь, чтобы отпускъ изъ государственнаго казначейства суммы на содержаніе помянутаго училища начался согласно высочайше утвержденному 25 апрѣля 1878 г. мнѣнію государственнаго совѣта, лишь по окончаніи постройки дома для означеннаго училища.

Объявленіе отъ департамента народнаго просвѣщенія.

На основаніи § 4 высочайше утвержденнаго въ 9 день февраля 1879 года Положенія о преміи графа Сперанскаго (№ 33 собранія узаконеній и распоряженій правительства) присужденіе наградъ его имени предоставляется юридическимъ факультетамъ всѣхъ российскихъ университетовъ, съ соблюденіемъ между ними очереди, установленной по соображеніямъ министерства народнаго просвѣщенія и своевременно опубликованной.

На семъ основаніи министръ народнаго просвѣщенія предоставилъ присужденіе въ первый разъ преміи графа Сперанскаго, 1-го января 1880 года, юридическому факультету С.-Петербургскаго университета.

ВЗГЛЯДЪ МИТРОПОЛИТА ДАНИЛА НА ОТНОШЕНІЕ КЪ ЕРЕТИКАМЪ.

Вопросъ объ отношеніи къ еретикамъ сильно занималъ собою все мыслящее русское общество конца XV и первой половины XVI вѣка. Сущность вопроса объ отношеніи къ еретикамъ сосредоточивается на признаніи или непризнаніи законности употребленія противъ нихъ строгихъ и жестокихъ мѣръ наказанія, не исключая и смертной казни. Возбужденіе вопроса о еретикахъ до такой степени, что его обсуждали всѣ мыслящіе члены русскаго общества, тѣсно связано съ появленіемъ и необыкновеннымъ распространеніемъ ереси жидовствующихъ, въ примѣненіи къ которымъ онъ въ первый разъ выдвинутъ былъ и сдѣлался затѣмъ предметомъ общественнаго интереса. Сторона ревнителей православія поставлена была въ необходимость защищать свои убѣжденія противъ увлеченій быстро распространявшимся еретичествомъ. Но средствъ противодѣйствія въ распоряженіи православныхъ было мало. Нравственныя мѣры не дѣйствовали, богословскія состязанія оканчивались или ничѣмъ, или чѣмъ еще хуже, пораженіемъ православныхъ, и это тѣмъ болѣе, что жидовствующіе часто превосходили ихъ и своею начитанностью, и ловкостью въ діалектикѣ. Православію грозила серьезная опасность. Ересь быстро охватывала всѣ слои русскаго общества, въ средѣ ея насчитывалось множество духовныхъ лицъ, бояръ; ересь, наконецъ, проникла и въ великокняжескій дворъ. Еще опаснѣе здѣсь было то, что къ ереси присоединялись чаще всего люди просвѣщенные. Положеніе православія становилось все хуже и хуже. По мѣрѣ распространенія и

возрастанія ереси, послѣдователи ея, сознавая свою внутреннюю силу, не хотѣли болѣе стѣсняться въ отношеніи къ православнымъ. Ихъ неуваженіе къ православной церкви выразалось въ самыхъ грубыхъ и неспозволительныхъ формахъ. Еретики придумывали самые разнообразные способы оскверненія предметовъ, священныхъ для каждаго православнаго: спали, напримѣръ, на иконахъ, обливали ихъ нечистотами, мылись на нихъ и под. ¹⁾.

Первый, поднявшій голосъ противъ еретиковъ, былъ Геннадій, архіепископъ Новгородскій, въ епархіи котораго впервые появилась и самая ересь. Онъ же былъ первымъ, указавшимъ и на средство для уничтоженія еретиковъ; средство это было беспощадное преслѣдованіе ихъ и примѣненіе къ нимъ смертной казни ²⁾. На голосъ Геннадія отозвался Іосифъ, игумень Волоколамскаго монастыря, который и сталъ во главѣ ополченія противъ ереси и ея сторонниковъ. Съ именемъ собственно Іосифа и связана главнымъ образомъ судьба вопроса объ еретикахъ. Іосифъ развилъ и догматически освятить (по крайней мѣрѣ старался освятить) то, на что указалъ Геннадій, какъ на единственное средство спасти православіе. Въ послабленіи еретикамъ Геннадій видѣлъ опасность для православія и въ предупрежденіе ея предлагалъ слишкомъ суровыя мѣры воздѣйствія на еретиковъ, нисколько въ то же время не оправдывая себя и не доказывая законности ихъ доводами Священнаго Писанія и другими аргументами. Іосифъ пошелъ дальше. Онъ хотѣлъ преслѣдованію еретиковъ дать видъ строгой законности и началъ прочувствованную, горячую проповѣдь въ защиту казней, которыя должны были непремѣнно обрушиваться на головы еретиковъ жидовствующихъ. Проповѣдь Іосифа такъ настойчива и въ то же время на столько проникнута духомъ нетерпимости по отношенію къ еретикамъ, что она, по словамъ одного изслѣдователя о его сочиненіяхъ, много напоминаетъ собою французскаго монаха, писавшаго въ началѣ XIII вѣка противъ

¹⁾ Подробности см. въ сказаніи о новоявленной ереси и въ 15-мъ и 16-мъ словахъ Просвѣтителя Іосифа Волоцкаго.

²⁾ Съ этой стороны дѣятельность архіепископа Геннадія разсмотрѣна у г. *Хрущева* въ Изслѣдованіи о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго, стран. 108—123⁴ въ отдѣльной статьѣ подъ заглавіемъ «Геннадій, архіепископъ Новгородскій», напечатанной въ *Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія* за 1875 годъ мѣсяць май; у г. *Костомарова* см. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Первый отдѣлъ—выпускъ второй. С.-Иб. 1874 года. Статья: Новгородскій архіепископъ Геннадій, стран. 311—339.

альбигойцевъ ¹⁾. Здѣсь-то, въ проповѣди Іосифа, и лежитъ начало того умственнаго возбужденія русскаго общества къ еретическому вопросу, которымъ характеризуется конецъ XV и начало XVI вѣка.

Нельзя сказать, чтобъ Іосифъ Волоцкій съ Геннадіемъ были въ полномъ смыслѣ слова первыми нововводителями и проповѣдниками казни еретиковъ. Какъ отдѣльные факты, казни еретиковъ совершались и несравненно раньше Іосифа и Геннадія. Такъ, въ 1375 году въ Новгородѣ сброшенъ былъ съ моста въ Волховъ стригольникъ Карпъ съ двумя своими товарищами. Но то были лишь случайныя явленія въ русской жизни, гдѣ ревность по вѣрѣ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ обстоятельствахъ переходила за предѣлы умѣренности и выражалась въ убійствѣ лжеучителей. Но весьма замѣчательная черта русскаго челоука: вскорѣ послѣ гибели еретика Карпа слышались сожалѣнія о немъ ²⁾. Въ нихъ сказалось всегда присутствующее Русскому народу чувство терпимости къ лицамъ другихъ убѣжденій. По этому-то и можно сказать, что проповѣдь Іосифа, его крайняя нетерпимость къ еретикамъ была новостью для русскаго общества. Стремленіе Іосифа Волоцкаго возвести казнь еретиковъ въ догму и распространить ее на всѣхъ еретиковъ озадачило своею рѣшительностію и главными своими послѣдствіями многіе русскіе умы. И дѣйствительно, вскорѣ явились противники воззрѣній Волоцкаго въ лицѣ Нила Сорскаго и иноковъ, воспитавшихся на его началахъ и принципахъ. Открылась сильная и продолжительная борьба, которая сопровождалась жаркою литературною полемикою, какъ между самими представителями противоположныхъ направленій, такъ и между учениками и продолжателями ихъ. Мы избрали предметомъ настоящей статьи одну личность, принимавшую участіе въ литературномъ обсужденіи еретическаго вопроса, именно личность митрополита Данила. Онъ былъ воспитанникомъ Іосифа Волоцкаго и съ малолѣтства жилъ въ его Волоколамскомъ монастырѣ, а въ годъ смерти Іосифа (1515 г.), по избранію братіи и по благословенію ея престарѣлаго начальника, занялъ мѣсто игумена того же монастыря. Послѣ семилѣтняго игуменства, именно въ 1522 году, по волѣ великаго князя, Данилъ сдѣланъ былъ митрополитомъ Московскимъ, и состоялъ въ этомъ санѣ до 1539 года, когда лишеппій митрополіи, умеръ въ

¹⁾ Хрущевъ, Исслѣдованіе о вочиненіяхъ Іосифа Санина, во вступленіи стр. VII.

²⁾ Филаретъ Черниговскій, Исторія русской церкви. Періодъ второй—могильскій. М. 1848 года, стран. 68.

своемъ Волоколамскомъ монастырѣ, котораго нѣкогда былъ игуменомъ. Знакомство съ личностью митрополита Даниила имѣетъ немаловажное въ историческомъ отношеніи значеніе. Изученіе его, какъ человѣка, вполне воспитавшагося на началахъ и воззрѣніяхъ Іосифа Волоцкаго и затѣмъ проводившаго ихъ въ своей собственной дѣятельности, открываетъ историку возможность прослѣдить дальнѣйшую судьбу — распространеніе и видоизмѣненіе идей Іосифа Волоцкаго уже послѣ его самого, у его учениковъ и продолжателей. Задачею настоящей статьи мы поставили себѣ обстоятельно изложить взглядъ митрополита Даниила на еретиковъ и на положеніе и отношеніе къ нимъ общества, какъ этотъ взглядъ высказанъ имъ въ его сочиненіяхъ. Избранный нами предметъ имѣетъ несомнѣнно важный интересъ, тѣмъ болѣе, что личность митрополита Даниила, какъ литературнаго дѣятеля, вообще весьма мало обследованная въ нашей литературѣ, по вопросу объ еретикахъ, кажется, всего менѣе извѣстна ученому міру.

Для того чтобъ отгнѣнить собственныя воззрѣнія митрополита Даниила на еретическій вопросъ и въ то же время опредѣлить степень ихъ зависимости отъ воззрѣній на этотъ предметъ Іосифа Волоцкаго, необходимо изложить характерныя особенности воззрѣній этого послѣдняго. Іосифъ Волоцкій съ неумолимою строгостью относился къ еретикамъ. Хотя у него и есть различіе между еретикомъ въ собственномъ смыслѣ и отступникомъ по степени ихъ виновности ¹⁾, хотя онъ теоретически и допускаетъ возможность спокойнаго существованія еретиковъ на ряду съ православными въ томъ случаѣ, если еретики и псевдѣры никому не приносятъ вреда и не пропагандируютъ между православными своего ученія ²⁾, по это только въ теоріи. Въ дѣйствительности же онъ исключалъ всѣхъ жидовствующихъ изъ ряда такихъ еретиковъ, которые могли бъ имѣть какое-либо право на списхожденіе и свободное проживаніе съ православными. Жидовствующіе на столько представляли опасность для православія, ихъ непримиримая вражда къ православнымъ такъ была сильна и проявлялась такимъ грубымъ образомъ, и главное, жидовство такъ быстро распространялось, что для прекращенія его необходимы были репрессивныя мѣры. Оставить ихъ въ покоѣ было невозможно. „Ниже

¹⁾ Рукоп. Имп. Публ. библ. Г, 1, № 229, изъ собранія гр. Толстаго, отд. 1, № 299, л. 336—337; Просвѣтитель, стр. 563—569.

²⁾ Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго, стр. 532—534.

въ древнія роды, ниже въ среднія, ниже въ послѣдняя таковыи сквернителіе, или еретицы, или отступницы не бяху¹⁾, такъ характеризуетъ Іосифъ жидовствующихъ, которые, по его словамъ²⁾, „суть злѣйшии всѣхъ еретиковъ и отступниковъ“. Если таковы, по своему существу, настоящіе еретики, то въ примѣненіи къ нимъ не приложими никакія мѣры кротости и снисхожденія. Для того чтобъ уничтожить еретическое зло жидовствующихъ, существуетъ одно средство, это — заточеніе и смертная казнь еретиковъ. „Невозможно есть“, говоритъ Іосифъ по этому поводу, — „ниѣмъ чимъ никакоже искоренитися еретикомъ и отступникомъ“³⁾; „нынѣ, государь“, пишетъ онъ въ посланіи къ великому князю Василю Іоанновичу, — „ничимъ тое бѣды утолити (рѣчь идетъ о распространеніи еретичества) развѣ тебя, государя“⁴⁾. И вотъ дѣйствительно начала раздаваться проповѣдь Іосифа, которая вси направлена была къ тому, чтобъ убѣдить всѣхъ, начиная съ великаго князя и митрополита, въ необходимости преслѣдованія еретиковъ, и въ которой вмѣстѣ съ требованіемъ казни для нихъ, съ самою крайнею настойчивостію доказывалась примѣрами и изреченіями изъ священнаго писанія и древней исторіи церкви законность и необходимость самой казни „и конечной гибели“ еретиковъ⁵⁾. Положимъ, Іосифъ еще указываетъ средство воздѣйствія на еретиковъ и искорененія ихъ, средство гуманное и вполне христіанское: это — горячая „со слезами и съ сокрушеніемъ сердца“⁶⁾ молитва объ обращеніи къ истинѣ заблудшихъ; по мысль о ней высказана имъ какъ будто мимоходомъ, и въ сопоставленіи съ другими его мыслями, это новое средство воздѣйствія на еретиковъ является не столько молитвой, обращенною къ Богу о возвращеніи къ истинному пути самихъ заблуждающихся, сколько молитвой, освящающею собою болѣе радикальнныя дѣйствія православныхъ противъ еретиковъ, дѣйствія, послѣдствія которыхъ оказывались слишкомъ тягостными для

¹⁾ Рукоп. Имп. Публ. библ. F, 1, № 229, л. 339.

²⁾ Просвѣтитель, слово 15-е, стр. 569.

³⁾ Просвѣтитель, стр. 593—594.

⁴⁾ Рукоп. Имп. Публ. библ. Q. XVII, № 64, изъ собранія гр. Толстаго, отд. 11, № 68, л. 202—204.

⁵⁾ Просвѣтитель, стр. 593—597, 588, 526, 518—550; рукоп. Имп. Публ. библ. F, 1, № 229, л. 333—345; рукоп. Имп. Публ. библ. Q. XVII, № 64, л. 202—204.

⁶⁾ Просвѣтитель, стр. 582.

нихъ и нерѣдко оканчивались ссылкой ихъ, а иногда и лишеніемъ жизни.

Іосифъ строгъ и неумолимъ и къ такимъ еретикамъ, которые изъявляли раскаяніе. Исторія ереси жидовствующихъ такъ сложилась, что дѣйствительно бросала тѣнь на искренность и чистосердечность раскаянія еретиковъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ никто изъ еретиковъ и не думалъ приносить раскаянія. И только тогда уже, когда обстоятельства измѣнились для нихъ въ худую сторону, когда противъ нихъ пущены были въ ходъ строгія наказанія—ссылки, заточенія, тогда только изъ среды еретиковъ стали выдѣляться личности, которыя искали снова союза съ православною церковію. Не требовалось много соображенія, чтобы понять дѣйствительную причину подобныхъ неожиданныхъ обращеній. Іосифъ Волоцкій такъ и понималъ и истолковалъ себѣ новый образъ дѣйствій еретиковъ и еще болѣе вооружился противъ ихъ коварства и лицемернаго покаянія. „Нынѣ явльшенся отступниці“, говоритъ строгій ревнитель православія,—„и такова и толика злая и тяжкая согрѣшенія содѣлаша, якоже никтоже подѣ небесемъ содѣла никогдаже, и никогдаже покаянсая, но егда обличени быша и осужени на смерть, тогда каются... а преже сего каясая ни единою“¹⁾. Выходя изъ такого взгляда на покаяніе еретиковъ, Іосифъ совершенно не хотѣлъ вѣрить истинности ихъ раскаянія. Въ ихъ раскаяніи онъ видѣлъ не болѣе какъ удобное средство сохранить свою жизнь и общественное положеніе, не отказываясь въ то же время отъ тайнаго сохраненія своего еретическаго ученія²⁾. Жидовствующіе совершенно исключались имъ изъ ряда такихъ еретиковъ, къ которымъ иногда примѣнялись болѣе кроткія и снисходительныя мѣры исправленія, особенно, когда они заявляли о своемъ раскаяніи. Какъ невольное вынужденное опасностію потерять жизнь раскаяніе жидовствующихъ, по словамъ Іосифа, непріятно Богу³⁾, а потому оно не должно быть принимаемо во вниманіе и не должно избавлять еретиковъ отъ строгихъ мѣръ преслѣдованія и наказанія. Даже въ томъ случаѣ, еслибы какой-нибудь еретикъ захотѣлъ принести искреннее и чистосердечное раскаяніе, то онъ могъ это сдѣлать во всякое время и вездѣ, какъ бы ни были стѣснительны

¹⁾ Просвѣтитель, стр. 586—587.

²⁾ Просвѣтитель, стр. 581—606.

³⁾ Просвѣтитель, стр. 581, 590; рукоп. Имп. Публ. библ. F, 1, № 229, л. 343.

его внѣшнія обстоятельства; раскаяніе его никакъ не должно избавлять его отъ заключенія. „Аще ли же кто восхоцетъ покаятися“, говоритъ Іосифъ, — „мощно есть и въ темницы каятися, въ скорбѣхъ бо и въ бѣдахъ паче слышитъ Богъ кающихся“ ¹⁾. Такимъ образомъ, еретиковъ не могло избавить отъ строгихъ наказаній и преслѣдованій и самое раскаяніе ихъ: къ нему относились подозрительно и мало довѣряли ему.

Наказанія, каковымъ должны подвергаться за свое нечестивое ученіе еретики, по воззрѣніямъ Іосифа, составляютъ право гражданской власти. Представители церкви должны отрывать, разыскивать еретиковъ и доводить о нихъ до свѣдѣнія князя, которому и принадлежитъ роль исполнителя казни надъ ними. Іосифъ, въ своихъ писаніяхъ противъ ереси, постоянно приписываетъ церкви только ту роль, которая проявлялась въ розыскѣ и осужденіи еретиковъ, а не самой казни ихъ, которая производилась уже гражданской властію ²⁾. Здѣсь, такимъ образомъ, по замѣчательному выраженію Карамзина, „соблюдена та пристойность“ ³⁾, что еретиковъ осуждали по гражданскому закону и наказывали свѣтскія власти, какъ обыкновенныхъ преступниковъ. Во взглядѣ Іосифа еретики дѣйствительно представлялись сходными съ обыкновенными преступниками—ворами и разбойниками, но только превосходящими ихъ своею виновностью ⁴⁾. Поэтому-то среди разсужденій о необходимости казней для еретиковъ онъ вводитъ еще особое разсужденіе, излагающее обязанности царей, князей и судей земскихъ, которые всѣ должны карать одинаково и злодѣевъ, и что главнѣе всего, быть „отмстители Христу на еретики“ ⁵⁾. Въ своемъ смѣшеніи и отождествленіи понятій еретика и обыкновеннаго преступника Іосифъ идетъ еще далѣе; оно у него простирается до того, что самое распространеніе и развитіе какого бы то ни было еретичества онъ разсматриваетъ какъ одну изъ главныхъ причинъ паденія и гибели всякаго государства. „Аще ты, государь“, пишетъ Іосифъ къ Василю Іоанновичу, — „не потщиси о сихъ и не утолиши скверныхъ еретикъ темное ихъ еретическое ученіе, ино, государь, погибнути

¹⁾ Просвѣтитель, стр. 591 ср. рукоп. Имп. Публ. библ. Q. XVII, № 64, л. 205.

²⁾ Просвѣтитель, слово 13-е, стр. 526—555.

³⁾ Исторія государства Россійскаго, изданіе 1817 года, томъ VI, стр. 312.

⁴⁾ Просвѣтитель, стр. 536, 539—540, 586, 588, 601—602.

⁵⁾ Просвѣтитель, стр. 540.

всему православному хрестыянству отъ еретическихъ ученій, яко же и прежи многа царства погибоша симъ образомъ¹⁾.

Въ казняхъ, въ заключеніяхъ по тюрьмамъ и ссылкахъ, то-есть, вообще въ тѣхъ мѣрахъ, какія свѣтская власть употребляла въ отношеніи къ еретикамъ, Іосифъ видѣлъ „ревность по православной вѣрѣ хрестыянстей и любовь къ Господу Богу и Пречистой Богородици“²⁾, ревность, проявленіе которой не составляло, по его взгляду, чего-либо односторонняго и противнаго духу евангельскаго ученія: напротивъ того, въ ревности этой какъ бы проявляется внушеніе свыше. И потому-то Іосифъ говоритъ о великомъ князѣ Василю Іоанновичѣ, что онъ, „Святымъ Духомъ подвижимъ, учинилъ, то-есть, казнилъ еретиковъ“³⁾. Самые розыски еретиковъ, ихъ ссылки и казни въ глазахъ Іосифа имѣли до нѣкоторой степени искупительное значеніе для лицъ, которыми они производятся. „Государь“, убѣждалъ строгій поборникъ православія Іоанна Васильевича (III),—„только ся подвижнешъ о нынѣшнихъ еретикахъ, ино и въ прежнихъ (то-есть, въ снисхожденіи къ прежнимъ еретикамъ) тебя Богъ проститъ“⁴⁾.

Обязанность наказывать еретиковъ всецѣло лежитъ на свѣтской, гражданской власти; лицамъ духовнымъ и вообще церкви принадлежатъ здѣсь иная роль. Представители церкви должны всѣми способами разыскивать (inquire) еретиковъ, испытывать ихъ и вымогать отъ нихъ признанія въ ереси и обнаруженія ея сообщниковъ. Впрочемъ, роль отыскивать еретиковъ принадлежитъ не одной только церкви, въ смыслѣ членовъ іерархіи,—се долженъ раздѣлять всякій вѣрующій и истинный сынъ православія. Такимъ образомъ, въ разыскиваніи и преслѣдованіи еретиковъ должны принимать участіе всѣ члены общества, каждый соотвѣтственно занимаемому имъ въ обществѣ положенію и связаннымъ съ нимъ общественнымъ правамъ. Здѣсь Іосифъ предлагаетъ нѣкоторыя частныя наставленія и совѣты православнымъ. Прежде всего, онъ запрещаетъ имѣть православнымъ какое-либо общеніе съ еретиками: между тѣми и другими не можетъ быть никакой дружбы, ни любви, ни даже внѣшняго общенія въ ядѣни

¹⁾ Рукоп. Имп. Публ. библ. Q. XVII, № 64, л. 202 — 204; ср. Просвѣтитель, стр. 598—599.

²⁾ Рукоп. Импер. пуб. биб. Q. XVII, № 64, л. 204.

³⁾ Рукоп. Имп. пуб. биб. Q. XVII, № 64, г. 294.

⁴⁾ Хрущевъ, Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосіа Славна, стр. 181.

и питьѣ ¹⁾). Въ отношеніи къ еретикамъ непозволительно питать никакого чувства сожалѣнія, когда ихъ постигаетъ вполнѣ заслуженная ими и достойная ихъ кара за ихъ лжеученія ²⁾). Общій характеръ отношеній къ еретикамъ возможенъ только такой, цѣлью котораго должно быть развѣдываніе, разыскиваніе и привлеченіе ихъ къ отвѣтственности предъ властями за содержимую ими ересь, если только они дѣйствительно окажутся сторонниками ея. Вообще каждый православный во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ еретиками долженъ всегда преслѣдовать одну и ту же цѣль — открытіе и обнаруженіе ереси. „Да потщится всякій православный еретики и отступники испытovati всякимъ образомъ, и увѣдѣвши истинно и достовѣрно ихъ еретичество и отступленіе, неутантти, но исповѣдывати и свидѣльствовати на нихъ“ ³⁾),—вотъ какое правило рекомендуетъ Іосифъ православнымъ. Для большаго успѣха при разыскиваніи еретиковъ вполнѣ позволительно прибѣгать къ благоразумной хитрости и обману, что допускалось и древними святыми мужами, на примѣръ, Флавіаномъ, патріархомъ Антиохійскимъ, который „своимъ богопремудростнымъ художествомъ и богонаученнымъ коварствомъ еретики посрами“ ⁴⁾). Іосифъ очень строго относится и къ тѣмъ изъ православныхъ, которые благодушно смотрѣли на еретиковъ, и зная о ихъ еретичествѣ, не старались доносить о нихъ властямъ. По мнѣнію Іосифа, эти укрыватели еретиковъ сами достойны строгаго наказанія и даже казни ⁵⁾).

Проповѣдь Іосифа не осталась безслѣдною. Настойчивость его взяла верхъ, и вотъ послѣ собора на жидовствующихъ, состоявшаго въ 1504 году, еретики были осуждены. Нѣкоторые изъ нихъ погибли на кострѣ, иные были сожжены въ клѣткахъ, еще больше ихъ было заключено въ тюрьмы ⁶⁾).

Общій духъ русскої народности и русскої православной церкви не склоненъ къ фанатизму. Еще митрополитъ Фотій въ 1427 году въ своемъ посланіи осуждалъ Псковитякъ за ихъ неразумную ревность,

¹⁾ Рукоп. Импер. пуб. библ. F, 1, № 299, изъ собранія грае. Толстаго №, отд. I, № 299, л. 333.

²⁾ Просвѣтитель, стр. 588.

³⁾ Просвѣтитель, стр. 562; ср. стр. 584.

⁴⁾ Рукоп. Импер. Пуб. библ. F, 1, № 229, л. 333; Просвѣтитель, стр. 587—588.

⁵⁾ Просвѣтитель, стр. 537.

⁶⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, томъ VI, стр. 49, 244; томъ VIII, стр. 244.

подъ вліяніемъ которой они казнили смертью стригольниковъ ¹⁾. А потому естественно, проповѣдь Іосифа Волоцкаго о безпощадномъ преслѣдованіи еретиковъ встрѣтила себѣ въ немъ сильную оппозицію. Скоро раздались голоса, осуждавшіе неумолимую строгость Волоколамскаго игумена. Это было только скромное начало оппозиціи. Чѣмъ настойчивѣе проводилъ свои взгляды Іосифъ, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ онъ противодѣйствіе своимъ требованіямъ со стороны лицъ, не сочувствовавшихъ его ревности. Даже тѣ лица, которыя впоследствии нѣсколько подчинились убѣжденіямъ Іосифа и старались дѣйствовать по его указаніямъ, и тѣ уступили ему лишь послѣ долгихъ колебаній. До какой степени новою и необычною представлялась въ то время русскому обществу нетерпимость Іосифа — это видно изъ того уже, что самъ великій князь Иванъ Васильевичъ, котораго никакъ нельзя подозрѣвать въ особенной мягкости характера ²⁾, и тотъ долго не склонился на сторону Іосифа и задавалъ ему такой, на примѣръ, вопросъ: „какъ писано: пѣтъ ли грѣха еретиковъ казнить?“ ³⁾. Ясно, что и онъ колебался, и для него казнить еретиковъ казалось дѣломъ сомнительной законности. Представители церкви, которыхъ дѣло о еретикахъ всего болѣе касалось, и тѣ далеко не всѣ раздѣляли взглядъ Іосифа. И имъ онъ казался слишкомъ суровымъ и жестокимъ. Равнымъ образомъ, и другіе члены русскаго общества, современная тогдашняя интеллигенція, также стояли болѣе на сторонѣ противниковъ Іосифа. Замѣчательны слова одного изъ его жизнеописателей, прекрасно характеризующія настроеніе русскаго общества по вопросу объ еретикахъ далеко не въ пользу Іосифа: „Нѣдци отъ епископъ подвигошася печаловати, говорятъ этотъ жизнеописатель, о лествномъ ихъ покаяніи (то-есть, о притворномъ, по мнѣнію Іосифа, покаяніи еретиковъ)... владыки, и старцы и вси, еже о еретикѣхъ печаловалися, пачаша Іосифа многими хулами и понашенми укоряя“ ⁴⁾. Въ томъ же духѣ говорили и многіе изъ православныхъ, добродушіе, которыхъ не располагало ихъ въ пользу тѣхъ крутыхъ мѣръ, какія рекомендовались игуменомъ Волоцкимъ. Іосифъ требовалъ казни ере-

¹⁾ Акты историческіе, томъ I, № 34, стр. 65—67.

²⁾ Въ подтвержденіе этого достаточно указать на то, что и Іоанна III, какъ впоследствии Іоанна IV, называли гровнымъ. О характерѣ Іоанна III см. у Карамзина, томъ VI, стр. 329, по изд. 1817 г.

³⁾ Хрущевъ, Исслѣдованіе о сочиненіяхъ І. Саннина, стр. 181.

⁴⁾ Житіе Іосифа Волоцкаго, составленное его ученикомъ Саввою Чернымъ, епископомъ Крутицкимъ, изд. *Невострусовымъ*, стр. 36—37.

тиковъ, доказывалъ, что не слѣдуетъ вѣрить даже покаянію ихъ, когда оно приносится людьми, обличенными въ ереси. А ему возражали, что осуждать и истязать еретиковъ и отступниковъ не слѣдуетъ, такъ какъ самъ Господь сказалъ: не судите, да не судими будете (Мѡ. 7, 1) ¹⁾. Другіе говорили, что если уже еретиковъ надобно судить и казнить, то пусть это дѣлають цари и князья, а не иноки и простые люди ²⁾. Третьи настаивали на томъ, что вовсе не слѣдуетъ предавать истязаніямъ человѣка изъ-за того только, чтобы выпытать у него сознаніе въ содержимой имъ ереси, и вообще не должно отыскивать еретиковъ, если они сами не исповѣдаютъ своей ереси ³⁾. Замѣчательно, что происхожденіе мнѣнія о пощадѣ еретиковъ и снисходительности къ нимъ Іосифъ приписываетъ самимъ же еретикамъ. Но какъ это видно было выше, такое мнѣніе не вполне вѣрно. Много было и истинно православныхъ людей, которые вовсе не раздѣляли непомѣрной ревности къ истребленію еретиковъ. Это какъ нельзя болѣе ясно обнаруживается изъ словъ самого же Іосифа, который, въ одномъ изъ словъ своего Просвѣтителя, осуждаетъ самихъ православныхъ за то, что они тужатъ и скорбятъ объ осужденныхъ на смерть еретикахъ и требуютъ милости для нихъ ⁴⁾.

Самыми рѣшительными противниками Іосифа Волоцкаго выступили такъ-называемые Заволжскіе старцы. Они составляли цѣлое духовное ополченіе: къ нимъ принадлежали иноки Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и всѣхъ монастырей вологодскихъ ⁵⁾. Представитель Заволжскихъ старцевъ, преп. Нилъ Сорскій, по примѣру многихъ другихъ, сильно возмущался жестокими мѣрами, которыя проповѣдывалъ Іосифъ Волоцкій противъ еретиковъ, и особенно тѣмъ, что онъ требовалъ казни или ссылки и такимъ еретикамъ, которые приносили покаяніе. И вотъ здѣсь - то получаетъ свое начало та литературная борьба, та полемика, которая продолжалась и послѣ Іосифа, и которая, за исключеніемъ, конечно, ея крайностей, служитъ украшеніемъ цѣлой эпохи въ исторіи умственнаго развитія Россіи. Полемику начали старцы. Они свѣдома, можетъ быть, Нила Сорскаго написали

¹⁾ Просвѣтитель, стр. 526—527.

²⁾ Ibid., стр. 550, слово 13.

³⁾ Ibid., стр. 586—587.

⁴⁾ Просвѣтитель, стр. 588.

⁵⁾ *Шеверговъ*, Исторія русской словесности, часть IV, стр. 174—175.

посланіе, въ которомъ проводили взглядъ на отношеніе къ еретикамъ, совершенно противоположный воззрѣніямъ Іосифа ¹⁾). Посланіе Заволжскихъ старцевъ дышетъ прямымъ, безусловнымъ отрицаніемъ казни еретиковъ, какъ совершенно не согласной съ духомъ евангельскаго ученія. Вскорѣ затѣмъ появилось новое посланіе Заволжскихъ старцевъ, въ которомъ отвергались нѣкоторые частныя взгляды Іосифа, касавшіяся еретическаго вопроса. Въ немъ, между прочимъ, доказывалось, что не слѣдуетъ разыскивать и истязать еретиковъ въ случаѣ, если они держатъ ересь втайнѣ, а также и то, что еретика, если только онъ принесетъ покаяніе, слѣдуетъ впускать въ церковь и допускать до св. причащенія. Это „любопренепитательное посланіе“, какъ его называетъ Іосифъ, не дошло до насъ. О содержаніи его извѣстно только по отвѣту на него самого Іосифа, который отвѣчалъ старцамъ посланіемъ „о повиновеніи соборному опредѣленію“ ²⁾). Въ этомъ посланіи Іосифъ обвиняетъ старцевъ, что они пишутъ „самочиніемъ и самосмышленіемъ, а не отъ Божественнаго Писанія“, и снова доказываетъ истинность своихъ взглядовъ на еретиковъ. На тему посланія къ старцамъ Іосифъ написалъ также три послѣднія слова Просвѣтителя. Со смертію Нила Сорскаго (1508 года) полемика между Іосифомъ и старцами не прекратилась. За него ожесточенную письменную борьбу съ Іосифомъ повелъ ученикъ его Вассіанъ Патрикѣевъ. Одно свидѣтельство говоритъ, что „старецъ князь Васьянъ учалъ печаловаться за еретиковъ великому князю“ ³⁾). Вассіанъ не только ходатайствовалъ за еретиковъ предъ великимъ княземъ, но и не мало писалъ въ защиту ихъ и противъ Іосифа. Онъ въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ, между прочимъ, уподоблялъ Іосифа за его немилосердіе къ еретикамъ древнему еретичу Новату, который училъ, что нельзя принимать покаяніе ерети-

¹⁾ Г. Костомаровъ предполагаетъ, что авторомъ посланія могъ быть самъ Нилъ Сорскій. См. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Первый отдѣлъ, выпускъ второй, стр. 376. Г. Хрущевъ говоритъ, что авторомъ посланія могъ быть Вассіанъ Косой Патрикѣевъ. См. изслѣдованіе его о сочиненіяхъ Іосифа Санина, стр. 186. Самое посланіе старцевъ, равно какъ посланіе Іосифа къ Василию Іоанновичу, на которое оно служитъ отвѣтомъ, издано въ *Дрсуной Россійск. Визіювикъ*; т. XVI. Мы пользовались обоими посланіями въ рукоп. Новгородск. Соѳійск. библ. № 1489, л. 290—293.

²⁾ Рукоп. Имп. пуб. библ. Ф, 1, № 229, изъ собранія графа Толстаго, отд. I, № 299 л. 333—345.

³⁾ *Прибавленія къ изданію твореній Отцовъ*, часть X, статья: Отношенія инокъ Кириллова Бѣлозерскаго и Іосифова монастырей въ XVI вѣкѣ, стр. 506.

ковъ ¹⁾. Иосифъ, конечно, не молчалъ. Въ сочиненіяхъ Вассіана ²⁾ есть прямое указаніе на то, что Иосифъ написалъ противъ него обширное полемическое сочиненіе, въ которомъ онъ, между прочимъ, опровергалъ то мнѣніе Вассіана, конимъ послѣдній доказывалъ, что вовсе не слѣдуетъ гнать и казнить еретиковъ, и съ распростертыми объятіями должно приниматьъ тѣхъ изъ нихъ, которые изъявляютъ раскаяніе. Полемика съ Иосифомъ Волоцкимъ такъ далеко увлекла Вассіана, что онъ казенныхъ еретиковъ называлъ мучениками ³⁾. Но Иосифъ не ограничивался одною литературною полемикою съ своими противниками. На ряду съ нею онъ дѣйствовалъ посланіями и на великаго князя, непрестанно упоминая въ нихъ, или, по выраженію одного біографа Иосифа, „къ державному посылая, дабы ихъ (еретиковъ) покажанію не вѣрилъ“ ⁴⁾. Понятно само собою, что эти посланія лучше всего оказывали свое опредѣленное дѣйствіе и давали торжество извѣстнымъ взглядамъ Иосифа Волоцкаго.

Со смертію Иосифа (1515 года), вопросъ объ еретикахъ не кончился. Измѣнились внѣшнія обстоятельства, выдвинулись новыя личности дѣятелей, но вопросъ объ отношеніи къ еретикамъ продолжалъ оставаться вопросомъ и не переставалъ обсуждаться съ той и другою изъ противныхъ сторонъ. Да и уничтожиться ему было невозможно. Еретики-жидовствующіе продолжали существовать долго и послѣ тѣхъ страшныхъ казней и истребленій, какія постигли ихъ въ злополучный для нихъ 1504 годъ. Теперь они пріутихли, присмирѣли и измѣнили свой образъ дѣйствій, сократились въ числѣ, но далеко еще не уничтожились. Самъ главный представитель гуманныхъ идей по отношенію къ еретикамъ, Вассіанъ Косой, не надолго пережилъ своего противника Иосифа, а полемика ихъ между собою была слишкомъ еще въ памяти у всѣхъ. Притомъ полемика эта уже успѣла перейти границы умѣренности, когда въ литературныя состязанія начало прокрадываться и личное самолюбіе спорящихъ. По крайней мѣрѣ это имѣетъ значеніе въ отношеніи Вассіана. Онъ и въ самой

¹⁾ Свѣдѣніе объ этомъ сохранилось въ посланіи Иосифа къ Василию Андреевичу Челядину, рукоп. Имп. пуб. библ. Q. XVII, № 64, л. 293—294.

²⁾ Именно: въ словѣ отвѣтномъ противу клеветныхъ истинъ евангельскую, изд. въ *Православномъ Собесѣдникѣ* за 1863 годъ, часть III, стр. 95 — 112 и 180—210.

³⁾ *Хрущевъ*, Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Иосифа Савина, стр. 248.

⁴⁾ *Ibid*, стр. 242.

полемикъ¹⁾ позволялъ себѣ насмѣшки надъ противниками и въ своихъ дѣйствіяхъ не былъ остороженъ по отношенію къ постриженникамъ Іосифа, постоянно оскорбляя ихъ и называя ихъ вмѣстѣ съ ихъ учителемъ отступниками²⁾. Конечно, такое вызывающее поведеніе Вассіана слишкомъ живо затрогивало не только самого Іосифа, но и всѣхъ воспитанныхъ на его идеяхъ, которые также не хотѣли молчать съ своей стороны. И дѣйствительно, скоро въ полемику изъ-за еретиковъ припали участіе ученики и постриженники Іосифа Волоцкаго, которымъ, конечно, въ свою очередь отвѣчали старцы монастырей Заволжскихъ. Такъ, Нилъ Полевъ, постриженникъ Волоколамскаго монастыря, ведетъ переписку съ старцемъ Германомъ, однимъ изъ поклонниковъ идей Бѣлозерской братіи, и при этомъ первый со всею горячностью Іосифова ученика вооружается противъ враговъ Христовыхъ и отступниковъ „православныя вѣры христіанскія“, тогда какъ послѣдній, воплѣтъ вѣрный духу и преданіямъ Нила Сорскаго, утверждаетъ совершенно противное и говоритъ, что „не подобаетъ судити никого ни вѣрна, ни невѣрна, но подобаетъ молиться о нихъ, а въ заточенія не посылати“³⁾.

Вотъ въ какомъ положеніи находился вопросъ объ отношеніи къ еретикамъ, когда митрополитъ Даніилъ сталъ во главѣ русской церкви. Какъ воспитанникъ Іосифа Волоцкаго, онъ по одному уже этому не могъ равнодушно смотрѣть на полемику Вассіана, а какъ поклонникъ идей своего учителя, онъ тѣмъ самымъ вынуждался на защиту ихъ въ ихъ чистомъ или нѣсколько измѣненномъ, сообразно съ своими собственными установившимися взглядами, видѣ. И самое положеніе Даніила было такого рода, что оно волей-неволей побуждало его высказаться по еретическому вопросу. Какъ представитель и глава церкви, онъ необходимо долженъ былъ заявить себя извѣстными дѣйствіями по отношенію къ еретикамъ, которыя, въ свою очередь, должны были основываться на тѣхъ или другихъ взглядахъ его, какъ на нихъ са-

¹⁾ Рук. Новг. Соф. библ., находящейся при С.-Петербургской д. академіи, № 1489 л. 292—293: первое посланіе Заволжскихъ старцевъ. *Хрущевъ*, Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, стран. 189, 191.

²⁾ Рук. Имп. Пуб. библ. Q. XVII. № 64. 293—294.

³⁾ Рук. Моск. дух. акад. № 235 Акад., 661 Вол. л. 128—149. Здѣсь находятся два посланія Нила Полева къ старцу Герману. Эти посланія находятся также въ рукописи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ № 140/195 ст. кат., л. 78—85.—У меня имѣется списокъ посланій Нила, сдѣланный съ рукописи Моск. дух. академіи.

михъ, такъ и на ихъ положеніе въ обществѣ и въ церкви. Наконецъ, какъ простой учитель церкви, онъ и здѣсь вынуждался на объясненіе. Онъ обязанъ былъ разъяснить своей паствѣ интересовавшій всѣхъ вопросъ объ еретикахъ, вопросъ, занимавшій многіе умы того времени и требовавшій себѣ разрѣшенія, или по крайней мѣрѣ, какого-нибудь объясненія. Однимъ словомъ, съ какой стороны мы ни посмотрѣли бы на положеніе митрополита Даниила, выводъ для него получается одинъ и тотъ же: онъ необходимо долженъ былъ высказать свой личный взглядъ на еретическій вопросъ и дѣйствительно высказалъ его.

При вступленіи митрополита Даниила на престолъ, силы еретиковъ были уже сломлены. Свободная пропаганда была почти немыслима. Сожиганія на кострѣ, урѣзыванія языковъ, ссылки въ заточеніе очень уменьшили число жидовствующихъ и принудили ихъ тщательно скрывать свои религіозныя убѣжденія. Но подобныя мѣры, не могли, конечно, вырвать съ корнемъ все зло, сдѣланное еретиками церкви. Въмѣсто открытаго распространенія своего ученія жидовствующіе обратились къ болѣе безопаснымъ средствамъ для пріобрѣтенія себѣ прозелитовъ изъ православія. Пронирство, вкрадчивость, вѣшпяя принадлежность къ православію и т. п.— вотъ тѣ мѣры, какими въ то время еретики могли располагать въ дѣлѣ увеличенія своихъ послѣдователей. О такомъ образѣ дѣйствій еретиковъ обстоятельно свидѣтельствуетъ самъ митрополитъ Даниилъ¹⁾, который не разъ высказываетъ жалобы на „многи коварства еретическая, ими же діаволъ поглатаетъ чловѣки²⁾“. Жидовствующіе его времени заявляли себя такого рода дѣятельностью, что они, по его словамъ, „ничто же ино смышляютъ, но точію свѣсти и погубити, якоже волкъ, якоже змія: ови убо житіемъ сквернымъ и растлѣннымъ, ови, яко отъ сатаны научени, лъстивствомъ и

¹⁾ Отъ митрополита Даниила осталось до двадцати пастырскихъ посланій, и кромѣ того, одно очень капитальное произведеніе — Сборникъ, состоящій изъ шестнадцати словъ, или вѣрнѣе сказать, трактатовъ. Изъ числа этихъ шестнадцати словъ два — первое и восьмое — написаны по еретическому вопросу, тѣсную связь съ которымъ имѣетъ также и второе слово. Почти все сочиненія м. Даниила находятся въ рукописяхъ. Сборникомъ м. Даниила мы пользовались въ рукописи Московской духовной академіи, съ которой имѣемъ свой списокъ. Списокъ Данииловаго сборника имѣется также въ Имп. Публичной библіотекѣ, недавно купленный ею отъ г. Сокурова см. рукоп. F, 1, № 522.

²⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 275.

пронирствомъ козньствуютъ, ови же другія нѣкія сатаинскія ловы сотворяютъ, якоже лисица нѣкая животная лукавствомъ исхѣдати обыкла есть; такоже и лицемѣрници и еретици—ово сице, ово же сице лукавствуютъ, и прельщаютъ, и въ ереси погибельныя отводятъ живущихъ въ простотѣ¹⁾. Видно, тактика еретиковъ была строго обдуманна и велась съ искусствомъ, съ расчетомъ на вѣрный успѣхъ, когда она вызвала собою такія сильныя обличенія со стороны своихъ противниковъ. Мысль о предосудительныхъ, съ нравственной точки зрѣнія, мѣрахъ еретической пропаганды, мѣрахъ скрытныхъ, причѣмъ пускались въ дѣло самыя не позвольтельныя средства, и не различалось ничего, лишь бы только достигалась ими извѣстная цѣль, особенно настойчиво поддерживается Даниломъ. По его словамъ, еретики то „дерзи бывають“, то „сладко бесѣдуютъ еже навыкнути имъ и увѣдѣти что, по ложь и леть суть: нѣсть бо въ нихъ истины и страха Божія, но лицемѣрнѣ и лестиѣ испытуютъ вся, елико бо извѣдати и навыкнути хотя, не иного чего желающе, но точію умножающе мудрованіе лукавства своего; о семъ бо и трудъ и подвигъ творять непрестающе, еже приплодити что къ лукавству своему да вѣрнѣцѣ возьмются и вооружаются лукавствы своими; духовныхъ же не приѣмлютъ никакоже“²⁾. Усвоенный еретиками образъ дѣйствій вполне понятенъ. Предъ ними предстояло два выхода—или уничтожиться, или дѣйствовать для поддержанія своего ученія, не разбирая и не задумываясь надъ позволительностію или непозволительностію мѣръ и средствъ, лишь бы онѣ достигали цѣли, и не вызывая собою въ то же время преслѣдованій правительства. Для авторитетности своихъ сужденій митрополитъ часто ссылается на разныя слова и изреченія апостоловъ (въ связи съ ихъ толкованіями), которые или въ пророческомъ вдохновеніи, или по поводу совершавшихся предъ ихъ глазами историческихъ событій, или наконецъ, въ духѣ простыхъ наставленій нерѣдко предостерегали своихъ послѣдователей отъ увлеченія ложнымъ ученіемъ. Дѣйствительно, всѣ представляемыя авторомъ свидѣтельства, по большей части, весьма обширныя, съ той или другой стороны, касаются дѣятельности лжеучителей въ разное время ихъ появленія въ мірѣ и характеризуютъ ее въ самыхъ невыгодныхъ для нихъ чертахъ, что, дѣйствительно, и было на самомъ дѣлѣ, на сколько, конечно, это можетъ относиться къ прошедшему времени. Свидѣтель-

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197 л. 8.

²⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 7—8.

ства эти суть слѣдующія: толкованіе Златоуста на 13—14 ст. VII главы Ев. Матвѣя¹⁾, толкованіе на то же самое мѣсто Ев. Матвѣя Теофилакта Болгарскаго²⁾, слово св. Златоуста о „св. Духѣ“³⁾, толкованія того же Теофилакта Болгарскаго на: 2—3 ст. XXIV главы Ев. Матвѣя⁴⁾, 6 ст. XIII главы Ев. Марка⁵⁾, 1—4 стих. IV главы перваго посланія Іоанна⁶⁾ и на 1—15 ст. X главы Евангелія того же Іоанна⁷⁾, и наконецъ, толкованіе Недѣльнаго (Учительнаго) Евангелія⁸⁾. Важность представленныхъ авторомъ аргументовъ несомнѣнна. Ими, какъ документами, въ подлинности которыхъ не было никакихъ сомнѣній, онъ доказалъ то, что ему и нужно было, а именно, что поведеніе

¹⁾ Рук. М. д. а. № 197, л. 11—17. Цитаты сдѣланы по переводу Максима Грека (см. рук. Имп. Публ. библ. Р., т. № 240 част. 1, л. 241—247) и не представляютъ существенныхъ уклоненій отъ печатнаго славянскаго перевода бесѣдъ Златоуста на Ев. Матвѣя, изданнаго въ Москвѣ 1829 г., стр. 154—156, бесѣда 23-е.

²⁾ Рук. М. д. ак. № 197, л. 17. Цитата по мыслямъ не отстываетъ отъ печатнаго изданія толкованій Теофилакта Болгарскаго. См. его Благовѣстникъ, Казань, 1855 г., част. 1, стр. 135.

³⁾ Рук. М. д. ак. № 197, л. 17—21. Слово на самомъ дѣлѣ не принадлежитъ св. Златоусту, хотя въ рукописяхъ оно нерѣдко и соединяется съ его именемъ (см. рук. Моск. снп. библ. № 191/491, л. 564. Описаніе *Горскаго* и *Несоструева*, отд. II, кн. 2, стр. 569). Въ подлинникѣ твореній Златоуста есть, на примѣръ, слово съ такимъ подходящимъ названіемъ: λόγος πάντο ὀφέλιμος περί πίστεως καὶ εἰς τὸν περί φύσεως νόμον καὶ περί τῆ ἀγίῃ Πνεύματος, но въ немъ нѣтъ ничего подобнаго тому, что помѣщено съ этимъ именемъ у Данила. См. *Migne, Patrolog. Cursus Complet. ser. graec. tom. XLVIII S. Chryzostomi tom. 1. pars secunda, pag. 1081—1088, inter spuria.*

⁴⁾ Рук. М. д. ак. № 197, л. 21. Ср. Благовѣстникъ, ч. 1, стр. 410.

⁵⁾ Рук. М. д. ак. № 197, л. 21. То же самое, что и въ печатномъ изданіи. Благовѣстникъ. ч. II, стр. 191.

⁶⁾ Рук. М. д. ак. № 197, л. 21—22. Даниилъ самъ не указываетъ здѣсь имени приводимаго имъ толкователя, но несомнѣнно,—толкованіе принадлежитъ Теофилакту Болгарскому, хотя и представляетъ сравнительно съ печатнымъ изданіемъ значительныя противъ него дополненія и уклоненія. См. Блаженнаго Теофилакта Болгарскаго толкованія на соборныя посланія св. апостоловъ въ русскомъ переводѣ. Казань, 1865, стр. 190—191.

⁷⁾ Рук. М. д. ак. № 197, л. 22—27. И здѣсь авторъ не считаетъ нужнымъ упомянуть имени толкователя, которымъ онъ воспользовался въ данномъ случаѣ. Толкованіе принадлежитъ Теофилакту Болгарскому. См. Благовѣстникъ, ч. IV, стр. 254—261.

⁸⁾ Рук. Моск. дух. акад. № 197, л. 27—30. Сравнительно съ печатнымъ изданіемъ свидѣтельство Данила представляетъ два незначительные пропуска. См. старопечатное 1652 г. Учительное Евангеліе, слово 60-е, стр. 416—419.

и образъ дѣйствій современныхъ ему еретиковъ не новость, а совершенно тотъ же самый, какимъ заявляли себя древніе еретики, и который съ теченіемъ времени сдѣлался общею принадлежностью еретиковъ всѣхъ мѣстъ и временъ, а слѣдовательно, и сила аргументаціи простирается на современныхъ митрополиту еретиковъ.

Извѣстный образъ дѣйствій еретиковъ, опасный для чистоты и цѣлости православія вообще, а особенно губельный для „простоты“, какъ характерно выражается Даниилъ, или простаго необразованнаго класса народа, требовалъ себѣ соотвѣтствующихъ мѣръ противодѣйствія. Какія именно рекомендуются митрополитомъ частныя мѣры въ качествѣ оппозиціи еретикамъ—можно будетъ видѣть нѣсколько ниже. Болѣе общая мысль автора, являющаяся для православныхъ какъ принципъ, или какъ руководящее начало всей жизни, сосредоточивается на увѣщаніи его быть всегда строго внимательнымъ къ себѣ и всегда быть на сторожѣ своихъ православныхъ взглядовъ противъ всякаго увлеченія еретичествомъ. Въ виду возможности совращеній, Даниилъ убѣждаетъ своихъ пасомыхъ „не лѣнниться, ниже забвенъ умъ о таковыхъ (совращеніяхъ) имѣти“¹⁾; „тѣмъ же блюдемъ и внимаемъ съ опасствомъ, подробнѣе и яснѣе развивается таже самая мысль въ другомъ мѣстѣ, еже неприяти еретическихъ злыхъ коварствъ, и ложныхъ пророковъ, и ложныхъ учителей, и псовъ и свиней“²⁾. Особенно настойчиво и убѣдительно приводится эта мысль въ восьмомъ словѣ: „соблюдаемъ съ опасеніемъ знаменіе православныя вѣры, сохраняемъ сію тверду и непоколебему отъ всѣхъ душепагубныхъ еретическихъ ученій, не дадимъ входа ни дверей волкомъ, и разбойникомъ и татемъ въ стадо Христово, укрѣпимъ себе и другихъ доблественныхъ и непоколеблемыхъ быти въ православнѣй вѣрѣ и во всемъ, иже о Господѣ“³⁾.

Такимъ образомъ, еретики и по сѣмому своему существу, и по началамъ и цѣлямъ, которыя руководятъ ими въ сношеніяхъ ихъ съ православными, должны быть признаны за людей опасныхъ и вредныхъ для общества. Стало быть, необходимы особенныя мѣры, чтобы сохранить православныхъ отъ еретиковъ, и точно также необходимы болѣе точныя опредѣленія отношеній между православными, съ одной стороны, и еретиками—съ другой, которыя могли бы гарантировать

¹⁾ Рук. М. д. ак., № 197, л. 8.

²⁾ Ibid., л. 7.

³⁾ Ibid., л. 276.

чистоту вѣры православныхъ и содѣйствовать обращенію къ истинѣ самихъ заблуждающихся. Въ предупрежденіе совращеній православныхъ въ жидовство Даниилъ рекомендуетъ очень радикальное средство. Православнымъ запрещаются всякія сношенія съ еретиками. Ни дружба, ни какаѣ-либо другія правственныя связи съ ними недопустимы. Даже общеніе съ еретиками чисто внѣшняго характера, каково, напримѣръ, общеніе въ пищу и питіи, и то, по взгляду Даниила, не можетъ быть терпимо. Онъ строго заповѣдуетъ своимъ пасомымъ: „отъ неполезныхъ и душевредныхъ человѣкъ, и отъ дружества ихъ, и отъ общенія ихъ, и отъ бесѣдъ ихъ, и ученія ихъ, и словесъ ихъ отлучатися, за еже яже отъ бѣсовъ прелести православныя вѣры и закона и устава церковнаго опаснаго ради хрпаненія, попеченія и прилежанія многовишнаго имѣти достоинъ, и отъ враждебныхъ и душегубныхъ человѣкъ и злаго мудрованія ихъ и отъ преданія ихъ бѣгати елика сила“¹⁾. Здѣсь запрещеніе высказано въ довольно мягкой формѣ, что объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что посланіе, изъ котораго сейчасъ приведены слова, нѣкогда относится къ самому послѣднему періоду пастырской дѣятельности Даниила, когда и время, и обстоятельства все болѣе и болѣе удаляли его отъ строгихъ началъ его учителя, Іосифа Волоцкаго, какія руководили имъ въ началѣ его пастырскаго служенія. Иная нота звучитъ въ слѣдующихъ словахъ митрополита, сказанныхъ имъ, какъ нужно думать, въ первый періодъ своего служенія церкви, и въ которыхъ нѣтъ никакого снисхожденія къ еретикамъ: „Блюди отъ волковъ, блюди отъ псовъ, блюди отъ свиней, блюди отъ татей... блюди, да не разбѣгутъ и снѣдятъ стада Христова... блюди, да не человѣкомъ угождая погубиши себе и другихъ, блюди отъ зми, да не внидетъ въ стадо Господне и, прельстивъ, снѣстъ якоже перваго человѣка“²⁾. Здѣсь, какъ видно, Даниилъ не удостаиваетъ еретиковъ даже названія людей и ставитъ ихъ на одинъ счетъ съ самыми хищными и отвратительными животными. Свое запрещеніе какихъ-либо сношеній съ еретиками митрополитъ аргументируетъ словами толкованія св. Златоуста на Евангеліе Іоанна³⁾ и тремя выдержками изъ слова того же Златоуста

¹⁾ Рук. Моск. дух. акад. изъ собранія Волоколамскаго монастыря № 514/151, л. 422. Памятнику старинной русской литературы, изд. графомъ Кушелевымъ-Безбородко, вып. IV. С.-Пб. 1862 г. Древнія поученія и посланія, извлеченныя изъ рукописей Н. Костомаровымъ, стр. 198.

²⁾ Рук. М. д. ак. № 197, л. 274.

³⁾ Рук. М. д. ак. № 197, л. 44—46. Цитата взята Данииломъ изъ 57-й бесѣды

о ложныхъ пророкахъ и безбожныхъ еретикахъ", гдѣ дѣйствительно встрѣчаются слѣдующія увѣщанія „нынѣ молю не совокуплятися съ ними (еретиками) ни въ коейждо вещи: ни въ ядѣніи, ни въ питіи, ни въ дружбѣ, ни въ любви, ни въ общеніи, ни въ миру...“¹⁾). Увѣщанія Даниїла хотя и производили, можетъ быть, свое дѣйствіе, но не видно, чтобъ оно было особенно сильно. Напротивъ, современники Даниїла склонны были, кажется, относиться къ еретикамъ совсѣмъ иначе, чѣмъ требовалъ митрополитъ. Было много такихъ лицъ, которыя нисколько не думали гнушаться обществомъ еретиковъ и вольнодумцевъ. Равнодушіе православныхъ къ словамъ своего пастыря слишкомъ сильно затрогивало чувство Даниїла, которое не преминуло выразиться въ его обличеніяхъ. „Помяни Владыки твоего Христа человѣколюбіе, съ болью въ сердцѣ говоритъ пастырь, колико тебѣ ради сотвори... а ты не хочещи злодѣйственнымъ еретикомъ, хулящимъ Его и Пречистую его Матерь, воспрѣтити, возустити, устрашити, но и совокупляещися съ ними, и яси, и піеши, и покрываещи, и заступаещи; и какоже наречешися христіанинъ?—Не прельщайся, никакоже наречешися христіа-

---

Златоуста на Ев. Іоанна—по переводу Максима Грека (сравни. рук. Моск. дух. акад. № 197, л. 44—46 и рук. Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, нмѣя С.-Петербург. дух. акад., № 21/146, л. 46—47). Свидѣтельство вполне подлинное см. современный переводъ бесѣдъ Златоуста на Евангеліе Іоанна, ч. 11, изд. при С.-Петербург. дух. акад. 1855 г., стр. 283—286. Мысль Даниїла только косвеннымъ образомъ подтверждается приведенными имъ словами Златоуста, такъ какъ въ нихъ св. І. Златоустъ говоритъ главнымъ образомъ объ удаленіи отъ общества *нравственно* испорченныхъ людей.

¹⁾ Рук. Моск. дух. акад. № 197, л. 262, 263, 265. Это слово Златоуста было весьма распространено въ древней русской письменности (см. напр., рук. Моск. синод. биб. № 61—36 стар. ктг., л. 418—429, Описаніе Горскаго и Невоструева, отд. II, кн. 1, стран. 45—47; рук. Сое. биб. №№ 1285, л. 26—30 и 1262, л. 106—108; Рук. Импер. Пуб. биб. F, 1, № 4, л. 232—237 и проч.). Это слово въ древности печаталось вмѣстѣ съ словомъ св. Еврема Сирина объ Антихристѣ въ отдѣльной брошюрѣ. Подлинное названіе слова слѣдующее: λόγος περί ψευδοπροφητῶν καὶ ψευδοδιδασκάλων καὶ ἀθέων αἰρετικῶν καὶ περί σημείων συντελειᾶς τοῦ αἰῶνος τούτου. Переводъ слова, въ которомъ оно находится въ цитатѣ Даниїла, не представляетъ уклоненій и извращеній отъ мыслей его подлинника. См. *Migne, Patrolog. Cursus Complet., ser. graec. tom. LIX S. I. Crysostomi tom. VIII, pag. 563, 558, 559.* Слово издано Минемъ въ ряду подложныхъ (inter spuria) сочиненій Златоуста, какъ и въ немъ оно несомнѣнно и должно быть признано по характеру своего содержанія.

нищъ, но паче лукавый бѣсъ и самый сатана ¹⁾“. Такимъ образомъ, Даниилъ требовалъ полного изолированія еретиковъ отъ общества православныхъ и этихъ послѣднихъ отъ еретиковъ, какъ лицъ опасныхъ и вредныхъ во всѣхъ, не говоря уже о религіозныхъ, отвлеченій общественной жизни.

Требованіе полнѣйшаго отдѣленія отъ общества еретиковъ, тѣмъ не менѣе, является у Даниила не безусловнымъ. Онъ допускаетъ одно исключеніе, которое касается того случая, когда православный, вступая въ сношенія съ еретикомъ, имѣетъ въ виду обращеніе его на путь истины. Здѣсь, при такой великой цѣли, общеніе съ еретиками не только не непозволительно, но и необходимо, и душеспасительно, и достиженіе этой цѣли увѣнчиваетъ ея исполнителя великими небесными благами. Послѣ строгихъ обличеній православныхъ за ихъ общеніе съ еретиками, Даниилъ представляетъ то возраженіе, какое дѣлали, вѣроятно, многіе изъ обличаемыхъ имъ православныхъ въ защиту своихъ связей съ еретиками, именно указывали, что если они и возвращаются въ общество еретиковъ, то это дѣлается ими вполне съ благодѣтельной для православія и самихъ еретиковъ цѣлю. „Аще ли же глаголеши, яко обращаю и въ покаяніе привожу, ей добро убо сія аще тако есть; обращай и въ покаяніе приводи... добро убо сіе и блаженно есть“ ²⁾. Этими словами, очевидно, митрополитъ вполне одобряетъ поступки тѣхъ, которые берутъ на себя трудъ исправленія еретиковъ и ихъ заблужденій. Мало того, Даниилъ не только высказываетъ одобреніе такому образу дѣйствій православныхъ, но хочетъ еще большаго,—требуетъ, а не позволяетъ только, чтобы обращеніе еретиковъ служило для православныхъ всегда дѣломъ первостепенной важности. „Аще кого узриши“, говоритъ пастырь,—„сворачивана съ праваго пути, приеъмъ поученіемъ настави на истинный путь живота; аще и нетлѣнну ризу совлечетъ, юже святимъ крещеніемъ пріялъ есть, и ты облечи ею и се уже алчнаго накормилъ еси, поспѣти же и больнаго... прииди же къ затворенному въ темници и просвѣти его свѣтомъ—поученіемъ Божественныхъ словесъ: сугубѣмъ бо намъ душею и тѣломъ сугубо дѣйствовати должны есмы, тако бо насъ Божественная писанія наказуютъ“ ³⁾. Обращеніе заблудшаго на путь истины есть, такимъ образомъ, величайшій подвигъ,

¹⁾ Рук. М. д. ак. № 197, л. 274.

²⁾ Рук. М. д. ак. № 197, л. 274.

³⁾ Рук. М. д. ак. № 197, л. 40.

какой только можетъ представить христіанинъ въ своей нравственной дѣятельности, подвигъ основанія коего кроются въ самой духовной природѣ человѣка. Этотъ подвигъ равенъ по своему значенію тѣмъ взятымъ исѣмъ въ совокупности добродѣтелямъ и великимъ подвигамъ христіанской любви, какими опредѣлили ее самъ Иисусъ Христосъ въ своей проповѣди о страшномъ судѣ (Мѣ. 25, 35—36). Обязанность христіанина заботиться объ обращеніи заблудшихъ видна и изъ разсмотрѣнія обыкновенныхъ человѣческихъ отношеній и уясняется по аналогіи съ условіями жизни физическаго организма человѣка: «якоже о человѣческихъ тѣлесѣхъ недугующихъ и зѣльнѣ болящихъ много подобаетъ попеченія и храненія имѣти, еще и душею разболѣвшимися (то-есть еретикамъ) много вящшаго подобаетъ попеченія, и храненія, и прилежанія имѣти»¹⁾. Не обличать, не обращать въ истинѣ еретиковъ казалось для митрополита на столько важнымъ отступленіемъ отъ обязанностей христіанина, что дѣлало виновника его какъ бы соучастникомъ самихъ еретиковъ и перепосило на него часть отвѣтственности за нихъ предъ Богомъ. „Не восхощемъ съ чужими грѣхи погибнути, такъ, между прочимъ“ поучаетъ Давидъ свою наставу, — „по убоявшіеся тяжкаго суда и страшный день Господень предъ очима имуще, съ таковыми погибнути не изволимъ, но засвидѣтельствовать имъ въ нощи и во дни, и явленнѣ въ народѣ и особне должши есмь“²⁾. Жидовствующимъ и вообще современнымъ русскимъ вольнодумцамъ волей-неволей приходилось такимъ образомъ вступать въ разсужденія съ православными, которыя имъ, конечно, не могли особенно нравиться. Поэтому для нихъ понадобились мотивы, на которые они могли бы опираться, и пользуясь которыми они всегда могли бы отпарировать отъ себя попытки православныхъ, направленныхъ къ исправленію ихъ лжеученія. Явились со стороны заблуждаю-

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 514—151, л. 423. Памятники старинной русской литературы, издан. граф. Кушелевымъ-Безбородко, вып. IV, стран. 198.

²⁾ Рукоп. Москов. дух. акад. № 514—151, л. 423. Памятники старинной русской литературы, вып. IV, стр. 198. Въ печатномъ изданіи посланія м. Давида, изъ котораго сдѣлана выдержка, неправильно прочтаны слѣдующія слова цитаты: засвидѣтельствовать имъ... явленнѣ въ народѣ и особне должши есмь, тогда какъ издатель (г. Костомаровъ) прочиталъ и напечаталъ эти слова: ... и особе не должши есмь. Ошибка эта на столько важна, что ею извращается не только надлежащій смыслъ подлинника, но и совершенно уничтожается связь послѣдующихъ и предыдущихъ мыслей, отчего въ данномъ мѣстѣ по печатному чтенію цитаты происходитъ совершенная путаница сужденій.

щихся разнаго рода возраженія, изъ которыхъ объ одномъ, самомъ эгонстическомъ и въ то же время, какъ видно, самомъ распространенномъ, упоминаеть и Даниль. „Мы“, говоритъ онъ, — „въ людяхъ непокорливыхъ и пререкующихъ научихомся слышати, яко спасаая спаси свою душу“¹⁾. Отсюда видно, что вольнодумцы, нисколько не стѣснясь, отстраняли отъ себя всякія попытки къ обращенію ихъ и сохраняли свои собственныя убѣжденія противъ прозелитскихъ намѣреній православныхъ, считая эти попытки, ни болѣе ни менѣе, какъ только посягательствомъ на свободу другихъ, чего они вовсе не желали видѣть по крайней мѣрѣ въ отношеніи себя, и что, по ихъ мнѣнію, вовсе не входило въ кругъ дѣятельности православныхъ, которые должны были заботиться только о своемъ собственномъ спасеніи.

Такимъ образомъ, предъ нами слѣдующая дилемма: православные, по требованію Данила, должны были заботиться объ обращеніи заблуждающихся, тогда какъ тѣ, на которыхъ простирались эти заботы, вовсе не расположены были выслушивать ихъ увѣщанія, естественно направленныя въ совершенный разрѣзъ ихъ собственнымъ воззрѣніямъ и убѣжденіямъ. Стало быть, между тѣми и другими членами русскаго общества не была еще подготовлена почва для взаимныхъ уступокъ, всегда благопріятствующая соглашенію и примиренію. А потому и попытки къ обращенію, начатыя иногда хорошо и рассчитанныя прямо на достиженіе цѣли, переходили въ горячіе запальчивые споры, гдѣ заранѣе постановленная цѣль ступшеввалась и отодвигалась на задній планъ подъ напоромъ другихъ частныхъ, и скорѣе всего личныхъ счетовъ. Само собою понятно, отъ подобнаго приема обращенія съ еретиками не могло быть никакой существенной пользы. Даниль вполне понималъ невыгоду подобныхъ споровъ и давалъ вполне разумный совѣтъ своимъ пасомымъ, „бѣгати плотскихъ мудрованій и безсловесныхъ стязаній“²⁾. Споры съ еретиками тогда только могутъ приводить къ болѣе или менѣе желаемому результату, когда они опираются на одною, общимъ для всѣхъ, основаніемъ. Такимъ основаніемъ, одинаково важнымъ и необходимымъ для обѣихъ состязующихся сторонъ, должно служить „Божественное писаніе“, подъ которымъ, сообразно тогдашней богословской терминологіи, разумѣлась вся область церковной литературы. Принципъ споровъ съ еретиками ясно опредѣленъ Даниломъ въ оглавленіи перваго слова, которое гласить:

¹⁾ Рук. Моск. дух. акад. № 514—151, л. 423.

²⁾ Рук. Моск. дух. акад. № 197, л. 7.

„яко отъ сего познавается ложный учитель и ложный пророкъ отъ еже неучити отъ Божественныхъ писаній, но отъ злобы своего сердца, по лукавству діаволу, на пагубу многимъ“¹⁾. Этотъ принципъ, который аргументируетъ словами втораго посланія ап. Іоанна Божеслова (ст. 8—9) и толкованіемъ ихъ²⁾, долженъ руководить каждымъ православнымъ при всякомъ спорѣ его съ еретиками. Это своего рода девизъ, который долженъ быть начертанъ въ умахъ всѣхъ православныхъ. Каждый долженъ исходить изъ него и всегда стоять на немъ: „да ничто же творимъ или глаголемъ по чловѣчскимъ плотскимъ волямъ, но яже аще или творимъ, или глаголемъ да все бываетъ къ воли Божіи по святыхъ писаній и по законоположенію блаженныхъ отецъ и якоже имать уставъ и благій обычай святыхъ соборныхъ апостольскія церкви, кромѣ же сихъ не божественно есть, но развращено и темно“³⁾. Поэтому, истиннымъ критеріемъ для оцѣнки значенія того или другаго спора, вѣскости и убѣдительности доводовъ диспутирующихъ и для опредѣленія превосходства одного спорящаго лица предъ другимъ и является „Божественное писаніе“. Неосредственно послѣ запрещенія неразумныхъ споровъ Даниль продолжаетъ: „аще ли же о благословныхъ винахъ взысканіе нѣкое будетъ“, тогда „лѣпо есть... избирати истинная разумѣнія и разсужденія по свидѣтельству Божественныхъ писаній и отеческихъ преданій“⁴⁾. Коль скоро спорящій еретикъ или вольнодумецъ при состязаніи обнаружитъ неуваженіе къ доводамъ, почерпнутымъ изъ „Божественнаго писанія“ и станетъ игнорировать ихъ, вводя въ то же время другія постороннія соображенія, вовсе не авторизованныя Священнымъ Писаніемъ, то это ясный признакъ того, что онъ неисправимъ, и что съ нимъ должны быть скоро прекращены и религиозныя состязанія, какъ не достигающія своей цѣли. „Аще кто“, говоритъ Даниль,— „отъ Св. Духа положенныя законы развращаетъ и древнія отеческія благія обычаи отместеть, и совѣта благаго ученія

¹⁾ Ibid. л. 5.

²⁾ Рук. Моск. дух. акад. № 197, л. 30—31. Толкованіе принадлежит Теофилакту Болгарскому; см. его толкованіе на соборныя посланія св. апостоловъ (въ русскомъ переводѣ), Казань, 1865 года, стран. 220—222. Въ цитатѣ толкованія Данила сдѣланы два довольно значительные пропуска противъ печатнаго изданія толкованій блаженнаго Теофилакта.

³⁾ Рукон. Моск. дух. акад. № 197, л. 40.

⁴⁾ Рук. Моск. дух. акад. № 197, л. 7.

не приѣмлетъ, поповоди узаконеніи, якоже и древніе еретици... въ таковымъ лучши есть мира, отлучающаго насъ отъ Бога, похвальная брань" ¹⁾). Чтѣ это за брань, видно будетъ ниже, здѣсь же достаточно сказать, что этимъ понятіемъ указывается на крайній предѣлъ, послѣ котораго прекращаются всякіе споры съ еретиками.

Состязанія о вѣрѣ на почвѣ Божественнаго писанія—вотъ, такимъ образомъ исключительная сфера споровъ съ еретиками. Понятно само собою, для того чтобы вести болѣе или менѣе удачно и съ успѣхомъ состязанія, нужно обладать значительною эрудиціей, значительными познаніями въ области Священнаго Писанія, и это тѣмъ болѣе, что тогдашніе противники церковнаго строя и порядковъ значительно превосходили въ данномъ отношеніи православныхъ, и отличаясь ловкостью въ діалектикѣ, нерѣдко побивали и заставляли молчать предъ собою многихъ изъ нихъ. Значить, совѣтъ Даниила имѣлъ въ виду далеко не всѣхъ православныхъ, а только избранныхъ и надежныхъ, и главное, способныхъ къ дѣлу такой высокой важности. Особенно же митрополитъ имѣлъ въ виду здѣсь пастырей церкви, какъ лицъ, по самому своему положенію и званію поставленныхъ отъ Бога учить и вразумлять заблудшихъ, а также какъ лицъ, болѣе просвѣщенныхъ сравнительно съ невѣжественною массою простаго народа. Даниилъ это самъ лично высказалъ: „Не престанемъ о любомудрїи“, говоритъ пастырь въ одномъ мѣстѣ,—„наказующе себѣ и другъ друга и особѣ и въ бесѣдахъ яко же пророци проповѣдана, и апостоли научиша и богоносни отци предаша... да всякъ отрѣвающе и отсѣцающе отъ себе еретическїй недугъ невредно ученіе и преданіе соблюдаемъ, да не убо не радимъ таковаго дѣланія и купли; аще и не возможемъ въ сихъ наказати имы, поелико возможно словомъ утѣшимъ и долу лежащая (заблудшихъ) воздвигнути душа потщимся глаголюще истинная разумѣнія отъ Божественныхъ писаній; сія бо дѣла паче всѣхъ дѣлъ пастырю имѣти лѣпо есть: еже учити, и наказати, и совѣтовати, и обращати на благая, и запрещати, и возвращати отъ злаго“ ²⁾). Обращая вниманіе пастырей на исправленіе еретиковъ, Даниилъ въ то же время еще настойчивѣе завѣщаетъ имъ своихъ собственныхъ, врученныхъ имъ овецъ сохранять отъ заблужденій. Пастырская бдительность здѣсь должна быть въ постоянномъ напряженіи. Дѣло

¹⁾ Рукоп. Москов. дух. акад. № 197, л. 7.

²⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 202.

пастыря—строго слѣдить за тѣмъ, „колико погибе словесныхъ овецъ отъ псовъ и свиней, и отъ ложныхъ пророковъ и ложныхъ учителей“ ¹⁾, и тотъ пастырь есть только истинный пастырь своего стада, который сумѣетъ сохранить его цѣлымъ отъ еретическихъ заблужденій, хотя бы это и было даже соединено съ опасностію для его жизни: „истинніи пастыріе душа своя положиша о овцахъ, не предающе ихъ волкомъ въ расхищеніе“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ митрополитъ обобщаетъ объ указанныя имъ сферы пастырской дѣятельности—и внутреннюю, охранительную, и внѣшнюю, простирающуюся на еретиковъ: „подобаетъ“, говоритъ онъ,—„пріемшимъ отъ Бога таковое служеніе (пастырское) яко Божиимъ слугамъ много попеченіе имѣти о Божественныхъ законахъ и соблюдать родъ человѣческой невредимо отъ волковъ душепагубныхъ и не давати воли злоторищимъ человѣкомъ, ими же ими Божіе безчестуется“ ³⁾.

Кромѣ сдѣланныхъ указаній относительно состязаній съ еретиками, заслуживаетъ вниманія еще одно обстоятельство, которое является у Данила какъ отдѣльное и самостоятельное условіе, которое можетъ и должно повліять на результатъ преній съ вольнодумцами въ болѣе или менѣе благоприятномъ для православныхъ смыслѣ. Условіе это есть нравственная чистота христіанина, спорящаго съ еретикомъ. Чистая высоконравственная жизнь христіанина внушаетъ къ себѣ невольное уваженіе, и предъ нею умолкаютъ всѣ клеветы, вся злоба еретиковъ, всегда пользующихся ими для возвышенія своего общества и въ прямой ущербъ своимъ противникамъ. Ничего подобнаго невозможно ожидать, когда православный своею нравственною чистотою станетъ недостижимымъ для низкой клеветы и однимъ уже этимъ, одною силою своею нравственнаго авторитета можетъ много выиграть въ глазахъ состязующихся съ нимъ еретиковъ. Вотъ гдѣ истинный смыслъ пастырскаго совѣта Данила—имѣть православнымъ „совѣсть блугу, да о немъ же клеветуютъ васъ, яко злодѣя, постыдятся искушающіи ваше благое о Христѣ житіе“ ⁴⁾. Нравственное превосходство, заставляя молчать еретиковъ, важно, кромѣ того, для православныхъ въ томъ отношеніи, что оно дѣлаетъ ихъ болѣе смѣлыми, рѣшительными въ спорахъ, даетъ имъ полную сво-

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 54.

²⁾ Ibid.

³⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 239.

⁴⁾ Рук. Моск. дух. акад. № 197, л. 9.

боду, или какъ выражается Даниль, открываетъ собою путь къ тому, что мы съ „дерзновеніемъ возможемъ глаголати слово Божіе“¹⁾ къ заблуждающимся братіямъ.

До сихъ поръ мы излагали тѣ возрѣвія митрополита Данила, которыя касались опредѣленія предварительныхъ и подготовительныхъ условій для состязанія съ еретиками. Даниломъ указанъ принципъ или основа для споровъ—„Божественное писаніе“; опредѣлены лица, которымъ принадлежитъ нравственное право вступать въ состязаніе съ еретиками—это лица просвѣщенные и особенно пастыри церкви; замѣчено, наконецъ, и объ обстоятельствахъ, благоприятствующихъ счастливому исходу ихъ—это нравственные достоинства спорящаго лица. Кроме того, у Данила есть нѣкоторыя сужденія, касающіяся самаго метода или способа состязанія съ еретиками. Послѣ запрещенія „безсловесныхъ стязаній“, какъ совершенно бесполезныхъ и безцѣльныхъ, митрополитъ непосредственно за симъ продолжаетъ: „аще ли же о благословныхъ винахъ възсканіе нѣкое будетъ, тогда стязанія и испытанія въ любви Божественнѣй съ опасствомъ покажемъ не поносяще, ни укоряюще другъ друга, но любовнѣ совѣтующе и совопрошающеся, да възскаемыя вещи разрѣшеніе примутъ, или о церковныхъ каковѣхъ любо, или о догматахъ нѣкихъ распря и елико такова или мала или велика, дѣло есть тихо и кротко избрати истинная разумѣнія и разсужденія по свидѣтельству божественныхъ писаній“²⁾. Исполненный любви, запечатлѣнный духомъ кротости способъ состязанія съ еретиками сильно дѣйствуетъ на нихъ: онъ дѣлаетъ ихъ самихъ болѣе мягкими и сговорчивыми и болѣе склонными выслушивать возраженія. „Аще“, говоритъ митрополитъ,—„ученіе, или бесѣды и вопросы, и отвѣты все буди благочинно, и благоговѣнно, и благочестно и немаятежно, да хотящеи глаголати на ны слово лукаво постыдится“³⁾. Нельзя не видѣть въ этихъ краткихъ замѣчаніяхъ Данила духа любви, которымъ онъ проникнуть былъ къ своимъ заблуждающимся пасомымъ. Черта весьма характерная для митрополита Данила. Такая особенность его возрѣвій въ сравненіи съ школой, изъ которой онъ вышелъ, еще подробнѣе развита имъ по другому вопросу, и еще

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 41.

²⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 7.

³⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 9.

леніе выступаетъ она предъ нами при дальнѣйшемъ анализѣ его воззрѣній по вопросу объ еретикахъ.

Въ основѣ всякихъ состязаній съ еретиками должна лежать великая безграничная любовь къ нимъ. Любовь должна освящать все, ею одною должны руководиться православные въ своихъ столкновенияхъ съ еретиками. Въ данномъ случаѣ, взглядъ Даниіла является вполне опредѣленнымъ и проводится имъ чрезвычайно настойчиво. Идея о любви, о снисходительности къ заблужденіямъ своихъ братій присуща была ему вездѣ и всегда, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и особенно подъ вліяніемъ воззрѣній школы, нѣсколько подавлялась, уклонялась отъ истиннаго пути другою стороною любви его—любовію къ Богу, ревностію по вѣрѣ. Ученію о любви къ еретикамъ Даниилъ отводитъ весьма значительное мѣсто въ ряду другихъ своихъ разсужденій. Первая, довольно обширная, часть восьмага слова вся посвящена имъ ученію о любви къ заблудшимъ. Положимъ, она въ нѣкоторомъ своемъ объемѣ составляетъ простое собраніе евангельскихъ и апостольскихъ текстовъ, связанныхъ между собою единствомъ содержанія, предметъ котораго—любовь и снисхожденіе къ заблужденіямъ вѣрующихъ. Но историческая важность ея тѣмъ не менѣе несомнѣнна, какъ даннаго для характеристики нравственной личности писателя. Однако, и среди простаго перифразированія и комбинированія текстовъ встрѣчаются у Даниіла разсужденія вполне самостоятельныя, которыя проникнуты тѣмъ же духомъ любви и снисхожденія къ еретикамъ. Въ нихъ вѣдетъ безграничная любовь къ еретикамъ, въ нихъ слышенъ голосъ пастыря, для котораго одинаково дороги всѣ пасомые, въ нихъ говоритъ любящее сердце истиннаго христіанина, пекущагося о спасеніи всякаго заблуждающагося ближняго. Вотъ одно изъ такихъ разсужденій и увѣщаній митрополита: „Будемъ милосерди, братіе, будемъ чело-вѣколюбезни, поможемъ въ бѣдѣ сущимъ, накажемъ безчинныя, утѣшимъ скорбящія, уврачуемъ немощныя, възыщемъ заблуждшяя, обратимъ прельщенныя. Помысли, обращается далѣе пастырь къ своимъ пасомымъ, что ради пророци, что ради самъ Единородный Сынъ Божій прииде? Что ради посла апостолы въ весь міръ? — да чело-вѣки спасеть, да прельщенныя обратитъ. Сіе и мы сотворимъ по силѣ своей, всяко тщаніе и промышленіе творяще о заблуждшихъ возвращеніи по Христовымъ заповѣдямъ въ славу имени Его Пресвятаго. Аще убо потщимся учити, показати, врачевати, милостію, кротостію, сладкими словесы, сладостнѣйшими бесѣ-

дами отъ Божественныхъ писаній истинная разумѣнія избирающе, велию пользу человѣкомъ хотящимъ спастися и себѣ исхода-тайствуемъ“¹⁾. Никакъ нельзя думать, чтобы, говоря съ такою силою, съ такимъ убѣжденіемъ о любви къ еретикамъ, митрополитъ имѣлъ въ виду здѣсь только тѣхъ изъ нихъ, которые отличались податливостью въ своихъ убѣжденіяхъ, или разсуждалъ о любви къ еретикамъ, какъ только о средствѣ и предварительномъ приѣмѣ въ обращеніи съ ними, тонъ и характеръ котораго можно и позволительно измѣнить въ послѣдствіи. Нисколько. Даниилъ является здѣсь очень послѣдовательнымъ и настойчивымъ въ проведеніи своего принципа. Всѣ мѣры, основанныя на любви къ ближнему, должны быть испробованы и пущены въ дѣло прежде, чѣмъ обратиться къ отысканію новыхъ изъ нихъ и съ другимъ характеромъ дѣйствій и послѣдствій. „Научимъ хулящая не хулити имени Божія“, убѣждаетъ пастырь, — „непослушествовавшая же челоѣколюбнѣ врачуѣ, цѣли, исправляѣ; или еще не исправляется, паки накажи любовію и мудростію: тихо, кротко совратившихся съ праваго пути направи челоѣколюбнѣ и милостивнѣ, да и самъ милость отъ Владыки Христа получиши въ семь вѣщѣ и въ будущемъ“²⁾. Мысль о любви къ еретикамъ, какъ руководительномъ началѣ въ обращеніи ихъ къ истинѣ, повторяется Данииломъ и во многихъ другихъ мѣстахъ и съ подобною же настойчивостью и силою слова³⁾. Доказательствами, аргументирующими мысль автора, служатъ: въ первомъ словѣ—обширное правоученіе изъ бесѣдъ Іоанна Златоуста на Евангеліе Маттея⁴⁾, во второмъ словѣ—изреченіе Іоанна Лѣствичника⁵⁾, и наконецъ, въ восьмомъ—слова толкованія Іоанна Златоуста на Евангеліе Маттея⁶⁾. Аргументы, дѣйствительно, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 241.

²⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 273.

³⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, лл. 272, 240, 241.

⁴⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 32 — 37. Цитата дѣйствительно принадлежитъ Златоусту и по мыслямъ не уклоняется отъ современнаго перевода. См. Бесѣды Златоуста на Маттея. Москва. 1829 г., стр. 444—446.

⁵⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 47. Цитата дѣйствительно принадлежитъ Іоанну Лѣствичнику и взята изъ восьмага слова его о негнѣнливости и кротости. См. преп. отца нашего Іоанна, игумена Синайскаго горы, Лѣствича. Москва. 1851, стр. 137.

⁶⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 269—271. Цитата варіанъ, извращеній мысли нѣтъ. См. Бесѣды Златоуста на Ев. Маттея. Москва. 1829. Право-

своему назначенію и подтверждаютъ мысли автора; особенно же это имѣетъ значеніе въ отношеніи къ обширному отрывку изъ бесѣды св. Златоуста. Данилъ какъ чему училъ другихъ, такъ и самъ поступалъ. Такъ можно думать и допускать на основаніи словъ его окружнаго посланія, гдѣ онъ отъ собственнаго своего лица говоритъ между прочимъ: „мы различная ученія любовная, и законъ и служенія слова, яже пріяхомъ отъ Бога, точію яже по Бозѣ любви ради духовныя на всѣхъ показуемъ свѣщающе, и моляще, и глаголюще, и учаще, и наказующе, сице возможемъ о Господѣ въ духовную любовь привести кого, въ единство православія вѣры православныя и утверженія и соблюденія въ согласіе, и соединеніе, и исправленіе“¹⁾.

Какъ благосклонно ни относились бы сретивши къ попыткамъ православныхъ обратитъ ихъ къ единенію въ вѣрѣ, были, конечно, нерѣдко случаи и такого рода, когда православные встрѣчали въ своихъ противникахъ лицъ сильно убѣжденныхъ, которыя нескоро и нелегко поддавались ихъ увѣщаніямъ. Здѣсь уже каждый состязующійся отстаивалъ свои дорогія ему убѣжденія, съ которыми онъ сроднился, и которыя онъ давно считалъ своими и никакъ не хотѣлъ теперь признать или даже заподозрить ихъ состоятельность. Съ той и другой стороны, такимъ образомъ, готовилась все болѣе и болѣе возбужденія, горячности, споръ не могъ удержаться во все время своего продолженія на чувствѣ любви одного спорящаго и на чувствѣ уваженія другаго. Требовался какой-либо исходъ изъ такого для обоихъ состязующихся лицъ затруднительнаго положенія. Здѣсь, такимъ образомъ, нужны были новыя правила, которыми могли бы руководствоваться православные въ томъ случаѣ, когда споры принимали иной оборотъ и переходили въ горячія состязанія, гдѣ уже начало любви, проповѣдуемое Даниломъ, не могло, по самому существу дѣла, упорядочивать споры и опредѣлять ихъ тонъ и характеръ. Чрезвычайно трудно выдѣлать и уловить взглядъ Данила на этотъ моментъ споровъ. Беспорядочность въ изложеніи мыслей и краткость ихъ составляютъ въ этомъ случаѣ главное препятствіе. Это обстоятельство, само собою, вынуждаетъ сознание, что то опредѣленіе, какое дано

ученіе 29-е, стр. 188—189. Подлинникъ см. *Migne Patrolog. Curs. Complet. Ser. Graec. tom. LVII. S. I. Chrysostomi tom. VII. pars prima, pag. 361—362.*

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 514—151, л. 422—423. Памятники старинн. русск. литературы, вып. IV, стр. 198.

будеть ниже, не можетъ претендовать на полную достовѣрности и не можетъ выходить за предѣлы истинъ проблематическаго характера.

Когда всѣ мѣры любви и кротости въ обращеніи съ еретиками были исчерпаны и оказались безуспѣшными, тогда, по взгляду Данила, православные должны замѣтно и чувствительно для нихъ измѣниться въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ. Съ этого момента споры православные должны начать брань съ еретиками. „Къ таковымъ“ (то есть, не виявшимъ кроткимъ увѣщаніямъ), говоритъ митрополитъ, — „лучши есть мира, отлучающаго насъ отъ Бога, похвальная брань“ ¹⁾. Данилъ мало представляетъ данныхъ для опредѣленія понятія „брани“. Несомнѣнно брань въ первомъ періодѣ своего развитія должна носить на себѣ отпечатки любви, хотя проявленія ея должны быть какъ можно болѣе и тщательнѣе скрываемы. Въ этотъ періодъ споры со стороны православныхъ могутъ и должны быть употребляемы, хотя только и для вида, и угрозы. „Возставимъ“, говорится въ девятомъ словѣ Даниловскаго сборника, — „падшихъ, възщемъ заблудшихъ, обратимъ прельщенныхъ: овѣхъ сладостными словесы и сладостнѣйшими бесѣдами и тихими и мягкими врачеваніи пользоваться, отъ Божественныхъ писаній истинная разумѣнія избирающе; овѣхъ же свѣрѣпо, и страшно, и жестоко противу недугу врачеваніе приносить, точію милостивно, челоуѣколюбно, душеполезно, спасительно: языкомъ страшно и свѣрѣпо глаголя, душею же и сердцемъ милостію разливаясь, яко отъ единаго врага вси ратѹемы есмы не еже бо не возставити, ниже исправити въ прегрѣшеніихъ суща кого учими есмы, но еже не горку быти судіи въ прегрѣшеніихъ нашихъ“ ²⁾. Не такого характера должна быть брань съ еретиками, если первый способъ вѣденія ея не удался. Ее долженъ тогда покинуть тотъ духъ любви и кротости, который скрывался за всѣми употреблявшимися во время ея видимыми угрозами и застраиваніями. Второй періодъ брани съ вольнодумцами есть уже, въ собственномъ значеніи, брань. Данилъ заповѣдуетъ православнымъ, когда объ упрямство еретиковъ разобьются всѣ мѣры любви и кротости, „не точію отбѣгати отъ нихъ, но и бранитися съ ними о вѣрѣ и благочестіи“ ³⁾. [Отсюда становится ясно, что всякія дружелюбныя отношенія съ еретиками дол-

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. ака. № 197, л. 7.

²⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 279.

³⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 514—151, л. 422.

жны быть прекращены и должны смѣниться бранью съ ними, въ самомъ строгомъ значеніи этого слова. Брань эта, между прочимъ, состоитъ въ томъ, чтобы „воспретити, возустити, устрашити“¹⁾ еретиковъ. И на этой почвѣ споровъ должны быть употреблены всевозможныя репрессивныя мѣры въ родѣ угрозъ и застрачиваній, которыя притомъ были бы на столько сильны, на столько осязательны и чувствительны для всѣхъ, что воздѣйствовали бы не только на лицъ, непосредственно причастныхъ ведущимся спорамъ, но и на всѣхъ вообще еретиковъ. „Къ неприемлющимъ врачеванія“, говоритъ Даниилъ, — „по многѣмъ наказаніи и невосхотѣвшимъ въ лучшее (чит.: лучшей) пріити въ конецъ, возревнуй ревностію Божественною, да же и прочіи страхъ имуть, и отступятъ отъ сатаны и обратятся къ Господу Богу, да покаявшеся поживуть блаженное житіе“²⁾. Вотъ послѣдняя ступень споровъ съ еретиками, за которою слѣдуетъ полный разрывъ съ ними. Эта ступень, какъ было видно, есть та именно „похвальная брань“, которая сопровождается для всѣхъ еретиковъ чувствительными репрессалиями и это съ тою цѣлію, какъ выражается самъ авторъ, „даже и иніи зліи (еретики) устрашаются“³⁾.

Конечно, не на всѣхъ еретиковъ могли дѣйствовать и угрозы православныхъ, какъ бы онѣ, по видимому, ни были чувствительны. Въ такомъ случаѣ самъ собою поднимался вопросъ о томъ, какъ относиться къ такимъ упрямымъ еретикамъ. Когда всѣ мѣры любви и кротости и мѣры угрозъ испробованы и оказались недѣйствительными, тогда, по мнѣнію Даниила, ничего не остается болѣе, какъ только прервать всякую связь съ еретиками, до сихъ поръ допускавшуюся въ пѣкоторой мѣрѣ ради обращенія ихъ къ истинѣ. Здѣсь авторъ выражается очень опредѣленно. „Если по Евангелію житіе не приемятъ, ни едино же намъ къ нимъ слово“⁴⁾—вотъ его категорическое требованіе. Держась такого взгляда, митрополитъ никакъ не могъ помириться съ тѣми изъ своихъ пасомыхъ, которые и послѣ своихъ неудачныхъ попытокъ не прекращали своихъ связей съ еретиками. Что такого рода факты существовали, это можно видѣть изъ обличеній Даниила. „Аще“, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—„не

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 274.

²⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 273—274.

³⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 7.

⁴⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 214/161, л. 423.

пріемлютъ наказанія по мнoземъ врачеваніи, аще не обращаются и въ познаніе истины къ Христу Богу не приходятъ, почто съ нимъ (чит. съ ними) совокупляешися? Что ради имъ другъ бываеши? Почто отъ нихъ не отступаеши и не хранишися?“ Далѣ авторъ приводитъ множество текстовъ Священнаго Писанія въ подтвержденіе налагаемаго имъ запрещенія сообщаться съ еретиками ¹⁾). Сильнымъ аргументомъ у Даниила является здѣсь также довольно обширный отрывокъ изъ одной бесѣды І. Златоуста на евангеліе Іоанна ²⁾).

Разрывомъ непосредственныхъ сношеній съ еретиками не должны окончиться всѣ нравственныя обязательства православныхъ въ отношеніи къ нимъ. Долгъ православныхъ, какъ истинныхъ христіанъ состоитъ въ отысканіи еще новыхъ посредственныхъ мѣръ воздѣйствія на заблуждающихся. Здѣсь Данииль рекомендуетъ именно двѣ мѣры или два средства, совершенно противоположныя какъ по своему значенію, такъ и по своему отношенію къ основнымъ началамъ нравственной дѣятельности истиннаго христіанина. „Молимся наипаче пріобрѣсти ихъ (еретиковъ) и изъяти отъ сѣти лукаваго“ ³⁾),—мѣра, указываемая въ этихъ словахъ митрополитомъ, именно молитва къ Богу объ обращеніи заблудшихъ, вполне достойная христіанина. Но она для такого практическаго человѣка, какимъ былъ Данииль, одна была вовсе недостаточна. Ей недоставало осязательности. Совершенно иного характера другая рекомендуемая авторомъ мѣра воздѣйствія на еретиковъ. Для противодѣйствія успѣхамъ еретической пропаганды, Данииль совѣтуетъ православнымъ, послѣ того какъ всѣ другія мѣры испробованы и остались безъ результата, производить вражду, раздоръ между еретиками, чтобы по крайней мѣрѣ этимъ способомъ ослаблять и уменьшать зло, производимое современными вольнодумцами. Впрочемъ, такая мѣра трактуется авторомъ какъ полезная и цѣлесообразная и въ отношеніи православныхъ, когда они являютъся съ большими нравственными недостатками и дѣйствуютъ и развиваются въ нихъ сообщаясь съ другими лицами. Такимъ образомъ, правило дѣйствовать на еретиковъ путемъ произведенія вражды между ними

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 274—276.

²⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 44—46. Цитата взята изъ 57-й бесѣды Златоуста на ев. Іоанна и не удаляется по мыслиамъ отъ современнаго перевода бесѣды Златоуста. См. бесѣды Златоуста на ев. Іоанна, ч. II, изд. при С.-Петербург. дух. акад. 1855 г., стр. 283—286.

³⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 514/161, л. 423.

обобщается авторомъ и возводится, можно сказать, въ принципъ нравственной дѣятельности и въ отношеніи къ православнымъ, ведущимъ порочную и зазорную жизнь. Принципъ замѣчательный и совершенно новый для православно-нравственнаго ученія. Нельзя думать, чтобъ авторъ здѣсь проговорился или впалъ въ ошибку, и вообще здѣсь подобныя извиненія не могутъ имѣть мѣста. Даниилъ былъ вполне сознательно убѣжденъ въ истинѣ того, что онъ утверждалъ. За это говоритъ та настойчивость, съ которою онъ относится къ изложенію и аргументированію своего дѣйствительно новаго начала въ области православной нравственности. Предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, на столько важный, и тѣмъ болѣе, изложенъ авторомъ на столько ясно, что вызываетъ собою необходимость остановиться на немъ подольше и изложить его пообстоятельнѣе.

Даниилъ хочетъ отыскать для себя общую нравственную точку зрѣнія и установить общее нравственное положеніе, изъ котораго можно было бы потомъ вывести извѣстныя частныя нравственныя сужденія. „Прежде всего вѣдѣти подобаетъ намъ о всякой вещи: какова убо аще есть—или мала или велика, да имать всяко мудрованіе и разумъ по воли Божественѣй и угодная тому“ ¹⁾,— вотъ исходный пунктъ воззрѣній Даниила, и можно сказать, начало проповѣдуемой имъ своеобразной нравственной доктрины. Такимъ образомъ, каждый предметъ, каждый поступокъ должны быть разсматриваемы и оцѣниваемы съ точки зрѣнія исключительно религіозно-нравственной. Здѣсь должна быть опредѣлена сущность того или другаго нравственнаго дѣянія, соотвѣтственно тому, сообразно оно съ волею Божіей или нѣтъ, и отсюда уже долженъ исходить приговоръ о немъ. Избравъ такое общее нравственное положеніе за исходный пунктъ своихъ сужденій, Даниилъ, для выясненія его, обращается къ частнымъ случаямъ, частнымъ примѣрамъ, какіе бываютъ возможны въ нравственной дѣятельности человѣка. Такимъ подходящимъ для него примѣромъ служить понятіе о мирѣ. Онъ говоритъ, „яко не всюду есть миръ добро“ ²⁾. Сужденіе вполне правильное и вполне основательно констатируется словами толкованія на Евангеліе Луки ³⁾ и словами бесѣды Іоанна Златоуста на ев. Іоанна ⁴⁾.

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197 л. 41.

²⁾ Ibid.

³⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197 л. 43—44. Толкованіе принадлежитъ Теофилакту Болгарскому. См. Благовѣстникъ, ч. III, стр. 209—210.

⁴⁾ Рукоп. Моск. дух. акад., № 197, л. 44—45. Цитата взята изъ 57-й бесѣды

Но выводы, какими авторъ хочетъ воспользоваться изъ этого положенія, страдаютъ уже недостатками. Съ одной стороны, онъ вполне вѣренъ истинѣ, когда утверждаетъ: „аще другъ друга волнуша и ратующа видѣвъ не по Божественѣй воли, и сихъ смириши, въ соединеніе устроиши“¹⁾, то этимъ исполняешь заповѣдь Господа, — такова дальнѣйшая мысль автора, основаніе и достаточное подтвержденіе которой находится въ толкованіи Златоуста на Евангеліе Матвея²⁾. Но второй выводъ не выдерживаетъ критики. Даниилъ продолжаетъ: „и паки другихъ видѣвъ любяще другъ друга къ отвращенію законъ Божіихъ и ненависть между сими устроиши, разоряя грѣховное ихъ соединеніе, явно есть, яко въ обоихъ сихъ вещехъ волю Божию содѣлаеши“³⁾. Мысль автора ясна безъ всякихъ комментаріевъ. Устроить вражду между еретиками и безнравственными людьми, значить поступить вполне сообразно своему нравственному долгу и даже какъ бы больше—значить исполнить волю Божию. Но вражда есть несомнѣнно само по себѣ дѣйствіе безнравственное, и однакоже она въ то же самое время является, по взгляду Даниила, поступкомъ вполне нравственнымъ, добрымъ потому только, что имъ приносится вредъ еретикамъ, имъ разрушаются сообща направленныя еретиками дѣйствія противъ православныхъ, имъ, наконецъ, разъединяются общества безнравственныхъ людей. Очевидно, Даниилъ склоняется къ такимъ нравственнымъ воззрѣніямъ, которыя немного послѣ на западѣ сдѣлались одними изъ руководительныхъ началъ дѣятельности ордена іезуитовъ, внесшихъ въ кодексъ своихъ нравственныхъ постановленій положеніе: „цѣль оправдываетъ средства“. Митрополитъ Даниилъ хотя такъ не формулировалъ своего взгляда на нравственную дѣятельность человѣка, но его слова, въ частности, воспроизводятъ то, что впоследствии провозгласили, какъ нравственный принципъ, іезуиты. Какъ ни старался Даниилъ подыскать основаній для своего оригинальнаго взгляда въ свято-отеческой литературѣ, ему не удалось достигнуть своей цѣли. Во всѣхъ почти приводимыхъ имъ свидѣтель-

---

Златоуста на ев. Іоанна и не отступаетъ по мыслямъ отъ современнаго перевода. См. бесѣды Златоуста на ев. Іоанна, перев. при С.-Петербург. дух. акад. 1855 г., ч. II, стр. 283—284.

¹⁾ Рук. Моск. дух. акад. № 197, л. 41.

²⁾ Рук. Моск. дух. акад. № 197, л. 42—43. Цитата подлинная. См. бесѣды Златоуста на евангеліе Матвея, М. 1829 года, бес. 15, стр. 92.

³⁾ Рук. Моск. дух. акад. № 197, л. 41—42.

ствахъ, о которыхъ частью упомянуто было раньше, только констатируется положеніе, что не всякій миръ есть добрый миръ, и въ нихъ нисколько не говорится о какихъ-либо поступательныхъ ненравственныхъ дѣйствіяхъ противъ людей, живущихъ между собою въ мирѣ, основанія котораго не могутъ быть одобрены съ моральной точки зрѣнія. Здѣсь митрополитъ оказался безъ почвы. Только одно свидѣтельство, именно Іоанна Лѣствичника, ссылающагося на свой опытъ, что онъ видѣлъ и „враждотворци блаженны“¹⁾, нѣсколько оправдываетъ Даніила. Во всякомъ случаѣ, авторитетъ І. Лѣствичника для насъ не на столько важенъ, чтобъ его ученію можно было придавать догматическое значеніе. Совершенно иначе смотрѣлъ на дѣло самъ авторъ. У него не было строгаго различія между свидѣтельствами, принадлежащими разнымъ лицамъ, занимавшимъ не одинаковое положеніе въ церкви и пользовавшимся въ ней не одинаковымъ авторитетомъ; онъ смотрѣлъ на нихъ чисто юридически, какъ на документы, не пускаясь въ разсужденіе о степени важности и авторитетности лицъ, которымъ они принадлежали.

Даніилъ вполне былъ убѣжденъ въ истинности проповѣдуемаго имъ нравственнаго начала и старался сдѣлать его болѣе или менѣе распространеннымъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, позволяетъ думать настойчивость, съ которою онъ проводитъ его въ своихъ словахъ. Между сужденіями Даніила встрѣчаются отрывочныя, вскользь сказанныя имъ выраженія, которыя ведутъ къ предположенію, что ему самому высказаны были возраженія по поводу извѣстнаго его ученія о нравственности. „Да не убо“, говоритъ Даніилъ въ одномъ мѣстѣ, — „своимъ разумомъ и разсужденіемъ кромѣ божественна воля сотворимъ что“, — рѣчь идетъ непосредственно послѣ того, какъ авторомъ высказано было, хотя и въ другой формѣ, ученіе о цѣли, оправдывающей средства, которое, значитъ, есть выраженіе самой Божественной воли, — „аще и поропшуть и соблазнятся нѣціи, продолжаетъ далѣе митрополитъ, по ты не смущайся, ни упывай и даже до смерти стой о Божественныхъ заповѣдехъ, аже ли же къ угроженію чловѣкомъ спидеши и ти сами чловѣци укорятся и насмѣются неразумію

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 47. Есть и въ современномъ русскомъ изданіи твореній І. Лѣствичника. См. препод. отца нашего Іоанна, игумена Синайской горы, Лѣствица. М. 1851 г., стр. 302.

твоему" ¹⁾). Уже въ послѣднихъ выраженіяхъ Даниилъ переходитъ на общую точку зрѣнія и начинаетъ сужденіе о стойкости въ страданіяхъ за правду, утѣшая страдальцевъ за нее тѣмъ, что, какъ онъ сказалъ въ оглавленіи втораго слова, „невозможно благихъ дѣлъ прилежащему отъ всѣхъ слышати добро, такоже и о истинѣ стоящему не многи имѣти враги, но аще о сихъ соблазняются нѣщии, не устрашатися подобаетъ, но твердо быти и не поколеблему“ ²⁾). Въ подтвержденіе того, что люди, стоящіе за истину, выносятъ иногда много оскорбленій и страданій, авторъ ссылается на слова толкованія Златоуста ³⁾ и Теофилакта Болгарскаго на ев. Матоея ⁴⁾). Такимъ образомъ, мысль автора двоятся: онъ убѣждаетъ твердо и настойчиво проводить въ жизни проповѣдуемое имъ нравственное начало, и въ то же время — стоять непоколебимо за правду вообще. Между тѣмъ и другимъ совѣтомъ Даниила существуетъ самая тѣсная органическая связь, такъ какъ и рекомендуемое имъ правило есть, по его взгляду, тоже фактъ истины и относится къ ней какъ частное къ своему общему, подъ коимъ оно необходимо подразумѣвается. Съ своей точки зрѣнія Даниилъ правъ, но не правъ онъ съ точки зрѣнія истинныхъ нравственныхъ началъ, когда требуетъ настойчиваго проведенія въ жизнь, какъ священной истины, того, что на самомъ дѣлѣ далеко не есть истина.

Мы прослѣдили весь путь, представили всю программу, какою должны, по ученію Даниила, руководствоваться православные въ своихъ сношеніяхъ съ еретиками и въ воздѣйствіи на нихъ въ пользу обращенія ихъ къ истинной вѣрѣ. Программа, за немногими развѣ исключеніями, составлена на исполнѣ гуманныхъ и человеколюбивыхъ началахъ. Она очень далека отъ суровой доктрины Юсифа Волоцкаго. Только кругъ ея дѣйствій, по воззрѣніямъ Даниила, не долженъ простирается на всѣхъ еретиковъ. Даниилъ полагаетъ существенное различіе между закоренѣлыми, неисправимыми еретиками и такими изъ нихъ, которыхъ увлекла въ ересь не сознательная и преднамѣренная развращенность ума, а невѣжество или господство надъ человекомъ

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 42.

²⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 41.

³⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 48—49. Цитата подлинная. См. Бесѣды св. Златоуста на ев. Матоея, М. 1829 г., стр. 92—93.

⁴⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. Цитата не отстаетъ по мысли отъ современнаго изданія твореній блаженнаго Теофилакта Болгарскаго, См. Властины, ч. I, стр. 95—96.

разныхъ слабостей и страстей, сдѣлавшихъ изъ него своего раба и помрачившихъ его разсудокъ. Невольные еретики, какъ могутъ быть названы еретики послѣдняго рода, заслуживали большого сожалѣнія въ глазахъ митрополита; онъ требовалъ сочувствія для нихъ и истинно братскаго отношенія къ нимъ со стороны православныхъ. Послѣдняго рода еретики не могли быть особенно стойкими въ случаѣ усвоенныхъ ими еретическихъ понятійхъ, и потому для возвращенія ихъ къ истинѣ вполне были достаточны тѣ гуманныя мѣры, программа которыхъ представлена выше. И такихъ-то еретиковъ, какъ нужно думать, было значительное большинство между современными Даниилу русскими вольподумцами. Иначе трудно объяснить себѣ то стараніе и настойчивость его, какія обнаружены имъ въ наставленіяхъ о любви, какъ руководительномъ началѣ для православныхъ въ отношеніяхъ ихъ къ заблуждающимся. Съ другой стороны, для вразумленія еретиковъ иного рода, еретиковъ неисправимыхъ, дерзкихъ, Даниилъ рекомендуетъ употреблять мѣры совершенно противоположнаго характера, чѣмъ тѣ, какія указаны были выше, и на нихъ останавливается несравненно менѣе, и это скорѣе всего потому, что число лицъ, которыхъ онъ непосредственно касался, было относительно не такъ велико. Митрополитъ довольно подробно разсматриваетъ обстоятельства, которыя иногда способствовали православному переходу въ еретичество, и безъ которыхъ они навсегда оставались бы вѣрными сынами православной церкви. Такіе еретики жалки въ своихъ собственныхъ глазахъ и достойны сожалѣнія въ глазахъ другихъ. „Разумѣти же и о семъ подобаетъ“, говоритъ Даниилъ, — „яко много челоуѣкомъ прилучаются многообразныя напасти душевныя и тѣлесныя, ово отъ ненаученія и ненавидѣнія, ово отъ друзей неполезныхъ, ово отъ обидѣнія и пиянства, отъ него же блудъ и многоразличныя страсти и ереси погибельныя... а еще отъ гордости бывають напасти челоуѣкомъ душевныя и тѣлесныя, сія вси вѣдять, сице же и отъ осуженія, тако же и отъ сребролюбія и желанія богатства, есть же и отъ непокоренія и непослушанія, другое же отъ немилости и жестокосердія, ипо же отъ несовѣтія и самочинія, другое же отъ возношенія и желанія славы скоропогибающаго житія, и паки отъ немилости любви, иже о Господѣ, къ челоуѣкомъ, отъ него же невѣріе и хуленіе,... да таковыхъ вѣдающе бѣсовскихъ сѣтей и множество распростертыхъ на уловленіе наше, будемъ

милостивы другъ другу и себѣ братіе“¹⁾. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что митрополитъ дѣлалъ разграниченіе между еретиками. Снисходительность и гуманность въ отношеніи къ невольнымъ еретикамъ не можетъ быть никакимъ образомъ примирима съ требованіемъ автора строгихъ, суровыхъ мѣръ противъ необузданныхъ открытыхъ еретиковъ. Самый способъ выраженія автора, его грамматическая форма подтверждаютъ и вынуждаютъ признать такое разграниченіе. Непосредственно послѣ строгаго осужденія открытыхъ и неисправимыхъ еретиковъ и требованія для нихъ соотвѣтствующихъ суровыхъ мѣръ, авторъ тотчасъ же дѣлаетъ отступленіе и какъ бы оговаривается, когда продолжаетъ: „разумѣти же и о семъ подобаетъ яко много человекомъ прилучаются многообразныя напасти душевныя“ (то-есть, ересь)²⁾, и далѣе ведется рѣчь о еретикахъ, которые впали въ заблужденіе по невѣжеству или по чему-либо въ этомъ родѣ, и которые по тому самому заслуживаютъ снисхожденія и должны быть исправляемы и обращаемы къ истинѣ посредствомъ мѣръ кротости и любви.

Совершенно противоположнымъ характеромъ отличается взглядъ митрополита Данила на открытыхъ, неисправимыхъ еретиковъ. Въ отношеніи къ нимъ онъ является пастыремъ строгимъ, ревнителемъ мѣръ, которыя такъ настойчиво проповѣдуемы были его учителемъ, Іосифомъ Волоцкимъ. Митрополитъ называетъ такихъ еретиковъ „хулителями Христа и Пречистія Его Матери“,—ясный признакъ того, что дѣйствія этого рода еретиковъ не ограничивались одною пропагандою своего ложнаго ученія, что они, какъ видно, дозволяли себѣ открыто издѣваться надъ всѣмъ, чтѣ дорого и священо для православія. Къ этого рода еретикамъ болѣе всего относится названіе „враговъ Божіихъ“, данное имъ авторомъ въ оглавленіи восьмагаго слова. Ко врагамъ Божіимъ митрополитъ безпощадеиъ. Для нихъ никакого другаго чувства не должно существовать въ сердцѣ православнаго, кромѣ чувства крайпей и послѣдней несправности. Данилъ убѣждаетъ православныхъ „совершенною несправностию возненавидѣти ихъ“ (еретиковъ)³⁾. Ненависть, какъ бы она сильна ни была, тѣмъ не менѣе она принадлежитъ къ области чувства, и живетъ въ чувствѣ, и потому она не можетъ быть особенно чувстви-

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 240.

²⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 240.

³⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 240.

тельна для еретиковъ. Противъ нихъ необходимы мѣры дѣйствій. И вотъ Даниилъ убѣждаетъ православныхъ возревновать противъ еретиковъ „божественною ревностію и проявлять къ нимъ „праведную ярость.“ „На враги Божія и попирающая законы Его всю праведную ярость и божественную ревность отъ души покажемъ“¹⁾),—вотъ основное положеніе, вотъ девизъ для православныхъ въ ихъ отношеніи къ необузданнымъ еретикамъ. Какъ ни сильно выраженіе автора, оно тѣмъ не менѣе мало даетъ указаній, въ чемъ именно должна проявиться для православныхъ ярость ихъ къ еретикамъ. У Даниила нѣтъ никакихъ болѣе существенныхъ опредѣлений понятія божественной ярости, которою должны быть воодушевлены всѣ православные по отношенію къ заблуждающимся. Только по аналогіи и путемъ сопоставленія съ другими сужденіями митрополита можно ориентироваться въ настоящемъ предметѣ и опредѣлить въ общихъ чертахъ то понятіе, какое соединялось у Даниила съ названіемъ божественной ярости. Несомнѣнно, что, говоря о ней, митрополитъ имѣлъ въ виду проявленіе ея въ дѣйствіяхъ, но вовсе не такого нравственнаго и миролюбиваго характера, какимъ отличались почти всѣ прежде рекомендованныя имъ мѣры обращенія съ еретиками. Божественная ревность и ярость по вѣрѣ, надъ которою такъ открыто издѣвались еретики, есть, по идеѣ митрополита, именно возмездіе имъ за ихъ поведеніе, и на сколько послѣднее дерзко и необузданно, на столько же должны быть сильны и чувствительны и мѣры самого возмездія за него. Здѣсь православные являются въ роли мстителей за оскорбляемое Божество, мстителей строгихъ, безпощадныхъ и суровыхъ карателей соотвѣтственно дерзкимъ и неслыханнымъ поступкамъ еретиковъ противъ истинной вѣры и истинныхъ чтителей ея. Такъ именно даетъ право заключать строгое соотвѣтствіе, какое видно у Даниила, когда онъ говоритъ объ отмщеніи божественномъ и собственно человѣческомъ — такомъ, которое составляетъ обычное отправленіе человѣческой жизни. Настаивая на мысли, что православные въ своихъ дѣйствіяхъ противъ еретиковъ должны знать, что они имѣютъ здѣсь въ виду не собственное отмщеніе за какія-либо личныя оскорбленія и счеты, а отмщеніе за поруганіе ими святыни, Даниилъ говоритъ: „да никако же себе отмстити потщимся, возлюбленія, но точію на враги Божія... праведную ярость

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 276.

покажемъ“¹⁾). Но отмщеніе человѣческое, какъ извѣстно, не обходится часто безъ внѣшнихъ репрессалій, слѣдовательно, въ подобныхъ же тому формахъ должно проявляться и обнаруживаться на еретикахъ и отмщеніе божественное,—такъ по крайпей мѣрѣ, позволяетъ думать образъ выраженій самого автора. Такимъ образомъ, хотя самъ Даниилъ не указываетъ характера и духа мѣръ, въ которыхъ должно выражаться Божественное отмщеніе, но по самому ходу его мыслей, и главное, подъ непосредственнымъ освѣщеніемъ приводимыхъ имъ свидѣтельствъ вполне ясно, что мѣры эти есть ничто иное, какъ правительственное преслѣдованіе еретиковъ, какъ государственныхъ преступниковъ, въ которомъ, впрочемъ, по мѣрѣ силъ и возможности, долженъ принимать участіе и каждый православный. Однимъ словомъ, здѣсь всѣ мѣры дѣйствія противъ еретиковъ сводятся къ мѣрамъ чисто внѣшнимъ, мѣрамъ репрессивнаго характера. Побужденія, какія указываетъ митрополитъ, какъ основаніе и оправданіе преслѣдованія еретиковъ, заслуживаютъ вниманія. „Будь“ говорить онъ,—„ревнитель по Господѣ Возѣ, непусти еретикомъ хулити имени Христа Бога, помяни Владыки твоего Христа человѣколюбіе, колико тебе ради сотвори: небо, солнце, луну и звѣзды, землю, море, источники и рѣки, и вся движущаяся въ нихъ, и яже на земли живущая, и иже по воздуху летающая, вся тебѣ даде и падо всѣми тебя царя постави; и еще что надъ сими? — Богъ человѣкъ бысть тебе ради, и вольную и безчестную страсть претерпѣ тебе ради, и будущая благая тебѣ обѣща, и царство небесное и съ ангелы житіе, а ты не хочещи злодѣйственнымъ еретикамъ... воспрѣтити, возустити, устрашити?“²⁾

Введеніе въ программу дѣйствій противъ еретиковъ мѣръ репрессивныхъ въ видѣ преслѣдованія со стороны правительства, обосновано Данииломъ довольно твердо. Въ доказательство законности преслѣдованія несправимыхъ еретиковъ авторъ представляетъ цѣлую систему, цѣлое отдѣльное міровоззрѣніе, замѣчательное не только въ отношеніи къ вопросу о еретикахъ, но и весьма важное для характеристики вообще взгляда Даниилова на взаимоотношеніе церкви и государства. Свой предметъ Даниилъ начинаетъ издалека. Онъ начинается у него разсужденіемъ о томъ, „яко подобаетъ къ властемъ послушаніе имѣти

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 276.

²⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 274.

и честь имъ воздаяти" ¹⁾). Установленіе власти въ обществѣ человѣческомъ есть величайшее благодѣяніе для него: „Велія польза“, говоритъ Даниилъ, — „даровася отъ Христа Бога человѣческому роду земными начальствы, много убо благодѣйствуютъ намъ владыціи и яко слуги Божіи суть служаще Богу“ ²⁾). Земныя власти есть то божественное учрежденіе, чрезъ которое Богъ дѣйствуетъ въ людяхъ, и при помощи котораго Онъ продолжаетъ дѣло спасенія человѣческаго рода: „Отець и Сынъ и Святыи Духъ, Пресвятая и Единосущная и Животворящая Троица Богъ нашъ, много пекиѣся о человѣческомъ спасеніи, и устрой власти въ человѣческихъ сынохъ“ ³⁾). Благодѣтельныя и спасительныя дѣйствія богоустановленной власти проявляются въ двухъ различныхъ формахъ: они бывають направлены то „въ отмщеніе злодѣемъ“, то „въ похвалу благодѣющимъ“ ⁴⁾). Такимъ образомъ, власть обнаруживается въ двухъ различныхъ видахъ: она бываетъ карательною силою для недостойно живущихъ людей и силою награждающею для людей добродѣтельныхъ. Тѣ и другія отправленія земной власти одинаково учреждены Богомъ. Богоустановленность власти и отсюда обязанность безусловно подчиняться всѣмъ ея дѣйствіямъ и почитать ее Даниилъ основываетъ преимущественно на разныхъ изреченіяхъ апостоловъ Павла ⁵⁾ и Петра ⁶⁾ и отцовъ церкви Златоуста ⁷⁾ и Василія Великаго ⁸⁾.

Разсужденіе о власти и ея правахъ введено авторомъ въ тѣхъ именпо видахъ, чтобы показать ея право преслѣдовать еретиковъ. Митрополитъ не опредѣляетъ, какую именно власть онъ разумѣетъ, когда говоритъ о власти, но здѣсь, главнымъ образомъ, имѣется въ

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 238.

²⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 239—240.

³⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 238.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Римл. 13, 1—7; Колос. 3, 22—25; Тит. 2, 9—10.

⁶⁾ I Петр. 2, 13—21.

⁷⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 242—246, Цитата взята изъ 70-й бесѣды Златоуста на ев. Маттея. См. Бесѣды Златоуста на ев. Маттея, Москва 1829 г., стран. 403.

⁸⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 241—242. Здѣсь приведено обширное толкованіе Василія Великаго на 2-ю главу 13—21 ст. 1-го Петрова посланія, но никакого такого толкованія на указанное мѣсто не находится въ ряду экзегетическихъ сочиненій св. Василія ни въ переводѣ ихъ на русскій языкъ, ни въ подлинникѣ. См. *Migne, Patrolog. Curs. Complet. ser. gracc., tom. XXX.*

виду власть духовная. „Рци убо ми“, обращается пастырь къ своимъ слушателямъ и читателямъ,— „почто сопротивляешися Божію повелѣнію, сирѣчь власти, отъ Бога учиненной? Не сопротивляются, рече; да почто злая содѣваеши? Почто законы Духа Святаго престаеши? Почто имя Божіе хулиши? Ибо таковая содѣвая всяко отмищеніе приимеши отъ Божіихъ служителей“¹⁾. Выраженіе „Божіи служители“, обратившееся до нѣкоторой степени въ техническій терминъ, обозначающій собою членовъ церковной іерархіи, позволяетъ допустить, что подъ нимъ скорѣе всего разумѣются духовныя власти, представители церкви. Такимъ образомъ, послѣдовательный логическій ходъ мыслей Данила въ разсужденіи о власти слѣдующій: для благоденствія человѣчества Богомъ установлена власть, карающая зло и награждающая добро; такова есть власть вообще, а слѣдовательно, съ тѣми же самыми правами является и власть духовная или власть церкви. Значить, и духовная власть можетъ вполнѣ законно располагать репрессивными мѣрами въ разсужденіи своихъ членовъ, нарушающихъ ея законы и уставы. Очевидно, вся рѣчь митрополита о власти направлена къ тому, чтобъ изъ общаго сужденія о власти и правахъ ея оправдать одобряемыя имъ прерогативы власти духовной, употреблять „всяко отмищеніе“ въ отношеніи враговъ ея, то-есть, открытыхъ еретиковъ.

Смѣшеніе понятій о власти гражданской или государственной съ понятіемъ о власти духовной или церковной проходитъ у Данила чрезъ всѣ его воззрѣнія въ вопросѣ объ отношеніи къ еретикамъ. Логическимъ слѣдствіемъ смѣшенія понятій, по своей сущности далеко не тождественныхъ, явилось перенесеніе свойствъ одного понятія на свойства другаго. Во взглядѣ митрополита Данила весьма чувствительно замѣтно тяготѣніе его къ правамъ власти гражданской государственной. Онъ самую власть церкви измѣряетъ и опредѣляетъ по масштабу власти гражданской. Понятіе о власти свѣтской есть для него своего рода мѣрка, образчикъ для власти духовной въ ея отношеніи къ необузданнымъ еретикамъ. Какъ нельзя болѣе ясно выступаетъ эта особенность воззрѣній Данила въ самомъ его понятіи о еретикахъ. По взгляду митрополита, еретики не только враги церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и враги государства, и въ качествѣ таковыхъ должны быть судимы какъ обыкновенные государственные преступники, воры и разбойники. „Осужаемы быва-

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 239.

ютъ, такъ разсуждаетъ Даниль, татіе и разбойницы и прочія злоторящии человѣци, пріемлютъ же казнь поправшии и оплевавшии образъ земнаго царя и аще убозии и прочіи казнь пріемлютъ, множае паче хулящии и безчествующии Сына Божія и Бога и Пречистую Богородицу¹⁾. Такая же точно аналогія, и въ томъ же самомъ духѣ и съ тою же самою цѣлію проводится между обезчестивающими образъ земнаго царя и хулителями Царя Небеснаго въ свидѣтельствахъ Іоанна Дамаскина²⁾ и Пикиты, игумена Мидійскаго³⁾. на которыя и ссылается Даниль въ подтвержденіе своихъ сужденій. Отсюда видно, что на языкѣ Данила были тожественными понятія еретика и вора и разбойника и вообще нарушителя гражданскихъ постановленій. Смѣшеніе и отождествленіе понятій, различающихся между собою по самой своей сущности, повлекло за собою новыя комбинаціи подобнаго же рода смѣшеній, на которыхъ и зиждется взглядъ митрополита о законсообразности употребленія принудительныхъ мѣръ противъ еретиковъ. Если нарушители общественныхъ порядковъ и государственные преступники подвергаются строгой отвѣтственности предъ закономъ и наказываются соотвѣтственно степени своего преступленія, то тѣмъ болѣе должны подвергаться суровымъ наказаніямъ еретики, открыто надругающіеся надъ уставами церкви и ея божественнымъ ученіемъ. Вотъ тотъ логическій путь, при помощи котораго Даниль пришелъ къ убѣжденію въ необходимости правительственнаго преслѣдованія неисправимыхъ еретиковъ.

И такъ, общій ходъ мыслей Данила характеризуетъ его какъ умѣреннаго сторонника репрессивныхъ мѣръ воздѣйствія на ерети-

¹⁾ Рукоп. Москов. дух. акад. л. 239—240.

²⁾ Рук. М. д. ак. № 197, л. 255—256. Цитата взята изъ слѣдующаго сочиненія І. Дамаскина: λόγος ἀποδοκίμητος περὶ τῶν ἀγίων καὶ εὐκτῶν εἰκόνων πρὸς πάντας χριστιανούς καὶ πρὸς τὸν βασιλεῖα κωνσταντίνου τὸν Καβαλίον καὶ πρὸς πάντας αἱρετικούς и взята въ исполнѣ соотвѣтствующемъ подлиннику переводѣ. См. *Migne, Patrolog. Curs. Complet. ser. graec. tom. XCV. S. I. Damasceni, tom. II, pag. 317.*

³⁾ Рук. М. д. ак. № 197, л. 256. Съ большею вѣроятностію можно предположить, что Никита Мидійскій, какъ онъ называется у Данила, есть не кто иной, какъ извѣстный авторъ похвальныхъ словъ и рѣчей на разные праздники, Никита Паологонянинъ, сочиненія котораго изданы *Минею* подъ слѣдующимъ названіемъ: *Orationes laudatoriae aliaeque nonnullae Festivae.* См. *Migne, Patrolog. Curs. Complet., ser. graec., tom. CV. Nicetas David Paphlago, pag. 15—487.* Въ виду краткости цитаты, находящейся у Данила, чрезвычайно трудно отыскать мѣсто, соотвѣтствующее ей въ подлинникѣ.

ковъ. Къ сожалѣнію, авторъ самъ не опредѣляетъ точно этихъ мѣръ. Равнымъ образомъ собственные разсужденія Даниила не даютъ ничего для опредѣленія того, какія изъ мѣръ строгости считалъ онъ за самыя крайнія и послѣднія мѣры. Характеръ репрессивныхъ мѣръ и крайнія границы ихъ опредѣляются авторомъ не на основаніи собственныхъ разсужденій и соображеній, а цѣлою серіей чужихъ святоотеческихъ и другихъ свидѣтельствъ. Даниилъ ловко скрываетъ свои собственные взгляды за рядомъ авторитетовъ древнихъ отцевъ и учителей церкви и какъ бы заставляетъ ихъ говорить вмѣсто самого себя. Здѣсь у него нѣтъ ничего самостоятельнаго, онъ не произноситъ отъ себя ни одного слова; все выждется здѣсь на однихъ чужихъ мнѣніяхъ, и вся авторская дѣятельность его обнаружилась здѣсь только въ подборѣ и извѣстной группировкѣ такихъ данныхъ древней святоотеческой и церковной письменности, которыя вполне отвѣчали его понятіямъ и взглядамъ на рассматриваемый предметъ. Концентрируясь всѣ около одной общей идеи о законности преслѣдованія еретиковъ, приводимыя авторомъ свидѣтельства, тѣмъ не менѣе, по своему частному содержанию распадаются на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, и каждая изъ нихъ съ той или другой стороны освѣщаетъ указанный предметъ и тѣмъ до нѣкоторой степени констатируетъ значеніе и силу общаго положенія автора.

Первая группа приводимыхъ авторомъ свидѣтельствъ сводится къ положенію о томъ, что всѣ наказанія и даже самое послѣднее изъ нихъ—смертная казнь, при извѣстныхъ условіяхъ исполнѣя законы. Такого именно характера свидѣтельство Іоанна Златоуста, въ которомъ говорится между прочимъ, что „убійство по воли Божіей челоувѣколюбія всякаго есть лучше убійство оно“¹⁾ толкованіе бла-

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 252—255. Свидѣтельство, приведенное авторомъ, въ его цѣломъ видѣ очень обширно; оно взято имъ изъ слова Златоуста «Іудеямъ о трубахъ пасхи». Оно подлинное. Современный переводъ его см. Св. Отца нашего І. Златоустаго слова, переводъ съ греческаго языка при С.-Пб. д. акад., 1850 г., томъ III. Четвертое слово противъ Іудеевъ, стр. 518—522. Подлинникъ его см. *Migne, Patrolog. Curs. Complet. ser. graec. tom. XLVIII. S. I. Chrysostomi, tom I, pars secunda pag. 873—874*, гдѣ оно озаглавляется такъ: *κατά Ιουδαίων εἰς τὰς σάλπιγγας τῆ πάσχα αὐτῶν*. Никакихъ уклоненій и извращеній въ цитатѣ Даниила сравнительно съ его подлинникомъ не имѣется. Тѣмъ же самымъ свидѣтельствомъ Златоуста пользовался, какъ сильнымъ аргументомъ, и Іосифъ Волоцкій (см. Просвѣтитель, слово 13. стр. 541—542). Но это не показываетъ того, чтобы Даниилъ воспользовался имъ черезъ Іосифа. Даниилъ въ своей цитатѣ указываетъ полное оглавленіе слова, чего нѣтъ у Іосифа и вы-

женпаго Феодорита на пророка Іосію ¹⁾, гдѣ различается убійство законное (по приговору суда) и убійство какъ преступленіе и, наконецъ также толкованіе св. Евсевія, епископа Емесскаго, на дѣянія апостольскія, гдѣ между прочимъ, говорится, что „убійство Бога ради нѣсть убійство ²⁾“. Такимъ образомъ смертная казнь при извѣстныхъ обстоятельствахъ—вполнѣ законное явленіе. Она приложима какъ карательная мѣра противъ великихъ преступниковъ. Какъ историческій примѣръ примѣненія смертной казни, Даніилъ указываетъ на передаваемое одною русскою лѣтописью событіе — именно на разрѣшеніе, данное русскими епископами великому князю Владимиру казнить разбойниковъ ³⁾.

Вторая группа свидѣтельствъ непосредственно относится къ вопросу о наказаніи еретиковъ. Всѣ свидѣтельства этой группы направлены къ одному и тому же выводу, именно, что казнить еретиковъ позволительно. Во главѣ ихъ стоить толкованіе Теофилакта Болгарскаго на ев. Іоанна, гдѣ примѣромъ строгости къ людямъ недостойнымъ представляется самъ І. Христосъ, который торжниковъ, осквернявшихъ храмъ Іерусалимскій, „не просто изгна, по безчестнымъ біеніемъ плетенымъ бія и опрометая пѣнязникомъ дски“ ⁴⁾.

писывается изъ него не краткую выдержку, какая находится въ Просвѣтителѣ, а довольно обширную часть слова. Вообще въ указаніи цитатъ Даніилъ далеко превосходитъ въ аккуратности своего учителя.

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197. л. 250—251. Цитату ни сколько не отступаетъ по мыслямъ отъ своего подлинника. См. *Migne, Patrolog. Curs. Complet. ser. graec. tom. LXXXI. Theodereti tom. II. Ερημικά εις τον̄ προφήτην Ωσηε, pag. 1555—1558.*

²⁾ Рукоп. М. д. ак.; № 197. л. 252. Толкованія Евсевія, епископа Емесскаго, на Дѣянія Апостольскія не вѣданы до сихъ поръ въ полномъ ихъ видѣ. Нѣсколько отрывковъ изъ нихъ находятся у Миня, который самъ замѣтствовалъ ихъ изъ своднаго толкованія на весь Новый Заветъ, сдѣланнаго Крамеромъ. См. *Migne, Patrolog. Curs. Complet. ser. graec. tom. LXXXVI. pag. 561—562. Cramer, Catenae graecorum patrum in novum testamentum. Oxoniae. 1838. tom. III. pag. 115—154.* Но ни у того, ни у другаго нѣтъ мѣста, соответствующаго отрывку, находящемуся у Даніила.

³⁾ Рукоп. Москов. дух. акад. № 197. л. 250. Даніилъ привелъ выдержку изъ лѣтописи преп. Нестора и озаглавилъ ее обще: «лѣтописное». Она точно воспроизводитъ слова лѣтописи Нестора. См. полное собраніе русскихъ лѣтописей. СПб. 1846 г., томъ I., стран. 54. подъ 996 годомъ.

⁴⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 264. Толкованіе дѣйствительно принадлежитъ блаженному Теофилакту и не отступаетъ по мыслямъ отъ современнаго русскаго изданія твореній блаженнаго Теофилакта. См. Благовѣстникъ, часть IV, стр. 67.

Изъ свидѣтельствъ, прямо указывающихъ на необходимость казнить еретиковъ, одно принадлежитъ блаженному Θεодориту, и сущность его сосредоточивается только на указаніи, что и Моисей повелѣваетъ убивать лжепророковъ¹⁾. Другое свидѣтельство того же рода, приписываемое св. Іоанну, митрополиту Никейскому, „О сопряженіи вѣрствъ Арменскихъ“, разсуждаетъ о нѣкоторыхъ заблужденіяхъ Армянъ и находитъ ихъ на столько важными, вредными и пагубными, что содержащія ихъ признаются достойными побіенія камнями. ²⁾ Разсужденія блаженнаго Θεодорита и псевдо-Іоанна Никейскаго касаются только одной стороны вопроса, именно—предмета его, ни сколько не вдаваясь въ сужденія о лицахъ, которымъ принадлежитъ право преслѣдованія еретиковъ. Послѣднее свидѣтельство, приводимое Даниломъ, свидѣтельство „отъ изложенія ревше воспомина-

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 251. Цитата взята изъ сочиненія Θεодорита: «изъясненіе трудныхъ мѣстъ Божественнаго писанія», которое у Данила обозначается однимъ словомъ «о недоразумныхъ». Цитата подлинная и не имѣетъ по мыслямъ отступленій отъ современнаго перевода, равно какъ и отъ подлинника, за исключеніемъ того, что у Данила пропущено указаніе лица, которое повелѣваетъ убивать лжепророковъ, Моисея, отъ чего глаголь «повелѣтъ» остался безъ подлежащаго. Неизвѣстно, почему митрополитъ ограничился въ своей цитатѣ только однимъ указаннымъ примѣромъ и не воспользовался для подтвержденія своихъ мыслей дальнѣйшими разсужденіями блаженнаго Θεодорита, въ которыхъ дѣйствительно этотъ отецъ допускаетъ наказаніе (побивать камнями) еретиковъ и лжеучителей. Очень можетъ быть, что подъ руками Данила находился не полный переводъ твореній Θεодорита. См. Творенія блаженнаго Θεодорита, епископа Кирскаго. Москва. 1855, часть I, стр. 240—241. Подлинникъ см. *Migne, Patrolog. Curs. Complet. ser. graec. tom. LXXX. Theodoret, tom. I. Quaestiones in loca difficilia scripturae Sacrae, pag. 419—422.*

²⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 258. Въ изданныхъ сочиненіяхъ Іоанна Никейскаго (см. *Migne Patrolog, Curs. Complet. ser. graec. tom. XCVI, pag. 1434—1450*) не приписывается ему ничего подобнаго. Процитованное же мѣсто съ именемъ I. Никейскаго заимствовано на самомъ дѣлѣ изъ обличительнаго слова на Армянъ Исаака, Католикоса Армянскаго, гдѣ дѣйствительно есть мѣсто вполне соответствующее сдѣланной м. Даниломъ выдержкѣ. См. *Migne, Patrolog. Curs. Complet., ser. graec., tom. CXXXII. Isaaci Armeniae Catholici oratiol. contra Armenios. Cap. XI: περί τῆς συζύξεως τῶν σταυρῶν τῶν Ἀρμενίων, pag. 1187—1188.* Первая мысль подлинника направлена не къ тому, чтобы доказать законность употребленія суровыхъ мѣръ противъ еретиковъ, а къ тому, чтобы указаніемъ казни, которой они достойны за свои заблужденія, показать важность этихъ заблужденій. Та мысль, какую хотѣлъ видѣть въ свидѣтельствѣ Данилъ, будетъ уже дальнѣйшимъ выводомъ изъ него, который можетъ быть сдѣланъ и не сдѣланъ.

нія бышняго церковнаго соединенія¹⁾, восполняетъ собою пробѣлъ именно съ этой стороны вопроса, когда въ немъ утверждается, что апостолы, а за ними и ихъ представители въ церкви—„св. церковь оградиша, запрещенія же и отлученія соборныя церкви безчиннымъ и непокоривымъ положиша, нѣкія же и до смерти осудиша, яко же и въ дѣяніихъ верховнымъ апостоламъ (нужно читать согласно печатному изданію: верховный ап. Петръ) Ананію и Сапфиру²⁾). Историческими примѣрами, подтверждающими взглядъ Даніила на отношеніе къ еретикамъ и законсообразность употребленія жестокыхъ мѣръ преслѣдованія ихъ, служатъ сказаніе, заимствованное изъ похвальнаго слова св. царю Константину и царицѣ Еленѣ Евфимія, патріарха Терновскаго, гдѣ между прочимъ въ числѣ заслугъ, оказанныхъ христіанству св. Константиномъ, выставляется и то, что онъ „повелѣ въ идольстѣй пребывающихъ предести главною казпнтіи казнію“²⁾, и сказаніе похвальнаго слова великому князю Владиміру, который восхваляется за просвѣщеніе всей Русской земли св. крещеніемъ, гдѣ многіе изъ русскихъ „не любовію, но страхомъ повелѣвшаго (то-есть, князя) крещахуся“³⁾.

Если теперь мы сравнимъ взглядъ Даніила на отношеніе къ еретикамъ съ воззрѣніями его учителя, то результаты этого сопоставле-

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 263—264. Цитата взята изъ Кормчей, гдѣ глава, изъ которой авторомъ сдѣлано заимствованіе, носитъ слѣдующее названіе: «Изложеніе, рекше воспоминаніе бывшаго церковнаго соединенія, при Константианѣ и Романѣ, овому убо царствующу, овому же тогда цареву отцу, самомъ почтену сущу». См. Старопечатную Коричю 1653 года, л. 568—570. Здѣсь въ точности воспроизводится цитата м. Даніила.

²⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 247—248.—Извѣстно нѣсколько списковъ похвальнаго слова св. Константину и Еленѣ Евфимія Терновскаго—въ рукописяхъ Императ. пуб. биб.: Q. I. № 209, л. 78—140, изъ собр. гр. Толстаго, отд. II, № 252 XV—XVI в., въ двухъ рукописяхъ Моск. пуб. музея изъ собранія г. Ундольскаго: № 256—XVI в. и № 615—XVII в., одинъ списокъ, безъ указанія времени написанія, упомянутъ въ описаніи сербской хиландарской лавры (чтен. въ обществѣ исторіи и Древн. Росс. 1867 г. № 4). Слово написано Евфиміемъ по желанію Болгарскаго царя Іоанна Шишмана. Подробн. см. Обзоръ хронографовъ русской редакціи, *Андруся Попова*, выпускъ второй. Москва. 1869 года, стр. 28—30. Печатное изданіе похвальнаго слова мнѣ неизвѣстно.

³⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197, л. 248—249. Похвальное слово, какъ извѣстно, принадлежитъ Иларіону, митрополиту Киевскому, и напечатано въ *Прибавленіяхъ къ творен. св. отца въ русскомъ переводѣ*, 1844 года. См. также памятники духовной литературы временъ великаго князя Ярослава I. Москва, 1844, стр. 40.

ніа представляются въ слѣдующемъ видѣ: Митрополитъ Даниилъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ и частностяхъ своихъ воззрѣній на отношеніе къ еретикамъ ни болѣе ни менѣе какъ только повторяетъ Іосифа Волоцкаго. Эти пункты касаются запрещенія всякаго общенія православныхъ съ еретиками, не исключая и внѣшнихъ видовъ его—яденія, питія и т. п. Касательно этого сходства Даниила съ Іосифомъ нужно сказать, что требованіе, высказанное ими обоими, не составляетъ особенности только ихъ воззрѣній, но напротивъ, есть правило, которое практиковалось гораздо ранѣе ихъ времени и не разъ высказывалось разными пастырями русской церкви. Такъ, наприимѣръ, такое же точно требованіе высказываетъ въ 1427 году митрополитъ Фотій въ своемъ посланіи къ Псковитянамъ¹⁾. Такимъ образомъ, этотъ пунктъ сходства въ воззрѣніяхъ Даниила и Іосифа долженъ быть разсматриваемъ не какъ результатъ вліянія послѣдняго на перваго, а какъ общераспространенный взглядъ, который составляетъ достояніе всего общества и былъ продуктомъ самаго времени. Другой пунктъ, гдѣ Даниилъ не отступаетъ отъ воззрѣній своего учителя, касается чисто государственнаго взгляда его на еретиковъ, по которому послѣдніе являются въ существѣ дѣла обыкновенными преступниками въ родѣ воровъ и разбойниковъ, различающимися отъ нихъ только большею степенью виновности предъ закономъ.

Но существуетъ въ воззрѣніяхъ Даниила и такой пунктъ, гдѣ онъ, выходя изъ взгляда Іосифа и являясь, такимъ образомъ, въ самой основѣ независимымъ, развиваетъ его и до такой степени расширяетъ его значеніе въ сферѣ нравственной дѣятельности человѣка, что здѣсь его можно до нѣкоторой степени признать самостоятельнымъ. Іосифъ допускалъ хитрость, или какъ онъ называлъ, „богонаученное коварство“ какъ средство позволительное и законное въ отношеніи къ еретикамъ. Даниилъ считаетъ равно законнымъ средствомъ по отношенію къ нимъ и вражду или произведеніе между еретиками вражды, но съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что такое нравственно-предосудительное явленіе, какъ поселеніе между другими вражды, онъ признаетъ законнымъ и достойнымъ подражанія не только въ отношеніи только еретиковъ, а и вообще всѣхъ безнравственныхъ людей и такимъ образомъ обобщаетъ законность его примѣненія и возводитъ въ кодексъ общеобязательныхъ нравственныхъ требованій и принциповъ дѣятельности человѣка.

¹⁾ Акты историч., т. I, №№ 33 и 34, стр. 63—67.

Совершенно обратное значеніе имѣеть та часть воззрѣній митрополита Даниила, которая касается позволительности употребленія строгихъ, крутыхъ мѣръ по отношенію къ еретикамъ. Здѣсь Даниилъ до минимума ограничиваетъ тотъ кругъ лицъ, къ которымъ онъ приложимъ. Митрополитъ допускаетъ смертную казнь еретикамъ, только въ самомъ крайнемъ случаѣ, когда исчерпаны всѣ другія мѣры, но и здѣсь не въ отношеніи ко всѣмъ еретикамъ, а только къ самымъ рѣдкимъ и отчаяннымъ изъ нихъ, или открытымъ и упорнымъ, которые предъ всѣми публично осмѣливаются произносить хулы на имя Божіе и Христову церковь. Достойна примѣчанія одна черта, касающаяся взгляда и разсужденій Даниила о казняхъ еретиковъ. Онъ ни полусловомъ не высказался самъ по этому щекотливому для него, какъ пастыри церкви, вопросу, а держась въ душѣ извѣстнаго взгляда, вмѣсто себя заставилъ высказываться то множество древнихъ святоотеческихъ авторитетовъ, которос было указано въ своемъ мѣстѣ. Видно, Даниилъ ясно сознавалъ и чувствовалъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи себя, несомвѣстимость понятій пастыря-отца для однихъ и въ то же время строгаго бича для другихъ. У него мы не находимъ ни одного выраженія съ словами „о казняхъ лютыхъ“, „смертехъ“, „конечной гибели“ и т. п. Нѣтъ также ничего у Даниила о розыскахъ еретиковъ, на доказательство необходимости которыхъ Іосифомъ посвящено цѣлое обширное слово его Просвѣтителя.

Въ общемъ взглядѣ митрополита Даниила на отношеніе къ еретикамъ, за указаніемъ тѣхъ пунктовъ, на которыхъ, въ большей или меньшей степени, отразилось вліяніе Іосифа Волоцкаго, есть не мало и такихъ частныхъ воззрѣній, гдѣ онъ является вполне самостоятельнымъ, и которыя представляютъ автора въ самомъ выгодномъ для него свѣтѣ: онъ характеризуетъ его какъ пастыря, искренно любящаго свою паству и равно любвеобильнаго и къ отпадшимъ членамъ ея и какъ человѣка, склоннаго извинять слабости другихъ. Здѣсь имѣются въ виду тѣ частныя мѣры, которыя ркомендуются Данииломъ, какъ средство возвращенія къ истинѣ заблудшихъ. Программа дѣйствій, подробно начертанная митрополитомъ для православныхъ, какъ руководительное начало въ дѣлѣ состязаній ихъ съ еретиками, вся пропитана духомъ любви и кротости къ заблуждающимся.

Общее впечатлѣніе, получаемое послѣ сравненія взглядовъ Іосифа Волоцкаго и Даниила, склоняется въ пользу послѣдняго. Даниилъ

всегда ревностный въ другихъ случаяхъ хранитель и почитатель идей Іосифа Волоцкаго, тѣмъ не менѣе въ данномъ вопросѣ объ еретикахъ весьма значительно отступился отъ крайне строгихъ возрѣній своего учителя и отличается большею умѣренностію и гуманностію своихъ требованій по отношенію къ еретикамъ.

Примѣръ митрополита Даниила показываетъ, какъ въ русскомъ обществѣ XV—XVI вв. была мало подготовлена почва къ тому, чтобы въ немъ могли пустить глубокіе корни строгія тенденціи Іосифа Волоцкаго. Духъ Русскаго народа и его церкви былъ далекъ отъ односторонняго увлеченія Іосифа. Совершенно вѣрно поэтому выразился Шевыревъ, замѣтивъ, что общій духъ нашей церкви сказался въ посланіи Вологодскихъ (или что тоже Заволжскихъ) старцевъ ¹⁾, такъ открыто выступившихъ съ достойною проповѣдью о терпимости къ еретикамъ.

---

¹⁾ Исторія русской словесности, ч. IV, стр. 174.

В. Зѣманшъ.

ТРАГЕДОКОМЕДІЯ ТЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА „ВЛАДИМІРЪ“.

Зарожденіе школьной драмы въ западной Европѣ относится къ періоду такъ называемаго возрожденія наукъ. Лютеръ своимъ мощнымъ словомъ поддержалъ раздробленныя попытки преподавателей занимать школьную молодежь представленіемъ комедій Теренція; реформація отнеслась сочувственно къ нарождавшемуся отдѣлу драматическихъ произведеній, и уже первые ея двигатели и провозвѣстники, проникнутые горячими симпатіями къ классической древности и въ то же время всецѣло преданные родному, содѣйствовали собственнымъ перомъ успѣхамъ школьной драмы. Въ свою очередь, школьная драма Германіи вѣрно служила дѣлу реформаціи, такъ что тѣ мѣстности, въ которыхъ реформаціонное движеніе нашло себѣ болѣе восприимчивую почву и развилось сильнѣе и энергичнѣе, были вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчены и особеннымъ процвѣтаніемъ школьной драмы. Представленіе драмъ во многихъ мѣстностяхъ Германіи сдѣлапо было для высшихъ школъ обязательнымъ. Прежняя дидактическая или педагогическая задача—служить средствомъ для изученія латинскаго языка—казалась слишкомъ узкою въ XVI вѣкѣ, и открывъ свою сцену вниманію не одного только „школьнаго совѣта“, но и гражданъ города, школьная драма почувствовала потребность сначала въ разъясненіяхъ своего содержанія на нѣмецкомъ языкѣ, а потомъ совершенно замѣнила свою латинскую рѣчь родною; этотъ переворотъ совершился въ нѣмецкой школьной драмѣ довольно рано. Позднѣе и іезуиты взяли школьную драму въ свои руки и обратили на протестантовъ этотъ окрѣпшій и созрѣвшій продуктъ, который посѣялъ былъ гуманистами и выращенъ реформаціей. Іезуиты придали старой школьной драмѣ много внѣшняго блеска, не щадили средствъ для роскошной ея об-

становки; но они привили къ ней и свое направленіе. Школьные сцены іезуитскихъ коллегіумовъ стали посѣщаться дворомъ, государями; благодаря заботливости іезуитовъ, область школьной драмы расширилась: въ нее вошли *ludi caesarei*, посвящавшіяся прославленію побѣдъ, торжественныхъ дней, именинъ, вѣзда въ городъ высокихъ царственныхъ лицъ. Къ концу XVII вѣка школьная драма во многихъ мѣстностяхъ Германіи представляла уже много родственныхъ чертъ съ торжественною одой и придворною поэзіей, усваивая себѣ и стиль послѣднихъ.

Въ Польшѣ школьные комедіи были еще до іезуитовъ ¹⁾; но отцы этого ордена содѣйствовали особенному ихъ развитію въ этой странѣ. Въ Польшѣ, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, школьная драма испытала на себѣ вліяніе іезуитовъ, сдѣлалась ихъ органомъ ²⁾, и можетъ быть, благодаря этому вліянію, особенно разрослась въ ущербъ болѣе свободному и правильному развитію театра: не безъ основанія полагаютъ, что развитіе драмы вообще и успѣхи театра задерживались въ Польшѣ іезуитскимъ воспитаніемъ ³⁾. Хотя въ XVII вѣкѣ драмы представлялись и въ католическихъ, и въ протестантскихъ школахъ Польши, но къ числу древнѣйшихъ польскихъ діалоговъ принадлежатъ іезуитскіе ⁴⁾. Окраску эту Польша передала драматическимъ дѣйствамъ Московской славяно-греко-латинской академіи.

Школьная драма имѣетъ важное значеніе въ исторіи европейской драматической литературы: распущенности средневѣковыхъ мистерій она противопоставила строго опредѣленный типъ античной драмы. Выдвигая драматическія зрѣлища изъ пѣдръ пародной жизни въ узкую сферу людей образованныхъ, подтачивая въ самомъ корнѣ народныя основы театра, она подчинила формы драматической поэзіи извѣстнымъ, хотя изчужди заимствовавшимся правиламъ. Піесы древнихъ классиковъ, которыя съ конца XV вѣка переводились и дѣлались образцами подражанія въ Германіи и Польшѣ ⁵⁾, если и не дали

¹⁾ *Dykcyonarz poetow polskich przez Juszyńskiego*, I, 402.

²⁾ *Lukaszewicza, Historia szkół w Koronie i w wielkiem Księstwie Litewskiem I*, 261.

³⁾ *Трембицкій* въ разборѣ древне-польскаго театра *Войницкаго, Biblioteka Warszawska*, tom IV, 307.

⁴⁾ *Chomętowskiego, Dzieje teatru polskiego*, s. 72.

⁵⁾ О значеніи античныхъ піесъ въ польскихъ школахъ и первыхъ польскихъ переводахъ Плавта, Теренція и Сенеки см. *Трембицкаго. Bibl. Warsz. IV*, 311,

на первое время яснаго уразумѣнія различія трагедіи отъ комедіи, (такъ что въ XVI вѣкѣ называли комедіею то, что скорѣе должно было получить названіе трагедіи, или прибѣгали къ двусмысленному слову трагикомедія, чтобы вынутаться изъ затруднительныхъ опредѣленій) ¹⁾. то съ другой стороны, тѣ же піесы древнихъ классиковъ дали школьной, ученой драмѣ свою опредѣленную вышнюю форму. Въ XVII вѣкѣ школьныя комедіи католической Германіи состояли обыкновенно изъ слѣдующихъ частей: 1) общаго пролога, въ которомъ излагалось содержаніе всей піесы ²⁾; 2) отдѣльныхъ прологовъ къ каждому ея акту; 3) нѣсколькихъ актовъ съ одинаковымъ числомъ сценъ въ каждомъ; 4) хора, которымъ завершался каждый актъ, и въ которомъ изъяснялся нравственный смыслъ представленнаго дѣйствія; хоры сопровождались иногда инструментальною музыкою (играли смѣть, по выраженію Симеона Полоцкаго); 5) мѣсто послѣдняго хора иногда замѣнялъ эпилогъ ³⁾, такъ что послѣдній хоръ разсматривался какъ эпилогъ школьной драмы ⁴⁾. Отъ этого обычнаго типа школьная драма католической Германіи дѣлала лишь легкія уклоненія. Иногда она осложнялась, особенно подъ перомъ іезуитовъ, прибавленіемъ предварительной аллегорической піесы (praeludium, allegorisches Vorspiel) ⁵⁾. Въ той же самой формѣ, съ тѣми же разчлененіями является школьная драма и въ Польшѣ. Въ составъ ея, какъ и школьныхъ діалоговъ, входили слѣдующія части: 1) прологъ, 2) извѣстное число актовъ, или частей (część); 3) хоры между актами, 4) эпилогъ ⁶⁾. Польскій прологъ выходилъ *namieniając*,

376. О томъ же въ Германіи: *Schütze*. Tereuz und die lateinische Schulkomödie in Deutschland.

¹⁾ Schauspiele aus dem sechzehnten Jahrhundert, herausgegeben von *Julius Tittmann*, I, p. XX.

²⁾ Schulmeister, бывший регентомъ школьнаго театра, обыкновенно произносилъ и прологъ. *Alt*, Theater und Kirche, s. 471.

³⁾ *Ebeling*, Prospekte zu Schulkomödien въ его Mosaik, S. 133 Онъ назывался иногда *Beschlussrede*. *Tittmann*, Schauspiele des XVI Jahrhunderts, II, XXI. Отсюда «навершеніе рѣчи» въ русской драмѣ объ Алексѣѣ божіемъ человѣкѣ (1673 года).

⁴⁾ Въ кievской трагедокомедіи XVIII вѣка: «Іосифъ патріарха» мы еще встречаемъ заключительный «хоръ вкупѣ и эпилогъ».

⁵⁾ *Schlager*, Wiener-Skizzen, p. 233.

⁶⁾ *Lukaszevicza*, Hist. szkół, I, 262, sqq.; *Wajcicki*, Biblioteka starożytna piararzy polskich VI, 306, 310 etc. *Raczyński*, Wspomnienia wielkopolski II, s. XXV sqq. Иногда прологъ назывался *wstęp*, а эпилогъ—*domowienie*. *Bibl. star.* VI, 306.

o czym się rzecz ma toczyć¹⁾. Въ эпилогѣ, имѣвшемъ значеніе заключительнаго хора, приносилась зрителямъ благодарность за вниманіе²⁾. Прологи въ „акціяхъ“ польскихъ іезуитовъ помѣщались иногда передъ каждою отдѣльною сценою³⁾. Хоровъ иногда не было⁴⁾. Удержавъ смыслъ, какой былъ ему присвоенъ въ античной трагедіи, хоръ школьной драмы сохранялъ или пытался сохранить и ту метрическую форму, которую онъ имѣлъ въ древней трагедіи⁵⁾. Это стремленіе замѣтно еще въ хорѣ школьныхъ драмъ Кіева (напримѣръ, въ трагикомедіи Іосифъ патріарха).

Въ Польшѣ школьныя піесы, „акціи“, діалоги писались на латинскомъ или на польскомъ языкѣ. Иногда въ латинскихъ піесахъ, какъ Польши, такъ и Германіи, прологъ, излагавшій содержаніе отдѣльныхъ актовъ, эпилогъ и хоры передавались на языкѣ польскомъ, чтобы сдѣлать пониманіе представляемой піесы доступнымъ для большинства⁶⁾. Съ тою же цѣлію знатымъ лицамъ незадолго до представленія школьной драмы разсылался проспектъ или программа ея, заключающая въ себѣ названіе піесы, басню ея, ходъ дѣйствій по актамъ и сценамъ, перечень дѣйствующихъ лицъ и имена актеровъ-школьниковъ⁷⁾. Эти программы часто оказываются единственными остатками старыхъ школьныхъ піесъ. Въ Польшѣ подобныя программы вошли въ употребленіе уже въ XVI вѣкѣ⁸⁾ и держались потомъ не одно столѣтіе⁹⁾; иногда онѣ раздавались и въ печатныхъ экземплярахъ¹⁰⁾.

Народная жизнь не оставалась вполне чуждою польской школьной драмѣ. Съ давняго времени послѣдняя стала освѣжаться такъ назы-

¹⁾ *Raczyński* II, S. XXV.

²⁾ *Ibidem*, S. XXVII.

³⁾ *Ibidem*, S. XXV—XXVII.

⁴⁾ *Bibl. starożytna* VI, 335; *Raczyński*. II, XXVIII—XXXV.

⁵⁾ *Tittmann*, I, XXII.

⁶⁾ *Bibl. staroż.* VI, 310.

⁷⁾ Программы были писанныя, иногда же печатались. *Ebeling*, *Mosaik*, S. 120. Конечно, эти программы, назначавшіяся для небольшого кружка зрителей школьныхъ драмъ, печатались въ самомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ. Этимъ объясняется необыкновенная рѣдкость программъ Московской славяно-греко-латинской академіи.

⁸⁾ *Wiszniewski*, *Historja literatury polskiej*, VII, 226.

⁹⁾ Многія изъ этихъ программъ напечатаны Войццикимъ въ *Bibliot. starożytna* и въ *Teatr starożytny w Polsce*. Ср. также *Biblioteka Warszawska* IV, 322, 327, 353, 354.

¹⁰⁾ *Wiszniewski*, VII, 241 примѣч.

ваемыми интермедіями или интерлюдіями, піесами, которыя разыгрывались между отдѣльными актами или сценами школьной драмы, всегда писались на народномъ языкѣ, часто съ соблюденіемъ провинціальныхъ говоровъ, и часто представляли вѣрныя картины обыденной жизни народа. Въ старыхъ интермедіяхъ польскихъ хранятся драгоцѣнные матеріалы для исторіи народнаго быта, и интересующіеся разработкой исторіи народной культуры не могутъ не желать, чтобъ эти любопытныя изображенія народнаго прошлаго были собрапы и перепечатаны въ возможной полнотѣ ¹⁾.

Содержаніе польскихъ школьныхъ комедій въ XVII вѣкѣ было довольно разнообразно. 1) Сближаясь съ средневѣковыми мистеріями и мираклиями, онѣ брали свое содержаніе изъ области религіозной, изъ ветхаго и новаго завѣта, дѣяній святыхъ, переливая библейскій сюжетъ въ античныя формы, излагая, напримѣръ, исторію дочери Іеова выдержками изъ Ифигеніи въ Авлидѣ ²⁾. 2) Греко-римская исторія давала обильный матеріалъ для этихъ драмъ. 3) Содержаніе школьныхъ піесъ заимствовалось изъ школьной жизни и практики, изъ круга вопросовъ и интесеровъ научныхъ ³⁾. 4) Особенно сильное распространеніе получили въ XVII вѣкѣ школьныя піесы панегирическаго характера, посвященныя прославленію важныхъ государственныхъ событій, побѣдъ, семейныхъ празднествъ короля, прибытія и отъѣзда знатныхъ лицъ и т. п. ⁴⁾. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ польскихъ школьныхъ драмъ являются государства ⁵⁾, церкви, мифологическія личности и божества, геніушы отдѣльныхъ странъ и народностей, мудрость, вѣра, надежда, совѣсть и т. д. Аллегорическія личности средневѣковыхъ моралите воскресли въ школьной драмѣ.

„Комедіи“ Симеона Полоцкаго познакомили Москву XVII вѣка съ формой и существенными принадлежностями ученой, школьной польской драмы; еще ранѣе привилась она въ Кіевской коллегіи, гдѣ из-

¹⁾ *Juszyńskiego*, *Dykcjonarz poetow polskich*, II, 391 sqq.

²⁾ *Wojcicki* Teatr I, 210; *Bibl. starozytna* VI, 302, 307, 333, 342, 345, 346.

³⁾ Таковы *Academia cracoviensis, seudeillius felicissima atque auspaticissima erectione comedia* (1537). *Wiśzn.*, VII, 228; *Szkolna mizeryja*. Teatr staroz., II, 119 и др.

⁴⁾ *Chomętowskiego*, *Dzieje teatru polskiego*, s. 71—73; *Bibl. staroz.*, VI, 300, 309, 314; Teatr staroz., I, 209, 212, etc; *Raczyński* II, XXV—XXVIII.

⁵⁾ *Raczyński* II, XXV sqq.; *Wojcicki*, Teatr I, 23, 197; *Wiśzniewski* *His. lit.* VII; 238; *Bibl. staroz.* VI, 300; *Bibl. Warszawska*, IV, 310, 322; *Chomętowski* 71, 74.

давна былъ обычай ¹⁾ въ извѣстное время года представлять драматическія дѣйства. Въ Московской академіи драматическія дѣйства развились почти съ начала XVIII вѣка, то-есть, съ того времени, когда православные Греки уступили въ ней мѣсто кievскимъ ученымъ, вызваннымъ Стефаномъ Яворскимъ, когда преобладаніе греческаго языка кончилось и началось господство латинскаго діалекта, латинскаго образованія вообще ²⁾: царь положилъ тому начало, приказавши „завести въ академіи ученія латинскія“. Эти дѣйства были то на русскомъ, то на латинскомъ языкѣ. Въ программахъ школьныхъ драмъ Московской славяно-греко-латинской академіи мы можемъ наблюдать вѣрное подражаніе польской школьной драмѣ.

Въ Кіевской академіи обычнымъ временемъ представленія школьныхъ драмъ издавна были лѣтнія рекреаціи. „Въ три майскія рекреаціи пишетъ митрополитъ Евгенийъ всѣ ученики и учителя и сторонніе любители наукъ выходили для забавъ на гору Скавыку ³⁾, между овраговъ, при урочищѣ, называемомъ Глубочица ⁴⁾. Тамъ всѣ забавлялись самыми невинными играми и студенты пѣли канты. Учитель поэзіи для такихъ прогулокъ ежегодно обязанъ былъ сочинять комедіи или трагедіи, а прочіе учителя діалоги“ ⁵⁾. Не привязанная къ церкви, какъ въ Львовскомъ братствѣ ⁶⁾ или къ академической залѣ торжественныхъ собраній, какъ въ Москвѣ ⁷⁾, школьная

¹⁾ Въ 1705 году Оеафанъ Прокоповичъ говорилъ, что «обычный уставъ о представленіи комедій» хранился въ кievской академіи «отъ лѣтъ многихъ».

²⁾ *Смирнова*, Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 78 слѣд.

³⁾ Такъ въ просторѣчій называлась и называется гора Щекавица.

⁴⁾ «Урочище это находится съ западной стороны Кіева—Подола; это—глубокое удоліе между Кудрявскимъ возвышеніемъ и Скавицкою горою; начинается отъ Подольской площади, называемой Житнымъ Торгомъ, тамъ гдѣ гора Скавика своею юго-восточною стороною находится въ ближайшемъ разстояніи отъ горы Биселевки, и гдѣ въ древности былъ Копыревъ конецъ». *Закревскій*, Описание Кіева I, 270.

⁵⁾ Описание Кіево-Софійскаго собора, прибавл., стр. 223.

⁶⁾ «Въ ставропигію (львовскую) перешелъ отъ *іезуитовъ* обычай ученикамъ братской школы разыгрывать діалоги (священные драматическія представленія) *отъ церквей*. Въ 1689 году дано такое представленіе съ великою пышностію при многочисленномъ стеченіи зрителей». *Зубрицкій* Лѣтопись львовскаго братства, перев. съ польскаго *Б. И.*, С.-Пб. 1850, стр. 131.

⁷⁾ По словамъ г. *Аскочевскаго* (Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ —

драма Кіева свободно развивалась подъ открытымъ небомъ, какъ средневѣковая мистерія западной Европы съ того времени, какъ вышла изъ-подъ опеки церкви. Святость, авторитетъ мѣста, которые естественно должны были стѣснить наставниковъ Львовскаго братства и Московскоѣ славяно-гречко-латинской академіи при сочиненіи обычныхъ школьныхъ „дѣйствъ“, не давили въ этомъ случаѣ паставника Кіевской академіи, не обязывали его рабски влчаться по пути, указанному іезуитскою схоластикой, и скрывать свою мысль подъ туманными символами или облекать свое чувство въ холодныя аллегоріи.

Подчиняясь „обычному уставу, хранившемуся въ Кіевской академіи отъ лѣтъ многихъ“, Теофанъ Прокоповичъ написалъ для лѣтнихъ рекреаций 1705 года трагедокомедію Владимиръ ¹⁾. Этотъ литературный трудъ былъ исполненіемъ официальной обязанности, лежавшей на немъ, какъ на учителѣ поэзіи ²⁾. Въ это время Теофанъ

академіей, I, 273), «вмѣсто театральнаго зданія для представленія служила студентамъ академическая зала, или чаще всего какая-нибудь роща или удобное угодіе». О представленіи драмъ въ академической залѣ другіе источники не говорятъ.

¹⁾ Полное заглавіе піесы Теофана въ рукописяхъ таково: «Владиміръ, славено-россійскіяхъ странъ князь и повелитель, отъ невѣрія тия въ свѣтъ евангелскій приведенній духомъ святимъ отъ Рождества Христова 988, нинѣ же отъ православной академіи Могилеанской Кіевской на поворъ россійскому роду отъ благородныхъ россійскихъ сыновъ, добръхъ адъ воспитуемыхъ, дѣйствіемъ, еже отъ пінтъ нарицается трагедокомедія, лѣта Господня 1705 іюля 3 дня показаній». Трагедокомедія Теофана Прокоповича, дошедшая до насъ во многихъ спискахъ, до сихъ поръ не начатана. Списки ея находятся: а) въ библіотекѣ бывшей Толстова, отд. IV, № 4, нинѣ Императорской публичной библи.: описанъ у *Строева* и *Калайдовича* на стр. 691; б) въ московской духовной академіи малорусск. списокъ XVIII в. подъ № 163/580, л. 207—230; в) въ Румянцевскомъ музеѣ копія новаго письма съ этого списка подъ № СССХVIII; г) въ сборникѣ Кіевской духовной академіи I, 3, 92, 13, списокъ малорусскій съ позднѣйшими великорусскими поправками (см. ниже); д) въ сборникѣ второй половины XVIII вѣка великорусскаго письма, принадлежащемъ московскому Успенскому собору. Лишь въ *немногихъ* спискахъ драма Прокоповича сохранила свой первоначальный видъ. Такъ, въ одномъ только списокѣ уцѣлѣлъ прозаическій прологъ піесы, написанный для прославленія Мазепы, въ то время, когда «крѣпокъ былъ союзъ любви гетмана съ монаршимъ сердцемъ»: онъ отбрасывался отъ трагедокомедіи послѣ Полтавской битвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, похвалы Мазепѣ въ піесѣ Теофана послѣ 1709 года были заглажены и имя *Іоанна* въ хорѣ трагедокомедіи замѣнено глухими: *Христовъ рабъ*. Жерыволъ только въ одномъ (древнѣйшемъ) списокѣ называется не жрецомъ, а *попомъ*.

²⁾ *Евгеній*, Словарь духовныхъ писателей, II, 316.

только что начиналъ, можно сказать, свою литературную и служебную карьеру. Въ прологѣ разбираемой драмы онъ называетъ себя „послѣднѣйшимъ“ въ Кіевской академіи, свою трагедокомедію — „недозрѣлымъ плодомъ трудовъ своихъ“. Дѣйствительно, Феофанъ лишь незадолго передъ тѣмъ возвратился изъ заграничнаго путешествія ¹⁾ и только съ 1-го сентября 1704 года состоялъ учителемъ поэзіи въ Кіевской моголеанской академіи ²⁾.

Свободный отъ вліянія стѣснительныхъ условій, тяготѣвшихъ надъ драматическими дѣйствами наставниковъ Московской академіи, Феофанъ Прокоповичъ; приготовляя для школьной сцены Владиміра, руководствовался тѣми правилами, которыя онъ передавалъ своимъ слушателямъ въ классѣ поэзіи. Эти правила выпесепы были Феофаномъ изъ іезуитской школы ³⁾. Пѣніческія руководства „ученаго“

¹⁾ Время возвращенія Прокоповича послѣ заграничнаго путешествія въ Кіевъ не опредѣлено съ точностію. Г. Чистовичъ въ своемъ сочиненіи «Феофанъ Прокоповичъ и его время» говоритъ: «Прибывши въ 1702 году въ Малороссію, Елисей (Прокоповичъ), по свидѣтельству м. Евгенія, остановился въ Почаевскомъ монастырѣ» (стр. 7). Евгений не указываетъ здѣсь года возвращенія Феофана на родину. Шереровъ біографъ свидѣтельствуеъ, что Прокоповичъ въ 1694 году отпѣлся въ Львовъ, потомъ шесть лѣтъ прожилъ въ Римѣ и возвратился въ Россію въ 1702 году; Scherers Nordische Nebenstunden, I, 255. Но хронологическимъ датамъ этого біографа трудно довѣрять (онъ даже невѣрно показываетъ годъ рожденія Феофана 1677). Другой иностранецъ, жившій въ Россіи и занимавшій профессорскую кафедру въ Москвѣ, представляетъ нѣныя даты: дядя Феофана умеръ въ 1692 году; послѣ его смерти Прокоповичъ учился въ Кіевской коллегіи до 1698 года, quo iter ad Italos instituebat; въ Римѣ пробылъ три года; монашество принялъ въ одно время съ полученіемъ профессуры въ Кіевскомъ братскомъ монастырѣ. Frommann, Strictureae de statu scientiarum et artium in imperio Russiae, Tubingae, 1766, p. 14 sqq. Мы склоняемся къ предположенію, что Феофанъ, прибылъ въ Кіевъ не ранѣе 1704 года. По свидѣтельству Шерерова біографа, Прокоповичъ поступилъ въ Кіевскую академію учителемъ *sub Odorskiö* (p. 255), а Одорскій былъ ректоромъ академіи въ 1702 — 1704 гг.; монашество принялъ тотчасъ по возвращеніи въ Россію (1702 г.?), потомъ до пріѣзда въ Кіевъ былъ учителемъ поэзіи во Владиміро-Волинскомъ училищѣ. Евгений, Словарь духовныхъ писателей, II, 295.

²⁾ Новиковъ, Опытъ словаря о российскіихъ писателяхъ, стр. 175 и за нимъ Евгений, Словарь историч. о пис. духов. чина II, 296.

³⁾ О римской коллегіи de propaganda fide біографъ Феофана замѣчаетъ: «Alumni sumtibus pontificis victum et reliqua ad vitam necessaria nanciscuntur, in disciplinis gratis a rectoribus et coryphaeis sub inspectione R. P. Jesuitarum docentur». И далѣе: «Hic noster (то-есть, Прокоповичъ) Oratoriae, Poësi, Philosophiae sedulam operam dedit per 6 (?) annos circiter». Scherer, Nordische Nebenstunden I, 252.

іезуита Понтана ¹⁾ и Prolusiones rhetoricae Фаміана Страды служили Теофану пособіями при составленіи собственнаго курса піитики, читаннаго въ Кіевской академіи въ 1705 году ²⁾. Въ вопросахъ, касавшихся теоріи краспорѣчія и поэзіи, Скалигеръ оставался для Прокоповича авторитетомъ и руководителемъ ³⁾. Рекомендую своимъ ученикамъ въ особенности „постоянное упражненіе въ стилѣ и частое занятіе сочиненіями“ ⁴⁾, Теофанъ отводитъ въ начальныхъ главахъ своей піитики очень много мѣста риторическимъ упражненіямъ, заимствованнымъ изъ Progymnasmata Aphthonii sophistae ⁵⁾, приуроченныхъ къ школьному употребленію іезуитомъ Помеемъ и имѣвшихъ продолжительное и широкое распространеніе въ европейскихъ академіяхъ XVII и даже XVIII вѣка ⁶⁾. Но ни піитическія правила, ни упражненія въ сочиненіяхъ сами по себѣ недостаточны (по ученію Теофана Прокоповича) для того, чтобы сдѣлать кого-нибудь превосходнымъ поэтомъ: нужно имѣть, кромѣ того, руководителей, то-есть, лучшихъ писателей въ каждомъ родѣ поэзіи и идти по ихъ слѣ-

¹⁾ См. лекціи Прокоповича, изданныя Конисскимъ въ Могилевѣ въ 1786 году подъ заглавіемъ: «De arte poëtica libri III, ad usum et institutionem studiosae juventutis Roxolanae dictati Kiovine in orthodoxa Academia Mohyleana anno Domini 1705, p. 98.

²⁾ Десятая глава второй книги Теофановой піитики начинается слѣдующими словами: «Tragoedia est poësis virorum illustrium graves actiones et potissimum fortunae vices et calamitates actu et sermone personarum imitans» (p. 147). Это опредѣленіе трагедіи буквально повторяется въ піитикѣ Лаврентія Горки съ прибавленіемъ ссылки на источникъ онаго: *ut docet Pontanus aliique*. Ср. рукопись кіевской духовной академіи 07, глава 10, § 136. На prolusiones rhetoricas Страды Теофанъ ссылается въ 4 главѣ 2 книги своей піитики, p. 98. Учебникъ Страды имѣетъ слѣдующее заглавіе: R. P. *Famiani Stradae Romani e societate Jesu Eloquentia bipartita. Pars prior prolusiones academicae.... altera paradigmata eloquentiae brevioris proponit...* Coloniae Agrippinae 1655.

³⁾ *Julii Caesaris Scaligeri poëtices libri septem*. Прокоповичъ пользуется этою книгою особенно въ главахъ, посвященныхъ ученію объ эпической поэзіи. Ср. сію De arte poëtica libri III, p. 72, 77, 112.

⁴⁾ De arte poëtica libri III, p. 18.

⁵⁾ Этому предмету въ первой книгѣ піитики Теофана посвящены главы: 4, 5, 6 (alia genera exercitationis ex Aphthonio sophista), 7 и 8 (de aliis Aphthonii praexercitamentis, comparatione, laudatione, vituperatione et fabula).

⁶⁾ О внесеніи риторическихъ главъ въ піитику Кіевской академіи въ теченіе XVII и XVIII вѣка см. статью г. Петрова: О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ кіевской академіи. *Труды Кіевской духовной академіи*. 1868, мартъ.

дамъ ¹⁾. Къ классическимъ образцамъ западныхъ схоластическихъ пѣтикъ Теофанъ присоединяетъ „безсмертнаго“ Тасса ²⁾, Санпазара ³⁾ и Ксханопскаго ⁴⁾. Для объясненія и подкрѣпленія пѣтическихъ правилъ онъ приводитъ и свои собственныя стихотворенія на польскомъ, латинскомъ и изрѣдка на русскомъ языкѣ ⁵⁾. „Если полезно съ прилежаніемъ перечитывать всѣхъ замѣчательныхъ поэтовъ „учить Прокоповичъ“, — то особенно необходимо читать лучшаго писателя въ томъ родѣ поэзіи, которому ты намѣренъ посвятить себя“ ⁶⁾. Въ области драматической поэзіи пѣтика Теофана не указываетъ другихъ образцовъ, кромѣ римскихъ классиковъ—Сенеки, Теренція и Плавта. Если Прокоповичъ въ своемъ учебникѣ и коснулся школьной драмы іезуита Конона Godinae Bochnenses, то лишь для того, чтобы показать, до какой нелѣпости доходятъ въ ней погрѣшности противъ того, что Теофанъ называетъ *decorum* (правдоподобіе, сообразность ⁷⁾). Къ новымъ трагическимъ авторамъ Теофанъ относится вообще съ замѣтнымъ нерасположеніемъ. „Ни противъ одного изъ законовъ искусства“, говоритъ Теофанъ, — „не грѣшатъ такъ часто, какъ противъ *decorum*, особенно нѣкоторые трагическіе пѣтички (a quibusdam tragicis poetastris), у которыхъ цари на сценѣ мелютъ вздоръ, отдавая повелѣнія, говорятъ пустяки на совѣщаніяхъ, плачутъ, какъ женщины, сердятся, какъ дѣти, бѣснуются, какъ пьяницы, чвапно выступаютъ, какъ женихи, бесѣду ведутъ, какъ мастеровые на фабрикахъ или мужики въ харчевняхъ. У новѣйшихъ много найдешь погрѣшностей противъ *decorum*“ ⁸⁾. Ни одного изъ новѣйшихъ драмати-

¹⁾ De arte poetica, p. 68.

²⁾ Ibidem, p. 26, 48, 72, 73, 80, 83, 117. Нѣсколько отрывковъ изъ Тасса приведено въ пѣтикѣ Теофана въ польскомъ переводѣ.

³⁾ De arte poetica, p. 71.

⁴⁾ Ibidem, p. 26; «*rarus poeta Polonus*», p. 181.

⁵⁾ Ibidem, p. 23, 29, 30, 61, 184—185.

⁶⁾ Ibidem, p. 68.

⁷⁾ «*Decorum dicitur, quod decet, quo nomine dicta est celebris virtus poetica, qua prudenter considerat poeta, quid cui et personae et tempori et loco congruant, qualis hanc, vel illam personam intus, incessus, habitus, cultus, totiusque corporis motus et gestus deceat, quid deinde et quomodo loqui competat.* De arte poetica libri III, p. 135.

⁸⁾ Вслѣдъ за этимъ Теофанъ въ примѣрѣ погрѣшностей противъ *decorum* приводитъ Конона іезуита (p. 135—136). Г. Петровъ (*Труды иезуитской дух. академіи* 1866, ноябрь, стр. 349—350) не вѣрно отнесъ все это мѣсто пѣтики Прокоповича къ эническимъ произведеніямъ іезуитовъ, повидимому, на томъ только

ческихъ произведеній не рекомендуетъ Прокоповичъ своимъ слушателямъ, хотя школьная практика уже успѣла къ тому времени, особенно трудами іезуитовъ, выработать цѣлые сборники комедій, трагедій и трагикомедій самаго разнообразнаго содержанія ¹⁾. Обильный указаніями и примѣрами по другимъ родамъ поэзіи, Теофановъ учебникъ пѣники относительно образцовъ драматической поэзіи ограничивается короткою фразой: *cantaturus tragoediam percurge Senecam; in comoedia imitare Plautum et Terentium* (р. 69); въ главѣ же, посвященной драматической поэзіи, онъ совершенно умалчиваетъ о новыхъ драматическихъ писателяхъ. Не сочувствуя направленію и духу іезуитской доктрины, посвящая въ своемъ учебникѣ риторике нѣсколько желчныхъ страницъ сатирическому изображенію папистовъ и іезуитскихъ проповѣдниковъ ²⁾, Прокоповичъ не обнаруживаетъ и въ пѣникѣ сочувствія школьнымъ драмамъ іезуитовъ. Еще въ Римѣ, въ годы ученія, Теофанъ чуждался іезуитскаго схоластицизма и предпочиталъ обращаться непосредственно къ чистому источнику древнеклассической литературы; греческихъ и римскихъ классиковъ онъ изучалъ не по очищеннымъ изданіямъ іезуитовъ, но въ ихъ подлинномъ, не изуродованномъ видѣ ³⁾. Трагедокомедія Теофана „Влади-

---

основанія, что глава *De amplificacione, patho et decoro* помѣщена послѣ главъ объ эпической поэзіи и передъ главами о драматической. Теофанъ начинаетъ упомянутую главу словами: *Superest, ut aliquid dicamus de praecipuis virtutibus, quae non modo eporotiae, verum et aliis poëticae facultatis speciebus sunt communes* (р. 121).

¹⁾ Таковы, напр., *Dramata sacra, comoediae atque tragoediae aliquot e veteri testamento desumptae*. Basileae. 1547; *Terentius christianus seu comoediae sacrae seu a Cornelio Schonaco Gondano conscriptae*. Coloniae 1599 и *Terentii Christiani pars secunda*. Coloniae 1602; *Selectae Pr. soc. Jesu tragoediae*. Antverpiae. 1634 (Здѣсь напечатаны нѣкоторые іезуитскія пьесы, игранныя не разъ in collegio Romano, in seminario Romano); *Ludi theatrales sacri sive opera comica posthuma a Jac. Bidermanno, soc. Jesu theologo, olim conscripta*, Monachii. 1666.

²⁾ См. статью: Выдержки изъ рукописной риторики Т. Прокоповича, содержащія въ себѣ изображеніе папистовъ и іезуитовъ въ *Трудахъ кіевской духовной академіи* 1865, I, 614—637.

³⁾ Одинъ изъ старыхъ біографовъ Теофана говоритъ: *«Praelectiones philosophiae Aristotelicae et theologiae scholasticae, de casibus conscientiae aliquoties audivit ast non adeo probavit: maluit potius lectioni sanctorum patrum tam graecae quam latinae ecclesiae et auctorum classicorum, quos omnes genuinos, non castratos habuit, mentem pascere»*. См. *Scherer, Nordische Nebenstunden* I, 253. О томъ, какихъ новыхъ писателей изучалъ Прокоповичъ въ Римѣ, см. у Чистовича Теофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 5—6.

міръ“ далеко отстѣпаетъ отъ типа тѣхъ драмъ Московской славяно-греко-латинской академіи, которыя рабски воспроизводили формы и приемы западной школьной драмы. Прокоповичъ понималъ подражаніе гораздо шире, нежели современные ему авторы школьныхъ драмъ Московской академіи. „Истинное подражаніе“, училъ онъ,— „не въ томъ состоитъ, чтобы обрабатывать что-либо (tractate) или совершенно подобнымъ Виргилію образомъ, или переносить на наши предметы его разказы, вымыслы, реченія или что-нибудь другое: это значило бы или народировать его или, если довести это до крайности, обкрадывать. Допускается только, чтобы мы упражнялись въ подражаніи и посредствомъ подобнаго рода упражненія усвоивали стиль того, кому подражаемъ. Слѣдовательно, подражаніе основывается на нѣкоторомъ прииоровленіи нашихъ возрѣній (mentis) возрѣніямъ какого нибудь превосходнаго писателя, такъ чтобы сочиненіе казалось не нашимъ, а его произведеніемъ, не смотря на то, что въ немъ не будетъ ни извлеченій, ни переводовъ изъ онаго: до того стиль нашъ можетъ быть похожъ на его стиль“¹⁾. Осуждая въ поэмахъ и стихахъ христіанскихъ писателей обращеніе къ музамъ и языческимъ божествамъ²⁾, Теофанъ высказывается противъ внесенія послѣднихъ, какъ самостоятельныхъ факторовъ, въ новую поэзію вообще. „Христіанскій поэтъ“, говоритъ онъ,— „не долженъ вводить языческихъ боговъ или богинь ради какого-нибудь дѣла Бога нашего или для обозначенія добродѣтелей героевъ; онъ не долженъ вмѣсто мудрости говорить: Паллада, вмѣсто цѣломудрія—Диана, вмѣсто воды—Пентунъ, вмѣсто огня—Вулканъ; имена ихъ онъ можетъ употреблять, только метонимически. Но онъ можетъ вводить истинныя лица Бога, ангеловъ святыхъ, демоновъ, приписывая имъ дѣйствія правдоподобныя. Также, помощію прозопопеи, пусть онъ вводитъ какъ живыя лица — свойства Божія и духовъ и приписываетъ имъ душу, лицо и дѣйствія. Онъ можетъ потомъ означать все, свойственное духамъ, какими-либо, такъ сказать, образами, отъ подобія заимствованными, напримѣръ, изображать у Бога, ангеловъ и демоновъ одежду, оружіе, утварь, колесницы и прочую обстановку на подобіе человѣческой; но все это должно имѣть какой-нибудь смыслъ“³⁾. Ограничивая такимъ образомъ область символовъ и аллегорій въ христіанской поэзіи, Теофанъ оправдываетъ законность христіанскихъ

¹⁾ De arte poetica libri III, p. 71.

²⁾ Ibidem, p. 82.

³⁾ Ibidem, p. 101—102.

символовъ въ новой литературѣ точно такъ же, какъ и наставники Московской славяно-греко-латинской академіи—Священнымъ Писаніемъ¹⁾. „Что это (вышесказанное) допускается, ясно видимъ изъ священнаго писанія, въ коемъ Господь для нагляднаго изученія показываетъ свои свойства и дѣянія, какъ бы на сценѣ: таковы колесница и тронъ у Іезекіиля, многія лица, драконы, звѣри, оружіе, горній градъ и другіе различные образы въ апокалипсисѣ Іоанна“²⁾. Въ противоположность прежнимъ Кіевскимъ и почти всѣмъ драмамъ Московской академіи къ Петровскую эпоху, трагедокомедія Владиміръ не представляетъ въ средѣ своихъ дѣйствующихъ лицъ—героевъ и божествъ классическаго міра, за то выдвигаетъ новое, дотолѣ неизвѣстное русской школьной драмѣ лицо—духъ Ярополка. Поэтическій смыслъ его опредѣляется только что приведенными выдержками изъ піитики: это „погибающій отъ зависти“ къ брату духъ, котораго „невѣдомая сила“ вызываетъ въ Кіевъ изъ адской юдоли, какъ только дошла до него вѣсть, что Владиміръ хочетъ водворить въ его городѣ христіанскій закопь. Изъ ада духъ Ярополка приноситъ языческому жрецу вѣсть о томъ, что послѣдній уже „подзрѣлъ“. Мысль ввести въ трагедокомедию духъ Ярополка могла быть навѣяна Теофану чтеніемъ Сенеки; первый монологъ Ярополкова духа даже напоминаетъ мѣстами монологъ тѣни Тантала въ трагедіи Сенеки *Thyestes*.

Суживая область олицетвореній въ христіанской поэзіи, Теофанъ отступаетъ отъ іезуитской теории драмы и въ нѣкоторыхъ пунктахъ,

---

¹⁾ Іосифъ Туробойскій, префектъ Московской академіи въ 1704 г., говоритъ, между прочимъ: «Извѣстно тебѣ буди, читателю любезный, и сіе, яко обычно есть мудрости рачителомъ нѣмъ, чуждымъ образомъ вещь изображати. Тако мудролюбцы правду изображаютъ мѣриломъ, мудрость—окомъ ясновителнымъ, мужество—столпомъ, воздержаніе—уздой, и прочая безчисленныя. Сіе же не ни быти буйствомъ нѣкимъ и киченіемъ дмашагося разума, або и въ писаніяхъ божественныхъ тоже видимъ. Не сучецъ ли масляный и дуга, на обладѣхъ сіяющая, баше образъ мира? Не исходъ ли Израильтяновъ изъ Египта баше образъ нашего исхода отъ работы вражія? Не прешествіе ли чрезъ море образъ баше крещенія? Не змій ли, на дрвѣхъ висящій, образъ баше Іисуса распята?... Аще убо сія тако суть, аще писаніе божественное различныя вещи въ различныхъ образѣхъ являетъ, и мы, отъ писаній божественныхъ наставленіе воспріемше, мірскую вещь мірскими образы явити повудихомся и славу торжественниковъ нашихъ въ образъ дрвнихъ торжественниковъ по скудости силы нашея потщомся прославити». См. Преславное торжество свободителя Ливоніи, Мос. 1704, л. 46.

²⁾ De arte poetica libri tres, p. 102.

касающихся состава и формы драматических произведений, стараюсь и въ этихъ случаяхъ руководствоваться болѣе правилами и образцами древнихъ классиковъ. Такъ, по ученію Теофана, „актовъ въ драмѣ должно быть не болѣе и не менѣе пяти: этому научаетъ какъ правило Горация, такъ и примѣръ почти всѣхъ древнихъ трагиковъ и комиковъ“ ¹⁾. „Сцепъ (явленій) въ актѣ можетъ быть много, но число ихъ не должно превышать десяти; въ трагедіяхъ, напротивъ, одна сцена можетъ заключать цѣлый актъ, какъ это можно видѣть у Сенеки“ ²⁾. „Изъ постоянныхъ примѣровъ писателей нѣкоторые вывели заключеніе, и довольно справедливое, что болѣе трехъ лицъ въ одной сценѣ не должны разговаривать, хотя самыхъ лицъ и можетъ быть много. Достойно также замѣчанія и то, что всѣ лица могутъ уходить со сцены только по окончаніи дѣйствія, но изъ предшествующаго явленія должно всегда оставаться хотя одно дѣйствующее лицо въ послѣдующемъ“ ³⁾. Наконецъ, о значеніи отдѣльныхъ дѣйствій драматическаго произведенія Теофанъ въ своей пятикѣ говоритъ слѣдующее: „Хотя подъ дѣйствіями разумѣются главныя части пьесы, но наставники наблюдаютъ такой порядокъ оныхъ, чтобы въ первомъ дѣйствіи развивалась та часть пьесы, которая заключаетъ въ себѣ главное содержаніе цѣлаго (и это дѣйствіе называется въ трагедіи прологъ или *protasis*, потому что въ комедіи прологъ или предисловіе, предпосланное всей пьесѣ, находится внѣ дѣйствія ⁴⁾), чтобы во второмъ начало развиваться самое событіе (*res ipsa fieri incipiat*), оно называется *epitasis*; въ третьемъ возникаютъ препятствія и замѣшательства, — эта часть называется *catastasis*; въ четвертомъ совершается приступъ къ развязкѣ дѣла, это также относится къ *catastasis*; въ пятомъ оканчивается все дѣйствіе, эта часть обыкновенно называется *catastrophe*“ ⁵⁾.

¹⁾ Ibidem, p. 148.

²⁾ Ibidem, p. 149. Первое и четвертое дѣйствіе трагедокомедіи Теофана Прокоповича состоятъ каждое изъ двухъ только явленій.

³⁾ Ibidem, p. 149.

⁴⁾ Въ трагедокомедіи «Владимиръ» находится прологъ втораго рода—то-есть, прологъ комедіи, стоящій внѣ дѣйствія, и заключающій въ себѣ, какъ прологи всѣхъ пьесъ Московской славяно-греко-латинской академіи, простое обращеніе къ зрителямъ съ краткимъ объясненіемъ содержанія пьесы. Въ пятникѣ Конисскаго «Владимиръ» Теофана не даромъ называется комедіей. *Труды Киевской духовной академіи* 1865, I, 313.

⁵⁾ De arte poetica libri III, p. 148 sqq.

Въ выборѣ содержанія для своей школьной драмы Прокоповичъ также нѣсколько отступилъ отъ обычая Кіевской и Московской академической сцены. Въ Кіевской академіи, до и послѣ Теофана, содержаніе школьныхъ піесъ преимущественно брали изъ Священнаго Писанія и житій святыхъ; въ Московской, рядомъ съ этимъ исконнымъ содержаніемъ средневѣковой драмы, выдвинулось содержаніе панегирическое: школьная сцена Москвы пыталась овладѣть современными политическими событіями. Прокоповичъ черпаетъ содержаніе своей піесы изъ древней русской исторіи. Избирая предметомъ своей школьной піесы — „Повѣсть объ обращеніи ко Христу равноапостольнаго князя Владиміра“, Теофанъ оставался, пожалуй, вѣренъ извѣстному кругу сюжетовъ кіевской драмы; онъ лишь оживлялъ церковную тему своей драмы внесеніемъ симпатій мѣстныхъ, національныхъ, историческихъ. „Кому нѣсть ливно“, говорилъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей, — „яко богоспасаемый градъ сей Кіевъ, мати градовомъ и есея земли нашея протранная слава и великое украшеніе, отъ всѣхъ христіанъ вторый Іерусалимъ и новыи Сіонъ единогласно нарицается, и тако вся наша начало свое оттуду пріемшая православно-россійская церковь, обрѣтающеса въ соборной и по всему міру разсѣянной церкви, аки драгоценный бисеръ въ перстнѣ, Сіопъ въ Сіонѣ, Іерусалимъ во Іерусалимѣ именоватися можетъ“. Истинные сыны этого Сіона, продолжаетъ проповѣдникъ, — несомнѣнно вѣдаютъ, „кто есть Сіона нашего царь, о немъ же радоватися намъ велить Духъ Святыи ¹⁾. Воистинну именуется здѣ князь Владиміръ, основатель духовнаго въ земли нашей Сіона, царь чувственно и духовно, царь словомъ и дѣломъ, царь вещью и именемъ. И се видимъ, слышателие православнии, яко намъ удвоетса блаженство, дважды сынове Сіони есмы, — и яко родъ православный, и яко родъ россійскій, дважды и радоватися намъ подобаетъ, и яко сыномъ церкви о царѣ своемъ Христѣ, и яко сыномъ россійскимъ о царѣ своемъ святомъ равноапостольномъ князѣ Владимірѣ“ ²⁾. Поставляя одною изъ задачъ краснорѣчія въ Россіи изложеніе подвиговъ знаменитыхъ мужей нашего отечества и церкви, „чтобъ узнали наконецъ пустѣйшіе, благоговѣющіе только передъ своими баснями враги наши, что не безплодны доблестію наше отечество и наша

¹⁾ Слово сказано въ день св. Владиміра на текстъ: «Сынове Сіони возрадуются о царѣ своемъ».

²⁾ Теофана Прокоповича Слова и рѣчи III, 336.

нѣра" ¹⁾, Теофанъ указалъ ту же задачу и своей трагедокомедіи, замѣчая въ прологѣ къ ней, что представленіе повѣсти объ обращеніи великаго князя Владиміра къ христіанству „и мѣсту сему прилично, и свойственно слышателемъ мнится быти: приличенъ дому есть образъ господина, свойственная память сыномъ отшедшаго далече отца своего: се же и домъ Владиміровъ, се и Владимірова чада, крещеніемъ святимъ отъ него рожденная“.

Изъ жизни великаго князя Владиміра Теофанъ выбралъ для сценическаго представленія одинъ только эпизодъ — принятіе имъ христіанства. Въ этомъ случаѣ, онъ вѣренъ былъ слѣдующему правилу своей теоріи поэзіи, зародыши котораго онъ нашелъ въ піитикѣ Аристотеля: „Особенно необходимо знать, что въ трагедіи не должно представлять въ дѣйствіи цѣлую жизнь какого-нибудь лица или даже хотя бы и одно событіе, но окончившееся въ теченіе многихъ мѣсяцевъ или лѣтъ, но только одно дѣйствіе (unam actionem) и притомъ такое, которое могло совершиться въ теченіе двухъ и много трехъ дней“ ²⁾. Такъ называемое единство времени уже опредѣлило объемъ дѣйствія въ трагедокомедіи Прокоповича и сдѣлало необходимымъ внесеніе въ школьную драму длинныхъ разказовъ о событіяхъ, происшедшихъ за сценою, внѣ опредѣленнаго піитикою срока. „Если дѣйствіе трагедіи“, говоритъ Теофанъ, — „зависитъ отъ многихъ предшествующихъ, то они передаются въ разказѣ какого-нибудь лица“ ³⁾.

Историческія подробности, внесенныя въ разбираемую піесу, довольно скудны: это зависѣло, съ одной стороны, отъ жалкаго состоянія русской исторической науки въ началѣ XVIII вѣка, съ другой, — отъ того, что Прокоповичъ, въ силу своей литературной теоріи, мало придавалъ имъ значенія въ поэтическомъ произведеніи. „Столько славныхъ дѣлъ нашего отечества“ говорилъ Теофанъ въ своей риторикѣ, въ 1706 году, — „забыты совершенно, и что оно совершило до сихъ поръ, едва что передано памяти потомства“ ⁴⁾. За справками о славяно-русскомъ язычествѣ авторъ Владиміра долженъ былъ обращаться или къ печатному Житію св. Владиміра ⁵⁾, или къ подозри-

¹⁾ Такъ говоритъ Прокоповичъ въ своихъ лекціяхъ риторики. *Труды Киевской духовной академіи*, 1866, ноябрь, стр. 371.

²⁾ *De arte poetica libri III*, p. 152.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Труды Киевской духовной академіи* 1868 г., мартъ, стр. 505.

⁵⁾ Таково Житіе князя Владиміра Киевскаго, безъ мѣста и года печатанія, отнесенное въ Хронологическомъ указателѣ славянскихъ книгъ (№ 1291) къ

тельнымъ для него польскимъ историкамъ¹⁾, или, наконецъ, къ Синописису, который руководствовался ихъ же баснями и вызывалъ справедливые упреки Прокоповича²⁾.

Впрочемъ, Ософанъ не особенно дорожилъ историческими подробностями въ своей трагедокомедіи. Развивая нѣкоторыя положенія Аристотелевой піитики, онъ въ своемъ учебникѣ такъ характеризуетъ отличіе поэта отъ историка. „Вымыслъ бываетъ двоякій: 1) вымыслъ событія и 2) вымыслъ способа, коимъ оно произошло (*fictio modi, quo res gesta est*). Вымыслъ способа есть то, когда поэтъ изображаетъ хотя истинное событіе, но оставивъ безъ вниманія способъ, коимъ произошло, самъ вымышляетъ способъ правдоподобный; какъ, то-есть, могло или было бы прилично или долженствовало происходить этому событію... Вымыслъ способа происходитъ приблизительно такъ: взявши событіе, поэтъ не допытывается, какъ оно произошло, но, рассмотрѣвши оное, излагаетъ, какимъ образомъ оно могло бы совершиться. Онъ вымышляетъ различныя душевныя и тѣлесныя настроенія дѣйствующихъ лицъ: страхъ, печаль, гнѣвъ, страсть, ненависть, сомнѣніе и т. п. и тѣлесныя движенія, трепеть, блѣдность, поднятіе волосъ, вспышку и краску въ лицѣ, описываетъ кромѣ того, различныя жесты: какъ кто взглянулъ или поднялъ руки, или опустилъ голову, или стоялъ неподвижнымъ или отъ ярости метался изъ стороны въ сторону... Въ разказѣ вымышленныхъ ли, или дѣйствительныхъ событій поэтъ долженъ поступать совершенно тѣмъ же способомъ, какъ и живописецъ въ живописаніи: послѣдній, прослушавши какуюнибудь исторію, сначала обдумываетъ ее, представляетъ себѣ наглядно мѣсто и дѣйствующія лица, долго размышляетъ, какъ во время сраженія одни издалека дѣйствуютъ стрѣлами, другія вблизи кошками и мечами, какъ первыя были обращены въ бѣгство и разсѣяны, другія преслѣдовали, какъ

1700 году. Въ языкѣ житія, составленнаго, по его собственному свидѣтельству, на основаніи лѣтописи преподобнаго Нестора, преобладаетъ малорусская рѣчь. Житіе, повидному, вышло въ свѣтъ ранѣе той книги Четихъ Миней св. Дмитрія Ростовскаго, которая заключаетъ въ себѣ житіе св. Владиміра и напечатана была въ 1705 году: по видному, Четии-Миней оговариваютъ именно свидѣтельство *этого* печатнаго Житія о Кириллѣ филосоѣ.

¹⁾ Труды Киевск. духовн. акад. 1868 г. мартъ, стр. 506, 509.

²⁾ Тамъ же, стр. 510. Перечень языческихъ боговъ въ трагедокомедіи Теофанна, изображеніе Перуна, Ладо заимствованы изъ двухъ главъ Синописиса: *О идолахъ и о обліаніи водою на великѣ день*. Разказъ объ убіеніи Ярополка притдерживается хроники Стрийковскаго. Ср. Kronica polska etc. Macieja Strzykowskiego. Warszawa. 1846, I, 125.

иные засыпаемые стрѣлами и раненые умираютъ разнообразною смертію: все это живописецъ сначала представляетъ себѣ въ умѣ какъ бы нарисованнымъ, потомъ переноситъ на картину и, наконецъ, искусно отдѣливаетъ частности. Точно также и поэтъ долженъ даже истинное событіе въ умѣ разсмотрѣть, какъ можно глубже, и представить себѣ правдоподобнымъ. По моему мнѣнію, творчество поэта и живописца вообще одинаково, они различаются лишь средствами (*organe*), потому что одинъ переноситъ мысли посредствомъ красокъ на картину, другой посредствомъ образовъ и стиховъ на бумагу. Отъ этого родства поэзіи съ живописью и произошла, конечно, извѣстная поговорка: поэзія есть говорящая живопись, живопись же есть пѣмая поэзія. Впрочемъ создаетъ ли поэтъ цѣлое событіе или только способъ его происхожденія, онъ главнымъ образомъ и единственно долженъ наблюдать (что превосходно замѣтилъ Аристотель въ своей *поэтикѣ*), чтобы въ опредѣленныхъ и единичныхъ личностяхъ изображались добродѣтели и пороки общіе. Чтобы лучше понять это, замѣтите, что дѣйствія человѣческія могутъ быть раздѣлены на два раза. Одни совершаются такъ, какъ угодно или какъ кажется ихъ виновнику прилично имъ совершаться; другія, напротивъ, совершаются или нѣтъ, тѣмъ не менѣе представляются такъ, какъ должны происходить, будучи обусловлены врожденными способностями, происхожденіемъ, положеніемъ, должностію или саномъ какого нибудь лица; напримѣръ напиваться до пьяна, мыкаться безъ цѣли по городу, нападать на всякаго встрѣчнаго и т. п.,—все это можетъ иногда дѣлать государь, по это несовмѣстно съ его достоинствомъ,—или даже государь можетъ заниматься живописью, пѣть, играть на музыкальномъ инструментѣ: это не оскорбляетъ его достоинства, но прилично ему, какъ частному человѣку, а не какъ царю. Напротивъ, благоразумно управлять государствомъ, издавать законы, творить судъ, казнить, раздавать награды—все это подобаетъ государю и изъ этого именпо познается царь; изъ предшествующихъ же дѣйствій нисколько не познается, если не прибавить титула: государь, вождь, консулъ. И такъ, эти послѣднія дѣйствія называю я общими, потому что они приличны всякому государю и въ силу того, что онъ государь; предшествующія же называю я частными или единичными (*singulares*), потому что случаются съ государемъ не вслѣдствіе его личнаго произвола и онъ въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ не какъ государь, а какъ Аннибалъ, или Александръ, или Филиппъ, или Пирръ. Такъ, историкъ вѣрно рассказываетъ о тѣхъ и другихъ дѣйствіяхъ, смотря по тому, какъ они были

на самомъ дѣлѣ и потому Ливій передаетъ и пороки и добродѣтели того же Аннибала, Курцій того же самого Александра выводитъ то благороднымъ, кроткимъ, не кичащимся побѣдами, милосерднымъ къ побѣжденнымъ, то, напротивъ, преданнымъ пьянству, надутымъ гордостью, усвоивающимъ персидскіе обычаи, рабомъ тѣла, убивающимъ друзей и т. д. Поэтъ, напротивъ, оставляя въ сторонѣ прежденазванныя дѣйствія, рассматриваетъ въ герояхъ только послѣднія, то-есть описываетъ не то, что кѣмъ либо сдѣлано, но то, что могло быть или должно было быть сдѣлано. Если поэтъ хочетъ воспѣть храбраго полководца, онъ не изслѣдуетъ до послѣднихъ мелочей (*curiosae*), какъ онъ велъ войны, но размышляетъ, какъ каждый храбрый полководецъ долженъ бы былъ вести войну и этотъ способъ (*eum modum*) приписываетъ своему герою. По этой-то причинѣ Аристотель говоритъ, что поэзія есть нѣчто болѣе превосходное и болѣе философское, чѣмъ историческое; ибо философія рассматриваетъ вещи вообще взятыя, а не единичныя, потому что изъ частныхъ (какъ выражаются діалектики) не выходитъ науки. Но поэзія въ этомъ отношеніи отличается и отъ философіи, ибо философъ общее рассматриваетъ общимъ образомъ, не привязывая его къ единичному; напротивъ поэтъ описываетъ общее,—добродѣтели то будутъ или пороки,—но какъ индивидуальныя дѣйствія какаго нибудь лица. Философъ-политикъ учитъ: такимъ долженъ быть храбрый; поэтъ воспѣваетъ: таковъ былъ Улиссъ, таковъ Эней. Такимъ образомъ поэзія отличается и отъ философіи и отъ исторіи, и какъ бы касается ихъ обѣими руками. Описываетъ поэтъ подвиги извѣстныхъ лицъ, это дѣлаетъ и историкъ; но историкъ излагаетъ ихъ такъ, какъ они были, поэтъ, какъ они должны быть. Съ другой стороны, рассматриваетъ поэтъ общія дѣйствія людей, какъ и философъ; но философъ рассматриваетъ голыя дѣйствія, безъ примѣровъ, поэтъ придаетъ ихъ извѣстнымъ личностямъ. Причина, почему поэтъ долженъ представлять предметъ такимъ образомъ, состоитъ въ томъ, что поэтъ не имѣетъ намѣренія, подобно историку, передавать событія памяти потомства, но имѣетъ въ виду научать людей, какими они должны быть въ томъ или другомъ родѣ жизни,—это дѣлаютъ также и философы—политики; но поэтъ показываетъ свою политическую теорію (*civilem suam doctrinam*) въ дѣяніяхъ какаго нибудь героя, какъ бы въ зеркалѣ и, восхваляя его, предлагаетъ прочимъ въ примѣръ. Такъ, Гомеръ въ Одиссѣй представилъ вождя краснорѣчиваго, благоразумнаго и испытаннаго въ житейскихъ дѣлахъ. Виргилій представляетъ въ Эней великаго духомъ и благочестиваго царя. Посмотрите, какъ умно

построилъ онъ свою Энеиду. Такъ какъ каждому государю надлежитъ быть искусну въ войнѣ и мирѣ, то разумнѣйшій поэтъ, желая наставить царей въ томъ и другомъ, обнимаетъ плаванія Энея въ первыхъ шести книгахъ, предлагая въ нихъ, какъ бы въ картинѣ государственной жизни, правила управленія государствомъ; въ послѣднихъ же шести книгахъ воспѣваетъ войны Энея, выставляя ихъ образцомъ воинскаго искусства¹⁾.

Такъ понималъ Прокоповичъ задачу поэзіи. Конечно, дидактическая цѣль поэтическихъ произведеній сближала ихъ съ церковнымъ краснорѣчіемъ, и Теофанъ, въ проповѣди, сказанной еще въ день св. Владиміра въ Кіевѣ²⁾, развивалъ тѣ же мысли, какія провелъ въ своей трагедокомедіи; разница была лишь въ формѣ, тонѣ и въ объемѣ изложенія. Виргилій, какъ эпическій поэтъ, могъ исчерпать дѣятельность своего героя въ мирѣ и на войнѣ. Прокоповичъ въ проповѣди на день св. Владиміра коснулся также той и другой стороны дѣятельности „святаго царя“, то-есть, „первѣе о побѣдахъ его кратко разсмотрѣлъ“, потомъ показалъ, аще добро творилъ подданнымъ своимъ. Связанный вышеприведеннымъ ученіемъ о единствѣ времени, Теофанъ представилъ въ трагедокомедіи лишь одну послѣднюю сторону дѣятельности св. Владиміра—его мирную, просвѣтительную дѣятельность. Проповѣдь Теофана на день св. Владиміра написана на одну тему съ его трагедокомедіей, стоитъ съ нею въ тѣснѣйшей связи по ходу мыслей, развиваемыхъ въ той и другой, и служитъ любопытнымъ комментариемъ къ разбираемой піесѣ. Конечно, въ своемъ драматическомъ произведеніи, написанномъ для лѣтнихъ рекрецій, разыгранномъ молодежью подъ открытымъ небомъ, Теофанъ былъ свободнѣе въ тонѣ, въ выборѣ подробностей и въ обстановкѣ главнаго героя піесы, чѣмъ въ проповѣди, и потому, не смотря на тождество основной мысли церковнаго слова и школьнаго дѣйства, не смотря на важность содержанія, послѣднее вылилось въ формы не серьезной и важной трагедіи, но въ формы такъ называемой „трагедокомедіи“, тер-

¹⁾ De arte poetica libri III, p. 100—108, глава: De fictione poetica.

²⁾ Слова и рѣчи Теофана Прокоповича III, 332—349. Слово напечатано здѣсь безъ означенія времени и мѣста его произнесенія; но несомнѣнно, что оно сказано было въ Кіевѣ, потому что на стр. 336 Теофанъ обращается къ слушателямъ съ такими словами: «Кому бо нѣсть явно: яко богоспасаемый градъ сей Кіевъ—мати градукомъ» и т. д. Слѣдовательно, слово въ день св. Владиміра отдѣлено небольшимъ промежуткомъ времени отъ трагедокомедіи того же содержанія.

минъ, который Теофанъ весьма знаменательно отождествляетъ съ словомъ *tragicomedia*. По опредѣленію Прокоповича, „трагикомедія или какъ называетъ Плавтъ „Амфитріона“, трагедокомедія есть смѣшанный родъ драматической поэзіи изъ трагедіи и комедіи, то-есть такой, въ которомъ смѣшное и забавное смѣшивается съ серьезнымъ и трогательнымъ, и лица незначительныя съ знаменитыми“¹⁾. Въ трагедокомедіи Прокоповича элементъ серьезный уравнивается комическимъ, точно такъ же, какъ въ старомъ кievскомъ міраклѣ объ Алексѣѣ, божіемъ челоуѣкѣ, важное впечатлѣніе, производимое на зрителей аскетическими подвигами святаго, умѣряется веселымъ интермедіемъ, изображающимъ разгулъ мужиковъ на господской свадьбѣ²⁾.

Въ словѣ на день святаго Владиміра Теофанъ останавливается, главнымъ образомъ, на той внутренней борьбѣ, которая должна была происходить въ душѣ князя, когда онъ задумалъ принять христіанство. Показавъ въ началѣ слова, какъ силенъ и страшенъ былъ Владиміръ въ „мірскихъ браняхъ“ съ врагами, проповѣдникъ продолжаетъ: „Но я не отъ сихъ его побѣдъ и ему славы, и намъ радости взыскую. Есть брань духовная, противу которой всѣ мірскія войны единымъ отрочицимъ игралищемъ Златоустый святой называетъ. Въ бранехъ духовныхъ, ими же непрестанно возстаютъ на насъ три неукротимыя и злолютіи супостаты — міръ, плоть и діаволъ, сихъ всѣхъ столь крѣпко и мужественно порази Владиміръ святой,

¹⁾ „Ex his (tragoedia et comoedia) tertium genus mixtum constituitur, quod dicitur *Tragicomoedia*, seu ut Plautus in *Amphitryone* vocat, *Tragedocomoedia*, cum scilicet res ridiculae et facetiae cum seriis aut tristibus, personaeque viles cum illustribus permiscantur. Tale drama est apud Plautum, quod dicitur *Amphitryo*. De arte poetica libri III, p. 147.

²⁾ Г. Петровъ утверждаетъ, что Прокоповичъ *«всѣмъ»* неупотреблявшійся до него въ Кіевской академіи родъ драматическихъ произведеній—трагедокомедію, въ которой переиживаетъ высокіе предметы съ низкими, а такимъ образомъ въ драматическихъ произведеніяхъ далъ мѣсто и обыденнымъ явленіямъ жизни и что «съ его времени въ кievской академіи часто являются трагедокомедіи». *Труды Кіевской духовной академіи* 1866, ноябрь, стр. 368, 372. По въ древнѣйшей изъ извѣстныхъ намъ кievскихъ драмъ *Алексѣй божій челоуѣкъ* мы уже находимъ смѣшеніе «предметовъ высокихъ съ низкими и изображеніе сценъ «обыденной жизни». Эти сцены вводилъ въ драму, до Прокоповича, и св. Димитрій ростовскій. Въ древнѣйшемъ изъ дошедшихъ до насъ учебниковъ пѣнтяки (1637 года), употреблявшихся въ Кіевской коллегіи, уже находится глава *de comedia et tragicomedia. Макарія. Искорія* кievской академіи, стр. 63.

яко, аще бы гнѣкій живописецъ духовную сію брань шарами чувственными изобразити хотѣлъ, Владиміра святаго яко воина возбранна при самомъ боку вождя своего Христа долженъ бы былъ написати“. Прокоповичъ переходитъ затѣмъ къ разъясненію, въ чемъ состояла борьба св. Владиміра съ 1) міромъ (стр. 339—342), 2) плотью (стр. 342—343) и 3) діаволомъ (343 и слѣд.). 1) „То самое, что, отвергнуши идолослуженіе, вѣру Христову воспріялъ, не есть ли избыточное свидѣтельство побѣды его надъ міромъ? Сія есть побѣда побѣждающая міръ—вѣра наша православная, глаголетъ апостоль свитый... По неже убо міръ сѣбною своею славою и гордостію на души чловѣческія ратуетъ, кому тутъ не льво, яко сію мірскую силу сломи Владиміръ свитый, яко слаболюбіемъ не побѣдися, яко духъ гордый преславнымъ своимъ дѣломъ испраздни? Не напосилъ ли сердцу его бѣсъ горделивый високаго помышленія: „отъ кого вѣры учитися имаши, Владиміре? Отъ христіанъ ли, иже имени твоего ужаются и множицею тобою были побѣждены? Побѣдители дають закопъ побѣжденнымъ, ты хоцещи пріяти отъ побѣжденныхъ? Толикій владыка рода твоего отъ инородныхъ ученія просиши? Господь отечества твоего — отъ странныхъ, послѣдникъ князей російскихъ — отъ пришелець, еще же и въ возрастѣ совершенномъ! Посмѣются тебѣ вельможи твои, и кто не речеть, яко аще пыгъ учишися, убо отъ млада доселѣ безуменъ былъ если? Къ тому и отъ безумныхъ отецъ и праотецъ рожденъ наречешися: явѣ бо сотвориши, яко весь родъ твой, чтуще боги своя, не вѣдаше истины и слѣпъ и невѣжда баше. Не буди тако“. Не наводилъ ли, сказую, такого високоумія духъ гордыни? Обаче не преклонися на совѣтъ его Владиміръ свитый... И что о Христѣ слыша, еже бы къ толикому увѣренію божества его сердце княжеское подвигнуло? Яко сынъ тектоновъ бѣ, нищій, странный, неимѣющій гдѣ главы приклонити, таже яко злодѣй со злодѣями повѣшенъ на дрѣвѣ. Сему подобаше кланитися, сего Бога нарицати, сего рабомъ нарицатися. О тяжестное слышаніе княжескому сердцу! Сіе наипаче отъ проповѣди евангельской дрѣвнихъ философъ и царей отвращало... Распятому, яко Богу, служити и кланятися? Поклонися смиренно и въ работу себе распятому вдаде толикаго благородія сынъ, толикихъ странъ обладатель—Владиміръ свитый!“ Показавши, какъ свитой князь „низложилъ гордыню и побѣдилъ славолюбивый міръ“, Феофанъ обращается къ уясненію борьбы Владиміра съ плотію. 2) „Силу же его и мужество, имъ же втораго врага—плоть сластолюбную испроверже, кто достойно исповѣсти можетъ? Во

истину не можно не дивитися; яко того, который отъ дѣтства во всѣхъ сластяхъ плотскихъ погруженный валялся, не устрашило новое ученіе христіанское, повелѣвающее въ великомъ трезвѣннн животь исправляти. А что есть наибольшее: толь необузданнымъ устремленіемъ за похотями плотскими течаше и тако раздирашеса отъ огненнаго блуднаго бѣса, яко, по свидѣтельству Нестора святаго, кромѣ шести дасть пятьсотъ къ тому наложницъ имѣаше. Какая же тутъ война на сердце его наступила, когда отъ евангельскаго ученія сказоваше ему, яко и возрѣти на жену съ похотію, во еже вожделѣти ея, есть скверное прелюбодѣяніе, есть грѣхъ смертнн, есть дѣло, за которое правда божія вѣчнымъ огнемъ казнити будетъ. О трудное ученіе на сластолюбивыхъ и плотскихъ! Мнѣ видится, что Владиміръ, имѣючи въ себѣ сердце пятисотными пристрастіями обложенное, ничѣмъ не разнился отъ онаго бѣсноватаго евангельскаго, въ которомъ былъ легеонъ, сіе есть множество бѣсовъ. Изринуты убо вся сія отъ сердца, малая ли кому мнится быти побѣда? Такъ разумѣти подобаетъ, яко большая крѣпость и сила была Владиміра святаго отторгнутися отъ всего полчища женскаго, нежели вся тыя народы побѣдити, съ которыми брань ему бываше. Скажу слово великое и дивное, но истинное: колико женъ отвергль отъ себя Владиміръ святнн, толико пламенныхъ стрѣлъ діавольскихъ сломилъ, толико столповъ демонскихъ опроверже, толико свѣтей хищнаго душъ ловителя растерва, толико рукъ страшному бойцу адскому отсѣче, толико погуби огнедышущихъ зміевъ адскихъ! 3) Третія побѣда надъ діаволомъ явная всѣмъ есть. Богомерзскіи и бездушныи идолы опроверже. Что симъ сотворилъ? Не самаго ли въ нихъ почитаемаго побѣди діавола? И да не речеть кто, яко удобно и петрудно идолы бездушныи и нечувственныи разбивати: тому токмо удобно, кто силою Христовою вооруженъ можетъ поupati и самихъ демоновъ. По свидѣтельству виѣшнихъ историковъ поупеніемъ божимъ многія казни наносили діаволы на своихъ идолослужителей, отъ которыхъ имъ было нѣкое озлобленіе... Како можетъ кто внити въ домъ крѣпкаго и сосуды его расхитити, аще не первѣе свяжетъ крѣпкаго и тогда домъ его расхититъ? Самъ Христосъ глаголетъ. Аще убо Владиміръ святнн разорилъ дома діавольскія, расхитилъ сосуды ихъ и кумиры бездушныи, кому не явѣ есть, яко связа крѣпкаго, побѣди, поверже, подра торжественно самаго діавола?"

Внутреннюю борьбу Владиміра передъ принятіемъ христіанства и его троякую побѣду надъ враждебными новой религіи силами Фе-

офанъ сдѣлалъ предметомъ школьной драмы. Последняя въ формѣ, условленной пѣтическими правилами, развиваетъ тѣ же самыя мысли, которыя Оеофанъ раскрылъ въ проповѣди на день св. Владиміра, повторяя притомъ мѣстами буквально выраженія церковнаго поученія. Въ трагикомедіи Прокоповича двойкій прологъ: такъ называемый прологъ комедіи, лежащій внѣ дѣйствія пьесы и составляющій простое къ ней предисловіе (стр. 280 — 281), и протазисъ трагедіи, обнимающій первое дѣйствіе всей драмы ¹⁾. Въ протазисѣ Оеофанъ вмѣщаетъ ту часть фабулы, которая заключаетъ въ себѣ сущность изображаемаго событія: взволновавшій вѣстію, что Владиміръ намѣревается водворить въ Кіевѣ Христовъ законъ и дерзаетъ начать брань съ діаволомъ, адъ высылаетъ на землю духъ Ярополка, чтобы онъ возвѣстилъ представителю адскихъ силъ въ Кіевѣ — волхву Жериволу о предстоящихъ бѣдахъ (стр. 286). Жериволь уже успѣлъ подмѣтити, что Владиміръ охладѣлъ въ последнее время къ языческимъ жертвамъ, что его богамъ предстоитъ голодная смерть.

. . . . . О студа!
 Даде вчера едина козла тако худа,
 Тако престарѣлаго, тако безгѣлесна,
 Тако извуреннаго, изсохша, безчестна,
 Тонка, лаха, немощна, безкровна, безплотна,
 Еще ножа не пріяхъ, а смерть самохотна
 Постяже его.

Послѣ этого комическаго разказа, который въ одной изъ послѣдующихъ кіевскихъ пѣтикъ признается образцовымъ ²⁾, Ярополкъ въ подтвержденіе своей мысли о дерзости Владиміра передаетъ Жериволу подробности своей смерти. Этотъ разказъ законченъ однимъ изъ тѣхъ уподобленій, которыя Оеофанъ считалъ важнымъ украшеніемъ эпоса и трагедіи и потому совѣтовалъ излагать въ распространенномъ видѣ ³⁾:

¹⁾ См. выше ученіе Прокоповича о частяхъ трагедіи. Конисскій, удерживая этотъ параграфъ пѣтики Оеофана, нѣсколько подробнѣе объясняетъ термины: «Протазисъ», говоритъ онъ, — «есть первая часть повѣствованія, въ которой излагается и разказывается сущность дѣла, однако не показывается конца ея, такъ чтобы изъ неожиданной развязки возрастала пріятность вымысла». *Труды Кіевской духовной академіи* 1866, ноябрь, стр. 354.

²⁾ «Превосходно, — говоритъ кіевская пѣтика 1735 года, — описаніе козла въ трагедіи славнѣйшаго Оеофана, гдѣ Жериволь жалуется предъ Ярополкомъ на Владиміра». *Труды Кіевской духовной академіи* 1866, ноябрь, стр. 369.

³⁾ *Mirum in modum ornant еропоеіам appositae similitudines, quibus propte-*

Еденъ со двоимъ

Всѹе брахся, весь лють на мечьхъ носимій.
 Яко медвѣдь, емуже въ персп довецъ силній,
 Возсетъ роженъ, мечется всѹе и бездѣлній
 Гнѣвъ яритъ п, елико борется крѣпчае,
 Толпо вонъ желѣзо входитъ глубочае:
 Сице азъ бѣдній брахся (стр. 289).

Въ протазисѣ Жериволь готовится вступить въ борьбу съ враждебнымъ ему намѣреніемъ Владиміра.

Во второмъ дѣйствіи трагедокомедіи (въ эпитазисѣ) начинается развиваться самое дѣйствіе—*res ipsa fieri incipit*; по выраженію Конисскаго, „эпитазисъ есть усиленіе заключающихся въ протазисѣ предметовъ; въ немъ завязка или начинается, или усиливается до напряженія“¹⁾. Въ разбираемой трагедокомедіи эпитазисъ дѣйствительно начинается развивать самое дѣйствіе, составляющее содержаніе нѣсны, то-есть, борьбу Владиміра съ враждебными его христіанскою дѣятельности началами. Въ праздникъ, посвященный Перуну, верховный жрецъ Жериволь не приготовился къ совершенію требы: простовлась, оцъ бѣжить по пустыному лѣсу съ необычнымъ воплемъ, созывая неисчетный сонмъ страхородныхъ духовъ и погѣдаетъ ему свою нужду—возстаніе Христова закона на его боговъ. Жрецъ зоветъ на помощь своихъ боговъ, заклинаетъ самый адъ, и вотъ являються къ нему воплощенные представители тѣхъ началъ, съ которыми св. Владиміръ долженъ вести борьбу: бѣсъ міра, бѣсъ плоти (тѣла) и бѣсъ хулы или противства божія. „Прилично ли князю (говорить бѣсъ міра) преклонить свою выю распятому и нищему Христу?“ Бѣсъ противства божія хулитъ распятаго какъ злодѣя. Бѣсъ тѣла надѣется одержать легкую побѣду надъ Владиміромъ,

---

rea frequentissime utuntur poëtae heroici, non raro tragici, casque paulo fūsius tractare solent. Hoc tantum observa in invenienda apta similitudine: *ut non tantum imaginem rei quaeras, sed etiam quandam symmetriam seu commensurationem.* Hoc est, si res fuerit magna, quanquam ei simile aliquid fuerit in parvis, non tamen a parvis, sed a magnis pete similitudinem; si dolorosa, non a lactis, sed a tristibus; si terribilis,—ab iis, quae plena terroris sunt. Mollia in mollibus, tenera in teneris, jucunda in jucundis exprimere aditatis, contra quam faciunt dialectici: illi enim similitudine utuntur tantum ad probandam vel illustrandam rem, nec quidquam pensi habent, an ex similitudine accedat ornatus rei; poëta vero per similitudinem non tam probare, quam illustrare, ornare et augere rem satagit». См. *De arte poëtica libri tres*, 113—114.

¹⁾ Труды Киевской духовной академіи 1866, ноябрь, стр. 354.

который и безъ того весь боленъ отъ его стрѣлъ; бѣсъ плоти „впѣдрилъ ему въ сердце триста стрѣлъ ядомъ напоенныхъ“, и Владиміръ „бѣсится любовію трехъ сотъ женъ“. Жериволь ободряется; онъ на-чинаетъ вѣрить, что Христосъ еще не можетъ торжествовать въ душѣ Кіевскаго князя.

Въ третьемъ актѣ (въ катастасисѣ) возникаютъ препятствія дѣлу Владиміра и начинаются замѣшательства (*perturbationes*)¹⁾: затронутый рѣчами греческаго философа, Владиміръ опускаетъ въ себѣ перемѣну; что-то новое вселилось въ его сердце; имъ овладѣваетъ какой-то страхъ; языческія жертвы кажутся ему мерзкими; онъ еще не знаетъ, что думать о вѣщаніи греческаго посла, хотя что-то влечетъ мысль Владиміра къ повѣсти философа. Онъ повѣряетъ свои мысли дѣтямъ, проситъ ихъ совѣта; Глѣбъ склопаетъ отца потребовать у греческаго философа подробнаго изъясненія христіанскаго закона. Въ это время приходитъ къ князю съ своими сѣтованіями на скудость жертвъ Жериволь; холодно встрѣчаетъ его Владиміръ и смѣется надъ его опасеніемъ, что боги умрутъ съ голода. По желанію князя, начинается преніе между языческимъ жрецомъ и греческимъ философомъ. Жериволь начинаетъ разглагольствіе сваромъ и бранью, а не чиннымъ словомъ; потому забрасываетъ философа рядомъ вопросовъ, на которые можно отвѣчать только молчаніемъ; издѣляется съ насильственнымъ смѣхомъ надъ пемпогими краткими и презрительными отвѣтами философа, такъ что краснорѣчіе его приводитъ Владиміра въ краску²⁾. Рѣшившись смирить греческаго посла дѣломъ, а не словами, Жериволь удаляется. Не все въ словахъ жреца кажется Владиміру безумнымъ; онъ не понимаетъ прежде всего, какъ Богъ можетъ быть невидимъ. Философъ въ длинныхъ монологахъ раскрываетъ важнѣйшіе догматы православной христіанской вѣры и

¹⁾ По опредѣленію Коппекаго, «катастасисъ есть напряженное состояніе дѣйствія, въ которомъ замѣчается большая запутанность». *Труды Кіевской духовной академіи* 1866, ноябрь, стр. 354.

²⁾ Прокоповичъ въ урокахъ своихъ *De legibus et regulis rectae disputationis cum aliis instituendae* осуждаетъ особенно тѣхъ, которые на диспутахъ прибѣгаютъ къ брани и къ шуткамъ. «Minus ferendi sunt, qui ad convitia probaque, quam ratione nihil possunt, confugiant.—Et his etiam deteriores esse videntur, qui in seria disputatione, quam maxime sibi metuere debeant, ne videantur metuere, ludunt identidem et importunissimos jocos ac sales insulsos inter disputandum passim jactant». См. *Baumisteri Elementa philosophiae recentioris... usibus juventutis Rossicae adornata. Editio secunda (Bantisch-Kamenski). Lipsiae, 1786, pars secunda, p. 114—115.*

тѣмъ разрѣшаетъ недоумѣнія, возникшія въ душѣ Владиміра. Въ уста греческому философу своей трагедокомедіи Теофанъ влагааетъ отдѣльные параграфы своей богословской системы. Бытіе невидимаго Бога философъ доказываетъ Владиміру такимъ образомъ:

Сей разумъ отъ естества имѣеть начало:
 Древни убо Елліни, не суще ни мало
 Отъ Бога изучени, сіе имѣяху
 Познаніе: егда бо весь міръ разсуждаху,
 Видяще въ немъ толь многу тварь и толь различно
 Зданіе и всѣмъ всецѣмъ дапное прилично
 Свойство и согласіе, яко и въ толнкомъ
 Множествѣ не ратуютъ на ся, но въ великомъ
 Мирѣ стоятъ и въ единъ конецъ намѣраютъ,
 Ниже когда данній имъ чинъ свой измѣняютъ:
 Свой путь имутъ свѣтила, свой брегъ знаютъ води,
 Свое время вѣдаетъ земля, изъ ней плоды
 Исходятъ кійждо отъ нихъ во время подобно:—
 То зряще, философи рѣша: «неудобно
 Быти смѣ безъ начала и потребной власти;
 Нѣкто создалъ есть сіа и держай упасты
 Не даеть и премудрымъ смотрѣніемъ строити:
 Убо того и Богомъ нареши достонть».

На замѣчаніе Владиміра, что многая тварь требуетъ и многихъ создателей, философъ отвѣчаетъ:

Ни, княже! Не можетъ бо что началомъ быти,
 Аще не есть едино: началу имѣти
 Первенство подобаетъ. Убо аще мнози
 Суть во васъ, вся ли тіе суть первіе бози?
 Аще ни, единъ убо; аще же вси, како
 Во многомъ числѣ нѣсть вторій и третій? И тако
 Всѣмъ выну подобаетъ имѣти одну.

Эти тирады Прокоповичъ почти буквально воспроизводитъ въ своихъ богословскихъ лекціяхъ ¹⁾.

¹⁾ Срав. эти монологи съ слѣдующимъ отрывкомъ изъ главы Теофанова богословія *De existentia Dei contra atheos*: «Primum argumentum est contemplatione creaturarum, in quibus tanta pulchritudo, varietas, ordo, mutationes et vices omniumque licet specierum ad unum finem et quasi commune totius mundi bonum mira conspiratio et contentio, ut ex. gr. coelorum et siderum motus, quae ob magnitudinem suam et incredibilem a terris distantiam nil habere videntur ad res terrenas; et tamen si consideres, habent plurimum et plurimum conferunt ad usus nostros; quasi enim collatis operis in commune coelum cum terra laborant.... Наес,

Результатомъ пренія Жеривола съ философомъ и бесѣды послѣдняго съ княземъ является охлажденіе Владиміра къ жрецу и преданность христіанскому послу, котораго Владиміръ обѣщается имѣть отсель „во отца“.

Въ четвертомъ дѣйствіи, которое вмѣстѣ съ третьимъ составляетъ катастасисъ, „поэтъ дѣлаетъ приступъ къ развязкѣ“. Здѣсь загорается тяжелая внутренняя борьба въ душѣ Владиміра. Оставшись одинъ, онъ подвергается искушенію темныхъ силъ, вызванныхъ Жериволомъ на помощь: „бѣсы міра, плоти и хулы наваждаютъ на Владиміра противныя помыслы и глаголы“ и онъ готовъ забыть сладкую проповѣдь философа. Теофанъ Прокоповичъ не вывелъ этихъ силъ олицетворенными, по обычаю старой кievской и московской школьной драмы, не сопоставилъ ихъ въ видѣ отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ съ Владиміромъ. Борьба послѣдняго съ бѣсомъ міра, плоти и хулы выражается въ длинномъ монологѣ князя, занимающемъ почти все четвертое дѣйствіе. Оставшись наединѣ, чтобы обдумать трудный и рѣшительный шагъ, Владиміръ, прежде всего, подпадаетъ искушенію міра. Онъ понимаетъ, что принятіе имъ христіанства, прежде всего, „породитъ укоризну его славѣ“:

Не повергу ли греческимъ подъ нозѣ
Царемъ вѣнца моего? И ихъ же на мнозѣ
Усмирить побѣдами, тѣмъ самъ подчиненный буду,
Буду не оружіемъ,—еднимъ побѣжденный

---

inquam, et talia serio consideranda sunt, et nequaquam menti tuae persuadere poteris, non esse Deum, imo continere et suppressere quasi vehementer scintillas non poteris cogitationes, quin dicant esse aliquid tam potens, tam sapiens, quod haec tanta tam bona et utilia, tam pulchra, varia, consonantia produxerit. Cp. Christianae orthodoxae theologiae in Academia Kiowiensi a Th. Prokopowicz adornatae et propositae volumen primum, p. 353. Доказательства единства Божія, изложенныя въ вышеприведенномъ монологѣ философа, переданы въ богословскихъ урокахъ Теофана въ такихъ словахъ: Plura ingeniosi homines moliti sunt. Quod sit impossibile, duo prima entia esse, duo entia a se esse, duo, quod idem est, esse principia. Sed hoc ulteriore demonstratione indiget, cur scilicet sint ista impossibilia, seu quam contradictionem involvant? Potest dici: quod primum est, unum est; ergo duo prima esse non possunt: at contra in physicis creatis elementa plura sunt simul condita, et sunt principia omnium formarum: et tempore ergo et causalitate ut aiunt, prima sunt et tamen plura sunt. In statu politico duo reges in eodem regno pari potestate et dominio in unum idemque regnum, et, ut loquuntur juri periti, in solidum, praediti esse possunt; duo ergo primi erunt. Ratio ergo prima et principii non videtur per se tollere multitudinem. Ibidem, p. 382 sqq.

Словомъ философичнѣ! Инако же посятъ
 Обычай: да закона побѣжденній просятъ
 Отъ побѣдника, сей же тому да владѣеть.
 Къ тому мѣрѣ зпасть, яко сили ми доплѣветъ,
 Да зъ римскимъ царемъ сяду кунно же и равно.
 Не тако, аще ученикъ его есмь. Явно
 Се пѣмъ укореніе. Но уже и время
 Мишу ученичества: егда малъ бѣхъ, бремя
 Сіе на мнѣ не баше; нинѣ на престолѣ
 Княземъ сѣдай, поддамъ мя учительской волѣ?
 Досегѣ бѣхъ неплѣжа, и неплѣжи блху
 Клязи, праотци мои, вси бо почитаху
 Спихъ боговъ несумѣнно. «Убо отъ безумныхъ
 Порожденъ есть Владиміръ?» Кто отъ многоумныхъ
 Боляръ не повѣсть тако? Ниже токмо сіе
 Рекутъ, но (что ми сердце узавить люте)
 Рекутъ, яко не ради вѣри пріяхъ вѣру,
 Но страха ради, хотяй завѣщанну миру
 Крѣпость дати, аки бы страшна ми со Греки
 Брать была...

Владиміръ старается подавить въ себѣ внушенія гордыни, „Кое зло есть хулиму быти отъ рода лукава?“ спрашиваетъ онъ.

Дниъ есть токмо—людская и хула, и слава!
 А яко старъ учуся—то ли будетъ бѣдо?
 Уচিতся добраго во всякомъ не стыдно
 Есть премени.

Но едва заглушилъ въ себѣ Владиміръ голосъ гордости, какъ его окружають искушенія плоти.

Но камо идеши
 Княже бѣднѣй? Триста жепъ гдѣ суть? Небрежши,
 Всѣхъ отвращаешися? Убо ти звѣръ дивнѣй,
 А не человекъ еси; тако горделивнѣй
 Будеши, хотя быти смиреннѣй. И сію
 Мзду воздаси за любовь? Уви мнѣ! Весь тлѣю,
 Жегомъ огнемъ сердечннмъ, весь внутрь изгараю;
 Пламень виіде въ утробу. О горе! не чаю
 Жити быти, аще пріиму законъ нелюбимнѣй,
 Иго тяжкое, яремъ неудобъ носимнѣй!
 Аще же ми сіе исперва повѣданно
 Было бы, когда еще не бѣ привязанно
 Сердце мое толь долгимъ обычаемъ сластей,
 Удобиѣ было бы. Нинѣ же огонь страстей,
 Толику силу вземнѣй, како есть удобно
 Угасити?

Отдавшись искушеніямъ плоти, Владиміръ начинаетъ уже поносить законъ Христовъ:

Отсюду мнится неподобно
 Ученіе христово: учить утоляти
 Похоть плотскую. Како се есть—уязвляти
 Естество? Естеству се наносится нужда.
 Како убо онъ есть Богъ? Воля его чужда
 Есть смотрѣнія, Богу отнюдь несвойственна:
 Аще онъ есть создатель міра вещественна,
 То почто созданію своему противній
 Законъ вноситъ? Аще же нѣ кто міръ сей дивній
 Произведе въ бытіе, нѣ убо кто міра
 Начало есть, убо есть о немъ ложна вѣра...

Но Владиміръ вспоминаетъ проповѣдь философа и не находитъ въ ней ничего противнаго разума.

Владимере! что тако бѣснуешься? Кія
 Бѣси (о лють тебѣ!) наваждаютъ сія
 Помсли и глаголи?

Изложенный монологъ князя, воспроизводящій съ замѣчательною точностію вышеприведенную изъ проповѣди Теофана характеристику этой борьбы въ душѣ Владиміра, уже въ одномъ изъ старыхъ списковъ трагедокомедіи Прокоповича (можетъ быть употребленнымъ при сценическомъ ея представленіи)¹⁾, раздѣленъ на слѣдующія четыре части: первая часть монолога отмѣчена въ рукописи словами: помысли гордіи; вторая часть (начиная съ стиха: Камо идеши? и оканчивая стихомъ: Како есть удобно учасити?) характеризуется словами: „Плоть искушаетъ“; противъ третьей части (начинающейся стихомъ: Отсюду мнится неудобно ученіе христово) приписано: худнія помысли; наконецъ, со словъ: „Владимере! что тако бѣснуешься? до конца монолога идетъ, по замѣчанію рукописи, „совѣтъ“²⁾. Въ этой послѣдней части монолога „трезвый разумъ“

¹⁾ Рукописный сборникъ Кіевской духовной академіи I. 3. 92. 13, заключающій въ себѣ: 1) пѣтнику и риторику, писанныя великорусскимъ почеркомъ до 1726 года и принадлежавшія Казанскому митрополиту Веніамину; 2) Владиміръ Теофана, списокъ малорусскаго письма съ позднѣйшими великорусскими поправками; 3) Катехизисъ, и 4) Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдать долженъ, Теофана же. Оба послѣднія сочиненія писаны позднѣйшимъ великорусскимъ почеркомъ. На первомъ листѣ сборника подпись *ex libris Basilii Grygorovics. Вь Санктпетербургѣ.*

²⁾ Выслушавъ мысль Вориса и Глаба о проповѣди философа, Владиміръ

Владимира торжествуетъ надъ лукавыми помыслами, навѣянными бѣсомъ міра, плоти и хулы, и онъ рѣшается „явѣ Христа исповѣсти“. Четвертое дѣйствіе замыкается хоромъ, который, хотя и лежитъ, по ученію пѣнника Теофана, внѣ дѣйствій фабулы, но имѣетъ съ ходомъ дѣйствія тѣсную связь. Когда рѣшимость принять законъ Христовъ окончательно водворилась въ сердцѣ Владиміра, обольстительныя картины прошедшаго представляются его воображенію и преслѣдуютъ князя. „Прелестъ“ поетъ свою пѣсню вслѣдъ удаляющемуся князю и старается отвратить „своихъ людей“ отъ „жестокаго пути христова“. Значеніе этого хора и его сценическая постановка объясняются слѣдующими словами пѣнника Теофана, почти буквально повторенными и въ пѣнническомъ руководствѣ Кописскаго: „Хоръ есть танецъ, приноврвленный къ пѣнію, но подъ словомъ танецъ не разумѣй здѣсь только веселое движеніе тѣла, происходящее отъ душевной рѣзвости, что едва-ли допускается трагедіей, но какое бы то ни было художественное и стройное шествіе и жесты лицъ, приноврвленные къ тому, что поется. Въ хорѣ можетъ быть вдругъ много лицъ, но всѣ они принимаются за одно, потому что одно запѣваетъ, всѣ же остальные только движутся, или всѣ вмѣстѣ поютъ и дѣлаютъ одно и тоже. Хоръ всегда полагается по окончаніи дѣйствія и означаетъ перемѣну вещей и превратности судьбы“¹⁾. Въ хорѣ, замыкающемъ четвертое дѣйствіе разбираемой трагедокомедіи, новому рѣшенію Владиміра противопоставляется его прошедшее, тѣ дни, когда „сердце его вмѣнило лобзанія трехъ сотъ женъ, и всякая сласть невозбранно текла въ душу“²⁾. Элегическая

отпускаетъ ихъ словами: «Отъидѣте на время, азъ *посовѣтую* на единѣ со мною». Разобранный монологъ начинается такъ:

Коль мнѣи суть *соетти*, ихъ же лице красно
Мнятся быти, но, егда разсмотрѣвъ опасно,
Инако являются...

¹⁾ De arte poetica libri tres, p. 149—150.

²⁾ Такъ называемая *эпоса*, «которая нѣкоторыми не отличалась отъ прозописи», составляла одно изъ важныхъ предварительныхъ упражненій всякаго обучавшагося стихотворству. Разбираемый хоръ представляетъ образецъ такой эпосы. Объ этомъ пѣнника Прокоповича учить: «Hujus exercitationis officium non aliud est, nisi fingere verisimiles sermones lactos vel tristes personae verae vel fictae. Et hoc modo stylum exercere valebit pro heroico et maxime pro tragico poemate, ut v. gr. quid Niobe dixisse potuit amissis liberis, quid latitans Helena, dum Troja caperetur etc. Pro faciliori artificio ethopoeiae assignat Aphthonius tria tempora observanda: praesens, praeteritum et futurum... Hic quoque non aliunde sit artificium, nisi ut, qui se hoc modo exercet, ingeniose describat statum praesentis

лїсна Предести написана размѣромъ, отличнымъ отъ того, какой господствуетъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ трагедокомедіи: она имѣетъ болѣе легкую и подложную форму лирическаго стиха. Пятое дѣйствіе пїесы изображаетъ подготовленную всѣмъ предшествующимъ катастрофу ¹⁾. Владиміръ запретилъ по всѣмъ городамъ приносить жертвы и всдѣ велѣлъ крушить идоловъ: разбитыя кумиры боговъ сдѣлались дѣтскою игрушкою. Комическій разказъ жреца о томъ, что „дѣти, разсѣкше кумиръ на части, въ главу его, какъ въ сосудъ, испражняють стомахъ“, служить какъ бы нагляднымъ выраженіемъ той мысли, которую Оеофанъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ своей проповѣди на день св. Владиміра: „Тебѣ воспісуюемъ, яко величавши демоны, Перуны, Волосы, Подзвизды, Лады, Купалы и малымъ у насъ дѣтнимъ единымъ поруганіемъ и смѣхомъ остались“ ²⁾. Жрецы умирають съ голоду. Одни они встрѣчаютъ упорнымъ сопротивленіемъ волю князя. Мечиславъ, вѣрный вождь Владимірова войска, заставляеть ихъ собственными руками сокрушать идоловъ и поднимаетъ свой мечъ на ченокорныхъ. Жрецъ грозитъ Мечиславу помраченіемъ солнца, гибелью Кіева, если будетъ низверженъ Перунъ. Но Мечиславъ и Храбрый окончателью низвергаютъ идоловъ. Катастрофа совершилась. Храбрый передаетъ Мечиславу подробности крещенія князя; потомъ вѣстникъ приносить посланіе Владиміра Храброму, въ которомъ извѣщается, что князь „воспріалъ истинный Христовъ законъ и задуманное дѣло совершилъ крайне и всецѣло“.

Трагедокомедія оканчивается хоромъ апостола Андрея съ ангелами. На послѣднихъ страницахъ слова въ день св. Владиміра, указавши, что Россія „отъ святаго Владиміра просвѣщенная, процвѣла въ добродѣтели, прославилась чудесами, породила и рождаетъ угодииковъ божіихъ“ и что „тому всему, яко здапію нѣкоему, основаніе положилъ Владиміръ“,—Прокоповичъ ставитъ апостола Андрея въ такое

---

et praeteriti temporis et si quidem diversi fuerint, lactas res praesentes vel tristes eo ipso lactiores vel tristiores videri efficit. Ibidem, p. 39.

¹⁾ Катастрофа въ пїятій Оеофана не имѣетъ подробнаго опредѣленія; въ учебникѣ поэзіи Лаврентія Горки этотъ терминъ объясняется такъ: «Catastrophe ultima pars, qua fabula clauditur, in qua res in melius commutantur seu ubi sit negotii in tranquillitatem non expectatam conversio. См. рукопись кіевской духовной академіи О 7 Idea artis poëseos, cap. IX, § 132. Это опредѣленіе катастрофы буквально повторено въ пїятій Георгія Конисскаго. *Труды Кіевской духовной академіи* 1866, ноябрь, стр. 354.

²⁾ *Оеофана Прокоповича Слова и рѣчи*, III, 346.

же отношеніе къ равноапостольному князю, въ какомъ Давидъ находился къ Соломону. „Давидъ святыи предъ смертію своею далъ сыну своему Соломону вся описанія церкви, которую имѣлъ создати Соломонъ, гдѣ были описаны всѣ притворы, камеры, горницы, полагающа внутренняя и инья части церковныя, и по оному образу Соломонъ устроилъ было потомъ домъ божій. Подобнымъ смотрѣніемъ и духовное зданіе православно-россійскія нашей церкви воздвиге Богъ. Андрей святыи, что ему не случилось судьбами божіими мысленнаго сего храма устроити, подалъ описаніе въ пророчествіи своемъ всѣхъ духовныхъ украшеній церкви нашей: здѣ, рече, возсіати имать слава божія, аки бы рекъ: „проліются крови мученическія, процвѣтутъ цвѣты дѣвственническія, примутъ вѣрность догматы православныя, вся потребная ко славію божіей не оскудѣютъ“. Такъ предписана Андрей святыи, смитый жо Владиміръ, яко Соломонъ премудрый, все тое предписанное дѣломъ соверши“¹⁾. Слово на день св. Владиміра проповѣдникъ закончилъ обращеніемъ къ современности. „Не собываются ли дни Андрея Первозваннаго, предрекашаго о имущемъ просіати въ земли нашей благочестіи и многимъ церквамъ божіимъ воздвигнутися? А всему тому начало, причина и поводъ — Владиміръ святыи“. Заключительный хоръ трагедокомедіи, вложенный въ уста апостола Андрея, развиваетъ ту же мысль. Ликованія Мечислава, призывающаго всѣхъ торжествовать возсіавшій для Россіи златый день, подхватываются, можно сказать „хоромъ“, который ведется ап. Андреемъ:

Се уже день возсія,—о радости многа!—

День прійде, извѣщенній прежде мнѣ отъ Бога!

Сей той есть свѣтъ, его же, духомъ здѣ водниий,

Обѣщахъ ты, Кіевѣ, граде мой любимій.

Передъ мысленнымъ взоромъ апостола Андрея проходятъ нѣкоторыя событія мѣстной исторіи, важныя по своему вліянію на судьбы „града божія“ Кіева, или же такія, силою которыхъ, по выраженію проповѣди Теофана, „воздвигалось духовное зданіе православно-россійской нашей церкви“: вотъ „растутъ розы мученической крови — Борисъ и Глѣбъ; два старца копаютъ пещеры руками, высохшими отъ поста; въ этихъ подземныхъ пропастяхъ Россія приобрѣтаетъ себѣ небо²⁾; огненный мечъ Батяи губитъ Кіевъ, посѣкаетъ

¹⁾ Теофана Прокоповича Слова и рѣчи, III, 347—348.

²⁾ Въ Апологіи мощей св. отецъ нашихъ, почивающихъ въ пещерахъ Кіевскихъ.

цѣтъ людей его; по любимый градъ апостола Андрея будетъ возстановленъ божимъ избранныкомъ... Вторая половина хора принимаетъ характеръ панегирика лицамъ, въ рукахъ которыхъ находилось тогда управление кievскою и всероссійскою паствою и особенно тому, кто не по титулу только, но и на дѣлѣ былъ „кѣиторомъ“ Кіевской академіи — гетману Мазепѣ. „Седьмый отъ Владимира святаго вѣкъ“¹⁾, говоритъ апостоль Андрей, какъ бы объятый пророческимъ вдохновеніемъ, — „принесетъ Кіеву премнога свѣтила: среди премудрыхъ и учительныхъ мужей“ Прокоповичъ поминаетъ, не называя по именамъ, своего покровителя, тогдашняго митрополита Кіевскаго Варлаама Ясинскаго²⁾, и мѣстоблюстителя патріаршаго пре-

---

Прокоповичъ буквально повторяетъ это выраженіе: «*Rerum vicissitudinem lustrantes et quasi obambulando, universa fluere atque interire mirantes, en incidimus in longe splendidissimum et quod totus orbis merito suspiciat atque stupeat spectaculum, in Kijoviam subterraneam, in cryptas et speluncas coelo ipso illustriores, in quibus majus aliquid et nobilius quam quod natura ferre possit, admirando veneramus: sancta nempe patrum nostrorum corpora*. См. *Illustrissimi ac reverendissimi Theoph. Prokopowitsch Miscellanea sacra*, p. 67. Обращася вниманіе на это обстоятельство, чтобы показать, на сколько справедливы были въ доносѣ Радышевскаго увѣренія, что Феофанъ еще «въ Кіевѣ дѣтей и возрастныхъ людей училъ своему еретичеству и на обитель печерскую и на мощи святыхъ угольниковъ еретическій свой ядъ блевалъ», что «святыхъ чудотворныхъ мѣста и святыхъ чудотворцевъ кievопечерскихъ многими лаями бранилъ же». *Утенія въ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ* 1862, кн. I, отд. II, стр. 2, 46, 5 и 25.

¹⁾ Прокоповичъ склонялся къ предположенію, что крещеніе Руси при Владимирѣ св. происходило между 1000 и 1008 годовъ. «*Conversio et baptismus Russorum generalis contigit anno Christi 1000 secundum Baronium aut anno 1008, imperante Kijoviae primo christiano principe Vladimiro*». *Illustr. ac reverendissimi Theoph. Prokopowitsch Miscellanea sacra (Vratislaviae, 1745), p. 109*. То же повторяетъ Прокоповичъ и въ Разсмотрѣніи повѣсти о Кириллѣ и Меѳодіѣ, напечатанномъ при книгѣ Исторіографіи (1722, Спб.), стр. 11.

²⁾ Варлаамъ Ясинскій учился въ Кіево-могилянскои коллегіи, въ 1669 году былъ ректоромъ оной, съ 1690 года митрополитомъ Кіевскимъ; бывши архимандритомъ печерскимъ, онъ первый подчинился съ лаврою патріарху Московскому вѣсто Константинопольскаго. На него указываетъ Прокоповичъ слѣдующими стихами хора:

..... одинъ власомъ убѣленъ до зѣла,
Митра же ему злата сѣдину пречестну
Украшаетъ (стр. 342).

Фромманъ говоритъ: «*Kioviam reducis (Prokopowitsch) merita tantum valebant apud Metropolitam Barlaamum Iassinsky, ut nostrum munere professoris poëtae in monasterio Brazkoy dignum judicaret*». *Stricturae*, p. 14.

стола, своего будущаго врага, Стефана Яворскаго ¹⁾. Изъ среды мужей „храбрыхъ въ брани“, Теофанъ выдвигаетъ „великаго вождя“ Іоанна Мазепу. Прославленію гетмана посвящена половина хора и часть пролога. Уже кievская риторика 1698 года учила называть „славнѣйшаго вождя Іоанна Мазепу—отцомъ отечества, который благодѣтельнымъ лопотъ щедрости и милости объемяетъ всю Россію» ²⁾. Свой искренній, умѣренный и съ большимъ искусствомъ написанный панегирикъ гетману — Прокоповичъ оживилъ намеками на пѣкоторыя современныя событія. Прокоповичъ имѣлъ право хвалить „искреннюю ревность и усердіе Мазепы къ православной апостольской единой церкви католическія вѣры нашей“: онъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ вкладчиковъ лавры; иждивеніемъ гетмана вся Кіево-Печерская лавра обведена была, въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка, каменною оградою ³⁾. Въ хорѣ своей трагедокомедіи, Теофанъ помянулъ добрымъ словомъ это дѣло Мазепы:

..... здѣ равнопобесна
Обитель печерская каменная стѣни
Подноситъ.

О щедростяхъ, оказанныхъ гетманомъ Печерской лаврѣ, въ то время говорилъ во всеуслышаніе не одинъ Прокоповичъ ⁴⁾. Для Кіевской академіи Мазепа былъ истиннымъ „добродіемъ“. Въ томъ же

¹⁾ Къ Яворскому относятся слѣдующіе стихи хора:

.... въ родномъ же знамени небесну
Въяду утварь: въязда бо купно со луною
И въ небо перущою зрими суть стрѣлюю.

На портретѣ Стефана Яворскаго, гравированномъ Иланомъ Zubовымъ и приложенномъ къ пѣкоторымъ экземплярамъ *Камя ошри*, гербъ Яворскаго изображенъ такъ: луна обращена вверхъ рогами, изъ коихъ каждый оканчивается звѣздою, сверху стрѣла, летящая остриемъ вверхъ.

²⁾ *Труды Кіевской духовной академіи*, 1867, январь, стр. 92.

³⁾ *Евгеній*, Описание Кіево-Печерской Лавры, стр. 77, 120.

⁴⁾ Намѣстникъ черниговской каведры іеромонахъ Антоній говорилъ о Мазепѣ въ томъ же, 1705 году: «Уповающе бо, яко вѣсми вся благодѣлія подаеши и никому же потемненно лице скорбію отъ своего доброзрачнаго милости зерцала показуя, отпускаеши, но всякому требующему добродѣтельное истинной радости лице открываеши, вперасемъ и наши... звѣзды... Видимъ бо въ томъ свѣтлцѣмъ благодатію зерцала *всю Россійскую землю* новозидшими преукрашенну церкви божественными. Самыя же Кіевопечерскія обители святыхъ разширенія и ново-стронія, ясни златими звнѣи и внутрь одѣліяна и преукрашенна яснесвѣтлцѣмъ вану себѣ патронствующаго благодѣтеля всему міру явѣ прославляють». См. *Іоанна Максимовича Зерцало* отъ писанія божественнаго, стр. 3.

году, когда представлена была трагедокомедія Прокоповича, ієромонахъ Антопій писалъ: „Зримъ Кієво-Могилянскіє Аѳіпи щедрою десницею вашею панскою каменнымъ строеніємъ и правъ утверждєніємъ укрѣпленны“¹⁾. Прокоповичъ „помнилъ“, что „во время его младыхъ лѣтъ при Головчицѣ²⁾ и Гугуревичѣ (ректоръ акад. 1686—1689 г.) и другихъ ректорахъ въ братскомъ монастырѣ“, гдѣ находилась кієво-могилянская коллегія, во всемъ была полная нищета: „житицы и погребы пусты, никакой изъ дня на день провизіи, никакого припасу не бывало; на всякъ день пищу, и то скудную и подлую, изъ рынку покупано, а и на оную покупку употребляли гг. ректора нѣкую часть денегъ изъ годоваго гетманскаго подавнїя“³⁾. Универсаломъ 1692 года Мазепа утвердилъ за братскимъ монастыремъ и коллегією сельцо Бѣльмачовку; выдалъ коллегіи крѣпостной листъ на всѣ имѣнія и угоды, издавна принадлежавшія братству; оградилъ особымъ универсаломъ спокойствіе братства и коллегіи въ управленіи принадлежавшими имъ маестностями; возвратилъ имъ село Плисецкое, на владѣніе и заселеніе котораго выхлопоталъ въ 1703 году царскую грамоту⁴⁾, на собственное иждивеніе построилъ монастырскую каменную большую церковь (Боговѣлескую) и каменную школу⁵⁾. Переходъ кієво-могилянской коллегіи отъ нищеты и необходимости питаться гетманскимъ подавнїемъ къ обогащенію монастыря и академіи повыми владѣніями съ твердыми правами, къ упроченію опредѣленнаго царскаго жалованья ректору и наставникамъ коллегіи⁶⁾, къ возведенію для нея каменныхъ зданій совершился, въ гетманство Мазепы, на глазахъ Прокоповича, который выросъ и воспитался подъ сѣнію Кієвской коллегіи. Замѣтивъ въ хорѣ разбирае-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Головчицъ былъ ректоромъ Кієвской коллегіи въ 1673—1674 г.; Теофанъ конечно могъ только слышать о бѣдственномъ состояніи академіи, но не могъ его помнить самъ. Подлинное выраженіе Теофана сяздуеть признать за lapsus linguae.

³⁾ Изъ письма Прокоповича къ Рафану, архієпископу кієвскому, отъ 8-го марта 1736 года, *Труды Кієвской духовной академіи 1865 г.* III, 275. Ср. Отчетъ о десятомъ присужденіи награды графу Уварова, стр. 18 слѣд.

⁴⁾ Аскачєвскій, Кієвъ съ его древнѣйшимъ училищемъ—академіей, I, 256—259; Макарій, Исторія Кієвской академіи, стр. 109.

⁵⁾ Етєпій, Описаніе Кієво-Совійскаго собора, прибавл., стр. 217, Аскачєвскій, I, 258.

⁶⁾ Древняя російская епископія, XVI, 288.

мой трагедокомедіи, что этотъ „домъ ученыхъ“ произвелъ Россіи много совершенныхъ мужей, Теофанъ продолжаетъ:

Надъ всѣми же сими
Храминами *зиждатель* Іоаннъ славный
Начертанъ явится.

Скромный титулъ „зиждателя“ вѣрно характеризуетъ отношеніе Мазепы къ храминамъ Кіевской академіи.

Въ то время, когда бурсаками Кіевской академіи разыгрывалась трагедокомедія Прокоповича, гетманъ шелъ въ Польшу на помощь Августу II. Въ августѣ 1704 года заключенъ былъ между Россіей и Польшею оборонительный и наступательный союзъ противъ Швеціи. Въ началѣ іюня 1705 года, находясь въ Полоцкѣ, Петръ послалъ Мазепѣ именпой указъ спѣшить на помощь польскому королю къ Септомиру; въ половинѣ іюня Мазепа переправился черезъ рѣку Случь съ 35-тысячнымъ войскомъ. Прокоповичъ останавливается на этомъ современномъ походѣ Мазепы въ Польшу:

...Нѣкій левъ ¹⁾ явится и на мужа сильна
Ноги острить. Но ярость твоя есть бездѣльна,
Звѣрю *гордый!*

Во слѣдъ гетману, идущему на помощь Августу, Теофанъ посылаетъ такіе совѣты, высказываетъ такіа надежды:

Поспѣшно, о вожду великій,
Поспѣшно иди: будетъ сверѣнный и дикій
Хищникъ раздранъ отъ тебе и вздѣтъ вскорѣ,
Ты же наречешься отъ всѣхъ Самсонъ второй.

Очень удачно припомнилъ Теофанъ въ хорѣ своей трагедокомедіи, — вложенномъ въ уста апостола Андря, — что Мазепа былъ кавалеромъ ордена св. Андря Первозваннаго ²⁾. Высказавши увѣренность, что „великій вождь“ уничтожитъ гордаго льва свѣйскаго, апостолъ Андрей продолжаетъ:

Но онъ на се отъ меня оружія просить.
Почто? твое бо въ щитѣ благородство носить
Крестъ самаго Господа, на вся сушности

¹⁾ Король Шведскій. Любопытны впадеты его въ разбираемомъ отрывкѣ: *гордый, хищникъ*. Не въ яномъ видѣ выводится онъ и въ драмахъ Московской академіи, напримѣръ, Свободеніе Ливоніи и Ингерманландіи.

²⁾ Мазепа былъ вторымъ Андреевскимъ кавалеромъ; этотъ орденъ пожалованъ ему 8-го февраля 1700 года.

Страшній ¹⁾. Обаче мнится онъ намъ глаголати:
*«Твоимъ быти воиномъ велитъ мнѣ, Андрею,
 Царь Петръ, за помощію ратую твоею».*
 Ратуй, мой оруженниче!

Помянувши добрымъ словомъ незадолго передъ тѣмъ послѣдовавшее возстановленіе епископской кассеры въ Переяславль южномъ ²⁾ и не оставивши безъ похвалы тогдашняго епископа переяславльскаго ³⁾, коадьютора (викарія) Кіевской митрополіи Захарія Корниловича, Теофанъ заключаетъ хоръ своей пьесы желаніемъ долгоденствія, здравія, тишины, успѣха во всякомъ дѣлѣ царю Петру и „его первѣйшему вождю—Іоанну Мазепѣ“.

Трагедокомедія Теофана Прокоповича во многомъ отошла отъ того типа школьной драмы, который выработался и господствовалъ въ

---

¹⁾ Въ гербѣ Мазепы находился между прочимъ крестъ, утвержденный на якорѣ. Вышеупомянутый іеромонахъ Антоній, обращаясь къ Мазепѣ въ посвященіи одной книги, говоритъ: «Сіятъ въ немъ крестъ вашъ гербовный, аки котвами (якорями) крѣпко вѣру православную утверждающій. Свѣтлится небо благодати денницею и луною, знаменитими свѣтлами, всю російскую подсолнечную просвѣщающее, показываетъ вашу реинентарскую милость всѣмъ окрестнымъ и въ далѣйшихъ предѣлахъ сущимъ храбраго новаго Геркулеса и *перваго мужественнаго въ Россіи кавалера*, новы горы за Кіевскими горами созидающа и, врестніе коломни водружающа, *изъ же супостаты не прейдутъ»*. *Іоанна Максимовича*, Зерцало отъ писанія божественнаго, 1705, Черниговъ, л. 4. Въ той же книгѣ Максимовичъ подъ гербомъ Мазепы помѣстилъ слѣдующіе стихи:

Зри коль крѣпко въ Россіи вѣра стоитъ святая,
 Ей же не одолѣють и адовы врата:
 Крестъ на котвѣ утвержденъ при двою свѣтилѣ
 Сію вѣры святой изъявляетъ силу.
 Всеу устремляются влчестивыхъ рѣки,
 Крестъ на котвѣ недвижимъ пребудеть во вѣки,
 И сама ночь князя тмы ничтоже успѣветъ:
 Заря свѣтилъ небесныхъ при врестѣ яснѣветъ.

²⁾ Епархія Переяславльская упразднилась во второй половинѣ XIII столѣтія и возстановлена указомъ Петра Великаго 1701 года. Епископу переяславльскому велѣно быть въ зависимости Кіевской митрополіи, какъ коадьютору. Исторія російской іерархіи, изд. второе, I, 9.

³⁾ Захарій Корниловичъ, изъ игуменовъ Кіево-Михайловскаго монастыря былъ первымъ епископомъ возстановленной Переяславльскаго епископіи. Въ пьесѣ Теофана къ нему относятся стихи:

На томъ же престолѣ
 Посажденъ бысть мужъ мягкій чистень, добронравень,
 Древнимъ онымъ пастиремъ ревностію равень.

іезуитскихъ школахъ западной Европы и пустилъ крѣпкіе корни въ Московской славяно-греко-латинской академіи. Вкусъ, образованный чтеніемъ древнихъ, и внимательное изученіе піитики Аристотеля отвратили Теофана отъ схоластическихъ формъ іезуитской школьной драмы. Бездушные панегирики, щеголявшіе лишь изысканною искусственностію формы; эти похвальныя эпиграммы и анаграммы, которыя подъ перомъ трудолюбивыхъ піитъ XVII и XVIII вѣка, получали самыя разнообразныя внѣшнія очертанія (орла, звѣзды, бокала) и безъ которыхъ рѣдко обходилась современная Теофану драма московской академіи, вызывали рѣзкое порицаніе Прокоповича; и въ леонинскихъ стихахъ ¹⁾, и въ римскихъ эпитафіяхъ онъ видѣлъ лишь „пустяки, ребяческія игрушки, которыми могъ забавляться грубый вѣкъ“ ²⁾.

Стихотворство ученыхъ наставниковъ Кіевской и Московской академій въ первой половинѣ XVIII вѣка еще питалось литературными традиціями Симеона Полоцкаго и его школы. Въ кіевскихъ и московскихъ піитикахъ этого времени обширный отдѣлъ посвященъ былъ такъ называемымъ курьезнымъ стихамъ и замысловатымъ эпиграммамъ. (*de epigrammatibus artificiosis*). Академическіе наставники поэзіи и въ Кіевѣ, и въ Москвѣ подробно излагали правила поэзіи арифметической, квадратной, змѣвидной. Это были самыя любимыя, модныя роды стихотворства того времени. Преемникъ Теофана Прокоповича по преподаванію поэзіи въ Кіевѣ, Лаврентій Горка чувствовалъ потребность выбросить изъ своего учебника ученіе объ этихъ „многотрудныхъ пустякахъ“; по у него педостало энергія поднять руку на то, чѣмъ восхищался вѣкъ ³⁾. И Горка начинаеть излагать ученіе о змѣиной эпиграммѣ, о стихахъ параллельныхъ, стихотворномъ эхо, объ эпи-

¹⁾ О леонинскихъ стихахъ Теофанъ замѣтилъ: «Abhinc ante ducentos annos et amplius rudis illa aetas maxime ejusmodi nugas admirabatur, censebatque, credo, optimum poetam, qui hasce pueriles consonantias crepare didicerat». *De arte poetica libri III*, p. 87.

²⁾ *Ibidem*, p. 181.

³⁾ Главу *De epigrammatibus artificiosis* занимающую сличкомъ 80 страницъ, Горка начинаеть такимъ образомъ: «Scire te velim sequentia epigrammata artificiosa non tam esse ostentationem ingenii, quam laboriosas nugas. Et quemadmodum Horatius de illis dicit, se odisse difficiles nugas, ita et nobis sapientissimi hujus praeceptoris necesse esset imitari mentem; sed quoniam saeculum nostrum his adeo delectatur, ut quidam videantur admirari hujusmodi versus, patimur et nos ostendere hic ad finem difficiles nugas, ut ait Horatius, illas ne quis tironibus objiciat de illis nunquam audisse. Рукопись Кіевской духовной академіи OF: *Idea artis poeseos*, л. 141.

граммѣ, называемомъ Протей, и рисовать своимъ ученикамъ стихи въ видѣ яйца, бокала (*rosulum poeticum*), пирамиды, куба, звѣзды, круга. Въ бесплодныхъ и бессмысленныхъ комбинаціяхъ буквъ и цифръ состояли тогда пѣвческія упражненія учениковъ кievской и московской славяно-греко-латинской академіи. Рассуждая о поэзіи кабалистической, „которая состоитъ въ томъ, чтобы сумма буквъ каждаго стиха, переведенныхъ въ численные знаки, давала какой нибудь достопамятный годъ“,—Квѣтницкій, учитель Ломоносова въ славяно-греко-латинской академіи, иронически замѣтилъ, что названіе этой поэзіи происходитъ, вѣроятно, отъ русскаго слова каба, потому что эта поэзія требуетъ громаднaго труда, а результаты даетъ ничтожныя (*ingentis est laboris et fructus minimi*¹⁾). Пѣвческа Теофана Прокоповича не касается этихъ стихотворныхъ игрушекъ; самъ Теофанъ въ своей трагедокомедіи также не прибѣгалъ ни къ эпиграммамъ, ни къ стихотворному эхо, безъ котораго рѣдко обходилась школьная драма Москвы и Кіева²⁾. Ученіе о размѣрѣ, приличномъ драматической поэзіи, въ пѣвкѣ Прокоповича ограничивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Если трагедія пишется на славянскомъ или польскомъ языкѣ, то самымъ приличнымъ для нея размѣромъ представляется тринадцатисложный стихъ, съ соблюденіемъ однако того правила, чтобы рѣдко вмѣстѣ съ стихомъ оканчивался смыслъ, но чтобы почти всегда смыслъ переносился изъ одного стиха въ другой: иначе утратится многое изъ трагической важности³⁾“.

Человѣкъ впечатлительный, чуткій къ вопросамъ современности, одаренный наблюдательностью и тонкимъ юморомъ, Теофанъ не могъ принести своихъ наблюденій въ жертву тому символическому и аллегорическому стилю, который характеризуетъ панегирическія драмы московской академіи. Трагедокомедія Теофана выше московскихъ школьныхъ дѣйствій, справедливо носившихъ названіе „діалогій“: она пытается представить зрителямъ послѣдовательный ходъ борьбы, начавшейся въ душѣ избраннаго ею героя. Комическій элементъ, проявлявшійся въ московской школьной драмѣ эпизодически, въ отдѣльных интермедіяхъ, втиснутыхъ между актами и не имѣвшихъ ника-

¹⁾ См. рукопись моей бібліотеки № 31 *Clavis poetica*, л. 116 об.

²⁾ Изъ московскихъ школьныхъ драмъ мы имѣемъ полный текстъ только двухъ: Стефанотокость и Езекиа (рукопись Кіево-Софійскаго собора № 482). Та и другая представляетъ эхо. Въ рождественской драмѣ св. Димитрія оно также находится.

³⁾ *De arte poetica libri tres*, p. 155.

кого отношенія къ самой пьесѣ, въ трагедокомедіи Теофана Прокоповича разлитъ по всему произведенію и не отвлекаетъ вниманія зрителя отъ хода главнаго дѣйствія. Въ комическомъ видѣ Теофанъ представилъ языческихъ жрецовъ, „единственныхъ“ ослушниковъ воли св. Владиміра. Самыми именами Жеривола, Курояда, Піара авторъ хотѣлъ отмѣтить характеристическія свойства этой касты—обжорство, лакомство, пьянство. Несомнѣнно, что нѣкоторыя черты жрецовъ списаны съ натуры,—выхвачены изъ быта современнаго Прокоповичу православнаго духовенства: этого не отрицалъ самъ Теофанъ; мало того—онъ старался даже прямо намекнуть на то въ своей трагедокомедіи ¹⁾. Маркеллъ Радишевскій, бывшій въ одно время съ Прокоповичемъ учителемъ Кіевской академіи ²⁾, человѣкъ, проникнутый теплыми, праждебными реформѣ Петра Великаго, „терзавшій славу“ его, писалъ въ дописѣ, поданномъ на Теофана уже послѣ смерти царя: „архіереєвъ, іереєвъ православныхъ жрецами и фарисеями называетъ.... Священниковъ російскихъ называетъ жериволами, лицемѣрами, идольскими жрецами ³⁾, а чернцовъ — черными мужиками и чертами, и монашество и черницъ желаетъ искоренить“ ⁴⁾. Чтò отвѣчаетъ на это авторъ Духовнаго Регламента? „Вѣдаю, что великая часть нашего священства непотребныи суть и таковыхъ именъ или подобій достойни — не по званію своему, но по праву и негодности. И кто сего не вѣдаетъ? Вѣдаю, что и добріи и совѣстныи обрѣтаются. А то ложь безсовѣстная, будто сплошь всѣхъ священниковъ такъ я охужаю“ ⁵⁾. Такъ недвусмысленно отвѣчалъ Прокоповичъ на одинъ изъ пунктовъ,

¹⁾ Одно изъ дѣйствующихъ лицъ трагедокомедіи прямо называетъ Жеривола—*помомъ*. Замѣчательно, что этотъ стихъ о Жериволѣ въ прошломъ вѣкѣ причислялся къ самымъ рѣзкимъ мѣстамъ пьесы и въ копіяхъ оной старательно уничтожался. Мы встрѣтили его въ одномъ только спискѣ кіевской духовной академіи I. 3. 92. 13. Но и здѣсь онъ приписанъ впоследствии, съ боку, другою рукою. Въ большинствѣ списковъ это мѣсто читается такъ:

Ругаешься; на ли

Тя во грѣхъ виѣняещи дерзокъ смѣхъ творити

Зъ мужа толь велебнаго.

²⁾ Дѣло о Теофанѣ Прокоповичѣ въ *Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей російскихъ* 1862, кн. I, стр. 2.

³⁾ Въ трагедокомедіи Теофана Жеривола называется *помомъ*, а христіанскихъ священниковъ онъ называетъ жрецами Христа.

⁴⁾ *Чтенія въ общ. исторіи и древн.* 1862, кн. I, стр. 47, стр. 7.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 26.

присланныхъ ему изъ Преображенской канцеляріи. Въ Жериволѣ школьной трагедокомедіи онъ не отвергнулъ „подобія“ великой части современнаго ему „непотребнаго по праву“ священства ¹⁾. Какія же черты придалъ Оеофанъ Жериволу? Верховный жрецъ Перуна дѣйствительно трусъ и лицемѣръ: встрѣтивши духъ Ярополка, онъ обезумѣлъ отъ ужаса; кое-какъ оправившись отъ испуга, Жериволъ начинаетъ хвастаться силою чудотворнаго сосуда, полученнаго отъ боговъ; общается совлечь солнце съ неба и помрачить свѣтила. Втайнѣ приготавлиаясь отмстить Владиміру за его „лютую дерзость“ противъ языческихъ боговъ, Жериволъ въ глаза ставитъ его выше всѣхъ боговъ, выше самого Перуна. Жериволъ и слушать не хочетъ проповѣди христіанскаго философа и величаво объявляетъ, что побѣдитъ его въ препіи. Онъ врагъ перемѣнъ. Владиміръ называетъ его мудрецомъ дерзкимъ на словахъ, „суетнымъ“ на дѣлѣ и главный источникъ зла находитъ въ его невѣжествѣ, въ ненависти къ письменамъ (стр. 315). Не изображенъ ли въ лицѣ Жеривола одинъ изъ тѣхъ „неосновательныхъ мудрецовъ“, которыхъ Оеофанъ впоследствии такъ горячо порицалъ въ *Духовномъ Регламентѣ*? „Весьма темни суще, мнятъ себя быти совершенныхъ; и помышляя, что все, что либо знать мощно, познати не хотять, по ниже думаютъ честь книги и больше учитися... Именованные неосновательные мудрецы не только неполезны, но и вельми вредны суть и дружеству, и отчеству, и церкви: предъ властью надъ мѣру смиряются, но лукаво, чтобъ такъ украсть милость ихъ и пролѣзть на степень честный... Къ бунтамъ склонны, воспріемля надежды высокія“. Не успѣвши получить желаемаго лестію, Жериволъ пытается запугать Владиміра сновидѣніемъ, посредствомъ котораго боги изъявили ему свои страшныя прещенія. Христіанскій философъ замѣчаетъ на это, что „соннія сѣни“ не страшны людямъ „трезвымъ“. Конечно, не одна исторія Досифея, котораго такъ

---

¹⁾ А. Д. Галаховъ въ своей *Исторіи русской словесности* (I, 311) совершенно справедливо замѣтилъ о діалогахъ языческихъ жрецовъ въ піесѣ Оеофана: «можетъ быть, авторъ этихъ діалоговъ, при свойственномъ ему сатирическомъ талантѣ, имѣлъ въ виду суетваріе и любоостязаніе современныхъ служителей церкви». Въ виду собственнаго признанія Прокоповича, падаетъ мнѣніе г. Петрова: «Едва ли Оеофанъ Прокоповичъ былъ на столько безталантъ, чтобъ публично, въ виду врага, осмѣивать духовенство русское. Если ужъ необходимо здѣсь читать между строками заднюю мысль автора, то лучше (?) отнести эти мѣста къ католическому духовенству». *Труды Киевской духовной академіи* 1866, октябрь, стр. 370.

часто посѣщали, по его словамъ, пророческіе сны и который за свое участіе въ борьбѣ царя съ сыномъ и первою женою заплатился головою, заставили Теофана написать въ духовномъ регламентѣ: „пріятаго же ставленника не тотчасъ ставить, но... искушать его, не ханжа ли есть онъ и не притворяетъ ли смиренія, что умному человѣку не трудно узнать; такожде не скажутъ ли своихъ о себѣ или о иномъ словъ и видѣній: ибо отъ таковыхъ какого добра надѣяться, развѣ бабьихъ басенъ и вредныхъ въ народъ плевелъ вмѣсто здраваго ученія?“¹⁾ Наконецъ Жериволю безгранично предавъ бѣсу плоти; онъ такъ „земень“, что не можетъ понимать духовнаго сокрушенія: тѣла его „всѣ уды, всѣ утробы полны ранъ—сладкихъ ранъ, по его словамъ, — бѣса тѣла: онъ всецѣло сокрушаетъ безмѣрныхъ воловъ; ему унижительно называться козлядомъ; тучный первосвященникъ, утроба котораго подобна „превеликой кладѣ“, наполнивъ чрево свое тукомъ жертвъ, въ грѣбѣнии равняется съ Перупомъ; только во время жестокой предсмертной болѣзни онъ теряетъ аппетитъ и съѣдастъ не болѣе одного вола въ день. Жериволю хотѣлось бы, чтобы безпрестанно были праздники. Низшіе жрецы, Куроядъ и Піяръ, „нелестные молебники“, за весь родъ человѣческой, не привыкли покупать себѣ пищу—все у нихъ было даровое. Куроядъ съ ужасомъ разказываетъ Піяру, что „онъ ходилъ на село курей куповати: и когда сіе баше“? Если Маркеллъ Родышевскій въ Жериволю усматривалъ хулу на архіереевъ русскихъ, то понятно, кого разумѣлъ Теофанъ подъ Куроядомъ и Піяромъ. Осуждая (и гдѣ же?—въ риторикѣ) обжорливость и пьянство католическихъ монаховъ, этихъ „свиней Эпикурова стада“²⁾, нуждался ли Теофанъ въ чужихъ оригиналахъ, рисуя плотоугодіе Жеривола или лакомство Курояда? Еслибъ онъ не встрѣчалъ Жериволовъ съ братією въ средѣ современнаго ему русскаго духовенства, то ему не нужно бы было вносить въ Духовный Регламентъ слѣдующій энергическій запретъ: „Крѣико же заповѣдать епископъ долженъ служителемъ своимъ, чтобъ въ посѣщаемыхъ городахъ и монастыряхъ благочинно и трезво пребывали, и не творили бѣ соблазна, паипаче же не домогались бы у мниховъ и у поповъ кушанья и питья и конскаго корму лишняго; колыми паче не дерзали бѣ

¹⁾ Прибавленіе къ духовному регламенту о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго, л. 3 об.

²⁾ *Труды Киевской духовной академіи*, 1866, ноябрь, стр. 371.

грабить подъ виною жестокаго наказанія: ибо слуги архіерейскіе обычнѣ бывають лакомые скотины и гдѣ видитъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостію и безстудіемъ, какъ Татары, на похищеніе устремляются¹⁾).

Мы не имѣемъ данныхъ, чтобъ утверждать, что со времени Прокоповича пачиается новый періодъ въ исторіи кievской драмы, періодъ „оживленія кievской драмы антипольскими стремленіями и интересами югозападнаго края Россіи“²⁾; но не можемъ не замѣтить, что въ одномъ изъ первыхъ литературныхъ произведеній Прокоповича—въ его трагикомедіи—уже сказалась та свобода мысли, жажда новаго, смѣлость и рѣзкость слова, которыя такъ ярко выступили впоследствии въ литературной и общественной дѣятельности автора „духовнаго регламента“. Героемъ своей школьной драмы Оеофанъ дѣлаетъ великаго реформатора древней Россіи; весь интересъ піесы сосредоточенъ на борьбѣ новаго просвѣщенія съ старымъ невѣжествомъ. Въ школьной драмѣ молодого монаха образы невѣжественныхъ жрецовъ, которыхъ нельзя сдѣлать настухами даже „овчому стаду“, даютъ ясно видѣть черты современнаго Прокоповичу духовенства. Симпатіи автора обращены къ приверженцу „новаго закона“—Владиміру, который видитъ источникъ зла и религіозныхъ заблужденій въ отсутствіи просвѣщенія:

Родъ нашъ жестокъ и безсловный
И письменъ ненавидяй есть сему виновный.

Такія мысли проводилъ Оеофанъ въ „недозрѣломъ плодѣ трудовъ своихъ“ задолго до сближенія съ Петромъ. Прокоповичъ прославлялъ

¹⁾ Духовный регламентъ, М. 1722, стр. 38.

²⁾ Такое мнѣніе высказываетъ г. Петровъ въ своей статьѣ о словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской академіи. *Труды Кіевской духовной академіи*, 1866, ноябрь, стр. 357. Считаемо, впрочемъ, необходимымъ прибавить, что школьная драма, въ которой особенно сильно сказались антипольскія тенденціи «Милость божія», по нашему мнѣнію, не принадлежитъ Оеофану Прокоповичу и приписывалась ему покойнымъ Максимовичемъ безъ достаточныхъ основаній. Ср. *Ученія въ обществѣ исторіи и древностей російскихъ* 1858, кн. I, смѣсь, стр. 77—78. Мы не знаемъ ни одного случая, чтобы школьная драма въ Москвѣ или Кіевѣ написана была лицомъ, не принадлежавшимъ къ академіи. Несомнѣнно, напротивъ, что всѣ презентованныя въ кievскихъ школахъ піесы выходили изъ подъ пера или наставника поэзіи, или наставника риторики. Итакъ, нужно узнать, кто преподавалъ въ Кіевѣ въ 1728 году поэзію и риторикѣ, чтобы рѣшить вопросъ, кто былъ авторомъ піесы Милость Божія.

въ трагедокомедіи „храбрость, славу, истинное благолюбіе и искреннюю ревность и усердіе Мазепы къ православной церкви“ въ то время, когда Гетманъ связанъ былъ „союзомъ любви съ монаршимъ сердцемъ“. Но самые ожесточенные враги Оеофана не рѣшились заподозрить въ чемъ-нибудь отношенія его къ Мазепѣ и въ заключеніе своихъ возраженій на допись Радишевскаго Прокоповичъ имѣлъ право написать: „а еще въ прошломъ 1708 и 1709 годахъ, когда Мазепина змѣна была и введенный оною въ отечество непріатель, — каковъ я тогда былъ ко государю и государству, засвидѣтельствуюсь его с. князь Д. М. Голицынъ“¹⁾. Дѣйствительно, на запросъ Петра (сдѣланный въ началѣ 1709 года): „нѣтъ ли въ монахахъ братскаго монастыря какого подозрѣнія“, князь Голицынъ отвѣчалъ: „Во всемъ Кіевѣ пашель я одного человѣка, именпо изъ Братскаго монастыря префекта (то-есть, Оеофана), который къ намъ спсходителенъ“²⁾. Эта „спсходительность“ истекала изъ всего склада убѣжденій Оеофана, уже сказавшихся ясно и свободно въ его школьной трагедокомедіи.

---

¹⁾ *Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей російскихъ*, 1862 г., кн. I, отд. II, стр. 17.

²⁾ *Соловьевъ*, *Исторія Россіи*, XVIII, 368.

Н. Тихонравовъ.

ГОСПОДСТВУЮЩАЯ ГРУППА ВЫВОДОВЪ ¹⁾.

VIII.

Мы разсматривали выводы отъ частныхъ предметовъ къ логической группѣ, которой они оказываются членами. Теперь перейдемъ къ параллельнымъ выводамъ отъ частныхъ предметовъ къ агрегату, котораго они оказываются составными частями. Агрегатъ состоитъ изъ нѣсколькихъ предметовъ, но они въ немъ могутъ быть расположены и такъ и иначе, могутъ быть приведены къ единству извѣстнаго рода. Предположимъ, что мы разсматриваемъ агрегатъ не со стороны того, что въ немъ содержится, а со стороны опредѣленнаго расположенія между его частями, то-есть, какъ единое, въ которомъ такъ а не иначе совмѣщено многое; въ такомъ случаѣ, его опредѣленія, очевидно, будутъ переходить предѣлъ тожества его съ его частями и поэтому не могутъ быть получены изъ нихъ. Предметы, составляющіе агрегатъ, сполна со всѣмъ своимъ реальнымъ содержаніемъ входятъ въ агрегатъ. Но предположимъ, что мы разсматриваемъ каждый изъ нихъ не со стороны того, что въ немъ совмѣщается или содержится, изъ чего состоитъ онъ въ качествѣ реального бытія, а просто со стороны его отдѣльности отъ другихъ какъ обособленное, законченное въ себѣ цѣлое. Такъ какъ въ агрегатѣ онъ является уже не какъ отдѣльное отъ другихъ бытіе, не въ качествѣ законченнаго въ себѣ цѣлаго, то всѣ его опредѣленія въ по-

---

¹⁾ Окончаніе. См. *Ж. М. Н. Пр.*, мартъ 1879 года.

слѣднемъ смыслѣ, очевидно, будутъ идти далѣе безспорнаго тождества его съ агрегатомъ а поэтому могутъ стоять внѣ всякаго отношенія къ опредѣленіямъ агрегата. Если заключенія, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, основываются на тождествѣ предмета въ различныхъ сужденіяхъ, то ясно, что обмѣнъ опредѣлений между агрегатомъ и его частями не можетъ идти далѣе того, что мы можемъ приписать частнымъ предметамъ или агрегату въ качествѣ содержащагося, вмѣщающагося въ нихъ, составляющаго ихъ фактическую принадлежность. Но въ этихъ границахъ оно также прочно, также безспорно, какъ какое угодно заключеніе на основаніи тождества предметовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть мы имѣемъ нѣсколько предметовъ и, рассматривая ихъ съ одной и той же стороны, можемъ о каждомъ изъ нихъ составить сужденіе, что въ немъ то или другое фактически дано. Пусть, затѣмъ, эти предметы составляютъ или могутъ составить агрегатъ. Такъ какъ теперь агрегатъ есть чистая совокупность этихъ самыхъ предметовъ, то совокупность всего реально существующаго, признаннаго фактически даннымъ въ каждомъ изъ нихъ, очевидно, необходимо окажется реально существующимъ, фактически даннымъ и въ агрегатѣ. Если, далѣе, признанное содержащимся въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ, признано единственно содержащимся въ немъ, такъ что въ немъ отрицается всякое другое существованіе, то, такъ какъ агрегатъ состоитъ исключительно изъ этихъ предметовъ, то вмѣстѣ взятое ихъ содержаніе окажется необходимо его единственнымъ содержаніемъ съ рассматриваемой стороны. Не трудно вывести и общія условія выводовъ отъ частей къ агрегату.

Подобно тому какъ полное тождество между частными предметами и логической группой мы имѣемъ лишь въ томъ случаѣ, когда частные предметы даны въ томъ количествѣ, въ какомъ они исчерпываютъ сполна группу, точно такъ же полное тождество между частными предметами и агрегатомъ, мы, очевидно, имѣемъ лишь въ томъ случаѣ, когда предметы нашихъ частныхъ сужденій сполна исчерпываютъ предметъ сужденія объ агрегатѣ. Тогда, конечно, какъ и при сужденіяхъ о логической группѣ, дана ясная и безспорная возможность перенесенія опредѣленій съ частей агрегата на самый агрегатъ. Подобно тому какъ при перенесеніи опредѣленій съ частныхъ предметовъ на логическую группу мы связаны необходимостію брать опредѣленія частныхъ предметовъ, разъясняющія ихъ съ одной и той же стороны, точно также и на томъ же основаніи и при пере-

несеніи опредѣленій съ частей агрегата на самый агрегатъ мы поставлены въ необходимость имѣть опредѣленія частей съ одной и той же стороны; такъ какъ только въ этомъ случаѣ можетъ составить одно опредѣленіе, способное принадлежать одному предмету. Но при этомъ сходствѣ есть и существенное различіе. Въ сужденіяхъ о логической группѣ предметовъ, мы придаемъ имъ опредѣленіе, которое приложимо всецѣло къ каждому члену группы порознь, а поэтому опредѣленія частныхъ предметовъ мы не прилагаемъ одно къ другому въ качествѣ частей одного цѣлаго, не составляемъ изъ нихъ сумму, которая въ своей цѣлости не могла бы никакъ составить опредѣленіе каждаго члена; совершенно наоборотъ, мы беремъ такое опредѣленіе, которое или само прямо было бы тождественно съ каждымъ изъ частныхъ опредѣленій или дисъюнктивно составлено бы было изъ понятій, изъ которыхъ каждое представляетъ извѣстную часть группы, будучи тождественно съ опредѣленіемъ каждаго члена этой части. Въ сужденіяхъ объ агрегатѣ опредѣленіе указываетъ не на то, что принадлежитъ той или другой его части или даже каждой его части, а на то, что принадлежитъ всему агрегату, то-есть, частямъ, взятымъ вмѣстѣ, всецѣлой ихъ совокупности. А поэтому опредѣленія частныхъ предметовъ, говоря вообще, составляютъ опредѣленіе агрегата, лишь если соединить ихъ въ одну общую сумму, свести въ одно опредѣленіе коллективно, то-есть, опредѣленіе агрегата будетъ тождественно не съ каждымъ опредѣленіемъ частнаго предмета, а со всѣми ими взятыми за-разъ.

То, что реально содержится въ предметѣ, фактически дано въ немъ, выражается въ такъ называемыхъ сужденіяхъ состава, которыя перечисляютъ части предмета, на которыя на дѣлѣ онъ разлагается или можетъ быть представленъ разлагающимся на дѣлѣ.

Въ самой простѣйшей своей формѣ выводы къ составу агрегата отъ состава предметовъ, въ него входящихъ, такъ безспорны и ясны, что обыкновенно выводныя сужденія не считаются за выводныя, а за сужденія, выражающія непосредственно изученный фактъ. Мы знаемъ, напримѣръ, области, изъ которыхъ состояли бывшія папскія владѣнія, знаемъ также области, входившія въ составъ государствъ Неаполитанскаго и Сардинскаго. Когда мы узнаемъ, затѣмъ, что образовавшееся Италіанское королевство составилось изъ государствъ Неаполитанскаго, Сардинскаго и части бывшихъ папскихъ владѣній, мы безъ малѣйшаго колебанія переносимъ на Италіанское королевство взятые въ совокупности области, входившія въ составъ государствъ,

изъ которыхъ оно образовалось. Химическіе элементы можно назвать въ извѣстномъ смыслѣ составными частями тѣла, и зная химическіе элементы извѣстныхъ тѣлъ, мы, конечно, не затруднимся перечислить химическіе элементы агрегата, который состоялъ бы изъ этихъ тѣлъ, перенесши на него совокупность элементовъ каждаго тѣла, входящаго въ его составъ. И эти выводы не ограничиваются, конечно, тѣми случаями, гдѣ сужденія о частяхъ исчерпываютъ сполна составъ каждой части. Если мы знаемъ только, что въ извѣстный предметъ входятъ извѣстныя другіе въ качествѣ частей, хотя бы и не исчерпывающихъ его сполна, и если мы подобныя сужденія имѣемъ о другихъ предметахъ, то всегда можемъ заключить, что всѣ эти части будутъ составлять принадлежность и агрегата, составляющагося изъ предметовъ, къ которымъ они относятся. Какъ ни просты всѣ эти выводы, какъ ни кажутся они простыми тожесловіями, тѣмъ не менѣе они представляютъ намъ только въ наиболѣе простыхъ примѣрахъ ту самую формулу, къ которой относятся всѣ математическіе выводы, основанныя на аксіомѣ: если къ равнымъ приложить равныя, то и суммы будутъ равныя. Но чтобы разъяснить это, слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Нѣтъ никакой необходимости, чтобы части предмета, перечисляемыя въ сужденіяхъ состава, характеризовались каждая исключительно ея одной принадлежащимъ признакомъ. Предметы сходны другъ съ другомъ и на основаніи этого сходства въ нашемъ мышленіи образуются логическія группы. Очень часто или наше знаніе не дозволяетъ, или нашъ интересъ вовсе не требуетъ, чтобы предметъ былъ характеризованъ именно какъ этотъ предметъ въ отличіи отъ всѣхъ другихъ. Онъ, наоборотъ, можетъ быть намъ извѣстенъ или насъ интересовать только въ качествѣ предмета, относящагося къ извѣстной группѣ; совершенно тоже приложимо и къ предметамъ, разсматриваемымъ въ качествѣ частей агрегата. И сужденіе о составѣ не перестанетъ быть сужденіемъ о составѣ, если я ту или другую часть предмета пазову, напримѣръ, полумперіаломъ и не характеризую какъ именно этотъ полумперіаль, лишь бы и не характеризовалъ ее такъ, что подъ характеристику будетъ подходить одинаково какъ она сама, такъ и цѣлое, къ которому она относится, или она сама и соединеніе ея съ нѣсколькими другими частями. Характеризуя часть чертой извѣстной группы, я покажу только, что эта часть предмета важна въ моихъ глазахъ исключительно въ качествѣ полумперіала и предметъ не измѣнился бы въ моихъ глазахъ, еслибы въ него входилъ не

этотъ именно, а какой-нибудь другой полуимперіаль. И для заключеній о составѣ агрегата изъ сужденій о составѣ предметовъ это обозначеніе части какъ одного изъ предметовъ, принадлежащихъ къ определенной группѣ, никакого затрудненія не дѣлаетъ. Если въ предметѣ существовала фактически часть, характеризованная свойствами вообще полуимперіала, то такая же часть должна безспорно оказаться и принадлежностію агрегата, въ который входитъ предметъ. Предположимъ же теперь, что въ предметѣ различаемъ мы части, изъ которыхъ каждая интересуетъ насъ исключительно, какъ членъ определенной логической группы и эта группа одна и та же для всѣхъ частей. На основаніяхъ, которыя здѣсь излагать нѣтъ нужды, мы сокращаемъ это сужденіе въ другое: А состоитъ изъ столькохъ-то а. Это очевидно опять будетъ лишь сокращеннымъ по выраженію сужденіемъ состава. И если мы имѣемъ подобное же сужденіе о В, что оно состоитъ изъ столькохъ то а, и если затѣмъ узнали, что А и В составляютъ одинъ агрегатъ G, то будетъ простымъ примѣненіемъ разсматриваемаго нами вывода заключеніе, что G состоитъ изъ столькохъ-то и еще столькохъ-то а. Пусть предметомъ А будетъ опредѣленный отрядъ войска; люди, изъ которыхъ состоитъ онъ, интересуютъ насъ въ данномъ случаѣ только въ качествѣ предметовъ, подходящихъ подъ логическую группу вооруженныхъ и обученныхъ воинскому дѣлу людей, что относится ко всякому изъ нихъ; полное сужденіе о составѣ отряда для насъ состояло бы въ повтореніи понятія „одинъ изъ вооруженныхъ людей“ столько разъ, сколько соотвѣтствующихъ предметовъ въ отрядѣ, и мы сокращаемъ это сужденіе, говоря, что отрядъ состоитъ изъ 100 воиновъ. Пусть подобное же сужденіе мы имѣемъ о другомъ отрядѣ, опредѣляя составъ его, напимѣръ, въ 200 воиновъ; узнавъ, затѣмъ, что эти два отряда соединились и образовали одинъ отрядъ, мы опредѣляемъ чрезъ выводъ составъ послѣдняго во взятые въ совокупности 100 и 200 воиновъ. На самомъ дѣлѣ мы дѣлаемъ болѣе, полагая вмѣсто 100 и 200 воиновъ 300 воиновъ. Но послѣднее дѣлается уже не на основаніи этого вывода, а на основаніи добавочнаго сужденія, что 100 и 200 составляютъ 300,—сужденія, которое относимъ мы не къ выводнымъ, а къ непосредственно очевиднымъ, о которыхъ у насъ нѣтъ рѣчи. Замѣтимъ при этомъ, что при выводахъ этого рода могутъ встрѣчаться сужденія, которыя въ собственномъ смыслѣ нельзя назвать сужденіями состава, но которыя въ выводѣ играютъ совершенно ту же роль и совершенно законно замѣняютъ сужденія состава. Въ самомъ дѣлѣ, если ча-

сти извѣстнаго агрегата интересуютъ насъ какъ предметы, относящіяся къ извѣстной логической группѣ, то для насъ существуетъ весьма понятный интересъ при опредѣленіи состава агрегата выразить этотъ составъ въ единицахъ этой группы; а для достиженія этого, очевидно, нужно, чтобы составъ входящихъ въ него частныхъ предметовъ былъ опредѣленъ въ этихъ же единицахъ. Но теперь, одинъ изъ этихъ предметовъ можетъ быть таковъ, что самъ, во всей своей цѣлости, а не заключающіяся въ немъ части, будетъ подходить подъ нужную намъ группу, то-есть, онъ не будетъ состоять изъ нѣсколькихъ членовъ группы, а будетъ самъ однимъ изъ членовъ этой группы. Для достиженія своей цѣли мы такъ и опредѣлимъ его, какъ одинъ изъ членовъ этой группы и этимъ дадимъ себѣ возможность при перенесеніи предикатсъ съ частныхъ предметовъ на агрегатъ характеризовать всѣ части агрегата однимъ и тѣмъ же понятіемъ. Владѣлецъ имѣетъ поле въ пять десятинъ пахатной земли, и рассчитывая, что сосѣднее поле, которое онъ собирается купить, состоитъ изъ одной десятины такой же земли, выводитъ, что его владѣніе будетъ состоять, въ случаѣ купли сосѣдняго поля, изъ шести десятинъ. Сужденіе, отождествляющее предметъ съ однимъ изъ членовъ опредѣленной группы, конечно, не можетъ называться сужденіемъ состава въ собственномъ смыслѣ, оно не перечисляетъ частей предмета, а ставитъ весь предметъ за-разъ. Но, во первыхъ, безспорно то, что выводъ при введеніи подобныхъ сужденій также несомнѣненъ, какъ и въ другихъ случаяхъ. Въ вторыхъ, эти сужденія еще въ большей степени, чѣмъ собственно сужденія состава, отличаются тѣмъ признакомъ, который даетъ право послѣднимъ служить посылкой въ выводѣ; сужденія о составѣ ставятъ въ предикатѣ то, что фактически дано въ предметѣ, но въ видѣ раздробленномъ; сужденія же, въ которыхъ предметъ отождествляется съ однимъ изъ членовъ извѣстной логической группы, въ предикатѣ ставятъ предметъ въ томъ цѣльномъ видѣ, въ которомъ онъ фактически данъ, а потому послѣдніи имѣютъ полнѣйшее право заступать мѣсто первыхъ. Они и дѣйствительно въ выводѣ только замѣняютъ ихъ собою и принимаются за опредѣленіе состава предмета, такъ какъ они стоятъ среди сужденій состава, служатъ къ опредѣленію состава агрегата и ихъ предикатъ переносится въ выводное сужденіе въ качествѣ единицы состава. Значитъ, выводъ и при существованіи подобныхъ сужденій остается выводомъ изъ сужденій о составѣ. Это безспорное право сужденій, въ которыхъ предметъ отождествляется съ однимъ изъ членовъ извѣстной

логической группы, замѣнять собою сужденія состава, любопытно, между прочимъ, съ той стороны, что оно даетъ возможность разсматриваемый нами выводъ примѣнять даже и въ томъ случаѣ, когда между предметами, составляющими агрегатъ, находятся предметы недѣлимые, то-есть, такіе, въ которыхъ сужденія состава вовсе неприменимы. Извѣстную группу математическихъ точекъ мы можемъ опредѣлить какъ состоящую, напримѣръ, изъ семи точекъ, и если затѣмъ узнаемъ, что прибавленное къ группѣ составляетъ одну точку, то опредѣляемъ образовавшійся агрегатъ какъ состоящій изъ восьми точекъ.

Какъ скоро каждая изъ частей предмета характеризуется нами какъ одинъ изъ членовъ одной и той же логической группы, сужденіе о составѣ предмета, какъ мы сказали, получаетъ такую форму: А состоитъ изъ столькохъ-то а. Пусть теперь данъ намъ какой-нибудь другой предметъ С, который также можетъ быть разсматриваемъ нами по частямъ и каждая изъ его частей характеризуется нами какъ одинъ изъ членовъ той же самой логической группы, которой характеризуются и части предмета А. Мы можемъ не знать опредѣленно, сколько именно частей заключается въ А, но при этомъ мы можемъ получить свѣдѣніе, что ихъ въ А заключается ровно столько же, сколько и характеризованныхъ одинаково съ ними частей находится въ предметѣ С. Даже зная количество частей А, мы можемъ тѣмъ не менѣе имѣть какое-либо особое побужденіе не прямо обозначить число частей предмета А общимъ понятіемъ, а указать его конкретно на другомъ предметѣ С. Смыслъ сужденія, очевидно, не измѣняется: оно останется такимъ же сужденіемъ о составѣ предмета, какимъ и было. Какъ вмѣсто того, чтобы опредѣлить общимъ понятіемъ цвѣтъ предмета, я могу указать на другой предметъ и сказать, что цвѣтъ предмета, о которомъ идетъ у меня рѣчь, такой же, какъ и цвѣтъ предмета сейчасъ указаннаго и мое сужденіе по его смыслу будетъ опредѣленіемъ цвѣта, качества предмета: такъ совершенно подобно этому, я вмѣсто того, чтобы общимъ понятіемъ опредѣлять количество частей предмета, необходимое мнѣ для опредѣленія его состава, могу указать на предметъ, имѣющій столько же подобныхъ частей, и сказать, что первый предметъ имѣетъ ихъ столько же какъ и второй; сужденіе все же останется опредѣленіемъ частей предмета, слѣдовательно сужденіемъ состава. Различіе между простымъ сужденіемъ состава и между этимъ сужденіемъ будетъ только то, что когда я, вмѣсто отвлеченнаго опредѣленія числа

извѣстныхъ частей, ставлю конкретный предметъ и говорю, что въ немъ тѣ же части и то же число ихъ, то у меня вмѣсто одного оказывается два конкретныхъ предмета, опредѣляемый и тотъ, чрезъ который дается опредѣленіе, и при этомъ я имѣю полнѣйшее право обмѣнять ихъ мѣстами, если это мнѣ понадобится. Если А имѣетъ столько же такихъ-то частей, какъ С, то, наоборотъ, и С имѣетъ столько же такихъ-то частей, какъ и А: опредѣленіе состава здѣсь обоюдное. Имѣя это въ виду, мы можемъ употреблять подобное сужденіе, смотря по нуждѣ—и какъ опредѣленіе состава одного изъ предметовъ при посредствѣ другаго и какъ взаимное опредѣленіе ихъ другъ другомъ. Мы можемъ сказать, что А имѣетъ столько же частей, извѣстнымъ образомъ опредѣленныхъ, сколько и В; но зная, что мы можемъ сдѣлать и обратное сужденіе, мы можемъ утверждать, что А и В имѣютъ одинаковое количество такимъ-то понятіемъ опредѣленныхъ частей. Очевидно, всѣ эти сужденія будутъ сужденіями состава. Пусть же теперь мы знаемъ, что А содержитъ столько же частей, извѣстнымъ образомъ характеризованныхъ, на примѣръ, характеризованныхъ какъ а, сколько и С, а В имѣетъ столько же также (то-есть, какъ а) или инымъ образомъ (на примѣръ, какъ b) характеризованныхъ частей сколько и D. Если мы къ тому же знаемъ, что А и В составляютъ агрегатъ G, то будетъ чистымъ примѣненіемъ нашего вывода заключеніе, что G состоитъ изъ столькихъ же а какъ и С, и, кромѣ того, изъ столькихъ же а или b, какъ и D. Но если С и D сами составляютъ какой-нибудь агрегатъ H, который, какъ агрегатъ, долженъ состоять изъ тѣхъ самыхъ частей, изъ которыхъ состоятъ они, то С и D въ выводномъ сужденіи мы имѣемъ право замѣнить агрегатомъ H и сказать, что агрегатъ G состоитъ изъ столькихъ же а въ соединеніи съ столькими же b или опять а, изъ сколькихъ а и b (или опять а) состоитъ агрегатъ H. Такимъ образомъ, и въ выводномъ сужденіи получимъ такое же обоюдное сужденіе состава, какъ и въ посылкахъ.

Отъ нашего интереса зависитъ то, на что въ предметѣ обратить свое вниманіе и какія вслѣдствіе того избрать опредѣленія частей изъ числа возможныхъ ихъ опредѣленій. Если мы имѣемъ предметъ, представляющій сплошное непрерывное цѣлое, намъ ничего не препятствуетъ смотрѣть на него какъ на величину продолжающуюся (рядъ событій) или протяженную (физическій предметъ), состоящую изъ ряда подобныхъ же величинъ и слѣдовательно смотрѣть на его части какъ на опредѣленные протяженные или продолжающіяся ве-

личины. Если теперь всѣ эти части, взятая въ качествѣ протяженныхъ или продолжающихся величинъ, окажутся логически тождественными одна съ другой и вмѣстѣ съ тѣмъ тождественными съ частями какого-нибудь другаго предмета, разсматриваемаго съ той же точки зрѣнія и имѣющаго то же число частей, то мы можемъ выразить это въ обоюдномъ сужденіи состава, то-есть, мы имѣемъ право въ такомъ случаѣ сказать, что предметъ А состоитъ изъ того же числа опредѣленныхъ протяженныхъ или продолжающихся величинъ, изъ какого состоитъ и предметъ С. Нѣтъ нужды подробно разъяснять, что имѣя подобное же сужденіе объ отношеніи предмета В къ предмету D, мы, строго слѣдуя нашей формулѣ вывода, можемъ заключать, что агрегатъ G (состоящій изъ предметовъ А и В) будетъ состоять изъ столькожъ же опредѣленныхъ протяженныхъ или продолжающихся величинъ, изъ сколькожъ состоитъ и агрегатъ H (представляющій соединеніе С и D).

Намъ остается сдѣлать еще одинъ шагъ въ нашемъ анализѣ сужденій о составѣ для того, чтобы получить геометрическіе выводы, основанные на аксіомѣ: если къ равнымъ приложить равныя, то цѣлыя получатся равныя. Мы брали части предмета въ качествѣ опредѣленныхъ протяженныхъ величинъ. Въ конкретномъ предметѣ онѣ не суть только эти протяженныя величины; помимо этого онѣ представляютъ разнообразныя качественности. Но мы можемъ мысленно абстрагировать отъ всѣхъ наполняющихъ ихъ качественностей и представить, что намъ даны въ нихъ единственно только опредѣленныя протяженныя величины. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самые предметы, въ которыхъ даны эти части, мы можемъ разсматривать только какъ соединеніе этихъ чуждыхъ всякаго другаго содержанія, существующихъ внѣ другъ друга опредѣленныхъ пространственныхъ величинъ. А такъ какъ части одного предмета, взятая именно въ качествѣ опредѣленныхъ, протяженныхъ величинъ, мы признали логически тождественными съ частями другаго, то за отвлеченіемъ въ нихъ всякаго другаго содержанія онѣ окажутся безусловно логически тождественными по всему, что дано въ нихъ, за исключеніемъ, конечно, положенія ихъ внѣ другъ друга, а слѣдовательно и самые предметы какъ представляющіе только соединеніе этихъ частей, окажутся по своему составу, то-есть, по тому, изъ чего они составлены, безусловно тождественными, такъ что стоитъ только перемѣнить расположеніе въ нихъ ихъ частей, если они отличаются со стороны такого расположенія, чтобы получить безусловно тождественныя предметы и чтобъ имѣть возможность, на какія бы

новыя части мы ни раздѣлили одинъ изъ нихъ, на части логически совершенно тождественныя раздѣлить и другой. Въ такомъ случаѣ, опредѣляя составъ одного изъ нихъ при посредствѣ другаго, мы очевидно не имѣемъ ни малѣйшей нужды указывать, какія именно части мы имѣемъ въ виду, такъ какъ какія бы мы ни взяли части у одного, мы всегда совершенно тождественныя съ ними логически можемъ найти и въ другомъ, если принять во вниманіе возможную въ немъ перестановку составляющихъ его предметовъ безъ всякаго измѣненія этихъ предметовъ.

Взаимное сужденіе состава здѣсь переходитъ такимъ образомъ въ утвержденіе абсолютнаго тождества состава, въ признаніе, что на какія бы части мы ни дѣлили одинъ предметъ, на совершенно тождественныя съ ними мы можемъ подѣлить и другой, нисколько не измѣняя его состава, но лишь допуская возможность перестановки предметовъ, его составляющихъ. То, что называется равенствомъ протяженныхъ величинъ, едва ли означаетъ что-нибудь другое, кромѣ безусловнаго тождества двухъ пространственныхъ величинъ по составу, то-есть, безусловно допускаемой возможности, на какія бы части мы ни дѣлили одну изъ нихъ, раздѣлить на логически совершенно тождественныя части и другую, не измѣняя того, что дано въ ней, а допуская лишь возможность перестановки даннаго. Легко видѣть, что какъ скоро даны два сужденія абсолютнаго тождества состава одно—между протяженными величинами А и С, другое—между протяженными величинами В и D, мы, точно слѣдуя нашей формулѣ, можемъ заключить, что агрегатъ G (то-есть, $A+B$) будетъ тождественъ по составу съ агрегатомъ H (то-есть $C+D$), такъ какъ если признано, что А представляетъ то же число и логически тѣхъ же частей (какія бы мы взяли), что и С, а В то же число и тѣхъ же частей, что и D, то G, состоящее исключительно изъ А и В, безспорно представить то же число и тѣхъ же частей, что представляетъ С въ соединеніи съ частями D, то-есть, какія части представить агрегатъ H.

Подъ величиной меньшей мы разумѣемъ такую, въ составѣ которой недостаетъ нѣкоторой величины X до полнаго тождества ея по составу съ извѣстной другой величиной; подъ бѣльшей—такую, изъ состава которой слѣдуетъ исключить нѣкоторую величину X, чтобы она по составу оказалась тождественной съ извѣстной другой величиной. Подъ величиной не равной другой величинѣ мы разумѣемъ такую, составъ которой нужно увеличить или уменьшить на нѣкоторую величину X для того, чтобы установилось полное тождество по составу

между ними. А потому величины бѣльшія, мѣньшія или неравныя легко выразить въ терминахъ равенства и слѣдовательно выводы, получающіеся чрезъ приложеніе ихъ другъ къ другу, подвести подъ уже высказанную формулу: $A = C + X$, $B = D + Y$ слѣдовательно G (то-есть $A + B = H$ (то-есть $C + D) + X + Y$). Или $A = C - X$, $B = D - Y$, слѣдовательно G (то-есть, $A + B = H$ то-есть, $(C + D) - X - Y$). Или $A = C \pm X$, $B = D$, слѣдовательно G (то-есть, $A + B = H$ (то-есть, $C + D) \pm X$). Говорятъ обыкновенно, что изъ сложенія двухъ неравныхъ величинъ ($A = C \pm X$, $B = D \pm Y$) вывода никакого не получается; въ томъ же смыслѣ можно сказать, что если мы имѣемъ одно сужденіе о большинствѣ, другое о меньшинствѣ ($A = C + X$, $B = D - Y$), вывода не получится. Однако это вовсе не значитъ того, чтобы вывода въ этомъ случаѣ вовсе не получилось. Онъ получается на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, по той же самой логической формулѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ. Изъ сужденія $A = C \pm X$, $B = D \pm Y$ съ тою же логическою точностію и по той же формулѣ по которой получились предшествующіе выводы, получится выводъ G (то-есть, $A + B = H$ (то-есть, $C + D) \pm Y \pm X$). Или изъ сужденій о большинствѣ и меньшинствѣ: $A = C + X$, $B = D - Y$, будетъ слѣдовать: G (то-есть, $A + B = H$ (то-есть, $C + D) + X - Y$). Только выводное сужденіе не достигаетъ той цѣли, которой мы добиваемся отъ него. Наша цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы узнать отношеніе по составу между агрегатомъ, состоящимъ изъ $A + B$, и агрегатомъ, состоящимъ изъ $C + D \pm Y \pm X$ или состоящимъ изъ $C + D + X - Y$, а между агрегатомъ, состоящимъ изъ $A + B$, и агрегатомъ, состоящимъ изъ $C + D$. Но такъ какъ между A и C , B и D нѣтъ тождества по составу, мы должны прибѣгать къ добавочнымъ, X и Y . Въ иныхъ случаяхъ это не мѣшаетъ достигнуть цѣли посредственно, именно гдѣ составившійся изъ C и D съ прибавкой другихъ величинъ агрегатъ даетъ видѣть свое отношеніе къ агрегату $C + D$ безъ этихъ прибавокъ (напримѣръ, $C + D + X + Y$ или $C + D - X - Y$ или $C + D \pm Y$) и поэтому даетъ возможность судить и объ отношеніи агрегата изъ $C + D$ къ агрегату изъ $A + B$. Но при равенствѣ двухъ величинъ или при соединеніи сужденія о большинствѣ съ сужденіемъ о меньшинствѣ въ полученномъ при помощи вывода агрегатѣ $C + D \pm X \pm Y$ или $C + D + X - Y$ непосредственно не видно отношеніе этого агрегата къ агрегату изъ $C + D$, а поэтому нельзя судить и объ отношеніи послѣдняго къ агрегату $A + B$, съ которымъ

отождествленъ по составу агрегатъ $C + D \pm X \pm Y$ или $C + D + X - Y$.

При разъясненіи модификацій сужденій о составѣ мы вышли изъ того положенія, что части предмета могутъ быть характеризованы чертами, которыя тождественны у нихъ съ другими предметами, лишь бы не характеризовались онѣ такъ, что характеристика одинаково могла бы быть приложима какъ къ части, такъ и къ цѣлому, или какъ къ одной части, такъ и къ тому или другому соединенію частей. Характеризуя часть сходно съ другими частями, мы абстрагируемъ отъ специфически принадлежащихъ ей особенностей. И эта абстракція можетъ идти такъ далеко, какъ только могутъ потребовать ее наши интересы. Мы можемъ характеризовать часть, не только какъ отдѣльный предметъ, принадлежащій къ извѣстной логической группѣ, но даже просто какъ отдѣльный особый предметъ, принадлежащій вообще къ той же группѣ, къ которой принадлежитъ и каждая изъ другихъ частей, даже просто какъ особый или отдѣльный предметъ, въ извѣстной мѣрѣ самостоятельный въ отношеніи къ другимъ предметамъ. Цѣльный предметъ, который мы дѣлимъ на части, окажется въ послѣднемъ случаѣ агрегатомъ рѣзко отдѣльныхъ въ нашихъ глазахъ предметонъ, къ какому бы роду или виду ни относился каждый изъ послѣднихъ. Тогда, чтобы составить полное сужденіе о составѣ, нужно будетъ повторить въ предикатѣ понятіе о какомъ бы то ни было отдѣльномъ предметѣ столько разъ, сколько такихъ предметовъ заключается въ вещи, или, если выразить сужденіе сокращенно, нужно будетъ сказать, что въ такой-то вещи заключается такое-то число отдѣльныхъ предметовъ. Субъектъ этого сужденія можетъ различнымъ образомъ характеризоваться въ сознаниі, на примѣръ, какъ видимая мною составная вещь или группа вещей, или какъ группа, о которой идетъ рѣчь и пр. под. Однако, весьма возможно, что онъ и въ самомъ подлежащемъ будетъ характеризоваться со стороны своего состава. Конечно, сказать, что группа, состоящая изъ шести членовъ, состоитъ изъ шести членовъ было бы пустымъ тожесловіемъ. Но характеризовать предметъ по составу не всегда значить указать то число, которое замѣняетъ простой перечень этихъ предметовъ. Намъ можетъ быть извѣстно образованіе группы изъ другихъ подобныхъ же группъ, и она можетъ характеризоваться въ нашихъ глазахъ какъ образовавшаяся извѣстнымъ путемъ изъ извѣстныхъ другихъ группъ; имѣя подобное свѣдѣніе объ образованіи состава группы, мы можемъ возбудить новый вопросъ: какой рядъ членовъ получится при простомъ пере-

численіи частей ея другъ за другомъ, и наше сужденіе можетъ быть отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Мы знаемъ, на примѣръ, что группа составилась изъ двухъ другихъ, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ трехъ членовъ, и задаваясь вопросомъ: сколько будетъ во всей группѣ членовъ при послѣдовательномъ перечисленіи ихъ одного за другимъ говоримъ, что группа, составившаяся изъ группы въ три члена и еще группы въ три члена, состоитъ изъ шести членовъ. При послѣдовательномъ перечисленіи членовъ мы получимъ рядъ, характеризующійся числомъ шесть, не въ томъ только случаѣ, когда группа членовъ образовалась, на примѣръ, изъ присоединенія группы въ три члена къ группѣ тоже въ три члена, но и въ томъ, когда она образовалась чрезъ отдѣленіе отъ группы, на примѣръ, въ 17 членовъ группы, состоящей изъ 11, или чрезъ послѣдовательное прибавленіе къ группѣ въ два члена двухъ подобныхъ же группъ и т. п. Такимъ образомъ, мы не только получаемъ возможность образовать сужденіе состава, сказавъ, на примѣръ, что группа, образовавшаяся чрезъ соединеніе двухъ группъ, каждой въ три члена, состоитъ изъ шести членовъ, но и получаемъ обширный матеріалъ для образованія обоюдныхъ сужденій состава, на примѣръ: группа, составившаяся изъ соединенія группы въ два члена съ группой, состоящей изъ четырехъ членовъ, имѣетъ столько же отдѣльныхъ другъ отъ друга членовъ, какъ и группа, образовавшаяся чрезъ отдѣленіе отъ группы въ 18 членовъ группы въ 12 членовъ. Здѣсь мы имѣемъ простѣйшія уравненія именованныхъ чиселъ. Они, очевидно, суть обоюдныя сужденія состава, гдѣ подъ каждой единицей разумѣется особый, ясно отдѣльный предметъ, входящій въ агрегатъ, гдѣ члены уравненія представляютъ группы, характеризованныя со стороны образованія своего состава, а равенство выражаетъ одинаковость числа или ряда перечня членовъ. Такъ какъ подъ агрегатомъ мы ничего не разумѣемъ кромѣ совокупности отдѣльныхъ другъ отъ друга предметовъ, все равно каковы бы самыя предметы ни были, такъ какъ и при каждомъ членѣ мы абстрагируемъ отъ всего, кромѣ его отдѣльности отъ другихъ, то эти обоюдныя сужденія представляютъ безусловное отождествленіе группъ по ихъ составу. Когда мы дробимъ самыя единицы, взятая отдѣльно, и оперируемъ съ дробями, мы представляемъ каждую единицу не только предметомъ, отдѣльнымъ отъ другихъ, но и предметомъ, состоящимъ изъ различныхъ одна отъ другой частицъ; а чтобы сужденія наши въ такомъ случаѣ сохранили характеръ полного отождествленія двухъ группъ по составу, мы составъ каждой единицы предполагаемъ совершенно тождественнымъ съ

составомъ каждой другой; напимѣрь, представляемъ подъ каждой единицей логически безусловно тождественныя величины пространства, времени и подобныя.

Числа, взятія въ ихъ ариѳметическомъ порядкѣ—каждое служить для насъ, какъ мы видѣли, сокращеннымъ выраженіемъ перечня состава разнообразныхъ предметовъ. Какъ бы ни образовался составъ агрегата, мы всегда можемъ послѣдовательно по одному перечислить всѣ его члены. Но такой именно перечень членовъ дѣлается для насъ безусловною необходимостію, когда самое образованіе состава совершается не чрезъ присоединеніе, напимѣрь, одной группы къ другой или отдѣленіе одной отъ другой, а чрезъ послѣдовательное присоединеніе одного члена къ другому; тогда процессъ образованія состава совершенно совпадаетъ съ нашимъ процессомъ перечня его членовъ. Отъ этого происходитъ, что каждое число, взятое въ отдѣльности, можетъ употребляться нами съ двоякою цѣлію: оно можетъ обозначать составъ извѣстнаго предмета, на сколько мы перечисляемъ этотъ составъ, переходя отъ одного члена къ другому, все равно какъ бы онъ ни образовался въ дѣйствительности; но оно можетъ обозначать также и самое образованіе состава, если онъ дѣйствительно получился (не чрезъ присоединеніе, напимѣрь, одной группы къ другой или отдѣленіе одной отъ другой а) чрезъ послѣдовательное присоединеніе одного члена къ другому. Поэтому каждое число, взятое въ отдѣльности, можетъ не только замѣнять перечень членовъ въ простомъ сужденіи состава, но точно также можетъ въ обоюдномъ сужденіи состава сдѣлаться характеристическою чертою одного изъ двухъ предметовъ, отождествляемыхъ другъ съ другомъ по составу. Мы можемъ сказать, что группа А состоитъ изъ шести членовъ и число шесть будетъ замѣнять для насъ въ этомъ сужденіи перечень отдѣльныхъ частей предмета. Но мы совершенно также можемъ сказать, что $3+3$ равно 6 и въ этомъ случаѣ мы будемъ утверждать, что агрегатъ, образовавшійся изъ приложенія группы въ три члена къ другой группѣ, состоящей изъ подобнаго же числа членовъ, тождественъ съ агрегатомъ, который бы образовался изъ такого ряда послѣдовательныхъ прибавленій одной его части къ другой, который обозначается числомъ шесть. Иначе сказать, въ послѣднемъ случаѣ шесть обозначаетъ для насъ группу, извѣстнымъ образомъ образовавшуюся и характеризующую этимъ способомъ образованія, тогда какъ въ первомъ оно просто замѣняетъ собою перечень членовъ группы, какъ бы образована она ни была. Послѣ этихъ разъясненій едва ли

нужно прибавлять, что выводы чрезъ прибавленіе равныхъ числовыхъ выраженій къ равнымъ подлежатъ той же формулѣ, какъ и соотвѣтственные имъ геометрическіе выводы.

Что касается до уравненія величинъ въ алгебрѣ, то мы здѣсь абстрагируемъ даже отъ того, берутся ли предметы въ качествѣ агрегатовъ отдѣльныхъ другъ отъ друга вещей или въ качествѣ непрерывныхъ цѣлыхъ способныхъ быть совершенно произвольно дѣлимыми на части. Здѣсь предполагается вообще безусловное тождество ихъ по составу, равнодушно къ тому, понимать ли подъ предметомъ то или другое. А такъ какъ въ каждомъ случаѣ можно понимать только то или другое и такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ остается во всей силѣ одна и та же формула вывода, то на заключеніе алгебры $A=C$; $B=D$, слѣдовательно $A+B=C+D$, мы можемъ смотрѣть какъ на самую общую схему формулы въ приложеніи ея къ какой бы то ни было величинѣ.

Когда предметы, которые должны быть соединены въ агрегатъ, извѣстны намъ какъ тождественные по своему составу, тогда мы сокращаемъ частныя сужденія о нихъ въ одно общее, говори, что и А и В и С имѣютъ такой-то составъ и затѣмъ, отождествивъ ихъ съ агрегатомъ G, прилагаемъ послѣднему этотъ составъ столько разъ, сколько предметовъ. Если при этомъ каждый изъ частныхъ предметовъ и характеризуется нами одинаково съ остальными, то мы еще далѣе сокращаемъ частное опредѣленіе ихъ состава, замѣняя перечень ихъ числомъ съ единократной поставкой при числѣ предмета, извѣстнымъ образомъ характеризованнаго, то-есть говоримъ, что каждое А имѣетъ такой-то составъ, а G состоитъ изъ трехъ А, слѣд. и проч. Если мы вмѣсто простыхъ сужденій состава возьмемъ обоюдныя, то получимъ выводъ: каждое $A=L$, но G состоитъ изъ трехъ А, слѣдовательно $G=трехъ L$. Мы имѣемъ, очевидно, здѣсь выводъ на основаніи аксіомы: если равныя умножить на равныя, то получатся и произведенія равныя. Если мы, наконецъ, подъ предметомъ А, которымъ безразлично называемъ каждый изъ предметовъ, входящихъ въ агрегатъ G, разумѣемъ просто особую часть агрегата G, то мы оба сужденія: G состоитъ изъ трехъ частей и каждая изъ этихъ частей равна L, можемъ сократить въ одно равнозначущее имъ обоимъ: каждая треть G равна L и получится сокращенный выводъ: $\frac{1}{3} G$ равна L, слѣдовательно G равно 3L. Опять выводъ, основанный на аксіомѣ объ умноженіи равныхъ на равное количество единицъ, но еще болѣе сокращенный, такъ какъ предметы, соединенные въ агрегатъ, харак-

теризуются не сами по себѣ, а исключительно какъ части агрегата. Какъ умноженіе есть сокращеніе сложенія, такъ выводы на основаніи аксіомы объ умноженіи равныхъ на равныя суть только сокращеніе тѣхъ же выводовъ, которые основываются на аксіомѣ о приложеніи равныхъ къ равнымъ.

Въ сужденіяхъ условныхъ, какъ говорили мы выше, истиннымъ субъектомъ сужденія служитъ представленіе объ опредѣленномъ порядкѣ фактовъ или отношеній, который въ предыдущемъ этого сужденія характеризуется однимъ или нѣсколькими фактами или отношеніями. Примѣняя нашу формулу вывода къ сужденіямъ этого рода, мы встрѣчаемся съ однимъ очень важнымъ затрудненіемъ. На первый взглядъ дѣло представляется простымъ и легкимъ. Каждое условное сужденіе, разсматриваемое въ качествѣ сужденія, устанавливающаго извѣстный порядокъ фактовъ или отношеній, есть, повидимому, чистое сужденіе состава. Каждый опредѣленный порядокъ фактовъ или отношеній состоитъ изъ совокупности этихъ фактовъ или отношеній, ими исчерпывается и самъ представляетъ только извѣстное расположеніе ихъ во времени, подобно тому какъ цѣльный протяженный предметъ есть только совокупность своихъ частей, извѣстнымъ образомъ расположенныхъ въ пространствѣ. Пусть теперь мы признали, что фактъ или отношеніе С составляетъ часть порядка фактовъ или отношеній, характеризуемаго существованіемъ А, а D составляетъ часть порядка фактовъ или отношеній, характеризуемаго существованіемъ В; мы необходимо должны признать, что при одновременномъ существованіи обоихъ этихъ порядковъ, то-есть въ порядкѣ G, къ которому одинаково относятся и А и В, окажутся непремѣнно С и D, такъ какъ существованіе А будетъ намъ ручаться за присутствіе порядка, къ составу котораго относится С, а существованіе В—за присутствіе порядка, къ составу котораго относится D. Такъ, дѣйствительно, и будетъ, если мы возьмемъ условныя сужденія, относящіяся къ математической области. Мы знаемъ, что если въ треугольникѣ одна изъ сторонъ его и основаніе составляютъ радіусы одного и того же круга (отношеніе А), то они должны быть равны (отношеніе С); мы знаемъ, что если другая сторона треугольника и основаніе его составляютъ радіусы одного круга (отношеніе В), то они должны быть также равны (отношеніе D). Если, затѣмъ, мы возьмемъ за основаніе треугольника какую ни есть линію BC и изъ точекъ В и С радіусами равными BC опишемъ двѣ круговыя линіи и точку ихъ пересѣченія А соединимъ прямыми съ точками В и С (отно-

шеніе G), то окажутся исполненными оба условія двухъ выше-приведенныхъ условныхъ сужденій, то-есть и сторона АВ выѣстъ съ основаніемъ ВС будутъ составлять радіусы одного круга (отношеніе А) и другая сторона АС съ основаніемъ ВС составятъ радіусы одного круга (отношеніе В). Отсюда мы безспорно заключаемъ, что при условіи подобной конструкціи треугольника (отношеніе G), то-есть при порядкѣ, совмѣщающемъ оба предшествующія условія (отношенія А и В), въ треугольникѣ должны оказаться оба слѣдствія этихъ условій (отношенія С и D), то-есть каждая сторона его должна оказаться равной основанію. Не то окажется, когда перейдемъ въ сферу реальныхъ отношеній. Мы можемъ быть увѣрены, что если будетъ примѣнена къ предмету извѣстная сила, дѣйствующая въ извѣстномъ направленіи (А), то получится движеніе предмета съ извѣстной скоростью въ томъ же направленіи (С); мы можемъ быть увѣрены далѣе, что если къ предмету была бы примѣнена сила, дѣйствующая въ другомъ направленіи (В), движеніе предмета произошло бы въ другую сторону (D); но еслибы отсюда мы заключили, что, примѣнивъ къ предмету за-разъ обѣ силы (G), получимъ и два движенія, по одному направленію и по другому, фактическая дѣйствительность опровергла бы нашъ выводъ; въ ней оказались бы, смотря по отношенію другъ къ другу направленной силъ, или покой или движеніе, но движеніе особое, по новому направленію. Если эти затрудненія встрѣчаются уже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ непосредственно наблюдаемыми нами движеніями, то, конечно, еще болѣе ихъ должно встрѣчаться тамъ, гдѣ процессы состоятъ въ недоступныхъ для нашего глаза движеніяхъ, которыя замѣняются для воспріятія разнообразными качественностями ощущенія, каковы цвѣта, тепло и пр. Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что рассматриваемая нами формула вывода не имѣетъ общаго логическаго характера, что она обусловливается предположеніемъ извѣстнаго порядка въ природѣ, который въ извѣстныхъ случаяхъ данъ дѣйствительно, а въ другихъ вовсе не данъ. Мы думаемъ, вовсе не слѣдуетъ. Условныя сужденія естествознанія, повидимому, не допускаютъ возможности переносить опредѣленія съ условій частныхъ на тѣ же условія, взятыхъ въ совокупности; по рассматриваемымъ въ томъ видѣ, какъ мы ихъ теперь брали, они и не допустятъ никакого рода другихъ заключеній. Изъ положенія, что тѣло извѣстной массы, по приложенію къ нему извѣстной силы, дѣйствующей въ опредѣленномъ направленіи, должно двигаться въ этомъ направленіи съ такою-то

скоростию, мы не можемъ вывести заключенія, что такъ именно будетъ двигаться тѣло А, которое имѣетъ подобную массу, и къ которому приложена такая именно сила. Всякій знаетъ, что на дѣлѣ оно, столкнувшись съ какими либо условіями, можетъ имѣть движеніе и не то, которое слѣдовало бы ожидать отъ примѣненія къ нему известной силы. Самая безспорная формула заключенія—отъ общаго къ частному—здѣсь оказывается столь же мало приложимой, какъ и всякая другая. Мы хорошо знаемъ, что могутъ намъ возразить на это. Намъ скажутъ, что невозможность заключенія въ послѣднемъ случаѣ зависитъ исключительно отъ выраженія, которое мы дали условному сужденію и которое сдѣлалось причиной ошибочнаго его примѣненія, не имѣющаго никакого отношенія къ логической формулѣ. Высказывая то или другое условное сужденіе въ естествознаніи, мы всегда,—скажутъ намъ,—при немъ подразумѣваемъ, что слѣдствіе произойдетъ, если нѣтъ побочныхъ обстоятельствъ, способныхъ на него воздѣйствовать и его видоизмѣнить. Это значитъ, что тотъ порядокъ фактовъ или отношеній, къ которому мы относимъ известное событіе, въ каждомъ условномъ сужденіи естествознанія характеризуется не только тѣмъ фактомъ или отношеніемъ, которые открыто ставятся нами какъ его условіе, но еще подразумѣваемымъ отсутствіемъ обстоятельствъ, способныхъ видоизмѣнить результатъ. Если бы мы въ нашей послылкѣ взяли условное сужденіе въ этомъ подлинномъ его видѣ, еслибы соотвѣтственно этому меньшую послылку не утверждали въ качествѣ вѣрной мысли до тѣхъ поръ, пока убѣдились бы не только въ томъ, что къ тѣлу А примѣнена известная сила, но и въ томъ, что нѣтъ стороннихъ обстоятельствъ, способныхъ видоизмѣнить ожидаемый результатъ, то мы не могли бы ошибиться въ нашемъ выводѣ. Такое разъясненіе нельзя не признать совершенно правильнымъ. Но то же вполне приложимо и къ вопросу о примѣненіи къ условнымъ сужденіямъ естествознанія той формулы вывода, о которой идетъ у насъ рѣчь. Въ самомъ дѣлѣ, если мы соединимъ порядокъ, характеризуемый фактомъ А, и порядокъ, который характеризуется фактомъ В, и будемъ ожидать результатовъ С и D, не поступимъ ли мы просто неосторожно, не забудемъ ли мы той мысли, что С какъ и D мы должны ожидать первое не при А только, второе не при В только, но и при отсутствіи другихъ обстоятельствъ, способныхъ видоизмѣнить ихъ результаты? Если В въ состояніи измѣнить результатъ А, то подъ А, соединеннымъ съ В, очевидно, будетъ подразумѣваться не тотъ порядокъ фактовъ или

отношеній, который мы разумѣемъ, когда говоримъ, что при существованіи А существуетъ и С, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ мы необходимо подразумѣвали порядокъ, характеризуемый не только существованіемъ А, но и отсутствіемъ обстоятельствъ, способныхъ измѣнить его результатъ, а этого въ послѣднемъ случаѣ прямо не оказывается. Значитъ, невозможность при соединеніи условныхъ сужденій естественнаго переносить соединенное опредѣленіе на агрегатъ субъектовъ не доказываетъ логической несостоятельности формулы, а объясняется особыми свойствами данныхъ въ этомъ случаѣ посылокъ.

Но изъ всего того, что мы сказали, не слѣдуетъ ли по крайшей мѣрѣ заключить, что разсматриваемая нами формула вывода должна остаться безъ всякаго примѣненія къ условнымъ сужденіямъ, выражающимъ причинную связь событій? Намъ кажется, что и на этотъ вопросъ нельзя отвѣчать утвердительно. Формула въ дѣйствительности находитъ здѣсь очень равнообразное примѣненіе. Какъ на ближайшій примѣръ примѣненія, можно указать на тотъ случай, когда мы не ожидаемъ только результатовъ отъ извѣстнаго соединенія условій и не должны ихъ предугадывать, а когда они даны уже въ дѣйствительности, и когда намъ остается только разъяснить дѣйствительность, — разгадать, чѣмъ обусловливалось извѣстное данное въ дѣйствительности соединеніе фактовъ. Здѣсь гипотетическое сужденіе перестаетъ быть сужденіемъ о томъ, что должно существовать въ извѣстномъ порядкѣ фактовъ, а превращается въ сужденіе о томъ, что дѣйствительно дано въ извѣстномъ порядкѣ, а потому сужденіе не имѣетъ никакого дѣла съ возможностью отрицательныхъ случаевъ. И мы получаемъ строгое примѣненіе нашей формулы. Имѣя передъ собою группу фактовъ и желая разъяснить для себя ея происхожденіе, мы часто имѣемъ возможность, на основаніи извѣстныхъ уже намъ законовъ, установить связь cadaго факта, взятаго въ отдѣльности, съ какими либо изъ предшествующихъ фактовъ. Фактъ D, говоримъ мы, произошелъ отъ А (то-есть относится къ порядкѣ фактовъ, представляемому фактомъ А); фактъ E произошелъ отъ B; фактъ F произошелъ отъ C. Если затѣмъ нашъ интересъ сосредоточимъ не на этихъ отдѣльныхъ фактахъ A, B, C, взятыхъ порознь, а на цѣлой группѣ, соединяющей ихъ въ себѣ, которая характеризуется въ нашихъ глазахъ какъ G, то мы, конечно, не затруднимся на это агрегативное представленіе перенести факты D, E, F въ качествѣ его опредѣленія. Если превратить гипотетическія сужденія въ категорическія, то легко факты D, E, F поставить на мѣсто подлежащаго,

разсматривая ихъ какъ дѣйствія, имѣющія свою причину въ фактахъ А, В, С, и если они въ нашихъ глазахъ представляютъ нѣкоторый агрегатъ Н, то мы можемъ на этотъ агрегатъ перенести факты А, В, С въ качествѣ причинъ, выполнѣ его объясняющихъ. Это очень обыкновенный случай объясненія дѣйствій, представляющихся сложными. Подобный выводъ не считается обыкновенно даже выводомъ, а между тѣмъ онъ представляетъ совершенную аналогію съ полной индукціей, которой большинство логиковъ не отказывается въ значеніи вывода.

Чистыя гипотетическія сужденія, выражающія причинную связь событій, потому, какъ мы видѣли, не даютъ права на заключеніе отъ частей къ агрегату, что характеристика порядка, къ которому мы приурочиваемъ тотъ или другой фактъ, на самомъ дѣлѣ въ нихъ не ограничивается указаніемъ на извѣстный фактъ, а предполагаетъ еще отсутствіе стороннихъ причинъ, способныхъ видоизмѣнить результатъ. Но это обстоятельство мы умѣемъ обходить при другихъ выводахъ изъ условныхъ сужденій. Для состоятельности вывода изъ общаго условнаго сужденія сужденія о частномъ фактѣ, мы требуемъ только, чтобы меньшая посылка брала условіе не въ томъ видѣ, какъ оно обыкновенно характеризуется въ условномъ сужденіи, а вмѣстѣ съ подразумеваемою въ немъ мыслию объ отсутствіи обстоятельствъ, способныхъ видоизмѣнить результатъ. Если есть А, говоримъ мы, должно существовать и В, но А въ данномъ случаѣ есть, и нѣтъ обстоятельствъ, способныхъ видоизмѣнить результатъ, слѣдовательно есть и В. Исполненіе требованія, соответствующаго этому, совершенно достаточно и для того, чтобы сдѣлать возможнымъ выводъ изъ условныхъ сужденій отъ частей къ агрегату. Мы должны требовать только, чтобы при соединеніи нѣсколькихъ условій въ одинъ агрегатъ при каждомъ изъ нихъ подразумевалось, что въ агрегатѣ нѣтъ обстоятельствъ, способныхъ воздѣйствовать на результатъ, или что условія сопровождаются результатомъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Если мы знаемъ, что въ агрегатѣ это требованіе соблюдено, то нашъ выводъ такъ же надеженъ, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ. И было бы несправедливо утверждать, что въ этомъ случаѣ наше заключеніе перестаетъ быть выводомъ отъ частей къ агрегату, а будетъ непосредственнымъ слѣдствіемъ нашего убѣжденія, что условія не видоизмѣняютъ результатовъ другъ друга. Изъ послѣдняго убѣжденія слѣдуетъ только, что порядокъ фактовъ, характеризуемый, напримѣръ, фактомъ А, берется теперь въ томъ же

видѣ, въ какомъ брался онъ, когда составлялось о немъ частное сужденіе, слѣдовательно, берется въ томъ видѣ, въ какомъ приложимо къ нему его частное опредѣленіе. Но эта мысль предполагается не здѣсь только, но и при всякомъ другомъ выводѣ отъ частей къ агрегату: вездѣ предполагается, что агрегатъ есть простой агрегатъ частей. А между тѣмъ, въ выводномъ сужденіи получается болѣе,— получается, что частное опредѣленіе, пусть и безспорно принадлежащее порядку А, принадлежитъ, въ совокупности съ нѣкоторыми другими, порядку G; для вывода нужна добавочная увѣренность, что порядокъ G представляетъ исключительно соединеніе порядковъ А, В, С, что переносимое опредѣленіе составляетъ фактически существующее въ порядкѣ А содержаніе, то-есть выводъ предполагаетъ соображенія, лежащія въ основаніи всякаго вывода отъ частей къ агрегату. Взвѣсивъ нѣсколько тѣлъ, каждое порознь, мы не затруднимся опредѣлить вѣсъ тѣла, изъ нихъ образовавшагося, и перенесемъ на послѣднее взятая въ совокупности опредѣленія первыхъ, такъ какъ знаемъ, что имѣемъ дѣло съ условіями, которыя не могутъ видоизмѣнять результатовъ другъ друга. Мы можемъ, въ подобныхъ случаяхъ, составлять и обоюдныя сужденія состава и получить изъ нихъ соотвѣтствующіе выводы, А, говоримъ мы, по вѣсу равно С (то-есть давленіе на чашечку вѣсовъ, происходящее въ томъ случаѣ, если на нее положить тѣло А, логически тождественно съ давленіемъ, которое должно произойти, если положить на нее тѣло С), В равно по вѣсу D, слѣдовательно G, агрегатъ изъ А и В, будетъ равно по вѣсу H, агрегату изъ С и D. Если два или нѣсколько условій, которыя не видоизмѣняютъ результатовъ другъ друга, логически совершенно тождественны другъ съ другомъ, то-есть каждое сопровождается совершенно сходнымъ результатомъ съ каждымъ другимъ, тогда намъ нѣтъ ни малѣйшей нужды указывать отдѣльно на каждое изъ нихъ при соединеніи ихъ въ одинъ агрегатъ и о каждомъ объяснить, какой произведетъ оно результатъ; для насъ достаточно сказать, сколько разъ долженъ повториться въ агрегатѣ извѣстный порядокъ фактовъ и какой, каждый разъ, онъ совмѣщаетъ въ себѣ фактъ; за тѣмъ, на основаніи формулы, получится выводъ, что при порядкѣ фактовъ, обнимающемъ столько-то логически тождественныхъ частныхъ порядковъ, должно оказаться столько-то соотвѣтствующихъ частныхъ дѣйствій. Такъ мы опредѣляемъ вѣсъ тѣла, зная вѣсъ одной его части, равной по вѣсу остальнымъ, число которыхъ намъ извѣстно. Такъ опредѣляемъ стоимость товара, зная стоимость од-

ного его аршина или фунта и пр. и число аршинъ, фунтовъ и пр., изъ которыхъ состоитъ онъ. Аршинъ известной матеріи стоитъ столько-то, — это значить, что если приобрести этотъ аршинъ отъ продавца, то необходимо отдать ему столько-то денегъ; если мы убѣждены при томъ, что соединеніе нѣсколькихъ подобныхъ условий не видоизмѣняетъ ихъ результатовъ, то, зная число аршинъ, которое слѣдуетъ намъ купить, то-есть число условий, долженствующихъ сопровождаться известнымъ результатомъ и соединяемыхъ въ одинъ агрегатъ, полагаемъ соответствующее ему число результатовъ, выражающееся въ общей суммѣ денегъ, которыя должны быть заплачены продавцу.

О порядкѣ фактовъ, характеризуемъ известнымъ фактомъ А, мы можемъ составить сужденіе не вполне определенное по предикату; мы можемъ знать только, что въ немъ долженъ быть данъ какой нибудь изъ нѣсколькихъ фактовъ: или С или D или E. Если, сверхъ того, о порядкѣ фактовъ, характеризуемъ фактомъ В, мы знаемъ, что къ нему относится фактъ F, то, принимая G за агрегатъ этихъ порядковъ, мы получаемъ выводное сужденіе, что порядокъ фактовъ G будетъ содержать или С или D или E и, кромѣ того, F. Это послѣднее сужденіе, на основаніи непосредственной очевидности, разрѣшается въ сужденіе: G содержитъ въ себѣ или С и F или D и F или E и F. Если порядокъ В, въ свою очередь, вмѣщаетъ въ себѣ не необходимо F. а или F или H, то въ выходномъ сужденіи мы получимъ, что порядокъ G долженъ вмѣщать въ себѣ или С или D или E и, кромѣ того, или F или H. Это сужденіе, на основаніи непосредственной очевидности, разрѣшается въ слѣдующее: G содержитъ въ себѣ или С и F или D и F или E и F или С и H или D и H или E и H. Когда говорятъ о математической вѣроятности, имѣютъ въ виду или простые случаи расчисленія вѣроятностей, гдѣ рѣшеніе колеблется просто между многими одинаково возможными случаями, или выводы сложные, гдѣ требуется опредѣлить вѣроятность встрѣчи двухъ событій, изъ которыхъ каждое колеблется между нѣсколькими одинаково возможными случаями. Съ простыми случаями мы встрѣтимся при дальнѣйшемъ нашемъ обзорѣ выводовъ на основаніи тождества. Но теперь мы имѣемъ возможность убѣдиться, что сложные случаи расчлененія вѣроятностей соединяютъ въ себѣ два особые вывода; послѣдній изъ этихъ выводовъ представляетъ простой случай расчлененія вѣроятностей, а предварительный выводъ, превращающій сложный случай въ простой, есть не что иное, какъ выводъ отъ частей къ

агрегату. Пусть въ ящикѣ положены три шара: бѣлый, еще бѣлый и черный. Если вынуть одинъ изъ шаровъ, то вынутый долженъ будетъ оказаться или первымъ бѣлымъ, или вторымъ бѣлымъ или чернымъ. Если опять вынуть шаръ, возобновивъ прежнія условія, то-есть положивъ вынутый въ первый разъ шаръ опять въ ящикъ, то получится въ результатѣ то же раздѣленіе. Чтобы разрѣшить вопросъ, на сколько вѣроятно, при этихъ двухъ дѣйствіяхъ, вынутіе послѣдовательно двухъ бѣлыхъ шаровъ, мы беремъ два момента вынутія шара, какъ два условія, соединенныя въ одинъ агрегатъ, въ которомъ члены не одновременны, а слѣдуютъ другъ за другомъ, и приймаемъ, что два раза послѣдовательно вынуты изъ ящика по шару съ восстановленіемъ при второмъ опытѣ условій опыта предшествующаго; затѣмъ переносимъ на этотъ агрегатъ оба слѣдствія также въ послѣдовательномъ порядкѣ и говоримъ, что получится или первый бѣлый шаръ или второй, или черный и, сверхъ того, опять или первый бѣлый или второй или черный. Это сужденіе на основаніи непосредственной очевидности мы превращаемъ въ другое: при высказанномъ соединеніи условій получится или первый бѣлый и потомъ опять первый бѣлый, или второй бѣлый и потомъ первый, или черный и потомъ первый бѣлый, или второй бѣлый и потомъ первый бѣлый, или второй бѣлый и потомъ второй бѣлый и т. д. Такимъ образомъ, въ выводѣ мы получаемъ сужденіе съ дисъюнктивнымъ опредѣленіемъ, состоящимъ изъ девяти членовъ, то-есть случай совершенно аналогичный простому случаю математической вѣроятности, какъ будетъ онъ разъясненъ ниже. Нельзя не удивляться тому, что въ системахъ логики выводы на основаніи математической вѣроятности часто считаются за самостоятельные выводы, а между тѣмъ выводы отъ частей къ агрегату, на которыхъ прямо основываются сложные случаи математической вѣроятности, вовсе не признаются за особую самостоятельную модификацію вывода и возводятся къ теоріи силлогизма. Будущій историкъ логики, безъ сомнѣнія, затруднится разрѣшеніемъ этой загадки.

Наука (механика) знаетъ такіа соединенія условій, которыя, правда, не даютъ въ результатѣ простой суммы дѣйствій, получающихся отъ каждаго изъ нихъ порознь, но даютъ результатъ, который заранѣе можетъ быть рассчитанъ или конструированъ въ мысли. Какъ скоро законы подобнаго соединенія условій извѣстны, получается возможность при объясненіи дѣйствительныхъ фактовъ, совершающихся по этимъ законамъ, пользоваться выводомъ отъ частей къ агрегату.

Происходящее при агрегатѣ условій дѣйствіе, правда, все же нельзя будетъ назвать простой суммой дѣйствій, происходящихъ отъ условій, взятыхъ порознь; но оно замѣняетъ собою эту сумму, мысленно конструируется изъ нихъ и мысленно можетъ быть разложено на нихъ; поэтому мы можемъ смотрѣть на него въ процессѣ вывода такъ, какъ будто бы въ немъ данъ былъ агрегатъ частныхъ дѣйствій и ставить его на мѣсто, принадлежащее агрегату. Превращая гипотетическія сужденія въ категорическія и ставя дѣйствія на мѣсто субъекта, мы легко, въ такомъ случаѣ, получаемъ выводъ по общей формулѣ отъ частей къ агрегату. Мы замѣчаемъ, напримѣръ, известное движеніе и не находимъ причины, которая одна была бы способна вполне разъяснить его; тогда мы смотримъ на него, какъ на замѣняющее собою нѣсколько движеній, на которыя (не фактически, а только) мысленно оно можетъ быть разложено по опредѣленному закону, и если мы находимъ причины, которыя, будучи взяты отдѣльно, произвели бы всѣ эти движенія порознь, то мы переносимъ эти причины на движеніе ихъ замѣняющее.

О предметахъ и событіяхъ, наполняющихъ опредѣленное пространство или время, мы, правда, не можемъ сказать, что они составляютъ части этого пространства или времени; но мы смотримъ на нихъ какъ на нѣчто фактически существующее въ опредѣленномъ мѣстѣ или времени, реально въ нихъ находящееся. Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ съ этой стороны предметы въ пространствѣ и времени представляютъ полную аналогію съ составными частями предмета. А этого совершенно достаточно для того, чтобы, убѣдившись, что известный періодъ времени или известное мѣсто составляетъ чистый агрегатъ нѣсколькихъ меньшихъ періодовъ времени или мѣстъ, получить безспорное право перенести на агрегатъ предметы и событія, найденные въ его частяхъ. Такъ происходятъ заключенія, къ которымъ прибѣгаемъ мы часто, вовсе даже и не думая видѣть въ нихъ выводы, а рассматривая ихъ въ качествѣ сужденій, выражающихъ факты непосредственно данные въ нашемъ воспріятіи. Историкъ относитъ извѣстныя событія на основаніи непосредственнаго свидѣтельства историческихъ памятниковъ къ опредѣленнымъ болѣе или менѣе краткимъ періодамъ времени, изъ которыхъ каждый, такъ или иначе, характеризуется для него въ своей особенности, и за тѣмъ, убѣждался, что самые эти періоды входятъ въ качествѣ частей въ болѣе значительный періодъ времени, характеризуемый, напримѣръ, жизнью того или другаго историческаго дѣятеля или извѣстной группой тѣсно свя-

занныхъ событій, не усумнится, конечно, изученныя имъ событія отнести къ этому болѣе значительному періоду, Мореплаватель встрѣчаетъ землю и, объѣзжая ее вокругъ на своемъ кораблѣ, рѣшаетъ, что это островъ. Это рѣшеніе вовсе не есть простое выраженіе факта, давнаго въ воспріятіи. Воспріяты были лишь части пограничной линіи; лишь сужденія объ этихъ частяхъ выражаютъ непосредственно данное въ воспріятіи. Но рѣшеніе не было и выводомъ индуктивнымъ: представленіе о цѣлой пограничной линіи не есть болѣе общее, болѣе отвлеченное представленіе сравнительно съ представленіями о частяхъ этой линіи: какъ первое, такъ и послѣднія—одинаково конкретныя представленія. Называя землю островомъ, мореплаватель дѣлаетъ выводъ отъ частей къ агрегату, отъ помѣщающагося въ частныхъ мѣстахъ къ помѣщающемуся въ цѣломъ. Каждое мѣсто, характеризующееся той или другою частію границы, очерчивалось въ его воспріятіи, какъ мѣсто, соприкасающееся съ водою, и онъ, убѣдившись, что эти частныя мѣста исчерпываютъ собою всю границу, совершенно справедливо заключаетъ, что вся граница, граница на всемъ своемъ протяженіи соприкасается съ водою. Правда, по точной формулѣ вывода онъ долженъ бы былъ заключить: подлѣ границы помѣщается вода и еще вода и еще вода и т. д., то-есть перенести на агрегатъ всѣ предикаты частныхъ сужденій. Но если онъ этого не дѣлаетъ, то исключительно потому, что имѣетъ дѣло съ такимъ представленіемъ, которымъ одинаково характеризуется какъ часть, такъ и цѣлое; вода обозначаетъ одинаково какъ нѣкоторую часть этого вещества, такъ и цѣлое, составленное изъ многихъ подобныхъ частей. Но будь представленія не таковы, тотчасъ же въ выводномъ сужденіи они явятся другъ подлѣ друга. Если интересъ мореплавателя сосредоточенъ не на томъ только, что соединяется съ представленіемъ о водѣ; если онъ опредѣленнѣе характеризуетъ воду, то какъ такое-то море, то какъ такой-то проливъ, то какъ океанъ, то и въ выводномъ сужденіи выйдетъ, что граница соприкасается частію съ такимъ-то моремъ, частію съ такимъ-то проливомъ, частію съ океаномъ. Вся пограничная линія известной земли соприкасается съ водою, — это положеніе по характеру вывода, какимъ достигнуто оно, совершенно тождественно съ положеніями: Франція сплошь заселена французами, Австрія—Славянами, Пѣмцами и Мадьярами. И послѣднія положенія могли образоваться только изъ частныхъ положеній о частныхъ мѣстностяхъ, которыя, во всей своей совокупности, составляютъ большіе агрегаты, Францію, Австрію; изъ подобныхъ частныхъ сужденій на

эти агрегаты перенесены всѣ, вмѣстѣ взятая, ихъ опредѣленія; а такъ какъ терминъ „Французы“ обозначаетъ тѣ же предметы, что и соединеніе нѣсколькихъ подобныхъ терминовъ „Французы, еще Французы, еще Французы“ и т. д., то соединенные предикаты обозначены однимъ терминомъ. Такъ какъ для выводовъ такого рода нужны не только частныя положенія, но и, кромѣ того убѣжденіе, что субъекты этихъ сужденій сполна исчерпываютъ агрегатъ, то они имѣютъ совершенно то же право назваться выводами, какъ и заключенія, основанныя на полной индукціи.

Много есть такихъ сужденій, которыя, по своему непосредственному смыслу, не говорятъ о фактически данномъ въ предметѣ, а характеризуютъ его отвлеченнымъ понятіемъ, и тѣмъ не менѣе легко могутъ быть истолкованы въ смыслѣ сужденій состава. Мы называемъ предметъ деревяннымъ, металлическимъ и пр., мы называемъ поверхность бѣлой, зеленой и пр. и хорошо знаемъ, что эти характеризующія предметъ или поверхность отвлеченныя понятія одинаково приложимы какъ къ цѣлому предмету, такъ и къ какой угодно части его, а поэтому на подобныя сужденія мы легко можемъ при выводѣ смотрѣть, какъ на сужденія состава, въ которыхъ приписывается предмету неопредѣленное число составныхъ частей, характеризуемыхъ тѣмъ отвлеченнымъ понятіемъ, которое сужденіемъ непосредственно относится къ нему самому; а вслѣдствіе этого, соединяя предметы въ одинъ агрегатъ, мы получаемъ право перенести на агрегатъ характеризованныя отвлеченнымъ понятіемъ части предметовъ, полагая въ агрегатѣ также ихъ неопредѣленное число. Кто изъѣздилъ по всѣмъ направлѣніямъ извѣстную мѣстность и всюду нашелъ черноземную почву и обильную жатву, тотъ сочтетъ себя вправѣ сказать, что вся мѣстность черноземна и плодородна. Вы выходите изъ дому, взглядываете на часть поверхности неба, лежащую предъ вами, и находите ее синюю, оглядываетесь на право, на лѣво и назадъ и замѣчаете тоже; отсюда заключаете, что все, доступное воспріятію, небо сине. Эти выводы сильно напоминаютъ индукцію, такъ какъ терминъ сказуемаго въ выводномъ положеніи оказывается не соединеніемъ терминовъ, данныхъ въ частныхъ сужденіяхъ, а тождественнымъ съ каждымъ изъ нихъ, взятыхъ порознь; тѣмъ не менѣе, выводное сужденіе говоритъ о цѣломъ, а не объ общемъ, и его сказуемое оказывается однимъ терминомъ только вслѣдствіе неопредѣленности этого термина, обозначающаго одинаково и большее и меньшее число частей.

IX.

Выше мы видѣли, что заключенія отъ частныхъ предметовъ къ логической группѣ не ограничиваются тѣми случаями, когда изучены всѣ экземпляры или виды класса. Тоже мы должны сказать и о заключеніяхъ отъ частей къ агрегату. Если мы и не знаемъ того, что фактически содержится въ нѣкоторыхъ изъ частей агрегата, то это нисколько не препятствуетъ намъ отнести къ агрегату то, что нашли мы фактически содержащимся въ извѣстныхъ намъ частяхъ его; мы не будемъ только имѣть въ такомъ случаѣ права утверждать, что нами перечислено все содержащееся въ агрегатѣ. Впрочемъ, это ограниченіе можетъ встрѣтиться и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ сужденія о каждой части агрегата, но не исчерпывающія сполна состава частей. При нашихъ сужденіяхъ о времени, къ которому относимъ предметы и событія, подобное ограниченіе даже неизбѣжно, такъ какъ мы никогда не въ состояніи исчерпать предметовъ и событій, относящихся къ какому бы то ни было періоду времени.

Точно также и при выводахъ изъ обоюдныхъ сужденій состава, если только нѣкоторыя части агрегата намъ удалось отождествить по составу съ извѣстными предметами, мы не можемъ въ выводномъ сужденіи отождествить съ послѣдними цѣлый агрегатъ, а можемъ утверждать только, что онъ былъ бы тождественъ съ ними, еслибы отъ него была отнята нѣкоторая часть. Это мы выражаемъ въ математикѣ, называя агрегатъ большимъ сравнительно съ этими предметами. $A=C$, $B=D$, но A и B составляютъ лишь часть агрегата G ; слѣдовательно, послѣдній болѣе C и D , взятыхъ вмѣстѣ. При сужденіяхъ условныхъ, выводъ отъ нѣкоторыхъ частей къ агрегату будетъ, конечно, подлежать, кромѣ того, тѣмъ ограниченіямъ, каковыми подлежитъ и выводъ отъ всѣхъ частей, то-есть для перенесенія опредѣленія на агрегатъ будетъ необходимо убѣжденіе, что условія, которыхъ результаты извѣстны, не встрѣчаются въ агрегатѣ съ условіями, способными видоизмѣнить эти результаты.

Въ заключеніяхъ отъ нѣкоторыхъ частей къ агрегату еще очевидно та черта, на которую мы указывали при разъясненіи заключеній отъ нѣкоторыхъ членовъ логической группы къ самой группѣ, именно, что истиннымъ субъектомъ выводнаго сужденія служить вся группа или цѣлый агрегатъ. Когда мы въ приведенномъ примѣрѣ говоримъ, что G болѣе $C+D$, совершенно ясно, что субъектомъ суж-

денія служить цѣлый агрегатъ G , который мы хотимъ опредѣлить по его составу при помощи $C+D$,—а не нѣкоторая часть этого G . Составъ которой точно отвѣчалъ бы составу $C+D$.

При описаніи выводовъ отъ частныхъ предметовъ къ логической группѣ мы видѣли возможность случаевъ, когда предикатъ нѣсколькихъ предметовъ можно разсматривать, какъ преимущественный предикатъ группы, даже какъ предикатъ почти исключительно господствующій въ ней. Возможность такой формы вывода обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что одинъ и тотъ же предикатъ можетъ относиться и къ частному предмету и къ группѣ. Только въ виду этого обстоятельства является и самый вопросъ о томъ, нельзя ли предикату, найденному только у нѣкоторыхъ членовъ группы, придать значеніе предиката, относящагося къ цѣлой группѣ. Но въ строгихъ выводахъ отъ частей къ агрегату полный предикатъ агрегата состоятъ изъ вмѣстѣ взятыхъ предикатовъ частей; онъ, слѣдовательно, необходимо возрастаетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа частей, а поэтому соединенные предикаты нѣсколькихъ частей никогда не могутъ стать точнымъ опредѣленіемъ цѣлаго агрегата. Исключеніе составляютъ единственно тѣ случаи, гдѣ содержащееся въ частяхъ характеризуется такъ, что подъ характеристику можетъ подходить одинаково и содержаніе той или другой части въ отдѣльности и содержаніе многихъ частей. Въ такомъ случаѣ, точно такъ же, какъ и при неполной индукціи, мы можемъ наше наблюденіе надъ частями агрегата поставить въ такія условія, чтобы для насъ было ясно, что появленіе въ нашемъ воспріятіи частей, имѣющихъ извѣстный характеристическій признакъ, зависитъ не отъ случайностей наблюденія, а отъ преобладанія такихъ частей въ агрегатѣ; это дастъ намъ возможность изъ наблюденія надъ многими частями агрегата сдѣлать заключеніе относительно цѣлаго агрегата, конечно, со всѣми тѣми ограниченіями, которыя соотвѣтствуютъ ограниченіямъ выводовъ на основаніи неполной индукціи. Путешественнику нѣтъ никакой необходимости обозрѣвать каждую частную мѣстность страны, видѣть всѣхъ жителей города, чтобы составить сужденія объ общемъ плодородіи страны, о преобладающемъ населеніи города. Здѣсь опять выводы отъ частей къ агрегату сближаются съ выводами отъ членовъ логической группы къ группѣ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о заключеніяхъ отъ частей къ агрегату, намъ остается сдѣлать замѣчаніе о выводахъ изъ отрицательныхъ сужденій. Мы можемъ знать, что въ предметѣ чего нибудь

вовсе не находится; если теперь того же мы не найдемъ и въ нѣсколькихъ другихъ предметахъ, то мы будемъ въ правѣ заключить объ отсутствіи этой вещи или явленія въ агрегатѣ, состоящемъ единственно изъ этихъ предметовъ. Если же мы чтонибудь исключимъ лишь изъ нѣкоторыхъ частей агрегата, то отсюда можемъ вывести только, что эта вещь или явленіе не можетъ составлять агрегата всецѣло. Впрочемъ, послѣдній выводъ, очевидно, приложимъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда вещи, которыхъ не находимъ въ частяхъ, характеризуются не такъ, что подъ характеристику одинаково можетъ подойти и нѣсколько и много вещей. Примѣрами перваго рода выводовъ могутъ служить наши обыкновенныя заключенія объ отсутствіи опредѣленной вещи въ какомънибудь болѣе или менѣе обширномъ районѣ послѣ тщательнаго изслѣдованія каждой изъ частей, составляющихъ этотъ районъ. Еслибы мы въ опроверженіе мысли, что Германія населена исключительно тевтонскимъ племенемъ, сослались на познательскую область, то мы имѣли бы примѣръ отрицательныхъ выводовъ втораго рода.

Наиболѣе обыкновенныя обоюдныя сужденія состава, сужденія математическія, вовсе не допускаютъ отрицательныхъ опредѣленій въ томъ смыслѣ, какой требуется формулой. Утверждая, что А не равно В, мы никакъ не утверждаемъ, что въ А нѣтъ частей, логически тождественныхъ съ частями В, а утверждаемъ только, что ихъ не столько, сколько въ В. Говоря, что А не равно В, мы не только не утверждаемъ, что въ А нѣтъ чегонибудь, тождественнаго съ В, но, наоборотъ, прямо подразумеваемъ, что можетъ быть въ немъ есть все то, что и въ В, и еще нѣчто сверхъ того. Поэтому сужденія о неравенствѣ, разсматриваемыя въ качествѣ сужденій, замѣняющихъ перечень фактически содержащагося въ предметѣ, будутъ не отрицательными, а утвердительными сужденіями съ дисъюнктивнымъ опредѣленіемъ, въ которомъ каждый изъ членовъ дисъюнкціи недостаточно точно обозначаетъ составъ вещи помощью другаго предмета. Признать А не равнымъ В,—это значитъ признать его болѣе или меньшимъ В, то-есть поставить въ опредѣленіи вмѣсто одного два предиката, представляющіе дисъюнкцію, и притомъ поставить такіе предикаты, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ недостаточно опредѣленъ и предполагаетъ для своей опредѣленности или нѣкоторую прибавку къ В или нѣкоторый вычетъ изъ него. Выше мы говорили, что эту неопредѣленность мы всегда можемъ устранить, по крайней мѣрѣ формально, прибавкой къ В или вычетомъ изъ нея неопредѣлен-

ной величины (X или Y и пр.), принятой въ качествѣ опредѣленной. Тогда опредѣленіе (не равно B) приметъ видъ дисъюнкции съ опредѣленными членами (равно или $B+X$ или $B-X$) и сужденіе получить право занимать мѣсто въ выводѣ въ качествѣ утвердительнаго сужденія.

Х.

Какъ съ частныхъ предметовъ, на основаніи тождества, можно переносить опредѣленіе на логическую группу и на агрегатъ, такъ и съ логической группы и агрегата, на томъ же самомъ основаніи, можно переносить опредѣленіе на частные предметы. Остановимся предварительно на перенесеніи опредѣленія съ логической группы на частный предметъ.

Когда мы говорили о перенесеніи опредѣленія съ частныхъ предметовъ на группу, мы имѣли случай уже видѣть, что опредѣленіе группы имѣетъ двоякій видъ: оно или указываетъ, будетъ ли то, свойство или отношеніе, дѣйствительно принадлежащее каждому члену группы порознь, или представляетъ только перечень понятій, изъ которыхъ какое нибудь одно необходимо указываетъ на дѣйствительно принадлежащее какому угодно члену группы свойство или отношеніе. Какъ скоро мы имѣемъ случай перваго рода, задача вывода не представляетъ никакой сложности. Хотя предикатъ въ сужденіи о группѣ есть предикатъ всей группы, но такъ какъ онъ, по самому характеру этого рода сужденій, есть предикатъ каждаго члена группы въ отдѣльности, то признавъ какой нибудь частный предметъ реально тождественнымъ съ однимъ изъ членовъ группы, мы получаемъ право перенести на него опредѣленіе группы. А такъ какъ это опредѣленіе прямо указываетъ на дѣйствительно принадлежащее члену свойство или отношеніе, то задача вывода, очевидно, разрѣшена вполне. Это тотъ выводъ, который называется первой фигурой категорическаго силлогизма.

Первую фигуру категорическаго силлогизма не разъ обвиняли въ *petitio principii*. Чтобы оградить себя отъ смѣшенія понятій, мы должны, прежде всего, выдѣлить изъ случаевъ, подводимыхъ подъ понятія о *petitio principii*, такіе, о которыхъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, но которые легко приходятъ на мысль при спорахъ о силлогизмѣ и усложняютъ эти споры. Въ *petitio principii* можно, между прочимъ, обвинять такіе выводы, въ которыхъ сужденіе доказывающее само пуждалось бы въ выводномъ сужденіи для доказательства

своей истинности. Силлогизмъ первой фигуры можно бы было обвинять въ подобномъ недостаткѣ лишь въ томъ случаѣ, еслибы сужденіе о группѣ, изъ котораго дѣлается выводъ, не могло быть доказано иначе, какъ при помощи перечисленія всѣхъ предметовъ, относящихся къ группѣ, и перенесенія съ нихъ предиката на группу, то есть еслибы общія положенія могли доказываться не иначе, какъ на основаніи полной индукціи. На дѣлѣ бываетъ наоборотъ: общія положенія очень не часто доказываются при полной индукціи. Впрочемъ, не всегда и положеніе, доказанное чрезъ полную индукцію, предполагаетъ *petitio principii* при выводѣ изъ него частнаго положенія. Только тѣ общія положенія, которыя выводятся чрезъ перечисленіе всѣхъ экземпляровъ (что случается очень рѣдко), не допускаютъ вывода изъ нихъ положеній частныхъ. Но перечислиться при полной индукціи могутъ не экземпляры, а виды; отпесеніе же предикатовъ къ каждому изъ видовъ можетъ быть сдѣлано на основаніи какой нибудь другой формулы вывода. Въ такомъ случаѣ, безчисленное множество экземпляровъ, принадлежащихъ къ видамъ, не будутъ имѣть никакого отношенія къ доказательству общаго сужденія о классѣ, а поэтому и сужденія объ этихъ экземплярахъ могутъ быть выводимы изъ сужденія о классѣ. Изъ всего этого ясно, что примѣненіе первой силлогистической фигуры не ведетъ само по себѣ неизбѣжно къ *petitio principii* въ высказанномъ смыслѣ, и что даже существуетъ очень не много общихъ положеній, которыя рѣшительно не допускаютъ выводъ по этой фигурѣ. Упрекая силлогизмъ въ *petitio principii*, имѣютъ собственно въ виду другую форму этого недостатка, которая состоитъ не въ томъ, что выводное сужденіе необходимо для доказательства посылки, а въ томъ, что оно просто заключается въ самой посылкѣ, что мы не выводимъ его изъ посылки, а уже имѣемъ въ ней. Общее сужденіе, говорятъ, необходимо предполагаетъ истинность частнаго и мы не могли бы первое признать вѣрнымъ, еслибы сомнѣвались въ истинности послѣдняго, а потому выводите послѣднее изъ перваго—значитъ выводите то, что уже предполагалось при признаніи истинности перваго. Если эту мысль высказать честно и опредѣленно, то изъ нея можно будетъ сдѣлать слѣдующій выводъ: когда кто нибудь утверждаетъ, на примѣръ, что всѣ люди смертны, то его положеніе, выраженное точно, означаетъ: Адамъ, Ева, Каинъ, Авель и т. д. до полного перечисленія всѣхъ существовавшихъ, теперь существующихъ и имѣющихъ существовать въ будущее время людей, смертны. Позволительно усумнить-

ся, чтобы ктонибудь серьезно рѣшился утверждать чтонибудь подобное. Всѣ люди смертны,—это просто значить, всѣ существа, отличающіяся признаками, которыя соединяются съ терминомъ чловѣкъ, должны быть смертны. А если это такъ, то, очевидно, ни о какомъ Кай, Василю, Семенѣ въ сужденіи нѣтъ рѣчи. Кай, Василю, Семенѣ, и пр. вообще всѣ тѣ люди, непосредственно знакомство съ которыми не было необходимо для нашего убѣжденія въ смертности чловѣческаго рода, впервые получаютъ въ нашихъ глазахъ право на этотъ предикатъ лишь вслѣдствіе убѣжденія нашего въ томъ, что они подходятъ подъ признаки, соединяющіеся съ терминомъ чловѣкъ, что они составляютъ члены логической группы, съ которой соединенъ у насъ предикатъ смертности. Избитый примѣръ первой фигуры категорическаго силлогизма слишкомъ неудобенъ для того, чтобы выяснить на немъ смыслъ формулы. Кай не вызываетъ въ насъ никакого представленія, кромѣ представленія о нѣкоторомъ чловѣкѣ, которое, конечно, уже заключается въ понятіи о всѣхъ людяхъ; даже указаніе на опредѣленную личность, которая выступаетъ въ нашемъ сознаніи съ индивидуальными чертами, всегда такъ тѣсно связано въ немъ съ представленіемъ чертъ чловѣка, что предметъ заключенія всегда кажется членомъ группы, въ ней уже понимающимся. Но возьмемъ другой примѣръ. Вы знаете, что люди, страдающіе въ значительной степени порокомъ сердца, недолговѣчны; докторъ, которому вы имѣете всякое основаніе вѣрить, говоритъ о какомънибудь вашемъ знакомомъ, что онъ страдаетъ этою болѣзнію, и вы заключаете, что онъ недолговѣченъ. Спрашивается: заключалось ли въ вашемъ общемъ сужденіи: страдающіе такою-то болѣзнію не долговѣчны, частное сужденіе, что NN не долговѣченъ? Содержалось ли въ понятіи о людяхъ, страдающихъ этою болѣзнію, понятіе объ NN? Еслибы оно содержалось, то вы бы сумѣли убѣдиться въ вашемъ выводномъ сужденіи и безъ факта, сообщеннаго вамъ докторомъ. Оспаривающіе значеніе силлогизма первой фигуры говорятъ: мы не можемъ быть убѣждены въ общемъ положеніи, если сомнѣваемся въ частномъ случаѣ, подъ него подходящимъ; если же частный случай представляется требующимъ доказательства, слѣдовательно сомнительнымъ, то сомнительно должно быть и общее положеніе и выводъ изъ него невозможенъ. Но сомнѣніе существуетъ не въ отношеніи предиката къ экземпляру класса, какъ экземпляру класса, а въ отношеніи его къ предмету, являющемуся предъ сознаніемъ съ опредѣленными характеристическими чертами, которыми, сами по себѣ,

могутъ не имѣть никакого отношенія къ чертамъ, характеризующимъ классъ. Въ представленномъ сейчасъ примѣрѣ вы дѣлаете предметомъ вывода не недолговѣчность одного изъ группы людей, страдающихъ извѣстною болѣзнію, это для васъ безспорно, если безспорно общее сужденіе о цѣлой группѣ; только формальная логика можетъ видѣть что нибудь кромѣ пустословія въ выводахъ: всѣ люди смертны, слѣдовательно, одинъ или нѣкоторые люди тоже смертны. Предметомъ вашего вывода служитъ мысль о недолговѣчности NN, который характеризуется въ вашихъ глазахъ, какъ вашъ знакомый, извѣстный вамъ по своей фигурѣ, чертамъ лица, внутреннимъ расположеніямъ и пр. подобное. И какъ скоро вы приписываете ему, на основаніи свидѣтельства доктора, извѣстную болѣзнь, ваше сомнѣніе кончается и предикатъ недолговѣчности соединяется съ предметомъ, характеризованнымъ въ вашихъ глазахъ извѣстной фигурой и пр. Что NN не долговѣченъ, это не частный случай, заключающійся въ сужденіи о группѣ, не случай, принимаемый въ немъ за извѣстный, не случай, подразумеваемый въ немъ, это совершенно особое положеніе, которое становится въ связь съ сужденіемъ о классѣ впервые чрезъ меньшую посылку, чрезъ приурочаніе къ NN чертъ группы. Противники силлогизма говорятъ, что силлогизмъ можетъ доказывать лишь то, что заключается (не въ общемъ сужденіи о группѣ, а вообще) въ обѣихъ его посылкахъ. Что хотятъ сказать этимъ? Хотятъ ли сказать, что выводное сужденіе въ собственномъ смыслѣ дано, существуетъ въ посылкахъ? Но его въ нихъ нѣтъ, соединеніе посылокъ только приводитъ мысль къ нему, то-есть посылки только признаются мыслию совершенно достаточными для того, чтобы доказать его. Заключение есть новое положеніе въ отношеніи къ большей посылкѣ, такъ какъ оно переноситъ предикатъ этой посылки, правда, на одинъ изъ тѣхъ же реальныхъ предметовъ, о которыхъ говоритъ посылка, но этотъ предметъ въ немъ характеризуется иначе, поэтому для нашей мысли есть новый предметъ; заключение есть новое сужденіе и въ отношеніи къ меньшей посылкѣ, такъ какъ приписываетъ, правда, одному съ ней предмету, но новый предикатъ. Можно знать нужны посылки и не имѣть выводнаго сужденія, какъ это очень часто бываетъ въ дѣйствительности, когда посылки даны въ нашемъ знаніи разновременно и мы не имѣли повода и интереса взаимно сопоставить ихъ и слышать мысли, въ нихъ заключающіяся. Если же можно имѣть посылки и не имѣть заключенія, то говорить, что заключеніе прямо и непосредственно дано въ посылкахъ, значитъ злоупотреблять словами. Хо-

часть ссн, отд. 2.

тять ли сказать, что силлогизмъ не есть выводъ, потому что здѣсь достаточно имѣть два извѣстныхъ сужденія для того, чтобы, не нуждаясь въ фактическомъ подтвержденіи третьяго сужденія, путемъ простаго сопоставленія въ мысли первыхъ двухъ безспорно убѣдиться въ третьемъ? Но это значило бы утверждать, что силлогизмъ не есть выводъ, потому что онъ есть выводъ. Вѣдь выводомъ и можно назвать только ту операцію мысли, когда мы, не нуждаясь въ фактическомъ подтвержденіи извѣстнаго сужденія, убѣждаемся въ немъ путемъ сопоставленія въ мысли уже извѣстныхъ намъ положеній. Вѣдь и въ выводѣ $A=B$, $B=C$, слѣдовательно $A=C$, мы также для убѣжденія въ выводномъ сужденіи $A=C$ ни въ чемъ не нуждаемся, кромѣ мысленнаго сопоставленія сужденій $A=B$, $B=C$ и уясненія соотношенія между ними.

Изложенный нами выше взглядъ на условныя сужденія даетъ возможность видѣть въ положительной формѣ условнаго силлогизма примѣненіе той же самой формулы, къ которой относится первая фигура категорическаго силлогизма. Какъ предметъ категорическаго сужденія можетъ оказаться членомъ группы, которой приписано нами извѣстное опредѣленіе, точно также извѣстнымъ образомъ характеризованный порядокъ фактовъ или отношеній можетъ оказаться членомъ логической группы подобныхъ же порядковъ фактовъ или отношеній, о которой составлено у насъ сужденіе; и въ послѣднемъ случаѣ мы получаемъ такое же право, какъ и въ первомъ, перенести на частный порядокъ фактовъ фактъ, отнесенный нами къ логической группѣ. Мы знаемъ, что за продолжительнымъ послѣдовательнымъ пониженіемъ ртути въ барометрѣ слѣдуетъ ненастье; мы замѣчаемъ, что въ послѣдніе дни давнѣ подобный случай пониженія барометра то-есть, что порядокъ фактовъ, характеризующійся въ нашей мысли событіями, ближайшими къ настоящему моменту, долженъ быть признанъ однимъ изъ членовъ группы, характеризованной въ предшествующемъ сужденіи, и мы переносимъ съ этой группы фактъ (ненастье) на настоящій порядокъ фактовъ; мы знаемъ, что при пересѣченіи параллельныхъ линий прямой углы наискось лежащіе равны; знаемъ, за тѣмъ, что при проведеніи діагонали въ параллелограммѣ окажется именно пересѣченіе параллельныхъ линий прямой и отсюда заключаемъ, что и въ послѣднемъ порядкѣ отношеній окажется то же отношеніе, что и въ первомъ, то-есть равенство угловъ наискось лежащихъ.

XI.

Непосредственное примѣненіе закона причинности къ явленіямъ даетъ возможность составлять сужденія о группахъ, отличающіея совершенно особымъ характеромъ. Въ извѣстномъ частномъ предметѣ, подъ вліяніемъ какихъ-либо обстоятельствъ, происходитъ опредѣленное явленіе. На основаніи одного закона причинности мы имѣемъ право заключить отсюда, что еслибы былъ данъ совершенно подобный предметъ, то при тѣхъ же обстоятельствахъ повторилось бы то же явленіе (то-есть логически тождественное съ прежнимъ). Но въ этомъ видѣ высказанное общее сужденіе, какъ замѣчали мы уже выше, не можетъ послужить посылкой для точнаго вывода о другихъ предметахъ. Оно требуетъ безусловнаго сходства между двумя предметами во всѣхъ отношеніяхъ, а наше знаніе никогда не достигаетъ такой полноты, чтобы могло назваться всестороннимъ познаніемъ предмета. Есть соображеніе, которое, повидимому, ослабляетъ значеніе этого затрудненія. Изъ нашихъ наблюденій надъ дѣйствительностію мы хорошо знаемъ, что явленіе въ предметѣ очень рѣдко стоитъ въ зависимости отъ всѣхъ возможныхъ его свойствъ, но большей же части лишь отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ что многія другія могли бы быть измѣнены, замѣнены новыми и явленіе все же послѣдовало бы. Поэтому намъ нѣтъ, повидимому, необходимости требовать, чтобы новый предметъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенно подобенъ уже изслѣдованному нами; достаточно, если онъ будетъ сходенъ съ нимъ въ нѣкоторыхъ. Это послѣднее общее положеніе могло бы сдѣлаться посылкой строгаго вывода къ частному предмету лишь въ томъ случаѣ, если бы были выдѣлены и точно характеризованы тѣ „нѣкоторыя“ свойства предмета, которыя нужны для возникновенія изучаемаго явленія. Но какъ скоро они были бы дѣйствительно выдѣлены и точно характеризованы, то наше сужденіе о группѣ перестало бы отличаться отъ другихъ подобныхъ сужденій; оно говорило бы уже не о каждомъ предметѣ, подобномъ извѣстному предмету, а о предметѣ, характеризованномъ извѣстными опредѣленіями; специфическій характеръ случая исчезъ бы. Если же „нѣкоторыя“ свойства, нужны для возникновенія явленія, останутся неопредѣленными, то строгій выводъ, очевидно, окажется не возможнымъ, такъ какъ, при сходствѣ новаго предмета съ изслѣдованнымъ въ нѣкоторыхъ чертахъ, все же останется вопросомъ, тѣ ли это черты, которыя необходимы для возникновенія явленія. Такимъ

образомъ ограниченіе требуемаго сходства съ извѣстнымъ предметомъ лишь нѣкоторыми чертами, если общее положеніе должно сохранить свой специфическій характеръ, не облегчить возможность вывода точнаго. Однако, въ иномъ свѣтѣ представится это дѣло, если мы будемъ имѣть въ виду выводъ только предположительный, гадательный, который бы имѣлъ все-таки свое понятное для мысли оправданіе. Мы говоримъ, что если данъ предметъ, сходный съ предметомъ G въ нѣкоторыхъ (точно не опредѣленныхъ) чертахъ, то должно при извѣстныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ произойти явленіе B. Въ этомъ условномъ сужденіи заключаются двѣ мысли. Во первыхъ, мы признаемъ, что G имѣетъ много разнообразныхъ опредѣленій C, D, E, F, H и пр., изъ которыхъ одни намъ извѣстны, другія могутъ быть неизвѣстны; во вторыхъ, мы утверждаемъ, что существуетъ цѣлый рядъ возможныхъ комбинацій этихъ опредѣленій (напримѣръ, D и E или E и F или DGH и т. д.), изъ которыхъ каждая можетъ оказаться достаточною для произведенія явленія B. Сличимъ теперь предметъ A и за тѣмъ предметъ N съ нашимъ предметомъ G. Пусть, по сличеніи, мы нашли, что N сходенъ съ G только въ опредѣленіяхъ D, E, F, а A не только въ этихъ опредѣленіяхъ, но и въ опредѣленіяхъ C и H. Ни объ A ни объ N мы не будемъ, конечно, въ состояніи рѣшительно утверждать, что въ нихъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, произойдетъ явленіе B; однако, мы не можемъ не замѣтить, что сужденіе „A произведетъ явленіе B“ имѣетъ преимущество предъ подобнымъ же сужденіемъ объ N, такъ какъ первое окажется истиннымъ не только въ тѣхъ случаяхъ, когда оказалось бы вѣрнымъ и послѣднее, т. е. когда нужная для произведенія B комбинація опредѣленій ограничивалась бы опредѣленіями D, E, F, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда сужденіе объ N оказалось бы ложнымъ, т. е. когда нужная для явленія B комбинація потребовала бы также какого нибудь изъ опредѣленій C, H. Если теперь изъ всѣхъ предметовъ природы, намъ извѣстныхъ, мы можемъ видѣть нѣкоторые, которые будутъ сходны съ предметомъ G не только въ свойствахъ, въ которыхъ сходны съ нимъ и другіе предметы, но имѣютъ еще рядъ особыхъ сходствъ, слѣдовательно болѣе сходны съ нимъ, чѣмъ какой бы то ни было другой предметъ, то при нашихъ попыткахъ узнать предметы, производящіе явленіе B, мы должны будемъ обратиться прежде всего къ этимъ предметамъ, такъ какъ мы знаемъ, что въ нихъ не только встрѣтимъ это явленіе, если встрѣтимъ его въ какихъ нибудь другихъ, но можемъ встрѣтить даже и тогда, когда не встрѣтимъ его въ

другихъ. Такимъ образомъ, сужденіе, въ которомъ группа характеризуется не отвлеченнымъ понятіемъ, а указаніемъ на конкретный предметъ, хотя никогда не даетъ точнаго вывода къ частнымъ предметамъ, однако даетъ опредѣленные указанія на то, о какихъ предметахъ, въ предѣлахъ существующаго знанія, можно утверждать, что они, сравнительно съ другими предметами, имѣютъ наибольшее право претендовать на опредѣленіе группы. Формула вывода, очевидно, будетъ слѣдующая: предметы, сходные съ G по нѣкоторымъ, точно неопредѣленнымъ, свойствамъ должны производить явленіе B , но изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ предметовъ о предметѣ (или предметахъ) A , вслѣдствіе наибольшаго сходства съ G , мы имѣемъ, сравнительно, наибольшее основаніе предполагать, что онъ (или они) подойдетъ подъ очерченную группу, слѣдовательно имѣемъ и наиболѣе права ожидать встрѣтить въ немъ (или въ нихъ) явленіе B .

Значеніе этого вывода въ наукѣ состоитъ преимущественно въ томъ, что онъ указываетъ путь наблюдателю или экспериментатору при изслѣдованіи явленія, подмѣченнаго въ извѣстномъ предметѣ; если нѣтъ какихъ-либо основаній ставить явленіе въ связь съ опредѣленными свойствами предмета, высказанный выводъ всегда заставитъ изслѣдователя дѣлать наблюденія или опыты надъ предметами, всего ближе сродными съ тѣмъ, въ которомъ явленіе подмѣчено, и за тѣмъ съ строгою постепенностію разнообразить условія опыта. Но если случай такого рода, что экспериментъ не возможенъ, а наблюденіе или не можетъ рѣшить вопроса или возможно только надъ однимъ предметомъ, тогда выводъ долженъ оставаться въ качествѣ болѣе или менѣе правдоподобной догадки. И эта догадка важна потому, что сосредоточиваетъ вниманіе мысли на проблемматически выведенномъ сужденіи и побуждаетъ доискиваться какихъ-либо косвенныхъ подтвержденій или опроверженій ея, то-есть составляетъ исходный пунктъ для новыхъ изслѣдованій и соображеній, всегда плодотворныхъ для знанія. Таковъ, напримѣръ, гадательный выводъ о существованіи растительной жизни на Марсѣ на основаніи болѣе значительнаго сходства этой планеты съ землею, которая соединяетъ въ себѣ условія для растительной жизни.

Выводы этого рода называютъ выводами по неполной аналогіи; только характеризуютъ ихъ обыкновенно иначе. Обыкновенно думаютъ, что въ выводахъ по аналогіи мы заключаемъ просто отъ сходства двухъ предметовъ въ нѣкоторыхъ свойствахъ къ существованію у одного изъ нихъ еще инаго свойства, замѣченнаго нами у другаго. Но

при помощи подобной формулы можно доказать какую угодно нелѣпость. Какъ бы сходны предметы ни были, они всегда предполагають и нѣкоторыя отличія; поэтому утверждать, что отъ сходства предметовъ въ нѣкоторыхъ свойствахъ всегда можно съ вѣроятностію заключать къ сходству ихъ въ другихъ, значить, прямо и сознательно, обречь себя на цѣлую массу заблужденій. Едва ли пособляютъ дѣлу, когда прибавляютъ требованіе, чтобы замѣченное сходство между предметами касалось существенныхъ сторонъ. Трудно подыскать два предмета такъ сходные между собою относительно самыхъ существенныхъ признаковъ, какъ два листа того же дерева или двѣ лампы, сдѣланныя изъ одного и того же матеріала и по одному и тому же образцу; однако едва ли кто рѣшится утверждать, что одинъ листъ имѣетъ оторванный кончикъ или что одна лампа зажжена на томъ основаніи, что то же подмѣтилъ на другомъ листѣ или на другой лампѣ. Для вывода необходимо, чтобы явленіе, о существованіи котораго въ извѣстномъ предметѣ идетъ рѣчь, стояло въ причинной зависимости отъ свойствъ другаго предмета, то-есть чтобы существовало общее сужденіе, связанное съ конкретнымъ предметомъ, и сходство между предметами, о которомъ говоритъ меньшая посылка, есть всегда сравнительное наибольшее родство ихъ другъ съ другомъ. Неполная аналогія есть выводъ отъ группы къ частному предмету, но отъ группы, которая характеризуется не отвлеченными представленіями, а указаніемъ на экземпляръ, а поэтому меньшая посылка можетъ быть лишь проблематической, можетъ имѣть въ виду лишь сравнительныя права извѣстнаго частнаго предмета на то, чтобы быть причисленнымъ къ группѣ.

ХІІ.

Какъ чрезъ индукцію (не полную), такъ и чрезъ другіе выводы могутъ быть приобрѣтаемы сужденія о группѣ [съ составнымъ опредѣленіемъ, имѣющія право стать посылками въ выводахъ къ частнымъ предметамъ. Когда мы говоримъ о членѣ группы просто какъ о членѣ группы, тогда составное опредѣленіе не только вполне законно, но и совершенно точно выражаетъ сущность дѣла, такъ какъ къ предмету, характеризованному чертами группы, въ дѣйствительности оказываются приложимы соединенные въ опредѣленіи разнообразныя предикаты. О человѣкѣ, какъ о человѣкѣ, если мы хотимъ его опредѣлить по цвѣту кожи, не только можно, но и должно сказать, что онъ, или бѣлаго цвѣта, или чернаго, или желтаго и т. д.

Но при нашихъ выводахъ отъ группы къ частному предмету выводное сужденіе имѣетъ дѣло съ предметомъ, характеризованнымъ своими особыми чертами. А подобный предметъ въ дѣйствительности не колеблется уже между нѣсколькими конкурирующими одинъ съ другимъ предикатами, онъ на дѣлѣ имѣетъ одинъ изъ нихъ, а поэтому приложеніе къ нему нѣсколькихъ предикатовъ, въ качествѣ возможныхъ его опредѣленій, будетъ не точнымъ его опредѣленіемъ. О жителяхъ какого нибудь малоислѣдовавшаго острова, конечно, можно сказать, что они или бѣлаго цвѣта или чернаго и т. д., но это составное опредѣленіе, неизбежное при опредѣленіи по цвѣту человѣка, какъ члена группы, окажется очень неточной и неопредѣленной характеристикой жителя такаго-то острова. Исчезаетъ ли въ этихъ случаяхъ возможность воспользоваться имѣющимся сужденіемъ о группѣ для достиженія точнаго опредѣленія частнаго предмета? Одно сужденіе о группѣ, конечно, будетъ недостаточно для этой цѣли, но служить ей оно можетъ. Нужный намъ предикатъ частнаго предмета все же необходимо заключается въ сужденіи о группѣ: только онъ соединенъ здѣсь съ другими предикатами въ качествѣ одного изъ возможныхъ опредѣленій въ ряду другихъ. Стоитъ только намъ найти основаніе для исключенія этихъ послѣднихъ, то есть убѣдиться въ томъ, что они не принадлежатъ интересующему насъ частному предмету, и мы можемъ перенести оставшіяся предикаты на этотъ предметъ въ качествѣ точнаго его опредѣленія. Выводъ нашъ, очевидно, усложнится; въ него внесется новый элементъ—выдѣленіе извѣстныхъ предикатовъ. Но сужденіе о группѣ, отождествленіе предмета съ членами группы для вывода останутся необходимы, такъ какъ безъ нихъ одно убѣжденіе въ несуществованіи у предмета извѣстныхъ предикатовъ, не могло бы привести насъ къ мысли, что онъ имѣетъ такое-то опредѣленіе. Нашъ выводъ останется по прежнему перенесеніемъ предиката съ группы на частный предметъ, такъ какъ предикатъ, приписанный предмету, будетъ взятъ нами не изъ какого нибудь другаго источника, а изъ опредѣленія группы. Однимъ словомъ, мы имѣемъ здѣсь общія типическія черты характеризуемыхъ нами процессовъ вывода лишь съ нѣкоторымъ усложненіемъ, на которое вызываютъ измѣнившіяся условія вывода. Полная формула этого вывода будетъ слѣдующая: G (группа) есть или B или C или D; но A (частный предметъ) относится къ G и не можетъ быть ни C, ни D; слѣдовательно, оно есть B.

Характеризуя эту модификацію вывода, мы имѣемъ дѣло съ такъ

называемымъ раздѣлительнымъ силлогизмомъ. Различіе нашей формулы отъ общепринятой состоитъ въ томъ, что обыкновенно сужденіе о группѣ съ составнымъ предикатомъ (G есть или B или C или D) и сужденіе, отождествляющее частный предметъ съ группой (A есть G), замѣняютъ раздѣлительнымъ сужденіемъ о частномъ предметѣ (A есть или B или C или D). Это частное раздѣлительное сужденіе должно бы было быть прямымъ выводомъ изъ сужденій, которыя оно замѣняетъ, еслибы не было усложняющей дѣло посылки (A не есть ни C ни D). Такимъ образомъ, одинъ цѣльный выводъ обыкновенно въ системахъ логики дробится на два: на выводъ предварительный изъ сужденія о группѣ съ составнымъ опредѣленіемъ къ подобному же сужденію о частномъ предметѣ (G есть или B или C или D, но A есть G, слѣдовательно A есть или B или C или D) и на раздѣлительный силлогизмъ, заключающій отъ частнаго раздѣлительнаго сужденія къ сужденію категорическому. При этомъ первый выводъ обыкновенно совсѣмъ игнорируется и это игнорированіе стоитъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что логика не знаетъ вовсе индукціи, дающей составной предикатъ и не знаетъ, что составной предикатъ есть всегда, въ собственномъ смыслѣ, предикатъ группы и можетъ быть приписать частному предмету лишь путемъ перенесенія его съ группы. Самое раздробленіе одного вывода на два, правда, ни къ какимъ ошибкамъ при примѣненіи формулы къ дѣлу не ведетъ, но все же одобрено быть не можетъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, оно даетъ поводъ забывать, что въ раздѣлительномъ силлогизмѣ процессъ мысли направляется отъ группы къ частному предмету, что составное опредѣленіе есть въ собственномъ смыслѣ опредѣленіе группы (сознаніе этого, впрочемъ, уже является въ литературѣ логики). Во-вторыхъ, оно запутываетъ ученіе о выводахъ: раздѣлительный силлогизмъ не можетъ найти себѣ мѣста въ системѣ выводовъ. Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, что въ то время, какъ категорическій силлогизмъ представляетъ стройную и замкнутую въ себѣ систему, а силлогизмы условные выдаютъ параллелизмъ своихъ формъ съ формами категорическаго силлогизма, одинъ раздѣлительный силлогизмъ стоитъ совершенно внѣ всякой связи съ этой системой, особнякомъ, не имѣя ни формъ себѣ параллельныхъ, ни ясно опредѣленнаго отношенія къ другимъ формамъ и даже къ основному ученію о среднемъ терминѣ.

Самыми интересными примѣрами примѣненія усложненной формулы вывода отъ логической группы къ частному предмету бесспорно

нужно назвать тѣ случаи, гдѣ выдѣленіе предикатовъ, не относящихся къ этому предмету, совершается при помощи также вывода отъ группы къ тому же предмету, такъ что весь процессъ доказательства, вмѣстѣ съ доказательствомъ исключяющей посылки, оказывается простымъ результатомъ перенесенія на частный предметъ опредѣленій только не съ одной, а съ двухъ группъ, подъ которыя онъ послѣдовательно подводится. Предположимъ, что мы хотимъ найти точный предикатъ предмета А и для этого относимъ его къ извѣстной группѣ G, о которой мы имѣемъ сужденіе съ составнымъ опредѣленіемъ (или В или С или D). Намъ предстоитъ выдѣлить не пригодные для нашей цѣли предикаты; для этого нужно сличить составное опредѣленіе съ нашимъ предметомъ и разсмотрѣть, не окажутся ли нѣкоторые изъ предикатовъ несогласными или прямо съ тѣмъ, что намъ уже извѣстно объ этомъ предметѣ, или съ какими нибудь другими нашими свѣдѣніями, которыя можно поставить въ связь съ нашимъ знаніемъ о предметѣ вывода. Въ послѣднемъ случаѣ, этотъ особый процессъ доказательства исключяющей посылки можетъ быть очень сложенъ. Но возможны и такіе случаи, гдѣ какой нибудь изъ извѣстныхъ уже намъ признаковъ (напримѣръ Н) предмета А окажется прямо не согласимъ съ нашей попыткой приписать этому предмету извѣстные предикаты С и D. Но сказать, что извѣстный признакъ Н не дозволяетъ отнести къ предмету А извѣстные предикаты можно лишь въ томъ случаѣ, когда безспорно, что всѣ предметы, которые имѣли бы этотъ признакъ, не могутъ имѣть этого предиката. Это послѣднее сужденіе будетъ, очевидно, сужденіемъ о группѣ Н, и приписывая предмету А признакъ Н, характеризующій группу, мы тѣмъ самымъ относимъ предметъ къ этой группѣ. Значитъ, когда мы отъ извѣстнаго признака предмета заключаемъ къ отсутствію въ немъ извѣстнаго предиката, мы на самомъ дѣлѣ перепосимъ опредѣленіе группы на частный предметъ. Посмотримъ же теперь, каковъ будетъ нашъ цѣльный выводъ? О группѣ G мы знали, что она или В или С или D; кромѣ того, оказывается, что мы также знали о группѣ Н, что она есть ни С ни D; предметъ А признанъ нами членомъ той и другой группы, отсюда именно мы и вывели, что изъ возможныхъ предикатовъ группы G ему, какъ относящемуся также къ группѣ Н, можетъ принадлежать только предикатъ В. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ, выводъ отъ группы къ предмету превращается изъ неопредѣленнаго въ опредѣленный чрезъ присоединеніе другаго вывода, сдѣланнаго по той же формулѣ, такъ что выводное сужденіе оказы-

вается результатомъ встрѣчи и какъ бы взаимнаго пересѣченія на частномъ предметѣ опредѣленій двухъ группъ. Всѣ выводы, основанные на одномъ изъ четырехъ методовъ такъ называемой научной индукціи, именно на методѣ сопутствующихъ измѣненій, составляютъ примѣненіе этой формы вывода. При строгомъ исполненіи требованій этого метода, мы должны имѣть въ нашемъ наблюденіи какое нибудь событіе Е, испытывающее въ нашихъ глазахъ измѣненіе и знать всѣ предшествующія ему событія А, В, С и пр. Кроме того, мы должны знать изъ наблюденія, что всѣ послѣднія событія остаются неизмѣнными, кроме событія А, испытывающаго измѣненія, параллельныя измѣненіямъ Е. Отсюда мы заключаемъ, что Е имѣетъ свою причину или сполна или по крайней мѣрѣ отчасти въ А. Въ чемъ состоитъ логическій процессъ этого вывода? Намъ необходимо знать, что Е имѣетъ въ данномъ случаѣ своими единственными предшествующими факты А, В, С и т. д. Почему намъ это нужно? Потому что о каждомъ событіи, которое имѣетъ единственно такія-то предшествующія, мы можемъ заранѣе, на основаніи закона причинности, составить сужденіе, что оно въ числѣ этихъ предшествующихъ должно имѣть свою причину. Это, очевидно, сужденіе о группѣ, къ которой мы приурочиваемъ Е, и именно сужденіе съ составнымъ предикатомъ, такъ какъ сказать, что событіе имѣетъ причину въ числѣ фактовъ А, В, С и т. д.—значитъ сказать, что оно имѣетъ своей причиной или фактъ В, или С или А и В и т. д. Ничто намъ не препятствуетъ эти соединенные въ одномъ опредѣленіи предикаты раздѣлить на два класса и къ одному изъ нихъ приурочить тѣ, гдѣ встрѣчается А, все равно особо или въ соединеніи съ однимъ или нѣсколькими другими фактами (причина или въ А или въ АВ или АС и т. д.), а къ другому всѣ остальные (причина въ В или С или ВС и т. д.). Такъ изъ многочленного раздѣлительнаго сужденія образуется двухчленное, Е или имѣетъ въ А, по крайней мѣрѣ, одно изъ условій, необходимыхъ для своего существованія, или сполна объясняется остальными событіями, кроме А. Намъ необходимо затѣмъ знать, что Е измѣняется. Это необходимо опять потому, что о событіяхъ измѣняющихся мы также можемъ, на основаніи закона причинности, составить заранѣе сужденіе, что они не могутъ имѣть сполна своими причинами факты, остающіеся за то же время неизмѣнными, каковы суть факты В, С и т. д. Разсматривая событіе Е какъ членъ логической группы, къ которой относились бы событія, имѣющія своими единственными предшествующими факты А, В, С и т. д., мы ограничи-

ваемъ сферу, въ которой слѣдуетъ искать опредѣленія событія Е со стороны его причинной зависимости, ограничиваемъ эту сферу нѣсколькими комбинаціями, которыя можемъ свести къ двумъ. Разсматривая вмѣстѣ съ тѣмъ Е, какъ членъ логической группы событій измѣняющихся, мы выдѣляемъ изъ этой сферы одну изъ двухъ комбинацій и такимъ образомъ въ выводномъ сужденіи получаемъ необходимость перенести другую на Е, то-есть получаемъ сужденіе, что Е своимъ условіемъ необходимо имѣетъ А.

Оставимъ этотъ особый случай перекрестнаго опредѣленія частнаго предмета при помощи перенесенія на него вмѣстѣ съ составнымъ опредѣленіемъ одной группы отрицательнаго опредѣленія другой. Будемъ смотрѣть на нашъ выводъ просто какъ на перенесеніе на частный предметъ одного изъ соединенныхъ предикатовъ группы, требующее выдѣленія остальныхъ предикатовъ, все равно чрезъ какой бы процессъ ни совершилось это выдѣленіе. Въ такомъ случаѣ, сюда же нужно будетъ отнести и тѣ доказательства причинной связи между явленіями, которыя основываются на такъ называемомъ методѣ совпаденія. По требованію этого метода, мы должны имѣть нѣсколько случаевъ появленія событія Е и при этомъ знать, что единственными предшествующими этого событія, въ одномъ случаѣ, служатъ, напримѣръ, факты А, В, С, въ другомъ — А, D, F, въ третьемъ — А, G, H и т. д. Взявши какой угодно изъ этихъ случаевъ, напримѣръ, первый, мы можемъ событіе Е причислить къ группѣ событій, имѣющихъ свою причину въ числѣ такихъ-то фактовъ, единственно ему предшествующихъ, и вслѣдствіе этого, указаннымъ выше путемъ, ограничить возможные предположенія относительно его причинной зависимости двумя комбинаціями, то-есть признать, что оно или сполна объясняется фактами В, С или, если не сполна, то хотя отчасти, зависитъ и отъ факта А. Если послѣдній теперь не относится къ фактамъ такого рода, которые постоянно или очень часто присутствуютъ въ природѣ, то, признавши факты В, С сполна исчерпывающими причину событія Е, мы становимся въ противорѣчіе со всѣмъ нашимъ знаніемъ о природѣ, такъ какъ должны будемъ признать, что случайно соединенный съ Е фактъ А столь же часто соединяется съ нимъ (А, В, С; А, D, F; А, G, H и т. д.), какъ часто соединяются съ нимъ вмѣстѣ взятые его причины, а поэтому должны будемъ отвергнуть эту комбинацію и вслѣдствіе того перенести на событіе Е комбинацію вторую. Такимъ образомъ, изъ четырехъ методовъ доказательства индуктивной связи между явленіями два, методъ совпаденія и методъ сопутствующей

щихъ обстоятельствъ, представляютъ очевидное заключеніе отъ общаго къ частному, отъ группы къ отдѣльному предмету, усложненное только необходимостію выдѣлить изъ составнаго опредѣленія группы предикаты, не относящіеся къ этому предмету.

Къ той же формулѣ вывода слѣдуетъ отнести и всѣ безчисленныя аналогическія доказательства эвклидовой геометріи. Эвклидъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно не устанавливаетъ сужденій съ составнымъ опредѣленіемъ; онъ ведетъ дѣло иначе. Онъ прямо ставитъ выводное положеніе: линія АВ приметъ такое-то положеніе или будетъ равна такой-то линіи, и затѣмъ продолжаетъ: если же нѣтъ, то она должна занять такое-то положеніе или быть больше или меньше этой линіи, но послѣднее невозможно по такимъ-то причинамъ, слѣдовательно и пр. Здѣсь мы имѣемъ, правда, иное словесное выраженіе, но именно тотъ самый логическій процессъ, о которомъ теперь у насъ идетъ рѣчь. Если оказывается нужнымъ опровергати сужденіе, что линія приметъ такое-то положеніе или она окажется большей или меньшей другой линіи, то значитъ предполагается, что подобныя сужденія можно, съ нѣкоторой точки зрѣнія, счесть возможными, а слѣдовательно и о противорѣчающихъ имъ истинныхъ сужденіяхъ, что линія займетъ непременно извѣстное положеніе или что она будетъ равна другой, также предполагается, что на нихъ, съ той же точки зрѣнія, можно смотрѣть только какъ на возможные, а не какъ на необходимо истинныя. Какая же это точка зрѣнія, съ которой какъ истинное, такъ и ложное сужденія кажутся одинаково возможными? Пусть мы имѣемъ опредѣленный треугольникъ АВС и хотимъ о всѣхъ треугольникахъ, которые имѣли бы равное съ нимъ основаніе и которыя при наложеніи ихъ на него совпали бы съ нимъ этимъ основаніемъ, разрѣшить вопросъ: какое положеніе они должны занять при дальнѣйшемъ ихъ наложеніи на него. Если при этомъ не принимается въ расчетъ, какіе они будутъ имѣть углы и стороны то мы, конечно, не будемъ въ состояніи приписать имъ одного и того же предиката, мы можемъ только свести ихъ къ двумъ группамъ и сказать, что одни при дальнѣйшемъ наложеніи вполнѣ совпадутъ съ треугольникомъ АВС, другіе совпадутъ лишь частію (подъ послѣднимъ членомъ этой дилеммы подразумѣваемъ одинаково и помѣщеніе одного сполна въ одной лишь части другаго и совпаденіе части одного съ частію другаго). Это даетъ намъ право о цѣлой ихъ группѣ образовать сужденіе съ составнымъ предикатомъ, именно: о каждомъ изъ нихъ можно сказать, что онъ

или совпадаетъ сплошн или совпадаетъ лишь частію съ треугольникомъ ABC . Если теперь мы имѣемъ треугольникъ DEF , котораго двѣ стороны равны двумъ сторонамъ треугольника ABC , каждая каждой, и основаніе равно основанію, то, наложивъ основаніе его на основаніе треугольника ABC , мы задаемся вопросомъ, какое онъ приметъ положеніе при дальнѣйшемъ наложеніи его на треугольникъ ABC . Такъ какъ мы не имѣемъ прямыхъ основаній для рѣшенія этого вопроса, то обращаемся къ сужденію о группѣ, къ которой онъ безспорно принадлежитъ, то-есть къ сужденію о треугольникахъ, которые имѣли бы основаніе равно основанію извѣстнаго треугольника, въ нашемъ примѣрѣ треугольника ABC . Но здѣсь встрѣчаемъ сужденіе о двухъ возможныхъ ихъ взаимныхъ положеніяхъ при наложеніи другъ на друга основаніями. Такимъ образомъ, точка зрѣнія, съ которой представляются одинаково возможными и равноправными случаи полного и неполнаго совпаденія треугольника DEF съ треугольникомъ ABC , есть разсмотрѣніе перваго просто въ качествѣ члена группы, о которой имѣется у насъ безспорное сужденіе. Только въ силу той истины, что треугольники, совпавшіе съ треугольникомъ ABC основаніями, могутъ при дальнѣйшемъ наложеніи, иныя сплошн, а иныя только частію совпасть съ нимъ, является нужда доказывать, что совпаденіе лишь частію въ данномъ случаѣ невозможно; только въ силу этой истины опять исключеніе одного предиката (совпаденіе лишь частію) ведетъ къ перенесенію другаго на треугольникъ DEF . Еще яснѣе это на одномъ изъ самыхъ обыкновенныхъ апагогическихъ доказательствъ геометріи (и вообще математики), по которому равенство величинъ выводится изъ того, что ни одна изъ нихъ не можетъ быть больше другой, или, наоборотъ, выводится, что одна величина меньше (или больше) другой изъ того, что она не можетъ быть ни равна ей, ни больше (или меньше) ея. (Первый случай повторяется часто, послѣдній см., напримѣръ, Эвкл. V. 10 и 11). Предположимъ, что мы имѣемъ величину A и хотимъ сравнить ее съ величиной B . Мы хорошо знаемъ, что всѣ величины, которыя способны быть измѣряемы одной и той же мѣрой съ величиной A , частію окажутся равны ей, частію будутъ больше ея, частію меньше. Это составное опредѣленіе есть, такимъ образомъ, въ собственномъ смыслѣ опредѣленіе группы величинъ. Если мы теперь желаемъ знать отношеніе къ A величины B и не имѣемъ средствъ къ прямому опредѣленію этого отношенія, мы прибѣгаемъ къ составному опредѣленію группы, и такъ какъ оно въ примѣненіи къ отдѣльному предмету даетъ дисъюнкцію, которая не составляетъ

точного предиката этого предмета, то мы стараемся (если то, конечно, возможно по характеру случая) исключить всѣ члены этой дисъюнкціи кромѣ одного, и такимъ путемъ изъ составнаго опредѣленія группы получаемъ возможность перенести на предметъ собственно ему принадлежащій предикатъ.

Но можетъ случиться, что мы не найдемъ средствъ выдѣлить изъ составнаго опредѣленія группы предикаты, не относящіяся къ нашему предмету, то-есть въ нашемъ знаніи объ этомъ предметѣ и о предметахъ, стоящихъ съ нимъ въ связи, не найдется основаній, которыя убѣждали бы насъ въ несоединимости съ этимъ предметомъ извѣстныхъ предикатовъ. Тогда, если все наше знаніе о группѣ совершенно точно выражается сужденіемъ съ дисъюнктивнымъ опредѣленіемъ въ томъ сго видѣ, съ какимъ мы имѣли дѣло доселѣ, намъ ничего не остается, какъ перенести на частный предметъ сполна опредѣленіе группы въ качествѣ не точнаго его опредѣленія; сказать иначе, мы можемъ утверждать тогда только, что въ числѣ соединенныхъ предикатовъ группы несомнѣнно есть дѣйствительный предикатъ нашего предмета, но мы не имѣемъ никакого основанія предпочесть одинъ изъ нихъ другому, имѣемъ то же основаніе ожидать, что предметъ подойдетъ подъ первый изъ этихъ предикатовъ, съ какимъ можемъ ожидать, что онъ подойдетъ подъ второй, третій и пр. Если группа характеризуется не слишкомъ отвлеченно и соединенные предикаты все же таки бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на особенности частнаго предмета, то такъ мы и дѣлалъ дѣйствительно; это бываетъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда съ достаточною точностію знаемъ предшествующія извѣстнаго событія, но не имѣемъ никакихъ основаній для выдѣленія изъ нихъ комбинацій, объясняющихъ этого событія; мы говоримъ тогда, что это событіе должно имѣть свою причину среди этихъ предшествующихъ, вовсе не указывая на комбинаціи, которыя могли бы предпочесть другимъ. Однако, подобное вполне неопредѣленное сужденіе неизбежно, какъ мы сказали, лишь въ томъ случаѣ, если наше знаніе о группѣ совершенно точно выражается въ той формѣ дисъюнкціи, съ какой мы имѣли доселѣ дѣло. Но это бываетъ не всегда.

ХІІІ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не можемъ всѣмъ предметамъ, относящимся къ группѣ, приложить одного и того же предиката, мы очень часто можемъ указать на извѣстный предикатъ или на извѣстные

предикаты какъ на преимущественные или господствующіе въ ней, сравнительно съ остальными. Приписать въ такомъ случаѣ группѣ единственно преимущественный или преимущественные предикаты было бы, конечно, логическою погрѣшностію и мы, слѣдовательно, необходимо должны указать и на другіе предикаты. Чтобы имѣть теперь возможность сдѣлать изъ такого сужденія выводъ къ частному предмету чрезъ перенесеніе опредѣленія, мы, очевидно, должны будемъ превратить его въ сужденіе о каждомъ членѣ группы, то-есть въ сужденіе съ дисъюнктивнымъ опредѣленіемъ. Подобное сужденіе съ формально логической стороны будетъ правильно. Однако, выразить ли оно во всей полнотѣ наше знаніе о группѣ? Мы знаемъ, что почти всѣ G имѣютъ предикатъ В. и лишь нѣкоторыя изъ нихъ предикатъ С. Но, превращая это сужденіе въ сужденіе о каждомъ G, мы можемъ только сказать, что каждое G есть или В или С. Въ этомъ послѣднемъ сужденіи будетъ заключаться, конечно, безспорная истина, но не менѣе безспорно будетъ и то, что это сужденіе мы могли бы высказать даже и въ томъ случаѣ, еслибы знали только, что къ группѣ G принадлежатъ предметы единственно съ опредѣленіями В и С и вовсе не знали, что первые несравненно многочисленнѣе послѣднихъ. Этотъ послѣдній отгѣнокъ мысли, который существуетъ въ нашемъ знаніи о группѣ, безслѣдно пропадетъ въ нашемъ дисъюнктивномъ сужденіи; онъ пропадетъ, слѣдовательно, и для вывода; выводъ просто будетъ основываться на томъ, что такіе-то предикаты существуютъ въ группѣ, а не на томъ, что они распределены въ ней извѣстнымъ образомъ. Что для вывода сужденіе о группѣ должно получить форму сужденія о каждомъ членѣ группы, это сомнѣнію подлежать не можетъ, такъ какъ иначе выводъ не будетъ перенесеніемъ предиката, какимъ единственно онъ и можетъ только быть въ подобныхъ случаяхъ. Что сужденіе о каждомъ предметѣ группы, при подобныхъ условіяхъ, можетъ быть только дисъюнктивнымъ, это опять безспорно, такъ какъ иначе должна будетъ исчезнуть изъ вывода мысль о множественности предикатовъ въ группѣ, а слѣдовательно наша посылка не будетъ точно выражать нашего знанія. Остается, значить, одно средство пособить дѣлу—попытаться построить дисъюнктивное сужденіе такъ, чтобы оно не скрадывало, а точно выражало все содержащееся въ нашемъ знаніи о группѣ. Недостатокъ обыкновенной дисъюнкціи оказывается въ томъ, что она, точно выражая наше знаніе о существованіи извѣстныхъ предикатовъ въ группѣ, не выражаетъ знанія о сравнительномъ значеніи ихъ въ группѣ. Зна-

читать, нужно попытаться построить такое дисъюнктивное опредѣленіе, которое, будучи формально правильной дисъюнкціей, точно выражало бы и ту и другую сторону нашего знанія. Когда мы извѣстный предикатъ В называемъ господствующимъ сравнительно съ другимъ С, мы утверждаемъ, что количество членовъ группы, имѣющихъ этотъ предикатъ, можетъ быть раздѣлено на нѣсколько частей, изъ которыхъ каждая по числу членовъ будетъ равняться числу членовъ, имѣющихъ предикатъ С ¹⁾. Воспроизведемъ же мысленно эти маленькія группы, на которыя распадутся всѣ предметы G съ предикатомъ В, и обозначимъ ихъ мысленно хоть просто цифрами съ присоединеніемъ предиката В, то-есть: назовемъ одну изъ нихъ первой группой предметовъ, имѣющихъ предикатъ В, другую второй, имѣющей тотъ же предикатъ и т. д. Тогда мы о каждомъ предметѣ группы G будемъ въ состояніи составить слѣдующее сужденіе съ дисъюнктивнымъ предикатомъ: каждый предметъ изъ относящихся къ группѣ G необходимо долженъ относиться къ одной изъ равныхъ по числу членовъ группъ: или къ первой группѣ В, или ко 2 группѣ В, или къ 3 и т. д., и т. д. до перечисленія всѣхъ ихъ или наконецъ къ группѣ С. Такъ мы получаемъ логически правильное сужденіе съ дисъюнктивнымъ опредѣленіемъ, которое отражаетъ на себѣ совершенно точно все наше знаніе о группѣ; изъ него не только видно, что въ группѣ встрѣчаются единственно предикаты В и С, но и въ какой пропорціи распредѣлены эти предикаты по членамъ группы. Если мы, затѣмъ, имѣемъ право отнести предметъ А къ группѣ G и не имѣемъ никакихъ стороннихъ основаній исключить какой-нибудь изъ предикатовъ группы G, мы очевидно должны будемъ перенести на А всѣ члены нашей дисъюнкціи, то-есть должны будемъ утверждать, что предметъ А необходимо окажется членомъ одной изъ этихъ мелкихъ группъ, но что мы имѣемъ совершенно то же право ожидать, что онъ окажется членомъ первой группы В, съ какимъ мы можемъ ожидать, что онъ окажется членомъ второй, третьей и д. т. или наконецъ, группы С. Это заключеніе, если имѣть въ виду отношеніе предмета А къ какой-нибудь изъ мелкихъ группъ, конечно, будетъ

¹⁾ Чтобы не усложнять случая, предполагаемъ, что остатокъ послѣ такого дѣленія не будетъ; ничтожнымъ остаткомъ всегда можно пренебречь; значительный же остатокъ можно принять за единицу и раздѣлять на него какъ все количество предметовъ съ предикатомъ В, такъ и все количество предметовъ съ предикатомъ С и такимъ образомъ получить болѣе мелкія группы, равныя по числу членовъ.

вполнѣ неопредѣленно, но оно окажется уже далеко не столь неопредѣленнымъ, если мы захотимъ извлечь изъ него рѣшеніе вопроса о томъ, будетъ ли предметъ А имѣть предикатъ В или будетъ имѣть предикатъ С. Мы видѣли, что изъ всѣхъ случаевъ, которые ожидать мы имѣемъ совершенно одинаковое право, только въ одномъ оказалось бы истиннымъ сужденіе А есть С; въ остальныхъ же всѣхъ оказалось бы истиннымъ сужденіе А есть В. Такимъ образомъ, при точномъ выраженіи въ посылкѣ нашего знанія о группѣ G сужденіе А есть С—оказывается логически равноправно вовсе не съ сужденіемъ: А есть В, а, напротивъ, съ сужденіемъ: А относится къ первой группѣ В. Но сужденіе: А есть В, будетъ вѣрно не только тогда, когда А окажется дѣйствительно принадлежащимъ къ первой группѣ В, но и тогда, когда оно окажется принадлежащимъ ко второй, третьей и т. д. изъ подобныхъ группъ. Оно совмѣщаетъ, такимъ образомъ, въ себѣ самоеъ права, принадлежащія каждому изъ нихъ. И такъ какъ каждое изъ нихъ признаю логически равноправныхъ съ сужденіемъ А есть С, то логическое право сужденія А есть В будетъ относиться къ логическимъ правамъ сужденія: А есть С, какъ число мелкихъ группъ, которыя представляетъ или замѣщаетъ собою первое, относится къ числу группъ, которое представляетъ или замѣщаетъ собою послѣднее; то-есть право предполагать, что сужденіе: А есть В, окажется вѣрнымъ, мы имѣемъ во столько же разъ болѣе, во сколько первое изъ указанныхъ чиселъ болѣе послѣдняго.

Чтобы не усложнять вопроса, мы брали сужденіе, въ которомъ приписывались группѣ только два конкурирующіе предиката, но, очевидно, сущность дѣла нисколько не измѣнится, если мы будемъ имѣть въ такомъ сужденіи три, четыре или сколько угодно предикатовъ, лишь бы сравнительное значеніе каждаго изъ нихъ въ группѣ намъ было на столько извѣстно, что могло бы съ приблизительною точностію быть выражено опредѣленными числами. Каждое изъ этихъ чиселъ будетъ обозначать то количество мелкихъ группъ, имѣющихъ одинаковое число членовъ, которое могло бы быть образовано изъ членовъ болѣе группы, имѣющихъ извѣстный предикатъ. И если намъ встрѣчается частный предметъ А, относящійся къ болѣе группѣ G, то эти числа будутъ опредѣлять сравнительную вѣроятность приложенія къ нему одного предиката въ сличеніи съ другимъ, третьимъ и т. д. Предположимъ, что мы точно знаемъ, что въ извѣстной мѣстности, въ опредѣленное время года, изъ тридцати случаевъ въ двадцати двухъ бываетъ погода теплая, но дождливая, въ

шести дождливая и холодная, и только въ остальныхъ двухъ ясная. Это значитъ, что всѣ случаи погоды, за опредѣленное время въ извѣстной странѣ мы можемъ разбить на тридцать приблизительно равныхъ по числу группъ, изъ которыхъ 22 будутъ представлять случаи, характеризующіеся дождемъ и тепломъ, 6—дождемъ и холодомъ и т. д. И очевидно, при вопросѣ о частномъ случаѣ, когда мы не имѣемъ никакихъ другихъ основаній опредѣлить погоду, мы должны будемъ, слѣдуя точно той формулѣ, которую описали, сказать, что наше право предполагать каждое изъ вышеназванныхъ трехъ опредѣленій, будетъ неодинаково, что мы будемъ на столько же болѣе имѣть основанія предполагать теплую и дождливую погоду, чѣмъ дождливую и холодную, на сколько 22 болѣе 6 и т. д.

Раздѣляя большую группу G на меньшія, равныя по числу членовъ, мы не только выражаемъ ту мысль, что въ границахъ существующаго знанія мы имѣемъ одинаковое основаніе причислять новый предметъ къ какой угодно изъ мелкихъ группъ, но и утверждаемъ, что предметъ долженъ непременно относиться къ одной изъ нихъ и только къ одной. Это даетъ намъ возможность не только извѣстить силу основаній въ пользу сужденія: А есть В, сравнительно съ силой основаній въ пользу, напримѣръ, сужденія: А есть С или сужденія: А есть D и т. д., но вообще въ пользу истинности каждаго изъ этихъ сужденій сравнительно съ основаніями противъ этой истинности. Сужденіе: А есть В, окажется ложнымъ единственно въ тѣхъ случаяхъ, когда оказалось бы истиннымъ какое-нибудь изъ конкурирующихъ съ нимъ сужденій, то-есть когда А оказалось бы принадлежащимъ къ какой-нибудь изъ мелкихъ группъ С, D и пр. Оно оказалось бы истиннымъ, когда А въ дѣйствительности принадлежало бы къ одной изъ группъ В. Такимъ образомъ всѣ вмѣстѣ взятая права или основанія предполагать принадлежность А къ послѣднимъ группамъ были бы основаніями въ пользу вообще истинности сужденія А есть В, а всѣ основанія предполагать А принадлежащимъ къ остальнымъ группамъ—противъ его истинности. Если первыхъ группъ 22 а вторыхъ 8, то это будетъ значить, что изъ 30 равносильныхъ и единственно имѣющихся у насъ основаній судить объ истинности сужденія А есть В 22 въ пользу этого сужденія и 8 противъ него. Такимъ образомъ право считать это сужденіе истиннымъ будетъ относиться къ праву считать его ложнымъ, какъ 22 къ 8. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ группѣ G существуютъ только два предиката, сравнительная оцѣнка основаній въ пользу истинности и противъ ис-

тинности сужденія А есть В или А есть С совершенно сольется съ сравнительной оцѣнкой основаній въ пользу одного изъ нихъ съ основаніями въ пользу другаго, такъ какъ всѣ возможные случаи ошибочности одного изъ нихъ сольются съ случаями истинности другаго.

Не трудно видѣть, что простые выгоды такъ называемой математической вѣроятности представляютъ только частный случай разсматриваемаго нами вывода. Пусть въ ящикѣ съ шарами находится шесть бѣлыхъ шаровъ и четыре черныхъ и намъ предстоитъ угадать, какого цвѣта окажется шаръ, который долженъ быть выпутъ. Выше мы разсматривали подобное сужденіе какъ условное, но намъ ничто не препятствуетъ превратить его въ категорическое: имѣющій быть выпутымъ шаръ долженъ быть такого-то цвѣта. Это превращеніе въ данномъ случаѣ необходимо, такъ какъ группа, отъ которой идетъ выводъ, оказывается группой предметовъ, а не порядковъ фактовъ. И такъ, опредѣленію подлежитъ шаръ, который долженъ быть выпутъ. Если мы не имѣемъ никакихъ иныхъ основаній гадать о его цвѣтѣ, намъ остается обратиться къ группѣ шаровъ, характеризующихъ однимъ и тѣмъ же признакомъ — существованіемъ въ ящикѣ. Объ этой группѣ намъ извѣстно, что по цвѣту она опредѣляется отчасти понятіемъ бѣлаго, отчасти понятіемъ чернаго. Такъ какъ исключить одно изъ этихъ опредѣленій мы также не имѣемъ основаній, то мы пользуемся своимъ знаніемъ о сравнительномъ значеніи этихъ опредѣленій въ группѣ. Мы дѣлимъ мысленно всю группу шаровъ въ ящикѣ на маленькія группы въ два шара каждая ¹⁾, такъ чтобы въ каждой изъ нихъ были шары одного цвѣта, и у насъ получается три группы шаровъ бѣлаго цвѣта и двѣ чернаго, состоящія изъ одинаковаго числа членовъ. Отсюда получается возможность составить раздѣлительное сужденіе: какой угодно шаръ изъ положенныхъ въ ящикѣ долженъ необходимо принадлежать или къ 1-ой или ко 2-ой или къ 3-ей группѣ бѣлыхъ шаровъ или къ 1-ой или ко 2-ой группѣ шаровъ черныхъ. Соединенные въ этомъ сужденіи предикаты совершенно равноправны въ нашихъ глазахъ, такъ какъ дисъюнкція вполне точно выражаетъ все наше знаніе о группѣ, а потому намъ остается перенести составное опредѣленіе на имѣющій быть выпутымъ шаръ.

¹⁾ Еслибы мы взяли напримѣръ 7 бѣлыхъ шаровъ и три черныхъ или 9 бѣлыхъ и одинъ черный, намъ пришлось бы дѣлить группу уже не на группы, а на единицы, но отъ этого сущность вывода нисколько не измѣнилась бы.

Но такъ какъ теперь сужденіе, что вынутый шаръ окажется бѣлымъ, оправдалось бы въ случаѣ осуществленія на дѣлѣ каждаго изъ трехъ первыхъ членовъ дисъюнкціи, а сужденіе, что онъ окажется чернымъ — только въ случаѣ осуществленія какого нибудь изъ двухъ остальныхъ, то первое сужденіе будетъ представлять собою права первыхъ трехъ случаевъ, а второе—двухъ послѣднихъ. Но права каждаго случая мы признали равными, по этому основанію ожидать, что оправдается первое сужденіе, будетъ относиться къ основаніямъ въ пользу втораго, какъ три къ двумъ. Выше мы видѣли, что сложные случаи математической вѣроятности при помощи вывода отъ частей къ цѣлому возводятся къ простымъ, а случаи обратные представляютъ точное примѣненіе выводовъ отъ частныхъ предметовъ къ логической группѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что основныя формулы математической вѣроятности составляютъ простое примѣненіе общихъ логическихъ формулъ вывода.

Конечно, между сужденіями о той или другой группѣ, которыми могутъ воспользоваться наука и жизнь, не часто встрѣчаются такія, въ которыхъ значеніе конкурирующихъ предикатовъ было бы опредѣлено съ такою точностію, чтобы была возможность выразить его въ числахъ. Но громадная важность нашего вывода отъ этого нисколько не страдаетъ. Невозможность точно въ числахъ выразить сравнительное значеніе въ группѣ конкурирующихъ предикатовъ сопровождается лишь тѣмъ результатомъ, что лишаетъ насъ права съ подобною же точностію вычислить сравнительную силу основаній въ пользу сужденій: А есть В, А есть С и т. д., или въ пользу вообще истинности сужденія: А есть В, и противъ нея. Но выводное сужденіе можетъ и не имѣть математической точности и все же имѣть большую цѣну въ нашихъ глазахъ. Если мы находимъ, что въ группѣ G предикаты В, С, D вообще распределены не равномерно, что В, напримеръ, въ сильной степени преобладаетъ надъ С, а С надъ D, то это будетъ значить, что изъ мелкихъ группъ, на которыя мысленно могла бы быть раздѣлена группа G, несравненно большее число (хотя и не опредѣлено какое) должно быть наполнено предметами, имѣющими предикатъ В, значительно меньшее — предметами съ предикатомъ С и сравнительно ничтожное съ предикатомъ D. Очевидно, что въ подобномъ же отношеніи другъ къ другу будутъ стоять и основанія въ пользу сравнительной вѣроятности сужденій: А есть В, или А есть С, или А есть D. Не говори уже о томъ, что подобными выводами намъ постоянно приходится руководиться въ жизни, къ нимъ,

по необходимости, прибѣгаетъ и наука во всѣхъ случаяхъ, когда выводъ основывается на положеніи о группѣ, которое говоритъ собственно о преимущественномъ предикатѣ группы, то-есть когда или прямо предполагаютъ существованіе въ группѣ хотя и ничтожнаго количества предметовъ съ другимъ предикатомъ или не имѣютъ основаній съ достаточною степенію вѣроятности отрицать существованіе подобныхъ предметовъ. Положенія о группѣ, выведенныя на основаніи неполной индукціи, перѣдко отличаются подобнымъ характеромъ. Въ этихъ случаяхъ, предметы, не имѣющіе преимущественнаго предиката, представляются такъ ничтожными по своему числу, что почти исчезаютъ въ массѣ остальныхъ, а поэтому сравнительная сила основаній приписать частному предмету господствующій въ группѣ предикатъ оказывается такъ значительна, что на выводъ смотрятъ обыкновенно, какъ на выводъ по первой фигурѣ категорическаго силлогизма, хотя, по существу, онъ остается все же выводомъ совершенно аналогичнымъ съ выводами математической вѣроятности.

XIV.

Подобно тому какъ изъ сужденія о группѣ мы можемъ дѣлать выводъ къ частному предмету, какъ скоро отождествили его съ членомъ группы, такъ и изъ сужденій объ агрегатѣ мы имѣемъ право дѣлать выводъ къ частному предмету, какъ скоро признали, что этотъ частный предметъ составляетъ часть агрегата. Тѣ самыя основанія, которыя заставляютъ насъ выводы отъ частей агрегата къ агрегату ограничивать сужденіями состава или такими, которыя близко подходятъ къ нимъ, или даже прямо могутъ быть истолкованы въ смыслѣ сужденій состава,—тѣ же самыя основанія, какъ понятно само собою, заставляютъ насъ и выводы отъ агрегата къ предмету, составляющему его часть, ограничить исключительно тѣми же сужденіями. Опредѣленіе въ сужденіяхъ состава и во всѣхъ, примыкающихъ къ нимъ, разъясняетъ то, что фактически дано въ предметѣ. Въ агрегатѣ, безспорно, фактически дано то, что дано въ какомъ-либо изъ частныхъ предметовъ, его составляющихъ. Но въ немъ дано не только это; въ немъ существуетъ, кромѣ того, все, что существуетъ и въ другихъ предметахъ, составляющихъ такія же части его, какъ и тотъ предметъ, который непосредственно занимаетъ насъ. Поэтому, опредѣленіе агрегата въ строгомъ сужденіи состава, подобно составному опредѣленію логической группы, не можетъ быть точнымъ опредѣленіемъ

одного изъ предметовъ, его составляющихъ. Но такъ какъ все, заключающееся въ этомъ послѣднемъ, необходимо должно заключаться сполна и въ агрегатѣ и только должно быть соединено тамъ съ содержащимся въ другихъ предметахъ, то и при выводахъ отъ агрегата къ части, подобно какъ и при выводахъ отъ группы съ составнымъ опредѣленіемъ къ одному изъ ея членовъ, необходимо изъ опредѣленія выдѣлить предварительно то, что не принадлежитъ разсматриваемому нами предмету для того, чтобы получить точное опредѣленіе послѣдняго. Отъ свойства самаго сужденія объ агрегатѣ зависитъ, что процессъ выдѣленія здѣсь отличается своимъ особымъ характеромъ. Сужденіе о группѣ съ составнымъ опредѣленіемъ, по самому смыслу своему, таково, что можетъ быть превращено въ сужденіе дисъюнктивное. Но дисъюнктивное сужденіе само указываетъ намъ, гдѣ долженъ остановиться процессъ выдѣленія, если онъ возможенъ: оно говоритъ намъ, что соединенные предикаты должны быть выдѣлены всѣ, кромѣ одного, такъ какъ дисъюнкція то и значить, что изъ соединенныхъ въ ней понятій только одно имѣетъ приложение въ данномъ случаѣ. Въ сужденіи о составѣ агрегата опредѣленіе представляетъ соединенные въ одно цѣлое предикаты частныхъ предметовъ; оно есть простое сплошное перечисленіе всего фактически даннаго въ агрегатѣ и само не указываетъ, гдѣ долженъ остановиться процессъ выдѣленія, если бы онъ былъ и возможенъ. Мы можемъ убѣдиться, что известная часть содержащагося въ агрегатѣ не относится къ нашему предмету; это, конечно, съузить сферу, въ которой мы должны будемъ искать точнаго опредѣленія предмета; по должны ли мы весь остатокъ признать содержаніемъ этого предмета, или требуется еще выдѣленіе и гдѣ оно, наконецъ, должно остановиться,—изъ опредѣленія агрегата мы этого не узнаемъ. Сужденіе объ агрегатѣ, если изъ него возможно заключеніе о частномъ предметѣ, должно допускать свой особый способъ выдѣленія изъ его опредѣленія элементовъ, не относящихся къ этому предмету. И этотъ способъ опредѣлить не трудно. Въ сужденіи о составѣ агрегата можетъ быть раскрыто лишь то, что фактически дано въ агрегатѣ. Но агрегатъ есть только соединеніе частныхъ предметовъ, слѣдовательно фактически данное въ нихъ его сполна исчерпываетъ. Если теперь, не зная, что дано въ предметѣ А, мы знаемъ все, что дано фактически въ предметахъ В и С, и знаемъ къ тому же, что А, В и С составляютъ агрегатъ G, о составѣ котораго мы имѣемъ сужденіе, то стоитъ намъ только выдѣлить изъ опредѣ-

ленія агрегата то, что дано въ частяхъ его В и С, чтобы получилось въ остаткѣ такое опредѣленіе, которое ни къ чему болѣе не можетъ относиться, кромѣ предмета А, такъ какъ эти предметы сполна исчерпываютъ агрегатъ G. Процессъ выдѣленія здѣсь, слѣдовательно, возможенъ подъ условіемъ, что извѣстно все, данное во всѣхъ тѣхъ частяхъ агрегата, которыя насъ непосредственно не интересуютъ. Какъ скоро исполнено это условіе, сличеніе состава этихъ частей съ составомъ агрегата укажетъ составъ и той части его, на которую обращено наше вниманіе. Нѣтъ нужды доказывать, что опредѣленіе частнаго предмета, получающееся такимъ путемъ въ выводномъ сужденіи, все же будетъ опредѣленіемъ, перепесеннымъ съ агрегата, такъ какъ оно, на ряду съ другими элементами, составляло часть опредѣленія агрегата и взято нами именно изъ этого опредѣленія. Простѣйшая формула вывода, очевидно, будетъ слѣдующая: А составляетъ часть G; G состоитъ изъ K, L, M, N, O, P, но единственно K, L, M, N составляютъ содержаніе всѣхъ остальныхъ частей G; слѣдовательно, А состоитъ изъ O и P.

Если K, L, M, N, O, P характеризуются въ нашемъ знаніи, какъ предметы логически тождественные съ какой либо стороны, напримѣръ, каждое какъ Q, то, если приять во вниманіе сказанное выше о выводахъ отъ частей къ цѣлому агрегату, легко видѣть, что выводъ получить такую форму: А составляетъ часть G; G состоитъ изъ 6Q, но единственно четыре Q составляютъ содержаніе остальныхъ частей G; слѣдовательно, А состоитъ изъ 6Q безъ 4Q или, на основаніи непосредственной очевидности, изъ 2Q. Если мы имѣемъ дѣло съ общими сужденіями состава, то формула видоизмѣнится такъ: А составляетъ часть G; G состоитъ изъ столькохъ же Q, изъ сколькохъ состоитъ R; но всѣ остальные части G состоятъ изъ столькохъ же Q, какъ и U; слѣдовательно, А состоитъ изъ столькохъ же Q, какъ и R, если отнять отъ него столько же Q, сколько ихъ содержится въ U. Наконецъ, если возьмемъ абсолютное сужденіе состава, то получится формула: А есть часть G; G состоитъ изъ столькохъ, какихъ бы мы ни взяли частей, изъ сколькохъ и R (то-есть равно R); но всѣ остальные части G состоятъ изъ столькохъ же, какихъ бы мы ни взяли, частей, какъ и U (то-есть равно U); слѣдовательно, А состоитъ изъ столькохъ же, какихъ бы мы ни взяли, частей, какъ и R, если отдѣлить отъ него всѣ части, на какія бы мы ни раздѣлили U (то-есть равно R безъ U). Предположимъ, что агрегатъ рисуется предъ нами не какъ особый предметъ G, а прямо какъ соединеніе А, В, С,

тогда особо упоминать о томъ, что А есть часть этого соединенія, нѣтъ никакой нужды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и остальные части агрегата, кромѣ А, получаютъ въ выводѣ особія названія В и С; въ такомъ случаѣ мы получаемъ формулу: $A + B + C = R$, но $B + C = U$; слѣдовательно, $A = R - U$. Что слѣдуетъ поставить на мѣсто $R - U$, это мы въ данномъ примѣрѣ должны разрѣшить на основаніи непосредственной очевидности. Но рѣшеніе можетъ быть дано уже и въ самомъ выводѣ. Мы можемъ знать, что $A + B + C =$ (не R , а) Π и W , а $B + C = W$; въ такомъ случаѣ, мы прямо получаемъ: слѣдовательно $A = \Pi$. Испо, что математическая аксіома: если отъ равныхъ отнять равныя, то остатки будутъ равны, составляетъ формулу вывода отъ агрегата къ части, примененную только къ особымъ случаямъ обоюдныхъ абсолютныхъ сужденій состава, которыми занимается математика. Въ тѣхъ случаяхъ, когда при подобныхъ сужденіяхъ составъ опредѣляется не точно, то-есть съ помощію понятій „болѣе“ или „менѣе“, мы всегда имѣемъ возможность, подобно какъ и при заключеніяхъ отъ частей къ агрегату, сдѣлать сужденія удовлетворяющими формулѣ чрезъ прибавленіе или убавленіе неопредѣленной величины (X , Y и под.). $A + B = \Pi + W + X$, но $B = W$, слѣдовательно, $A = \Pi + X$. Такъ возводятся къ этой же формулѣ выводы на основаніи аксіомы: если отъ неравныхъ отнять равныя, то остатки будутъ неравны.

Остаповимся на одной изъ выше приведенныхъ формулъ. Пусть агрегатъ G состоитъ изъ 6 Q . Чтобы узнать составъ А, мы должны имѣть сужденіе о составѣ остальныхъ частей агрегата, В и С, то-есть знать, что В и С состоятъ, на примѣръ, изъ 4 Q . Но предположимъ, что мы знаемъ, какую часть агрегата по своему составу представляетъ предметъ А, то-есть на сколько одинаковыхъ по составу частей долженъ быть раздробленъ агрегатъ G , чтобы одной изъ такихъ частей оказался предметъ А. Въ такомъ случаѣ намъ не будетъ никакой нужды имѣть особое сужденіе объ остальныхъ частяхъ агрегата, В и С; составъ ихъ мы можемъ опредѣлить изъ положенія: А есть така-то часть, на примѣръ, треть агрегата G . Изъ сужденія: А есть $\frac{1}{3} G$, мы легко можемъ вывести, что предметы, входящіе въ G , кромѣ А, составляютъ $\frac{2}{3} G$. Правда, послѣднимъ положеніемъ еще не объясняется, сколько именно Q содержится въ этихъ предметахъ, но имъ указывается процессъ, при помощи котораго, зная составъ G , мы можемъ опредѣлить составъ этихъ предметовъ. Въ положеніи: всѣ предметы, входящіе въ G , кромѣ А, составляютъ

$\frac{2}{3}$ G, заключается та мысль, что составъ агрегата G намъ нужно раздробить на три одинаковыя части и тогда двѣ изъ нихъ будутъ точнымъ опредѣленіемъ состава предметовъ, входящихъ въ G, кромѣ A. Зная составъ G, мы легко можемъ сдѣлать это, и тогда, согласно формулѣ, можемъ выдѣлить двѣ части и оставшуюся перенести на A въ качествѣ ея опредѣленія. Рядъ всѣхъ этихъ дѣйствій сокращается процессомъ дѣленія, въ которомъ мѣсто дѣлителя занимаетъ число частей, на которое долженъ быть раздробленъ агрегатъ, мѣсто дѣлимаго — самый составъ агрегата, а частное представитъ нужную намъ часть этого состава, отъ которой самымъ процессомъ дѣленія будутъ отдѣлены остальные части. Если кто-нибудь знаетъ, что г. N имѣлъ 300 десятинъ пахатной земли, а теперь у него осталась одна треть его прежняго владѣнія, то, раздѣливъ 300 на 3, въ частномъ получимъ составъ оставшейся части. Весь усложненный процессъ сокращается, такимъ образомъ, въ формулу: G состоитъ изъ 300 Q; A есть $\frac{1}{3}$ G; слѣдовательно, A состоитъ изъ $\frac{300}{3} Q$. Дѣло, очевидно, не измѣнится, если составъ агрегата будетъ опредѣленъ при помощи обоюднаго сужденія состава и имѣсто положенія: поле г. N состояло изъ 300 десятинъ— дано будетъ положеніе: поле г. N равнялось полю г. Z. Тогда формула, выражающая весь процессъ въ сокращенномъ видѣ, будетъ такая: G=N, но A есть $\frac{1}{3}$ G, слѣдовательно, A есть $\frac{1}{3}$ N.

Можетъ быть и обратный случай. Мы можемъ имѣть интересъ опредѣлить составъ предмета A не въ тѣхъ или другихъ логически тождественныхъ единицахъ, на которыя онъ распадается, а въ отношеніи къ составу агрегата G, къ которому онъ относится. Мы будемъ смотрѣть, въ такомъ случаѣ, на составъ агрегата, какъ на единицу, опредѣленная часть которой должна представлять полный составъ предмета A. Для примаго приложенія нашей формулы намъ нужно знать, какую часть этой единицы представляетъ составъ остальныхъ предметовъ B и C, входящихъ въ агрегатъ. И если мы знаемъ, напримѣръ, что B и C составляютъ двѣ трети G, то тогда получится выводъ: предметъ A состоитъ изъ состава G, если отдѣлить отъ послѣдняго двѣ трети, или изъ одной трети. Но вмѣсто сужденія о B и C мы можемъ имѣть сужденіе о самомъ A, опредѣляющее составъ его въ единицахъ Q, на которыя онъ распадается. Если мы имѣемъ такое же сужденіе и объ агрегатѣ G, тогда мы и не имѣя особаго нужнаго намъ сужденія о B и C, можемъ найти, что слѣ-

дуетъ намъ выдѣлить. Мы можемъ взять то число Q , которое находится въ A , и выдѣлить его изъ числа Q , содержащагося въ G ; изъ образовавшагося остатка опять выдѣлить то же число и продолжать этотъ процессъ до тѣхъ поръ, пока исчерпаемъ весь составъ агрегата. Такимъ путемъ мы можемъ пайти, сколько въ составѣ G частей, одинаковыхъ съ составомъ A , и каждая изъ нихъ можетъ характеризоваться въ нашихъ глазахъ какъ одна изъ столькихъ-то (например, изъ трехъ) равныхъ частей состава G , припягаго за единицу. Затѣмъ, мы можемъ выдѣлить всѣ эти части, кромѣ одной, какъ превышающія составъ A и относящіяся къ B и C и перенести остальную часть на A , то-есть заключить, что A есть одна изъ столькихъ-то частей G (например, $\frac{1}{3} G$). Весь этотъ процессъ мы сокращаемъ также при помощи дѣленія, гдѣ дѣлимымъ служитъ составъ агрегата, взятый въ логически тождественныхъ единицахъ (Q), дѣлителемъ составъ A , взятый также, а въ частномъ получается число равныхъ частей въ составѣ G , изъ которыхъ одна должна представлять составъ A въ отношеніи къ составу G . Основные моменты процесса выражаются въ трехъ сужденіяхъ: G состоитъ изъ 300 Q , A изъ 100 Q ; слѣдовательно, составъ A въ отношеніи къ составу G есть $\frac{100}{300}$. Сужденія могутъ быть обоюдными сужденіями состава и даже абсолютными и выводъ не измѣнится. Пусть G будетъ тождественно по составу съ H , а A (часть G) съ B (частью H). Желая опредѣлить составъ A въ отношеніи къ составу G , мы можемъ мысленно замѣнить абсолютныя обоюдныя сужденія состава простыми сужденіями, въ которыхъ составъ G и A былъ бы гипотетически опредѣленъ какими ни есть логически вполне тождественными единицами. Тогда мы указаннымъ выше путемъ могли бы доказать, что A по составу есть такая-то часть G . Но такъ какъ H тождественно по составу съ G , а B съ A , то гипотетически взятые нами простыя сужденія состава G и A должны будутъ быть вполне приложимы къ H и B , такъ что B необходимо окажется такою же частью состава H , какою A оказалось частью G , то-есть отношеніе A къ G оказалось бы тождественнымъ съ отношеніемъ B къ H . Сказать ли, что составъ A представляетъ такую-то часть состава G или сказать, что въ составѣ G столько-то частей одинаковыхъ съ составомъ A , это, какъ очевидно изъ всего предшествовавшаго, все равно, а поэтому, говоря, что A такъ относится къ G , какъ B къ H , мы по произволу можемъ разумѣть подъ A и B части, а подъ G и H агрегаты или, наоборотъ, подъ A и B агрегаты, а подъ G и H части. Мы брали въ на-

шемъ примѣрѣ агрегаты и ихъ части, но не трудно видѣть, что вмѣсто частей могутъ быть поставлены и стороннія величины, лишь бы были онѣ логически отождествлены съ частями агрегатовъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ онѣ могутъ, въ предѣлахъ установленнаго тождества, занимать мѣсто частей.

Если мы отъ агрегата, объединяющаго въ себѣ предметы, перейдемъ къ агрегату порядковъ фактовъ или отношеній во времени, то можемъ получить ту же самую общую формулу. Пусть къ агрегату порядковъ, изъ которыхъ одинъ характеризуется фактомъ А, другой фактомъ В, относятся событія С и D; пусть, за тѣмъ, мы знаемъ, что къ порядку фактовъ, характеризуемому фактомъ В, относится единственно событіе D, тогда будетъ слѣдовать, что С должно относиться къ порядку, характеризуемому фактомъ А. Эта общая формула одинаково лежитъ въ основаніи какъ метода различія, такъ и метода остатковъ. Различаются они лишь доказательствами посылокъ. Сужденіе объ агрегатѣ порядковъ, правда, пріобрѣтается въ обоихъ случаяхъ однимъ и тѣмъ же путемъ; въ обоихъ случаяхъ одинаково предполагается наблюденіе частныхъ фактовъ С и D и убѣжденіе, что единственными предшественными ихъ, среди которыхъ можно искать ихъ причины, служатъ факты А и В. Но второе сужденіе, служащее къ выдѣленію фактовъ, не относящихся къ порядку А, или къ той части агрегата, на которую обращено наше вниманіе, по методу остатковъ пріобрѣтается иначе, чѣмъ по методу различія. По послѣднему, оно пріобрѣтается тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ и сужденіе объ агрегатѣ. Мы должны имѣть въ особомъ наблюденіи частный фактъ D и убѣдиться, что единственнымъ его предшественнымъ, въ которомъ можно искать его причины, служитъ фактъ В. По методу остатковъ, предполагается, что сужденіе: В есть причина D, пріобрѣтено нами какимъ нибудь другимъ путемъ безъ непосредственнаго участія наблюденія, прямо соответствующаго сужденію. Еслибы пріобрѣтаемые различными путями сужденія одинаково строго удовлетворили требованіямъ формулы, то различіе въ способахъ ихъ пріобрѣтенія не имѣло бы ровно никакого значенія, такъ какъ процессъ вывода характеризуется отношеніемъ посылокъ къ выводному сужденію, а не способомъ доказательства посылокъ. По отношенію пріобрѣтенныхъ различными путями сужденій къ формулѣ оказывается не совсѣмъ одинаковымъ.

Имѣя въ виду строгое примѣненіе формулы, мы должны признать, что вообще мы очень рѣдко можемъ имѣть послылки, ей точно соот-

вѣтствующія. Такихъ сужденій, какъ: при А и В есть С и D, а при В есть только D, мы почти не встрѣчаемъ, хотя обыкновенно и думаютъ, что мы постоянно можемъ устанавливать подобныя сужденія. Движеніе тѣла, происходящее отъ примѣненія къ нему двухъ силъ, А и В, стремящихся двинуть его по двумъ различнымъ направленіямъ, вовсе не относится къ движенію его подъ вліяніемъ только силы В, какъ С и D къ D; первое будетъ не двумя движеніями, существующими другъ подлѣ друга, не движеніемъ D и кромѣ того движеніемъ С, а совершенно новымъ движеніемъ E, отъ котораго нельзя путемъ простаго вычитанія отдѣлить D для того, чтобы въ остаткѣ получилось прямо то, что могло бы сполна и всецѣло быть приурочено къ силѣ А; иначе сказать, мы имѣемъ здѣсь вовсе не чистый агрегатъ двухъ порядковъ, какой мы часто имѣемъ при соединеніи предметовъ и какой требуется вообще выводами на основаніи отношенія между агрегатомъ и частію, а такое взаимодействіе между ними, которое видоизмѣняетъ содержащееся въ нихъ. Указываютъ на эксперименты, напримѣръ, въ физикѣ или химіи, какъ на случаи, гдѣ получаются вполне пригодныя для метода различія послышки. Любопытно, что при этомъ забываютъ мысль, на которую, въ другихъ случаяхъ, обыкновенно очень охотно ссылаются, именно ту, что чѣмъ болѣе удаляемся мы отъ области чистой механики, тѣмъ болѣе замѣчаемъ, что дѣйствія, происходящія отъ агрегата условій, отличаются отъ дѣйствій, происходящихъ отъ этихъ условій, взятыхъ порознь; а поэтому, если уже въ механикѣ присоединеніе новаго условія сопровождается не простой прибавкой новаго дѣйствія къ продолжающимъ существовать подлѣ него прежнимъ, а измѣненіемъ дѣйствія прежняго, то при экспериментахъ въ другихъ областяхъ естествознанія эта особенность должна выступать еще рѣзче и рельефнѣе. На самомъ дѣлѣ такъ и есть. Переходъ воды въ газы, совершающійся подъ вліяніемъ гальваническаго тока, какъ новаго условія, присоединяющагося къ прежнимъ условіямъ существованія воды, конечно, составляетъ новое явленіе, но новое ни какъ не въ томъ смыслѣ, чтобы оно существовало подлѣ всѣхъ прежнихъ, остающихся неизмѣнными; оно ново въ томъ смыслѣ, что замѣняетъ прежнее состояніе той частицы воды, которая перешла въ газы, заступаетъ его мѣсто; при присоединеніи новаго условія А (гальваническаго тока) не присоединяется къ прежнему состоянію воды, къ D новое С, но D уступаетъ мѣсто явленію E, съ которымъ оно не различается, изъ котораго не можетъ быть вычтено. Обжогъ пальца, близко приблизившагося къ пламени, представ-

ляетъ рядъ новыхъ явленій на его поверхности и на частяхъ, близкихъ къ этой поверхности; но это новое явленіе опять не простая прибавка нѣкотораго С къ прежнему состоянію D, а замѣна нѣкоторыхъ прежнихъ состояній новыми. Вотъ почему мы и утверждаемъ, что воплнѣ соответствующія формулѣ послыки для разсматриваемыхъ индуктивныхъ методовъ доказательствъ причинной связи могутъ встрѣчаться очень не часто.

Когда обѣ основныя послыки (при А В есть С D, а при В есть только D) основаны на экспериментахъ, тогда точный выводъ по формулѣ (при А будетъ С), хотя бы послыки казались намъ воплнѣ соответствующими ей, всегда будетъ сомнителенъ, такъ какъ всегда останется вопросомъ, не опустили ли мы изъ вниманія, не осталось ли скрытымъ отъ нашего наблюденія существованіе при В, кромѣ факта D, еще какого нибудь факта, который перешелъ въ С, когда къ условію В было присоединено условіе А. А поэтому, возможность получить чрезъ процессъ выдѣленія дѣйствіе, происходящее при А, изъ дѣйствій, происходящихъ при АВ, есть только мнимая. Это очень обыкновенная ошибка нашихъ наблюденій, что на новыя явленія смотримъ мы какъ на тѣкія, которыя просто прибавляются къ прежнимъ, а не замѣняютъ собою послѣднія. Эта ошибка постоянно встрѣчается даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда явленіе, уступившее мѣсто новому, ясно различалось нами; но она дѣлается еще неизбежною, когда явленіе, замѣняемое другимъ, различалось не ясно или воплнѣ ускользало отъ нашего вниманія. При методѣ различія, такимъ образомъ, заключеніе отъ агрегата къ части никогда нельзя получить воплнѣ отвѣчающее формулѣ. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы оно было совершенно невозможно: оно измѣняетъ только свой характеръ. Изъ того, что къ агрегату порядковъ, изъ которыхъ одинъ характеризуется фактомъ А, другой фактомъ В, относится фактъ Е, а къ порядку, характеризуемому лишь фактомъ В, относится D, слѣдуетъ, что порядокъ А способствуетъ существованію Е, служитъ однимъ изъ его условій; не слѣдуетъ только, что послѣдній фактъ сполна относится къ порядку А, или что къ нему относится часть его, именно какъ часть Е. Соединеніе порядковъ не есть, очевидно, чистый ихъ агрегатъ, поэтому мы не можемъ раздѣлить между ними непосредственно то, что въ немъ содержится, и принуждены распредѣлять между ними только условія къ возникновенію того, что въ немъ содержится. Въ этихъ границахъ выводъ воплнѣ надеженъ и имѣетъ широкое приложение при всякаго рода экспериментахъ.

При методѣ остатковъ, выводъ имѣеть по крайней мѣрѣ возможность, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, точно отвѣчать формулѣ. Если сужденіе: В сопрягается единственно D, составляетъ строго выведенную истину и если при этомъ мы знаемъ, что значеніе условія В не можетъ быть видоизмѣнено въ агрегатѣ А В, то возможность строгого вывода изъ агрегата А В дана; и если мы встрѣчаемъ факты С и D въ такомъ соотнесеніи съ другими событіями, что только въ А В можемъ искать ихъ причины, то безспорно можемъ заключать, что С сполна относится къ порядку, характеризуемому фактомъ А. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда порядокъ В не остается неизмѣннымъ при соединеніи съ А и вмѣсто соединенія D съ С въ результатѣ получается какое нибудь новое дѣйствіе Е,—даже въ этихъ случаяхъ есть иногда возможность при методѣ остатковъ получить точное заключеніе. Это бываетъ тогда, когда мы можемъ, на основаніи уже извѣстныхъ намъ законовъ, мысленно конструировать изъ совокупнаго дѣйствія агрегата условій, съ одной стороны, и изъ дѣйствія одной части этихъ условій, съ другой то, что принадлежитъ остальнымъ условіямъ. Зная, напримѣръ, движеніе, которое произведено двумя силами А и В, и зная, какое движеніе должно бы было произойти, еслибы оно обуславливалось исключительно силой В, мы можемъ опредѣлить и движеніе, которое должно бы было произойти, еслибы сила А взята была отдѣльно. Собственно, на основаніи формулы, мы и въ этихъ случаяхъ, конечно, могли бы сказать только, что А есть одно изъ необходимыхъ условій совокупнаго результата. Но такъ какъ совокупный результатъ силъ А и В даетъ возможность мысленно конструировать дѣйствіе силы А, какъ скоро извѣстно дѣйствіе силы В, то мы, при объясненіи частнаго случая, можемъ смотрѣть на этотъ результатъ такъ, какъ будто бы фактически были даны въ немъ оба дѣйствія и, исключая одно изъ нихъ, какъ принадлежащее извѣстному намъ условію, В, перенести другое на А.

Выводъ отъ агрегата къ предмету, составляющему его часть, не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій въ примѣненіи къ другимъ сужденіямъ, которыя приближаются, по своему смыслу, къ сужденіямъ состава или могутъ быть истолкованы въ смыслѣ сужденій этого рода, а потому говорить подробно о подобныхъ сужденіяхъ нѣтъ никакой нужды.

XV.

Въ выводахъ отъ логической группы къ частному предмету простѣйшій пріемъ вывода состоялъ въ простомъ перенесеніи опредѣле-

нія группы на частный предметъ. При сужденіяхъ о составѣ въ строгомъ смыслѣ, подобный случай невозможенъ, такъ какъ предикатъ здѣсь не предикатъ каждой части, а лишь всѣхъ ихъ въ совокупности. Но когда содержащееся въ цѣломъ характеризуется такъ не точно, что характеристика одинаково приложима какъ ко всему, содержащемуся въ агрегатѣ, такъ и къ каждой отдѣльной вещи, входящей въ составъ цѣлаго, тогда окажется возможнымъ переносить предикатъ агрегата безъ ограниченія на какой угодно изъ составляющихъ его предметовъ. То же слѣдуетъ сказать и объ отрицательныхъ сужденіяхъ, въ которыхъ разъясняется, чего вовсе нѣтъ въ агрегатѣ, такъ какъ ихъ подлинный смыслъ всегда можетъ быть переданъ такъ: того-то мы не найдемъ, какую бы часть агрегата мы ни взяли, и значить опредѣленіе въ нихъ таково, что одинаково относится и къ цѣлому агрегату и къ какой угодно его части.

Однако, хотя прямое, безъ ограниченій, перенесеніе предиката на частный предметъ изъ строгаго сужденія о составѣ агрегата невозможно, если неизвѣстенъ составъ остальныхъ предметовъ, въ него входящихъ, все же нельзя сказать, чтобы знаніе состава агрегата было совершенно бесполезно въ такомъ случаѣ для опредѣленія его части. Когда мы имѣемъ сужденіе о группѣ съ составнымъ опредѣленіемъ и не имѣемъ средствъ выдѣлить изъ этого опредѣленія предикаты, не относящіеся къ занимающему насъ предмету, мы можемъ перенести на этотъ предметъ опредѣленіе въ его цѣломъ видѣ, въ качествѣ опредѣленія не точнаго. То же самое мы можемъ сдѣлать и въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ опредѣленіе агрегата, но не имѣемъ возможности выдѣлить изъ него то, что относится къ части его, насъ не интересующей. Но неточность опредѣленія здѣсь будетъ, очевидно, уже другаго рода. Составное опредѣленіе группы есть соединеніе понятій, которыя вмѣстѣ не могутъ встрѣчаться ни въ одномъ членѣ группы, но исчерпываютъ возможную опредѣлимость каждаго изъ нихъ съ извѣстной стороны. А потому, перенесенное на частный предметъ опредѣленіе группы представляетъ перечень предикатовъ, изъ которыхъ одинъ, но неизвѣстно какой, долженъ быть точнымъ опредѣленіемъ его. Опредѣленіе агрегата въ сужденіи состава представляетъ перечень всего, содержащагося во всѣхъ его частяхъ вмѣстѣ; а поэтому перенесенное на предметъ, признанный частію агрегата, оно указываетъ на содержаніе, среди котораго безспорно находится все содержаніе этого предмета, но въ которомъ оно не отдѣлено отъ содержанія, къ нему не относящагося. Эти выводы представляютъ обрат-

ную сторону выводовъ отъ нѣкоторыхъ частей къ цѣлому агрегату; а вслѣдствіе того все, что выше сказано о примѣненіи послѣднихъ къ обоюднымъ сужденіямъ состава и къ сужденіямъ условнымъ, легко *mutandis mutatis* приложить и сюда.

Такимъ образомъ, выходя изъ принципа возможнаго тождества между предметами сужденій, мы можемъ, по видимому, построить связанную систему выводовъ, которая обвинитъ огромную группу ихъ, именно двѣ фигуры категорическаго силлогизма (первую и третью), положительную форму силлогизма условнаго, силлогизмъ раздѣлительный, индукцію полную и не полную (*per enumerationem simplicem*), всѣ методы такъ называемыхъ индуктивныхъ доказательствъ причинной связи между явленіями, выводы по аналогіи, выводы къ совмѣстности, современности и равенству двухъ предметовъ на основаніи совмѣстности, современности и равенства ихъ съ однихъ и тѣмъ же третьимъ, выводы отъ частей къ цѣлому и отъ цѣлаго къ частямъ, анагогическія доказательства геометріи, основныя формы выводовъ математической вѣроятности и нѣкоторыя другія менѣе значительныя группы выводовъ.

М. Карпинскій.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII ст. (по рукописямъ Соловецкой бібліотеки). *П. В. Владимірова.* Казань. 1878.

Авторъ разсматриваемой монографіи поставилъ себѣ задачей разсмотрѣть съ лингвистической точки зрѣнія такъ называемыя „чюдеса“, присоединяемыя въ нашихъ древнихъ рукописяхъ къ житіямъ святыхъ, и притомъ только „чюдеса“ краткія. Выборъ предмета своего изслѣдованія авторъ мотивировалъ тѣмъ, что въ краткихъ „чюдесахъ“ сказалось чисто мѣстное происхожденіе ихъ, безъ вліянія церковно-славянскихъ образцовъ и другихъ источниковъ; въ пространнѣхъ „чюдесахъ“ на оборотъ это постороннее вліяніе обнаруживается уже въ довольно сильной степени, и потому они исключены нашимъ авторомъ изъ круга изслѣдованія. Но для чего же существуетъ филологическая критика? Филологъ-критикъ долженъ отдѣлать въ извѣстномъ письменномъ памятникѣ все цѣльное, подлинное отъ наноснаго. Ограничившись однимъ краткими „чюдесами“, авторъ, понятнo, не могъ располагать вполне достаточнымъ матеріаломъ въ количественномъ отношеніи; одно же качественное достоинство бывшаго у него подъ руками матеріала оказалось недостаточнымъ для того, чтобы привести его къ опредѣленнымъ выводамъ.

Этотъ незначительный матеріалъ авторъ разсмотрѣлъ въ отноше-

ніяхъ фонетическомъ, словообразовательномъ и синтаксическомъ, но не всегда съ надлежащею тщательностью. Самъ авторъ не сдѣлалъ никакихъ выводовъ, а читатель его труда не можетъ рѣшиться дѣлать выводы на основаніи собранныхъ въ его монографіи фактовъ; трудъ автора имѣлъ бы несомнѣнное значеніе тогда, когда въ немъ былъ бы исчерпанъ весь матеріалъ этихъ незначительныхъ по количеству источниковъ; въ такомъ случаѣ интересующійся состояніемъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII вв. могъ бы лишь дополнить собранный нашимъ авторомъ матеріалъ по другимъ источникамъ, будучи избавленъ отъ черновой работы надъ тѣми же источниками, которые были разбираемы авторомъ разсматриваемой монографіи.

Но кромѣ этого недостатка, нельзя не указать и на нѣкоторые другіе. Читая монографію г. Владимірова невольно задаетъ себѣ вопросъ: почему въ словообразованіи простыхъ существительныхъ именъ прежде всего обращается вниманіе на образованіе съ помощью суффиксовъ тель, —ва, —ило, —ина, —ица, —овникъ, а о другихъ не упомянуто (стр. 18). Неужели только перечисленные сейчасъ суффиксы встрѣчаются въ изслѣдованныхъ авторомъ памятникахъ? Почему обращаютъ на себя вниманіе прилагательныя имена: скотинной (дворъ), посадной (человѣкъ) (стр. 19), или существительныя имена: утлина, кляпина, варилца, звонница? Авторъ, по видимому, не точно понимаетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ „народнымъ словопроизводствомъ“, когда въ примѣръ его приводитъ слѣдующіе случаи: „въ неросалимскихъ страпахъ, фиміаномъ, папафиду“ (стр. 28). Въ небольшомъ перечнѣ словъ, заимствованныхъ изъ финскаго языка (стр. 29), авторъ въ числѣ другихъ помѣстилъ и кочкордамъ. Жаль, что авторъ не привелъ при этомъ и при другихъ словахъ связанное предложеніе, изъ котораго удалось бы значеніе слова. Приведенное слово кочкордамъ можно ставить въ связь съ малорусскимъ и польскимъ кочкоданъ, которое имѣетъ значеніе бранное: кочкоданомъ называютъ человѣка непригожаго, отличающагося особенною типичностью формъ тѣла. Авторъ указываетъ на замѣну большаго юса (я) звукомъ у въ разсмотрѣнныхъ имъ письменныхъ памятникахъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія, какъ на особенность только этого нарѣчія; въ другихъ же русскихъ нарѣчіяхъ, „это у“, по мнѣнію его, — „измѣнилось въ о подъ вліяніемъ аналогіи съ сложнымъ изъ предлога со (=съ) въ первой части сложенія“ (стр. 13—14); изъ своихъ источниковъ онъ приводитъ примѣры: суперникъ

(=сѣпръникъ), супротивленіе (=сѣпротивленіе), сусѣди (=сѣсѣдъ). Но вѣдь и Малороссъ говоритъ: супротивитися, не супротивляйся, сусіди и т. п.

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что трудъ г. Владимірова хоть и не вполне удовлетворителенъ съ точки зрѣнія исторіи сѣверно-великорускаго нарѣчія въ XVI и XVII вѣкахъ., можетъ однако быть полезенъ для начальнаго ознакомленія съ нимъ. Полезенъ онъ также и по тѣмъ даннымъ, которыя представляетъ для сравнительнаго изученія славянскихъ нарѣчій.

В. КС.

П О П Р А В К И.

При печатаніи статьи г. Никитскаго: „Очерки внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ“, въ февральской книжкѣ Ж. М. Н. Пр., въ нее вкралось нѣсколько опечатокъ, на которыя обращаемъ вниманіе читателей.

Страница.	Напечатано:		Должно быть:
281	16 сверху	людей	судей
283	1 >	невѣдѣніе	всеѣдѣніе
<	14 >	усиліе	ученіе
285	8 >	вареньями	кореньями
287	9 >	приписывался	предписывался
303	5 >	варъ	виръ
304	15 >	владѣтели	владыки
305	14 >	и десятину	въ десятину
<	15 >	классы	клязья
306	15 >	Нижегородскаго	Новгородскаго
308	22 >	попечителемъ	надписателемъ.

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ КРИТИКИ ВЪ РУКОВОДСТВАХЪ ПО ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ.

Учебникъ по словесности. 1. Стилистика.—2. Теорія прозы.—3. Теорія поэзиі.—
Андрея Филонова. С.-пб. 1878 г.

Составъ, формы и разряды словесныхъ произведешій, примѣнительно къ практическому преподаванію словесности, изложенныя В. Классовскимъ.
С.-Пб. 1776.

I.

Давно слышатся у насъ жалобы на недостатокъ хорошихъ руководствъ по словесности, а между тѣмъ вновь выходящія книги продолжаютъ не удовлетворять близко заинтересованныхъ лицъ. Въ ряду причинъ печальнаго факта рѣзко выдѣляется и тотъ важный недостатокъ въ работахъ составителей руководствъ, на который мы намѣрены обратить вниманіе. Беремъ для этого два недавно вышедшія сочиненія, стоящія на одной почвѣ въ отношеніи къ теоріи словесности, но различныя по способу созданія. Одно изъ нихъ—простая компиляція, или выборъ изъ прежнихъ пособій всего, что казалось автору наиболѣе подходящимъ къ принятой школьной программѣ. Это „Учебникъ по словесности“ г. Филонова, который уже замѣченъ въ печати съ указанной стороны, но еще критически не разобранъ, насколько того заслуживаетъ. Другое руководство—книга г. Классовскаго (также разсмотрѣнная въ печати только библиографически), по справедливому выраженію автора, представляетъ „скромнымъ опытомъ на пути личныхъ педагогическихъ убѣжденій и посильной самостоятельности“, — и съ этой стороны даетъ лучшій случай къ обмѣну мыслей между преподавателями. На послѣдней книгѣ, по самому ея характеру, мы остановимся подробнѣе.

Если не ошибаемся, мысль о составленіи учебника могла придти г. Филонову лѣтъ двадцать тому назадъ, когда онъ рылся въ старыхъ руководствахъ по теоріи прозаическихъ сочиненій и напечаталъ о томъ нѣсколько статей. Въ послѣдней статьѣ, подводя итоги неудовлетворительности „многочисленнаго ряда учебниковъ“, онъ рекомендовалъ, между прочимъ, будущему составителю руководства по словесности „въ своемъ трудѣ держаться современныхъ здравыхъ мыслей о словесномъ искусствѣ, а не старыхъ перетертыхъ убѣжденій, учившихъ фразъ, а не истинъ“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1861 г. № 3, Отд. III, стр. 148). Читатели статей г. Филонова при знакомствѣ съ новымъ его „Учебникомъ по словесности“ должны были припомнить старую истину, что гораздо легче давать совѣты, чѣмъ самому выполнять ихъ.

Въ „предисловіи“ г. Филоновъ заявляетъ: „Теоретическое изученіе словесности, изложенное въ системѣ, вѣками выработанной, составляетъ ту завѣтную цѣль, которую должны имѣть въ виду всѣ преподаватели этого глубоко-образовательнаго предмета“. Не значитъ ли это, другими словами, къ преподаванію словесности прилагать старую теорію „искусства для искусства“? Какъ бы кто ни представлялъ себѣ тѣ результаты, къ какимъ должно приводить преподаваніе словесности въ гимназій, все таки указанная „завѣтная цѣль“ является здѣсь только однимъ изъ средствъ къ развитію учениковъ. Пусть строгая научная система остается въ учебникѣ по теоріи словесности (иначе онъ и не можетъ быть составленъ); но опытный преподаватель можетъ не стѣсняться порядкомъ §§ учебника, выбирая въ немъ легчайшее прежде труднѣйшаго. Съ другой стороны, между родами прозы и поэзій существуетъ извѣстная параллель: прозѣ повѣствовательной соотвѣтствуетъ эпосъ, дидактической—лирика, ораторской—драма (о чемъ даже и намекъ имѣтъ въ разсматриваемомъ руководствѣ). Параллель эта дастъ намъ право на совмѣстное даже чтеніе образцовъ прозы и поэзій—съ выборомъ особаго занятія для каждаго изъ недѣльныхъ уроковъ по словесности. При чемъ же тутъ „строгонаучный порядокъ“ и „завѣтная цѣль“ преподаванія? Главное, чтобы учениками практически была усвоена данная теорія, на сколько это нужно для ихъ развитія, а самый порядокъ усвоенія,—что прежде, что послѣ,—естественно предоставляется преподавателю.

Отъ общаго взгляда перейдемъ къ частностямъ. Въ „Учебникѣ“ г. Филонова собрано много матеріала (до $\frac{3}{4}$ книги), который возвышаетъ только цѣну книги, не возвышая ея дѣйствительной цѣнныо-

сти. Сюда относятся: библиографія, примѣчанія, своеобразные разборы и самые образцы. „Библиографія“ (извѣстная учителю по первымъ источникамъ) представляетъ показную эрудицію, бесполезную и для ученика, которому не стапеть ни времени, ни средствъ, а, главное, даже нѣтъ и надобности дѣлать справки въ какихъ нибудь, напримѣръ, риторикахъ, гдѣ опредѣляется такъ или иначе словесность, или говорится о періодахъ и т. п. „Примѣчанія“, въ большинствѣ пустыя по существу, показываютъ только, что составитель „Учебника“ беретъ на себя роль и просвѣтителя преподавателей. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

На стр. 96: „Высказанныя мысли о „Письмахъ Русскаго Путешественника“ учитель подкрѣпляетъ чтеніемъ тѣхъ страницъ, которыя здѣсь указаны, или же читаетъ отрывки по хрестоматіямъ: А. Галяхова (ч. 1 и Историческая, ч. 2), А. Филонова (ч. IV), Басистова (ч. II), Бунакова (отд. I и III)“.

На стр. 171: „Всѣ высказанныя мысли о сказкѣ подкрѣпляются чтеніемъ слѣдующихъ сказокъ: „Окаменѣлое царство“. „Марья Моревна“, „Баба-Яга“ и др. См. хр. Филонова ч. I“.

На стр. 177: „Для болѣе обстоятельнаго знакомства съ былинами надо прочитать о Святогорѣ (старшій богатырь), Вольгѣ, Микулѣ Селяниновичѣ (богатырь земледѣлецъ) и пр. Въ хрестоматіяхъ помѣщено не мало былинъ“.

Таковы „примѣчанія“ г. Филонова. При взглядѣ на эти выдержки, прямо бросается въ глаза ихъ цѣль: толще будетъ книга,—больше можно и цѣну назначить, а чѣмъ бы ни наполнялись страницы, — для издателя это безразлично.

Если „примѣчанія“ въ „Учебникѣ“ (за немногими исключеніями) только бесполезны, какъ лишній балластъ, то „разборы примѣровъ“ періода и др. даже могутъ быть вредны для учениковъ, потому что ослабляютъ въ нихъ самостоятельность мысли, располагая къ механическому зубренію на память. Для подтвержденія нашего мнѣнія достаточно будетъ одного образца.

Примѣръ противоположнаго періода изъ „Слова Давиіла Заточника“:

„Богатъ мужъ вездѣ знаеиъ есть и нѣ чужой землѣ дружи имѣеть, а убогъ и во своихъ невидимо ходить. Богатъ возглаголетъ, вси возмолчатъ и слово его вознесутъ до облакъ, а убогъ возглаголетъ, вси ванъ кликнутъ и уста ему возградятъ: ихъ же бо ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна“.

„Разборъ. Здѣсь два противоположныхъ періода: одинъ оканчивается словомъ „ходить“, послѣ котораго словомъ „богатъ“ начинается второй періодъ. Первый періодъ въ повышеніи имѣетъ два предложенія (или одно слитное), а въ пониженіи одно предложеніе— простое распросграненное. Связаны обѣ части небольшого періода противительнымъ союзомъ „а“.—Второй періодъ замѣчательнѣе перваго по своему построенію. Въ немъ 1) видимъ соотвѣтствіе не только между членами (то-есть предложеніями), но и между словами членовъ, напримѣръ: богатъ возглаголетъ (въ повышеніи періода), убогъ возглаголетъ (въ пониженіи періода), вси возмолчатъ (въ первой половинѣ періода), вси нанъ кликнуть (во второй части періода), и слово его (богатаго) вознесутъ до облакъ (въ первой части періода), и уста ему (убоному) заградятъ (во второй части періода); во 2) періодъ заключается пословицею, которая указываетъ на причину предпочтенія богатаго убоному. Разобранный примѣръ показываетъ, какъ искусны были наши старыя писатели въ умѣнны строить свою рѣчь, какъ они строго обдумывали каждое предложеніе, каждое слово“ (стр. 65).

Подобныхъ „разборовъ“ въ одной статьѣ о періодахъ (нѣкоторые короче, подъ именемъ „примѣчаній“, другіе же еще и длиннѣе) мы насчитали ровно двадцать! Заключительная замѣтка въ приведенномъ „разборѣ“ сдѣлана безъ всякой критики: 1) Даниилъ Заточникъ— не писатель въ собственномъ смыслѣ, а только грамотный человѣкъ своего времени, или книжникъ (и приведенное мѣсто заимствовано изъ кн. Прем. Ис. Сына Сирахова, гл. XIII, ст. 28—29): составить челобитную по готовымъ источникамъ еще не значить заручиться правомъ на имя писателя. 2) Строй рѣчи Заточника самый безыскусственный, въ формѣ притчъ и пословицъ, чѣмъ собственно и цѣлится этотъ памятникъ; гдѣ же составитель прибѣгаетъ къ искусству, какъ въ началѣ „Моленія“, тамъ онъ оказывается несостоятельнымъ. 3) Обобщать Заточника, какъ стараго писателя, также не основательно, потому что „Слово“ его, или „Моленіе“, представляется особымъ явленіемъ въ ряду памятниковъ нашей древней письменности ¹⁾).

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что по другому случаю г. Филоновъ не стѣсняется выводить даже такую мораль: «наши предки издавна заботились о благозвучіи своей рѣчи *въ назиданіе намъ людямъ XIX вѣка!* А почему бы, вы думали? Потому что «въ сіе время (отъ XIII до XV вѣка,—по словамъ Карамзина) уже

Другіе „разборы“—простая перепечатка извѣстныхъ „темъ“ изъ хрестоматіи составителя „Учебника“ (напр., разборъ на стр. 196 взятъ изъ I части хрест. 3 изд., стр. 231; разб. на стр. 200 взятъ оттуда же, стр. 160 и пр.). Нѣкоторую цѣнность имѣетъ еще единственный въ цѣлой книгѣ разборъ ложно-классической оды Ломоносова „на день восшествія Елисаветы“; но и тутъ авторъ дѣлаетъ ошибки (покажемъ ихъ ниже) и самъ проникается духомъ старой риторики, напримѣръ: „Гдѣ мерзлыми Борей крылами твои взвѣваетъ знамена“. Опять языческое божество!.. „И се Минерва ударяетъ въ верьхи Рифейски копіемъ,—Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется“. Опять языческія божества! „Парнасъ и Музы съ ихъ пріятными струнами“. Еще и еще классическіе образы!.. „Се хочетъ Лира восхищенна гласить велики имена“. Еще разъ классическій образъ! и пр. (стр. 237—238). Этою риторикой, вызывающей наклонность къ фразѣ, незамѣтно портится литературный вкусъ учениковъ.

Что касается „образцовъ“, какъ матеріала собственно хрестоматіи внесеннаго въ „Учебникъ“ (по стародавнему обычаю), то здѣсь остается только недоумѣвать, зачѣмъ попалъ сюда этотъ матеріалъ? Изъ „примѣчаній“ мы видѣли, что г. Филонову очень присуще сознаніе необходимости, при занятіи словесностію, хрестоматіи: съ какой же стати перепечатывать тѣ же образцы и въ „Учебникѣ“? Ученикамъ гимназій и то уже многіе литературные памятники приходится оплачивать двойною цѣною (напримѣръ, въ общей хрест. Галахова и потомъ въ Историч. Хр. Петрова), а теперь, при покупкѣ „Учебника“ г. Филонова, пришлось бы третій разъ платить за одно и то же! Другое дѣло, еслибы выборъ былъ сдѣланъ новый, или помѣщено какъ разъ все, что требуется въ учебномъ курсѣ; а то—ни того, ни другаго! „Учебникъ“ такъ составленъ, что предполагаетъ хрестоматію, и сюда же вносится много матеріала, который уже есть въ любой хрестоматіи. При самомъ выборѣ „образцовъ“ составитель опускаетъ или вноситъ литературный матеріалъ въ книгу безъ всякихъ руководящихъ соображеній. Отъ этого вышло, что иногда недостаетъ нужнаго, а иногда внесено лишнее. Идомъ съ прозой повѣствовательной описательнаго сочиненія (ученыя и художественныя) даже не упомянуты. Между тѣмъ, внесены записки Порошина, которыя могутъ имѣть лишь историческую цѣнность. Для біографіи также

начинали писать полкъ, а не палкъ, персть, а не прсть, сверши, а не съврши» (стр. 22—23).

нѣтъ образца. Изъ свѣтскаго краснорѣчія, кромѣ коротенькаго „спича“ проф. Павлова (по случаю манифеста 30 августа 1856 г.), нѣтъ также цѣльнаго образца, а только отрывки изъ Цицерона и Демосоева, съ которыми (писателями) ученики знакомятся на урокахъ латинскаго и греческаго языковъ. Академическая рѣчь Карамзина, 5 декабря 1818 г., къ сожалѣнію, опускаемая въ послѣднихъ изданіяхъ христоматіи Галахова, имѣла бы большее значеніе для учителя словесности. Изъ сочиненій „философическихъ“ (ближе бы: ученыхъ, или дидактическихъ) замѣтъ то приводится отрывокъ изъ мистическаго ученія Платона о происхожденіи поэзіи (гдѣ поэты представляются людьми „не въ своемъ умѣ“), поэзіи, съ которою ученики еще не ознакомлены,—и потомъ разсужденіе „о любви къ отечеству“ и пр. Карамзина съ извѣстнымъ, по христоматіи, его разборомъ. Второй части разсужденія (о народной гордости) лучше бы совсѣмъ уже не печатать, потому что она можетъ имѣть значеніе только въ историческомъ курсѣ, какъ и дальнѣйшія замѣтки составителя о критикѣ, изложенныя безъ всякихъ теоретическихъ указаній. Тѣмъ же характеромъ „что подъ руку попало“ отличается и выборъ образцовъ поэзіи. Приведены нѣсколько мелкихъ эпическихъ и лирическихъ мѣстъ, которыя, предполагается, уже выучены учениками въ низшихъ классахъ, напримѣръ, „Ворона и Лисица“, „Волкъ на царпѣ“, Крылова, „Пѣснь о вѣщецѣ Олегѣ“, Пушкина, даже „Ну, тапцися, сивка“, Кольцова! За сказками и былинами (помѣщенъ лишь отрывокъ встрѣчи Ильи Муромца съ разбойниками) ученики отсылаются къ христоматіи, какъ и за отрывками изъ романовъ и повѣстей. Въ драматической поэзіи находимъ отрывки изъ „Апигоны“, „Горя отъ ума“ и „Гамлета“, которыя также предполагаютъ потребность христоматіи. Еслибы еще составитель „Учебника“ показалъ всѣ особенныя приемы настоящихъ разборовъ, какіе должны употребляться при чтеніи разнообразныхъ „образцовъ“, то помѣщеніе послѣднихъ въ его книгѣ имѣло бы нѣкоторое основаніе.

Мы не нашли руководящей мысли при выборѣ „образцовъ“, какъ и въ составленіи „примѣчаній“ съ „разборами“. Вообще составитель обнаруживаетъ недостатокъ критическаго такта. На этой сторонѣ изданія мы и намѣрены остановиться. По идеѣ, каждый учебникъ долженъ возбуждать къ себѣ полное довѣріе, если не равное (что было бы идеализаціей), то близкое къ тому, какимъ пользуется таблица умноженія. Смотря по предмету, такое довѣріе достигается различными средствами; но вездѣ въ основѣ его кладется

та или другая цѣнность критическаго изслѣдованія. Въ учебникѣ по теоріи словесности эта цѣнность должна быть на первомъ планѣ, такъ какъ здѣсь вся суть заключается въ здоровой критикѣ. Критика прежде всего строго разбираетъ сложный матеріалъ учебной книги: чтò здѣсь нужно и чтò лишнее, чтò прочно и чтò шатко; первому дастъ мѣсто въ книгѣ, а послѣднее отбрасываетъ. „Учебникъ“ г. Филонова представляетъ множество частныхъ критическихъ промаховъ, доказывающихъ, что настоящая идея учебника мало присуща сознанию нашего педагога-словесника. Представимъ нѣсколько такихъ мѣстъ, касающихся, частію, примѣровъ изъ писателей, частію, другихъ предметовъ учебнаго матеріала.

Мнѣніе Квинтиліана объ ясности рѣчи, что послѣдняя „должна быть понятна даже и невнимательнымъ слушателямъ (*oratio debet negligentior quoque audientibus esse aperta*), пора бы уже сопровождать хоть оговоркой, что это требованіе слишкомъ преувеличено, такъ какъ въ простомъ видѣ оно совсѣмъ невыполнимо. Какъ ни будь наша рѣчи ясна,—ее не пойметъ, то-есть не усвоятъ себѣ, невнимательный слушатель или читатель. Между тѣмъ, опираясь на крайнее требованіе образцоваго ритора, стилисты готовы видѣть темноту даже и въ тѣхъ выраженіяхъ писателя, которыя совершенно ясны и сами по себѣ, или отрывочно, а тѣмъ болѣе въ связи съ цѣлымъ. Такъ и въ „Учебникѣ“ г. Филонова, напримѣръ, мѣсто изъ Лермонтова:

«Издадека
Лишь дуновение вѣтерка
Роптанье листьевъ приносило», —

представляется, какъ образецъ неясности рѣчи — по случайному стеченію двухъ словъ съ одинаковымъ окончаніемъ. Но Лермонтовъ, конечно, не виноватъ, если его читаютъ невнимательно, потому что не отъ роптанья же листьевъ происходитъ дуновение вѣтерка, а наоборотъ. И другіе примѣры на тотъ же случай: „притѣсеніе производитъ отчаяніе“, „грузъ потопилъ корабль“, „мать любитъ дочь“, — составитель „Учебника“, вслѣдъ за стилистами (см. напримѣръ, „Учебную теорію словесности“, II. Минина), находитъ двусмысленными, а потому будто и неясными, по одной рутинной придирижѣ. Въ живой рѣчи, а также и въ книгѣ, по основному правилу конструкціи русскаго предложенія, эти мѣста ясно передаютъ мысли: о притѣсеніи, производящемъ (иногда) отчаяніе, о грузѣ, потопившемъ корабль, о матери, любящей свою дочь; въ противномъ случаѣ

было бы сказано: „корабль потопилъ грузъ“, „дочь любитъ мать“ и т. д. Поправка же, сдѣланная г. Филоновымъ: „отчаяніе производится притѣсненіемъ“, хотя и совершенно ясно передаетъ мысль, но уже невѣрную, обобщая притѣсненіе, какъ причину отчаянія. Мы не отрицаемъ возможности рѣдкихъ, конечно, случаевъ, гдѣ одинаковость окончаній можетъ породить двусмысленность; только приведенные примѣры сюда не относятся (стр. 6).

Нарушеніе ясности рѣчи „употребленіемъ длинныхъ періодовъ“ также не подтверждено приведеннымъ примѣромъ изъ Ломоносова. Если этотъ примѣръ неясенъ, — впрочемъ, только для необразованнаго читателя, — то совсѣмъ не отъ длины періода (который шестью строками короче образцоваго періода изъ Гоголя, на стр. 55, — и раздѣленъ даже точкой), а отъ употребленія старыхъ словъ (чудилось, позорище, вящее) и латинской конструкціи предложеній. Выразите тотъ же періодъ современною рѣчью, — и никто не назоветъ его неяснымъ по длинотѣ. Вообще это хорошій примѣръ, но только не темноты, а, мѣстами, неблагозвучія или широкости рѣчи, особенно по стеченію причастныхъ формъ: „чудилось... народа множество, стекшееся видѣть восхищающее позорище“ и т. п. Потому произвольно и то обобщающее сужденіе, съ которымъ нашъ стилистъ подходитъ къ примѣру: „Ломоносовъ часто непонятенъ бываетъ для насъ (?) по причинѣ длинныхъ періодовъ (?), которыми изобилуетъ его изложеніе“ (стр. 6). Длинный періодъ только затруднителенъ для произношенія и требуетъ, правда, большей напряженности вниманія, но ясность или неясность рѣчи тутъ въ сторонѣ: можно выразиться кратко и однако темно (о чемъ говорится на той же страницѣ „Учебника“), и наоборотъ. Не странна ли такая небрежность критики въ отношеніи къ писателю, который только что названъ „великимъ законодателемъ нашего языка“ (стр. 4), а дальше, на стр. 56, „первымъ нашимъ знатомъ словесности“?

Впрочемъ, составитель „Учебника“, руководясь опять авторитетомъ Квинтиліана, не церемонится вообще съ русскими писателями. По тому же вопросу о неясности, но уже отъ излишней краткости рѣчи, онъ допускаетъ такой приговоръ: „У насъ многіе писатели позволяютъ себѣ выражаться кратко, не думая о томъ, что читатель не ясно разумѣетъ ихъ мысль“ (стр. 6). Замѣчаніе это не подтверждается приведенными примѣрами изъ Карамзина и Державина. Если кого меньше всего можно упрекнуть въ излишней краткости, — то Карамзина; приведенное изъ него мѣсто („Ольга, — денница и луна

спасенія“ и пр.)— спорно въ отношеніи ясности. Допуская, что „понять можно“ выраженіе „денница спасенія“, мы должны допустить то же и въ отношеніи къ обороту „луна спасенія“, то-есть, что луна въ отношеніи къ солнцу (свѣтитъ ночью), то и Ольга въ отношеніи къ Владимиру, красному солнышку. Разумѣется, для пониманія этого мѣста нужно знать исторію распространенія христіанства въ Россіи, что и предполагаетъ въ читателѣ Карамзинъ. Легко найти неясную мысль писателя, если читать ее въ безсвязномъ отрывкѣ, какъ дальше отмѣченный стихъ изъ Державина (стр. 7), который въ связи съ предыдущими стихами, напротивъ, ясенъ, на сколько можетъ быть вообще ясенъ фантастическій образъ Фелицы:

«Представь мнѣ, въ мысли восхищенной,
Сходила бы съ небесъ она;
Какъ солнце крудь, съ ткани зеленой,
Рукой метала сѣмена».

(Изображеніе Фелицы, изд. Грота, т. I, стр. 287).

Въ обоихъ случаяхъ „Учебникъ“ механически повторяетъ чужія замѣтки, которыя требовали пересмотра.

Любопытна послѣдняя замѣтка г. Филонова къ рассматриваемому параграфу, которою авторъ, самъ того не подозрѣвая, уничтожаетъ все имъ сказанное прежде. Оговоривъ, что для ясности рѣчи всего важнѣе „пониманіе предмета“, онъ заключаетъ: „Понимающій дѣло всегда ясно излагаетъ свои мысли, хотя бы говорилъ о предметахъ самыхъ отвлеченныхъ“ (стр. 7). Отселѣ прямой выводъ: Лермонтовъ, Ломоносовъ, Карамзинъ и Державицъ въ указанныхъ мѣстахъ ясно излагали свои мысли, такъ какъ нельзя же заподозрить cadaго изъ нихъ въ непониманіи своего предмета¹⁾.

Нужно обращать вниманіе на мысль писателя, а не привязываться къ словамъ, которыя легко можно перетолковывать. Такъ въ „Мцыри“ Лермонтова:

¹⁾ Мы нарочно просмотрѣли «ясность и темноту» слога въ «Общей реторикѣ» Кошанскаго, и находимъ, что тамъ предметъ изложенъ лучше, чѣмъ въ «Учебникѣ» г. Филонова: логичнѣе, осмысленнѣе и короче, хотя оба изданія раздѣляются почти полстолѣтіемъ («Общ. рет.» изд. 2-е 1830 г., стр. 92—93). Привѣда, и Кошанскій ошибочно считаетъ неяснымъ, напримѣръ стихъ Петрова: «Тамъ вихремъ хлябь корабль три раза вокругъ вращаетъ», какъ будто корабль можетъ вращать морскую бездну (случай однородный съ примѣромъ выше изъ Лермонтова), но это уже отъ указанной нами выше общей слабости стилистовъ.

То былъ пустыни *стичный юсть* —
 Могучій барсъ. Сырую кость
 Онъ грызъ и пр.

Г. Филоновъ курсивное выраженіе находить неточнымъ: „такъ какъ гость не можетъ быть вѣчнымъ; точнѣе надо было выразиться такъ: житель или обитатель вѣчный“ (стр. 7—8). А житель развѣ можетъ быть вѣчнымъ? Лермонтовъ, независимо отъ рѣшмы, имѣлъ право назвать барса „вѣчнымъ гостемъ“, въ томъ смыслѣ, что онъ, пользуясь готовымъ столомъ, чувствуетъ себя въ пустынѣ, какъ въ гостяхъ. Говоримъ же мы о любителей праздной жизни: „онъ вѣчно въ гостяхъ“, — и никто не находитъ этого выраженія неточнымъ. Еще болѣе близорука привязка нашего стилиста къ выраженію Пушкина:

И памятникъ себѣ воздвигъ *нерукотворный*,

которое признается неточнымъ потому, что „поэтъ писалъ свои произведенія“, слѣдовательно „воздвигалъ себѣ памятникъ рукою (стр. 8). Конечно, поэтъ пишетъ сочиненія рукою; но вотъ вопросъ: рукѣ ли принадлежитъ творчество, создающее поэтическіе памятники? Критикъ забываетъ устную народную поэзію, которая „нерукотворна“ уже въ полномъ смыслѣ слова. Подражая въ своемъ „Памятникѣ“ Горацию, у котораго сказано (по переводу Фета):

Воздвигъ я памятникъ вѣчнѣе мѣди прочной
 И зданій царственныхъ превыше пирамидъ;
 Его ни вѣдкій дождь, ни аквилонъ полнотной,
 Ни рядъ безчисленный годовъ не истребитъ,—

Пушкинъ названіемъ „нерукотворный“ разомъ изгоняетъ матеріальное представленіе прочности и несокрушимости памятника. Тутъ уже нѣтъ мѣста дѣйствию стихій, а потому и вѣчность у него выражена метафорически—своеобразно: „къ нему не заростетъ народная тропа“, то-есть сочиненія поэта останутся въ памяти народной.

Есть въ „Учебникѣ“ и другія придирки къ писателямъ, также не провѣренныя критикой. Напримѣръ обращеніе Лязкова къ Погодину:

И вотъ
 Тебѣ, мой явный доброхотъ,
Стаканъ стиховъ: на, пей!

не представится „натянутымъ“, если принять во вниманіе то, что поэтъ въ шутку сближаетъ разнородные предметы, имѣющіе, впрочемъ, извѣстную связь, а потому и право на сближеніе: можно упиваться стихами, какъ и виномъ. Подобныя мѣста, вызывая въ чи-

тателѣ улыбку, не возбуждаютъ намѣренія подражать имъ, чего такъ боятся стилисты ¹⁾). Аргументируя въ пользу простоты рѣчи цитатами изъ Горациа, нашъ теоретикъ ограничивается пустой замѣткой, выраженной притомъ неестественно, или натянута: „Но надо всѣми силами ума и воли стремиться къ пей“ (стр. 9). Что значитъ это, едва ли дастъ отчетъ и самъ авторъ; по то вѣрно, что подобное выраженіе предусмотрѣно Горациемъ же въ приведенномъ мѣстѣ: „быть высокимъ (хочу я)—впадаю въ падучесть“, которая, прибавимъ, какъ и вездѣ, сопровождается ложью, потому что къ простотѣ рѣчи не „стремиться“ нужно какимъ-то диковиннымъ способомъ, а не слѣдуетъ лишь отъ нея удалиться.

Такъ и выраженіе г. Достоевскаго: „Призналась бы тебѣ кое-въ чемъ, да боюсь тебя ужь очень“, напрасно признается „неблагозвучнымъ“, ибо нѣтъ же здѣсь „сосѣдства многихъ односложныхъ словъ“, какъ у Державина: „Туркъ, Персъ, Пруссъ“ и пр. (стр. 25).

Отиѣтимъ и еще два случая. На стр. 42 сказано: „для сравненія надобно избирать, во первыхъ, предметъ, наиболѣе извѣстный, понятный большинству читателей. Нельзя брать для сравненія предметъ отвлеченный, потому что онъ самъ требуетъ уясненія. Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи „Пророкъ“ попустилъ неосновательно, сравнивъ персты Серафима со сномъ, — предметомъ отвлеченнымъ:

*Перстами легкимъ, какъ сонъ,
Монхъ зѣницъ коснулся онъ.*

Разумѣется, тутъ неоснователенъ не поэтъ, а его случайный критикъ. Пушкинъ сравниваетъ не „персты со сномъ“, а только ихъ легкость, что не одно и то же. Это сравненіе съ общеизвѣстнымъ и психически-реальнымъ предметомъ прекрасно выражаетъ, по мысли поэта, духовность прикосновенія серафима.

Другой случай встрѣчаемъ въ помянутомъ выше разборѣ оды Ломоносова Елисаветѣ (1747 г.), гдѣ г. Филоновъ, указавъ на эпизоды, какъ на одинъ изъ признаковъ ложноклассическаго направленія старыхъ одъ, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Такіе эпизоды

---

¹⁾ Впрочемъ, Кошанскій на этотъ разъ оказывается опять логичнѣе г. Филонова. Подъ четвертымъ правиломъ о «приличіи» въ слогѣ, которое «не терпитъ страннаго смѣшенія словъ и выраженій», маститый риторъ дѣлаетъ оговорку: «Есть исключенія: иногда, желая быть забавнымъ — особенно въ дружескихъ письмахъ, критикахъ и сатирахъ — нарочно смѣшать подобнымъ сочетаніемъ странностей, но тогда дѣлю бываетъ смѣшное». (Ib., стр. 95).

у Ломоносова мы видимъ въ разказѣ о Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ I (стр. 7, 8, 9, 10 и 11). Эти эпизоды мѣшаютъ развитію главной идеи, состоящей въ томъ, чтобы показать плоды мира въ царствованіе Елисаветы. Указанная идея, сама по себѣ, могла дать богатое содержаніе для цѣлой оды, но Ломоносовъ, подражая древнимъ классическимъ образцамъ, напримѣръ, Пиндару, у котораго всегда въ одахъ вводились эпизоды, внесъ въ свое произведеніе два вставочныхъ разказа про Петра и Екатерину I совершенно некстати. Если мы выбросимъ строфы 6, 7, 8, 9, 10 и 11, то не разрушимъ содержанія оды и не повредимъ развитію главной ея идеи" (стр. 240). Такъ разбирать означенное мѣсто, значить—просто непонимать писателя. Прежде всего нѣтъ никакой цѣли выбрасывать указанныя строфы (въ ихъ общемъ количествѣ есть своя гармонія), потому что этимъ не снимается же съ оды ея ложноклассическій характеръ, которымъ запечатлѣно стихотвореніе отъ начала до конца. Но для этой безцѣльной выброски нѣтъ и основанія. Критикъ невѣрно понялъ главную идею оды, а потому и на разказъ о Петрѣ и пр. посмотрѣлъ, какъ на простое подражаніе Пиндару, или совсѣмъ побочный эпизодъ, мѣшающій даже развитію идеи. Въ известномъ заголовкѣ къ своему стихотворенію: „Радостныя и благодарственныя покличанія музъ россійскихъ, прозорливостію Петра Великаго основанныхъ, тщавіемъ щедрыя Екатерины утвержденныхъ и несказаннымъ великодушіемъ Ея Имп. Вел. Елисаветы Пестровны... обогащенныхъ, оживленныхъ и возставленныхъ" и пр., — Ломоносовъ прямо даетъ знать, что Петръ входитъ въ его оду не эпизодально, а какъ фундаментъ къ развитію идеи возрожденія и преуспѣянія наукъ въ Россіи съ благопріятными условіями мира при Елисаветѣ. Если поэтъ восторгается миромъ и не можетъ „удержаться отъ пѣнія похвалъ" дочери Петра, то по ихъ близкой связи съ науками:

Молчите пламенные звуки
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.

Чувство глубокой потребности русскаго образованія и мысль о будущихъ его широкихъ усилкахъ, возбуждая восторгъ стихотворца, проникаютъ всю оду. Могъ ли же здѣсь Ломоносовъ обойти Петра, какъ основателя возникающаго просвѣщенія? И вотъ мы читаемъ, правда, своеобразно выраженныя (какъ и всл оды), но глубоко обду-

малыя и прочувствованныя, а потому прекрасныя строфы (7, 8 и 9), гдѣ только намѣчены крупнѣйшіе факты изъ жизни нашего великаго Преобразователя — съ прямымъ отношеніемъ ихъ къ наукамъ:

Тогда божественны науки
 Черезъ горы, рѣки и моря,
 Въ Россію простирали руки,
 Къ сему Монарху говоря:
 Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
 Иодать въ россійскомъ родѣ новы
 Чистѣйшаго ума плоды.
 Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
 Уже Россія ожидаетъ
 Полезны видѣть ихъ труды.
 (стр. 9).

Три указанныя строфы (а также 22 и 23) обыкновенно изучаются наизусть, какъ лучшія мѣста въ одѣ. Екатеринѣ I посвящено всего шесть стиховъ въ 11 строфѣ — въ память того великаго въ глазахъ Ломоносова факта, что при ней открыта Академія наукъ, и стало быть, опять, совершенно встати — въ основѣ развитія его идеи ¹⁾).

Слаба критическая сторона „Учебника“ и въ отношеніи къ другимъ предметамъ учебнаго матеріала: гдѣ путаница объясненій, гдѣ лишнее расиространеніе, гдѣ пропуски нужнаго. Приведемъ примѣры.

Камнемъ преткновенія въ стилистикѣ служатъ разныя примѣсы въ литературномъ языкѣ, какъ то: архаизмы, неологизмы, барбаризмы, и провинціализмы, которые сбиваютъ съ толку и г. Филопова. Прежде всего, къ чему ихъ отнести: къ ясности или чистотѣ рѣчи, такъ какъ употребленіе ихъ можетъ касаться того и другаго. Но если примѣсь всѣхъ этихъ словъ ²⁾ допускается въ языкѣ и по теоріи, то вопросъ, естественно, долженъ рѣшаться въ пользу перваго качества рѣчи, то-есть, ясности. Архаизмы, барбаризмы и пр. не могутъ быть понятны каждому читателю, слѣдовательно вносятъ въ рѣчь ту темноту, или полноту, отъ кото-

¹⁾ *Лирическій беспорядокъ* въ одѣ Ломоносова представляетъ не десятая строфа, какъ объясняется въ «Учебникѣ» (стр. 239), а собственно *двадцатая*, ибо переходъ къ изображенію въ той (X-й) строфѣ впечатлѣній отъ смерти Петра является совершенно естественнымъ.

²⁾ Оговариваемся: только *словъ*, а не оборотовъ въ конструкціи предложеній, на примѣръ, галлицизмовъ, которые преслѣдуетъ грамматика.

рой предостерегаютъ писателя стилисты. Между тѣмъ „Учебникъ“ г. Филонова, вѣроятно, по особому филологическому туризму (а точнѣе по механическому подражанію другимъ), разсматриваетъ указанные элементы языка въ статьѣ о чистотѣ рѣчи. Отъ этого случилось, что самое понятіе о чистотѣ рѣчи, какъ и вопросы, почему и гдѣ умѣстна или неумѣстна примѣсь въ языкѣ означенныхъ выше словъ, остаются невыясненными. Впрочемъ, и самъ авторъ сбивчиво представляетъ, въ чемъ собственно заключается чистота рѣчи, придавая ей какое-то даже нравственное значеніе. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключить изъ слѣдующихъ его сужденій въ статьѣ о провинціализмахъ: „Въ классическомъ произведеніи Тургенева „Записки Охотника“ опять находимъ множество областныхъ словъ и выраженій, отнюдь не нарушающихъ чистоты рѣчи, потому, что знаменитый писатель ничего не оставляетъ необъясненнымъ, на примѣръ, орлы—скупицы тряпья, утки срывались (поднимались) съ пруда“ и проч. (стр. 17). И дальше выводъ: „Изъ предложенныхъ примѣровъ видно, что провинціальныя (областныя) слова очень выразительны, богаты содержаніемъ, могутъ быть вносимы въ рѣчь писателя, — но тогда только не мѣшаютъ чистотѣ языка, когда сдѣланы сочинителемъ доступными пониманію читателя“ (стр. 18). Отсюда видно, что въ сознаніи нашего стилиста перепутываются два свойства рѣчи, ясность и чистота, — такъ, что послѣдняя остается будто ненарушенною даже и при допущеніи въ языкѣ разныхъ примѣсей: провинціализмовъ, барбаризмовъ и проч.

При дальнѣйшемъ знакомствѣ съ тѣми же элементами литературнаго языка встрѣчаемъ въ „Учебникѣ“ путаницу и противорѣчія. Къ архаизмамъ отнесено нѣсколько провинціализмовъ: „жалѣнье“ въ смыслѣ жалости, „орлы на тое“, „лывь“ въ см. лѣса, „скоряе“, „громчае“ и проч. Съ неологизмами вышло еще страшнѣе: по общему взгляду на отношеніе неологизмовъ къ чистотѣ рѣчи—ихъ слѣдуетъ будто избѣгать; однако, пунктъ, или статья о неологизмахъ показываетъ, что они, какъ естественное явленіе, представляютъ существенную потребность въ живомъ языкѣ, — такъ что вопросъ о „неумѣстности“ остается открытымъ. При встрѣчѣ съ барбаризмами составитель „Учебника“, возбуждаясь духомъ Шишкова, приводитъ образцы перевода, вызывающіе улыбку въ читателѣ, на примѣръ, вм. „дебаты“ можно говорить (мало ли что можно говорить?) споры, вм. „иниціатива“—вчинавіе, починъ, вм. „рискованный“—сомнительный и т. п., (стр. 15). Отъ этого взгляда на барбаризмы, какъ на

что-то безусловно нечистое въ рѣчи, „Учебникъ“ обходитъ разъясненіе настоящаго права гражданства ихъ въ образованномъ языкѣ Нѣсколько извѣстныхъ примѣровъ неудачнаго перевода барбаризмовъ (напримѣръ, авторитетъ—превосходство, ассистентъ — присущникъ, аудиторіа—слушалище), а также нѣсколько случаевъ затрудненій при переводѣ ихъ на русскій языкъ однимъ словомъ (напримѣръ, принципъ, солидарность, профанация, игнорировать и т. п.), или даже двумя—тремя словами (какъ акварій, аксіома, компетентный, идеализировать, утопія и т. п.), — наглядно показали бы, въ чемъ заключается это право. Барбаризмъ вноситъ въ ученый языкъ важныя свойства: точность и краткость, и служитъ элементомъ, объединяющимъ весь образованный міръ. Вступать въ борьбу съ барбаризмами, по инициативѣ Шишкова, теперь даже болѣе чѣмъ странно, какъ и приводитъ въ „Учебникѣ“ такіе образцы перевода изъ Карамзина: „трауръ, или смиренное платье, гранаты, то-есть, кувшины съ зельемъ, полиція, или исправа“ (стр. 15). Увлечшись духомъ пуризма, г. Филоновъ ссылается даже на такое крайнее мнѣніе Даля (изъ „Москвитянина“ 1842 г.), „въ образованномъ обществѣ и на письмѣ языкъ нашъ изломался уже до безцвѣтной рѣчи“ (стр. 16). Подумаешь, что нашему учащемуся юношеству въ избѣ крестьянина остается искать образцовъ языка! За всѣмъ этимъ въ „Учебникѣ“ опускаются (впрочемъ, послѣдовательно) необходимыя заключенія о барбаризмахъ: въ какомъ случаѣ ихъ излишне употреблять и гдѣ слѣдуетъ прямо избѣгать.

Къ разъясненію сбивчиво понимаемой чистоты рѣчи служитъ еще статья о народныхъ словахъ, то-есть, употребляемыхъ народомъ по всему пространству Россіи. Между образцами этихъ словъ бросаются въ глаза тѣ же провинціализмы, о которыхъ уже говорено особо, напримѣръ, „пробѣжь“—проточная вода, „леи“—проливные дожди, „одранъ“ — тощая лошадь, и всѣ слова, разъясняющія сѣверное сіяніе (стр. 19). Рядомъ съ этой путаницей составитель „Учебника“ уже прямо отстраняется отъ своей цѣли: даетъ наставленія русскимъ писателямъ, что они „должны вносить въ свою рѣчь народныя слова“ (тогда какъ слѣдовало указать только на фактъ пользованія этимъ матеріаломъ образцовыми писателями), и темно предостерегаетъ ихъ при этомъ: „далѣе писатель долженъ соразмѣрять, то-есть, смотрѣть, не вредятъ ли извѣстныя народныя выраженія ясности всего сочиненія“ (стр. 20—21). Для кого все это пишется? Не думаетъ же г. Филоновъ русскаго современнаго писа-

теля посадить за свой „Учебникъ“. И при чемъ тутъ ясность рѣчи (особенно по поводу общенародныхъ словъ), когда, по взгляду автора, вопросъ идетъ о чистотѣ ея?

Казалось бы, что уваженіе къ „народнымъ“ словамъ должно сопровождаться и вѣрною оцѣнкой ихъ употребленія народомъ. Въ „Учебникѣ“, однако, встрѣчаемъ какъ-разъ противоположные случаи. При разборѣ постоянныхъ эпитетовъ, подъ стихами изъ былинны, гдѣ Новгородцы жалуются матери на сына:

«Ты честна вдова, Емельеа Тимоеевна!
Уймай-ка своего чада милаго,
Молодаго Василья Буслаева»,—

нашъ стилистъ замѣчаетъ: „здѣсь эпитетъ „милый“ вовсе не у мѣста“, — и продолжаетъ: „о палачахъ въ народныхъ стихахъ говорится: у мастеровъ руки опускались, ясныя очи помрачались, —

А много палачъ не выспрашиваетъ,
Сказали любимаго конюха,
Замаралъ руки бѣлыя свои.

И здѣсь прилагательныя „ясный“ и „бѣлый“ тоже не у мѣста. Но народъ привыкъ уже прилагать извѣстные эпитеты къ тѣмъ или другимъ именамъ“ (стр. 27). Конечно, народная привычка здѣсь не безотчетна. Эпитетъ „милый“, напротивъ, совершенно умѣстенъ: для матери сынъ все-таки не перестаетъ быть милымъ и при его крайне дурномъ поведеніи (по пословицѣ: „дита хоть криво, да отцу, матери мило“), — какъ это видно и изъ дальнѣйшаго содержанія былинны о Васильѣ Буслаевѣ; со стороны же Новгородцевъ, кромѣ того, слышится иронія. Другіе эпитеты: „ясный“ и „бѣлый“ — также у мѣста, и странно, какъ этого не видитъ теоретикъ стиля, замѣтившій выше въ эпитетахъ „привлекательную черту народной русской рѣчи“! Тутъ выражается, повторяемъ, не безотчетная привычка народа къ извѣстному слову, а простой здравый смыслъ. Судите сами: „у мастеровъ... ясныя очи помрачались“, то-есть, помрачились очи, которыя были и должны быть ясны; палачъ... замаралъ руки бѣлыя свои“, то-есть, замаралъ руки, которыя были бѣлы. Кажется, представленіе умѣстное „по смыслу рѣчи“?. Напрасно тутъ же осуждаются и эпитеты, — правда, рѣдко употребляемые: „страсти вулканическія, хохоть адскій“, гдѣ допущена гипербола; въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы отрицать и употребленіе тропа, представляющаго „чрезмѣрное увеличеніе или чрезмѣрное уменьшеніе предмета“ (стр. 33).

Кстати о гиперболѣ. Въ „Учебникѣ“ два примѣра для объясненія ея возбуждаютъ недоумѣніе. Слова „Лжеца“ въ баснѣ Крылова о римскомъ огурцѣ:

Повѣришь ли? Ну, право, былъ опъ съ *гору*,—

представляются, какъ образецъ гиперболы, тогда какъ здѣсь просто ложь, которую нужно же отличать отъ гиперболическаго собственно преувеличенія. Гиперболизмъ въ рѣчи допускается для нагляднѣйшаго изображенія предмета, а ложь иногда облекается въ эту форму для обмана. Лжецъ непремѣнно выдаетъ свои преувеличенія за дѣйствительное изображеніе предмета, какъ то и случилось въ баснѣ Крылова. Возьмемъ два мѣста изъ „Ревизора“ Гоголя. Слова городничаго: „Да отсюда хотъ три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь“, представляютъ гиперболу, въ основѣ которой дѣйствительность громаднѣйшаго пространства Россіи съ бездорожицей въ то время; теперь, при распространеніи желѣзныхъ дорогъ, эта гипербола была бы невозможна. А слова Хлестакова: „можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ“ даютъ образецъ положительной лжи, только въ крайне гиперболической формѣ, но все же лжи, по граціозности подходящей къ „огурцу съ гору“.

Другой примѣръ, на случай „чрезмѣрнаго уменьшенія предмета“ изъ басни „Любопытный“:

Какія крохотны коровки!

Есть, право, менѣе булавочной головки.—

подаетъ мысль, не разумѣетъ ли здѣсь г. Филоновъ (впрочемъ, съ чужаго голоса, напр. по „Руководству“ М. Архангельскаго, стр. 108—109) тѣхъ коровокъ, которыя кормятъ насъ молокомъ? Для „коровокъ“ же—насъкомыхъ тутъ нѣтъ чрезмѣрнаго уменьшенія предмета, и по смыслу басни его не должно быть (стр. 33).

Мы боимся за учениковъ г. Филонова, когда просматриваемъ въ его книгѣ „ученіе о періодахъ“. Множество примѣровъ изъ старшихъ писателей, въ прозѣ и стихахъ, представляющихъ своеобразныя затрудненія въ пониманіи отдѣльных словъ и мыслей, но что за примѣры! Возьмемъ сравнительный періодъ: цѣлыхъ три примѣра только изъ одѣ Ломоносова — съ особеннымъ языкомъ стихотворной лести! Какое стилистическое значеніе хотъ въ этомъ образцѣ:

Какъ лютый мразъ весна прогнавши,
Замерзлымъ жизньъ даетъ водамъ,
Туманы, бури, слѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни странамъ,

Вселенну наки воскресаеъ,
 Натуру намъ возобновляеъ,
 Поля цвѣтами красить вповь:
 Такъ нынѣ милость и любовь
 И свѣтлый Дщери взоръ Петровой
 Насъ жизнью оживляетъ новой.

Языкъ такой, что требуетъ поправки въ каждомъ почти стихѣ, сравненіе до неестественности преувеличенное: вотъ все, что должно сказать объ этомъ періодѣ, имѣющемъ только историческую цѣнность. Не видно, впрочемъ, чтобы составитель „Учебника“, при выборѣ примѣровъ періодической рѣчи, руководился даже исторической точкой зрѣнія (мы видѣли въ двухъ мѣстахъ, какъ мало значить для него историческій комментарий), — такъ какъ одобряются имъ образцы, прямо того не заслуживающіе. Вообще критическая разборчивость для нашего стилиста оказывается будто стороннимъ дѣломъ. Выраженія: „образцы... періода, весьма искусно составленнаго“, „прекрасный примѣръ“, „періодъ замѣчательнъ“ — бросаются на вѣтеръ, будучи прилагаемы къ такимъ примѣрамъ (напр. изъ „Слова Даниила Заточника“ и „Лѣтописи“, стр. 60—61), которымъ отнюдь не станеть подражать современное юношество. Чтеніе образцовъ изъ старыхъ писателей, повторяемъ, имѣетъ смыслъ только въ историческомъ курсѣ словесности. Долгая остановка на періодахъ, съ разборомъ еще (въ родѣ указаннаго выше) старинныхъ образцовъ, представляется напрасною тратою времени. Нужно имѣть въ виду, что періодическая форма трудна (а потому и скучна) для начинающихъ; со временемъ, съ постепеннымъ развитіемъ учениковъ, она дается имъ незамѣтно и какъ бы сама собою.

Уклоненіе отъ прямой задачи теоретическаго курса встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ „Учебника“. Всѣ подробности о „Письмахъ русскаго путешественника“, Карамзина (стр. 93—96) съ разнообразными цитатами о неизвѣстныхъ ученикамъ иностранныхъ писателей, — а также разсмотрѣніе „Исторіи Государства Россійскаго“, какъ литературнаго памятника (стр. 109—112), относятся собственно къ исторіи русской литературы. Къ этому присоединяется и неточное освѣщеніе разсматриваемаго писателя. „Языкъ и слогъ „Исторіи“ Карамзина долженъ быть признанъ образцомъ совершенства русской рѣчи“ — но только уже не для нашего времени; послѣ Пушкина мы имѣемъ лучшіе образцы для подражанія. За подробностями историческими, „Учебникъ“ не даетъ никакихъ руководящихъ указавій къ

чтенію и разбору памятниковъ повѣствовательныхъ. Впрочемъ, это общій недостатокъ книги г. Филонова.

Какъ аргументъ въ пользу „строго-научнаго порядка“ преподаванія словесности, въ „Учебникѣ“ заявлено то обстоятельство, что „при“ (какомъ-то, впрочемъ, непонятномъ) „чтеніи однихъ образцовъ“ въ сознаніи слушателей „остаются замѣтные и“ (почему-то) „неисправимые пробѣлы“ (Пред.). Однако, и въ разсматриваемомъ руководствѣ допущены, правда, поправимые, но все же пробѣлы, которые тѣмъ странице послѣ заявленіи строгаго систематика. Рядомъ съ прозой повѣствовательной итъ теоріи описаній, ученыхъ и художественныхъ, какъ и образца ученаго описанія. Намъ такъ часто и въ живой рѣчи приходится обращаться къ описанію предметовъ, что пробѣлъ этотъ представляется не маловажнымъ. Да и въ главахъ о сочиненіяхъ повѣствовательныхъ „Учебникѣ“ не даны теоріи составныхъ частей повѣствованія, а останавливается только на видахъ послѣдняго (лѣтопись, записки и пр.) съ фактическими подробностями (принадлежностію курса историческаго). Подлѣ біографіи ничего не сказано о характеристикѣ, какъ особомъ видѣ біографіи, а также объ автобіографіи и некрологѣ. Самое мѣсто „философическихъ“, то-есть ученыхъ сочиненій, именно, послѣ, а не прежде ораторскихъ, назначено не точно, или не строго научно. Последнее обнаружилось въ „Учебникѣ“ тѣмъ, что „философскій элементъ въ рѣчи“ упоминается на стр. 127, — прежде чѣмъ ученики знакомятся съ „философическими сочиненіями“ на стр. 154 и т. д. Дѣйствительно, ораторская рѣчь заключаетъ въ себѣ элементъ повѣствовательный и ученый; поэтому она должна занимать третье мѣсто въ ряду прозаическихъ сочиненій, какъ драма въ поэзіи. Отсутствие въ „Учебникѣ“ этой параллели между родами прозы и поэзіи, по нашему мнѣнію, служитъ опять немаловажнымъ пробѣломъ. Съ первыхъ же уроковъ, при знакомствѣ учениковъ съ общею хрестоматіей, слѣдуетъ привести въ ихъ сознаніе эту нетрудную параллель, которою облегчается усвоеніе теоріи словесныхъ произведеній.

За объясненіемъ пробѣловъ мы обратились къ упомянутымъ статьямъ г. Филонова о руководствахъ по словесности и здѣсь нашли, впрочемъ, немного указаній.

При разборѣ учебника г. Охотина замѣчено: „Да и странно отдѣлять повѣствованіе отъ описанія: эти формы почти неотдѣлимыя. Въ исторіи Карамзина, образцѣ историческихъ сочиненій, пока еще никѣмъ не сокрушимо, повѣствованіе и описаніе тѣсно связаны

другъ съ другомъ... Слишкомъ много умствуютъ наши составители учебниковъ, когда выдумываютъ свои странныя дѣленія; не мудрствуя лукаво, надо составлять руководство, и тогда не явится различныхъ прозъ, а будетъ одна“ (Жур. М. Нар. Пр. 1861 г. № 2, отд. III, стр. 101). Совершенно справедливо, что описаніе съ повѣствованіемъ (и даже разсужденіемъ) смѣшиваются, но все же это формы не „почти неотдѣлимныя“, а совершенно особыя: описаніе разсматриваетъ предметъ, стоящій въ пространствѣ, а повѣствованіе—движущійся во времени, и каждое держится своей теоріи расположенія матеріала. Проза остается одна, но только элементы ея различны. Стало быть, не было основанія г. Филопову обойти совсѣмъ теорію описаній.

Мѣсто въ „Учебникѣ“ философическихъ сочиненій послѣ ораторскихъ объясняется такимъ образомъ: „философскія сочиненія; какъ верхъ дѣятельности чловѣка, должны быть излагаемы послѣ всѣхъ другихъ главъ“ (стр. 109). Еслибы теорія прозы разсматривала только философію въ ея собственномъ смыслѣ (предметъ особой науки), то здѣсь было бы еще нѣкоторое основаніе къ такой постановкѣ предмета. Но г. Филоновъ беретъ философскій элементъ вообще, какъ онъ выражается, въ различныхъ разсужденіяхъ, — слѣдовательно въ ораторской рѣчи; разбирать послѣднюю невозможно безъ предварительнаго знакомства съ философскими сочиненіями, или разсужденіями.

Перейдемъ теперь къ другому руководству.

II.

Хотя г. Классовскій въ заголовкѣ прямо не называетъ своей книги учебникомъ, однако въ „Предувѣдомленіи“ косвенно усволяетъ предлагаемому курсу такое именно значеніе. „Учебникъ, который можно въ классѣ пройти отъ доски до доски, всегда не полонъ“, замѣчаетъ онъ, предупреждая упрекъ, если въ его книгѣ кое-что „окажется слишкомъ подробнымъ, обширнымъ или неудобнымъ для непосредственнаго приготовленія къ урокамъ“ (Пред. IV—V). И такъ мы выравъ смотрѣтъ на книгу г. Классовскаго, какъ на учебникъ, и при разборѣ ея будемъ имѣть это въ виду.

Названіе книги придумано не совсѣмъ удачно: по немъ нельзя догадаться, что въ основѣ курса положены элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи и логики съ лингвистическимъ даже очеркомъ, что скрывается подъ словомъ „составъ“, какъ объяснилъ авторъ уже въ концѣ

книги (стр. 454). Остальное еще понятно: подъ „формами“ разумѣется то, что называютъ стилистикой, а въ „разряды“ включена теорія прозы и поэзии. Впрочемъ, эта неопредѣленность заголовка допущена, кажется, не безъ намѣренія: авторъ представляетъ такую обязательность на урокахъ словесности психическихъ и логическихъ свѣдѣній, что не рѣшается выдѣлять ихъ, какъ нѣчто побочное въ курсѣ. Все это для читателя становится понятнымъ только при непосредственномъ знакомствѣ съ книгой.

Бросается также въ глаза уклончивая оговорка автора (Предув. V) о недостаткахъ его курса: „Вѣрны или ошибочны взгляды, подавшіе поводъ къ появленію этой книги, отвѣтственность за ся недостатки, очень для меня замѣтные, остается, конечно, въ обоихъ случаяхъ тѣмъ, чѣмъ она быть должна“ (?). По здоровой логикѣ, „замѣтные“ недостатки лучше было бы исправить прежде изданія книги; но, очевидно, оговорка сдѣлана лишь на всякій случай, потому-что въ концѣ „предувѣдомленія“ авторъ даетъ понять, что считаетъ свой трудъ достойнымъ помѣщенія въ свѣтъ.

Каждый изъ трехъ отдѣловъ курса начинается вопросомъ, обобщающимъ содержаніе подробностей; надъ первымъ отдѣломъ поставлены даже два вопроса, но оба отличаются неопредѣленностію. Напр., послѣ вопроса: „Что можно открыть въ себѣ, читая какое-нибудь сочиненіе“? читатель недоумѣваетъ, о чемъ тутъ рѣчь, такъ какъ область возможнаго безгранична. Затѣмъ развѣ „какое нибудь“ сочиненіе, напр. о разведеніи свекловицы и т. п., должно непременно касаться и меня—читателя: тутъ открытіе можетъ состоять въ томъ, что я, положимъ, не разводилъ свекловицы; но развѣ это будетъ для меня открытіемъ? Между тѣмъ вопросъ клонится къ открытію путемъ чтенія душевныхъ способностей и пр. II тутъ опять недоумѣніе: уместно ли называть открытіемъ то, что давнымъ давно открыто и до нѣкоторой степени извѣстно даже ученикамъ? Самый процессъ „открытія“ начинается чтеніемъ извѣстной дѣтской пьески Майкова „Весна“—съ оговоркой учителя: „прочтемъ что нибудь“. Этимъ „что нибудь“ (для оправданія котораго составлено даже особое примѣчаніе на стр. 8) нѣсколько профанируется предметъ или, по крайней мѣрѣ, представляется совсѣмъ не научно: будто достаточно взять первые попавшіеся стихи, чтобы открыть уже въ нихъ всѣ сокровища элементарной психологій! Явно, что выборъ пьески не „безразличенъ“. Дальнѣйшій разборъ возбуждаетъ недоумѣніе. Съ первыхъ же словъ: „читать слѣдуетъ для того, конечно, чтобы пони-

мать читаемое... пониманіе цѣль чтенія",—способный ученикъ можетъ прервать учителя: „развѣ я читаю, напр., письмо отъ родныхъ или рассказъ, которымъ заинтересованъ, не для того чтобы знать, что миѣ напишутъ или чѣмъ кончится рассказъ“. И возражающій будетъ правъ: пониманіе не цѣль чтенія, а только одно изъ средствъ къ цѣли, которою должно быть знаніе. Для объясненія же того, что значитъ читать, авторъ прибѣгаетъ къ наводящимъ вопросамъ съ отрицательными отвѣтами, напр.: „можно ли видѣть тамъ и тогда, гдѣ и когда не на что смотрѣть?“. Но, прежде всего, пятиклассниковъ занимать подобными вопросами будетъ уже ребячествомъ; къ тому же и на подобный вопросъ не всегда „долженъ быть несомнѣнно отрицательный отвѣтъ“,—такъ какъ можно видѣть, напр., пустое пространство или что другое вызывающее замѣчаніе: „не на что смотрѣть“. Любопытенъ выводъ автора, что значитъ видѣть: „Видѣть—значить, по поводу доступныхъ зрѣнію предметовъ, дѣйствовать способностями нашихъ глазъ, осязающихъ видимость подъ влияніемъ свѣта“ (стр. 3). Прежде ученику казалось, что онъ понимаетъ, что значитъ видѣть; теперь же, послѣ такого объясненія, онъ откажется, пожалуй, отъ этого пониманія и потребуетъ новыхъ объясненій. Еще смотрѣть, высматривать, разсматривать и т. п. указываетъ на активное пользованіе способностями глазъ; но видѣть просто значить пассивно воспринимать отражающіеся въ глазахъ предметы. Слѣдовало бы прямо сказать, что въ актѣ чтенія мы обнаруживаемъ такіа-то душевныя способности, которыя, конечно, присущи сознанію учениковъ и требуютъ лишь отчетливаго разъясненія.

Самое разъясненіе душевныхъ способностей ведется не вездѣ съ тою отчетностію, какая желательна въ учебномъ курсѣ. Разсмотримъ нѣкоторыя мѣста.

Такъ, самознаніе, присущее всѣмъ людямъ, представляется „самымъ неразгаданнымъ явленіемъ въ нашей душѣ“ (стр. 11)—безъ всякаго особеннаго основанія, потому что свойство загадочности одинаково распространяется и на всѣ явленія душевной жизни, какъ память, умъ, воля и т. п. Печать исключительной неразгаданности лежитъ только на выдающихся и рѣдкихъ психическихъ фактахъ, какъ гений, талантъ или манія. Притомъ, едва ли удобно въ элементарномъ курсѣ запугивать мысль учениковъ неразгаданностію подлежащихъ анализу явленій, а нужно только доступными средствами объяснять процессъ отиравленія душевной способности, которая вводится

въ ихъ сознаніе. Какъ ни просто это требованіе, по выполненія его мы не встрѣчаемъ у г. Классовскаго во многихъ случаяхъ. Въ от-
 правленіяхъ памяти обращено вниманіе на „емкость и укладистость“
 этой способности съ гадательнымъ, впрочемъ, счетомъ сохраненія еди-
 ничныхъ знаній; совѣмъ опущенъ изъ виду процессъ усвоенія и вос-
 произведенія слѣдовъ представленій посредствомъ извѣстныхъ ассо-
 ціацій времени, мѣста, сходства, противоположности и пр., объясне-
 ніе которыхъ доступно даже и младшему возрасту. Изъ того, что ска-
 зано въ курсѣ о памяти, ученики выносятъ довольно темное представ-
 леніе объ этомъ величайшемъ дѣятелѣ ихъ образованія (стр. 14—16).
 Ассоціаціи упоминаются только при объясненія творчества, какъ про-
 дуктъ воображенія. Здѣсь творчество смѣшивается съ простою мечта-
 тельностію, или игрою воображенія, и ученики опять изъ представле-
 наго примѣра случайной вереницы образовъ и мыслей не получаютъ
 понятія собственно о творествѣ, такъ-какъ здѣсь ничего и не тво-
 рится самостоятельною силою, а только игриво воспроизводится видѣн-
 ное или слышанное. Творящая сила, или фантазія, объясняется сбив-
 чиво: „Впрочемъ, во всякомъ дѣйствіи фантазіи непремѣнно участвуетъ
 воображеніе (ассоціаціи представленій), и поэтому, употребляя слово
 „фантазія“, или „творчество“, обыкновенно подразумѣваютъ при
 немъ прибавку „и воображеніе“, какъ предполагается, напр., что
 умѣющій писать умѣетъ также и читать“ (стр. 18). Зачѣмъ было от-
 ступать отъ общезвѣстнаго взгляда, что фантазія и воображеніе есть
 одна и та же способность, только различно примѣняемая: первая про-
 дуктивно или творчески, а послѣдняя репродуктивно-механическимъ
 воспроизведеніемъ сохранившихся образовъ. По этому взгляду фантазія
 будетъ не творчество съ подразумѣваемой прибавкой „и воображеніе“,
 а просто творческое воображеніе. Какое-то оригинальничанье отсту-
 пленіемъ отъ принятаго взгляда встрѣчается далѣе и въ полемикѣ
 противъ общезвѣстныхъ понятій: „разумъ“, „разсудокъ“, „здравый
 смыслъ“, „тактъ“, какъ будто излишнихъ въ психической терминологіи,
 потому что ими скорѣе-де затемняется, чѣмъ разъясняется дѣя-
 тельность мышленія (стр. 20). Впрочемъ, самъ же авторъ приходитъ
 къ такому замѣчанію, которымъ уничтожается вся полемика: „куда
 же однако дѣвать эти слова? забыть ихъ? вычеркнуть ихъ изъ сло-
 вара? Ни то, ни другое. Употребляйте ихъ, сколько угодно, лишь
 бы только умѣстно всякій разъ, въ языкѣ разговорномъ и лите-
 ратурномъ: тамъ, чѣмъ больше словъ, тѣмъ выгоднѣе для средствъ
 изображенія оттѣнковъ въ мысляхъ и чувствахъ“ (стр. 21). Въ томъ-

то и дѣло: чтобы „умѣсто всякій разъ“ употреблять синонимы разумѣнія, нужно объяснить ихъ смыслъ, а гдѣ же удобнѣе дать мѣсто этому объясненію, какъ не въ курсѣ психологіи? Темнота или ясность предмета зависятъ не отъ количества созданныхъ, на тотъ или другой случай, народомъ словъ, а отъ ихъ пониманія: можно запутаться въ объясненіи даже и одного слова (какъ это случилось выше и обнаружится еще дальше). Пріемъ объясненія, въ той же полемикѣ, народной поговорки: „умъ безъ разума бѣда“ чрезвычайно страненъ: „но развѣ эта поговорка не игра словъ, просто-на-просто значащая, что небезопасно на свѣтѣ жить тому человѣку, у котораго умъ не достигъ надлежащей своей полноты“ (стр. 20)? Въ такихъ важныхъ случаяхъ, гдѣ грозитъ человѣку „бѣда“, совсѣмъ неумѣстна „игра словъ“. И здѣсь, конечно, играетъ словами не народъ, а развѣ самъ г. Классовскій. Подъ „разумомъ“ народъ разумѣетъ зрѣлый умъ, обогащенный знаніемъ и опытомъ. Находить „излишнимъ“ въ психологіи такой важный отгѣпокъ разумѣнія тѣмъ болѣе странно, что „умъ“ приписывается и животнымъ, а „разумъ“ усвояютъ одному человѣку.

При разборѣ способности чувствовать, прежде всего бросается въ глаза эта неустойчивость во взглядѣ на внѣшнія чувства: „Остается признать, слѣдовательно, вѣроятнымъ, что первичную основу для мыслей, чувствъ и желаній даютъ намъ органы внѣшнихъ чувствъ“ (стр. 23). Если слѣпые отъ рожденія „никогда сами не приходятъ къ мысли о свѣтѣ“ и цвѣтахъ, какъ глухіе о звукахъ,—то причемъ же тутъ вѣроятность? Элементарный курсъ долженъ представлять результаты научно-утвержденныхъ изслѣдованій, а не предположеній. Замѣтка о числѣ внѣшнихъ чувствъ, принимаемыхъ будто „по привычкѣ къ этому ихъ дѣленію, изстари установленному“,—также неосновательна. Пять внѣшнихъ чувствъ принято и столько же ихъ остается, потому что ощущенія температуры, голода, жажды, болѣзней и т. п. уже относятся къ внутреннему физическому чувству. Не вдаваясь въ излишній критицизмъ, слѣдовало указать между внѣшними чувствами низшія и высшія, а это и просмотрѣно.

Изъ внутреннихъ чувствъ объясняются: нравственное, религиозное и эстетическое. Лучше рассмотрѣно первое чувство, кромѣ развѣ рѣшенія побочнаго (если не совсѣмъ лишняго) вопроса: почему говорятъ „нравственное чувство“, а не „нравственное мышленіе“ (стр. 26), которымъ (вопросомъ) только вносится сбивчивость въ разсматриваемый предметъ, тѣмъ болѣе, что и подробности здѣсь спорны.

Напр. „любить умомъ нельзя (курс. подл.), любовь не по его части“—мысль не вѣрная: вся филантропія держится на любви умомъ и т. д.—Анализъ религіознаго чувства, впадая въ морализацію противъ враждебныхъ ему стремленій (когда требовалось указать, какъ и въ чемъ проявляется это чувство), оставляетъ въ юныхъ умахъ только смутныя впечатлѣнія. „Съ психологической точки зрѣнія, вѣра есть знаніе, происшедшее отъ рѣшимости на него, и ставящее себя наравнѣ съ знаніемъ, къ которому приводитъ критика“ (стр. 27). Разумѣется, ученики не найдутъ въ своемъ сознаніи этой вѣры. И не мудрено,—потому что здѣсь точка зрѣнія не психологическая собственно, а вообще философская, или критическая. Съ психологической точки зрѣнія вѣра—естественное явленіе (или фактъ) духовной жизни человѣка, обусловленное извѣстными его религіозными потребностями.

Нельзя удовлетвориться также и разборомъ эстетическаго чувства—по вопросу: что такое красота? „Рѣшеніе задачи съ-разу оказывается невозможнымъ, если цѣлю для нее поставить опредѣленіе красоты: красота въ себѣ самой неопредѣлима по той простой причинѣ, что она не существуетъ объективно, какъ отдѣльный предметъ въ природѣ“ (стр. 30). Если вопросъ неразрѣшимъ, то зачѣмъ и задавать его въ элементарномъ курсѣ? Съ другой стороны, развѣ мы опредѣляемъ только предметы, существующіе объективно или конкретно? Дальше, въ курсѣ (стр. 52—56) вся статья объ опредѣленіяхъ отрицаетъ этотъ взглядъ, и даже авторъ замѣчаетъ, что „лучше номинально опредѣлять вещи, чѣмъ никакъ не опредѣлять ихъ“ (стр. 56). Значитъ, и красота можетъ быть опредѣлима? Сдѣлаемъ опытъ. Красота есть все изящное по гармоніи цвѣтовъ, формъ, тоновъ, движеній и т. п., чѣмъ мы духовно наслаждаемся, сообразно своимъ привычкамъ и вкусамъ, въ разнообразныхъ произведеніяхъ природы или искусства. Допустимъ, что это опредѣленіе потребуетъ той или другой поправки (мы и не выдаемъ его за непогрѣшимое); но все же имъ объясняется возможность опредѣленія красоты, какъ понятія отвлеченнаго. Каждое опредѣленіе недостаточно въ томъ смыслѣ, что оно дастъ только самыя общія черты предмета, непременно требующія тѣхъ или другихъ разъясненій. Сравненіе же, далѣе, впечатлѣній красоты съ безотчетными вкусовыми ощущеніями (красота есть красота—сладкое есть сладкое и т. п.) сдѣлало то, что въ курсѣ отрицается самая возможность опредѣлить „свойства“, дѣлающія предметъ красивымъ и нравящимся человѣку. Это значитъ

уже не разсуждать о предметѣ по здоровой логикѣ, а просто умствовать о немъ, какъ будто дѣлю служить не объясненіе предмета, а его затемненіе. Дѣйствительно, представленіе о красотѣ совершенно затемняется отрицательною критикой на ложномъ основаніи. О вкусовыхъ ощущеніяхъ „сладкаго“ или „горькаго“, правда, мы ничего не можемъ сказать, кромѣ того, что одно сладко, а другое горько; но въ эстетическихъ впечатлѣніяхъ требуется отчетность, почему намъ что нравится или не нравится, — пусть въ основѣ этой отчетности иногда (впрочемъ, рѣдко, и только о красотѣ въ природѣ физической) лежитъ и впечатленіе инстинктивно, напр., къ зеленому лучу или голубому небу и т. п. Эта отчетность утверждается на извѣстныхъ „свойствахъ“ прекраснаго, которыя разбираются въ эстетикѣ, — и странно, что упомянувъ объ этой наукѣ, составитель курса игнорируетъ ея основы. Нѣкоторыя изъ „свойствъ“ красоты указываются имъ, но такъ, что каждое изъ нихъ въ отдѣльности какъ будто обнимаетъ всю область прекраснаго: „Къ сожалѣнію, до сихъ поръ никому не удалось подмѣтить и объяснить эти свойства (?). Одни мыслители принимали за нихъ симметрію частей въ предметахъ, стройное или правильное сочетаніе слагаемыхъ, другіе — полное соотвѣтствіе формы предмета его содержанію, смыслу, назначенію, единственно въ разпообразіи, иные утверждали, что существенное свойство красоты — заставлятъ думать человѣка прямо или косвенно о жизни, которую онъ инстинктивно, неодолимо любитъ (поэтому, напр., намъ нравится молодое больше стараго и пр.)“ (стр. 31). Разумѣется, тутъ далеко не все, что сказано учеными о красотѣ (см., напр., „Нѣмецкая психологія“ и пр. М. Троицкаго, стр. 210 — 232), но и того достаточно для доказательства отчетности въ эстетическомъ чувствѣ. Опроверженіе указанныхъ свойствъ красоты до крайности странно: „напримѣръ, не взятыя правильныя геометрическія фигуры, правильными полосами лежація по лицу земли рельсы, симметрично построенная висѣлица, симметричныя ножницы, щипцы, ноги у мокрицы, рака, лягушки“ и пр. (стр. 31—32). Кто же ищетъ прекраснаго въ области ремеслъ (хотя и они, видимо, стремятся къ изяществу въ отдѣлкѣ) или въ оторванныхъ органахъ произведеній природы? Гдѣ нѣтъ жизни, съ проявленіемъ идеи въ живомъ образѣ, тамъ нѣтъ и прекраснаго. Изъ этой паткой критики дѣлается выводъ: „И такъ, вы видите, ни одно изъ объясненій красоты не объясняетъ ее“ (стр. 32). Но кто же тутъ виновать? Конечно, не красота сама по себѣ, а тотъ, кто не умѣетъ объяснить ее. Спрашивается: педаго-

гично ли такъ сбивчиво толковать въ элементарномъ руководствѣ? Авторъ будто забылъ, для кого опъ пишетъ книгу.

О волю, какъ третьей способности души, сказано слишкомъ мало даже для элементарнаго руководства (стр. 6 — 7). Тутъ виновата, впрочемъ, и дѣтская основа, которая положена въ стихѣ изъ Майкова:

И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплеть цвѣтами песна.

Разумѣется, что „на нѣтъ и суда нѣтъ“.

Вторая глава — съ элементарными свѣдѣніями изъ логики — оканчивается лучшею, пожалуй, въ цѣлой книгѣ. Мы не согласны, впрочемъ, на переимѣну въ опредѣленіи логики, что она есть наука о правильности знанія, а не мышленія. Переимѣна эта будто необходима съ тою цѣлюю, чтобы „разграничить область логики отъ психологіи, въ составъ которой входитъ также и мышленіе“ (стр. 53). Но психологія имѣетъ дѣло собственно не съ мышленіемъ въ правильномъ процессѣ его образованія, отъ единичнаго представленія или понятія до паучыихъ системъ, а съ разнообразными мыслительными силами человѣка, какъ психическими фактами, въ которыхъ проявляется его умственная жизнь на всѣхъ ступеняхъ развитія — отъ полусознательнаго лепета младенца до высокихъ откровеній гениальнаго ума. Разсужденіе сумасшедшаго, сплошная бессмыслица съ логической точки зрѣнія (которая потому прямо и не входитъ въ область логики), представляется въ психологіи своеобразно — естественнымъ фактомъ умственной жизни человѣка, какимъ интересуется психологъ (или психіатръ). Такимъ образомъ, смѣшивать мышленіе, какъ предметъ логики и психологіи, можно только по недоразумѣнію, такъ какъ эти двѣ области на столько раздѣлены, что нѣтъ нужды въ какомъ-либо особомъ ихъ разграниченіи. Поставивъ же предметомъ логики „правильное знаніе“ взаимнѣ „правильнаго мышленія“, мы внесемъ путаницу въ представленіе о логикѣ, какъ особой наукѣ. Правильное „знаніе“ служитъ завѣтною цѣлюю каждой науки; а въ логикѣ насъ интересуетъ собственно процессъ правильнаго „мышленія“, который приводитъ къ соответствующему знанію.

Не было также прямого основанія извѣстныя въ логикѣ „законы“ мышленія называть „аксіомами“ логичнаго знанія. Еслибы подъ закономъ мы разумѣли, дѣйствительно, только „нѣчто абсолютно ненарушимое“, то можно бы еще согласиться съ этой замѣной; но извѣстно, что, на примѣръ, гражданскіе законы нарушаются, какъ и

логическіе, и за нимъ все же остается сила закона (стр. 66). Съ положительной же стороны, законы логическіе и аксіомы математическія — далеко не равносильны, чтобы можно было ихъ отождествлять между собою. Между философами нѣтъ того единства во взглядахъ на законы мышленія, какъ между математиками на аксіомы: сила и значеніе каждаго закона, количество ихъ, мѣсто въ системѣ логики — все представляется различно и даже оспаривается. Такъ, на примѣръ, у насъ проф. Карповъ отрицаетъ законъ исключеннаго средняго или третьяго, г. Владиславлевъ — законъ достаточнаго основанія и пр. и пр. Это значитъ, что логическій законъ можетъ быть разясняемъ своеобразно, что и отнимаетъ у него ту силу непосредственной очевидности, каковы усвоются аксіомамъ. За нагляднѣйшимъ доказательствомъ ходить не далеко: посмотримъ, на примѣръ, какъ у г. Класовскаго объясняется законъ тождества. „Спросите, говоритъ онъ, — у своей совѣсти и памяти, не случилось ли вамъ когда нибудь, въ чемъ нибудь солгать? Увы! всякій человѣкъ лживъ... Какъ бы то ни было, въ логикѣ этотъ грѣхъ (?) нашъ называется совнательнымъ нарушеніемъ аксіомы тождества“ (стр. 67). Такимъ образомъ, логическому закону, который имѣетъ въ виду одну формальную истину строгаго соблюденія тождественности смысла въ употребляемыхъ словахъ, необходимой для нашего взаимнаго пониманія, — придается подобнымъ толкованіемъ прямо нравственное значеніе! Кто лжетъ намѣренно и вводитъ въ обманъ другихъ, тотъ грѣшитъ не противъ логическаго закона тождества, а противъ закона правды и чести. Смѣшеніе здѣсь чисто формальнаго значенія закона съ моральнымъ показываетъ его неточное пониманіе. Далѣе видимъ нѣчто еще худшее: „всѣ мы, принимая въѣшней природѣ цвѣтноты и звучности, принимаемъ иллюзію за дѣйствительность — и тѣмъ постоянно нарушаемъ тотъ же логическій законъ“ (стр. 67—68)! И такъ, это одинъ изъ страшнѣйшихъ законовъ, котораго нельзя исполнить: не лучше ли совсѣмъ изгладить его изъ скрижалей логическаго законодательства? Но тутъ опять виноваты не законъ, а его невѣрное толкованіе; иллюзіи цвѣтноты и звучности и т. п. тождественны въ общемъ пониманіи и, стало быть, не касаются разсматриваемаго закона. Затѣмъ идетъ, признаемъ, странная мысль (вѣроятно, по поводу указанныхъ иллюзій): „можетъ ли человѣкъ обманывать самого себя? Нѣтъ. Для этого нужно быть умнѣе самого себя (?), то-есть быть уже не самимъ собой. Почему же, однако, говорится, что люди

часто обманываютъ самихъ себя“? Рѣшается это будто психическимъ процессомъ „мнимаго самообмана“ (?), по которому человекъ, желая, подѣ влияніемъ страсти, „предпочесть черное бѣлому“, прибѣгаетъ „къ искусственной разсѣянности“ и пр. (стр. 68). Что же это, подумаетъ читатель: куда пошла мысль разяснителя „аксіомы тождества“? Дѣйствительно, сбившись съ пути, немудрено договориться до абсурда: законъ тождества есть все, что угодно, и толковать его можно какъ угодно. Стало быть, повторяемъ, логическія законы — не то, что математическія аксіомы.

Стѣдуетъ еще остановиться на разборѣ нѣсколькихъ парадоксовъ, какъ отступленій отъ „аксіомы противорѣчій“. Такъ, извѣстное нравовученіе въ баснѣ „Музыканты“: „по мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй“, причисляется къ парадоксу, на томъ будто основаніи, что „кто пьетъ, то-есть пьянствуетъ, тотъ уже не въ своей власти, а въ рукахъ овладѣвшей имъ посторонней слѣпой силы“, и слѣдовательно не способенъ къ разумѣнію дѣла (стр. 69—70). Крыловъ былъ бы удивленъ такимъ толкованіемъ его морали. При чемъ тутъ пьянство? Баснописецъ просто противопоставляетъ умнаго дѣльца, не отказывающагося иногда отъ рюмки вина или водки, тѣмъ неспособнымъ людямъ, которые „въ ротъ хмѣльнаго не берутъ“. Развѣ всѣ употребляющіе вино непременно пьяницы?.. Не парадоксальна также и пословица: „за битаго двухъ небитыхъ даютъ“, если разсмотримъ ее въ смыслѣ варьянта: „за ученаго двухъ неученыхъ даютъ, да и то не берутъ“. Настоящій смыслъ этой пословицы заключаетъ въ себѣ положительную истину, что обученный чему нибудь цѣнится вдвое (и даже болѣе) дороже необученнаго. — Односторонне или поверхностно посмотрѣвъ г. Классовскій и на французскую поговорку *le mieux est l'ennemi du bien* (лучшее—врагъ хорошаго), причисливъ ее къ парадоксамъ. Еслибы это была истина, говоритъ авторъ, то для людей сталъ бы невозможенъ прогрессъ личный, общественный, научный, промышленный. Поговорка эта изъ парадокса превратится въ истину только подѣ условіемъ ограниченія ея однимъ изъ случаевъ, именно когда неумѣлый и суетливый человекъ поправляетъ дѣло, бессознательно норти его. Иллюстраціей такого случая можетъ служить „Тришкинъ кафтанъ“, Крылова (стр. 70—71). Но поговорка выражаетъ какъ разъ то, что мы видимъ въ прогрессѣ, то-есть побѣду и замѣну хорошаго лучшимъ. Во всѣхъ случаяхъ при выборѣ между „хорошимъ“ и „лучшимъ“ предпочтеніе отдается послѣднему, — если позволяютъ, конечно, усло-

вія. Бываетъ иногда, что гоняясь за „лучшимъ“, мы не только его не достигаемъ, а портишь и то, что у насъ было „хорошаго“; но этихъ исключительныхъ случаевъ, отнодь нельзя обобщить въ смыслѣ французской поговорки. „Тришкинъ кафтанъ“, который „на локтяхъ продрался“, не можетъ считаться „хорошимъ“ платьемъ — и вся басня объясняется въ другомъ смыслѣ. Г. Классовскій справедливо замѣчаетъ: „Можно, злоупотребляя растяжимостью иныхъ понятій, извратить въ парадоксъ самую почтенную истину, именно чрезъ узкое, одностороннее ихъ толкованіе“ (стр. 71). Мы видѣли, что въ томъ же отчасти онъ и самъ провинился.

Впрочемъ, повторяемъ, глава о формальной логикѣ — лучшая въ книгѣ. Для преподавателя особенно полезна здѣсь статья о силлогизмахъ (дедукція и индукція) со множествомъ задачъ для учениковъ.

М. Шаповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ СЪ 1871 ПО 1877 ГОДЪ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО.

По нѣкоторымъ вопросамъ, частью педагогическаго, частью административнаго свойства, возбужденнымъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, потребовалось собрать свѣдѣнія о томъ, изъ какихъ источниковъ составляется контингентъ учителей въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, на сколько содѣйствуютъ пополненію персонала преподавателей наши университеты, а также историко-филологическіе институты, духовныя академіи, иностранныя учебныя заведенія и т. д. Съ этою цѣлью были потребованы свѣдѣнія о преподавателяхъ, опредѣленныхъ на вакантныя должности, за послѣднія семь лѣтъ, считая съ 1871 года, отъ всѣхъ гимназій, прогимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и тому подобныхъ учебныхъ заведеній. Обширная масса вѣдомостей, доставленныхъ въ отвѣтъ на означенное требованіе, представляетъ не мало затрудненій къ обработкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и множество весьма любопытныхъ данныхъ, характеризующихъ какъ среднія и высшія учебныя заведенія въ нашемъ отечествѣ, такъ и дѣятельность мѣстныхъ учебныхъ администрацій.

Предлагая здѣсь обзорное собраніе собранныхъ свѣдѣній, считаемъ не бесполезнымъ предпослать ему нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Преподавательскія вакантныя должности, по порядку ихъ замѣщенія, слѣдуетъ раздѣлить на двѣ главныя категоріи. Къ первой часть ссн, отд. 4.

относятся такія, въ исправленію которыхъ назначаются лица, уже состоявшія на службѣ по учебному вѣдомству, то-есть переводимыя изъ одного учебнаго заведенія въ другое, или такія вакантныя мѣста, запятія по которымъ распределены между наличными преподавателями, директоромъ и инспекторомъ того же учебнаго заведенія, или же, наконецъ, запятія по которымъ поручены лицамъ, приглашеннымъ со стороны, временно, по найму. Ко второй категоріи относятся учительскія вакантныя мѣста, замѣщаемыя лицами, вновь опредѣляемыми на учебную службу. Сосдиненіе въ рукахъ одного преподавателя двухъ или трехъ предметовъ преподаванія дозволено уставами, и такимъ правомъ учебныя заведенія, въ настоящее время, пользуются весьма часто. При указанномъ здѣсь порядкѣ распределенія занятій между наличными преподавателями одного и того же учебнаго заведенія, преподавательскую должность по какому-либо предмету, по которой не имѣется особаго штатнаго учителя, но которая возложена на учителя другаго предмета, для совмѣстнаго преподаванія, или на директора, или на инспектора учебнаго заведенія — въ сущности нельзя считать вакантною. Съ другой стороны, и перемѣщеніе преподавателей изъ одного учебнаго заведенія въ другое, во многихъ случаяхъ, обозначаетъ не дѣйствительную потребность въ учителяхъ, не спросъ на новыхъ дѣятелей, не праздную или вакантную должность, но только передвиженіе въ наличномъ составѣ учащихся по домашнимъ ихъ обстоятельствамъ. Поэтому надо полагать, что дѣйствительное число бывшихъ вакантныхъ мѣстъ преимущественно и точнѣе опредѣляется послѣднею указанною нами категоріею опредѣляемыхъ, то-есть числомъ вновь поступающихъ на учебную службу. Это общее правило, справедливость котораго будетъ подтверждена и нижеизложенными соображеніями, конечно, не можетъ быть применено въ точности къ каждому учебному заведенію въ отдѣльности, но скорѣе отнесется къ цѣлому учебному округу и цѣлому государству. Для учебнаго заведенія совершенно безразлично, кѣмъ замѣщается вакантное мѣсто, открывшееся со смертію преподавателя или выходомъ его въ отставку—лицомъ ли, уже состоявшимъ на службѣ или вновь опредѣляемымъ. Но въ учебномъ округѣ, при перемѣщеніи на открывшуюся вакансію лица, уже служащаго, слѣдуетъ озаботиться о замѣщеніи и его мѣста новымъ лицомъ.

На увеличеніе числа открывающихся вакансій, несомнѣнно, имѣетъ значительное вліяніе учрежденіе новыхъ учебныхъ заведеній; а таковыхъ открыто было много, въ послѣднее семилѣтіе, во всѣхъ

учебныхъ округахъ. Во вновь учреждаемыя училища назначались болѣею частью опытные преподаватели, уже состоявшіе на службѣ, изъ другихъ учебныхъ заведеній. При ихъ переимѣненіи, разумѣется, открывалось соотвѣтствующее число вакантныхъ мѣстъ въ тѣхъ заведеніяхъ, изъ которыхъ они переведены. Послѣднія обозначенныя вакантныя мѣста, въ свою очередь, требовали замѣщенія новыми дѣятелями, я, такимъ образомъ, учрежденіе новаго училища каждый разъ вызывало вообще требованіе въ округѣ лицъ, посвящающихъ себя учебному поприщу и соотвѣтствующее увеличеніе общаго числа учителей въ округѣ, черезъ опредѣленіе на службу вновь поступающихъ.

Къ сожалѣнію, учебныя заведенія въ вѣдомостяхъ, представленныя въ министерство, не всегда съ точностью обозначали, откуда набранъ былъ весь первоначальный персоналъ преподавателей, въ первый годъ существованія вновь открытыхъ учебныхъ заведеній. Иныя вовсе его не показывали, довольствуясь отмѣткой о выбывшихъ изъ этого персонала въ теченіе года и о поступившихъ на ихъ мѣста. Другія учебныя заведенія, открытыя въ составѣ двухъ или трехъ классовъ, дѣйствительно, требовали, въ началѣ своего существованія, весьма ограниченнаго числа учителей и пополняли ихъ составъ въ теченіе трехъ, четырехъ лѣтъ, по мѣрѣ открытія остальныхъ классовъ. Поэтому никакихъ выводовъ, отдѣльно, о составѣ учителей въ первый годъ учрежденія новыхъ училищъ, по представленнымъ ими вѣдомостямъ, дѣлать невозможно.

Неполное и неточное показаніе вакантныхъ мѣстъ встрѣчается не только при обозначеніи первоначальнаго состава преподавателей вновь открытыхъ учебныхъ заведеній, но вообще при указаніи преподавательскихъ должностей, замѣщенныхъ лицами, уже состоявшими на службѣ, или порученныхъ преподавателямъ другаго предмета въ томъ-же учебномъ заведеніи, или же постороннему лицу по найму. Иныя учебныя заведенія считали вакантною всякую преподавательскую должность, не занятую особымъ штатнымъ учителемъ; другія—только такую, по которой вовсе не имѣлось преподавателя и преподаваніе временно было прекращено. Такъ, напримѣръ, многіе учителя исторіи преподаютъ въ то же время и географію, многіе преподаватели соединяютъ съ преподаваніемъ древнихъ языковъ и преподаваніе языка русскаго или нѣмецкаго. Въ такихъ случаяхъ, иныя учебныя заведенія показывали вакантными, ежегодно, мѣста преподавателей географіи, русскаго и нѣмецкаго языковъ; другія—эти мѣста не считали вакантными и не показывали. Подобная разность

во взглядахъ и въ пониманіи запроса, сдѣланнаго министерствомъ, и разногласіе въ соотвѣтствующихъ показаніяхъ, возбуждаетъ, до нѣкоторой степени, сомнѣніе въ точности и правдивости чиселъ, относящихся къ этой категоріи преподавателей. Мы приводимъ эти числа, гдѣ слѣдуетъ, основываясь на подлинныхъ вѣдомостяхъ, представленныхъ учебными заведеніями, но считаемъ обязанностью разъяснить ихъ истинное значеніе. Напротивъ, въ исчисленіи лицъ, вновь опредѣляемыхъ на службу, едва ли могли встрѣчаться такія же неточности и недоумѣнія. Поэтому, послѣднія, относящіяся ко второй категоріи учащихся, нами указанной выше, считаемъ вполне достоверными, а въ этихъ именно числахъ, какъ уже сказано, заключается вся сущность возбужденнаго вопроса, такъ какъ перемѣщеніе служащихъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое, если оно обусловлено только удобствами службы, не оставляетъ преподавательскихъ мѣстъ праздными, но если оно обусловливается дѣйствительною потребностью гдѣ-либо въ учителяхъ, то, въ окончательномъ результатѣ, вызываетъ выборъ новаго преподавателя и поступленіе, каждый разъ, на службу новаго лица.

Требуемая свѣдѣнія о преподавательскихъ вакантныхъ должностяхъ доставлены:

изъ 127 гимназій,
 74 прогимназій,
 65 реальныхъ училищъ,
 9 учительскихъ институтовъ,
 46 учительскихъ семинарій,
 6 жепскихъ гимназій ¹⁾,
 7 жепскихъ прогимназій ²⁾.

Всего изъ 334 учебныхъ заведеній.

Въ числѣ указанныхъ здѣсь 334 учебныхъ заведеній были вновь учреждены и открыты:

въ 1871 году 1 гимназія,
 1 прогимназія,

---

¹⁾ Варшавскаго учебнаго округа.

²⁾ Не доставили требуемыхъ свѣдѣній по неизвѣстной причинѣ: Харьковская 1-я гимназія, прогимназія Одесская 2-я, Владивостокская, Благовѣщенская, реальныя училища Великолуцкое и Харьковское, Оренбургскій учительскій институтъ и Гатчинская учительская семинарія.

О ЗАМЪЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МЪСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 5

„ 1872	„	5 гимназій, 1 реальное училище, 2 учительскіе института, 9 учительскихъ семинарій,
„ 1873	„	1 гимназія, 10 прогимназій, 23 реальныя училища, 1 учительскій институтъ, 2 учительскія семинаріи,
„ 1874	„	2 гимназій, 15 прогимназій, 2 реальныя училища, 2 учительскіе института, 3 учительскія семинаріи,
„ 1875	„	1 гимназія, 4 прогимназій, 10 реальныхъ училищъ, 1 учительскій институтъ, 8 учительскихъ семинарій,
„ 1876	„	2 гимназій, 11 прогимназій, 10 реальныхъ училищъ, 2 учительскіе института, 5 учительскихъ семинарій,
„ 1877	„	7 прогимназій, 9 реальныхъ училищъ, 2 учительскія семинаріи,
		<hr/> Всего 152 учебныхъ заведенія.

Такимъ образомъ оказывается, что изъ 334 учебныхъ заведеній, представившихъ свѣдѣнія о перемѣнахъ въ личномъ составѣ ихъ преподавателей, 152 вновь открыты въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, почти половина всѣхъ указанныхъ учебныхъ заведеній или точнѣе 45,5%; и притомъ, независимо отъ преобразованій, въ тотъ же періодъ времени, многихъ прогимназій изъ четырехъклассныхъ въ шестиклассныя, шестиклассныхъ прогимназій въ гимназій съ полнымъ восьмилѣтнимъ курсомъ ученія, а также бывшихъ реальныхъ гимназій въ гимназій классическія или реальныя училища, и другихъ учебныхъ заведеній, какъ, напримѣръ, Житомирскаго раввинскаго училища въ

учительскій институтъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1871 году числилось всего 126 гимназій и 32 прогимназій, классическія и реальныя, 1 учительскій институтъ и 17 учительскихъ семинарій. Съ 1871 года вновь открыто 12 гимназій и 48 прогимназій. Число послѣднихъ въ настоящее время достигаетъ до 77 и противъ 1871 года увеличилось болѣе чѣмъ вдвое, именно на 140%. Изъ существующихъ 67 реальныхъ училищъ, въ тотъ же промежутокъ времени, вновь учреждены и открыты 55; а также вновь учреждены и открыты почти всѣ учительскіе институты и 29 учительскихъ семинарій изъ 46. Число вновь открытыхъ училищъ по каждому учебному округу, въ отдѣльности, показано въ слѣдующей, прилагаемой при семъ таблицѣ:

Учебные округи:	Общее число учебныхъ за- веденій.	Въ томъ чи- слѣ вновь от- крыто съ 1871 года.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.
С.-Петербургскій	35	17	48%
Московскій	59	39	66%
Казанскій	23	15	65%
Оренбургскій	13	9	69%
Харьковскій	33	19	57%
Одесскій	36	23	63%
Кіевскій	29	11	38%
Виленскій	24	8	33%
Варшавскій	37 ¹⁾	1	2,7%
Дерптскій	18	3	16%
Западная Сибирь	5	2	40%
Восточная Сибирь	7	3	43%
Туркестанскій Край	2	2	100%
Всего	321 ¹⁾	152	47,3%

За исключеніемъ вновь учрежденнаго учебнаго управленія въ Туркестанской области съ двумя прогимназіями, открытыми въ 1876 году, въ остальныхъ 12 округахъ число вновь устроенныхъ учебныхъ заведеній весьма значительно, и превышаетъ 60% въ Московскомъ, Казанскомъ, Оренбургскомъ и Одесскомъ округахъ, а въ С.-Петербур-

1) За исключеніемъ женскихъ гимназій и прогимназій (13), о которыхъ свѣдѣнія доставлены только изъ Варшавскаго учебнаго округа.

скомъ и Харьковскомъ превышаетъ 40⁰/₀. Только въ Дерптскомъ и Варшавскомъ учебныхъ округахъ оно незначительно.

Такое быстрое увеличеніе числа среднихъ учебныхъ заведеній требовало усиленныхъ мѣръ для приготовленія достаточнаго числа учителей, вполне способныхъ къ занятію вновь открывающихся вакантныхъ преподавательскихъ должностей.

Общее число вакантныхъ мѣстъ, въ теченіе семи лѣтъ, простиралось по всѣмъ учебнымъ округамъ до 2,303, что составляетъ среднимъ числомъ по 329 вакансій ежегодно. Если же исключить 644 вакансіи, замѣщенныя переводомъ изъ другихъ учебныхъ заведеній лицъ, уже состоящихъ на учебной службѣ, или занятія по которымъ были распределены между наличными преподавателями того же учебного заведенія, или ввѣрены постороннимъ учителямъ, временно приглашеннымъ по найму, то вакантныхъ мѣстъ, предоставленныхъ лицамъ, вновь поступившимъ на учебную службу, окажется всего 1,659, что составляетъ, среднимъ числомъ, по 237 вакансій ежегодно на 334 учебныхъ заведенія, тѣсколько менѣе 1 на каждое учебное заведеніе; иными словами: не во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ открывался ежегодно по одному вакантному мѣсту преподавателя того или другаго предмета. Въ дѣйствительности, общее число вакантныхъ мѣстъ было, въ началѣ семилѣтія, значительно менѣе указаннаго средняго вывода и, постепенно увеличиваясь, по мѣрѣ открытія новыхъ учебныхъ заведеній, къ концу семилѣтія уже превосходило означенный средній выводъ, какъ усмотрѣть можно изъ слѣдующей таблицы:

Вакантныхъ мѣстъ было въ сложности во всѣхъ учебныхъ округахъ:

	Всего.	Замѣщены переводомъ или временно.	Вновь поступившимъ на службу.
въ 1871 году	248	85	163
„ 1872 „	254	60	194
„ 1873 „	345	119	226
„ 1874 „	335	89	246
„ 1875 „	361	109	252
„ 1876 „	377	99	278
„ 1877 „	333	83	300
Всего . . .	2303	644	1659

Изъ этой таблицы видно, что число перемѣщеній и временныхъ назначеній колеблется довольно неравномѣрно отъ 60 до 120 въ годъ, тогда какъ число вновь опредѣляемыхъ на службу правильно возрастаетъ, одновременно съ постепеннымъ увеличеніемъ общаго числа учебныхъ заведеній. Выше сказано было, что по официальнымъ отчетамъ, обнародованнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 1871 году числилось классическихъ и реальныхъ гимназій, учительскихъ институтовъ и семинарій 176, а съ 13 женскими училищами Варшавскаго учебнаго округа, всего 189 заведеній; вакантныхъ мѣстъ, замѣщанныхъ лицами, вновь опредѣленными на службу, было въ томъ же году 163. Въ 1877 году училищъ уже числилось 334 и вакантныхъ мѣстъ 300. Такимъ образомъ, можно принять за норму, какъ maximum, 1 вакантное мѣсто ежегодно, среднимъ числомъ, на каждое училище; норма, чрезвычайно незначительная для такого времени, когда развивалась усиленная дѣятельность по устройству среднихъ учебныхъ заведеній, и въ промежутокъ семи лѣтъ, когда общее ихъ число почти удвоилось.

Распредѣленіе вакантныхъ мѣстъ по учебнымъ округамъ было слѣдующее:

Учебные округи.	Число учеб- ныхъ заве- деній.	Общее чи- сло вакансій.	Замѣщеніи переводомъ или временно.	Вновь посту- пившии на службу.	Среднимъ числомъ еже- годно.
С.-Петербургскій	35	293	92	201	29
Московскій	59	490	157	333	47
Казанскій	23	166	30	136	19
Оренбургскій	13	129	43	86	12
Харьковскій	33	197	44	153	22
Одесскій	36	248	64	184	26
Кіевскій	29	246	50	196	28
Виленскій	24	172	37	135	19
Варшавскій	50	208	88	120	17
Дерптскій	18	90	30	60	9
Западная Сибирь	5	28	8	20	3
Восточная Сибирь	7	32	2	30	4
Туркестанъ	2	4	—	4	—
Всего	334	2303	644	1659	237

Исключивъ Туркестанскій округъ съ прогимназіями, открытыми

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 9

всего только два года тому назадъ, мы усматриваемъ изъ этой таблицы, что почти во всѣхъ прочихъ учебныхъ округахъ число вакантныхъ мѣстъ преподавателей, въ среднемъ выводѣ за годъ, нѣсколько менѣе общаго числа учебныхъ заведеній въ округѣ, то-есть соответствуетъ въ точности общей нормѣ, нами выведенной выше. Въ Оренбургскомъ и Кіевскомъ учебныхъ округахъ это число нѣсколько значительнѣе, нежели въ прочихъ, и почти равняется числу учебныхъ заведеній въ каждомъ округѣ, а въ Дерптскомъ округѣ оно на половину менѣе числа учебныхъ заведеній и въ Варшавскомъ втрое менѣе. Въ послѣднихъ двухъ округахъ 1 вакантное мѣсто приходится на 2 и на 3 училища въ годъ, именно въ тѣхъ двухъ округахъ, въ которыхъ всего менѣе было открыто новыхъ учебныхъ заведеній въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ ¹⁾.

Наиболѣе преподавательскихъ вакантныхъ мѣстъ числилось въ гимназіяхъ, собственно потому, что число этихъ учебныхъ заведеній само по себѣ значительно болѣе, нежели училищъ другихъ разрядовъ, и классовъ въ нихъ болѣе, при томъ же въ учебные ихъ планы входятъ древніе языки, предметъ по которому требовалось болѣе учителей, въ послѣднее семилѣтіе, нежели по другимъ предметамъ преподаванія.

Вакантныхъ мѣстъ числилось:

	Всего.	Замѣщено переходомъ для временно.	Вновь посту- павшимъ на службу.
Въ 201 гимназіи и прогимназіи . . .	1740	510	1230
Въ 65 реальныхъ училищахъ	336	67	269
Въ 55 учительскихъ институтахъ и се- минаріяхъ	191	47	144
Въ 13 женскихъ гимназіяхъ и прогим- назіяхъ Варшавскаго округа . .	36	20	16
Всего	2303	644	1659

По предметамъ преподаванія вакантныя мѣста распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Сравни. стр. 9.

Вакансіи преподавателей.	Всего.	Замѣнено переводомъ или временно.	Вновь посту- пивши на службу.
Русскаго языка и словесности	443	145	298
Латинскаго и греческаго языковъ	619	156	463
Математики и физики	372	84	288
Естественной исторіи и химіи	74	10	64
Исторіи и географіи	263	81	182
Нѣмецкаго языка	175	65	110
Французскаго	158	68	90
Механики	20	1	19
Письмоводства и вѣпиговодства	25	—	25
Землемѣрія и нивелировки	2	—	2
Черченія и рисованія	152	34	118
Всего	2303	644	1659

По этимъ двумъ таблицамъ можно сдѣлать слѣдующіе выводы: среднее число вакантныхъ мѣстъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ простиралось ежегодно до 249, а число вновь опредѣленныхъ на службу— до 176 на 201 учебное заведеніе, что составляетъ согласно съ выведенною выше нормой, въ первомъ случаѣ нѣсколько болѣе, а во второмъ—нѣсколько менѣе одного вакантнаго мѣста ежегодно на каждое учебное заведеніе. Въ реальныхъ училищахъ среднее число вакансій простиралось до 48, въ среднемъ выводѣ за годъ, а число вновь опредѣленныхъ до 38 на 65 учебныхъ заведеній, что на каждое представляетъ одного вновь поступающаго на службу въ полтора или два года. По учительскимъ институтамъ и семинаріямъ приходится среднимъ числомъ въ годъ 21 вновь опредѣляемый на 55 учебныхъ заведеній, то-есть по 1 въ два съ половиною года, а по женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ Варшавскаго учебнаго округа по 1 въ шесть или семь лѣтъ.

Наиболѣе вакантныхъ мѣстъ числилось по древнимъ языкамъ, независимо отъ того, были ли они замѣнены лицами, вновь опредѣленными, или перемѣщеніемъ состоявшихъ уже на службѣ, или другими способами; вакантныхъ мѣстъ по древнимъ языкамъ оказывается значительно болѣе, нежели по русскому языку, математикѣ или исторіи и географіи. Это обстоятельство объясняется отчасти тѣмъ, что ла-

тинскій и греческій языки чаще преподаются раздѣльно двумя различными преподавателями, тогда какъ преподаваніе математики и физики чаще соединяется въ лицѣ одного преподавателя, а также преподаваніе исторіи и географіи; но еще болѣе тѣмъ, что численность преподавателей по каждому предмету зависитъ отъ числа уроковъ, назначенныхъ для каждаго предмета, по учебнымъ планамъ: для преподаванія древнихъ языковъ по штату гимназій положено 4 преподавателя, а для русскаго языка, а также и для математики съ физикой—по 2.

Среднимъ числомъ приходится по древнимъ языкамъ, ежегодно 88 вакантныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ 22 перемѣщенія и 66 вновь опредѣляющихся во всѣхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподаются эти предметы, то-есть, въ 201 гимназій и прогимназій; или иными словами: 3 вакантныхъ мѣста (0,77 перемѣщеній и 2,3 новыхъ назначеній) на каждое учебное заведеніе въ семь лѣтъ.

По русскому языку приходится 63 вакантныхъ мѣста, 21 перемѣщеніе и 42 вновь опредѣляющихся ежегодно на 334 учебныхъ заведенія; или 1,32 вакантное мѣсто, 0,43 перемѣщеній и 0,89 новыхъ назначеній, то-есть, максимумъ: 1 или 2 вакантныхъ мѣста на каждое училище въ семь лѣтъ.

По математикѣ нѣсколько менѣе:

	Среднимъ числомъ ежегодно.	На каждое училище въ семь лѣтъ.
Всего вакантныхъ мѣстъ	53	1,11
Замѣщено переводомъ или временно	12	0,25
Вновь поступившими на службу	41	0,86

По исторіи и географіи:

Всего вакантныхъ мѣстъ	38	0,78
Замѣщено переводомъ или временно	12	0,24
Вновь поступившими на службу	26	0,54

Если же къ этимъ двумъ предметамъ (исторіи и географіи) присоединимъ еще естествовѣдѣніе, преподаваніе котораго въ учительскихъ семинаріяхъ возлагается на учителя исторіи и географіи, то получимъ:

Всего вакантныхъ мѣстъ по 3 предметамъ	48	1
Замѣщено переводомъ или временно	13	0,27
Вновь поступившими на службу	35	0,73

По черченію и рисованію:

Всего вакантных мѣстъ	22	0,45
Замѣщено переводомъ или временно	5	0,1
Вновь поступившими на службу	17	0,35

Затѣмъ нѣмецкій и французскій языки не преподаются въ учительскихъ семинаріяхъ, и въ семь лѣтъ по нѣмецкому языку оказались только 2 вакансіи въ учительскихъ институтахъ; а потому, исключивъ учебныя заведенія этихъ двухъ разрядовъ, получимъ въ 279 остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ:

По нѣмецкому языку:

Всего вакантных мѣстъ	25	0,62
Замѣщено переводомъ или временно	9	0,23
Вновь поступившими на службу	16	0,39

По французскому языку:

Всего вакантных мѣстъ	22	0,56
Замѣщено переводомъ или временно	10	0,24
Вновь поступившими на службу	13	0,32

По механикѣ, письмоводству и книговодству, землемѣрію и нивелировкѣ, въ 65 реальныхъ училищахъ въ теченіе семи лѣтъ было всего 47 вакантных мѣстъ, изъ коихъ только 1 замѣщено переводомъ, изъ другаго учебнаго заведенія, лица, уже состоявшаго на учебной службѣ.

Въ распредѣленіи вакантных мѣстъ по предметамъ въ каждомъ отдѣльномъ учебномъ округѣ не замѣчается особенно разительной разницы съ общею указанною нами нормою. Возьмемъ для примѣра четыре главные предмета преподаванія:

	Древніе языки.	Русскій языкъ.	Математика.
Въ 35 учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербургскаго округа всего было вакантных мѣстъ	98	37	57
Опредѣлено вновь поступившихъ на службу	71	24	41
Въ 59 Московскаго округа вакантных мѣстъ	146	89	68
Вновь поступившихъ на службу	106	60	46

	Древніе языки.	Русскій языкъ.	Математика.
Въ 23 Казанскаго			
вакантныхъ мѣстъ	43	28	27
Вновь поступившихъ на службу .	28	23	26
Въ 13 Оренбургскаго			
вакантныхъ мѣстъ	34	22	16
Вновь поступившихъ на службу .	19	12	13
Въ 33 Харьковскаго			
вакантныхъ мѣстъ	57	37	31
Вновь поступившихъ на службу .	49	31	23
Въ 36 Одесскаго			
вакантныхъ мѣстъ	57	54	46
Вновь поступившихъ на службу .	38	35	42
Въ 29 Кіевскаго			
вакантныхъ мѣстъ	57	43	40
Вновь поступившихъ на службу .	51	36	32
Въ 24 Виленскаго			
вакантныхъ мѣстъ	33	35	35
Вновь поступившихъ на службу .	30	29	27
Въ 50 Варшавскаго			
вакантныхъ мѣстъ	51	63	31
Вновь поступившихъ на службу .	35	26	20
Въ 18 Дерптскаго			
вакантныхъ мѣстъ	24	24	9
Вновь поступившихъ на службу .	18	11	6
Въ 5 Западной Сибири			
вакантныхъ мѣстъ	9	5	5
Вновь поступившихъ на службу .	7	5	5
Въ 7 Восточной Сибири			
вакантныхъ мѣстъ	8	5	7
Вновь поступившихъ на службу .	8	5	7
Въ 2 Туркестанскаго Края			
вновь поступившихъ на службу .	2	1	—

Если, по этой таблицѣ, мы сравнимъ число вакантныхъ мѣстъ, замѣщенныхъ лицами, вновь опредѣленными на учебную службу, съ чи-

словъ учебныхъ заведеній въ каждомъ округѣ, то получимъ слѣдующіе выводы: среднимъ числомъ приходится, по русскому языку и словесности, на каждое учебное заведеніе по 1 вакантному мѣсту въ семь лѣтъ; нѣсколько болѣе этой нормы въ учебныхъ округахъ Московскомъ, Кіевскомъ, Виленскомъ и нѣсколько менѣе въ С.-Петербургскомъ, Оренбургскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ и Восточной Сибири. Въ Дерптскомъ и Варшавскомъ округахъ число вакантныхъ мѣстъ, какъ уже сказано, по всѣмъ предметамъ гораздо менѣе, нежели въ другихъ учебныхъ округахъ, и въ Дерптскомъ округѣ составляетъ по древнимъ языкамъ 1 вакантное мѣсто на училище въ 7 лѣтъ, по русскому языку 1 вакантное мѣсто на 2 учебныя заведенія въ тотъ же промежутокъ времени, а по математикѣ 1 вакантное мѣсто на три учебныя заведенія. Число вакантныхъ мѣстъ по математикѣ превышаетъ таковое же по русскому языку въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ, Казанскомъ, Оренбургскомъ, Одесскомъ и Восточной Сибири, а въ остальныхъ округахъ менѣе, нежели по русскому языку; въ томъ и другомъ случаѣ разность не велика. Вакантныхъ мѣстъ по древнимъ языкамъ во всѣхъ учебныхъ округахъ болѣе, нежели по русскому языку или математикѣ. Число вновь опредѣленныхъ на службу, по этимъ двумъ предметамъ, достигаетъ maximum, до 2 вакантныхъ мѣстъ на каждое учебное заведеніе въ семь лѣтъ, въ округахъ С.-Петербургскомъ и Московскомъ; въ остальныхъ составляетъ пропорцію менѣе значительную и понижается до 1 вакантнаго мѣста въ семь лѣтъ на каждое училище въ округахъ Одесскомъ, и Дерптскомъ, а въ Варшавскомъ учебномъ округѣ до 1 вакантнаго мѣста на каждыя два учебныя заведенія. По прочимъ предметамъ преподаванія, кромѣ четырехъ главныхъ, вышеуказанныхъ, число вакантныхъ мѣстъ еще менѣе значительно. Крайне ограниченное ихъ число, по всѣмъ предметамъ и во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но истина изумительно и выражаетъ, со стороны нашихъ преподавателей весьма большую устойчивость въ слѣдованіи по избранному ими трудному педагогическому поприщу. Одно вакантное мѣсто въ годъ, по тому или другому предмету преподаванія, въ среднемъ выводѣ на каждое училище, или одно вакантное мѣсто въ семь лѣтъ по каждому изъ главныхъ предметовъ преподаванія въ отдаленности, никакъ нельзя назвать большою численностью. Если даже допустить неточность въ показаніяхъ, неполноту доставленныхъ свѣдѣній относительно вакантныхъ мѣстъ, замѣщенныхъ переводомъ и перемѣщеніемъ учителей изъ одного учебнаго заведенія въ другое, или временно какимъ-либо инымъ

способомъ, то во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія предполагать какой-либо значительной ошибки въ показаніяхъ о числѣ лицъ, вновь опредѣленныхъ на преподавательскія должности.

Тѣмъ не менѣе, въ общей сложности, число вакантныхъ преподавательскихъ мѣстъ, какъ уже сказано, достигало до 2303; изъ какого числа—1659 требовалось замѣстить новыми дѣятелями на учебномъ поприщѣ и свѣжими силами; а для сего надлежало ежегодно готовить не менѣе 163 молодыхъ людей, вполне способныхъ занять мѣста преподавателей по различнымъ предметамъ, и это требованіе, увеличиваясь съ каждымъ годомъ, въ послѣднее время достигало до 300 человекъ, необходимыхъ для удовлетворенія самой настоятельной и безотлагательной потребности среднихъ учебныхъ заведеній. Посмотримъ же, откуда набирался этотъ контингентъ новыхъ дѣятелей и какія мѣры были употреблены для безостановочнаго пополненія ихъ числа.

Естественно было бы указать на наши университеты, прежде всего, какъ на главный разсадникъ основательно приготовленныхъ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній, и предположить, что каждый мѣстный университетъ вполне удовлетворяетъ, въ этомъ отношеніи, потребности учебныхъ заведеній своего округа, потребности, тѣмъ болѣе важной, что ею обусловливается образованіе и воспитаніе высшихъ, руководящихъ сословій государства, основательное приготовленіе слушателей для самаго университета и даже, какъ послѣдствіе, успѣшное развитіе низшихъ народныхъ училищъ. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ выходитъ нѣсколько иначе.

Изъ 1659 преподавателей, вновь опредѣленныхъ на службу въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, немного болѣе половины только, именно 958 или 57,7⁰/₁₀₀, получили образованіе въ русскихъ университетахъ. Ихъ распредѣленіе по учебнымъ округамъ при семъ прилагается:

У Н И В Е Р С И Т Е Т Ы:									
Учебные округи.	Московскій.	С.-Петербургскій.	Дерптскій.	Варшавскій.	Казанскій.	Харьковскій.	Кіевскій.	Новороссійскій.	Всего.
С.-Петербургскій . . .	9	88	4	—	—	2	3	—	106
Московскій	153	14	2	4	5	9	6	—	193

У Н И В Е Р С И Т Е Т Ы :

Учебныя округи.	Московскій.	С.-Петербургскій.	Дерптскій.	Варшавскій.	Казанскій.	Харьковскій.	Кіевскій.	Новороссійскій.	Всего.
Казанскій	1	3	5	—	78	—	1	—	88
Оренбургскій . . .	—	2	—	2	31	—	1	—	36
Харьковскій	6	10	3	—	6	40	6	—	71
Одесскій	8	12	1	1	1	2	24	60	109
Кіевскій	1	5	4	—	—	6	108	4	128
Виленскій	25	21	7	1	1	19	11	—	85
Варшавскій	4	12	3	45	—	—	12	2	78
Дерптскій	3	2	29	—	—	—	1	—	35
Западная Сибирь .	4	1	—	—	7	—	—	—	12
Восточная Сибирь .	4	8	—	—	3	—	1	1	17
Всего	218	178	58	53	132	78	174	67	958

Московскій университетъ, какъ видно изъ этой таблицы, доставилъ наиболѣе преподавателей среднимъ учебнымъ заведеніямъ, именно 218, почти четвертую часть или, точнѣе, 22,7% общаго числа учителей, получившихъ образованіе въ русскихъ университетахъ. Питомцы каждаго университета, какъ видно изъ той же таблицы, посвящаютъ себя педагогической дѣятельности преимущественно въ томъ учебномъ округѣ, въ которомъ они воспитывались; такъ, изъ питомцевъ Московскаго университета 153 или 70,1% поступили на службу въ среднія учебныя заведенія мѣстнаго учебнаго округа. Остальные 65 человекъ или 29,8% распредѣлились по другимъ учебнымъ округамъ, въ числѣ пезначительномъ, по 3, по 4, по 8, по 9 человекъ, исключая Виленскій округъ, который не имѣетъ мѣстнаго университета и въ который опредѣлились учителями до 25 питомцевъ Московскаго университета. Получившіе образованіе въ Московскомъ университетѣ посвящали себя преимущественно преподаванію главныхъ предметовъ гимназическаго курса, а именно:

Математики и физики	64	или	29,3%
Русскаго языка и словесности	57	"	26,1%
Древнихъ языковъ	51	"	23,4%
Исторіи и географіи	29	"	13,3%

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 17

Прочихъ предметовъ, естественнѣдѣнія, новыхъ иностранныхъ языковъ, механики и бухгалтеріи, всего	17	»	7,8%
--	----	---	------

Хотя математика и физика, въ Московскомъ учебномъ округѣ, судя по этимъ даннымъ, привлекаютъ нѣсколько болѣе преподавателей изъ молодыхъ людей, окончившихъ университетскій курсъ, тѣмъ не менѣе, получившіе образованіе на историко-филологическомъ факультетѣ все-таки преобладаютъ въ этомъ округѣ. Преподаванію математики и физики посвящаютъ себя исключительно окончившіе курсъ физико-математическаго факультета и преимущественно по отдѣленію чистой математики; преподаванію древнихъ языковъ—исключительно окончившіе курсъ историко-филологическаго; преподаванію русскаго языка, исторіи и географіи—питомцы послѣдняго факультета, за весьма немногими исключеніями. Такимъ образомъ, изъ преподавателей означенныхъ предметовъ, 64 или 29,3%, почти $\frac{1}{3}$ всѣхъ преподавателей, получившихъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, окончили курсъ по физико-математическому факультету, а по историко-филологическому—около 130 или 60%. Хотя значительное большинство преподавателей, окончившихъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, посвятили свою дѣятельность учебнымъ заведеніямъ мѣстнаго округа, но они далеко не удовлетворяютъ собою дѣйствительной потребности этого учебнаго округа въ преподавателяхъ. Число вакантныхъ мѣстъ въ означенномъ округѣ достигало, какъ видно изъ приведенной выше таблицы до 490, изъ коихъ 157 были замѣщены лицами, состоявшими уже на службѣ, а 333 требовали новыхъ дѣятелей. Число питомцевъ мѣстнаго университета, опредѣленныхъ преподавателями (153), составляло только 45,9% въ отношеніи къ числу требованій. На остальные 180 вакантныхъ мѣстъ (54,1%) были опредѣлены 40 преподавателей, получившихъ образованіе въ другихъ русскихъ университетахъ, составляющіе 12% общаго числа вакансій, и за тѣмъ окончившіе курсъ:

духовныхъ академій	6
историко-филологическаго института	9
бывшаго главнаго педагогическаго	1
Лейцигской филологической семинаріи	11
бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	27
высшихъ спеціально-техническихъ училищъ русскихъ	23

часть ссн, отд. 4.

иностранныхъ	4
иностранныхъ университетовъ	12
среднихъ учебныхъ заведеній	47
Всего	140 или 42%

Сдѣланный нами краткій очеркъ Московскаго учебнаго округа возбуждаетъ естественно вопросъ: въ состояніи ли будетъ мѣстный университетъ, но крайней мѣрѣ со временемъ, удовлетворить сполна требованіямъ учебнаго округа, въ отношеніи къ своевременному замѣщенію преподавателями открывающихся вакантныхъ мѣстъ? Таблица распредѣленія по годамъ вновь опредѣленныхъ учителей не даетъ на этотъ вопросъ яснаго и опредѣлительнаго отвѣта. Изъ числа окончившихъ курсъ Московскаго университета опредѣлены преподавателями:

въ 1871 году	24	человѣка
„ 1872 „	25	„
„ 1873 „	29	„
„ 1874 „	41	„
„ 1875 „	38	„
„ 1876 „	34	„
„ 1877 „	27	„
Всего	218	„

Хотя въ 1874 году замѣчается увеличеніе числа преподавателей, приготовляемыхъ университетомъ, но за сими слѣдуетъ опять уменьшеніе ихъ числа. Въ 1877 году поступило изъ университета преподавателей, въ среднія учебныя заведенія, всего только на 3 человѣка или на 12,5% болѣе чѣмъ 1871 году.

Если приписать отчасти случайности, отчасти личному достоинству преподавателя, особенному къ нему расположенію начальника учебнаго заведенія и т. д. приглашеніе на преподавательскія вакантныя должности лицъ, получившихъ образованіе въ другихъ университетахъ и духовныхъ академіяхъ, то за тѣмъ слѣдуетъ полагать, что недостатокъ преподавателей въ Московскомъ учебномъ округѣ пополнялся преимущественно питомцами историко-филологическаго института, Лейпцигской филологической семинаріи и бывшими славянскими стипендіатами, которые и составляли, вмѣстѣ взятые, 47 человѣкъ или 14,1% общаго числа преподавателей, вновь опредѣленныхъ въ учеб-

номъ округѣ. Въ то же время слѣдуетъ предположить, что наиболѣе ощущаемъ былъ недостатокъ учителей по древнимъ языкамъ, такъ какъ лица, о которыхъ идетъ рѣчь, преимущественно посвящали себя преподаванію латинскаго или греческаго языковъ. Въ Московскомъ учебномъ округѣ, по древнимъ языкамъ, опредѣлено въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, въ гимназіи и прогимназіи, всего 106 преподавателей, въ томъ числѣ:

питомцевъ мѣстнаго университета.	42—39,6%	
„ другихъ университетовъ русскихъ	12—11,3%	
„ иностранныхъ	7—6,6%	
„ института, семинарій и стипендіатовъ	43—40,5%	
„ иностраннаго высшаго спеціальнаго училища	1	} 1,5%
„ среднихъ учебныхъ заведеній	1	
Всего.	106.	

Окончившіе курсъ высшихъ спеціальныхъ заведеній имѣли особое назначеніе, и посвящали себя преимущественно преподаванію черченія и рисованія, землемѣрія, бухгалтеріи и механики. Окончившіе курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, выдержавшіе потомъ спеціальнй экзаменъ учителя гимназіи, преобладали между преподавателями новыхъ иностранныхъ языковъ. Нѣмецкій языкъ преподавали 17 человекъ изъ ихъ числа, французскій 16, черченіе и рисованіе 3, русскій языкъ 7, математику 2, исторію 1 и древніе языки 1.

Послѣ Московскаго университета, наиболѣе преподавателей для среднихъ учебныхъ заведеній приготовили университеты С.-Петербургскій и Кіевскій. Въ первомъ получили образованіе 178 преподавателей или 18,6% общаго числа преподавателей, получившихъ образованіе въ русскихъ университетахъ, а во второмъ 174 или 18,1%. Характеристика этихъ двухъ университетовъ отличается отъ Московскаго преимущественно тѣмъ, что питомцы послѣдняго почти поровну распредѣлили между собою преподаваніе древнихъ языковъ, русскаго языка и математики; получившіе образованіе въ Петербургскомъ университетѣ занимались преимущественно преподаваніемъ математики, именно 61 изъ 178 или 34,2%, преподаваніемъ русскаго языка занимались 36 или 20,2%, и преподаваніемъ древнихъ язы-

ковъ 31 или 17,4⁰/₀, послѣднихъ трехъ предметовъ вмѣстѣ взятыхъ 67 человекъ или 37,6⁰/₀, немногимъ болѣе, нежели одною математикою; а въ Кіевскомъ университетѣ наоборотъ: его питомцы преимущественно занялись преподаваніемъ русскаго языка, 48 человекъ изъ 174 или 27,5⁰/₀, и древнихъ языковъ 41 или 23,5⁰/₀, и менѣе математикой—всего только 31 или 17,8⁰/₀.

Питомцы С.-Петербургскаго университета въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ бывшіе студенты Московскаго, посвящали свою педагогическую дѣятельность учебнымъ заведеніямъ своего же округа. Число таковыхъ въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ простиралось до 88 или 49,4⁰/₀ общаго числа преподавателей, окончившихъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а остальные 90 человекъ или 50,5⁰/₀ распредѣлились по другимъ учебнымъ округамъ. Наиболѣе поступило преподавателями въ Виленскій округъ—21 человекъ, за тѣмъ въ Московскій—14, Одесскій—12 и Варшавскій—12, Харьковскій—10, даже въ Западную Сибирь—8. Они размѣстились по всѣмъ учебнымъ округамъ, за исключеніемъ одного Туркестанскаго, чего не встрѣчается съ воспитанниками ни одного изъ другихъ университетовъ. Число питомцевъ С.-Петербургскаго университета, опредѣлившихся внѣ своего округа, превышаетъ таковое же число питомцевъ Московскаго университета на 25 человекъ или на 38,1⁰/₀.

Это объясняется и значеніемъ Петербурга, какъ правительственнаго центра Россіи, и происхожденіемъ большинства студентовъ С.-Петербургскаго университета, въ которомъ, по крайней мѣрѣ въ 1875—76 учебномъ году, было до трети (66⁰/₀) студентовъ, получавшихъ свое предварительное образованіе за предѣлами самаго С.-Петербургскаго учебнаго округа.

Кромѣ математики, русскаго и древнихъ языковъ, окончившіе курсъ С.-Петербургскаго университета предпочтительно посвящали свою дѣятельность преподаванію естественной исторіи и химіи. Такъ какъ преподаватели этихъ двухъ предметовъ почти всѣ окончили курсъ физико-математическаго факультета, преимущественно по естественному отдѣленію, то ихъ число—20 человекъ—присоединивъ къ преподавателямъ математики и физики, получимъ общее число 81, изображающее численность между преподавателями бывшихъ слушателей физико-математическаго факультета С.-Петербургскаго университета. Преподаватели исторіи и географіи—17 человекъ, преимущественно окончивающіе курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ, составятъ съ преподавателями русскаго и древнихъ языковъ не

болѣе 84. Преподаватели другихъ предметовъ не многочисленны: письмоводство и книговодство преподавали 7 человекъ, исключительно юристовъ; нѣмецкій языкъ 1, французскій 2, механику 2, черченіе и рисованіе 1.

Выше сказано, что 90 человекъ изъ 178 преподавателей, окончившихъ курсъ С.-Петербургскаго университета, размѣстились на вакантныя должности внѣ С.-Петербургскаго округа, по всѣмъ прочимъ учебнымъ округамъ Россіи, ближнимъ и дальнимъ. Тѣмъ не менѣе университетъ не удовлетворяетъ потребности своего собственнаго округа въ преподавателяхъ для среднихъ учебныхъ заведеній, чѣмъ обнаруживается, что распредѣленіе его питомцевъ внѣ университетскаго округа чисто случайное и не доказываетъ вовсе избытка производительной силы университета относительно приготвленія преподавателей. Всего вакантныхъ мѣстъ числилось, въ теченіе семи лѣтъ, въ С.-Петербургскомъ округѣ—293; замѣщено было переводомъ учителей изъ одного учебнаго заведенія въ другое и иными способами 92; а на 201 преподавательское мѣсто потребовались новыя дѣтели. Мѣстный университетъ доставилъ всего 88 преподавателей или 43,7%, другіе русскіе университеты 18 или 8,9% (Московскій 9, Дерптскій 4, Харьковскій 2 и Кіевскій 3), историко-филологическій институтъ 31 или 15,4%; на остальныя вакантныя должности опредѣлено:

бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	15	} 10,4%
окончившихъ курсъ Лейпцигской филологической семинаріи	5	
бывшаго главнаго педагогическаго института	1	
высшихъ спеціальныхъ училищъ русскихъ	15	} 11,9%
" " " иностраннхъ	9	
духовныхъ академій	2	} 9,4%
иностраннхъ университетовъ	3	
среднихъ учебныхъ заведеній	14	

Воспитанники высшихъ спеціальныхъ училищъ преподавали: черченіе и рисованіе (14), французскій (7) и нѣмецкій (1) языки, математику (1) и механику (1). Окончившіе курсъ среднихъ учебныхъ заведеній занимались преподаваніемъ преимущественно нѣмецкаго языка (8); французскій языкъ преподавалъ 1.

Въ распредѣленіи по годамъ замѣтно однако же улучшеніе. Изъ питомцевъ С.-Петербургскаго университета опредѣлены преподавателями:

въ 1871 году	17
„ 1872 „	16
„ 1873 „	18
„ 1874 „	19
„ 1875 „	43
„ 1876 „	34
„ 1877 „	31
<hr/>	
Всего . . .	178

Изъ 174 питомцевъ Кіевскаго университета 108 или 62% поступили на службу въ среднія учебныя заведенія мѣстнаго округа, а 66 человѣкъ или 38% опредѣлились въ другіе учебные округа, преимущественно въ Одесскій — 24 человѣка; затѣмъ, въ Варшавскій опредѣлены 12, Виленскій 11, Московскій 6 и Харьковскій 6, С.-Петербургскій 3, Казанскій 1, Оренбургскій 1, Дерптскій 1 и Восточную Сибирь 1. Они занимались преподаваніемъ, какъ уже сказано, преимущественно русскаго языка (48 или 27,5%) и древнихъ языковъ (41 или 23,5%); затѣмъ преподавали:

Математику	31	или 17,8%
Исторію и географію	36	„ 20,6%
Естествовѣдѣніе	10	„ 5,7%
Письмоводство и счетоводство (юристы)	6	} 4,6%
Механику	1	
Французскій языкъ	1	

Такимъ образомъ, окончившіе курсъ физико-математическаго факультета составляютъ едва четвертую часть или точнѣе 23,5% общаго числа преподавателей, получившихъ образованіе въ университетѣ св. Владиміра, а филологи—около 70%.

Въ Кіевскомъ учебномъ округѣ всего числилось 246 вакантныхъ мѣстъ преподавателей, 50 замѣщены лицами уже состоявшими на службѣ и 196 вновь опредѣленными. Изъ послѣднихъ 108 или 55,1% замѣщены питомцами мѣстнаго университета, а 20 или 10,2% окончившими курсъ въ другихъ университетахъ: Харьковскомъ 6, С.-Пе-

тербургскомъ 5, Дерптскомъ 4, Поворосійскомъ 4 и Московскомъ 1. На остальные 68 вакансій (34,7%) опредѣлены:

Окончившіе курсъ историко-филологическаго института	12	} 10,7%
Вывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	9	
Высшихъ спеціальныхъ училищъ русскихъ	16	} 8,6%
" " иностраннхъ.	1	
Духовныхъ академій	3	} 15,3%
Иностраннхъ университетовъ	4	
Среднихъ учебныхъ заведеній	23	

Такимъ образомъ, и Кіевскій университетъ не удовлетворяетъ потребности въ преподавателяхъ своего учебнаго округа. Число преподавателей, получившихъ образованіе въ университетѣ св. Владимира, вновь опредѣленныхъ на службу, простиралось:

въ 1871 году до 17
" 1872 " " 18
" 1873 " " 32
" 1874 " " 38
" 1875 " " 23
" 1876 " " 18
" 1877 " " 28
<hr/>
Всего 174

Затѣмъ слѣдуетъ Казанскій университетъ, снабжающій преподавателями преимущественно свой учебный округъ и сосѣдній Оренбургскій, входившій въ недавнее еще время въ составъ Казанскаго. Число преподавателей, получившихъ образованіе въ означенномъ университетѣ, простирается до 132 и составляетъ 13,7% или съ небольшимъ 1/8 часть всѣхъ преподавателей, окончившихъ курсъ въ 8 русскихъ университетахъ. Изъ питомцевъ Казанскаго университета 78 или 59% посвятили свою педагогическую дѣятельность среднимъ учебнымъ заведеніямъ Казанскаго округа и 31 или 23,4% учебнымъ заведеніямъ Оренбургскаго учебнаго округа, составляющіе вмѣстѣ 109 человекъ или 82,5%. Изъ остальныхъ 23 человекъ или 17,4%, 10 получили мѣста преподавателей въ сосѣдней же Сибири (7 въ Западной и 3 въ Восточной), 6 въ Харьковскомъ округѣ, 5 въ Мо-

дагогической дѣятельности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не увеличивается, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Въ 1871 году опредѣлены преподавателями	19
" 1872 " " " "	15
" 1873 " " " "	20
" 1874 " " " "	16
" 1875 " " " "	20
" 1876 " " " "	23
" 1877 " " " "	19
Всего . . .	132

Они занимались вообще преподаваніемъ:

Русскаго языка и словесности	28	21,2%
Древнихъ языковъ	26	19,7%
Математики и физики	40	30,3%
Естественной исторіи и химіи.	9	6,8%
Исторіи и географіи	24	18,1%
Нѣмецкаго языка	1	} 3,8%
Французскаго "	3	
Механики	1	
Всего . . .	132	

Преподаватели, получившіе образованіе въ Казанскомъ университетѣ, предпочтительно посвящаютъ свою дѣятельность преподаванію математики; но если сложить преподавателей по математикѣ, естествовѣдѣнію и механикѣ съ одной стороны (50), а съ другой по русскому, древнимъ языкамъ, исторіи и географіи (78), то окажется, что окончившіе курсъ историко-филологическаго факультета и здѣсь превосходятъ числомъ окончившихъ курсъ физико-математическаго.

Въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ, выдѣленномъ изъ Казанскаго въ 1875 году, число вакантныхъ мѣстъ простиралось до 129, въ томъ числѣ 43 замѣщены перемѣщеніями и вообще лицами, уже состоявшими на учебной службѣ, а на остальныхъ 86 вакансій опредѣлены вновь поступившіе на службу, которые окончили курсъ университетовъ:

Казанскаго	31	} 44,2%
С.-Петербургскаго	2	
Варшавскаго	2	
Кіевскаго	1	
Иностранныхъ	2	

Историко-филологическаго института	12	} 15,1%
Бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	1	
Спеціальныхъ учебныхъ заведеній русскихъ	19	11,6%
Духовныхъ академій	6	} 29%
Среднихъ учебныхъ заведеній	19	
Всего		36

Такимъ образомъ, по замѣщенію преподавательскихъ вакантныхъ мѣстъ въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ, Казанскій университетъ далеко не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ. Его питомцы занимались здѣсь преимущественно преподаваніемъ математики (9), древнихъ языковъ (7), исторіи и географіи (7); русскій языкъ и словесность преподавали 3.

Кромѣ Оренбургскаго учебнаго округа, въ четырехъ другихъ учебныхъ управленіяхъ еще не имѣется университетовъ: въ Виленскомъ округѣ, Западной и Восточной Сибири и въ Туркестанскомъ краѣ. Въ Виленскомъ учебномъ округѣ имѣлось вакантныхъ преподавательскихъ мѣстъ 172, замѣщено лицами, уже состоявшими на службѣ, 37, вновь опредѣленными—135. Въ томъ числѣ опредѣлено окончившихъ университетскій курсъ въ Россіи 85 или 63%, а именно въ университетахъ:

С.-Петербургскомъ	21	
Московскомъ	25	
Дерптскомъ	7	
Варшавскомъ	1	
Казанскомъ	1	
Харьвовскомъ	19	
Кіевскомъ	11	
Всего		85

На остальные 50 вакантныхъ мѣстъ опредѣлены окончившіе курсъ:

Историко-филологическаго института	20	} 17,7%
Бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	4	
Иностранныхъ университетовъ	6	4,4%
Духовныхъ академій	4	} 14,8%
Высшихъ спеціальныхъ училищъ русскихъ	5	
Среднихъ учебныхъ заведеній	11	
Всего		50 37%

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 27

Предметы, по которымъ наиболѣе требовалось преподавателей, были: русскій языкъ (29 вакантныхъ мѣстъ или 21,5%), древніе языки (30 или 22,2%), математика (27 или 20%), исторія и географія (13 или 9,6) естествовѣдѣніе въ соединеніи, въ учительскихъ семинаріяхъ, съ исторією и географією (11 или 8,1%).

Въ Западной, Восточной Сибири и Туркестанскомъ краѣ насчитывалось всего вмѣстѣ 64 вакантныя мѣста, изъ коихъ замѣщены лицами, уже состоявшими на службѣ, въ Западной Сибири 8 и Восточной 2; на остальные опредѣлены:

Окончившіе курсъ университетовъ.	Въ Западной Сибири.	Восточной Сибири.	Туркестанского краѣ.
Московского	4	4	—
С.-Петербургскаго	1	8	—
Казанскаго	7	3	—
Кіевскаго	—	1	—
Новороссійскаго	—	1	—
Бывшаго главнаго педагогическаго института.	1	—	—
Духовныхъ академій	2	5	—
Историко-филологическаго института	4	1	2
Среднихъ учебныхъ заведеній	—	7	—
Всего	19	30	2

Кромѣ того, опредѣлены: 1 изъ бывшихъ воспитанниковъ Лейпцигской филологической семинаріи и 1 изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній русскихъ въ Туркестанскій край, и 1 изъ бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ въ Западную Сибирь. Предметы, по которымъ требовалось наиболѣе преподавателей, тѣ же, что и въ другихъ учебныхъ округахъ: русскій языкъ (11 вакантныхъ мѣстъ или 20,4%), древніе языки (17 или 31,5%), математика (12 или 22,2%), исторія и географія (6 или 11,1%).

Въ Харьковскомъ учебномъ округѣ числилось всего 197 вакантныхъ мѣстъ преподавателей; изъ нихъ 44 или 22,3% замѣщены лицами уже состоящими на службѣ и 153 или 77,6% вновь опредѣленными, въ томъ числѣ 40 предоставлены были питомцамъ мѣстнаго университета, что составляетъ 26,1% общаго числа вакантныхъ мѣстъ, замѣщенныхъ лицами, вновь поступившими на службу. Всего 78 че-

ловѣкъ, получившихъ образованіе въ Харьковскомъ университетѣ, избрали педагогическое поприще въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, не болѣе 8,1% общаго числа преподавателей, получившихъ образованіе въ русскихъ университетахъ. Изъ означенныхъ 78 человекъ, 40 или 51,3%, съ небольшимъ только половина, какъ уже сказано, поступили въ учебныя заведенія Харьковскаго же округа; остальные распредѣлились по другимъ учебнымъ округамъ, а именно: перешли въ Виленскій 19 или 24,3%, Московскій 9 или 11,5%, Киевскій 6 или 7,7%, въ Одесскій 2, и С.-Петербургскій 2. Вакантныя мѣста преподавателей, не замѣщенные питомцами мѣстнаго университета, были предоставлены окончившимъ курсъ другихъ университетовъ: С.-Петербургскаго (10), Московскаго (6), Казанскаго (6), Киевскаго (6) и Дерптскаго (3), а также питомцамъ:

Духовныхъ академій	2
Историко-филологическаго института	22
Бывшимъ славянскимъ стипендіатамъ	20
Лейпцигской семинаріи	2
Высшихъ спеціальныхъ училищъ	6
Иностранныхъ университетовъ	6
Среднихъ учебныхъ заведеній	24

Изъ лицъ, получившихъ образованіе въ Харьковскомъ университетѣ, опредѣлены преподавателями:

Въ 1871 году	6
„ 1872 „	11
„ 1873 „	10
„ 1874 „	15
„ 1875 „	10
„ 1876 „	8
„ 1877 „	18

Всего 78

Изъ нихъ посвятили себя преподаванію математики 28 или 35,9%, исторіи и географіи 26 или 33,3%, русскаго языка 12 или 15,3%, древнихъ языковъ 7 или 8,9%, естественнѣдѣнія 4 и бухгалтеріи 1.

Почти такая же обстановка характеризуетъ Новороссійскій университетъ. Общее число преподавателей, получившихъ въ немъ обра-

зованіе, простиралось до 67, что составляетъ почти 7⁰/₁₀ общаго числа преподавателей, получившихъ образованіе въ русскихъ университетахъ (въ Харьковскомъ университетѣ окончило курсъ 8,1⁰/₁₀); но изъ 67 питомцевъ Новороссійскаго университета значительное большинство именно 60 человекъ, посвятили свою дѣятельность среднимъ учебнымъ заведеніямъ Одесскаго же округа, и только 7 человекъ поступили преподавателями въ учебные округа: Кіевскій, Варшавскій и Восточную Сибирь.

Всего въ Одесскомъ учебномъ округѣ числилось вакантныхъ мѣстъ 248, въ томъ числѣ замѣщенныхъ лицами, уже состоявшими на службѣ 64. На остальные 184, кромѣ 60 питомцевъ мѣстнаго университета, опредѣлены еще 49 лицъ, получившихъ образованіе въ университетахъ: Московскомъ 8, С.-Петербургскомъ 11, С.-Петербургской медико-хирургической академіи 1, Дерптскомъ университетѣ, Варшавскомъ и Казанскомъ по одному, Харьковскомъ 2 и Кіевскомъ 24, такъ что всего преподавателей, воспользовавшихся университетскимъ образованіемъ, составилось 109 или 59,2⁰/₁₀ общаго числа лицъ, вповнѣ опредѣленныхъ на службу въ этомъ учебномъ округѣ. На остальные 75 вакантныхъ мѣстъ опредѣлены болѣею частью питомцы историко-филологическаго института (19 человекъ) и среднихъ учебныхъ заведѣній (21 человекъ), и бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ 8 человекъ.

Число получившихъ образованіе въ Новороссійскомъ университетѣ, опредѣленныхъ преподавателями въ среднія учебныя заведенія, не превышало въ 1871 году 3 человекъ; въ 1872 — 5, 1873 — 14, 1874—7, 1875 — 15, 1876 — 9, 1877—14. Они преподавали: математику — 28 (41,7⁰/₁₀), естествовѣдѣніе — 7 (14⁰/₁₀), русскій языкъ — 13 (19,4⁰/₁₀), древніе языки — 6 (9,2⁰/₁₀), исторію и географію — 10 (14,9⁰/₁₀), механику — 2, черченіе и рисованіе — 1.

Число преподавателей, получившихъ образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, не велико и составляетъ 58 человекъ или 6⁰/₁₀ общаго числа учителей изъ питомцевъ русскихъ университетовъ. Изъ означенныхъ 58 человекъ, только половина, 29 человекъ, опредѣлились въ среднія учебныя заведенія Дерптскаго округа; остальные 29 человекъ поступили на службу по другимъ учебнымъ округамъ. Ихъ только не встрѣчается въ Западной и Восточной Сибири, въ Оренбургскомъ округѣ и въ Туркестанскомъ краѣ. Они занимались преимущественно преподаваніемъ древнихъ языковъ, 25 человекъ или 43,1⁰/₁₀, и нѣмецкаго языка — 17 человекъ или 29,3⁰/₁₀.

Въ Дерптскомъ округѣ числилось всего 90 вакантныхъ преподавательскихъ мѣстъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, 30 замѣщены лицами, уже состоявшими на службѣ. На 60 остальныхъ опредѣлены 35 преподавателей, получившихъ образованіе въ русскихъ университетахъ, 29 въ Дерптскомъ и 6 въ Московскомъ, С.-Петербургскомъ и Кіевскомъ, 7 въ иностранныхъ университетахъ, 8 въ высшихъ специальныхъ училищахъ, 6 въ историко-филологическомъ институтѣ, 1 въ духовной академіи и 3 въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ числилось 208 вакантныхъ мѣстъ, 88 замѣщены лицами, состоявшими уже на службѣ, 120 вновь опредѣленными. Изъ числа послѣднихъ 78 вакантныхъ мѣстъ замѣщены питомцами различныхъ университетовъ русскихъ. Изъ питомцевъ мѣстнаго Варшавскаго университета, опредѣлены на службу въ среднія учебныя заведенія Варшавскаго учебнаго округа 45, составляющіе 57,6% въ отношеніи къ общему числу преподавателей, окончившихъ университетскій курсъ и поступившихъ въ среднія учебныя заведенія Варшавскаго округа и 84,8% въ отношеніи къ числу тѣхъ преподавателей, которые получили образованіе собственно въ Варшавскомъ университетѣ. Послѣднихъ насчитывалось всего 53 чело-вѣка; за исключеніемъ 45, опредѣленныхъ на службу въ Варшавскомъ округѣ, остальные 8 перешли въ среднія учебныя заведенія другихъ учебныхъ округовъ — Московскаго, Оренбургскаго, Одесскаго и Виленскаго. На 42 вакантныхъ мѣста, не занятыхъ питомцами русскихъ университетовъ, опредѣлены: окончившіе курсъ въ духовныхъ академіяхъ 9 чело-вѣкъ, 1 въ историко-филологическомъ институтѣ, 4 въ бывшей Варшавской главной школѣ, 4 въ иностранныхъ университетахъ, 9 въ высшихъ специальныхъ училищахъ и 15 въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Получившіе образованіе въ Варшавскомъ университетѣ преподавали: древніе языки 30 или 56,3%, математику и естествовѣдѣніе 14 или 25,4%, русскій языкъ 4, исторію и географію 4 и нѣмецкій языкъ 1.

Слѣдующая за симъ сводная таблица составлена съ цѣлью точнѣе опредѣлить и выразить нагляднѣе, на сколько наши университеты были способны удовлетворять потребности среднихъ учебныхъ заведеній въ преподавателяхъ.

Вакантныхъ преподавательскихъ должностей числилось, замѣщенныхъ окончившими курсъ:

Учебные округа.	Мѣстнаго университета.	Другихъ русскихъ университетовъ.	Другихъ учебныхъ заведеній.
С.-Петербургскій	88 или 43,7%	18 или 8,9%	95 или 47,1%
Московскій	153 45,9%	40 12%	140 42%
Казанскій	78 57,3%	10 7,3%	48 35,2%
Оренбургскій . .	— —	36 ¹⁾ 41,8%	50 58,1%
Харьковскій . . .	40 26,1%	31 20,2%	82 53,6%
Одесскій	60 32,6%	49 26,6%	75 40,7%
Кіевскій	108 55,1%	20 10,2%	68 34,7%
Вилепскій	— —	85 62,9%	50 37%
Варшавскій	45 37,5%	33 27,5	42 35%
Дерптскій	29 48,3%	6 10%	25 41,7%
Западная Сибирь	— —	12 60%	8 40%
Восточная Сибирь	— —	17 56,6%	14 43,3%
Туркестанскій Край	— —	— —	4 —
Всего	601 36,1%	357 21,5%	701 42,2%

Если исключимъ пять округовъ, не имѣющихъ мѣстнаго университета, то окажется въ остальныхъ: преподавателей изъ мѣстныхъ университетовъ 601 или 43,4%, изъ другихъ университетовъ 207 или 14,9%; всего же получившихъ образованіе въ русскихъ университетахъ 808 или 58,3%, и питомцевъ другихъ учебныхъ заведеній 576, или 41,6% общаго числа преподавателей, вновь опредѣленныхъ въ университетскихъ округахъ. Въ процентномъ отношеніи, наиболѣе преподавателей, для среднихъ учебныхъ заведеній своего соответствующаго округа, дали университеты Казанскій и Кіевскій, и въ этихъ двухъ учебныхъ округахъ составилось большее число преподавателей изъ питомцевъ русскихъ университетовъ вообще и менѣе потребовалось замѣщеній лицами, окончившими курсъ другихъ учебныхъ заведеній. Послѣдніе преобладали въ учебныхъ округахъ Оренбургскомъ и Харьковскомъ. Если изъ общаго числа вакантныхъ мѣстъ, замѣщенныхъ лицами, не получившими образованія въ рус-

¹⁾ Въ томъ числѣ 31 изъ Казанскаго университета.

скихъ университетахъ, изъ 701, исключимъ вакантныя мѣста по черченію и рисованію, нѣмецкому и французскому языкамъ, всего 318, такъ какъ эти предметы рѣдко поручаются лицамъ, получившимъ образованіе въ русскихъ университетахъ, и для ихъ преподаванія преимущественно избираются обучавшіеся въ училищахъ специально-техническихъ или природныя иностранцы, то, получимъ въ остаткѣ 383 вакантныя мѣста или 23% общаго ихъ числа, около $\frac{1}{4}$ части, которая не могла быть пополнена преподавателями университетскаго образованія и на которую требовалось приискать учителей впѣ стѣны нашихъ университетовъ. Если же принять во вниманіе, что и въ числѣ учителей черченія и рисованія, нѣмецкаго и французскаго языковъ, насчитывается до 33 питомцевъ русскихъ университетовъ, то недостатокъ преподавателей изъ означенныхъ университетовъ, для другихъ предметовъ преподаванія, точнѣе опредѣляется цифрою—416, составляющею 25% общаго числа вакантныхъ мѣстъ, замѣщенныхъ лицами, вновь поступившими на учебную службу. Такой недостатокъ ощущался преимущественно по древнимъ языкамъ, по которымъ 246 вакантныхъ мѣстъ не были замѣщены преподавателями изъ русскихъ университетовъ, что составляетъ въ отношеніи къ общему числу таковыхъ 60%, по русскому языку 98 или 23,5%, по математикѣ только 18 вакантныхъ мѣстъ или 4,3% и по исторіи и географіи 32 или 7,7%.

Этотъ недостатокъ преподавателей, изъ числа окончившихъ курсъ русскихъ университетовъ, былъ пополняемъ преимущественно питомцами историко-филологическаго института, Лейпцигской филологической семинаріи и бывшими славянскими стипендіатами, отчасти нашими духовными академіями и средними учебными заведеніями.

Изъ получившихъ образованіе въ историко-филологическомъ институтѣ были вновь назначены преподавателями 146 человекъ или 35,1% общаго числа вакантныхъ мѣстъ, не замѣщенныхъ питомцами университетовъ, менѣе числа преподавателей, окончившихъ курсъ въ университетахъ Московскомъ, С.-Петербургскомъ и Кіевскомъ, по болѣе таковаго же въ каждомъ изъ прочихъ пяти русскихъ университетовъ. Изъ бывшихъ воспитанниковъ историко-филологическаго института значительное большинство, 97 человекъ или 66,4% общаго ихъ числа, занимались преподаваніемъ древнихъ языковъ, 38 или 26% преподавали русскій языкъ, 10 или 6,8% исторію и географію, 1 нѣмецкій языкъ. Они распределены по всѣмъ учебнымъ округамъ: въ С.-Петербургскомъ ихъ насчитывалось 31 человекъ, Виленскомъ

20 человекъ, Харьковскомъ 22, Одесскомъ 19, Оренбургскомъ и Киевскомъ по 12, Московскомъ 9, Казанскомъ 8, Дерптскомъ 6, Варшавскомъ 1, Западной Сибири 4, Восточной 1 и Туркестанскомъ Краѣ 2. Они опредѣлены къ должности:

въ 1871 году	20,
„ 1872 „	24,
„ 1873 „	20,
„ 1874 „	19,
„ 1875 „	16,
„ 1876 „	22,
„ 1877 „	26.

Окончившіе образование въ Лейпцигской филологической семинаріи (первый изъ нея выпускъ былъ только въ 1876 г.), 20 человекъ или 4,8% общаго числа преподавателей, опредѣленныхъ не изъ питомцевъ русскихъ университетовъ, и 88 бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ, составляющіе 21,1% того же числа, занимались исключительно преподаваніемъ древнихъ языковъ и къ нимъ слѣдуетъ присоединить 20 преподавателей тѣхъ же двухъ предметовъ, окончившихъ курсъ въ иностранныхъ университетахъ. Распредѣленіе тѣхъ и другихъ по учебнымъ округамъ показано въ слѣдующей таблицѣ:

Опредѣлены преподавателями окончившіе курсъ:	Въ Лейпцигской филологической семинаріи.	Въ иностранныхъ университетахъ.	Бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ.
Въ С.-Петербургской учебной округъ	5	—	15
Московскій	11	7	27
Казанскій	—	1	3
Оренбургскій	—	—	1
Харьковскій	2	2	20
Одесскій	1	3	8
Кіевскій	—	1	9
Виленскій	—	1	4
Варшавскій	—	—	—
Дерптскій	—	5	—
Западную Сибирь	—	—	1
Туркестанскій Край	1	—	—
Всего	20	20	88
часть сснн, отд. 4.			3

	Въ Лейпцигской еялогической семинаріи.	Въ иностранныхъ университетахъ.	Въ высшихъ славянскихъ студіахъ.
А именно:			
въ 1871 г.	—	3	13
1872	—	1	21
1873	—	3	5
1874	—	2	18
1875	—	3	17
1876	7	2	7
1877	13	6	7
Всего	20	20	88

Кромѣ указанныхъ 20 преподавателей, еще 35 другихъ получили образованіе въ иностранныхъ университетахъ. Изъ нихъ 19 преподавали нѣмецкій языкъ и 14 французскій въ разныхъ учебныхъ округахъ, 1 русскій языкъ, 1 черченіе и рисованіе.

Питомцы духовныхъ академій были распределены по всѣмъ учебнымъ округамъ, наиболѣе въ Казанскомъ (10 человекъ). Они занимались преподаваніемъ: русскаго языка 29 человекъ, древнихъ языковъ 10, исторіи и географіи 11 и французскаго языка 1. Всего ихъ насчитывалось 51, что составляетъ 3% общаго числа вновь опредѣленныхъ преподавателей.

Окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, но выдержавшихъ специальное испытаніе на званіе учителя, насчитывалось 199 человекъ или 12% общаго числа преподавателей, вновь опредѣленныхъ на службу. Они распределены были по всѣмъ учебнымъ округамъ и по всѣмъ предметамъ преподаванія. Если же изъ ихъ числа исключить занимавшихся преподаваніемъ черченія и рисованія, а также французскаго и нѣмецкаго языковъ, то остальные составятъ всего только 60 человекъ или 3,6% общаго числа вновь опредѣленныхъ преподавателей.

Получившіе образованіе въ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ русскіхъ 111 человекъ, и въ иностранныхъ 24 человека, вмѣстѣ взятые, составляютъ 8,1% общаго числа вновь опредѣленныхъ преподавателей; но если изъ ихъ числа исключить занимавшихся преподаваніемъ черченія и рисованія, французскаго и нѣмецкаго языковъ, то останется всего 25 человекъ или 1,5% общаго числа преподава-

телей, вновь опредѣленныхъ, которые занимались преподаваніемъ: русскаго языка 3, древнихъ языковъ 1 (получившій образованіе за границей), математики 4, естествовѣдѣнія 2, механики 7, бухгалтеріи 6, землемѣрія и нивелировки 2. Къ сожалѣнію, въ представленныхъ вѣдомостяхъ не объяснено, въ какихъ именно специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ означенныя лица получили образованіе. Такъ, напримѣръ, изъ прибавленныхъ примѣчаній къ вѣдомостямъ видно, что нѣкоторые изъ преподавателей рисованія учились въ академіи художествъ; но много ли таковыхъ, опредѣлить невозможно. Иныя учебныя заведенія видимо затруднялись, въ какому разряду училищъ отнести Московскую Строгаповскую рисовальную школу—къ разряду высшихъ специальныхъ училищъ и къ специально-техническимъ факультетамъ, или къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Поэтому и числа преподавателей, по каждой изъ этихъ двухъ категорій преподавателей, едва ли слѣдуетъ считать вполне точно обозначенными въ спискахъ, представленныхъ учебными заведеніями.

Изъ вышесказаннаго уже можно убѣдиться, что преподаватели, получившіе образованіе въ двухъ послѣднихъ указанныхъ нами разрядахъ учебныхъ заведеній (специальныхъ и среднихъ), преимущественно посвящали себя преподаванію рисованія и новыхъ иностранныхъ языковъ. Преподаваніемъ черченія и рисованія, кромѣ 86 человекъ, получившихъ образованіе въ высшихъ специальныхъ училищахъ и 28 въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, занимались только 3 окончившіе курсъ въ русскихъ университетахъ и 1 въ иностранномъ.

Преподаваніе новыхъ иностранныхъ языковъ возлагается обыкновенно на природныхъ нѣмцевъ или французовъ: но тѣмъ затруднительнѣе избрать между ними преподавателей, хорошо образованныхъ; обстоятельство, давно признанное, которое внушаетъ многимъ педагогамъ желаніе видѣть въ Россіи особый филологическій институтъ, устроенный специально для приготовленія преподавателей новыхъ европейскихъ языковъ и ихъ литературы. Нѣмецкій языкъ преподавали въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: 19 человекъ, окончившихъ курсъ въ иностранныхъ университетахъ, 21 въ русскихъ университетахъ (въ томъ числѣ 17 въ Дерптскомъ), 1 въ историко-филологическомъ институтѣ, 6 въ высшихъ специальныхъ училищахъ (4 въ русскихъ и 2 въ иностранныхъ) и 63 въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи и за границей. Французскій языкъ преподавали 14 окончившихъ курсъ въ иностранныхъ университетахъ, 9 въ рус-

скихъ университетахъ, 1 въ духовной академіи, 18 въ высшихъ спеціальныхъ училищахъ и 48 въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Распредѣленіе преподавателей по другимъ предметамъ показано въ прилагаемой при семъ таблицѣ:

Определены преподавателями.	О К О Н Ч И В Ш І Е К У Р С Ъ :					
	Русскихъ универ- ситетовъ.	Иностранныхъ университетовъ.	Ист.-эпол. инсти- тута, Лейпц. семина. и стипендіатовъ.	Духовныхъ акаде- мій.	Спеціальныхъ учеб- ныхъ заведеній.	Среднихъ учебныхъ заведеній.
Русскаго языка и словесности	200	1	38	29	3	24
Древнихъ языковъ	217	20	205	10	1	7
Математики и физики	270	—	—	—	4	13
Естествовѣдѣнія	60	—	—	—	2	2
Исторіи и географіи	150	—	10	11	—	11
Механики	11	—	—	—	7	1
Письмоводства и книговодства	17	—	—	—	6	2
Землемѣрія и нивелировки	—	—	—	—	2	—
Всего	925	21	253	50	25	60

Кромѣ показанныхъ въ таблицѣ, опредѣлены: окончившіе курсъ бывшаго Главнаго Педагогическаго института — 2 преподавателями русскаго языка и 1 древнихъ языковъ; бывшей Варшавской Главной школы—2 преподавателями древнихъ языковъ, 1 математики, и наконецъ 1, получившій образованіе, какъ сказано въ представленныхъ вѣдомостяхъ—въ высшемъ спеціальномъ юридическомъ учебномъ заведеніи (вѣроятно лицей); онъ опредѣленъ преподавателемъ русскаго языка.

Изъ послѣдней приложенной таблицы видно, что по древнимъ языкамъ число преподавателей, получившихъ образованіе въ историко—филологическомъ институтѣ, Лейпцигской семинаріи, иностранныхъ университетахъ и бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ, всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ, превышаетъ число преподавателей, получившихъ образованіе въ русскихъ университетахъ. По той же таблицѣ можно

себѣ составить понятіе отчасти о распредѣленіи преподавателей по факультетамъ, въ которыхъ они обучались. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что преподаваніемъ древнихъ языковъ, русскаго языка, исторіи и географіи занимались преимущественно, и за весьма немногими исключеніями, окончившіе курсъ историко-филологическаго факультета, а преподаваніемъ математики, естествовѣдѣнія и механики окончившіе курсъ физико-математическаго. Исключенія изъ этого общаго правила составляютъ: 3 учителя, получившіе образованіе на богословскомъ факультетѣ Дерптскаго университета, или одного изъ иностранныхъ университетовъ, занимавшіеся преподаваніемъ древнихъ языковъ, 3 получившіе образованіе на факультетѣ восточныхъ языковъ (2 преподавали русскій языкъ, 1 исторію и географію), 3 на медицинскомъ факультетѣ (1 преподавалъ русскій языкъ и 2 естествовѣдѣніе) и 65 на юридическомъ. Изъ послѣднихъ, 21 преподавали исторію и географію, 17 русскій языкъ, 1 естествовѣдѣніе, 4 нѣмецкій языкъ, 5 французскій, и 17 нисмоводство, счетоводство и книговодство. Вакантныя должности по послѣднимъ тремъ предметамъ были распредѣлены между 17 юристами, 6 питомцами высшихъ спеціальныхъ училищъ и 2 среднихъ учебныхъ заведеній.

Если духовныя академіи причислимъ къ богословскому факультету университетовъ, историко-филологическій институтъ, Лейнцигскую филологическую семинарію и бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ къ историко-филологическому факультету, немногихъ питомцевъ Главнаго Педагогическаго института и Главной школы къ тому факультету, къ которому относятся преподаваемые ими предметы, то получимъ окончившихъ курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ 818 или 49,3% общаго числа вновь опредѣленныхъ преподавателей, на физико-математическомъ 360 или 21,7%, на богословскомъ 61, юридическомъ 65, восточныхъ языковъ 3, медицинскомъ 3 и спеціально-техническомъ 135, послѣднихъ пяти факультетовъ, всѣхъ вмѣстѣ 267 человекъ или 16,1% общаго числа преподавателей, вновь опредѣленныхъ на службу. Къ сожалѣнію, о 15 преподавателяхъ не объяснено, на какомъ факультетѣ они получили образованіе: о 9 преподавателяхъ нѣмецкаго языка, 5 французскаго и 1 черченія и рисованія (изъ иностраннаго университета). Для нагляднаго обозрѣнія прилагается таблица:

Преподавателей, получившихъ образованіе на факультетахъ:

По слѣдующимъ предметамъ преподаванія.	Богословскомъ.	Историко-эологическомъ.	Восточныхъ языковъ.	Юридическомъ.	Медицинскомъ.	Физико-математическомъ.	Спеціально-техническомъ.	Въ среднихъ учеб. заведеніяхъ.
Русскому языку	29	219	2	17	1	3	3	24
Древнимъ языкамъ	13	442	—	—	—	—	1	7
Математикѣ	—	—	—	—	—	271	4	13
Естествовѣдѣнію	—	1	—	1	2	56	2	2
Исторіи и географіи	11	129	1	21	—	9	—	11
Нѣмецкому языку	7	17	—	4	—	4	6	63
Французскому	1	10	—	5	—	3	18	48
Механикѣ	—	—	—	—	—	11	7	1
Письмоводству и счетоводству	—	—	—	17	—	—	6	2
Землемѣрію и нивелировкѣ	—	—	—	—	—	—	2	—
Черченію и рисованію	—	—	—	—	—	3	86	28
Всего	61	818	3	65	3	360	135	199

Намъ остается коснуться характеристики тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ означенныя лица были опредѣлены преподавателями. Значительное большинство вакантныхъ мѣстъ, какъ уже сказано, насчитывалось по гимназіямъ и прогимназіямъ (1740 изъ 2303 или 75,5⁰/₀), а потому все вышеизложенное и главные выводы, здѣсь отмѣченныя, относятся преимущественно къ этому разряду учебныхъ заведеній. Гимназіи и прогимназіи отличаются отъ среднихъ учебныхъ заведеній другихъ разрядовъ полнотою своей программы и, въ особенности, введепіемъ въ нихъ учебныя планы древнихъ языковъ. Въ реальныхъ училищахъ, при отсутствіи древнихъ языковъ, добавляются нѣкоторыя техническія или коммерческія науки, между прочимъ: механика, письмоводство и счетоводство, землемѣріе и нивелировка. Въ учительскихъ семинаріяхъ, наконецъ, все преподаваніе очень часто сосредоточивается въ рукахъ трехъ преподавателей: русскаго языка, математики и естествовѣдѣнія или исторіи и географіи; послѣдніе три предмета поручаются всего чаще одному учителю, иностранныя же языки вовсе не преподаются. Для нагляднаго обо-

зрѣнія и поясненія этого различія, прилагается таблица, показывающая, за семь лѣтъ, общее число вакантныхъ мѣстъ и перемѣщенныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ по ихъ разрядамъ:

Предметы преподаванія.	Въ гимназі- яхъ и про- гимназіяхъ.	Реальныхъ училищахъ.	Учт. инст. и семинарі- яхъ.	Женскихъ гимн. и про- гимназіяхъ Варш. округа.
Русскій языкъ	314	44	64	21
Древніе языки	619	—	—	—
Математика	265	59	46	2
Естествовѣдѣніе	6	37	28	3
Исторія и географія	188	42	28	5
Нѣмецкій языкъ	128	44	2	1
Французскій	133	23	—	2
Механика	—	20	—	—
Письмоводство и счетоводство	—	25	—	—
Землемѣріе и нивелировка	—	2	—	—
Черченіе и рисованіе	87	40	23	2
Всего	1740	336	191	36

Мы видѣли, что число такихъ вакантныхъ мѣстъ, для замѣщенія которыхъ требовались новые преподаватели, постепенно и довольно значительно возросло, по мѣрѣ умноженія числа учебныхъ заведеній; министерство народнаго просвѣщенія находило способы постоянно удовлетворять этой потребности. Спрашивается, будетъ ли и впредь увеличиваться число вакансій, и можно ли ожидать отъ нашихъ университетовъ приготовленія большаго числа преподавателей для ихъ замѣщенія?

Значительно увеличивающееся, съ каждымъ годомъ, число учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ приводитъ къ предположенію, что и впредь число учебныхъ заведеній будетъ умножаться, а съ тѣмъ вмѣстѣ рости и число преподавательскихъ вакантныхъ мѣстъ. По вопросу же, на сколько наши университеты могутъ содѣйствовать приготовленію достаточнаго числа преподавателей, для замѣщенія открывающихся вакантныхъ мѣстъ, приведенныя нами во многихъ мѣстахъ таблицы распредѣленія вновь опредѣляемыхъ по годамъ, къ сожалѣнію, не даютъ яснаго и опредѣлительнаго отвѣта. Постепенное увеличеніе числа избирающихъ преподавательское по-

прище замѣчается только въ одномъ С.-Петербургскомъ университетѣ; въ остальныхъ это число подвержено слишкомъ большому колебанію, то увеличиваясь, то затѣмъ снова уменьшаясь совершенно произвольно, хотя, въ общей сложности, по всѣмъ восьми русскимъ университетамъ, оно несомнѣнно увеличилось къ послѣднему году семилѣтія, и притомъ на 65,2%.

Всего опредѣлено преподавателей, изъ числа окончившихъ курсъ въ русскихъ университетахъ:

Въ 1871 году	95
„ 1872 „	107
„ 1873 „	133
„ 1874 „	154
„ 1875 „	167
„ 1876 „	145
„ 1877 „	157

Вообще, свѣдѣнія, собранныя нынѣ о преподавательскихъ вакантныхъ должностяхъ, хотя и представляются мѣстами не вполне удовлетворительными, иногда, впрочемъ въ рѣдкихъ случаяхъ, не совсѣмъ точными, тѣмъ не менѣе даютъ выводы, весьма любопытные для статистики нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, и полезныя указанія для администраціи; свѣдѣнія эти тѣмъ болѣе интересны, что едва ли не въ первый разъ предпринято ихъ собраніе съ такою подробностью и полнотою.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1878 ГОДУ.

Въ состоявшемся 26-го марта текущаго года подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича годовомъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго общества прочитанъ былъ отчетъ о дѣятельности этого общества въ 1878 году. По примѣру прежнихъ лѣтъ, дѣятельность эта состояла въ собраніи и изданіи въ свѣтъ матеріаловъ для русской исторіи, преимущественно послѣднихъ столѣтій.

Въ теченіе 1878 года Обществомъ напечатано три тома издаваемаго имъ Сборника. Изъ числа ихъ XXIII-й томъ содержитъ въ себѣ частныя письма императрицы Екатерины II къ барону Мельхиору Гримму; при самомъ появленіи своемъ, томъ этотъ, изданный Я. К. Гротомъ, обратилъ на себя самое живое вниманіе и русской, и иностранной читающей публики. Письма эти воскрешаютъ въ глазахъ нашихъ образъ императрицы, подобно портрету, писанному съ самого себя великимъ художникомъ. Обыкновенно такому портрету недостаетъ полноты въ отдѣлкѣ подробностей, но общее господствующее чувство не можетъ быть невѣрно, и это-то господствующее надъ остальнымъ чувство дѣлаетъ особенно привлекательнымъ воссоздаваемый письмами государыни нравственный ея обликъ.

XXIV-й томъ издаваемаго Обществомъ Сборника полагаетъ начало изданію документовъ, собранныхъ по повелѣнію королевы Анны Павловны въ нидерландскихъ архивахъ; изданные нынѣ документы

относятся къ 1615 и 1616 годамъ и представляютъ весьма интересныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, которыя сопровождали заключеніе Столбовскаго мира, знаменующаго переходъ отъ смутнаго и тяжкаго для Россіи времени къ мирному и болѣе счастливому времени порядка и прочности. Томъ этотъ изданъ подъ наблюденіемъ члена общества, нынѣ покойнаго, А. Х. Бека.

XXV-й томъ Сборника изданъ графомъ С. Д. Шереметевымъ; въ него вошли документы, относящіеся до государственной дѣятельности одного изъ славныхъ сподвижниковъ Петра Великаго, фельдмаршала Б. П. Шереметева, съ 1704 по 1719 годъ, а также нѣсколько документовъ, относящихся до его семейныхъ дѣлъ. Кромѣ бумагъ, разъясняющихъ по преимуществу дѣятельность самого фельдмаршала, матеріалы, изданныя графомъ С. Д. Шереметевымъ, представляютъ весьма важныя свѣдѣнія относительно Петра Великаго, Екатерины I, Царевича Алексѣя Петровича, Апраксина, Я. В. Брюса, А. А. Вейде, князя Мепшикова и многихъ другихъ лицъ того времени. Къ тому приложена гравюра работы академика Боброва съ портрета Петра Великаго, хранящагося въ портретной галлерей въ селѣ Кусковѣ, собранной графомъ Петромъ Борисовичемъ Шереметевымъ, сыномъ фельдмаршала.

Одновременно съ изданіемъ этихъ трехъ томовъ продолжалось печатаніе томовъ послѣдующихъ.

А. О. Бычковъ почти окончилъ печатаніе тома донесеній французскихъ посланниковъ въ царствованіе Петра Великаго.

Г. О. Штендманъ приступилъ къ печатанію послѣдняго тома недипломатической переписки императрицы Екатерины II, хранящейся въ государственномъ архивѣ въ С.-Петербургѣ. Въ этотъ томъ должны войти всѣ бумаги, не носящія указанія о времени ихъ написанія. Опредѣленіе этого времени даже приблизительно, конечно, сопряжено съ затрудненіями, которыя и замедлили нѣсколько окончаніе этого труда.

Производившееся подъ руководствомъ Н. В. Калачова извлеченіе матеріаловъ для исторіи Пугачевского бунта изъ Московскаго архива министерства юстиціи окончено, и затѣмъ г. Калачовъ приступилъ къ печатанію тома, въ который должны войти эти извлеченія.

Профессоръ В. И. Сергѣевичъ, по порученію совѣта Общества, разсмотрѣлъ сообщенный Обществу главноуправляющимъ вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи

хранившійся тамъ проектъ уложенія уголовныхъ законовъ, который былъ составленъ въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Изучивъ содержаніе этого проекта и условія его составленія, г. Сергѣевичъ пришелъ къ заключенію, что напечатаніе его не представляло бы особеннаго интереса, какъ потому, что предположенія этого проекта не отличаются какими-либо особенностями сравнительно съ тогдашнимъ русскимъ законодательствомъ, такъ и потому, что проекту этому не было дано дальнѣйшаго хода. Заключеніе г. Сергѣевича было одобрено совѣтомъ Общества, который вслѣдъ затѣмъ обратился къ г. Сергѣевичу съ просьбою продолжать изданіе трудовъ Екатерининской комиссіи по составленію проекта новаго уложенія, прерванное смертью Д. В. Полѣнова. Г. Сергѣевичъ представилъ совѣту свои соображенія о порядкѣ дальнѣйшаго изданія трудовъ комиссіи. Соображенія эти были съ признательностью приняты совѣтомъ, и согласно съ этимъ г. Сергѣевичъ нынѣ приступилъ уже къ продолженію труда покойнаго Д. В. Полѣнова.

К. Н. Вестужевъ-Рюминъ, равнымъ образомъ, продолжалъ трудъ, начатый покойнымъ Ю. В. Толстымъ по изданію статейныхъ списковъ о русскихъ посольствахъ въ Англію въ XVI вѣкѣ; истребованіе необходимыхъ для сего бумагъ изъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ нѣсколько замедлило печатаніе того тома Сборника, который долженъ заключать въ себѣ помянутые документы, но по предположеніямъ издателя печатаніе этого тома будетъ окончено въ текущемъ 1879 году.

А. Н. Куломзинъ предложилъ Обществу издать собранные имъ весьма любопытные матеріалы, касающіеся исторіи русскаго финансоваго управленія въ царствованіе императрицы Екатерины II; матеріаламъ этимъ А. Н. Куломзинъ намѣренъ предпослать введеніе, которое должно заключать въ себѣ обзоръ и очеркъ финансоваго законодательства за эту эпоху. Матеріалы эти займутъ, вѣроятно, два тома Сборника, которые А. Н. Куломзинъ и изъявилъ готовность напечатать на свой счетъ.

Въ маѣ прошлаго 1878 года начальникъ синодальнаго архива Н. И. Григоровичъ представилъ обществу трудъ свой: „Канцлеръ князь Безбородко въ связи съ событіями своего времени“, удостоенный Императорскою Академіей Наукъ преміи графа Н. А. Кушелева-Безбородка, и ходатайствовалъ о помѣщеніи этого труда въ Сборникъ Общества. Имѣя въ виду значительное число собранныхъ Н. И. Гри-

горовичемъ документовъ и находя, что сочиненіе его служитъ какъ бы объясненіемъ этихъ документовъ, совѣтъ Общества счелъ возможнымъ принять предположеніе это, не отступая отъ устава. Согласно съ этимъ, П. И. Григоровичъ приступилъ къ своему изданію и уже отпечаталъ двадцать листовъ своего труда.

Одновременно съ печатаніемъ поименованныхъ томовъ Сборника, Общество продолжало обогащаться матеріалами для обезпеченія этого изданія въ будущемъ. Въ этомъ отношеніи преимущественнаго вниманія заслуживаютъ документы, списанные въ Берлинскомъ архивѣ профессоромъ Германомъ, а также донесенія французскихъ посланниковъ за первые годы царствованія императрицы Елизаветы Петровны, бывшій секретаремъ Общества въ Парижскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Изъ приношеній, полученныхъ Обществомъ, особеннаго вниманія и благодарности заслуживаютъ письма барона Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ, переданныя Обществу княземъ С. М. Воронцовымъ изъ своего частнаго архива.

Въ 1878 году общество лишилось трехъ своихъ членовъ. 12-го октября скончался Д. В. Полѣновъ. Дмитрію Васильевичу принадлежить весьма почетная доля въ трудахъ Общества. По служебнымъ своимъ занятіямъ во второмъ отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, онъ былъ хорошо знакомъ съ исторіей нашего законодательства въ XVIII столѣтіи. Уже во второмъ томѣ Сборника Общества онъ помѣстилъ трудъ свой о законодательной комиссіи при Петрѣ II, а вскорѣ затѣмъ началъ печатаніе обширнаго и памятнаго труда своего о Екатерининской комиссіи по составленію проекта новаго уложенія. До него комиссія эта представлялась чѣмъ-то невѣдомымъ, таинственнымъ, сокровеннымъ; благодаря трудамъ Д. В. Полѣнова и просвѣщенному содѣйствію главноуправляющаго вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, исходатайствовавшаго высочайшее разрѣшеніе на обнародованіе этихъ трудовъ, исторія русскаго права пополнила важный пробѣлъ на своихъ страницахъ. Изданные Д. В. Полѣновымъ IV-й, VIII-й и XIV-й томы Сборника Общества внесли серьезный вкладъ въ сокровищницу русской науки и уже оцѣнены по достоинству ея представителями.

30-го октября скончался А. Х. Бекъ. Бывъ избранъ въ члены только 29-го марта 1878 года, онъ лишь весьма недолго принадлежалъ къ составу Общества, но напечатанный имъ XXIV-й томъ Сбор-

ника Общества, содержащій въ себѣ, какъ уже сказано выше, извѣстія голландскихъ резидентовъ о Московскомъ государствѣ въ началѣ XVII вѣка и замѣчательный по тщательности обработки, останется образцомъ необыкновеннаго трудолюбія и добросовѣстности покойнаго.

10-го ноября 1878 года не стало князя Петра Андреевича Вяземскаго, состоявшаго предсѣдателемъ Общества. Вспоминая о кончинѣ знаменитаго русскаго писателя въ годовомъ собраніи 26-го марта, секретарь Общества А. А. Половцевъ выразился слѣдующимъ образомъ: „Мнѣ ли говорить о жизни и личныхъ свойствахъ нашего памятнаго основателя и предсѣдателя? Всякій изъ насъ... Нѣтъ, всякій Русскій зналъ князя Вяземскаго, а его прелестная автобіографія еще такъ недавно и такъ художественно воссоздала привлекательный его образъ. Да будетъ мнѣ позволено, вспоминая о князѣ Петрѣ Андреевичѣ, какъ основателѣ нашего Общества, неизмѣнно оказывавшемъ ему и сочувствіе, и содѣйствіе, ограничиться повтореніемъ собственныхъ его словъ, сказанныхъ въ тотъ день, когда мы собрались въ первый разъ подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества, нашего Почетнаго Предсѣдателя: „Позвольте имѣть честь принести отъ имени Историческаго общества, и смѣю сказать, отъ имени всей русской литературы и науки глубочайшую признательность Вашему Императорскому Высочеству за милостивое принятіе вами званія Почетнаго Предсѣдателя нашего Общества. Благодаримъ васъ и за честь, оказанную Обществу присутствіемъ и участіемъ Вашимъ въ нынѣшнее засѣданіе. Надѣмся, что съ легкой и благосклонной руки Вашей, труды наши принесутъ желаемую пользу: Ваше высокое вниманіе будетъ служить намъ поощреніемъ. Вниманіе Ваше намъ драгоцѣнно и лестно, но оно и легко объясняется. Отечественная исторія намъ всѣмъ родная, но для Вашего Высочества она имѣетъ еще прелесть и назиданіе семейной хроники. Мы всѣ—дѣти великихъ царствованій Екатерины II, Александра I, Николая I. Но Вы ихъ прямой и законный наслѣдникъ. Вамъ преимущественно предстоитъ священная обязанность, великая, но трудная задача впести въ свою очередь съ честью и пользою имя Ваше въ сію семейную царственную хронику и передать память о Себѣ народнымъ скрижалямъ. Теперь вмѣстѣ съ Вашимъ Высочествомъ мы съ любовью и благоговѣніемъ отыскиваемъ сохранившіеся, но малоизвѣстные слѣды минувшихъ государственныхъ событій, слѣды именитыхъ дѣятелей, которые

въ нихъ участвовали, и славными личностями своими, такъ сказать, олицетворили замѣчательныя историческія эпохи. Будущіе члены и труженики нашего общества, которому дай Богъ долгодѣтія на Русской землѣ, съ такою же любовью и признательностью отыщутъ въ свое время и участіе благодушной плодотворной дѣятельности Вашей на поприщѣ просвѣщенія, преуспѣянія и славы любезной намъ Россіи. Мы всѣ только временные члены сего Историческаго общества; по Ваше Императорское Высочество, Вы одни навсегда принадлежите ему: нынѣ—Вашимъ милостивымъ благоволеніемъ, позднѣе—дѣлами, которыя сохраняются въ памяти народной и будутъ возстановлены трудами исторіи и науки. Карамзинъ въ посвященіи историческаго творенія своего императору Александру сказалъ: „Исторія народа принадлежитъ царю“. Либералы того времени осуждали эти слова и видѣли въ нихъ выраженіе раболѣпства. Взглядъ ихъ былъ ошибоченъ и буквально близорукъ. Они не понимали ни Александра, ни Карамзина. Разумѣется, мысль писателя заключалась не въ томъ, что исторія есть, такъ сказать, казенная собственность царей, изъ которой могутъ они сдѣлать все, что имъ угодно. Карамзинъ видимымъ образомъ говорилъ, что исторія народа есть нераздѣльная принадлежность царскаго званія, то-есть, что цари должны преимущественно предъ прочими изучать минувшую исторію своего народа, чтобы въ настоящей и будущей занять почетное и незабвенное мѣсто“. Эта истинно-русская рѣчь, заключилъ г. Половцевъ,—„безъ сомнѣнія лучше, чѣмъ я могъ бы то сдѣлать, вызываетъ полное сочувствія воспоминаніе о князѣ Петрѣ Андреевичѣ Вяземскомъ“.

По прочтеніи отчета, баронъ А. Г. Жюмьни прочелъ проектъ рескрипта императора Александра Павловича, 1801 года, послу нашему въ Вѣнѣ, графу Андрею Кирилловичу Разумовскому, важный для пониманія политики Александра I въ началѣ его царствованія. За симъ, М. К. Гротъ прочелъ нѣсколько извлеченій изъ писемъ барона Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II, найденныхъ въ послѣднее время въ государственномъ архивѣ въ С.-Петербургѣ, въ числѣ сорока; вмѣстѣ съ тѣмъ г. Гротъ сдѣлалъ оцѣнку этихъ писемъ и высказалъ мысль, что они представляются весьма важными для большаго пониманія напечатанныхъ имъ въ XXIII-мъ томѣ Сборника Общества писемъ императрицы Екатерины II къ Гримму. Затѣмъ князь П. П. Вяземскій прочелъ извлеченіе изъ неизданнаго еще сочиненія князя П. А. Вяземскаго о князѣ Петрѣ Борисовичѣ

Козловскомъ и его отношеніяхъ къ великому князю Михаилу Павловичу, великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и двору ихъ.

Въ заключеніе засѣданія произведены были выборы нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ и членовъ Общества. Избраны предсѣдателемъ на мѣсто скончавшагося князя П. А. Вяземскаго—А. А. Половцевъ, секретаремъ—Г. О. Штендманъ, и въ члены Общества — профессоръ С.-Петербургскаго университета В. И. Сергѣевичъ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1878 ГОДУ.

Въ теченіе 1878 года въ личномъ составѣ Императорскаго Русскаго Археологическаго общества произошли слѣдующія перемѣны: скончались почетный членъ князь П. А. Вяземскій и дѣйствительный членъ Д. В. Полѣновъ; послѣдній припималъ особенно дѣятельное участіе въ трудахъ Общества—сперва въ качествѣ секретаря отдѣленія русской и славянской археологіи, затѣмъ бібліотекаря и, наконецъ, секретаря Общества; кромѣ того, онъ участвовалъ въ редактированіи и печатаніи различныхъ ученыхъ изданій Общества, а именно, сверхъ нѣсколькихъ томовъ Извѣстій и Записокъ, издалъ первые три выпуска Описанія Кіево-Софійскаго собора, рукопись Констанцкаго собора, Описаніе памятниковъ искусства, находящихся въ Павловскѣ, Библиографическое обзорѣніе трудовъ, вошедшихъ въ повременныя изданія Общества, и проч. Еще въ послѣднее время, на одрѣ болѣзни, покойный занимался приготовленіемъ къ печати одного тома Археологическихъ трудовъ А. Н. Оленина, предпріятія, имъ вызваннаго, и къ которому онъ относился съ особеннымъ рвеніемъ и любовью. Высоко цѣня полезную дѣятельность Дмитрія Васильевича, Общество просило одного изъ своихъ членовъ, И. П. Хрущова, взять на себя трудъ составленія біографіи покойнаго; въ настоящее время работа эта уже окончена и сдана въ печать.

Учепая дѣятельность Общества выразилась въ истекшемъ году слѣдующими данными:

- 1) Благодаря неутомимой дѣятельности дѣйствительнаго члена

А. И. Савельева вышли въ свѣтъ 2-й и 3-й выпуски IX тома Извѣстій Общества, и уже отпечатаны набѣло пять листовъ 4-го выпуска. Въ вышедшихъ выпускахъ, кромѣ другихъ статей, помѣщено начало замѣчательнаго по мысли и прекраснаго по исполненію труда дѣйствительнаго члена Ю. В. Иверсена: Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ, труда, сопровождаемаго и поясняемаго точными снимками съ самихъ медалей, изъ которыхъ громадное большинство находится въ коллекціи составителя. Не подлежитъ сомнѣнію, что по приведеніи къ окончанію трудъ г. Иверсена будетъ одною изъ монументальныхъ работъ въ области русской нумизматики.

2) Хранитель музея дѣйствительный членъ Д. И. Прозоровскій составилъ и отпечаталъ Опись рукописей, хранищихся въ музеѣ Общества; въ составъ этого труда вошло описаніе 71 рукописи, изъ которыхъ 9 принадлежать къ отдѣлу книгъ богослужебныхъ, 16—къ числу книгъ церковно-правственныхъ, 5—къ разряду церковныхъ описей, 17—къ числу рукописей историческихъ, 11—къ путешествіямъ и вообще къ землеописанію, 2—къ числу лѣчебниковъ, 2—къ области словесности, 4—къ каллиграфіи, и 4—къ администраціи; сверхъ того, тутъ описано 220 актовъ въ столбцахъ, тетрадяхъ и листахъ; при разборѣ рукописей (всѣ онѣ славянскія и русскія, кромѣ одной—греческой) не имѣлось въ виду ихъ изслѣдованіе, по исключительной заботой было выставить ихъ такъ, чтобъ изслѣдователь, желающій пользоваться ими, зналъ приблизительно, что онъ можетъ въ нихъ найти; нѣкоторые акты, въ особенности археологическаго содержанія, изданы цѣликомъ, а изъ другихъ сдѣланы обширныя извлеченія. Тотъ же г. Прозоровскій приготовилъ къ печати подробный каталогъ греческихъ и римскихъ монетъ, принадлежащихъ Обществу, и уже началъ печатать его въ Извѣстіяхъ послѣдняго.

3) Оконченъ печатаніемъ 2-й выпускъ I-го тома Археологическихъ трудовъ А. Н. Оленина, въ который вошло его сочиненіе: *Observations sur une note de l'ouvrage de M. Millin*, помѣщенное въ французскомъ текстѣ и въ русскомъ переводѣ; къ нему присоединено не изданное письмо Оленина къ академику Грефе о рисункахъ на вазѣ, принадлежавшей графинѣ Лаваль.

4) Точно также приведено къ окончанію и многолѣтнее предпріятіе Общества: Рисунки съ фресокъ и мозаикъ Кіевскаго Софійскаго собора. Остановившись по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ въ 1873 году, изданіе это въ настоящее время вполне окончено, и можно

надѣяться, что нынѣшнимъ лѣтомъ оно будетъ издано въ свѣтъ.

5) Достоуважаемый членъ Общества, о. настоятель Іерусалимской миссіи архимандритъ Антоній сообщилъ Обществу обширную статью свою: Поѣздка въ Румелію, которая уже начата печатаніемъ. Статья эта, сверхъ значительнаго количества не изданныхъ памятниковъ, заключаетъ въ себѣ множество подробностей въ высшей степени любопытныхъ для археолога и этнографа о томъ краѣ, свидѣтельства о которомъ повѣйшихъ путешественниковъ весьма не многочисленны. Къ статьѣ о. архимандрита приложено семь таблицъ снимковъ, преимущественно съ греческихъ и славянскихъ надписей.

Другія ученныя предпріятія Общества не получили движенія въ истекшемъ году по обстоятельствамъ, отъ редакторовъ ихъ не зависѣвшимъ.

Публикуя во всеобщую извѣстность въ своихъ изданіяхъ разнообразныя археологическіе матеріалы, Археологическое общество не отказываетъ въ научпой, а по временамъ, и въ матеріальной помощи лицамъ, ихъ собирающимъ. Такъ, въ минувшемъ году, на средства, доставленныя Обществомъ, членъ-сотрудникъ А. П. Виноградовъ совершилъ археологическую поѣздку по губерніямъ Новгородской, Тверской и Ярославской, при чемъ главное его вниманіе было обращено на деревянныя церкви, съ которыхъ онъ сдѣлалъ рисунки и снялъ планы; сверхъ того, онъ не опустилъ изъ вниманія и другіе предметы древности, встрѣчавшіеся ему при его экскурсіяхъ, отмѣчая, списывая, срисовывая ихъ. Особенно любопытство его было возбуждено собраніемъ предметовъ древности, составленнымъ княземъ И. А. Путятинимъ въ с. Вологомъ, Новгородской губерніи. Свѣдѣнія о принадлежащей князю Путятину коллекціи рукописей и нѣкоторыя выписки изъ нихъ были сообщены г. Виноградовымъ въ Археологическое общество и въ Общество любителей древней письменности.—Членъ-сотрудникъ В. И. Ламанскій обратилъ вниманіе Общества на кандидата С.-Петербургскаго университета П. А. Сырку, находящагося въ настоящее время въ Болгаріи, указавъ на то, что небольшая матеріальная помощь этому молодому человѣку можетъ быть не бесполезною, облегчивъ ему возможность ознакомиться съ памятниками древности въ Болгаріи и Румніи. Содѣйствіе это было оказано, и можно надѣяться, что г. Сырку сообщитъ Обществу не мало интересныхъ матеріаловъ.

Въ предшествующіе года Общество оказывало матеріальное содѣйствіе одному изъ своихъ членовъ Л. К. Ивановскому для произ-

водства раскопки кургановъ въ предѣлахъ Вотской пятины. Въ 1878 году г. Ивановскій, по причинѣ тяжелой болѣзни, его постигшей, принужденъ былъ приостановить эти работы, уже доставившія обильные и важныя результаты, но нынѣ, съ его выздоровленіемъ, можно надѣяться на ихъ возобновленіе.

Общество состояло въ минувшемъ году въ сношеніяхъ и обмѣнивалось изданіями со многими археологическими же и другими учеными обществами и учрежденіями, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Плодами этихъ сношеній было, между прочимъ, значительное обогащеніе библиотекки Общества, которая, сверхъ того, увеличилась и нѣсколькими цѣлыми изданіями археологическаго содержанія, приобретенными на средства Общества. Путемъ покупки Общество получило въ собственность и нѣсколько рукописей, оставшихся послѣ кончины одного изъ членовъ его, И. К. Купріянова; бумаги эти содержатъ въ себѣ разныя черновыя замѣтки его, по большей части археологическаго и историческаго содержанія, нерѣдко не лишеныя интереса.

Музей Общества въ теченіе минувшаго года обогатился слѣдующими приношеніями: отъ г. Шпигельберга поступило 154 браakteатовъ, 23 древнія монеты и одна старинная русская печать, отъ отца Антонина — 50 серебряныхъ монетъ Александра Великаго, отъ Е. Т. Соловьева — коллекція старинныхъ русскихъ монетъ, отъ К. М. Петрова — протоскинитарій Иерусалима, рисованный въ 1771 году масляными красками, отъ г. Сементовскаго — 9 старинныхъ рѣдкихъ гравюръ, отъ г. Сотенова — ольвійская монета, и отъ г. Радѣлова — 100 мелкихъ русскихъ монетъ XVII вѣка.

Медалей за археологическія труды въ годовомъ собраніи Общества, 23-го истекшаго марта присуждено не было.

МОСКОВСКАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА 1879 ГОДА.

3-го апрѣля послѣдовало въ Москвѣ, въ здапіи экзерциргауза, открытіе антропологической выставки, устроенной Императорскимъ обществомъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящимъ при Московскомъ университетѣ. Представляемъ здѣсь обзоръ этого обширнаго предпріятія, указавъ предварительно на тѣ обстоятельства, которыя послужили поводомъ къ организаціи выставки, и на тѣ условія, при которыхъ послѣдовало ея осуществленіе.

Самое общество, устроившее выставку, возникло лишь въ исходѣ 1863 года; первое официальное засѣданіе его состоялось 14-го мая 1864 года, а въ шестомъ, бывшемъ 9-го декабря того же года, профессоромъ А. П. Богдановымъ уже представленъ былъ докладъ объ устройствѣ въ Москвѣ антропологической выставки и при ней курса антропологіи. „Ни одна часть естествовѣдѣнія“, сказано въ этомъ докладѣ, — „не заслуживаетъ большихъ усилій со стороны Общества для распространенія основательныхъ свѣдѣній о ней въ массѣ публики, какъ антропологія. Не только публика, но и большинство нашихъ ученыхъ, совершенно незнакомы съ особенностями племенъ, населяющихъ Россію, а между тѣмъ еще Бэръ указалъ, что ни одно государство не представляетъ такого богатства, какъ Россія. Потому мы полагаемъ, что устройство антропологической выставки, сопровождаемой курсомъ антропологіи, который служилъ бы пополненіемъ и объясненіемъ ея, при научной и вмѣстѣ съ тѣмъ изящной и удобной обстановкѣ, вызоветъ полное вниманіе публики и заинтересуетъ ее“. Предложеніе это было принято Обществомъ, и въ началѣ 1867 года оно устроило уже выставку, которая, однако, получила характеръ и названіе этнографической, а не антропологической, такъ какъ тогда

Общество, собравъ богатый и нарядный этнографическій матеріалъ, нашло мало спеціальнаго содѣйствія по своимъ антропологическимъ предположеніямъ. Впрочемъ, ужь и на той выставкѣ явились нѣкоторыя антропологическія коллекціи, имѣвшія немалое значеніе по богатству, новосте и разнообразію собранныхъ предметовъ.

По окончаніи этнографической выставки, собранные ею этнографическіе предметы перешли въ собственность Московскаго публичнаго музея, а въ распоряженіи Общества осталась только бывшая на этой выставкѣ краіологическая коллекція; предполагавшійся во время выставки курсъ антропологии прочитанъ не былъ. Но такъ какъ Общество, убѣжденное въ важномъ значеніи антропологии въ кругу другихъ естественно-историческихъ наукъ, какъ составляющей связь между естествознаніемъ и науками историческими, не оставляло своей задачи относительно ея развитія въ Россіи, то оно и задумало изыскать способы къ введенію систематическаго преподаванія антропологии въ Московскомъ университетѣ. Въ 1872 году, во время политехнической выставки, Общество успѣло заинтересовать эту задачей покойнаго К. Ѡ. фонъ-Мекка, который и пожертвовалъ ему 25,000 руб. на устройство названной каведры. Деньги эти предоставлены были Московскому университету согласно предположенной цѣли; совѣтъ университета сочувственно отнесся къ инициативѣ Общества, и въ настоящее время преподаваніе антропологии въ Московскомъ университетѣ не только утверждено официально, но и осуществляется на дѣлѣ: избранный для замѣщенія этой каведры кандидатъ, Д. Н. Анучинъ, командированъ былъ на два года за границу для обзора иностранныхъ антропологическихъ учрежденій и работъ въ антропологическихъ музеяхъ и уже вернулся въ Россію. Обеспечивъ устройство каведры антропологии, Общество должно было позаботиться и о томъ, чтобъ обставить ее со стороны ученыхъ и учебныхъ пособій. Въ этихъ видахъ Общество и рѣшило устройство уже прямо антропологической выставки. Такимъ образомъ, ближайшею, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе частною, цѣлью настоящей выставки является собраніе коллекцій, которыя могутъ войти въ составъ необходимаго для каведры антропологии музея; болѣе же общими цѣлями представляются, попервыхъ, содѣйствіе развитію науки антропологии такимъ подборомъ относящихся къ ней предметовъ, которые до сихъ поръ не были научно изслѣдованы, и вовторыхъ, желаніе популяризовать антропологическую науку въ массѣ публики, возбудить къ ней сочувствіе и показать ея предметное содержаніе.

Для устройства выставки Общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи образовало въ 1877 году, подъ предсѣдательствомъ А. П. Богданова, особый комитетъ, которому и поручено было веденіе всего дѣла. Для осуществленія его и для нѣкоторыхъ связанныхъ съ нимъ предпріятій, комитетъ успѣлъ пріобрѣсти отъ нѣкоторыхъ лицъ пожертвованія до 70,000 руб., и сверхъ того, получилъ въ ссуду до 20,000 руб. Располагая такими средствами, комитетъ въ теченіе двухлѣтнихъ своихъ работъ особенно заботился объ ученой сторонѣ выставки, и главнѣйшія его усилія были направлены къ тому, чтобы на ней появилось по возможности болѣе новыхъ, оригинальныхъ собраній. Обыкновенно, при устройствѣ различныхъ выставокъ, на долю распорядительнаго комитета выпадаетъ лишь привлеченіе возможно большаго числа экспонентовъ и устройство предпріятія съ внѣшней стороны. Но для антропологической выставки невозможно было ограничиться такого рода дѣятельностью: трудно было рассчитывать на большое количество экспонентовъ, да и притомъ отъ экспонентовъ постороннихъ нельзя было ожидать обширныхъ пожертвованій въ пользу будущаго антропологическаго музея. Итакъ, нужно было создавать и экспонентовъ, и въ особенности коллекціи, которыя затѣмъ сдѣлались бы собственностью музея. Въ этихъ видахъ, болѣе 18,000 руб. было употреблено на снаряженіе экспедицій въ разныя мѣстности Россіи (сѣверъ ея, Уралъ, Прибалтійскій край, средняя и южная Россія, Крымъ и Кавказъ); гдѣ только оказывалось возможнымъ, избраны были особые уполномоченные, преимущественно съ цѣлью содѣйствовать полученію новаго, нигдѣ еще не описаннаго матеріала; до пятидесяти лицъ получили субсидіи на раскопки и поѣздки съ тою же цѣлью. Важнѣйшіе результаты этихъ усилій были слѣдующіе: изучены въ антропологическомъ отношеніи племена Самоѣдовъ, Лоуарей и Мещеряковъ; собраны по курганному періоду предметы и факты изъ 15 губерній и областей; сдѣланы были особенно богатая раскопки въ Крыму и на Кавказѣ. Конечно, это лишь очень малая доля изъ того, что можетъ представить Россія въ антропологическомъ отношеніи, но и эти результаты уже составляютъ хорошее основаніе для будущаго музея и являются очень полезнымъ вкладомъ въ науку, такъ какъ представленныя комитету отчеты по произведеннымъ для выставки работамъ ужь изданы въ свѣтъ и составили главное содержаніе Трудовъ Комитета, вышедшихъ въ видѣ двухъ томовъ въ 4-ку, въ 130 печатныхъ листовъ мелкаго шрифта.

При началѣ работъ, комитетъ принужденъ былъ дѣйствовать почти

исключительно собственными силами; но съ развитіемъ его дѣятельности на помощь ему пришли и другія учрежденія, въ особенности Русское Географическое общество и нѣкоторыя иностранныя ученныя общества и музеи.

Такъ какъ въ составъ антропологии, какъ естественно-историческаго изученія рода человѣкъ, входятъ, съ одной стороны, доисторическій періодъ человѣка, а съ другой—систематика современныхъ племенныхъ представителей этого рода, то и на выставкѣ всѣ предметы могутъ быть раздѣлены на эти два отдѣла. Доисторическій человѣкъ извѣстенъ только по своимъ костякамъ, по остаткамъ своего быта и по предметамъ, бывшимъ въ его употребленіи, по тѣмъ животнымъ, коими онъ былъ окруженъ и коими пользовался, наконецъ—по тѣмъ толщамъ земли, въ коихъ встрѣчаются его остатки; поэтому при изученіи доисторическаго человѣка важную роль играютъ вопросы объ опредѣленіи современныхъ человѣку формаций или толщъ, сравнительное изученіе особенностей окружавшихъ его животныхъ, ихъ сходство и отличіе отъ нынѣ живущихъ, и изученіе тѣхъ каменныхъ породъ и сплавовъ, коими человѣкъ пользовался. Вслѣдствіе сего, чтобы нагляднымъ образомъ представить на выставкѣ условія жизни доисторическаго человѣка, оказалось необходимымъ воспроизвести геологическія и ботаническія картины доисторической эпохи и среди этихъ древнѣйшихъ толщъ и пещеръ, среди этой первобытной растительности помѣстить существовавшихъ въ ту эпоху животныхъ. Конечно, въ картинахъ этихъ много идеализированнаго, но во всякомъ случаѣ, не болѣе, чѣмъ въ лучшихъ, серьезныхъ популярныя сочиненіяхъ. Костяки и черепа древняго человѣка, и затѣмъ, вещественныя остатки его быта въ видѣ орудій, утвари, оружія и частью одежды представлены на выставкѣ въ многочисленныхъ коллекціяхъ. Для нагляднаго представленія о древнихъ могилахъ, какъ главныхъ хранилищахъ остатковъ доисторическаго человѣка, устроенъ рядъ такихъ памятниковъ, частію въ натуральную величину, частію же въ видѣ моделей. Другой отдѣлъ антропологии, касающійся систематики современныхъ племенныхъ представителей рода человѣческаго, требуетъ изученія вѣтшаго вида и строенія племенъ, проявленія ихъ интеллектуальной жизни въ языкѣ и обстановкѣ, въ нравахъ и обычаяхъ. Сообразно тому, на выставкѣ находятся костяки и черепа разныхъ представителей современныхъ племенъ, ихъ бюсты и маски, манекены ихъ, цѣлыя сцены изъ ихъ жизни въ панорамахъ, многочисленныя изображенія племенныхъ типовъ древнихъ и новыхъ,

и наконецъ, разные предметы изъ внѣшней обстановки быта разныхъ народовъ.

Не всѣ части этихъ двухъ отраслей антропологіи могли быть, конечно, представлены на выставкѣ съ одинаковою полнотой. А сверхъ того, и условія внѣшняго размѣщенія предметовъ не давали возможности расположить ихъ строго систематически; такъ, напримѣръ, чтобъ удовлетворить желанію нѣкоторыхъ экспонентовъ, пришлось отвести ихъ коллекціямъ особое мѣсто, внѣ общаго распредѣленія предметовъ. Сообразно съ этимъ, а также въ зависимости отъ тѣхъ результатовъ, которые могли быть достигнуты стараніями комитета, выставка составила изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) отдѣлъ доисторической, съ нѣсколькими подраздѣленіями, 2) антропологической, 3) мѣдико-антропологической, 4) фотографической, 5) этнографической, 6) русскихъ типовъ, и 7) экспонентскій или музей. Такое раздѣленіе ужъ слишкомъ не систематично, ибо подчинено признакамъ совершенно разнороднымъ, и очевидно, обуславливается чисто внѣшними требованіями размѣщенія предметовъ; такъ, напримѣръ, въ такъ называемомъ музее встрѣчаются предметы, которые относятся ко многимъ изъ предшествующихъ отдѣловъ. Но такъ какъ мы не имѣемъ надобности ставить паше обзорніе выставки въ зависимость отъ распредѣленія составляющихъ ее предметовъ въ зданіи экзерциргауза, то и не будемъ входить въ частное описаніе отдѣловъ, а лишь разсмотримъ составъ выставки въ главныхъ чертахъ соотвѣтственно главнымъ частямъ самой науки антропологіи.

Чтобъ изобразить условія жизни доисторическаго человѣка, нужно было—какъ сказано выше—представить картину природы въ доисторическую эпоху. Геологическій періодъ, соотвѣтствующій появленію человѣка, опредѣляется учеными различно; нѣкоторые отодвигаютъ его даже къ верхнимъ мѣловымъ формаціямъ, другіе, болѣе умѣренные,—къ болѣе позднимъ эоценовымъ или міоценовымъ пластамъ. Во всякомъ случаѣ пересмотръ всѣхъ древнихъ, первичныхъ череповъ, сдѣланный въ недавнее время профессоромъ Жоли, показалъ, что въ наиболѣе далекое и вмѣстѣ съ тѣмъ доступное для антрополога время типъ череповъ не былъ уже единиченъ: нѣкоторые изъ этихъ череповъ принадлежатъ къ одному, болѣе низкому типу, другіе — къ гораздо болѣе развитому. Присутствіе болѣе развитаго типа череповъ въ постпліоценовый, а можетъ быть, и въ пліоценовый періодъ, на ряду съ болѣе низкими, и заставляетъ предполагать, что въ предыдущіе періоды типъ былъ еще ниже, скорѣе, быть можетъ, приближался

къ болѣе низкому постплиоценовому типу, чѣмъ къ болѣе высокому. Какъ бы то ни было, по на выставкѣ необходимо было дать понятіе о названныхъ формаціяхъ. Такъ и было сдѣлано. Большая часть здавія экзерциргауза декорирована искусственными горами со скалами, обрывами и пещерами, и обнаженія на этихъ горахъ представляютъ разныя формаціи.

Правая часть горы, раздѣляющей помѣщеніе выставки по срединѣ, изображаетъ плиоценовыя, миоценовыя и эоценовыя паслоенія; часть горы, ближайшая ко входу, изображаетъ профиль первичныхъ образованій, воспроизведенный съ одной мѣстности по дорогѣ изъ Пизы въ Римъ, около городка Кастель-Нуово. Основаніе горы составляетъ эоценовый известнякъ Ровиньяно; на немъ залегаютъ слои эоценовыхъ мергелей и гипса, далѣе слой синей переходной, подапенинской глины, а сверхъ всего—плиоценовые пески, слегка прикрытые плейстоценовою черною землей. Конечно, можно замѣтить, что на русской антропологической выставкѣ было бы умѣстнѣе воспроизвести геологическія реставраціи вообще по русскимъ образцамъ, по съ другой стороны, одна изъ причинъ, побудившихъ организаторовъ выставки избрать упомянутый выше разрѣзъ для изображенія, состояла въ томъ, что приблизительно на такихъ же формаціяхъ покоился близъ Ареццо въ Тосканѣ тотъ слой постплиоценовой глины, въ которомъ былъ найденъ одинъ изъ древнѣйшихъ, вѣроятно, человѣческихъ череповъ. Другая часть срединной горы, противоположная входу, изображаетъ часть профиля, снятаго комиссіей французскихъ инженеровъ, проволившихъ желѣзную дорогу изъ Парижа въ Брестъ, недалеко отъ мѣстечка Траппъ, въ 37 километрахъ отъ Парижа. Основаніемъ профиля также служитъ эоценовый известнякъ, перемежающийся съ глинами; на немъ лежатъ эоценовые гипсъ и зеленый мергель, а затѣмъ миоценовый фонтенблосскій песчаникъ, покрытый наносами.

Для болѣе яснаго пониманія разрѣзовъ, въ небольшомъ отдѣленіи устроенной слѣва отъ входа веранды помѣщены схематическія акварельныя изображенія профилей и карты, представляющія контуры Россіи въ эоценовый, миоценовый и плиоценовый періоды. Тутъ же выставлены и собранія ископаемыхъ, которыя считаются руководящими при опредѣленіи трехъ этихъ третичныхъ формацій.

Лѣвая сторона срединной горы представляетъ гранитную стѣну исчезнувшаго ледника съ начинающею вывѣтриваться верхнею частью; на верхнемъ краю гранитъ отъ вывѣтриванія принялъ столбообразныя

формы; еще рѣзче такіе столбы видны, какъ слѣды ледниковаго времени, около стѣны, противолежащей входу. Гранитная стѣна эта воспроизводитъ Аорскій ледникъ, а гранитные столбы изображены по описанію береговъ Колыванскаго озера въ Путешествіи по Алтаю Г. Е. Щуровскаго.

Чтобы сдѣлать понятнымъ публикѣ то время жизни земнаго шара, когда условія его поверхности еще не были удобны для появленія человѣка, на выставкѣ, рядомъ съ моделями, изображающими современныхъ появленію человѣка животныхъ, поставлены изображенія животныхъ и растений предшествующихъ періодовъ. Для показанія, въ какихъ условіяхъ найдены были остатки этихъ животныхъ и растений, задняя декорация этой половины изображаетъ естественный разрѣзъ подмосковныхъ формаций, изученный Г. Е. Щуровскимъ въ Александровскихъ каменоломняхъ и описанный въ его Исторіи геологіи Московскаго бассейна. Основною частью декорации служитъ каменноугольный горный известнякъ, разбитый залежью каменнаго угля на два слоя—верхній и нижній; верхній известнякъ покрытъ переходною красною глиной, которая соотвѣтствуетъ извѣстной Гжельской фаянсовой глиня; на глиня залегаетъ слой съ конгломератами, заключающій въ себѣ юрскихъ ископаемыхъ; на этомъ слой покоятся послѣдовательно еще три слоя съ юрскими ископаемыми, именно—слой охристочерной глины, слой глины вполне черной и слой зеленого юрскаго песка; наконецъ, здѣсь мы встрѣчаемся съ дяллувиальной глиной, закрытою сверху растительнымъ слоемъ.

Геологическая картина доисторическаго міра дополняется воспроизведеніемъ, въ натуральную величину, растений каменно-угольнаго періода и нѣсколькихъ, принадлежащихъ древнѣйшимъ эпохамъ животныхъ, а именно мегатерій, глиптодона, ихтиозавра, плезиозавра, гилеозавра и мамонта.

Мегатерій, животное, которое, судя по найденнымъ остаткамъ, принадлежало къ современному отряду неполнозубыхъ (*Edentata*), реставрировано по спеціальной монографіи о немъ Оуена, но съ тою разницей, что оно представлено съ хоботомъ, согласно мнѣнію Кювье; подобно современнымъ притропическимъ гигантамъ, каковы слонъ, бегемотъ и пр., мегатерій представленъ голымъ. Ископаемый броненосецъ глиптодонъ воспроизведенъ по реставраціи Бурмейстера. Два животныя, встрѣчающіяся преимущественно въ юрскихъ формаціяхъ, ихтиозавръ—пресмыкающееся, достигавшее до шести сажень въ длину, съ видомъ ящерицы, мордой, вытянутою какъ

удельфина, и зубами крокодила,—и плезиозавръ—пѣчто въ родѣ гигантской черепахи съ длинною змѣвидною шеей и конечностями въ родѣ тѣхъ, что у китовъ,—реставрированы по моделямъ геологическаго музея Московскаго университета. Гилеозавръ—также нѣчто въ родѣ гигантской ящеряцы, также встрѣчающееся въ юрскихъ формаціяхъ,—воспроизведенъ съ рисунка Унгера, основаннаго на ресторациі Мартеля. Наконецъ мамонтъ, животное, несомнѣнно современное древнѣйшему человѣку, реставрированъ на основаніи сочиненій академикомъ Бера, Брандта и другихъ; размѣръ животнаго взятъ со скелета того мамонта, трупъ котораго найденъ былъ въ 1779 г. въ устьяхъ Лены въ замерзшемъ состояніи съ мясомъ, кожей и шерстью, и остатки котораго, привезенные въ Петербургъ академикомъ Адамсомъ, хранятся въ зоологическомъ музеѣ Академіи Наукъ; мамонтъ представленъ одѣтымъ темнубурою шерстью съ густою гривой; форма его клыковъ взята съ мамонта зоологическаго музея Московскаго университета.

Рядомъ съ этими реставраціями, имѣющими преимущественно популяризаціонное значеніе, являючися на выставкѣ и палеонтологическія коллекціи, въ которыхъ находятся подлинныя кости ископаемыхъ животныхъ; кости эти принадлежатъ третичному и диллювіальному періодамъ; одні изъ нихъ происходятъ изъ разныхъ мѣстъ Франціи, а другія доставлены изъ Моравіи, Румелии и изъ разныхъ мѣстностей Россіи Европейской и Азіатской.

Далѣе, изъ той среды, которую представляла для доисторическаго человѣка окружающая его природа, выставка переноситъ насъ къ бытовой обстановкѣ древнѣйшаго человѣчества, созданной уже самими людьми. Здѣсь мы встрѣчаемся, вопервыхъ, съ предметами каменнаго вѣка, и вовторыхъ, съ вещами бронзовыми, большею частью извлеченными изъ разныхъ кургановъ, могилъ и гробницъ. Нѣкоторыя коллекціи каменныхъ вещей имѣютъ иностранное происхожденіе—изъ Франціи, Англии, Ирландіи, Бельгіи, Швейцаріи, Моравіи, Греціи, также изъ Сѣверной Америки и съ острововъ Фиджи. Изъ числа этихъ иностранныхъ коллекцій въ особенности любопытна одна, въ 17 ящичковъ, составленная по заказу А. П. Богданова вице-директоромъ Сентъ-Жерменскаго музея г. Мортильяе; вещи, входящія въ составъ этой коллекціи, взяты, правда, изъ разныхъ мѣстъ Франціи, но за то размѣщены въ порядкѣ постепеннаго осложненія типовъ и потому наглядно представляютъ собою развитіе техники у людей каменнаго періода; въ эту же коллекцію включены для сравненія и нѣсколько

предметовъ бронзовыхъ, однородныхъ съ каменными по типу. Другая коллекція иностраннаго происхожденія содержитъ въ себѣ вещи изъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ—орудія каменные и костяныя и остатки растительныхъ веществъ; тутъ же помѣщена и модель самой свайной постройки.

Находящійся на выставкѣ подборъ каменныхъ орудій, добытыхъ въ предѣлахъ Россіи, заключается какъ въ коллекціяхъ, собранныхъ самимъ комитетомъ выставки, такъ и въ коллекціяхъ, доставленныхъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ изъ своего и разныхъ другихъ петербургскихъ собраний. Подборъ этотъ очень замѣчателенъ, какъ по разнообразію мѣстонахожденія предметовъ, такъ и по ихъ типамъ. Выставленные каменные орудія происходятъ изъ губерній Архангельской, Олонецкой, С.-Петербургской, Тверской, Владимірской, Тульской, Рязанской, Костромской, Казанской, Пермской, Самарской, Астраханской, Кіевской, Волынской, Минской, изъ Литвы, Привислинскаго края и Филлидїи, также изъ разныхъ мѣстъ Сибири, какъ Западной, такъ и Восточной—до Владивостока и острова Сахалина. Въ особенности любопытны: 1) коллекція кремневыхъ орудій и осколковъ изъ д. Зимней Золотицы на берегу Бѣлаго моря, въ 150 в. отъ Архангельска, собранная гг. Зенгеромъ, Кельсиевымъ и Сандбергомъ; 2) Олонецкая коллекція И. С. Полякова, дополняемая нѣкоторыми предметами изъ того же края, принадлежащими Русскому Археологическому обществу; 3) Муромская коллекція его же, дополняемая находками въ той же мѣстности гг. Григорьева, Добрынкина и Кудрявцева; 4) Казанская коллекція г. Пельцама, составленная преимущественно близъ Болгарскихъ развалинъ, и наконецъ, разные орудія сибирскія, присланные изъ музея Горнаго института, а также изъ музеевъ Барнаульскаго и Восточно-Сибирскаго отдѣла Географическаго общества. Нѣкоторыя орудія изъ муромской коллекціи г. Полякова заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ найденныя вмѣстѣ съ костями мамонта, носорога и нѣкоторыхъ другихъ вымершихъ животныхъ; вышеупомянутая архангельская коллекція и частію предметы изъ Муромскаго уѣзда доказываютъ существованіе въ Россіи такого періода, когда кремень былъ важнѣйшимъ матеріаломъ для изготовленія наконечниковъ копій, стрѣлъ, долотъ и другихъ орудій; Олонецкая коллекція, въ которой преобладаютъ предметы изъ кремня и сланца, замѣтно выдается между другими, какъ по разнообразію типовъ орудій, такъ и по тому, что представляетъ разные степени совершенства въ обдѣлкѣ предметовъ: здѣсь можно видѣть всякія

орудія, начиная отъ грубо оббитыхъ и кончая изящно шлифованными и правильно сверлебными и обточенными; въ этомъ отношеніи коллекція г. Полякова, безъ сомнѣнія, выше и собранія г. Мортилье, такъ какъ она есть результатъ раскопокъ и поисковъ въ одной мѣстности и стоитъ въ прямой связи съ геологическими условіями послѣдней. Орудія сибирскія, при значительномъ совершенствѣ обдѣлки, отличаются еще и достоинствомъ матеріала, изъ коего они сдѣланы, каковы, на примѣръ, нефритъ, яшма и пр.

Собранные на выставкѣ предметы бронзоваго вѣка имѣютъ болѣею частью курганное или могильное происхожденіе. Но прежде чѣмъ говорить о нихъ, должно замѣтить, что на выставкѣ представлены и разные типы погребальныхъ сооружений въ видѣ моделей въ натуральную или уменьшенную величину; такъ, мы находимъ здѣсь модели кургана Московской губерніи, представляющія и способъ погребенія въ пещь, и способъ его раскопки; затѣмъ, на выставкѣ имѣются модели дольменовъ бретонскаго, датскаго и кавказскаго, модель самаркандской гробницы и изображеніе погребенія у древнихъ Римлянъ. Что касается вещей, извлеченныхъ изъ кургановъ и гробницъ, то на выставкѣ находятся предметы изъ погребальныхъ сооруженийъ слѣдующихъ мѣстностей: губерній Московской, Смоленской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Рязанской, Нижегородской, Пермской, С.-Петербургской, Лифляндской, Мипской, Кіевской, Черниговской, изъ Осетіи и другихъ частей Кавказа, изъ Тарскаго округа Тобольской губерніи и изъ Миусинскаго — губерніи Енисейской. Огромное большинство предметовъ курганнаго и могильнаго происхожденія относятся къ бронзовому вѣку, нѣкоторые же сдѣланы изъ желѣза, а иные—изъ серебра и золота. По назначенію своему предметы эти суть части одежды и воинскаго убора, оружіе, домашняя утварь и инструменты и т. п. Общій типъ этихъ вещей изъ кургановъ собственно Европейской Россіи представляетъ много сходства съ другими предметами, также курганнаго происхожденія, изображенія которыхъ уже обнародованы, на примѣръ, въ Трудахъ русскихъ археологическихъ съѣздовъ; нѣкоторые изъ выставленныхъ предметовъ отличаются особенною роскошью или совершенствомъ отдѣлки, что и заставляетъ предполагать, что они взяты изъ могилъ, въ коихъ похоронены люди знатнаго происхожденія: таковы въ особенности предметы изъ Черниговскихъ раскопокъ Д. Я. Самоквасова, тѣмъ болѣе любопытныхъ, что оказывается весьма возможнымъ признать отысканныхъ здѣсь покойниковъ представителями Славян-

скаго племени. Замѣтное уклоненіе отъ типа вещей, находящихся въ русскихъ курганахъ, составляютъ вещи изъ могилъ сибирскихъ, быть можетъ, впрочемъ не восходящія къ далекой старинѣ, а также вещи изъ гробницъ кавказскихъ, которыя напротивъ поражаютъ своею глубокою древностію; о послѣдней можетъ свидѣтельствовать сосудъ съ подписью, которая изображена финикійскими письменами и объясняется изъ финикійскаго языка.

Существенную, и можно сказать, важнѣйшую часть доисторическаго отдѣла антропологіи на выставкѣ составляетъ весьма богатая коллекція череповъ и костяковъ, извлеченныхъ изъ кургановъ и гробницъ. Тѣ изъ помянутыхъ выше раскопокъ, которыя были совершены по иниціативѣ комитета выставки, непременно сопровождались пріобрѣтеніемъ череповъ, которые и находятся на ней. Другіе черепа были доставляемы на нее независимо отъ предметовъ, при коихъ они были найдены, или даже безъ сихъ послѣднихъ. Это послѣднее въ особенности относится къ черепамъ современныхъ народовъ, и къ такимъ черепамъ могильнымъ, народность которыхъ не составляетъ научной загадки. Черепа современныхъ народовъ — упоминаемъ здѣсь и о нихъ, чтобы не возвращаться въ дальнѣйшемъ изложеніи къ краіологическимъ коллекціямъ, — находятся также на выставкѣ въ значительномъ числѣ. Какъ древніе, такъ и новыя черепа эти еще ожидаютъ опытныхъ изслѣдователей, и лишь немногіе изъ нихъ были уже подвергнеты болѣе или менѣе тщательному научному разсмотрѣнію; тѣмъ однако важнѣе обнаружившіеся при этомъ результаты, какъ напримѣръ, выводъ А. П. Богданова, что черепа изъ разрытыхъ г. Самокласовымъ черлиговскихъ кургановъ несомнѣнно славянскіе. Можно надѣяться, что настоящая выставка подастъ поводъ и къ другимъ подобнымъ заключеніямъ.

Въ качествѣ матеріала для изученія и воспроизведенія древнерусскаго племеннаго типа являются на выставкѣ изображенія и портреты русскихъ лицъ съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII вѣка. Эта галерея начинается снимками съ монетъ Владиміра Святаго съ его изображеніемъ, X в., затѣмъ представляеть копія съ нѣкоторыхъ церковныхъ фресокъ XI и XII вв., далѣе—копія съ иконовъ и миниатюръ, и наконецъ, съ XVI вѣка, предлагаетъ рядъ настоящихъ портретовъ разныхъ русскихъ историческихъ лицъ въ фотографіяхъ и масляныхъ копіяхъ со старинныхъ подлинниковъ. Оригиналы нѣкоторыхъ изъ собранныхъ здѣсь изображеній, какъ напримѣръ, Троицкаго архимандрита Діонисія, вологодскаго торговаго челоуѣка Гав-

рили Фетіева и т. д., весьма мало извѣстны, и потому появленіе на выставкѣ хотя бы копій съ нихъ не можетъ не возбудить научнаго интереса. Прибавимъ къ этому, что нѣкоторые изъ портретовъ этой коллекціи, на русскаго письма, представляютъ несомнѣнное художественное достоинство; по отзыву же специалистовъ, собраніе это и въ научномъ, чисто-спеціальному отношеніи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ на выставкѣ по тѣмъ антропологическимъ и этнологическимъ вопросамъ, которые возбуждаетъ.

Нѣсколько однородный характеръ съ этою коллекціей должно было имѣть предназначавшееся для выставки собраніе изображеній древнихъ народовъ въ копіяхъ съ древнихъ подлинниковъ. Виѣсть съ тѣмъ коллекція эта могла имѣть и педагогическое примѣненіе, какъ пособіе для преподаванія древней исторіи. Къ сожалѣнію, собраніе это представляетъ лишь изображенія древнихъ Египтянъ и частію Ассиріанъ; дальнѣйшее составленіе коллекціи было замедлено ограниченностью матеріальныхъ средствъ, на нее назначенныхъ.

Отъ доисторическаго отдѣла антропологіи переходя изъ антропологіи современныхъ народовъ, мы можемъ прямо указать на тотъ матеріалъ, который собранъ на выставкѣ для характеристики племенныхъ и родовыхъ типовъ. Антропологія современныхъ народовъ можетъ на этомъ предметѣ сосредоточить главное и почти исключительное свое вниманіе, такъ какъ по самому свойству предмета она менѣе, чѣмъ антропологія доисторическая, нуждается въ пособіи другихъ наукъ, каковы геологія, палеонтологія и наука древностей. Кромѣ уже упомянутой выше коллекціи череповъ современныхъ народовъ, племенные типы современнаго человѣчества могутъ быть изучены на выставкѣ по манекенамъ, раскрашеннымъ маскамъ и фотографіямъ. Манекены изображаютъ Негровъ, Австралийцевъ, Готептотку, Чукчей, Тунгусовъ, Японцевъ, Сартовъ, Казанскаго Татарина, московскихъ Цыганъ и Бѣлоруссовъ. Конечно, подборъ этихъ типовъ не основывается на какомъ-либо научномъ принципѣ и скорѣе всего имѣетъ декоративное значеніе; но по видимому, комитетъ выставки и не задавался цѣлью составить коллекцію манекеновъ, изображающихъ племена, такъ какъ именно этотъ родъ изображеній уже преобладалъ на этнографической выставкѣ 1867 года, отъ которой манекены и пошпѣи сохраняются въ этнографическомъ отдѣлѣ Московскаго публичнаго музея. Къ числу манекеновъ должно отнести также изображеніе такъ называемыхъ волосатыхъ людей и коллекцію, изображающую первоначальный уходъ за дѣтьми у разныхъ народовъ. Эта послѣднее собраніе

заключаетъ въ себѣ подлинныя дѣтскія люльки, употребляемыя разными народами, приборы, приучающіе дѣтей къ ходьбѣ, способы пеленанія и т. п. Въмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же находимъ и коллекцію дѣтскихъ племенныхъ типовъ, такъ какъ всѣ вышеупомянутыя приспособленія представлены въ живомъ употребленіи.

Болѣе систематическою, сравнительно съ манекнами, представляется коллекція раскрашенныхъ масокъ, изображающихъ племена, а болѣе богатою, въ смыслѣ подбора экземпляровъ, коллекція фотографій племенныхъ типовъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ фотографіи Болгарь, Турокъ и представителей Туркестанскаго населенія.

Въ области бытовой обстановки современныхъ народовъ, стоящихъ на низшихъ степеняхъ культуры, антропология соприкасается съ этнографіей, какъ въ области быта народовъ древнихъ—съ археологіей. Въ этомъ отношеніи выставка, должно сознаться, довольно бѣдна; лучшіе на ней предметы изъ жизни современныхъ народовъ, близкихъ къ первобытной культурѣ, находятся въ отдѣлѣ Русскаго Географическаго общества, гдѣ въ особенности заслуживаютъ вниманія орудія, оружіе, утварь, одежды и другіе предметы изъ быта туземцевъ бывшихъ русско-американскихъ владѣній, между прочимъ каменные и костяные орудія изъ живаго употребленія, наглядно объясняющія подобныя же древніе предметы, находимые при раскопкахъ.

Достойны научнаго вниманія хотя скорѣе въ смыслѣ этнографическомъ, чѣмъ антропологическомъ, находящіяся на выставкѣ образцы разныхъ отраслей народнаго искусства. Такъ въ томъ же отдѣлѣ Географическаго общества можно видѣть весьма оригинальные узоры на одеждахъ ириамурскихъ туземцевъ Гольдовъ, не менѣе любопытныя модели изящно украшенной деревянной утвари Якутовъ и т. п. Далѣе мы находимъ на выставкѣ коллекція русскихъ вышивокъ изъ разныхъ губерній, какъ собственно русскаго, такъ частію и породческаго издѣлія; отдѣлъ искусствъ поморской народной школы, въ коему относятся образцы народнаго книгописанія, орнаментации, рисованія, черченія и литейнаго искусства; отдѣлъ разныхъ формъ и видовъ хлѣба, начиная отъ безформенныхъ почти хлѣбовъ самоѣдскихъ до хлѣбовъ узорчатыхъ и имѣющихъ особое символическое значеніе въ русскихъ народныхъ обычаяхъ. Кромѣ того, къ этнографическимъ же коллекціямъ выставки должно отнести и такіе предметы, какъ идолы разныхъ народовъ, амулеты и разнаго рода пред-

меты съ символическими украшеніями или вообще составляющіе принадлежности религіознаго культа, а также предметы домашней утвари, модели разныхъ мѣстныхъ построекъ, снастей передвиженія, орудій охоты разнаго рода, орудій сельскохозійственныхъ, музыкальные инструменты и т. п.

Вообще нельзя не сказать, что коллекціи, относящіяся къ области современной антропологии, далеко не столь богаты на выставкѣ, какъ коллекціи доисторическія, и притомъ отличаются гораздо большею невыдержанностью научной системы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не имѣть въ виду, что вообще эта выставка есть лишь первый въ Россіи опытъ обширнаго собранія предметовъ, относящихся къ антропологии, и это обстоятельство много оправдываетъ ея слабыя стороны. Въ частности, что касается нѣкоторой бессистемности въ расположеніи предметовъ, и не всегда удовлетворительнаго, недостаточно строгаго подбора послѣднихъ, то недостатки эти въ значительной степени объясняются не только новостью самаго дѣла, но и условіями помѣщенія выставки и необходимостью позаботиться о декоративномъ ея характерѣ. Несомнѣнно, что въ имѣющемъ основаться съ помощью выставки антропологическомъ музеѣ научная систематизація и осторожный подборъ предметовъ вполнѣ вступать въ свои права, и тогда явится возможность по справедливости оцѣнить усилія организаторовъ этого обширнаго предпріятія, во всякомъ случаѣ весьма полезнаго для успѣховъ русской антропологии.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

О состояніи и дѣятельности Дерптскаго университета за 1878 годъ: личный составъ преподавателей, вакантныя катедры; объ усиленіи учебной дѣятельности студентовъ и о контролѣ надъ ними; темы для соисканія наградъ медалами; ученые труды преподавателей и читанныя ими публичныя лекціи; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; бюджетъ университета; свидѣнія объ учащихъ; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Въ Дерптскомъ университетѣ состояло въ концѣ 1878 года слѣдующее число штатныхъ преподавателей: въ богословскомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 5, доцентовъ 1; въ историко-филологическомъ: ординарныхъ профессоровъ 7, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 3, лекторовъ 4; въ физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 10, доцентовъ 1, астрономъ-наблюдатель 1; юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 5, экстраординарныхъ 1, доцентовъ 1; въ медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, доцентовъ 3, прозекторовъ 1, ученый аптекаръ 1. Сверхъ того состояли положенныя по штату: профессоръ богословія для студентовъ православнаго исповѣданія, преподаватель началъ архитектуры и 5 учителей искусствъ. Вообще при университетѣ находилось штатныхъ преподавателей 65, именно: ординарныхъ профессоровъ 38, экстраординарныхъ 4, профессоровъ православнаго богословія 1, доцентовъ 9, лекторовъ 4, учителей искусствъ 5, прозекторъ 1, ученый аптекаръ 1, астрономъ-наблюдатель 1, преподаватель началъ архитектуры 1. При-

вать-доцентовъ имѣлось 7, именно: по богословскимъ наукамъ вообще, по спеціальной патологіи, фармаціи, по славянской филологіи и исторіи литературы, по химіи, физической химіи и по минералогіи. Изъ положенныхъ по уставу преподавательскихъ должностей вакантны были 6, именно: профессора государственнаго врачебновѣдѣнія, прозектора при институтѣ сравнительной анатоміи, лектора итальянскаго языка, одна доцентура и должности учителей гимнастики и плавания.

Въ 1878 году факультеты имѣли засѣданій: богословскій 6, юридическій 15, медицинскій 13, историко-филологическій 14 и физико-математическій 26. Относительно распредѣленія предметовъ и порядка преподаванія сдѣланы были слѣдующія измѣненія: а) въ юридическомъ факультетѣ учебный планъ расширенъ для студентовъ дипломатическихъ наукъ включеніемъ въ него нѣкоторыхъ юридическихъ предметовъ: б) для студентовъ юридическихъ наукъ исторія права отдѣлена отъ подлежащихъ догматическихъ предметовъ и поставлена самостоятельнымъ предметомъ испытанія; в) въ медицинскомъ факультетѣ лекціи по гистологіи перемѣщены изъ 2-го и 3-го семестра изученія медицины въ первый и второй. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и контроля надъ ихъ научными занятіями, сверхъ общепринятыхъ мѣръ, какъ-то стипендій и пособій, освобожденія отъ взноса гонорара, присужденія медалей за научные труды, изданія отличнѣйшихъ трудовъ на счетъ университетскихъ суммъ, производства испытаній семестральныхъ и на ученые степени и т. д., производились, независимо отъ обязательныхъ теоретическихъ лекцій, по всѣмъ отраслямъ отдѣльныхъ факультетовъ, бесѣды, репетиціи, практическія работы, письменныя упражненія и т. п. и во всѣхъ этихъ занятіяхъ студенты участвовали въ значительномъ количествѣ. Результаты научныхъ занятій студентовъ обнаружались какъ на испытаніяхъ, такъ и въ письменныхъ трудахъ, представленныхъ ими въ факультеты для соисканія наградъ и для пріобрѣтенія ученыхъ степеней. Изъ числа диссертаций особенно основательностію, полнотю и самостоятельностью отличались слѣдующія: кандидатомъ юридическаго факультета Отт. Мюллера „Die rechtliche Natur der Blancocession“, барона Арт. Дракенфельса „Die Verletzung des Vorrugsrechts des Gesindespächters beim Verkauf des Gesindes“, Вальт. фонъ-Самсонъ-Гиммелштіерна „Die Privilegien des estländischen Adels im Criminalprocesse“; въ медицинскомъ факультетѣ докторовъ: Оск. Грубе

„Anthropologische Untersuchungen an Esten“, Вал. Подвысоцкаго „Anatomische Untersuchungen über die Zungendrüsen des Menschen und der Säugethiere“, Ад. Шварца „Ueber Spontanheilung der anus practernaturalis“, Вальд. Ридера „Ueber embolische Geschwulstmetastasen“; магистровъ фармаціи: Вильг. Мейке „Beiträge zur Ermittlung einiger Hopfen-Surrogate im Biere“, Арт. Штакманна „Studien über die Zusammensetzung des Holzes“; кандидатовъ историко-филологическаго факультета: Арт. фонъ Фреймана „Zur Bedeutungsentwicklung der Wurzel $\sigma\chi$ in der Homerischen Sprache“, барона Конр. Вольфа „Die schwedische Agrargesetzgebung und ihre Bedeutung für die Entwicklung der bäuerlichen Verhältnisse in Livland“, Герм. фонъ-Бракеля „Verkehrsstudien“, Алекс. Лютера „Quaestiones Lydianae“, Авг. Фрея „Skizze des Volksschulwesens in Estland als Gegenstand der inneren Verwaltung“ Конст. Воскресенскаго „Ueber die Thronbesteigung der Kaiserin Anna 1730“, Алекс. Тобина „Beitrag zur Geschichte der Agrarreform in Livland in dem Zeitraum von 1705 bis 1804“; кандидата физико-математическаго факультета Юл. Амелунга „Eine möglichst vollständige Untersuchung der aus kürzesten Linien auf Flächen von constantem negativen Krümmungsmass gebildete Dreiecke“.

Для соисканія наградъ медалями предложены были студентамъ слѣдующія темы: на богославскомъ факультетѣ „Отношеніе понятій βασιλεία и ἐκκλησία въ новомъ завѣтѣ“ и проповѣдь на текстъ: Откров. Иоанна, III, 20; на медицинскомъ „Сравнительное измѣреніе наклонной женскаго таза у разныхъ націй“ и „Добываніе и описаніе борнолимонной кислоты и ея солей“, на историко-филологическомъ „Этимологическое и историческое доказательство синтаксической конструкции глаголовъ *uti, frui, fungi potiri* и *vesci*“, на физико-математическомъ „Требуется опредѣлить число рѣшеній полного неопредѣленнаго уравненія первой степени съ пятью неизвѣстными при существованіи всѣхъ допускаемыхъ дѣлителей въ коэффициентахъ“. За представленные на эти темы сочиненія награждены медалями золотыми: студенты медицинскаго факультета Симонъ Браининъ и Эдмундъ Шейбе, историко-филологическаго Карлъ Мюленбахъ и физико-математическаго Эрнстъ Лейстъ; серебряными: богословскаго факультета Гуго Гюнтеръ и медицинскаго Артуръ Дирикъ.

Въ 1878 году преподаватели Дерптскаго университета и другія служащіе въ ономъ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературныя труды: профессора: фонъ-Энгельгардъ

напечаталъ „Das Christenthum Justins des Märtyrers, eine Untersuchung über die Anfänge der katholischen Glaubenslehre“; Фолькъ помѣстилъ въ Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Russland статьи: „Professor von Hoffmanns Nekrolog“, „Die kirchenzucht und die heilige Schrift“ и „Der Tod und das Leben nach dem Tode auf Grund der Lehre des alten Testaments“. А фонъ Эттингенъ напечаталъ: въ Preussische Jahrbücher „Ueber Hippels Lebensläufe“, въ Schärer theologisches Literaturblatt „Jubelausgabe von Hippels Lebensläufen mit historisch-kritischer Einleitung“, „Wahre und falsche Auctorität“ и нѣсколько рецензій; О. Шмидтъ помѣстилъ въ Dorpater Zeitschrift für Rechtswissenschaft статью „Eine Bemerkung zu der Abhandlung des Herrn Dr. Irmer, die Entwicklung und Behandlung des Erbgüterrechts in den ältesten Redactionen des Rigischen Stadtrechts betreffend“; Эрдманъ напечаталъ въ Dorpater Zeitschrift für Rechtswissenschaft „Die Wirkung der Blancocession nach Art. 3,473 des Provincialrechts“ и въ Baltische Monatsschrift „Die Ehre“; Ленингъ помѣстилъ въ Revue de droit international „Bespreehung des Preussischen Staatsrechts von Schulze“ и нѣсколько рецензій разныхъ сочиненій, и отдѣльно „Geschichte des Deutschen Kirchenrechts“, Бетхеръ напечаталъ въ Virchow Archiv: „Beobachtungen über die amyloide Degeneration der Leber“ и „Hernia bursae orientalis mit im Mesacolon transversum befindlicher Bruchpforte“ и нѣсколько рецензій и критикъ въ St.-Petersburger Medicinische Wochenschrift; Драгендорфъ помѣстилъ статьи: въ Naturkunde Liv-Est-und Curlands „Chemische Beiträge zur Pomologie mit Berücksichtigung der livländischen Obsteultur“, въ Pharmaceutische Zeitschrift für Russland „Jahresbericht über die Fortschritte der Pharmacognosie, Pharmacie und Toxicologie“, „Sitzungsberichte der Dorpater Naturforschergesellschaft“ и „Rhabarberanalysen“, и въ Archiv für Pharmacie „Einige Notizen über Theobromin“ и „Analysen der Zwiebeln von Erythronium dens canis“; Вемъ напечаталъ въ Archiv für experimentelle Pathologie und Pharmacologie: „Beiträge zur Physiologie des Kohlehydratstoffwechsels“, „Ueber die Einwirkung von defibrinirtem Blute auf Glycogenlösungen“, и „Beiträge zur Kenntniss der Glycogens und seiner Derivate“ Гофманъ помѣстилъ въ St.-Petersburger Medicinische Wochenschrift статьи „Notizen über die Anwendung der Digitalis bei Mitralis-Fehlern“; Стида помѣстилъ въ Archiv für Anthropologie „Mittheilungen aus der russischen Literatur über Anthro-

pologic" и „Ueber die Bedeutung des Stirnfortsatzes der Schläfenschuppe als Racenmerkmal“, въ Russische Revue „Die projectirte anthropologische Ausstellung in Moscau im Jahre 1879“, въ Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft „Berichte über die anthropologischen Congresse in Kiel und Paris“, и напечаталъ отдѣльно: „Karl-Ernst von Baer. Eine biographische Skizze. Mit einem Bildnisse Baers“, „Einiges über Bau und Entwicklung der Säugethierlungen“ и „Festschrift zur Feier der 50 jährigen Doctorjubiläums des Professors von Siebold“; фонъ-Валь помѣстилъ въ St.-Petersburger medicinische Wochenschrift статью „Mittheilungen aus der Dorpater chirurgischen Klinik“; Брикверъ напечаталъ въ Russische Revue „Abhandlung über den Fürsten W. W. Galizyn“, въ Русскомъ Вѣстникѣ нѣсколько статей объ Иванѣ Посошковѣ, въ Древней и Новой Россіи „Объ императорѣ Петрѣ III“; отдѣльно: „Патрикъ Гордовъ“, „Iwan Possoschkoff. Ideen und Zustände in Russland zur Zeit Peters des Grossen“, Culturbistorische Studien: „Die Russen im Auslande im XVII Jahrhundert“ и „Die Ausländer in Russland im XVII Jahrhundert“; Мейеръ помѣстилъ въ Bezenberger-Beiträge zur Kunde der indo-germanischen Sprachen статьи: *Ἦρος* (etymologische Untersuchung), *Δειρεύματα*, *δειχανόματα* и *δειδίσχόμενα*, „Indutiae und bellum, Die Homerischen Vaternamen und einige verwandte Bildungen“, „Die deutsche Abstractbildung auf ung“, „Gothisches bu“, „Hamus“; Тейхмюллеръ напечаталъ въ Baltische Monatsschrift „Charakteristik der Araber, eine völkerpsychologische Skizze“ и „Zur Pädagogik der Elementarschulen“, въ Rheinisches Museum für Philologie „Ueber den Begriff des Raumes bei Lucrez“, и отдѣльно: „Wahrheitsgetreuer Bericht über meine Reise in den Himmel. Verfasst von Immanuel Kant“ (безъимянно), и „Neue Studien zur Geschichte des Begriffs. Bd. I“; Петерсенъ изготавилъ для торжественнаго акта университета рѣчь подъ заглавіемъ „Ueber die Preisrichter der grossen Dionysien Athen“ и напечаталъ въ Berliner archäologische Zeitung статьи: „Vasenstudien“ и „Die Gruppe der Tyrannenmörder von Kritios und Nesiotes“; Митгофъ напечаталъ въ Baltische Monatsschrift „12 Artikel über das Classensteuer „Project“, отдѣльно „Die russische Classensteuer nach dem Gesetzentwurfe der Steuerreform Commission“; Гаусманъ напечаталъ въ „Allgemeine deutsche Biographie“ статью „Biographie von Friedrich-Konrad Gadebusch“, и изготавилъ, по порученію Академіи наукъ, рецензію сочиненія, удостоенную золотой медали графа Уварова;

В. Стида напечаталъ: въ Holtzendorf und Brentano Jahrbuch für Volkswirtschaft „Zur Schulsparkassen „Frage“, „Statistische Publicationen des Königreiches Italien im Jahre 1878“ и „Die Syndicatskammern der französischen Arbeitgeber und Arbeitnehmer“, и въ Hildebrand und Conrad Jahrbücher für Nationalöconomie und Statistik „Die Ansendung der Zählkartenmethode bei der Volkszählung in Elsass-Lothringen, и отдѣльно „Die Eheschliessungen in Elsass - Lothringen“. Ein Beitrag zur vergleichenden Statistik der Eheschliessungen“; Висковатовъ помѣстилъ въ Русской Старинѣ „Варианты къ „Герою нашего времени“ по вновь найденной рукописи поэта“, и печаталъ статью „Воспоминаніе о Лермонтовѣ“; К. Шмидтъ помѣстилъ въ Baltische Monatsschrift статью „Wassergehalt, Aschenrückstand und Heizwerth des Liwaer Maschinentorfs“; „Мяндлингъ напечаталъ: въ Bulletin de l'académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg „Zur Theorie der Curven kürzesten Umrings auf krummen Flächen“ и „Eine Anwendung der Differenzen-Rechnung“, въ Borchardt-Journal für Mathematik „Zur Theorie des Curven kürzesten Umrings auf krummen Flächen bei gegebenem Flächeninhalt“; Гревингъ помѣстилъ нѣсколько статей въ Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher Gesellschaft и напечаталъ отдѣльно „Die Steinschiffe von Musching und die Wellalawe oder Teufelsböte Curlands überhaupt mit 4 Tafeln; eine archäologische Studie“; Руссовъ напечаталъ „Delectus seminum horti Dorpatensis, anno 1878 collectorum Dorpati 1878“. Доценты: Бергомъ помѣстилъ: въ Baltische Monatsschrift „Abwehr gegen ein Wort über die Jurisprudenz“, въ Zarncke-Literarisches Centralblatt нѣсколько рецензій и критикъ; Г. Рейгеръ напечаталъ: въ St.-Petersburger medicinische Wochenschrift „Ueber gewisse Schädlichkeiten in der Luft von Wohnräumen“ и въ Berliner klinische Wochenschrift „Glückliche Heilung von vier als unheilbar anzusehenden Krankheitsfällen“; Бунге помѣстилъ въ Zeitschrift für physiologische Chemie статью „Ueber das Verhalten der Kalisalze im Blute“; Вальтцъ напечаталъ: въ Brieger-Zeitschrift für Kirchengeschichte „Epistolae Reformatorum I“, „Mittheilungen über zwei werthvolle Handschriften der Stadtbibliothek zu Riga“, „Epistolae Reformatorum II“, „Zur Kritik der Lutherlegende“, въ Virchow-Archiv „Ein Holograph des Andreas Vesalius“ въ H. von Sybel-Historische Zeitschrift „Martin Luther“ и „Ein Holograph des Infanten Don Carlos“: фонъ Книримъ помѣстилъ въ Baltische Wochenschrift три статьи: „Werthbestimmung der Futterbestandtheile“,

„Die Kleeseide und ihre Vertilgung“ и „Analysen landschaftlicher Sämereien“. Приватъ-доценты: Иогансонъ напечаталъ статьи: въ Archiv für Pharmacie „Zur Kenntniss einzelner chemischer Bestandtheile der Weiden und deren pathologischer Gebilde und über einige Reactionen mit Gerbstoffen und denen verwandten Körpern“, въ Jahresbericht über die Fortschritte der Pharmacie „Фармацевтический календарь 1877 года, въ Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher Gesellschaft „Conserwirung thierischer Substanzen auf Reisen etc. durch Salzlösungen“ и „Untersuchung des Wassers und Schlammes des Alt-Laitzenschen-See“, Соколовъ помѣстилъ въ Филологическихъ запискахъ статью „О языкѣ и литературѣ Словаковъ“; Дыбовскій напечаталъ „Die Chätetiden der ostbaltischen Silurformation“, Оствальдъ „Volum-chemische und optisch-chemische Studien“, Лагоріо „Die Andesite des Kaukasus“. Астрономъ наблюдатель Баклундъ напечаталъ „Ueber eine Forme in der Störungstheorie“; ученый аптекаръ Мазингъ „Beiträge zum Jahresbericht über die Fortschritte der Pharmacognosie, Pharmacie und Toxicologie“; лекторы: Веcke напечаталъ: въ Verhandlungen des estnischen literarische Vereins „Leben und Character Kaiser Alexander I“ и въ Jahrbuch des estnischen literarischen Vereins „Bericht über die Ergebnisse seiner wissenschaftlichen Reise im Sommer 1878 in's westliche Estland“; Лаутенбахъ напечаталъ „Zur Geschichte der lettischen Grammatik“.

Публичные лекціи въ 1878 году читали: профессоры: Мюлау „Паденіе Іерусалима“, Энгельгардтъ „О древнѣйшей исторіи церкви“, „О борьбѣ религіи съ морализмомъ“, Фолькъ „О воодушевляющей силѣ ислама“, Ленингъ „Папа Піі IX и католическая церковь при его смерти“ и „Бумажныя деньги и денежный долгъ“, Гофманъ „О благовопіи“, Вѣмъ „О вегетаріанизмѣ“, Л. Стида „Антропологическія изслѣдованія въ прибалтійскихъ губерніяхъ“, фонъ-Валь „Сообщенія съ театра войны“, Брикнеръ „Исторія государственнаго хозяйства“ и „Развалины города Болгаръ“, Мейеръ „О названіяхъ божества у семитическихъ, угро-финскихъ и индогерманскихъ народовъ“, Петерсенъ „Миѣ и религія“ и „О раскопкахъ Шемана въ Микенахъ“, Митгофъ „О бумажныхъ деньгахъ“, „Объ общихъ правилахъ налога“ и „О законѣ рабочей платы“, К. Шмидтъ „О красильныхъ веществахъ и о красильномъ искусствѣ“, Артуръ-фонъ-Эттингенъ „Объ общей механикѣ“, Бруннеръ „О сывороточномъ производствѣ“, Руссовъ „О двухъ растеніяхъ, въ первый разъ разцвѣт-

шихъ въ Дерптскомъ ботаническомъ саду“; доцентъ Вальтцъ „О Валленштейнѣ“, лекторъ Веске „О вышедшихъ въ 1877 году въ свѣтъ эстскихъ книгахъ“, „О личномъ мѣстоименіи эстскаго языка“, „О слоги напечатанной въ 1878 году въ Берлинѣ эстской библии“ и „О перемѣнахъ внутри корней эстскихъ словъ“.

Совѣтъ Дерптскаго университета имѣлъ въ 1878 году 12 засѣданій. Утверждены въ степени доктора: магистры: Вильгельмъ Оствальдъ химіи, Владиславъ Дыбовскій минералогіи, лекари: Оскаръ Граубе, Валерьянъ Подвысоцкій, Адамъ Шварцъ, Оттонъ Ланге, Вольдемаръ Ридеръ, Карлъ фонъ-Лютцау и Юлій Пульсъ медицины; въ степени магистра: кандидаты: Бонвештъ и Тилингъ богословія, Эйхельманъ государственнаго и международнаго права, Луніакъ древне-классической филологіи, Стида географіи, этнографіи и статистики, Лагоріо минералогіи и геогнозіи, провизоры: Мейке, Бирмберъ и Штакманъ фармаціи. Затѣмъ удостоены степени кандидата: по богословскому факультету 5, по юридическому 18, по историко-филологическому 11, по физико-математическому 10, всего 44; званія дѣйствительнаго студента: по богословскому факультету 4, по юридическому 11, по историко-филологическому 4, физико-математическому 7, всего 26. По медицинскому факультету удостоено: степени лекаря 7, уѣзднаго врача 1, акушера 1, инспектора врачебной управы 1, провизора 28, аптекарскаго помощника 60, зубнаго врача 1, повивальной бабки 37. Сверхъ того возведенъ въ званіе почетнаго доктора минералогіи и геогнозіи ординарный академикъ академіи наукъ г. фонъ-Гельмерсенъ. Командированы были за границу съ ученою цѣлію: профессоры: Тейхманъ для окончанія научнаго труда, Фолькъ для принятія участія на международномъ съѣздѣ ориенталистовъ во Флоренціи, и доцентъ Кесслеръ для посѣщенія клиническихъ заведеній въ Германіи, Австріи и Англии.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на 1878-й годъ было ассигновано на содержаніе Дерптскаго университета 236,053 руб. 85 коп., а именно: на личный составъ 145,968 руб., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы 72,885 руб. 85 коп., на стипендіи и пособіе студентамъ 15,200 руб., на награды и пособія 2,000 руб. Специальныя средства находились въ слѣдующемъ положеніи: а) сбора со студентовъ въ пользу университета и за матрикулы къ 1-му января 1878 года оставалось 3,887 руб. 38 коп., въ 1878 году поступило 8,879 руб., въ теченіе года израсходовано 11,000

руб. 66 коп., затѣмъ къ 1879 году въ остаткѣ было 1,765 руб. 72 коп.; б) пожертвованныхъ суммъ отъ 1877 года имѣлось въ остаткѣ 64,296 руб. 18 коп., въ 1878 году поступило 14,202 руб. 59 коп., въ теченіе года израсходовано 13,632 руб. 76 коп., затѣмъ къ 1-му января 1879 года оставалось на лицо 66,760 руб. 1 коп. На счетъ спеціальныхъ средствъ произведены были слѣдующіе расходы: на выдачу единовременныхъ пособій четыремъ служащимъ 1,125 руб., на выдачу наградъ 1,050 руб., на институтъ сравнительной анатоміи 787 руб. 29 коп., въ добавокъ къ суммѣ на бібліотеку по юридическому факультету 583 руб. 66 коп., добавочныхъ на бібліотеку по физико-математическому факультету 488 руб. 48 коп., на бібліотеку медицинскаго факультета 463 руб. 68 коп., на покупку бібліотеки профессора Рейснера 450 руб., двумъ медикамъ для осмотра проституттокъ 450 руб., на квартирныя деньги служащимъ при университетѣ 425 руб., на наемъ помѣщенія для помощника попечителя 200 руб., на доставку труповъ 150 руб., всего 6,173 руб. 11 коп.

Студентовъ къ 1-му января 1878 года оставалось 818; въ теченіе 1878 года поступило 269 (изъ другихъ университетовъ 8, изъ гимназій 184, изъ равнинскихъ училищъ 2, аптекарскихъ помощниковъ 32, вторично поступившихъ 53), въ теченіе года выбыло 215 (до окончанія курса 126, по окончаніи курса 89); затѣмъ къ 1-му января 1879 года состояло на лицо 882, которые распредѣлялись по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на богословскомъ 109, на юридическомъ 161 (изучавшихъ правовѣдѣніе 156, изучавшихъ дипломатію 5), на медицинскомъ 387 (медиковъ 317, фармацевтовъ 70), на историко-филологическомъ 139 (по историко-филологическому отдѣленію 98, по камеральному 41), на физико-математическомъ 86 (по математическому отдѣленію 28, по отдѣленію естественныхъ наукъ 58). Въ числѣ 882 студентовъ были: православныхъ 57, армяно-грегоріанъ 1, римско-католиковъ 63, лютеранъ 709, реформатовъ 21, евресвъ 31; по сословіямъ: сыновей дворянъ и чиновниковъ 398, духовнаго званія 101, почетныхъ гражданъ и купцовъ 100, мѣщанъ и разпочищцевъ 183, крестьянъ 62, иностранныхъ подданныхъ 38; по мѣсту первоначальнаго образованія: гимназистовъ 755, семинаристовъ 6, изъ другихъ учебныхъ заведеній 51, аптекарскихъ помощниковъ 70. Вообще студентовъ въ 1878 году состояло 1,097; число окончившихъ полный курсъ (89) составляетъ 8,1% общаго числа. Постороннихъ слушателей въ 1878 году поступило 27 (вторично поступившихъ 2, изъ дру-

ихъ университетовъ 11, изъ гимназій 12), всѣ они въ теченіе года были изъ университета (до окончанія курса 25, по окончаніи курса 3). Изъ общаго числа студентовъ освобождено было отъ платы 131, то-есть, 11,94% общаго числа. Стипендіями пользовались: казенными 4 студента на сумму 8,174 руб. 98 коп., частными 24 студента на 3,347 руб. 93 коп., всего 58 студентовъ на сумму 11,522 руб. 91 коп. Размѣръ стипендій отъ 60 до 300 руб. включительно, размѣръ единовременныхъ пособій отъ 10 до 30 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Дерптскаго университета находились къ 1-му января 1879 года въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской библиотекѣ числилось: русскихъ и иностранныхъ книгъ 81,315 названій 124,760 томовъ на сумму 349,234 руб., періодическихъ изданій 456 названій 11,560 томовъ на 34,813 руб., рукоисей 726 томовъ и тетрадей на 2,316 руб., картъ, рисунковъ, портретовъ, чертежей и проч. 5,755 экземпляровъ на 8,660 руб., диссертаций 62,975 нумеровъ на 6,297 руб. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ: книгъ и эстамповъ 1,246 названій 1,400 томовъ, періодическихъ изданій 35 названій 116 томовъ 11 тетрадей, всего на сумму 14,236 руб., древностей, снимковъ, монетъ, медалей и фотографій 15,146 нумеровъ на сумму 23,859 руб. Въ математическомъ кабинетѣ: книгъ 33 названій 207 томовъ на 606 руб., періодическихъ изданій 5 сочиненій 107 томовъ на 538 руб., инструментовъ и аппаратовъ 135 нумеровъ на 2,402 руб. Въ физическомъ кабинетѣ: книгъ 61 названіе 125 томовъ на 264 руб., періодическихъ изданій 14 названій 275 томовъ на 585 руб., таблицъ, картъ, инструментовъ и аппаратовъ 770 нумеровъ 949 экземпляровъ на сумму 9,567 руб. Практическими упражненіями въ этомъ кабинетѣ занимались: въ 1-мъ семестрѣ 4 студента, во 2-мъ 11. Въ метеорологической обсерваторіи: книгъ 433 названій 616 томовъ на 648 руб., инструментовъ и аппаратовъ 148 нумеровъ 166 экземпляровъ на 4,562 руб. Практическія упражненія на обсерваторіи не могли быть производимы, за неимѣніемъ удобнаго помѣщенія. Въ химическомъ кабинетѣ: книгъ 107 названій въ 186 нумерахъ 178 томовъ на 956 руб., періодическихъ изданій 13 названій въ 72 нумерахъ 391 томъ на 1,237 руб., инструментовъ, аппаратовъ, мебели и пр. 792 нумера 860 экземпляровъ на сумму 15,090 руб. Практическими работами и аналитическими изслѣдованіями занимались: въ 1-мъ полугодіи 19, во 2-мъ 28 студентовъ. Въ минералогическомъ кабинетѣ: книгъ 580 названій 692 тома на

1,235 руб., періодическихъ изданій 68 названій 407 томовъ на 8 руб., минераловъ, горныхъ породъ, окаменѣлостей и разной недрожимости 37,145 номеровъ 37,702 экземпляра на сумму 25,304 руб. Практическими упражненіями, въ особенности упражненіями въ орудѣленіи и изслѣдованіи минераловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей занимались 30 студентовъ. Въ зоологическомъ музеѣ: книгъ 1 названій 174 тома на 498 руб., періодическихъ изданій 2 названій 108 томовъ на 139 руб., коллекцій животныхъ, яицъ, гнѣздъ, рисунковъ, моделей и другихъ принадлежностей 16,688 номеровъ 16,702 экземпляровъ на сумму 15,144 руб. Изъ прибрѣтеній заслуживаютъ особеннаго вниманія рядъ трохилидовъ изъ южной Америки и рифы острововъ южнаго моря. Въ ботаническомъ кабинетѣ ботаническомъ саду: книгъ 308 названій 479 томовъ на 471 руб. періодическихъ изданій 8 названій 96 томовъ на 460 руб., оранжерейныхъ и плодоносныхъ растений, деревьевъ, кустовъ, кустарниковъ и травъ 5,199 номеровъ 7,997 экземпляровъ на сумму 6,211 руб. коллекцій гипсовыхъ, восковыхъ и т. п. моделей, плодовъ, деревьевъ и лѣсныхъ продуктовъ, препаратовъ 1,655 номеровъ 2,004 экземпляра на 411 руб., сушеныхъ растений, рисунковъ, картъ, инструментовъ и аппаратовъ 27,368 номеровъ 151,081 экземпляръ на 4,706 руб. Лекціи общей ботаники посѣщали 96 студентовъ, медицинской и фармацевтической ботаники 53, а въ практическихъ упражненіяхъ посредствомъ микроскопа участвовали 12 студентовъ. Въ экономическомъ и технологическомъ кабинетѣ и лабораторіи для сельско-хозяйственной химіи: книгъ 160 названій 286 томовъ, періодическихъ изданій 14 названій 381 томъ, всего на 2,001 руб., препаратовъ, инструментовъ, аппаратовъ и моделей 1,188 номеровъ 1,193 экземпляра на сумму 7,112 руб. Работами по химіи занимались: въ 1-мъ полугодіи 3, во 2-мъ 5 студентовъ. Подъ спеціальнымъ руководствомъ доцента фонъ-Книрима въ сѣмянной контрольной станціи изслѣдовано и опубликовано значительное число сельско-хозяйственныхъ сѣмянъ и лѣсныхъ посѣвовъ. Въ астрономической обсерваторіи: книгъ 1,012 названій 1,376 томовъ на 2,363 руб., періодическихъ изданій 89 названій 81 томъ, картъ, атласовъ и эстамповъ 47 номеровъ 48 экземпляровъ всего на сумму 8,529 руб., аппаратовъ и инструментовъ 161 номеръ 175 томовъ на сумму 31,508 руб. Изъ прибрѣтенныхъ предметовъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: лунныя карты Лормана и Ю. Шмидта, аппаратъ для регистрированія астрономическихъ наблюденій.

Фуса въ Берлинѣ и новый аппаратъ для опредѣленія оси боль-
о пассажнаго инструмента. Въ практическихъ упражненіяхъ при-
али участіе 4 студента. Въ фармацевтическомъ институтѣ: книгъ
названія 88 томовъ, періодическихъ изданій 14 названій 301
ь, всего на 1,251 руб., аппаратовъ, инструментовъ, препаратовъ,
енцій, москотильныхъ товаровъ, сосудовъ, коллекцій смоль и
ч. 7,695 номеровъ 31,389 экземпляровъ на сумму 18,528 руб.
практическихъ работахъ и упражненіяхъ по химіи участвовали:
1-мъ семестрѣ 80, во 2-мъ 77 студентовъ. Болѣе обширными на-
ыми работами занимались 14 лицъ; изъ числа ихъ трудовъ, кромѣ
колькихъ диссертаций, напечатаны слѣдующіе: Э. Гирсона „Bei-
e zur Chemie der Gummiharze, Harze und Balsame“, Э. Кейсле-
„Untersuchung der chrysophansäureartigen Substanz der Sennesblät-
und des Cathartomanits“, В. Шварца „Beiträge zum forensisch-
nischen Nachweis von Blut in Flüssigkeiten, Zeug, Erdmischun-
“. Въ анатомическомъ институтѣ: книгъ 263 названія 267 томовъ
1,378 руб., періодическихъ изданій 6 названій 26 томовъ на 213
., рисунковъ, препаратовъ, инструментовъ, аппаратовъ и мебели
номеръ 823 экземпляра на сумму 6,085 руб. Въ институтѣ до-
мено 60 труповъ, изъ коихъ 48 употреблено по части анатоміи,
2 по части хирургіи. Исслѣдованіями труповъ занимались въ обо-
семестрахъ по 60 студентовъ. Въ институтѣ сравнительной ана-
и: книгъ 379 названій 423 тома на 857 руб., періодическихъ из-
ій 8 названій 125 томовъ на 398 руб., инструментовъ, аппаратовъ,
ли и препаратовъ 2,475 номеровъ 2,524 экземпляровъ на сумму
196 руб. Изъ вновь приобретенныхъ предметовъ заслуживаютъ
блпнаго вниманія: большой видоизмѣненный микротомъ Ривета,
золотый черепъ камелопарда-жирафа, 10 череповъ лоси и ске-
ь туловища и конечностей индійскаго носорога. Практическими
ажненіями и исслѣдованіями занимались: въ первомъ семестрѣ 12,
второмъ 14 студентовъ. Въ физиологическомъ институтѣ: книгъ
15 названій 174 тома на 434 руб., періодическихъ изданій 15 на-
аній 136 томовъ на 575 руб., картъ, рисунковъ, аппаратовъ, ин-
рументовъ и препаратовъ 329 номеровъ 338 экземпляровъ на сумму
517 руб. Изъ приобретенной заслуживаетъ вниманіе двупоршневыи
душный насосъ. Научными исслѣдованіями занимался одинъ сту-
нтъ. Въ патологическомъ институтѣ: книгъ 128 названій 162 тома
326 руб., періодическихъ изданій 3 названія 29 томовъ на 152

руб., препаратовъ и инструментовъ 1,879 номеровъ 1,884 экземпляровъ на 4,483 руб. Специальными изслѣдованіями объ опухоляхъ о переносовъ занимался одинъ студентъ и результатъ этой работы в шелъ въ свѣтъ. Въ фармакологическомъ институтѣ: книгъ 17 названій 23 тома на 184 руб., періодическихъ изданій 5 названій 46 томовъ на 200 руб., москотильныхъ товаровъ, препаратовъ, аппаратовъ инструментовъ и мебели 1,220 номеровъ на 4,354 руб. Изслѣдованіями о бромистой камфорѣ и о дѣйствии соединеній ціана занимались два лица и результаты ихъ работъ явились въ свѣтъ. Въ совѣльномъ заведеніи: книгъ и періодическихъ изданій 44 названія 40 томовъ 162 тетради на 356 руб., картинъ, рисунковъ, эстамповъ литографій, фотографій и утвари 4,044 экземпляра на 3,931 руб. Въ центральномъ музеѣ отечественныхъ древностей: книгъ и періодическихъ изданій 444 названія 502 тома, картъ, эстамповъ, рисунковъ и древностей 3,033 номера, всего въ кабинетѣ на сумму 8,870 руб. Въ собраніи предметовъ по библейской и церковной археологической книгъ и періодическихъ изданій 104 названія 142 тома, фотографій древне-церковныхъ глиняныхъ лампадъ и мебели 1,184 номера 7 экземпляровъ, всего въ собраніи на 640 руб. Въ клиникахъ: а) въ медицинско-хирургической: книгъ 654 названія 786 томовъ на 2,111 руб., періодическихъ изданій 3 названія 64 тома на 434 руб., аппаратовъ 35 номеровъ на 1,343 руб. Больныхъ въ клиникѣ къ 1-му января 1878 года состояло 7, въ теченіе 1878 года поступило 260, въ теченіе года выздоровѣло 107, получили облегченіе и оказалось неизлечимыми: 108, умерло 48, къ 1879 году осталось на излеченіи 4; б) хирургической: книгъ 741 названія 263 тома на 1,126 руб., періодическихъ изданій 21 названія 77 томовъ на 636 руб., фотографій 220 листовъ на 228 руб., аппаратовъ, инструментовъ и препаратовъ 1,213 номеровъ на 3,730 руб.; больныхъ къ 1-му января 1878 года состояло 25, въ теченіе 1878 года поступило 402, въ теченіе года выздоровѣло 144, получили облегченіе и оказались неизлечимыми 233, умерло 21, къ 1879 году оставалось въ клиникѣ 29; болѣе важныхъ операцій сдѣлано было 72; в) офтальмологической: книгъ и періодическихъ изданій 547 названій 786 томовъ на 1,615 руб., инструментовъ, аппаратовъ и препаратовъ 449 экземпляровъ на 1,979 руб. Больныхъ отъ 1877 года оставалось 1, въ 1878 году принято 190 изъ нихъ выздоровѣло 53, получили облегченіе и признаны неизлечимыми 135, умерло 1, къ 1-му января 1879 года было 2; г) въ

акушерской и женской: книгъ и періодическихъ изданій 958 названій 1,327 томовъ на 2,536 руб., аппаратовъ, инструментовъ и препаратовъ 587 номеровъ на 2,008 руб.; больныхъ къ 1878 года состояло 6, въ теченіе года поступило 150, изъ нихъ выздоровѣло 125, получили облегченіе и признаны неизлечимыми 25, умерло 4, къ 1879 году оставалось 2; д) въ университетскомъ отдѣленіи окружной лечебницы: книгъ и атласовъ 5 названій 7 томовъ на 17 руб., картъ и таблицъ 8 листовъ на 12 руб., инструментовъ, аппаратовъ и мебели 98 номеровъ 157 экземпляровъ на 888 руб.; больныхъ въ 1878 году поступило 153, изъ нихъ выздоровѣло 74, получили облегченіе или оказались неизлечимыми 65, умерло 14; судебно-медицинскихъ изслѣдованій произведено 10. Въ отдѣленіи терапевтической клиники для умалишенныхъ и страдающихъ нервами больныхъ отъ 1877 года оставалось 6, въ теченіе 1878 года поступило 11, изъ нихъ выздоровѣло 3, получили облегченіе и оказались неизлечимыми 4, затѣмъ въ 1879 году состояло больныхъ 10.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Краткосрочные педагогическіе курсы для начальныхъ народныхъ учителей, бывшіе въ г. Лубно, Полтавской губерніи съ 15-го іюля по 15-е августа 1878 года.

Въ курсахъ принимали участіе 14 учителей и 4 учительницы 18-ти училищъ Хорольскаго, Лубенскаго и Золотоношскаго уѣздовъ, въ томъ числѣ: Хорольскаго уѣзда — 5 учителей и 4 учительницы, Лубенскаго — 2 учителя, Золотоношскаго — 7 учителей. Изъ числа учителей 8 получили образованіе въ уѣздныхъ училищахъ, 2 — въ духовныхъ училищахъ, 4 — въ духовныхъ семинаріяхъ, изъ нихъ 2 не окончившихъ полного курса; изъ учительницъ: 2 — окончили курсъ въ спархіяльномъ женскомъ училищѣ, другія двѣ — обучались въ частныхъ пансіонахъ. За курсами наблюдалъ инспекторъ народныхъ училищъ Полтавской губерніи 3-го района Н. Охрицкій.

На основаніи заявленій инспектора и тѣхъ свѣдѣній о нуждахъ учителей и учительницъ, какія они высказали въ своихъ описаніяхъ внутренняго и вѣшняго состоянія школъ и въ бесѣдахъ съ руково-

дителемъ, составлена была программа курсовъ, выполненіе которой представляется въ слѣдующемъ видѣ: Наличный составъ учащихся по степени подготовки былъ раздѣленъ на три группы; старшая состояла изъ 8-ми учениковъ, средняя—изъ 18-ти, младшая—изъ 8-ми. Испытаніе производилъ руководитель, съ участіемъ учителей и учительницъ, которые потомъ, на основаніи письменныхъ замѣтокъ, распредѣляли учащихся по группамъ. При этомъ учителя и учительницы ознакомились какъ съ формою и постановкою экзаменныхъ вопросовъ, такъ и съ основаніями опредѣленія степени развитія учащихся, и размѣщеніемъ учениковъ въ классѣ, выяснены основанія приспособленія классной обстановки къ ихъ потребностямъ. Для чтенія избраны были: въ старшей группѣ „Книга для первоначальнаго чтенія“ Водовозова, въ средней „Родное Слово“, г. 2-й, въ младшей „Родное Слово“, г. 1-й. Въ продолженіе первыхъ четырехъ учебныхъ дней практическіе уроки въ примѣрной школѣ давалъ руководитель. Уроки въ старшей группѣ представили образцы объяснительнаго чтенія статей дѣловаго и бытоваго содержанія, въ тѣхъ особенностяхъ, какія требуются степенью развитія группы. Уроками въ средней группѣ, въ которой вначалѣ книгою для чтенія служило „Родное Слово“ годъ 1-й, представлены были примѣры объяснительнаго чтенія словъ и распредѣленія обозначаемыхъ ими предметовъ по разрядамъ, на основаніи тѣхъ признаковъ, которые наиболѣе понятны дѣтамъ перваго школьнаго возраста, признаковъ отношенія предмета къ человѣку. Въ дальнѣйшихъ урокахъ по книгѣ „Родное Слово“, годъ 2-й, показаны были образцы объяснительнаго чтенія статей бытоваго и дѣловаго содержанія въ тѣхъ особенностяхъ, какія указываются принословленіемъ къ степени развитія учениковъ средней группы: объемъ и характеръ предварительной, подготовляющей къ чтенію, бесѣды, чтеніе статьи по частямъ съ логическимъ и вещественнымъ разборомъ, общая катехизація и пересказъ статьи по частямъ и всей цѣликомъ. Уроки объяснительнаго чтенія и въ этой группѣ, подобно старшей, дополнялись соотвѣтствующими развитію учениковъ устными и письменными упражненіями. Уроками въ младшей группѣ даны образцы бесѣды о классной обстановкѣ въ связи съ черченіемъ, подготовляющихъ дѣтей къ обученію грамотѣ и письму, а также и тѣхъ упражненій, изъ которыхъ, по требованію сущности звуковаго способа, слагается обученіе грамотѣ совмѣстно съ письмомъ, и дополняющимъ ихъ упражненіемъ—черченіемъ. Занималась одновременно съ тремя

группами, руководитель пользовался всѣми способами распредѣленія учебнаго времени между группами.

Въ продолженіе остальнаго времени занятій на курсахъ, за небольшими исключеніями, давали уроки учителя и учительницы. Первые уроки вышали на долю учителей болѣе подготовленныхъ къ дѣлу обученія, за ними слѣдовали остальные, по желанію. Руководствуясь уроками руководителя и тѣми указаніями, которыя онъ дѣлалъ при разборѣ своихъ уроковъ и значущихся въ программѣ руководствъ, учителя и учительницы вырабатывали планы для своихъ уроковъ. Въ началѣ послѣобѣденныхъ занятій планы эти подвергались общему обсужденію; составитель измѣнялъ ихъ по сдѣланнымъ замѣчаніямъ; на слѣдующій день обсуждалось самое выполненіе плана вмѣстѣ съ приѣмами. Къ обсужденію плановъ уроковъ, а также и самихъ уроковъ по возможности привлекались всѣ участвовавшіе въ занятіяхъ учителя и учительницы, и съ этою цѣлію имъ предложено было вести письменныя замѣтки о достоинствахъ и недостаткахъ уроковъ въ приѣрной школѣ. Для придачіи большей отчетливости дѣлу обсужденія уроковъ, руководитель вмѣстѣ съ учителями и учительницами вырабатывалъ планъ для него. По требованію этого плана, каждый урокъ разбирался со стороны подбора матеріала, разработки его въ частяхъ и цѣломъ путемъ логическаго и вещественнаго разбора, достоинствъ общей катехизаціи, когда она была необходима, сжатаго или подробнаго, связнаго, и яснаго пересказа, а также и тѣхъ устныхъ и письменныхъ упражненій, которыми сопровождается и дополняется объяснительное чтеніе статьи. Къ внѣшнимъ сторонамъ разбираемаго урока по этому плану отнесено было распредѣленіе учебнаго времени между тремя группами, степень живости работы учениковъ и учителя, языкъ послѣдняго и отношеніе къ ученикамъ.

Предметами уроковъ объяснительнаго чтенія, данныхъ въ приѣрной школѣ учителями и учительницами, были всѣ виды статей бытоваго и дѣловаго содержанія: дѣловыхъ, начиная отъ названія предметовъ и классификаціи ихъ по группамъ и кончая статьями научно-популярнаго содержанія, бытовыхъ, начиная съ разказовъ, рисующихъ сцены изъ жизни дѣтей и кончая статьями, изображающими общественную жизнь людей. Изъ упражненій, дополняющихъ объяснительное чтеніе, особенное вниманіе было обращено на письменныя работы и самостоятельное чтеніе. Предметныхъ бесѣдъ и бесѣдъ по картинамъ, по недостатку средствъ и времени, было не-
часть ссш, отд. 4. 6

много. Бесѣды втораго вида велись по картинамъ, приложеннымъ къ Родному Слову (годъ 2-й). Младшая группа изъ данныхъ ей уроковъ научилась чертить линіи разныхъ положеній, простѣйшія фигуры—уголъ, треугольникъ, а также очертанія предметовъ—окно, ось и т. п., читать и писать слова, какія можно составить изъ звуковъ: а, и, с, т, р, е, у, л, н, к.

Занятіями по ариметикѣ во всѣхъ трехъ группахъ руководитель представилъ образцы производства всѣхъ дѣйствій надъ цѣлыми простыми и именованными числами въ предѣлахъ сотни, и надъ долями въ предѣлахъ 20-ти. Каждое число первоначально изучалось наглядно, затѣмъ въ отвлеченномъ видѣ, и наконецъ со стороны приложенія къ практическимъ случаямъ жизни. Впрочемъ, постепенный переходъ отъ одного числа къ другому наблюдался только въ предѣлахъ 20-ти, затѣмъ числа изучались въ разбивку. Для нагляднаго понятія о всемъ курсѣ преподаванія ариметики, руководитель въ младшей группѣ занимался изустнымъ нагляднымъ счетомъ и приученіемъ дѣтей дѣлить предметы на разные равныя части, въ средней—изученіемъ цѣлаго и дробнаго числа въ предѣлахъ 10-ти, а въ старшей до 20-ти и далѣе. Задачи рѣшались устно и письменно, но всякій разъ по опредѣленному плану, установленному на основаніи соответствія между числами и предметами: сначала ученики отвѣчали устно, а потомъ письменно въ цифрахъ и ариметическихъ знакахъ. Задачи давались на однородныя и составныя именованныя числа, на отысканіе частей по данному цѣлому, и обратно.

По образцу уроковъ руководителя давали уроки учителя и учительницы, но на другія числа. Для предохраненія дѣтей отъ механическаго рѣшенія задачъ, послѣдніе не всегда приурочивались къ изучаемому числу, а относились ко всѣмъ пройденнымъ числамъ, что было полезно и въ томъ отношеніи, что на рѣшеніи повторялся весь пройденный курсъ. Въ началѣ вечернихъ занятій уроки по ариметикѣ, на ряду съ уроками по русскому языку, разбирались по заранѣе выработанному для этого плану; для cadaго слѣдующаго урока учителя и учительницы приготавливали планы, которые обсуждались тоже на вечернихъ занятіяхъ послѣ разбора данныхъ въ этотъ день уроковъ.

Первымъ вопросомъ изъ теоретической части программы былъ вопросъ объ основаніяхъ дѣленія учащихся на группы и примѣненіи этихъ основаній къ современнымъ условіямъ народнои школы, когда

разновременность поступленія учениковъ въ школу и неаккуратность посѣщенія ими уроковъ дѣлають раздѣленіе на три группы затруднительнымъ, а большее количество группъ ставить въ большое затрудненіе учителя, дѣлая почти невозможнымъ самыя занятія. На практикѣ изъ этого затрудненія учителя, по ихъ собственному сознаванію, выходятъ такимъ образомъ: допуская распадёніе школы на четыре и больше группъ, они преимущественно занимаются съ послѣднею изъ нихъ, то-есть съ выпускными, а остальныхъ въ большинствѣ случаевъ предоставляютъ самимъ себѣ. Такой выходъ признанъ былъ въ общей о семъ бесѣдѣ ненормальнымъ, и указана была возможность не допускать болѣе трехъ группъ, именно путемъ нравственнаго воздѣйствія устранить разновременность поступленія въ школу и неаккуратныя посѣщенія, а поступающихъ въ школу въ первые сроки подольше упражнять въ занятіяхъ, подготавливающихъ къ обученію грамотѣ и письму.

Теоретическія основанія обученія въ народной школѣ въ связи съ приѣмами изложены были въ формѣ выводовъ изъ разбора болѣе извѣстныхъ руководствъ. Такъ, сущность звуковаго способа обученія грамотѣ и приѣмы выяснены посредствомъ разбора руководствъ Ушинскаго, Корфа и Бунакова. Руководства эти, особенно первые два, извѣстны были учителямъ и учительницамъ, которые пользовались ими въ своей учебной практикѣ; между тѣмъ изъ бесѣдъ съ руководителемъ оказалось, что сущность звуковаго способа и особенности раскрытія ея въ названныхъ руководствахъ далеко не всѣми была понята и примѣнена къ дѣлу. Разбирая каждое изъ поименованныхъ трехъ руководствъ и сравнивая ихъ между собою, учителя и учительницы, при помощи руководителя, выработали слѣдующій планъ обученія грамотѣ и письму. Къ обученію въ собственномъ смыслѣ этого слова ученики подготавливаются предварительными бесѣдами о классной обстановкѣ, цѣль которыхъ воспитательно-образовательная: онѣ должны передать ученикамъ всѣ знанія, необходимыя для обученія грамотѣ и письму, приучить ихъ различать знакомые предметы по назначенію, по величинѣ, по формѣ, по положенію, по матеріалу, если предметъ искусственный, упражнять ихъ языкъ, приучить слушать учителя и слѣдить за его дѣйствіями. Съ бесѣдами о предметахъ классной обстановки тѣсно связаны упражненія въ черченіи линій. Самое обученіе грамотѣ въ связи съ письмомъ и черченіемъ представляетъ рядъ слѣдующихъ упражненій: а) краткая, но связанная и послѣдовательная

бесѣда о предметѣ, названіе котораго избирается для разложенія на составные элементы; б) бесѣда о самомъ названіи, выдѣленіе звуковъ, отнсканіе послѣдовательной связи между ними и обратное соединеніе ихъ въ слово; в) писаніе буквъ изъ прежде-разученныхъ элементовъ, письмо и чтеніе слоговъ, цѣлыхъ словъ и фразъ, какія только можно составить изъ разученнаго количества звуковъ, не выходя, конечно, изъ предѣловъ пониманія ученика; г) составленіе словъ и фразъ изъ подвижныхъ буквъ, что, впрочемъ, не составляетъ необходимаго вида занятій на каждомъ урокѣ, а рекомендовано какъ необходимая ступень при переходѣ къ чтенію книги; надлежащее же мѣсто и время этого упражненія—послѣ изученія учениками половины, или всей азбуки.

Переходъ къ чтенію книгъ опредѣленъ не временемъ, затраченнымъ на изученіе азбуки, а успѣхомъ учениковъ—умѣніемъ хотя не бѣгло, но правильно читать и писать слова и фразы, доступныя ихъ пониманію. Посредствомъ разбора книгъ для класснаго чтенія выяснены были основанія и приемы дальнѣйшаго обученія русскому языку въ народной школѣ. Первые бесѣды руководителя по этому отдѣлу занятій посвящены были рѣшенію общихъ вопросовъ, каковы, на-примѣръ, вопросы о достоинствахъ чтенія вообще, о сущности объяснительнаго чтенія и его цѣляхъ, о достоинствахъ книги для класснаго чтенія, о матеріалѣ для объяснительнаго чтенія. Съ достоинствами чтенія вообще учителя и учительницы оказались знакомыми; оставалось выработать приемы, способствующіе развитію правильности, бѣглости, выразительности и сознательности чтенія. Основнымъ приемомъ для достиженія первыхъ трехъ достоинствъ признано повторительное чтеніе одного и того же текста, но съ различными цѣлями. Практическое примѣненіе этого приема сдѣлано на урокахъ во второй группѣ по I части книги „Родное Слово“. Сознательность чтенія достигается объяснительнымъ чтеніемъ, подъ которымъ обыкновенно разумѣютъ чтеніе, предваряемое и сопровождаемое объясненіями учителя и его бесѣдой съ учениками. Цѣли объяснительнаго чтенія выведены были изъ понятія о задачѣ народной школы. Всѣми признано, что школа не должна ограничиваться передачею своимъ ученикамъ умѣнья читать и писать; виды ея простираются гораздо дальше: она обязана сообщить имъ первоначальныя, самыя необходимыя знанія съ одной стороны о предметахъ и явленіяхъ природы, а съ другой объ отношеніяхъ людей между собой. Тѣ и другія свѣдѣнія крайне

необходимы для ученика народной школы: первая даютъ ему возможность правильно и ясно смотрѣть на мiръ Божій, а вторая, разъясняя его отношенія къ людямъ, помогаютъ ему выработать тѣ нравственныя правила, которыми онъ долженъ руководствоваться въ жизни. Съ этими двумя цѣлями неразрывно связана третья, важнѣйшая цѣль народной школы — обученіе языку какъ со стороны практической, такъ и со стороны теоретической. Устаповленные такимъ образомъ цѣли объяснительнаго чтенія естественно вызвали вопросъ о достоинствахъ книги для класснаго чтенія. Бесѣды по этому вопросу привели къ слѣдующимъ выводамъ: книга для чтенія должна заключать въ себѣ въ достаточномъ количествѣ весь тотъ матеріалъ, изъ котораго дѣти, при помощи объяснительнаго чтенія, должны добыть первоначальныя, самыя необходимыя свѣдѣнія о природѣ видимой и природѣ духовной, о внутреннемъ мiрѣ чловѣка, выражающемся въ мысляхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ, и научиться языку. По объему, изложенію и характеру знаній, статьи, помѣщенныя въ книгѣ для чтенія, должны быть строго соображены съ возрастомъ и пониманіемъ учащихся. Помимо образовательнаго вліянія, книга для чтенія должна быть богата и образовательными элементами: поселяя въ дѣтяхъ отвращеніе къ порокамъ и недостаткамъ, развивать въ нихъ добрыя чувства, впечатлительность ко всему высокому и благородному. Весь учебный матеріалъ, заключающійся въ книгѣ для чтенія, долженъ быть расположенъ такъ, чтобы самымъ распредѣленіемъ своимъ могъ поддерживать въ учащемся живость и бодрость. Лучшею системою съ этой точки зрѣнія признается система концентрическая. Наконецъ, въ книгѣ для чтенія должно быть достаточно матеріала для устныхъ и письменныхъ самостоятельныхъ работъ учениковъ.

Бесѣды о достоинствахъ книги для класснаго чтенія послужили поводомъ къ болѣе тѣсному разграниченію видовъ матеріала для объяснительнаго чтенія, который раздѣленъ былъ на статьи дѣловыя, описывающія предметы и явленія природы; бытовыя, рисующія жизнь и характеръ людей, и наконецъ статьи собственно для изученія языка. Для сообщенія большей наглядности тѣмъ признакамъ, на основаніи которыхъ весь матеріалъ для объяснительнаго чтенія дѣлится на поименованныя три разряда, по нимъ раздѣлены были статьи книги „Родное Слово“ Ушинскаго и нѣкоторые отдѣлы книги Водовозова „Книга для первоначальнаго чтенія“. Остальныя бесѣды по вопросу о матеріалѣ для объяснительнаго чтенія посвящены были

объясненію воспитательно-образовательнаго значенія каждаго разряда статей. Это послѣднее по отношенію къ дѣловымъ статьямъ не ограничено тѣмъ, что онѣ сообщаютъ ученикамъ необходимыя свѣдѣнія о предметахъ и явленіяхъ природы: оно выяснено было согласно со взглядомъ Ушинскаго; самая бесѣда закончена была словами Ушинскаго изъ его книги для учащихся. Еще съ большою подробностію раскрыто было воспитательно-образовательное значеніе статей втораго разряда—бытовыхъ. По разнообразію воспитательно-образовательныхъ элементовъ ихъ труднѣе подвести подъ одну категорію, сравнительно съ статьями дѣловыми. Поэтому оказалось необходимымъ нѣкоторые виды ихъ, наиримѣръ сказки, пѣсни и друг. подвергнуть особому анализу со стороны воспитательно-образовательнаго значенія. Кроме того, въ бытовыхъ статьяхъ воспитательный элементъ преобладаетъ надъ образовательнымъ, сравнительно съ статьями дѣловыми. Значеніе третьяго разряда статей, назначенныхъ собственно для изученія языка, поставлено было въ зависимость отъ первыхъ двухъ разрядовъ, такъ какъ матеріаломъ для изученія языка, какъ со стороны грамматической, такъ и со стороны развитія дара слова дѣтей, можетъ и должна служить каждая статья дѣловаго или бытоваго содержанія.

Бесѣды о самомъ объяснительномъ чтеніи, сообразно сущности матеріала для него, распались на три вида: бесѣды объ объяснительномъ чтеніи дѣловыхъ статей, бытовыхъ и на бесѣды объ упражненіяхъ, дополняющихъ и сопровождающихъ чтеніе. Объяснительное чтеніе дѣловыхъ статей слагается изъ слѣдующихъ частей: бесѣды подготовляющей къ чтенію, самаго чтенія, устнаго пересказа прочитанной статьи и письменной работы. Смотря по объему, формѣ, содержанію статьи и степени развитія учащихся, указанныя части пополняются другими упражненіями или сокращаются. Такъ, первая часть становится излишнею, если избранная статья и по формѣ и по содержанію вполне доступна учащемуся; наоборотъ, остальные части пополняются другими занятіями, наиримѣръ сравненіемъ описаннаго предмета съ дѣйствительнымъ; сравненіемъ прочитанной статьи по формѣ и содержанію съ другими статьями, въ какомъ нибудь отношеніи близкими къ первой. Что касается объема и характера указанныхъ частей объяснительнаго чтенія, то и они не остаются постоянно одинаковыми, а измѣняются, приспособляясь къ пониманію и степени развитія учащихся. При разборѣ практическихъ

уроковъ объяснительнаго чтенія въ первыхъ двухъ группахъ, учителя и учительницы познакомились съ основными приѣмами чтенія съ логическимъ и вещественнымъ разборомъ прочитаннаго текста, съ правилами общей катехизаціи, съ разными видами связнаго и послѣдовательнаго пересказа по заранѣ установленному плану. Объяснительное чтеніе статей бытоваго содержанія рекомендовано было вести въ томъ же порядкѣ и по тѣмъ же правиламъ, какъ и чтеніе дѣловыхъ статей. Допущены были лишь частныя отступленія, требуемыя особымъ характеромъ бытовыхъ статей: такъ, вмѣсто предварительныхъ наглядныхъ бесѣдъ, съ которыхъ начинается чтеніе дѣловыхъ статей, велись бесѣды по картинкамъ, если ими снабжены избранныя статьи; взаимъ вещественнаго разбора дано преобладаніе особому виду его, такъ называемому смысловому разбору, при чемъ уяснены были и особенности его. Болѣе частные приѣмы объяснительнаго чтенія различныхъ видовъ статей бытоваго содержанія выработаны при разборѣ уроковъ. Къ упражненіямъ, дополняющимъ объяснительное чтеніе, отнесены были: наглядныя бесѣды, бесѣды по картинкамъ, бесѣды по поводу прочитаннаго, съ цѣлію разрозпеннаго знанія принести въ систему, и разнаго рода письменныя работы учениковъ. Въ бесѣдахъ этого отдѣла упражненій, при изученіи роднаго языка, руководитель обращалъ особое вниманіе на установленіе порядка, которому должны подчиняться отдѣльныя части этихъ занятій, правилъ и связи съ чтеніемъ, причѣмъ показано было различіе между наглядностью непосредственною и наглядностью умозрительною. Свѣдѣнія по русскому языку, необходимыя для самихъ учителей и учительницъ, передавались постепенно, при разборѣ практическихъ уроковъ, плановъ для уроковъ и письменныхъ конспектовъ, которые учителя и учительницы составляли послѣ бесѣдъ съ руководителемъ, излагая въ нихъ въ самомъ сжатомъ видѣ добытые результаты.

Способъ и приѣмы обученія ариметикѣ выяснены посредствомъ разбора руководства Грубе въ передѣлкѣ Паульсона и наглядной ариметики Нагорскаго. Въ первой бесѣдѣ по ариметикѣ руководитель, вмѣстѣ съ учителями и учительницами, выяснилъ воспитательно-образовательное значеніе этого предмета, на основаніи котораго затѣмъ былъ опредѣленъ предѣлъ числа, доступнаго дѣтскому пониманію, и весь ходъ изученія его. Дѣтское пониманіе количественныхъ отношеній предметовъ, выражаемыхъ числами, не простирается дальше сотни; число сто, поэтому и должно служить крайнимъ предѣломъ,

ограничивающимъ элементарный курсъ ариметики. Въмѣстѣ съ цѣлыми числами должны изучаться и доли. Характеръ изученія какъ цѣлаго числа, такъ и дробнаго—наглядность, такъ какъ отвлеченное число, составляющее собственно предметъ ариметики, превышаетъ пониманіе дѣтей, которымъ понятны количественныя отношенія предметовъ, а не природа отвлеченнаго числа, какъ ихъ выраженія. Къ пониманію послѣдней они должны быть подготовлены основательнымъ и всестороннимъ изученіемъ первыхъ — количественныхъ отношеній предметовъ. Лучшею системою расположенія учебнаго матеріала ариметики признапа система коцентрическал, по которому доступное дѣтскому пониманію число изучается не сразу, а разбивается на три курса, изъ которыхъ каждый, представляя нѣчто самостоятельное, строго соображенное съ силами учащагося, въ то же время подготавливаетъ къ изученію послѣдующаго. Каждый изъ послѣдующихъ курсовъ, представляя болѣе сложный матеріалъ для приложенія знаний, добытыхъ путемъ изученія предыдущаго, тѣмъ самымъ расширяетъ въ учащемся пониманіе природы числа и созваніе необходимости общихъ пріемовъ и правилъ, руководствуясь которыми онъ можетъ справляться съ числами любой величины. Въ первыхъ двухъ курсахъ: отъ 1 до 10 и отъ 10 до 20, каждое число изучается всесторонне со стороны отношенія къ другимъ числамъ и со стороны приложенія къ практическимъ случаямъ; въ послѣднемъ курсѣ отъ 20 до 100 уже нѣтъ надобности изучать каждое число, а достаточно ограничиться изученіемъ нѣсколькихъ чиселъ, обращая преимущественное вниманіе на взаимное отношеніе десятковъ, съ прибавкою единицъ счета перваго порядка. Сто, какъ новая единица счета, конечно, должна быть изучена подробно. Изученіе каждаго числа слагается изъ слѣдующихъ упражненій: образованіе числа, сравненіе изучаемаго числа съ каждымъ изъ предыдущихъ и измѣреніе его послѣднимъ, быстрый счетъ, сочетаніе чиселъ въ разбивку и рѣшеніе задачъ. Упражненія эти располагаются такъ, что предшествовавшее подготавливаетъ къ послѣдующему, а это послѣднее представляетъ выводъ изъ перваго; такъ что надъ числомъ изучаются всѣ четыре дѣйствія, начиная съ основныхъ и переходя къ выводнымъ—умноженію и дѣленію. Сущность послѣднихъ, при такомъ порядкѣ изученія, становится столь понятною для учениковъ, что они производятъ ихъ надъ изучаемымъ числомъ почти безъ всякой помощи и учителя. Дѣйствія производятся сперва надъ числомъ конкретнымъ, затѣмъ отвлечен-

нымъ, и наконецъ надъ простымъ и составнымъ именованнымъ. Практическія задачи рѣшаются на основаніи соотвѣтствія отношеній числа съ отношеніями дѣйствительныхъ предметовъ въ задачѣ, и притомъ непрерывно по заранѣ установленному плану, которому подчиняются отдѣльныя части рѣшенія. Самое попитіе о дѣйствіяхъ и установленіе механическихъ приѣмовъ производства надъ числами всякой величины дастся ученикамъ послѣ изученія ста; къ этому же времени отпесено и ознакомленіе учащихся съ квадратными и кубическими измѣреніями и изученіе дѣйствій надъ ними.

Въ заключеніе отдѣла теоретическихъ занятій выяснено было значеніе школы для крестьянскихъ дѣтей, какъ воспитательно-образовательнаго учрежденія, выработаны основанія внѣшняго и внутренняго устройства ея, сообщены важнѣйшія свѣдѣнія изъ школьной гигиены, представлено значеніе личности учителя въ жизни народной школы и, наконецъ, рекомендованы пособія для самообразованія учителей и учительницъ.

Дѣйствительный уровень общаго и педагогическаго образованія значительнаго большинства собравшихся на съѣздъ учителей и учительницъ оказался непревышающимъ самыхъ снисходительныхъ требованій. Выдающіеся недостатки слѣдующіе: неумѣніе изыскать знанія изъ статей, помѣщенныхъ въ книгахъ для класснаго чтенія, и приводить ихъ въ систему, бѣдность и неправильность въ языкѣ и непослѣдовательность въ мысляхъ, непривычка изъ наблюденій надъ явленіями школьной жизни дѣлать выводы. Первыя письменныя работы, въ которыхъ учителя и учительницы излагали внутреннее состояніе своихъ школъ, почти каждою строчкою своею изобличали указанные недостатки. Дальнѣйшія занятія выяснили и другую сторону факта: всѣ перечисленные недостатки въ общемъ и педагогическомъ образованіи—не слѣдствіе нежеланія учителей и учительницъ учиться и толково учить, а прямой результатъ не удовлетворительной предшествовавшей подготовки. Вниманіе и усердіе, съ которыми почти всѣ они отнеслись къ занятіямъ на съѣздѣ, служатъ подтвержденіемъ только-что высказанной мысли. Несмотря на кратковременность курсовъ, во вторую половину ихъ учителя и учительницы успѣли показать, что они могутъ пополнять пробѣлы въ своемъ общемъ и педагогическомъ образованіи.

Свѣдѣнія о начальныхъ народныхъ училищахъ Владимірской губерніи за 1878 годъ ¹⁾.

Во Владимірской губерніи состояло въ 1-му января 1879 года училищъ: а) городскихъ 43, изъ нихъ мужскихъ 31, женскихъ 12; б) сельскихъ 337, въ томъ числѣ: мужскихъ 324, женскихъ 13, всего 380 училищъ. Сравнительно съ предыдущимъ годомъ число училищъ увеличилось на 11, а съ присоединеніемъ 14-ти сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія и 9-ти училищъ 3-го разряда въ городахъ и трехъ частныхъ учебныхъ заведеній, общее число начальныхъ училищъ составитъ 406.

Число учащихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ городскихъ училищахъ: законоучителей 35, учителей 51, учительницъ 19; въ сельскихъ: законоучителей 282, учителей 289, учительницъ 90. Въ теченіе 1878 года назначено на должности учителей и учительницъ 108, изъ нихъ учителей 69, учительницъ 39; въ этомъ году впервые предположено было на педагогическіе курсы принимать только окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но уже въ октябрѣ оказалось необходимымъ принятіе и неокончившихъ курса сихъ заведеній. Определенные на учительскія должности по полученному ими образованію распредѣляются слѣдующимъ образомъ: а) учителя: окончившихъ курсъ учительской семинаріи 36, окончившихъ курсъ духовной семинаріи 26, имѣющихъ званіе учителя приходскаго училища 3, неимѣющихъ учительскаго званія, выбывшихъ изъ IV класса гимназіи и духовной семинаріи 4; б) учительницы: окончившихъ курсъ учебныхъ заведеній 1-го разряда 8, окончившихъ курсъ женской гимназіи 1, епархіальнаго женскаго училища 16, выдержавшихъ экзаментъ на званіе приходской учительницы 4, окончившихъ курсъ прогимназій или изъ старшихъ классовъ гимназіи 10.

Движеніе учащихся въ училищахъ губерніи представляетъ слѣдующія цифры: а) въ городскихъ училищахъ: къ 1-му января 1878 года состояло на лицо 2,941, въ томъ числѣ: мальчиковъ 2,132, дѣвушекъ 809; изъ нихъ окончило курсъ 257 (мал. 196, дѣв. 61): выбыло до окончанія курса 726 (мал. 532, дѣв. 194), въ томъ числѣ, по распоряженію начальства 35 (мал. 28, дѣв. 7), по желанію роди-

¹⁾ Свѣдѣнія эти доставлены Владимірскимъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ.

телей 691 (мал. 504, дѣв. 187); въ 1878 году вновь поступило 1,112 (мал. 781, дѣв. 331); затѣмъ къ 1-му января 1879 года состояло всего 3,070 (мал. 2,185, дѣв. 885), которые распредѣляются: по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 3,060, евреевъ 7, раскольниковъ 3; б) въ сельскихъ училищахъ: къ 1-му января 1878 года состояло 14,655 (мал. 12,347, дѣв. 2, 308); изъ нихъ окончило курсъ 957 (мал. 832, дѣв. 125); выбыто до окончанія курса 3,357 (мал. 2,648, дѣв. 709), въ томъ числѣ: по распоряженію начальства 50 (мал. 46, дѣв. 4), по желанію родителей 3,307 (мал. 2,602, дѣв. 705); въ теченіе 1878 года вновь поступило 5,431 (мал. 4,616, дѣв. 815): затѣмъ къ 1-му января 1879 года находилось на лицо 15,772 (мал. 13, 487, дѣв. 2,285), которые распредѣляются по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 15,588, евреевъ 5, раскольниковъ 177; по сословіямъ: личныхъ дворянъ 94 (мал. 52, дѣв. 42), духовнаго званія 410 (мал. 272, дѣв. 138), купцовъ 127 (мал. 107, дѣв. 20), мѣщанъ 765 (мал. 698, дѣв. 67), крестьянъ 14,375 (мал. 12,358, дѣв. 2,018). Всего же во Владимірской губерніи къ 1-му января 1879 года состояло учащихся въ городскихъ и сельскихъ училищахъ 18,842, въ томъ числѣ мальчиковъ 15,672, дѣвочекъ 3,170. Они распредѣлены слѣдующимъ образомъ: по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 18,650, евреевъ 12, раскольниковъ 180; по сословіямъ: потомственныхъ дворянъ 38, личныхъ дворянъ 286, духовнаго званія 523, купцовъ 303, мѣщанъ 2,533, крестьянъ 15,159. Число учащихся къ 1-му января 1879 увеличилось противъ 1877 года на 1,246; если же присоединить къ общему числу 3,000 учащихся въ городскихъ и сельскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія составитъ около 22,000 человекъ.

На содержаніе 380 училищъ отпускается въ годъ: отъ казны 5,000 руб., отъ земства 79,712 руб. 2½ коп., отъ городовъ 16,389 руб. 88 коп., отъ сельскихъ обществъ 17,508 руб. 78½ коп., отъ частныхъ лицъ 38,937 руб., всего ассигнуется 157,547 руб. 69 коп. Наибольшая сумма отпускается на училища Покровскаго уѣзда 28,563 руб., наименьшая на училища Меленковскаго уѣзда 5,970 руб. Противъ 1877 года сумма на содержаніе училищъ увеличилась на 8,000 руб., а съ прибавленіемъ 1,000 руб., отпускаемыхъ земствомъ на кандидатовъ на званіе сельскаго учителя, и 3,000 руб. отпущенныхъ на постройку домовъ для двухклассныхъ сельскихъ училищъ, всего ассиг-

новано въ 1878 году 161,547 руб., въ томъ числѣ изъ суммъ земства 81,239 руб.

Книгъ и учебныхъ пособій въ 1878 году приобрѣтено на сумму 8,276 руб., въ томъ числѣ 3,000 руб. Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и болѣе 5,000 руб. земствомъ и частными лицами; къ 1-му января 1879 году, по отчетамъ учителей, книгъ и учебныхъ пособій во всѣхъ училищахъ числилось 111,217 экземпляровъ на сумму 38,474 рубля.

Состояніе училищныхъ помѣщеній представляется въ слѣдующемъ видѣ: 60 училищъ помѣщаются въ собственныхъ домахъ, 148 въ наемныхъ, 73 въ общественныхъ, 23 въ церковныхъ, 76 въ домахъ частныхъ лицъ, 1 въ принадлежащемъ другому заведенію; изъ числа сихъ помѣщеній 75 неудобны. Насмная плата составляетъ сумму 16,287 р.; ремонтъ собственныхъ помѣщеній обходится въ 4,283 р.

Изъ сопоставленія вышеприведенныхъ цифръ оказывается, что средняя стоимость составляетъ: содержаніе каждаго училища 413 р., максимумъ 786 руб., минимумъ 249 руб.; содержаніе каждаго ученика до 8 $\frac{1}{2}$ руб., содержаніе каждаго окончившаго курсъ до 130 руб. въ годъ.

Въ теченіе 1878 года осмотрѣно начальныхъ училищъ: предсѣдателями губернскаго училищнаго совѣта 7, директоромъ народныхъ училищъ 66, тремя инспекторами народныхъ училищъ—406, предсѣдателями уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ 117, членами: отъ дирекціи 34, отъ министерства народнаго просвѣщенія 134, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ 34, отъ земства 116, отъ городовъ 32, такъ что всѣ начальныя училища, состоящія въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, осмотрѣны были въ теченіе года среднимъ числомъ по три раза.

Представляя изложенныя свѣдѣнія, Владимірскій губернской училищный совѣтъ заявляетъ, что дѣло народнаго образованія въ губерніи идетъ впередъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи: число учащихся и число школъ, хотя не быстро, годъ отъ году увеличивается; преподаваніе въ школахъ улучшается; во всѣхъ школахъ усвоены новѣшіе, выработанные наукою приемы преподаванія, которымъ обучаются кандидаты на должности учителей, въ учрежденныхъ для этого во Владимірѣ, при приходскихъ училищахъ, правительственныхъ педагогическихъ курсахъ, уровень требованій отъ окончивающихъ курсъ учениковъ народныхъ школъ поднятъ весьма высоко, такъ что программа, предложенная Министерствомъ Народнаго Про-

свѣщеніи, какъ minimum для экзамена на льготу 4-го разряда по воинской повинности, оставлена далеко позади, и съ свѣдѣніями по этой программѣ ни одинъ изъ учениковъ свидѣтельства не получаетъ. По закону Божію, кромѣ священной исторіи ветхаго и новаго завета, требуется знаніе краткаго катихизиса и богослуженія; по славянскому языку бѣглое, правильное и выразительное чтеніе, съ точнымъ переводомъ на русскій языкъ текста евангелія; по русскому языку, кромѣ совершенно правильнаго, выразительнаго и толковаго чтенія, практическое знаніе грамматики на столько, чтобы ученикъ могъ со смысломъ и безъ грубыхъ орфографическихъ ошибокъ написать разказъ прочитанной незнакомой статьи, составить небольшое описаніе на данную тему, письмо къ роднымъ, мірской приговоръ и т. п.; по арифметикѣ требуется отличное знаніе не только четырехъ первыхъ дѣйствій, но всей вообще первой части и первоначальныхъ дробей, по большинству училищъ успѣваютъ проходить всѣ дѣйствія съ простыми и десятичными дробями; отъ каждаго же ученика требуется рѣшить численно задачу, съ подробнымъ изложеніемъ самаго хода рѣшенія; кромѣ этихъ обязательныхъ свѣдѣній, въ школахъ преподаются элементарныя свѣдѣнія изъ отечествовѣдѣнія и міровѣдѣнія и отъ учениковъ требуется, по крайней мѣрѣ, знакомство съ картою Россіи, главнѣйшими событіями изъ отечественной исторіи и видимыми явленіями природы. Такимъ образомъ подготовленный и выпущенный въ жизнь мальчикъ несомнѣнно будетъ полезенъ въ крестьянской средѣ. Въ нравственномъ отношеніи школы почти безупречны: учащіе отличаются добрымъ поведеніемъ и, по отзывамъ училищныхъ совѣтовъ, занимаются дѣломъ весьма усердно; если же нѣкоторыя отдѣльныя личности составляютъ, хотя весьма рѣдко, исключенія, то такія немедленно, даже въ учебное время, замѣняются другими учителями. Всѣ учащіе въ праздничные дни водятъ учениковъ въ церковь, а въ великій постъ даже по средамъ и пятницамъ читаютъ и поютъ съ шумомъ на клиросѣ и всѣ на первой или послѣдней недѣлѣ говѣютъ вмѣстѣ. Въ школахъ вездѣ преподается пѣніе и кое гдѣ гимнастика; развитію пѣнія, нѣтъ сомнѣнія, много поможетъ назначенный въ недавнее время директоромъ народныхъ училищъ, на данный ему земствомъ средства, учитель хороваго пѣнія, который уже объѣздилъ нѣкоторыя училища Владимірскаго и Покронскаго уѣздовъ, откуда получены весьма благопріятныя свѣдѣнія объ успѣшномъ веденіи дѣла. Надзоръ за училищами установленъ правильный и постоянный; всѣ безъ

исключенія школы ежегодно ревизуются какъ членами дирекціи, такъ и членами и предсѣдателями училищныхъ совѣтовъ; три инспектора съ половины октября до окончанія экзаменовъ постоянно находятся въ разъѣздахъ для осмотра ввѣренныхъ имъ училищъ. Къ нынѣшнему числу инспекторовъ народныхъ училищъ было бы весьма желательно прибавить еще одного инспектора, и тогда, до бѣльшаго развитія училищъ, учебное дѣло и школы въ губерніи были бы вполне обезпечены. Въ заключеніе совѣтъ высказываетъ, что обязанность его въ 1878 году, какъ и въ предыдущихъ годахъ, была легка, потому что совѣту не приходилось разбирать никакихъ споровъ, никакихъ недоразумѣній: какъ училищные совѣты, такъ и дирекція народныхъ училищъ вполне добросовѣстно вели свое дѣло, ставя интересы народнаго образованія въ губерніи выше другихъ интересовъ. Школы народныя Владимірской губерніи поставлены, по возможности, такъ прочно, приобрѣли такое довѣріе общества, что ихъ не пошатнутъ никакія неблагопріятныя обстоятельства.

ОБЪ ОСНОВАХЪ ТЕКСТА АНДОКИДА, ИСЕЯ, ДИНАРХА, АНТИФОНТА И ЛИКУРГА ¹⁾.

Критическій аппаратъ, подлежащій нашему разсмотрѣнiю, не великъ и не обиденъ. Былъ въ немъ и свой порядокъ, благодаря Беккеру, пока не возникло разногласiе по поводу списка Оксфордскаго. Къ сожалѣнiю, списокъ этотъ въ настоящее время содержитъ лишь Динарха, Антифонта и часть рѣчи Ликурга, такъ что Андокидъ и Исей могли остаться и остались вовсе незатронутыми. Вообще, никто не догадался воспользоваться матеріаломъ Беккера для дальнѣйшихъ выводовъ хотя бы въ томъ же направленiи, а этого матеріала, тѣмъ болѣе если прибавить сличенiе Лондонскаго cod. Bigneanus 96, было вполне достаточно.

Если обозрѣть содержанiе перечисленныхъ выше списковъ, не упуская изъ виду порядокъ, въ какомъ неизмѣнно слѣдуютъ одинъ за другимъ ораторы и такъ называемые софисты, естественно придти къ заключенiю, что всѣ наши списки, какъ ни расходятся они въ частностяхъ, ведутъ свой родъ отъ одного родоначальника — сборника, составитель котораго изъ различныхъ источниковъ свелъ и соединилъ воедино малоизвѣстные образцы древняго аеиискаго краснорѣчiя. Въ составъ этого сборника вошли четыре рѣчи Андокида ²⁾, одиннадцать Исея, три Динарха, шесть (=15) рѣчей Антифонта,

---

¹⁾ *Продолжете.* См. *Ж. М. Н. Пр.* Апр. кн. 1879 г.

²⁾ Оставляю въ сторонѣ вопросъ о подлинности или подложности той или другой рѣчи, какъ относительно Андокида, такъ и другихъ авторовъ.

одна рѣчь Ликурга, наконецъ, быть можетъ, также Горгія (2 рѣчи), Алкидамантъ (Ὀδυσσεύς), Лесвонактъ, Иродъ ¹⁾. Таково по крайней мѣрѣ содержаніе двухъ наиболѣе полныхъ списковъ (полныхъ, разумѣется, въ условномъ смыслѣ), cod. Crippsianus (A) и cod. Laurentianus (B). Одной изъ рѣчей Горгія (Ἐλένης ἐγκώμιον) нѣтъ въ кодексахъ: Marcianus (L), Vaticanus 96 (M) и Vratislaviensis (Z). Недостаётъ Антифонта, Горгіевой „Елены“ и Алкидаманта въ Миланскомъ Ambrosianus A 99 (P). Въ другомъ Миланскомъ спискѣ, Ambros. D. 42 (Q) имѣются всего послѣднія двѣ рѣчи Андобида и первыя двѣ Исея. Наконецъ, въ спискѣ Оксфордскомъ (N) содержатся Динархъ, Антифонтъ и часть Ликурга. Неполные списки всѣ, за исключеніемъ развѣ Венеціанскаго I, съ которымъ мы, къ сожалѣнію, недостаточно знакомы, какъ бы замѣнивъ недостающаго, представляютъ кое-что другое, кто чѣмъ богаты: M и Z—Арпократіона, P впереди Арпократіона, а въ концѣ—Лисія, Алкидаманта, Антиссена, Динада, Эсхива; Q, имѣющій всего по двѣ рѣчи Апдокида и Исея, предпосылаетъ отрывки изъ отцевъ церкви (patrum fragmenta), надгробную рѣчь Лисія, Елену Горгія и нѣкоторыя декламациі Аристида и Полемона; въ N прибавлены нѣкоторыя декламациі Ливанія. Всѣ эти прибавленія, отчасти не имѣющія между собою ничего общаго и взятыя, разумѣется, изъ различныхъ источниковъ, не мѣшаютъ предполагать одинъ, общій всѣмъ извѣстнымъ намъ спискамъ, источникъ текста

¹⁾ Горгія, Алкидаманта, Лесвонакта и Ирода я, по мѣрѣ возможности, выдѣлялъ изъ круга изслѣдованія, прежде всего потому, что мнѣ не пришлось слѣдить за codex Crippsianus дальше Ликурга. Отъ этого изслѣдованіе врядъ ли пострадало. Не трудно догадаться, почему я не рѣшаюсь утверждать, что codex archetypus нѣкъ нашихъ списковъ содержалъ и такъ называемыхъ соеистовъ, хотя мнѣ кажется несомнѣннымъ, что и тутъ рукописи сводятся къ одному cod. archetypus. Впрочемъ «Елена» Горгія и «Одиссей» Алкидаманта дошли до насъ еще другимъ путемъ, независимымъ отъ этого кодекса, вслѣдствіе того, что они были включены также въ другой сборникъ, сохранившійся въ группѣ списковъ, конхъ родоначальникъ, извѣстный cod. Palatinus X 88, Лисія, уцѣлѣлъ. Эта группа находится въ чисто внѣшней связи съ тою, которая состоитъ изъ разбираемыхъ мною списковъ. Связь заключается въ томъ, что въ одномъ изъ Миланскихъ списковъ (cod. Ambrosianus A. 99) «Одиссей» Алкидаманта, а въ другомъ «Елена» Горгія принадлежатъ къ другой группѣ, группѣ кодекса Гейдельбергскаго.

Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, если принять во вниманіе, что въ Миланскихъ спискахъ Горгія и Алкидамантъ находятся не на томъ мѣстѣ, которое они занимаютъ въ первой группѣ.

Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга. Въ добавокъ, такое предположеніе вполне подтверждается громаднымъ количествомъ одинаковыхъ ошибокъ и пробѣловъ, не пополняемыхъ ни однимъ изъ сличенныхъ пока списковъ.

Оставляя пока въ сторонѣ списки *NRQ*, которые должны считаться неполными даже въ томъ случаѣ, если *cod. archetypus* содержалъ лишь ораторовъ (Андокида—Ликурга), остановимся на другихъ, полныхъ съ этой точки зрѣнія, *AVLMZ*. Въ буквахъ *AVLZ*, принятыхъ мною для краткости отъ Беккера, выражено мнѣніе объ этихъ спискахъ самого Беккера. Правда, онъ не счелъ нужнымъ всюду приводить варианты *I*. и такимъ образомъ, повидному, ставитъ его ниже *Z*. „*Inter Marcianum (I) et Vratislaviensem (Z)*“ говоритъ онъ *Orig. Att. I p. III, incredibilis est mendarum maxime et lacunarum communitio: qua cognita post tetralogiam secundam (Антифонта) alterius (то есть L) mentionem omisi*“. А на стр. *IV: Marcianum post orationem primam (Андокида) missum feci, quippe quem viderem tantum non omnia eadem habere Vratislaviensi*. Однако, отсюда слѣдуетъ только то, что онъ считалъ *Z* болѣе характернымъ представителемъ группы *LZ*, если не допустить, что Беккеръ заблуждался относительно своихъ побужденій въ подобномъ дѣлѣ. Дѣйствительно, *L* не выдается ни въ хорошую, ни въ худую сторону. Если гдѣ Беккеру приходилось предпочесть чтеніе *L* вульгатѣ, непременно или *V* или *Z*, или тотъ и другой представляли ту же поправку. Текстъ изданія не измѣнился бы ни на йоту, если бы издатель не былъ вовсе знакомъ съ *L*. Отсюда объясняется обращеніе Беккера съ этимъ спискомъ.

M (*Virgicianus 96* Британскаго музея) названъ такъ Добсономъ. Не надо думать, что англійскій издатель этимъ хотѣлъ указать мѣсто списку между *L* и *Z*; иначе онъ не переименовалъ бы *A* Беккера на *V*. Мы врядъ ли ошибемся, считая *V* у Добсона сокращеніемъ слова *Bekkerianus*, а *M*—слова *Meus*. Въ самомъ дѣлѣ Добсонъ первый сличилъ *M*; Беккеръ же не удостоилъ даже буквеннаго знака. „*Est ubi inspexerim quem perpetua cura indignum ipso arguebat aspectus, Virgicianum 96*“. Съ оцѣнкою списка, выраженной въ этихъ словахъ Беккера, я выше согласился. Дѣйствительно, текстъ изданія Добсона ничего не выигралъ отъ той *perpetua cura*, которую издатель, вопреки приговору Беккера, приложилъ къ сличенію *M*. Тѣмъ не менѣе, приговоръ такой, собственно говоря, былъ несправедливъ, въ виду той *perpetua cura*, въ которой самъ Беккеръ не отказалъ списку *Z*. Сходство послѣдняго съ *M* разительное, такъ что, пожа-

154 ΤΕΧΣΤΑ ΑΝΔΟΚΙΔΑ, ΗΣΕΑ, ΔΙΠΑΡΧΑ, ΑΝΤΙΦΟΝΤΑ ΚΑΙ ΛΙΚΥΡΓΑ.

луй, Беккеру не легко было прибрать по латыни эпитетъ подходящій, особенно послѣ того, какъ онъ нашелъ сходство L съ Z немовѣрнымъ (incredibilis). Связь M съ Z должна быть самая тѣсная: это либо родные братья, либо отецъ съ сыномъ. Внимательный пересмотръ вариантовъ заставляетъ насъ остановиться на второмъ заключеніи.

- Анд. I 9 ^ε παρεσκευάσθαι] παρασκευάσθαι BZ, παρασκευάσασθαι M, παρεσκευάσασθαι Z.
- 29 ^ή ^{σάν} ἀσεβησάντων] ^ή ^{σάν} ασεβηκότων M, ^ή ^{σάν} ησεβησάντων Z.
- 109 ^{οσ} παρέδοσαν] ^{οσ} παρέδωκαν M, παρέδωσαν Z.
- 118 πράγματα τὰ οἴκοι] ^{οσ} πράγματα οἴκει M, ^{οσ} πράγματα οἰκειον Z.
- 130 ^{πάσῃ} ἀπάσῃ] ^{πάσῃ} ἄπασι M, ^{πάσῃ} πάσῃ Z.
- 143 ὑπῆρξαν] ^{οσ} „post ὑπῆρξαν add. αἴτιοι in marg. M^α, ὑπῆρξαν αἴτιοι Z.
- III 12 τί ταῦτα] ^{οσ} „τί ταῦτα δικοίαν vel δικρίαν (linea rubra sub voc. δικοίαν ducta) corr. M^α, ταῦτα δι αν Z.
- 16 τὴν εἰρήνην ποιητέον ἡμῖν] ^β ^α ποιητέον τὴν εἰρήνην ἡμῖν M, τὴν εἰρήνην ἡμῖν ποιητέον Z.
- 21 τυγχάνοντας] ^α τυγχάνοντες M, τυγχάνοντα Z.
- 28 κοινῇ τὴν εἰρήνην] ^β ^α τὴν εἰρήνην κοινῇ M, τὴν κοινῇ εἰρήνην Z.
- IV 39 ἐνθυμοῦμαι δὲ] ^{μοι} ἐνθυμοῦ δὲ M, ἐνθυμοῦ μοι Z.
- Ис. I 3 τούτοις] ^{ων} τούτοις M, τούτῳ Z.
- III 5 μαρτυρήσαι] ^{ων} μαρτυρήσας ψευδῆς ἔδοξεν εἶναι σαι M, (σας—εἶναι подчеркнуто), μαρτυρήσας ψευδῆς ἔδοξεν εἶναι Z.
- 40—41 ἐλέγχεται. τί γάρ ἔμελλεν ὄφρα εἶναι αὐτῷ] ^{ων} ἐλέγχεται. τί γάρ ἔμελλεν εἶναι (ἔμελλεν подчеркнуто и на полѣ приписано ἔλεγεν) M, ἔλεγεν. τί γάρ ἔμελλεν εἶναι Z.

- 73 δέδοται] ^οδέδεικται M, δέδοκται Z.
- VI 40 παρέδρων] ^{ρέδρων}παρόντων M, παρεδρώντων Z.
- 60 βιοῦσα] ^{βιοῦ}διάγουσα M, διαβιοῦσα Z.
- IX 33 μετ' ἐκείνου συνεπαιδευόμενῃ] ^{μετ' ἐκείνου}συνεπαιδευόμενῃ αὐτῷ M,
^{συνεπαιδευόμενῃ μετ' ἐκείνου}Z.
- XI 16 ἐμοὶ μὲν ἀγχιστεύειν] ^{μοι}ἐκείνῃ μὲν ^υἀγχιστέει M, ἐμός μὲν
^{ἀγχιστέει}Z.
- τοῖς δ' ἐξ ἐκείνων γεγονόσιν οὐκ ἦν, ἐν οἷς οὗτος ὁ παῖς ἦν] „ἐν οἷς—ἦν add. in mg. M“. Вслѣдствіе этого: ἐν οἷς οὗτος ὁ παῖς ἦν, τοῖς δ' ἐξ ἐκείνων γεγονόσιν οὐκ ἦν Z.
- 21 ἐφ' οἷς εἶ τι αὐτῶν] „ἐφ' οἷς in mg. M“, εἰ ἐφ' οἷς αὐτῶν Z.
- 30 ἀμφισβητούσαις] ^{οῦς}ἀμφισβητήσαι M, ἀμφισβητούσαι Z.
- Δην. I 15 χρυσίον] ^{ουκ}χρυσίων M, χρυσίνους Z.
- III 4 ἀνατετραφῶς] ^οἀνατετραφῶς M, ἀνατετροφῶς Z.
- 16 δικάσοντας] ^ζδικάσοντας M, δικάζοντας Z.
- Αντ. I argum. σπενδομένων] ^{σπενδο}φαινομένων M ¹⁾, σπενδομένων Z.
- 10 ἀλήθη] ^{ἀψευδῆ}τάληθῆ ταληθῆ M, τὰ ψευδῆ τάλθη Z,
- II β 9 τοῦ σώματος] ^{τοῦ σώματος}τῆς οὐσίας M, τῆς τοῦ σώματος οὐσίας Z.
- γ 1 αὐτὸς εἰς τοῦς] ^{εἰς}αὐτοῦς M, εἰς αὐτούς Z.
- 9 λέγομεν] ^{ομεν}λέγω M, λέγωμεν Z.
- δ 10 ὄντως] ὄῤτως M, οὔτως Z.
- ν 14 καταμανθάνειν] καταθεμένους (θεμένους ποδηερκηγτο) μανθάνειν M, καταθεμένους μανθάνειν Z.
- 30 ἔχοντες παρὰ σφίσι τὸν] „In hac regione δαπανᾶν add. in marg. M“, παραδαπανᾶν σφίσι τὸν Z.

¹⁾ По Добсону т. I, стр. 142, ο π ν in hoc Codice non facile distinguuntur.

62 δ' εἰ καὶ ὡς] δὴ καὶ ὅς M, δὴ καὶ οἱ Z.

VI 2 τῶν τοιούτων] τοῦτων^{οι} M, τοιούτων Z.

9 μικρὸν οὔτε μέγα] μικρὸς οὔτε μέγας M, μικρὸν οὔτε μέγαν^υ Z.

Лик. 22 ξυπετεῶνα] ξυμπετεῶνα M, ξυμπετρῶνα Z.

100 ἐκεῖνοι ποιοῦντες ἐφιλοτιμοῦντο] δικαίως (внизу точки) ἐκεῖ-
ποιοῦντες
νοι δικαίως (внизу точки) ἐφιλοτιμοῦντο M, ἐκεῖνοι ποιοῦ-
τες δικαίως ἐφιλοτιμοῦντο Z¹⁾.

102 (ст. 10) εἰσαγώγμαι] εἰσαγώγμαι^{οι} M, εἰσαγώγμοι Z.

109 (ст. 12) οὔτ' ὀπίσω] οὔτ' ὀπίσω M, ἐς τ' ὀπίσω Z.

Я не настаиваю ни на одномъ изъ приведенныхъ мѣстъ въ частности. Оба списка сличены по одному разу, первое сличеніе всегда бываетъ неудовлетворительно. Однако, масса случаевъ беретъ свое. Къ тому же въ Z врядъ ли окажется слово (засвидѣтельствованное лучшимъ преданіемъ), котораго бы не было въ M. Затрудненіе одно: M написанъ во Флоренціи, никакъ не раньше конца XV вѣка, а Z Пассовомъ отнесенъ къ вѣку XIV. Но можетъ ли подобное затрудненіе считаться серьезнымъ? Что мудренаго въ томъ, если маститый лексикографъ ошибся хотя бы на два столѣтія? У радости, тѣмъ болѣе, глаза велики, а Пассовъ въ 1820 г., когда появились его *Symb. crit. in script. Gr. et Rom. e codd. mst. Vratislaviensibus*, не зналъ про существованіе другихъ, лучшихъ рукописей того же содержанія.

Отъ увольненія Z весьма незначительно сокращается число праздныхъ вариантовъ, за то исчезаетъ вѣчное сочетаніе ZM. Чтобы опредѣлить значеніе M, обратимъ вниманіе на сочетанія LM и BLM. Выше уже было замѣчено, что L не выдается ни въ хорошую, ни въ худую сторону. Снособразнаго въ немъ весьма мало; обыкновенно онъ согласенъ или съ M, или съ B, представляя собою такимъ образомъ какъ бы посредствующее, связующее звено между B и M. Далеко ли отсюда до предположенія, что L происходитъ отъ B, а M отъ L? Если это такъ въ самомъ дѣлѣ, то 1) должны отыскаться такіа чтенія L, которыя

¹⁾ Предположеніе, что Z списанъ съ M, первый высказалъ Тальгеймъ (въ упомянутой уже статьѣ, помѣщенной въ *Jahrbücher Fleckeisena* т. 115 стр. 673) на основаніи двухъ мѣстъ Ликурга, изъ которыхъ одно ничего не доказываетъ.

объясняютъ пѣксторне болѣе или менѣе странныя переходы отъ чтенія В къ чтенію М; 2) все, что пропущено въ L, должно быть пропущено точно также въ М, а пропуски въ В должны повторяться въ L и М; одинъ М можетъ имѣть свои пробѣлы. Такъ оно и есть. Чтобы не утомить напрасно вниманіе читателя, ограничусь приведеніемъ мѣстъ одного рода изъ двухъ (крайнихъ по порядку) ораторовъ и мѣстъ другого изъ остальныхъ.

Въ Андокидѣ *περί μοστηρίων* LM пропускаютъ пер 3, ἔτι 7, λόγων 8, ὁ 47, οὐκ и δὲ 86, τῆ 87, ὅτι 106, καθὰ ὁ κήρυξ ἐκήρυττε 112, τοῦ 125, δὲ 144, ἀλλὰ 148; BLM (считая за норму A)—τῆν 59, τὴν 62, με 102; одинъ М незнаетъ словъ: καὶ 4, ὑπὸ Ἀνδρομάχου 14, αὐτῶν 25, ἐγὼ 26, τῶν 77, ἄν 117, τὰ 118, ἔστιν 129, μὴ διανείμασθαι 134, πολίτας 149. Въ рѣчи Ликурга М одинъ не имѣетъ: τὴν εἰσαγγελίαν 30, καὶ 42 и 58, ἐγώγε 96, παρά 130, περί 140; въ LM недостаетъ словъ: τὴν πόλιν αἰγῆσι, ἄλλοι δὲ ἀντίστασιν λέγει γὰρ οὐκ ἐπὶ προδοσίᾳ τῆς πόλεως ἐξελεῖν, ἀλλ' ἐπὶ ἐμπορίᾳ тамъ же, τοῦ тамъ же, χρήματα 17, μὲν 30, τοὺς 51, τοῦτος 56, καὶ ὑπὲρ ὁμῶν 77, τῶν 85, οὔτε ζῶν 90, Παλλάς δ' 102, (ст. 49), ἐχείνοις μὲν 111, τοῦ 114, τὴν 115, αὐτῶν и δι' (передъ ἀλήθειαν) и φύσει 118, οὕτως 128, ἔστιν 133, οὐκ 145, μὲν 155; наконецъ во всѣхъ трехъ спискахъ BLM не найдено: μὴ 21, τοῦ 24, μαρτυρία. συνθῆκαν тамъ же, καὶ ναυμαχοῦντες 73, τὰ 77, τοῖς 79, ἀκούσαι καὶ γὰρ παλαιῶν ὄντων τῶν τότε πεπραγμένων (вмѣсто всего этого: ᾧ) 81, τῆς περί 119, τὸν 123, δεῖ 134, τὸ 136, γὰρ 147, τοῦτου 154.

Не обходится дѣло, конечно, безъ случаевъ, повидимому, противорѣчающихъ. Въ М попадаются слова, которыхъ нѣтъ ни въ В, ни въ L. Андок. I 20 μὲν, 65 ἢ, 67 ἄριστος и τῷ, 80 καὶ, 81 τοῦ, 134 μὲν, 143 αἶτοι in mg., 144 τὸν, 145 τὸ. Изъ этихъ словъ Беккеръ совершенно резонно не допустилъ въ текстъ ни одного. Большинство просто невозможно; другія не нужны; всѣ объясняются извѣстными привычками переписчиковъ; наконецъ, ни одного нѣтъ въ A.

За то 66 (τοὺς δὲ δεδεμένους) словечка δὲ нѣтъ въ I, такъ что приходится допустить, что оно писцомъ М добавлено по догадкѣ (если вѣрить молчанію Добсона), предположеніе, мнѣ кажется, не очень смѣлое. То же приходится сказать о словѣ ΨΙΦΙΣΜΑ, котораго 83, судя по молчанію Беккера, нѣтъ въ В. Относительно одного мѣста я рѣшительно отказываюсь вѣрить показанію Беккера: 18 читается: Καὶ μοι κάλει Καλλιᾶν καὶ Στέφανον, κάλει δὲ καὶ Φίλιππον καὶ Ἀλέξιππον. У Беккера тутъ ко второму κάλει есть примѣчаніе „κάλει L. om. L.“, которое, по всей вѣроятности, относится къ первому, опущенному

такъ же въ Альдиниѣ. Это именно κάλει легко могло быть опущено, не менѣе легко добавлено, оно же, наконецъ, легче могло принять форму κάλλει.—LM вмѣстѣ представляютъ въ этой рѣчи только одно лишнее слово: 131 οϊόμενος — οϊόν (LM οϊόν αὐτῷ) τρέφειν ἀλιτήριον αὐτῷ ἔτρεφεν.

Въ рѣчи Ликурга писецъ M чаще всего интерполировалъ формы члена: 12 τήν, 14 τήν, 23 ὁ, 42 τῶν, 55 τοῦ, 89 τοῖς, 94 τῶν, 134 τήν; разъ вставлено имъ καί, 103, послѣ ὡσπερ; разъ, 97, γάρ, вслѣдствіе непониманія конструкціи. Удачными конъектурами можно считать ὦ 46 передъ ἄνδρες и τά 38 между χρήματα и ὑπάρχοντα. Въ LM мы находимъ слѣдующія праздыя или невозможныя вставки: 20 μὴ, 28 ὁμοῦ, 37 τῶν, 146 ἐν. 25 B имѣеть: μαρτύρων ἀκηχόατε ὦ ἄνδρες вм. ΜΑΡΤΥΡΙΑ. ΣΥΝΘΗΚΑΙ. Τῶν μὲν μαρτύρων ἀκηχόατε ὦ ἄνδρες. Въ LM добавленъ членъ: τῶν μαρτύρων ἀκηχόατε; объ остальномъ не догадались.

Перехожу къ мѣстамъ другого рода. Такихъ не много, но доста-

точно. Исей III 22 προδήλους] προδήλω^{ος} L, προδήλους^{ως} M. Динархъ I 52 καταψευσάμενον] καταψηφισάμενον L, καταψηφισάμενοι M. Антиф. I 15 αὐτῇ δι καὶ αὐτῇ] αὐτῇ L, ὡς αὐτῇ M. Тамъ-же αὐτῇ (то-есть αὐτῇ)] αὐτῇ L, αὐτοὶ M. II argum. αὐτὸς πρὸς αὐτὸν] αὐτὸν L, αὐτὸς M, α 9 εἰχότων] οἰχότων L, οἰχετῶν M. β 10 „ὀρθῶς B, lacuna L, om. M.“ γ 1 αὐτος εἰς τοὺς] αὐτοὺς L, αὐτοὺς M. γ 4 ἢ κλέψαντες] οἱ κλέψαντες L, οἱ κλέπτοντες M. III β 7 ἁμαρτῶν] ἁμαρτῶν L, ἁμαρτῶν M.

Мы видѣли, что писцы L и M, въ особенности послѣдній, отличались не только небрежностью, по и изрядно безцеремоннымъ обращеніемъ съ текстомъ. Отсюда, при плачевномъ состояніи даже самаго лучшаго рукописнаго преданія, при легкости исправленія весьма многихъ ошибокъ преданія, естественно, что рядомъ съ массою новыхъ ошибокъ явилось известное число дешевыхъ, отчасти почти невольныхъ поправокъ, въ родѣ напริมѣръ приведенныхъ выше (ὦ) ἄνδρες Лик. 46 и χρήματα (τά) ὑπάρχοντα 38. Считать подобныя поправки сохранившимися по счастливому случаю вѣрными чтеніями нѣтъ никакого основанія, пока въ тѣхъ же спискахъ не будутъ найдены такія чтенія, которыя ни по оплошности, ни по недоразумѣнію, ни наконецъ по догадкѣ возникнуть не могли, а между тѣмъ правдоподобнѣе припятаго чтенія или всякой (другой) конъектуры, или же,

представляя сами по себѣ явную бессмыслицу, наводятъ на правдоподобную поправку. Такихъ именно чтеній нѣтъ ни въ L, ни въ M, а дешевыя или случайныя поправки, найденныя или въ LM или въ M одномъ, пересчитывать нѣтъ надобности. Скорѣе противъ моего производства L отъ B, и M отъ E можно привести такого рода случаи. Встрѣчается 1) что BM имѣютъ одно чтеніе, а L другое (напримѣръ, Антиф. I 9 μηχανωμένῃ] μηχανωμένη L. II α 2 ἀνάτιον] αἴτιον L. δ 6 τίς] τί E; 2) что чтеніе B ошибочно, а въ LM мы находимъ то же, что въ A, если слѣдуетъ придавать значеніе молчащю Веккера и Добсона (напр., Лик. 109 τοῦτων ἀκοῦσαι] τοῦτω ἀκοῦσαι B. Ант. III δ 3 ἐλεγχῶ] ἐλεγχῆ B); 3) что M сходится въ вѣрномъ чтеніи съ A противъ BL (напр., II δ argum. ἐμαυτὸν] ἐαυτὸν BL). Но и эти и другіе подобныя случаи объясняются весьма просто предположеніемъ, что писецъ L или писецъ M догадался исправить цезамысловатую ошибку своего подлинника. Если догадка того или другаго писца подтверждается лучшимъ преданіемъ, въ этомъ страннаго ничего нѣтъ. Мало ли поправокъ новыхъ ученыхъ подтвердились такимъ образомъ?— Не упомяну случая, чтобы въ L исправлена была ошибка подлинника и чтобы въ M снова явилась та же ошибка. Однако и этому нечего было бы удивляться, если только ошибка изъ обыкновенныхъ, въ виду того, что въ постоянномъ повтореніи извѣстныхъ смѣшеній и промаховъ рѣшительно *dominatur fatalis quaedam necessitas*, какъ выразился, кажется, гдѣ-то Кобетъ.

Остаются два полныхъ списка, A и B. Если бы наши ораторы были издапы по одному A, и затѣмъ уже былъ отысканъ и сличенъ B, всѣ компетентныя судьи, вѣроятно, нашли бы, что открытіе это не дало намъ ничего и что B намъ вовсе не нуженъ. Быть можетъ, у нѣкоторыхъ хватило бы духу утверждать что B копія съ A. Такой выводъ не грѣшитъ противъ правдоподобія и блистательно выдерживаетъ повѣрку.

В не дало намъ ничего: этимъ я не хочу сказать, что въ текстъ ораторовъ не принято ни одного чтенія B. Напротивъ, принято изрядное количество, и отчасти совершенно справедливо. Но B не дало намъ ничего такого, что нуждалось бы въ авторитетѣ рукописи, чего бы мы не могли найти сами, что, стало быть, не могло бы въ свое время быть найдено по догадкѣ смѣтливимъ переписчикомъ. Одна изъ лучшихъ, быть можетъ даже лучшая поправка этого господина (и притомъ, замѣтимъ, одна изъ немногихъ, о которыхъ не при-

ходится заключать ex silentio) — это γεγεμένην вместо γεγενημένην Днн. II 3. Ту же поправку нашелъ и Юнгерманъ ¹⁾.

Что даетъ намъ В въ Андокидѣ? Поправки въ родѣ слѣдующихъ:

I, 4	δαρεῖά	κн.	δαρεῖᾶ
22	ἔλθοι		ἔλθη
—	μεμήνηκε		μεμόνηκε
26	βοόλεται		βοόληται
28	μνησοεις		μνήσοεις (μνήσοεις Α pr.)
29	μεμήνηκα		μεμόνηκα (μεμόνηκα Α pr.)
(—	οὐδὲ ἐν		οὐδέεν)
40	ἡμᾶς,		ἡμᾶς
41	βουλόμεθα		βουλόμεθα
47	ἢ μήτηρ ἢ ἐκείνου		ἢ μήτηρ ἐκείνου
50	δέοι		δέοι
64	ταῦτ' ἀληθῆ		ταῦθ' ἀληθῆ
79	ἔχει		ἔχει
82	τῶν		τῶν
83	ΨΗΦΙΣΜΑ		
84	δημόται		δημῶται
88	τῆ πόλει		πόλει
90	ᾠμονοτε		ᾠμονοται
—	σχολῆ		σχολή
91	ἡμῶν		ἡμῶν
97	συγκαταστήρη		συγκαταστήρει
102	ἡμῖν		ἡμῖν
107	πράξαντες		πράξαντας
111	κηρησίω		κηρησίω
130	ἀπάσῃ		ἅπασαι
135	ἡμῖν		ἡμῖν
146	ἡμῖν		ἡμῖν
II, 25	ἡγεῖσθαι		ἡγεῖσθε
	ζητεῖτε		ζητῆτε
III, 3	λακεδαίμονα		λακεδαίμονα
4	ἡμῖν		ἡμῖν
5	ἡλευθερώσαμεν		ἡλευθερώσαμεν

¹⁾ «Ad Polluc. I 44» по Рункену къ Тимею, стр. 77.

12	Σκῦρον	σκίρον (σκίρρον Α рг.)
14		το же
15	ἀπολάβωμεν	ἀπολαύωμεν
18	ἀφίαισιν	ἀφίαισιν
21	γενέσθαι	γεγέσ αι
26	ἀπολέσωμεν—ποιήσωμεν	ἀπο ^λ σομεν—ποιήσομεν
27	λακεδαίμονιοις	λα ^ν αιμονίους
31	ἡμᾶς	ὕμ
32	πίση	π ~~ω~~ ει
34	ὕμῖν	ἡμῖν
35		то-же (дважды)
	— λογίσεσθε	λογίσεσθαι
41	ὕμῖν· δοκῆ	ἡμῖν δοκεῖ
IV, 11	τὸν ὑπ'	τῶν ὑπ'
15	ἐναντίον	ἐναντίων
	— κατηγορεῖ	κατηγορεῖ
29	τῆς Ἀλκιβιάδου	τοῖς Ἀλκιβιάδου
	— πομπείοις	πομπίους
31	πολυτελέστατα	πολιτελέστατα

Допустимъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствительно такъ читается въ В, какъ мы заключили изъ молчанія о немъ Беккера. Есть ли тутъ хоть одна поправка, которую не нашель бы всякій мало-мальски знакомый съ греческимъ языкомъ и съ авторомъ? I 127 (ἐκ Χρυσιάδος γεγονότα) я увѣренъ, что въ В не читается Χρυσιάδος, а—Χρυσιάδης, такъ-же какъ въ ALMZ. Во всякомъ случаѣ, Χρυσιάδος — неудачная догадка; Χρυσιάδης=Χρυσίλλης.

Еще гораздо менѣе дастъ намъ В въ довольно длинной рѣчи Ликурга противъ Леократа. Если въ самомъ дѣлѣ В одинъ представляетъ 7 δημοσίους вм. δημίους, отъ этого мнѣніе наше о рукописи не выиграетъ; такъ читалось еще до Беккера, по догадкѣ Тэйлора. 40 ἐλευθέρας вм. ἐλευθέρους нашлось и въ Α. Остается 23 οἴησθε вм. οἶεσθε, 47 θράψασαν: θράψασαν, 94 πάσας: πᾶσαν, 99 τῶ (такъ-же Тэйлоръ): τῶ, 100 (стихъ 16) δ' и τοῦνομ' ἐν вм. δὲ и τοῦνομα ἐν, (ст. 24) ἄν μιν: ἄν μὴν, (ст. 28) δάκρυ: δάκρυα, (ст. 34) ἦ: ἡ, (ст. 48—49) λεῶς στεφάνοισι: λεωστεφάνοισι, (ст. 43) ἐχεῖνο: ἐκείνω, δ': δὲ, 107 (ст. 11) ἀλωμένου: ἀλωμένου и прочая и прочая. Продолжать нѣтъ, кажется, надобности.

Въ Исеѣ В, по прямому свидѣтельству Беккера, имѣеть II 36 ἐνάτα (такое по крайней мѣрѣ чтеніе В рг.) вм. ἐνάτα, и VII 6

Μνήρωνος вм. Μνήρωνος. Ex silentio наберется, понятно, гораздо больше поправокъ, особенно если (какъ это я дѣлалъ выше, говоря объ Андокидѣ) позволять себѣ такого рода заключенія даже въ мѣстахъ, гдѣ варианты А не упомянутъ самимъ Беккеромъ. Но всѣ эти „поправки“ или не нужны или ничтожны. Къ ненужнымъ я причисляю I 16 прибавленіе τούς передъ μάρτορας (см. Шейбе *praef. crit. p. XIV*) и VI 56 ὁμολογουμένας вм. ὁμολογουμένως. Ничтожны, очевидно, I 16 ὑμῖν : ἡμῖν, 36 θάτερα : θάττερα, 51 ὑμῖν : ἡμῖν, II 4 καταστήσετε : καταστήσετε, III 6 δ' ἀκούσαντες : ἀκούσαντες, 56 δὴ : δ', ὑμῖν : ἡμῖν, 70 δεκάτῃ τῇ : δεκάτῃ, 79 τούτου : τούτων, V 5 κηφισοδότη : κηφισοδότου, 29 οὗτος : οὕτως, 33 διοπίθης : διοπειθής, 36 καλῶς : κακῶς, VI 22 ἀφιδναίου : ἀφιδναίου, 59 λοιδορήσεται : λοιδορήσεται, λέγη : λέγει, IX 30 ΜΑΡΤΥΡΕΣ : ΜΑΡΤΥΡΙΑ, X 4 τῶν ἐκείνου : τῶν κείνου. Такого же достоинства слѣдующія, внесенныя второю рукою и въ А, поправки : V 4 λεωχάρης : λεώχαρις (то-же не разъ еще въ этой рѣчи), 12 τὸν νῦν : τοῖνον, VI 13 σκηψάμενοι : σκεψάμενοι, 16 ἡμῶν : ὑμῶν, 53 μαρτυρεῖν : μαρτυρεῖ, VII 34 εἰς τε : ἴστε, 39 ᾤετο : ᾔστε, IX 15 πρότερον : πότερον, 21 θυσίας : οὐσίας, 23 σαυτῷ : .αυτῷ (ἑαυτῷ?), 31 δοκεῖ : δοκῇ, X 4 Δημοχάρης : δημόχαρις, 25 προστατόμενα : πραττόμενα. Наконецъ, нѣкоторыя „поправки“ вовсе въ счетъ не идутъ, по разнымъ причинамъ. VI 25 Цюрихскіе издатели справедливо согласились читать ποῖ δ' ἔτ' ἰόντες вм. ποῦ δ' ἔτι ὄντες. V 43 въ словахъ τὸν μὲν τούτου οἶκον οὐ, ᾧ Δικαιογένης, παραλαβὼν κακῶς καὶ αἰσχρῶς διολώλεχας, А представляетъ чтеніе само по себѣ невозможное τὸν μὲν τοῦτον οἶκον; но въ этомъ самомъ невозможномъ чтеніи я усматриваю слѣдъ вѣрнаго : τὸν μὲν τοιοῦτον οἶκον. Точно также въ предварительной замѣткѣ (ὑπόθεσις) къ XI-й рѣчи должно читать ἑαυτῷ вм. αὐτῷ на основаніи варианта А : ἑαυτοῦ. IX 25, какъ кажется, вѣрно исправилъ по А Шейбе въ *Commentatio critica de Isaci orationibus* (Дрезденъ 1859) стр. 7 и сл. такимъ образомъ: αὐτοὺς ὑμῖν οἷς προσῆλθε μάρτορας παρέξομαι. ΜΑΡΤΥΡΕΣ. VIII 14 А, какъ и другіе списки, имѣетъ τε, VIII 20 — ποιεῖν, и IX 33 μοι. VIII 40 и А имѣлъ первоначально τι, а не τοι. V 39 въ словѣ λελειτούργησε надъ σ самимъ повидимому писцомъ поставлено x; имъ же VIII 30 прибавлено μοι.

Приведенными выше 13 случаями корректорская дѣятельность второю рукою списка А въ Исеѣ далеко не исчерпывается. Въ этихъ 13 случаяхъ Беккеръ умолчалъ о поправкѣ, въ остальныхъ мы обыкновенно не находимъ у него упоминанія о первоначальномъ чтеніи. Нечего и говорить, что послѣднее особенно непохвально, въ виду того, что онъ зналъ цѣну А. Что касается перваго упущенія, мы видѣли,

что въ 13 случаях поправка А совпадала съ чтениемъ В. То же встрѣчаемъ мы почти сплошь. Вотъ замѣченныя мною псключенія:

III 52 ἐνεγύθησεν A² (прежде ἐνεγγύθησεν), ἐνεγύσεν В.

V (вт. заглавіи) λεωχάρην καὶ δικαιογένην A² (прежде λεώχαριν καὶ διογένην), λεώχαριν καὶ δικαιογενῆ В.

— 2 ἐνεγυήσατο A² (прежде ἐνεγγυήσατο), ἐνεγγυησάτω В.

VI 13 ἐξέπιτροπευομένης A² (прежде ἐξεπιτροπευομένης), ἐξεπιτροπευομένοις В.

XI 5 προσήκοι A² (прежде προσήκη), προσήκει В.

Прибавимъ три примѣра съ заключеніемъ о чтеніи В ex silentio:

III 72 οὐδέεις A² (прежде οὐδέεις), οὐδεις vulgo.

VI 65 ἔτιοντες A² (пр. ἔτιοντες), ἔτι ὄντες vulgo.

VIII 31 ἄλλ' οἱ A² (пр. ἄλλοι), ἄλλοι vulgo.

Преимущество ни разу не оказывается на сторонѣ В, такъ что отступленіе весьма могло бы быть сознательнымъ со стороны корректора А. Отчего бы въ самомъ дѣлѣ не допустить, что оно такъ и было, то-есть, что тотъ, кому принадлежатъ поправки второй руки въ А, сличалъ В (не подозрѣвая, что В происходитъ отъ А) и оттуда вписалъ въ А что ему казалось заслуживающимъ вниманія? Весьма естественно, что онъ не внесъ всего, что стоило того (примѣры приведены выше), естественно потому, во 1-хъ, что никакое (первое) сличеніе не бываетъ безукоризненнымъ, а во 2-хъ потому, что и въ оцѣнкѣ чтеній онъ вѣдь могъ ошибаться. На этомъ же основаніи мы не удивимся, замѣчая наоборотъ, что не всѣ поправки, общія второй рукѣ А съ В, могутъ дѣйствительно считаться поправками, хотя бы испорченность первоначальнаго чтенія А и не подлежала сомнѣнію. Такъ, напримѣръ, X 23 въ словахъ ἄν ἐπὶ τοῦτον τὸν λόγον καταφεύγη καὶ μάρτυρας παρέχεται ὡς διέθετο ἑκεῖνος, ἐπιδεικνύουσι κελεύετε εἰ δικαίως τὰ ἑαυτοῦ, вл. А εἰ предъ δικαίως вставлено корректоромъ, согласно, какъ надо полагать, съ В. Между тѣмъ, Исей безъ сомнѣнія написалъ: ἐπιδεικνύουσι κελεύετε καὶ ὡς τὰ ἑαυτοῦ (то-есть διέθετο), какъ показалъ недавно Заупе¹⁾. Вообще, впрочемъ, надобно признать, что корректоръ исполнилъ свое дѣло осторожно и не безъ такта. Онъ, сравнительно весьма рѣдко, замѣнилъ правильное чтеніе А худшимъ; онъ заимствовалъ изъ своего источника мало дурнаго и оставилъ въ немъ мало хорошаго; наконецъ онъ видимо избѣгалъ трогать такія мѣста, въ которыхъ первую рукою сдѣлано было какое либо измѣненіе, показывая тѣмъ

¹⁾ Symbolae ad emendandos oratores atticos (Got. 1874), стр. 12.

самымъ, что поставилъ себѣ скромную задачу: устранить опіски и недосмотры переписчика. При такой его задачѣ немудрено, что приходится согласиться съ нимъ относительно большинства его поправокъ, что однако не мѣшаетъ имъ имѣть значеніе точно такое же, какъ поправки какого нибудь издателя, сдѣланныя на основаніи своихъ или чужихъ догадокъ.

Предположеніе, что подлинникъ исправленъ отчасти по копіи, звучитъ пожалуй парадоксально, но въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ ничего невозможнаго или даже неправдоподобнаго. Несомнѣненъ фактъ, что поправки второй руки въ А, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, тождественны съ чтеніями В¹⁾. Тождественность эта при массѣ примѣровъ не можетъ считаться случайною. Однако, вѣрзя ли эту самую тождественность объяснить иначе? Не списанъ ли В съ А тогда, когда послѣдній уже былъ исправленъ второю рукою? Или: нѣтъ ли возможности допустить, что корректуры второй руки въ А и одинаковыя съ ними чтенія въ В имѣли одинъ общій источникъ? Допустимъ первое объясненіе; спрашивается: откуда же взялись поправки? Изъ головы корректора? Но тогда о значеніи ихъ спорить нечего. Или онѣ заимствованы изъ какой нибудь рукописи? Въ такомъ случаѣ измѣнилось бы въ сущности только имя источника поправокъ; пришлось бы считаться уже не съ В, а съ какимъ то апокрифическимъ х, представляющимъ тѣ же чтенія, что и В. Если же В списанъ съ А, каково можетъ быть значеніе этого? Къ такому же результату приводить разсмотрѣніе втораго объясненія. Рукопись х, откуда получились и корректуры въ А и чтенія одинаковыя въ В, если не представляла ничего кромѣ этихъ вариантовъ (а вѣдь ни почему другому мы о ней судить не можемъ), не можетъ претендовать на самостоятельное значеніе на ряду съ А. Будемъ ли мы въ самомъ дѣлѣ считать х копіею съ А или только на практикѣ относиться къ вариантамъ х, какъ къ конъектурамъ, это безразлично. Ясно, что и отъ этого объясненія значеніе В нимало не увеличится.

Все, что сказано мною сейчасъ о значеніи В и поправокъ второй руки въ А, отосится не только къ Исею, но и къ Динарху и къ Антифону. И тутъ почти всѣ удачныя поправки, имѣющіяся въ В, вмѣстѣ съ нѣкоторыми неудачными, корректоромъ внесены въ А. Тѣхъ которыхъ пѣтъ въ А, мы отчасти находимъ въ N (cod. Oхon.), руко-

¹⁾ Что А²=В, замѣтилъ и Гугъ (Hug) въ своей *Commentatio de arte critica in Antiphonticis orationibus facitanda* (Turici 1872), стр. 10.

писи, о значеніи которой рѣчи впереди, но которая несомнѣнно независима отъ А и такимъ образомъ скорѣе гарантируетъ вѣрность чтенія, хотя разумѣется въ частныхъ случаяхъ о гарантіи рѣчи быть вообще не можетъ. Къ счастью, подобныя поправки ни въ какой гарантіи не нуждаются. Не исправлено въ N ἐμέλησεν Дин. I 49, δεδωροκημένον 66, γεγενημένην (вм. γεγευμένην) II 3, οὐ κατόπτει (вм. οὐκ αὐτόπτει) III 15. Въ первыхъ двухъ случаяхъ Беккеръ впрочемъ не счелъ нужнымъ упомянуть объ ошибочномъ чтеніи А, а потому мы рѣшительно не знаемъ, что именно онъ нашелъ въ В. Напрасно не принялъ онъ къ текстъ I 64 τι τῶν κατὰ вм. τι κατὰ, 101 γέγραφαи вм. γέγραπται, 103 οὐ πάντων вм. σὺ πάντων, 113 ἔτι вм. ὅτι. I 5 можно изъ αὐτῆς извлечь и αὐτοῖς, какъ читается въ В, и αὐτῇ, какъ предложилъ Байтеръ. Въ Антифонтѣ намъ М болѣе полезенъ пежели В, если не считать собственностью списка В поправки второй руки А. Въ моемъ изданіи Антифонта я обозначилъ буквою х то, что пришлось заимствовать изъ одного изъ списковъ ВLMZ. Предоставляю судить читателю, много ли это. Не моя вина, что оказалось х=М.

Итакъ, изъ полныхъ списковъ ABLMZ единственною основою текста оказался А. Перейдемъ теперь къ спискамъ исполнымъ. Но раньше слѣдуетъ сказать объ Альдинѣ, потому именно, что Альдина, какъ показываетъ ея содержаніе, напечатана по списку полному. Значеніе ея пока спорно, оттого что источникъ ея никѣмъ не отысканъ. Не найдется ли онъ между разобранными нами списками ABLMZ? Надо замѣтить, что editio princeps въ томъ лишь смыслѣ полно по содержанію, что содержитъ всѣхъ 5 ораторовъ. Изъ „софистовъ“ въ немъ недостаетъ Алкидаманта (Ὀδυσσεὺς κατὰ Παλαμήδους πρὸς οἴα), по крайней мѣрѣ его нѣтъ въ надлежащемъ мѣстѣ, между Горгіемъ и Лесвонактомъ, а помѣщенъ онъ въ первомъ отдѣлѣ тома между Лисіемъ и Антиоеномъ (стр. 177—180). „Елена“ Горгія напечатана Альдомъ вмѣстѣ съ рѣчами Исократы въ особомъ томѣ. Произвольно ли такое перемѣщеніе? Текстъ „Одиссея“ въ изданіи Альды показываетъ, что рукопись, по которой была издана имъ эта рѣчь, принадлежала не къ нашей группѣ ABLMZ, а къ другой, содержанія схожаго, сохранившей между прочимъ и „Одиссея“ Алкидаманта, а именно къ семьѣ Палатинской рукописи Лисія. По одному изъ членовъ этой семьи Альдъ издалъ Лисія въ первомъ отдѣлѣ тома и прибавилъ къ нему изъ того же источника „Одиссея“ Алкидаманта, дѣлѣ рѣчи Антиоена и отрывокъ Динада ὑπὲρ τῆς δωδεκαετίας. Естественно, что онъ во второй части того же тома, начинающейся какъ ABLMZ

съ Андокида, не считая удобнымъ напечатать еще разъ ту же рѣчь Алкидаманта. Что касается „Елены“ Горгія, Альдъ самъ говоритъ въ предисловіи къ изданію Исократу (въ посланіи къ Эгнацію), что она, по совѣту М. Музура, прибавлена имъ къ Исократу. Откуда прибавлена? Дѣло въ томъ, что „Елена“ Горгія тѣмъ же двойнымъ путемъ дошла до насъ, какъ и „Одиссей“ Алкидаманта. Не трудно убѣдиться, что Альдъ и въ „Еленѣ“ пользовался однимъ изъ списковъ группы Палатинской, тѣмъ же, какъ надо полагать, который служилъ ему при печатаніи Лисія, Алкидаманта и т. д. Почему же онъ и тутъ отдалъ предпочтеніе этому списку предъ другимъ, принадлежавшимъ къ нашей группѣ? Потому, вѣроятно, что въ послѣднемъ „Еленѣ“ Горгія не было, не было точно такъ же, какъ въ LMZ. Въ LMZ не достаетъ бѣльшей части первой и почти всей второй рѣчи Исея (I, 23—II, 48); всего этого нѣтъ и въ Альдинѣ. Мелкихъ пробѣловъ, общихъ спискамъ LMZ и Альдинѣ, не пересчитаемъ. Съ другой стороны въ Альдинѣ нѣтъ ничего такого, что есть въ АВ и чего нѣтъ въ LMZ: Такимъ образомъ, источникомъ Альдины изъ нашихъ списковъ могъ служить или L или M или Z. Если пойдѣмъ дальше тѣмъ же путемъ, руководясь указаніями, даваемыми пропусками, мы скоро остановимся на L, какъ на единственномъ возможномъ источникѣ „перваго изданія“. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ для примѣра хоть рѣчь Ликурга. Z пропускаетъ 21 ἐγένετο, 49 καλῶς, 67 τοίων, 103 πάτρης τεθνάμεν, 131 ὡς; MZ вмѣстѣ не имѣютъ 30 τὴν εἰσαγγελίαν, 58 καὶ, 94 ἐγώγε, 136 περί. Въ Альдинѣ нѣтъ этихъ пропусковъ, какъ нѣтъ ихъ и въ L. 82 Альдина вмѣстѣ съ (AB) L имѣетъ εὐκλειαν, M εὐνοίαν, Z пропускъ. Кромѣ того, не знаетъ Альдина словъ интерполированныхъ въ M: 12, 14 и 134 τὴν, 24 ὁ, 42 и 94 τῶν, 55 τοῦ, 89 τοῖς, 97 γὰρ, 103 καὶ. Наконецъ, 128 чтеніе Альдины про

про

на I: παραδιδόντας; (AB) MZ представляютъ просто προδιδόντας. Нерѣдко мы находимъ, что явные промахи писца L, исправленные кое-какъ въ M, незамѣченные перешли въ Альдину. Таковы, на примѣръ, чтенія ἐξηλέχθησαν Андок. I, 7, μεταμέλλει Ис. I, 19, φανερὸς ἐκλήλεκται Дин. I, 1, ἀστυγεϊτόνων 24, καταψηφισάμενον 52, μηχανομένη Антиф. I, 9, αὐτὴ 15, οἱ κλέψαντες II γ 4, и т. п. У Антифонта I, οὔσαν

4 ABMZ имѣютъ οὔσαν, одинъ L γενομένην; отсюда чтеніе Альда: γενομένην. Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что Альдина во многомъ

и несогласна съ L. Еще Этьенъ справедливо указалъ на крайнюю небрежность, съ которою она отпечатана. Опечатокъ — видимо невидимо. Отчасти онѣ дали критикамъ (до Беккера) случай обнаружить замѣчательное остроуміе. Такъ напр. было у Альда Ис. III 30 ἐστὶ αὐτὰς γυναικας. Скалигеръ и Кантеръ независимо одинъ отъ другого нашли чтеніе рукописей: ἐστῶν τὰς γυναικας. Конъектуръ, какъ удачныхъ, такъ и неудачныхъ, тоже немало въ Альдинѣ. Есть, какъ мнѣ кажется, еще и третій родъ отступленій отъ рукописи — это измѣненія, такъ сказать, машинальныя корректора. Сюда я отношу, на примѣръ, Ис. III, 37 δοχεῖτω км. δοχεῖτω, то-есть δοχεῖ τφ. Такого рода „поправки“ имѣютъ очевидно мало общаго съ догадками: онѣ просто плодъ разсѣянности корректора. Отступленія Альдины отъ L (повторяю, довольно многочисленныя) вообще безъ натяжки подводятся подъ одну изъ трехъ названныхъ категорій. Есть однако случаи повидимому затруднительныя, разрешающіеся не иначе какъ предположеніемъ весьма, конечно, возможнымъ, что у Беккера чтеніе L невѣрно или неточно показано. Приведу примѣры изъ Антифонта. Въ предварительной замѣткѣ (ὑπόθεσις) къ первой тетралогіи встрѣчаются слова διὰ τὸ μήπω τὴν ὄλην ἠκριβῶσθαι τέχνην. Къ слову τέχνην Беккеръ замѣчаетъ: „δύναμιν L et mg. Z, δύναμιν τέχνην B, διάνοιαν Z“, а Добсонъ: „διάνοιαν (гр. in marg. δύναμιν ἢ τέχνην) M“. У Альда мы находимъ не δύναμιν, какъ въ L, а τέχνην. Если бы показаніе Беккера объ L оправдалось, если не окажется,

δύναμιν   τέχνην

что въ L написано τέχνην или δύναμιν или, наконецъ, одно въ текстѣ, а другое на полѣ, то предположеніе мое объ источникѣ Альдины никуда не годится. Но въ такомъ случаѣ и родословная списковъ, не имѣющая ничего общаго съ этимъ предположеніемъ, снова затемнилась бы. Въ другомъ мѣстѣ, II α 4, Беккеръ напечаталъ: Οὕτε γὰρ καχούργους εἰκὸς ἀποκτεῖναι τὸν ἄνθρωπον· ἔχοντες γὰρ ἄν τὰ ἱμάτια εὐρέθησαν. οὐδεὶς γὰρ ἄν τὸν ἔσχατον κίνδυνον περὶ τῆς ψυχῆς κινδυνεύων ἐτοιμὴν καὶ κατεργασμένην τὴν ὠφέλειαν ἀφῆκεν, а внизу говорятъ: „οὕτε γὰρ καχούργους — τὰ ἱμάτια εὐρέθησαν] haec a codicibus absunt, vulgo post illa οὐδεὶς γὰρ ἄν—ἀφῆκεν leguntur“. Дѣйствительно, до Беккера слова οὕτε γὰρ εὐρέθησαν помѣщались послѣ ἀφῆκεν; но только первая ихъ часть, οὕτε γὰρ καχούργους εἰκὸς ἀποκτεῖναι τὸν ἄνθρωπον, въ самомъ дѣлѣ a codicibus abest; по крайней мѣрѣ въ A (и въ N) нашлась фраза ἔχοντες γὰρ ἄν τὰ ἱμάτια εὐρέθησαν. Я думаю, она найдется

такъ же и въ В и въ L. Быть можетъ, ее пѣтъ въ (М и) Z, что могло содѣйствовать возникновенію ошибочнаго показанія Беккера.

Не стану вдаваться въ дальнѣйшій разборъ возможныхъ и, какъ мнѣ кажется, вѣроятныхъ ошибокъ (то-есть невѣрныхъ показаній) этого ученаго. Никакія разсужденія не рѣшаютъ дѣла, а только новое сличеніе списка L могло бы выяснитъ вполне и въ частности связь между L и Альдиною. Но найдется ли желающій сличить рукопись, когда можно быть заранѣе увѣреннымъ, что вся работа окажется лишнею?

Очень можетъ быть, что Альдъ напечаталъ свое изданіе не по самому L, а по копии снятой съ него, не по М, разумѣется, а по другой. Такъ же точно я не настаиваю на непосредственной связи между А и В, В и L, L и М, хотя ничто, повидимому, не противорѣчитъ такому предположенію. Ежели допустить во всѣхъ этихъ случаяхъ связь непосредственную, въ общихъ чертахъ исторія постепеннаго возникновенія группы полныхъ списковъ будетъ слѣдующая. Родоначальникъ—списокъ XIII вѣка А, находившійся до конца прошлаго или начала настоящаго столѣтія на Авопѣ. Съ него въ XV вѣкѣ, если не ошибся Бандини, былъ списанъ В человекомъ довольно аккуратнымъ и остроумнымъ. Ему мы обязаны первою серіею поправокъ; онъ первый представилъ свою, такъ сказать, редакцію текста, и будь она напечатана, это была бы editio princeps гораздо лучшая Альдини, при одинаковомъ количествѣ опечатокъ. Покуда еще В находился на Авопѣ, успѣли отчасти (т. е. въ Исеѣ, Динархѣ и Антифонтѣ) сличить его съ А и внести въ послѣдній часть поправокъ (а такъ же нѣкоторые lapsus calami или ingenii) ученаго переписчика. Въ концѣ XV вѣка, В былъ купленъ Яномъ Ласкарисомъ, посланнымъ Лоренцо Медическимъ въ Грецію для пріобрѣтенія рукописей, и поступаетъ въ бібліотеку Пьетро Медичи, преемника своего отца Лоренцо, тѣмъ временемъ умершаго. Между 1492 и 1508 гг. (въ этомъ году Медическая бібліотека, проданная флорентійскимъ правительствомъ папѣ Льву X, перевезена была въ Римъ, гдѣ и оставалась до 1522 г.) съ В снимается копія L, вѣроятно по инициативѣ и подъ покровительствомъ того же Яна Ласкариса, которому отдавались по желанію рукописи на домъ. L (черезъ посредство все того же Ласкариса?) отдавъ былъ для печатанія Альду и, быть можетъ, такъ и остался въ Венеціи, гдѣ находится въ настоящее время. Во Флоренціи еще L послужилъ подлинникомъ для М, написаннаго писцомъ небрежнымъ и весьма безцеремоннымъ въ обращеніи съ текстомъ. Ко-

ния эта попала въ монастырь св. Петра въ Перуджии, гдѣ случайно была переплетена вмѣстѣ со спискомъ лексикона Арпократіона. Наконецъ, съ М—не знаю гдѣ—списанъ былъ Z, въ которомъ мы также находимъ Арпократіона, писаннаго, однако, сколько извѣстно, не другою рукою, какъ въ М, а тою же, что ораторы и „софисты“.

Обратимся теперь къ NPO и начнемъ съ P. „Ambrosianum priorem“, говоритъ Беккеръ, „utpote recentissimum, nonnisi ad primam orationem (Isaei) contuli“. Этотъ-же списокъ В. въ предисловіи къ Андокиду называетъ *perpetua cura indignus*, параниѣ съ М. И стоятъ же они другъ друга! Тѣмъ болѣе странно и загадочно, что у Андок. IV 40 въ P сохранились слова *τοὺς βελτίστους περιδεεῖς καταστήσετε, τοῦτον δὲ κολλάζαντες*, которыхъ нѣтъ не только въ М и Z, но и въ L. Такъ показываетъ Беккеръ (*haec primus in P invenit Angelus Maius, sunt etiam in AB*). Стоить, однако, взглянуть въ книгу Анджело Май, чтобы увидѣть, что В. смѣшалъ одну Миланскую рукопись съ другою. Май (стр. 67) говоритъ не о P, а о Q., о томъ самомъ cod. Ambrosianus, въ которомъ такъ-же, какъ и въ AB, первая и вторая рѣчи Исея сохранились цѣликомъ. Паивности Розенберга мы обязаны еще однимъ любопытнымъ вариантомъ P. „Es ist nicht unwichtig zu wissen“, замѣтилъ онъ въ *Neue Jahrbücher Flekefizensa* т. 115, стр. 687, „dasz P in § 81 (Ликурга) für *μαχεσαμένων* einsetzt *ἀγωνισαμένων* und darin mit Diodors ausdrück zusammenstimmt“. Ничего такого нѣтъ у Беккера. Откуда же вариантъ? Безъ вини виноватымъ оказывается Мэцнеръ, у котораго мы находимъ: „*ἀγωνισαμένων* P. *Victorius cum Diodoro*“.

Если не считать неизбежное число вариантовъ ничего не значущихъ, въ родѣ напр. *γινόμεναις* : *γενομένων* Ис. I (ὀπόθ.), *γεόμενος*, : *γενομένος* тамъ-же, *ποσίδιππον* : *ποσείδιππον* 3, *ὁμᾶς* : *ἡμᾶς* 7, *προσαγαγεῖν* : *εἰσαγαγεῖν* 22, и тому подобныхъ, которые всѣ, сколько бы ихъ ни было, могли бы быть несомнѣнно вѣрны и все-таки не заставляли бы придавать значеніе ихъ источнику, P своего не представляетъ ничего. Случайно даже между невольными, такъ сказать, вариантами не оказывается ни одной поправки. Послѣ этого одному Розенбергу простительно находить, „dasz P in erheblicher weise von dem herrschenden text abweicht“. Онъ полагаетъ, что Беккеръ въ Лик. 126 на основаніи P напечаталъ *ποιήσεθε*, тогда какъ въ другихъ спискахъ имѣется *ποιήσεσθε* (ABL) или *ποιήσεσθαι* (Z). На самомъ дѣлѣ *ποιήσεσθε* внесъ въ текстъ еще Тэйлоръ по своей догадкѣ, принятой слѣдующимъ издателемъ и обратившейся въ вульгату, чѣмъ и объясняется

молчаніе Беккера объ источникѣ этой прекрасной поправки. Чтеніе *πρόφρασε* не могло случайно произойти изъ *ποιήσεσθε*; поправка такая не въ духѣ писца P, Михаила Аргосскаго; наконецъ, лучшее преданіе сказалось бы не въ одномъ только мѣстѣ.

Въ Ликургѣ P всего болѣе походить на L. Съ нимъ однимъ онъ согласенъ въ чтеніяхъ: 9 *τοῦτο* : *τούτω*, 80 *ἔδωσαν* : *ἔδοσαν*, 99 *πυθόμενος* : *παιθόμενος*, 107 (стихъ 9) *αἰσχόνῃ* : *αἰσχύνει*, 133 *τὸν ἀνδροφόνον* : *τῶν ἀνδροφόνων*, 145 *δῶσατε* : *δῶσατε*. Число этихъ совпадений, правда, не велико, и всѣ они могли явиться случайно, тѣмъ болѣе, что ихъ не много. Зато нельзя объяснять случайностью, что всякое слово, опущенное въ L, опущено точно также въ P. Кромѣ того 19 L вмѣсто *τοῦτον*

ον

имѣеть *τοῦτων*, P *τούτων*, MZ *τούτων*. 145 въ P, по прямому свидѣтельству Беккера, нѣтъ слова *τῆ* (передъ *βουλομένην*), представляемаго списками MZ. 100 (ст. 14) ABLP имѣють *ἔνεκα*, MZ *ἔνεκεν*. 107 (ст. 28) ABLP *ἀρετῆς*, MZ *ἐρατῆς*; тамъ же, ст. 20, ABLP—*γηραιούς*, прочіе—*γραιούς*. Быть можетъ, также не случайно, что 14 мы находимъ *βουλευοισθε* въ ABLP, а не *βουλεύσεσθε*. Все это виѣстѣ наводитъ на мысль, что P списанъ съ L. Наоборотъ не могло случиться уже потому, что въ P опущено 9 *διὰ* и 95 *οὖν*. Въ виду общихъ съ L пропусковъ случаи (сами по себѣ не внушительные), когда P=AB, но не=L, теряють всякое значеніе. Сюда относятся:

- 15 *ὑμετέρων* ABP : *ἡμετέρων*
- 76 *ἡσέβησεν* ABPZ : *εἰσέβησεν*
- 105 *γεγενημένους* ABP : *γεγεννημένους*
- (107, ст. 12 *τέλος* AB, *τελ* P ¹⁾) : *τελέθει*
- „ 13 *μαχόμεθα* ABP : *μαχώμεθα*
- „ 17 *ποιεῖσθε* ABP : *ποιεῖτε*

Въ Андокидѣ мы не находимъ у Беккера и 10 вариантовъ изъ P, а дѣлать заключенія *ex silentio* тутъ по тому самому вовсе не позволительно. Замѣчательны два чтенія, говорящія не въ пользу предположенія, что P списанъ съ L. I 134 P, а также MZ, имѣють *βραχέα μὲν* вм. *βραχέα*; 136 опущены въ PMZ слова *μὴ διανείμασθαι*. Быть можетъ, въ первомъ случаѣ μὲν въ L обозначено внизу точками, а во второмъ *μὴ διανείμασθαι* прибавлено на полѣ. Не мудрено что, Бек-

¹⁾ Въ этомъ *τελ* не должно видѣть ничего замѣчательнаго. Вѣроятно, *τέλος* было помѣнено на *τελέθει* въ L; неясная поправка и породила чтеніе *τελ*.

веръ, не жалуя L, не упомянулъ о такихъ мелочахъ. Впрочемъ, и въ Исеѣ предположеніе мое находитъ затрудненія. Тутъ Р въ слѣдующихъ чтеніяхъ согласенъ съ М и несогласенъ съ L:

- I 1 κατέλοσε : κατέλιπε
 ἐπὶ τὸ : ἐπὶ
 2 опущено ἐκείνῳ
 3 μὲν ὑπέθετο δὴ : δὴ ὑπέθετο μὲν
 4 опуц. καὶ τῶν νόμων
 10 " καὶ
 15 " αὐτοῦ
 16 ὅτι : ἔτι.

Кромѣ того, нѣкоторые варианты Р объясняются лучше чтеніемъ М. I (ὅπόθ.) τὸ прибавлено и въ М рг., 9 ἐπετρόπευσεν (вм. ἐπετρόπευσεν) есть и въ М рг., 10 τοῦτων (Р) и τοῦτον (L) связаны между собой посредствомъ τοῦτων (М). Если кто, на основаніи этихъ данныхъ, найдетъ болѣе правдоподобнымъ, что Р списанъ съ М, я противъ этого спорить не стану. Серьезнаго препятствія нѣтъ и въ Ликургѣ. Несомнѣнно одно, что варианты Р, какъ ненужный хламъ, слѣдуетъ выкинуть изъ критическаго аппарата. Текстъ отъ этого ни на йоту не измѣнится.

Мы пришли пока къ выводамъ отрицательнымъ. Оказалось, что при критикѣ текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга нѣтъ надобности обращать вниманіе на списки ВІМЗР, потому именно, что ни одинъ изъ нихъ самостоятельнаго значенія рядомъ съ А не имѣетъ. Представляютъ ли они въ частномъ случаѣ всѣ вмѣстѣ одно и то же разночтеніе, или расходятся въ чтеніяхъ, согласны ли они съ А или нѣтъ, чтò именно въ нихъ написано первою, чтò второю рукою—все это какъ нельзя болѣе безразлично. Такимъ образомъ, А пока не главная, а единственная основа текста. Такой выводъ важенъ не столько потому, что прекращаетъ не мало частныхъ колебаній (напр., слѣдуетъ-ли читать ἀποδείξει или ἐπιδείξει, ἐλέγχειν или ἐτελέγχειν и т. п.), гдѣ отчасти и теперь еще принято „слѣдовать большинству списковъ“ или „не отступать безъ нужды отъ вульгаты“, сколько въ виду спора о значеніи N. Но такъ какъ споръ въ этомъ случаѣ идетъ о значеніи N сравнительно съ А, то, стало быть, приговоръ, лишаящій ВІМРZ всякаго авторитета, вліяетъ на оцѣнку самаго А.

Первый издатель, познакомившій ученую публику съ N, Эдуардъ

Мэцнеръ, издавшій Ликурга ¹⁾, Антифонта и Динарха, рѣшительно отдалъ этому, сравнительно съ А позднему, списку предпочтеніе предъ всѣми другими. Возраженіе послѣдовало тотчасъ-же, а именно со стороны Цюрихскихъ издателей сборника *Oratores Attici* ²⁾, первый выпускъ котораго былъ оконченъ печатаніемъ, когда вышелъ въ свѣтъ Антифонтъ въ изданіи Мэцнера. Въ предисловіи своемъ къ первому выпуску Байтеръ и Зауппе такимъ образомъ отозвались объ N: „est ille liber bonae quidem notae, sed ut ad eandem familiam pertineat, ad quam codices nostri omnes— — —, et multa faciunt suspicionem, a scriba docto illo et ingenioso interdum idem factum esse, quod in Lysiae codice laurentiano saepissime factum esse infra videbimus (cf. 1 § 19: ἤμετέρας, 4 α § 2: ἀξιοθέντος). Sed de ea re alio loco accuratius explicabitur“. Зауппе сдержалъ данное слово и въ своей извѣстной *Epistola critica ad Godofredum Hermannum* обстоятельнѣе изложилъ свой взглядъ на N, доказывалъ, что текстъ Антифонта въ N подвергся такимъ же интерполціямъ, какъ текстъ Лисія въ одномъ изъ Флорентійскихъ списковъ, положенномъ Беккеромъ въ основаніе своего изданія Лисія (*Laurentianus C*), и что вообще N. относится къ А точно такъ же, какъ X (*cod. Palatinus*) Лисія къ C (*Laur.*), то-есть какъ копія къ подлиннику. За N заступился Фридрихъ Франке въ трехъ рецензіяхъ: 1) на Антифонта въ изданіи Мэцнера (*Jahns Jahrbücher XXVIII*, стр. 52 и сл.), 2) на *Epistola critica* Зауппе (*Zeitschrift für Alterthumswissenschaft* 1843, стр. 262 и слѣд.) и, наконецъ, 3) на Динарха въ изданіи Мэцнера (*Neue Jenaische Allgemeine Literatur-Zeitung*, 18—20 октября 1842 г., № 249—251). Байтеръ и Зауппе тѣмъ временемъ успѣли сами издать Динарха, для чего они сочли нужнымъ заглянуть сличеніемъ Оксфордскаго списка. Впрочемъ, мнѣнія своего объ N они не измѣнили. Вотъ что говорятъ они въ предисловіи къ Динарху: *Similitudine proxime ad A accedit, ita ut fere ubique ea habeat, quae in A a priore manu scripta erant. Nisi ubi correctus est: hoc vere saepissime factum est ab homine emunctae naris et bene docto. Quanquam igitur non plus huic libro tribuimus, quam vel Reiskio vel Dobreo vel aliis hominibus do-*

¹⁾ Ликурга М. издалъ, когда еще не зналъ о существованіи N. Но и впоследствии онъ, какъ кажется, не зналъ, что въ N есть часть рѣчи Ликурга.

²⁾ *Oratores Attici. Recensuerunt adnotaverunt etc. Io. Georgius Baiterus et Hermannus Sauppius. Pars prior: Verba oratorum cum adnotationibus criticis. Turici, 1839—1843.*

ctis, si quem locum felici coniectura restituisse viderentur, tamen haud pauca suppeditavit, quae recipienda esse putaremus". И такъ, „scriba doctus et ingeniosus“ обратился въ „homo emunctae naris et bene doctus“: разница, очевидно, только въ выраженіяхъ. Далѣе Зауппе на ту же тему написалъ особую статью, „Quaestiones Antiphontae“ (Index scholarum Гёттингенскаго университета за 1861 г. лѣтній сем.). И тутъ мы встрѣчаемъ того же злодѣя, „homo non ineruditus et ingenii satis acris“ (стр. 15). Но уже З. не считаетъ N копию съ А, а оба они, N и А, являются копіями одного и того же, вытѣ утраченнаго, codex archetypus. Оксфордскому списку дѣлается значительная уступка: „ex codice N multa felici coniectura inventa, nonnulla etiam ex archetypo rectius, quam in pr. A factum est, translata assumenda sunt“. Зато А, по характеристикѣ Зауппе, имѣетъ рѣшительно свойства Шиллеровскаго Фридолина: dies kind, kein engel ist so rein, lasst's eurer huld empfohlen sein. Зауппе величаетъ pr. А: orographon (codicis archetypi) ab homine rariū erudito scriptum, nunquam consilio interpolatum. Франке не отвѣчалъ. Слѣдующій издатель Антифонта и Динарха, Фридр. Бласъ (Blass) пошелъ по стопамъ Мэцнера, кое въ чемъ слушаясь болѣе радикальнаго Франке и въ то же время, по мѣрѣ возможности, стараясь не расходиться съ консерваторомъ Зауппе. Разумѣется, отъ такого распаркиванія въ разныхъ стороны дѣло не выиграло. Требовалось новое сличеніе какъ А, такъ и N, въ особенности послѣдняго, сличеннаго въ Антифонтѣ всего разъ. Только отъ новаго сличенія этихъ списковъ и тщательнаго разбора доводовъ Зауппе можно было ожидать рѣшенія спора въ томъ или другомъ смыслѣ. Рецензентъ Бласа, Р. Шель ¹⁾, исследователь солидный и толковый, высказался въ пользу мнѣнія Зауппе. Такъ же точно и другіе, въ томъ числѣ Арнольдъ Гугъ (Hug) въ упомянутой выше статьѣ: Commentatio de arte critica in Antiphontis orationibus factitanda, Turici 1872. Самъ Зауппе тѣмъ болѣе не нашелъ нужнымъ отказаться отъ своего мнѣнія ²⁾, въ которое увѣрвали люди, отчасти привыкшіе „смѣть свое сужденіе имѣть“.

¹⁾ Neue Jahrbücher Флекейзена, т. 103, стр. 297 и слѣд.

²⁾ См. H. Sauppil symbolae ad emendandos oratores atticos (Index Scholarum Гетт. унв. 1874), стр. 3: quibus de causis a sententiis, quas Theodorus Voemel in Demosthenicarum orationum Laurentiani Fridericus Blass in Antiphontis, Andreas Weidner in Aeschinis codicum fide et auctoritate ponderandis secuti sunt, recedendum esse videatur, alio loco et tempore explicabitur.

Такъ какъ гипотеза, что N списанъ съ А, давно оставлена самимъ Зауппе, то на ней не стоить останавливаться. Обратное предположеніе немислимо уже потому, что N, безъ всякаго сомнѣнія, значительно (лѣтъ на 100 съ лишнимъ) моложе нежели А. Остается допустить, что N и А, прямо ли, косвенно ли, вышли изъ одного и того же *codex archetypus*. Въ настоящее время, N содержитъ только Динарха, Антифонта и часть Ликурга, если не считать декламаций Ливанія, писанныхъ другимъ почеркомъ на другой бумагѣ. Что слѣдовало послѣ Ликурга, мы сказать не можемъ; но весьма вѣроятно, что передъ Динархомъ, начинавшимся на 122-мъ листѣ, находились рѣчи Андокида и Исея.

Разбирая варианты, при помощи которыхъ Зауппе доказываетъ свое предположеніе объ обширной интерполяціи, которой будто бы подвергся N, приходится дѣлить ихъ на три класса. Въ первый классъ входятъ тѣ, которыхъ на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ, во второй тѣ, которые или ничего не доказываютъ или скорѣе противоположное тому, что хотѣлъ доказать З.; третій классъ будутъ составлять чтенія дѣйствительно или вѣроятно интерполированные.

Первый классъ, классъ же-вариантовъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ съ одной стороны небрежному или неумѣлому сличенію списковъ А и N; съ другой—неосновательнымъ заключеніямъ *ex silentio*. Отъ послѣднихъ явились слѣдующія мнимыя чтенія N : Апт. I 6 $\mu\eta$: $\mu\epsilon\nu$, 10 $\epsilon\pi\epsilon\rho\omega\tau\acute{\omega}\mu$: $\epsilon\pi\epsilon\rho\omega\tau\acute{\alpha}$ $\mu\eta$, 20 $\omicron\upsilon\delta\delta\epsilon\nu$ $\alpha\iota\tau\iota\alpha$: $\omicron\upsilon\delta\delta'\epsilon\nu$ $\alpha\iota\tau\iota\alpha$ ¹⁾, II α 3 $\acute{\omega}\varsigma$: $\epsilon\acute{\omega}\varsigma$, IV α 2 $\tau\epsilon$: $\tau\epsilon$ $\kappa\alpha\iota$, V 16 $\alpha\upsilon$ $\acute{\alpha}\xi\iota\omega\varsigma\epsilon\iota$: $\acute{\alpha}\nu$ $\acute{\alpha}\xi\iota\omega\sigma\eta\varsigma$, 46 $\tau\alpha\upsilon\tau\acute{\alpha}$: $\tau\alpha\upsilon\tau\alpha$, 65 $\epsilon\iota\pi\epsilon\upsilon\nu$: $\epsilon\iota\pi\epsilon\nu$, 91 $\epsilon\pi\acute{\iota}$ $\tau\omega$: $\epsilon\pi\acute{\iota}$ $\tau\acute{\omega}$, VI 6 $\acute{\alpha}\nu\epsilon\nu\epsilon\chi\omega\acute{\nu}$: $\acute{\alpha}\nu$ $\acute{\epsilon}\nu\epsilon\chi\omega\acute{\nu}$, 26 $\gamma\epsilon$: $\sigma\epsilon$, 28 $\mu\alpha\rho\tau\omicron\rho\omicron\upsilon\acute{\nu}\tau\omega\nu$: $\kappa\alpha\tau\alpha\mu\alpha\rho\tau\omicron\rho\omicron\upsilon\acute{\nu}\tau\omega\nu$, 38 $\chi\rho\acute{\nu}\omicron\nu$: $\chi\rho\acute{\nu}\omicron\nu\omicron\varsigma$, 46 $\acute{\alpha}\pi\epsilon\rho\acute{\alpha}\phi\omicron\nu\tau\omicron$: $\kappa\alpha\tau\epsilon\rho\acute{\alpha}\phi\omicron\nu\tau\omicron$, $\sigma\upsilon\nu\eta\sigma\alpha\nu$: $\sigma\upsilon\nu\eta\sigma\alpha\nu$. Въ трехъ мѣстахъ, I 22 ($\pi\omicron\iota\eta\sigma\alpha\tau\epsilon$: $\epsilon\pi\omicron\iota\eta\sigma\alpha\tau\epsilon$), VI 25 ($\acute{\epsilon}\xi\epsilon\iota\gamma$ $\delta\epsilon$: $\acute{\epsilon}\xi\epsilon\iota\gamma\mu\epsilon\nu$ $\delta\epsilon$), 30 ($\pi\alpha\rho\acute{\epsilon}\chi\omicron\upsilon\tau\omicron$: $\pi\alpha\rho\acute{\epsilon}\chi\omicron\upsilon\tau\omicron$), N первоначально представлялъ то-же, что и А ²⁾. III β 10 $\delta\iota\alpha\phi\theta\omicron\rho\acute{\alpha}$ вм. $\delta\iota\alpha\phi\theta\omicron\rho\acute{\alpha}$ есть и въ А. III γ 3 первоначальное чтеніе А $\pi\epsilon\iota\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha\varsigma$ — $\acute{\eta}\gamma\eta\sigma\alpha\theta\epsilon$ почти вовсе не различается отъ чтенія N $\pi\epsilon\iota\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha\varsigma$ — $\acute{\eta}\gamma\eta\sigma\alpha\theta\alpha\iota$. Въ А первая рука исправила $\acute{\eta}\gamma\eta\sigma\alpha\theta\epsilon$ на $\acute{\eta}\gamma\eta\sigma\eta\theta\epsilon$, вследствие чего $\pi\epsilon\iota\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha\varsigma$ второю рукою было измѣнено на $\pi\epsilon\iota\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha\varsigma$. V 19 $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\sigma\sigma\omega\theta\epsilon\iota\varsigma$, прекрасная поправка Добри, найдена не только въ N,

¹⁾ Собственно въ N тутъ читается $\omicron\upsilon\delta\delta'\epsilon\nu$ $\alpha\iota\tau\iota\alpha$.

²⁾ Кому принадлежитъ попытка исправить первоначальное чтеніе, самому ли писцу или другому, рѣшить нельзя, по весьма простой причинѣ. Въ виду этого, эти три мѣста въ счетъ идти не могутъ.

но и въ А рг. I 17 безъимянному колятору Мэцнера показалось, что въ N написано : τῆς (sic) κλοταμνήστρας τῆς τοῦτου μητρὸς. Зауппе думалъ, что интерполяторъ хотѣлъ было написать ταῖς вмѣсто τῆς, но ограничился подписаніемъ йоты. На самомъ дѣлѣ, мнимая йота ничто иное, какъ острое удареніе слова ἄμα, находящагося строкою ниже. II γ 6 N теперь имѣеть τότε (вм. τόνδε, А рг. τόδε); по второе τ, какъ кажется, не первою рукою написано, а второю, взаи́мъ другою, исчезнувшей буквы, вѣроятно δ. III γ 7 N, какъ и А рг., представляетъ чтеніе βάλλων. IV δ 9 въ А рг. было не οὗτος, а οὗ τοῦ, что мы находимъ и въ N; точно также одинаково имѣють V 51 τοῦτον μέντοι N и А рг.; 54 τοῦτου N и А рг. Не знаю навѣрное, считалъ ли З. въ послѣднихъ четырехъ случаяхъ чтеніе N интерполированнымъ. За то несомнѣнно, что онъ усматривалъ интерполяцію III γ 6 въ чтеніи ἀποκτείναντος (вм. ἀποκτείνει, какъ, будто бы, имѣлъ А рг.); принято читать ἀπέχτεινε по А². Оказывается теперь, что А рг. имѣлъ ἀποκτείνα..., то-есть, по всей вѣроятности, именно ἀποκτείναντος; изъ этого το ἀποκτείναντος; получается возстановленное мною чтеніе ἀποκτείνας.

Я приводилъ пока лже-варианты въ томъ порядкѣ, въ какомъ они попадаютъ у Зауппе на первыхъ 8-ми страницахъ его Quaestiones Antiphontеas. На стр. 9 начинается списокъ отборныхъ интерполяцій, къ которому я еще возвращусь ниже. Тутъ укажу лишь то, что основано на невѣрныхъ показаніяхъ лицъ, сличавшихъ А или N. II α 7 N имѣеть καθίστησιν, а не καθίστησεν; δ 7 χορίως N и А, исправленный тою же рукою. III γ 8 μήδὲ δὶ N, μηδέ.. Arg. (то-есть, вѣроятно, то-же). Слѣдуетъ слово ἐπιμελείας; очевидно, должно быть μηδὲ δι' ἐπιμελείας, а не μηδεμίᾱς ἐπιμελείας, какъ принято читать по А² впереди было ὑπὸ τοῦ δρῶντος αὐτοῦ (Blass) или что нибудь подобное. III γ 10 ἀπολέσθαι послѣ ἐγένετο и IV δ 4 ἢ послѣ μάλλον оказались и въ А рг. V 17 N и А рг. представляютъ одинаково ὠφελῆσαι τοῦδε κόσμου (ὠφελείσθαι τοῦδε τοῦ νόμου второю рукою внесено въ А). Что было первоначально, сказать не умѣю. V 35 въ N нѣтъ вовсе οὐ послѣ ἀπολλυμένου. Тамъ же 61 ἐπὶ τοῦτον подтверждаетъ А рг. 82 N представляетъ τοῦδὲ (вм. τοῦτοδὲ), а не τοῦδε. 91 N ἀπολωλέναι, А ἀπωλωλέναι. 95 ἀραίστωνόδετοι (то-есть, ῥᾶστων δὲ τοι) опущено, правда, въ N, но такъ, что конецъ строки оставленъ свободнымъ и раньше (послѣ τῶν ἀληθῶν) не поставлено точки. Миѣ кажется, въ виду этого объ интерполяціи тутъ рѣчи быть не можетъ¹⁾. VI 6 N имѣеть не

¹⁾ Въ крайнемъ случаѣ можно указать профессору Зауппе на совершенно

δημόσια, а δημοσία; 47 καταδικάζειν вм. καταδικάσαι можно было бы считать опиской писца N, если бы не находилось то же чтение въ A надъ строкою.—Далѣе, несомнѣнно „ex archetypo repetitum“ III γ 10 τοῦδε τοῦ, ибо то же оказалось и въ A pr. Точно также V 54 N и A pr. одинаково представляютъ τοῦ μὴ διαμνημονεύειν. V 39 выскоблены въ A три буквы повидимому καὶ передъ ενθεῖς, не послѣ этого слова, такъ что A pr. никакъ не могло имѣть συνευθεῖς μοι, какъ думалъ Зауппе¹⁾).

Изъ второго класса вариантовъ, приведенныхъ у Зауппе въ доказательство произвольнаго и сознательнаго искаженія текста Антифонта въ N, класса вариантовъ или ничего не доказывающихъ или нѣчто совсѣмъ другое, приведу образцы и примѣры выдающіеся. Не мѣшаетъ прежде указать на то, что сказалъ самъ Э. въ заголовкѣ главнаго списка интерполированныхъ мѣстъ (стр. 9): „Neque enim mirum est per negligentiam vitia quaedam admista esse, qualia et in codicibus omnibus reperiuntur et nunc quisque in scribendo facile admittit, ut propter homoeoteleuton verba ommissa sunt quaedam 1 § 7, 2 § 11, 6 § 17 et 32“. „Leviova igitur“, говоритъ онъ далѣе, „omnia omittam (ut καίτοι 1 § 25 ex prioribus repetitum, § 24 ἡδίκησε bis pro ἡδίκησε scriptum, similia multa), ea afferam, quae partim hominem sententiam magis quam verba secutum esse, partim consilio quaedam mutasse ostendant“. На самомъ дѣлѣ Э. приводитъ цѣлый рядъ такихъ промаховъ, qualia et in codicibus omnibus reperiuntur et nunc in scribendo quisque facile admittit. Сюда относятся варианты

I 12 καταψηφίσασθε : καταψηφίσθηθε
26 κελεύουσα : κελεύασα

подобное явленіе въ A. Въ рѣчи Либурга § 28 послѣ τοὺς οἰκίτας еще Беккеръ замѣтилъ, что въ A—versus dimidius vacuus. На верху на этомъ же пространствѣ помѣщаются 27 буквъ. Столько же могло бы быть и тутъ. И дѣйствительно, въ N нашлись тутъ слова: ἡ προκλήσεις προκλήσει ἀξίον ἐστι, то-есть, какъ мнѣ кажется, ἡ προκλήσεις προκαλείσθαι ἀξίον ἐστι. Блассъ читаетъ эти слова такъ: τῆς δὲ προκλήσεως ἀκούσα ἀξίον ἐστιν, Тальгеймъ (Jahrbücher Фленейзена т. 115, стр. 682)— ἡ προκλήσεις προκαλείσαι ἀξίον ἐστιν. Кто изъ насъ правъ, можетъ быть, рѣшится въ послѣдствіи. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что писецъ A не понималъ этихъ словъ и пропустилъ потому именно, что не понималъ.

¹⁾ Я не упомянулъ о нѣкоторыхъ такихъ лжевариантахъ, которые не имѣютъ прямого отношенія къ вопросу объ интерполяции. Къ нимъ принадлежитъ, напри- мѣръ, чтеніе II β 13 κατηγορεῖται τα μοι (вм. κατηγορεῖτέ μοι), которое рѣшительно вымышлено. N представляетъ κατηγορεῖτε μοι.

II α 9 ἐλεγχομένους : ἐξελεγχομένους

III β 7 ἐμελέτα : ἐξεμελέτα

IV α 2 τὴν γῆν καὶ θάλασσαν : τὴν γῆν καὶ τὴν
θάλασσαν

β 7 μέντοι : μέν μοι

и не мало другихъ, тому подобныхъ. Относительно I 19 ἡμετέρας : ἐμῆς самъ Заупе допускаетъ возможность иного взгляда. Какъ возникло I 25 ἦδη γοῦν : ἦδη οὖν ἐγώ, объяснить не берусь; но не понимаю также, какъ тутъ можно находить интерполицію. I 31 явно не δεδιήγηται въ N интерполировано, а διήγηται въ A явилось по оплошности или по недоразумѣнію, вслѣдствіе того, что писецъ припялъ δε за союзъ ¹⁾). II β 2 N, представляя проβέβληκεν вм. ἐμβέβληκεν, даетъ возможность съ увѣренностью читать проσβέβληκεν. Этого не могъ не замѣтить самъ З., у котораго приведены параллельныя мѣста изъ Антифонта. Онъ же допускаетъ, что Рейске II δ 7 вѣрно возстановилъ ποῦ δίκην δώσει вм. οὐ δίκην δώσει, и тѣмъ не менѣе ратуетъ противъ τί οὐ δίκην δώσει (собственно τι οὐ δ. δ.), чтенія, очевидно, болѣе близкаго къ истинѣ. Не надо забывать, что Рейске не могъ принять въ расчетъ этого чтенія. I 16 ἐθελήσοι : ἐθέλησαι, II β 3 τὴν νῦν ὑποψίαν : τὴν ὑποψίαν τὴν νῦν, δ 2 τῆς ἀληθοῦς ὑποψίας ἀπάσης : τῆς ὑποψίας πάσης τῆς ἀληθοῦς, IV β 1 ἐγένετο : γέγονεν, V 26 αὐτὸ : τοῦτο, 52 γεγένηται : ἐγένετο, 88 τὰλλα ὄσα : τὰλλ' ὅποσα, 92 ἐξεργάζοιτο : ἐργάζοιτο, все это варианты безразличны; доказывать или оспаривать интерполицію съ той или другой стороны—значило бы даромъ тратить слова. III β 11 вмѣсто Ἐλεοῦντες οὖν τοῦδε μὲν τοῦ νηπίου и т. д. N имѣетъ Ἐλεοῦντες μὲν οὖν οὔδε (другою рукою вставлено предъ οὔδε τ) μὲν τοῦ νηπίου. Интерполиаторъ, думается мнѣ, намѣренно врядъ ли вставилъ бы μὲν, которому нѣтъ соотвѣтствующаго δέ. IV β 4 въ словахъ ἐμοὶ ἀνόσιον ἔγκλημα προσέβαλεν въ N опущено ἔγκλημα, и дальше—εἶναι послѣ ἡγεῖται; тамъ же γ 4 мы находимъ въ N ἔπαθεν вм. ἀπέθανεν, и наоборотъ 7 ἀποθανόντος вм. παύοντος. Такого рода варианты что-то не походятъ на сознательныя интерполиціи. Вѣроятно ли, что IV δ 2 τοῖς ἐφθαλμοῖς переписчикомъ измѣнено было на τοῖν ὀφθαλμοῖν, когда рядомъ осталось τοῖς ὠσίν? V 77 Blass возстановилъ χορηγίας χορηγεῖ καὶ τέλη κατατίθεισιν вм. χορηγίας ἐχορηγεῖ καὶ τέλη κατατίθει; N далъ ему κατατίθεισιν. Въ той же рѣчи

¹⁾ Дѣ во многихъ рукописяхъ—enclitica. Отсюда объясняется, отчего мы, напр., вѣроятно встрѣчаемъ ἐγώδε вм. ἐγώ δι и т. д.

90 Бл. напрасно не рѣшился принять чтение *φαισαμένοις* вм. (*ἀπο*) *ψηφισαμένοις* и напрасно его за это похвалилъ Шель. Вотъ это мѣсто: *καὶ ἀποψηφισαμένοις μὲν ὑμῖν ἐμοῦ νῦν ἔστι τότε χρῆσθαι ὃ τι δὴ βούλεσθε, ἀπολέσαι δὲ οὐδὲ βουλευσάσθαι ἔτι περὶ ἐμοῦ ἐγχωρεῖ*. Въ этихъ словахъ *ἀποψηφισαμένοις* пишется по догадкѣ корректора Альдины; въ А находится *ψηφισαμένοις*. въ N—*φαισαμένοις*. Можно допустить, что *φαισαμένοις* догадка, и тѣмъ не менѣе считать это чтение вѣрнымъ. Шель¹⁾ полагаетъ, что „понятіе пощады неумѣстно въ устахъ того, кто жалуется на несправедливое привлеченіе къ суду“. Какъ же Сократъ говоритъ своимъ судьямъ²⁾: *ἀλλ' ἐὰν πειθῆσθε, φείσεσθέ μου. ὑμεῖς δ' ἴσως τάχ' ἂν ἀχθόμενοι, ὡπερ οἱ νυστάζοντες ἐχειρόμενοι, χρούσαντες ἂν με, πειθόμενοι Ἄνυτφ, ῥαδίως ἂν ἀποκτείναιτε?* Не о пощадѣ же молить Сократъ? У Платона противопологаются *φείδεσθαι* и *ἀποκτείνειν*, у Антифонта—*φείδεσθαι* и *ἀπολλόναι*. Первое въ томъ и другомъ случаѣ означаетъ не „миловать“, а „не приговорить“, безъ отгѣика пощады, хотя, разумѣется, *φείδεσθαι* чаще = „щадить“. Но не придумано ли въ N *φαισαμένοις* именно вслѣдствіе того, что противопологаются *ἀπολέσαι*? Это невозможно, такъ какъ *ἀπολέσαι* δὲ—поправка Добри (не знавшаго, въ свою очередь, чтенія *φαισαμένοις*) вм. *ἀπολογήσασθαι*. Въ виду всего этого, нѣтъ основанія отвергать *φαισαμένοις*, или считать чтение это догадкою переписчика. *ψηφισαμένοις*, правда, еще менѣе можетъ подвергаться подобному подозрѣнію; но если *ψηφισαμένοις* не представляетъ смысла, слѣдуетъ ли изъ этого, что истинное чтение *ἀποψηφισαμένοις*, а не *φαισαμένοις*? Стоило одному писцу написать *φαισαμένοις*, и весьма легко могло явиться *ψηφισαμένοις*, тѣмъ болѣе что только что предшествовало *διαψηφίζόμενοι*. Что касается несчастнаго мѣста VI 21 *ἔλεξα ἔτι τὸν μὲν νόμον οὐ δίκαιον οὐ προκλήσθαι, εἰ (προκλήσεται ἢ N) Φιλοκράτης* и т. д., то я, такъ же какъ мои предшественники, не знаю, чтò съ нимъ дѣлать. У Заупше приведено конъектуръ множество, и ни одной сносной. Лучше ужъ объ этомъ и не говорить, пока не отыщется по счастливому случаю настоящее чтение. Въ N на полѣ написано рукою самого писца: *σφάλμα*. Кто поручится, что это слово не взято изъ подлинника? Такъ или нѣтъ, а *inf. προκλήσθαι* послѣ *δίκαιον* (Aрг. опускаетъ второе *οὐ*) скорѣе смотреть интерполяціею, нежели *προκλήσεται*. VI 39 въ словахъ *συνῆσαν μοι καὶ διελέγοντο ἐν τοῖς ἱεροῖς, ἐν τῇ ἀγορᾷ, ἐν τῇ ἐμῇ οἰκίᾳ*,

¹⁾ Neue Jahrbücher Fleckeszen t. 103, p. 301.

²⁾ Платонъ 'Απ'. стр. 31 А.

ἐν τῇ σφετέρᾳ αὐτῶν καὶ ἐτέρωθι πανταχοῦ, N представляет καὶ ἐν τῇ σφετέρᾳ αὐτῶν. О αὐτῶν и говорить нечего; а καὶ считать умышленной интерполяцией чело́вѣка „ученаго и довольно остроумнаго“ — трудно. VI 45 ἐχώρει вм. ἐνεχώρει не было бы подозрительно даже если бы не слѣдовало читать ἐγχώρει¹⁾).

Много ли остается чтеній, свидѣтельствующихъ объ „интерполяции“? I 3 A pr. имѣлъ ἀπειλειμένω вм. ἀπολειμένω; въ N мы находимъ ἀπειλημένω. Не попытка ли это, хотя и примитивная, исправить ἀπολειμένω? Однако, кому неизвѣстны тысячи ошибокъ, происшедшія вслѣдствіе итацизма? Въ виду этого, мы и относительно V 46 задумываемся согласиться съ Зауппе. Тутъ въ A pr. читалось δ δὲ καὶ μάλιστα ἐνθυμεῖσθαι; вторая рука передъ ἐνθυμεῖσθαι вставила δεῖ. Въ N мы, повидимому, находимъ другую догадку: δ δὲ καὶ μάλιστα ἐνθυμεῖσθε. Но догадка ли это въ самомъ дѣлѣ? II β 9 къ словамъ περιγεγόμενος δὲ καὶ ληφθεῖς. Добри замѣтилъ: „Forsan del. καὶ ληφθεῖς, i. e. λειφθεῖς, gloss. ad περιγεγόμενος“. Именно λειφθεῖς читается въ N. VI 44 N имѣетъ παρῆσαν, какъ хотѣлъ и Добри, а въ A мы находимъ παρῆσαν. I 4 (πρὸς τίνας οὖν ἔλθοι τις βοηθός) чтеніе N πρὸς τίνας οὖν ἔλθη справедливо предпочитается догадкѣ Добри: πρὸς τίνας ἄν οὖν ἔλθοι. Очень можетъ быть, что λειφθεῖς, παρῆσαν, ἔλθη, чтенія отчасти подтвердившія, отчасти сдѣлавшія ненужными догадки такого критика какъ Добри, явились случайно, а не сохранились какъ лучшее преданіе и не были восстановлены писцомъ по догадкѣ. Почему же считать догадкою именно то, что не можетъ быть одобрено, какъ, напримѣръ, ἀπειλημένω I 3 или ἐνθυμεῖσθε V 46. Въ N нѣсколько разъ повторено слово изъ предыдущаго, явленіе общее всѣмъ рукописямъ, не только греческимъ. I 25 Зауппе готовъ отнести повтореніе καίτοι къ „levioga“ (стр. 9). Къ другимъ такого рода вариантамъ онъ отнесся не такъ милостиво. V 92 ἐστὶ (собственно ἐστίν) и VI 16 μὲ попали почему-то въ число умышленныхъ интерполяцій. Туда бы онъ вѣроятно отнесъ и λόγους II α (ὀπόθ.), если бѣ не проглядѣлъ. Къ одному варианту, объясняющемуся весьма просто пропускомъ вслѣдствіе ομοιοτέλεστον, онъ, несмотря на данное раньше всѣмъ подобнымъ пропускамъ отпущеніе, отнесся съ мнительностью нѣсколько странною. IV δ 5 δ δὲ διὰ τὴν αὐτοῦ ἀκολασίαν πάντα δρῶν καὶ πάσχων, καὶ τῆς αὐτοῦ καὶ τῆς ἐκείνου ἀμαρτίας (αἴτιος γεγόμενος)

¹⁾ Относительно VI 23 ἔτοιμός εἰμι: ἔτοιμος εἶν см. мои Observations Antiphontae (Ж. М. Н. Пр. 1878, июнь) стр. 27.

δικαίως φωναὸς εἶναι ἔστιν. Въ N нѣтъ словъ καὶ τῆς ἑαυτοῦ или, если хотите, ἑαυτοῦ καὶ τῆς, въ чемъ, казалось бы, подозрительнаго ничего нѣтъ. Но дѣло, вѣроятно, въ томъ, что отъ зоркаго глаза Зауппе не ушло, какъ прекрасно мы можемъ обойтись безъ этихъ словъ; оттого-то, вѣроятно, онъ писца N и заподозрилъ въ намѣренномъ выпущеніи ихъ. Но отчего не допустить наоборотъ, что слова καὶ τῆς ἑαυτοῦ въ A попали по ошибкѣ? Въ самомъ дѣлѣ, смысла въ нихъ нѣтъ: что значить τῆς ἑαυτοῦ ἀμαρτίας αἴτιος ὢν (или γενόμενος)? А происхождение ихъ объясняется весьма просто, путемъ, такъ сказать, внѣшнимъ. Въстало καὶ τῆς ἐκείνου ἀμαρτίας явилось сперва καὶ τῆς ἑαυτοῦ ἀμαρτίας вслѣдствіе того, что немного раньше было διὰ τὴν ἑαυτοῦ ἀκολασίαν. Затѣмъ ошибка была исправлена или, точнѣе, указанъ способъ исправленія надъ строкою; отсюда явились два варианта καὶ τῆς ἑαυτοῦ и καὶ τῆς ἐκείνου, попавшіе впоследствии оба въ текстъ (диптографія).

Вариантовъ такихъ, которые не доказываютъ ничего или доказываютъ не то, что хотѣлъ ими доказать Зауппе, я разобралъ достаточно, чтобы обнаружить слабую сторону его изслѣдованія. Сравнивая и внѣшнимъ чтеніемъ A и N съ предвзятой точки зрѣнія, онъ находитъ доказательства своему мнѣнію тамъ, гдѣ ихъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и не видитъ вовсе препятствій, отчасти явныхъ. Вслѣдствіе этого теряются въ массѣ и не тщательнѣе другихъ разобраны немногіе случаи, относящіеся къ третьему разряду, случаи, въ которыхъ болѣе или менѣе естественно допускать фактъ интерполяціи. Если въ томъ числѣ найдутся хоть три несомнѣнныхъ примѣра, то этимъ предположеніе объ интерполяціи приобрѣло бы твердую почву, безъ которой изслѣдованіе сводится къ пустой игрѣ. Но такихъ-то несомнѣнныхъ случаевъ интерполяціи на мой взглядъ N въ Антифонтѣ не представляетъ, хотя я допускаю, что и N, какъ всякая вообще рукопись древняго автора, въ широкихъ или скромныхъ размѣрахъ, неперемѣнно подверглась такого рода порчѣ. Нѣкоторую долю правдоподобія я признаю за предположеніемъ Зауппе въ слѣдующихъ случаяхъ: II β 4 ἐγὼ δ' εἰκότως A, ἐγὼ δικαίως N. γ 6 χίνδονον A, ἀγῶνα N. V 14 διδάξουσι A (διδάσκουσι Рейске), διδάξει N (διδάσκει Вейднеръ). 71 καὶ τοῦτ' ἴσως ἂν φανερόν γενοίτ' ἂν ὕστερον, καὶ ὅτε τρόπῳ τέθνηκεν ὁ ἄνθρωπος: въ N нѣтъ перваго ἂν и втораго καὶ. VI 42 φόνου A, φόνοу δίχην N. Но убѣдительными и эти примѣры никакъ считаться не могутъ; нельзя отрицать возможности чтенія N, и нѣтъ нужды полагать, что послѣднія вышли изъ чтеній A. V 11 N имѣетъ не

αὐτῶ (αὐτῷ Мэцнеръ), а αὐτῶ, чего не могъ знать Зауппе, который, разумѣется, не преминулъ бы указать и на это мѣсто. Оно, какъ мнѣ кажется, имѣло бы значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы αὐτῷ было неумѣстно. III γ 5 я согласенъ съ Зауппе, что должно читать ἀποκτείναντα (A), а не ἀκοντίσαντα (N); но самъ вѣдь онъ говоритъ о чт. ἀκοντίσαντα: ortum est ex iis, quae sequuntur: τὸν δὲ οὕτε ψάσαντα τοῦ ἀκοντίου οὕτε ἐπινοήσαντα ἀκοντίσαι¹⁾. Есть ли, стало быть, надобность видѣть тутъ интерполяцію? V 85, быть можетъ, N неправильно имѣетъ οἶμαι δὲ ὑμῶν ἀποψηφίσασθαι, безъ καὶ послѣ δέ; но, во 1-хъ, вопросъ о пропускахъ статья особая, во 2-хъ, мѣсто это какъ съ καὶ, такъ и безъ оного должно считаться (и всегда считалось) испорченнымъ, и никому еще не удавалось, да и не удастся никогда по одной догадкѣ, возстановить истинное чтеніе.

Одно мѣсто, приведенное у Зауппе, я пока оставилъ въ столбѣ, хотя оно-то, повидимому, и можетъ служить нагляднымъ примѣромъ интерполяціи. Самъ З. впрочемъ особеннаго ему значенія не придаетъ. Вотъ оно: V 96 ἐν δὲ τῇ τοῦ φόνου δίχῃ οὗτοί τε τὸν νομιζόμενον ὄρκον διομοσάμενοι ἐμοῦ κατηγορήσουσι. N: ἐὰν δὲ—κατηγορήσουσι. З. не зналъ, что сначала въ N было написано κατηγορήσουσι, но самъ писецъ тотчасъ же измѣнилъ οὐ на ω, очевидно оттого, что у него предшествуетъ ἐὰν. Далѣе слѣдуетъ: καὶ ὑμεῖς περὶ ἐμοῦ κατὰ τοὺς κεκείμενους νόμους διαγνώσασθε. Тутъ вышло наоборотъ: подъ вліяніемъ того же ἐὰν явилось сперва διαγνώσασθε; но рѣшивъ, вѣроятно, лучше не умничать, писецъ возстановилъ διαγνώσασθε. Что же можно вывести изъ этого мѣста? Мнѣ кажется, вотъ что: 1) писецъ N дѣйствительно машинально, полубезсознательно дѣлалъ измѣненія въ текстѣ; 2) онъ былъ человекъ осторожный и себѣ не довѣряющій. Въ поясненіе пункта перваго не мѣшаетъ обратить вниманіе на то, что приведенное выше мѣсто находится въ самомъ концѣ пятой рѣчи Антифонта. Тутъ же мы находимъ пропускъ неудобопонятныхъ словъ ἀραϊστῶνδετα (съ обозначеніемъ, впрочемъ, пропуска), тутъ же τί ἐστὶ πλέον ἢ. τί ἔσται πλέον, тутъ же, наконецъ, ἐνεστὶ ἢ. ἐνεστί. Очевидно, писецъ тутъ сгнѣшилъ окончить свой pensum и былъ не такъ аккуратенъ, какъ обыкновенно. Въ виду этого, мы не имѣемъ собственно права на основаніи такого мѣста, дѣлать заключеніе объ измѣненіяхъ, хотя бы машинальныхъ, вообще. Второй нашъ выводъ вполне подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что поправокъ первой руки, то-есть сдѣла-

¹⁾ Quæst. Antiph. стр. 10.

ныхъ самимъ писцомъ, въ N мало, а неудачныхъ, или даже отступающихъ отъ чтенія A, почти вовсе нѣтъ; такъ что весьма вѣроятно, что онѣ всѣ сдѣланы тотчасъ же и почти всѣ по самому подлиннику. Что касается упомянутыхъ мною раньше сколій и замѣтокъ первой руки, имѣющихся изрѣдка въ N на поляхъ, не думаю, чтобы онѣ были сочинены самимъ писцомъ. Не думаю потому, что во внѣшнемъ ихъ видѣ, въ начертаніяхъ буквъ и общемъ складѣ письма нѣтъ ни малѣйшаго признака умственной работы; онѣ написаны такъ же ровно, четкѣ, канцелярски, какъ и текстъ. Къ Антифонтѣ сколій, собственно говоря, нѣтъ вовсе. Есть только нѣсколько краткихъ замѣтокъ содержанія риторическаго (II α 4 ἀναίρεσις αἰτιῶν, 5 βούλησις, 9 λύσις τῆς τῶν ἐλέγχων ἀπαιτήσεως и нѣсколько дальше ἡ παρέχθαισις οἶμαι [?] ἀπὸ τοῦ μέλλοντος, β 7 διαβολή τῆς οἰκέτου μαρτυρίας, V 9 τὸ παραγραφικόν) и двѣ замѣтки другаго рода. Въ одномъ мѣстѣ (IV γ 3) автору замѣтки, какъ кажется, понравилась фраза: εἰ δὲ ταῖς χερσὶν ἀπέχετασε καὶ οὐ σιδήρῳ κτλ., и онъ отмѣтилъ мѣсто знакомъ Xρ (ρ какъ бы вставлено сверху въ X), то-есть, если не ошибаюсь, χρήσιμον ¹⁾ или что нибудь въ этомъ родѣ. Къ другому мѣсту, несчастному V 21, прибавлено σφάλμα. Въ Динархѣ я нахожу лишь одно ση(μείωσαι или σημειοῦ или σημειωτέον) ²⁾ въ II 3 πονηρίαν γὰρ ἀρχομένην κтл. Въ Ликургѣ этого добра побольше, а именно:

εὖ 7 (нач.) ση
 28 δεῖν] συνηρημένον ἀτιτικῶς, ἀπὸ
 τοῦ δέον, δεῖν ὡς ἀπὸ τοῦ πλέον
 πλεῖν. Вѣ текстѣ находится οἶμαι δεῖν!
 133 ταχύ γε ἄν] ἀντὶ τοῦ σχολῆ γ' ἄν
 ἢ ἀντὶ τοῦ πολλῶ ἄν δήπου ἢ ἀντὶ
 τοῦ ἦ ποῦ γε ἄν.

Авторъ такихъ замѣтокъ, разумѣется, не можетъ претендовать на эпитеты homo emunctae paris или ingenii satis acris. Если онъ по своему исправлялъ текстъ, то это были, безъ сомнѣнія, медвѣжьи услуги. Но гдѣ слѣды этихъ услугъ, слѣды явные, несомнѣнные? Въ Антифонтѣ мы ихъ не нашли. Остается искать въ Динархѣ и Ликургѣ. Въ Динархѣ даже Франке, отстаивавшій Оксфордскій списокъ, допускалъ, что N „или скорѣе та рукопись, отъ которой онъ про-

¹⁾ См. Bast, Commentatio palaeographica, стр. 849.

²⁾ Сокращеніе изображено у Баста въ указанномъ мѣстѣ на 7-й таблицѣ, строка 6, № 2.

исходить, подвергся кое-какимъ интерполціямъ¹⁾. Вотъ его примѣры I 7 (ητεῖν] ἀσφαλῶς N и тамъ же ἀπηλλάξατε вм. ἐπηνέσατε. Въ первомъ случаѣ, N собственно имѣеть σφαλερῶς, а не ἀσφαλῶς, но второмъ ἀπηλλάξατε; но важнѣе то, что ни того, ни другаго не было въ N первоначально, а оба слова написаны рукою позднѣйшаго корректора или реставратора. Этотъ корректоръ поставилъ себѣ задачей обновить или возстановить буквы, слоги или слова поблекшія или вовсе исчезнушія отъ сырости или другой случайной причины. Особенно много работы находилъ и особенно усердно трудился онъ на первыхъ страницахъ рукописи, въ началѣ Динарха, между прочимъ, въ §§ 7 и 8. Тутъ его рукѣ принадлежитъ τοῦ въ τοῦτῆ, καὶ ὁ въ καὶ δημάδου, ἀσφαλ въ ἀσφαλές, σφαλερῶς π въ σφαλερῶς προσετάξατε, ἀπηλλάξα въ ἀπηλλάξατε, ζειν τὰ въ ἀναγκάζειν τὰ, τὰς ἀποφά въ τὰς ἀποφάσεις, τότε въ ἐν τῷ τότε. Изъ этихъ возстановленій выполнѣ удачны только первые три, и нѣтъ основанія сомнѣваться, что N pr. вездѣ представлялъ то же что A. Такимъ образомъ, чтенія ἀσφαλῶς и ἀπηλλάξατε I 7 насъ смущать не должны; такъ же точно ἐν τῷ τότε вм. ἐν τῷ δήμῳ въ слѣд. §, а это третій примѣръ у Франке. 56 πενταδραχμίαν вм. πεντεδραχμίαν было и въ A pr. 64 τι τῶν κατὰ вм. τι κατὰ (а не τι τῶν вм. τῶν, какъ говоритъ Фр.) и теперь читается въ A. 91 въ словахъ ὁρᾶ γὰρ ὑμᾶς τὸν πάντα χρόνον ἐλπίζει κεναῖς καὶ ψευδέσι λόγοις ἐξηπατημένους ὑφ' ἑαυτοῦ, καὶ μέχρι τούτου μνημονεύοντας τὰς ὑποσχέσεις μέχρις ἂν ῥηθῶσιν N имѣеть еще καὶ послѣ μέχρι τούτου. Не знаю, почему именно Фр. видитъ въ этомъ интерполяцію, если считаетъ N лучшимъ спискомъ: καὶ тутъ весьма возможно, и въ то же время повода къ вставкѣ не было никакого²⁾. Неубѣдительными кажутся мнѣ и остальные примѣры. I 46 лишнее κατὰ могло явиться подъ вліяніемъ предъидущихъ словъ καὶ τὰς; къ тому же оно тутъ слишкомъ ужъ бессмысленно. I 74 принято теперь читать ἡγεμῶν δὲ τῆς φάλαγγος κατέστη Θεαγένης. Такъ, по Беккеру, имѣютъ АВ; прѣжнее же чтеніе κατεστάθη оказалось и въ N. Допустимъ, что въ L оно попало путемъ интерполяціи; развѣ отсюда слѣдуетъ, что оно невѣрно (то-есть что такъ не читалось въ cod. archetypus) и что оно въ N пошло тѣмъ же путемъ? Наоборотъ, κατέστη, какъ форма болѣе обыкновен-

¹⁾ Neue Jenaische Allgemeine Litteratur-Zeitung, 1842, № 250, стр. 1030.

²⁾ Впрочемъ, Фр. не зналъ хорошенько, какъ читается въ N: τούτου καὶ или καὶ τούτου. Ему показалось, что «die Note des Herrn Mactzner lässt dies zweifelhaft».

ная, скорѣе могла подвернуться, незамѣтно для самого писца. Наконецъ, I 104 мы находимъ въ N: οὐ τετόλμηκε τοῦτοις ἐνδειῖται τὸ πρόσωπον, въ A: οὐ τετόλμηκεν αὐτοῖς δεῖξαι τὸ πρόσωπον. Даже Цюрихскіе издатели, не жалуящіе N, приняли τετόλμηκε τοῦτοις, вѣроятно, впрочемъ, считая это чтеніе удачною догадкою. Ἐνδειῖται, разумѣется, отпергнуто единогласно всѣми, какъ выраженіе невозможное. Но возможно ли, чтобы „homo emunctae paris“, только что показавшій свое тонкое чутье возстановленіемъ τοῦτοις вмѣсто αὐτοῖς, тутъ-же замѣнилъ нарочно δεῖξαι πρόσωπον выраженіемъ неумѣстнымъ и даже не греческимъ ἐνδειῖται πρόσωπον? — „Dies ist Alles“, говоритъ Франке. Противникъ списка N могъ бы, конечно, привести изъ Динарха еще длинный рядъ примѣровъ; но не трудно себѣ представить, чтѣ бы это были за примѣры, если тѣ, которые признаны самимъ Франке, оказались такъ мало убѣдительными. Нѣтъ именно такихъ мѣстъ, въ которыхъ ясно видны и поводъ къ интерполяціи, и ненужное или неправильное измѣненіе чтенія. — Остается Ликургъ. Часть его рѣчи, находящаяся въ N, сличена еще недавно, и интерполяціи пока, какъ кажется, тутъ никто не указывалъ. Если правдоподобныя догадки, высказанныя критиками до сличенія списка, подтверждаются имъ, отсюда не слѣдуетъ еще, что и въ списокъ эти чтенія попали по догадкѣ. Въ N нашли слѣдующія чтенія такого рода: I ὁμῶν, 14 καὶ περὶ и βουλευσῆσθε, 17 σώσοντας, 19 αὐτῆς ¹⁾, 20 κλητεύσομεν, 26 ἐχθαταλείπωσι, 30 ἑαυτῶ, 31 ἡμεῖς, 107 ἀτιμίη, 112 εἰρχθέντας (дважды), 113 τὰ τοιαῦτα, 113 ΨΗΦΙΣΜΑ, 122 и 125 то-же, 139 παραχρούσασθαι, 144 ἀρείη. Тутъ ничего подозрительнаго нѣтъ для челонѣка непредубѣжденнаго. За то подозрительнымъ могло бы показаться, напр., въ § 8 χάραν (A: πόλιν). А. К. Нанкъ, быть можетъ, правъ, полагая, что въ Софоклѣ и въ Еврипидѣ не разъ вмѣсто πόλις поставлено χάραν; такъ же возможна, конечно, замѣна πόλις словомъ χάρα. 99 A ἰών, N ἐλθών. Въ схолияхъ на Софокла Ἄντιγ. 742 ἰών объясняется посредствомъ ἐλθών. Наоборотъ, у Аристофана Ἰππ. 150 лучшіе списки представляютъ δεῦρ' ἐλθ' (Равенскій ἐλθὲ), другіе δεῦρ' ἰθ'. То же находимъ мы Nερ. 58. Тутъ, стало быть, рѣшить, которое изъ двухъ чтеній служитъ перифразомъ другаго, трудно. 3 ὄστε — οὐ φιλόπολιν, ἀλλὰ φιλοπράγμονα δοκεῖν εἶναι A, ὄστε — μὴ φιλόπολιν и т. д. N. Быть можетъ,

¹⁾ αὐτῆς предложено Вурзіаномъ вм. αὐτοῖς. Такое измѣненіе не нуждается въ подтвержденіи и, оказавшись оно неспѣрнымъ, не можетъ компрометтировать подтвержденнаго его списка.

μη вызвано неопред. наклоненіемъ и союзомъ ὡστε. 20 ἀποδιδόναи τῆ πατρίδι τὰ ληθῆ καὶ τὰ δίκαια, μηδὲ λείπειν τὴν τάξιν ταύτην καὶ μιμεῖσθαι λεωκράτην. Такъ было сперва написано въ А; но первую еще рукою прибавлено μη передъ μιμεῖσθαι. N имѣеть: καὶ μη λείπειν — μηδὲ μιμεῖσθαι. Если это интерполяція, то виновникъ ея, очевидно, былъ человекъ весьма толковый и знающій очень недурно по гречески. Такой человекъ врядъ ли счелъ бы нужнымъ измѣнить οὐ φιλόπολιν на μη φιλόπολιν въ § 3. 101 мы опять находимъ въ N καὶ μη вмѣсто μηδὲ, и опять совершенно кстаті. Но рѣшительно приходится удивляться такту и смѣлости интерполятора 123: τί οὖν, ὦ ἄνδρες; ἄρα γε ὅμιν δοκεῖ βουλομένοις μιμεῖσθαι τοὺς προγόνους πατριον εἶναι Λεωκράτην μη ἀποκτεῖναι. N: μη οὐκ ἀποκτεῖναι. Кто повѣритъ, что и это интерполяція? И слыхано ли, чтобы переписчикъ, хотя бы такой самоувѣренный, какъ тотъ, который написалъ рукопись С Лисія, позволилъ себѣ поставить μη οὐ вмѣсто μη?

И такъ, въ Ликургѣ N представляетъ чтенія болѣе или менѣе подозрительными, болѣе подозрительныя, нежели мы находимъ въ Антифонтѣ и Динархѣ, но несомнѣнныхъ случаевъ сознательной интерполяціи и тутъ нѣтъ. Спрашивается, нѣтъ ли таковыхъ въ А, Впрочемъ, мнѣ кажется, это уже не вопросъ, послѣ разбора мнимыхъ интерполяцій Оксфордскаго списка въ Антифонтѣ. Зауине самъ догадался, что Ant. II β 2 въ чтеніи N προβέβληκεν кроется προσβέβληκεν. Что-же послѣ этого ἐμβέβληκεν какъ не интерполяція, то-есть произвольное измѣненіе буквы преданія? Тоже приходится сказать о II δ 7, гдѣ А вмѣсто τι οὐ (= ποῦ) δίκην δώσει; представляетъ οὐ δίκην δώσει. Однако почему знать, не случайно ли опущено тутъ τι? Къ счастью, есть еще и другіе примѣры. IV α 2 τὸ ἀνθρώπινον φῶλον N, τὸ ἀνθρώπινον γένος А. Не трудно видѣть, гдѣ произошла интерполяція. IV β 4 μουθηρῶ ἰατρῶ N, ἰατρῶ Α. VI 6 καὶ οὐκ ἴσον ἐστὶ τὸν τε δῶκοντα μη ὀρθῶς γινῶναι N; въ А маленькая разница: γε вмѣсто τε. Сличеніе параллельнаго мѣста V 89 показываетъ, что послѣ μη ὀρθῶς вышло αἰτίαςασθαι καὶ ὑμᾶς τοὺς δικαστὰς μη ὀρθῶς. Болѣе наглядный примѣръ интерполяціи трудно себѣ представить. I 21 ἐγὼ μὲν γε N, ἐγὼ μέντοι А. Чтеніе А пришло бы считать простою опіскою, не будь словъ Φοτίи: μὲν γε ἢ ἀντὶ τοῦ μέντοι λέγουσιν ἢ ἀντὶ τοῦ μὲν. VI 18 ἐν τῷ δικάει καὶ τῷ ἀληθεῖ N; въ А послѣ καὶ прибавлено ἐν, вопреки обычаю автора не повторять въ такихъ случаяхъ предлога.—Этихъ примѣровъ будетъ достаточно, чтобы доказать фактъ интерполяціи въ А. Стоитъ внимательно просмотрѣть варианты въ Антифонтѣ и Динар-

ху ¹⁾, чтобы убѣдиться въ томъ, что интерполяція приняла въ А довольно широкіе размѣры. Разумѣется, далеко не всякое его развѣтченіе объясняется непременно этимъ путемъ. Часто можно допустить простую ошибку; нерѣдко нѣтъ основанія оспаривать, что А сохранилъ вѣрное чтеніе, тогда какъ N представляетъ ошибку, происшедшую по той или другой случайной причинѣ. Но убѣдившись разъ, что текстъ въ А подвергался произвольнымъ измѣненіямъ, мы въ массѣ безразличныхъ случаевъ будемъ вѣрить не смѣ, а тому списку, который, хотя и не вполне чистъ и безупреченъ въ этомъ отношеніи, однако убѣдительныхъ примѣровъ подобной порчи не представляетъ.

Сюда относятся отчасти случаи, довольно многочисленные, различны между N и A въ постановкѣ словъ. Зауппе о нихъ благоразумно умалчиваетъ; оттого мнѣ о нихъ говорить пока не приходилось. Мэцнеръ ²⁾ находитъ, что N „saepe in verborum collocatione a ceteris recedit, ita ut aut vitium apertum tollat, aut sententiam adjuvet, aut hoc certe efficiat ut numerosius cadat oratio“³⁾. Мнѣ кажется вполне достаточнымъ, если порядокъ словъ въ N вообще не хуже, нежели въ A, и если въ N случаевъ явнаго и явно намѣреннаго нарушенія правильнаго порядка, сохраненнаго въ A, нѣтъ. Что это въ самомъ дѣлѣ такъ, видно уже по молчанію Зауппе объ этомъ пунктѣ. Тѣмъ лучше, ежели окажется кое-когда наоборотъ, что порядокъ A ошибоченъ, и ежели такой выводъ получится безъ натяжки и долгаго разсужденія. Антиф. V 24 A имѣетъ *χαίτοι γε οὐ δῆπου*, а N—*χαίτοι οὐ δῆπου γε*. Первое чтеніе неправильно на томъ основаніи, что аттические писатели избѣгали вообще ставить *γε* послѣ *τοί* и сложныхъ съ нимъ *χαίτοι* и *μέντοι*. Этотъ фактъ открытъ былъ Норсономъ ⁴⁾ и ужъ конечно не приходилъ въ голову ни писцу N, ни другому какому-нибудь переписчику, будь онъ семи пядей во лбу. Другой разъ (II β 10) порядокъ словъ, принятый въ N дѣлаетъ фразу окончательно двусмысленною, а это именно и требуется ⁴⁾. Что касается благозвучія, оно—критерій слишкомъ ненадежный; и необходимо ли допускать всякій разъ, что самый благозвучный порядокъ именно тотъ, который

¹⁾ Изданія такого, въ которомъ бы были приведены варианты N къ Ликургу, пока нѣтъ. Ожидается новое изданіе Blass'a.

²⁾ Praef. къ Антиф. р. XV.

³⁾ Въ примѣч. къ Мед. 675, и къ Эк. 1206.

⁴⁾ См. Obscrv. Antiph., стр. 9.

вышелъ изъ подъ пера автора? Вообще варианты этой категоріи отдѣльно значенія не имѣютъ; въ совокупности они говорятъ противъ предположенія интерполяции въ N. Не можетъ быть, чтобы переписчикъ, такъ часто произвольно измѣняя порядокъ словъ по своему усмотрѣнію, не ошибался иногда и не установилъ бы хоть изрѣдка порядокъ, несомнѣнно худшій противъ прежняго. Этому мы въ N не замѣчаемъ. Стало бытъ, интерполяции и тутъ скорѣе подвергся А или его источникъ. Нельзя, однако, отрицать, что этого рода варианты могли явиться и, весьма вѣроятно, отчасти явились безъ всякаго умысла съ той или другой стороны, вслѣдствіе одной небрежности. Оттого-то и подавно не имѣетъ значенія тотъ или другой частный случай. Вообще же небрежность, или по крайней мѣрѣ бѣлая степень ея, не можетъ быть на той сторонѣ, на которой мы неправильностей, свойственныхъ ей одной, вовсе не встрѣчаемъ.

О другихъ вариантахъ безразличныхъ нечего и говорить, именно потому, что они безразличны и пи въ совокупности, ни отдѣльно не содѣйствуютъ рѣшенію вопроса: которая изъ двухъ рукописей заслуживаетъ бѣльшаго довѣрія. Предпочестъ одну рукопись значить отвергнуть безапелляціонно всѣ безразличныя варианты другой.

Выше я упомянулъ о чтеніяхъ второй руки въ N, напрасно поставленныхъ на счетъ первой. Чѣмъ же руководился корректоръ при своихъ попыткахъ возстановить текстъ? Приведенныя выше чтенія врядъ ли имѣютъ другой источникъ, кромѣ фактази корректора. Нѣкоторыя изъ нихъ оказываются вѣрными, другія не совсѣмъ удачными, третьи вовсе безобразными. То же находимъ мы дальше; но такъ какъ рукопись въ другихъ мѣстахъ менѣе пострадала, естественно, что число удачно возстановленныхъ чтеній преобладаетъ. Рядомъ, однако, попадаются опять-таки такія, которыя рѣшительно не позволяютъ сомнѣваться, что мы имѣемъ дѣло съ чистымъ вымысломъ, напр. Аптиф. V 36 ἐνθάδ(ε κατ)έχοντας, VI 36 ἐκεῖν(α) τὲ, 38 αὐτ(ός) ὁ βασιλεύς. Впрочемъ, не все вымышлено. Дин. I 112 слова λογίζεσθε ὅτι οὗτος ὁ ἄνθρωπος, имѣющіеся во всѣхъ спискахъ кромѣ N рг., прибавлены корректоромъ конечно не отъ себя, а взяты имъ или изъ какой нибудь рукописи или изъ печатнаго изданія, изданія Альда или Этьенна. На знакомство съ печатнымъ изданіемъ указываютъ два, сколько я могъ замѣтить, чтенія второй руки. Ант. I 16 (μετὰ ταῦτα ἔτοχε τῷ Φιλόνεφ ἐν Πειραιεῖ ὄντα ἱερὰ Διὶ Κτησίφ) надъ словомъ ἱερὰ, пемного лѣтъ, написано θεῖα; въ изданіяхъ до Беккера читалось ἱερὰ θεῖα Διὶ Κτησίφ. Дик. 19 слово ἱσασι, вставленное послѣ

ὄν καὶ ὁμοῦν въ Альдинѣ, надписано въ N нѣсколько дальше, въ концѣ фразы, послѣ словъ ἐν τῷ δῆμῳ τοῦτου (A: τοῦτου ἐν τῷ δῆμῳ). Отсюда вѣроятно, что корректоръ кое-гдѣ заглядывалъ въ одно изъ первыхъ изданій; но въ большинствѣ случаевъ онъ дѣйствовалъ на свой страхъ, безцеремонно и очевидно не долго думая. Нечего и говорить, что мы были бы ему весьма обязаны, еслибъ онъ не брался вовсе за дѣло возстановленія текста, чѣмъ только усложнилъ работу сличенія рукописи. Мы прекрасно обходились бы такъ-же безъ его конъектуръ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ рукопись не пострадала, хотя въ числѣ этихъ конъектуръ тоже есть нѣкоторыя удачныя, напр., Дип. I ἐὰν νμ. ἴνα и, пожалуй, ὀρῖζεσθαι παροξύνωμεν въ слѣдующемъ § вм. ὀρῖζησθε παροξύνωμεν, какъ имѣетъ N рг. Сколиі и замѣтокъ второй руки, часто весьма неудобочитаемыхъ, приводить не стану. Читатель и такъ повѣритъ, что этотъ хламъ никакого вниманія не заслуживаетъ.

Пора остановиться на одномъ вопросѣ, рѣшеніе котораго особенно важно для критики текста тѣхъ ораторовъ, которыхъ нѣтъ въ N. Каково значеніе корректуръ первой руки въ A? При корректурахъ второй руки мы обыкновенно находимъ, что A рг. согласенъ съ N чѣмъ вполне подтверждается выводъ, полученный выше безъ помощи N, выводъ, что эти корректуры основаны на догадкѣ и нисколько насъ стѣснять не должны. Наоборотъ, при корректурахъ первой руки обыкновенно A рг. представляетъ простую оплошность, а поправка согласна съ N. Приписывать всѣ эти поправки огуломъ умыслу было бы странно, а отчасти оно, по характеру самыхъ поправокъ, рѣшительно невозможно. Мы врядъ ли будемъ ошибаться, допуская, что большинство ихъ сдѣлано писцомъ на основаніи самаго подлинника, тотчасъ или недолго спустя. Итакъ, если при поправкахъ второй руки въ A чтеніемъ предполагаемаго codex archetypus приходится считать то, что находится въ N и A рг., тутъ, при поправкахъ первой руки, наоборотъ, о чтеніи общаго источника свидѣлствуютъ N и A исправленный. Не надо смущаться тѣми не многими случаями, когда не N и A исправленный представляютъ вѣрное чтеніе, а A рг. Такъ, напр., Ант. II δ 7 A рг. имѣлъ ὑπὸ τῶν χορίων ἐχθρῶν μοι ὄντων; въ N и A согг. мы находимъ ὑπὸ τῶν χορίως ἐχθρῶν μοι ὄντων. Тутъ χορίων могло явиться невольно, почти машинально. Такъ-же точно нельзя считать фактомъ знаменательнымъ, что въ A рг. было ὑπολείπεται, а въ A согг. и N читается ἀπολείπεται, въ виду постоянного смѣшенія предлоговъ ἀπο и ὑπο. Если принять во вниманіе, что въ A рг.

чрезвычайно часто пропущены буквы, слоги, слова и даже целыя фразы, немудрено, что подчасъ такимъ образомъ въ А, хотя и не надолго, водворилось истинное чтеніе. VI 46 N имѣеть *προδιαδιδασίας*; въ А, по счастливой случайности, сперва пропущенъ былъ второй предлогъ, вслѣдствіе чего явилось *προδιδασίας*, форма подтверждаемая цитатою Полидевка (J. Pollux) VIII 24: *προδιδασία ὡς Ἀντιφῶν*. V 94 слово *πράξειθ'* почему-то перешло въ *πράξεσθ'*, затѣмъ въ А рг. снова приняло видъ *πράξειθ'* и, наконецъ, опять стало *πράξεσθ'* (А corr. и N). IV ὁ 10 А рг. совершенно вѣрно вмѣсто *ζητεῖν ἀποκτείνειν* имѣлъ просто *ἀποκτείνειν*. Другаго рода примѣровъ преимущества А рг. надъ исправленнымъ А нѣтъ, а потому мы смѣло можемъ считать все подобное случайнымъ. Далѣе бываетъ, что N и А рг. представляютъ вѣрное или близкое къ вѣрному чтеніе, искаженное въ А мнимою поправкою. III γ 3 было въ А рг. *μῆ — — πειθέντας — — ἡγήσασθε*, то-есть *μῆ — — πειθέντας — — ἡγήσασθαι*, какъ читается въ N. Писецъ хотѣлъ было исправить *μῆ — — πειθέντες — — ἡγήσησθε*, и дѣйствительно переправилъ по своему послѣднее слово, но забылъ про другое; вышло невозможное *μῆ — — πειθέντας — — ἡγήσησθε*. Вторая уже рука измѣнила *πειθέντας* на *πειθέντες*. IV α 2 *τούτων ὑπὸ τοῦ θεοῦ ἀξιοθέντος τοῦ βίου ἡμῶν*. Такъ имѣлъ, вѣроятно, *codex archetypus*; такъ читается въ N и читалось, повидимому, и въ А первоначально. По послѣдніе два слога слова *ἀξιοθέντος* въ А выскоблены и замѣнены однимъ слогомъ *θεῖς*. Мнѣ кажется, что надобно согласиться на поправку Blass'a: *τῶν ὑπὸ τοῦ θεοῦ ἀξιοθέντων τοῦ βίου ἡμῶν*. VI 10 на чтеніе (N и) А рг. *καταψήφισασθε* Беккеръ основалъ свою эмендацію *καταψήφισαισθε*; первое *ε* въ А переправлено въ *η*, оттого что слѣдуетъ *ἀποψηφίσθηθε*. VI 21 N имѣеть *εἰ ἐν* (то-есть *εἶεν*); А, какъ кажется имѣлъ прежде тоже (*εἰ...*); теперь же мы находимъ въ немъ *εἰοῖ*. Этыхъ примѣровъ достаточно, чтобы доказать, что поправки первой руки въ А иногда представляютъ собою догадки писца. Приведенныя сейчасъ догадки были неудачны; есть и удачныя, на примѣръ *καί* вм. *καὶ* III β 2, γ 9 прибавленіе *οὐ* передъ *πρέκει*, IV γ 6 *οὕτως* вм. *οὗτος*, V 28 *ὁμολογοῦσιν* вм. *ὁμολογῶσιν* и еще нѣкоторыя другія. Вообще такихъ корректуръ съ измѣненіемъ чтенія, общаго N и А рг., сравнительно (со всею массою поправокъ первой руки) очень немного, и, что весьма важно, корректуры эти вообще изъ скромныхъ. Такъ, на примѣръ, во всемъ Антифонтѣ изъ словъ, добавленныхъ первою рукою, одно лишь *οὐ* въ указанномъ мѣстѣ III γ 9 не подтверждается спискомъ N и, надо думать основано на догадкѣ. Чтобы отличать, что въ А дол-

жно считать догадкою и что заимствованіемъ изъ подлинника, для этого мы въ Антифонтѣ, Динархѣ и части Ликурга имѣемъ превосходный критерій, именно N. Шансовъ ошибиться, соображаясь съ этимъ критеріемъ, мало. Но что намъ дѣлать въ той части рѣчи Ликурга, которой нѣтъ въ N, что — въ Андокидѣ и въ Исеѣ? Мы видѣли, что на поправки второй руки обращать вниманія не надо; таковыхъ А въ Андокидѣ и Ликургѣ и не имѣетъ. А какъ быть съ поправками первой руки, когда онѣ отчасти оказались основанными на догадкѣ? Къ счастью оказалось такъ же, что интерполяція тутъ ¹⁾ происходила вообще скромная и крупныхъ измѣненій не порождала. Въ виду этого, при критикѣ текста Андокида, Иссы и части Ликурга, не имѣющей въ N, слѣдуетъ, мнѣ кажется, держаться такого правила, не гарантирующаго, разумѣется, отъ промаховъ въ томъ или другомъ частномъ случаѣ: основою должно считать А въ исправленномъ первой рукою видѣ, не смущаться вообще тѣмъ, что то или другое слово находится не въ самомъ текстѣ, а (рукою писца) прибавлено надъ строкою или на полѣ, слова выскобленныя принимать въ текстъ въ томъ лишь случаѣ, если и безъ авторитета рукописи, по одной догадкѣ, возможно бы было такъ поступить, вообще принимать въ расчетъ А рг., когда чтеніе второе, исправленное, побуждало бы насъ прибѣгнуть къ догадкѣ, хотя бы оно и не было, или когда А рг. нельзя считать простою оплошностью.

Приведу примѣры изъ Андокида. I 4 Блѣсъ напечаталъ ἔστι δὲ (καὶ) πλεόσσαντι, на томъ основаніи, что послѣ δὲ въ А выскоблены три буквы. Если бы даже извѣстно было навѣрное, что эти три буквы составляли слово καὶ—и тогда не слѣдовало бы вносить такое слово въ текстъ. На самомъ же дѣлѣ, первый изъ трехъ буквъ была α, послѣдняя новидимому тоже. Отсюда получается ἀναπλεόσσαντι, что простою оплошностью не смотритъ. I 26 и я бы предпочелъ ἐλέγξει вм. ἐξελέγξει. I 56 въ словахъ μάλιστα μὲν τῇ πόλει, εἶτα καὶ ὑμῖν послѣ εἶτα въ А выскоблены двѣ буквы. Всякій тотчасъ подумаетъ, что это было δὲ. Однако, кому бы пришло въ голову произвольно выскоблить такое слово? I 103 слѣдовало бы выкинуть τὰ передъ ψηφίσματα, хотя бы оно и не находилось надъ строкою въ А. II 18 А рг. представляетъ ἐκείνος ἂν εἶη πολλοῦ πλείστου ἄξιος ἀνὴρ, а исправлено πολλὸ πλείστου. Тре-

¹⁾ То-есть при поправкахъ первой руки. Я отдѣляю интерполяцію, происшедшую очевидно въ самомъ А отъ той, которая могла произойти въ его источникѣ, ближайшемъ или болѣе отдаленномъ.

буется не превосходная, а сравнительная степень; но *πολὸ πλείονος*, какъ предложилъ кто-то, очень ужъ невѣроятно. Я думаю, что Андокидъ написалъ *πολλαπλασίονος*. Если такъ, то чтеніе A рг., очевидно, ближе къ истинному чтенію, нежели поправка.

Правильная оцѣнка рукописи А возможна лишь на основаніи сравненія ея съ N; правильнымъ выводомъ изъ этого сравненія мѣшалъ ложный авторитетъ списковъ BLM(P)Z, въ особенности „лучшаго представителя этого класса“ — В. Вотъ въ какомъ смыслѣ я выше сказалъ, что лишеніе этихъ списковъ всякаго авторитета содѣйствуетъ правильной оцѣнкѣ рукописи А.

Разсматривая основы текста Андокида и Исея, я оставилъ въ сторонѣ Миланскую рукопись Q. Что касается Андокида, тутъ упущенія никакого не было съ моей стороны, такъ какъ вариантовъ Q у Беккера нѣтъ, а Маи сообщаетъ только, что IV 40 не опущены слова *τοὺς βελτίστους περιδεῖς καταστήσετε, τοῦτον δὲ κολλάσαντες*. Къ Исею, къ первымъ двумъ рѣчамъ его, мы находимъ у Беккера и у Маи массу всевозможныхъ вариантовъ. Сейчасъ видно, что Q тягаться съ А не можетъ, хотя о зависимости Q отъ А нечего и думать. Для оцѣнки Q неважно, читается ли въ немъ

- I (ὀπίθ.) *μετεχαλέσατο* или *μετεχαλέσαντο*,
 — 7 *κακῶς ποιήσοντες* или *κακοὺς ποιήσαντες*,
 (—21 *ποιήσετε* или *ποιήσητε*,)
 —31 *ὁμῖν* или *ἡμῖν*,
 —32 *δηλώσοι* или *δηλώσει*,
 —33 *ἡμᾶς* или *ἡμῶν*,
 (—34 *τὰς μὲν διαθήκας* или *τὰς διαθ. μὲν*. ср. I 48 и II 26),
 — *αὐτὸν* или *αὐτῷ*,
 —45 *οὐκ ἐκεῖνος* или *οὐ κεῖνος*,
 II 9 *Σφηττίω* или *Σφητίω*,
 —13 *ἄν* или *ἑάν*,
 (—19 *τὸν πλείστον* или *τὸ πλείστον*,)
 —33 *ὕπὸ* или *ἄπὸ*,
 —39 *τῶν Μενεκλέους* или *τοῦ Μενεκλέους*,
 —46 *ποιεῖ* или *ποιεῖν*,
 —47 *καταστήσητε* или *καταστήσετε*.

Почемъ знать, что Q въ этихъ и подобныхъ случаяхъ не представляетъ дешевую поправку или описку? А описокъ явныхъ въ немъ тѣмъ; чрезвычайно много и пропусковъ. Въ виду этого, не имѣть.

никакого значенія, что нѣтъ въ Q I (ὀπόθ.) καί, 11 ἐρχαλεῖ, ¹⁾ 21 ἀεῖ. Порядокъ словъ часто иной, нежели въ A. Мы знаемъ изъ сравненія съ N, что въ A нерѣдко порядокъ невѣрный; но приписать всё вообще измѣненія Q нѣтъ никакого основанія, а въ частныхъ случаяхъ это тѣмъ менѣе возможно, развѣ если бы перестановка оказалась нужною по другой причинѣ, не имѣющей ничего общаго съ авторитетомъ Q. Иногда легко догадаться, откуда явился другой порядокъ въ Q, напримѣръ I 34, 48, II 26; I 13, II 7. Замѣчательны только слѣдующіе варианты этой рукописи: I ἀτελεούτῃσε вм. ἀπέθανε, II 4 прибавленіе словъ ἢ πέμπτη, II 10 ζῶντά γε (то есть ζῶντά τε) вм. ζῶντα, II 24 οὐδένъ вм. οὐ (опущ. въ A рг.), въ особенности второй и третій. Во второмъ мѣстѣ Шейбе думаетъ, что то же было прежде и въ A, въ которомъ дѣйствительно на томъ самомъ мѣстѣ выскоблены двѣ или три буквы, по мнѣнію Шейбе именно ἢ ε̄. Невѣроятно, по крайней мѣрѣ, чтобы писецъ Q позволилъ себѣ прибавить эти слова отъ себя. Приходится допустить, что Q кое-гдѣ представляетъ лучшее преданіе; но вѣрить ему смѣло можно только въ подобныхъ, исключительныхъ случаяхъ. Вообще значеніе его, по моему мнѣнію, такое же, какое имѣетъ A рг. при поправкахъ первой руки, если не меньше; однако будущему издателю Андокида не мѣшало бы обратить вниманіе на этотъ списокъ, хотя бы для очистки совѣсти.

¹⁾ Тутъ дважды встрѣчается слово ἐρχαλεῖ. По Беккеру въ Q опущено первое, по Маи—второе. Первое необходимо, второе мѣшается.

В. Ериптедтъ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЮНЬ.

1879.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАДАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринкиныхъ мостами, д. № 90-1.

1879.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О пятихъ присужденіи премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія . . . . .

Лѣтописи Ассирійскихъ царей . . . . . Н. А. Астафьева.

Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ . . . . . А. И. Никитоваго.

Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка. В. И. Ламанскаго.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Исторія славянскихъ литературъ. А. Н. Шипина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь переработанное и дополненное. Томъ I. . . . . А. С. Будиловича.

Неустойчивость критики въ руководствахъ по теоріи словесности. . . . . А. Шаврова.

О замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ преподавателей въ среднихъ учебныхъ заведенияхъ съ 1871 по 1877 годъ включительно.

Императорское русское географическое общество въ 1878 году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, л. № 90-1.

1879.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

8. (27-го февраля 1879 года). О должностныхъ лицахъ, завѣдывающихъ содержимю въ городѣ Вѣрномъ ученическою квартирою для дѣтей инородныхъ киргизовъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о должностныхъ лицахъ, завѣдывающихъ содержимю въ городѣ Вѣрномъ ученическою квартирою для дѣтей инородныхъ киргизовъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ устройствѣ въ городѣ Вѣрномъ ученической квартиры для дѣтей инородныхъ киргизовъ, мнѣніемъ положилъ постановить:

1) Почетнымъ попечителемъ содержимой на пожертвованія киргизовъ въ городѣ Вѣрномъ ученической квартиры для дѣтей инородныхъ киргизовъ состоитъ военный губернаторъ Семирѣченской обла-

сти. По отношенію къ означенной квартирѣ, онъ пользуется правами, присвоенными почетнымъ попечителямъ гимназій.

2) Завѣдываніе этою ученическою квартирою возлагается на особое должностное лицо и его помощника, которые назначаются Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ по представленіямъ главнаго инспектора училищъ Туркестанскаго края изъ лицъ, по своему образованію, соответствующихъ условіямъ, какія требуются отъ воспитателей въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

3) Завѣдывающій ученическою квартирою въ городѣ Вѣрномъ и его помощникъ, состоя въ государственной службѣ, пользуются всеми правами, присвоенными по уставу гимназій и прогимназій должности воспитателя и получаютъ пенсію изъ государственнаго казначейства, первый—изъ оклада старшаго, а второй—изъ оклада младшаго учителей гимназій по штатамъ 17-го апрѣля 1859 года.

Подлинное мѣвнѣе подписано въ журналахъ предсѣдателемъ и членами.

9. (9-го марта 1879 года). О продленіи порядка выдачи евреямъ свидѣтельствъ на званіе мелама.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ Высочайше повелѣть соизволилъ, существующій нынѣ порядокъ выдачи евреямъ свидѣтельствъ на званіе мелама, продолженный по 3-е мая 1879 г., продлить, безъ означенія особаго срока, а впредь до окончательнаго разсмотрѣнія дѣла въ государственномъ совѣтѣ и изданія новаго закона объ евреяхъ, занимающихся преподаваніемъ еврейскаго вѣроученія.

10. (7-го марта 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Вологодской мужской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ пожертвованнаго Вологодскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ капитала въ 1500 руб., заключающагося въ 2-хъ билетахъ государственнаго банка 1-го выпуска, одной стипендіи при Вологодской мужской гимназіи, въ память выздоровленія Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича; при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить Вологодское губернское земство.

11. (7-го марта 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Новгородской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе при Новгородской гимназіи на проценты съ капитала въ 350 р., заключающагося въ 3-хъ облигаціяхъ восточнаго займа, по 100 р. каждая, билетъ государственнаго казначейства въ 50 р. и въ наличныхъ деньгахъ 15 р. 60 к., собраннаго по подпискѣ между членами педагогическаго совѣта названной гимназіи, одной стипендіи „въ память славныхъ подвиговъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка въ кампанію 1877—1878 гг.“, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

12. (7-го марта 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Гомельской прогимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ представленнаго директору Гомельской прогимназіи, тайнымъ совѣтникомъ Николаемъ и присижнымъ повѣреннымъ Владиміромъ Николаевичами Герардъ, капитала въ 3,600 руб., заключающагося въ билетахъ 2-го восточнаго займа, одной стипендіи при названной прогимназіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія Елены Петровны Герардъ“; при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

13. (7-го марта 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи на проценты съ капитала, пожертвованнаго статскимъ совѣтникомъ Сырбомъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ представленнаго учителемъ математики Кишиневской прогимназіи, статскимъ совѣтникомъ Михайломъ Сырбомъ, въ день выслуги имъ 25 лѣтняго срока по учебной службѣ министерства народнаго просвѣщенія, капитала въ 550 руб., заключающагося въ одиннадцати билетахъ восточнаго займа 1877 г., 50 руб. достоинства, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія статскаго совѣтника Михаила Сырба“; при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователя.

14. (7-го марта 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Томскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ представленнаго коллежскимъ регистраторомъ Дягилевымъ директору Томскаго реальнаго училища капитала въ 300 р., заключающагося въ 3-хъ облигаціяхъ восточнаго займа, одной стипендіи при названномъ реальномъ училищѣ, съ наименованіемъ оной „стипендія коллежскаго регистратора Дягилева“: при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователя.

15. (7-го марта 1779 года). Объ учрежденіи стипендіи при Курскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе при Курскомъ реальномъ училищѣ на проценты съ пожертвованнаго Курскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ капитала въ 5,000 руб., заключающагося въ 5% билетахъ государственнаго банка, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Іоасафа Ивановича Каличицкаго“; при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить Курское земство.

16. (1870 года 7-го марта). Объ учрежденіи стипендіи въ школѣ, устроенной при Сквирскомъ городскомъ училищѣ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило министру народнаго просвѣщенія, что дворяне и землевладѣльцы Сквирскаго уѣзда (Кіевской губерніи) ходатайствуютъ объ учрежденіи, на проценты съ пожертвованнаго ими капитала въ 1000 р. въ государственныхъ пятипроцентныхъ бумагахъ, одной стипендіи въ ремесленной школѣ, устроенной при Сквирскомъ городскомъ училищѣ, съ присвоеніемъ этой стипендіи Имени Государя Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, какъ бывшаго главнокомандующаго дунайскою арміею, въ память славнаго перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай.

Вслѣдствіе сего, министръ народнаго просвѣщенія входилъ къ Государю Императору со всеподданнѣйшимъ докладомъ объ учрежденіи означенной стипендіи, съ тѣмъ, чтобы, въ виду необеспечен-

ности названной ремесленной школы, существующей лишь на частныя одновременныя пожертвовація, помянутая стипендія, въ случаѣ закрытія школы, была перенесена въ самое Сквирское двухклассное городское училище.

Государь Императоръ, Высочайше на сіе соизволилъ; при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть благодарить жертвователей.

17. (1879 года 7-го марта). Объ учрежденіи преміи при С.-Петербургскомъ университетѣ.

Бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета Ильенковъ, желая содѣйствовать развитію естественныхъ наукъ въ Россіи, завѣщалъ С.-Петербургскому университету пять тысячъ руб., заключающіеся въ облигаціяхъ восточнаго займа 1877 года, съ тѣмъ, чтобы физико-математическій факультетъ Университета объявлялъ чрезъ каждые два года тему и выдавалъ за лучшее сочиненіе на эту тему въ награду проценты за два года съ означеннаго капитала.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ, какъ на учрежденіе при означенномъ университетѣ преміи имени „Павла Аптоновича Ильенкова“, такъ и на предоставленіе министру народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе объ этой преміи.

18. (1879 года 7-го марта). Объ учрежденіи стипендіи при Таганрогской Маріинской женской гимназіи.

Живущая въ Москвѣ вдова потомственнаго почетнаго гражданина Марья Герасимова Гусачева, прислала при прошеніи, понечителю Одесскаго учебнаго округа три облигаціи государственнаго банка втораго восточнаго займа за №№ 046,834, 046,835 и 046,836 по тысячѣ руб. каждая, съ девятнадцатью купонами, ходатайствуя объ учрежденіи при Таганрогской Маріинской женской гимназіи, на счетъ процентовъ съ этого капитала, двухъ стипендій имени ея дочерей Надежды и Маріи Гусачевыхъ, съ тѣмъ, чтобы назначеніе стипендіатокъ было предоставлено упомянутымъ дочерямъ жертвовательницы.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на приведеніе означеннаго ходатайства въ исполненіе, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть благодарить жертвовательницу.

19. (1879 года 7-го апрѣля). Объ учрежденіи стипендіи при Кіевской 2-й гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе, на проценты съ представленнаго директору Кіевской 2-й гимназіи вдовою статскаго совѣтника Наталіею Виноградскою капитала въ 4800 р., заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа, одной стипендіи при названпой гимназіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія Николая Николаевича Виноградскаго“, причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвовательницу.

20. (1879 года 7-го апрѣля). Объ учрежденіи стипендіи при Севастопольскомъ Константиновскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ представленнаго директору Севастопольскаго Константиновскаго реальнаго училища инженеромъ Каннабихомъ капитала въ 5413 р. 15 к., собраннаго по подпискѣ между служащими на Лозово-Севастопольской желѣзной дорогѣ и заключающагося въ 59-ти 5% облигаціяхъ Восточнаго займа, одной стипендіи при названномъ реальномъ училищѣ, съ наименованіемъ оной: „стипендія инженера Николая Яковлевича Прохорова“, причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

II. ВЫСОЧІЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

7-го марта 1879 года. (№ 3). Производятся, за отличіе: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Георгій Драгендорфъ—въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ 15-го февраля 1879 года (Высоч. повел. 22-го декабря 1878 года).

Секретарь совѣта Императорскаго университета св. Владиміра, коллежскій совѣтникъ Валеріанъ Виндингъ—въ статскіе совѣтники.

Почетный попечитель Кишиневской прогимназіи, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій секретарь Иванъ Катаржи—въ коллежскіе

совѣтники, съ 1-го января 1879 года, съ сохраненіемъ придворнаго званія (Высоч. повелѣнія 29-го декабря 1878 года и 11-го января 1879 года).

Производится соотвѣтственно классу занимаемой должности: окружной инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, немѣющій чина Николай Аничковъ—въ статскіе совѣтники.

Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Бекетовъ—вповь ректоромъ сего университета, на четыре года.

Сенаторъ, тайный совѣтникъ Фришъ—при настоящей его должности, постояннымъ членомъ отъ правительства при управленіи главнаго пѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ.

Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ баронъ Ровенъ—адъюнктомъ Императорской академіи наукъ по части мухаметанскихъ языковъ и словесности, съ 16-го февраля 1879 года, съ оставленіемъ на службѣ при университетѣ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Павелъ Строгоновъ—почетнымъ попечителемъ Александровской Сумской гимназіи, на три года.

Пензенскій уѣздный предводитель дворянства, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій ассесоръ Столыпинъ—почетнымъ попечителемъ Пензенской гимназіи, на три года, съ 1879 года.

Одесскій 1-й гильдіи купецъ Шульцъ—вновь почетнымъ попечителемъ Одесской второй гимназіи, на три года.

Почетный гражданинъ Авилонъ—почетнымъ попечителемъ Александровскаго Орловскаго реальнаго училища, на три года.

Зачитается въ командировку за границу съ ученою цѣлію: экстраординарному профессору Императорскаго Казанскаго университета, коллежскому совѣтнику Сорокину—бытность его въ заграничномъ отпуску съ 17-го октября по 16-е декабря 1878 года.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: лекторъ нѣмецкаго языка Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій ассесоръ Видертъ—съ 20-го марта по 20-е апрѣля 1879 года.

Доцентъ Казанскаго ветеринарнаго института, пачиорный совѣтникъ Леманъ—на лѣтнее вакаціонное время 1879 года.

Директоръ главной физической обсерваторіи, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вильдъ—на три мѣсяца, съ 19-го марта 1879 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Бодуэнъ-де-Куртенэ—на лѣтнее вакаціонное время и по 15-е сентября 1879 года.

Экстраординарный профессоръ Дерптскаго ветеринарнаго института, коллежскій совѣтникъ Раупахъ—съ 1-го мая по 15-е августа 1879 года.

Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Смирновъ—съ 15-го мая по 1-е сентября 1879 года.

Экстраординарные профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета Веселовскій и Минаевъ и доцентъ сего университета баронъ Розенъ—на четыре мѣсяца, первые двое съ 1-го мая, а послѣдній съ 15-го мая сего года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Волковъ—на восемь мѣсяцевъ, считая ему сію командировку съ 1-го января 1879 года.

Кандидатъ Императорскаго Московскаго университета Каблукъ—на два года.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: Товарищъ министра народнаго просвѣщенія, сенаторъ, тайный совѣтникъ князь Ширинскій-Шихматовъ—въ Московскую губернію, на два мѣсяца, весною настоящаго года, по болѣзни.

За границу: Попечитель Варшавскаго учебнаго округа, сенаторъ, тайный совѣтникъ Витте—на три мѣсяца, въ теченіе лѣта и осени текущаго года, по болѣзни.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Слудскій и заслуженный ординарный профессоръ сего университета, тайный совѣтникъ Буслаевъ, первый съ 10-го мая по 15-е августа 1879 года, а послѣдній съ 1-го мая по 15-е сентября 1879 года.

Увольняются, согласно прошеніямъ: помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, генеральнаго штаба генераль-маіоръ Новиковъ—отъ должности помощника попечителя, съ причисленіемъ къ министерству народнаго просвѣщенія.

Почетный попечитель Александровской Сумской гимназіи, въ званіи камергера, коллежскій совѣтникъ Кондратьевъ—отъ этой должности.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

15. (16-го декабря 1878 года). Правила для испытаній и дру-

гихъ способовъ контроля надъ занятіями студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Студенты, по окончаніи каждаго учебнаго года, подвергаются переводному или курсовому испытанію изъ всего пройденнаго въ теченіе года, а по окончаніи четвертаго курса—выпускному экзамену на званіе учителя гимназій.

2) Для производства переводныхъ или курсовыхъ испытаній, а равно и окончательныхъ испытаній на званіе учителя, распредѣляемыхъ заблаговременно конференціей, назначается не болѣе шести педагоговъ.

3) Испытанія производятся въ особо назначенныхъ комиссіяхъ, состоящихъ подъ предсѣдательствомъ директора, или по болѣзни, отсутствію, а равно по особымъ занятіямъ его по своей должности, инспектора, изъ преподавателя предмета и ассистента.

4) Испытаніе производится преподавателемъ предмета, при чемъ предоставляется право предлагать вопросы прочимъ членамъ комиссіи. Въ случаѣ же болѣзни или отсутствія преподавателя, а также если кафедра его осталась незамѣщенной, конференція поручаетъ производство испытанія одному изъ наличныхъ преподавателей.

5) Испытанія бываютъ устные и письменныя; послѣднія назначаются въ первыхъ трехъ курсахъ и въ славянорусскомъ отдѣленіи четвертаго курса по обоимъ древнимъ языкамъ, а студентамъ классическаго отдѣленія на выпускномъ экзаменѣ предлагаются письменныя отвѣты по греческой и римской словесности. Кроме того, студентамъ перваго курса, при переходѣ во второй, и студентамъ славяно-русскаго отдѣленія въ четвертомъ курсѣ задаются сочиненія по славяно-русской филологіи.

6) Испытаніе по новымъ языкамъ производится только окончательное, по желанію студентовъ въ началѣ или въ концѣ каждаго учебнаго года, хотя бы при пріемномъ экзаменѣ, но никакъ не позже начала четвертаго учебнаго года. При выпускныхъ же испытаніяхъ на четвертомъ курсѣ экзаменъ по одному изъ новыхъ языковъ допускается только съ особаго разрѣшенія конференціи.

7) Испытанія производятся по вопросамъ, составленнымъ на основаніи программъ преподаванія, предварительно рассмотрѣнныхъ и утвержденныхъ конференціей. Эти вопросы сообщаются студентамъ,

не позже какъ за три дня до начала испытанія по каждому предмету.

8) Вопросы предлагаются студентамъ или по жребію, въ формѣ билета или словесно, по соглашенію между членами комиссіи. Число предлагаемыхъ вопросовъ предоставляется усмотрѣнію комиссіи.

9) Оцѣнка познаній студентовъ по устнымъ или письменнымъ испытаніямъ, а равно и сочиненій, опредѣляется цифрами: 1, 2, 3, 4 и 5 соотвѣтствующими словеснымъ опредѣленіямъ: слабое, посредственное, хорошее, очень хорошее и отличное знаніе.

10) При оцѣнкѣ познаній студентовъ на курсовыхъ испытаніяхъ принимаются во вниманіе ихъ годовыя отмѣтки на репетиціяхъ; по древнимъ же языкамъ, преподаваніе которыхъ, сопровождаясь ежедневною повѣркою приготовленія студентовъ къ лекціямъ и письменными упражненіями, отличается особымъ характеромъ, сравнительно съ преподаваніемъ всѣхъ остальныхъ предметовъ, годовыя отмѣтки по устнымъ и письменнымъ упражненіямъ выставляются въ особыхъ графикахъ и входятъ въ сложеніе, для вывода средней отмѣтки, съ отмѣтками по испытанію, устному и письменному.

11) Окончательныя отмѣтки на выпускныхъ испытаніяхъ составляются по всѣмъ предметамъ кромѣ древнихъ языковъ, средней выводъ изъ сложенія отмѣтки, полученной на выпускномъ экзаменѣ, если она не ниже трехъ, съ отмѣтками, полученными на прежнихъ испытаніяхъ по пройденнымъ въ предыдущихъ курсахъ отдѣламъ предмета, по которымъ испытаніе болѣе не повторяется. По древнимъ же языкамъ отмѣтка, полученная на выпускномъ экзаменѣ, по сложеніи ея съ отмѣтками за послѣдній годъ, считается окончательною.

12) Отмѣтки за письменные отвѣты на экзаменахъ, а также за сочиненія, назначаемыя студентамъ въ теченіе года, слагаются съ отмѣтками на устныхъ испытаніяхъ изъ тѣхъ же предметовъ и изъ нихъ выводится средняя.

13) Отмѣтки ставятся преподавателемъ по соглашенію съ прочими членами комиссіи. Въ случаѣ разногласія въ оцѣнкѣ познаній студента, вопросъ рѣшается большинствомъ голосовъ а при раздѣленіи голосовъ—выводомъ средней цифры изъ отмѣтокъ всѣхъ членовъ комиссіи. Въ случаѣ же несогласія кого-либо изъ членовъ комиссіи съ результатомъ послѣдней оцѣнки, дѣло передается въ конференцію, которая и рѣшаетъ вопросъ большинствомъ голосовъ.

14) Отмѣтка менѣе 3-хъ на курсовыхъ испытаніяхъ лишаетъ студента права на переходъ въ слѣдующій курсъ, если не послѣдуетъ

рѣшеніе конференціи, по особо важнымъ соображеніямъ, ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о переводѣ, при чемъ ходатайство конференціи возможно только при отыѣткѣ менѣе 3-хъ изъ одного предмета, при отыѣткѣ же менѣе 3-хъ изъ двухъ и болѣе предметовъ, студентъ, по опредѣленію конференціи, утвержденному высшимъ начальствомъ, или остается въ томъ же курсѣ или увольняется изъ Института. На выпускномъ же экзаменѣ, при отыѣткѣ ниже 3, хотя бы по одному предмету, студентъ лишается права получить аттестатъ на званіе учителя гимназій, при чемъ онъ, по особому ходатайству конференціи, можетъ быть оставленъ на второй годъ въ четвертомъ курсѣ.

15) Студентъ, не подвергавшійся экзамену по болѣзни допускается къ экзамену послѣ вакаціоннаго времени только съ разрѣшенія конференции.

16) Кромѣ переводныхъ или курсовыхъ испытаній по окончаніи каждаго учебнаго года, для контроля надъ занятіями студентовъ въ теченіе года назначаются: 1) письменныя практическія упражненія по древнимъ языкамъ въ переводѣ съ русскаго языка для студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ безъ исключенія; 2) провѣрка домашняго чтенія древнихъ авторовъ для всѣхъ студентовъ, за исключеніемъ студентовъ третьяго и четвертаго курса славяно-русскаго отдѣленія; 3) репетиціи и 4) сочиненія, по возможности, по каждому изъ главныхъ предметовъ, для первыхъ двухъ курсовъ, а для третьяго и четвертаго курсовъ сочиненія только по предмету специальности.

17) Время для репетиціи назначается конференціей въ началѣ каждаго полугодія, при чемъ наблюдается, чтобы на одинъ день не приходилось болѣе одной, а въ теченіе недѣли не назначалось болѣе трехъ репетицій въ каждомъ курсѣ. Распредѣленіе репетицій на полугодіе сообщается студентамъ немедленно по составленіи ея конференціей.

18) Сочиненія, въ порядкѣ предметовъ, опредѣляемомъ конференціей, назначаются студентамъ съ начала учебнаго года, при чемъ каждый преподаватель въ установленномъ порядкѣ въ свое время предлагаетъ студентамъ на собственный ихъ выборъ нѣсколько темъ. Предлагаемыя темы должны относиться къ содержанію лекцій, при чемъ профессоръ указываетъ на источники и пособія для данной темы. Для сочиненія по каждому предмету назначается не менѣе одного мѣсяца.

16. (13-го января 1879 года). Инструкція инспекторамъ народныхъ училищъ Туркестанскаго края.

(утверждена г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Инспекторы народныхъ училищъ избираются главнымъ Инспекторомъ училищъ изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, преимущественно изъ оріенталистовъ, и, по представленію генералъ-губернатора утверждаются въ должности министромъ народнаго просвѣщенія

§ 2. Инспекторы народныхъ училищъ состоятъ въ непосредственномъ подчиненіи главному инспектору училищъ, согласно Высочайше утвержденному, 17-го мая 1875 года, мнѣнію государственнаго совѣта объ учрежденіи управленія по учебной части въ Туркестанскомъ краѣ.

§ 3. Вѣдѣнію инспекторовъ народныхъ училищъ подлежатъ: а) городскія училища, (открываемыя по закону 31-го мая 1872 года), приходскія училища въ городахъ и селахъ, а также всѣ русскія низшія учебныя заведенія гражданскаго вѣдомства, учрежденіе коихъ въ краѣ разрѣшено установленнымъ порядкомъ, б) частныя учебныя заведенія всѣхъ разрядовъ, а равно лица, занимающіяся частнымъ и домашнимъ обученіемъ, какъ среди русскихъ, такъ и инородцевъ и в) всѣ безъ различія вѣроисповѣданія и состава учебныхъ курсовъ инородческія училища въ краѣ, въ томъ числѣ мектебе и медресе.

§ 4. При завѣдываніи означенными въ предыдущемъ § учебными заведеніями инспекторы народныхъ училищъ, кромѣ правилъ, изложенныхъ въ настоящей инструкціи, руководствуются подлежащими общими о сихъ заведеніяхъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія постановленіями и распоряженіями.

§ 5. Въ случаяхъ непредвидѣнныхъ настоящею инструкціею, инспекторы народныхъ училищъ испрашиваютъ указаніе главнаго инспектора училищъ, который или самъ, въ предѣлахъ представленной ему власти, даетъ таковыя указанія, или представляетъ о томъ генералъ-губернатору.

§ 6. Въ частности по отношенію завѣдыванія инородческими училищами инспекторы народныхъ училищъ руководствуются особыми указаніями главнаго инспектора училищъ, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, который о распоряженіяхъ своихъ по сему предмету доводитъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія.

§ 7. Постоянное мѣстопробываніе инспекторовъ народныхъ учи-

лицъ и районы ихъ инспекціи опредѣляются главнымъ инспекторомъ училищъ, съ утвержденія генераль-губернатора.

§ 8. Инспекторы обязаны обозрѣвать лично возможно чаще и не менѣе одного раза въ годъ всѣ подвѣдомыя имъ низшія учебныя заведенія, содержимыя на счетъ правительства; содержимыя же туземцами инородческія училища по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ два года. Съ увеличеніемъ же числа инспекторовъ обозрѣніе училищъ должно производиться по возможности чаще.

§ 9. Училища, которыя не будутъ осмотрѣны инспекторомъ лично въ положенные сроки, по недостатку времени, могутъ быть, съ разрѣшенія главнаго начальника края, осмотрѣны кѣмъ-либо изъ мѣстныхъ чиновниковъ учебнаго вѣдомства, имѣющихъ ближайшее мѣстожителство къ подлежащимъ обозрѣнію училищамъ.

§ 10. Въ случаѣ продолжительной болѣзни инспектора народныхъ училищъ, или отсутствія его, по данному ему отпуску, обязанности его съ разрѣшенія главнаго начальника края, возлагаются главнымъ инспекторомъ училищъ на наличныхъ чиновниковъ учебнаго вѣдомства, имѣющихъ мѣстожителство, ближайшее къ извѣстному району училищъ.

§ 11. Инспекторъ народныхъ училищъ есть ближайшій начальникъ всѣхъ преподавателей и преподавательницъ въ училищахъ, подлежащихъ его надзору.

§ 12. Назначеніе, перемѣщеніе и увольненіе завѣдующихъ и преподавателей въ городскихъ училищахъ производится установленнымъ для того порядкомъ; преподавателей же и преподавательницъ въ прочія низшія училища опъ опредѣляетъ, перемѣщаетъ и увольняетъ собственною властью, кромѣ законоучителей, кои назначаются духовнымъ начальствомъ, по сповенію съ опомъ инспектора. Учителскіи вакансіи въ низшихъ училищахъ, на которыя въ теченіе учебнаго года инспекторомъ народныхъ училищъ не будутъ пріисканы кандидаты, замѣщаются лицами, которыхъ будетъ имѣть въ виду главный инспекторъ училищъ.

§ 13. По отношенію ко всѣмъ учителямъ и учительницамъ инспекторъ обращаетъ вниманіе на то: а) имѣютъ ли они законныя права на преподаваніе; б) обладаютъ ли надлежащими умственными и нравственными качествами; в) отличаются ли усердіемъ къ своему дѣлу и г) пользуются ли должнымъ уваженіемъ со стороны учащихся и мѣстныхъ обществъ и ходатайствуетъ въ установленномъ порядкѣ о поощреніи достойнѣйшихъ.

§ 14. Малоопытныхъ въ преподаваніи учителей и учительницъ инспекторъ, при осмотрѣ училищъ, руководить своими совѣтами и указаніями, наблюдая при послѣдующихъ посѣщеніяхъ училищъ, въ какой мѣрѣ предложенныя совѣты и указанія принесли пользу преподаванію.

§ 15. Въ видахъ безотлагательнаго замѣщенія открывающихся вакансій учителей и учительницъ народныхъ училищъ, инспекторъ заблаговременно, по мѣрѣ возможности, пріискиваетъ способныхъ и благонадежныхъ кандидатовъ, съ правами соотвѣтствующими свободнымъ учительскимъ вакансіямъ.

§ 16. Въ случаѣ неимѣнія вакансій, кандидаты могутъ быть временно распредѣляемы инспекторомъ по училищамъ, въ качествѣ сверхштатныхъ помощниковъ учителей, для облегченія труда послѣднихъ и для собственной практики въ преподаваніи, ходатайствуя въ установленномъ порядкѣ о вознагражденіи кандидатовъ.

§ 17. Инспекторъ училищъ наблюдаетъ, за объемомъ и содержаніемъ и особенно за методомъ и характеромъ преподаванія въ училищахъ всѣхъ учебныхъ предметовъ. Средствами къ этому наблюденію служатъ: а) личный со стороны инспектора осмотръ училищъ и б) ежемѣсячныя донесенія завѣдующихъ училищами о состояніи учебного дѣла въ училищахъ.

Примѣчаніе. Завѣдующія училищами лица ежемѣсячно представляютъ инспектору народныхъ училищъ, по данной формѣ, вѣдомости о состояніи учебного дѣла въ училищахъ.

§ 18. Своими замѣчаніями и наставленіями преподающимъ въ училищахъ относительно способовъ и приемовъ преподаванія учебныхъ предметовъ, инспекторъ содѣйствуетъ не только возможно лучшему усвоенію учащимися преподаваемыхъ предметовъ, но и большому воспитательному вліянію на учащихся.

§ 19. Инспекторъ наблюдаетъ чтобы преподаваніе въ русскихъ училищахъ было строго направлено къ развитію и утвержденію въ учащихся религіозно-нравственныхъ понятій и патріотическихъ чувствъ.

Примѣчаніе 1. Инспекторъ требуетъ отъ завѣдующихъ училищами, чтобы они неуклонно слѣдили за точнымъ исполненіемъ учащимися установленныхъ классныхъ молитвъ предъ ученіемъ и послѣ ученія.

Примѣчаніе 2. Инспекторъ наблюдаетъ также, чтобы въ каждой классной комнатѣ ввѣренныхъ его надзору православ-

ныхъ училищъ были: а) икона въ подобающемъ ей мѣстѣ и б) приличная гравюра съ изображеніемъ портрета Государя Императора на видномъ мѣстѣ и въ приличной рамкѣ.

§ 20. Кромѣ обязательныхъ предметовъ, положенныхъ для преподаванія въ училищахъ, инспекторъ прилагаетъ стараніе, чтобы въ русскихъ училищахъ вводимы были церковное пѣніе, гимнастика и нѣкоторыя ремесла и мастерства, наиболѣе пригодныя для той мѣстности, гдѣ находится училище. Обученіе пѣнію и гимнастикѣ возлагается за особое вознагражденіе на завѣдующаго училищемъ или на его помощника, смотря по тому, кто изъ нихъ можетъ обучать этимъ предметамъ; въ случаѣ неспособности наличныхъ учителей къ преподаванію названныхъ предметовъ, инспекторъ приглашаетъ особаго учителя по найму. Обученіе мастерствамъ и ремесламъ производится, также за особое вознагражденіе, или наличными учителями, или же приглашенными посторонними лицами, но въ томъ и другомъ случаѣ— съ непосредственнаго разрѣшенія инспектора.

Примѣчаніе. Упомянутыя въ § 20 упражненія распредѣляются, по усмотрѣнію завѣдующихъ училищами, въ свободное отъ классныхъ занятій время, съ утвержденія главнаго инспектора, по представленію инспектора народныхъ училищъ.

§ 21. По отношенію къ инородческимъ училищамъ, содержимымъ на счетъ правительства или съ пособіемъ отъ онаго, инспекторъ наблюдаетъ не только за правильныхъ ходомъ обученія инородцевъ вообще, но и за развитіемъ въ послѣднихъ правильныхъ понятій о русской государственной власти и объ отношеніяхъ къ ней инородцевъ, въ видахъ постепеннаго сближенія ихъ съ русскою народностію. Съ этою цѣлью инспекторъ заботливо внушаетъ завѣдующимъ инородческими училищами, чтобы они съ одной стороны не допускали во вѣреныхъ имъ училищахъ ничего оскорбляющаго племенное и религиозное чувство инородцевъ, а съ другой стороны, чтобы они непремѣнно, но съ крайнею осмотрительностію и осторожностію, устранили изъ училищныхъ порядковъ все, что можетъ прямо или косвенно поддерживать въ инородцахъ ихъ племенные особенности. Ни мусульманская религія, ни мусульманская грамота не должны быть преподаваемы въ правительственныхъ инородческихъ школахъ Туркестанскаго края. Въ отношеніи инородческихъ религиозныхъ обычаевъ и праздниковъ, инспекторъ народныхъ училищъ даетъ, съ разрѣшенія главнаго инспектора училищъ, завѣдывающимъ инородче-

скими училищами особыя указанія, по соображенію съ мѣстными обстоятельствами.

Примѣчаніе. Каждое инородческое училище обязано имѣть на видномъ мѣстѣ портретъ Государя Императора въ приличной рамкѣ.

§ 22. Инспекторъ, соображаясь съ мѣстными условіями училищъ, съ климатомъ и господствующимъ родомъ занятій жителей, опредѣляетъ, съ утвержденія главнаго начальника края, продолжительность учебнаго періода и времени лѣтнихъ и зимнихъ вакацій, равно число и продолжительность ежедневныхъ учебныхъ уроковъ во всѣхъ ввѣренныхъ его наблюденію училищахъ, исключая тѣхъ, для которыхъ существуютъ о семъ указанія въ положеніяхъ о нихъ.

§ 23. Инспекторъ наблюдаетъ какъ за порядкомъ надзора, установленнаго для учащихся, такъ и за принятыми въ училищѣ мѣрами поощренія и взысканія. Съ этою цѣлью инспекторъ возлагаетъ на завѣдующихъ училищами обязанность вести особый дневникъ—журналъ, въ который должны быть своевременно вносимы всѣ выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ случаи училищной жизни, съ замѣчаніями о нихъ учителей и съ показаніемъ сдѣланныхъ учителями распоряженій. Во время своихъ посѣщеній училищъ инспекторъ внимательно, вмѣстѣ съ учителями, обсуждаетъ всѣ записанные въ дневникъ случаи училищной жизни. Тѣ училища, которыя не будутъ осматрѣны инспекторомъ, обязаны по истеченіи учебнаго года, передъ началомъ лѣтнихъ каникулъ, высылать свои дневники—журналы къ инспектору народныхъ училищъ для просмотра ихъ.

§ 24. Встрѣчаемая преподавателями затрудненія въ учебно-воспитательной дѣятельности по училищамъ, инспекторъ народныхъ училищъ разрѣшаетъ или своею властью, или же, въ случаѣ особой важности, представляетъ на усмотрѣніе главнаго инспектора училищъ.

§ 25. Въ тѣхъ училищахъ, гдѣ будетъ признано возможнымъ ввести плату за ученіе, размѣръ оной опредѣляетъ, по соображенію съ мѣстными обстоятельствами, инспекторъ народныхъ училищъ, съ утвержденія главнаго начальника края, по представленію главнаго инспектора.

§ 26. Инспекторъ имѣетъ попеченіе о томъ, чтобы при каждомъ училищѣ, по мѣрѣ средствъ, существовали слѣдующія учебно-воспитательныя учрежденія: а) бібліотека учительская, состоящая изъ учебныхъ руководствъ, сочиненій по части педагогики и вообще

книгъ, могущихъ служить къ дальнѣйшему самообразованію учителей; б) библіотека ученическая, состоящая изъ учебныхъ руководствъ, книгъ для чтенія и другаго рода учебныхъ пособій, собственно для употребленія въ классахъ и для чтенія учениками, и в) складъ учебныхъ пособій и классныхъ принадлежностей, заготовляемыхъ заблаговременно училищемъ для безвозмездной раздачи по постановленію педагогическаго совѣта бѣднымъ ученикамъ въ видѣ поощренія. Завѣдываніе вышеозначенными учрежденіями инспекторъ возлагаетъ на одного изъ учителей, съ надлежащею со стороны послѣдняго отвѣтственностію и наблюдаетъ, дѣйствительно-ли лица, которымъ поручено завѣдываніе этими учрежденіями исполняютъ свои обязанности съ надлежащею исправностію.

§ 27. Инспекторъ наблюдаетъ, чтобы ни въ одно изъ учреждений, поименованныхъ въ § 26, не приобрѣтались учебныя пособія, которыя не были предварительно одобрены министерствомъ народнаго просвѣщенія или духовнымъ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія по принадлежности, согласно спискамъ ежегодно печатаемымъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, или отдѣльно рассылаемымъ по училищамъ.

§ 28. Наибольшее вниманіе инспекторъ народныхъ училищъ обращаетъ на то, чтобы изъ числа учебныхъ руководствъ, книгъ для чтенія и другаго рода учебныхъ пособій, приобретенныхъ для училищъ, въ классахъ употреблялись преимущественно такія, которыя заслужили особенно одобрительные отзывы со стороны министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства православнаго исповѣданія.

§ 29. Для инородческихъ училищъ инспекторъ обязанъ приобрести особыя, приноровленные къ обученію инородцевъ, учебники, а въ случаѣ неимѣнія таковыхъ въ продажѣ, озаботиться составленіемъ учебныхъ руководствъ для инородцевъ, каковыя по разсмотрѣніи ихъ главнымъ инспекторомъ училищъ, печатаются съ разрѣшенія главнаго начальника края, и вводятся въ употребленіе въ училищахъ.

Примѣчаніе. Одинъ экземпляръ каждаго изъ означенныхъ руководствъ представляется министерству народнаго просвѣщенія.

§ 30. Всѣ учебники, составляемые для правительственныхъ инородческихъ школъ края, должны быть печатаемы русскими буквами безъ всякаго измѣненія и дополненія, въ видахъ скорѣйшаго усвоенія

инородцами русскаго языка и скорѣйшаго достиженія возможности пользоваться русскими учебниками.

§ 31. Инспекторъ наблюдаетъ, чтобы при инородческихъ училищахъ не было никакихъ неразрѣшенныхъ въ обращеніи мусульманскихъ изданій и чтобы русскія привительственныя училища всегда и во всемъ преслѣдовали задачу сближенія инородцевъ съ русскимъ государствомъ.

§ 32. При обзорѣни складовъ книгъ и учебныхъ пособій, предназначенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для безмездной раздачи учащимся, или же вообще жертвуемыхъ съ тою же цѣлью инспекторъ производитъ повѣрку: употребляются ли дѣйствительно эти предметы согласно своему назначенію.

§ 33. Инспекторъ наблюдаетъ, чтобы всѣмъ, находящимся въ означенныхъ въ § 26 учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, предметамъ были ведены подробныя описи, съ указаніемъ цѣны, времени и случаевъ поступленія. Во время осмотра училищъ, инспекторъ наблюдаетъ, всегда ли и въ надлежащей-ли исправности установленный порядокъ исполняется. При исправной записи инспекторъ удостоверяетъ училищную опись своею подписью, въ противномъ же случаѣ потребуетъ немедленнаго исправленія замѣченныхъ недостатковъ.

§ 34. Инспекторъ наблюдаетъ также, чтобы производимыя изъ училищныхъ библіотекъ временныя выдачи записывались въ инвентарь, съ росписками учителей и отмітками о возвращеніи ихъ въ исправности. За потерю, а также за порчу принадлежащихъ училищу предметовъ инспекторъ можетъ, по своему усмотрѣнію, взыскать съ виновнаго стоимость вещи и взысканныя деньги присоединяетъ къ суммамъ училища, для приобрѣтенія недостающихъ или испорченныхъ предметовъ.

§ 35. Если инспекторъ найдетъ, что перечисленныя въ § 26 учебно-вспомогательныя учрежденія въ томъ или другомъ училищѣ, по недостатку денежныхъ средствъ училища, слишкомъ скудны или вовсе не существуютъ, то входитъ въ управленіе учебными заведеніями съ представленіемъ объ ассигнованіи для приобрѣтенія необходимыхъ для училища предметовъ суммы, прилагая къ своему ходатайству списокъ самыхъ предметовъ, съ указаніемъ цѣнъ и способовъ приобрѣтенія этихъ предметовъ.

§ 36. Инспекторъ, соображаясь со средствами училищъ, заботится, чтобы какъ внѣшнее, такъ въ особенности внутреннее устройство училищныхъ зданій соответствовало, по возможности, ихъ назначенію, не только въ учебномъ, но и въ гигиеническомъ отношеніи.

Примѣчаніе. Инспекторъ наблюдаетъ, чтобы училищное зданіе было помѣстительно, свѣтло, сухо и тепло; чтобы училищныя скамьи были устроены по образцу лучшихъ современныхъ скамей, чтобы онѣ были удобно расположены въ классахъ, особенно въ отношеніи къ свѣту; чтобы въ классныхъ комнатахъ поддерживалась всегда извѣстная здоровая температура (14—15—R.) вмѣстѣ съ постоянно чистымъ, освѣжаемымъ вентиляціей воздухомъ. Поэтому инспекторъ заботится, чтобы въ классныхъ комнатахъ были термометры.

§ 37. Онъ обращаетъ вниманіе на то, чтобы въ каждомъ училищѣ была ведена опись училищному имуществу, съ обозначеніемъ, когда и откуда какая вещь поступила, съ указаніемъ стоимости каждой вещи.

§ 38. Относительно матеріальнаго обезпеченія училищъ, инспекторъ удостовѣряется, достаточно-ли училища снабжены необходимыми принадлежностями и въ должной ли исправности поступаютъ и расходуются отпускаемая на содержаніе училищъ суммы.

§ 39. Для поддержанія и улучшенія училищъ, инспекторъ ходатайствуетъ, установленнымъ порядкомъ, о единовременныхъ денежныхъ пособіяхъ имъ изъ суммъ, ассигнованныхъ по смѣтѣ на содержаніе училищъ Туркестанскаго края, или изъ мѣстныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи главнаго пачальника края, указывая при этомъ на нужды училищъ и на размѣръ испрашиваемаго пособія.

§ 40. Независимо отъ поименованныхъ ходатайствъ въ виду того, что нѣкоторыя училища, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ могутъ иногда нуждаться въ безотлагательномъ пособіи, безъ котораго самая дѣятельность ихъ можетъ пріостановиться, инспектору предоставляется въ непосредственное его распоряженіе по триста рублей въ годъ изъ суммъ, ассигнованныхъ на низшія училища края, каковыя деньги инспекторъ и получаетъ авансомъ по мѣрѣ надобности, по ассигновкамъ главнаго инспектора училищъ изъ подлежащаго казначейства. Въ израсходованіи этой суммы онъ представляетъ управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края авансовый счетъ.

§ 41. Инспекторъ испрашиваетъ у главнаго пачальника края, установленнымъ порядкомъ, чрезъ главнаго инспектора училищъ, единовременныя пособія нуждающимся учителямъ и учительницамъ, принимая въ соображеніе степень усердія ихъ, продолжительность службы, многочисленность семейства, болѣзнь семейства и т. п.

§ 42. Учебныя руководства, пособія и книги для чтенія, присылаемыя для безмезднаго снабженія ими начальныхъ народныхъ училищъ, инспекторъ по своему усмотрѣнію, распредѣляетъ между тѣми училищами, которыхъ учебно-воспитательныя учрежденія наиболѣе нуждаются въ пополненіи.

Примѣчаніе. Инспектору предоставляется заблаговременно доводить до свѣдѣнія управленія учебными заведеніями края о томъ, какія книги и учебныя пособія могутъ преимущественно потребоваться для тѣхъ или другихъ училищъ, прося о выпискѣ таковыхъ зависящаго распоряженія управленія.

§ 43. Инспекторъ заботится, чтобы при училищахъ, для нравственной и матеріальной поддержки ихъ состояли почетные блюстители, или почетные смотрители, гдѣ такія должности полагаются по закону о сихъ училищахъ.

§ 44. Лицамъ, особенно содѣйствовавшимъ преуспѣванію училищъ, инспекторъ испрашиваетъ установленнымъ порядкомъ, соответствующія имъ заслугамъ поощренія.

§ 45. Кромѣ надзора за существующими уже училищами, инспекторъ обязанъ прилагать стараніе къ открытію новыхъ училищъ въ краѣ, гдѣ позволяютъ это мѣстныя средства и административныя соображенія, ходатайствуя, установленнымъ порядкомъ, о пазначеніи открываемымъ училищамъ временнаго или постояннаго пособія отъ правительства; въ случаяхъ же особой важности, и полнаго содержанія на счетъ казны.

§ 46. Особенную заботливость инспекторъ прилагаетъ къ тому, чтобы привлекать дѣтей инородцевъ въ училища и содѣйствовать устройству училищъ среди кочевниковъ.

§ 47. Въ многолюдныхъ мѣстностяхъ, имѣющихъ уже училища, инспекторъ заботится, если въ томъ будетъ нужда, объ открытіи параллельныхъ отдѣленій при училищахъ, или объ увеличеніи въ нихъ числа классовъ.

§ 48. Попеченія инспектора о распространеніи народнаго образованія въ краѣ должны быть также направлены къ тому, чтобы и дѣвочки, по мѣрѣ возможности, получали необходимое начальное образованіе. Порядкомъ учрежденія особыхъ для нихъ училищъ или особыхъ смѣсь при мужскихъ училищахъ, а равно и дѣйствій по сему предмету инспектора, остается тотъ же, какъ и по отношенію къ училищамъ для мальчиковъ въ краѣ.

§ 49. Въ случаѣ невозможности учрежденія для дѣвочекъ ни отдѣльныхъ училищъ, ни особыхъ смѣнъ, инспекторъ можетъ допустить и совмѣстное обученіе дѣвочекъ съ мальчиками въ однихъ и тѣхъ же училищахъ, съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: а) чтобы дѣвочки были не старше 10-ти лѣтъ и б) чтобы мальчики и дѣвочки помѣщались въ классахъ на разныхъ скамьяхъ, составляя отдѣльную группу.

§ 50. Въ училищахъ или отдѣленіяхъ для дѣвочекъ должно быть введено обученіе руководѣліямъ, приуроченнымъ къ мѣстнымъ нуждамъ населенія, на что и должно быть обращено надлежащее вниманіе инспектора.

Примѣчаніе. По отношенію къ дѣвочкамъ инородческихъ племенъ, обучающихся въ правительственныхъ училищахъ края, инспекторъ соблюдаетъ исполненіе тѣхъ же частныхъ правилъ, какія указаны въ §§ 21, и другихъ по отношенію къ мальчикамъ инородцевъ.

§ 51. Инспекторъ прилагаетъ стараніе, чтобы существующія въ краѣ училища были одинаково доступны дѣтямъ всѣхъ жителей мѣстности, безъ различія званій, племенъ и вѣроисповѣданія. Кромѣ того, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами и лицами, инспекторъ прилагаетъ попеченіе и о томъ, чтобы при училищахъ какъ правительственныхъ такъ и туземныхъ, гдѣ окажется возможность, были устраиваемы особые уроки для взрослыхъ; съ этою цѣлію инспекторъ, во время своихъ осмотровъ училищъ, старается личными убѣжденіями привлекать мѣстныхъ жителей къ ученію. Въ случаѣ осуществленія такихъ уроковъ, инспекторъ ходатайствуетъ, установленнымъ порядкомъ, объ отпускѣ особой суммы, необходимой для устройства такихъ уроковъ и для вознагражденія учителей за ихъ труды сверхъ прямыхъ ихъ обязанностей.

§ 52. Когда инспекторъ лично удостовѣрится, что то или другое училище не будетъ удовлетворять своему назначенію въ той мѣстности, гдѣ оно существуетъ, тогда какъ въ другой мѣстности оно могло бы приносить болѣе существенную пользу, — тогда онъ испрашиваетъ, въ установленномъ порядкѣ, разрѣшеніе на переводъ училища изъ данной мѣстности въ другую.

§ 53. Такимъ же образомъ поступаетъ инспекторъ и въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда по особо-уважительнымъ причинамъ, требуется совершенное закрытіе того или другаго училища.

§ 54. Инспекторъ народныхъ училищъ обязанъ по полученіи отъ главнаго инспектора указанія относительно замѣченныхъ имъ недостатковъ въ низшихъ училищахъ, немедленно принять всѣ зависящія отъ него мѣры къ устраненію ихъ.

§ 55. Инспекторъ можетъ присутствовать, съ правомъ голоса, въ состоящемъ при управленіи учебными заведеніями края испытательномъ комитетѣ, когда въ немъ производятся испытанія на званіе учителей низшихъ училищъ.

§ 56. Инспектору предоставляется также осматривать учительскія семинаріи, педагогическіе курсы, учительскія школы, во время нахожденія его въ той мѣстности, гдѣ таковыя существуютъ. Съ этою цѣлю онъ можетъ присутствовать въ засѣданіяхъ совѣтовъ сихъ семинарій, курсовъ и школъ и сообщать имъ свои соображенія на основаніи наблюденія и опыта.

§ 57. Въ случаѣ учрежденія въ край краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ для учителей низшихъ училищъ, инспекторъ наблюдаетъ за дѣйствіями курсовъ и сообщаетъ имъ надлежащіе совѣты, указанія и наставленія.

§ 58. Съ правительственными учрежденіями и должностными лицами края, не принадлежащими къ составу учебнаго управленія, а также съ частными лицами, инспекторъ по дѣламъ, касающимся училищъ, входитъ въ непосредственныя сношенія или лично или письменно по своему усмотрѣнію. По предметамъ, требующимъ участія высшихъ административныхъ учрежденій или лицъ, инспекторъ обращается съ своими соображеніями къ главному инспектору училищъ, отъ котораго уже зависитъ дальнѣйшее движеніе и направленіе дѣла.

§ 59. Каждый инспекторъ народныхъ училищъ имѣетъ казенную печать съ установленнымъ гербомъ и съ надписью вокругъ герба „печать инспектора народныхъ училищъ Туркестанскаго края“.

§ 60. Отправляемые за печатью инспектора казенные пакеты и посылки принимаются въ почтовыхъ конторахъ на общихъ основаніяхъ, наравнѣ съ прочими учебными учрежденіями министерства народнаго просвѣщенія.

§ 61. Въ порядкѣ дѣлопроизводства инспекторъ народныхъ училищъ руководствуется обще-установленными на сей предметъ правилами.

§ 62. Назначенное инспектору народныхъ училищъ Туркестанскаго края содержаніе онъ получаетъ изъ мѣстнаго казначейства по собственному его требованію, согласно съ существующими правилами.

§ 63. За каждый истекшій учебный годъ инспекторъ народныхъ училищъ представляетъ, чрезъ главнаго инспектора училищъ, по установленной мипистерствомъ народнаго просвѣщенія формѣ, подробный отчетъ о состояніи всѣхъ подчиненныхъ надзору инспектора училищъ края, съ прописаніемъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ въ теченіе года распоряженій и оказавшихся отъ того результатовъ. Срокомъ для представленія такого отчета назначастся 1-е февраля.

§ 64. Независимо отъ представленіи годичнаго отчета, инспекторъ послѣ каждаго произведеннаго имъ осмотра училищъ, представляетъ главному инспектору училищъ отчетъ о результатахъ осмотра по каждому училищу, для сообщенія такихъ отчетовъ министерству народнаго просвѣщенія.

§ 65. Настоящая инструкторія вводится, въ видѣ опыта, на три года.

17. (10-го марта 1879 г.). Положеніе о преміи Павла Антоновича Ильенкова.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Для содѣйствія развитію естественныхъ наукъ въ Россіи, при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ учреждается премія въ 500 рублей, изъ процентовъ съ капитала въ 5000 руб., пожертвованныхъ для этой цѣли бывшимъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Ильенковымъ, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 7-го марта 1879 г. именуется „премією Павла Антоновича Ильенкова“. Премію составляютъ проценты за два года съ означеннаго капитала.

§ 2. На соисканіе преміи, физико-математическій факультетъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета предлагаетъ для рѣшенія вопросы по одной изъ естественныхъ наукъ.

Примѣчаніе: Члены физико-математическаго факультета С.-Петербургскаго университета не имѣютъ права участвовать въ соисканіи преміи.

§ 3. Предлагаемые вопросы должны касаться исключительно изслѣдованія Россіи непосредственно и въ назначеніи ихъ соблюдается слѣдующая послѣдовательность наукъ:

- 1) Химія и ея приложенія.
- 2) Геологія и Минералогія.
- 3) Физическая географія и метеорологія.

- 4) Ботаника и
- 5) Зоологія.

§ 4. Сочиненія на премію представляются или самими авторами, или же членами физико-математическаго факультета.

§ 5. Представляемыя сочиненія должны быть написаны по русски; они могутъ быть рукописныя или печатныя, но вышедшія въ теченіе двухъ лѣтъ, назначенныхъ для рѣшенія соотвѣтствующаго вопроса.

§ 6. Премія присуждается совѣтомъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, по представленію физико-математическаго факультета, лучшему изъ представленныхъ сочиненій.

§ 7. Если достойными преміи признаются два или болѣе сочиненій, то премія полностью выдается автору одного изъ нихъ, по опредѣленію факультета, а прочимъ дается удостовѣреніе, въ томъ, что они удостоены преміи.

§ 8. Въ томъ случаѣ, когда на предложенный вопросъ не представлено будетъ сочиненій, или представленные сочиненія найдены будутъ не заслуживающими преміи, срокъ для подачи сочиненій по тому же вопросу продолжается еще на годъ. Одновременно предлагается и новый вопросъ по приведенному въ § 3 перечисленію наукъ.

§ 9. Если по прошествіи и трехъ лѣтъ не поступитъ сочиненій, достойныхъ преміи, на соисканіе ея предлагается вопросъ изъ другой науки въ порядкѣ приведеннаго въ § 3 перечисленія.

§ 10. Двухлѣтній срокъ для подачи рѣшеній вопросовъ, считается отъ 8-го февраля, дня основанія Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Во время акта, въ этотъ день объявляется о сочиненіяхъ, удостоенныхъ преміи и предлагаются новые вопросы для ея соисканія.

§ 11. Премія выдается автору удостоеннаго сочиненія тотчасъ по присужденіи ея совѣтомъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, о чемъ немедленно публикуется въ нѣкоторыхъ столичныхъ газетахъ.

§ 12. Авторъ, получившій премію за рукописное сочиненіе приглашается напечатать его въ годичный срокъ, копія же остается въ распоряженіи совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго университета.

18. (24-го марта 1879 г.). Правила о стипендіи, учрежден-

ной при Императорскомъ Московскомъ университетѣ подъ наименованіемъ „стипендія 12-го апрѣля 1877 года“.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

I) На счетъ процентовъ съ капитала въ четыре тысячи рублей, образовавшагося частію отъ подписки между профессорами, преподавателями, служащими и студентами сего университета и частію отъ сбора за слушаніе прочитанныхъ нѣкоторыми профессорами публичныхъ лекцій, учреждается при Московскомъ университетѣ стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 10-го января 1879 г., именуется „стипендію 12-го апрѣля 1877 года.“

II) Размѣръ стипендіи опредѣляется размѣромъ процентовъ, имѣющихъ получаться съ капитала, на первое же время стипендія будетъ выдаваться въ количествѣ двухъсотъ руб.

III) Стипендія назначается исключительно для дѣтей воиновъ, павшихъ въ войну 1877—1878 годовъ, а также и для дѣтей врачей, участвовавшихъ въ кампаніи, причемъ отдается предпочтеніе студентамъ, родители которыхъ были убиты на войнѣ, или умерли отъ полученныхъ ранъ.

IV) Для полученія стипендіи необходимо представить удостовѣреніе въ томъ, что отецъ желающаго воспользоваться опою дѣйствительно находился въ дѣйствующей арміи въ качествѣ воина или врача.

V) Если будетъ нѣсколько соискателей стипендіи, имѣющихъ равныя права на оную, въ такомъ случаѣ отдается предпочтеніе дѣтямъ лицъ, окончившихъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, а если таковыхъ не окажется, то она назначается по жребію, производимому въ совѣтѣ университета, отъ котораго зависитъ назначеніе стипендіи.

VI) Если съ теченіемъ времени не оказалось бы въ числѣ студентовъ лицъ, удовлетворяющихъ основнымъ условіямъ этой стипендіи, таковая обращается въ стипендію вообще для дѣтей военныхъ врачей и военныхъ чиновъ, умершихъ на службѣ.

VII) Образовавшіеся, по какому бы то ни было случаю, остатки отъ процентовъ съ капитала этой стипендіи присоединяются къ капиталу для увеличенія впослѣдствіи размѣра стипендіи.

VIII) Стипендіатъ лишается стипендіи, если не перейдетъ на слѣдующій курсъ, а равно и въ томъ случаѣ, если замѣченъ будетъ въ чемъ-либо предосудительномъ.

19. (11-го апрѣля 1879 г.) Правила о единовременныхъ пособіяхъ, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго дѣтми покойнаго статскаго совѣтника Сергѣя Михайловича Шилова.
(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Капиталъ въ двѣ тысячи рублей, пожертвованный университету въ неприкосновенную собственность и заключающійся пунѣ въ двухъ облигаціяхъ восточнаго займа 2 выпуска, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 7-го апрѣля 1879 г. носить названіе: „капиталъ бывшаго студента Московскаго университета, покойнаго статскаго совѣтника Сергѣя Михайловича Шилова“.

2. Проценты съ капитала, равняющіеся 100 руб. въ годъ, вносятся ежегодно за слушаніе профессорскихъ лекцій за двоекъ изъ бѣднѣйшихъ студентовъ.

3. Таковымъ взносомъ завѣдуетъ правленіе университета, а кандидатовъ для этого изъ бѣднѣйшихъ студентовъ рекомендуетъ проректоръ или ректоръ университета.

4. Въ случаѣ еслибы со временемъ плата за слушаніе профессорскихъ лекцій была отмѣнена, то проценты съ капитала обращаются въ стипендію, а какъ размѣръ ея будетъ незначителенъ, то она можетъ быть соединена съ другою такою же размѣра стипендіею и выдаваться одному студенту.

5. Образовавшіеся по какому бы то ни было случаю остатки отъ процентовъ присоединяются къ капиталу для увеличенія числа пособій.

20. (11-го апрѣля 1879 г.) Правила о стипендіи Федора Васильевича Чижова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Московское купеческое общество взаимнаго кредита пожертвовало Московскому университету капиталъ въ шесть тысячъ семьсотъ рублей, заключающійся въ облигаціяхъ 2-го восточнаго займа на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала при Московскомъ университетѣ одной стипендіи съ единовременнымъ пособіемъ для взноса платы за слушаніе лекцій, въ память заслугъ покойнаго надворнаго совѣтника Чижова.

2. Стипендія эта, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 7 апрѣля 1879 года, именуется „стипендіею Федора Васильевича Чижова“.

3. Стипендія назначается одному изъ студентовъ физико-математическаго факультета.

4. Назначеніе кандидата на стипендію предоставляется совѣту Московской практической академіи коммерческихъ наукъ, который, предварительно назначенія стипендіи избранному кандидату, дѣлаетъ сношеніе съ ректоромъ университета для полученія свѣдѣній о достоинствахъ того кандидата.

5. Изъ процентовъ съ капитала, составляющихъ 335 р. въ годъ, двѣсти восемьдесятъ пять руб. выдаются въ стипендію, а пятьдесятъ руб. перечисляются въ сумму сбора за слушаніе профессорскихъ лекцій стипендіатомъ, и поэтому стипендіатъ ни въ какомъ случаѣ не освобождается отъ платы за слушаніе лекцій.

6. Еслибы со временемъ отмѣнена была плата за слушаніе лекцій, то часть процентовъ, отдѣляемая на этотъ предметъ, должна будетъ выдаваться въ стипендію.

7. Образовавшіеся по какому бы то ни было случаю остатки отъ процентовъ съ капитала присоединяются къ оному для увеличенія впоследствии размѣра стипендіи.

8. Стипендіатъ лишается стипендіи, если не перейдетъ на слѣдующій курсъ по малоуспѣшности, а также и въ случаѣ непохвальнаго поведенія.

9. При освобожденіи стипендіи за окончаніемъ курса стипендіатомъ, или за выбитіемъ его изъ университета по другой причинѣ, сообщается отъ университета въ совѣтъ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ.

21. (12 мая 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о допущеніи воспитанниковъ духовныхъ семинарій къ испытанію зрѣлости въ гимназіяхъ тѣхъ городовъ, гдѣ они окончили курсъ.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія, изложеннаго въ предложеніи моемъ отъ 24 минувшаго марта за № 3440, доступъ въ университеты и другія высшія спеціальныя учебныя заведенія воспитанниковъ духовныхъ семинарій православнаго духовнаго вѣдомства, начиная съ будущаго 18^{79/80} учебнаго года, прекращенъ, если эти воспитанники не подвергнутся испытанію зрѣлости въ гимназіяхъ или окончательному экзамену въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, по принадлежности, на равнѣ съ тѣми, кои не окончили курса въ сихъ гимназіяхъ или училищахъ.

Принимая во вниманіе, что въ прежніе годы окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ направлялись преимущественно въ столицы, для поступленія въ различныя высшія учебныя заведенія, а, въ предупрежденіе крайняго затрудненія какъ для С.-Петербургскихъ и Московскихъ гимназій и реальныхъ училищъ отъ наплыва къ нимъ для испытанія поспитанниковъ духовныхъ семинарій, такъ и для пользы самихъ экзаменующихся, которые, въ случаѣ невыдержанія экзамена, должны будутъ дѣлать значительныя денежныя затраты для поѣздки въ столицы и обратно, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе, чтобы воспитанники духовныхъ семинарій допускались къ подлежащимъ испытаніямъ только въ гимназіяхъ тѣхъ губерній, въ коихъ находятся семинаріи, въ коихъ означенные воспитанники окончили курсъ, распространяя эту мѣру и на испытанія въ реальныхъ училищахъ тамъ, гдѣ таковыя имѣются. Къ сему имѣю честь присовокупить, что о настоящемъ моемъ предложеніи поставлено въ извѣстность и православное духовное вѣдомство, для зависящаго со стороны онаго распоряженія.

22. (14-го мая 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. почитателямъ учебныхъ округовъ предохраненіи учащагося юношества отъ соціальной пропаганды.

Въ циркулярномъ предложеніи отъ 24 мая 1875 года за № 5520 я обращалъ вниманіе вашего превосходительства на опасность, какой подвергается учащееся юношество со стороны пропагандистовъ, старающихся дѣйствовать на неопытныя умы учащейся молодежи, завлекая ихъ въ свои сѣти и дѣлая орудіемъ преступной своей дѣятельности.

Такое пагубное вліяніе злонамѣренныхъ лицъ на недоучившееся юношество продолжается и даже усиливается въ настоящее время. Гнусныя злодѣи, эти убійцы изъ-за угла, во столько же дѣйствительныя злодѣи юнаго поколѣнія и всего русскаго просвѣщенія; они набрасываются съ своими безумными, неосуществимыми и презрѣнными теоріями преимущественно на юношество, такъ какъ люди сколько нибудь опытные и основательные отворачиваются отъ нихъ съ омерзѣніемъ; накидывая же тѣнь на образованіе, изъ коего добыли одиѣ искаженныя понятія, они заставляютъ искать въ паукѣ корень и причину совершаемыхъ ими золъ и бѣдствій, въ коихъ, само собою разумѣется, вовсе неповинна истинная образованность, а этимъ самымъ

могутъ возбудить сомнѣніе въ пользѣ научныхъ знаній и приостановить естественно-поступательный ходъ народнаго просвѣщенія.

Имѣя въ виду, что только нравственный авторитетъ уважаемыхъ наставниковъ и самый бдительный и постоянный надзоръ со стороны начальниковъ учебныхъ заведеній за вѣренными ихъ попеченію юношами въ особенности въ отношеніи къ развитію и поддержанію въ нихъ религіозно-нравственнаго направленія, могутъ оградить молодое поколѣніе отъ тлетворной заразы вредныхъ ученій анархистовъ, я нужнымъ считаю обратить особенное вниманіе вашего превосходительства на необходимость назначенія на должности учителей и наставниковъ лицъ съ особою осторожностію, такъ какъ, къ крайнему сожалѣнію, дѣти и юноши, вмѣсто того, чтобы встрѣтить въ семьѣ отпоръ вреднымъ увлеченіямъ, иногда находятъ поддержку пагубнымъ теоріямъ и наставникамъ приходится въ этомъ случаѣ заступать мѣсто родителей и опекуновъ и укрѣплять въ порученныхъ ихъ наблюденію питомцахъ чувства преданности престолу и уваженіе къ религіи.

Конечно не дѣтямъ низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдуетъ толковать о бессмысленныхъ социалистическихъ ученіяхъ, но ученикамъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ нужно объяснять всю ихъ нелѣпость; они настолько зрѣлы умственно и нравственно, что я увѣренъ, легко поймутъ всю ихъ преступную несостоятельность, и, конечно, никто изъ нихъ не захочетъ послужить орудіемъ людей, губящихъ систематически и безжалостно хладнокровно юныя лучшія наши силы и свѣтлую будущность Россіи, не мыслимую и не возможную безъ широкаго распространенія истиннаго образованія, основаннаго на твердыхъ началахъ науки, истинахъ вѣры, правилахъ нравственности и сознательной преданности своему Государю и своей родинѣ.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

24-го февраля 1879 года. (№ 2). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Посниковъ—проректоромъ сего университета, на три года.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира Демченко—деканомъ юридическаго факультета сего университета, съ 26-го февраля 1879 года по 3-е августа 1881 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ греческой словесности Бѣляевъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ греческой словесности, со 2-го декабря 1878 года.

Доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ физики, надворный совѣтникъ Колли—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ физики, со 2-го декабря 1878 года.

Кандидатъ Императорскаго Московскаго университета Воскресенскій—директоромъ содержимаго имъ въ Москвѣ реального училища, со 2-го декабря 1878 года.

Исправляющій должность директора Поляповской учительской семинаріи, надворный совѣтникъ Морель—въ сей должности.

Отставной поручикъ Корвино-Круковскій—членомъ по хозяйственной части Нижегородскаго Александровскаго института, на три года.

Рыбинскій купецъ Сыроѣжнинъ—почетнымъ попечителемъ Рыбинской гимназіи, на три года.

Контръ-адмиралъ Загорянскій-Кисель, инженеръ-генералъ-маіоръ Бергъ, флигель-адъютантъ капитанъ 1-го ранга Казнаковъ, надворный совѣтникъ Прусаковъ, агентъ русскаго общества пароходства и торговли Бартенева, директоръ Николаевскаго городского банка Иваповъ и потомственные почетные граждане Бухтѣевъ и Соболевъ—членами попечительства Николаевскаго Александровскаго реального училища, на три года.

Предсѣдатель Калужской губернской земской управы Мецериновъ, Калужскій уѣздный предводитель дворянства Яповскій, князь Н. Мецерскій и граждане Астрѣевъ, Федосовъ, Свѣчниковъ, Сытинъ и Яковлевъ—членами попечительства Калужскаго реального училища, на три года.

Перемѣщается: директоръ Николаевскаго Александровскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ленцъ—директоромъ Одесскаго реального училища.

Опредѣляется: астрономъ-наблюдатель Императорскаго Дерптскаго университета Баклундъ—адъюнктъ-астрономомъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: директоръ Одесскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ленцъ, съ 24-го ноября 1878 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Влади-

міра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Незабитовскій, съ 26-го февраля 1879 года.

Зачитается въ командировку съ ученою цѣлію: экстраординарному профессору Императорскаго Казанскаго университета, коллежскому совѣтнику Сорокину бытность его въ отпуску для пріятія участія въ экспедиціи изслѣдованія песковъ Кара-Кумъ, съ 29-го августа по 6-е октября 1878 года.

Командируются въ Россіи съ ученою цѣлію: хранители зоологическаго музея Императорской академіи наукъ: коллежскій ассесоръ Брандтъ и кандидатъ Поляковъ—на три лѣтніе мѣсяца сего года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра Минхъ—по 1-е іюня 1879 года, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему отпуска съ 25-го января 1879 года.

Увольняются въ отпускъ: во внутрь Россіи: директоръ Калужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вибиковъ—съ 15-го мая до конца лѣтняго вакаціоннаго времени 1879 года, по болѣзни.

За границу: на лѣтнее вакаціонное время 1879 года: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Столѣтовъ, доцентъ сего университета Ковалевскій, инспекторъ Харьковской первой гимназіи Шандори, учителя гимназій: при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, Добіашъ и Сертье, Харьковской первой, Шерцль, Курской, коллежскій ассесоръ Царда, Александровской Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ, Мерсье и Деритской, надворный совѣтникъ Реймерсъ, учителя прогимназій: Александровской Старобѣльской, Корсекъ и Θεодосійской, Мильковичъ, учитель Херсонскаго реальнаго училища Нергофъ-фонъ-Гольдербергъ и инспекторъ Дерптскихъ городскихъ дѣвичьихъ высшаго и начальнаго училищъ Пфейль; изъ нихъ Шандори и Реймерсъ по болѣзни.

На двадцать восемь дней и лѣтнее вакаціонное время 1879 года: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, надворный совѣтникъ Кондаковъ, исправляющій должность доцента сего университета, статскій совѣтникъ Лебедевъ и инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской Левицкій; всѣ трое по болѣзни.

часть ссн, отд. 1.

3

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года и двадцать девять дней: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ Заленскій.

На три мѣсяца: почетный смотритель Шуйскаго уѣзднаго училища графъ Толстой, по болѣзни.

На четыре мѣсяца: учитель Слуцкой гимназій, надворный совѣтникъ Рейнфельдъ, почетный смотритель С.-Петербургскаго Рождественскаго городского училища, надворный совѣтникъ Воронинъ и учитель С.-Петербургскаго Сампсоніевскаго городского училища Горленскій; всѣ трое по болѣзни.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному попечителю Тамбовскаго реальнаго училища, тайному совѣтнику Царышкину—за пожертвованіе въ пользу сего училища.

Предсѣдателю Олонецкаго губернскаго земскаго собранія, въ званіи камеръ-юнкера, Савельеву—за содѣйствіе въ улучшенію матеріальнаго положенія Петрозаводской Маріинской женской гимназій.

Землевладѣльцамъ Волынской губерніи: графу Чапскому и дѣйствительному статскому совѣтнику Ростовцеву—за пожертвованія ихъ въ пользу сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ первымъ—Митропольскаго, Новоградволынскаго уѣзда, а послѣднимъ—Гальчинскаго, Житомирскаго уѣзда.

Членамъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ: Пудожскаго, Пудожскому уѣздному исправнику Петрову и Каргопольскаго, непрѣмъному члену тамошняго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Мудрову и священнику Стручкову—за отличное усердіе ихъ по улучшенію начальныхъ народныхъ училищъ въ Пудожскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ.

Увольняются: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фаминцинъ, согласно прошенію, отъ должности декана физико-математическаго факультета сего университета.

Директоръ Симбирской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вишневскій—за выслугою срока, отъ настоящей должности, съ 3-го февраля 1879 года.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ Полунинъ—отъ службы, согласно прошенію, съ дозволеніемъ носить въ отставку мундирный полубафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Ягичъ—отъ настоящей должности, за неявкою къ службѣ.

Директоръ Одесскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Геекъ—отъ службы, за выслугою срока, съ дозволеніемъ поситъ въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Исключается изъ списковъ умершій: почетный попечитель Полтавскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Милорадовичъ.

(№ 3). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Энгельманъ — вповь деканомъ юридическаго факультета сего университета, съ 4-го марта 1879 года.

Библіотекаръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ славянской словесности Безсоповъ — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета по кафедрѣ славянской филологіи, съ 23-го ноября 1879 года.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины Воронцовскій — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ оперативной хирургіи, съ 3-го февраля 1879 года.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ римской словесности Цвѣтаевъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ римской словесности, съ 3-го февраля 1879 года.

Почетный смотритель Аккерманскаго городского училища, въ званіи камеръ-юнкера, титулярный совѣтникъ Леонардъ — почетнымъ попечителемъ Одесской первой гимназіи на три года, съ увольненіемъ отъ должности почетнаго смотрителя упомянутаго училища, съ 7-го марта 1879 года.

Итальянскій подданный Росси — вповь почетнымъ попечителемъ Одесской второй прогимназіи на три года, съ 23-го февраля 1879 г.

Маіоръ Нестелей, надворный совѣтникъ Бурхаповскій, коллежскій ассесоръ Гоппе и штабсъ-капитанъ Малама—членами попечительства Екатеринославскаго реальнаго училища, на три года.

Опредѣляются: Вольскій уѣздный предводитель дворянства Фроловъ — почетнымъ попечителемъ Вольской учительской семинаріи, Саратовской губерніи, на три года, съ 7-го марта 1879 года.

Сверхштатный астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, кандидатъ Императорскаго Дерптскаго университета Витрамъ — вычислителемъ этой обсерваторіи.

Назначается: Костромской губернаторъ, тайный совѣтникъ Андреевскій — членомъ попечительства Костромскаго реальнаго училища, на три года.

Оставляются на службѣ: на два съ половиною года: директоръ народныхъ училищъ Бессарабской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ, съ 26-го января 1879 года.

На пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Стояновъ, съ 31-го декабря 1878 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дестунисъ, съ 9-го января 1879 года.

Сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гогоцкій, съ 9-го марта 1879 года.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на семнадцать дней: директоръ Полтавскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Юшковъ—въ С.-Петербургъ, съ 22-го марта 1879 года.

На Свѣтлую недѣлю и четырнадцать дней; директоръ Полтавской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шафрановъ—въ С.-Петербургъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года: директоръ Радомской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Маркіановичъ — въ разныя губерніи.

На два мѣсяца лѣтомъ 1879 года: эзекуторъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассесоръ Воронинъ—въ С.-Петербургскую губернію, по болѣзни.

За границу: на праздники св. Пасхи въ 1879 году: учитель однокласнаго Загоецкаго начальнаго общаго училища Войцеховскій, по болѣзни.

На двадцать восемь дней: врачъ Одесскаго коммерческаго училища Латри.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фогель. старшіе учителя гимназій: Дерптской, титулярный совѣтникъ Синтенисъ и Перновской, Козакъ, учи-

тели гимназій: Пензенской, Ключевъ, Ярославской, Шифальдъ и Горель, Тверской, Голейшовскій и Крупарь, Смоленской, Марекъ, Шадекъ и Мисопустъ, Московской первый, статскій совѣтникъ Каленовъ, коллежскій ассесоръ Козловскій и состоящій въ VIII классѣ Фохтъ, учителя реальныхъ училищъ: Херсонскаго, статскій совѣтникъ Шиповъ, Московскаго, Скудельный и Костромскаго, Фарванъи, инспекторъ Александровской Ялтинской прогимназіи, надворный совѣтникъ Шульбахъ, учителя прогимназій: Оеодосійской, коллежскій ассесоръ Лопатинъ и Рязанской, Мейеръ; изъ нихъ Каленовъ, Фохтъ, Скудельный и Шильбахъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года и пятнадцать дней: директоръ Варшавской первой мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Крыжановскій, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года и шестнадцать дней: старшій учитель Рижской городской гимназіи Фризендорфъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года и двадцать восемь дней: директоръ Варшавской V мужской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Хорошевскій и инспекторъ Московской четвертой гимназіи Грипчакъ; оба по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года и двадцать девять дней: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Таганцевъ и Дерптскаго, Гревингъ и учитель приготовительнаго класса Херсонской прогимназіи Штейнбергъ; изъ нихъ Гревингъ съ 12-го мая 1879 года по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года и шесть недѣль: инспекторъ Херсонской гимназіи, коллежскій ассесоръ Марекъ, по болѣзни.

Съ 5-го мая по 5-е іюля 1879 года: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Мечниковъ.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному попечителю Александровскаго Кременчугскаго реальнаго училища Устимовичу, управляющимъ Харьковско-Николаевскою и Фастовскою желѣзными дорогами Губеру и барону Гану и начальнику движенія Харьковско-Николаевской желѣзной дороги Радцигу—за оказанное ими содѣйствіе къ устройству экскурсіи для учениковъ химико и механико-техническихъ отдѣленій до

полнительнаго класса Александровскаго Кременчугскаго реальнаго училища.

Директору Острожской учительской семинаріи, статскому совѣтнику Богатинову— за пожертвованія его въ пользу означенной семинаріи.

Попечителю Безчинскаго сельскаго начальнаго училища Коротоякскаго уѣзда, Воронежской губерніи, землевладѣльцу Роменскому— за пожертвованія его въ пользу сего училища.

Исключается изъ списковъ умершій: помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николичъ.

№ 4-й. Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шмидтъ— вновь проректоромъ сего университета, съ 21-го марта 1879 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Меншуткинъ— деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, на три года, съ 5-го марта 1879 года.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ всеобщей литературы Стороженко— экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ исторіи всеобщей литературы, съ 13-го января 1879 года.

Почетный гражданинъ Поповъ— почетнымъ попечителемъ Шуйской мужской прогимназіи, на три года.

Командируются съ учелою цѣлью: ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра Кистяковскій— въ С.-Петербургъ и Москву, на мѣсяць и десять дней.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Яковлевъ— во внутреннія и южныя мѣстности Россіи, на шесть мѣсяцевъ, считая сію командировку съ 10-го февраля 1879 года.

Увольняются въ отпускъ въ Россіи: на четырнадцать дней: директоръ Гродненской гимназіи, статскій совѣтникъ Татлинъ— въ Москву.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года: директоръ Слуцкой гимназіи, статскій совѣтникъ Носовичъ— въ разныя губерніи, по болѣзни.

На два мѣсяца: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій

совѣтникъ Васильевъ—въ Казанскую и Таврическую губерніи, по болѣзни.

Въ разныя губерніи Россіи и за границу: директоръ Ново-зыбковскаго реального училища, статскій совѣтникъ Радкевичъ, по болѣзни, на лѣтнее ваканціонное время 1879 года.

За границу: на двѣ недѣли: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Кашница, учитель С.-Петербургскаго реформатскаго училища Мейеръ и учитель Кишиневской прогимназіи Козачипскій.

На пятнадцать дней: учитель Одесской Маринской женской гимназіи Струве.

На двадцать шесть дней: учитель Казанскаго реального училища Сенваль.

Съ 10-го іюня по 1-е августа 1879 года: дѣлопроизводитель инспекціи училищъ города Варшавы, коллежскій ассесоръ Каменскій.

Съ 15-го іюня по 10-е августа 1879 года начальникъ Кѣлецкой учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Копыловъ, по болѣзни.

На лѣтнее ваканціонное время 1879 года: исправляющій должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Добіашъ, директоры мужскихъ гимназій: Люблинской, статскій совѣтникъ Сѣнгаевичъ и Варшавской IV, надворный совѣтникъ Будьмерингъ, инспекторъ Екатеринославской гимназіи, статскій совѣтникъ Козловскій, исправляющій должность инспектора Сѣдлецкой мужской гимназіи, Сотничевскій, учителя Лазаревскаго института восточныхъ языковъ: статскій совѣтникъ Випнеръ и коллежскій ассесоръ Вегеръ, учителя гимназій: Екатеринославской, коллежскій совѣтникъ Брамсонъ, надворный совѣтникъ Катаевъ и Скробанскій, Московскихъ: 3-й—Марцъ и 5-й—Цехачекъ, Владимірской, коллежскій секретарь Савенъ, Бѣлгородской, Петерсонъ, Курской, Ницкій, Риншельевской, Радошевичъ, Юргенсонъ, Коппе и Бавлинка, Одесской второй, Ліоте, Костромской, статскій совѣтникъ Блюссъ, Бердянской, Сормиличъ, Варшавской первой мужской, Пажъ и статскій совѣтникъ Роде, Сѣдлецкой мужской, Сѣроичковскій и Свирнюкъ, Калишской мужской, надворный совѣтникъ Поповъ, Кѣлецкой мужской, коллежскій ассесоръ Сперанскій, Варшавской IV женской, Клодницкій, классныя дамы женскихъ гимназій: Варшавской четвертой, Гончарова, Сѣдлецкой, Фейтль и Калишской, Олицъ,

учители прогимназій: Кишиневской, Пятинь, Одесской первой, Бурнандъ, Херсонской, Твердый и Тибитаниль, Пултуской мужской, Гвоздецкій, Елатомской, Вѣлецкій, Ялтинской Александровской, Шкорниль и Замостской женской, Боричевскій, учителя реальныхъ училищъ: Астраханскаго, Мюллеръ Екатеринбургскаго губервскій секретарь Шулякевичъ, Екатеринославскаго, Поповъ и Сергіевскаго въ гор. Псковъ, Анспахъ, учителя главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра въ С.-Петербургѣ: Бонжуръ, Тюрель, Шлезвихъ-Галлоз, Фремонъ, Миттеллахеръ, Фишеръ и Аккерманъ; изъ нихъ по болѣзни: Сѣнгалевичъ, Бульмерингъ, Петерсонъ, Роде, Клодницкій, Гончарова, Пятинь и Боричевскій.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года и двадцать дней: исправляющій должность инспектора Варшавской I мужской гимназій Ведепяницъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года и двадцать восемь дней: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Чериповъ, директоръ Владимірской гимназій, коллежскій совѣтникъ Сыроѣчковскій, управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камергера Ляхницкій, учитель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, надворный совѣтникъ Квичала и классная дама Сандомирской женской прогимназій Посникова; всѣ пятеро по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1879 года и двадцать девять дней: доцентъ Императорскаго университета Св. Владиміра Базаровъ.

На два мѣсяца: директоръ Преславльскаго семинаріи, коллежскій ассесоръ Паховскій и штатный смотритель Луцкаго двухкласснаго городского училища, надворный совѣтникъ Павловскій; оба по болѣзни, съ 15-го іюля 1879 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: дѣйствительному статскому совѣтнику Полякову—за пожертвованіе имъ денегъ на приобрѣтеніе музыкальныхъ инструментовъ для Виленскаго еврейскаго учительскаго института.

Гласному Смоленскаго губернскаго земскаго собранія Герну—за заботы ея на пользу развитія учебнаго дѣла въ городѣ Духовщинѣ.

Увольняются отъ службы: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Федоренко—

за выслугою срока, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Абашевъ, согласно прошенію, съ 10-го марта 1879 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Петерсенъ, согласно прошенію, съ 1-го апрѣля 1879 года.

Дозволяется носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный: бывшему инспектору народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, статскому совѣтнику Константиновичу.

Исключается изъ списковъ умершій: почетный попечитель Керченской Александровской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Посполитаки.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра постановлено: книги подъ заглавіями; 1) „Императоръ Александръ I и Его царствованіе. Соч. И. А. Галактіонова. Часть 2. С.-Петербургъ 1879 г. Цѣна 1 руб.—одобрить для ученическихъ бібліотекъ среднихъ и высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

2) „Книга для чтенія и упражненій въ русскомъ языкѣ. Сост. Е. Козинъ. Митава 1879 г. Цѣна 65 коп.—одобрить какъ учебное пособіе для низшихъ классовъ тѣхъ учебныхъ заведеній Прибалтійскаго края, гдѣ проходитъ русскій языкъ.

— Брошюру: „Наставленіе къ собираію и сохраненію естественно-историческихъ коллекцій, составленное А. Петровскимъ и Л. Сабантевымъ. Ярославль. 1878 г.—одобрить для бібліотекъ одноклассныхъ и двухклассныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ, а также для учениковъ старшаго класса городскихъ училищъ и слушателей учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Книги подъ заглавіями:

1) Histoire élémentaire de la littérature française depuis l'origine jusqu'à nos jours, par Jean Fleury, lecteur en langue française à l'université imperial de St.-Petersbourg, seconde édition corrigée et augmentée de plus d'un tiérs. С.-Петербургъ 1879 г.—признать заслуживающею рекомендаціи для употребленія въ качествѣ учебнаго пособия въ тѣхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, въ которыхъ преподается курсъ исторіи французской литературы.

2) Элементы геометріи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, расположенный по способамъ доказательствъ. Сост. Д. Гика и А. Муромцевъ, преподаватели Московской 6-й гимназіи. Москва 1879 г. Цѣна 1 р.—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній, а также учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книги подъ заглавіями:

1) Практическія замѣтки о русскомъ синтаксисѣ. Монографія. А. Дмитревскаго. Отдѣльный оттискъ изъ филологическихъ записокъ. Воронежъ 1878 г.—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ гимназій,

2) Книга упражненій къ греческой грамматикѣ г. Нидерле. Курсъ III и IV классовъ гимназій и прогимназій. Сост. И. Мейеръ. Москва 1879 г. Цѣна 75 коп.—одобрить какъ пособіе при преподаваніи греческаго языка въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

3) Сборникъ геометрическихъ задачъ, примѣненный къ курсамъ гимназій и реальныхъ училищъ. Задачи алгебраической геометріи. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Сост. В. Мининъ, преподаватель Московской 3-й гимназіи. Изд. 2-е, исправленное и значительно дополненное. Москва 1879 г.—признать заслуживающимъ одобренія въ качествѣ учебнаго пособия.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Хорватія, Славонія, Далмація и Военная граница Л. В. Березина, дѣйствительнаго члена Императорскаго географическаго общества и другихъ ученыхъ обществъ. Въ 2-хъ томахъ. С.-Петербургъ 1879 г.“ рекомендовать основнымъ библиотечнымъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: одобрить для употребленія въ народныхъ училищахъ и для народнаго чтенія слѣдующія изданныя книгопродавцемъ Влосмеромъ брошюры: 1) Покаяніе. Изъ твореній св. Тихона, епископа Воронежскаго. Изд. 7-е С.-Пб. 1871 г. 2) Христосъ грѣшную душу къ себѣ призываетъ. Изъ твореній св. Тихона, епископа Воронежскаго. Изд. 2-е С.-Пб. 1871 г. 3) О вѣрѣ во Христа. Изъ сочиненій Тихона, епископа Воронежскаго. Изд. 9-е С.-Пб. 1872 г. 4) О словѣ Божіемъ. Изъ сочиненій Тихона, епископа Воронежскаго. Изд. 8-е. С.-Пб. 1872 г.

— Изданную обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, брошюру, содержащую въ себѣ шесть рассказовъ: 1) Хорошая жена, 2) Злая жена, 3) Дѣвочка со спичками, 4) Гречиха, 5) Дѣдушка и Внучекъ, 6) Вечеръ на Рождество. Изданіе 3-е. М. цѣна 5 копѣекъ.— допустить для библиотекъ низшихъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Правила о преміи академика горнаго инженера генералъ-лейтенанта Г. П. Гельмерсена.

Утверждены физико-математическимъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ 10 апрѣля 1879 года.

§ 1. Премія Гельмерсена образуется изъ процентовъ съ капитала, собраннаго посредствомъ добровольныхъ приношеній по случаю юбилея 50-лѣтней службы въ офицерскихъ чинахъ академика горнаго инженера генералъ-лейтенанта Г. П. Гельмерсена.

§ 2. Основной капиталъ остается неприкосновеннымъ на вѣчныя времена и возрастаетъ причисленіемъ къ нему нѣкоторой части процентовъ или же могущими впредь поступать добровольными приношеніями. Проценты съ капитала употребляются исключительно на преміи или же на увеличеніе капитала.

§ 3. Неприкосновенный капиталъ, обращаемый въ государствен-ныхъ кредитныхъ бумагахъ (на имя капитала преміи Гельмерсена), состоитъ въ вѣдѣніи Императорской Академіи наукъ.

§ 4. Премія Гельмерсена присуждается чрезъ каждые пять лѣтъ и состоитъ изъ 500 руб.

Примѣчаніе. Въ послѣдствіи времени, размѣръ преміи можетъ, по усмотрѣнію Академіи, быть увеличенъ, когда состояніе основнаго капитала представитъ къ тому возможность.

§ 5. Премія ни въ какомъ случаѣ не раздѣляется между авторами двухъ или нѣсколькихъ сочиненій.

§ 6. На соисканіе преміи Гельмерсена допускаются сочиненія, содержащія въ себѣ самостоятельныя изысканія по геологій, палеонтологій съ геологической точки зрѣнія по физической географіи Россіи и сопредѣльныхъ странъ Азіи.

§ 7. Въ случаѣ, если ни одно изъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій не удостоится награды, сумма преміи причисляется къ основному капиталу.

§ 8. Премію Гельмерсена могутъ получать какъ Россійскіе подданные, такъ и иностранцы, по послѣдніе только въ томъ случаѣ, если они, по депъ присужденія награды, состояли не менѣе трехъ лѣтъ въ русской службѣ или если прожили до тѣхъ поръ уже десять лѣтъ въ Россійской имперіи.

§ 9. Дѣйствительные члены Императорской Академіи наукъ не имѣютъ права на полученіе преміи Гельмерсена.

§ 10. Палеонтологическія сочиненія, получившія премію Бэра или Брандта, не могутъ быть награждаемы преміей Гельмерсена.

§ 11. На соисканіе допускаются сочиненія, напечатанныя на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и латинскомъ языкахъ. Если же представлено будетъ сочиненіе на какомъ-либо иномъ языкѣ, кромѣ вышеисчисленныхъ, то Коммиссія имѣетъ право устранить такое сочиненіе изъ конкурса.

§ 12. Премія выдается только самому автору или его законнымъ наслѣдникамъ, по отнюдь не издателю.

§ 13. Допосеніе о сочиненіи, которому присуждена премія, доводится до всеобщаго свѣдѣнія въ публичномъ собраніи Академіи 29-го декабря, и затѣмъ печатается въ ея изданіяхъ.

§ 14. Ближайшее присужденіе преміи Гельмерсена будетъ происходить 29-го декабря 1883 г., затѣмъ въ 1888, 1893 гг. и т. д.

§ 15. На соисканіе преміи Гельмерсена принимаются только такія

сочиненія, которыя вышли въ свѣтъ въ теченіе послѣднихъ 6-ти лѣтъ предшествовавшихъ конкурсу. Рукописи вовсе не допускаются къ соисканію.

§ 16. Сочиненія, назначенныя на конкурсъ, должны быть доставлены въ Академію наукъ не позже 1-го марта того года, въ которомъ будетъ происходить присужденіе преміи.

§ 17. Академія, не позже какъ за два мѣсяца до закрытія конкурса, объявляетъ посредствомъ газетъ, о предстоящемъ соисканіи, причѣмъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія главныя постановленія настоящихъ правилъ и приглашаетъ ученыхъ къ доставленію сочиненій.

§ 18. Члены комиссіи, назначенной на основаніи § 19 настоящихъ правилъ, имѣютъ право включать въ конкурсъ и такія печатныя сочиненія, которыя не были представлены на соисканіе самими авторами, но они обязаны заявить о томъ въ Комиссію не позже 1-го мая, т. е. не позже двухъ мѣсяцевъ послѣ закрытія конкурса.

§ 19. Премія присуждается физико-математическимъ Отдѣленіемъ Академіи, которое назначаетъ изъ среды своей Комиссію для разсмотрѣнія соискательныхъ сочиненій. Комиссія можетъ, если признаетъ нужнымъ, поручить разсмотрѣніе того или другаго изъ конкурсныхъ сочиненій ученому, и не принадлежащему къ ея составу.

§ 20. Академикъ Г. П. Гельмерсенъ считается пожизненно предсѣдателемъ комиссіи.

§ 21. Для постановленія комиссіи требуется простое большинство голосовъ. При равенствѣ голосовъ рѣшаетъ предсѣдательствующій.

§ 22. Донесеніе комиссіи и ея заключеніи читаются въ засѣданіи Отдѣленія, которое, въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи своемъ, постановляетъ окончательное рѣшеніе о присужденіи преміи.

§ 23. Присужденіе преміи въ Отдѣленіи производится баллотировкою, при чемъ требуется не менѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ всего числа членовъ, присутствующихъ въ засѣданіи.

§ 24. Право дѣлать измѣненія въ настоящихъ правилахъ предоставляется одной лишь Императорской Академіи наукъ.

Объявленія департамента народнаго просвѣщенія.

I.

Г. министру народнаго просвѣщенія угодно было одобрить составленную статскимъ совѣтникомъ П. А. Аннимымъ книгу подъ загла-

віемъ „Сводъ главнѣйшихъ законоположеній и распоряженій о начальныхъ народныхъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ ч. II. Законоположенія и распоряженія о начальныхъ народныхъ училищахъ, дѣйствующія въ губерніяхъ, въ коихъ не введены земскія учрежденія С.-Пб. 1879 года“, для употребленія въ народныхъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ.

II.

Складъ книгъ: „Бытъ Грековъ и Римлянъ. Сочиненіе Ф. Ф. Веллшскаго. Переводъ съ чешскаго членовъ Кіевскаго отдѣленія общества классической филологіи и педагогики, подъ редакцію И. Я. Ростовцева. Выпуски III и IV. Прага 1878 г.“—находится въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ К. Риккера по Невскому проспекту № 14. Цѣна экземпляра безъ переплета 6 руб. въ роскошномъ переплетѣ 8 руб.—При выпискѣ непосредственно отъ автора книгъ этихъ исключительно для выдачи ихъ въ награду ученикамъ учебныхъ заведеній будетъ сдѣлана уступка 20% на каждый экземпляръ въ переплетѣ, т. е. по 6 р. 40 к.

О ПЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМІЙ
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,
УЧРЕЖДЕННЫХЪ
ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

На соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, предложено было ученымъ комитетомъ, съ утвержденія г. министра къ 1-му ноябрю прошлаго 1878 года представить:

- 1) Лучшее изданіе классическихъ авторовъ, приспособленное къ употребленію учениками гимназій;
- 2) Коммерческую географію въ связи съ коммерческою экономіей, для реальныхъ училищъ;
- 3) Исторію Россіи для народа, и
- 4) Общепользныя свѣдѣнія по народной гигиенѣ, медицинѣ и ветеринаріи.

Къ назначенному сроку поступили въ ученый комитетъ слѣдующія сочиненія:

1) Одиссея Гомера съ примѣчаніями Е. Шмида. Выпускъ I. Пѣсни I—III. Выпускъ II. Пѣсни IV—VI. Спб. 1878.

2) Домашняя гигиена, медицина и ветеринарія—рукопись подъ девизомъ: *Ideoque utile sit scire unumquemque quid et quando maxime caveat* (Celsus, de medicina lib. II). Въ двухъ частяхъ. Часть I. Основы здравохраненія—общественнаго и личнаго, съ указаніемъ на устройство и жизненныя отправления человѣческаго тѣла, происхожденіе и общее теченіе болѣзней и подачу первой помощи въ случа-

яхъ, угрожающихъ жизни. Часть II. Лѣчебникъ для народнаго употребленія. Въ приложеніи: отдѣлъ ветеринарный.

3) Книга на предложенную ученымъ комитетомъ задачу: исторія Россіи для народа.

Съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, для разсмотрѣнія сихъ сочиненій назначены три коммисіи: первая — для разсмотрѣнія изданія: „Одиссея Гомера съ примѣчаніями Е. Шмида“, подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета В. Х. Лемониуса, изъ директора С.-Петербургской 6-й гимназіи М. В. Пустонскаго и наставника-руководителя гимназіи при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ К. Ѳ. Нейлисова; вторая — для разсмотрѣнія „Исторіи Россіи для народа“, подъ предсѣдательствомъ профессора С.-Петербургскаго университета К. Н. Бестужева-Рюмина, изъ членовъ особаго отдѣла ученаго комитета А. Н. Майкова и В. Г. Авсѣенка; третья — для разсмотрѣнія рукописи: „Домашняя гигиена, медицина и ветеринарія“, подъ предсѣдательствомъ члена особаго отдѣла ученаго комитета К. К. Сентъ-Илера, изъ докторовъ медицины: А. П. Доброславица, Ю. Т. Чудновскаго и К. Н. Виноградова. Для разсмотрѣнія же отдѣльной части сочиненія о ветеринаріи былъ приглашенъ въ коммисію, въ качествѣ эксперта, профессоръ А. А. Раевскій. Сверхъ того, означенное сочиненіе было разсмотрѣно при численномъ къ министерству народнаго просвѣщенія докторомъ медицины А. Ю. Гиршгорномъ.

Коммисіи, по разсмотрѣніи означенныхъ сочиненій, представили о нихъ въ ученый комитетъ слѣдующія заключенія:

1) Объ изданіи: „Одиссея Гомера съ примѣчаніями Е. Шмида“: Въ виду того, что трудъ г. Е. Шмида съ одной стороны, не смотря на недостатки и погрѣшности, оказавшіеся несущественными, въ своей цѣлости заключаетъ въ себѣ достоинства, не позволяющія оставить его безъ поощренія, а съ другой стороны является не доконченнымъ, обнимая не всю Одиссею, но лишь шесть пѣсенъ поэмы, коммисія признаетъ книгу г. Е. Шмида трудомъ, заслуживающимъ малой преміи Императора Петра Великаго.

2) О составленной на предложенную ученымъ комитетомъ „Исторіи Россіи для народа“: книга эта въ томъ видѣ, въ какомъ она представлена, не смотря на неотрицаемыя свои достоинства, не можетъ быть удостоена ни большой, ни малой преміи.

3) О рукописи: „Домашняя гигиена, медицина и ветеринарія“: Приступая къ изложенію мнѣнія о рукописи, представленной

для соисканія преміи, комиссія сочла долгомъ обратить вниманіе на значительную трудность удовлетворительнаго исполненія предложенной темы. Трудность эта зависитъ прежде всего отъ обширности заданной темы, требующей отъ автора спеціальныхъ свѣдѣній по гигиенѣ, медицинѣ и ветеринаріи. Комиссія полагаетъ, согласно утвержденной ученымъ комитетомъ программѣ, что для удовлетворительнаго популярнаго изложенія какой-либо изъ вышеупомянутыхъ наукъ недостаточна компилятивная работа по учебникамъ и краткимъ сочиненіямъ, соотвѣтствующимъ требованію программы, но необходимо серьезное научное знакомство съ предметомъ, съ которымъ авторъ желаетъ познакомить читателей. При теперешней разработкѣ гигиены, медицины и ветеринаріи одинаково хорошее знакомство со всѣми этими областями трудно предположить у одного и того же лица. По мнѣнію комиссіи, для пользы дѣла было бы весьма желательно отдѣлить въ особую тему хоть одну часть предложенной темы, именно ветеринарію, которая сама по себѣ такъ важна и необходима, что могла бы быть предложена отдѣльно, при чемъ удобно къ ней присоединить свѣдѣнія о различныхъ породахъ скота, о кормахъ и объ уходѣ за домашними животными.

Вторая причина трудности заданной темы зависитъ отъ того, что составитель сочиненія долженъ не только обладать научными свѣдѣніями, но быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, хорошимъ практикомъ, то-есть, врачомъ, которому извѣстно много отдѣльныхъ частныхъ случаевъ различныхъ болѣзней, и который поэтому можетъ знать — на какіе признаки и явленія отдѣльныхъ болѣзней должно обратить вниманіе неспеціально подготовленнаго читателя, для того, чтобъ онъ могъ помочь въ некоторыхъ случаяхъ самому больному и лучше исполнять предписанія пользующаго его врача.

Наконецъ, третья причина, затрудняющая удовлетворительное составленіе сочиненія на предложенную тему, — это необходимость при изложеніи къ уровню мало подготовленныхъ читателей. Популярныхъ сочиненій по медицинѣ такъ мало на русскомъ языкѣ, что многіе научные термины должны быть вновь составлены или по крайней мѣрѣ отысканы въ различныхъ спеціальныхъ сочиненіяхъ по этому предмету. Кроме того, автору необходимо было познакомиться съ некоторыми мѣстными русскими названіями болѣзней и лекарствъ и принять во вниманіе домашнюю обстановку, нравы и обычаи того круга читателей, для которыхъ книга назначается.

Не смотря на всѣ вышеозначенныя трудности, по единогласному
часть ссп, отд. 1.

отзыву членовъ комиссіи, главные отдѣлы представленной на соисканіе преміи рукописи (если исключить отдѣлъ ветеринарный) должно считать не только вполне удовлетворительными, но даже на столько хорошо составленными, что комиссія считаетъ это сочиненіе достойнымъ большой Петровской преміи. Хотя отдѣльныхъ замѣчаній на представленную рукопись въ мнѣніяхъ членовъ комиссіи сдѣлано довольно много, но эти недостатки не на столько важны, чтобы лишить автора самаго высокаго поощренія его сочиненію, особенно если принять во вниманіе трудность его составленія и совершенную новизну дѣла, такъ какъ подобнаго сочиненія на русскомъ языкѣ не существуетъ.

Авторъ рукописи доказалъ своимъ сочиненіемъ, что онъ вполне знакомъ съ наукою стороною медицины и гигиены, и потому въ его сочиненіи не нашлось значительныхъ ошибокъ противъ самаго предмета. Напротивъ того, изъ его изложенія видно, что онъ пользуется самыми новыми научными изслѣдованіями и на сколько возможно знакомитъ съ ними своихъ читателей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ медицинскомъ отдѣлѣ авторъ рукописи показалъ очень основательное знакомство съ практикою врачебнаго дѣла: читатель найдетъ въ его статьяхъ о различныхъ болѣзняхъ чрезвычайно много хорошихъ совѣтовъ, при чемъ главное вниманіе обращено на тѣ явленія, которыя легко наблюдать не-спеціалисту. Представленную рукопись нельзя назвать лѣчебникомъ въ томъ смыслѣ этого слова, который у насъ распространенъ въ публикѣ, такъ какъ авторъ не даетъ рецептовъ на лѣченіе всѣхъ болѣзней, что очевидно не возможно и приноситъ чаще всего больше вреда, чѣмъ пользы. Цѣль автора состоитъ въ возможно полномъ разъясненіи условій, при которыхъ здоровье можетъ быть сохранено, также нѣкоторыхъ наиболее легкихъ для наблюденія признаковъ болѣзней, и тѣхъ врачебныхъ средствъ, которыя можетъ примѣнить не-спеціалистъ для предупрежденія болѣзненныхъ явленій и облегченія ихъ. Слѣдуетъ поставить въ особую заслугу автору, что онъ очень хорошо знакомъ съ бытомъ нашего народа и умѣетъ примѣниться къ его обстановкѣ, часто очень неприглядной и негигиенической. Не требуя радикальныхъ перемѣнъ въ образѣ жизни крестьянина, онъ только совѣтуетъ примѣнить такія мѣры къ улучшенію его быта, которыя осуществимы при нѣкоторомъ улучшеніи экономическаго состоянія народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ уважаетъ и религіозные обычаи крестьянъ, и на примѣръ, не говоритъ ничего противъ постовъ.

Что касается способа изложенія сочиненія, то его слѣдуетъ называть въ общей сложности удовлетворительнымъ, хотя не безукоризненнымъ. Предполагая читателя, незнакомаго съ естественными науками, авторъ вездѣ, гдѣ необходимо, даетъ попятныя разъясненія тѣхъ свѣдѣній изъ разныхъ областей естествознанія, которыя ему нужны при изложеніи статей по гигиенѣ и медицинѣ. Способъ изложенія вездѣ попятный и довольно ясный, хотя слѣдуетъ сознаться, что не всякій грамотный крестьянинъ можетъ съ пользою прочесть всю книгу. Но мнѣнію комиссіи, еще не настало время составленія такого сочиненія по медицинѣ и гигиенѣ, которое могло бы быть съ пользою прочтено нашими крестьянами, владѣющими только одною грамотностью, то-есть, умѣющими читать печатныя книги. Для такихъ совершенно не подготовленныхъ лицъ писать большія книги не возможно, а слѣдуетъ довольствоваться небольшими брошюрами или отдѣльными статьями. Представленное на конкурсѣ сочиненіе написано такъ, что оно можетъ быть легко понято лицами, кончившими курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ и въ городскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, кромѣ того сельскими учителями, причетниками, фельдшерами, волостными писарями и тѣми помѣщиками и помѣщицами, которые мало учились и давно уже запимаются исключительно своимъ хозяйствомъ. Въ рукахъ вышеупомянутыхъ лицъ разсматриваемое сочиненіе принесетъ пользу для народа можетъ быть еще большую, чѣмъ книжка, спеціально назначенная для едва грамотныхъ крестьянъ, такъ какъ эти лица служатъ постоянными и совершенно естественными посредниками между научною литературою и малограмотнымъ сельскимъ населеніемъ. Къ нимъ народъ часто приходитъ за совѣтомъ, и они, имѣя хорошо составленную книгу, могутъ, основываясь на ней, дать очень много полезныхъ указаній, разъясняя ихъ устно и сообразуясь съ мѣстными условіями и личностью просящаго совѣта.

Единственными общими замѣчаніями относительно изложенія сочиненія можно считать: 1) употребленіе многихъ иностранныхъ словъ, которыя должны быть по возможности замѣнены русскими, и 2) что въ концѣ всѣхъ главныхъ отдѣловъ сочиненія слѣдуетъ прибавить краткое изложеніе сообщенныхъ въ немъ свѣдѣній въ видѣ отдѣльныхъ положеній, съ указаніемъ на соответствующіе параграфы, какъ это сдѣлано въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ. Такой краткій перечень содержанія статьи очень полезенъ для читателей, мало привыкшихъ къ чтенію большаго спеціального сочиненія.

Ветеринарный отдѣлъ рукописи очень кратокъ и, какъ видно изъ мнѣнія профессора А. А. Раевского, очень слабъ, такъ что ни въ какомъ случаѣ одобренъ быть не можетъ. Слѣдуетъ посовѣтовать автору совсѣмъ не печатать его.

Основываясь на всемъ вышесказанномъ, комиссія пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Ветеринарный отдѣлъ вовсе не включать въ тему и просить о составленіи другой темы по ветеринаріи, которая могла бы быть пополнена и задана отдѣльно на слѣдующій срокъ подачи сочиненія на премию Императора Петра I.

2) Если авторъ исправитъ другіе отдѣлы рукописи согласно замѣчаніямъ, изложеннымъ въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ, то комиссія считаетъ это сочиненіе достойнымъ большой преміи Императора Петра I.

Ученый комитетъ, въ засѣданіяхъ 23-го апрѣля и 1-го (8-го) мая, обсудивъ вышесказанныя заключенія комиссій о разсмотрѣнныхъ ими сочиненіяхъ, представленныхъ на соисканіе премій Императора Петра Великаго, а равно и подробные разборы сихъ сочиненій, опредѣлилъ:

1) Е. Шмиду за его трудъ: „Одиссея Гомера, съ примѣчаніями. Выпускъ I. Пѣсни I—III, и выпускъ II. Пѣсни IV—VI. С.-Пб. 1878 г.“, согласно съ заключеніемъ комиссія, присудить малую премию, въ 500 рублей, — съ желаніемъ, чтобы, для большаго распространенія сего изданія, цѣна его была значительно понижена.

2) Хотя въ рукописи: „Домашняя гигиена, медицина и ветеринаріи,“ подъ девизомъ: „Ideoque utile sit scire unumquodque quid et quando maxime caveat (Celsus, de medicina lib. II) послѣдній отдѣлъ о ветеринаріи, весьма незначительный по объему, и не заслужилъ одобренія комиссія, но принимая во вниманіе, что главные отдѣлы сочиненія о гигиенѣ и медицинѣ, по единогласному отзыву членовъ комиссія, должно считать не только вполне удовлетворительными, но даже на столько хорошо составленными, что комиссія считаетъ это сочиненіе достойнымъ большой Петровской преміи, особенно если принять во вниманіе трудность его составленія и совершенную новизну дѣла, такъ какъ подобнаго сочиненія на русскомъ языкѣ не существуетъ; по замѣчанію же д-ра А. Ю. Гиршгорна, означенное сочиненіе не только смѣло можетъ конкурировать съ лучшими подобными сочиненіями на иностранныхъ языкахъ, но по многими своимъ достоинствамъ далеко оставляетъ ихъ за собою, и переводъ этого сочиненія на иностранныя языки оказалъ бы немалую

услугу и нерусскимъ читателямъ, — принимая все это во вниманіе, присудить автору вышеозначенной рукописи, согласно съ заключеніемъ комиссіи, большую премію Императора Петра Великаго въ 2000 рублей, съ тѣмъ чтобы при печатаніи сей рукописи былъ исключенъ ветеринарный отдѣлъ, и чтобы другіе отдѣлы рукописи были исправлены согласно замѣчаніямъ, изложеннымъ въ отдѣльныхъ мѣстнѣяхъ членовъ комиссіи и одобреннымъ ученымъ комитетомъ. По вскрытіи пакета съ вышеозначеннымъ девизомъ, авторамъ удостоеннаго преміи сочиненія оказались: по отдѣлу „домашней медицины“ ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета В. М. Флоринскій, а по прочимъ отдѣламъ доцентъ того же университета П. П. Скворцовъ.

3) Сочиненіе по „Исторіи Россіи для народа“, какъ не удовлетворяющее требованіямъ программы, отъ присужденія преміи устранилъ.

4) Въ вознагражденіе трудовъ гг. предсѣдателей комиссій: В. Х. Лемониуса, К. Н. Бестужева-Рюмина и К. К. Сентъ-Илера, и членовъ: М. В. Пустонскаго, К. Э. Нейлисова, А. Н. Майкова, В. Г. Авсеенка, А. П. Доброславина, Ю. Т. Чудновскаго и К. Н. Виноградова, занимавшихся разсмотрѣніемъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій, выдать имъ учрежденныя на сей предметъ золотыя медали.

5) Имѣя въ виду важность „Коммерческой географіи въ связи съ коммерческою экономіей“ для реальныхъ училищъ и „Исторіи Россіи для народа“, ходатайствовать предъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о продолженіи срока для представленія названныхъ сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго до 1-го ноября 1880 года.

На основаніи § 12 Положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго, опредѣленіе ученаго комитета было представлено г. министру народнаго просвѣщенія и его сіятельствомъ утверждено.

ЛѢТОПИСИ АССИРІЙСКИХЪ ЦАРЕЙ ¹⁾.

I.

Исторія Ассиріянъ была намъ до настоящаго времени, можно сказать, вовсе неизвѣстна, если не считать немногихъ отрывочныхъ свѣдѣній о шести-семи царяхъ Ассирійскихъ, о Ниневіи и Вавилонѣ, встрѣчаемыхъ въ Библии и у нѣкоторыхъ греческихъ писателей. А между тѣмъ Ассирійскій народъ, очевидно, игралъ выдающуюся роль въ судьбахъ древняго Востока, какъ можно судить изъ того, что отецъ исторіи Геродотъ счелъ пужнымъ посвятить исторіи Ассиріи цѣлое сочиненіе (τὰ Ασσυρίκᾶ), къ сожалѣнію, до насъ не дошедшее.

Сами цари Ассирійскіе, какъ мы знаемъ теперь, употребляли чрезвычайныя усилія, чтобы память о своихъ дѣлѣніяхъ сохранить отдаленному потомству. Записи о нихъ они начертывали клинообразными знаками на призмахъ или многогранныхъ цилиндрахъ, зарываемыхъ въ основанія дворцовъ и храмовъ, на колоннахъ, на стѣнахъ своихъ жилищъ, на барельефахъ и статуяхъ, украшавшихъ ихъ залы и портики, даже на кирпичномъ полу, при чемъ одинъ и тотъ же текстъ съ нѣкоторыми варіаціями, повторялся нѣсколько разъ; на каждомъ кирпичѣ зданія оттискивалось имя и родословіе царя основателя его. Самый матеріалъ для письма, преимущественно употреблявшійся у Ассиріянъ, способствовалъ сохраненію ихъ письменъ. Это была глина на которой, въ сыромъ ея видѣ, оттискивались письменные знаки, и которая потомъ, въ знойномъ климатѣ страны, пріобрѣтала крѣпость камня. Письмена ассирійскія ставились, кромѣ того, подъ покрови-

---

¹⁾ См. двѣ наши предыдущія статьи: Вавилоно-ассирійскія клинообразныя надписи и Развалины Вавилона и Ниневіи въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1876 и 1877 гг.

тельство боговъ. Каждая, сколько-нибудь значительная, по содержанию, надпись начинается воззваніемъ къ главнымъ божествамъ и заключается заклинаніемъ, обращеннымъ къ преемнику царствующаго монарха. Вотъ образецъ такого заклинанія, найденный въ ниневійскомъ дворцѣ Сепнахерима, въ заключеніе длиннаго перечисленія его подвиговъ: „Говорю сіе тому изъ моихъ сыновей, кто впоследствии признанъ будетъ Ассуромъ и Истарою хранить страну: когда дворецъ сей прійдетъ въ состояніе ветхости и разрушенія, то пусть преемникъ мой реставрируетъ надписи, заключающія мое имя, восстановитъ изваянія, очиститъ и поставитъ на прежнее мѣсто барельефы,—тогда Ассуръ и Истара внемлютъ молитвѣ его. Но кто повредитъ мои письмена и мое имя, съ тѣмъ поступитъ Ассуръ, великій богъ, отецъ боговъ, какъ съ мятежникомъ,—онъ отниметъ у него скипетръ и тронъ и сломаетъ его мечъ“. Тѣмъ не менѣ дворцы ниневійскіе съ ихъ надписями и изображеніями разрушились: имперія, мечемъ основанная, отъ меча и погибла. Огонь опустошилъ Ниневію; отъ „великаго города“ остались лишь груды развалинъ, съ теченіемъ времени превратившіяся въ холмы, на которыхъ расположилось иное населеніе съ инымъ языкомъ. Два тысячелѣтія прошли съ тѣхъ поръ; исчезла почти самая память о Ниневіи, забыты подвиги ея царей, и казалось, навсегда. Но въ нашъ вѣкъ, вѣкъ столькихъ открытій, „открыта“ была и Ниневія, самое существованіе которой представлялось полубаснословнымъ. Холмы, покрывавшіе ея развалины, раскопаны; барельефы и многочисленныя надписи разрушенныхъ дворцовъ собраны и привезены въ Европу; цѣлая фаланга ученыхъ, во главѣ коихъ блистаютъ имена Гротефенда, Раулипсона, Тальбота, Гинкса, Опперта, подвергли ассирійскія письмена, которыхъ какъ шрифтъ, такъ и языкъ, былъ вовсе неизвѣстенъ, тщательному многолѣтнему изслѣдованію, и наконецъ, въ величайшему торжеству науки, разобрали ихъ.

Изъ массы собранныхъ надписей доселѣ прочитана лишь небольшая часть ихъ, преимущественно надписи историческаго содержания, заключающія въ себѣ повѣствованіе о дѣяніяхъ Ассирійскихъ царей, составленное по ихъ повелѣнію и отъ ихъ имени; это собственно—царскія лѣтописи. Онѣ появлялись по частямъ, по мѣрѣ перевода ихъ, въ ученыхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ *Revue archéologique*, *Journal Asiatique*, *Annales de philosophie chrétienne*, *Journal of the Royal Asiatic Society*, *Journal of Sacred Literature*; вмѣстѣ съ тѣмъ стали появляться монографіи и

даже учебники по исторіи древняго востока на основаніи прочитанныхъ клинообразныхъ надписей ¹⁾).

Въ 1874 году французскій ученый Мснанъ издалъ полное собраніе ассирійскихъ надписей историческаго содержанія, доселѣ разобранныхъ во французскомъ переводѣ подъ названіемъ „Annales des rois d'Assyrie“. Мы постараемся познакомить нашихъ читателей съ интереснымъ содержаніемъ этихъ лѣтописей Ассирійскихъ царей, проливающихъ свѣтъ на древнѣйшую исторію передней Азіи.

Для того чтобы можно было пользоваться этими историческими данными, прежде всего необходимо было расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Самыя надписи существенно облегчали этотъ трудъ, такъ какъ на нихъ всегда почти обозначены день, мѣсяцъ и годъ царствующаго государя; годъ же событія прошедшаго опредѣляли количествомъ истекшихъ съ того времени лѣтъ: „столько-то лѣтъ тому назадъ“, говорилось. Годъ у Ассиріанъ былъ лунный, состоявшій изъ 12 мѣсяцевъ, по 29 и 30 дней въ каждомъ попеременно; начинался онъ съ весенняго равноденствія. Такимъ образомъ легко было согласовать ассирійскій календарь съ еврейскимъ (а слѣдовательно, и съ нашими календарями), тѣмъ болѣе что Евреи, очевидно, заимствовали свой календарь у Вавилоно-Ассиріанъ, быть можетъ еще со временъ Авраама, или во время вавилонскаго плѣненія,—отъ Ассиріанъ взяты были даже самыя названія²⁾). У Ассиріанъ мѣсяцевъ

¹⁾ The five great monarchies of ancient eastern world by Rawlinson. 1862 — 68. 3 vol.

Histoire des empires de Chaldée et d'Assyrie par J. Oppert. 1865.

Egyptian Campaigns of Esarhaddon and Assur-bani-pal by G. Smith (*Zeitschr. of Aegypt. Sprache* 1868).

Illustration of an Egyptian history and chronology from the cuneiform inscript. by H. Rawlinson (*Transact. of the Roy. soc. of Literat.* 1869).

Mémoire sur les rapports de l'Egypte et l'Assyrie, éclaircis par les textes cunéiformes, p. J. Oppert. 1869.

History of Assur-bani-pal translated from the cuneiform inscriptions by G. Smith. 1871.

Un patriote Babylonien du VIII siècle avant notre ère, Mévodachbaladan,—въ Premières civilisations, p. Fr. Lenormant. T. II. 1874.

Manuel d'histoire ancienne de l'orient jusqu' aux guerres médiques p. Fr. Lenormant. 2 v. 1869.

Histoire ancienne des peuples de l'Orient p. G. Maspero. 1875.

²⁾ (ассир.) nisanu	(еврейск.) nisan	(мартъ—апрѣль).
airu	— iyar	(апрѣль—май)
sivanu	— sivan	(май—июнь)

былъ въ употребленіи еще другой, гражданскій годъ, начинавшійся съ осенняго равноденствія и обозначавшійся именемъ особаго сановника, носившаго названіе Лимму,—учрежденіе, напоминающее подобную же роль греческихъ архонтовъ и римскихъ консуловъ. Такимъ Лимму бывалъ иногда самъ царь. Найдены были плитки съ фрагментами списковъ Лимму; слпчивъ и соединивъ эти фрагменты, открыли четыре параллельные списка Лимму съ обозначеніемъ царствованій, которымъ они соответствовали ¹⁾, за 228 послѣдовательныхъ годовъ; два изъ этихъ списковъ Лимму заключаютъ въ себѣ и краткій перечень событій.

Для перевода ассирійскаго лѣтосчисленія на наше принято было событіе, равно упоминаемое какъ въ ассирійской лѣтописи, такъ и въ Библии, и время коего намъ извѣстно, а именно взятіе Ассиріанами Самаріи, случившееся, по опредѣленію историковъ, за 721 г. до Р. Х. ²⁾, въ 9-й годъ царствованія Осіи. Но изъ библейскаго разказа не ясно видно, ваялъ ли Самарію Салманассаръ, о которомъ идетъ рѣчь прежде, или другой Ассирійскій царь, его преемникъ ³⁾. Ассирійскій источникъ разъясняетъ намъ это. Въ лѣтописи царя Саркина (Саргова), строителя хорсабадскаго дворца и преемника Салманассарова, читаемъ: „Въ началѣ моего царствованія... я осадилъ и взялъ Самарину (Самарію), обратилъ въ рабство 27,280 ея

duzu	—	tammuz	(іюнь—іюль)
abu	—	ab	(іюль—августъ)
ululu	—	elul	(августъ—сентябрь)
tasritu	—	tisri	(сентябрь—октябрь)
arab-samna	—	marchesvan	(октябрь—ноябрь)
kisilivu	—	kislev	(ноябрь—декабрь)
thebitu	—	thebet	(декабрь—январь)
sabathu	—	sebath	(январь—февраль)
addaru	—	adar	(февраль—мартъ).

(См. *Annales d. rois d'Assyrie trad. p. Menant*, p. 298). Ассиріанамъ ваялъ стень былъ впрочемъ и солнечный годъ изъ 365¹/₄ дней, но имъ пользовались имъ лишь для астрономическихъ вычисленій. Лунный годъ согласовали съ солнечнымъ, вставляя въ каждый четвертый годъ то одинъ, то два дополнительные мѣсяца, попеременно; неизвѣстно только, какимъ способомъ исправляли они неточности этого 8-лѣтняго цикла для пополненія лунныхъ годовъ (см. *Lenormant, Hist. ancienne de l'Orient*, II, 178—180).

¹⁾ См. *Menant, Annales*, p. 3, 4, 300—303. гдѣ приведенъ самый списокъ Лимму. Ср. *Lenormant, Man. d'Hist. anc.* II, 65.

²⁾ Что соответствуетъ 720 году астрономическому.

³⁾ 4-я кн. цар. XVII 1—6

жителей и переселилъ ихъ въ землю Ассур¹⁾). Сличая библейскій и ассирійскій тексты, слѣдуетъ заключить, что Салманассаръ началъ войну противъ Осіи царя Израильскаго, а Саргонъ окончилъ се взятіемъ Самаріи. Священныи писатель, сказавъ, что „царь Ассирійскій взялъ Самарію“, и потому еще могъ не называть его по имени, что осада была начата еще Салманассаромъ, но окончена Саргономъ, который сначала управлялъ государствомъ отъ имени малолѣтняго сына Салманассарова и велъ осаду Самаріи въ качествѣ „тартана“, то-есть, главнокомандующаго²⁾). Такимъ образомъ первый годъ царствованія, или точнѣе, управленія Саргона (Саркипа), когда взята была Самарія, соотвѣтствуетъ нашему 721 г. до Р. Х. Въ спискѣ Лимму имя Саркина стоитъ пятимъ послѣ имени Салманассара³⁾). Извѣстно, что Саркинь три года боролся съ соперниками прежде, чѣмъ сталъ царствовать одинъ⁴⁾); такимъ образомъ Саркинь былъ Лимму на четвертый годъ своего правленія, то-есть, въ 718 г., а Салманассаръ носилъ это званіе въ послѣдній годъ своего царствованія, то-есть, въ 722 г. до Р. Х. Теперь уже легко было перевести на наши годы всѣ 228 годовъ списка Лимму; они оказались соотвѣтствующими 892—664 г. до Р. Х.⁵⁾). Къ этому найденному періоду времени ассирійской исторіи относятся такимъ образомъ и столкновения Евреевъ съ Ассирианами что придаетъ понятную важность сдѣланной находкѣ⁶⁾).

Для событій древнѣйшихъ періодовъ ассирійской исторіи, отъ которыхъ не осталось списка Лимму, годы можно опредѣлять лишь приблизительно, пользуясь встрѣчающимися иногда въ надписяхъ указаніями, въ родѣ слѣдующаго: „Вина, Салу, боговъ города Екали, которыхъ Мардукнадинусуръ, царь земли Аккадской, отнялъ у Туклатпал-асара (Таглафалассара), царя земли Ассирійской, и перенесъ въ

¹⁾ *Annales des rois d'Assyrie*, trad. p. *Menant*, p. 161.

²⁾ Ср. *Lenormant*, *Hist. anc.*, II, 88; *Maspero*, *Hist. anc. d. peuples de l'Orient* p. 391.

³⁾ *Menant*, *Ann.*, Appendices, 302.

⁴⁾ *Lenormant*, *Manuel*, II, 89.

⁵⁾ 172 имени Лимму до года взятія Самаріи и 56 послѣ того; найдены имена еще 19 слѣдующихъ Лимму, время коихъ не могло еще быть опредѣлено. См. *Menant*, *Annales*, p. 303.

⁶⁾ Здѣсь кстати замѣтить, что въ лѣтописи царя Ассурнасиргабала первые пять лѣтъ отнѣжены именами Лимму, тѣми самыми, что и соотвѣтствующія имена списка Лимму, что служитъ частнымъ подтвержденіемъ достовѣрности послѣдняго (см. *Annales*, p. 71, 76, 77, 80, 83, 300).

Бабилу (Вавилонъ) около 418 лѣтъ тому назадъ (Сеннахеримъ)¹⁾, взялъ изъ Бабилу и возвратилъ на прежнее мѣсто въ городъ Екали²⁾. Пособіемъ къ опредѣленію времени царствованія того или другаго Ассирійскаго царя, имя коего встрѣчается въ надписяхъ, служатъ отчасти приводимыя нѣкоторыми царями генеалогіи ихъ предшественниковъ и уцѣлѣвшій отрывокъ синхронистическихъ таблицъ, заключавшихъ въ себѣ краткую, параллельно изложенную исторію Ассиріи и Вавилоніи³⁾.

Начало Ассирійской монархіи, по имѣющимся даннымъ, нельзя съ точностію опредѣлить, но его, очевидно, слѣдуетъ отнести къ глубочайшей древности, судя по началу одной изъ надписей царя Саркина или Саргона, найденной на развалинахъ построеннаго имъ дворца: „триста пятьдесятъ царей управляли землею Ассирійскою до меня“⁴⁾ Саргонъ же царствовалъ съ 721 по 704 г. до Р. X.

Древнѣйшій царь Ассирійскій, имя коего найдено доселѣ, есть Исми-Даганъ, около 1800 г. до Р. X. Время царствованія его опредѣлено надписью Туклат-пал-асара I, въ которой сказано, что онъ, Туклат-пал-асаръ возобновилъ храмъ, построенный Самси-биномъ, сыномъ Исми-Дагана, 641 годъ тому назадъ, и пришедшій въ разрушеніе. Время царствованія самого Туклат-пал-асара опредѣлено подобнымъ же образомъ надписью одного изъ его преемниковъ, Сеннахерима: около 418 лѣтъ тому назадъ, говоритъ Сеннахеримъ въ своей надписи,—боги города Екали отняты были у Туклат-пал-асара и перенесены въ Бабилу (Вавилонъ). Годъ же вступленія на престолъ Сеннахерима, помощію списка Лимму, могъ быть опредѣленъ съ точностію, а именно 704 г. до Р. X.⁵⁾ Такимъ образомъ $641 + 418 + 704 = 1763$ — приблизительно время царствованія сына Исми-дадан-ова Самси-бина. На лѣвомъ берегу Тигра, верстахъ въ 50-ти ниже слиянія его съ верхнимъ Цабомъ, подъ громаднымъ холмомъ Калаг-Схергхатъ скрываются, какъ теперь дознано, развалины первой столицы Ассиріи Эл-Ассуръ, „городъ Ассуръ“ (библ. Элласаръ)⁶⁾. Здѣсь-то най-

¹⁾ Царствовавшій съ 704 по 680 г.

²⁾ Menant, Annales, p. 236.

³⁾ См. Lepormant, Manuel, II, 172.

⁴⁾ ibid. p. 193.

⁵⁾ Annales, p. 19, 46, 236.

⁶⁾ Кн. Бытія, XIV, 1.

дены были Лэардомъ древнѣйшія надписи ассирійскія и между ними двѣ слѣдующаго содержанія:

I. Исми-Даганъ, повелитель Нипура, верховный глава Халанне, свѣтильникъ Ериду, владѣтель Эрека, царь низина (?), царь Суми-ровъ и Аккадовъ богинѣ Милитѣ.

II. Самси-бинъ I, Патисъ бога Азита (Ассура), сынъ (Исми-да-гана)... построилъ храмъ богу Азиту (Ассуру).

Титулъ Патисъ встрѣчаемый и въ нѣкоторыхъ другихъ древнѣйшихъ надписяхъ и притомъ всегда въ соединеніи съ именемъ главнаго божества Ассириі: „Патисъ Ассура“, указываетъ на жреческій характеръ первыхъ царей Ассирійскихъ; они были первосвященниками бога Ассура¹⁾. Сумиры и Аккады — два главные народа, населявшіе Месопотамію, первые, по видимому—на сѣверѣ, а вторые—на югѣ—суда по указанію нѣкоторыхъ надписей Туклатпаласара I, Салманасара III и Сеннахерима, гдѣ подъ землею Аккадъ можно разумѣть только Вавилонію²⁾, хотя ассириологи въ этомъ отношеніи еще несогласны³⁾. Ассирія и Вавилонія составляли тогда, какъ видно, одно государство; впоследствии они часто то раздѣлялись, то опять соединялись. „Эрекъ“ и „Халанне“ напоминаютъ библейскіе города Эрехъ и Халне, бывшіе въ числѣ четырехъ городовъ, составлявшихъ вначалѣ царство Нимрода⁴⁾.

Въ развалинахъ Элласара найдены надписи еще четырехъ царей, но отъ нихъ сохранились почти лишь голыя имена, и только по мѣсту находженія ихъ, по встрѣчающемуся лишь въ эту эпоху титулу „Патисъ Ассура“ и по палеографическимъ признакамъ, этихъ четырехъ царей (Те...ба, При-амтукъ, Ассур-нарара и Набу-даганъ) относятъ также къ періоду 1800—1400 гг. до Р. X.

Начиная съ 1400 г., прочитанныя доселѣ надписи представляютъ почти непрерывный рядъ царей и ихъ дѣяній, продолжающійся до самаго паденія Ассирійскаго царства. О первыхъ тринадцати царяхъ⁵⁾

¹⁾ См. Maspero Hist. anc. d. reuyl. d. l'orient, p. 197.

²⁾ Annales, p. 51, 99, 100, 236; Lenormant, Man., 48. Въ первой надписи сказано: «Бабилу (Вавилонъ), находящійся въ землѣ Аккадъ»; ниже пояснено, что Вавилонъ находится въ верхней части Аккада.

³⁾ См. Menant, Annales, p. 14; Lenormant, Manuel, II, 11.

⁴⁾ Би. Быт. X, 8—10.

⁵⁾ Вотъ имена ихъ: Ассурбельнису (ок. 1400), Бусурасуръ (ок. 1390), Ассурубалатъ (ок. 1370), Велирарм (ок. 1350), Пудгалъ (ок. 1330), Велирарм (ок. 1310), Салманасаръ I (ок. 1290), Туклатсамданъ I (ок. 1270), Белудурусуръ

найлены лишь краткія свѣдѣнія, изъ коихъ мы узнаемъ только, что Вавилонія, то-есть, Нижняя Халдея или Кар-Дуніасъ, какъ она называлась у Ассирианъ, дотолѣ соединенная съ Ассиріей, около 1400 г. составляла уже самостоятельное государство, съ которымъ Ассириане то заключали трактаты, то вели упорную и не всегда удачную борьбу, и что основателемъ собственно Ассирійскаго царства былъ Адарпаласаръ (около 1250 г.), побѣдопосно отразившій Вавилонское нашествіе и положившій, вмѣстѣ съ тѣмъ, начало организаціи столь страшныхъ въ послѣдствіи ассирійскихъ армій ¹⁾.

Первый изъ царей этой отдаленной эпохи, о которомъ доселѣ найдены въ надписяхъ обстоятельныя свѣдѣнія, — Туклатпаласаръ древній (около 1130 г. до Р. Х.), потомокъ Адарпаласара, какъ сказано въ приводимой имъ самимъ родословной ²⁾. Это былъ великій воинъ, далеко простершій свои завоеванія на сѣверъ и западъ. Столицей Ассиріи былъ тогда все еще Эласаръ, надъ развалинами котораго возвышается теперь деревушка Калах-Схергхатъ. Здѣсь раскопаны были Лэардомъ остатки дворца, построеннаго Туклатпаласаромъ, при чемъ въ фундаментѣ его по четыремъ угламъ найдены были четыре глиняныя осмигранныя призмы, каждая сторона которыхъ покрыта была сотнею строкъ мелкаго и сжатаго письма. Содержаніе текста всѣхъ четырехъ призмъ оказалось тождественнымъ. Это—тотъ самый текстъ, который послужилъ Лондонскому азіатскому обществу для знаменитаго опыта 1857 г.: предложенный одновременно въ четырехъ копіяхъ четыремъ ассириологамъ Фоксъ-Тальботу, Гейри Раулисону, Гинксу и Опперту, онъ переведенъ былъ ими, въ щемъ, согласно, чѣмъ блистательно подтвердилась возможность чтенія и истолкованія клинообразныхъ надписей.

Текстъ этотъ заключаетъ въ себѣ описаніе походовъ, завоеваній, охотъ и сооруженій въ первые четыре года царствованія Туклатпаласара. Онъ начинается обращеніемъ царя къ Ассур и другимъ „великимъ богамъ“ (Дагонъ, Синъ, Самасъ, Бинъ, Адарсамданъ и богиня Истаръ), „повелителямъ неба и земли, возвысившимъ величіе Туклатпаласара, великаго изъ великихъ, своего поклонника, пастыря наро-

(ок. 1260), Адарпаласаръ (ок. 1250), Ассурданъ (ок. 1170), Муттакилпабу (ок. 1150), Ассурисивъ (ок. 1150).

¹⁾ Annales, p. 23—30.

²⁾ Ibid., p. 46.

довъ,... распространившаго поклоненіе богу Белу ¹⁾ и сокрушившаго противниковъ бога Ассура“. „Богъ Ассуръ и великіе боги расширили мои владѣнія“, продолжаетъ Туклатпаласаръ;—„они дали мнѣ власть надъ моими подданными и господство надъ (другими) царями. На войнѣ они давали мнѣ въ руку оружіе, поражавшее враговъ моихъ въ долинахъ и на горахъ. Я разрушилъ храмы царей, враждебныхъ Ассуру, и овладѣлъ ихъ землями. Я побѣдилъ семьдесятъ царей и взялъ у нихъ заложниковъ. Я торжествовалъ въ битвахъ, я собиралъ дапи въ безчисленныхъ войнахъ, я прибавилъ области къ землѣ Ассура и жителей къ ея жителямъ, я расширилъ предѣлы моей земли и наложилъ дани на всѣ (побѣжденные) государства“ ²⁾.

Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе самыхъ походовъ. Сначала направился Туклатпаласаръ противъ Мусковъ (Моски?) ³⁾, которые въ числѣ 20,000, подъ начальствомъ пяти царей, вторглись въ подвластную ему землю Кхуммукъ (Комагена) ⁴⁾. „Какъ буря, устремился я на враговъ. Я наполнилъ ихъ трупами горные овраги. Я отрѣзалъ имъ головы. Я разрушилъ стѣны ихъ городовъ, я захватилъ рабовъ, имущество, безчисленныя сокровища... Въ то же время я пошелъ на землю Кхуммукъ, возставшую противъ меня. Она отказала богу Ассуру, моему владыкѣ, въ дани, которую обязана была платить. Я занялъ всю землю Кхуммукъ. Я захватилъ рабовъ, имущество, сокровища, я пожегъ ихъ города, я ихъ разрушилъ, я ихъ уничтожилъ. Жители земли Кхуммукъ, отложившіеся отъ меня, удалились въ городъ Сериссе по ту сторону Диглата (Тигра). Они укрѣпились въ этомъ городѣ. Я собралъ мои колесницы и моихъ воиновъ, на бронзовыхъ колесахъ перешелъ я неприступныя высоты и извилистые овраги. Я перекинулъ мостъ чрезъ Диглатъ (Тигръ), чтобы перевести мои колесницы и воиновъ. Я перешелъ Диглатъ и овладѣлъ ихъ крѣпостью

¹⁾ Белъ (библ. Ваалъ) — по видимому, другое имя Ассура; ср. *Annales*, p. 274, 275.

²⁾ *Annales*, p. 35, 36.

³⁾ У Чернаго моря—по Леворману и картамъ Менана и Шпрунера; между верхнимъ Галисомъ и Комагеною—по Масперо. Последнее вѣроятіе по ходу событій,—такъ какъ Муски, вторгнувшіеся въ Комагену, очевидно, были народомъ пограничнымъ съ этою страню. Быть можетъ, Моски позже переселились къ Черному морю.

⁴⁾ Это не Комагена классическихъ писателей, но другая Комагена, болѣе обширная по склонамъ Тавра, у Самосата и по верхнему бассейну Тигра до г. Діарбекира, по замѣчанію Масперо (*Hist. anc. d. peuples de l'Orient*, p. 279), которое подтверждается и дальнѣйшимъ описаніемъ похода.

Сериссе. Какъ дикихъ звѣрей, преслѣдовалъ я воинновъ ихъ по лѣсамъ. Я усѣялъ трупами ихъ горные овраги. Потомъ я окружилъ войска земли Куркхіе, пришедшія на помощь людямъ земли Кхуммукъ; я разбилъ ихъ вмѣстѣ съ ними, я навалилъ горами трупы ихъ въ горныхъ оврагахъ. Я опрокинулъ полки ихъ въ Диглатъ и рѣку Нами. Киліантару, котораго возставшіе избрали въ цари, попался въ мои руки во время битвы. Я плѣнилъ его женъ, его сыновей, отраслей его сердца, и дочерей. Я разрушилъ его городъ и его дворецъ¹⁾...

Чтобъ облегчить себѣ окончательное покореніе Кхуммука, Ассирійскій царь направился противъ сосѣднихъ земель, оттуда Кхуммуццы получали, по видимому, помощь. Побѣдопосно прошелъ онъ на своихъ колесницахъ „могущественныя страны и безлѣсныя равнины“. Тамъ же, гдѣ пересѣченная мѣстность не дозволяла идти на колесницахъ, онъ покинулъ ихъ, и ставъ во главѣ своихъ воинновъ, повелъ ихъ на врага: „Какъ дротикъ, проникъ я въ ущелья извилистыхъ горъ. Я обратилъ страну въ груду развалинъ. Я преслѣдовалъ непріятелей до самыхъ убѣжищъ ихъ, я взялъ плѣнниковъ, имущество ихъ, пожегъ всѣ ихъ города, взялъ заложниковъ и наложилъ дани и повинности“. Обратясь затѣмъ снова на Кхуммуццевъ, онъ окончательно поразилъ ихъ и присоединилъ страну ихъ, во всемъ ея объемѣ, къ своимъ владѣніямъ²⁾.

На слѣдующій годъ³⁾ Туклатпаласаръ повелъ свои побѣдоносныя полки противъ земли Кхаріа и обширной страны Куркхіе⁴⁾, въ непроходимые лѣса которой не проникалъ еще ни одинъ царь, и войска которой приходили въ предыдущемъ году на помощь къ возставшимъ жителямъ Кхуммука. Теперь Курхійцы собрались на вершинѣ горнаго хребта, чтобы дать отпоръ Ассирійцамъ. Оставивъ колесницы свои въ равнинѣ, Туклатпаласаръ съ остальными войсками напалъ на враговъ, поразилъ ихъ и разрушилъ города, лежавшіе по склонамъ хребта. Покорены были еще и другія сосѣднія земли, при чемъ всѣ города, попавшіеся во власть Ассирійца, по обыкновенію были преданы огню⁵⁾.

Затѣмъ Туклатпаласаръ направился на западъ, къ берегамъ Сре-

¹⁾ Annales, p. 36, 37.

²⁾ Annales, p. 37—39.

³⁾ Ср. *Maspero*, 180.

⁴⁾ Въ Армении, см. *Maspero*, p. 281.

⁵⁾ Annales, p. 39, 40.

диземнаго моря. „Собравъ моихъ воиновъ, по верховному велѣнію бога Ассура, господина моего“, говоритъ Туклатпаласаръ,—„я пошелъ противъ царей по берегу Верхняго (Средиземнаго) моря ¹⁾, которые еще не покорились, и на которыхъ указалъ мнѣ Асуръ. Я прошелъ непроходимыя болота, мѣстности, гдѣ господствуютъ лихорадки, и куда не проникалъ еще ни одинъ изъ царей, моихъ предшественниковъ. Я прошелъ... шестнадцать большихъ странъ ²⁾ (по видимому, безъ сопротивленія). Крутыми горными тропинками провелъ я свои колесницы о бронзовыхъ колесахъ, я прорубилъ лѣсистыя вершины, чтобы провести моихъ воиновъ. Я перешелъ рѣку Пурать (Евфратъ)... Двадцать-три царя земли Наири ³⁾ встрѣтили меня на своей границѣ, расположивъ къ бою свои войска и колесницы, но я отразилъ ихъ силою моего оружія, подобно бурѣ бога Бина, я распространилъ ужасъ въ рядахъ ихъ и оттѣснилъ ихъ въ ущелья ихъ высокихъ горъ и къ стѣнамъ ихъ городовъ. Съ боя овладѣлъ я 120 колесницами и преслѣдовалъ 60 царей земли Наири и тѣхъ, которые пришли къ нимъ на помощь съ береговъ Верхняго моря; я взялъ приступомъ ихъ великія крѣпости, я завладѣлъ ихъ рабами, ихъ имуществомъ, ихъ сокровищами; города ихъ я предалъ пламени, я ихъ разрушилъ, я обратилъ ихъ въ груды развалинъ и мусора. Я увелъ ихъ стада, ихъ коней, кобылицъ, ословъ, телятъ и увезъ безчисленные продукты ихъ виноградниковъ. Я взялъ въ плѣнъ всѣхъ царей земли Наири; и сжалился надъ этими царями, я даровалъ имъ жизнь... Я взялъ заложниками ихъ сыновей, надежду ихъ царскаго достоинства, я наложилъ на нихъ дань 1,200 коней и 1,200 быковъ и отослалъ ихъ домой..

¹⁾ Ленорманъ ошибочно почитаетъ «Верхнее море» Каспійскимъ моремъ (Mauvel, II, 62), такъ какъ нѣсколько ниже въ лѣтописи Туклатпаласара (Ménant, стр. 44) сказано, что Верхнее море «лежитъ къ западу» (отъ Ассиріи). На картѣ, приложенной Менаномъ къ Annales d. Rois d'Assirie, Каспійское море тоже названо верхнимъ или Восточнымъ моремъ,—неизвѣстно, на какомъ основаніи; развѣ что выраженіе лѣтописи «la mer Supérieure qui est au soleil couchant» (Annal., стр. 44, § XXXI) слѣдуетъ признать за опіску вм. «légant». Но ида изъ Ассиріи къ Каспійскому морю, нѣтъ надобности переходить Евфратъ, чрезъ который перешелъ Туклатпаласаръ, направляясь противъ царей по берегу Верхняго моря. Масперо на своихъ картахъ не приурочиваетъ Верхняго моря ни къ Каспійскому, ни къ Средиземному, оставляя этии морямъ ихъ современныхъ названія.

²⁾ Вся она перечисляется.

³⁾ Наири—на югѣ Арменіи по верховьямъ Тигра и Евфрата. См. Ménant, p. 52.

Я покорилъ обширныя страны земли Наири во всемъ ихъ объемѣ и подчинилъ моему господству всѣхъ ихъ царей“¹⁾.

Четвертый походъ Туклатпаласара направленъ былъ въ сѣверную Сирію: „Преклонясь подъ волю бога Ассура, господина моего, я собралъ мои колесницы и моихъ воиновъ. Я назначилъ годъ и день благоприятный, согласно бывшему мнѣ сновидѣнію, и пошелъ на землю Арамъ (Сирію), не признававшую бога Ассура, моего господина. Изъ земли Сукки я достигъ города Каркамиса (Кархемышъ) въ землѣ Кхатти²⁾ въ теченіе одного дня. Я произвелъ большое кровопролитіе... Остатки ихъ армій ушли за рѣку Пуратъ (Евфратъ).. я преслѣдовалъ ихъ на плотахъ, я перешелъ рѣку Пуратъ и занялъ шесть изъ ихъ городовъ, я ихъ предалъ пламени, я ихъ разрушилъ и отвезъ добычу въ мой городъ Эль-Ассуръ“³⁾. Онъ простеръ свои завоеванія до подошвы горной цѣпи (Аманусъ) Кхумани; поразивъ здѣсь войска земли Кхумани, онъ разрушилъ столицу ихъ Кхунузу до основанія и на мѣстѣ ея построилъ кирпичное зданіе, въ которомъ положилъ бронзовыя доски съ надписью, перечислявшею пріобрѣтенную добычу и заключавшуюся такими словами: „Городъ сей не возобновится болѣе и крѣпость сія не будетъ вновь воздвигнута“⁴⁾.

Описавъ вышензложенныя войны, лѣтопись говоритъ въ заключеніе: „пересчитай же 42 земли съ ихъ царями, отъ береговъ нижняго Цаба⁵⁾ до береговъ Пурата (Евфрата), до земли Кхатти (сѣверной Сиріи) и Верхняго моря, которое на западѣ. Вотъ до какихъ предѣловъ, съ вошества моего на престолъ до пятого моего похода, простерлась рука моя. Я покорилъ ихъ (земли) одну за другою, я взялъ заложниковъ, я наложилъ подати и повинности. Прибавъ къ этому многочисленныя экспедиціи противъ бунтовщиковъ, которые отказывались платить подати, и которыхъ я преслѣдовалъ колесницами моими по непроходимымъ дорогамъ: я сокрушилъ силу враговъ земли моея. Я Туклатпаласаръ, мужественный, грозный, держащій скипетръ народовъ, уничтожающій притѣснителей!“

¹⁾ Annales, p. 41, 42.

²⁾ Библейскіе Хеттеяне (Быт. XXIII, 1) у Египтянъ Кхета, съ которыми велъ упорную борьбу фараонъ Рамсесъ II, описанную въ недавно найденной на палирусѣ египетской повѣсти Пен-га-уръ.

³⁾ Annales, p. 42—43. Подобное сдѣлалъ Туклатпаласаръ и при взятіи другаго города, см. 42, XXII.

⁴⁾ Annales, p. 43—44; ср. Lenormant, Manuel, II, 62.

⁵⁾ Притокъ Тигра съ востока.

Далѣе, въ текстѣ призмы упоминается о подвигахъ царя на охотѣ противъ дикихъ звѣрей, которыхъ было, по видимому, множество въ тѣ отдаленныя времена ¹⁾, и истребленіе которыхъ было поэтому самымъ благодѣяніемъ для населенія. Перечисляя дѣла свои, Ассирійскій царь говоритъ далѣе, что онъ исправилъ крѣпости своей земли, требовавшія того, собралъ стада коней, быковъ, барановъ въ покоренныхъ странахъ, пошпунуль великую Ассира; поймалъ, при помощи боговъ Адера и Ассира, покровителей его, въ непроходимыхъ лѣсахъ множество дикихъ звѣрей, такъ что могъ пересчитывать ихъ, какъ свои стада барановъ, насадилъ деревья въ лѣсахъ Ассиріи и такимъ образомъ привелъ ихъ въ прежній ихъ видъ. Съ особенною подробностію разказываетъ Туклатпаласаръ о построеніи или возобновленіи имъ храмовъ и дворцовъ, при чемъ встрѣчаются любопытныя указанія. Такъ о древнихъ дворцахъ сказано: „Эти царскія жилища, эти обширныя кремля (если можно такъ выразиться), которыми покрыта территория моей земли, были покинуты моими предками и пришли въ развалины; я обновилъ ихъ“ ²⁾. Впрочемъ храмы и дворцы ассирійскіе далеко не имѣли того монументальнаго характера, какимъ отличаются сооруженія египетскія, и доселѣ еще поражающія насъ своею грандіозностію; самый матеріалъ, изъ коего построены послѣдніе, гранитъ и известнякъ преимущественно, способствовалъ сохраненію ихъ, тогда какъ ассирійскія зданія складывались изъ необожженныхъ кирпичей, прикрывавшихся только тонкими каменными плитами съ барельефными изображеніями; и потому, если ихъ не поддерживали, они скоро обваливались, превращаясь постепенно въ холмообразныя груды мусора.

Въ особенную заслугу ставитъ себѣ Туклатпаласаръ возобновленіе храма „великихъ боговъ“ Ану и Бина, построеннаго за 641 годъ до него царемъ Самси-биномъ; прадѣдъ Туклатпаласара Асурдаганъ за 60 лѣтъ предъ тѣмъ велѣлъ его сломать, но не успѣлъ выстроить его вновь. „Въ началѣ царствованія моего“, говоритъ Туклатпаласаръ, — „великіе боги Ану и Бинъ, властелины мои, поддерживающіе могущество мое, повелѣли мнѣ построить вновь ихъ святилища. Я надѣлалъ кирпичей, изслѣдовалъ мѣстность, пашелъ древнія основа-

¹⁾ Туклатпаласаръ говоритъ о 120 львахъ, имъ убитыхъ, и 800 пойманныхъ животными; прочія животныя, на которыхъ онъ охотился, были дикіе буйволы и верблѣи. *Annales*, стр. 44—45.

²⁾ *Annales*, p. 45.

ніа и заложилъ новыя, прочныя какъ горы: я воздвигъ обширную кирпичную платформу... Я воздвигъ храмъ больше прежняго. Я соорудилъ два громадныя „зигуррата“ (башни?) ¹⁾ соотвѣтствующіе величію боговъ... Я вознесъ эти „зигурраты“ до небесъ, кирпичами обложилъ я зубцы ихъ; посреди святилища устроилъ я ложе для великихъ боговъ, я ввелъ туда боговъ Ану и Бива, великихъ боговъ, и помѣстилъ ихъ въ ихъ священномъ жилищѣ“...

Описавъ сооруженіе храма, Туклатпаласаръ присовокупляетъ: „Я возвеселилъ сердце великихъ боговъ. Да сдѣлаютъ же меня навсегда счастливымъ Ану и Бивъ, да благословятъ они дѣло руки моея, да услышатъ молитву мою, да даруютъ они мнѣ... годы изобилія и благоденствія и побѣду въ бояхъ! Да покорятъ они мнѣ всѣ области, возстающія противъ меня, области непокорныя и князей-соперниковъ моихъ! Да примутъ они мои жертвоприношенія объ умноженіи моея семьи! Да утвердятъ они родъ мой непоколебимо, какъ горы! Да будетъ сіе угодно Ассуру и великимъ богамъ до самыхъ отдаленныхъ дней“!

„Я начерталъ“, говоритъ Туклатпаласаръ,—„на крѣпкихъ камняхъ мои подвиги, успѣхи моего оружія, усмиреніе бунтовщиковъ возставшихъ противъ Ассура, покровительство, оказанное мнѣ богами Ану и Ассуромъ; эти камни (призмы) съ надписями я положилъ въ храмъ Аму и Дагана, великихъ боговъ, моихъ повелителей во вѣки, равно какъ и надписи предка моего Самси-бина. Я возобновилъ ихъ барельефы, и совершивъ жертвоприношеніе, поставилъ ихъ на ихъ мѣсто“.

Лѣтонисъ своихъ дѣяній Туклатпаласаръ заключаетъ заклинаніемъ, обращеннымъ къ его преемникамъ: „Тому, кто будетъ царствовать послѣ меня, въ отдаленныя времена, говорю вотъ что: этотъ храмъ Ану и Бива, великихъ боговъ, повелителей моихъ, и эти башни обветшаютъ и разрушатся,—пусть онъ возобновитъ ихъ, очиститъ плиты съ надписями, камни, положенныя въ основаніе, и барельефы, и принеси очистительную жертву, пусть поставитъ все на мѣсто и начертаетъ имя свое рядомъ съ моимъ,—за то Ану и Бивъ, великіе боги, даруютъ ему, вмѣстѣ съ счастіемъ, радость сердца и успѣхъ въ его предпріятіяхъ“. Но кто скроетъ, изгладитъ или попортитъ мои плиты и мои камни, положенныя въ основаніе, броситъ ихъ въ воду, сожжетъ въ огнѣ, зароетъ въ землю или положитъ въ такое мѣсто, гдѣ

¹⁾ Ср. выше, въ концѣ надписи.

нельзя будетъ ихъ видѣть; кто уничтожитъ имя, начертанное вверху, и поставитъ на мѣсто его собственное имя и присвоитъ себѣ такимъ образомъ дѣла, описанныя въ семь повѣствованіи, кто такъ переимѣнитъ мои надписи,—того проклянуть всею силою своею Ану и Бинъ, великіе боги повелители мои; они унижать его царство, поколеблять основы его трона, сокрушать силу его господства, славу его слугъ, они обратятъ въ бѣгство его арміи; богъ Бинъ предастъ землю его опустошенію, наведетъ на нее нищету, голодъ, язву, смертность, не оставитъ его жить ни одного дня и изгладитъ на землѣ имя его и родъ его. „Мѣсяца сизлева (ноябрь — декабрь) въ 29-й день при Лимму Пниліаадлиѣ, начальникѣ евнуховъ“¹⁾.

Здѣсь оканчивается текстъ призмъ. Онъ даетъ намъ ясное понятіе объ энергической и столь разнообразной дѣятельности Туклатпаласара въ первые же четыре года его царствованія. Въ память своихъ побѣдъ въ бассейнѣ верхняго Тигра Туклатпаласаръ велѣлъ изсѣчь въ скалѣ, у истока Тигра, свое изображеніе, о чемъ свидѣлствуетъ, въ своей лѣтописи, одинъ изъ его преемниковъ, Ассурнасиргабалъ (Сарданапалъ?), царствовавшій около 250 лѣтъ позже. „У истоковъ рѣки Супнатъ“²⁾, говоритъ онъ,—„тамъ, гдѣ Туклатпаласаръ и Туклатсамданъ, цари земли Ассуръ, отцы мои, воздвигли свои изображенія, рядомъ съ ними возвысилъ я и изображеніе моего величества“.

Эти барельефныя изображенія нынѣ найдены. По указанію Раулинсона, руководствовавшагося въ этомъ случаѣ текстомъ лѣтописи Ассурнасиргабала, англійскій путешественникъ Джонесъ Тэлоръ нашелъ у истока восточнаго Тигра высѣченными въ скалѣ барельефныя изображенія Туклатпаласара и Ассурнасиргабала; мѣсто, нѣкогда занимаемое изображеніемъ Туклатсамдана, къ сожалѣнію, попорчено. Барельефъ Туклатпаласара является древнѣйшимъ образчикомъ ассирійской скульптуры³⁾. Сопровождающая его надпись слѣдующаго содержанія: „По волѣ Ассура, Самаса, Бина, великихъ боговъ, повелителей моихъ, я, Туклатпаласаръ, царь земли Ассуръ⁴⁾, сынъ Ассурисси, царя земли Ассуръ, сына Мутакилпабу, царя земли Ассуръ,

¹⁾ Annales p. 45—48.

²⁾ Восточный истокъ Тигра.

³⁾ Копія его находится въ Британскомъ музеѣ, въ Лондонѣ.

⁴⁾ То-есть, Ассирія.

побѣдитель народовъ отъ Великаго моря ¹⁾ земли Акхари (Финикія), господствующей надъ моремъ, до земли Наири... я покорилъ землю Наири“ ²⁾.

Имя Туклатпаласара было знаменито въ лѣтописяхъ Ассиріи, и позднѣйшіе цари, нѣсколько сотъ лѣтъ спустя, вспоминали еще о нѣхъ славномъ предкѣ и его дѣлахъ, гордясь своимъ происхожденіемъ отъ него ³⁾.

Текстъ призыва доходитъ лишь до пятаго похода Туклатпаласара. Это почти все, что найдено доселѣ о дѣяніяхъ этого царя. Судя по одной надписи у Сеннахерима, Туклатпаласаръ, подъ конецъ своего царствованія, потерпѣлъ неудачу въ войнѣ съ Вавилономъ. Вотъ эта надпись: „Боговъ ⁴⁾ Бинъ и Сала, боговъ города Экали, Мардукнадинусуръ, царь земли Аккадъ, во время Туклатпаласара, царя земли Ассуръ, взялъ и привезъ въ Бабилу (Вавилонъ); я (Сеннахримъ) спустя 418 лѣтъ послѣ того, взялъ изъ Бабилу и поставилъ ихъ на прежнее мѣсто въ городѣ Экали“ ⁵⁾.

Эта надпись, вмѣстѣ съ тѣмъ, дала возможность довольно точно опредѣлить время царствованія Туклатпаласара, такъ какъ годы царствованія Сеннахерима извѣстны, а именно 704—680 г. до Р. Х.

Сынъ и преемникъ Туклатпаласара (ок. 1080 г.) Ассурбелкала (или Ассурбанипалъ) заключилъ мирный трактатъ съ Вавилонскимъ царемъ Мардуксапиккиратомъ; когда же по смерти послѣдняго на престолъ „земли Кардуніасъ“ (Нижняя Халдея или Вавилонія) возведенъ былъ нѣкто Саданисъ, челоуѣкъ низкаго происхожденія, то Ассурбелкала палалъ на Вавилонію, взялъ добычу, овладѣлъ „большимъ городомъ Багдадою“ (Багдадъ), но затѣмъ снова заключилъ миръ, при чемъ цари Ассирійскій и Вавилонскій установили границу между своими владѣніями—„землею Ассуръ и Аккадъ“ (верхняя Вавилонія).

Далѣе слѣдуетъ другой сынъ Туклатпаласара Самсибинъ II, о которомъ найденъ лишь небольшой фрагментъ надписи на обломкѣ чаши, съ обозначеніемъ его родословной и титула. При третьемъ и

¹⁾ Средиземное море. Ср. кн. Ис. Нав. I, 4, гдѣ Средиземное море тоже названо «великимъ моремъ къ западу солнца».

²⁾ Menant, Annales, p. 49, 64; Wattenbach, Ninivie und Babylon, 1868, S. 10.

³⁾ Annales, стр. 73, 109, 98, 126.

⁴⁾ То-есть, идола, которыхъ Ассиріане называли богами.

⁵⁾ Annales, p. 236.

последнемъ преемникѣ Туклатпаласара Ассуррабамарѣ, по видимому, потеряны были всѣ завоеванія Туклатпаласара за Евфратомъ ¹⁾.

Около 1020 года на ассирійскій престолъ вступила новая династія въ лицѣ Белкатиращу ²⁾, происходившая, впрочемъ, тоже отъ Туклатпаласара ³⁾. О первыхъ семи царяхъ этой династіи найдены только краткія извѣстія въ надписяхъ позднѣйшихъ царей, преимущественно по поводу возобновленія прежнихъ сооруженій, съ теченіемъ времени пришедшихъ въ ветхость ⁴⁾. Но начиная съ восьмого царя этой династіи, Ассурнасиргабала, найденные фрагменты лѣтописей представляютъ уже обильный матеріалъ для знакомства съ древнѣйшею исторіей передней Азіи.

Ассурнасиргабалъ или Ассурнасириалъ („Ассуръ охраняетъ своего сына“) вступилъ на престолъ около 882 г. до Р. X. ⁵⁾. Въ развалинахъ обновленнаго имъ г. Калаха, сдѣланнаго съ тѣхъ поръ его резиденціей, найдены многочисленныя надписи, относящіяся къ его царствованію. Городъ Калахъ лежалъ на лѣвомъ берегу Тигра, южнѣе Ниневіи; съ теченіемъ времени рѣка уклонилась къ западу, и на мѣстѣ древняго ассирійскаго города возвышается теперь рядъ холмовъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, по содѣйствию съ деревней Нимрудъ. Видны еще слѣды городской стѣны, окаймляющіе значительное пространство неправильной формы; стѣна, очевидно, была укрѣплена многочисленными башнями, основанія которыхъ мѣстами сохранились еще: такъ на сѣверной сторонѣ насчитано 58 такихъ башенъ. Въ юго-восточномъ углу очерченнаго пространства виднѣются остатки второй, внутренней стѣны, окружавшей обширную платформу, на которую вели ступени, нынѣ, конечно, исчезнушія. На этой-то платформѣ найдены развалины нѣсколькихъ дворцовъ царскихъ.

Калахъ основанъ былъ Салманасаромъ древнимъ (ок. 1290 г.) ⁶⁾,

¹⁾ Annales, p. 53—56.

²⁾ Иначе можно прочесть «Белдиарассу». *Белитарастъ*, греческихъ писателей? См. Lepointant, Manuel, II, 64.

³⁾ См. Annales, стр. 98, гдѣ Салманасаръ III (837 г.) называетъ себя потомкомъ Туклатпаласара.

⁴⁾ Упоминается о прорытіи канала, укрѣпленіи дамбы вдоль Тигра для защиты отъ наводненій, о постройкѣ общественного зданія (домъ податей). Annales, p. 59—63.

⁵⁾ По другому счисленію въ 930 г.

⁶⁾ Annales, p. 27.

но городъ былъ опустошенъ, дворцы его разрушены, — быть можетъ, въ одну изъ неудачныхъ войнъ съ Вавилономъ. Ассурнасиргабалъ выстроилъ Калахъ вновь, населилъ его плѣнниками изъ покоренныхъ странъ и перенесъ сюда, на четвертомъ году царствованія, свою резиденцію ¹⁾ изъ Ниневіи, куда впрочемъ по временамъ возвращался. Съ тѣхъ поръ древняя столица Ассиріи Элласаръ мало по малу была покинута.

На калахской платформѣ, въ сѣверозападномъ углу, найдены слѣды сооруженій Ассурнасиргабала. Это, во первыхъ, развалины пирамиды, служившей, вѣроятно, гробницею царей Ассирійскихъ; возлѣ — развалины двухъ дворцовъ; въ одномъ изъ нихъ найдена статуя Ассурнасиргабала ²⁾. Царь изображенъ въ стоячемъ положеніи съ косяю въ одной рукѣ и булавою въ другой; на груди надпись:

„Ассурнасиргабалъ, царь великій, царь сильный, царь полчищъ, царь земли Ассуръ сынъ Туклатсамдана, цари великаго, цари сильнаго, цари полчищъ, цари земли Ассуръ, сына Боннирари, царя великаго, царя сильнаго, цари земли Ассуръ. Онъ владѣлъ землями отъ береговъ Диглата (Тигръ) до земли Лабнана (Ливанъ); онъ покорилъ своей власти великія моря и всѣ земли отъ востока до запада“ ³⁾.

Въ другомъ дворцѣ, состоящемъ изъ семи лишь палатъ, но украшенномъ множествомъ барельефовъ и надписей, найденъ самый значительный текстъ клинообразнаго письма, доселѣ извѣстный, и заключающій въ себѣ лѣтопись семнадцати первыхъ годовъ царствованія Ассурнасиргабала. Надпись начертана въ три столбца на огромномъ монолитѣ, служившемъ поломъ альковообразной пиши. Текстъ надписи повторяется на обратной сторонѣ плиты, а также, въ сокращенномъ видѣ, на сосѣднихъ колоннахъ и самихъ барельефахъ, лептообразно.

Нѣсколько далѣе къ сѣверо-западу — развалины третьяго дворца, сооруженнаго Салмапасаромъ древнимъ и возобновленнаго Ассурнасиргабаломъ, который здѣсь жилъ; онъ состоялъ изъ 30 палатъ и занималъ около десятины пространства. На той же платформѣ

¹⁾ Annales, p. 83, 92.

²⁾ Единственная статуя этой эпохи, до насъ дошедшая; — она находится въ Британскомъ музеѣ.

³⁾ Здѣсь разумѣютъ Каспійское море и Персидскій заливъ, лежащіе на востокъ отъ Ассиріи, и Средиземное море — на западъ.

впослѣдствіи воздвигали себѣ дворцы и пресмники Ассурнасиргабала—Салманасаръ III, Тувлатпаласаръ (Оаглаофаласаръ Библин), Ассуракхидинъ (Ассаргадопъ), Ассуредили, одинъ изъ послѣднихъ царей Ассирійскихъ.

Только развалины свидѣтельствуютъ нынѣ о великолѣпнн древняго Калаха. Ролисонъ, одинъ изъ отцовъ ассириологии, въ понятномъ увлеченіи своимъ предметомъ, поэтически рисуетъ въ своемъ воображеніи эту резиденцію Ассирійскихъ царей: „дворецъ за дворцомъ возвышался на обширной платформѣ, богато украшенные рѣзьбою, золотомъ, живописью, скульптурой и эмалью. Каменные львы и сфинксы, обелиски, святилища, башни украшали сцену, своимъ разнообразіемъ пріятно нарушая монотонность построекъ. Величественная пирамида со ступенями (зиггурать)—принадлежность храма Адфа—высоко поднималась надъ этою массою дворцовъ и зданій, связывая ихъ собою и тѣмъ придавая имъ единство. Тигръ, омывая платформу съ запада, отражалъ городъ въ своихъ водахъ, и удваивая кажущуюся высоту зданій, скрадывалъ нѣсколько ихъ массивность—слабую сторону ассирійской архитектуры. Когда заходящее солнце своими горячими лучами, свойственными лишь востоку, озарило эту массу зданій, Калахъ долженъ былъ казаться какимъ-то видѣніемъ изъ міра фей нутнику, впервые приближавшемуся къ нему“¹⁾.

Надпись большаго калахскаго монолита заключаетъ въ себѣ, какъ мы замѣтили, лѣтопись семнадцати первыхъ годовъ царствованія Ассурнасиргабала. Главное содержаніе ея составляетъ описаніе его безчисленныхъ походовъ, въ общихъ чертахъ между собою сходныхъ. Нѣтъ поэтому надобности, да было бъ и утомительно перечислять подробности каждаго изъ нихъ; нѣтъ также возможности все множество встрѣчающихся древнихъ наименованій городовъ, рѣкъ, земель приурочить къ современнымъ названіямъ мѣстностей. Можно однакоже составить себѣ понятіе о направленіи походовъ и объ объемѣ сдѣланныхъ завоеваній.

Главною цѣлью походовъ былъ верхній бассейнъ Тигра и Евфрата до истоковъ ихъ²⁾ и далѣе къ сѣверу—сѣверная Месопотамія, Комагена, Арменія; на западъ походы направлялись въ сѣверную Сирію, преимущественно въ область Хеттеявъ, и простирались до Ли-

¹⁾ Hist. ancienne p. G. Maspéro, p. 343 (изъ G. Rawlinson, The five great Monarchies, II, 98—99).

²⁾ Annales, p. 73, 86.

ванскихъ горъ и г. Газы (Кхаззи) ¹⁾, при чемъ покорена была вся сѣверная Сирія между Евфратомъ, р. Оронтомъ (Арунти) и горами Аманусть; финикійскіе города Тиръ (Сури), Сифонъ (Сидуни), Библиост (Губаль), Арадъ (Арвада), въ страхѣ, прислали ему дань. Поднявшись на горы Кхамини (Аманусть), Ассирійскій царь велѣлъ начертати на скалѣ повѣствованіе о своихъ подвигахъ ²⁾. Покорены были также земли по правому берегу нижняго Евфрата (что нынѣ Ирак-в-раби). Нѣкоторые походы, по видимому, направлены были въ Мидію и Персиду, но имена народовъ и земель, относящіяся къ этимъ предприятиямъ, при теперешнемъ состояніи науки, нельзя еще перевести на извѣстныя намъ названія, нельзя поэтому и опредѣлить, какъ далеко простирались походы Ассурнасирабала на востокъ.

Гораздо важнѣе и интереснѣе для насъ впрочемъ познакомиться съ тѣмъ, что есть общаго во всѣхъ этихъ походахъ и что вводитъ насъ въ область тогдашняго быта, нравовъ и понятій. Походы предпринимались для усмиренія частыхъ возстаній, для сбора дани или для новыхъ завоеваній. Предъ началомъ похода царь считалъ свои силы — „свои полки и свои колесницы“ съ бронзовыми или желѣзными колесами. Неприце для походовъ — болѣею частью гористая мѣстность, покрытая непроходимыми лѣсами, гдѣ непріятель держался на вершинахъ горъ, поднимавшихся къ небу на подобіе „стрѣлы“ или „острія меча“, „куда только птицы могли залетать“. Черезъ широкую рѣку, какъ Евфратъ, переправлялись на плотахъ. Города и крѣпости непріятельскимъ брались десятками, сотнями. Въ одной только странѣ Наири взято и опустошено было 250 городовъ и крѣпостей ³⁾. Въ другихъ походахъ упоминается число взятыхъ городовъ 50, 100, 150 (дважды). Конечно, города были небольшіе, какъ видно изъ малаго числа убитыхъ въ бою (1460 чел., 162, 150, 2,800, 1,000, 460, 1,000, 500, чел.) ⁴⁾, тѣмъ не менѣе такое обиліе городовъ свидѣтельствуетъ о значительной населенности Передней Азіи въ ту отдаленную эпоху. По видимому, какъ во времена Авраама въ Хапанѣ, такъ и теперь еще ⁵⁾, почти каждый городъ имѣлъ

¹⁾ Ibid. 88.

²⁾ Annales, 88, 89.

³⁾ Annales, p. 82.

⁴⁾ Ibid. p. 76, 77, 79, 80, 82, 85, 86, 90. Лѣтопись упоминаетъ только о числѣ убитыхъ непріятелей, — о собственныхъ потеряхъ Ассиріянъ не говорится.

⁵⁾ См. кн. Бытія, XIV, 2. 3.

своего царька; въ случаѣ же опасности они соединились для отраженія врага. Такъ, напримѣръ, говорится въ одномъ мѣстѣ: „жители (не царь) этой страны имѣли 23 крѣпости“; въ другомъ мѣстѣ: „восемь городовъ соединились и укрѣпились“ ¹⁾. Въ одномъ только случаѣ упоминается, что взято было 60 городовъ, принадлежавшихъ одному царю ²⁾.

Быстры и неотразимы были нападенія Ассиріанъ: „Какъ хищныя птицы, пали мои войны на городъ“, говоритъ Ассурнасирагаль по поводу взятія одного города приступомъ ³⁾, — и горе было побѣжденнымъ. Всѣ города, оказавшіе сопротивленіе, послѣ предварительнаго разграбленія, разрушались и сжигались. „Я овладѣлъ“, говоритъ Ассурнасирагаль, — „60-ю укрѣпленными городами земли Касіари, я ихъ разрушилъ, я обратилъ ихъ въ груды развалинъ и въ виноградныя поля... „Я опустошилъ, я разграбилъ города ихъ, я ихъ разрушилъ, я сжегъ 150 принадлежавшихъ имъ городовъ“ ⁴⁾. Самые лѣса вокругъ города уничтожались ипогда.

Вотъ какъ описываетъ Ассурнасирагаль разграбленіе одного возставшаго города: „По волѣ моего сердца и усиѣху моего оружія я овладѣлъ городомъ Арзурби и его преступными жителями; я помѣстилъ моихъ храбрыхъ воиновъ въ ихъ обширныхъ дворцахъ, я взялъ серебро, золото, мебель, ихъ сокровища, желѣзо, желѣзныя полосы, желѣзные инструменты и желѣзную утварь въ большомъ количествѣ, свинецъ бронзу, женъ его (бунтовщика Акхіаба) дворца, его сыновей, его дочерей, ихъ боговъ (то-есть, идоловъ), жертвенныя принадлежности, драгоценныя камни, его колесницу, его лошадей, оружіе, шерстяныя и льняныя ткани, слитки мѣди, мѣдныя вещи, быковъ барановъ — добычу безчисленную какъ звѣзды на небѣ, рабовъ безъ счету. Я овладѣлъ всѣми этими богатствами“... ⁵⁾.

Жители, не усиѣвшіе спастись въ дремучіе лѣса и горныя ущелья, предавались жестокимъ казнямъ, особенно тѣ, которые, бывъ разъ покорены, потомъ возставали противъ ассирійскаго государства. Съ

¹⁾ Annales, p. 74, 75. Ср. лѣтопись Туклатпаласара, гдѣ говорится о 23 и 60 царяхъ земли Наири (Annales, стр. 41). Это подтверждается и Библиею: см. 4 Цар. XX, 16, гдѣ говорится о Дамасскомъ царѣ Венаддѣ, который съ 32 союзными царями осадилъ Самарію.

²⁾ Ibid., p. 81.

³⁾ Ibid., 90.

⁴⁾ Annales, p. 81, 90.

⁵⁾ Annales, p. 72.

какимъ-то самодовольствіемъ перечисляетъ Ассурнасиргабалъ свои подвиги въ этомъ отношеніи. Вслѣдъ за вышеприведеннымъ описаніемъ разграбленія города Арзурби, Ассурнасиргабалъ продолжаетъ: „Я воздвигъ стѣпу предъ главными воротами города, я велѣлъ содрать кожу съ вождей возстанія и обтянулъ стѣпу ихъ кожей; нѣкоторые замуравлены были въ самой стѣнѣ, другіе распяты на стѣнѣ или посажены на коль вдоль стѣпы. Со многихъ кожа содрана была въ моемъ присутствіи, и я велѣлъ покрыть стѣпу ихъ кожей; я велѣлъ сложить вѣнки изъ ихъ головъ и гирлянды изъ ихъ пронзенныхъ труповъ. Наконецъ самого Акхаба я отвелъ въ Ниневію и тамъ велѣлъ содрать съ него кожу и растянуть ее на стѣнѣ Ниневіи“ ¹⁾. Нѣсколько далѣе, по поводу взятія другаго возставшаго города, царь говоритъ: „Я взялъ много плѣнниковъ: однимъ я отрубилъ руки и ноги, другимъ—носы и уши, инымъ велѣлъ выколотъ глаза; я сдѣлалъ стѣпу возлѣ города, чтобы выставить на ней живыхъ плѣнниковъ, и другую стѣпу, чтобы выставить головы убитыхъ; я воздвигъ пирамиду изъ головъ, я обезчестилъ ихъ сыновей и дочерей“ ²⁾. При взятіи одного города приступомъ, 800-мъ плѣннымъ отрублены были головы, а 700 человекъ были распяты у главныхъ воротъ города ³⁾. Часто упоминается о пирамидахъ изъ головъ; одну такую пирамиду царь воздвигъ предъ своимъ дворцомъ, замуравивъ 20 плѣнниковъ въ стѣнѣ самага дворца ⁴⁾.

Къ подобнымъ казнямъ, очевидно, привыкали, онѣ теряли свой устрашающій характеръ, скоро забывались, и возстанія слѣдовали одно за другимъ. Такъ сказавъ, что онѣ получилъ дань отъ царей земли Наири (куда не разъ дѣлали походы еще его предшественники) и поставилъ тамъ своего намѣстника, Ассурнасиргабалъ прибавляетъ: „Но послѣ моего отшествія земля Наири и земли Нирибу отпали“ ⁵⁾. Назначеніе намѣстниковъ и казни въ случаѣ возстанія были, по видимому, единственными мѣрами для удержанія въ покорности побѣжденной страны. О такихъ намѣстникахъ часто упоминается ⁶⁾.

¹⁾ Ib. p. 72, 73.

²⁾ Anpales, p. 74.

³⁾ Ib., p. 81.

⁴⁾ Anpales, p. 79. Ср. стр. 77, 78, 79, 82, 85, 89, 90, 91. Отрѣзаніе головъ убитыхъ непріятелей, какъ видно, — древній обычай у Азіатцевъ.

⁵⁾ Anpales, стр. 75.

⁶⁾ Ib. стр. 71, 72, 73, 75, 76, 89, 92 (гдѣ сказано: «я поставилъ представителей (моихъ) въ земляхъ подчиненныхъ моей власти».

Намѣстники эти, вѣроятно, занимали положеніе, подобное персидскимъ сатрапамъ впоследствии, и подобно имъ, иногда сами отказывали царю въ повиновеніи ¹⁾).

Какъ мѣра къ удержанію въ покорности побѣжденныхъ или какъ средство пополнить убыль въ населеніи Ассиріи отъ непрерывныхъ войнъ, было переселеніе въ Ассирію части жителей покоренной страны. Лѣтопись приводитъ точныя цифры переселенныхъ: 300 ч., 500, 2,400, 3,000 человекъ ²⁾); изъ нихъ 2,400 водворены были въ самомъ Калахѣ.

Пощада давалась только покорнымъ, тѣмъ, которые смирились и „обнимали колѣна“ царя: на такихъ налагалась только дань и надъ ними ставился царскій намѣстникъ ³⁾). Эта милость не простиралась однако на возставшихъ. Когда, въ одномъ случаѣ, жители такого города утрашены были приближеніемъ арміи Ассурнасирга-бала, и почетнѣйшіе граждане вышли къ нему на встрѣчу и обняли его колѣна, чтобы спасти свою жизнь, то онъ велѣлъ казнить многихъ изъ нихъ ⁴⁾).

Любопытна дважды встрѣчающаяся замѣтка по поводу возстаній, что царю доставлялось о томъ письменное увѣдомленіе ⁵⁾), изъ чего можно заключить, что для ежедневныхъ сношеній употреблялся другой, болѣе удобный письменный матеріалъ, нежели кирпичи, на которыхъ, по видимому, начертывались письма, предназначавшіяся только для храненія или употребленія въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени; и дѣйствительно, на барельефахъ изображаются иногда люди, записывающіе на свиткахъ приносимую добычу ⁶⁾).

Изъ одного мѣста лѣтописи можно также заключить, что рядомъ съ колесницами на бронзовыхъ колесахъ стали входить въ употребленіе и колесницы на желѣзныхъ колесахъ. Вотъ это мѣсто: „И прошелъ“, говоритъ царь,—„страну Ларе, страну гористую и неудобную для прохода колесницъ и войскъ, я прошелъ ее моими желѣз-

¹⁾ Ib., стр. 71, 73, 76.

²⁾ Ib., стр. 76, 86, 87, 91.

³⁾ Annales, стр. 71. У Грековъ гомеровскаго времени обнимали тоже колѣна у тѣхъ, у кого искали защиты и покровительства; такъ Одиссей обнимаетъ колѣна Ариты, супруги Феакійскаго царя Алкиноя (Одыс., VII).

⁴⁾ По видимому, одного изъ двоихъ. См. Annales, стр. 72.

⁵⁾ Annales, стр. 77—85.

⁶⁾ См. нашу статью: Развалины Вавилона и Ниневіи—въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1877 г., дек., стр. 15.

ными колесами, моими колесницами и моими полками¹⁾). Въ связи съ этимъ, быть можетъ, въ числѣ дани очень часто встрѣчаются желѣзныя полосы.

Данью обложены были всѣ покоренныя страны. Дань вималась обыкновенно самимъ царемъ во время его походовъ, при чемъ и независимыя земли, устрашаемыя приближеніемъ арміи Ассирійскаго царя, сами добровольно присылали иногда дань или дары, чтобы спасти свою независимость; такъ поступили, напримѣръ, цари Тира (Сури), Сидона (Сидуни), Библоса (Губаль), Арада (Арвада) и другихъ финиційскихъ городовъ, когда войска Ассурнасиргабала заняли склоны Ливана, направляясь къ Средиземному морю²⁾).

Для сбора дани Ассурнасиргабалъ предпринималъ иногда спеціальныя экспедиціи, ходя отъ города къ городу³⁾). Страницы лѣтописи исшщрепы подробными перечисленіями предметовъ дани: золото и серебро въ монетѣ и въ слиткахъ, желѣзо, желѣзныя полосы, желѣзныя и бронзовыя орудія (instruments), мѣдь, свинець, камни, кедровыя бревна и вообще строевой лѣсъ, посуда, хлѣбъ въ зернѣ, шерстяныя и льняныя ткани и одежды, лошади, вьючныя животныя, быки, бараны, козы. Съ одного изъ царей Хеттейскихъ (въ сѣверной Сири) потребовано было между прочимъ большое количество его мебели „красоты несравненной“, въ томъ числѣ троны и другіе предметы изъ чернаго дерева, пурпуровыя ткани, шерстяныя и льняныя, колесницы изъ слоновой кости, золотыя статуи⁴⁾). При наложеніи дани на другаго Хеттейскаго царя, количество нѣкоторыхъ предметовъ дани было точно опредѣлено: 20 талантовъ серебра, 1 талантъ золота, 200 талантовъ желѣзной мѣди, 100 талантовъ желѣза, 1,000 быковъ, 10,000 барановъ, 1,000 одеждъ шерстяныхъ и льняныхъ⁵⁾).

Свидѣтелями побѣдъ своихъ Ассирійскій царь ставилъ свои изображенія съ надписями, повѣствовавшими о его подвигахъ. Упоминаются три города, гдѣ поставлены были эти царскія статуи, памятники побѣдъ⁶⁾). Поднявшись, во время одного изъ своихъ походовъ, на хребетъ горы Аманусъ (Кхамани), онъ велѣлъ выбить на

¹⁾ Annales, стр. 79.

²⁾ Annales, стр. 89, см. также стр. 70, 73, 79.

³⁾ Annales, стр. 83, ср. стр. 87.

⁴⁾ Annales, стр. 87—88.

⁵⁾ Ibid., стр. 88.

⁶⁾ Annales, стр. 74, 80, 85.

скалъ описаніе своихъ подвиговъ ¹⁾. Подобными памятниками побѣдъ Ассурнасиргабалъ украсилъ и дворецъ свой: такъ въ одномъ изъ внутреннихъ покоевъ его онъ поставилъ статую съ „начертанною на ней славой его“, а сзади главнаго входа—плиты съ подобнымъ же начертаніемъ его подвиговъ ²⁾.

Одна идея, какъ красная нить, проходитъ черезъ все это длинное описаніе походовъ, казней, военныхъ трофеевъ, осѣбная своимъ свѣтомъ и тѣмъ, что съ перваго раза представляется мало понятнымъ или даже возмутительнымъ: во всемъ Ассирійскій царь поступалъ по волѣ Ассура и другихъ великихъ боговъ-покровителей ³⁾; онъ лишь исполнитель ихъ велѣній. Онъ ихъ „намѣстникъ“, ихъ „служитель“. Они „благословляютъ его намѣренія“, „подаютъ помощь въ войнахъ и бояхъ“, Ассуръ, великій богъ „распространяетъ его господство надъ царями четырехъ странъ“, „посылаетъ ему силу свою для управленія“, „поручаетъ ему поля и лѣса для пользованія ими по собственному желанію и волѣ“. „По волѣ Ассура и Бина“ царь считаетъ свои колесницы и полки и выступаетъ въ походъ; Ассуръ и

¹⁾ Ib., стр. 89.

²⁾ Ib., стр. 73; статуя эта найдена и находится въ Британскомъ музеѣ, какъ замѣчено было выше.

³⁾ Вотъ имена «великихъ боговъ»:

Ассуръ—царь собранія великихъ боговъ.

Ану—распорядитель судебъ, владыка земель.

Нисрукъ или *Оалманъ-Нисрукъ*—царь водъ, управляющій судьбою людей (ср. 4 цар. XX, 37: Нисрохъ).

Синъ—владыка небесныхъ свѣтъ, напоющій равнины.

Мардукъ—владыка оракуловъ.

Бильъ—владыка текущихъ водъ, богъ плодородія.

Адаръ или *Адаръ-Самданъ*—герой божественныхъ боевъ, поряжающій враговъ.

Набу—блюститель небесъ.

Белитъ—супруга Бела, мать великихъ боговъ.

Ниргалъ—владыка боевъ.

Бел-даганъ—отецъ боговъ, творецъ міра.

Самасъ—богъ солнца, распорядитель неба и земли, какъ уполномоченный собранія боговъ.

Истаръ—царица неба и земли, богиня боевъ (См. Annales, стр. 66, 67, 97).

Слѣдательно собраніе 12 боговъ было подъ предсѣдательствомъ 13-го Ассура. Замѣтимъ, что 12—численная единица Ассирійянъ (см. мою статью о клянообразныхъ надписяхъ въ *Ж. М. Н. Пр.* 1876, дек., стр. 186).

великіе боги „пдутъ предъ нимъ“¹⁾, поражая страхомъ враговъ. „Съ дозволенія Ассура“ и другихъ боговъ покровителей онъ выступаетъ изъ окоповъ; „покорный волѣ Ассура“, онъ оставляетъ городъ Тускханъ, переходитъ Тигръ и атакуетъ непріятельскій городъ „при помощи Ассура“. „По волѣ Ассура, идущаго предъ нимъ“, онъ беретъ городъ. Вліяніемъ Самаса и Бина боговъ-покровителей онъ занимаетъ землю Наири и распространяется въ сосѣднихъ земляхъ „подобно Вину, богу наводненія“. „Ассуръ распространяетъ его владѣнія и поручаетъ мечу его проявлять его (Ассура) могущество“. По повелѣнію Ассура, Самаса, Бина царь приказываетъ сдѣлать свое изображеніе у истока Супната (вост. Тигръ). Онъ воюетъ, чтобы „распространять страхъ имени Ассура“; онъ „попираетъ враждебныя божества“; онъ „покоряетъ народы Ассура“, поражая тѣхъ, которые не признаютъ его власти“²⁾. Съ этой точки зрѣнія на самыя жестокія казни непокорныхъ Ассирійскій царь могъ смотрѣть какъ на подвиги, совершаемые въ честь Ассура, и гордиться ими. „Я царь сильный“ восклицаетъ Ассурнасиргабалъ, — „я око Ассура, поражающее страхомъ противниковъ, и сажаящій на колѣ тѣла враговъ его“³⁾.

Исчисливъ свои подвиги, Ассурнасиргабалъ заключаетъ: „Я Ассурнасиргабалъ, царь великій, царь сильный, царь земли Ассуръ... правосудный, грозный, идущій покорно подъ водительствомъ Ассура, моего господина“⁴⁾.

Не есть ли этотъ Ассурнасиргабалъ, а по другому чтенію Ассурнасирпалъ⁵⁾, Сарданапалъ-воитель греческихъ писателей?

Въ лѣтописи кратко упоминается въ одномъ мѣстѣ⁶⁾ о подвигахъ Ассурнасиргабала на охотѣ: онъ убилъ 50 буйволовъ за Евфратомъ, 8 взялъ живьемъ, убилъ 20 орловъ и столько же поймалъ живыхъ. О громадныхъ охотахъ временъ Туклатпаласара древняго, когда убитые или пойманные живыми львы считались сотнями, уже нѣтъ и рѣчи. Очевидно, дикіе звѣри въ Месопотаміи постепенно были истреблены, и о большихъ царскихъ охотахъ при слѣдующихъ царяхъ бо-

¹⁾ Не слѣдуетъ ли это понимать такъ, что идолы боговъ несомы были предъ армією царя? Ср. 4 цар. XX, 18.

²⁾ *Annales*, стр. 69, 70, 72, 73, 76, 77, 78, 81, 82, 86, 89, 91, 92; ср. 4 цар. XVIII, 25.

³⁾ *Ib.*, стр. 69.

⁴⁾ *Ib.*, стр. 91.

⁵⁾ *Lenormant*, *Manuel d'Hist. anc.*, II, 64.

⁶⁾ *Ann.*, стр. 86.

лѣе уже не упоминается. Безпрерывныя войны мало оставляли, по видимому, Ассурнасиргабалу времени для мирныхъ занятій. Кромѣ возобновенія Калаха, упоминается только о построеніи двухъ городовъ на Евфратѣ ¹⁾, о построеніи двухъ дворцовъ въ двухъ покоренныхъ городахъ — вѣроятно, для временнаго пребыванія царя на походѣ за дабью; о рубкѣ деревь кедровыхъ, сосновыхъ, кипарисныхъ на горахъ Аманусъ и въ землѣ Исмирхи для храмовъ и другихъ сооружений, о прорытіи канала изъ р. Верхняго Цаба, берега котораго обсажены были деревьями ²⁾.

На этомъ оканчивается большая надпись монолита, составляющаго полъ-ниши калахскаго дворца Ассурнасиргабала. Заключение надписи, не помѣстившееся на монолитѣ, можно прочесть на соседней колоннѣ, гдѣ послѣ обращенія къ „великимъ богамъ“, краткаго изложенія содержанія большой надписи и повторенія послѣднихъ трехъ строкъ ея, слѣдуетъ описаніе сооруженія самаго дворца и обычное заклинаніе, обращенное къ послѣдующимъ царямъ, чтобы они поддерживали построенный дворецъ съ его надписями, — „свидѣтеля славы его“ (Ассурнасиргабала) не разрушали бы его, чтобы обратитъ материалы его на сооруженіе другаго дворца“ ³⁾.

Сынъ и преемникъ Ассурнасиргабала Салманасаръ III (857 — 822 гг.) ⁴⁾ былъ такой же великій воитель, какъ и отецъ его. Въ одной надписи перечисляются 31 его походъ; 25 разъ переходилъ опъ Евфратъ, на плотяхъ, 9 разъ поднимался на хребетъ Кхамани (Аманусъ), гдѣ между прочимъ, рубилъ кедры для своихъ построекъ въ разныхъ городахъ Ассиріи и для этой цѣли даже нарочно предпринималъ туда походы ⁵⁾.

Въ общемъ, походы Салманасара напоминаютъ собою походы его отца: тѣ же опустошенія, сожженіе городовъ сотнями ⁶⁾, жестокия казни, длинныя списки дапей, переселенія побѣжденныхъ въ Ассирію ⁷⁾. Салманасаръ — „уполномоченный Ассура“, которому „великіе боги“ сообщаютъ свое могущество“, „идутъ предъ нимъ“ и помога-

¹⁾ Ann., стр. 80—86.

²⁾ Annales, стр. 89—92.

³⁾ Annales, стр. 93.

⁴⁾ По *Ленорману* 905—870 г.

⁵⁾ Annales, стр. 97, 99, 98, 114, 100, 101, 102; ср. 4 Цар. XX, 23.

⁶⁾ Въ одномъ походѣ сожжено 100 городовъ, въ другомъ 250, въ третьемъ 200; см. Annales, стр. 106, 108, 104.

⁷⁾ Ib., стр. 104, 105, 108, 98, 101.

ють ему побѣждать враговъ; онъ „покоряетъ тѣхъ, которые не поклоняются Ассурѣ“, и „уводитъ боговъ (идоловъ) ихъ“¹⁾—вѣроятно, съ цѣлю лишить побѣждепныхъ помощи ихъ боговъ; 12 побѣдныхъ статуй съ надписями воздвигнуто въ разныхъ мѣстахъ, въ томъ числѣ одна у истока Тигра и другая у истока Евфрата²⁾.

Можно отмѣтить однакожь и нѣкоторыя особенности походовъ Салманасара, не встрѣчаемыя прежде. Такъ впервые встрѣчаемъ мы исчисленіе ассирійской арміи: „я перешелъ Пуратъ (Евфратъ) на плотяхъ съ 120,000 воиновъ“³⁾, говоритъ Салманасаръ. Равнымъ образомъ исчисляется и армія противниковъ: 12 сирійскихъ и приморскихъ царей, соединясь, выставили противъ Ассирійскаго царя армію, состоящую изъ 4,810 колесницъ, 8,200 человекъ конницы, 62,900 человекъ пѣхоты и 1,000 верблюдовъ, при чемъ точно показанъ контингентъ каждаго изъ 12 союзныхъ царей⁴⁾. Соотвѣтственно увеличенію боевыхъ силъ и число павшихъ въ сраженіяхъ возрастаетъ: говорится о 20,500 человекъ, о 10,000 убитыхъ неприятелей, не считая казенныхъ плѣнниковъ, которыхъ въ одномъ случаѣ умерщвлено было 14,000⁵⁾, между тѣмъ какъ еще при Ассириасирабаль число убитыхъ въ бою простиралось лишь отъ 150 до 2,800 человекъ. Въ послѣдніе походы свои, начиная съ 27-го, Салманасаръ уже не предводительствовалъ войскомъ лично, но поручалъ его „великому тартану“⁶⁾; это званіе главнокомандующаго, замѣняющаго особу царя на войнѣ, впервые встрѣчается здѣсь.

Упоминается еще о дворцѣ, построенномъ для себя Салманасаромъ въ покоренномъ городѣ, за горами Аманусъ, о заселеніи Ассирианами столицы одного изъ возставшихъ правителей за Евфратомъ, при чемъ дворецъ его взятъ былъ подъ царское училище, а самый городъ переименованъ, по имени царя, въ Кар-Салманассаръ; нѣкоторые другіе города возставшей области получили также новыя названія⁷⁾. Городъ Мулькима на Евфратѣ, завоеванный Туклатпала-

¹⁾ *Ib.*, стр. 97, 109, 111, 114, 98, 100, 101; ср. 4 Цар. XVIII, 33.

²⁾ *Annales*, стр. 98, 100, 106, 107, 108, 110, 111, 115, 116.

³⁾ *Ib.*, стр. 115.

⁴⁾ *Annales*, стр. 112, 113. Армія союзниковъ была нѣсколько больше, но вслѣдствіе порчи надписи контингентъ одного изъ 12 царей не могъ быть прочтенъ.

⁵⁾ *Annales*, стр. 99, 114, 113.

⁶⁾ *Annales*, стр. 102, 103, 104.

⁷⁾ *Annales*, стр. 109, 120.

саромъ, позже уступленный царю Арамейскому (Сирийскому), по возвращеніи теперь подъ власть его (Саманасара), получилъ ассирійскую колонию. Постъ одной изъ побѣдъ за Евфратомъ 1000 барановъ принесено было въ жертву богу Вину ¹⁾.

Походы Салманасара направляемы были па сѣверъ къ истокамъ Тигра и Евфрата, въ землю Ванъ (у оз. Ванъ), гдѣ былъ г. Цирту (Тиграпоцрта?) ²⁾, въ землю Урартху (Арменія), Кхумукъ (Команагена), къ горамъ Кхамани (Аманусъ), па югъ въ Тирдунасъ, иначе Аккадъ (Вавилонія), въ землю Кхалди (Халдея) — ниже г. Бабилу (Вавилонъ) ³⁾ и въ землю Парсуа (Персія?), при чемъ наложена была дань на ея жителей, „не поклонившихся Ассуру“ ⁴⁾; но всего чаще походы Ассирійскаго царя направлялись на западъ въ Сирію — до самаго берега Средиземнаго моря, гдѣ онъ имѣлъ дѣло преимущественно съ народами Кхатти (Хеттеяне Библии, по египетскимъ памятникамъ — Хета), самымъ могущественнымъ въ сѣверной части Сиріи; побѣдивъ ихъ, онъ поставилъ свою статую въ храмъ ихъ главнаго города Кумалу ⁵⁾.

Походы Салманасара въ Сирію представляютъ намъ особенный интересъ, такъ какъ здѣсь встрѣчаемся мы съ знакомыми намъ изъ Библии ⁶⁾, именами Ахава (Аххаббу) и Тиуя (Тауа), царей Израильскихъ, и Венадада (Винидри) и Азанла (Хазанлу), царей Дамасскихъ. Имя Венадада или Бенгадада Дамасскаго (Винидри изъ Дамаска) находимъ мы въ числѣ тѣхъ 12 Сирийскихъ и приморскихъ царей, союзныя силы коихъ Салманасаръ поразилъ въ шестой свой походъ, при чемъ контингентъ Венадада въ союзномъ войскѣ показанъ въ 1,200 колесницъ, 1,200 всадниковъ и 20,000 человекъ пѣхоты. Въ числѣ 12 союзниковъ пазванъ и Ахавъ, царь Израильскій (Аххаббу изъ земли Сирлан, то-есть, Израиль), выставившій 2,000 колесницъ и 10,000 человекъ пѣхоты ⁷⁾. Еще разъ встрѣчается имя Венадада съ его 12 союзниками въ одиннадцатый походъ Салманасара,

¹⁾ Ib., стр. 109, 112.

²⁾ Annales, стр. 103.

³⁾ Ib., стр. 99, 100.

⁴⁾ Ib., стр. 103.

⁵⁾ Annales, стр. 103.

⁶⁾ 4 Цар. XV, 18; XIX, 15; XX.— 3 Цар. 17, 24; VII, 7, 16; VIII, 8, 13, 15; IX, 15; XII, 17, 18; XIII, 3—22.

⁷⁾ Annales, p. 112. Въ Библии упоминается о договорѣ, заключенномъ между Ахавомъ и Венададомъ послѣ одной изъ войнъ между ними (3 Цар. XX, 84).

при чемъ союзники опять были побѣждены, потерявъ 10,000 человекъ, свои колесницы, конницу и боевые припасы ¹⁾.

Съ Азаиломъ (Хазаилу), преемникомъ Венадада, Салманасаръ воевалъ дважды (18-й и 21-й походы), причемъ въ первый походъ онъ взялъ у него 1,121 колесницу и 470 всадниковъ со всѣмъ лагеремъ, а во второй походъ овладѣлъ его крѣпостями ²⁾.

Имя Израильскаго царя Иуя (Іауа) встрѣчается въ числѣ данниковъ Салманасара ³⁾. Иуя названъ въ надписи сыномъ Амврія (Кхумри). Амвріи былъ основатель Самаріи ⁴⁾, по его имени и Израильское царство стало называться у современниковъ домомъ Амврія (Beth-Amri) а преемники его почитались его потомками ⁵⁾. На томъ же обелискѣ, гдѣ надпись съ именемъ Иуя, одинъ изъ барельефовъ представляетъ Израильскаго царя распростертымъ ницъ предъ Салманасаромъ ⁶⁾. Иуя прислалъ дань Салманасару въ 18-й походъ послѣдняго, вмѣстѣ съ финикійскими городами Тиромъ, Сидономъ—Библосомъ.

Встрѣчающіяся въ лѣтописи Салманасара имена извѣстныхъ намъ изъ Библии царей Ахава, Иуя, Венадада и Азаила важны для установленія хронологіи его царствованія ⁷⁾.

Салманасаръ жилъ сначала въ Ниневіи и Элласарѣ, но потомъ переселился въ Калахъ, гдѣ построилъ себѣ дворецъ, коего развалины сохранились; здѣсь-то и найдены надписи, относящіяся къ его царствованію. Такъ на обелискѣ изъ чернаго базальта найдено сокращенное изложеніе его царствованія по годамъ, чего прежде не встрѣчалось, а именно перечисленіе его тридцати-одного похода. Тамъ же найдены были въ разныхъ мѣстахъ фрагменты болѣе подробнаго изложенія его дѣяній ⁸⁾.

Въ концѣ царствованія Салманасара III возсталъ противъ него младшій сынъ его Ассурданингалъ и увлекъ за собою двадцать-семь укрѣпленныхъ городовъ Ассиріи, въ томъ числѣ Арбиту (Арбела), Впрочемъ Ниневія и Калахъ остались вѣрными Салманасару до смерти

¹⁾ Annales, стр. 100—114.

²⁾ Ib., стр. 100—101.

³⁾ Ib., стр. 116.

⁴⁾ 3 Цар. XVI, 24.

⁵⁾ Lenormant, Man., 349.

⁶⁾ Lenormant, II, 72.

⁷⁾ Annal., 117—118.

⁸⁾ Annales, стр. 97, 105, 113—116.

его; затѣмъ вступилъ на престолъ, законнымъ путемъ, старшій сынъ его Самсибинъ III, который привелъ опять въ повиновеніе отпавшіе города. По списку Лимму видно, что онъ царствовалъ тринадцать лѣтъ (822—809), проведенныя въ непрерывныхъ войнахъ въ землѣ Наири, Арменіи, Сиріи и Халдеи, но только о четырехъ первыхъ его походахъ найдено подробное повѣствованіе на монолитной колоннѣ одного изъ дворцовъ камахскихъ. Походы этого царя представляютъ черты, общія походамъ всѣхъ царей Ассирійскихъ: покоренные города опустошаются и сожигаются, плѣнные убиваются или переселяются въ Ассирію, „боги ихъ уводятся“, ставятся царскія статуи съ надписями въ память побѣдъ. Одно только поражаетъ въ лѣтописи этого царя—это чрезвычайное множество встрѣчающихся городовъ. Такъ на походѣ въ землю Наири къ берегамъ западнаго (Средиземнаго) моря взято было 3,211 городовъ, въ томъ числѣ 11 столицъ. Воюя на сѣверѣ, Самсибинъ въ одной землѣ разрушилъ 500, въ другой 1,200 городовъ. Когда Аккадцы были побѣждены подъ стѣнами своей столицы Дуркурзу, при чемъ 13,000 плѣнниковъ было казнено, они спаслись бѣгствомъ въ свои 447 городовъ ¹⁾. Это обиліе городовъ, какъ бы ни были они малы, свидѣтельствуетъ о чрезвычайной населенности Передней Азіи въ ту отдаленную эпоху.

О сынѣ и преемникѣ Самсибина Бинпирари III (Биндикхусъ, по другому чтенію) ²⁾ найдено очень мало надписей. На полу построеннаго имъ небольшого дворца на калахской платформѣ читается надпись, знакомящая насъ съ предками этого царя и объемомъ его владѣній. Вотъ содержаніе ея:

„Дворецъ Бинирари, царя великаго, царя сильнаго, царя воинствъ, царя земли Ассуръ. Ассуръ, царь боговъ, содѣлалъ его царемъ, онъ далъ въ руку его царство непобѣдимое, онъ распростеръ владычество его отъ великаго Восточнаго моря (Каспійское море) до великаго Западнаго моря (Средиземное море), и онъ властвовалъ надъ всѣми народами“. „И — Бинпирари, августѣйшій повелитель, которому Ассуръ, Самасъ, Бинъ и Мардукъ помогли увеличить его государство,—отрасль Туклатналасара, царя земли Ассуръ, цари Сумировъ и Аккадовъ... правнукъ Белкатиращу, положившаго начало царству“ ³⁾.

¹⁾ Annales, стр. 118—124.

²⁾ См. Lenormant, Man., I, 74.

³⁾ Annal., стр. 125, 126.

Найдены далѣе небольшой фрагментъ лѣтописи царствованія Бипирири. Въ немъ перечисляются подвластныя ему страны, между которыми читаемъ мы имена Мадаи (Мидіи), Парсуа (Персія), земли Кхатти (Хеттеяны), Акхари (Финикия), земли Кхумри (Израильское царство), Паласта (Палестина, то-есть, земля Филистимлянъ), Удуме (Идумея). Далѣе упоминается о побѣдоносномъ походѣ на Хеттеяны, во время коего царь ихъ взятъ былъ въ плѣны „въ столицѣ его Дамаскъ“ (Дамаскъ), что указываетъ на предыдущее распространение владычества Хеттеяны и на южную Сирію. Съ царя Хеттеянскаго взята была огромная дань, свидѣтельствовавшая о богатствѣ Дамаска: 2,300 талантовъ серебра, 10 талантовъ золота, 3,000 талантовъ мѣди и 4,000 талантовъ жельза, кромѣ перстяныхъ и льняныхъ тканей. „Я взялъ все, что было въ Дамаскъ, его столицы и его дворца“, говоритъ Ассирійскій царь. Паложена была также дань и на царей земли Кхалди (Халдея) ¹⁾.

Въ хронологической таблицѣ, приложенной къ списку Лимму, мы находимъ перечень событій 29-ти послѣдовательныхъ годовъ царствованія Бипирири (809—781 гг.) ²⁾, изъ коего видно, что почти каждый годъ ознаменованъ былъ походомъ ³⁾. Походы эти направлялись въ землю Вапъ, Арменію, Палестину, Вавилонію и всего чаще въ подвластную землю Наири, гдѣ возстанія, по видимому, безпрестанно возобновлялись. Только два года прошли безъ войны; одинъ изъ этихъ двухъ мирныхъ годовъ ⁴⁾ ознаменованъ открытіемъ храма въ честь бога Набу: „Богъ Набу вступилъ въ храмъ свой“, отмѣчены таблицы, то-есть, идолъ его внесенъ былъ въ храмъ. Въ развалинахъ этого храма найденъ самый любопытный документъ, относящійся къ царствованію Бипирири: это—надпись на статуѣ бога Набу ⁵⁾. Въ надписи этой читается имя царицы Саммурама-тъ, какъ супруги царя ⁶⁾. Не Семирамида ли это Геродота? Этому мнѣнію держится Ленорманъ ⁷⁾ и развиваетъ свою гипотезу слѣдующимъ образомъ: отецъ исторіи помѣщаетъ Семирамиду пять поколѣній (около полутора вѣ-

¹⁾ Annales, стр. 125—127.

²⁾ Или 857—828 годахъ—по другому счисленію.

³⁾ Annales, стр. 128—129.

⁴⁾ 786 или по другому счисленію 833 годъ.

⁵⁾ Статуя эта находится нынѣ въ Британскомъ музеѣ.

⁶⁾ Annales, стр. 127—129.

⁷⁾ Менахъ съ нимъ не соглашается, не приводя впрочемъ никакихъ доводовъ.

ка) до Никотриды, супруги Набопаласара, и прибавляетъ, что она устроила тѣ замѣчательныя диги, которыя сдерживаютъ Евфратъ въ его ложѣ, препятствуя наводненію полей ¹⁾. Но какимъ образомъ Геродотъ, слѣдуя очевидно вавилонскому преданію, вопреки всѣмъ обычаямъ востока, могъ приписать эти грандіозныя сооруженія—царицѣ, а не царю, мужу ея? Можно бы предположить, что, по смерти мужа, она царствовала нѣкоторое время одна; но тогда имя ея находилось бы въ спискѣ эпонимовъ (Лимму), а этого нѣтъ. По мнѣнію Ленормана, остается лишь одно возможное объясненіе, именно—что Винлиххусъ (Виннирари) и Саммурамата были Фердинандомъ и Изабеллою Месопотаміи. Вавилонія съ Халдеей стремились отдѣлиться отъ Ассиріи и не безъ успѣха; близокъ былъ уже моментъ, когда это отдѣленіе должно было состояться и притомъ на пагубу Ниневіи. Ничего не было естественнѣе, что царь Ассирійскій искалъ упрочить свою власть въ Вавилоніи брачнымъ союзомъ съ вавилонскою принцессою Саммураматою, которая такимъ образомъ по имени царствовала въ Вавилонѣ, въ то время какъ мужъ ея властвовалъ въ Ниневіи, и которую Вавилоняне одну поэтому и занесли въ свои національныя анналы. Положеніе Саммураматы очевидно было особенное, и на нее смотрѣли какъ на царицу въ части имперіи, если на публичныхъ памятникахъ имя ея ставилось рядомъ съ именемъ царя, ея мужа. Иначе какъ и объяснить себѣ это явленіе—имя женщины на публичномъ памятникѣ (и прибавимъ, единственное женское имя, встрѣчаемое въ ассирійскихъ лѣтописяхъ), при томъ положеніи, какое занимали женщины на востокѣ ²⁾?

О ближайшихъ трехъ преемникахъ Виннирари (Салмавасаръ IV, Ассурдавиллъ II, Ассурнирари или Ассурлиххусъ по другому чтенію) имѣются лишь краткія свѣдѣнія, преимущественно указаніе, по годамъ, направленія ихъ походовъ при чемъ о второмъ изъ нихъ подѣ пятью годами изъ 18-ти значится, что царь оставался дома и войны не было (упоминается также объ эпидеміи, бывшей дважды—въ 764 и 758 годахъ), а изъ хронологическаго перечня событій въ царствованіе третьяго преемника—Ассунирари изъ 8 годовъ его правленія пять лѣтъ не было походовъ ³⁾. Это явленіе новое въ исторіи воинственныхъ царей Ассиріи, указывающее на ослабленіе ихъ боевой

¹⁾ Herod., I, CLXXXIV.

²⁾ Lenormant, Man., II, 76, 77.

³⁾ Annales, c., 130—131.

дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и могущества, на что указываетъ и событіе, помѣщенное подъ послѣднимъ годомъ его царствованія (745 годъ): возстаніе царской резиденціи Калаха.

Слѣдующій царь, упоминаемый въ лѣтописяхъ ассирійскихъ — Туклатпаласаръ II, (744 годъ); это библейскій Феглаѳелласаръ, покоритель Израильскаго царства ¹⁾.

Въ промежуткѣ царствованія Ассурнирари и Туклатпаласара совершились два важныя событія, о которыхъ мы знаемъ изъ еврейскихъ и греческихъ писателей, но о которыхъ ассирійскія лѣтописи умалчиваютъ: это разрушеніе (первое) Ниневіи и царствованіе Фула, взявшаго дань съ царя Израильскаго Менаима ²⁾. Разрушеніе первой Ниневіи—внѣ сомнѣнія, такъ какъ второй преемникъ Туклатпаласара Саркипъ (библ. Саргоцъ) говоритъ о Ниневіи, какъ о городѣ, уже не существующемъ ³⁾. При обоихъ предшественникахъ Саркина Салманасаръ и Туклатпаласаръ о Ниневіи не упоминается вовсе, такъ какъ ея не было, а при непосредственномъ предшественникѣ Ассурнирари, Ассурданилъ II, въ спискѣ Лимму о Ниневіи еще упоминается (подъ 760 годомъ). Такимъ образомъ разрушеніе Ниневіи можно помѣщать или только въ кратковременное царствованіе Ассурнирари, или въ промежуткѣ этого царствованія и послѣдующаго Туклатпаласара II. Ассурнирари или Ассурликхусъ (по другому чтенію), по мнѣнію нѣкоторыхъ (Ленорманъ ⁴⁾), есть Сардапалаль—сластолюбецъ греческихъ писателей, сжегшій себя во дворцѣ, при паденіи Ниневіи. Подтверженіе этой гипотезы, независимо отъ созвучія обоихъ именъ, видятъ и въ томъ еще, что въ хронологической таблицѣ его восьмилѣтняго царствованія упоминается о двухъ лишь экспедиціяхъ, а подъ прочими годами значится, что царь „оставался дома“—выраженіе (за исключеніемъ царствованія его предшественника), долѣе не встрѣчавшееся въ лѣтописяхъ ассирійскихъ. Такое необычайное для Ассирійскаго царя бездѣйствіе Ассурликхуса вполне соответствуетъ изнѣженной, гаремной жизни Сардапала, какъ изображаютъ его греческіе писатели.

Такимъ образомъ, продолжаетъ Ленорманъ.—Арбакъ, вождь мидійскихъ вспомогательныхъ отрядовъ въ ассирійской арміи, и Фулъ, по

¹⁾ 4 Цар. XV, 29.

²⁾ 4 Цар. XV, 19; Герод. 106.

³⁾ Annales, стр. 177.

⁴⁾ Lenormant, Man., II, 77—82.

прозванію Балазу (грозный), изъ котораго греки сдѣлали Белезисъ, правитель Вавилона, соединились для низложенія Асурликхуса—Сарданапала. Въ связи съ другими недовольными (вспомнимъ возстаніе Калаха), они взяли Ниневію, разграбили и разрушили ее до основанія по обычаю того времени. Затѣмъ Арбакъ возвратился въ Мидію, не заботясь болѣе о судьбѣ Ассиріи, довольный освобожденіемъ своего отечества, Белезисъ же подчинилъ Ассирію своей власти, управляя ею изъ Вавилона; но со смертію его, владычество Халдеевъ пало, и на ассирійскій престолъ опять вступилъ національный государь — Туклатпаласаръ II ¹⁾. Что ассирійскія лѣтописи объ этихъ событіяхъ умалчиваютъ, объясняется характеромъ самихъ событій, тягостныхъ для національнаго чувства: лѣтописи Ассирійскихъ царей повѣствуютъ лишь о „подвигахъ“ ихъ. Къ этому обстоятельству, Ленорманъ, слѣдуя учителю своему Опперту, привязываетъ еще другую гипотезу, не лишнюю вѣроятіи. Посреди смутъ, начавшихся возстаніемъ въ Калахѣ и бѣдствій, разразившихся затѣмъ надъ Ассиріей, назначеніе Лимму, для обозначенія годовъ, прекратилось, тѣмъ болѣе, что съ утвержденіемъ на престолѣ Белезиса-Фула стали считать время по вавилонскому способу, то-есть, не по эпонимамъ (Лимму), а по счету годовъ царствованія. Такимъ образомъ въ списки ассирійскихъ эпонимовъ—Лимму произошелъ перевывъ, который Ленорманъ вмѣстѣ съ Оппертомъ полагаетъ въ 45 лѣтъ. Предположеніе перерыва въ спискѣ Лимму, и именно въ 45 лѣтъ, сдѣлаю Оппертомъ съ цѣлью согласовать ассирійскую хронологію съ еврейскою. Извѣстно, что имѣется послѣдовательный списокъ Лимму за 228 лѣтъ, съ краткимъ перечнемъ соотвѣствующихъ событій, между коими упоминается о взятіи Ассирійскимъ царемъ Самаріи—фактъ, коего годъ, точно опредѣляемый еврейскою хронологіей, есть 721-й. Съ помощью этого извѣстнаго года явилась возможность опредѣлить, въ спискѣ Лимму, всѣ годы предшествующіе и послѣдующіе; по этой хронологической системѣ выходило, что царствованіе Асурнасирагала заключалось между 882 и 857 годами ²⁾, и такимъ образомъ этотъ царь долженъ былъ бы быть современникомъ Израильскаго царя Іеуя, а между тѣмъ въ ассирійской лѣтописи имя этого Израильскаго царя встрѣчается лишь въ концѣ царствованія преемника Асурнасирагала—Салманасара,

¹⁾ *Lenormant*, *Man.*, стр. 78—84.

²⁾ Считаю отъ взятія Самаріи (721 годъ) вверхъ до начала царствованія Асурнасирагала,—161 имя Лимму, или столько же годовъ.

при чемъ ассирійскій и библейскій тексты вполне согласуются относительно времени событій, въ коихъ дѣйствующими лицами являются Салмапасаръ, Іеуи и Сирийскій царь Азаилъ; эти синхронизмы обоихъ текстовъ продолжаются и далѣе, до конца списка Лимму (664 года), чѣмъ хронологія событій этого періода прочно устанавливается; тѣмъ непонятнѣе представляется разногласіе библейскаго и ассирійскаго сказаній относительно времени и событій отъ вступленія на престолъ Ассурнасиргабала до смерти Ассурнирари (Ассурлихустъ). Это и подало Опперту мысль продолжать гипотезу о перерывѣ въ спискѣ Лимму въ 45—50 лѣтъ вслѣдствіе внутреннихъ смуть и временнаго подчиненія Ассиріи Вавилону. Такимъ образомъ, слѣдя имѣющемуся списку Лимму, вступленіе на престолъ Ассурнасиргабала и смерть Ассурнирари заключаются между 882 и 745 годами, а принимая гипотезу Опперта, коей слѣдуетъ и Ленорманъ,—между 930 и 793 годами. Затѣмъ, начиная съ царя Туклатпаласара II (библейскій Феглаофеласаръ), то-есть, съ 744 года, хронологія ассирійская и библейская опять согласуются.

Въ подтвержденіе своей гипотезы Оппертъ сослался на выраженіе въ лѣтописи Ассурнасиргабала, дававшее ему поводъ заключить, что въ годъ вступленія этого цари на престолъ было частное солнечное затмѣніе. По астрономическому вычисленію это случилось 2-го іюня 930 года до Рождества Христова. Этотъ годъ такимъ образомъ Оппертъ и принимаетъ за годъ вступленія Ассурнасиргабала на престолъ. Вотъ самый текстъ Ассурнасиргабаловой лѣтописи въ переводѣ Опперта: „Въ началѣ моего царствованія, въ первый годичный періодъ, случилось, что солнце, распорядитель небесныхъ пространствъ, бросило на меня свое пріятное помраченіе“ (obscurcissement).

Въ изданіи Менана: *Annales des rois d'Assyrie* текстъ этотъ переведенъ такъ: „Въ началѣ моего царствованія, въ мой первый походъ, богъ Самасъ (богъ солнца), распорядитель міра, даровалъ мнѣ свою благопріятную тѣнь“ (или освѣненіе: *m'assorda son ombre gracie*)¹⁾.

Ленорманъ, принимая гипотезу Опперта, замѣчаетъ, что о солнечномъ затмѣніи нѣсколько разъ упоминается въ письменныхъ памятникахъ Ассурнасиргабала, какъ о явленіи весьма благопріятномъ для его начинающагося царствованія²⁾: въ имѣвшемся у насъ француз-

¹⁾ *Annales*, стр. 65, 70 133, 135, 136.

²⁾ *Manuel d'Hist. anc. de l'Orient*, II, 67.

скомъ переводѣ лѣтописи Ассурнарсиргабала (*Annales des rois d'Assyrie trad. par T. Ménéant*) мы нигдѣ однакожь не нашли подтвержденія тому. Менавъ (*Annales des rois d'Assyrie*) и Масперо (*Histoire ancienne des peuples de l'Orient*) не принимаютъ гипотезы Опперта относительно пробыла въ списокѣ Лимму. Вопросъ этотъ остается, такимъ образомъ открытымъ, въ ожиданіи новыхъ данныхъ — не представляя впрочемъ собою существенной важности для исторіи Ассиріи.

Н. Астафьевъ.

ОЧЕРКЪ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ ВЪ ВЕЛИКОМЪ НОВГОРОДЪ ¹⁾.

III.

Борьба Новгорода съ Москвою за церковную самостоятельность. (XIV—XV в.).

Не смотря на приобретения, сдѣланныя Великимъ Новгородомъ въ церковной области, зависимость его отъ главы Русской церкви все еще продолжала оставаться неприкосновенною. Подобно своимъ кievскимъ предшественникамъ, и Московскіе митрополиты, къ которымъ въ XIV столѣтіи перешло представительство Русской церкви, пользовались въ отношеніи Новгородской епархіи всѣми правами, какія были свойственны имъ по каноническимъ законамъ. Какъ общій надзоръ за состояніемъ Новгородской церкви, такъ и верховный судъ по духовнымъ дѣламъ, составляли ихъ несомнѣнную принадлежность. Въ частности, какъ главный судья по дѣламъ Новгородской епархіи, митрополитъ по прежнему имѣлъ право принимать и разсматривать жалобы на Новгородскаго владыку, равно какъ и разбирать дѣла, возникавшія между Новгородцами, и въ особенности между Новгородскимъ духовенствомъ, и подлежащія церковному суду. Мы говорили уже, что въ древнѣйшее время для разбора этихъ жалобъ Новгородскій владыка былъ призываемъ обыкновенно въ первопрестольный городъ. Нѣтъ сомнѣнія, что судъ надъ Новгородскимъ архіепископомъ производился въ этой формѣ и теперь. Правда, г. Костомаровъ полагаетъ, что будто бы со временъ владыки Луки (1055 г.) вплоть до начала XV столѣтія русскіе митрополиты этимъ правомъ не пользовались, что Новгородскіе владыки если и ѣздили къ митрополиту за

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. мартовск. кн. *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

этотъ періодъ, то не иначе, какъ только для посвященія ¹⁾). Но это утверженіе не имѣетъ подъ собою никакого фактическаго основанія. Въ самомъ дѣлѣ, если даже остановиться на одномъ XIV вѣкѣ, который—по мнѣнію г. Костомарова—должно считать временемъ самой большей независимости Новгородскихъ владыкъ, то и въ немъ найдется не мало свидѣтельствъ, показывающихъ, что и помимо посвященія пріѣздъ Новгородскихъ владыкъ къ митрополиту былъ совершенно обыкновеннымъ явленіемъ. Такъ, владыка Василій былъ посвященъ въ епископы въ 1331 году, а между тѣмъ лѣтопись сообщаетъ, что въ 1334 году онъ вновь ѣздилъ къ митрополиту во Владиміръ ²⁾. Подобнымъ образомъ, и владыка Алексѣй вскорѣ послѣ вторичнаго возведенія своего на владычюю степень ѣздилъ въ 1376 году къ митрополиту въ Москву и былъ тамъ двѣ недѣли ³⁾. Наконецъ, владыка Иванъ, посвященный въ епископы въ 1388 году, былъ призванъ къ митрополиту въ теченіе XIV столѣтія по лѣтописи два раза, въ 1396 и 1397 годахъ, при чемъ во второй разъ прямо указана и цѣль призванія, а именно святительскія дѣла ⁴⁾.

Что же касается до разбора дѣлъ между Новгородцами, подлежащихъ церковному суду, то для этой цѣли митрополитъ по прежнему имѣлъ право или посылать отъ себя довѣренныхъ людей, специально предназначенныхъ для рассмотрѣнія извѣстнаго дѣла, или же посѣщать Великій Новгородъ лично. Такія посѣщенія, имѣвшія въ виду общее улучшеніе епархіальныхъ дѣлъ, у Новгородцевъ назывались „подъѣздами“. Изъ примѣра Пскова, допускавшаго пріѣздъ Новгородскаго владыки только на четвертый годъ, можно заключать, что и подѣзды митрополита могли совершаться по праву не раньше, какъ чрезъ три года въ четвертый. Срокъ, опредѣленный для вре-

¹⁾ Св.-Русск. Нар.-пр., II, 264, 275.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 77, 1334 г.: «владыка Василій ходилъ къ митрополиту въ Володиміръ». Ср. тамъ же, III, 75, 1331 г.

³⁾ П. С. Р. Л., III, 90—91, 1376 г.: «Поиде владыка Алексѣй къ митрополиту и съ нимъ Сава архимандритъ... много бояръ... и пребысть владыка на Москвѣ 2 недѣли и отпусти митрополитъ съ благословеніемъ».

⁴⁾ П. С. Р. Л., III, 97, 1396 г.: «Поиде владыка Іоаннъ къ митрополиту Кипріану на Москву, позванъ отъ митрополита, и пребысть на Москвѣ 2 дни»... Тамъ же, III, 98, 1397 г.: «присла Кипріанъ митрополитъ въ великій Новгородъ... къ владыцѣ Іоану, повѣству тако: поиди на Москву, зоветь тя отецъ твой митрополитъ о святительскихъ дѣлахъ. и владыка... въскотѣ поити къ отцу своему къ митрополиту».

мени пребыванія митрополита въ Новгородѣ и для завершенія имъ накопившихся тамъ дѣлъ, обнималъ собою ровно мѣсяць, а отъ этого и самое право на подѣздъ послало еще названіе „мѣсячнаго суда“. Какъ оно и естественно ожидать, судъ Новгородскаго владыки совершенно закрывался на все время пребыванія митрополита въ Новгородѣ, и всѣ дѣла по духовному вѣдомству поступали исключительно на разсмотрѣніе главы церкви. Нѣтъ основанія думать, что митрополичьи подѣзды совершались всегда съ представленною выше правильностью. Напротивъ, какъ время подѣзда, такъ и время пребыванія въ Новгородѣ, много зависѣли отъ обстоятельствъ. Подѣзды вообще на практикѣ происходили гораздо рѣже, чѣмъ слѣдовало бы ожидать. Въ древнѣйшее время даже митрополиты, кажется, для посѣщенія Новгорода дожидались обыкновенно какой-либо okazji, въ родѣ путешествія въ Новгородъ великаго князя или же предстоявшаго посвященія Новгородскаго владыки ¹⁾. Вслѣдствіе того и самое пребываніе митрополита въ Новгородѣ не всегда могло ограничиваться однимъ мѣсяцемъ. Коль скоро митрополитъ долго не былъ въ Новгородѣ, то естественно, что и пребываніе его тамъ затягивалось дольше обыкновеннаго ²⁾. Какъ бы то однако ни было въ каждомъ частномъ случаѣ, посѣщеніе Новгорода митрополитомъ несомнѣнно послало всегда, сообразно съ характеромъ времени, отпечатокъ торжественности. Для встрѣчи его новгородское духовенство въ ризахъ и съ крестами, со владыкой на челѣ и въ сопровожденіи многочисленнаго народа, выходило къ св. Спасу на Ильинѣ улицѣ. По пріѣздѣ къ этому храму, митрополитъ со своими спутниками, между которыми нерѣдко бывали и епископы, входилъ въ церковь и тамъ облачался въ ризы. Затѣмъ вся эта процессія отправлялась нѣшкомъ черезъ торгъ и великій мостъ къ св. Софіи: впереди шли поддьяки, держа свѣтильники съ зажженными свѣчами. По прибытіи въ св. Софію, митрополитъ соборнѣ совершалъ литургію и затѣмъ иногда, взойдя съ воздвигальнымъ крестомъ на амвонъ, говорилъ „велегласно“ поученіе. Подобнымъ образомъ литургія была совершаема имъ и въ храмѣ св. Николая, нахо-

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 56, 1256 г.: «пріѣха князь Олександръ и митрополитъ съ нимъ». Тамъ же, III, 54, 1251 г.: «Пріѣха Кюриль митрополитъ въ Новгородъ и Ростовскыи епископъ; Кюриль же именовъ, и поставиша арх. Новгородскаго Далмата». Тамъ же, III, 67, 1300.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 97, 1395 г.: «и онъ (митрополитъ Киприанъ) пребылъ весну всю въ Новгородѣ, и до Петрова говніа».

дившемся на княземъ дворѣ¹⁾. Остальное время пребыванія митрополита въ Новгородѣ дѣлилось между дѣломъ и пиршествами, которыми владыки и Новгородцы старались расположить перваго въ свою пользу. По обычаю времени, пиршества эти сопровождались дарами, при чемъ, конечно, и митрополитъ не оставался съ своей стороны въ долгу. Мѣстопробываніемъ митрополита служили подворья, находившіяся у церкви Іоанна Предтечи на Иддинцевѣ улицѣ²⁾.

Какъ ни согласны были съ каноническими законами права митрополита по отношенію къ Новгородской церкви, тѣмъ не менѣе бреми ихъ одинаково чувствовалось какъ новгородскимъ духовенствомъ, такъ и самимъ Великимъ Новгородомъ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что въ своихъ отношеніяхъ къ митрополиту Новгородское духовенство тяготилось не столько церковнымъ подчиненіемъ въ собственномъ смыслѣ, сколько его слѣдствіями, по тому времени неизбежными. Конечно, и церковная зависимость сама по себѣ могла служить поводомъ къ неприятымъ столкновеніямъ, особенно для самаго Новгородскаго владыки. Но все-таки главный источникъ недовольства былъ матеріальный, заключался не въ чемъ иномъ, какъ въ тѣхъ поборахъ, которые падали на новгородское духовенство, какъ вознагражденіе за верховное управленіе главы церкви. Каждый подѣздъ митрополита въ Новгородѣ необходимо сопровождался для духовенства и особенно богатыхъ монастырей значительными расходами на продовольствіе и дары въ пользу главы церкви и его многочисленной свиты³⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 98—99, 1391 г.: «пріѣха митрополитъ Кипріянь въ Новгородъ, а съ нимъ владыка Рязанскій; арх. Иванъ сръже его съ кресты, съ игумены и съ попы въ ризахъ, съ многими крестьяны, у св. Спаса на Ильинѣ улицѣ. И митрополитъ вшедъ въ св. Спасъ, съ владыкою своимъ, и съ архимандритомъ Нижняго Новагорода, и съ попы и съ дьяконы и съ подьяци, окрутишася по своему сану въ ризы; идаше митрополитъ пѣшь отъ св. Спаса сквозъ торгъ чрезъ великіи мостъ къ св. Софѣи, предъ нимъ идаху подьяци его, въ рукахъ держаще свѣчницы и на нихъ горящи свѣщи. Вшедъ въ св. Софѣю, съ всемъ своимъ сборомъ, литургію сверши, и по литургіи выйде изъ олтаря митрополитъ, вземъ честный крестъ воздвизальный, и взыде на амбонѣ и нача учить люди Новгородскіи велегласно на всю церковь»..

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 99, 1391 г.: «и даша ему подворье, многія двory у св. Іоана Предтечи на Чюдинцевѣ улицѣ. И владыка Иванъ сотвори пиры многи и чести митрополита 2 недѣли съ Новгородци честью великою и дары многими»...

³⁾ П. С. Р. Л., III, 80—81, 1341 г.: «пріѣха митрополитъ Феогностъ Гречинъ въ Новгородъ съ многими людьми. Тяжко же бысть владыцѣ и монастырємъ, кормомъ и дары».

Въ эти расходы, нѣтъ сомнѣнія, и Новгородскій владыка долженъ былъ вкладывать свою долю, сообразную съ занимаемымъ имъ положеніемъ. Онъ обязанъ былъ отводить свои подворья для помѣщенія митрополита и его людей ¹⁾. Его пиры естественно должны были быть роскошнѣе, а дары богаче другихъ. Въ частности владыка лишался при подѣздахъ и тѣхъ пошлинъ, которыя въ обыкновенное время шли въ его пользу съ церковнаго суда: ибо съ пріѣздомъ митрополита въ Новгородъ судъ переходилъ въ его руки, а въ древности господствовало правило, что чей судъ, того и пошлины. Но независимо отъ участія въ общихъ расходахъ духовенства по приѣму митрополита въ Новгородѣ, владыка несъ еще особенныя тягости, вытекавшія изъ его обязанности являться въ Москву по первому требованію. Уже путешествіе владыки на ставленіе не обходилось для него безъ большихъ затратъ, шедшихъ частію на покрытіе расходовъ по посвященію, частію же на пошлины и поминки въ пользу митрополита, великаго князя и ихъ дворовъ; затраты эти были тѣмъ чувствительнѣе, что ставленныя пошлины имѣли тенденцію къ постоянному возрожденію. Дѣло дошло до того, что къ концу своего независимаго существованія Новгородцы принуждены были включить въ одинъ изъ своихъ договоровъ съ Москвою статью, возбранявшую увеличеніе размѣра ставленныхъ пошлинъ ²⁾. Подобно ставленью, и всякія другія поѣздки къ митрополиту по дѣламъ необходимо требовали отъ владыки большихъ расходовъ частію на путевыя издержки, частію же на представленіе обычныхъ въ то время поминокъ. Къ тому же, не пужпо опускать изъ виду, что на владыку же должны были падать и всѣ протори, которыя были сопряжены съ призваніемъ его въ митрополию. Митрополичьи слуги производили позывы Новгородскаго владыки въ Москву, безъ сомнѣнія, не безвозмездно.

Матеріальное отягощеніе, вытекавшее изъ подчиненія Московской митрополии, не могло не вызывать въ новгородскомъ духовенствѣ и

¹⁾ А. А. Э., I, 184, № 205, 1545 г.: «прислалъ князь великій грамоту, что пожаловалъ архіепископа.... со всѣхъ его служилыхъ людей дворовъ, которые живутъ въ Чюдинцовѣ улицѣ... имати съ двора по человѣку не велѣлъ». А такъ какъ извѣстно, что митрополитъ въ Новгородѣ жилъ на Чюдинцовѣ улицѣ, то позволительно думать, что ему отводились именно эти дворы владычныхъ служилыхъ людей».

²⁾ А. А. Э., I, 99, № 91, 1471 г.: «А пошлины вамъ великимъ княземъ и вашему отцу митрополиту отъ владыки имати по старявѣ, а лишнего не прибавляти».

особенно въ его представителѣ стремленій, если не къ порванію всякой церковной связи съ Москвою, то по крайней мѣрѣ къ ограниченію роли Московскихъ митрополитовъ однимъ посвященіемъ Новгородскихъ владыкъ. Въ новгородской исторіи XIV вѣка мы дѣйствительно встрѣчаемся съ страннымъ на первый взглядъ, но тѣмъ не менѣе настойчивымъ желаніемъ Новгородскихъ владыкъ усвоить и удержать за собою нѣкоторыя вышнія отличія. Нельзя думать, чтобы послѣдніи имѣли цѣну для Новгородскихъ владыкъ сами по себѣ; гораздо естественнѣе полагать, что за желаніемъ усвоить эти отличія, выдѣльившія Новгородскихъ владыкъ изъ ряда другихъ Русскихъ епископовъ вышше, скрывалось болѣе существенное стремленіе найти въ нихъ точку опоры для дѣйствительнаго выдѣленія Новгородской епархіи изъ общаго состава Русской церкви. Первое по времени мѣсто между этими отличіями занимаетъ бѣлый клобукъ. Бѣлый клобукъ не составлялъ исключительной принадлежности одного Великаго Новгорода, — онъ встрѣчался и въ другихъ епархіяхъ: но вездѣ усвоеніе его служило признакомъ существованія у епархіальнаго владыки стремленій къ мѣстной церковной самобытности. Достаточно напомнить только, что Владимірскій епископъ Феодорецъ, старавшійся образовать изъ своей епархіи отдѣльную митрополию, называется брашно: бѣлый клобучокъ ¹⁾. Трудно сказать положительно, когда именно явился у Новгородскихъ владыкъ обычай носить бѣлый клобукъ. По этому предмету существуютъ два различныя мнѣнія, но къ сожалѣнію оба одинаково не основательныя. Одно изъ нихъ утверждаетъ, что впервые пошеле бѣлаго клобука въ Новгородѣ было усвоено владыкою Василиемъ, занимавшимъ новгородскую кафедру въ первой половинѣ XIV вѣка. Но повѣсть, на которой основывается это мнѣніе, представляетъ не болѣе, какъ попытку позднѣйшаго времени объяснить ставшее уже тогда загадочнымъ появленіе въ Новгородѣ бѣлаго клобука. Она до того проникнута баснословнымъ элементомъ, что хотѣе было бы искать въ ней какого-либо зерна истины ²⁾. Другое мнѣніе напротивъ полагаетъ, что первымъ епископомъ, начавшимъ носить въ Новгородѣ бѣлый клобукъ, былъ Илья, владычествовавшій въ половинѣ XII вѣка. Мнѣ-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 12, 1169 г.: «изгна Богъ и св. Богородица... пронырливаго врага Феодора, бѣлаго клобучка, отъ св. Богородицы и отъ всея земля Ростовьскыя».

²⁾ Пам. Ст. Русск. Лит., I, 288—298. Ср. также П. С. Р. Л., III, 140, 1424 г. и 225, 1335 г.

ніе это опирается на приговоръ отцовъ собора 1564 года, утверждающій, что бѣлый клобукъ былъ носимъ не только Новгородскимъ владыкою Илѣей, но одинаково Ростовскими епископами и даже первыми Московскими митрополитами. Къ счастью однако, высказавъ свое положеніе, отцы собора сами же наивно сознаются, что исторіи они учились у иконописцевъ ¹⁾. Но если уже другой соборъ, бывшій въ 1667 году, находилъ, что иконописцы пишутъ митрополитовъ Петра и Алексѣя въ бѣлыхъ клобукахъ неправильно ²⁾, то какъ можемъ мы придавать какое-либо значеніе писаніямъ иконописцевъ? Какъ бы однако ни было, ношеніе бѣлаго клобука утвердилось прочно въ Великомъ Новгородѣ и было призвано великими князьями и митрополитами, между тѣмъ какъ въ другихъ краяхъ древней Руси это внѣшнее отличіе не удержалось. Исключительную особенность сана Новгородскаго владыки оно составляло впрочемъ, только до половины XVI столѣтія, когда особеннымъ церковнымъ актомъ право носить бѣлый клобукъ было распространено на верховнаго главу Русской церкви ³⁾.

Менѣе счастливы были Новгородскіе владыки въ удержаніи за собой другаго отличія, выдвигавшаго ихъ изъ ряду прочихъ епископовъ, а именно кресчатыхъ ризъ, представлявшихъ въ сравненіи съ обыкновенною епископскою фелонью ту особенность, что онѣ носили на себѣ четыре креста. Поводомъ къ появленію въ Новгородѣ этого отличія послужило слѣдующее обстоятельство: Читая большое личное

¹⁾ А. И., I, 332, № 173, 1564 г.: «прежніе Русскіе первопрестолницы, митрополиты и чудотворцы Петръ и Алексій и Иванъ архіеп. Новгородскій и Леонтій и Игнатій и Исаія Ростовскій чудотворцы, носили бѣлые клобуки и тому бы отцу нашему в боголюбцу митрополиту... носить бы ему бѣлый клобукъ съ рясами, потому что прежніе Русскіе первопрестолницы и чудотворцы, Петръ и Алексій митрополиты, писаны на образахъ въ бѣлыхъ клобукахъ, да и Ивана арх. Новгородскаго, и Леонтія и Исаія и Игнатія Ростовскихъ чудотворцовъ, пишутъ въ бѣлыхъ клобукахъ».

²⁾ Карамзинъ, Ист. Гос. Рос., IV, прим. 360 г.; «Чего ради иконописцы пишутъ св. Петра, Алексія, Іону, Московскихъ чудотворцевъ, въ бѣлыхъ клобукахъ неправедно, зане они клобуки бѣлыя не носилъ».

³⁾ А. И. I, 513, № 280, 1471 г.: «я били есте челомъ о томъ, чтобы тебѣ, нареченному на владычество, пріѣхати безъ опасы, да в бояромъ Новгородскимъ, а тебѣ бы поставлену быти на архіепископство В. Новгороду и Пскову, и въ бѣломъ клобуцѣ... И господинъ нашъ и сынъ князь великий... опасъ даль... пріѣхати тебѣ священноиному Феодану черныцемъ, а отъѣхати поставлену на архіепископство и въ бѣломъ клобуцѣ». А. И. I, 332—333, 1564 г.

расположеніе къ Владимірскому епископу Алексѣю и желая по всей вѣроятности предназначить его въ свои преемники по первопрестольной кафедрѣ, митрополитъ Θεογνοσть пожаловалъ ему, какъ знакъ особеннаго отличія, право носить кресчатыя ризы. Но жалуя одного, митрополитъ естественно открывалъ тѣмъ самымъ и другимъ полнѣйшій просторъ добиваться того же пожалованія. На дѣлѣ оно такъ и случилось. Пользуясь благопріятностію минуты, Новгородскій владыка Василій не замедлилъ сейчасъ же предъявить свои притязанія на пожалованіе и ему права носить кресчатыя ризы, притязанія тѣмъ болѣе вѣскія, что Новгородскій владыка былъ послѣ митрополита старѣйшимъ изъ Русскихъ епископовъ. Поставленный этимъ искательствомъ въ затрудненіе, Θεογνοσть, кажется, на первое время счелъ болѣе благоразумнымъ уступить и позволилъ Василю носить кресчатыя ризы; но потомъ, воспользовавшись смертью послѣдняго, отказалъ Новгородскимъ владыкамъ въ этомъ правѣ, какъ данномъ имъ покойному только лично¹⁾. Но мы уже знаемъ истинный смыслъ, который скрывался за исканіемъ Новгородскими владыками внѣшнихъ отличій, и потому нимало не удивимся, что вмѣсто того, чтобы примириться съ своею судьбою, слѣдующій Новгородскій владыка Моисей сейчасъ же отиранилъ въ Константинополь жалобу на насиліе митрополита и этимъ путемъ успѣлъ таки добиться того, что пошеніе кресчатыхъ ризъ было за нимъ оставлено²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ для обезпеченія др. будущемъ своихъ правъ на пожалованіе отъ всякихъ случайностей, Новгородскому владыкѣ удалось выхлопотать въ Константинополь жалованную грамоту, позволявшую ему, при каждомъ недоразумѣніи, касавшемся этого предмета, обращаться прямо къ патріарху за разрѣшеніемъ, безъ всякаго посредства со стороны Московскаго митрополита. Какъ ясно изъ предыдущаго, жалованная грамота имѣла весьма тѣсный, опредѣленный смыслъ; но при существованіи у Новгородскихъ владыкъ

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 83, 1346 г.: «и тамъ (въ Москвѣ) митр. Θεογνοσть благослови архіеп: Новгородскаго Василя и да ему ризы хресчаты».

²⁾ П. С. Р. Л., III, 86, 1353 г.: «послыши послы свои... влад. Моиси въ Царскыи градъ къ царю и къ патріарху, прося отъ нихъ благословенія и исправленія о непотребныхъ вещехъ, приходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита». Тамъ же, III, 86, 1354 г. Acta Patriarch. Constant., I, 348, 1354 г.: «ἐπει δὲ διὰ τὴν πνευματικὴν ἀγάπην καὶ σπουδὴν, ἣν εἶχεν ὁ δηγῶδεις ἱερωτάτος ἀρχιερεὺς, κύρ Θεόγνοστος, εἰς τὸν ἐπίσκοπον ἐκεῖνον... ἔδωκεν ἐκεῖνον εἰς τὸ φελόνιον φέρειν σταυροὺς τέσσαρας, καὶ ἀπὸ ζητήσεως καὶ παρακλήσεως ἰδικῆς σου ἐποίησαμεν καὶ ἡμεῖς θεὸν ἐποίησαν εἰς σε, ὀφείλεις, ἵνα εὐχαριστῆς, καὶ οὐδεν παραξέλλῃς ἀπὸ τούτου».

стремленія къ самобытности, они естественно стали пользоваться ею какъ средствомъ не только для защиты своего пожалованія, но и для совершеннаго обхода власти Московскаго митрополита по всѣмъ дѣламъ. Вслѣдствіе того, патріархъ счелъ себя вынужденнымъ разъяснить еще владыкѣ Моисею, что право непосредственнаго спомненія съ Константинополемъ дано ему только по отношенію къ пожалованію, во всѣхъ же другихъ дѣлахъ онъ долженъ безусловно подчиняться митрополиту, являться къ нему по первому зову и въ случаѣ требованія, уступать ему мѣсто въ судѣ и расправѣ. Сношенія съ патріархомъ со стороны владыки допускались во всѣхъ этихъ случаяхъ не иначе, какъ по предварительномъ сообщеніи о томъ митрополиту ¹⁾. Но побуждаемый по всей вѣроятности Московскимъ митрополитомъ, патріархъ не удовольствовался и этимъ разъясненіемъ, а въ видахъ рѣшительнаго устраненія возможности какихъ-либо столкновеній между Москвою и Новгородомъ, запретилъ вовсе въ 1370 году, по смерти Моисея, поному Новгородскому епископу Алексѣю носить крестчатны ризы, опираясь на обстоятельство, что право на этотъ знакъ отличія было дано патріаршимъ соборомъ только владыкѣ Моисею лично, но отнюдь не сану Новгородскаго владыки ²⁾.

Неудача, встрѣченная Новгородскимъ владыкой въ самомъ началѣ своихъ стремленій къ независимости, оказала на Великій Новгородъ совершенно противоположное ожидаемому дѣйствию. Вмѣсто того чтобы остановить дальнѣйшія притязанія, она какъ бы разбудила дремавшія силы Новгородцевъ и заставила свѣтскую власть взять дѣло церкви въ свои собственныя руки. Оно и понятно. Какъ мы уже замѣтили, зависимость Новгородской церкви отъ митрополита была обременительна не для одного только новгородскаго духовенства, но оди-

¹⁾ Acta Patr. Const., I, 348—349, 1354 г.: «εἰν δὲ ἴσως ἐνι τισὶ λόγος χάριν τοῦ ἔργου ἐποίησαμεν εἰς σε διὰ τοῦς σταυροῦς, ὡς δεδήληται, περὶ ταύτης καὶ μόνως τῆς ὑποθέσεως ἀναφέρης εἰς τὴν ἡμῶν μετριότητα, ὡς ἂν διαπράξῃται αὐτῇ, ὅσον ἂν θαχρίνοι περὶ τούτου. πλὴν εἰς τοῦτο καὶ μόνον τὸ κεφάλαιον δίδομεν τοῦτο, εἰς δὲ πᾶσαν ἄλλην ὑπόθεσιν, εἴτε δῆτα προσκαλεῖται σε εἰς ἑαυτὸν ὁ μητροπολίτης σου, εἴτε εἰς ἄλλο τι ἵνα ὑπάκεισθα: εἰς τὴν ὑποταγὴν καὶ διάκρισιν αὐτοῦ... ἐπεὶ δε καὶ τοῦ το παρακελεύονται οἱ ἱεροὶ κανόνες, ὥστε, ὁπόταν σου γένηται ἀναγκαία χρεια γράφειν καὶ ἀναφέρειν εἰς τὴν ἡμοῦ μετριότητα, πρῶτον ἵνα διδῶς εἰδῆσιν εἰς τὸν μητροπολίτην σου».

²⁾ Acta Patr. Const., I, 522, 1370 г.: «γινώσκει, ὅτι ὁ πρὸ σου ἐπίσκοπος Νοβογροδίου ἔλαβε... τὴν, ἵνα ψορῇ εἰς τὸ φελώνιον αὐτοῦ σταυροῦς τέσσαρας, τοῦτο δε εἶδωκεν ἡ θεία σύνοδος πρὸς ἐκεῖνον μόνον, οὐχ ἵνα εἴη τοῦτο πᾶς ἐπίσκοπος Νοβογροδίου».

наково и для всего Великаго Новгорода. Стремясь къ утверженію своей политической самобытности, Новгородцы не могли обойтись безъ религіознаго освященія своихъ стремленій, безъ благословенія св. Софіи, а слѣдовательно, и безъ содѣйствія своей церковной власти; но эта церковная власть была совершенно связана въ своихъ дѣйствіяхъ подчиненіемъ верховной власти митрополита, виды котораго далеко не всегда совпадали съ желаніями Новгородцевъ. Какъ глава всей Русской церкви, митрополитъ естественнo не могъ быть приверженцемъ мѣстныхъ обособленій; напротивъ, собственные интересы побуждали его держать какъ можно выше знамя единства всей Русской земли и для этой цѣли содѣйствовать политическому преобладанію того города, который служилъ въ каждое данное время и его первопрестольною кафедрой. Въ отношеніи Новгорода такой характеръ вмѣшательства митрополита усвоило себѣ уже очень рано и затѣмъ сохранило вплоть до конца его самобытнаго существованія. Такъ еще въ 1134 году митрополитъ, удерживая Новгородцевъ, очевидно въ интересахъ тогдашняго Кіевского князя, отъ похода на Суздаль, грозилъ имъ своимъ неблагословеніемъ и тѣмъ, что его „Богъ послушаетъ“¹⁾. Подобнымъ образомъ, въ 1270 году Ярославъ Ярославичъ успѣлъ сохранить за собою Новгородскій столъ также благодаря внушеніямъ митрополита, который принялъ на себя даже ручательство предъ Новгородцами въ прекращеніи къ нимъ всякой враждебности со стороны изгнаннаго было ими князя²⁾. При всѣхъ такихъ вмѣшательствахъ митрополитъ безъ сомнѣнія могъ и прямо обращаться къ самому Великому Новгороду; но естественнo, онъ предпочиталъ оказывать свое давленіе преимущественно на новгородское духовенство и его главу, чтобы затѣмъ тѣ уже отъ себя начали и обучали своихъ духовныхъ дѣтей. Конечно, Новгородскій владыка могъ не принять во вниманіе внушеній главы церкви и дѣйствовать согласно съ интересами своихъ согражданъ; но въ такомъ случаѣ за свою политическую дѣятельность онъ легко могъ подвергнуться церковной отвѣтственности предъ митрополитомъ. Примѣры такого церковнаго наказанія Новгородскихъ владыкъ случались перѣдко, особенно въ

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 6, 1134 г.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 62, 1270 г.: «и присла митрополитъ грамоту въ Новгородъ и река тако: мнѣ поручилъ Богъ архієпископію въ Русьской земли, вамъ слушати Бога и мене, вѣрви не проливайте, а Ярославъ всеи злобы лишается, а за то язъ поручаюся; аще будете и вѣреть дѣловали, язъ за то приму општемію»

позднѣйшей новгородской исторіи; но мы ограничились главнѣйшимъ изъ нихъ. Въ началѣ XV столѣтія владыка Иванъ былъ призванъ митрополитомъ въ Москву и задержанъ тамъ на цѣлые три года. Предлогомъ къ этому задержанію были составлены какія-то святительскія дѣла; но очевидно, что истинною причиною церковнаго заключенія послужило благословеніе, данное Новгородскимъ владыкою своимъ дѣтямъ Новгородцамъ на борьбу съ великимъ княземъ и на возвращеніе захваченныхъ послѣднимъ Новгородскихъ областей ¹⁾).

Освобожденія своего владыки отъ подчиненія власти митрополита Великій Новгородъ пытался добиться двумя путями. Первоначально онъ предполагалъ достигнуть этой цѣли одними собственными средствами. Такое предположеніе казалось тѣмъ болѣе основательнымъ, что въ послѣдней четверти XIV столѣтія въ самой митрополіи обнаружилось сильное нестроеніе, какъ бы приглашавшее Новгородцевъ къ энергическому вмѣшательству въ дѣла церкви и ручавшееся имъ почти за вѣрный успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому какъ въ Новгородѣ, благодаря перемѣнамъ въ народномъ расположеніи, бывало иногда по нѣскольку владыкъ, такъ точно къ концу XIV столѣтія и въ Москвѣ появились три митрополита, Діонисій, Пимень и Кипріанъ, которые оснаживали другъ у друга право на митрополичій престолъ. Споры эти не только могли окрылить надежды Новгородцевъ, но и какъ бы давали въ ихъ руки нравственное оправданіе ихъ притязаній на церковную независимость, — и мы дѣйствительно знаемъ, что впоследствии они оправдывали свои поступки предъ Константинопольскимъ патріархомъ именно тѣмъ соблазномъ, который имѣлъ мѣсто въ Русской церкви во времена митрополита Пимена ²⁾. Въ виду этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, Новгородцы легко пришли къ единодушному соглашенію и на вѣчѣ 1384 года положили, чтобы не только не ходить по церковнымъ дѣламъ на расправу къ митрополиту въ Москву, но даже не давать ему мѣсячнаго суда и въ самомъ Новгородѣ, а чтобы всѣ церковныя дѣла вѣдалъ на основаніи помоканона окончательно самъ Новгородскій владыка ³⁾. И вотъ, ко-

¹⁾ Н. С. Р. Л., III, 101, 1401 г.: «Поѣха владыка Іованъ къ митрополиту Кипріану на Москву, позванъ отъ него о святительскихъ дѣлахъ... и митрополитъ владыку пріялъ». Тамъ же, III, 102, 1404 г.: «пріѣха въ Новгородъ владыка Іованъ... бывъ на Москвѣ 3 года и 4 мѣсяцы у митрополита Кипріана»...

²⁾ Acta Patr. Const., II, 181—182, 1393 г.

³⁾ Н. С. Р. Л., IV, 91, 1384 г.: «чѣловаша Новгородци крестъ на томъ, не

гда митрополитъ Пимень, отправляясь по своимъ дѣламъ въ Царьградъ, завернулъ въ Новгородъ, чтобы по всей вѣроятности запастись тамъ для дальняго и дорогаго пути необходимыми средствами, Новгородцы на-отрѣвъ отказали ему въ мѣсячномъ судѣ, а слѣдовательно, и въ сязанныхъ съ нимъ митрополичьихъ пошлинахъ и Пимену противъ ожиданія пришлось уѣхать ни съ чѣмъ ¹⁾). Дѣло такимъ образомъ вначалѣ пошло гладко, но затрудненія тотчасъ же не замедлили обнаружиться, какъ скоро „соблазнилъ“ въ митрополіи совершенно улегся. Восторжествовавъ надъ своими соперниками, митрополитъ Кипріанъ немедленно же сталъ энергически настаивать на возвращеніе ему Новгородомъ старыхъ правъ главы церкви. Новгородцы однако и тутъ держались весьма твердо. Они отнеслись довольно равнодушно къ грамотѣ, присланной въ 1390 году безъ сомнѣнія по внушенію Московскаго митрополита изъ Константинополя и требовавшей восстановленія митрополичьихъ правъ, не смотря на то, что она была подписана патріархомъ Антоніемъ и цѣлымъ рядомъ другихъ восточныхъ митрополитовъ ²⁾). Они не тронулись нисколько даже и тогда, когда въ 1391 году съ требованіемъ мѣсячнаго суда къ нимъ явился митрополитъ самъ лично. При встрѣчѣ Новгородцы оказали главѣ Русской церкви обычный почетъ, но на счетъ суда говорили, что все они до одного цѣловали крестъ не судиться у митрополита, написали объ этомъ грамоту и такимъ образомъ наложили на себя клятву. Пѣтъ сомнѣнія, препятствіе выставленное нами, не принадлежало къ числу непреборимыхъ, и митрополитъ легко устранилъ его, указавъ на свои права, какъ главы церкви, уничтожать грамоты и снимать клятвы. Но Новгородцы тѣмъ не менѣе твердо держались за него, какъ за единственный якорь спасенія, и митрополитъ, уѣзжая въ разладѣ изъ Новгорода, принужденъ былъ наложить на него отлученіе ³⁾).

зватся къ митрополиту на Москву на судъ, но судити владыкъ Алексію по манакауну... Ср. тамъ же, IV, 92, 1385 г.

¹⁾ П. С. Р. Д., V, 239, 385 г.: «Пимень митрополитъ поиде ко Царюграду на Новгородъ, и Новгородци митрополиту не дали мѣсяца судити въ Новгородѣ».

²⁾ П. С. Р. Д., V, 244, 1390 г.: «приде грамота отъ патріарха къ Новгороду Великому, по митрополичю слову, о судѣ, подисью патріаршею рукою Антоніевою Поваго Рима; имѣеть же и самая грамота и митрополичи руки»...

³⁾ П. С. Р. Д., V, 244—245, 1391 г.: «Кипріанъ митрополитъ поиде въ Новгородъ Великій, и съ нимъ владыка Резаньскыи... И нача митрополитъ просити у Новгородца суда, своего мѣсяца, и Новгородци отвѣщана единымъ усты:

Есть основаніе предполагать, что отлученіе, наложенное на Новгородцевъ за ихъ отказъ подчиниться требованіямъ митрополита, застало ихъ не въ расилохъ, что они были приготовлены къ нему заранѣе. По крайней мѣрѣ весь дальнѣйшій образъ ихъ дѣйствій свидѣтельствуетъ о твердой рѣшимости не уступать не только митрополиту, но даже патріарху, на разборъ котораго, какъ послѣдней церковной инстанціи, они сами же, кажется, и поспѣшили перенести свою тяжбу съ митрополитомъ. Не соглашались признать законность наложеннаго на нихъ Кипріяномъ отлученія, Новгородцы спрядили именно въ 1392 году посольство изъ Кирилла (?) Созонова и Василья Щечкина, снабдили ихъ грамотами къ патріарху и особенною инструкціей и немедленно же отправили въ Константинополь ¹⁾. Грамоты, составленныя Новгородцами, не заключали въ себѣ ничего особеннаго; по крайпей мѣрѣ патріархъ, заранѣе предувѣдомленный о ходѣ тяжбы митрополичьимъ посломъ Дмитріемъ Аѳинскимъ, не нашелъ въ нихъ для себя ничего поваго. Но въ инструкціи пословъ заключалось нѣчто совсѣмъ выходившее изъ ряда обыкновеннаго. Правда, на соборѣ, который патріархъ считалъ со своей стороны необходимымъ собрать для разбора, новгородскіе послы Кириллъ съ товарищами большею частію только повторяли уже извѣстныя намъ притязанія, говорили, что Великій Новгородъ не хочетъ судиться у митрополита, не желаетъ, чтобы его епископъ отправлялся въ Москву по всякому требованію митрополита, чтобы пріѣзжая въ Новгородъ, митрополитъ судилъ тамъ мѣсяць или чтобы присылалъ туда для суда своихъ людей, въ случаѣ еслибы кто-либо изъ Новгородцевъ обратился къ нему съ жалобой. Но аргументъ, которымъ новгородскіе послы старались поддержать свои требованія, былъ—нельзя не сознаться—довольно неожиданный и любопытный. Кириллъ Созоновъ и Василій Щечкинъ грозили именно, что въ случаѣ отказа на ихъ настоятельную просьбу, Новгородцы перейдутъ въ латинство ²⁾. Нѣтъ

цѣловали семя крестъ съ одного и грамоты написали и попечатали, и душу запечатали. И рече имъ митрополитъ: цѣлованье съ васъ снимаю, у грамотъ печати порву, а васъ благословляю и прощаю; а мнѣ судъ дайте, какъ было при иныхъ митрополитѣхъ. И Новгородци того не сотвориша...

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 99, 1392 г.: «посылаша Новгородцы въ Царьградъ послы къ патріарху Антонію о благословеніи, Кюра Сазонова и Василія Щечкина; и оны имъ тако рекъ: повинуйтесе митрополиту русскому».

²⁾ Acta Patr. Const., II, 178: «αὐτὸν δὲ... ἤλλθεν ἐνταῦθα ἀποκριτῆριος παρ ὁμῶν ὁ Κυρίλλος καὶ ἄλλοι μετ' αὐτοῦ ἄνθρωποι, καὶ ἔφερον γράμματα ὁμῶν εἰς τὴν ἡμῶν

основанія думать, что эта угроза имѣла въ ихъ устахъ какое-либо серьезное значеніе; гораздо скорѣе, она служила только средствомъ запугать нѣскольکو патриарха и тѣмъ принудить его быть уступчивѣе. Новгородцы, кажется, не мало рассчитывали на силу этой угрозы; но противъ ихъ ожиданій, она оказала на патриарха совершенно противоположное дѣйствіе. Желаніе Новгородцевъ освободиться отъ власти Московскаго митрополита являлось въ глазахъ патриарха не болѣе, какъ только нарушеніемъ церковнаго устава; угроза же перехода въ латинство просто его возмущала. „Развѣ прилично“, писалъ онъ въ отвѣтъ Новгородцамъ,—„христіанамъ, согрѣшающимъ и получающимъ поученіе къ исправленію, говорить, что они отступятся отъ своей вѣры?“ Движимый предполагаемою опасностью, вытекавшею изъ заявленнаго намѣренія Новгородцевъ, патриархъ далъ понять посланцѣ, что отлученіе, произнесенное Московскимъ митрополитомъ, совершенно справедливо и согласно съ каноническими законами, и что для снятія его Новгородцамъ предстоитъ только одинъ путь безусловнаго подчиненія всѣмъ требованіямъ митрополита ¹⁾.

Какъ мы уже говорили, главною причиною ревностнаго вмѣшательства Новгородцевъ въ церковныя дѣла было то, что церковный вопросъ имѣлъ тамъ политическое значеніе, что пріобрѣтеніе церковной самобытности развязывало руки Новгородскому епископу для свободнаго дѣйствія въ политической области, которой онъ не могъ оставаться чуждымъ вслѣдствіе тѣсной связи церкви съ остальною жизнью Великаго Новгорода. Но съ другой стороны, и для Москвы этотъ вопросъ имѣлъ также не одно церковное значеніе. Если уже великіе князья Московскіе считали несогласными со своими интересами даже попытки Псковичей къ самостоятельному устройству ихъ церковныхъ дѣлъ, то тѣмъ менѣе могли они относиться благосклонно

μετρίότητα... καὶ ἰδόντες αὐτὰ καὶ ἀναγνώσαντες συνοδικῶς, οὐδὲν ἄλλο εὐγομέν, εἰ μὴ ὁ ἤκούσαμεν ἀπὸ τοῦ κυροῦ Δημητρίου (посла Московскаго митрополита см. стр. 177), ἐποίησαμεν δὲ σύνοδον περὶ τούτου... ἐπὶ πάσῃ δὲ συνόδῳ ἦν καὶ ὁ Κύριλλος μετὰ τῶν λοιπῶν ἀνθρώπων αὐτοῦ, καὶ πάλιν ἐξετάσαντες τὸν Κύριλλον, εἴ τι ἔχει πλέον εἰπεῖν, οὐδὲν ἄλλο εὐρομεν αὐτὸν λέγοντα, εἰ μὴ ὅτι οὐδὲν θέλομεν ἵνα κρινόμεθα εἰς τὸν μητροπολίτην, ἀμὴ ὅταν μηνύσῃ τὸν ἐπίσκοπον μας, νὰ ὑπάγῃ, καὶ ὅταν ἔλθῃ ὁ μητροπολίτης εἰς τὸ Μέγα Νουγράτιον, νὰ κρίνῃ ἕνα μῆνα, καὶ ὅταν ἐγκαλέσῃ κἄν εἰς, νὰ πέμπῃ ἀνθρώπων τοῦ ὁ μητροπολίτης, νὰ τὸν κρίνῃ καὶ ὅτι οὕτως τὸν ὄρκον ἡμῶν δυνάμεθα καταλῦσαι, ἐν μᾶς συγχωρήσῃτε, ἵνα ἔχωμεν ταῦτα· ζητοῦμεν δὲ καὶ εὐλογίαν ἀπὸ σοῦ... καὶ ὅτι ἐν οὐδὲν μας εὐλογήσῃτε, θέλομεν γένεσθαι λατίνοισι.

¹⁾ Acta Patr. Const., II, 178—179.

жъ стремленіямъ Новгородцевъ, церковное обособленіе которыхъ было гораздо опаснѣе, такъ какъ съ его утвержденіемъ для Москвы терялся одинъ изъ важнѣйшихъ путей къ вліянію на ходъ дѣлъ въ Великомъ Новгородѣ. Повятно поэтому, что когда всѣ церковныя средства оказались безсильными, когда на Новгородцевъ не подѣйствовали ни отлученіе митрополита, ни увѣщаніе патриарха, изъ Москвы послѣдовало вмѣшательство въ эту распрю со стороны свѣтской власти. Московскіе послы явились въ 1393 году въ Новгородъ и отъ лица великаго князя вмѣстѣ съ чернымъ боромъ потребовали и отсылки грамоты о церковномъ судѣ къ митрополиту, а въ вознагражденіе за покорность обѣщали снятіе послѣднимъ наложеннаго на нихъ запрещенія. Новгородцы однако оказали очень мало расположенія къ этимъ предложеніямъ, и потому дѣло вскорѣ дошло до суда Божія ¹⁾. Великій Новгородъ пробовалъ было отражать силу силою; но когда войска великаго князя, занявъ Торжокъ, стали опустошать новгородскія волости, онъ благоразумно предпочелъ быть уступчивѣе и согласился удовлетворить не только всѣмъ требованіямъ великаго князя и митрополита, но и заплатить имъ еще за снятіе отлученія 350 рублей, сумму, быть можетъ, соотвѣтствовавшую той недоимкѣ, которая накопилась на Новгородцахъ со времени отнятія правъ у митрополита ²⁾. Не смотря однако на это изъявленіе покорности, Московскій митрополитъ не исполнилъ, кажется, довѣрія искренности Новгородцевъ. Но крайней мѣрѣ, когда Кипріанъ захотѣлъ на практикѣ воспользоваться возвращенными ему правами, то отправился въ 1395 году въ Новгородъ не одинъ, а въ сопровожденіи патриаршаго посла, Внелесмскаго владыки Михаила, имѣвшаго отъ патриарха спеціальное порученіе примирить Новгородцевъ съ митрополитомъ ³⁾. Но на этотъ разъ присутствіе патриаршаго посла оказалось совер-

¹⁾ П. С. Р. Л., V, 245, 1393 г.: «Великій князь... присла въ Новгородъ... о черномъ бору и о грамотѣ, что дѣловали Новгородцы...» и вы къ митрополиту ту грамоту отъшлите, а дѣлованье митрополитъ съ васъ соиметь». Новгородцы же того не послушаша и въ томъ ся учинило розмирие».

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 100, 1393 г.: «а полъчетвертаста рублей дана князю и митрополиту, что благослови владыку Ивана и весь Новгородъ.» О платѣ въ долги Новгородскихъ пословъ см. тамъ-же, IV, 100, 1394 г.

³⁾ П. С. Р. Л., III, 97, 1394 г.: «приде изъ Царяграда... Внелесмскій владыка Михаилъ, а привелъ Новугороду двѣ грамоты о поученіи христіаномъ». Acta Patr. Const., II, 186, 1393 г.: «διὰ τοῦτο γὰρ... τοὺς παρόντας ἀποκριταρίους εἰς ὄρα; ἐπέμφθησαν... ἵνα ἔλθωσι καὶ ἴδωσιν ὄρα;... καὶ εἰρηγέσωσι καὶ καταλλάξωσι μετὰ τοῦ μητροπολίτου».

шенно излишнимъ: Новгородцы нимало не противились отправленію митрополитомъ мѣсячнаго суда, приняли и митрополита, и посла съ честью, и потому прежніе враги по крайней мѣрѣ по видимому теперь разстались друзьями ¹⁾.

Вмѣсто завѣтной цѣли, стремленіе къ освобожденію отъ церковнаго подчиненія Москвѣ, характеризующее новгородскую церковную исторію XIV вѣка, привело чуть ли не къ противоположному результату. Правда, исходъ борьбы по видимому только возвращалъ Новгородскую церковь въ ея прежнее положеніе; но въ дѣйствительности возвращеніе совершилось не безъ нѣкотораго усиленія власти Московскаго митрополита. Вышательство послѣдняго въ дѣла Новгородской церкви сдѣлалось съ этихъ поръ гораздо энергичнѣе, и требованія Новгородскихъ владыкъ въ Москву гораздо чаще. Но съ такимъ результатомъ Новгородцы могли бы примириться развѣ только въ томъ случаѣ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ было бы сказано послѣднее слово и въ ихъ политической исторіи, когда они принуждены были бы отречься отъ всѣхъ стремленій къ проявленію своей самобытности гражданской. Но пока этого еще не было, Великому Новгороду трудно было оставить всѣ мечты объ утвержденіи своей церковной свободы, особенно когда сосѣднее Литовское государство какъ бы нарочно открывало къ достиженію этой цѣли торную дорогу. Надежды Новгородцевъ на счастливый исходъ ихъ первой попытки къ церковной самостоятельности основывались на замѣшательствѣ въ митрополіи, на появленіи съ-разу нѣсколькихъ митрополитовъ, принужденныхъ непрочностью своего положенія заботиться не столько о церкви, сколько о самихъ себѣ. Но съ начала XV столѣтія, благодаря стараніямъ Литвы, такое раздѣленіе стало не исключительнымъ, а нормальнымъ положеніемъ дѣль, на Руси явилось два постоянные митрополита, Московскій и Кіевскій, и этимъ путемъ для Новгородцевъ открылась возможность выбирать и добиваться уступокъ, такая же точно, какую они имѣли и по отношенію къ своимъ князьямъ. Выгоды, которыя вытекали для Новгородцевъ изъ раздвое-

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 97, 1395 г.: «Примде въ Новгородѣ митр. Кипріанъ съ патриаршимъ посломъ... и запроси суда и Новгородци суда ему не даша (читай: «и Новгородци судъ ему даша»), и онъ пребылъ весну всю въ Новгородѣ... и владимъ Иванъ далъ честь велику митрополиту и патриаршу послу; и митр. Кипріанъ, вдуци прочъ отъ Новагорода, благословилъ сына своего вл. Ивана и весь В. Новгородъ».

нія церкви на Руси, были несомнѣнны, но онѣ въ значительной долѣ ослаблялись тѣнью, наброшеною на дѣло основанія западной митрополіи Московскими святителями. Учрежденіе особенной митрополіи въ Кіевѣ было выставлено послѣдними именно какъ отступленіе отъ ископнаго обычая имѣть на всю Русь только одного митрополита ¹⁾. Затѣмъ и способъ избранія новаго митрополита они представляли не какъ законный церковный актъ, а какъ дѣло вопіющаго насилія мірской власти, совершенное прямо вопреки указаніямъ главы церкви ²⁾. Наконецъ, и самая личность новоизбраннаго митрополита не осталась свободною отъ разныхъ нареканій. Григорій Цамблакъ представлялся какъ церковный мятежникъ, еще равнѣе пытавшійся купить за деньги въ Константинополѣ званіе митрополита, но вмѣсто того за свои происки подвергшійся лишенію священства и даже проклятію ³⁾. Впечатлѣніе этихъ вышней усиливалось еще и тѣмъ, что въ видахъ предупрежденія дальнѣйшаго роста церковнаго раздвоенія, Московскіе митрополиты не только отлучили отъ церкви, какъ новоизбраннаго пастыря, такъ и избравшихъ его епископовъ, но и съ особенною настойчивостью стали съ тѣхъ поръ требовать отъ подчиненныхъ себѣ владыкъ клятвъ въ нежеланіи ими признавать другаго митрополита, кромѣ назначеннаго изъ Царьграда ⁴⁾. Нѣтъ сомнѣнія, возрѣніе Московскихъ пастырей на дѣло основанія Кіевской митрополіи, было не безызвѣстно и Новгородцамъ; а при такомъ условіи, трудно было бѣ ожидать, чтобы мысль объ утвержденіи церковной независимости при посредствѣ Литвы могла стать общимъ достоинствомъ всего Великаго Новгорода. Самое большее, на чтó они могли рассчитывать,—такъ это на успѣхъ въ извѣстномъ

¹⁾ А. И., I, 32, 1415—1419 г.: «И рцѣте ми вы, преступивши и древнюю пошлину и своего исповѣданія и обѣщанія... еже не примати иного митрополита, но токмо яже отъ Костантиннограда посылаемаго...

²⁾ П. С. Р. Д., IV, 116, 1417 г.: «также и тѣхъ епископъ его (Григоріевыхъ) собираща неподобнаго, яко осужденныхъ имѣемъ ихъ, яко же бо... вменующеся святители безъ разсужденія св. великаго патріарха, но отъ мірскаго начала святительство пріяша».

³⁾ А. И., I, 32, 1415—1419 г.: «Да и еще похвалялъ также митрополію прелеченный Григорыи, и порицая многа имѣнія; и не послушаша его, но и еще изъ сану священничества изверже его вселенской патріархъ и прокл...»

⁴⁾ А. И., I, 506—507, 1461 г.: «и ты бы, мой сынъ, по своему обѣщанію, какъ еси далъ мной обѣтъ... въ свое ставленіе... послѣ нахъ брата моего Іоны митрополита нынѣ тотъ же еси обѣтъ въ своихъ грамотахъ описалъ твердо...»

кружкѣ или извѣстной партіи, которая только развѣ въ исключительныхъ обстоятельствахъ могла получить въ обществѣ важное значіе.

Существованіе въ Великомъ Новгородѣ партіи, склонявшейся къ замѣнѣ власти Московскаго митрополита зависимоію отъ Кіевскаго, замѣчается уже въ первой половинѣ XV вѣка, только дѣятельность ея за это время обнаруживалась еще довольно слабо. Какъ на нѣкоторое проявленіе вліянія этой партіи, можно смотрѣть на тотъ фактъ, что владыка Евѣимій былъ поставленъ въ епископы не въ Москвѣ ¹⁾ а въ Смоленскѣ, Кіевскимъ митрополитомъ Герасимомъ. Фактъ этотъ не лишенъ важности, но ее не слѣдуетъ однако преувеличивать. Было много обстоятельствъ, которыми могли располагать къ поставленію въ Смоленскѣ не однихъ только приверженцевъ Литвы, но одинаково и всѣхъ Новгородцевъ вообще. Съ одной стороны, по смерти Фотія въ 1431 году, митрополичья кафедра въ Москвѣ сдѣлалась вакантною, и владыкѣ Евѣимію, избранному Новгородцами еще въ 1429 году, но не успѣвшему получить посвященія при жизни Фотія, быть можетъ вслѣдствіе временнаго отсутствія послѣдняго изъ Москвы, приходилось, еслибъ онъ не пожелалъ ставиться въ Смоленскѣ, остаться въ ущербъ интересамъ своей епархіи не посвященнымъ на весьма неопредѣленное время ²⁾. Съ другой стороны, хотя западный митрополитъ Герасимъ и не былъ признанъ въ своемъ званіи въ Москвѣ, тѣмъ не менѣе глазамъ Новгородцевъ онъ могъ представляться законнымъ главой Русской церкви, такъ какъ, по доходившимъ до нихъ слухамъ, онъ прибылъ изъ Царяграда, считалъ себя поставленнымъ на всю Русскую землю и не поѣхалъ изъ Смоленска въ Москву, будто бы только благодаря раздорамъ, которые происходили въ послѣдней ³⁾. Во всякомъ случаѣ, было бы крайне несправедливо думать, что ставленіе въ Смоленскѣ послужило для Евѣимія II основаніемъ для совершеннаго отрицанія имъ власти Московскаго митрополита ⁴⁾. Напротивъ, вопреки увѣренію г. Костома-

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 1434 г.: «пѣха на поставленіе Евѣиміи Новгородскіи къ митрополиту Герасиму въ Смоленско»...

²⁾ П. С. Р. Л., III, 110—111.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 208, 1434 г.: «Герасимъ владыка, въ осень, пріѣха изъ Царяграда, отъ патріарха поставленъ митрополитомъ на русскую землю; а пріѣха въ Смоленскъ, а на Москву не поѣха, занеже князи Рускіи воюются и сдвуются о князехъ Великіе Рускіе земли».

⁴⁾ Костомаровъ, Сав. Русск. Нар.-пр., II, 275.

рова, мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства того, что Евѣимій и не думалъ затрогивать церковныя права Московскаго митрополита. Такъ извѣстно, что по назначеніи въ Москву митрополита Исидора, Новгородскій владыка тотчасъ же отправился къ нему на благословеніе, и затѣмъ самъ Исидоръ посѣтилъ Новгородъ и Псковъ, сдѣлалъ въ послѣднемъ нѣкоторыя распоряженія по Новгородской епархіи ¹⁾. Точно также и въ отношеніи преемника Исидорова, митрополита Іоны, Евѣимій II не нарушалъ ни въ чемъ обычнаго церковнаго чиноподчиненія. Столкновенія съ Іоной если и случались, то они относились не къ церковной области, а къ политической. Такъ, когда князь Дмитрій Шемяка въ ссорѣ съ великимъ княземъ принужденъ былъ искать себѣ убѣжища въ Великомъ Новгородѣ, то митрополитъ, отлучивъ его отъ церкви, послалъ къ Новгородскому владыкѣ требованіе, чтобы ни самъ онъ, ни его дѣти Новгородцы не имѣли общенія съ Шемякой, какъ съ отлученнымъ. Конечною цѣлью этого требованія было удаленіе Шемяки изъ Новгорода, а такое дѣло владыкѣ Евѣимію было далеко не подъ силу и могло повести только къ ссорѣ его со своими согражданами. Понятно поэтому, что онъ предпочелъ остаться въ мирѣ съ послѣдними, а предъ митрополитомъ оправдывалъ свой образъ дѣйствія тѣмъ, что и прежде нерѣдко пріѣзжали въ Новгородъ Русскіе князья, встрѣчали тамъ радушный пріемъ, и однакоже Московскіе пастыри не присылали въ подобныхъ случаяхъ никакихъ запретительныхъ грамотъ ²⁾. Но не смотря на смягчающія обстоятельства, Евѣимій такъ тяготился своимъ недоразумѣніемъ съ митрополитомъ, что предъ смертью считалъ долгомъ отправить къ нему прощальную грамоту. Въ отвѣтъ на эту грамоту митрополитъ хотя и прислалъ на случай обычное отпущеніе, тѣмъ не менѣе настаивалъ, чтобы въ случаѣ поправленія Евѣимій самъ пріѣхалъ въ Москву или по крайней мѣрѣ принесъ особенное покаяніе въ томъ, что вопреки запрещенію имѣлъ общеніе, велъ дружбу и хлѣбъ-соль съ тѣмъ лицомъ, которое было отлучено отъ церкви ³⁾.

¹⁾ П. С. Р. Д., III, 112, 1437 г.: «владыка Евѣимій благослови крестомъ на вѣчѣ... весь Великій Новгородъ... и поѣха на Москву къ митрополиту Исидору». Тамъ же, IV, 210, 1438 г.

²⁾ А. А. Ф., I, 465, 1452 г.: «А что ми, сыну, пишешь въ своей же грамотѣ, что прже того Русскіе князи пріѣзжали въ домъ св. Софїи въ Великій Новгородъ, и честь имъ въздана по силѣ, а прже митрополиты такихъ грамотъ съ тягостію не посылавали...»

³⁾ А. Н., I, 501, 1458 г.: «По о томъ тебѣ, сыну, вналѣ въспоминемъ, что

Какъ мы уже замѣтили, обыкновенное время, чуждое важныхъ потрясеній, давало мало простору для дѣятельности приверженцевъ Литвы. Чтобы дѣйствовать рѣшительно, они должны были дожидаться критическихъ обстоятельствъ. Такія обстоятельства наступили, когда начала грозить опасность войны съ Иваномъ III, когда зашла рѣчь о томъ—быть или не быть Великому Новгороду. Хорошо понимая, что въ борьбѣ съ князьями Восточной Руси церковная связь Новгорода всегда будетъ служить одною изъ главнѣйшихъ причинъ неудачи, литовская партія не замедлила выставить церковное соединеніе съ Литвою такимъ же необходимымъ дѣйствіемъ для спасенія новгородской самобытности, какъ и союзъ политическій. А тутъ какъ разъ случилась смерть Новгородскаго владыки Іоны и поставила церковный вопросъ ребромъ. Чтобы при случаѣ стать вполне властелиномъ хода дѣлъ, литовская партія поспѣшила выставить отъ себя кандидатомъ на владычную кафедру Пимена, ключника умершаго епископа, человѣка энергичнаго и не боявшагося нарушенія старины для достиженія своихъ цѣлей, и всѣми силами старалась склонить выборъ на его сторону. Но не смотря на то, что ключника поддерживала могущественная фамилія Борецкихъ, не смотря на то, что располагая владычною казною, онъ свободно пользовался ею и выдавалъ изъ нея деньги въ руки Марѣи Борецкой для привлеченія на свою сторону Новгородцевъ; не смотря на оба эти обстоятельства, литовской партіи все-таки не удалось добиться у Новгородцевъ единогласнаго избранія Пимена, а пришлось предоставить рѣшеніе вопроса о личности владыки жеребью ¹⁾. Результатъ же жеребьеванія оказался совсѣмъ не въ ея пользу: выборъ св. Софія палъ не на Пимена, а на Теофила, человѣка отличавшагося совершенно противоположными качествами, склонностью къ старинѣ и приверженностью къ тѣсной связи съ Москвою ²⁾. Такой исходъ

еся себѣ какъ запросто поставилъ былъ: кто отъ нашего смиренія, за свое преступленіе, отлученъ былъ и неблагословенъ, и вы того у себе держали, и съ нимъ пріятельство имѣли, и въ яденія и въ питія съ нимъ есте съвкушались, и благословеніе свое на немъ имѣли...»

¹⁾ П. С. Р. Д., VI, 5, 1471 г.: «Съ нею же о сихъ мысли и думая... чернецъ Пуминъ, еже бысть старого владыки ключникъ, и томъ лукавыи втай шепча съ нею на все зло помогаше ей, и симъ желаше настолованья государя своего владычества въ Новгородъ, по животъ его, еже татствомъ и казны его собѣ выносить... Тамъ же, VI, 6, 1471 г.: «И сей Пуминъ тако же упова, множество злата педоваше лукавѣи той женѣ Марѣи, а велаше ей давать въ народъ людемъ многымъ, дабы имъ помогали на ихъ волю»...

²⁾ П. С. Р. Д., IV, 235, 1741 г.

ободрилъ всѣхъ приверженцевъ старины въ Великомъ Новгородѣ: тотчасъ было отправлено къ великому князю посольство просить „опаса“ для свободнаго проѣзда пареченнаго владыки въ Москву на посвященіе и вскорѣ затѣмъ получены и желанныя опасныя грамоты. Такимъ образомъ дѣло пошло уже совсѣмъ на мирный ладъ, какъ вдругъ неожиданно выросло препятствіе. Еще до присылки Новгородцами просьбы объ опасѣ, великій князь, не рассчитывая на ихъ склонность къ миру, отправилъ пословъ поднимать Псковичей на Великій Новгородъ. Вѣсть объ этомъ поступкѣ дошла до Новгородцевъ, кажется, какъ разъ въ одно и то же время съ присылкою къ нимъ опасныхъ грамотъ и естественно сдѣлалась въ рукахъ враговъ великаго князя оружіемъ противъ двуличной будто бы московской политики ¹⁾). Опираясь на это оружіе, литовская партія, потерпѣвшая поражение при владычномъ выборѣ, вновь оправилась и подняла голову. Поѣздка владыки въ Москву была отложена, и мысль о ставленьи въ Литвѣ вновь стала приобрѣтать себѣ приверженцевъ ²⁾). Отвергнутый св. Софьей, чернецъ Пименъ снова сталъ обнаруживать большую дѣятельность. „Посылайте меня“, говорилъ онъ Новгородцамъ,—„хоть въ Кіевъ, я и туда готовъ ѣхать на ставленья!“ ³⁾ Но не смотря на всю благоприятность минуты, литовской партіи и теперь не удалось добиться полнаго торжества. Она успѣла, конечно, втянуть Новгородъ въ политическую связь съ Литвою, но въ церковной области всѣ усилія ея остались совершенно безплодными. Оно и совершенно понятно: преимущество, которымъ не могъ нахвалиться въ себѣ Пименъ, въ глазахъ большинства Новгородцевъ было несъема сомнительнаго достоинства. Присоединеніе къ западной митрополіи возбуждало въ то время опасенія уже не просто, какъ нарушеніе обычнаго чипоподчиненія Русской церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ нѣкоторое отступленіе къ латинству. Въ самомъ дѣлѣ, на Кіевской митрополіи си-

¹⁾ А. И. I, 513, нач. 1471 г.: «а въставлявають деи ваши недобуре на великаго князя то и слово: опасъ господинъ нашъ—князь великій намъ давши, а Псковъ на насъ подымаетъ, а хочетъ на насъ итти. Ино, смынове... князь великій за колко до владычни смерти и до вашего опасника до Микиты, послалъ своего посла въ Псковъ, не чаялъ вашего челобитья»...

²⁾ А. И., I, 515, 1471 г., марта 22: «Вы пакъ тѣмъ великимъ Божьимъ дѣломъ церковнымъ (поѣздной владыки на ставленья въ Москву) почали дяти»...

³⁾ П. С. Р. Д., VI, 6, 1471 г.: «Онъ же лукавый чернецъ Пуминъ отъ того Григорья богоотвѣтнаго и поставленія себѣ требоваше, извѣстия людемъ сице глаголаше: «хотя на Кіевъ мя пошлите, и тамо язъ на свое поставленіе ѣду»...

дѣлъ въ это время Григорій, послѣдователь Исидора, а Исидоръ, какъ хорошо было извѣстно Новгородцамъ, былъ отвергнутъ на Русь за присоединеніе къ Флорентійской униі. Къ тому же Григорій и на митрополию былъ посаженъ такимъ же отверженникомъ, какъ Исидоръ, а именно бывшимъ Константинопольскимъ патріархомъ Григоріемъ, впервые признавшимъ папу главою восточной церкви ¹⁾. Вліяніе этихъ опасеній сказывалось ясно уже въ томъ фактѣ, что въ договоръ съ Польскимъ королемъ Казимиромъ IV было включено условіе, предоставлявшее Новгородцамъ право ставить своего владыку непременно въ Кіевѣ, а гдѣ-либо въ православномъ христіанствѣ, слѣдовательно, и въ Москвѣ ²⁾. Но еще рѣзче оно сказалось въ практическомъ примѣненіи этого права къ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Чернецъ Пимепъ, стоявшій за ставленіе въ Литвѣ, испыталъ горькую участь. Не успѣли сдѣлаться извѣстными въ обществѣ козни, къ которымъ прибѣгалъ онъ при вербованіи себѣ сторонниковъ, какъ несчастный искатель владычней каюдры, былъ подвергнутъ заключенію, имущество его разграблено, и въ добавокъ на него самого наложенъ штрафъ въ 1000 рублей ³⁾. Напротивъ звѣзда Теофила, стоявшаго за связь съ Москвою, все поднималась. Путь сомгнѣн, и его положеніе нѣкоторое время было довольно затруднительно. Онъ нѣсколько разъ уже собирался было оставить свое званіе и удалиться въ монастырь. Но поддерживаемый массою населенія, онъ въ концѣ концовъ не только восторжествовалъ надъ своими противниками, но и имѣлъ силу въ возгорѣвшей борьбѣ Великаго Новгорода съ Москвою удержать свой полкъ отъ дѣйствій противъ великаго князя ⁴⁾.

¹⁾ А. И., I, 507, 1461 г.; тамъ же, I, 113, 1458 г.

²⁾ А. А. Э., I, 64, 1470—71 г.: «а гдѣ будетъ намъ Великому Новгороду любо въ своемъ православномъ христіанствѣ, ту мы владыку поставимъ по своей воли»...

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 236, 1471 г.: «По нѣколицехъ днехъ Великой Новгородъ ключника владычн Пимена великимъ, сильнымъ избезчестованъ безчестіемъ, на крѣпости издержавъ, самого измучивъ и казну всю у него разграбили, и кончѣе самого на 1000 рублевъ продали»...

⁴⁾ П. С. Р. Л., IV, 6, 1471 г.: Теофилъ, нареченныи на владычество, повелѣваше имъ (Новгородцамъ), яко да престануть отъ такового злаго начинаніи они же не послушаху словеси его; да того ради самъ многжды покушашеся о сихъ, дабы отъ нихъ сшелъ въ монастырь въ келью свою, они же не пустиша его... Не пустили очевидно не «они», а ихъ противникъ.

Положеніе, которое занимала Новгородская церковь во все время первой борьбы Новгорода съ Ивапомъ III, было слишкомъ благоприятно для Москвы, услуги, оказанныя ею послѣдней, были слишкомъ существенны, чтобы при заключеніи мирныхъ условій она могла почувствовать на себѣ тяжелую руку побѣдителя. Конечно, попытка чернеца Пимена не была оставлена великими князьями безъ вниманія. Въ предупрежденіе повторенія подобныхъ замысловъ въ будущемъ, въ мирный трактатъ, заключившій походъ 1471 года, было введено ими условіе, опредѣлявшее точно дальнѣйшій порядокъ посвященія Новгородскихъ владыкъ. Съ этихъ поръ Новгородцамъ вѣщено въ обязанность ставить своихъ епископовъ не иначе, какъ только въ Москвѣ и у Московскаго митрополита ¹⁾. Но за то другія ограничительныя условія мирнаго трактата 1471 года на Новгородскую церковь отиудь не распространялись. Мы имѣли уже случай указывать на тотъ любобытный, но тѣмъ не менше опущенный исторіей изъ виду фактъ, что за попытку отложенія отъ Московскаго государства въ 1471 году Новгородцамъ пришлось поплатиться, кромѣ контрибуціи и возвращенія спорныхъ земель (княжчинъ), и уступкою безспорно новгородскихъ владѣній, а именно Волока со всѣми волостями и Вологодъ: именъ этихъ Новгородскихъ владѣній, настойчиво повторяющихся во всѣхъ извѣстныхъ договорахъ Новгорода съ великими князьями, въ трактатѣ 1471 года уже не встрѣчается ²⁾. Но эта уступка не была равнозначительна съ ограниченіемъ Новгородской епархіи. Тотъ же договоръ 1471 года прямо заявляетъ, что Новгородскій владыка сохраняетъ свою епархіальную власть, свои права на вѣдѣніе церквей и десятины въ Вологодѣ и на Волокѣ. Точно также и земли, которыми владѣли на Волокѣ Новгородскіе (а именно Юрьевъ) монастыри, были равнобѣрно оставлены за ними неприкосновенными ³⁾. Ограниченія владычней власти въ этихъ краяхъ если

¹⁾ А. А. Э., I, 99, 1471 г.: «а видѣ намъ владыкы, опрочъ Московскаго митрополита, нигдѣ не ставити»...

²⁾ Ср. напримѣръ, А. А. Э., I, 42, 1456 г.: «А се вы волости Ноугородцкіа: Волокъ со всѣми волостями, Торжокъ, Бѣжпца, городецъ Палець, Шипино, Мелеча, Егна, Заволочье, Тигрь, Пермь, Печера, Югра, Вологда» и А. А. Э., I, 67 1471 г.: «А се вы и волости Ноугородскія, Торженъ, Бѣжпчя, городецъ Палець Шипино, Мелеча, Егна, Заволочье, Тигрь, Пермь, Печера, Югра».

³⁾ А. А. Э., I, 66, 1471 г.: «А на Волоцѣ и на Вологодѣ владыцѣ церкви и десятина, пошлина своя, вѣдати по старинѣ; а что Юрьевскаго монастыря земля на Волоцѣ, и та земля къ Юрьеву монастырю по старинѣ».

и явились, то только уже по паденіи Великаго Новгорода. Такъ въ 1492 году, уступая внушеніямъ великаго князя, митрополитъ Зосима и Новгородскій владыка согласились передать свои церкви въ Вологдѣ, въ городѣ и на посадѣ, въ Пермскую епархію. Подобнымъ образомъ былъ взятъ въ 1509 году въ митрополию, не безъ сильнаго однако противодѣйствія со стороны Новгородскаго владыки, Иосифовскій Волоколамскій монастырь ¹⁾. Высказанныхъ нами соображеній достаточно уже однихъ, чтобы показать, какъ далеко отъ истины мнѣніе почтеннаго г. Прилежаева, утверждавшаго, что якобы подѣ церквями, оставленными въ 1471 году въ вѣдѣніи Новгородскаго епископа, разумѣлись церкви Двинскихъ земель (то-есть, княжчинъ), уступленныхъ тогда же Новгородомъ во владѣніе владыкою князя. Но къ нимъ можно присоединить еще и слѣдующее: Положимъ, что Вологду можно еще съ нѣкоторою вѣроятностью отнести къ числу Двинскихъ земель Великаго Новгорода: по чѣмъ дѣлать съ Волокомъ? Нѣтъ сомнѣнія, сѣверо-восточныя владѣнія Новгорода назывались Заволочанами, Заволоцкою землею, Заволочьемъ, наконецъ просто выраженіемъ: „за Волокъ“; но отсюда еще нельзя заключить, чтобы они назывались и Волокомъ. Волокъ всегда былъ и останется Волоколамскомъ, а въ такомъ случаѣ гипотеза г. Прилежаева будетъ расходитьсѣ съ объясняемымъ ею фактомъ ²⁾.

Движенія Литовской партіи были послѣднимъ проявленіемъ стремленій Великаго Новгорода къ церковной самобытности. Съ подчиненіемъ его Москвѣ начинается противоположный процессъ, низведшій Новгородскую церковь на степень простой Московской епархіи. Уже измѣненія, совершившіяся въ 1478 году въ устройствѣ Великаго Новгорода, не остались безъ важныхъ слѣдствій и для положенія Новгородской церкви. Съ введеніемъ въ Новгородскую жизнь новаго Московскаго порядка, владыка естественно уже не могъ сохранить за собою ту роль, которую онъ прежде игралъ въ политическихъ дѣлахъ своей родины и въ особенности въ сношеніяхъ съ иноземцами. Всѣ эти дѣла были взяты великимъ княземъ на себя, и Новгородскому владыкѣ пришлось волей-неволей ограничить свое вліяніе исключительно одною церковною областью, святительскимъ судомъ ³⁾. Вскорѣ

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 160, 1492 г. тамъ же, VI, 249, 1509 г.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. за июль 1875 г., стр. 102.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 261, 1478 г.: «а владыкѣ Новгородскому, oprичъ своего святительскаго суда... не вступатися ни вочто же... ни пословъ слати намъ (Пско-

однако послѣдовали перемѣны и въ самой церковной области. Но и здѣсь непосредственнымъ толчкомъ къ обратному процессу послужило событіе, имѣвшее свой источникъ также внѣ круга церковныхъ отношеній. Мы разумѣемъ именно первую секуляризацию церковныхъ земель. Распространеніе предѣловъ Московскаго государства неизбежно сопровождалось развитіемъ государственныхъ потребностей, а это обстоятельство въ свою очередь заставляло великихъ князей хлопотать о приобрѣтеніи необходимыхъ для ихъ удовлетворенія средствъ. То же должно было имѣть мѣсто и при присоединеніи Великаго Новгорода къ Москвѣ. А такъ какъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ государственнаго богатства въ то время составляли земли, то чтобы государствовать въ Новгородѣ, великіе князья, понятно, должны были имѣть тамъ въ своемъ распоряженіи значительныя поземельныя владѣнія. Но бояре и вообще знатные люди, руководившіе переговорами объ условіяхъ подчиненія Великаго Новгорода Московскому государству, не опустили случая при этомъ обезпечить интересы своего класса. Пользуясь нежеланіемъ великаго князя затрогивать близко личные интересы и тѣмъ возбуждать неудовольствіе противъ Москвы, они успѣли выговорить себѣ у великаго князя не только безопасность личности, гарантію отъ вывода изъ Новгородской земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ и льготы отъ рубежа или безопасность своихъ поземельныхъ владѣній. А такъ какъ у Великаго Новгорода, по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ къ центру жизни мѣстностяхъ, въ то время, какъ видно, уже не было больше никакихъ свободныхъ поземельныхъ владѣній, то для удовлетворенія требованій великаго князя ничего не оставалось, какъ предложить послѣднему часть церковныхъ земель. Новгородцы такъ и сдѣлали. Правда, первоначально они предполагали удовлетворить требованіямъ великаго князя небольшою уступкою церковныхъ земель, которая не могла сильно задѣть интересы церкви; они думали именно, что великій князь удовольствуется всего 10 волостями, 4 владычными и 6 монастырскими. Но такое предложеніе было такъ ничтожно, что о принятіи его великимъ княземъ не могло быть и рѣчи ¹⁾. Тогда Новгородцы предоставили послѣд-

---

вичамъ) къ нимъ (Новгородцамъ), посолства правити кому ниоткуда прѣхавъ со нныя земли, то къ нимъ (великимъ князьямъ) все правити, а не владыкъ, ни къ Новгороду».

¹⁾ П. С. Р. Л., VI, 216, 1478 г.: «владыка съ тѣми же прежеченными пришедъ къ в. князю являи 10 волостей: 4 владычни, три Юрьевскаго монастыря,

нему самому опредѣлить размѣръ уступки, и великій князь потребовалъ, кромѣ всѣхъ Повоторжевскихъ земель, половину волостей владичныхъ и монастырскихъ. При поднесеніи епископскихъ волостей, а частію еще и раньше, при переговорахъ, Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ однако пѣкоторую скидку. Согласно съ желаніемъ Новгородцевъ, онъ совсѣмъ не захотѣлъ брать земель отъ мелкихъ Новгородскихъ монастырей, не отличавшихся большимъ благосостояніемъ; да и у самого Новгородскаго владыки взялъ не цѣлую половину волостей. Но все же сумма секуляризованныхъ имъ земель, 10 волостей владичныхъ и половина поземельныхъ владѣній шести богатѣйшихъ монастырей, были для церкви весьма чувствительною потерей¹⁾.

Какъ ни понятны мотивы, которыми руководился Иванъ III при секуляризаціи церковныхъ земель, на счетъ впечатлѣній этой мѣры на Новгородскую церковь не можетъ быть никакого сомнѣнія. Кто въ смутные дни былъ надежнѣйшимъ союзникомъ великаго князя въ Новгородѣ? Церковь. Кто же въ Новгородѣ поплатился за неудачныя попытки борьбы противъ Московскаго государства? Страшнымъ образомъ, опять-таки церковь. Какъ то бы ни было, только благодаря секуляризаціи Новгородская церковь не могла не считать себя обиженною и не перейти изъ надежныхъ сторонниковъ Москвы въ ряды оппозиціи. У Татищева даже есть разказъ, на основаніи котораго наши историки считаютъ себя въ правѣ сообщать, что вскорѣ по подчиненіи Московскому государству Великаго Новгорода, въ послѣднемъ будто вновь явилось желаніе передаться Литвѣ, и что однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ при этомъ былъ Новгородскій владыка Теофілъ²⁾. Какъ однако ни согласенъ съ тогдашними обстоятельствами этотъ разказъ, ложность его отъ начала до конца не подлежитъ сомнѣнію и уже удовлетворительно доказана нами въ своемъ мѣстѣ. На основаніи же несомнѣнныхъ данныхъ можно сказать только, что за отнятіе церковныхъ владѣній владыка Теофілъ питалъ на Москву сильное неудовольствіе, и быть можетъ, не старался этого скрывать. Весьма возможно "даже, что временами онъ

да у Дѣмона Благовѣщенская волость, да Онтоньевскую волость, да Тубастъ волость, да что въ Торжку земель... всѣ къ нимъ отступилися великимъ княземъ... и князь велики тѣхъ десять волостей не ввелъ».

¹⁾ П. С. Р. Л., VI., 216—217, 1478 г.

²⁾ Ут. *отъ* М. О. И. и Др. 1847 г., кн. IV, Татищева Исторія Россійская, кн. V, стр. 79—81.

проговаривался и о выгодахъ подданства Литовскому или какому-либо другому государю. Все это, конечно, было не болѣе какъ простыя слова, плодъ временнаго раздраженія; но московскіе слуги и благопріятели, обязанные доносить великимъ государямъ обо всякомъ добрѣ и лихѣ, не преминули, вѣроятно, раздуть эти толки въ серьезный заговоръ ¹⁾. Привыкнуши жить на сторожѣ, великій князь Московскій не оставилъ безъ вниманія эти внушенія и немедленно счелъ пужнымъ принять рѣшительныя мѣры къ обезпеченію себя и со стороны Новгородской церкви. Одною изъ этихъ мѣръ было удаленіе изъ Новгорода архіепископа Теофила и заключеніе его въ одномъ изъ Московскихъ монастырей ²⁾. Посредствомъ этой мѣры мнимыя политическія затрудненія были устранены, но за то запутаны дѣла церкви и не мало требовалось хлопотъ, чтобъ ихъ поправить. Дѣло въ томъ, что съ удаленіемъ владыки Новгородская каедрa стала пустующею; но въ то же время въ Москвѣ не могли замѣстить ея, такъ какъ владыка Теофилъ хотя и былъ увезенъ изъ Новгорода, тѣмъ не менѣе сохранялъ всѣ права на каедрѣ этого города. Чтобы выйдти изъ этого неловкаго положенія, въ Москвѣ прибѣгли къ обычному въ подобныхъ случаяхъ средству, стали требовать отъ Теофила добровольнаго отреченія отъ его званія, обѣщая быть можетъ ему въ замѣнъ, что послѣ этого онъ будетъ содержаться уже не въ заключеніи, какъ было доселѣ, а просто въ монастырѣ въ качествѣ инока. Теофилъ согласился и въ 1483 году далъ отреченную грамоту, въ которой мотивировалъ свой поступокъ тѣмъ, что „хотѣхъ пасти стадо Христова словесныхъ овецъ и того сдержати и управлять не возмогахъ“, а затѣмъ былъ поселенъ въ Михайловскомъ Чудовскомъ монастырѣ ³⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., VIII, 204, 1480 г.: «не хотяше бо той владыка (Теофилъ), чтобы Новгородъ былъ за великимъ княземъ, но за королемъ или за инымъ государемъ: князь бо велики коли взялъ впервыя Новгородъ, тогда отъя у Новгородскаго владыки половину волостей и селъ у всѣхъ монастырей, (и К.) про то владыка нелюбѣе дръжаше: быша бо тѣ волости пръвое великихъ же князей, ино ихъ освоиша».

²⁾ П. С. Р. Л., VIII, 204, 1480 г.: «князь велики въ Новгородѣ изымалъ архіепископа Новгородскаго Теофила въ коромогъ и посла его на Москву»...

³⁾ П. С. Р. Л., VI, 335, 1483 г.: «Того же лѣта остави, въ заточеніи сѣдя, Новгородскій владыка Теофилъ епископство нужю великаго князя; и испусти его князь велики и повелѣ жити ему у Михайлова чюда». Поэтому и отреченную грамоту его нужно относить не къ 1479 или 1480 году, какъ сдѣлано при на-

Какъ мы уже сказали, заточеніе Теофила было только одною изъ мѣръ, принятыхъ Иваномъ III къ обезпеченію себя со стороны Новгородской церкви. Одновременно съ нею дапо было мѣсто другой, вклонившейся къ отнятію у Новгородскаго владыки средства злоупотреблять своимъ значеніемъ. Примѣръ черпеца Пимена, который обратилъ владычнюю казну въ орудіе питанія въ народъ неудовольствія противъ Москвы, долженъ былъ бы научить великаго князя, что важно не одно лицо владыки, но и его обширныя средства. Во время покоренія Великаго Новгорода средства эти остались еще нетронутыми; теперь же, когда вновь стала грозить опасность ихъ злоупотребленія, великій князь нашелъ нужнымъ удалить въ Москву и владычнюю казну¹⁾. Такимъ образомъ, удаленіе владычней казны изъ Новгорода было со стороны Московскихъ князей политическою мѣрою, а не просто средствомъ поживы, какъ обыкновенно склонно представлять это дѣло большинство изслѣдователей. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что владычняя казна сохранялась въ Москвѣ въ цѣлости, и когда миновала опасность затрудненій со стороны Новгородской церкви, была возвращена оттуда вполне въ Великій Новгородъ. Въ самомъ дѣлѣ мы имѣемъ несомнѣнныя данныя, что когда въ 1524 году былъ назначенъ владыкою въ Новгородъ Макарій, то онъ привезъ съ собою туда и всю казну старыхъ архіепископовъ²⁾. Еще менѣе можно признать справедливыми тѣ подробности, которыя передаютъ наши изслѣдователи о размѣрахъ увезенной владычней казны на основаніи польскихъ источниковъ. Прежде всего извѣстія польскихъ лѣтописцевъ отпослится далеко не исключительно къ одной владычней казнѣ. Длугошъ сообщаетъ, правда, что въ 1479 году Иванъ III увезъ съ собою изъ Новгорода 300 возовъ, нагруженныхъ однимъ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями, а возамъ, которые заключали въ себѣ мѣха, пурпуры, сукна и другія матеріи, не было и числа³⁾. По эта необычайная

печатаніи ея въ А. А. Э., I, 476, и въ *Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и Др.* за 1860 г., III, смѣсь, а въ 1483 г.

¹⁾ П. С. Р. Л., VIII, 204, 1480 г.: «а казну его (Теофила) взя, множество золота и сребра и съсудовъ его»...

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 286, 1524 г.: «свѣдѣ князь великій изъ Можайска архимандрита Макарія и постави его архіепископомъ въ Великій Новгородъ и да ему всю казну старыхъ архіепископовъ»...

³⁾ *Dlugosii*, *Hist. Polon.*, Lips. 1712, t. II, pag. 588—589, 1479 г.: «et quod dictum quoque apud posteros parum erit credibile, trecentos currus auro tantum

добыча, превосходившая въ десять разъ сокровища Венеціи, образовалась по Длугошу далеко не изъ однихъ богатствъ золотомъ, серебромъ и драгоценною утварью, которыя складывались и сохранялись въ Софійскомъ казнохранилищѣ въ теченіе вѣковъ послѣдовательно однимъ Новгородскимъ владыкою за другимъ, но еще въ большей степени изъ тѣхъ имуществъ, которыя были конфискованы у трехсотъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ Новгородцевъ, и изъ тѣхъ двухъ третей болѣе цѣнныхъ предметовъ, которые были взяты тогда же у всѣхъ остальныхъ граждавъ ¹⁾. А затѣмъ, и въ самой своей сущности извѣстія польскихъ лѣтописцевъ не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія и могутъ служить доказательствомъ только развѣ необычайной живости фантазіи у пускавшихъ ихъ въ оборотъ авторовъ. Конечно, нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что польскіе дѣписатели разказывали такія небылицы на счетъ великихъ князей Московскихъ; но удивительно, какъ нашлись русскіе историки, которые могли принять эти сказки за чистую монету ²⁾.

За удаленіемъ владыки Теофила и Софійской казны изъ Новгорода послѣдовала третья и притомъ самая существенная мѣра обезпеченія московскихъ интересовъ, для которой первыя двѣ были только такъ-сказать подготовленіемъ. Мы разумѣемъ именпо введеніе въ управление Новгородской церкви московскаго порядка. Сообразно съ этимъ послѣднимъ, глава Новгородской церкви пересталъ съ этихъ поръ быть избранникомъ народа, а сдѣлался, какъ это было и въ началѣ, однимъ изъ простыхъ епархіальныхъ епископовъ, подчиненныхъ единственно власти Московскаго митрополита. Назначеніе его стало зависѣть уже не отъ народной воли, а отъ соглашенія великаго

---

modo et argento, margaritis, lapidibus pretiosis et raris, caeterisque id genus unio-
nibus usque ad os refertos, ante se, de spoliis Novogrodensium, egit. De suppel-
lectili vero nobilissima pellium, purpurarum, pannorum, variarum materiarum post
se innumeros currus egit».

¹⁾ *Dlugossii*, Hist. Polon., t. II, 588, 1479 a.: «Pontificeque inestimabili thes-
auro auri et argenti, multaque nobilissima suppellectili, qui a pluribus centenis an-
norum, per nunquamque episcopum, alteri succedentem, et relinquebatur, et con-
debatur, spoliato, et trecentis civibus, natu maioribus ditioribusque capite damna-
tis, ac bonis eorum et thesauris ducali potestati infiscatis, omnem civitatem, et
cives reliquos, duabus partibus auri, argenti et lapidum preciosorum, caeteraque
suppellectili tertia parte enilibet relicta, quam constabat plus quam decem Vene-
tias, in thesauris possidere, depilavit»...

²⁾ *Бюллетъ*, Раз. изъ Рус. Ист., II, 621—622; *Прилежаеъ* въ *Ж. М. Н. Пр.*
за июль 1875, стр. 113.

князя съ митрополитомъ. Страннымъ образомъ только, вводя въ 1483 году эту поремѣну въ строѣ Новгородской церкви, въ Москвѣ почему-то сочли нужнымъ удержать при опредѣленіи новаго епископа старій вѣчевой порядокъ, по которому владыка въ случаѣ разногласія пазначался не прямо, а посредствомъ жеребья изъ трехъ кандидатовъ ¹⁾. Быть можетъ, этою уступкой мѣстному повгородскому обычаю въ Москвѣ хотѣли примирить предприпятое нововведеніе со стариной и тѣмъ нѣсколько ослабить дурное впечатлѣніе его на Новгородцевъ. Но слѣдствіи и тутъ показали, что въ старыя мѣхи не слѣдуетъ вливать новаго вина. Уступка повгородской старины, какъ оно и естественно, не задобрила Новгородцевъ, но Москвѣ причинила не мало хлопотъ, такъ какъ благодаря ей выборъ новаго владыки далъ совершенно неудовлетворительный результатъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя новоизбранный владыка Сергій и былъ исполненъ горделивымъ сознаніемъ „высоты и величества своего сапа“ и того, что онъ отправлялся въ Новгородъ, какъ побѣдитель къ побѣжденнымъ, тѣмъ не менѣе въ Москвѣ не ускользнуло отъ вниманія, что природныя силы его далеко не соответствовали трудности положенія его въ Великомъ Новгородѣ ²⁾. Поэтому чтобы поправить ошибку, въ Москвѣ положено было отпустить Сергія въ Новгородъ не одного, а въ сопровожденіи нѣсколькихъ опекуновъ, приставленныхъ къ нему великимъ княземъ въ лицѣ своихъ боярина, казначея и дьяка. Предосторожность была далеко не лишняя; но спасая московскіе интересы, она погубила несчастнаго владыку. Положеніе Сергія сдѣлалось чрезъ это невыносимымъ. Съ одной стороны ему приходилось выносить строгій контроль людей, приставленныхъ къ нему великимъ княземъ и имѣвшихъ обязанность зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы при управленіи Новгородскою епархіей онъ не позволялъ себѣ ни малѣйшаго уклоненія отъ указаній, данныхъ ему въ Москвѣ и такимъ образомъ волей-неволей служилъ въ Новгородѣ проводникомъ московскихъ началъ; а съ другой ему нужно было нести на себѣ бремя неудовольствія Новгородцевъ и въ особенности

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 155, 1483 г.: «князь великий... обмысли со своимъ отцемъ Геронтіемъ митрополитомъ... положили жеребей на престолъ Елисея архим. Спаского, да Генадія, арх. Чюдовского, да Сергія старца Троицкаго... на архіепископство въ Великий Новгородъ; и митрополитъ самъ служилъ съ всеми съ тѣми епископы и со архимандриты и вынеси жребій Сергіевъ»...

²⁾ П. С. Р. Л., III, 243, 1484 г.: «возвысился умомъ высоты ради сына своего и величества, яко отъ Москвы приде къ гражданамъ, яко пѣтиснымъ»...

мѣстнаго духовенства, которые, не видя возможности, вслѣдствіе присутствія княжескихъ людей, склонить Сергія „ходить по ихъ мысли“ или служить мѣстнымъ интересамъ, не палили усилій, чтобы по крайней мѣрѣ надѣлать Московскому владыкѣ массу затрудненій и негріятостей. Поставленный между этими двумя огнями, слабый Сергій не выдержалъ и кончилъ тѣмъ, что впалъ въ „изумленіе“ или потерялъ разсудокъ ¹⁾.

Помѣшательство Сергія было слишкомъ благопріятнымъ для Новгородцевъ событіемъ, чтобы оно прошло въ ихъ жизни безслѣдно, чтобы мѣстное духовенство не сдѣлало изъ него нравственнаго цита для охраны своего стараго церковнаго быта. Дѣйствительно, мы знаемъ, что изумленіе перваго Московскаго владыки стало въ Новгородѣ предметомъ множества толковъ и разказовъ, которые, не смотря на свой легендарный характеръ, ясно обнаруживаютъ чувства, внушавшіяся Новгородцамъ церковными перемѣнами. Въ существенной своей части всѣ эти разказы между собою сходны: всѣ они одинаково представляютъ нарушеніе новгородской старины совершенно незаконнымъ и насильственнымъ. Разница замѣчается разлѣ только въ томъ, что одни изъ нихъ выдвигаютъ на видъ болѣе каноническую сторону дѣла, а другіе — чисто мѣстную. По разказамъ перваго рода, изумленіе Сергія было естественнымъ слѣдствіемъ или наказаніемъ за нарушеніе имъ каноническихъ правилъ, гласящихъ, что при жизни святителя, не заслужившаго своими поступками изверженія изъ церкви (въ данномъ случаѣ—владыки Теофила), никто не долженъ посягать на его должность. По этимъ разказамъ, далѣе, мстителямъ за поруганіе церковныхъ законовъ выступилъ Іоаннъ архіепископъ, что на бѣсѣ ѣздилъ, или вообще мѣстные Новгородскіе святители. Возмущенные несправедливымъ захватомъ Новгородской каедры Сергіемъ, они стали являться ему иногда во снѣ, а иногда на яву, и обличать его дерзновенное поведеніе, какъ-бы побуждая его тѣмъ въ добровольному отреченію отъ своего званія. А когда Сергій не впадалъ этимъ обличеніямъ, то святители ввергли его въ мпогіе педуги, вслѣдствіе которыхъ онъ уже по неволѣ долженъ былъ оставить

¹⁾ П. С. Р. Д., VI, 236, 1484 г.: «остая владыка Семіонъ въ Новгородѣ архіепископу, боленъ бѣ, занеже не хотяху Новгородци покоритися ему, что не по ихъ мысли ходитъ; не смѣяше бо, понеже князь великій посла боярина своего съ нимъ и казначея и діака. Они же отыаша у него умъ волицебствомъ глаголаша: Іоанъ чудотворецъ, что на бѣсѣ ѣздилъ, тотъ створи ему».

свою кафедру, и удалиться сначала въ Хутины, а затѣмъ въ Москву ¹⁾. Разказы второго рода напротивъ представляютъ изумленіе Сергія слѣдствіемъ неуваженія его къ мѣстной святынь и въ частности оскорбленія имъ Новгородскаго владыки Моисея. По этимъ разказамъ проѣзжал, при вступленіи своемъ въ должность, на пути въ Новгородъ чрезъ монастырь Сковородку, Сергій потребовалъ тамъ вскрытія мощей святителя Моисея, и когда на свое требованіе получилъ отъ присутствовавшаго священника заявленіе, что тотъ не можетъ исполнить его желаніе, что святителя подобаетъ вскрывать святителю, то въ раздраженіи будто бы сказалъ на это послѣднему: „Стану я смотрѣть этого мужика“ (смердовича)! Съ этихъ поръ, добавляють разказы, на Сергія нашло помраченіе: онъ сталъ являться и сидѣть днемъ безъ клобука и мантии, въ одной только ряскѣ, иногда на Евсеіевской паперти, а иногда даже и у св. Софіи, пока наконецъ во избѣжаніе дальнѣйшаго соблазна не былъ сведенъ назадъ въ Москву въ Сергіевскій монастырь ²⁾.

Затрудненія, сопровождавшія владычество въ Новгородѣ перваго Московскаго епископа, наглядно показали великимъ князьямъ всю непригодность наслѣдованнаго ими отъ новгородской жизни способа избранія владыкъ. Неудивительно поэтому, что при дальнѣйшихъ назначенійхъ о жеребьѣ никогда уже не было и помину, что всѣ слѣдовавшіе за Сергіемъ Новгородскіе владыки опредѣлялись просто митрополитомъ по соглашенію съ великимъ княземъ. Первый изъ назначенныхъ этимъ путемъ владыкъ, Геннадій Гогозовъ, оказался человекомъ по своимъ нравственнымъ качествамъ всего лучше соот-

¹⁾ П. С. Р. Л., V, 42, 1484 г.: «Въ Новгородѣ владыцѣ Сергію многожды начаша являтися святители Новгородскія, лежащія въ дому св. Софія, овогда во снѣ, овогда явѣ, обличающе явѣ безумное дерзавіе на поставленіе святительства ему, яко презрѣвшу... положенныя кононы св. Отцы, въ нихъ же глаголетъ, яко живу сущу епископу и не яту бывшу, ни обличену ересми... и неправедно ни по правиломъ изгнану бывшу, не подобаетъ иному на престолѣ его мучительскы дерзати... и сія глаголюще, дѣ многыя недугы вложиша его»...

²⁾ П. С. Р. Л., III, 243, 1484 г.: «И сказаша ему гробъ святителя Моисея строителя монастыря того. Онъ же возрѣвъ на священника и повелѣ ему гробъ скрыти свят. Моисея: священникъ же не съязви гробъ скрыти святительска и рече арх. Сергію: подобаетъ святителю святителя скривати. Арх. же Сергій рече съ гордостью... «кого сего смердовича и смотрѣти?»... И бысть отъ того времени изумленъ: овогда видяху его въ Евсеіевской паперти въ одной ряскѣ сѣдѣща, иногда же видяху его въ полдень у св. Софіи сѣдѣща въ одной ряскѣ безъ клобука и мантии; сведоша его бола къ Троици въ Сергіевъ монастырь».

вѣтствовавшимъ той задачѣ, которая предстояла ему въ Великомъ Новгородѣ. Геннадій не превозносился напрасно величествомъ своего сана или своимъ пазначеніемъ изъ Москвы; напротивъ, его занимала болѣе сущность дѣла, упроченіе въ Новгородѣ какъ политическаго, такъ и церковнаго вліянія Москвы. Въ видахъ церковнаго освященія преержанней власти великихъ князей Московскихъ, имъ впервые было поставлено въ обязанность всѣмъ новгородскимъ игуменамъ и священникамъ ежедневно молиться въ своихъ храмахъ за государя и всѣхъ православныхъ христіанъ¹⁾. Что же касается до усиленія собственно церковнаго вліянія Москвы, то, далекій отъ всякой исключительности, Геннадій старался достигнуть этой цѣли не пренебреженіемъ, какъ Сергій, къ мѣстной святинѣ, составлявшей предметъ особеннаго почитанія Новгородцевъ, а сообщеніемъ гражданства въ ея средѣ собственно московскимъ угожникамъ, до сихъ поръ мало или совсѣмъ неизвѣстнымъ новгородскому населенію. Но не смотря на правильное пониманіе своей задачи, и Геннадію однако не удалось съ разу сломить или хотя чувствительно ослабить оппозицію Новгородцевъ. Всего яснѣе это видно изъ крестнаго хода, предпринятаго въ 1493 году Геннадіемъ съ соборомъ игуменовъ, священниковъ и дякоповъ и въ сопровожденіи двухъ великокняжескихъ наместниковъ и дворецкаго вокругъ новгородскаго дѣтища. Вѣрный разъ помѣченной цѣли, Геннадій предполагалъ обратить этотъ крестный ходъ въ средство распространенія въ Новгородѣ чтенія московскихъ святителей и въ этихъ видахъ опредѣлилъ отслужить молебны и провозгласить капоны—у Чуднаго креста—повому чудотворцу Петру, митрополиту всей Россіи, а на молебствіи у Покровскихъ воротъ—капоны Московскому митрополиту Алексѣю²⁾. На первый разъ однако планъ потерпѣлъ полную неудачу. Въ крестномъ ходѣ отказалась участвовать значительная и притомъ самая знатнѣйшая часть новгородскаго духовенства, а именно Юрьевскій архимандритъ, игумены Автопьевскій, Хутыпскій, Влжицкій, Лисьегорскій, Рождественскій съ поля, Аркажскій, Колмовской, Ковалевскій и многіе другіе³⁾. По неудаче не испугала Геннадія. Чтобы отнять у Новгород-

¹⁾ П. С. Р., Л. III, 145, 1493 г.: «а игуменовъ и поповъ и дякоповъ по тому же благословилъ и прочь отпустилъ, и наказалъ имъ чтобы Бога молили о государяхъ великихъ князяхъ и о всѣхъ православныхъ христіаныхъ, по вся дни кождо у своей церкви молебны шти».

²⁾ П. С. Р. Л., III, 144—145, 1493 г.

³⁾ П. С. Р. Л., III, 144, 1493 г.: «И архимандритъ Юрьевской, да игумены».

скихъ игуменовъ всякій предлогъ къ упорству, онъ занесъ въ планъ слѣдующаго крестнаго хода, долженствовавшего имѣть мѣсто вокругъ всей Софійской стороны, молебствія уже не однимъ московскимъ святымъ, митрополитамъ Петру и Алексѣю и Леонтію Ростовскому, но одинаково и нѣкоторымъ мѣстнымъ новгородскимъ угодникамъ, какъ напримѣръ Варлааму Хутынскому ¹⁾. Пріемъ этотъ не остался безъ послѣдствій. Конечно, Генпадію и тутъ не удалось привлечь къ церемоніи всѣхъ новгородскихъ игуменовъ; но все же нѣкоторые изъ нихъ, не явившіеся въ первый разъ, какъ напримѣръ Юрьевскій архимандритъ, Антоніевскій, Спасскій и Вязицкій игумены, были теперь на лицо ²⁾.

Главная причина, которая особенно упорно поддерживала въ новгородскомъ духовенствѣ недовольство противъ московскаго порядка, заключалась не столько въ уничиженіи мѣстной церковной самобытности, сколько въ томъ матеріальномъ отягощеніи церковныхъ причтовъ, которое послѣдовало по пятамъ за водвореніемъ въ Новгородѣ московскихъ владыкъ. Измѣненія, совершавшіяся въ судьбѣ Великаго Новгорода, коснулись крайне неблагоприятно матеріальной стороны Новгородской владычной казены, лишивши ее самой важной части накопленныхъ вѣками богатыхъ средствъ. Значительныя денежные суммы и сокровища, наполнявшія Софійскую казну, были частію растрачены чернецомъ Пименомъ, частію же увезены въ Москву и въ то время не было ни слуху, ни духу о возможности ихъ возвращенія. Но деньги и сокровища—дѣло наживное; главное же, что въ особенности должно было тревожить Новгородскихъ владыкъ, состояло въ томъ, что источники, которыми питалась прежде Софійская казна, теперь если не изсякли, то во вскомъ случаѣ подверглись значительному сокращенію. Поземельныя владѣнія, служившія прежде

Антоньевской Андрей и игум. Хутынской, и игум. Вязицкой, и игум. съ Лисьи горы, игум. Рождественской съ поля, игум. Аркажской, и игум. Колмовской и игум. Ковалевской... и тѣ всѣ игумены за кресты съ архіепископомъ не ходили же; да опроче тѣхъ игуменовъ, которые нѣмны писаны, изъ иныхъ монастырей многихъ игуменовъ не было».

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 146, 1493 г.: «А на третіемъ молебнѣ велѣлъ пяти трихъ молебны: Покрову св. Богородицы, а вторыи Леонтію, еп. Ростовскому, а третій Варлаамію Чудотворцу»...

²⁾ П. С. Р. Л., III, 145, 1493 г.: «Ходилъ архіеп. Геннадей со кресты, около города старого, нкрутъ деревниой стѣны, по сей стороны рѣки, да съ нимъ архим. Юрьевской, да игум. Антоньевской, и игум. Спасской, игум. Вязицкой... всѣмъ соборомъ»...

родникомъ, изъ котораго владыки и монастыри почерпали главнѣйшія средства для своего содержанія, сократились чуть ли не на половину уже при самомъ покореніи Новгородѣ; съ теченіемъ времени, какъ увидимъ ниже, они подверглись дальнѣйшему ограниченію, послѣ котораго ни владыка, ни монастыри въ Новгородской землѣ уже не могли похвастать обширностью своихъ богатыхъ вотчинъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ измѣненіемъ въ новгородскомъ народонаселеніи и съ развитіемъ въ немъ неблагопріятныхъ для церкви воззрѣній, и надежда на щедрую поддержку со стороны мірянъ, какая встрѣчалась въ древности, ставилась все болѣе и болѣе обманчивою. Присоединимъ сюда же, что искорѣ по паденіи новгородской свободы былъ если не совсѣмъ закрытъ, то во всякомъ случаѣ значительно стѣсненъ самый путь, которымъ шло развитіе новгородскаго могущества, ослаблена чрезъ закрытіе нѣмецкой конторы торговая дѣятельность, обогащавшая прежде гражданъ Великаго Новгорода, и тогда будетъ совершенно ясно, что финансовое положеніе московскихъ владыкъ въ послѣднемъ было совершенно иное, чѣмъ положеніе старыхъ вѣчевыхъ епископовъ, и притомъ иное не къ лучшему, а къ худшему. Но такая непривлекательная участь не могла удовлетворить владыкъ, явившихся изъ царствующаго града Москвы, особенно когда для улучшенія ея имъ не требовалось много мудрствовать, а нужно было только слѣдовать примѣру ихъ остальныхъ Московскихъ товарищей. Въ Московской Руси между владычными доходными статьями, выдающееся положеніе въ разсматриваемое время занимали повинности, которыми духовенство избирочивалось въ пользу своихъ епархіальныхъ архіереевъ. Система эта давала въ Москвѣ удовлетворительный результатъ: отчего же было не примѣнить ея и къ Великому Новгороду? Нѣтъ сомнѣній, такая система не могла благопріятно отозваться на низшемъ новгородскомъ духовенствѣ, не могла содѣйствовать поднятію его нравственнаго уровня, какъ того требовали обстоятельства времени и собственное сознаніе нѣкоторыхъ владыкъ; но такъ какъ выборъ долженъ былъ происходить между интересами подчиненнаго духовенства и собственными выгодами, то даже лучшіе епископы предпочитали выбирать послѣднее.

Введеніе въ жизнь Новгородской церкви московской системы повинностей значительно облегчалось тѣмъ обстоятельствомъ, что задатки къ ней положены были еще въ періодъ самобытнаго существованія Великаго Новгорода. Благодаря утвержденію во Псковѣ періодическихъ визитацій, тамошнее духовенство, какъ уже извѣстно, пре-

вратилось въ оброчныхъ людей Новгородскаго владыки еще задолго до подчиненія Новгорода Москвѣ. Да и въ самомъ Новгородѣ мѣстное духовенство если и не состояло въ такой рѣшительной кабалѣ, какъ псковское, тѣмъ не менѣе все же было обложено разными поборами въ пользу своего епархіальнаго владыки и его десятипниковъ. Такимъ образомъ, чтобъ улучшить свое положеніе, Московскимъ владыкамъ нужно было собственно только развитъ уже существовавшую въ Новгородѣ систему церковныхъ повинностей, приравнять новгородскіе поборы къ московскимъ, восполнить недостававшія въ нихъ статьи, и запискавшая ихъ задача рѣшалась удовлетворительно. Стремленіе къ такому приравненію новгородскихъ повинностей къ московскимъ обнаружилъ уже первый Московскій владыка въ Новгородѣ, Сергій, и этимъ-то въ значительной долѣ нужно объяснять ту ненависть, которую онъ успѣлъ возбудить къ себѣ въ Новгородцахъ. Лѣтопись сообщаетъ именно, что онъ ввелъ въ Новгородѣ многія новыя пошрины и подвергъ многихъ игуменовъ и священниковъ штрафу, быть можетъ, именно за ихъ неплатежъ новыхъ поборовъ¹⁾. Еще рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ Геннадій. Онъ возвелъ закрѣпощеніе духовенства въ строгую систему. Коль скоро именно доходы съ духовенства были признаны за главнѣйшій источникъ владычняго содержанія, то очевидно, необходимо было привести ихъ въ извѣстность и въ этихъ видахъ точно опредѣлить, какъ количество церковныхъ приходовъ, такъ и количество духовныхъ лицъ. Цѣли этой владыка Геннадій пытался достигнуть при помощи татарскаго обычая „числа“ или переписи всѣхъ церквей и духовныхъ лицъ Новгородской епархіи. Документально, впрочемъ, извѣстно только, что такая перепись была произведена въ одномъ Псковѣ, а именно въ 1500 году. Но было бы больше чѣмъ неосновательно ограничивать перепись на самомъ дѣлѣ однимъ Псковомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что около того же времени, быть можетъ даже еще раньше, подобная же перепись имѣла мѣсто и въ области самого Великаго Новгорода, что и тамъ опредѣлено количество престоловъ и антиминсовъ и этимъ путемъ положено прочное основаніе для неукоснительнаго сбора съ мѣстнаго духовенства всѣхъ доходовъ въ пользу епархіальнаго владыки. Лучшимъ доказательствомъ высказываемаго

¹⁾ П. С. Р. Л., V, 41, 1484 г.: «Пріѣде съ Москвы въ Великій Новгородъ... владыка Сергій, поставленъ митрополитомъ Геронтиемъ вмѣсто Феодила; и многи игумены и попы испродаде, и многи новыя пошрины введе».

нами мѣня можетъ служить списокъ Новгородскихъ церквей (собственно одного Новгорода), дошедшій до насъ по всей вѣроятности именно отъ разсматриваемаго времени. Такъ въ списокѣ упоминаются уже церкви св. Петра митрополита и св. Сергія Радонежскаго, построенныя въ 1416 и 1463 годахъ ¹⁾, но нѣтъ еще упоминанія о церквяхъ ни св. Алексія митрополита, ни св. Стефана Сурожскаго, извѣстныхъ изъ церковной росписи начала XVII вѣка ²⁾. Кромѣ того, въ списокѣ обращено вниманіе на престолы, а именно на престолы и антимисы обращалъ свое вниманіе Геннадій въ Псковѣ ³⁾. Вообще трудъ Геннадія по установленію въ Новгородѣ системы церковныхъ повинностей былъ столь основательный, что слѣдовавшимъ за нимъ владыкамъ оставалось уже очень мало хлопотъ. Они могли только увеличить или уменьшить число пошлинъ съ духовенства, усилить или ослабить ихъ размѣры. Дѣйствительно, позднѣйшая исторія представляетъ примѣры дѣятельности только того или другаго рода, но не болѣе. Владыка Макарій, привезшій назадъ въ Новгородъ казну прежнихъ архіепископовъ и потому быть можетъ, не смотря на его обширныя и постоянныя хлопоты объ украшеніи новгородскихъ церквей, не такъ нуждавшійся въ средствахъ, заслужилъ признательность со стороны Новгородцевъ тѣмъ, что облегчилъ нѣсколько монастырямъ владычніе поборы ⁴⁾. Напротивъ на владыку Серапіона II Новгородскіе священники жаловались, что онъ взималъ съ нихъ пошлины не по старинѣ, ввелъ именно новыя поборы „праздничное“ и „тиуп-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 114, 1416 г.: «спершены быша 2 церкви камены, св. Петръ митрополитъ русскій»... Тамъ же, III, 141, 1463 г.: «постани влад. Іона св. Сергія».

²⁾ *Евснній*, Истор. Разговоры, 84.

³⁾ *Востоковъ*, Оп. Рук. Рум. М., 41: «а въ Великомъ Новгородѣ семь соборовъ да 2 церкви за городомъ мірскихъ... А въ 5 соборехъ большихъ церквей за околоткомъ въ городѣ и съ двумя загородными церквами 34, а придѣловъ 29; а въ околоткѣ большихъ церквей 17, а придѣловъ 11; а въ околоткѣ всѣхъ престоловъ 28; а за рѣкою за Волковою въ 2-ю соборехъ большихъ (нужно прибавить: церквей 29, а придѣловъ 38), а за рѣкою всѣхъ престоловъ 67. А всѣхъ церквей большихъ въ Великомъ Новгородѣ и въ околоткѣ окрѣпъ загородныхъ монастырей и окрѣпъ придѣловъ 80, а придѣловъ у тѣхъ церквей во всемъ Новгородѣ и въ околоткѣ 78, а всѣхъ престоловъ въ В. Новгородѣ и въ околоткѣ . . . 161 (?), а всеневныхъ службъ у церквей въ Вел. Новгородѣ 44»...

⁴⁾ П. С. Р. Л., IV 276, 1524 г.: «и бысть (съ привадою влад. Макарія) хлѣбъ дешевѣ, а монастыремъ легче въ податехъ и людехъ заступленію веди».

скую пошлину¹⁾, и стоглавый соборъ отмѣнилъ эти необычныя прежде платежи¹⁾.

Какъ мы уже замѣтили, тягло, паложепное Московскими владыками на новгородское духовенство, представляло только дальнѣйшее развитіе тѣхъ зачатковъ закрѣпощенья, которые существовали уже раньше въ новгородской церковной практикѣ. Прежде всего такое развитіе замѣчается въ тѣхъ пошлинахъ, которыя взимались съ духовныхъ лицъ за сообщеніе имъ извѣстной церковной должности. Въ періодъ самостоятельности Новгорода эти пошлины брались, кажется, единственно за посвященіе или ставленіе; теперь ими стали облачать въ процессѣ опредѣленія духовнаго лица на мѣсто каждый актъ отдѣльно, а именно какъ собственное совершеніе посвященія въ извѣстный церковный санъ (ставленія пошлины), такъ и выдачу ставленныхъ грамотъ (писчее и печатное), равно какъ и благословеніе ставленника владыкою на мѣсто при извѣстной церкви (благословенная гривна). Пошлинами облагались даже челобитныя, подаваемая духовными объ опредѣленіи ихъ на мѣсто. По опредѣленію Стоглаваго собора, за актъ посвященія положено было брать отъ поповства и отъ діаконства, отъ каждаго отдѣльно, по полтнпѣ, всего, слѣдовательно рубль Московскій. За выдачу грамотъ ставленныхъ (?) и несомнѣнно патріархальныхъ и уларныхъ, которыя, какъ увидимъ ниже, вдовымъ священникамъ и діаконамъ предоставлялись нѣкоторыя права священства, бралось писчаго и печатнаго по алтыну²⁾. Что же касается до благословенной гривны, то въ практикѣ она имѣла два вида, раздѣлялась на новоставленную или новичпую гривну, платившуюся духовными при опредѣленіи ихъ на мѣсто впервые, и на переходную гривну, вносимую въ случаѣ перехода ихъ отъ одной церкви къ другой. Эти пошлины естественно вносились и тогда, когда духовныя лица являлись въ Новгородскую землю и изъ другихъ епархій³⁾. Подобно бѣ-

¹⁾ А. А. Э. I, 221, 1551 г.

²⁾ Стоглавъ, гл. 89, стр. 379, 1551 г.: «Мы же соборнѣ повелѣхомъ отъ діаконства и отъ поповства двѣ златницы на соборѣ взимати, сирѣчь рубль Московской да благословенная гривна... а отъ патріархальныхъ и отъ уларныхъ грамотъ пошлины не имати, развѣ писчаго алтына да печатнаго алтына же.

³⁾ А. А. Э., I, 221, 1551 г.: «и архіепскопъ поучивъ и наказавъ благословляеть его (опредѣляющагося священника), и не емаеть съ нихъ ничего, развѣ благословенныя гривны». А. И. I, 402, 1581 г.: «А которые черныя священники и діаконы въ тотъ монастырь ново стануть, или изъ котораго монастыря въ тотъ ихъ монастырь перейдутъ... и наши подѣвзачики и десятинники на тѣхъ черныхъ

лomu духовенству, и черное имѣло также свои ставленныя пошрины. Архимандриты и игумены должны были именно платить за настоянныя грамоты, сообщавшія имъ право на настоятельство по два рубля, а за благословенныя — по полтинѣ. Пошрины же съ черныхъ поповъ и діаконовъ ни въ чемъ, кажется, не отличались отъ соответственныхъ поборовъ съ бѣлаго духовенства ¹⁾. Наконецъ, со всѣхъ грамотъ взимались особенныя пошрины, при всякомъ измѣненіи въ особѣ владыки или при всякомъ представленіи ихъ къ подписи или къ подношю. Обычай носить грамоты къ подписи каждаго новаго владыки былъ, очевидно, позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ еще во второй половинѣ XVI столѣтія новгородское духовенство чуть ли не огуломъ возставало противъ его примѣненія. До насъ дошелъ любопытный разказъ о столкновеніи, которое произошло по этому поводу въ 1572 году между владыкою Леонидомъ и новгородскимъ духовенствомъ. Встрѣчая упорное нежеланіе духовенства представлять къ подписи ставленныя грамоты, Леонидъ не стерпѣлъ и въ соборѣ послѣ молебна о здравіи великаго государя и прочтенія своей настоянной грамоты, сдѣлалъ ему внушеніе на счетъ неблаговидности его поведенія ²⁾. Въ особенности же онъ обрушилъ свой гнѣвъ на Юрьевского архимандрита Теокиста. „Отчего ты“, говорилъ Леонидъ, обратись къ послѣднему, — не показываешь мнѣ своей настоянной грамоты, на какомъ основаніи ты архимандритинь?“ Теокистъ въ оправданіе сослался на свою поѣздку въ Москву къ великому государю. „Вотъ, когда у меня“, возразилъ на это владыка, — не было настоянной грамоты, такъ я не служилъ и трехъ дней“. Выведенный изъ себя, Теокистъ тогда воскликнулъ: „Вижу, что тебѣ хочется съ меня содрать; но мнѣ дать нечего: хочешь, возьми и архимандритство, и настоянную грамоту; хочешь, сдери съ меня, владыко, и ризы: я и о томъ не стану тужить“. Скандаль закончился со стороны Леонида приглашеніемъ игуменовъ и священниковъ быть свидѣтелями прекословія Юрьевского архимандрита своему владыкѣ на соборѣ ³⁾.

священническихъ и на дьяконскихъ переходныхъ и новичныхъ гривень не емлютъ». Ср. тамъ же, I, 277—278, 1551 г.

¹⁾ Стоглавъ, гл. 89, стр. 380, 1551 г.: «А отъ настоянныхъ грамотъ архимандритскихъ и игуменскихъ имати по 2 влатняцы, сирѣчь по рублю Московскому, а отъ благословенныхъ грамотъ... по полтинѣ».

²⁾ П. С. Р., Л., III, 170, 1572 г.: «Да и священникомъ всѣмъ говорилъ: кольбео де я былъ въ Новгородѣ, и вы ди мнѣ грамотъ не носили своихъ поповскихъ подписывати... а которые деи дальніе священники, ино ихъ Богъ прости».

³⁾ П. С. Р., Л., III, 170, 1572 г.

Еще большее развитіе получилъ второй и главнѣйшій видъ владычныхъ пошлинъ, имѣвшій своимъ источникомъ владычнее управленіе въ тѣсномъ смыслѣ. Такъ какъ владычнее управленіе выражалось въ двухъ формахъ, въ личномъ участіи владыки въ епархіальныхъ дѣлахъ и въ дѣятельности его органовъ, то и доходы владыки были двоякаго рода. Къ доходамъ перваго рода отпосился подѣздъ, а къ доходамъ втораго — десятина ¹⁾. Въ восточной, Московской Руси подѣзда не встрѣчается; тамъ на его мѣстѣ стоитъ дань, посивпал по времени взноса ея названія сборнаго, рождественскаго и петровскаго. Подѣздъ собственно составлялъ отличительную принадлежность Новгородской церкви, которая была удержана Московскими владыками только какъ весьма удобная форма владычныхъ сборовъ. Какъ въ собственно новгородское время, такъ еще болѣе въ московское подѣздъ представлялъ не одну какую-либо пошлину, а цѣлую систему разныхъ налоговъ. Въ число обыкновенныхъ подѣздныхъ пошлинъ входили подѣздъ въ собственномъ смыслѣ и благословенная купица: первый въ начальное время имѣлъ значеніе платы владыкѣ за путевыя издержки его при обзорѣннн епархіи, а вторая — дара за преподаніе благословенія епархіальному духовенству на мѣстѣ. Впоследствии къ числу подѣздныхъ (владычныхъ) пошлинъ присоединились еще и казенные алтыны; но о значеніи этого побора при существующихъ данныхъ нельзя составить себѣ мнѣніе даже и гадательно ²⁾. Что же касается до втораго вида владычныхъ сборовъ, десятины, то происхожденіе ея скрывается въ содержаніи мѣстныхъ представителей владычней власти, десятильниковъ и ихъ помощниковъ. Поэтому въ руки самаго владыки десятина поступала только тогда, когда извѣстный причетъ или рядъ причтовъ добивался отъ епархіальнаго главы изъятія изъ-подъ власти десятильниковъ. Приравнивая себѣ въ подобныхъ случаяхъ десятину, владыка чрезъ это получалъ возможность, безъ особеннаго для себя уцѣрба, жаловати вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ власти десятильниковъ и нѣкоторымъ льготы во взносѣ церковныхъ пошлинъ тѣмъ причтамъ, которые по какому-либо причинамъ обнищали или вообще затруднились исправнымъ

¹⁾ А. И., I, 364—365, 1577 г.: «а прѣжъ ден сего платили изъ погоста попы наши пошлины, подѣздъ и десятину»...

²⁾ А. И., I, 365, 1577 г.: «и тому попу и всему причту церковному давати... мнѣ за мой подѣздъ и за благословенную купицу, съ товъ церкви особно на всякъ годъ 11 алтынъ съ деньгою, да казенные пошлины шесть алтынъ».

внесениемъ сборовъ въ ихъ полномъ объемѣ ¹⁾. Но коль скоро такого изъятія изъ-подъ власти десятильниковъ не было, десятина со всѣхъ церквей шла въ руки первыхъ сполна. Подобно подъѣзду, и десятина не есть какой-либо единичный поборъ: это также цѣлая система мелкихъ поборовъ и даже повинностей. Прежде всего подъ десятинной разумѣлись разныя натуральныя повинности, которыми мѣстное духовенство обязано было въ отношеніи своего десятичника, а именно постройка десятиничья двора, дача десятищику и другимъ людямъ владѣнки подводъ, лодокъ и проводниковъ ²⁾. А затѣмъ, кромѣ натуральныхъ повинностей, десятина налагала на духовенство и денежныя обязанности: послѣднее должно было платить десятинику кормъ (пошлину, бывшую первоначально также натуральною), даръ, вѣзжее и записное. Значеніе этихъ пошлинъ извѣстно не всѣхъ. Быть можетъ, подъ вѣзжимъ разумѣлась плата, которую получалъ десятичникъ за свой трудъ при объездѣ десятицы для сбора корма, а подъ записнымъ—плата за вписаніе въ особую книгу отмѣтки объ исправленіи ею тягловыхъ обязанностей ³⁾. Прибавимъ въ заключеніе, что независимо отъ постоянныхъ пошлинъ, епархіальное управленіе налагало на духовенство еще много поборовъ временныхъ. При каждомъ обращеніи по дѣламъ къ главѣ епархіи непосредственно духовенству приходилось платить деньги частію въ Софійскую казну, частію же

¹⁾ А. И., I, 325—326, 1563 г.: «И будетъ такъ, какъ онъ (попъ съ дьякономъ одной Устюженской церкви) намъ... сказывали, и язъ ихъ пожаловалъ: давать имъ въ домъ св. Софьи и мнѣ за мои подъѣзды и за благословенную кунцу на всякъ годъ по гривнѣ по Московской; а десятиникамъ моимъ даетъ тотъ попъ и дьяконъ и весь причетъ церковный, за ихъ десятиничъ кормъ и за даръ, по 2 алтына безъ денги Московской; а привозити имъ тѣ денги, подъѣзды и десятина, самѣмъ въ В. Новгородъ, въ нашу казну... а кому будетъ до того попа... каково дѣло, и мои недѣлщики даютъ ихъ на поруку, а срокъ имъ чинить передъ меня архіепископа»... Тамъ же, I, 457, 1592 г.: «А кому будетъ дѣло до тѣхъ поповъ... и десятичникъ нашъ Новоторжской ихъ не судитъ ни въ чомъ, а даетъ ихъ на поруку... а срокъ имъ чинить передъ меня... а сужу ихъ язъ самъ митрополитъ».

²⁾ А. А. Э., I, 360, 1577 г.: «а десятиничны мои... у тѣхъ игуменовъ и поповъ и дьяконовъ не ставятся, ни кормовъ, ни подводъ, ни проводниковъ у нихъ не емлютъ, и десятинична имъ двора не ставятъ, ни съ тяглыми имъ попы не тянутъ ни въ которые напя пошлины».

³⁾ А. И., I, 365, 1577 г.: «а десятиничкамъ моимъ даетъ тотъ попъ и весь причетъ церковный за кормъ, и за даръ, и за вѣзжее, и за записное, и за все его десятиничны пошлины, на всякъ годъ, по пяти алтынъ»... Ср. А. А. Э., I, 176, 1542 г.; А. И., 216, 1547 г.

владычнымимъ людямъ, дьякамъ, печатникамъ, истонникамъ и т.п. Каждое соприкосновеніе съ церковнымъ судомъ грозило духовнымъ штрафами и судебными пошлинами. Послѣднія были тѣмъ обременительнѣе, что въ свою очередь образовали цѣлую особенную систему ¹⁾.

Система закрѣпощенія духовенства до того вошла въ плоть и кровь московской эпохи, что завлекла въ свои сѣти самыя христіанскіе обычаи и обратила ихъ въ доходныя статьи епархіальной власти. Къ числу такихъ обычаевъ принадлежитъ, наиримѣрь, обычай духовенства христосоваться со своимъ владыкой въ день Пасхи. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначально при этомъ владыкѣ подносилось красное яйцо: но съ теченіемъ времени такое приношеніе найдено уже слишкомъ обыкновеннымъ и потому замѣнено денежнымъ взносомъ, который платился даже и тамъ, гдѣ владыки совсѣмъ не было на лицо. Такимъ образомъ возникъ поборъ, извѣстный подъ названіемъ: „за великоденское (велиденское) яйцо“ или просто подъ названіемъ „яичной пошлины“. При этомъ въ дальнѣйшемъ теченіи жизни владычнiе люди стали относиться къ этому побору, имѣвшему, очевидно значеніе добровольнаго дара, съ такою строгостью, что не только требовали отъ духовныхъ за яйцо не меньше новгородской гривны, по и прибѣгали, въ случаѣ недоставленія пошлины именпо въ этомъ размѣрѣ, къ мѣрамъ принудительнымъ, взыскивали ее съ духовенства при помощи приставовъ. Такой образъ дѣйствія былъ такъ мало сообразенъ съ сущностью дѣла, что Макарій, одинъ изъ лучшихъ Новгородскихъ владыкъ, считалъ въ 1528 году своею обязанностью напомнить своему псковскому намѣстнику, что нельзя ни отъ кого требовать за яйцо больше того, что онъ принесетъ добровольно, и что не будетъ никакой бѣды, если бѣдный человѣкъ и совсѣмъ ничего не принесетъ ²⁾. Примѣръ епископа Макарія однако не вызвалъ, кажется, особенныхъ подражаній. По крайпей мѣрѣ районъ яичной пошлины съ теченіемъ исторіи все увеличивался. По даннымъ XVI вѣка, она взималась въ самомъ Новгородѣ, кромѣ городскихъ священ-

¹⁾ А. И., I, 326, 1563 г.

²⁾ *Воеводъ*, Ист. Княж. Псков., II, 85—86, 1528 г.: «Да биша мнѣ (владыкѣ Макарію) чело мъ старосты штисоборскіе и игумены, и священнопопко и священники и дьяконы, что нашъ намѣстникъ смелъ на нихъ за великоденское яйцо по гривнѣ по Новгородской за приставомъ; и азъ пожаловалъ, кто что принесетъ нашему намѣстнику за яйцо по своей силѣ, то ему и взяти; а которому молодому челоуку принести нечего, и азъ на томъ намѣстнику своему прощати не велѣлъ ничего».

послужителей, только съ десяти иногородныхъ монастырей. Но изъ приходныхъ книгъ Софійскаго дома 1654—1664 годовъ видно, что въ XVII столѣтіи великоденское яйцо платилось уже двадцатью шестью новгородскими монастырями ¹⁾).

Ограниченіе финансовыхъ средствъ Софійской казны коснулось не выгодно не одного только Новгородскаго епископа, но одинаково и капитула Софійскаго собора, служившаго ближайшимъ помощникомъ владыки въ его духовной дѣятельности. У капитула остались, правда, нетронутыми старыя церковныя доходы, но при многочисленности софійскаго клира, состоявшаго, напримѣръ, въ 1542 году изъ 43 человекъ, въ томъ числѣ изъ протопопа, протодіакона и 18 придѣльныхъ священниковъ, они не въ силахъ были закрыть пустоту, образовавшуюся послѣ секуляризаціи софійскихъ вотчинъ. Поэтому, съ наступленіемъ Московской эпохи, со стороны Софійскаго капитула также обнаруживается стремленіе къ улучшенію своего положенія, къ приобрѣтенію новыхъ источниковъ содержанія. Но такъ какъ епархіальное духовенство и безъ того было завалено разнаго рода поборами, то обращаться съ новыми требованіями къ нему было рѣшительно невозможно. Вся надежда должна была теперь сосредоточиться на мірѣ. Но и здѣсь не такъ-то легко было отыскать какую-либо доходную статью. Подобно духовенству, и міряне несли на себѣ разныя поборы въ пользу епархіальной власти. Софійскій капитулъ однако нашелся. Онъ не сталъ требовать невозможнаго, введенія какой-либо новой пошлины, а обратился къ старинѣ и положилъ отбить у своего владыки вѣщепную пошлину. Такъ назывался поборъ, который вносили въ пользу епископа вступающія въ бракъ лица за выдачу имъ позволенія, а впоследствии даже и особой записи, вѣщепнаго знамени или вѣщепной памяти. Обстоятельства какъ пельзя болѣе благопріятствовали осуществленію подобнаго плана. Дѣло въ томъ, что съ водвореніемъ московскаго владычества въ Великому Новгородѣ не бывало часто епископа по нѣскольку лѣтъ съ-ряду, и такимъ образомъ владычніе интересы не имѣли своего законнаго представителя. Софійское духовенство и воспользовалось искусно однимъ изъ такихъ промежутковъ. По удаленіи—именно въ іюнь 1504 года—Новгородскаго владыки Геннадія въ Москву, капитулъ Софійскаго собора немедленно же обратился къ великому князю Ивану III съ челобитною, въ которой, указавъ на свое затруднительное

¹⁾ *Прилжжаевъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. за авг. 1875 г., стр. 220.*

финансовое положеніе, просилъ его о пожалованіи царскою рогой, а главное, о передачѣ въ вѣдѣніе клира вѣчной пошрины съ мірянъ Новгородской епархіи. Просьба была уважена и въ августѣ того же 1504 года Софійскому капитулу была выдана жалованная грамота на вѣчную пошлину. По этой грамотѣ капитулу предоставлено было право собирать вѣчную пошлину съ четырехъ Новгородскихъ пятинъ, Деревской, Шелонской, Вотской и Обонежской (пятая, Бѣжицкая, вѣроятно, была оставлена за владыкой), всего со ста десяти погостовъ ¹⁾, а размѣръ ея опредѣленъ для холостыхъ и дѣвицъ по полторы, а для вдовцевъ и вдовъ вдвое, то-есть, по три новгородскимъ дегьги ²⁾. Пожалованіе это сразу подняло и обезпечило матеріальное существованіе Софійскаго клира. Благодаря присоединенію вѣчной пошрины къ старымъ софійскимъ церковнымъ поборамъ, общая сумма доходовъ Софійскаго собора возрасла до значительной цифры трехсотъ пятидесяти московскихъ рублей³⁾. Софійскій клиръ имѣлъ такимъ образомъ всѣ основанія быть довольнымъ; по иначе отнеслись къ приобрѣтенію капитула Новгородскіе владыки. Долгое время они, правда, молчали, но въ концѣ концовъ не вытерпѣли. Въ 1641 году Новгородскій митрополитъ Аѳеопій обратился къ царю Михаилу Федоровичу съ жалобой на то, что Софійскій протопопъ и его братія не правильно взимаютъ вѣчную пошлину въ Сомерскомъ погостѣ Шелонской пятинны и въ Пречистенскомъ погостѣ на Тихвинѣ въ Обонежской пятинѣ. Какъ основаніе неправильности, митрополитъ Аѳеопій вообще выставялъ тотъ фактъ, что по царскимъ узаконеніямъ ни въ патріаршеской области, ни въ митрополіяхъ, ни въ епископіяхъ протопопы и попы не могутъ пользоваться вѣчною пошлп-

¹⁾ А. А. Э., III, 452, 1504 г.: «а въ спискѣ съ жалованной грамоты 7012 году (время дачи грамоты въ Чт. М. О. И. и Др., 1866 г., III, смѣсь, 71, опредѣляется: «лѣта 7012, августа») написано: се изъ князь великіи... пожаловали въ своей отчинѣ въ Вел. Новгородѣ Софійскаго протопопа... ди протодіакона... да придѣльныхъ поповъ и дьяконовъ, велѣли имъ имѣти пошлину отъ вѣнцовъ въ Вел. Новгородѣ и на посадѣхъ и въ погостяхъ въ Деревовой пятинѣ съ погостовъ... а въ Шелонской пятинѣ съ погостовъ... а въ Вотской пятинѣ съ погостовъ... а въ Обонежской пятинѣ съ погостовъ...»

²⁾ А. А. Э., III, 453, 1504 г.: «а имѣти имѣ-та пошлину отъ вѣнцовъ съ отрока полторы денги Новгородскія, а съ дѣвицы тожь, съ вдова три денги, со вдовы тожь, то имѣ п отъ печати».

³⁾ А. А. Э., III, 453, 1546 г.: «а доходило де имъ всѣхъ пошлпвъ, до новаго соборнаго уложенья, на годъ до полчетвертаста рублей Московскихъ, а въ иномъ году болши того, а въ иномъ менши того».

ною нигдѣ въ уѣздахъ; въ частности же ссылался и на то обстоятельство, что новгородское софійское духовенство не имѣетъ для оправданія своего образа дѣйствій и царской жалованной грамоты ни старой, ни новой, а опирается только на списокъ ¹⁾. Но не смотря на всѣ доказательства, митрополиту Афѳонію не удалось воротить назадъ въ свои руки вѣчную пошлину. При разборѣ дѣла въ Москвѣ софійское духовенство разъяснило, что жалованная царская грамота сгорѣла у нихъ во время пашествія Шведовъ, и такъ какъ это разъясненіе было найдено справедливымъ, то и вѣчная пошлина оставлена по прежнему за капитуломъ ²⁾.

¹⁾ А. А. Э., III, 451, 1641 г.: «Въ прошломъ 149 году билъ намъ челомъ богомолецъ нашъ Афѳоній... на Софійскаго протопопа... съ братьею; емлютъ де они насильствомъ вѣчную пошлину въ Тиѳинскомъ посадѣ и въ Сомерѣ, со 135 храмовъ, по спискомъ, а у нихъ де нашей (подлинной царской) грамоты старыя и новыя нѣтъ... а по нашему де (царскому) указу, у патриарха, и у митрополитовъ, и у архіепископовъ, и у епископа, протопопы и попы вѣчною пошлиною въ уѣздахъ не владѣютъ, кромѣ города посадскихъ людей»...

²⁾ А. А. Э., III, 454, 1641 г.

А. Мининскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НОВѢЙШІЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕ-ЧЕШСКАГО ЯЗЫКА ¹⁾).

Критическія замѣтки о древнемъ и новомъ. По исторіи славистики.

(ПАМЯТИ АББАТА ІОСИФА ДОБРОВСКАГО).

IX.

Съ изобличеніемъ подложности значительной части чешскихъ глоссъ *Mater Verborum* рушится одна изъ опоръ достовѣрности и подлинности Суда Любуши и Краледворской рукописи. Защитники и комментаторы послѣднихъ не разъ въ своихъ объясненіяхъ прибѣгали къ помощи тѣхъ изъ этихъ глоссъ, кои нынѣ оказались подложными. Опровергая мнѣніе Добровскаго о Судѣ Любуши, Палацкій въ 1829 г. между прочимъ замѣчалъ: „Слово *rozřešiti* Добровскій называлъ не древне-чешскимъ, а русскимъ; но изъ того, что мы нигдѣ его у Чеховъ не находимъ, это по крайности еще не слѣдуетъ. Кто могъ бы думать нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что такія славянскія слова, какъ *tuča*, *watra*, *mln*, *žestoky*, *šcerý* и сотни другихъ, сохраненныхъ намъ Вацерадомъ въ 1102 г., были извѣстны древнимъ Чехамъ?“ ²⁾. — Объясняя сл. *ladni* въ Судѣ Любуши, Шафарикъ между прочимъ говоритъ: „Первоначальное значеніе основы *lad* было конечно блескъ, *nitor*, *stvúčest'*, что подтверждаетъ также М.

---

¹⁾ *Продолженіе*. См. мартовскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ *Wiener. Jhrb.* 1829, В. 49, S. 165 — 166. Слова *тучи* нѣтъ ни въ подлинныхъ, ни въ подложныхъ глоссахъ. Всѣ прочія слова находятся въ глоссахъ подложныхъ.

V. nitens, serenus, ladny* ¹⁾). На замѣчаніе Добровскаго, что прилаг. otен древнерусское, а не чешское слово, и что сочинитель Суда Любуши взялъ его изъ Слова о Полку Игоревѣ, — Шафарикъ и Палацкій сослались также на Вацерадову глоссу otne rашѣту, также подложную. Слова rіzno и najrіznejі Краледворской рукописи объясняли rіzne die Суда Любушина и въ свою очередь подтверждались подложною глоссою Вацерада rіzny. Слова Краледворской рукописи chrabrost, bodrost, srotichu se были поясняемы подложными же глоссами Вацерада bodr, srosenie. Только запятое и знаменитое варито Забол не находило себѣ подтвержденія у столь вообще обязательнаго и услужливаго Вацерада. Послѣ труда Баума и Патеры всѣ эти удачныя толкованія и счастливыя подтвержденія должны уже прекратиться. Въ этомъ смыслѣ и и сказалъ: одною опорой теперь меньше у Суда Любуши и Краледворской рукописи.

Но изболженіе подложности восьмисотъ сликкомъ глоссъ Mater Verborum напоситъ этимъ двумъ памятникамъ еще кажется болѣе чувствительный ударъ совершенно съ другой стороны. Оно оправдало сомнѣнія и подозрѣнія Копитара, котораго Шафарикъ и Палацкій обвиняли за это въ непаучности и легкомысліи. Точно такимъ же образомъ раскрытая двадцать лѣтъ назадъ подложность двухъ другихъ чешскихъ памятниковъ, отнесенныхъ Шафарикомъ и Палацкимъ къ XIII вѣку, именно Пѣсни о Вышеградѣ и Любовной пѣсни короля Вячеслава I, оправдала сужденіе Добровскаго о первой, какъ о новѣйшей поддѣлкѣ. Теперь естественно у многихъ возникаетъ вопросъ: не правы ли были Добровскій и Копитаръ въ своихъ сужденіяхъ, первый—о Судѣ Любуши и второй—о Краледворской рукописи, и не увлекались ли Шафарикъ и Палацкій относительно этихъ памятниковъ, какъ увлекались они на счетъ чешскихъ глоссъ Mater Verborum и Пѣсни о Вышеградѣ и короля Вячеслава I?

Въ извѣстной книгѣ Палацкаго и Шафарика: Die ältesten Denkmäler der böhm. Sprache, 1840 г., съ видимою казалось критическою строгостью и со всѣмъ виѣшнимъ аппаратомъ учености были изданы: Судъ Любушинъ, отрывки Евангелія отъ Іоанна и чешскія глоссы Mater Verborum. Тутъ же въ введеніи, § 2, въ обзорѣ древнѣй-

¹⁾ Die ält. Denk. S. 52. Глосса ladny — подложная, и вписана, какъ глоссы rodny и пр., съ пѣвѣткою цѣлю.

нихъ памятниковъ, къ XIII в. отнесены еще два подложные памятника: Пѣснь о Вышеградѣ и Любовная пѣснь короля Вячеслава I.

Въ 1845 г. вышла не болѣе быть можетъ счастливая книжка подъ заглавіемъ: *Gedichte aus Böhmens Vorzeit verdeutsch von Joseph Mathias Grafen von Thun*. Prag. 1845. Къ пѣмецкому переводу въ стихахъ Краледворской рукописи графа Туна Шафарикъ написалъ вмѣсто предисловія пѣлую статью объ этомъ памятникѣ. Къ нимъ же приложены чешскій текстъ и стихотворный же пѣмецкій переводъ еще трехъ стихотвореній, именно Суда Любуши, Пѣсни о Вышеградѣ и Пѣсни короля Вячеслава. Палацкій написалъ къ каждой пѣснѣ по краткому примѣчанію.

Эта книжка представляла собою въ пѣкоторомъ родѣ вещественный знакъ невещественныхъ отношеній чешскихъ ученыхъ и влассетцевъ къ чешской исторической шляхтѣ. Она была какъ бы зародышемъ явившейся впоследствии и нынѣ называемой старо-чешской партіи. Она прообразовывала министерство г. Юсифа Иречка въ кабинетѣ графа Гогенварта, даже быть можетъ д-ра Ригра съ графомъ Клам-Мартиницемъ. Само собою разумѣется, такой счастливый союзъ долженъ былъ ввести въ ряды чешской народной партіи и неразлучныхъ спутниковъ чешской аристократіи: Карлаховъ съ товарищи. Эти нѣмецкія стихотворенія графа Туна были—можно сказать—первымъ въ то время плодомъ любви чешской аристократіи къ чешской народности. Въ своемъ предисловіи графъ Тунъ выражаетъ скромное сомнѣніе, что „ему ли едва ли удалось хотя приблизительно передать возвышенную простоту, при такой полнотѣ мыслей“. Далѣе переводчикъ выражается не менѣе изысканно и еще чувствительнѣе: „Когда мнѣ выпало счастье умѣть читать и понимать эти святыни (*diese Heiligthümer*) въ древнемъ текстѣ, то меня охватила невыразимая грусть (*Wehmuth*) и по мнѣ живо пробудилось желаніе предложить нѣмецкимъ очамъ, желающимъ видѣть, это свидѣтельство нечаемой образованности. Стремясь проникнуть въ духъ, я чувствовалъ на себѣ его наитіе. Такъ возникъ этотъ опытъ; буде онъ не удался, какъ того желало мое сердце, да простятъ мнѣ благосклонно мои соотечественники“.

Впрочемъ нѣмецкій переводъ графа Туна не столько предназначался для германскихъ очей, желающихъ видѣть,—передъ ними давно уже былъ довольно хорошій переводъ Свободы,—сколько главнѣйше, кажется, имѣлъ въ виду чешскую аристократію. Безъ нѣмец-

каго перевода она ровпо ничего не могла понимать въ этихъ чешскихъ святняхъ ¹⁾). Изданія плебеснъ, властенцевъ Ганки и Свободы, не могли находить себѣ доступъ въ салоны и кабинеты чешской аристократіи, хотя бы и съ изыщнымъ нѣмецкимъ переводомъ. Въ то время она уже утратила послѣдвіе слѣды волтеріанства и іосефинской эпохи и снова стала вѣрною духовнымъ и политическимъ преданіямъ Бѣлогорскихъ побѣдителей. Вся чешская словесность отъ Щитнаго до Коменскаго, какъ и вся чешская исторія отъ короля Вячеслава IV до счастливаго воцаренія Фердинанда II, представлялась, какъ представляется и теперь воспитанной въ слѣпой и тупой преданности Риму чешской исторической шляхтѣ, чѣмъ-то крайне дурнымъ и печальнымъ. Одни свѣтлые лики и дивные подвиги Іоанна Непомука да Іоанна Саркандра успокоиваютъ эти добрыя души и нѣсколько примиряютъ ихъ съ тѣмъ мрачнымъ и страшнымъ прошедшимъ. Тотъ самый тлетворный духъ безначалія и свободомыслія, который строго преслѣдовалъ въ Австріи Метернихъ, а позже столь же рѣшительно осудилъ Цій IX въ своемъ снлабусѣ, духъ ереси и демократіи, на глазахъ чешской знати тогдашней и теперешней паскувозъ заражалъ эту чешскую старину. Во всѣхъ лучшихъ памятникахъ старой чешской письменности не прозываются ли прямо Римъ Вавилономъ, а святѣйшій отецъ—антихристомъ?

Умнѣйшіе чешскіе аристократы, въ родѣ графа Туна, усмотрѣли въ 40-хъ годахъ сильный подъемъ совсѣмъ было убитой чешской народности. Дабы не утратить въ страпѣ вліянія, дабы умѣрять и направлять это движеніе во благо представляемыхъ и охрапляемыхъ ими началъ, они признали нужнымъ нѣсколько сблизиться хотя съ нѣкоторыми чешскими народными дѣятелями. Нѣкоторые изъ нихъ давно уже представлялись и расшаркивались предъ чешскою аристократіей, докладывая, что тутъ нѣтъ ничего для нея опаснаго. Сближеніе состоялось. Графъ Тунъ научился читать и понимать по чешски, пришелъ въ восхищеніе отъ Краледворской рукописи и Пѣсни о Вышеградѣ, отъ Суда Любуши и Пѣсни короля Вячеслава I. Я не берусь рѣшать, на сколько въ этомъ увлеченіи было дѣланнаго и естественнаго; полагаю однако, что тутъ было и то, и другое. Графъ Тунъ искренне

---

¹⁾ Да и переводъ графа Туна часто перифраза, а то и простой плагиатъ перевода Свободы. Цѣлыя стихи послѣдняго иногда цѣликомъ повторены у Туна. Или быть можетъ тутъ была счастливая случайность?

радовался отъ удовольствія, что ему такъ легко, безъ особыхъ усилийъ досталось обращеніе въ Чеха, даже старо-Чеха. Сближаясь съ чешскими властителями, опъ этого имеппо и желалъ; по не понимая ясно, что для этого нужно, опъ могъ естественно смущаться передъ неизвѣстностью и ожидать, что потребуются пожалуй тяжелыя жертвы. Легкость полученія желаннаго незамѣтно возвышала въ его глазахъ внутреннее значеніе переведенныхъ имъ древне-чешскихъ стихотвореній. Въ восхищеніи ими графа Туна была и дѣланность, какъ оно видно изъ самой уже изысканности выраженій: все искренне прочувствованное выражается просто и естественно. Дѣланность и искусственность Тунова восторга и его напускной чешскій энтузіазмъ совершенно впрочемъ попятны. Чешскому аристократу, ультрамонтану и Австрійцу до мозга костей, нисколько не легче и не естественнѣе возлюбить чешскую старину и пародность, чѣмъ возлюбить старину и народность сербскую богатому боснійскому бегу-мусульманину. Беги имѣють еще то преимущество передъ чешскими аристократами, что они никогда не забывали своей родной рѣчи и часто совсѣмъ не выучивались по турецки, тогда какъ чешскіе беги часто совсѣмъ не знали по чешски и давно усвоили себѣ нѣмецкій, какъ родной, отечественный языкъ. Казни, жестокія гоненія и преслѣдованія, обрушившіяся на несчастную гусситскую и братскую Чехію послѣ Бѣлогорской битвы со стороны Австріи, Рима и іезуитовъ, свидѣтельствуютъ о такой глубинѣ религіозной вражды, дикой злобѣ и тупой ненависти, что онѣ еще поспорятъ съ мусульманскимъ фанатизмомъ. Мусульмане-Турки не разъ спасали и охраняли православныхъ своихъ подданныхъ отъ посягательствъ Рима и захватовъ запада. Фанатизмъ мусульманскій пробуждался временами, и Босняки-беги вообще не были такими яркими и тупыми приверженцами мусульманства, какими ультрамонтанами были со второй половины XVII в. и по большей части остаются до сихъ поръ чешскіе аристократы. Такимъ образомъ было немало лжи въ восхищеніи графа Туна этими свитынями и свидѣтельствами нечаемой образованности. Чехія Щитнаго, Милича и М. Яповскаго, Гуса и Іеронима, Жижки и Прокона, Благовослава, Коменскаго, Жеротиновъ имѣла святыни и представила много свидѣтельствъ во всякомъ случаѣ почище и покрупнѣе Пѣсни о Вышеградѣ, Пѣсни короля Вячеслава I и другихъ стихотвореній, переведенныхъ по нѣмецки графомъ Туновомъ. Однако онъ со всею своею братіей отворачивался и бѣжалъ

отъ нихъ, какъ отъ проказы. Если изъ-за сближенія графа Туна съ Шафарикомъ и Палацкимъ можно было ожидать появленія Штульцевъ, Малихъ и Карлаховъ въ рядахъ чешскихъ народныхъ дѣятелей, что должно было радовать и утѣшать графа Туна, то онъ слишкомъ былъ уменъ и дальнорокъ, дабы не предвидѣть, съ другой стороны, приближающихся Сладковскихъ и иныхъ младо-Чеховъ, готовыхъ мужественно напоминать и повторять своей родинѣ смѣлую рѣчь благо-роднаго В. Внгерда:

Bohemicus sanguis, si quod tibi restat aviti
 Roboris, indigno subtrahe colla iugo!
 Qui Domini tanto servasti iussa superni
 Tempore, papalibus contaminari cave!

Такими печальными предчувствіями омрачалась радость графа Туна по поводу дешевой побѣды надъ Палацкимъ и трудностями перевода Краледворской рукописи на нѣмецкій языкъ. И оттого изысканно выраженное гр. Туномъ восхищеніе древними чешскими стихотвореніями заключало-таки въ себѣ много фальши и дѣланнаго. Во всякомъ случаѣ этотъ переводъ гр. Туна имѣлъ главнѣйше въ виду — чешскую аристократію. Онъ долженъ былъ побѣдить ея понятное отвращеніе къ чешской старинѣ и народности. Нѣмецкій переводъ древне-чешскихъ стихотвореній, сдѣланный самимъ гр. Туномъ, представителемъ хорошей фамиліи, членомъ строго католическаго семейства, служилъ иѣрнымъ ручательствомъ, что въ этихъ хотя и чешскихъ памятникахъ не было съ одной стороны ничего грубаго и низкаго, ничего простонароднаго и демократическаго, а съ другой—и ничего гуситскаго и еретическаго, ничего такого, что такъ претило и претитъ исторической шляхтѣ въ чешской старинѣ и народности. Выходки язычника Забои противъ христіанства, выраженныя графомъ Туномъ въ элегической жалобѣ:

und nur eine Gattin sei erlaubt
 für die Pilgerfahrt durch ganze Leben ¹⁾,

могли даже имѣть своего рода пикантность для многихъ Cavalieren изъ исторической шляхты. Кое же какія нападки на Нѣмцевъ въ Судѣ Любуши и Краледворской рукописи точно также могли быть

¹⁾ Слово *rouc'* (путь) впрочемъ очень хорошо извѣстно чешскимъ аристократамъ (оно теперь значитъ *die Wallfahrt*), обозначая одинъ изъ немногихъ любимыхъ обычаевъ Чешскаго народа.

объясняемы и употребляемы на пользу чешской аристократіи. Ихъ остріе легко было отвести отъ Габсбурговъ и ad majorem Dei gloriam обратить противъ протестантства и новѣйшей нѣмецкой образованности. Вообще нѣмецкій переводъ Краледворской и Зеленогорской рукописей графа Туна имѣлъ ту главнѣйше заслугу, — если только это заслуга, — что ознакомилъ значительную часть чешской аристократіи съ чешскими стихотвореніями, не имѣвшими впрочемъ на эту затхлоу среду никакого особенно добраго вліянія.

Строго говоря, книжка графа Туна имѣетъ извѣстную важность и значеніе только ради введенія Шафарика и примѣчаній Палацкаго. За выключеніемъ книжки Псбесскаго 1853 года и статьи профессора Томка (1849 года) да злодѣйскаго указапія Воцели на Марко Поло, эта статья Шафарика и эти примѣчанія Палацкаго вмѣстѣ съ его статьею (Wiscn. Jahrb. 1829) по нынѣ составляютъ самое лучшее и цѣнное въ цѣлой массѣ брошюръ и статей, написанныхъ въ защиту и прославленіе Краледворской рукописи. Точно также и замѣчанія Палацкаго и Шафарика въ ихъ изданіи Die ältesten Denkmäler der böhm. Sprache важнѣе всего по нынѣ сказаннаго въ пользу Суда Любуши. Все почти написанное въ этомъ смыслѣ объ этихъ пресловутыхъ памятникахъ есть болѣе или менѣе повтореніе и разведеніе на водѣ замѣчаній и соображеній Палацкаго и Шафарика.

Въ книжкѣ графа Туна напечатанъ нѣмецкій переводъ съ текстами en regard и Пѣсни о Вышеградѣ и Любовной пѣсни короля Вячеслава I. Объ этихъ памятникахъ Шафарикъ въ введеніи, а Палацкій въ примѣчаніяхъ высказали свои мнѣнія. Съ ними теперь мы должны познакомиться. „Намъ остается“, говоритъ Шафарикъ, „упомянуть еще о трехъ другихъ поэтическихъ созданіяхъ, взятыхъ сюда для пополненія цикла поэтическихъ произведеній изъ древности чешской“. „Вонервыхъ, это Судъ Любуши..., вонторыхъ, Пѣснь о Вышеградѣ... Это стихотвореніе, найденное покойшимъ писателемъ Лиудоу на одномъ пергаменномъ листкѣ и изданное сперва Ганкою (1817 года), а затѣмъ Добровскимъ (Gesch. d. böhm. Lit. 1818. S. 109), представляетъ только отрывокъ. Эти стихотворенія (то-есть, Судъ Любуши и Пѣснь о Вышеградѣ) по своему духу и существу принадлежатъ также, какъ и Краледворская рукопись, чисто народной поэзіи. Инаго происхожденія, и другое имѣетъ значеніе тоже неполная, хотя сохранившаяся въ весьма древнемъ, почти современномъ спискѣ Любовная пѣснь короля Вячеслава I, заключающая этотъ сборникъ и по своей

простой природѣ не нуждающаяся въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи" (seiner einfachen Natur keiner Besprechung bedarf).

Къ пѣснѣ о Вышеградѣ Палацкій написалъ слѣдующее примѣчаніе: „Она находится на кускѣ пергамена, хранящемся въ музеѣ, и должна была быть написана въ первой половинѣ XIII вѣка. Сама пѣснь ведетъ свое начало отъ болѣе ранняго времени, когда Вышеградъ по вѣдшему своему виду былъ еще интереснѣе Праги“.

Къ Любовной же Пѣсни короля Вячеслава I Палацкій примѣтилъ: „Это отрывокъ одной изъ тѣхъ трехъ пѣсней, ради коихъ Чешскій король Вячеславъ I причисляется къ нѣмецкимъ литераторамъ. Если нѣмецкія пѣсни (Mannessische Sammlung. Zürich, 1748) оригиналы, тогда чешская пѣснь будетъ переводъ; но ея сжатость и многословіе первыхъ позволяютъ заключать о противномъ. Вѣроятно, какой-нибудь Нѣмецъ при дворѣ королевскомъ перевелъ его чешскія пѣсни на нѣмецкій языкъ. Рукопись, содержащая этотъ отрывокъ вмѣстѣ съ пѣснью (Краледворской рукописи) „Олець“, въ одну пергамепную осьмушку, находится въ Чешскомъ музеѣ“.

Эти замѣчанія Шафарика и Палацкаго (1845 года) имѣютъ для насъ очень важное значеніе, и вотъ въ какомъ отношеніи. Ни въ палеографическомъ, ни въ филологическомъ отношеніи оба ученые не нашли ничего противъ причисленія обѣихъ этихъ рукописей къ чешскимъ памятникамъ XIII вѣка. Въ своей приложенной къ первому тому Vůboга (1845 г.) древне-чешской грамматикѣ Шафарикъ пользовался ими, какъ памятниками древняго языка. Въ литературномъ отношеніи Пѣснь о Вышеградѣ вмѣстѣ съ Судомъ Любуши, составляетъ, по мнѣнію Шафарика, естественное дополненіе Краледворской рукописи и также несомнѣнно, какъ и Судъ Любуши, и Краледворская рукопись, принадлежитъ къ памятникамъ чисто народнои поэзіи. Любовная же пѣснь короля Вячеслава I хотя и памятникъ личнаго творчества, достойно впрочемъ, по мнѣнію Шафарика, примыкаетъ къ Краледворской рукописи.

Противъ такого приговора такихъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ Шафарикъ и Палацкій, осторожныя и строгіе ученые между славистами, то-есть, политикою не занимающіеся, никогда не подымали своего голоса. Правда Добровскій высказался прямо и рѣшительно сперва о подложности Пѣсни о Вышеградѣ, а затѣмъ заподозрилъ кажется и Пѣснь короля Вячеслава I. Но вѣдь Добровскій отвергалъ и подлинность Суда Любуши, и отрывки Евангелія отъ Іоанна. Въ послѣдніе

годы жизни онъ сталъ неособенно уважительно отзываться даже о Краледворской рукописи ¹⁾. Копитаръ же прямо выражалъ сомнѣніе въ подлинности какъ ея, такъ и значительной части чешскихъ глоссъ *Mater Verborum*. Палацкій же и Шафарикъ въ своихъ достопамятныхъ трудахъ (1829, 1840, 1845 годовъ) побѣдоносно разсѣяли всѣ эти сомнѣнія и строго-критическимъ образомъ раскрыли и изобличили всю непаучность пирроническихъ сомнѣній Добровскаго и Копитара. Таково было господствующее мнѣніе у славистовъ и въ разныхъ общественныхъ кругахъ, Славянщиной интересовавшихся, между прочимъ и у насъ въ Россіи. Эти ошибки во мнѣніяхъ Добровскаго объяснились его старостью, болѣзнями, ослабленіемъ умственныхъ силъ и полною его неразвитостью въ художественномъ отношеніи ²⁾. Точно также и неособенно уважительный отзывъ Мицкевича объ этихъ высокихъ поэтическихъ созданіяхъ объяснялся его невѣжествомъ въ славянской филологіи. Такія же ошибки во мнѣніяхъ Копитара объяснялись его желчностью и завистью къ чешскимъ ученымъ, даже еще болѣе нечистыми побужденіями.

Коснувшись сомнѣнія Копитара въ подлинности Краледворской рукописи, Шафарикъ замѣтилъ, что онъ не особенно даже удивляется такому антикритическому приговору: „Ни въ какія времена, ни у

¹⁾ Die Königinhofer Handschrift hab ich mir noch gefallen lassen, aber jetzt sollen sie mir Ruh geben. Такъ говорилъ Добровскій кажется Челяковскому. *Nebeský. Kralodw. rukopis w Praze. 1853. S. 21. Прим. 7.*

²⁾ Челяковскій писалъ однажды (23-го января 1827 г.) Камариту: «Ondyno jsem byl u něho (Добровскаго) a srdečně jsem se zasmál: «Ich weiss nicht, was die Leute nur mit den serbischen Liedern haben wollen, — das hat alles der Kopytar so ausgesprochen, dann haben sie dem Göthe was weiss gemacht, und jetzt machen sie so viel Lärm. Und es sind doch nur Gassenhauer! Etwas anderes sind die russischen, die haben doch noch in der 3-ten Person sing. das alte *mъ*. Vidiš, tak posuzují grammatice básnické plody». (*Čelakovského, F. L. Sebrané listy. V Praze. 1865. S. 199*). Надо замѣтить, что въ это время Челяковскій былъ сильно раздраженъ противъ Добровскаго за его нападки на Судъ Любуши и отрывки Евангелія отъ Иоанна (*ibid.*, стр. 170, 193, 217, 221, 269). Ненамѣренно конечно, но увлекаясь гнѣвомъ и ради краснаго слова, Челяковскій тутъ очевидно неточно и невѣрно передалъ мысль Добровскаго. Утверждаю положительно, что такой глупости Добровскій не могъ сказать. О томъ, что въ 3-мъ л. наст. времени есть въ русскомъ *мъ*, Добровскій могъ знать и конечно зналъ и безъ пѣсенъ. Впрочемъ, по случаю смерти Добровскаго, Челяковскій писалъ Камариту: *bylt-on sťařec vší cti a vážnosti hodný... Jmeno jeho vřak stojí, a bude v paměti slovanských národů po věky státi.* (*Ibid. S. 229*).

какого народа не было недостатка въ нелоразумѣніяхъ и преувеличеніяхъ критики этого рода, а потому и въ наше „критическое“ время подобныя нападки должны были быть тѣмъ рѣзче, чѣмъ даровитѣе ученые, сужденіе коихъ опутано ложными заключеніями и заблужденіемъ и нѣсколько переходить черту природы и истины. (Это кажется почти то же, что по нашему: умъ за разумъ заходитъ.) Объ этомъ извѣстно знатокамъ исторіи литературы. Для менѣе знакомыхъ съ этою областью мы приведемъ два только пояснительные примѣра. Даровитый и ученый французскій іезуитъ І. Гардуэнъ полтора вѣка назадъ доказывалъ удивленному міру въ одномъ сочиненіи и въ ученыхъ бесѣдахъ своимъ ученикамъ, что всѣ произведенія древнихъ языческихъ и христіанскихъ писателей, за исключеніемъ книгъ Цицерона, Естественной исторіи Плинія, Георгіихъ Виргилія и сатиръ и посланій Горація, ложно приписаны древнимъ и поддѣланы учеными фальсификаторами XIII вѣка. Даровитый и ученый профессоръ Московскаго университета М. Т. Качеповскій еще недавно проповѣдывалъ устно и письменпо, при радостномъ одобреніи значительной части своихъ довѣрчивыхъ соотечественниковъ (?), что не только лѣтопись Нестора, но и вся духовная и свѣтская письменность до-монгольской Руси, Остромирово Евангеліе и Святославовъ сборникъ во главѣ, подложна и есть пздѣліе монаховъ и другихъ духовныхъ лицъ монгольскаго и послѣмонгольскаго періодовъ... Имѣя эти примѣры передъ глазами, мы не желаемъ и не можемъ пускаться въ формальную защиту Краледворской рукописи или въ изложеніе доказательствъ ея подлинности, ибо на короткій нашъ вѣкъ намъ хватить болѣе важныхъ задачъ, чѣмъ опроверженіе причудливыхъ выходокъ пирронической критики противъ такого памятника, который, по глубокому нашему убѣжденію, въ глазахъ каждаго безпристрастнаго и разсудительнаго человѣка ясно носитъ на челѣ своемъ печать своего происхожденія и въ нашей защитѣ вовсе не нуждается. Мы довѣрчиво предоставляемъ Краледворскую рукопись ея судьбѣ. Пусть она сама ведетъ и защищать свое дѣло передъ безпристрастными современниками и потомками и доказываетъ имъ, есть ли она созданіе истины, за что мы ее считаемъ, или исчадіе лжи, за что нѣкоторые выдаютъ ее“.

Довѣрчивость и надежды Шафарика, выраженный имъ въ 1845 году относительно предоставленія Краледворской рукописи ея собственной судьбѣ, не оправдались. Точно также нельзя назвать особенно удачнымъ сдѣланное Шафарикомъ сравненіе сомнѣній Копитара въ

ея подлинности и древности съ скептическими 'выходками Гардуэпа о несомнѣнно подлинныхъ произведеніяхъ древнихъ классиковъ или Каченовскаго противъ принадлежности Остромирова Евангелія и Святославова сборника XI вѣку. Позднѣйшія, по большей части полемическія статьи Палацкаго, Воцеля, Пречковъ, Гатталы, Гануша, Врятки, Тифтрушка и прочихъ, одиѣ за другимъ явившіяся съ 1859 года въ защиту Краледворской рукописи противъ повныхъ нападокъ на ея подлинность, всего лучше доказываютъ, что предоставленная самой себѣ и лишенная посторонней защиты, она ведетъ свое дѣло довольно слабо и несомнѣнно испуспо. Это повѣйшая апологетическая о ней литература вовсе не положила конца сомнѣніямъ въ ея подлинности. Уже по выходѣ въ свѣтъ лучшихъ изъ этихъ апологетическихъ статей такіе основательные и осторожные европейскіе ученые, какъ Ваттенбахъ въ Германіи и Гастопъ Парисъ во Франціи, стали пожалуй еще рѣшительнѣе Копитара утверждать подложность Краледворской рукописи. Между славистами не сыщется никого, кто рѣшился бы теперь вторить Каченовскому и не признавать заподозрѣнныхъ имъ Остромирова Евангелія и Святославова сборника памятниками XI вѣка, и находится немало почтенныхъ ученыхъ, которые заподозриваютъ Краледворскую рукопись. Между ними особенно выдается первоклассный, знаменитѣйшій славистъ—Миклошичъ. Онъ упорно молчитъ о Краледворской рукописи, не желая ни знать, ни вѣдать такого памятника древне-чешскаго языка и словесности. Къ сомнѣніямъ Каченовскаго всѣ слависты относятся теперь съ улыбкою, какъ къ давно забытому и заслуженно брошенному мнѣнію. И есть почтенные слависты, которые съ такою же почти улыбкою относятся не къ сомнѣніямъ Копитара и мнѣніямъ Фейфалика о Краледворской рукописи, а къ доводамъ ихъ противниковъ.

Такое не оправданное довѣріе и неудачное сравненіе Шафарика еще конечно не составляетъ прямаго свидѣтельства противъ подлинности Краледворской рукописи, но всячески удостовѣряетъ, что она едва ли принадлежитъ къ такимъ достовѣрнымъ и несомнѣннымъ памятникамъ, каковы Остромирово Евангеліе и Святославовъ сборникъ. Такимъ образомъ нельзя не признать извѣстнаго порока или болѣе или менѣе значительныхъ ошибокъ въ возрѣніяхъ Шафарика на Краледворскую рукопись. Если отъ этого еще нельзя заключать къ ея подложности, то слѣдуетъ однако допустить, что его увѣренность въ ея подлинности и древности не утверждалась на безукоризненныхъ и не-

сокрушившихъ основаніяхъ. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, почему Шафарикъ не нашелъ такихъ основаній? Потому ли, что сама Краледворская рукопись не заключаетъ ихъ въ себѣ, или же потому, что ему не достало проникательности замѣтить и выставить ихъ наглядно всѣмъ во очію? Масса апологетическихъ статей съ 1859 года, по видимому, говоритъ за Краледворскую рукопись и противъ Шафарика, то-есть, если въ его доводахъ въ пользу ея подлинности нѣтъ несомнѣнности, то это происходитъ не отъ сомнительности защищаемого имъ памятника. Випа, слѣдовательно, не въ Краледворской рукописи, а въ Шафарикѣ.

Обличать подложность памятника подлиннаго и утверждать подлинность памятника подложнаго — дѣло одинаково неблагодарное и трудное. Но совсѣмъ иное дѣло—доказать ли подлинность или подложность памятника несомнѣнно древняго и достовѣрнаго. Первое нетрудно даже для ученаго самаго обыкновеннаго или молодого и неособенно опытнаго, второе же невозможно даже для самаго перво-класснаго и знаменитаго ученаго.

Если такой крупный дѣятель науки и знаменитый спеціалистъ, какъ Шафарикъ, въ цвѣтущую пору своихъ силъ, не могъ и не умѣлъ доказать подлинности разбираемаго имъ памятника такъ, чтобы положить конецъ всѣмъ разумнымъ сомнѣніямъ въ его подлинности, то это могло произойти или отъ его нежеланія и неохоты, или отъ величайшей трудности, если не невозможности, доказать его подлинность. Но какъ въ Шафарикѣ ясно обнаружилось не нежеланіе и неохота, а напротивъ сильнѣйшее желаніе видѣть признаніе Краледворской рукописи и въ публикѣ, и между учеными за памятникъ подлинный и древній, то падо согласиться, что этотъ памятникъ чешской письменности во всякомъ случаѣ принадлежитъ къ памятникамъ совершенно особаго рода, подлинность и древность коихъ не бьеть въ глаза и не побѣждаетъ разумаго скептицизма, не обличается и не поддается выясненію и раскрытію, даже не смотря на страстное желаніе, такихъ отличныхъ ученыхъ, какъ Шафарикъ или Палацкій. За исключеніемъ Палацкаго, въ ряду новѣйшихъ защитниковъ Краледворской рукописи мы не найдемъ ни одного ученаго, сколько-нибудь равнаго Шафарикѣ по дарованіямъ, учености и заслугамъ. Все это по большей части силы второстепенныя и третъестепенныя. Заслуженныхъ и даровитыхъ ученыхъ Воцеля, Томка и Небескаго я не могу и не смѣю сюда причислить, ибо имъ принадлежитъ вѣ-

сколько существенныхъ замѣчаній, которыя скорѣе потрясають, чѣмъ утверждаютъ подлинность пресловутой рукописи. Такимъ образомъ неудивительно, что всей этой массѣ апологетовъ не очень-то посчастливилось въ дѣлѣ, мало удавшемся самому Шафарику. И немудрено, что, по выслушаніи ихъ рѣчей, такой почтенный палеографъ и критикъ средневѣковыхъ источниковъ, какъ Ваттенбахъ, сталъ прямо и открыто причислять Краледворскую рукопись къ разряду подложныхъ памятниковъ ¹⁾, и такой первоклассный и именитый славистъ, какъ Миклошичъ, упорно продолжаетъ не знать Краледворской рукописи, какъ памятника древняго языка и словесности.

Заявленныя Добровскимъ подозрѣнія относительно Суда Любуши, и по формѣ, и по содержанію, казались Палацкому и Шафарику недостаточными ни его имени, ни науки, которую онъ представлялъ. Шафарикъ полагалъ даже, что вся полемика Добровскаго о Судѣ Любуши вытекала изъ „случайныхъ вѣнскихъ причинъ“ (aus zufälligen äussern Motiven) ²⁾.

Со времени появленія извѣстнаго изданія Шафарика и Палацкаго (Die ält. Denkm. 1840) прошло почти сорокъ лѣтъ. Возбужденный снова въ 1858 г. вопросъ о подлинности Суда Любуши и особенно опять разгорѣвшійся въ прошломъ (1878) году по открытіи подлоговъ и поддѣлокъ въ Mater Verbovum, вызывалъ попеременно Палацкаго, Иречковъ, Гатталу, Гануша, Вртятка, Брандля, Шафранка на новую защиту Суда Любуши ³⁾. Но послѣ всѣхъ ихъ доказательствъ Миклошичъ молча, но тѣмъ не менѣе рѣшительно отвергаетъ его, какъ памятникъ древности; даровитый и свѣдущій авторъ статей въ Tagesbote (1858), Фейфаликъ (1860), Гастонъ Парсъ (Revue Critique 1866 и 1869 гг.), Ваттенбахъ (1871), Макушевъ (1878), проф. Ягичъ (1879) болѣе или менѣе прямо и рѣшительно называютъ этотъ памятникъ

¹⁾ *Wattenbach*, D. Schriftwesen im Mittelalt. Leipzig. 1871. Ss. 239—240. Его же: D. Geschichtsquell. (послѣднихъ изданій).

²⁾ Die. ält. Denk. d. b. Spr. S. 194. Тутъ даже сказано: „unseres Bedünkens die Kritik, so gewaltig, ja hypercritisch er darin gewesen gerade die schwächste Seite seiner Leistungen bildet.“ Такъ мало понимали и цѣнили Добровскаго Шафарика и Палацкаго. См. также Ged. aus Böh. Vorzeit. Prag. 1845. S. 35.

³⁾ *Brandl*, Libuřin Soud. V Brnĕ. 1878. (*Mor. Orlice*); *Šafraňek*, Libuřin Soud a nejnov. jeho odrůce (фольетонъ въ газетѣ *Pokrok* 1798 (мартъ); *Иречка*, Ис. статьи въ *Час. Ч. Муз.* 1878; въ *Сентозоръ* (1878). Статьи *Вртятки* уже были указаны (въ *Час. Ч. М.* 1718), а прочія приведены у *Гануша*: D. Schriftwesen u. Schriftthum. Prag. 1867, и его же: Quellenkunde u. Bibliographie. Prag 1868. См. также *Небескаго* Kral. rukop.

новѣйшею поддѣлкою. Если не особенно вѣроятно, что „случайные внѣшніе мотивы“ побуждали Добровскаго отрицать подлинность Суда Любуши, то еще труднѣе предполагать, что какіе-то неизвѣстные „случайные внѣшніе мотивы“ руководили и руководить и вышеупомянутыми учеными въ Австріи, Германіи, Франціи и Россіи. Мы видимъ тутъ почтенныхъ людей разныхъ національностей, направленій и поколѣній. Какіе „случайные и внѣшніе мотивы“ могли ихъ соединить въ отрицаніи подлинности Суда Любуши? Отъ такого согласія столь разнообразныхъ лицъ не правильнѣе ли заключить къ внутреннимъ и законнымъ основаніямъ для сомнѣнія въ подлинности этого памятника? Во всякомъ случаѣ я не могу назвать удачнымъ замѣчаніе Шафарика и Палацкаго о томъ, что мнѣніе Добровскаго о подложности Суда Любуши принадлежитъ къ одному порядку съ его ошибочными мнѣніями о значеніи юсовъ въ древне-славянскомъ языкѣ и о происхожденіи глаголицы въ XIII в. Нынѣ не только ни одинъ ученый, но и не одинъ порядочный студентъ историко-филологическаго факультета (въ земляхъ Славянскихъ) не позволитъ себѣ держаться этихъ мнѣній Добровскаго. Но развѣ можно сказать то же самое и про Судъ Любуши?

Со времени открытія пресловутыхъ Краледворской и Зеленогорской рукописей прошло слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ, а съ выхода важнѣйшихъ въ цѣлой апологетической о нихъ литературѣ, не особенно блестящей талантами и именами, изслѣдованій дѣйствительно достойныхъ и высокозаслуженныхъ ученыхъ Шафарика и Палацкаго, прошло сорокъ и тридцать-пять лѣтъ. Не смотря на это, вопросъ о подлинности и древности этихъ чешскихъ памятниковъ не принадлежитъ къ такимъ окончательнымъ въ наукѣ рѣшеннымъ вопросамъ, къ которымъ никакой строгій ученый, дорожа своимъ временемъ и именемъ, никогда не рѣшится возвращаться. Если изъ этого еще не слѣдуетъ, что Судъ Любуши и Краледворская рукопись суть несомнѣнно новѣйшіе подлоги и поддѣлки, то нельзя однако отрицать, что эти открытія 60 лѣтъ назадъ чешскія рукописи, не смотря на множество своихъ непрерывно являющихся апологетовъ, по сіе время не раскрыли своей древности и подлинности до такой степени ясности и очевидности, чтобы критика не могла больше подвергать ихъ сомнѣнію.

Если на основаніи всѣхъ этихъ соображеній нельзя отвергать извѣстнаго такъ-сказать порока и значительной ошибочности въ возрѣніяхъ Палацкаго и Шафарика на Зеленогорскую и Краледворскую рукописи, то по тѣмъ же соображеніямъ нельзя еще утвердительно

казать, какъ далеко простирается эта ошибочность знаменитыхъ чешскихъ ученыхъ: ошибались ли они въ частностяхъ и подробностяхъ или по существу, то-есть, въ доводахъ и доказательствахъ въ пользу подлинности, или же ошибались на счетъ самой подлинности, принимая новѣйшія подложныя произведенія за подлинныя древніе памятники?

Въ послѣднемъ вопросѣ многимъ быть можетъ представится только обидное или непріятное предположеніе. Но противъ его законности и умѣтности не можетъ ничего сказать самая строгая критика. Не было самыхъ великихъ ученыхъ, которые въ извѣстныхъ случаяхъ не обнаруживали бы извѣстной ограниченности, не ошибались и не впадали бы въ парадоксы — увлекаемые любимыми мыслями, господствующими въ ихъ время и въ ихъ странѣ идеями. Въ тѣхъ самыхъ трудахъ Шафарика и Палацкаго, которые были посвящены защитѣ Суда Любуши и Краледворской рукописи (1829, 1840 и 1845 гг.), съ такою же увѣренностью эти два ученые защищали подлинность и съ такою же смѣлостью и рѣшительностью отрицали подложность дѣйствительно, несомнѣнно оказавшихся въ послѣдствіи подложными 800 слишкомъ чешскихъ глоссъ *Mater Verborum*, Пѣсни о Вышеградѣ и Любовной пѣсни короля Вячеслава I.

Громкая слава и всесвѣтная извѣстность Краледворской и особенно Зеленогорской рукописей неразлучно связала со мнѣніями о нихъ Шафарика и Палацкаго. Имъ долго вторилъ весь ученый и неученый міръ: у Чеховъ, у западныхъ Славянъ, въ Россіи и въ Европѣ. Они главнѣйше своимъ авторитетомъ утвердили всеобщую вѣру въ подлинность и древность этихъ памятниковъ, въ ихъ безсмертную красоту и всемірно-историческую важность. Такъ какъ умѣе и талантливѣе замѣчаній и соображеній Шафарика и Палацкаго ничего положительнаго не было высказано въ пользу этихъ произведеній, то понятно, что вопросъ объ ихъ подлинности сводится собственно къ вопросу: не ошиблись ли тутъ Шафарикъ и Палацкій, какъ они ошибались на счетъ другихъ чешскихъ памятниковъ, открытыхъ приблизительно около того же времени (въ 1816, 1819, 1827 гг.)? Если на этотъ разъ они не ошиблись, то значить Зеленогорская и Краледворская рукописи принадлежать къ такимъ же подлиннымъ и несомнѣннымъ памятникамъ, каковы, напримѣръ, Остромирово Евангеліе и Святославовъ сборникъ. Если же окажется, что они тутъ ошиблись не болѣе и не менѣе того, какъ они ошиблись на счетъ подложныхъ

гlossъ *Mater Verborum* или пѣсень о Вышеградѣ и короля Вячеслава то Судъ Любуши и Брадворскую рукопись придется отнести въ одному разряду съ пѣснями Оссіана, съ знаменитыми сардинскими памятниками, извѣстными подъ именемъ *Pergamene di Arborea*, пѣюторыми историческими бретонскими пѣснями въ сборникѣ Вильмарке и проч. Все это такіе подлоги и поддѣлки, которыми въ свое время увлекались разныя болѣе или менѣе знаменитые ученые, поэты, вообще всякаго рода крупные дѣятели. Имъ вторила и слѣдошла толпа, всегда и вездѣ обязательно восхищающаяся тѣмъ, что ей преподносятъ, расхваливая и прославляя. Вѣра въ иные изъ этихъ подлоговъ держалась цѣлыя годы и даже десятки лѣтъ. Достоверность ихъ доказывалась рѣшительною невозможностью поддѣлать такія произведенія, отсутствіемъ въ данное время такого генія, который могъ бы ихъ создать ¹⁾, и т. д. Упомяну обо всемъ этомъ вскользь. — по

¹⁾ Одинъ изъ защитниковъ Вильмарке говорилъ въ 1872 году: «*à cette époque M. de la Villemarqué ne savait pas assez de breton pour composer un couplet de quatre vers sans faire dix fautes.... Attribuer à M. de la Villemarqué les meilleurs chants du Barzas-Breiz me semble en outre un fait inouï, le critique qui émet cette affirmation a-t-il jamais songé au rang élevé qu'il assignait à l'auteur de ces poésies?... Votre intention est-elle de faire de M. de la Villemarqué l'émule de ces grands poètes?... (Il s'agit d' Ossian, de Byron et de Shakespeare).* См. эту выписку изъ *L'Océan, Journal du droit national* (Brest. 1872 le 21 Oct.) въ любопытной стать *Havel, M. L.: Les poésies populaires de la Basse Bretagne. M. de la Villemarqué (1873?)*. Одинъ изъ защитниковъ доказанныхъ подлоговъ *Carle di Arborea* писалъ въ 1870 году: *Ora, comunque su ciò possa giudicarsi, ad ogni modo egli è pur cotesto uno strano avvenimento, e anche noi ne facciamo le meraviglie, molto più considerando la natura dell'uomo di lettere, il quale cerca fama e gloria e non desidera per le sue fatiche rimanersi ignoto nè senza premio. Comunemente vediamo che in coda a un misero sonettuccio, ad una sonnifera canzoncina, ad una pedantesca novelletta, ad uno arcadico ragionamento vuol pur l'autore ficcare il suo riverito nome colla credenza di guadagnare fama, non altrimenti che l'umile fraticello ai piedi d'un suo arruffato sermone. Quindi noi non cesseremo dall'ammirare la modestia, anzi la bizzarria di colui, che a solo divisamento d'inganno, abbia speso tutta la sua vita in simile ciurmeria senza proposito alcuno di bene. E le nostre meraviglie tanto più van crescendo nel pensare che cotest'uomo continui pertinace a nascondersi; e che, lui morto, non siavi amico, nè parente, nè citterrebbe che il sappia o il voglia manifestare. Cotesto è un verace mistero! Se ciò avvenisse, egli otterrebbe senza dubbio plauso non commune dell'aver saputo così bene condurre l'opera sua da illudere per lungo tempo una numerosa d'uomini eletti, e il giuoco suo tornerebbe oggimai compensato, egli si perderebbe la prode. Se non si cessa tuttavia di tributar lodi al Leopardi per una contraffazione di stile e di lingua fatta in quel suo *Martirio dei Ss. Padri*, da lui-*

дробности объ этомъ еще впереди,—дабы только раскрыть непрочность и ничтожность доказательствъ подлинности извѣстнаго памятника, основанныхъ на продолжительности его славы и общей въ ней увѣренности нѣкоторыхъ ученыхъ, писателей, разныхъ именитостей и многочисленной публики. Не имѣеть большого значенія и употребительный нерѣдко при защитѣ подлоговъ вопросъ: „кто могъ быть этотъ чудодѣй и геній, кто могъ обмануть такихъ ученыхъ, увлечь публику?“ и т. д. Не отрицаю, что этотъ вопросъ при всякомъ подложіи болѣе или менѣе любопытенъ. Я не откажусь и на него дать мой усиленный отвѣтъ, если при разсмотрѣніи Суда Любуши и Краледворской рукописи окажется, что они подложны. Но я считаю пужнымъ оговорить, что такой вопросъ въ дѣлѣ подлинности того или другаго памятника не есть вопросъ существенный, не первостепенной важности. Если въ извѣстной пергаментной рукописи, выдаваемой за памятникъ X—XI или конца XIII в., критикъ находитъ палеографическія, филологическія и историческія непослѣдовательности, несообразности и даже невозможности съ одной стороны, а съ другой—слѣды и доказательства новѣйшаго подлога, то онъ смѣло можетъ отвергать этотъ памятникъ, хотя бы и рѣшительно не вѣдалъ, кто могъ бы его поддѣлать. Для критика достаточно, что подлогъ былъ совершенъ. Былъ

---

spacciato per del 300, et per tale da molti allora creduto, or che cosa si direbbe de chi tanto prolungò la baia in affare si maggiormente importante, e, fuggendo non solo il contesto ma eziandio i varii antichi caratteri, seppe aumentarla ed accrescerla in forma da doversi ricorrere ad un' Accademia i delle più celebri d'Europa per averne un'giudicio? Certo costui sarebbe da ammirarsi e da riguardarsi come *Unico* per le isvariate e incomparabili sue abilità. Qui non ci ha che dire: il fatto per sè stesso è grave; l'incertezza continua; e chi difende l'autenticità delle Carte d' Arborea, potrà a nostro avviso, gridare *vittoria*, finchè con assolute prove o almeno con sufficienti indizii, alcuno, conoscitore a pieno dei luoghi e delle persone, non dimostri chi sia lo strenuo e ardito falsificatore». *Il Propugnatore*, studii filol. storici e bibliogr. Vol III. P. I. Bologna 1870. Pag. 212—213.—Тамъ же прекрасная статья *Girol. Vitelli* объ этихъ подлогахъ. Эти французскій и итальянскій апологеты обличенныхъ подлоговъ Вильмарке и еальсменнаторовъ Carte di Arborea, безъ сомнѣній, не читали статей Палацкаго (въ *Gedenkblätter. Auswahl v. Denkschr. Aufsätz...* von *Palacky* Prag. 1874. Ss. 214—231). Ихъ рѣчи заслуживаютъ внимательнаго прочтенія всеми новѣйшими апологетами Суда Любуши и Краледворской рукописи, которые съ легкой руки Палацкаго приводятъ на всѣ лады въ доказательство невозможности допустить ихъ подложность тѣ же самые доводы и соображенія, что приведены у этого Француза и Итальянца, которыхъ они конечно также не читали, въ защиту несомнѣнныхъ подлоговъ.

слѣдовательно и поддѣльщикъ: Кто же онъ именно былъ? Это уже вопросъ другой. Критикъ можетъ его и не касаться, какъ напримѣръ, его не касались Яффе, Момзенъ и другіе при разборѣ Арборейскихъ памятниковъ ¹⁾, или Фейфаликъ при разборѣ Пѣсни короля Вячеслава. При разсмотрѣніи Суда Любуши и Краледворской рукописи я этого вопроса не обойду, ибо онъ меня самого очень занималъ. Но я только настанваю, что его не надо смѣшивать съ вопросомъ объ ихъ подложности. Давая тотъ или другой отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ, я обязанъ только представить доказательства ихъ подлинности или подложности. Если я берусь отвѣчать и на первый вопросъ, то дѣлаю это по чисто случайному, хотя въ этотъ разъ и очень важному обстоятельству. Открытіе личности поддѣльщика подложныхъ чешскихъ глоссъ *Mater Verborum* дѣйствительно имѣетъ очень важное значеніе. Онъ же, Ганка, при довольно оригинальныхъ обстоятельствахъ, нашелъ 16-го сентября 1817 г. знаменитую Краледворскую рукопись. Его же, Ганку, вполнѣ вѣрившій въ ея подлинность, ничего еще не знавшій о *Mater Verborum*, Добровскийъ подозрѣвалъ въ поддѣлкѣ Пѣсни о Вышеградѣ и Суда Любуши. Издавіе чешскихъ глоссъ *Mater Verborum* Шафарика и Палацкаго краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, какъ хорошо и успѣшно могъ Ганка въ палеографическомъ, филологическомъ и археологическомъ отношеніяхъ обмануть и провести Шафарика и Палацкаго. Самъ Палацкій, Иречекъ, Ганушъ, Вртятко въ послѣднее время доказывали между прочимъ несомнѣнную подлинность Краледворской и Зелепогорской рукописей между прочимъ и тѣмъ, что Ганка былъ порядочный невѣжда и въ палеографіи и въ древне-чешскомъ языкѣ; слѣдовательно, онъ де не могъ никоимъ образомъ поддѣлать эти памятники и обмануть своими подлогами такихъ крупныхъ знатоковъ, какъ Палацкій и Шафарикъ. Мы уже видѣли, что нашъ знаменитый славистъ И. И. Срезневскій, разсмотрѣвъ объявленный г. Патерою подложными чешскія глоссы *Mater Verborum*, пришелъ къ заключенію, что если подлогъ дѣйствительно тутъ былъ, то поддѣльщикъ былъ непременно отличнымъ и даровитымъ ученымъ. Мы теперь знаемъ, что этотъ поддѣльщикъ былъ Ганка. Также вѣрно, что Иречекъ, Ганушъ, Вртятко ни по дарованіямъ, ни по учености, ни по заслугамъ въ славистикѣ не могутъ идти въ сравненіе съ па-

¹⁾ *Monatsberichte d. Berl. Akad. d. Wiss.* Berlin 1871. Aus d. Jahre 1870. S. 64 ff. Bericht über die Handschriften v. Arborea, статьи Ф. Яффе, Алфр. Досе, Ад. Тоблера и Момзена.

шимъ почтеннымъ профессоромъ. Положимъ, онъ увлекся и перешелъ мѣру, сравнивъ Ганку (то-есть, фальсификатора) съ Добровскимъ и даже поставивъ его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше послѣдняго. Но если могъ такъ увлечься и ошибиться И. И. Срезневскій, то отчего же не могли ошибаться и увлекаться въ противоположную сторону упомянутые чешскіе ученые? Ошибка послѣднихъ всего лучше доказывается самимъ изданіемъ чешскихъ глоссъ *Mater Verborum* Шафарика и Палацкаго. Да и сами они были твердо увѣрены, что Ганка былъ не въ состояніи такъ обмануть ихъ, какъ онъ ихъ въ дѣйствительности обманулъ.

Такимъ образомъ вопросъ о подлинности Суда Любуши и Краледворской рукописи можетъ еще получить такую формулу: „Могъ ли Ганка успѣть провести Шафарика и Палацкаго Судомъ Любуши и Краледворскою рукописью, какъ онъ ихъ провелъ своими глоссами въ *Mater Verborum*?“

Вопросъ этотъ имѣетъ нѣсколько сторонъ: нравственную, палеографическую, филологическую, историческую и даже литературно-художественную. Въ первыхъ двухъ отношеніяхъ, въ чисто нравственномъ (способность къ обману и подлогу) и въ палеографическомъ (умѣнье писать древнимъ почеркомъ до неузнаваемости для Шафарика и Палацкаго), на этотъ вопросъ можно и теперь отвѣчать съ большою вѣроятностью. Но по другимъ сторонамъ этого вопроса необходимо будетъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе какъ этихъ памятниковъ, такъ и силъ Ганки.

Еще Добровскій обвинялъ Ганку не одного, а вмѣстѣ съ Линдою, въ поддѣлкѣ Пѣсни о Вышеградѣ и Суда Любуши. У Чеховъ одно время ходило въ видѣ слуха подозрѣніе, что Линда сочинилъ Краледворскую рукопись¹⁾. Въ годы открытія ея и Суда Любуши Ганка былъ очень друженъ съ Линдой и жилъ съ нимъ на одной квартирѣ, слѣдовательно, тайнъ между ними не было. И если Ганка занимался уже въ то время подлогами, то Линда не могъ о нихъ не знать, и по всей вѣроятности, такъ или иначе въ нихъ участвовалъ и имъ содѣйствовалъ. Романъ Линды *Zate nad rohanstvem* привлекается къ отвѣтственности Шемберю съ одной, Ганушемъ и Иречкомъ—съ другой стороны. Послѣдніе изъ этого романа выводятъ, что Судъ Любушинъ несомнѣнно древній памятникъ и Линдою поддѣланъ быть не могъ, а Шембера напротивъ того утверждаетъ, что *Zate nad rohanstvem* и Судъ Любуши принадлежать, послѣдній съ участіемъ Ганки,

¹⁾ Naučný Slovník. T. VI, подъ слов. Linda.

одному и тому же автору ¹⁾. Такимъ образомъ, сверхъ Ганки, нужно непременно поближе ознакомиться и съ Линдою.

Когда обнаружилась подложность Пѣсни о Вышеградѣ и Любовной Пѣсни короля Вячеслава, то Ганушъ сталъ утверждать, что Линда и Ганка не были въ состояніи, по своей молодости, неопытности и даже бездарности, сочинить такіе подлоги, что они принадлежатъ цензору Циммерману, который поддѣлалъ эти двѣ рукописи въ насмѣшку надъ Добровскимъ и изъ ненависти къ нему и ко всему чешскому народному движенію. Какъ не хитро это мудреное предположеніе Гануша, однако нужно будетъ поближе его разсмотрѣть и ознакомиться съ характеромъ и дѣятельностью Циммермана. Онъ былъ немного старше Ганки и Линды и гораздо моложе Добровскаго. Для правильнѣйшей же оцѣнки литературныхъ произведеній Линды и Ганки, надобно будетъ обратиться къ чешскимъ и даже иностраннымъ писателямъ старшихъ и современнаго поколѣній и преимущественно остановиться на ихъ стилистикѣ, фразеологій и представленіяхъ о чешской древности. Если Судъ Любуши и Краледворская рукопись — произведенія новаго времени и новѣйшихъ авторовъ, то въ этихъ поддѣлкахъ легко могутъ оказаться относительно слога, художественныхъ приемовъ, общихъ понятій черты и явленія, которыя роднятъ и сближаютъ ихъ съ чешскими и иностранными литературными произведеніями конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Наконецъ, нужно будетъ вникнуть въ условія и обстоятельства развитія Чехіи за послѣднія два столѣтія, дабы яснѣе понять, представляли ли онѣ или нѣтъ благоприятную почву для появленія патріотическихъ подлоговъ. Если и по разсмотрѣніи всѣхъ этихъ намѣченныхъ вопросовъ, мы не прійдемъ къ положительному заключенію, что въ Чехіи, въ 1816—1817 гг., была возможность сочиненія и написанія Суда Любуши и Краледворской рукописи, то и тогда еще нельзя будетъ сказать, что эти памятники несомнѣнно подлинны и древніе. Только объясненіе ихъ изъ нихъ самихъ и сравненіе ихъ съ другими однородными памятниками по письму, по языку и по содержанію можетъ дать намъ

---

¹⁾ *Hanusch*, Die böhm. Ged., Ss. 13 ff.; *Иречекъ I.* въ чешской иллюстраціи *Svĕtozor* 1878 г. (съ сильнымъ клерикальнымъ оттѣнкомъ) въ статьяхъ — «Al. Šembera o rukop. Zelenoh. a o zlomcích evangelia sv. Iana, str. 9 и слѣд. Šembera, Dějiny řeči a liter. České, 4 изд. Ve Vídni. 1878. Str. 30—31, 148—153. Его же особое сочиненіе: *Libuřin Soud. Ve Vídni. 1879. 142 стр. въ 8-ку.*

окончательный и рѣшительный отвѣтъ на вопросъ о ихъ подлинности. Если же, наоборотъ, ознакомленіе съ чешскимъ общественнымъ развитіемъ и чешскою словесностью послѣднихъ десятилѣтій (передъ 1816—1817 гг.) представитъ нѣсколько положительныхъ намековъ и указаній на подложность этихъ двухъ рукописей, тогда разборъ и объясненіе ихъ самихъ по себѣ значительно будутъ облегчены.

Предварительно я счѣтаю полезнымъ нѣсколько остановиться на слѣдующихъ подложныхъ памятникахъ чешскихъ: 1) Пѣснь о Вышеградѣ, 2) Любовная Пѣснь короля Вячеслава I, 3) Отрывки Евангелія отъ Іоанна, и 4) Пророчества Любуши.

X.

Первое упоминаніе о Пѣсни о Вышеградѣ сдѣлано было Ганкою, первымъ же ея издателемъ (Starob. Skl. 1817. I, XVI, 200): „Пергаменный листъ очень старый былъ найденъ въ 1816 г. и теперь у меня находится“. Добровскій (Gesch. d. böhm. Sprache und ält. Lit. 1818. 109—110) вторично напечаталъ ее уже буква въ букву (у Ганки въ транскрипціи) и при этомъ замѣтилъ: „Ein nur auf einer Seite beschriebenes Blatt Pergamen kam zufällig in die Hände des Hrn. Linda, der es zu schätzen wusste“.

По краткости этой пѣсни приведу ее здѣсь цѣликомъ:

NA ty nAAszye Slunsze
 VysegrAde twrd.
 Ty SmYElye y hrdYE
 na przykrzYE Stoiyses
 na Skaalye Stoiyeszy
 vsyem czynyem postrach.
 POd tObu rziekA bystrA vAlye sye
 VAlye sye rziekA VhltauA yArA
 po kraiyu rzyekY VhltauY czystY
 Stoyie Syela hvrASTyA
 pohlAdeczek Mil
 Tu SLAyeczek MAlyi
 veselO pyeye y mutnO.
 kAkO srdeczkO rAdOst,
 zzYAl yeho czynye.
 KEzz YAz ysm slaviEczEk
 v zElEnEm luzYE.
 Rucze bych tame leczal
 kdye draba hOdye veczerem pOzdnOy

Kdyz vsye milost bude
 vsyeliky ziuok velim snabzenstuyem
 yeie zyelye
 Jaz nebOszczyk tuziu
 pO tObie liepa, pOmyluy hu (da).

Въ объясненіе крутихъ буквъ я долженъ замѣтить, что примѣняю вообще къ этой знаменитой Пѣсни о Вышеградѣ приемы, употребленныя гг. Иречками для доказательства подлинности и древности Краледворской рукописи. Такъ они утверждаютъ, что послѣдняя вовсе не бѣдна эпитетами. Имѣеть эпитеты и Пѣснь о Вышеградѣ: Vyšegrad tvrđ, teka bystra, teka Vltava jara, Vltava čista, pochladeček mil, slaviček malý, zelený luh.

Въ Судѣ Любуши и въ Краледворской рукописи найдены аллитерація и ассонансъ, напримѣръ:

Prokni Stupi Rozenie-dlé Svego
 Stupi kněina v bēlestvúci Rizě
 Stupi na Stol oten v Slavně Sněmě.
 . . . DVe Věglasno DeVě
 Vyučené Věštábám Vitozovym
 U jednej su Desky pravDoDatné...
 Až Záboji BRatě
 Čemu naše BRan jmá tepruv ot VRcha soptati KRutost
 otsavad Buřmy protiv KRalevym VRahóm и пр.

Далѣ въ Краледворской и Зеленогорской рукописяхъ гг. Иречки замѣтили важное свидѣтельство ихъ подлинности и древности, между прочимъ, въ раздѣленіи предложеній повтореніемъ встрѣчающихся въ нихъ словъ, напримѣръ:

Priletieše družna vlastovica
 Priletieše ot Otavy krivy.
 Sprost' ny vrahov
 Sprost' ny stihajúcich

То же самое встрѣчается и въ нашей Пѣсни:

Ty smyelye y hrdye
 na przyekrzye stoiyess
 na skalye stoiyesz.
 Pod tobu rzieka bystra valye zye
 valye zye rzieka vhltaua yara
 po kraiyu rzyeky vhltauu czysty.

Гг. Иречки вмѣняютъ себѣ, какъ кажется, въ немалую заслугу,

что они первые усмотрѣли аллитерацію и ассонансъ въ Краледворской и Зеленогорской рукописяхъ ¹⁾ и отмѣтили это, какъ особенности народной чешской и вообще славянской поэзи. До нихъ-де, гг. Иречковъ, и вообще до конца 1850-хъ гг. въ Чехіи этого не знали, и слѣдовательно, новѣйшій фальсификаторъ, еслибъ эти рукописи были подложны, не могъ бы употребить ни аллитераціи, ни ассонанса. Но оба эти явленія встрѣчаются и въ подложной пѣсни о Вышеградѣ 1816 г., и въ разныхъ стихотвореніяхъ современныхъ ей и нынѣ совсѣмъ забытыхъ чешскихъ поэтовъ. Такъ въ стихотвореніи Сило-рада Патрчки March 1816, а можетъ и 1815 г., читаемъ:

Tu HRom buči z HRoznych děl
Strašna Smrt SĚ w řady neSE
HRoznum Hřmotem zem SĚ třeSE
Hromady gsou z mrtvych tĚl ²⁾.

Есть оно и у Ганки, напримѣръ, въ его стихотвореніи Plavba 1816 г. ³⁾:

Mu Hrali i Hnali lodinku
rozHáněli WESlem Wodinku
i tvořili WiSělý SmEch.

¹⁾ Это не совсѣмъ такъ. Еще Небескій указывалъ на эти черты, только онъ вѣрно ихъ понялъ, объясняя ихъ больше простою случайностью, а гг. Иречки въ качествѣ апологетовъ Зеленогорской и Краледворской рукописей выстроили на этихъ песчинкахъ (уже конечно не золота) цѣлое зданіе quasi-ученыхъ и остроумныхъ доказательствъ. Даже такой мягкій и благодушный критикъ, какъ почтенный и достойный датскій славистъ Смитъ, нашелъ, что гг. Иречки зашли тутъ далеко (Formentlige Levninger af oldbøhmisk Poesie въ журн. *Tidskrift for Philol. og. Paedag.* Kjobenhavn. 1863. S. 54—55). См. *Nebeský W.*, Kralodvorský Rukopis. V Praze. 1853. Str. 188 — 189; *Iřeček, I и H.* Die Echtheit d. Königinh. Hdschr. Prag. 1862. Ss. 57—58; 88—94.

²⁾ *Literní Přilohy k svs. kral. Wid. Nowin.* 1816, стр. 100—4.

³⁾ Ужь не назначалась ли Пѣснь о Вышеградѣ служить образчикомъ пѣсенъ открытаго потомъ черезъ годъ чешскаго баана Люмира?

Ký slowy i pienieŃ
rohýbal Vyšegrad i vse vlasti.

Не даромъ она начиналась съ обращенія къ Вышеграду:

Na ty náše slunce
Vyšehrade twrd!

Это настоящій гимнъ Ваановъ или собственно Люмировъ! Разница только въ томъ, что гимнъ Ваановъ открытъ послѣ Слова о Полю Игоревѣ, а гимнъ Люмировъ предупредилъ Краледворскую рукопись. Если оно такъ, то это обстоятельство тоже много говоритъ въ пользу древности и подлинности послѣдней.

Шафарыку, въ 1845 г., какъ мы видѣли, Пѣснь о Вышеградѣ представлялась такимъ же явленіемъ чисто народной поэзіи, какъ и Судъ Любуши и Краледворская рукопись. Выраженія Пѣсни о Вышеградѣ:

řeka bystra vale se
vale se řeka Ultava jara

напоминаютъ выраженія Ярославъ (ст. 254):

Krev se vale jak bystřiny dčevy

или Забоя (ст. 209 и 226):

Huěie divá řeka
vlna za vlnu se vale.

Въ нашей Пѣсни *pochladeček mil* и *zelený luh* напоминаютъ *Jahody* Краледворской рукописи:

pořdi, milá, v pochládeče
v zelenie boreče...
Moja milá v pochladeče
Na milého řdaje.

Любопытно, что Шафарика не остановила безобразная и невозможная въ славянскомъ языкѣ неправильность:

Kež ysz ysm slawieszek
Rucze bych tamo leczal.

Добровскій въ 1818 г. тоже далъ себя обмануть, но вскорѣ затѣмъ, разсмотрѣвъ рукопись и вникнувъ ближе въ текстъ, призналъ ее новѣйшею поддѣлкою ¹⁾. Дошло письмо Добровскаго къ Боурингу, который собирался издать чешскую антологию на англійскомъ языкѣ. Строгій критикъ и добросовѣстный ученый, Добровскій самъ собою счелъ пужнымъ предупредить англійскаго литератора, дабы онъ съ оригиналами не перевелъ и подлоговъ, напимѣръ, Пѣснь подъ Вышеградомъ. „Я самъ ее издалъ и толковалъ въ исторіи словесности, прежде чѣмъ внимательно разсмотрѣлъ рукопись. Я знаю даже автора, котораго могъ бы вамъ назвать. Не оконченная эта пѣснь, написанная около 1816—1817 гг. довольно новымъ черниломъ, мѣся самаго вѣла было въ обманъ“ ²⁾.

¹⁾ Въ разборѣ Ист. Слав. лит. *Шафарика*: „Das Klaglied eines Verliebten an den Ufern der Moldau ist auch bey nachmaliger schärferer Prüfung als untergeschoben befunden worden...“ (*Wien. Jhrb.* 1827. B. XXXXI. S. 20).

²⁾ „His te monitum velim, ne fortasse aliqua veritas, quae certe jam supposititia censetur, conjecta a quibusdam, qui nimio patriae seu maternae linguae amore,

Другимъ подлогомъ, въ pendant къ Пѣсни Вышеградской, назвалъ тутъ Добровскій Судъ Любуши, которымъ тогда ужь очень дорожилъ любимецъ чешской молодежи, достойнѣйшій человѣкъ и заслуженнѣйшій писатель, хотя не строгій ученый и не сильный критикъ, „ба-тюшка“ (такъ его звала по русски тогдашняя молодежь) Юнгманъ. Въ занимательнѣйшихъ письмахъ даровитаго Челяковского живо рисуется раздраженіе Юнгмана и младшихъ чешскихъ писателей на Добровскаго за его рѣзкія нападки на эти новѣйшія чешскія находки. Это раздраженіе надо думать съ одной стороны и боязнь и страхъ за Судъ Любуши съ другой мѣшали чешскимъ писателямъ и по смерти Добровскаго хладнокровно отнестись къ подложной Пѣсни о Вышеградѣ. Въ 1832 г. въ Часописѣ Юнгманъ напечаталъ въ подлинникѣ (по латыни) письмо Добровскаго къ Боурингу и сопровождалъ его своими замѣчаніями. Приведемъ что въ нихъ касается Пѣсни о Вышеградѣ: „Открылъ ее“, говоритъ Юнгманъ,—„Линда, бывшій еще тогда (1816 г.) студентомъ. Онъ долго имѣлъ подъ ногами (то-есть, у себя подъ столомъ) доску, на внутренней сторонѣ которой было написано это стихотвореніе, пока случай не открылъ ему эту пѣсню. Свидѣтелемъ этого былъ г. Ганка съ цѣлою семьею, у которой они тогда оба жили. Они показали мнѣ свою находку тотчасъ на первыхъ же порахъ, когда они еще едва могли ее читать“.

Въ то время, какъ Юнгманъ писалъ эти строки, Ганка и Линда были еще живы. Безъ явной ссоры и разрыва съ Ганкой нельзя было Юнгману, Палацкому и Шафарику признать эту пѣснь о Вышеградѣ новѣйшею поддѣлкою. Есть полное однако основаніе предполагать, что уже въ 30-хъ годахъ, съ самаго начала, лучшіе чешскіе ученые и

---

haec obtrudere incautis voluere. Talia sunt elegia amantis sub Wysehrado arce ad fluvium Wltawam superiore, quam ego ipse, antequam scripturam diligentius examinarem, historiae linguae Bohemicae p. 109 inserui et exposui. Poëma hoc abruptum circa annum 1816—1817 confectum, membranae veteri atramento satis recenti adscriptum mihi oblatum me ipsum fefellit. Alterum nimirum Libussae iudicium ex pluribus poematis Russici de Igore et antiquis formulis poematum M. Kralodvorskiani compilatum circa an. 1818 nonnisi in Krokio expositum reperies, qui Tibi fortasse transmissus est. Impostoris huius, auctorem sic appello, fraudem detexi quasi intuitu. Zelotes Bohemici non contenti poematibus saeculi XIII in Manuscripto Auloregiensi sic dicto a loco inventionis, maluerunt antiquiora effingere ad conjungendos Germanos, qui antiquioribus gloriantur... Ea omnia quae in Mto Auloregiensi leguntur poemata, sine omni dubio genuina sunt, quamquam et haec Zelotes Bohemici antiquiora esse putent, saltem aliqua, quam sana crisis admittere possit. Čas. Cesk. Mus. 1832 (въ ст. Юнгмана).

писатели считали про себя этотъ вопросъ уже рѣшеннымъ въ пользу... Добровскаго. Изъ письма Челяковскаго къ другу его Камариту, священнику и поэту, 18-го апрѣля 1830, г. видно, что уже тогда онъ былъ твердо увѣренъ въ подложности этого памятника, прямо называя Ганку и Линду его поддѣльщиками ¹⁾. Очень возможно, что Челяковский могъ самостоятельно и прежде многихъ другихъ прійти къ такому убѣжденію: Шафарикъ пріѣхалъ въ Прагу только въ 1833 г.; Юнгманъ по части научной критики былъ уже въ то время слабѣе Челяковскаго. Только рѣшительно нельзя не усумниться относительно Палацкаго, чтобы въ правильномъ пониманіи Пѣсни о Вышеградѣ онъ могъ себя дать предупредить Челяковскому. Но разъ Челяковский пришелъ къ такому заключенію, невѣроятно и просто невозможно предполагать, чтобы онъ, общительный, смѣлый и рѣзкій на языкъ, скрывалъ свою мысль отъ Юнгмана, Палацкаго, а послѣ и Шафарика. Между тѣмъ мы видимъ, что Юнгманъ не только въ 1832, но и въ 1849 г., во второмъ изданіи своей исторіи чешской словесности, а Палацкій и Шафарикъ въ 1840 и 1845 гг. (даже въ 1847 г., *Vybor*, т. I) продолжаютъ по прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, относить эту новѣйшую поддѣлку къ XIII в. Предположимъ самый невѣроятный случай, то-есть, что Палацкій и Шафарикъ въ 1840 и въ слѣдующихъ годахъ искренне вѣрили, что это не поддѣл-

¹⁾ 1-го апрѣля 1830 г. писалъ Челяковский Камариту: «Palacký vydal v letopisu Vid. (*Wien. Jahrb.*) posudek na Kralov. rukop. obšírný, Kopytar udělal na jednom místě poznamenání, že 'Evangelium sv. Iana (w Mus. čas.) jest podvržený rukopis, ak prý to již Dobrovský mu oznamoval a w skutku se shledává. Když pak pošetilostem tímto konce bude! (Sebr. listy. W Praze. 1865. S. 269). На что Камаритъ отписалъ: «Komu as nešťásthě to namanulo podstrkovati staré rukopisy! S tím i ostatní starobylé památky aspoň u těch čtenářů w pochybnost uvádí, kteří původ spatřiti nemohou. Jestli jinými věcmi sobě nepomůžem, tím šibalstvím zajisté ne. (S. 269). Челяковский отвѣчалъ Камариту (18 апр.): «Co tím nešťásthým podstrkovaním rukopisů miniš, nerozumím. Věz, že (vyjímaje: Hať ty naše slunce) o pravosti všechněch tak přesvědčen jsem, jako že slunce na nebi. Že Dobrovský ještě po smrti blazny dělá, z toho nic nenásleduje. Iak v evangeliích tak v Soudě Libušínu a jiných sama věc a řeč tak patrně mluví, že by mi právě nic nemusil ze slovan-ského jazyku rozumět, kdo by tu v šalbě stíhal. Nebo nevím, aby falsarius někde se nebyl podkleal-což nikdy není k nalezení. «Hať naše slunce» zas naproti tomu jak kratičké má některé makavé stopy šibalství—o rukopisu samém ani nemluvim; i jsem té viny, že tuto básničku krasopisec Linda s filologem Hankou upletl a podstrčil, což velikého čarování nepotřebovalo, aspoň kdyby mi o to šlo, chtěl bych více takových věcí sám dovesti, ačkoli ani za sto let jeden Soud Libušin, nebo ono Evangelium (Ibid., str. 270—271).

ка, а памятникъ XIII в. Какъ же тогда объяснить молчаніе Челяковскаго? Зачѣмъ онъ прямо не выступилъ противъ такой лжи или самообмана? Тутъ-то мы и прійдемъ къ признанію тѣхъ слабыхъ и темныхъ сторонъ новѣйшаго чешскаго развитія, которыя страшно вредятъ свободному теченію чешской образованности. Раскрытіе и сознаніе ихъ прежде всего необходимо самимъ Чехамъ. Если въ жизни политической, преслѣдующей одни условные идеалы и задачи, осуществимыя въ данную минуту, всякіе компромиссы и сдѣлки составляютъ дѣло первой необходимости, то въ области научной, художественной и религіозно-правственной, посвященной чистымъ идеямъ истины, красоты и добра, такіе компромиссы и сдѣлки не могутъ быть терпимы: они вводятъ завѣдомую ложь, неправду въ чистую дѣятельность духа. Терпимость прекрасна, но ничего нѣтъ короннаго, когда чешскіе властенцы однимъ выдаютъ себя за гуситовъ, а въ угоду графамъ Тунамъ и Кламъ-Мартиницамъ, князьямъ Лобковицамъ и Шварценбергамъ и ихъ духовнымъ отцамъ Штульцамъ, Карлахамъ и проч., чуть публично не отрываются отъ Гуса и всѣхъ свободныхъ преданій старой, до-Бѣлогорской Чехіи или по крайности воздерживаются отъ прямого и открытаго выраженія сочувствій къ нимъ. Точно также патріотизмъ и любовь къ народности—дѣло святое. Но если изъ патріотизма люди сознательно терпятъ ложь и попускаютъ ей держаться и развиваться въ наукѣ, то такая терпимость и такіе компромиссы являются самыми грозными и губительными врагами прежде всего просвѣщенія, а затѣмъ политической свободы, которая по стольку и дорога человѣку, по скольку она охраняетъ и обеспечиваетъ свободное развитіе его духа.

Внѣшнія судьбы чешскихъ литературныхъ подлоговъ составляютъ важную страницу въ исторіи не одной славистики, но и всего духовнаго развитія славянскихъ народностей, чешской конечно по преимуществу.

Нельзя во всемъ согласиться съ Ганушемъ, который привелъ вышеупомянутыя слова Юнгмана, замѣчаетъ: „Юнгманово извѣстіе страдаетъ нѣкоторыми противорѣчіями. Судя по внѣшнему виду пергаменнаго листа въ музеѣ, нѣтъ ни малѣйшаго подобія, чтобъ онъ когда-либо былъ на книжной переплетной доскѣ. Имѣлъ ли Линда студенческое обыкновеніе держать свою бібліотеку подъ письменнымъ столомъ? Была ли книжная доска,—книга судя по пергамену была въ большую четверку или въ малый листъ,—отдѣлена отъ книги или нѣтъ? Что это была за книга, кому она принадлежала, куда она дѣвалась? Всѣ эти вопросы останутся конечно безъ отвѣта, ибо

свидѣтелей нѣтъ въ живыхъ, и они не заблагодарасудили сохранить намъ болѣе точныя извѣстія: выдаваемую находку наивно принимали за настоящую и наивно ей радовались (man nahm den angeblichen Fund naiv als wahren Fund hin und freute sich auch naiv über denselben)¹⁾. Съ высшей точки зрѣнія даже самыя страшныя преступленія, хотя бѣ онѣ увѣнчались успѣхомъ, представляются дѣломъ не только сильной испорченности, но и крайняго неразумія человѣческаго. Жалкою ограниченностью и забавною слѣпотой отзываются вообще всѣ нечистыя и нехорошія дѣлишки близорукой людской хитрости и мудрости. Если наивность понимать въ смыслѣ такой ограниченности, то всей этой печально-комической исторіи продолжительной официальной вѣры чешскихъ ученыхъ и писателей послѣ Добровскаго въ подлинность и древность Пѣсни о Вышеградѣ можно придавать смыслъ наивности. Иначе же нельзя видѣть наивности ни въ крайнемъ раздраженіи Юнгмана противъ Добровскаго даже послѣ его смерти, ни въ публичномъ молчаніи Челяковскаго, твердо увѣреннаго еще съ 1830 г. въ подложности этой пѣсни и никогда печатно не заявлявшаго Шафаріку и Палацкому о неумѣстности и неприличіи съ ихъ стороны причислять эту новѣйшую поддѣлку къ памятникамъ XIII в. и издавать ее въ ряду съ подлинными древними памятниками. Пусть еще литераторы-беллетристы или разные полученные самоуки и полуумные любители филологіи и древностей въ родѣ добродушнаго и не лишеннаго нѣкотораго поэтическаго дарованія Винаржицкаго, или Крольмуса, Дундры и проч., могли наивно вѣрить и въ 40-хъ еще годахъ, въ подлинность и древность такой глупой поддѣлки, но Палацкому съ его палеографическою и критическою опытностью, а Шафаріку съ его филологическимъ знаніемъ, обимъ съ ихъ образованностью, умомъ и дарованіями невозможно приписывать такую же наивную вѣру въ этотъ новѣйшій палимпсестъ (на первоначальной рукописи XV в.) съ столь грубою ошибкою, какъ напримѣръ:

Kezz yaz ysm slavieczek
Rucze bych tamo leczal.

Этой певѣрности Палацкаго и Шафарика нельзя, имѣ кажется, приписать ихъ оплошности и небрежности. Они уже имѣли передъ собою отзвѣвъ Добровскаго. Отвергая его и думая о пемъ, они вглядывались же въ памятникъ. Палацкій могъ слышать не разъ отъ самого Добровскаго его соображенія и доказательства. Понялъ же дѣло Челяковскій, а

¹⁾ Die gefälscht. böhm. Ged., S. 3.

онъ въ 1830 году какъ палеографъ и филологъ передъ Шафарикомъ и Палацкимъ особенно 1840 и 1845 гг. былъ совершеннымъ дилетантомъ и юношею. Какъ не грустно и не больно отерывать слабости и грѣхи въ многозаслуженныхъ и сильныхъ дѣятеляхъ, но надо признаться, что Палацкій и Шафарикъ своими утверждениями, а Челяковскій своимъ молчаніемъ грѣшили недостаткомъ искренности и научной прямоты. Они сознательно, и какъ честные люди и строгіе ученые, конечно съ болью въ сердцахъ и съ содроганіемъ, говорили завѣдому неправду, изъ желанія прикрыть Ганку и спасти его честь, не какъ человекъ только, но какъ виднаго чешскаго писателя и властенца, изъ опасенія какъ бы не вынести сора изъ избы, не дать противъ себя оружія народнымъ врагамъ, искавшимъ только случая срамить Чеховъ и вредить имъ; не рѣшались выкинуть эту несчастную Пѣснь о Вышеградѣ и обнаружить продѣлки Ганкины и изъ страха и боязни пошатнуть и уронить репутацію и кредитъ вмѣстѣ съ нею заподозрѣннаго Добровскимъ Суда Любуши, а пожалуй, и Краледворской рукописи, такъ особенно счастливо и удачно найденною тѣмъ же Ганкою. Въ то же время, вслѣдствіе смѣшенія археологій съ политикою (не у однихъ Славянъ или Чеховъ, но и у Нѣмцевъ) и въ силу тогдашняго господства нѣсколько книжнаго взгляда на развитіе народности,— истинные вожди народа Чешскаго были тогда по преимуществу филологи и археологи,— Судъ Любуши и Краледворская рукопись, какъ памятники древніе, представлялись всѣмъ Чехамъ, какъ и теперь представляются еще многимъ и многимъ, такими китами, на коихъ стоитъ Чешская земля: отымите этихъ китовъ, и погибнетъ чешская народность. Палацкій же и Шафарикъ къ тому же не были природными, урожденными Чехами: одинъ Мораванинъ, другой Словакъ, и оба протестанты. Своими дарованіями, образованіемъ и ученостью они высоко подымались надъ огромнѣйшимъ большинствомъ тогдашней чешской и пражской интеллигенціи. Требованіямъ духа времени и толпы вольно и неволью болѣе или менѣе подчиняются самые сильны умы и характеры. Не въ одномъ государственномъ, но и въ провинціальномъ патріотизмѣ есть своя официальная ложь. И въ современныхъ обществахъ есть свои условные кумиры. Палацкому и Шафаріку предстояло или слѣдовать Добровскому и идти наперекоръ общественному мнѣнію гостепріимно пріявшей ихъ народности, или же памятуя непопулярность Добровскаго и общее вызванное имъ раздраженіе въ Чехіи, волею-неволею подчиниться общему теченію. Палацкій и Шафарикъ избрали послѣдній путь. Непризнаваніемъ этой такъ-ска-

затѣ вольной и вынужденной неискренности въ образѣ дѣйствій Чельковскаго, Палацкаго и Шафарика по отношенію къ новѣйшему подлогу, Пѣсни о Вышеградѣ, только заслоняется серьезная, можно сказать трагическая, сторона чешскихъ литературныхъ подлоговъ и вскрывается одна лишь ихъ сторона забавная и смѣшная. Исключительно же выдвигая се, и слѣдовательно, сильно ее преувеличивая, выдаютъ только ложный свѣтъ на исторію славистики вообще и извращаютъ истинный смыслъ исторіи новѣйшей чешской образованности, ибо въ той и другой пресловутые чешскіе подлоги занимаютъ далеко немаловажное мѣсто.

До конца 50-хъ годовъ Пѣснь о Вышеградѣ считалась памятникомъ одного порядка съ Краледворскою рукописью. Слѣдовательно, въ теченіе почти 40 лѣтъ она была такимъ клятотомъ, такимъ сокровищемъ и драгоценнымъ достояніемъ народнаго чешскаго духа, что на честь его посягать и нападать могли только враги чешской народности. Но въ 1860-хъ — 1870-хъ годахъ самые благонамѣренныя Чехи стали преспокойно называть Пѣснь о Вышеградѣ новѣйшимъ подлогомъ или *skutebným falsifikátem*. Позволительно кажется, по аналогіи, надѣяться, что въ 1880-хъ—1890-хъ годахъ не будетъ уже считаться преступленіемъ такое же сужденіе и о тѣхъ клятотахъ славянскаго гопіа, съ коими еще лѣтъ тридцать пять назадъ Пѣснь о Вышеградѣ составляла одно неразрывное цѣлое. Она въ свое время удостоивалась великихъ почестей: къ ней была написана музыка, ее перевелъ Гете и русскій поэтъ Бергъ (Гой ты солнце ясно, Вышеградъ нашъ крѣпкій), который съ нѣкоторымъ, впрочемъ понятнымъ, излишкомъ патріотическаго усердія принесъ даже чувствительную благодарность русскому языку за вѣрную службу ему, г. Бергу, при усвоеніи имъ русской поэзіи всѣхъ красоть и прелестей Краледворской рукописи и однородной съ нею, по суду лучшихъ ея знатоковъ, Пѣсни о Вышеградѣ.

В. Ламанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Исторія славянскихъ литературъ. *А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича.* Изданіе второе, вновь переработанное и дополненное. Томъ I. С.-Иб. 1879.

Четырнадцать лѣтъ прошло со времени изданія гг. Пыпинымъ и Спасовичемъ „Обзора исторіи славянскихъ литературъ“. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, какъ отмѣченныхъ, такъ и не отмѣченныхъ въ свое время критикой, сочиненіе это удовлетворяло потребностямъ русской литературы, почему оно вскорѣ и разошлось все въ продажѣ. Пыпѣ появляется второе его изданіе значительно расширенное въ сравненіи съ первымъ и раздѣленное на два тома. Вышедшій въ свѣтъ первый томъ заключаетъ въ себѣ, сверхъ общаго введенія, историческій обзоръ литературы Югославянъ и „частныхъ литературъ русскаго языка“ (по терминологіи г. Пыпина), то-есть, соответствуетъ первымъ 241 страницамъ перваго изданія, за изъятіемъ литературы русской или общерусской, которая выдѣлена для особаго (третьяго?) тома. Такимъ образомъ 200 страницамъ перваго изданія соответствуютъ 447 страницъ втораго: объемъ увеличился болѣе чѣмъ вдвое. Всего менѣе отразилось это увеличеніе на введеніи, гдѣ 49 страницамъ перваго изданія соответствуютъ 45 втораго. За то литературѣ болгарской посвящено въ послѣднемъ 90 страницъ (вм. 40 въ первомъ), сербохорватской 144 страницъ (вм. 72 перваго изданія), хорутанской 20 страницъ (вм. 6), малорусской 101 страницъ (вм. 25) и червонорусской 42 страницы (вм. 9). Такимъ образомъ Болгарамъ и Сербохорватамъ отведено въ новомъ изданіи мѣста вдвое болѣе, Хорутанамъ втрое,

Малоруссамъ вчетверо и Червоноруссамъ чуть не вшестеро противъ прежняго. Изъ этого сравненія оказывается, что г. Пыпинъ оставилъ почти безъ измѣненія, по крайней мѣрѣ безъ дальнѣйшей разработки, тѣ общіе вопросы славянской исторіи и жизни, которые разсматриваются во введеніи; онъ даже исключилъ одну изъ главъ введенія, именно 4-ю: „о народной поэзіи“, замѣнивъ ее впрочемъ новою: „о славянскихъ нарѣчіяхъ“. За то значительно расширены рамки изложенія исторіи югославянскихъ литературъ. Но особенно почастливилось въ новомъ изданіи Малоруссамъ и Червоноруссамъ: имъ посвящено столько же страницъ (143), сколько Сербохорватамъ (144), то-есть, литературѣ Сербскаго царства и княжества, Черной горы, Босніи, Далмаціи, Славоніи, Хорватіи, какъ стараго, такъ и новаго времени. Мы увидимъ ниже, что это чрезвычайное расширеніе рамокъ „частныхъ литературъ русскаго языка“ въ трудѣ г. Пыпина—явленіе не случайное.

Въ виду указаннаго расширенія объема сочиненія, трудъ этотъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ новый, что выражено и самимъ авторомъ въ измѣненіи прежняго заголовка: „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ“ въ новый: „Исторія славянскихъ литературъ“. Нижеслѣдующія замѣчанія и будутъ посвящены послѣдней, съ упоминаніемъ перваго (Обзора) лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Трудъ г. Пыпина имѣетъ достоинства, которыя тѣмъ рѣзче выступаютъ наружу, чѣмъ менѣе представляется ему соперниковъ. Въ нашей литературѣ лишь В. И. Григоровичъ сдѣлалъ попытку изданія полнаго обзора исторіи славянскихъ литературъ, но въ очень маломъ объемѣ и въ давнее уже время. У Славянъ же западныхъ до сихъ поръ единственнымъ крупнымъ явленіемъ этого рода служитъ изданная въ 1826 и безъ измѣненій и дополненій переизданная въ 1869 году „Исторія славянскаго языка и литературы по всѣмъ нарѣчіямъ“ П. І. Шафарика. Такимъ образомъ, хотя частныхъ обзоровъ отдѣльныхъ славянскихъ литературъ уже имѣется въ изобиліи, но общаго ихъ свода, доведеннаго до нашихъ дней, нѣтъ ни одного, кромѣ разсматриваемаго труда г. Пыпина. Но и независимо отъ того, „Исторія славянскихъ литературъ“ имѣетъ много достоинствъ со стороны какъ содержанія, такъ и изложенія. Она представляетъ довольно богатый подборъ данныхъ этнографическихъ, историческихъ, литературныхъ, особенно же библиографическихъ, изложенныхъ въ системѣ простой и цѣлесообразной. Весь трудъ проникнутъ стремленіемъ сблизить явленія умственной жизни славянскихъ народностей какъ между со-

бою, такъ и съ аналогичными явленіями жизни другихъ народовъ, объяснить генезисъ и преемственность разныхъ литературныхъ теченій, указать идеи, ихъ проникавшія и направлявшія. Охотно признавая эти и многія другія достоинства труда г. Пыпина, я не стапу долго на нихъ останавливаться, такъ какъ мои похвальныя отзывы не могутъ ни увеличить, ни уменьшить дѣйствительной цѣнности сочиненія. Въ замѣнъ того я останавлиюсь подробнѣе на тѣхъ сторонахъ и мѣстахъ сочиненія, гдѣ было бы желательно видѣть нѣкоторыя измѣненія или дополненія. Такъ какъ изложеніе г. Пыпина строго фактическое, то онъ рѣдко пускается въ область чистыхъ идей, а еще рѣже въ область отвлеченной діалектики и словоизвитій. Однако въ двухъ случаяхъ мы замѣтили подобное уклоненіе автора отъ его дѣловаго, объективнаго изложенія въ область гаданій очень неясныхъ и шаткихъ. Имѣемъ въ виду разсужденія г. Пыпина: 1) о племенномъ единствѣ Славянъ, и 2) о племенномъ дуализмѣ Русскаго народа, изъ коихъ первому посвящены десятка два страницъ во введеніи, а второму—въ главѣ третьей о „южнорусской“ и „русской“ литературѣ.

Если отбросить отъ риторическихъ прикрасъ и вольностей аргументацію г. Пыпина по вопросу о племенномъ единствѣ Славянъ (страницы 21—35), то суть дѣла представляется въ слѣдующемъ видѣ:

„Уже въ первобытныя времена Славяне были раздѣлены на народности, хотя въ ихъ характерѣ и языкѣ и сохранялось большое сходство. Новославянскіе патріоты мечтаютъ открыть въ народной сторонѣ почву для идеи о племенномъ единствѣ Славянъ: но есть ли тамъ эта почва? Ея вѣдь нельзя искать въ области безотчетныхъ чувствъ, а лишь въ области идей, въ историческомъ развитіи народностей. Но въ исторіи Славянство искони является раздѣленнымъ, какъ въ культурномъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Если же въ славянскихъ языкахъ, пѣсняхъ, обычаяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ дѣйствительно находится много общаго, то и эта близость очень далека уже отъ полнаго единства. Еще рѣзче религиозное раздѣленіе Славянъ. И такъ, исторія выработала множество видовъ славянскаго типа, чрезвычайно удаленныхъ уже отъ первоначальнаго источника. Откуда же могла взятъ идея славянскаго единства, которую приписываютъ Нестору, Крижаничу, Витезовичу и другимъ. Едва ли она была у нихъ, какъ и вообще въ періоды согласнаго дѣйствія то юговосточныхъ, то сѣверозападныхъ Славянъ. Въ этихъ

фактахъ можно конечно видѣть присутствіе племеннаго чувства Славянъ; но оно и донинѣ не развилось до сознательной идеи. Религія была встарь важнѣе происхожденія. Не малую роль играло и географическое сосѣдство. Лишь въ панславизмѣ и славянофильствѣ начала развиваться мысль о племенномъ единствѣ до степени сознательной идеи; но донинѣ она мало оказала практическаго дѣйствія. Нужно прежде освободить славянскихъ рабовъ, затѣмъ расширить ихъ взаимное пониманіе, и лишь тогда достигнуты будутъ единство и солидарность славянскихъ народностей. Не малую пользу должно принести имъ при этомъ изученіе славянскаго міра въ литературѣ всѣхъ Славянскихъ племенъ“.

Ясно, что г. Пыпинъ ведетъ еще въ этихъ своихъ положеніяхъ полемику противъ теоріи, признающей племенное единство Славянъ, но полемику очень уже нерѣшительную и уклончивую. Онъ не признаетъ еще этнографическаго и историческаго единства славянскихъ народностей, но допускаетъ существованіе большаго сходства въ ихъ языкѣ, бытѣ, характерѣ; допускаетъ и факты взаимодѣйствія разныхъ славянскихъ народностей, только объясняетъ его не сознаниемъ, а чувствомъ племенной солидарности. Послѣдняя не пугаетъ автора: онъ прямо говоритъ, что „единство и солидарность достигнуты будутъ“ (стр. 35), но не тѣми способами, какіе онъ приписываетъ панславистамъ и славянофиламъ, а другими, именно „заботой каждаго народа о расширеніи своего просвѣщенія“, „изученіемъ другъ друга“, „научнымъ и практическимъ изученіемъ славянскаго міра въ литературѣ всѣхъ Славянскихъ племенъ“ (ibid.). И такъ, оказывается, что г. Пыпинъ въ сущности признаетъ „славянскій міръ“, оправдываетъ и даже одобряетъ работы объ укрѣпленіи его единства и чувства солидарности и рекомендуетъ, хотя и косвенно, свою исторію славянскихъ литературъ для достиженія тѣхъ самыхъ цѣлей, которыя формулировались впервые панславистами и славянофилами. Г. Пыпинъ въ сущности панславистъ, но „перелицованный“, какъ говорятъ Малоруссы. Онъ далеко уже удалился отъ тѣхъ понятій о племенномъ единствѣ Славянъ, которыя развивалъ въ первомъ изданіи своей книги. Единственнымъ препятствіемъ къ переходу автора въ среду панславистовъ является игра словами: единство и сходство, идея и чувство. Г. Пыпинъ противопоставляетъ ихъ, между тѣмъ какъ это понятія однородныя, между которыми возможно установить связующія звенья. Въ основаніи единства лежитъ сходство, какъ въ основаніи идей—чувственные представленія и стремленія. И всегда ли

возможно опредѣлить моментъ, гдѣ кончается сходство и начинается единство, или гдѣ неясныя представленія переходятъ въ сознательныя идеи? Развѣ кто-нибудь изъ употреблявшихъ термины: „племенное единство Славянъ“, „идея славянской взаимности“, и т. п. имѣлъ при этомъ въ виду единство абсолютное, исключющее всѣ различія, или идеи вполне сознательныя, отвлеченныя, математически точныя? Еслибы придавать такой смыслъ означеннымъ терминамъ, то невозможно бы говорить ни о племенномъ единствѣ Нѣмцевъ, Французовъ, Итальянцевъ, ни объ идеяхъ панэллинизма, панитализма, пангерманизма и т. п., ибо гдѣ же нѣтъ этнографическихъ и историческихъ разновидностей въ средѣ одного племени? Гдѣ существуетъ народъ, составленный изъ однихъ Кантовъ, Фихте и Гегелей, которые жили бы въ области чистыхъ идей и не соединяли никакихъ чувственныхъ образовъ и инстинктивныхъ влеченій со словами и понятіями: народъ, племя, раса и т. п.? И такъ, если г. Пыпинъ потому лишь не рѣшается причислить себя къ панславистамъ, что приписываетъ имъ такой односторонній и неправильный взглядъ на понятія „племенное единство“, „идея взаимности“, то онъ борется съ затрудненіями фактивными; они конечно и исчезли бы безслѣдно, еслибы авторъ еще разъ просмотрѣлъ съ этою цѣлью сочиненія западныхъ и нашихъ панславистовъ, которыхъ исчислять не стану, такъ какъ они хорошо извѣстны г. Пыпину. Въ противномъ случаѣ авторъ долженъ бы, въ интересахъ справедливости къ своимъ противникамъ, доказать цитатами изъ ихъ сочиненій, что они всегда или по крайней мѣрѣ обычно соединяютъ со словами: „единство“, „идея“ такой абсолютный смыслъ, какой онъ приписываетъ имъ, и противъ котораго такъ настойчиво ратуетъ.

Въ связи съ этимъ колебаніемъ автора между его старыми и новыми взглядами на Славянство находится такая же неопредѣленность его воззрѣній на понятія: образованность, Европа, человѣчество. На стр. 22 онъ допускаетъ двойственность типовъ европейской культуры, приурочивая одинъ изъ нихъ къ византійскому востоку, а другой - къ романо-германскому западу. Подъ первымъ г. Пыпинъ разумѣетъ конечно то же, что наши славянофилы подъ терминомъ „греко-славянской міръ“, который (терминъ) лучше выражаетъ понятіе, составляющее коррелятивъ термина „міръ романо-германскій“. Подписавшись такимъ образомъ подъ теоріей, раздѣляющею европейскую образованность на два отличные типа, авторъ все-таки продолжаетъ потомъ говорить о европейской цивилизаціи, какъ объ одномъ цѣломъ,

совѣтуя, на примѣръ, Сербамъ „стать въ ряду народовъ европейской цивилизаціи“ (стр. 143), говоря о Дубровникѣ, что онъ давно „началъ принимать европейско-италіанскія бытовныя черты“ (стр. 177), и опредѣляя задачу Славянъ „въ общемъ усвоеніи общечеловѣческой (очевидно той же европейской) образованности“ (стр. 43). Едва ли авторъ сталъ бы употреблять подобныя фразы, еслибъ онъ хотѣлъ быть послѣдовательнымъ въ своихъ воззрѣніяхъ, и принимая славянофильскую теорію о двойственности европейской культуры, допускать, какъ естественный ея выводъ, разнообразіе культурно-историческихъ типовъ, въ которыхъ совершается поступательное движеніе народовъ. Если жъ эта теорія не нравится г. Пыпину, онъ долженъ бы разобрать ея аргументацію, хотя бы по одному сочиненію г. Давилевскаго: „Европа и Россія“, такъ какъ вопросъ этотъ находится въ тѣсной связи съ содержаніемъ введенія въ „Исторію славянскихъ литературъ“.

Переходимъ къ другому пункту г. Пыпина въ области идей, или лучше сказать, тенденцій, къ племенному дуализму Русскаго народа. Въ первомъ изданіи своего труда авторъ разсматривалъ исторію литературы малорусской и червонорусской въ связи съ исторіей литературы общерусской (стр. 170—241); во второмъ же изданіи онъ оставилъ этотъ порядокъ, выдѣливъ послѣднюю отъ первыхъ, въ виду необходимости значительнаго расширенія рамокъ общерусской литературы (стр. VIII). Едва ли впрочемъ къ послѣднему соображенію не примѣшивалась и побочная цѣль—показать на дѣлѣ литературную разрозненность Русскаго племени, одна часть котораго развивалась параллельно Славянамъ западнымъ, а другая, непараллельно имъ. Иначе трудно объяснить, почему „южнорусская“ литература могла быть учетверена въ объемъ, не выходя изъ рамокъ „Исторіи славянскихъ литературъ“, а литература общерусская не допускала относительно себя подобнаго приѣма. Но не станемъ доискиваться скрытыхъ авторомъ мотивовъ выдѣленія „частныхъ литературъ русскаго языка“ отъ общей: допустимъ, что единственныя къ тому побужденіемъ была экономія мѣста и интересы славянскихъ (то-есть, нерусскихъ) читателей его сочиненія. И въ послѣднемъ случаѣ авторъ не вполне свободенъ отъ упрека въ искусственномъ раздѣленіи однороднаго и соединеніи разнороднаго. Отношеніе языка и литературы „южнорусской“ къ „великорусской“ (по терминологіи г. Пыпина) можно во всякомъ случаѣ сравнить съ взаимными отношеніями литературъ хорватской и сербской, или словацкой и чешской, верхислужицкой и нижислужицкой. Почему же

составитель „Исторіи славянскихъ литературъ“ разсматриваетъ всѣ послѣднія совмѣстно и лишь южнорусскую выдѣлилъ особо, помѣстивъ ее между литературами „югославянскою“ и чешскою (?), словно связующее ихъ звено?

Отвѣтъ, хотя и довольно субъективный и условный, на этотъ вопросъ представляетъ конечно взглядъ г. Пыпина на взаимное отношеніе двухъ русскихъ нарѣчій и народностей — сѣверовосточной и юго-западной. Развитію этого взгляда авторъ посвятилъ много страницъ въ третьей главѣ своей книги, очевидно придавая ему большую важность, такъ какъ онъ не боялся при этомъ ни чрезвычайной растянутости, ни непрерывныхъ повтореній одного и того же, довольно рѣдкихъ въ другихъ отдѣлахъ разсматриваемаго сочиненія. Остановимся же и мы вмѣстѣ съ авторомъ на этомъ его взглядѣ, чтобы правильно понять и оцѣнить идеи, на которыхъ онъ такъ сильно настаиваетъ.

Г. Пыпинъ допускаетъ, что до татарскаго ига югъ и сѣверъ Руси представляли одно цѣлое, какъ въ политическомъ, религіозномъ и общественномъ, такъ и въ литературномъ отношеніи (стр. 317): „двѣ русскія народности“ были-де въ кievскій періодъ исторически ближе одна къ другой, чѣмъ кажется теперь, по нынѣшнимъ отличіямъ тѣхъ народностей (стр. 308). Діалектическія различія существовали-де уже очень рано (стр. 311), но въ литературѣ дѣйствовали объединяющія вліянія церковнославянскаго языка, такъ что даже въ XVII—XVIII вв. въ литературахъ московской и южнорусской былъ въ сущности одинъ, а не два разные языка (стр. 349). Малороссія заявила себя во многихъ случаяхъ особенно дѣятельнымъ участіемъ въ исторіи русской науки и литературы. Такъ было въ XVII столѣтіи; такъ было при Петрѣ Великомъ; такъ было при Гоголѣ (стр. 315). Съ XVIII в. Малороссія дала русской литературѣ много писателей; малорусскій языкъ дѣлался мѣстнымъ нарѣчіемъ. Для образованныхъ людей болѣе широкія литературныя стремленія были-де теперь возможны только на русскомъ (то-есть, общерусскомъ) языкѣ. Богдановичъ, Капнистъ, Гнѣдичъ, Нарѣжный работали-де вполне для русской литературы. Одинъ изъ сильнѣйшихъ русскихъ писателей Южноруссъ Гоголь по широтѣ своихъ поэтическихъ замысловъ могъ-де быть только русскимъ писателемъ: языкъ родины не давалъ-де ему достаточнаго поприща (стр. 350).

И такъ, г. Пыпинъ принимаетъ, что 1) въ древней Руси былъ, при діалектическихъ различіяхъ говоровъ, одинъ литературный языкъ, который соединялъ всѣ ея области, что продолжалось вплоть до XVII—

XVIII вв.; что 2) въ развитіи общерусской литературы принимали дѣятельное участіе и Малоруссы, и что 3) для широкаго писательскаго таланта, какъ напримѣръ, Гоголя, необходимъ былъ выработанный и распространенный литературный языкъ, который давалъ бы его слову необходимый просторъ и вліяніе. Никто не станетъ оспаривать эти положенія нашего автора, такъ какъ они имѣютъ подъ собою твердую историческую почву и подтверждаются аналогіями всѣхъ иностранныхъ литературъ.

Это не помѣшало однако г. Пыпину, рядомъ съ вышеозначенными положеніями, выставить цѣлый рядъ другихъ, не только отличныхъ, но отчасти и діаметрально противоположныхъ первымъ. Параллельно съ мыслью о непрерывности литературнаго единенія всѣхъ вѣтвей Руси вплоть до XVIII в. авторъ развиваетъ другую о совершенной самостоятельности малорусскаго „языка“ съ древнихъ временъ, ссылаясь при этомъ особенно на сочиненіе г. Житецкаго, который послѣ всѣхъ своихъ поисковъ не могъ найти въ памятникахъ никакихъ существенныхъ примѣтъ означеннаго языка ранѣ XV—XVI вв. и потому долженъ былъ положить въ основу своей теоріи развитія звуковъ малорусскаго „языка“, кромѣ гадательныхъ соображеній о прарусскомъ языкѣ, очень сомнительное явленіе подляскихъ дифтонговъ (стр. 311). Для XVII в. г. Пыпинъ предполагаетъ уже глубокую разницу между бытомъ, характеромъ и языкомъ Москвичей и Южноруссовъ, ссылаясь на оговорку послѣднихъ при воссоединеніи съ первыми, на счетъ сохраненія своихъ политическихъ правъ и независимости (стр. 313), какъ будто отдѣльность политическая непремѣнно предполагаетъ и этнографическую! Въ XIX же вѣкѣ авторъ предполагаетъ такое коренное различіе двухъ русскихъ „языковъ“, что считаетъ нашъ языкъ литературный уже непонятнымъ для огромной массы Южнорусскаго народа (стр. 352)! Такимъ образомъ то, что было понятно и близко еще въ XVIII в., сдѣлалось непонятнымъ и чужимъ въ XIX в. Такой переворотъ произошелъ, по словамъ г. Пыпина, къ 20-мъ и 30-мъ годамъ нашего столѣтія, когда русскій литературный языкъ сталъ окончательно и специально великорусскимъ (стр. 351), какой терминъ прилагаетъ иногда авторъ и къ „великорусской литературѣ“ (стр. 304). И такъ, Карамзинъ и Пушкинъ преобразовали общерусскій языкъ въ великорусскій; они такъ видоизмѣнили его, что Малоруссы перестали понимать русскую книгу! Они разшатали зданіе литературнаго единства Россіи, воздвигнутое трудомъ столькихъ вѣковъ и поколѣній! И чѣмъ же это сдѣлано? Отмѣной нѣсколькихъ десятковъ церковнославянскихъ,

упрощеніемъ построенія предложеній и періодовъ, принятіемъ въ книжныя термины нѣкотораго числа сѣверныхъ и южныхъ, восточныхъ и западныхъ провинціализмовъ и вообще открытіемъ доступа въ литературный языкъ стихій народныхъ, очищенныхъ вкусомъ и употребленіемъ образцовыхъ писателей... Удивительно, какъ это Шиллеръ и Гете не затемнили для верхнихъ или нижнихъ Нѣмцевъ языка Лютера! И почему языкъ Кохановскаго и Рея не провинціализованъ реформами Красицкаго и Мицкевича и не сталъ непонятнымъ для Мазуровъ, Великополянъ или Малополянъ? Мы отказываемся отъ попытки объяснить логически этотъ внезапный переворотъ въ отношеніяхъ нашего традиціоннаго литературнаго языка къ отдѣльнымъ говорамъ Русской земли. Тутъ должно было произойти какое-то чудо, про которое можно лишь сказать: *credo, quia absurdum est!*

А между тѣмъ было бы въ высокой степени важно произвести не теоретическое, а практическое наблюденіе надъ тѣми затрудненіями, которыя дѣйствительно представляетъ намъ литературный языкъ при обученіи грамотѣ дѣтей малорусскихъ крестьянъ. Компетентными судьями въ этомъ дѣлѣ могутъ быть впрочемъ не ученые и писатели, а сельскіе учителя. Мы съ своей стороны убѣждены, на основаніи какъ распросовъ, такъ и личныхъ наблюденій, что эти затрудненія лишь мнимыя. Нѣсколькихъ недѣль достаточно для приученія самаго тупаго малорусскаго школьника соединять съ книжными формами: конь, бѣлый, мыло, улица, тѣ же представленія, какія привыкъ онъ соединять дома со словами: кинь, билый, мыло, вулиця и т. п. Что же касается терминовъ, то они конечно могутъ быть усвоены въ школѣ лишь постепенно, по мѣрѣ изученія самыхъ предметовъ; но это нисколько не зависитъ отъ великорусской или малорусской формы этихъ терминовъ. Во всякомъ случаѣ никто не можетъ доказать, что разстояніе малорусскаго языка отъ великорусскаго равно или больше разстоянію hochdeutsch отъ plattdeutsch въ Германіи: почему же тѣ задачи, которыя успѣшно разрѣшаются школой нѣмецкою, не могутъ быть разрѣшены школой русскою? А нельзя не признать, что распространеніе въ массахъ знакомства съ литературнымъ языкомъ составляетъ во всѣхъ странахъ и государствахъ одну изъ существующихъ задачъ народной школы. Почему же одна русская школа должна тяготиться и даже отказываться отъ этой задачи? Почему должна она отказывать народу въ томъ, что ему существенно необходимо не только въ книгѣ, но и въ жизни—торговой, общественной и политической, въ лавкахъ и канцеляріяхъ, въ гражданской и военной службѣ,

въ судахъ и церкви? Не литературный языкъ, а провинціальный жаргонъ противенъ народу въ школѣ и книгѣ! Его здравый взглядъ ясно видитъ, что все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ свое время. Говорить въ народѣ тысяча: всѣ не могутъ быть литературными языками. Одинъ вышелъ побѣдителемъ изъ „борьбы за существованіе“: другіе его поддерживаютъ и обогащаютъ, пользуясь имъ для цѣлей своего образованія. Такъ было вездѣ; такъ и у насъ—до недавняго времени.

Появились попытки писать на одномъ изъ мѣстныхъ говоровъ Малорусскаго края. До сихъ поръ спорятъ о мотивахъ, побудившихъ И. П. Котляревскаго издать свою „Энеиду на малороссійскій языкъ перелиціованную“ (1798 г.) на одномъ изъ малороссійскихъ говоровъ: одни видятъ въ ней „попытку національнаго возрожденія“, другіе же—карикатуру на на простонародье (стр. 358). Всего вѣроятнѣе предположеніе г. Пыпина, что пародія Котляревскаго не была ни тѣмъ, ни другимъ, а „плодомъ простой шутки“ (стр. 358). Такою же шуткой были малороссійскіе опыты П. Артемовскаго-Гулака: „Панъ та собака“ и т. п. (стр. 360), но къ шуткѣ здѣсь примѣшивались уже „гражданскіе мотивы“. У Г. Θ. Квитки могла быть въ малорусскихъ разказахъ, кромѣ „невинной сатиры и остроумія“, и этнографическая жилка, обращавшая его живость малорусскихъ нравовъ въ фотографію (стр. 360—361), при чемъ „слободское нарѣчіе“ являлось на сцену, неизвѣстно по личному ли капризу, или для болѣе рабскаго воспроизведенія дѣйствительности. Квитка издавалъ впрочемъ многія изъ своихъ повѣстей и на общерусскомъ языкѣ, по сознанію, конечно, что „слободское нарѣчіе“ не есть необходимая принадлежность произведеній этого рода. Столь же простыми соображеніями руководствовался конечно и четвертый корифей „малорусской литературы“ Шевченко, когда избралъ говоръ родины для пѣсенъ своего Кобзаря. Могъ существовать впрочемъ при этомъ и особый мотивъ: Тарасъ Шевченко былъ въ литературѣ самоучка, какъ Кольцовъ. Хотя онъ и прожилъ до 1840 г. (выходъ 1-го изданія Кобзаря) нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, но занимался онъ при этомъ главнѣйше живописью, а потому сомнительно, чтобы онъ до такой степени овладѣлъ уже тогда нашимъ литературнымъ языкомъ и стилемъ, чтобы могъ употребить его въ своихъ первыхъ поэтическихъ опытахъ. На Шевченка могъ наконецъ дѣйствовать и примѣръ его земляковъ Гулака, Квитки и др., которые писали на мѣстныхъ говорахъ.

До сихъ поръ „малорусская литература“ вращалась исключительно въ области поэтическихъ произведеній этнографическаго характера и была чужда тенденціи замѣнить или вытѣснить общерусскій языкъ изъ науки, литературы и школъ южнорусскихъ. Ни одинъ изъ названныхъ писателей не думалъ и не утверждалъ, будто языкъ общерусскій недоступенъ массѣ Южнорусскаго народа; ни одинъ изъ нихъ и не писалъ въ сущности для массы, а для интеллигенціи, которая конечно еще лучше владѣла языкомъ общимъ, чѣмъ мѣстными говорами. Всѣ эти сочиненія ничего, слѣдовательно, не потеряли бы въ своемъ внутреннемъ достоинствѣ и вліяніи на общество, еслибы были писаны на языкѣ болѣе распространенномъ и общезвѣстномъ. Особенно должно это сказать о Шевченкѣ. Какъ талантъ крупный, онъ долженъ бы усвоить себѣ точку зрѣнія Гоголя, что „языкъ родины не давалъ ему достаточнаго поприща“ (стр. 350). Но Шевченко не могъ или не хотѣлъ этого сдѣлать: вмѣсто поэта общерусскаго онъ сталъ областнымъ, утѣшаясь, можетъ быть, тѣмъ, что лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ, а тѣмъ болѣе десятымъ въ городѣ. Грѣха въ томъ нѣтъ большаго, за то и заслуги никакой нѣтъ.

Еслибы „малорусская литература“ ограничивалась тою скромною ролью, какую она играла до сихъ поръ, то она могла бы существовать рядомъ съ общерусскою, какъ новопровансальская во Франціи, или швабская и нижнепфѣмецкая въ Германіи. Но въ 40-хъ годахъ стала выработываться, подъ именемъ украинофильства, идея особой малорусской литературы, независимой отъ общерусской и равноправной съ нею. Г. Пыпинъ съ большою подробностью излагаетъ зарожденіе и развитіе этой идеи, которая представляется ему даже дополняющею органическій процессъ національнаго развитія, а потому имѣющею за себя извѣстное нравственно-общественное право (стр. 378). Посмотримъ, чѣмъ аргументируетъ нашъ авторъ свои симпатіи къ этой малорусской литературѣ.

„Когда возникла“, говоритъ авторъ, — „первая попытка малорусскаго нарѣчія войти въ литературу, различіе между нимъ и господствовавшимъ въ книгѣ русскимъ языкомъ было уже такъ велико, что единство представлялось невозможнымъ: для него требовалась особая литература“ (стр. 350). И такъ, главнымъ основаніемъ литературнаго раскола въ средѣ Русскаго народа и государства было глубокое различіе двухъ русскихъ „языковъ“! Выше мы касались уже этого ученаго предразсудка и не станемъ болѣе о немъ распространяться. Выразимъ лишь удивленіе, какъ это при такомъ глубокомъ различіи

двухъ русскихъ „языковъ“ мы не замѣчаемъ никакихъ стилистическихъ промаховъ въ языкѣ Богдановича, Капниста, Гнѣдича, Нарѣзнаго, Гоголя, которые, будучи Южноруссами, безукоризненно писали на одномъ языкѣ съ Державинымъ, Карамзинимъ и Пушкинымъ! Вотъ въ Бѣлградѣ, напримѣръ, умѣютъ по одной-двумъ фразамъ отличить языкъ „загребскихъ штокавцевъ“, а проф. Гаттала постоянно ведетъ борьбу съ чешскими пуристами изъ-за словакизмовъ своей чещины. Не показываетъ ли это, что литературное единеніе Южноруссовъ съ Сѣверноруссами еще легче, чѣмъ Хорватовъ съ Сербами, или Словаковъ (старыхъ) съ Чехами? По какому же масштабу измѣряется разстояніе двухъ русскихъ „языковъ“ людьми, видящими между этими языками такую пропасть, чрезъ которую невозможно уже перекинуть соединительный мостъ литературнаго языка? Взять этотъ масштабъ съ языка италіанскаго, французскаго, нѣмецкаго, или славянскихъ? Г. Пыпинъ конечно отвѣтитъ: съ послѣднихъ, такъ какъ онъ съ большимъ упорствомъ настаиваетъ на параллельности движенія южнорусскаго съ возрожденіемъ югославянскихъ литературъ. Онъ приподитъ мнѣнія разныхъ филологовъ, особенно Миклошича, о такой же независимости малорусскаго нарѣчія въ сравненіи съ великорусскимъ, какъ польскаго въ сравненіи съ чешскимъ, сербскаго съ болгарскимъ и т. п. Допустимъ, что въ этихъ сравненіяхъ нѣтъ оптическаго обмана, и что дѣйствительно малорусскій „языкъ“ является столь же независимымъ по своему составу и остротѣ, какъ любой другой изъ дюжины славянскихъ „литературныхъ языковъ“. Ужели изъ этого слѣдуетъ, что ихъ нужно еще размножать, а не сокращать и соединять по возможности? Почему же самъ г. Пыпинъ привѣтствуетъ литературное объединеніе Хорватовъ съ Сербами, какъ новую пору, когда литература (хорватская) вышла изъ ограниченныхъ предѣловъ мелкаго областного нарѣчія, и когда дѣятельность хорватскихъ писателей приобрѣла чрезъ то значеніе, важное для цѣлаго сербскаго міра (стр. 200)? Болѣе того: авторъ высказываетъ сожалѣніе, что и Словенцы не примкнули къ литературному языку сербо-хорватскому, видя въ этой страсти Хорутанъ къ національной особности причину истощенія ихъ народности, грозящаго окончательнымъ паденіемъ послѣдней (стр. 302)! Онъ прямо говоритъ, что путь, которымъ могутъ быть устроены югославянскія отношенія, есть прежде всего „сербо-хорватское единство“ (стр. 255), при чемъ строго осуждаетъ „узкій провинціализмъ, преувеличивающій мелкія отличія племени“, и хвалитъ „дѣятельность болѣе просвѣщенныхъ людей, ко-

торая начинаетъ разрушать этотъ разладъ и ставить на его мѣсто болѣе широкой національный интересъ" (стр. 255). И такъ, хорошо дѣлають Югославине, соединяя свои три или (по другимъ) два нарѣчія (по другимъ языка) въ употребленіи общаго литературнаго языка; хорошо ли же сдѣлають Русскіе, уже давно достигшіе послѣдняго (то-есть, литературнаго объединенія), уничтоживъ его своими собственными руками и раздѣлившись, для смѣха и радости нашихъ враговъ, на три или по крайности на двѣ части? Колларъ и его послѣдователи совѣтуютъ изъ дюжины славянскихъ „литературныхъ языковъ“ избрать четыре главныхъ, подчинивъ имъ слабѣйшіе; Юнгманъ, Штуръ и ихъ ученики предлагаютъ Славянамъ признать одно изъ своихъ нарѣчій общеславянскимъ литературнымъ языкомъ, а г. Пыпинъ не довольствуется наличнымъ числомъ славянскихъ литературныхъ языковъ и совѣтуетъ увеличить ихъ еще однимъ младенцемъ!

Славянское возрожденіе состояло не въ томъ, что одинъ славянской литературный языкъ раздѣлялся на два или на три, хотя и такія явленія существовали (напримѣръ, въ выдѣленіи нарѣчій словацкаго и кашубскаго), а наоборотъ, въ собраніи народныхъ силъ къ одному центру, въ общей борьбѣ за освобожденіе отъ гнета языковъ и литературъ инородныхъ, напримѣръ, турецкаго, греческаго и италіанскаго на югъ, мадьярскаго и нѣмецкаго на западѣ.

Что г. Пыпинъ самъ сознавалъ трудность отстоять аналогичность „славянскаго возрожденія“ съ выдѣленіемъ малорусской литературы, видно какъ изъ многократнаго повторенія имъ этой мысли (стр. 306, 352, 364 и пр.), такъ и изъ странности нѣкоторыхъ доводовъ въ ея пользу. Такъ на стр. 364 онъ указываетъ на малорусскіе фальсификаты въ видѣ думъ и даже хроникъ, какъ на явленіе параллельное поддѣлкамъ чешскимъ! Изъ примѣчанія 1-го на стр. 352 видно, что самъ авторъ понималъ полную разнородность сравниваемыхъ явленій, но старался игнорировать ее: обстоятельство, говоритъ онъ, — на которое опираются противники южнорусской литературы, состоитъ въ томъ, что она стоитъ въ сосѣдствѣ сильной русской литературы, которая обезпечиваетъ національный интересъ: но внутреннія отношенія русской литературы, къ сожалѣнію, еще не даютъ полнаго основанія къ такому соображенію (стр. 352). Какъ легко авторъ раздѣлялся съ такимъ капитальнымъ возраженіемъ противъ проводимой имъ аналогіи! Если внутреннія отношенія русской литературы еще не даютъ полнаго основанія для обезпеченія національныхъ инте-

ресовъ всего Русскаго племени, то изъ этого слѣдуетъ, что можно желать развѣ что измѣненія этихъ отношеній, а во все не основанія новой литературы, которая, конечно, также будетъ въ зависимости отъ этихъ отношеній и потому также не дастъ полнаго обезпеченія національныхъ интересовъ ни всего Русскаго народа, ни половины его.

Всѣ остальные признаки, приводимые г. Пыпинымъ въ доказательство параллельности движенія южнорусскаго съ общеславянскимъ возрожденіемъ, также не выдерживаютъ критики. Такъ онъ указываетъ на реставрацію преданій прошлаго, на интересъ къ этнографіи и усиленную литературную дѣятельность, какъ на подобные признаки (стр. 364). Доказываютъ ли они искомое? Два первые составляютъ принадлежность всѣхъ европейскихъ литературъ XIX в., не исключая и общерусской; третій же признакъ есть призракъ: никакой особенной производительности южнорусское движеніе не вызвало, а лишь совпало съ общерусскимъ литературнымъ оживленіемъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, при чемъ лишь немногія изъ южнорусскихъ произведеній поднялись выше средняго уровня тогдашней литературной дѣятельности.

Чѣмъ же такъ подкупленъ г. Пыпинъ, что выступаетъ рѣшительнымъ поборникомъ „самостоятельной малорусской литературы“? Какія новыя и плодотворныя идеи открылъ онъ въ ней? Для отвѣта обратимся къ дѣлаемому авторомъ опредѣленію сущности тѣхъ стремленій, которыя въ ней выражаются. Такихъ г. Пыпинъ насчитываетъ собственно три: 1) распространеніе идеи славянской взаимности или мысли о Славянствѣ (стр. 376, 380); 2) забота о просвѣщеніи Украинскаго народа (ib.), и 3) защита малорусской народности отъ польскаго господства какъ на Украйнѣ, такъ и въ Галичинѣ (стр. 380, 386). На чемъ основываетъ авторъ свое предположеніе, что эти, а не другія тенденціи лежатъ въ основаніи „украинофильства“? Онъ ссылается на идеи кievскаго Кирилло-Меѳодіевскаго общества 1846 г., но это общество имѣло, какъ извѣстно, очень эфемерное существованіе и не успѣло развить въ теоріи и провести въ жизнь ни хорошихъ, ни дурныхъ мыслей. Положимъ, что не оно одно повинно въ этой неудачѣ; но все же никакой заслуги оно предъ Славянствомъ не имѣетъ. Между тѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ произведеніяхъ украинофильской школы идея Славянства не имѣла и сотой доли того значенія, какъ, на примѣръ, въ сочиненіяхъ школы славнофильской! Это на счетъ теоріи; но то же было и въ жизни: когда въ Россіи открылись славянскіе благотворительные

комитеты, то українофилы не только не выражали особеннаго къ нимъ сочувствія, но наоборотъ не скрывали своего полнѣйшаго къ нимъ равнодушія и даже недовѣрія. Это могутъ подтвердить особенно лица, знакомыя съ развитіемъ и положеніемъ славянскаго комитета (общества) въ Кіевѣ. Мы не хотимъ дѣлать українофиламъ упрека въ томъ, что они не пожелали принять дѣятельное участіе въ учрежденіяхъ благотворительныхъ: благотворительность какъ личная, такъ и общественная, — дѣло доброй воли и свободнаго чувства. Напоминаемъ же это обстоятельство единственно для сопоставленія его съ мнѣніемъ г. Пшпина о какихъ-то особенныхъ сочувствіяхъ українофиловъ славянской идеѣ, которыя составляютъ будто бы одно изъ основныхъ стремленій этой школы.

Что сказать о другомъ изъ этихъ стремленій — заботахъ о народномъ просвѣщеніи? Нельзя утверждать, будто раньше українофиловъ и помимо ихъ никто не заботился объ интересахъ народнаго образованія Малоруссовъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что на почвѣ Украйны давно уже находится пѣсколько высшихъ, десятки среднихъ и сотни, даже тысячи низшихъ учебныхъ заведеній, бібліотеки, типографіи, театры, литературныя и ученныя общества, однимъ словомъ всѣ тѣ „образовательныя средства“, какія существуютъ и въ другихъ областяхъ Россіи. Малоруссы имѣютъ всѣ тѣ же средства научиться грамотѣ, получить образованіе общее и спеціальное, какъ и Великоруссы. Если же въ прежнее время народное образованіе стояло не на желательномъ уровнѣ, то это было, во первыхъ, не въ одной Украйнѣ, и вовторыхъ, зависѣло не отъ общерусскаго книжнаго языка, а отъ крѣпостнаго права, бѣдности народа, апатіи общества и другихъ экономическихъ и общественныхъ причинъ.

Сравниѣ всего, что українофилы такъ поздно принялись за противодѣйствіе малорусскимъ языкомъ польскому вліянію: почему не подумали они объ этомъ въ періоды дѣйствительной силы полонизма на Литвѣ и Украйнѣ? Константинъ Острожскій, Петръ Могила и ихъ современники знали, что сила Русскаго народа въ борьбѣ съ полонизмомъ заключается не въ мѣстныхъ говорахъ Литвы или Украйны, а въ сохраненіи старыхъ преданій, богатаго наслѣдія русской древности, церковныхъ и литературныхъ связей съ другими русскими и славянскими землями. Лишь въ XIX в., когда дѣйствительная опасность отъ полонизма для русскаго югозапада миновала, благодаря совокупнымъ усиліямъ всѣхъ русскихъ вѣтвей, — лишь тогда могли появиться фантастическія теоріи, будто областной языкъ представ-

двѣтъ болѣе силы для борьбы съ языкомъ и литературою польскою, чѣмъ языкъ общерусскій!

Г. Пыпинъ не могъ впрочемъ не замѣтить, что Россія представляетъ плохую арену для борьбы „языка“ малорусскаго съ польскимъ: на помощь призывается Галичина и Русь Угорская. „Малорусская литература должна бы служить еще“, говоритъ онъ, — „для нѣсколькихъ милліоновъ Русскихъ въ Галиціи, Буковинѣ, Венгріи, которые еще менѣе понимаютъ великорусскій языкъ“ (стр. 352, 382 и 386). Мы согласны съ авторомъ, что положеніе Русскаго народа въ названныхъ областяхъ крайне незавидно и даже опасно. Не одни Поляки, но и Румыны, Мадыяры, Евреи и Нѣмцы давятъ Подкарпатскую Русь самымъ беспощаднымъ образомъ. Русскій народъ, русская литература, церковь и государство должны стремиться къ исправленію ошибокъ Екатерины II и Александра I въ вопросѣ о воссоединеніи Руси. Но дѣло въ томъ, что полезнѣе нашимъ закордоннымъ соплеменникамъ въ ихъ тяжелой борьбѣ за существованіе—языкъ ли и литература общерусская, или „языкъ и литература малорусская“. Пригоднѣе ли для нихъ въ топерешнемъ критическомъ положеніи политика старыхъ вождей южнорусскихъ, князей Острожскихъ, Могилъ, Хмѣльницкихъ, или новыхъ, которыхъ слава въ исторіи еще далеко не обезпечена? Большинство образованныхъ Галичанъ, Буковинцевъ и Угровоссовъ сочли болѣе согласнымъ съ положеніемъ и интересами своей страны держаться вѣковыхъ преданій Русскаго народа, его традиціоннаго литературнаго языка, старой азбуки, общей письменности, общей церкви. Ихъ рѣшимость вполне соответствовала и консервативнымъ наклонностямъ самого народа, горькимъ опытомъ наученнаго остерегаться всевозможныхъ новшествъ. Но нашлись въ средѣ галицкорусской интеллигенціи отдѣльныя лица, которые сочли языкъ и литературу малорусскую (которую самъ г. Пыпинъ называетъ „маленькою“, стр. 414), болѣе пригодными для своего народа. Такимъ образомъ, рядомъ со старымъ традиціоннымъ общерусскимъ направленіемъ появилось въ Галичинѣ новое малорусское или украинофильское. Г. Пыпинъ называетъ представителей перваго „святоюрцами“ или „старорусскою партіей“, а приверженцевъ втораго — „народовцами“. Авторъ нисколько не скрываетъ своихъ антипатій къ первымъ и симпатій къ послѣднимъ. Онъ находитъ страннымъ, что старорусская партія ищетъ спасенія своей народности въ союзѣ съ племенемъ сильнѣйшимъ (то-есть, Великорусскимъ), въ союзѣ, за которымъ должно-де ожидать подчиненія и поглощенія слабѣйшаго сильнѣйшимъ (стр. 437); въ виду этого авторъ

оправдываетъ недовѣріе „народовцевъ“ къ всепоглащающей великорусской народности (стр. 429). Г. Пыпинъ строго упрекаетъ „староруссовъ“ за употребленіе въ литературѣ языка искусственнаго, мѣшаннаго съ церковнославянскимъ, польскимъ и латынскимъ (стр. 421) забывалъ при этомъ, что и хваленый чистѣйшій (стр. 432) „языкъ южнорусскій“ представляетъ въ своемъ лексиконѣ странную смѣсь словъ чисто-русскихъ съ польскими и разными новосочиненными по образцу нѣмецкихъ, латынскихъ и тому подобнымъ. А между тѣмъ нашему автору хорошо извѣстно, что мѣшанный характеръ „святоюрскаго“ языка зависитъ не столько отъ вкуса авторовъ, сколько отъ недостатковъ мѣстной русской школы и отъ преслѣдованій австрійскимъ правительствомъ всего, что пахнетъ „московскимъ“ языкомъ, напимѣръ, формъ какъ вмѣсто якъ, ходитъ вмѣсто ходити и тому подобнымъ. Можно ли дѣлать отвѣтственными людей за то, что дѣлается помимо и даже вопреки ихъ волѣ и сознанію? Съ чего же г. Пыпинъ клеймитъ взгляды „старорусской партіи“ именемъ антипатичныхъ, ненавистныхъ, ретроградныхъ (стр. 438), исполненныхъ обскурантизма и зложелательства (стр. 430), упрекая ея въ презрѣніи къ народу и во враждѣ къ его мнимымъ поборникамъ, народоцамъ (стр. 422, 437)? Почему авторъ не задался вопросомъ: что же заставляетъ этотъ будто бы презираемый святоюрцами народъ питать къ нимъ полное довѣріе и чрезвычайно подозрительно относиться къ своимъ мнимымъ друзьямъ-народоцамъ? А это фактъ неоспоримый; имъ объясняется и то, что польско-нѣмецкое правительство донынѣ принуждено оставлять въ рукахъ святоюрцевъ важнѣйшія народныя учрежденія, какъ-то: ставропигійный институтъ, матицу, народный домъ, русскую раду, общества имени Качковскаго и т. п. (стр. 425). То же и на Руси Угорской (стр. 443). Напрасно поэтому г. Пыпинъ утверждаетъ, будто народовцы берутъ теперь верхъ въ Галиціи, пользуясь при этомъ нашими малорусскими силами, которые не могли дѣйствовать у себя дома (стр. 437). Мы не отрицаемъ участія послѣднихъ въ возбужденіи литературныхъ и общественныхъ споровъ между Галичанами; думаемъ только, что плохую услугу оказываютъ имъ при этомъ Малоруссы, и что все-таки антирусская пропаганда во Львовѣ не подорветъ здравыхъ попятій и инстинктовъ большинства русской интеллигенціи и народа въ Галичинѣ.

Если бы такъ называемая г. Пыпинымъ литература на языкѣ „черни“ (стр. 422) южнорусской была столь опасна Полякамъ, какъ предпо-

лагаеть авторъ, то изъ двухъ борющихся въ Галичинѣ партій они стали бы конечно на сторону менѣе опасной—святоюрской, тѣмъ гибельной будто бы для нихъ крайнофильской. Случилось обратное! Самъ авторъ указываетъ, что власти Галиціи и Угорщины (то-есть, Поляки и Мадьяры) желали даже ввести въ этихъ провинціяхъ „кулишовку“, то-есть, крайнофильскую азбуку, стремясь при этомъ къ удаленію „Русиновъ“ отъ образцовъ московскихъ, то-есть, общерусскихъ (стр. 442). Нашлись даже Поляки, какъ Тимко Падура, Осташевскій, Венглипскій, Свенцицкій, которые до того дошли въ своемъ сочувствіи крайнофильству, что сами составили и издали рядъ поэмъ на малорусскомъ языкѣ (стр. 436)! Къ этому мы можемъ прибавить, что крайнофильскія общества получаютъ въ Галиціи субсидіи отъ польской администраціи, что ихъ представители пользуются всевозможными выгодами по службѣ, что въ Угорщинѣ само правительство редактируетъ періодическія изданія на языкѣ quasi-Шевченка, печатаемыя азбукой Кулиша. Гдѣ же тутъ тѣнь взаимнаго недовѣрія и неприязни крайнофиловъ съ Поляками и Мадьярами? Напротивъ, всѣ признаки самой трогательной дружбы и единомыслія. У обоихъ въ виду страшный соперникъ — русскій литературный языкъ, поддерживаемый силою не только общества, но и государства. Мы не сомнѣваемся, что и г. Пыпинъ замѣтилъ это опасеніе крайнофиловъ и народовцевъ въ отношеніи поглощающихъ или ассимилирующихъ способностей общерусскаго языка и литературы: онъ самъ упоминаетъ объ этихъ опасеніяхъ (стр. 429). Почему же не пришло ему въ голову, что такіе именно страхи составляютъ одну изъ основныхъ принадлежностей польскаго міросозерцанія, и что на этой почвѣ возможно не только сближеніе, но и полное единомысліе Поляковъ съ крайнофилами? Разгадавъ это, г. Пыпинъ не сталъ бы утверждать, будто сущность ихъ стремленій заключается въ развитіи идеи славянской взаимности и въ противодѣйствіи Полякамъ на украинской и галицкой почвѣ: вмѣсто послѣднихъ онъ поставилъ бы „Москалямъ“, и дѣло явилось бы въ болѣе правильномъ, настоящемъ свѣтѣ.

Одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ книги г. Пыпина заключается какъ вообще, такъ и въ данномъ случаѣ въ томъ, что авторъ мало касается дѣйствительнаго содержанія разсматриваемыхъ имъ явленій литературы. Такъ напримѣръ, онъ совершенно не выяснилъ своимъ читателямъ отношенія нашихъ крайнофиловъ и галицкихъ народовцевъ хотя бы къ основнымъ вопросамъ жизни общественной, политической, религіозной, экономической и т. п.; онъ упоминаетъ, что

новая фракція „народовцевъ“ начала издавать Громадского друга, а по его закрытіи Дзвін, но не говоритъ, что это были изданія чисто социалистическія, какъ, это можно видѣть хотя бъ изъ ихъ разбора, сдѣланнаго въ февральской книгѣ Вѣстника Европы за 1878 годъ. Объ обществѣ „Просвіта“ авторъ говоритъ, что съ 1868 года оно издало немало полезныхъ популярныхъ книгъ и представляетъ одно изъ лучшихъ проявленій галицкой общественной дѣятельности (въ народномъ смыслѣ), а журналъ Правда называетъ лучшимъ изъ галицкихъ, не оговоривъ при этомъ однако, что „Просвіта“ и Правда отличаются враждебными Россіи тенденціями; о газетѣ Слово, самой вліятельной между Галичанами и самой сочувственной къ идеѣ славянскаго сближенія, г. Пыпинъ не нашелся сказать ничего другаго, кромѣ фразы, что Слово съ 1861 года есть главный органъ святоюрцевъ и ведетъ ожесточенную войну противъ народнаго направленія (стр. 425). Какъ странно и вмѣстѣ грустно, что русскій публицистъ и ученый даетъ надѣтъ на себя своеобразныя очки своимъ недоброжелателямъ и затѣмъ все наблюдаетъ въ свѣтѣ самомъ пристрастномъ и узко-одностороннемъ!

Иной разъ г. Пыпинъ какъ будто просыпается отъ морока, напущеннаго на него украинофилами. Такъ на стр. 438, послѣ многихъ нападокъ на святоюрцевъ, авторъ обращается съ очень полповѣсными упреками и къ „народовцамъ“: Защищая галицко-малорусскую народность, опасаясь поглощенія „всесилю“, народовцы меньше вникаютъ-де въ свойства этой послѣдней, чѣмъ нужно для вѣрнаго историческаго пониманія дѣла, и можетъ быть, для расчетовъ въ будущемъ. Галицко-украинское единство, на которомъ они настаиваютъ, также не достаточно-де выяснено. Правда, по народному характеру, быту, языку, Галичане и Малоруссы—одинъ народъ, одинъ и по многимъ явленіямъ исторіи, но не по всѣмъ... Единство галицко-украинское есть-де относительное... Можетъ ли-де галицкій Русинъ непосредственно считать своими старія казакія думы или новую поэзію Шевченка? Кромѣ того, Галичане (то-есть, народовцы) отождествляютъ свою литературу съ малорусскою; по послѣднія многоразличнымъ образомъ связана съ развитіемъ русской литературы, и съ этой стороны Галичанамъ опять необходимо ближе познакомиться съ содержаніемъ и направленіями русской литературы... Люди, которымъ нельзя отказать въ широкомъ и большомъ знаніи славянства, предостерегаютъ-де отъ крайностей украинофильства (цитуются г. Ягичъ и

Штурь)... Во всякомъ случаѣ требуется-де больше внимательнаго изученія вопроса о великорусскихъ и малорусскихъ отношеніяхъ въ прошломъ и въ современности, чѣмъ ему даютъ Галичане... А главное... русская (россійская) народность есть-де ближайшая сильная народность, въ которой они могли бы находить опору для своей національной будущности... (стр. 438—440).

Въ этихъ словахъ авторъ дѣлаетъ вопросомъ почти все, на чемъ прежде такъ сильно настаивалъ: онъ сомнѣвается въ правильномъ пониманіи народности своихъ отношеній къ Малороссіи съ одной стороны, а къ „Москвѣ“ съ другой; сомнѣвается въ этнографическомъ и историческомъ единствѣ „Русиновъ“ съ Малоруссами; сомнѣвается въ достаточности для Галичанъ литературнаго общенія съ одними послѣдними; сомнѣвается въ возможности для „Русиновъ“ обходиться безъ опоры ближайшей сильной народности русской (то-есть, общерусской); сомнѣвается наконецъ въ непогрѣшимости теоріи украинофильской и въ обскурантизмѣ или злонамѣренности всѣхъ ея противниковъ.

Какъ выиграла бы книга г. Пыпина, еслибъ этотъ рядъ спасительныхъ сомнѣній пришелъ ему въ голову не въ концѣ его обширнаго трактата о южно-русской и „русиновской“ литературѣ, а въ началѣ, и выразился бы въ соотвѣтственномъ видоизмѣненіи взглядовъ, развитыхъ на стр. 304—438 его книги! Въ теперешнемъ же своемъ видѣ глава о „частныхъ литературахъ русскаго языка“ представляетъ странный диссонансъ съ содержаніемъ всѣхъ остальныхъ отдѣловъ сочиненія: вмѣсто свободнаго и спокойнаго изложенія предмета мы находимъ тутъ такое слѣное отношеніе автора къ навѣянныиъ на него изуча теоріямъ и такую рѣзкость и нетерпимость къ мнѣніямъ противоположныиъ, что невольно дивимся этой странной метаморфозѣ. И куда дѣвались при этомъ развиваемыя въ другихъ главахъ идеи автора о славянскомъ сближеніи и освобожденіи? Все забыто—и Россія, и Славянство: на сценѣ видѣется одна украинская колокольня, съ которой нашъ авторъ разсматриваетъ и русскій языкъ, и славянскую литературу, и исторію, и политику, и мораль, однимъ словомъ весь міръ видимый и не видимый! Кто не пожалѣетъ русскаго писателя, какими-то чарами попавшими на такую приземистую обсерваторію и словоиъ цѣлыми прикованнаго къ ней!

Но оставимъ область идей, развитыхъ въ „Исторіи славянскихъ литературъ“ и составляющихъ самую слабую ея сторону, и перейдемъ

къ фактическимъ указаніямъ и даннымъ, которыми такъ богато это сочиненіе.

Г. Пыпинъ посвятилъ часть введенія въ свой трудъ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ вопросовъ и сообщенію данныхъ по славянской этнографіи и діалектологіи. Жаль, что эти замѣчанія очень кратки и общи и не вводятъ читателя глубже въ предметъ, который находится въ тѣсной связи съ исторіей литературы и народнаго образованія. Къ тому же многія изъ географическихъ, этнографическихъ и діалектологическихъ замѣчаній автора какъ во введеніи, такъ и въ самомъ сочиненіи, страдаютъ большою неточностію и могутъ приводить не свѣдущаго читателя въ заблужденіе. Приведемъ нѣкоторые призмѣры. На стр. 149 г. Пыпинъ говоритъ, что въ VII в. совершилось поселеніе Сербовъ въ Мизіи, при императорѣ Иракліѣ. Слово Мизія употреблено здѣсь вмѣсто Иллиріи, такъ какъ Сербы заняли область къ западу отъ р. Дрины (Drinus), то-есть, въ нынѣшней Босніи, Герцеговинѣ, Черногоріи, а не въ княжествѣ Сербскомъ, которое дѣйствительно входило въ Верхнюю Мизію, но было заселено главнѣйше колоніями Болгарскаго (нынѣ), а не Сербскаго племени (см. Шафарикъ, Slov. Starožitnost., II, 256, стр. 228 и сл.). Столь же неточно выраженіе: „Хорваты заняли древнюю Далмацію или нынѣшнія области Далмацію, Славонію, Кроацію и западную часть Босни до р. Вербаса; другая часть этихъ Хорватовъ заняла Иллирикъ и Паннонію въ нынѣшней Венгріи“ (стр. 165). Здѣсь очень расширено понятіе „древней Далмаціи“, которая въ дѣйствительности занимала лишь южную часть римскаго Иллирика, между рѣками Керкою (Titius) и Дримомъ (Drilon), моремъ и Дриною ¹⁾, слѣдовательно, не включала въ себя ни Славоніи, ни Кроаціи. Напрасно также авторъ выражается объ Иллирикѣ и Панноніи въ такомъ контекстѣ, что можно предположить, будто оба входили въ нынѣшнюю Венгрію, тогда какъ извѣстно, что древній Иллирикъ простирался лишь до р. Савы на сѣверѣ ²⁾, слѣдовательно, совсѣмъ не касался собственной Венгріи.

Не вполне вѣрно и отождествленіе древней Діоклеи (Дукли, Зеты) съ нынѣшнею Черногоріей (стр. 139). Константинъ Багрянородный прямо говоритъ, что Дукля протягивается отъ мѣстечекъ сосѣднихъ съ г. Драчемъ и до Котора ³⁾: въ нее входили, слѣдовательно, кромѣ

¹⁾ *Forbiger*, Handbuch der alten Geographie, III, 536 (2-te Ausg.).

²⁾ *Ib.* 553.

³⁾ *Шафарикъ* Sl. St., II, 289.

ныѣшней Черногоріи, еще часть сѣверной Албаніи и южной Далмаціи съ Бокію Каторскою.

Это изъ области древней географіи; но есть неточности и въ свѣдѣніяхъ по новой географіи. На стр. 9 (7 перв. изд.) мы читаемъ, напримѣръ, что „Хорваты занимаютъ въ собственной Хорватіи столицы Вараждинскую и Крижевацкую и значительную часть Загребской, Саладской и Шомодской; кромѣ того, ихъ поселенія также заходятъ въ собственную Венгрію“. Изъ этихъ словъ можно сдѣлать выводъ, будто столицы Саладская и Шомодская находятся въ Хорватіи, тогда какъ онѣ никогда въ нее не входили, а лежатъ въ собственной Венгріи, которая отдѣляется отъ Хорватіи рѣкою Дравію.

На стр. 11 и 14 (9 и 11 перв. изд.) упоминаются провинціи Воеводина и Банатъ: первая дѣйствительно существовала съ 1849 по 1860 г., но включая въ себя вмѣстѣ съ Бачкой и Срѣмомъ Банатъ. Теперь же нѣтъ ни Воеводины, ни Баната, а просто жупаніи Темешская, Торонтальская, Крашовская, Бачкободрождская и Срѣмская, изъ коихъ первыя входятъ непосредственно въ Угрію, а послѣдняя въ Славонію.

На стр. 9 (7 перв. изд.) читаемъ, что „Сербы занимаютъ... Боснію, Герцеговину и турецкую Кроацію“: послѣдняя всегда входила въ Боснію и не составляла отдѣльной провинціи ни подъ Турками, ни подъ Австро-Уграми.

На стр. 8 (5 и 6 стр. перв. изд.) говорится, что Малоруссы занимаютъ въ Польшѣ половину Люблинской губерніи, а Бѣлоруссы часть Августовской: авторъ не обратилъ вниманіе на происшедшее въ 1864 г. измѣненіе въ административномъ раздѣленіи царства Польскаго, вслѣдствіе котораго Люблинская губернія раздѣлена на двѣ: Люблинскую и Сѣдлецкую, а Августовская—на Ломжинскую и Сувалкскую. Такимъ образомъ Люблинская и особенно же Августовская губернія являются анахронизмомъ.

На стр. 172 говорится, что глаголица распространилась въ Далмаціи „до Цетини и Неретвы“; въ 1-мъ изданіи нѣсколько иначе: въ Далмаціи до самаго Цетина и даже до Неретвы (стр. 113). Авторъ хорошо сдѣлалъ, обративъ не существующій (городъ?) Цетинъ въ рѣку Петину, но дурно выбросивъ слова „даже до“, такъ какъ р. Перетва лежитъ гораздо южнѣе р. Цетини, слѣдовательно, простираясь до первой, глаголица конечно далеко перешагнула послѣднюю.

Перехожу отъ данныхъ географическихъ къ этнографическимъ.

Нельзя оставить безъ возраженій употребляемые авторомъ тер-

мины: Югославяне, Южноруссы. На какомъ основаніи исключены изъ понятія Югославянъ Болгаре? Развѣ они не живутъ еще южнѣ Сербохорватовъ и Словенцевъ, которыхъ однихъ разумѣть г. Пыпинъ подъ Югославянами? Ссылка на г. Ягича и примѣръ другихъ загребскихъ ученыхъ немного поможетъ автору, такъ какъ отношеніе между нарѣчiami и литературами болгарскою и сербскою съ одной стороны, и хорватскою и хорутанскою съ другой совершенно аналогично, и послѣдовательность требовала либо разумѣть подъ Югославянами и Болгарь, либо совсѣмъ не употреблять термина, которымъ загребскіе писатели очень неудачно вздумали замѣнить пражскій—Иллиры. Столь же противорѣчитъ географіи соединеніе подъ Южноруссами Вѣлоруссовъ, Малоруссовъ и Червоноруссовъ, изъ коихъ послѣдніе лишь съ натяжкой, а первые никакъ не могутъ быть названы Южноруссами, такъ какъ занимаютъ область, лежащую на одной широтѣ съ центрами Великороссіи.

Если авторъ непремѣнно нуждался въ раздѣленіи южнаго и восточнаго Славянства на двѣ каждая, то скорѣе онъ могъ бы употреблять для своихъ Югославянъ и Южноруссовъ термины: Югозападные Славяне, Русь Югозападная, хотя и послѣдніе не обошлись бы безъ позраженій. Лучше же всего держаться историческихъ терминовъ: 1) Болгары, 2) Сербы и Хорваты, 3) Хорутане и Словенцы на югѣ, а на востокѣ—1) Русь Великая, 2) Русь Вѣлая, 3) Русь Малая, 4) Русь Червоная. Послѣдній терминъ могъ бы быть замѣненъ и географическимъ: Русь Подкарпатская, по съ придаченіемъ ему конечно болѣе широкаго смысла, чѣмъ у г. Пыпина, который понимаетъ подъ Русью Карпатскою лишь Угорскую (то-есть, Закарпатскую), забывая, что вся Галичина и Буковина также прилегаютъ къ Карпатамъ и пересекаются ихъ острогами.

На стр. 413 упоминаются Русскіе изъ Седмиградіи: такихъ къ сожалѣнію уже нѣтъ; вѣроятно, авторъ хотѣлъ назвать вмѣсто Седмиградья—Буковину?

На стр. 10 читаемъ, будто „Поляки составляютъ значительную часть населенія въ Буковинѣ“: по Фиккеру ¹⁾ они составляютъ тамъ едва 1,07%, и то почти въ одномъ городѣ Черновцахъ; въ самой же странѣ Поляковъ едва насчитывается 0,91%, то-есть, самая ничтожная часть населенія.

При опредѣленіи польской территоріи въ Пруссіи названа только

¹⁾ Völkerstämme der Oesterr.-Ung. Monarchie. 1869. ■

Померанія, Познань и прусская Силезія (стр. 10), а пропущены Восточная и Западная Пруссія, гдѣ Поляковъ живетъ нѣсколько сотъ тысячъ, въ смѣшеніи большею или меньшею (отъ 50 до 90% Поляковъ) то съ Нѣмцами, то съ Литовцами.

Объ этнографической площади Чеховъ и Словаковъ г. Пыпинъ выражается такъ, будто она приблизительно соотвѣтствуетъ древней (стр. 11 или 9 перваго изданія). Къ сожалѣнію, это далеко невѣрно. Не говори уже объ исчезнувшихъ чехословенскихъ поселеніяхъ въ Баваріи, Ракусахъ ¹⁾, даже въ самомъ чешскомъ четырехугольникѣ не менѣе $\frac{1}{3}$ страны заселено теперь Нѣмцами, какъ-то: Чешскій лѣсъ, Рудогорье, Исполинны горы и собственные Судеты, Хебская область (Egerland) и другія. Не мало славянской земли занято Нѣмцами и въ Моравіи съ горною Силезіей, а Мадьярами на Словачійѣ, въ старомъ Нитранскомъ княжествѣ. Поэтому древняя область чехославянская значительно теперь уменьшилась, можетъ быть на половину противъ времени Ростислава Моравскаго и Болеславоу Чешскихъ.

Относительно статистическихъ цифръ, приводимыхъ г. Пыпиномъ, мы имѣемъ сдѣлать два замѣчанія. На стр. 13 при распредѣленіи Болгаръ по вѣроисповѣданіямъ пропущено 400,000 мусульманъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Помаковъ въ горахъ Родопскихъ; на стр. же 17 относительно русскихъ униатовъ упущено изъ виду совершившееся въ 1875 г. воссоединеніе Холмской Руси, вслѣдствіе чего ихъ цифру 3.108,000 нужно было уменьшить на 200,000, прибавивъ эту послѣднюю къ суммѣ православнаго населенія.

Переходимъ къ замѣчаніямъ діалектологическимъ. Нельзя не пожалѣть, что г. Пыпинъ не послѣдовалъ примѣру Шафарика и не присоединилъ къ исторіи славянскихъ литературъ хоть краткихъ указаній по исторіи славянскихъ нарѣчій. Сознаніе тѣсной связи языка съ литературой выразилось правда у автора помѣщеніемъ въ введеніи главы „о славянскихъ нарѣчійхъ“; но эта глава очень коротка и обща, обнимая всего три страницы, тогда какъ Шафарикъ посвятилъ этому предмету до 30 страницъ своей *Geschichte der Slawischer Sprache und Litteratur*. Да и руководителя себѣ выбралъ при этомъ г. Пыпинъ довольно некомпетентнаго (автора статьи *Slovane* въ чешской энциклопедіи). Заимствованная авторомъ у послѣдняго таблица славянскихъ „языковъ“ и нарѣчій возбуждаетъ не мало недоразумѣній: ужели между говорами великорусскими и бѣлорусскими такое же

¹⁾ См. *Jičeň-k, Slovanskè právo*, стр. 1 и сл.

независимое отношеніе, какъ между сербскими и хорутанскими или чешскими и польскими? Что такое среднерусское нарѣчіе въ классификаціи, гдѣ нѣтъ ни верхнерусскаго, ни нижнерусскаго, какъ у Максимовича? Что за верхнемизійское и нижнемизійское нарѣчія въ Болгаріи? Можно ли приморскую чакавщину соподчинять говорамъ герцоговинскому, сръмскому и ресавскому, или говоры резьянскіе ставить въ параллель съ говорами верхней, средней и нижней Крайны и такъ далѣе? Существуетъ ли между чешскимъ и моравскимъ такая же разница, какъ между обоими и словацкимъ? Почему въ говорахъ польскихъ опущено малопольское нарѣчіе, лежащее въ основѣ литературнаго языка? На какомъ основаніи причисляется поднарѣчіе кошубское къ вымершему балтійскому славянству? Всѣ эти вопросы возбуждаются, но не рѣшаются вышеупомянутою таблицей. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы встрѣтимся еще ниже.

Нельзя оставить безъ вопросовъ и приводимый г. Пыпинъ въ концѣ главы о славянскихъ нарѣчіяхъ (стр. 20) перечень лицъ, которымъ принадлежатъ важнѣйшія изслѣдованія о нихъ. На ряду съ Миклошичемъ и Шлейхеромъ заслуживалъ бы упоминанія авторъ самаго ранняго и превосходнаго общаго изслѣдованія „объ элементахъ и формахъ славянорусскаго языка“ г. Катковъ; въ изслѣдованіяхъ по русскому языку г. Жигецкій вѣроятно съ полною готовностью уступилъ бы свое мѣсто Цавскому, гг. П. Лавровскому, Гроту, Срезневскому, а можетъ быть, и Колосову; изслѣдованія Билярскаго и Гейтлера по церковно-славянскому языку не превосходятъ по своей важности изслѣдованій В. Григоровича, Бодянскаго, Прейса, Гатталы; труды Малаэцкаго по польскому языку не значительны въ сравненіи съ трудами Ф. Малиновскаго. Напрасно также опущено при сербскомъ языкѣ имя Караджича. Если бы г. Пыпинъ вспомнилъ, что при изслѣдованіи языка работа лексикальная не уступаетъ въ важности грамматическимъ, то онъ конечно не опустилъ бы въ этомъ перечнѣ ни Караджича, ни Даля, ни Юнгмала, ни Линде: въ противномъ случаѣ зачѣмъ фигурируютъ здѣсь имена лексикофаговъ Лнежича и Пфуля, ничѣмъ не прославившихся въ области изслѣдованій грамматическихъ?

Изъ вопросовъ славянской діалектологіи, напрасно обойденныхъ г. Пыпинъ, остановимся подробнѣе на одномъ, по близкому его отношенію не только къ этнографіи, но и къ исторіи славянскихъ литературъ, а именно о томъ, что разумѣемъ подъ хорватскимъ нарѣчіемъ и литературою? Нашъ авторъ усвоилъ себѣ взглядъ Ша-

фарика, развитый имъ какъ въ „Исторіи славянскихъ языковъ и литературъ“ (1825 г.), такъ и въ „Славянской Народописи“ (1842 г.), и по которому къ Хорватамъ причисляются лишь кайкавцы Загреба и прилегающихъ жупаній, тогда какъ чакавцы хорватскаго приморья, Истріи и приморской Далмаціи относятся къ Сербамъ. Но г. Пыпинъ самъ не разъ замѣчалъ, что этотъ взглядъ противорѣчитъ какъ историческимъ, такъ и литературнымъ фактамъ: на стр. 165 онъ замѣчаетъ, что южною границей Хорватскаго племени была р. Петина въ Далмаціи, слѣдовательно, далеко не Сава, и даже не Куна, до которыхъ распространяются кайкавцы: на стр. 151 авторъ говоритъ, что „далматинская литература, процвѣтавшая въ XV—XVII вв., начавшись на одномъ нарѣчій хорватскомъ, скоро стала пользоваться другимъ, собственно сербскимъ“, а здѣсь подъ нарѣчіемъ хорватскимъ разумѣется чакавщина, которая дѣйствительно употреблялась старѣйшими далматинскими поэтами (ср. стр. 197). Такимъ образомъ авторъ невольно долженъ былъ отнести и чакавщину къ нарѣчію хорватскому! Почему же не сдѣлать этого прямо и не признать Сербами лишь штокавцевъ, а чакавцевъ считать уже Хорватами, подобно В. Караджичу¹⁾... Неизвѣстно, почему Шафарикъ игнорировалъ это мнѣніе Караджича, хотя вообще припаялъ его классификацію сербскихъ говоровъ въ своей „Народописи“ (стр. 56). Можетъ быть, въ бытность свою въ Новомъ Садѣ онъ усвоилъ себѣ взглядъ тѣхъ Сербовъ, которые считаютъ своею задачей урѣзывать по возможности площадь народности хорватской. Во всякомъ случаѣ, мнѣніе Караджича гораздо согласнѣе съ фактами какъ историческими, такъ и этнографическими. Область чакавцевъ гораздо ближе къ древнимъ центрамъ Хорватскаго государства, чѣмъ область кайкавцевъ. Если же въ далматинскомъ Книнѣ и прилегающихъ частяхъ внутренней Далмаціи (въ Буковицѣ) господствуетъ теперь штокавщина, какъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Горней Военной границы, то это объясняется позднѣйшимъ распространеніемъ штокавщины на счетъ чакавщины, благодаря особенно ускочеству или непрерывной эмиграціи въ земли венеціанскія и австрійскія изъ турецкой Босніи и Герцеговины въ XV, XVI и XVII вв. Въ смыслѣ діалектическомъ чакавщина отличается отъ штокавщины очень существенными чертами, которыя указаны уже Караджичемъ въ „Ковчежцѣ“ (стр. 17 и сл.) и которыя указываютъ на болѣшую древность формъ чакавскихъ, какъ на примѣръ, сохраненіе *o* вмѣсто *o* въ суффиксахъ причастій, удер-

¹⁾ Ковчежцѣ, стр. 9, стр. 23.

жаніе звука *x*, древнихъ формъ род. множ. на *ъ, овъ* и т. п. Выговоръ *ъ* въ видѣ *і* въ такой же мѣрѣ удаляетъ чакавщину отъ штокавщины, какъ подобное явленіе говоровъ малорусскихъ въ сравненіи съ великорусскими и бѣлорусскими. Но Караджичъ опустилъ при своей характеристикѣ чакавщины еще одну черту, очень существенную, именно акцентацію словъ, совершенно отличную отъ штокавской и замѣчательно приближающуюся къ русской! По всѣмъ этимъ примѣтамъ чакавщина гораздо самостоятельнѣе кайкавщины, которую самъ г. Пыпинъ на стр. 19 причисляетъ къ говорамъ хорутанскимъ, тогда какъ чакавщина занимаетъ равно независимое положеніе между сербскимъ и хорутанскимъ нарѣчіями.

Что касается народнаго пониманія словъ Сербъ и Хорватъ въ смыслѣ православный и католикъ, а также новомоднаго (въ Загребѣ, отчасти и въ Бѣлградѣ) признаванія ихъ синонимами, то ни историкъ, ни діалектологъ не могутъ имъ удовлетвориться, такъ какъ существуютъ и между штокавцами католики, а этнографическая раздѣльность Хорватовъ и Сербовъ есть фактъ, замѣченный уже въ X в. Константиномъ Багрянороднымъ и проходящій чрезъ всѣ вѣка исторіи поддинарскихъ Славянъ.

Неизвѣстно, на какомъ основаніи причисляетъ г. Пыпинъ къ Сербскому племени и Хорутанъ (стр. 9). Въ смыслѣ какъ историческомъ, такъ и діалектическомъ, послѣдніе представляютъ типъ въ такой же мѣрѣ независимый, какъ и любая другая народность славянскаго запада и юга. Извѣстно, что многіе лингвисты считаютъ даже нарѣчіе хорутанское болѣе близкимъ къ болгарскому, чѣмъ къ сербскому! Если же нѣкоторые бѣлградскіе и загребскіе политики (напримѣръ, М. Милоевичъ, А. Старчевичъ и др.) распространяютъ термины: Сербы, Хорваты даже на Волгаръ и Хорутанъ, то это патриотическія увлеченія, не имѣющія ничего общаго ни съ исторіей, ни съ діалектологіей.

Впрочемъ географія, этнографія и діалектологія не составляютъ сущности труда г. Пыпина: онъ посвящаетъ исторіи литературъ, при чемъ по связи съ ними разсматриваются вкратцѣ событія и политической жизни соотвѣтствующихъ народностей въ особыхъ вводныхъ главахъ: „историческія замѣчанія“. Жаль, что послѣднія очень коротки и заключаютъ болѣе общихъ разсужденій, чѣмъ фактическихъ указаній! Даже о тѣхъ событіяхъ, которыми самъ авторъ называетъ „главными“, часто не находимъ у него никакихъ замѣчаній: такъ изъ двадцати-трехъ главныхъ событій болгарской исторіи (стр. 53)

лишь о пяти-шести находимъ упоминанія, хотя и очень краткія, въ его „историческихъ замѣчаніяхъ“ (стр. 47—53); хронологическія же списки этихъ главныхъ событій далеко не замѣняютъ историческихъ о нихъ замѣчаній, во первыхъ, по своей голословности, и вторыхъ, по неудачному выбору главнаго изъ неглавнаго. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ узнать читатель изъ указаній, подобныхъ слѣдующимъ: 974—1014 г. Самуилъ; 1256—1277 г. Константинъ Асѣвъ, Сербъ; 1365—1393 г. Іоаннъ Шишманъ III, послѣдній царь Терновской Болгаріи (стр. 53). Или: 1219 г. Сава, первый архіепископъ Сербской церкви; 1360 г. князь Балша, независимый владѣтель Зеты по смерти царя Стефана Душана; 1852 г. Давидъ Петровичъ Нѣгошъ, князь Черногорскій (стр. 149—150): вѣдь все это не только не „главныя событія“, но и вовсе не событія, а лица! И на какомъ основаніи считаетъ авторъ „главными событіями“ славянской исторіи такія, какъ сраженія при Могачѣ 1526 г., отраженіе Турокъ отъ Вѣны 1683 г., смерть Юрія Бранковича 1711 г., миръ Пожаревацкій 1718 г. и Систовскій 1791 г., а не причисляетъ къ таковымъ походовъ и побѣдъ Крума, Симеона Самуила, Калояна, Асѣва II, Стефана Душана, владыкъ Черногорскихъ? Почему упомянуто о прекращеніи династіи Асѣвидовъ (153 стр.) и объ основаніи Тертеридовъ (стр. 153), а умолчано о прекращеніи рода Неманичей (стр. 149) или объ основаніи династій болгарскихъ Шишманидовъ (какъ X такъ и XIV вѣка), и сербскихъ Гребляновичей и Бранковичей? Почему упомянуто о битвѣ Вариской 1444 г. (стр. 53), а умолчано о Клокотницкой 1230 г., Вельбуждской 1330 г., Марицкой 1371 г., Никопольской 1396 г. и Ангорской 1402 г.? Почему говорится о выдѣленіи въ XIV в. отъ Болгаріи Терновской — Болгаріи Виддинской, и умалчивается о Болгаріи Варненской Добротича?

Авторъ не можетъ приводить въ свое оправданіе, что полнота историческихъ обзоровъ не входила въ планъ его труда, такъ какъ, кромя неполноты, въ немъ замѣчается еще непоследовательность въ выборѣ фактовъ и невѣрный масштабъ при оцѣнкѣ ихъ относительной важности.

Но пусть эти требованія составляютъ *ria desideria* критики, которыхъ ни одинъ авторъ не можетъ ни предвидѣть, ни удовлетворить; попадаютъ однако въ трудъ г. Пыпина и прямыя погрѣшности противъ историческихъ фактовъ.

На стр. 6 авторъ говоритъ о „первоначальномъ гнѣздѣ“ Славянъ въ Европѣ, при чемъ высказываетъ мнѣніе, что таковымъ была „мѣст-

ность между верховьями Дона и Днѣпромъ, и за Днѣпръ къ восточному берегу Балтійскаго моря и средней Вислѣ, па югъ не далѣе Припечи“.

Такое опредѣленіе европейскаго „гнѣзда“ Славянъ не вполне соответствуетъ его опредѣленію изслѣдователями „славянскихъ древностей“ — Суровецкимъ, Шафарикомъ и др. Линія, проведенная отъ средней Вислы къ Припечи, оставляетъ на югѣ всю теперешнюю Галичину и Волинь: ужели онѣ входили въ римскія владѣнія, которыя, по словамъ нашего автора (стр. 6), примыкали съ юга къ Праславяніи? Гдѣ же жили Геродотовы Будины, Невры? Кому принадлежали верховья Днѣстра? Какія горы разумѣлъ Тацитъ подъ словами: „quicquid inter Peucinos Fennoque silvarum ac montium erigitur, latrociniis peregrant“ (Venedi)? Если авторъ желалъ исправить выводы прежнихъ изслѣдователей, протягивавшихъ Праславянію до Бескида и Татръ, то онъ долженъ былъ мотивировать новое свое мнѣніе.

Излагая событія болгарской исторіи, авторъ говоритъ между прочимъ: „Первыя нападенія (Болгарской орды на задунайскихъ Славянъ) и начало покоренія относятся къ VII в., по главнымъ образомъ государственная власть въ болгарскомъ Славянствѣ установилась только съ IX в.“ (стр. 48). Это изложеніе несогласно съ фактами: Болгарское государство существовало уже въ VII вѣкѣ и развивалось въ VIII; лишь сліянніе двухъ его народностей закончилось въ IX в. Отступая отъ положеній, добытыхъ изслѣдователями Шафарика, Гилфердинга, Дринова, Ирѣчка и др., г. Пыпинъ долженъ былъ опровергнуть доводы послѣднихъ или принять ихъ выводы.

Обращеніе Болгаръ въ христіанство представлено у нашего автора чрезвычайно механически, чуть не въ видѣ греческой шутки: „Греки не въ состояніи были“, говоритъ онъ, — „противодѣйствовать нашествіямъ Болгаръ оружіемъ, и для обезпеченія себя рѣшились подѣйствовать на нихъ религіей“ (стр. 49). Орудіемъ этой политической затѣи пришлось быти, по мнѣнію г. Пыпина, свв. Кириллу и Меѳодію, изъ коихъ первый „трудился-де надъ проповѣдью у Македонскихъ Болгаръ“, а второй „крестилъ Болгаръ“ (стр. 36)! Не опшляется ли такимъ освѣщеніемъ великихъ событій и лицъ ихъ значеніе въ исторіи народовъ? Не извращаются ли вмѣстѣ съ тѣмъ и принципы историческихъ переворотовъ и побужденія дѣятелей? Положимъ, что Византія не пользуется расположеніемъ г. Пыпина, который возлагаетъ даже на нее отвѣтственность за всѣ грѣхи Болгарскаго народа и всѣ его бѣдствія въ исторіи (стр. 98), но личные чувства

не могутъ замѣнять историческихъ фактовъ и ни въ чемъ не убѣдятъ читателя критическаго. Онъ спроситъ автора: гдѣ доводы, что введеніе христіанства въ Болгарію было слѣдствіемъ не его внутренней силы, а политическихъ разчетовъ Грековъ — безпутнаго и безпечнаго Михаила III или его знаменитаго современника патріарха Фотія? Гдѣ доводы, что солупскіе братья (допустимъ, что они просвѣтили Болгарь), которыхъ характеръ достаточно выясненъ памятниками ихъ дѣятельности, могли быть при своемъ миссіонерствѣ политическимъ орудіемъ въ рукахъ императора или патріарха, правительства или іерархіи Восточной имперіи?

Странно слышать еще теперь подобныя нареканія на Византію со стороны историковъ славянскихъ! Они объясняются лишь подражаніемъ Западноевропейцамъ да желаніемъ свалить на чью-нибудь, хотя бы и не повинную голову историческіе грѣхи своихъ соплеменниковъ. Почему Византія, отравившая своимъ вліяніемъ Болгарь и Сербовъ, не отравила имъ и древнюю Русь? Почему разцвѣла и развилась подъ вліяніемъ Византіи Венеція? Почему это вліяніе считается столь вреднымъ для Славянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь полезнымъ для западной Европы, которая переняла въ XIII—XV вв. съ греческаго востока и науку, и искусство, и свободу преподаванія, словомъ все то, чему она обязана своимъ „возрожденіемъ“ (renaissance)!

По вопросу о Кириллѣ и Меѳодіѣ мы очень мало узнаемъ изъ сочиненія г. Пыпина, да и въ этомъ немногомъ есть ошибки: такъ св. Кириллу приписываются двѣ поѣздки въ Римъ (стр. 36), тогда какъ онъ умеръ уже въ первый свой пріѣздъ туда въ 869 г.

Не извѣстно, почему г. Пыпинъ зоветъ царями такихъ сербскихъ государей, которые никогда не носили этого титула, какъ напримѣръ, Степанъ Первовѣчанпный или Лазарь Гребляновичъ (стр. 149 и 206). Вѣроятно, авторъ считаетъ слова: царь, король, князь — синонимами; но совершенно иначе смотрѣлъ на это дѣло Сербскій народъ и его государи. Послѣдніе носили прежде титулъ великихъ жупановъ; Степанъ Первовѣчанпный вѣнчавшись принялъ титулъ короля, который носили всѣ послѣдующіе сербскіе государи вплоть до Душана. Онъ первый назвалъ себя царемъ (въ 1346 г.) и передалъ этотъ титулъ своему наслѣднику Урошу. По убіеніи Уроша въ 1367 г. прекратилась династія Неманичей, а вмѣстѣ съ нею и царскій титулъ сербскихъ государей: Вукашинъ Мернявчевичъ возстановилъ старый титулъ короля, а его преемникъ Лазарь Гребляновичъ не осмѣлился принять и послѣдняго и подписывался просто: „князь Серблемъ и Подунавію“. Послѣ

Косовской битвы (1389 г.) сербскіе владѣтели присвоили себѣ скромное званіе „деспота“, которое хранилось въ преданіяхъ до смерти злополучнаго Юрія Бранковича въ австрійскомъ заключеніи (1711 г.)¹⁾.

Хронологическую неточность заключаютъ въ себѣ слова г. Пыпина о черногорскомъ самозванцѣ Стефанѣ Маломъ, что онъ жилъ въ концѣ XVIII вѣка. Онъ появился въ Черной Горѣ въ 1767 году и погибъ тамъ въ 1774 году, слѣдовательно, гораздо раньше конца XVIII вѣка.

Не согласны съ фактами слова автора, будто „къ концу X вѣка Венеція успѣла покорить... Неретву“, и будто бы въ эту пору самъ Дубровникъ подпалъ на время зависимости отъ Венеціи (стр. 168). Тутъ конечно имѣется въ виду походъ въ Далмацію дожа Петра II Арсеола въ 998 году. Изъ подробнаго описанія этого похода, которое сдѣлано г. Рачкичъ въ его прекрасномъ сочиненіи: „Борьба Югославянъ за государственную независимость въ XI вѣкѣ“, мы узнаемъ, что дожу Петру II дѣйствительно удалось тогда занять острова Црѣсъ, Кэркъ, Рабъ, Пасманъ, Кэркаръ, Ластово и города Задръ, Трогиръ, Вѣлградъ, Сплѣтъ, при чемъ захвачены были нѣсколько неретванскихъ кораблей и заключенъ договоръ, по которому Неретване отrekliсь отъ венеціанской дани и даже выдали дожу вознагражденія за убытки, но не видно, чтобъ они были покорены тогда Венеціанцами, равно какъ и Дубровникъ, котораго походъ 998 года совсѣмъ даже не коснулся²⁾. Г. Макушевъ упоминаетъ только подъ 997 годомъ конфискацію Венеціанцами одного дубровницкаго корабля, вслѣдствіе чего Дубровникъ запретилъ своимъ подданнымъ торговать съ Венеціей, и это продолжалось до 1001 года³⁾.

На стр. 167 авторъ, излагая исторію хорватскую, говоритъ, что „Хорваты Паннонскіе подпали власти Франковъ, освобождались, бывали съ ними въ союзѣ и наконецъ были покорены Венграми; Хорваты Далматинскіе пріобрѣтаютъ извѣстную независимость“... Тутъ совершенно умолчано о томъ обстоятельстве, что уже въ началѣ X вѣка Хорватія Паннонская (Посавская) была соединена съ Далматинскою⁴⁾ и оставалась въ политическомъ соединеніи съ нею въ

¹⁾ Подробности и цитаты можно найти и въ моихъ: «Очеркахъ изъ сербской исторіи (Славянскій Сборникъ, III).

²⁾ *Rački*, стр. 87 и сл.

³⁾ Исслѣдованія объ историческихъ памятникахъ Дубровника, стр. 14.

⁴⁾ *Дрмногъ*, Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ, стр. 45.

теченіе двухъ сотъ почти лѣтъ, до 1091 года ¹⁾, когда Посавье пришло въ зависимость отъ Угріи, распространенную на все Хорватское королевство въ 1102 году.

Не воплѣвъ согласно съ извѣстными данными предположеніе г. Пыпина, будто источникомъ гоненія, испытаннаго въ Россіи Юріемъ Крижаничемъ, былъ чуть ли не панславизмъ его (стр. 30). Гораздо правдоподобнѣе мнѣніе Кукулевича ²⁾, что причиною ссылки была пропаганда Крижаничемъ въ Москвѣ церковной уніи съ Римомъ. Несправедливо и то, будто онъ умеръ въ Сибири (стр. 199): въ мартѣ 1676 году Крижаничъ былъ освобожденъ изъ ссылки и вернулся въ Москву. Послѣдніе годы его жизни не разъяснены; думаютъ однако, что онъ умеръ въ Россіи ³⁾.

Опечатку или описку составляютъ слова автора на стр. 168, будто кровавое столкновеніе Хорватовъ съ Мадьярами ознаменовало 1848—1850 годы: сдача Гергея подъ Виллагошемъ произошла 13-го августа 1849 г., а капитуляція Коморна въ началѣ октября того же года. Никакихъ вооруженныхъ столкновеній въ Венгріи въ 1850 г. уже не было.

Неточно и указаніе автора, будто „въ 1846 г. русинскіе крестьяне извѣстною страшною рѣзней польскихъ помѣщиковъ заявили противъ нихъ свой протестъ и социальный, и національный“ (стр. 409): рѣзня произведена была не „русинскими“, а польскими крестьянами, какъ это видно изъ мѣстностей, гдѣ она происходила: округа Бохенскій, Вадовицкій, часть Тарновскаго и Сандецкаго. Не было потому никакого основанія эту „галицкую рѣзню“, подстроенную чуть ли не Меттернихомъ, причислять къ главнымъ событіямъ исторіи Галицкой Руси (стр. 410).

Одною изъ сильныхъ сторонъ труда г. Пыпина является библіографія. Авторъ собралъ очень значительное число библіографическихъ указаній, свелъ ихъ въ группы, расположилъ въ видѣ примѣчаній къ изложенію соотвѣтственныхъ отдѣловъ сочиненія и тѣмъ значительно облегчилъ дальнѣйшія розысканія по многимъ затронутымъ вопросамъ. Конечно, при всемъ вниманіи автора къ библіографіи много еще остается въ его трудѣ важныхъ пробѣловъ; но ихъ ни-

¹⁾ *Pački*, стр. 260.

²⁾ *Kujivčević i Hrvatah iz XVII v.*, стр. 258.

³⁾ *Кукулевичъ, ib.*, стр.; 265 и сл.; *Маркевичъ, Юрій Крижаничъ. Варшава, 1876.*

кто не могъ и избѣжать въ подобномъ сочиненіи. Укажемъ нѣкоторые изъ замѣченныхъ нами.

По вопросу о племенномъ единствѣ Славянъ авторъ указываетъ на одного г. Первольфа (стр. 21): напрасно онъ игнорируетъ при этомъ Штура, Н. Я. Данилевскаго и В. И. Ламанскаго, сочиненія которыхъ заслуживали бы не только упоминанія, но и разбора въ этой главѣ „Исторіи славянской литературы“.

При исчисленіи сочиненій о Кириллѣ и Меѳодіи (стр. 35—36) пропущено много капитальныхъ сочиненій, какъ-то: Горскаго, Шафарика, Викторова, Голубинскаго, Воронова и др.

На стр. 87 при исчисленіи сочиненій Миклошича пропущено самое важное: *Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen*, которое теперь доведено до конца въ четырехъ томахъ.

Въ числѣ „новѣйшихъ главныхъ трудовъ“ по вопросу о глаголицѣ (между ними находимъ сочиненіе Добровскаго отъ 1807 г. и Копитара отъ 1808 г.) не находимъ указаній на обширный трудъ каноника Рачкаго: *Pismo slavjensko*. Zagreb, 1861.

На стр. 139 при исчисленіи сочиненій по сербо-хорватской исторіи заслуживали бы упоминанія труды г. Дринова: „Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами“ и „Южные Славяне и Византия въ X в.“ Въ спискѣ хорватскихъ словарей пропущены лучшіе — Стулли и Шулека. По литературной же исторіи Сербо-Хорватовъ напрасно умолчено о сочиненіи С. Любича: *Ogledalo književne poviesti Jugoslavjanske*, II, и Ягича: *Jihoslovane* (въ чешской энциклопедіи), которое г. Пыпинъ самъ не одинъ разъ цитуетъ ниже при изложеніи предмета. На стр. 165 Архивъ Кукулевича представляется законченнымъ въ 1859 г. на 5-й книгѣ: между тѣмъ съ тѣхъ поръ вышло еще съ полдюжины томовъ.

На стр. 228 „Исторія о Черной горѣ“ владыки Василя Петровича ошибочно обозначена 1854 годомъ вмѣсто 1754 г.

На стр. 262 относительно статьи г. Ягича: *Gradja* и т. д. слѣдуетъ упомянуть, что она существуетъ въ русскомъ переводѣ въ „Славянскомъ Ежегодникѣ“ за 1878 г. И. Задерацкаго (изъ Кіевѣ).

На стр. 283 пропущено указаніе на лучшій изъ хорутанскихъ словарей: *Deutsch-slovenisches Wörterbuch*, который изданъ въ Люблянѣ въ 1860 г. на счетъ епископа А. Вольфа.

На стр. 300 при исчисленіи сочиненій Миклошича пропущено: *Die slawischen Elemente im Rumenischen; Die Fremdwörter in den slawischen Sprachen*. Wien, 1867.

Въ заключеніе упомянемъ о нѣкоторой непослѣдовательности въ употребленіи авторомъ собственныхъ именъ — личныхъ и мѣстныхъ. Говоря вообще, авторъ придерживался при этомъ вѣрной системы — приводитъ не только нарицательныя, но и собственные слова въ ихъ славянской или славянорусской формѣ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта система была имъ забываема. Такъ рядомъ съ формами: Иванъ (стр. 187, 244), Юрій (стр. 199), находимъ здѣсь менѣе правильныя для русскаго сочиненія формы: Янъ (стр. 189), Юре (стр. 199), Дьуро (стр. 236), Тома (стр. 200), Тодоръ (стр. 221), Антунъ (стр. 195), Матія (ib.), Андрія (стр. 192), Матеужъ (стр. 293), Миха (ib.) и т. п. Рядомъ со славянскою формою Зринскій (стр. 191, 198) встрѣчаемъ менѣе правильную Зрини (стр. 168). Балша, сербск. Баоша, неправильно называется у автора Бальшею, Бальшичемъ (стр. 150). Изъ народныхъ мѣстныхъ названій слѣдующія представляются неправильными: Венгры вмѣсто Угры (въ смыслѣ географическо-политическомъ) или вмѣсто Мадьяры (въ смыслѣ этнографическомъ на стр. 199, 232, 234, 240), Ганпаки вмѣсто Гапаки (стр. 11), Леммаки вмѣсто Лемки (стр. 17). Требуютъ поправки и слѣдующія мѣстныя названія: Наречанскій вмѣсто Неретванскій (стр. 169), кроатскій вмѣсто Хорватскій (стр. 31), Каринтія вмѣсто Хорутанія (стр. 248), Крайпъ вмѣсто Крайна (9, 14, 248, 285, на стр. 285), Пестъ вмѣсто Пештъ (стр. 8, 195, 196, 221, 235, но ср. 202, 235), Грацъ вмѣсто Градецъ (стр. 242), Сплитъ вмѣсто Сплѣтъ (стр. 169, 181), Зара вмѣсто Задръ (стр. 175, 193), Сенья или Цепгъ вмѣсто Сень (стр. 170, 174), Сень-Мартинъ вмѣсто Свято-Мартинъ (стр. 221), Хилендаръ вмѣсто Хиландаръ (стр. 59, 105, 204), Малявскій вмѣсто Манявскій (стр. 427. Напрасно произвелъ г. Пыпинъ и во второмъ изданіи (стр. 50) съ перваго (стр. 52) неправильную форму Болгарохтонъ вмѣсто Болгароктонъ (*Βουλγαρόκτωνος*).

Со стороны вышняго изложенія „Исторія славянской литературы“ представляетъ мало слабыхъ мѣстъ. Лишь изрѣдка встрѣчаемъ мы въ ней фразы, лишеныя определеннаго значенія, въ родѣ слѣдующей: „Дѣятельности собственно литературной не замѣтно въ Западной Руси этого времени; но приведенные факты свидѣтельствуютъ, что былъ извѣстный уровень образованности“ (стр. 324). „Извѣстный уровень образованности“ имѣютъ всѣ историческіе народы, съ первыхъ дней своего выступленія на сцену исторіи: поэтому пѣтъ надобности въ особыхъ доказательствахъ столь общей мысли и относительно Западноруссовъ XV—XVI вв. Иногда фразеологія

г. Пыпина облакаетъ въ преувеличенныя формы выраженную мысль: такъ на стр. 8 теперешняя территория Болгаръ, обнимающая не болѣе 3,000—4,000 кв. м. названа „огромнымъ пространствомъ“; на стр. же 200, 201 и 239 находимъ выраженіе: „сербскій міръ“, „сербо-хорватскій міръ“, „западносербскій міръ“, напоминающія знаменитый „глобусъ Мадьярской земли“...

Всѣ указаные нами промахи въ сочиненіи г. Пыпина не мѣшаютъ ему быть однимъ изъ полезнѣйшихъ и почтеннѣйшихъ явленій въ нашей литературѣ по славяновѣдѣнію. Лучшимъ отдѣломъ сочиненія представляется намъ обзоръ болгарской литературы; нѣсколько слабѣе обзоръ литературъ сербо-хорватской и хорутанской и наименѣе удовлетворителенъ, по своей тенденціи и изложенію, обзоръ малорусской и червонорусской письменности. Что касается отдѣльных сторонъ содержанія, то наибольшую цѣнность мы придаемъ собранымъ въ сочиненіи библиографическимъ и биографическимъ даннымъ; менѣе освѣщены вопросы историческіе и этнографическіе и едва задѣты — діалектологическіе. Не лишено сочиненіе г. Пыпина и нѣкоторыхъ идей; но онѣ являются въ немъ болшею частію не какъ естественный выводъ изъ разсмотрѣнныхъ фактовъ, а привносятся совершенно изчужа, въ видѣ готовыхъ положеній, плавающихъ на поверхности фактовъ, какъ масло надъ водою, не смѣшиваясь и не сопровокаясь съ ними. Такого рода гадательныя и очень спорныя обобщенія дѣлаютъ трудъ тенденціознымъ, мало двигаая впередъ науку. Еслибъ изъ разсматриваемаго сочиненія выбросить всѣ запутанныя разсужденія о панславизмѣ и украинофильствѣ, то оно не только ничего не потеряло бъ изъ своихъ достоинствъ, но еще выиграло бы въ строгости и объективности возрѣнія и изложенія, приблизившись въ этомъ отношеніи ко все еще классической „Исторіи славянскихъ языковъ и литературъ“ Шафарика.

Пожелаемъ автору скорѣйшаго окончанія его полезнаго изданія, которое надолго останется поучительнымъ чтеніемъ для неспеціалістовъ и справочнымъ пособіемъ для спеціалістовъ.

Антонъ Будимовичъ.

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ КРИТИКИ ВЪ РУКОВОДСТВАХЪ ПО ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ ¹⁾.

Учебникъ по словесности. 1. Стилистика.—2. Теорія прозы.—3. Теорія поэзиі.—
Андрея Филонова. С.-пб. 1878 г.

Составъ, формы и разряды словесныхъ произведеній, примѣнительно къ прак-
тическому преподаванію словесности, изложенные В. Классовскимъ.
С.-Пб. 1876.

Продолжаемъ разборъ книги г. Классовскаго.

Неловко въ курсѣ словесности встрѣчать такое неточное употребле-
ніе словъ, какимъ въ началѣ главы: „Лингвистическій очеркъ“, со-
провождается замѣчаніе, что читатель (какого нибудь сочиненія)
открываетъ въ себѣ еще другое, готовое, такъ сказать, имуще-
ство—языкъ, безъ котораго никакое чтеніе невозможно“ (стр.
108)!.. Самый очеркъ (по изслѣдованіямъ, между прочимъ, Вундта и
Макса Мюллера) былъ бы вполне удовлетворителенъ для элементар-
наго курса, еслибы авторъ, мѣстами, не пускался въ излишнія рас-
пространенія (это слабая сторона во всемъ курсѣ), напр., о важности
языка, очевидной и безъ подробныхъ объясненій (стр. 113—114), или
даже о членораздѣльности звуковъ, извѣстной изъ грамматики (стр.
119—122). Рѣшеніе также вопроса, научно пока не разрѣшимаго,
„какъ развился первоначальный словесный языкъ, преобразившійся
впослѣдствіи въ другіе языки и нарѣчія“,—не входитъ въ предѣлы
элементарнаго курса, гдѣ возбуждаемое любопытство непремѣнно тре-
буетъ удовлетворенія (стр. 128—130).

Съ IV главы („Сочиненіе и его составъ“, представляющей передѣлку
2 гл. „Стилистики“ того же автора, изд. 1866 г.), мы вступаемъ уже

---

¹⁾ Окончаніе. См. Ж. М. Н. Пр. майск. кн. 1879 г.

часть ссш, отд. 3.

въ область словесности. Авторомъ вообще, говоритъ г. Классовскій, называютъ теперь всякаго, кто издалъ въ свѣтъ какое-нибудь сочиненіе" (стр. 131). По этому опредѣленію у насъ г. Вольфъ и всѣ издатели причисляются къ авторамъ! Въ примѣчаніи къ тому же мѣсту объяснены понятія: геній, талантъ, удовлетворительность (сочиненія вообще). Замѣтка о чертахъ приблизительной „удовлетворительности“ сочиненія едва ли умѣстна, когда ученики еще не ознакомились съ самымъ предметомъ, или сочиненіемъ, и его свойствами. Выпишемъ эту замѣтку, представляющую своеобразный интересъ. „Удовлетворительность сочиненій приблизительно опредѣляется слѣдующими чертами: отсутствіе неясности въ мысляхъ; отсутствіе крупныхъ ошибокъ въ приводимыхъ фактахъ; ничего, наводящаго скуку на (предполагаемыхъ авторомъ) читателей; въ цѣломъ содержаніи, по крайней мѣрѣ, десять процентовъ хоть относительной новизны или свѣжести личныхъ взглядовъ автора, съ которыми можно и не соглашаться, во въ которыхъ нѣтъ доказательныхъ нелѣпостей; приличный, не оскорбляющій нравственнаго чувства тонъ изложенія; правильность языка“ (стр. 132).

Въ теоріи общаго состава сочиненія различаются такіе предметы: тема, содержаніе и главная мысль, или идея сочиненія, какъ „выводъ изъ содержанія, не всегда одинаково ясный, но всегда для него обязательный“,—или какъ „окончательное обнаруженіе разумной цѣли, для которой сочиненіе появилось въ свѣтъ“ (стр. 136). Это различіе между темой и главною (или основною) мыслию совершенно произвольно: оба понятія тождественны по самому существу предмета, только выражены различно. Подъ „темой“ обыкновенно мы разумѣемъ „главную мысль“, какал должна быть развита въ сочиненіи, а въ „главной мысли“, развиваемой сочинителемъ, видимъ его „тему“.—Путаница въ разъединеніи одного предмета произошла, видимо, отъ того, что главная мысль приравнена къ выводу изъ содержанія сочиненія, который, въ свою очередь, приравненъ къ цѣли, съ какою пишется сочиненіе. Но выводъ, если онъ есть, представляетъ особую часть въ сочиненіи (какъ заключеніе), и стало быть есть нѣчто отдѣльное отъ главной мысли, которая развивается въ изложеніи (главной части). Цѣль, дѣйствительно, чаще совпадаетъ съ выводомъ, но можетъ быть и предметомъ совсѣмъ побочнымъ, какъ матеріальная или нравственная выгода. По наличности выводъ не всегда обязательенъ, т. е. можетъ быть и не быть, а по содержанію онъ бываетъ весьма разнообразенъ, смотря по цѣли писателя: мнемоническій (резюме сказаннаго),

моральный (правило жизни, желаніе, надежда и т. п.), утилитарный (какое нибудь практическое примѣненіе), критическій (утвержденіе или отрицаніе) и т. п. Смѣшеніе понятій: главная мысль и выводъ (даже и цѣль) приводитъ лишь къ сбивчивости представленія о предметѣ.

Провѣримъ нашъ взглядъ на нѣсколькихъ примѣрахъ г. Классовскаго. Въ одномъ мѣстѣ онъ самъ допускаетъ тождественность темы и главной мысли, но какъ особенный случай („иногда“), и при томъ лишь тамъ, гдѣ и содержаніе совпадаетъ будто съ этими частями сочиненія. Образцомъ такой случайности приводится характеристика Іоанна III, Карамзина (Христ. Галахова). „Тема здѣсь въ головѣ автора присутствовать могла не иначе, какъ полнымъ составомъ содержанія, изложеннаго въ статьѣ“ и пр... „Другими словами: тема здѣсь можетъ имѣть только одно содержаніе, содержаніе можетъ соответствовать только одной своей собственной темѣ, главная мысль (выводъ изъ статьи) должна быть или только резюмированное цѣлое содержаніе, или же она будетъ невѣрна, произвольна“ (стр. 136—137). Но со всѣмъ этимъ нельзя опять согласиться. Тема, конечно, носитъ въ себѣ зародышъ содержанія, но содержаніе и тема не одно и то же, какъ зерно и растение, развившееся изъ этого зерна. Самъ авторъ, задавшись извѣстною темой, не предвидитъ подробностей содержанія, какія откроются предъ нимъ при изученіи предмета и размышленіи объ немъ. На одну и ту же тему: характеристика Іоанна III—нѣсколько авторовъ (напр. Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ) представляютъ сочиненія съ разнообразнымъ содержаніемъ: тѣ же, положимъ, важнѣйшіе факты, по иное расположеніе и освѣщеніе ихъ. Въ разсматриваемомъ образцѣ изъ Карамзина содержаніе представляетъ черты характера Іоанна: 1) во вѣшной политикѣ, 2) въ политикѣ внутренней и 3) въ особыхъ личныхъ свойствахъ князя. Въ отрывкѣ настоящаго вывода требовать нельзя (его здѣсь и нѣтъ, какъ резюме цѣлаго), но къ выводу, по случайности, отнесется сопоставленіе въ концѣ Іоанна III съ Петромъ Великимъ, при чемъ окончательное рѣшеніе вопроса Карамзинъ откладываетъ до исторіи Петра.

Другой примѣръ. „Въ стихотвореніи Пушкина: Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ (на тему—размышленія о смерти), главная мысль выразилась въ двухъ желаніяхъ автора—сложить свой прахъ въ любимой сторонѣ и навсегда отдаться неистощимо-прекрасной, вѣчноюю, невозмутимо-спокойной природѣ. Первое желаніе можетъ и не исполниться, и потому оно тревожитъ автора; за то второе, какъ не-

избѣжно быточное, дѣйствуетъ на него успокоительно; онъ становится равнодушенъ къ голосу своего самосохраненія, по примѣру природы, ко всему „равнодушной“ (стр. 139). Точнѣе тому этой пьесы слѣдовало бы выразить такъ: элегическое настроеніе подъ вліяніемъ мысли о неизвѣстности неизбѣжной для каждаго смерти. Здѣсь же, конечно, и главная мысль стихотворенія, придающая ему общій интересъ. Желанія въ концѣ пьесы составляютъ успокоительный исходъ печальнаго настроенія,—потому соотвѣтствуютъ выводу, по только въ указанномъ нами смыслѣ (моральномъ). Эти желанія могли быть и не высказаны, или высказаны совсѣмъ въ другомъ родѣ—и въ обоихъ случаяхъ тема, или главная мысль, остается та же самая. Послѣднее желаніе г. Классовскій выражаетъ такъ темно, что нельзя и понять его: „и навсегда отдаться неистощимо-прекрасной, вѣчно-юной, невозмутимо-спокойной природѣ“. Что это значитъ? Пушкинъ выражаетъ желаніе умереть не одинокимъ холостякомъ, а отцомъ семейства, окруженнымъ дѣтьми (слѣд. и въ болѣе отдаленномъ будущемъ), при томъ же не зимой, а лѣтомъ. Такъ мы понимаемъ послѣдній куплетъ его „Стансовъ“:

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Комментаріемъ къ этому мѣсту могутъ служить послѣдніе стихи элегии Пушкина: „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“, написанной съ небольшимъ полгода спустя (8 сент. 1830 г.):

И можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Сбивчивость въ различеніи общаго состава „сочиненій“ приводитъ автора къ такому соображенію: „легче всего различать тему, содержаніе и главную мысль въ басняхъ: тамъ послѣдняя всегда выражена въ правоученіи, наличномъ или легко подразумеваемомъ, а первая, т. е. тема—большею частію въ заглавіи“ (стр. 140). По заголовку басни всего труднѣе опредѣлить тему, какую намѣрепъ поэтъ вложить въ аллегорическій разказъ, хотя заголовокъ, въ иныхъ случаяхъ, собственно выражаетъ и тему, напр., „Лжецъ“, Крылова и др. Темой же басень служитъ именно мораль, хотя она чаще высказывается въ концѣ—по специальной формѣ этого сочиненія. Едва ли не на баснѣ г. Классовскій основалъ свою теорію главной мысли въ значеніи вывода. Но тутъ явное недоразумѣніе. Мы напомнимъ ав-

тору извѣстное генетическое опредѣленіе басни, составленное Лессингомъ: „когда мы общее нравственное положеніе примѣнимъ къ отдѣльному случаю, выдадимъ этотъ случай за дѣйствительный, составивъ изъ него разказъ, въ которомъ наглядно выступаетъ взятое общее положеніе, то изъ подобнаго произведенія фантазіи образуется басня“.

Въ одномъ изъ опытовъ примѣненія теоріи состава сочиненій къ разбору пьесы Полонскаго „Чайка“ самъ авторъ отказывается видѣть тему въ заголовкѣ, а извлекаетъ ее уже изъ содержанія стихотвореній, выражая такъ: „настроеніе духа подъ влияніемъ одновременно замѣченныхъ обломковъ разбившагося корабля и летающей надъ нимъ чайки“. Главную же мысль этой пьесы видитъ въ послѣднихъ стихахъ:

Если погубишь ты (счастье), буду, какъ чайка, стонать надъ тобой.
 Буря обломки твои
 Пусть унесетъ! Но пока будетъ пѣна блестящая,
 Дамъ я волнамъ покачать себя, прежде чѣмъ въ ночь улетѣть,—

и опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Мужественный поворотъ въ чувствахъ автора отъ унынія къ энергіи“ (стр. 255). Рядомъ съ искусственностію различенія единичнаго по существу предмета мы видимъ неточность пониманія пьесы въ обоихъ выраженныхъ мѣстахъ. Тема здѣсь и главная мысль одна: сравненіе погибающаго счастья человѣка съ разбиваемымъ бурей о скалы кораблемъ, а самого несчастливца—со стонущей надъ разбитымъ судномъ чайкой. Мужественнаго поворота въ чувствахъ мы не замѣчаемъ, потому что послѣднія слова выражаютъ лишь покорность судьбѣ при безнадежности новаго счастья до смерти.

Не мудрено, что и дальше (по тому же вопросу о составѣ сочиненія) вносится въ курсъ какая-то теорія случайностей. „Все, что предъявило бы себя здѣсь (касательно объема сочиненія) въ качествѣ теоретическихъ наставленій, было бы и бесполезнымъ и обиднымъ для писателя“ (стр. 140—141). Развѣ писатели въ своихъ работахъ не руководствуются той или другой теоріей построенія? Возможно-ли, иначе, критическая ихъ оцѣнка? Теорія сочиненій не создается какъ нибудь искусственно, а извлекается изъ лучшихъ работъ писателей для руководства начинающимъ. Съ этой стороны нельзя сказать, чтобы не было „и правилъ касательно плана въ сочиненіи“, какъ показываетъ и самый случай, приводимый, повидимому, для подтвержденія этого замѣчанія. „Напр., планъ въ басни Крылова „Крестья-

нивѣ въ бѣдѣ": сперва говорится о случившемся въ клѣтѣ крестьянина, потомъ объ обращеніи пострадавшаго къ друзьямъ, сосѣдамъ и роднѣ, далѣе — безплодныя замѣчанія созванныхъ, наконецъ — правоученіе" (стр. 141). Ясно, что басня составлена по строгому плану послѣдовательности; вообще всѣ сочиненія въ этомъ родѣ, то-есть историческія или повѣствовательныя, приспособляются къ такому порядку изложенія. Разумѣется, нѣтъ общихъ правилъ къ составленію плана для всякаго рода сочиненій, но каждое изъ нихъ, описательное или, повѣствовательное, дидактическое или ораторское, пишется по своеобразному плану, и на эти случаи выработаны извѣстныя теоретическія положенія, правда не стѣснительныя для самостоятельныхъ писателей, но которыя должны быть переданы ученикамъ. Иначе мы не выберемъ изъ „хаоса бытности довременной“. А между тѣмъ этотъ хаосъ порождаетъ нашъ снисходительный теоретикъ, когда дозволитъ себѣ разрубать связи въ художественно-дѣльной повѣсти Гоголя, „Тарасъ Бульба“. Судите сами. „Хотя подъ этимъ заглавіемъ“, читаемъ въ курсѣ, „существуетъ дѣйствительно одно сочиненіе, цѣлое, своего рода организмъ, тѣмъ не менѣе его можно разорвать (?) на нѣсколько самостоятельныхъ частей, подобно тому какъ, отдѣливъ отъ дерева нѣсколько отводковъ и посадивъ ихъ въ землю, мы ни въ немъ самомъ, ни въ отводкахъ не уничтожимъ жизни. Дѣйствительно, изъ повѣсти Гоголя, оставивъ въ ней только общую картину запорожскихъ нравовъ, можно выдѣлить нѣсколько разказовъ, одинъ, напр., о Тарасѣ и его женѣ, другой объ Андрѣѣ и обворожившей его дѣвицѣ, третій объ Остапѣ и его казни въ Варшавѣ и т. д.“ (стр. 142). Тутъ мы видимъ лишь злоупотребленіе аналогіей. Каждый отводокъ дерева носить въ себѣ элементы цѣлаго дерева и потому начинаетъ самостоятельную жизнь; но развѣ куски, вырванные изъ повѣсти, могутъ самостоятельно воспроизвести, каждый порознь, общую жизнь или идею этой повѣсти? Разбросанные по сторонамъ, они такъ и останутся навсегда оторванными кусками неизвѣстнаго цѣлаго. Такая критика плана художественнаго произведенія можетъ основываться, повторяемъ, только на теоріи случайностей. Вѣнцомъ этой теоріи представляется, нѣсколько ниже, слѣдующее замѣчаніе, на стр. 144: „Въ строгомъ смыслѣ, между отдѣльнымъ словомъ (или реченіемъ), предложеніемъ и цѣлымъ сочиненіемъ нельзя провести точной границы: не даромъ, слѣдовательно, „словесность“, наука о сочиненіяхъ, получила свое названіе отъ „слова“—матеріала науки о словахъ и предложеніяхъ (гра-

матики)“. Дѣйствительно, не даромъ! Почему же, однако, нашъ теоретикъ не довелъ своей мысли до конца, не рѣшился, утверждать, что между грамматикой и теоріей словесности нѣтъ точнаго разграниченія? Едва-ли пужно объяснять диковинность этого вывода, а слѣд. и замѣчанія, подавшаго къ нему поводъ. Конечно, предложения состояются изъ отдѣльныхъ словъ, а сочиненія изъ предложений; но это не значить, чтобы не было точной границы между тремя различными понятіями. Два или нѣсколько словъ, случайно поставленныхъ рядомъ, еще не составятъ предложенія, какъ нѣсколько наобумъ взятыхъ буквъ не составятъ слова. Точно также изъ нѣсколькихъ случайно выбранныхъ предложений не образуется сочиненія. Въ обоихъ случаяхъ, при участіи мысли, создается нѣчто новое, безконечно разнообразное, чѣмъ и кладется рѣзкая граница между разсматриваемыми понятіями.

Мы пропускаемъ безъ особыхъ замѣчаній двѣ слѣдующія главы (о слогѣ со стороны его выразительности и благозвучія), которыя представляютъ перепечатку, съ нѣкоторыми измѣненіями, изъ упомянутой „Стилистикъ“ того же автора. Лучшее мѣсто первой главы—художественная изобразительность слога, разсмотрѣнная вполне удовлетворительно: но логическая сторона его, ясность и точность, требуютъ пересмотра. О томъ, что такое ясность слога, нельзя составить опредѣленнаго понятія. Вотъ мѣсто на выдержку: „Ясность—дѣло не слога. Для слога достаточно выражать мысли автора въ той степени ясности, какою они обладаютъ сами по себѣ (?). Да никакой слогъ больше этого сдѣлать не можетъ. Изъ сказаннаго вытекаетъ практическій отвѣтъ на слѣдующій практическій вопросъ: „какими путями, откуда усвоивается чѣму бы то ни было слогу ясность“? Отдѣльнаго, спеціальнаго для нея источника нѣтъ нигдѣ, а очерпается она въ источникахъ умственной развитости вообще (курс. подл.), въ поступательномъ воспитаніи ума средствами педагогики и личною, пожизненною работою каждаго надъ самимъ собою, то-есть каждаго, кто можетъ и серьезно желаетъ быть истинно образованнымъ человѣкомъ“ (стр. 161). Для учениковъ это, конечно, совсѣмъ непонятно. Точность слога не объяснена примѣрами, если не считать краткой замѣтки о синонимахъ. — Главу о версификаціи лучше было бы изложить гораздо короче, чтобы она не подавляла (положительно такъ) ученика массой мелкихъ подробностей. Это, впрочемъ, одна изъ самыхъ обработанныхъ статей въ курсѣ и, ви-

димо, автору жаль было сокращать тщательно собранный матеріалъ. Переходимъ къ третьей части курса—теоріи прозы и поэзіи.

Простая рѣчь дается большимъ трудомъ. Эта мысль какъ-то невольно приходитъ на умъ при просмотрѣ главы, посвященной вопросу о различіи между прозой и поэзіей. Въ основѣ положено понятіе о разнообразной дѣятельности, какъ источникѣ наслажденія для человѣка. Затѣмъ изъ внутренней дѣятельности обращается особенное вниманіе на три вида: „одинъ порождается и направляется любопытствомъ и высшимъ его видомъ—любопытательностію, другой—фантазіею, третій—внутреннимъ чувствомъ (курс. подл. стр. 258). Слѣдуютъ примѣры. Авторъ объясняетъ, что наслажденіе при чтеніи, напр., „Воздушнаго корабля“, Лермонтова, вызывается фантазіею автора, а космографическаго очерка, г. Данилевскаго—удовлетвореніемъ любопытательности. Отрывокъ изъ защитительной рѣчи даетъ болѣе сложное наслажденіе: „Въ немъ участвуетъ, кромѣ фантазіи (представляющей положеніе подсудимаго, напр., въ ту минуту, когда онъ совершалъ преступленіе и т. д.) и кромѣ удовлетвореннаго любопытства—воля, то-есть желаніе подсудимому или наказанія, или помилованія, и чувство, доброжелательно или враждебно относящееся къ подсудимому“ (стр. 266). Мѣсто изъ монолога Бориса Годунова: „Достигъ я высшей власти“, продиктованнаго и проникнутаго чувствомъ, увлекаетъ и читателя сочувствіемъ къ душевному состоянію страждущаго лица, чѣмъ и вызывается наслажденіе. „Наконецъ, чтеніе дѣловаго письма не предназначено ни удовлетворять любопытательности того, къ кому письмо это написано (?), ни увлекать его фантазіею. Такія сочиненія пишутся и читаются изъ нужды, подъ вліяніемъ интересовъ внѣшней дѣятельности, и до нихъ нѣтъ дѣла словесности“ (стр. 267). Изъ этихъ данныхъ дѣлается такой выводъ: „Всѣ сочиненія... созданныя фантазіею или чувствомъ автора и рассчитанныя на воспріятіе ихъ прямо фантазіею или чрезъ фантазію чувствомъ, называются поэтическими; всѣ же остальные сочиненія, то-есть доставляющія читателю наслажденіе удовлетвореніемъ любопытательности или направленіемъ воли къ предметамъ сочувствія, заинтересовывающимъ лишь косвенно фантазію и любопытательность, называются прозаическими“ стр. 267). Собственно же поэзія, вслѣдъ затѣмъ, опредѣляется такъ: Поэзія есть психическое наслажденіе чрезъ внутреннюю дѣятельность, въ которой гармонія и увлекательность обусловлены фантазіею. (стр. 268).

Если взять оба перевода безъ пояснительнаго впереди текста, то читатель, не ученикъ даже, съ трудомъ пойметъ, въ чемъ тутъ дѣло. Первичнымъ источникомъ дѣятельности человѣка является не наслажденіе, а пужда, которая всегда и сохраняетъ свою живую подталкивающую силу. Привычка къ извѣстному труду создаетъ, правда, наслажденіе и самымъ процессомъ труда, но къ этому состоянію человѣкъ приходитъ послѣ длиннаго періода школы, то-есть пужды въ широкомъ ея смыслѣ. Ученики понимаютъ свое отношеніе къ школьной дѣятельности, и чутьемъ здѣсь угадаютъ фальшивость взгляда на идеализируемое наслажденіе трудомъ. Нельзя также разомъ наслаждаться и чтеніемъ какого нибудь литературнаго произведенія (особенно изъ прозаическихъ). Для этого нуженъ прежде навыкъ въ чтеніи, соединенный съ пониманіемъ достоинствъ читаемаго, что вмѣстѣ и доставляетъ читателямъ дѣйствительное наслажденіе. Опять, стало быть, приходится прежде пережевать горькій корень ученья, чтобы заручиться правомъ на вкушеніе сладости его плода. Самая любознательность, будучи въ зародышѣ даромъ природы, какъ источникъ сознательнаго наслажденія, вырабатывается долгимъ періодомъ труда, и требуетъ еще для своего развитія другихъ благоприятныхъ условій. Такова въ дѣйствительности исторія умственнаго наслажденія. Въ созданіи же поэтическихъ произведеній участвуетъ не одна фантазія, или чувство поэта, какъ и для воспріятія ихъ, или настоящаго пониманія, недостаточно одной фантазіи читателя. Высокое поэтическое произведеніе обнаруживаетъ въ своемъ творцѣ, предъ понимающимъ его читателемъ, непременно образованнаго человѣка и глубокаго мыслителя. Съ другой стороны, наслажденіе удовлетвореніемъ любознательности распространяется не только на прозаическія, но и на поэтическія сочиненія, которыя подлежатъ изученію заинтересованнаго ума. Такимъ образомъ основа различія между прозой и поэзіей представляется одностороннею, а сущность различія между ними остается все таки неопредѣленною. Возьмемъ одинъ изъ приведенныхъ въ курсѣ поэтическихъ образцовъ: „Воздушный корабль“, Лермонтова (изъ Зейдлица), и проверимъ на немъ ваши замѣчанія. При созданіи этой пьесы вымыселъ фантазіи ограничивается плаваніемъ воскресающаго Наполеона на волшебномъ кораблѣ; вся же основа ея, какъ и подробности развитія—историческія, чѣмъ собственно и возбуждается интересъ къ этой пьесѣ въ обоихъ соприкосновенныхъ лицахъ: поэта и читателя. Для созданія этой пьесы, какъ и для пониманія ея, слѣдовательно и для наслажденія ею, нужно извѣстное знакомство

съ исторіей Наполеона. Стало быть, фантазія здѣсь даетъ лишь оболочку (какъ и въ другихъ случаяхъ ея роль служебная—идеямъ и фактамъ); душу же пьесы составляетъ сочувственное возсозданіе историческаго (и вмѣстѣ психическаго) факта — глубокой печали Наполеона по утраченномъ престолѣ. Потому нельзя согласиться и съ дальнѣйшею замѣткой въ курсѣ: „Содержаніе стихотворенія „Воздушный корабль“, отъ начала до конца, есть поэтическій вымыселъ“ (стр. 272). Повторяемъ: вымышлена тутъ одна оболочка содержанія. Самый мотивъ къ созданію пьесы представленъ слишкомъ побочнымъ: „показать неппрочность славы, популярности и надеждъ на продолжительность чьихъ либо чувствъ преданности, благодарности и т. д.“ (стр. 272). Отсюда далеко до поэтическаго сочувствія къ вызванному лицу, а также и до наслажденія образомъ фантазіи, служащей будто простой морали. Пожалуй, мораль въ родѣ указанной можетъ быть выводима и отсюда, кому это нравится; но поэтъ, безъ сомнѣнія, возбуждался высшимъ мотивомъ, на который мы только что и указали выше. Читатель безъ исторической подготовки, которая должна поставить его въ уровень съ поэтомъ, не заинтересуется пьесой (развѣ только по дѣтски) и не получитъ отъ нея настоящаго наслажденія. Тѣ же требованія (созданія и пониманія) прилагаются и къ другому образцу—изъ монолога Бориса Годунова: „Достигъ я высшей власти“,—съ тою разницею, что мѣсто это выбрано не совсѣмъ удачно для „увлеченія сочувствіемъ“, такъ какъ чувство Годунова фальшиво (какъ замѣчено давно уже критикой): настоящій преступникъ оправдываетъ свой образъ дѣйствій, а не читаетъ себѣ морали о выгодахъ чистой совѣсти!

Опущеніе изъ виду такихъ, казалось бы, простыхъ вещей, какъ разумныя условія созданія и пониманія поэзіи, стоитъ въ связи съ тѣмъ не критическимъ представленіемъ, будто во всѣхъ поэтическихъ произведеніяхъ выражается одна „своего рода игра въ сознательную иллюзію, завѣдомо себѣ допускаемую и авторомъ, и читателемъ“ (стр. 273). Такое неточное употребленіе слова „игра“, какъ здѣсь, вяжется развѣ только съ субъективно-туманнымъ опредѣленіемъ поэзіи, что она „есть психическое наслажденіе чрезъ внутреннюю дѣятельность“ и пр. Конечно, понятія „игра“ и „наслажденіе“ сродны между собою,—такъ что предполагаютъ одно другое; но только ихъ нельзя, безъ профанаціи предмета, примѣнять къ объясненію (даже опредѣленію!) поэзіи, если не хотимъ обращать своихъ объясненій въ пустую игру словами, неумѣстную въ учебномъ курсѣ. „Созна-

тельная иллюзія“, — даже не распространяющаяся на всѣ роды поэзіи (напримѣръ, лирическую), — составляетъ лишь оболочку въ поэтическихъ произведеніяхъ, за которою всегда скрывается дѣйствительная жизнь съ разныхъ сторонъ: положительной или отрицательной, реальной или идеальной и т. п. Своеобразное служеніе дѣйствительной жизни, а не иллюзіямъ, даетъ поэзіи значеніе далеко не „игры“, къ какой, пожалуй, и многіе были бы способны, а важнаго дѣла, къ которому призываются только избранные между людьми ¹⁾. И зачѣмъ было сочинять особое опредѣленіе поэзіи, мудрепое по выраженію и не точное по смыслу, когда слѣдовало держаться въ курсѣ общепризнанныхъ или строго-научныхъ понятій объ этомъ изящномъ словесномъ искусствѣ? Со стороны логической родовой припакъ въ опредѣленіи поэзіи будетъ отнюдь не „психическое наслажденіе“, — понятіе широкое до неопредѣленности, — а изящное искусство, какъ творчество человѣческаго духа; видовое отличіе (*differentia specifica*), составляютъ здѣсь не „гармонія и увлекательность, создаваемая фантазією“, что распространяется и на другія искусства (гармонія звуковъ въ музыкѣ и красокъ въ живописи и пр.), — а словесное представленіе идей о жизни дѣйствительной, въ живыхъ образахъ фантазіи, тремя главными направленіями: лирики, эпоса и драмы (стр. 268). Дальше, правда, точнѣе объясняется слово „поэзія“ въ общемъ и частномъ смыслѣ (стр. 275—276); но этому объясненію дается какое-то второстепенное значеніе.

Та же неустойчивость видна и въ рѣшеніи второстепенныхъ вопросовъ объ отношеніи стиха къ поэзіи и поэзіи къ живописи. Правда, общій взглядъ вѣренъ тамъ и здѣсь; но при разныхъ случаяхъ вопросы рѣшаются противорѣчиво. „Что касается до стиховъ“, читаемъ

---

¹⁾ Эта исключительность природы поэта, если не отрицается г. Классовскимъ, то и третируется какъ-то невзвѣнно, впрочемъ, съ отѣнкомъ наивности въ сужденіи. Подшутивъ надъ древнимъ взглядомъ, по которому «поэты считались какими-то ясновидящими мудрецами (*vates*)», составитель курса далѣе такъ обрисовываетъ настоящій обликъ поэта: «Психологическій анализъ показываетъ, что поэтъ есть не больше и не меньше, какъ человѣкъ съ сильною фантазією, которую регулируетъ въ немъ достаточная наблюдательность, снабжаетъ матеріалами хорошая память и руководитъ вкусъ, то-есть, мѣра и умѣренность всему, инстинктивно опредѣляемому чувствомъ красоты. Остальное, именно всѣ средства техники—дѣло навыка, упражненій, подражанія прежнимъ образцамъ, которые сами постепенно совершенствовались» (стр. 264—275). Но сколько же есть людей съ сильною фантазією, наблюдательныхъ, съ хорошою памятью, вкусомъ, чувствомъ красоты, а все же не поэтовъ!

на стр. 268, „то въ нихъ, своевременно принявшись за дѣло, всякій неглупый человѣкъ, и не будучи по природѣ своей поэтомъ, можетъ набить руку, можетъ привыкнуть составлять правильные стихи“. Здѣсь видно, что стихъ представляется предметомъ совсѣмъ не затруднительнымъ. Между тѣмъ на стр. 289—290 встрѣчаемъ такой выводъ: „Но опытъ показываетъ, что стихотворцамъ съ сильнымъ талантомъ стоитъ только захотѣть, и они дѣлаются отличными беллетристами, тогда какъ, напротивъ, далеко не каждый первоклассный беллетристъ способенъ быть первокласснымъ поэтомъ—стихотворцемъ. Это значитъ, что стихотворная поэзія, и не будучи труднѣе для писателя, которому она по силамъ наравнѣ съ поэтической или художественною прозою (иначе беллетристикою), во всякомъ случаѣ, сама по себѣ капиталнѣе послѣдней“. Оговорка въ примѣчаніи, что въ первомъ мѣстѣ разумѣлись собственно только правильные стихи (понятіе растяжимое), не устраняетъ противорѣчія. Не менѣе сбивчиво представляется, въ двухъ мѣстахъ, и отношеніе словеснаго искусства къ живописи. На стр. 282 читаемъ: „Словомъ: картина живописца несравненно опредѣленнѣе, живѣе и совершеннѣе картикъ, изображаемыхъ описательною поэзіею“. Дальше же, подъ картиной Подтавскаго боя: „Полки ряды свои сомкнули“ и пр. дѣлается такой выводъ: „Сколько бы сажень холста ни извелъ живописецъ на изображеніе всего этого сразу, онъ не достигъ бы цѣли, легко достигнутой средствами поэзіи, и у зрителей его только зарыбило бы въ глазахъ отъ деталей, которыя, перешагнувъ за извѣстный предѣлъ, ни для чьего зрѣнія не организуются въ отдѣльное цѣлое, осмысленное единствомъ содержанія“ (стр. 284). Послѣдній выводъ требуетъ поправки въ первомъ. Слѣдовало замѣтить, что при изображеніи неподвижно стоящихъ предметовъ выигрываетъ живопись, а въ очертаніи движущихся явленій преимущество на сторонѣ описательной поэзіи. Это, положимъ, мелочи, но лучше, еслибы ихъ не было въ учебномъ курсѣ.

Послѣдняя глава посвящена родамъ и видамъ прозы и поэзіи, причѣмъ также не проводится параллели между ними; перечисливъ „разрядъ“ прозаическихъ сочиненій (описаніе, повѣствованіе, разказъ и ораторская рѣчь) и помянувъ о хрестоматіяхъ (нѣсколько поздно для практическаго курса!), авторъ замѣчаетъ: „пособіемъ хрестоматій вы будете пользоваться всякій разъ, какъ это понадобится, а теперь, для ближайшихъ цѣлей урока, прочитаемъ вотъ какіе примѣры“ (стр. 291—292)—и читаетъ три отрывка изъ романа

гр. Л. Толстаго „Анна Каренина“. Не значить ли это „для (каких-то) ближайшихъ цѣлей“ сбивать учениковъ съ толку? Зашла рѣчь о прозаическихъ собственно сочиненіяхъ — и пужно давать образцы прозы ученой, а не беллетристической. При разборѣ отрывковъ темы ихъ опредѣляются совѣмъ не точно: напримѣръ тема перваго отрывка не „психическое состояніе двухъ братьевъ“ по матери (Константина Левина и Сергѣя Козышова), или изображеніе ихъ „съ внутренней ихъ стороны“, —слишкомъ широкая тема для вырваннаго кусочка, — а различное отношеніе ихъ къ народу (идеализація Сергѣемъ народа, которая нѣсколько коробила Константина, ближе стоявшаго къ народной массѣ); тема втораго отрывка не описаніе „лѣтней обстановки“ тѣхъ же братьевъ, — что здѣсь обстоятельство побочное, — а хозяйственное настроеніе въ образѣ мыслей Константина Левина (стр. 295). Эта неточность въ опредѣленіи темъ происходитъ отъ той же известной намъ сбивчивой теоріи различенія темы и главной мысли, которая вслѣдъ за тѣмъ и объясняется особо. Но какъ, объясняется! Перечитайте тираду перваго отрывка изъ романа гр. Толстаго и потомъ тираду г. Классовскаго подъ рубрикой главная мысль этого отрывка — и вы, впервыхъ, затруднитесь опредѣлить, въ чемъ же тутъ собственно главная мысль, потому что критикъ не формулируетъ ее опредѣленнымъ образомъ; во вторыхъ, съ удивленіемъ увидите, что всѣ подробности развитія искомой мысли заимствуются, надо полагать, изъ другихъ мѣстъ романа, такъ какъ въ разбираемой тирадѣ нѣтъ данныхъ къ этому развитію. Напримѣръ „Константинъ Левинъ—патура, для знатока-наблюдателя, симпатическая по преимуществу вслѣдствіе ея цѣльности, непосредственности, искренности, человѣкъ съумѣвшій прежде всего извлечь изъ себя и изъ университетскаго своего образованія уваженіе къ личности“. Или дальне: „Сверхъ того, отчасти по своей искренности, отчасти по отсутствію инициативы въ своемъ характерѣ, онъ, призванный болѣе плыть по теченію, чѣмъ бороться или заигрывать съ нимъ, неспособный ни предъ кѣмъ рисоваться, часто, въ разговорахъ и поступкахъ, оказывается непослѣдовательнымъ, противорѣчающимъ себѣ самому“. То же и въ отношеніи къ Сергѣю: „Въ немъ палускное взяло верхъ надъ природнымъ, хотя, впрочемъ, это палускное благородно и, еще болѣе, эффектно... быть вполне хорошимъ человѣкомъ, какъ Константинъ, ему мѣшаетъ только одно — „казаться“ для него важнѣе чѣмъ „быть“ (стр. 296). Можетъ быть, все это и правда, но мысль автора произвольно блуждаетъ гдѣ-то по сторонамъ: ученики не видятъ

основанія въ разбираемомъ отрывкѣ къ такой обрисовкѣ братьевъ—и, пожалуй, придуть къ заключенію, что искать главной мысли нужно всегда за предѣлами образца. Такъ и должно было случиться по не-точному опредѣленію темы въ слишкомъ широкомъ смыслѣ: по взятому отрывку характеризовать братьевъ было нельзя, и критику пришлось пскать чертъ для характеристики въ другихъ мѣстахъ романа.

Разсужденіе о слогѣ тѣхъ же отрывковъ, на стр. 297, безъ поясненія примѣрами, непошито ученикамъ. „Скорѣе часто, чѣмъ рѣдко, авторъ повторяетъ одни и тѣ же слова, не гонится за легкимъ, всякому доступнымъ (?) разнообразіемъ выраженій, беретъ то, что первое подвернулось подъ перо. Иной, неопытный читатель, не впопадъ отнесетъ это къ стилистической несостоятельности“. Лучше было бы выбирать мѣста, не подающія повода къ замѣчаніямъ о „стилистической несостоятельности“. Любопытна дальше своеобразная примѣта „художественнаго слога“, какую даетъ г. Классовскій, именно: „что читатель не прыгаетъ въ чтеніи, читаетъ все подъ-рядъ, безъ пропусковъ“ (стр. 297). По этой примѣтѣ всѣ вздорные романы, поглощаемые неприсохливыми читателями, смѣло должны стать въ ряду художественныхъ произведеній по обработкѣ языка.

Составитель курса останавливается на образцахъ прозы. И здѣсь первый же шагъ оказывается не совсѣмъ удачнымъ. Подъ рубрикой: „Чистое, безъ примѣси разсказа, описаніе“ (Севиляскаго собора, В. Боткина), представленъ примѣръ, въ которомъ есть нѣсколько фактовъ, даже съ хронологическими указаніями! Напримѣръ „колокольню ему служитъ бывшій арабскій минаретъ, построенный въ X вѣкѣ арабскимъ архитекторомъ аль-Геборъ, будто бы изобрѣтателемъ алгебры. Въ XVI вѣкѣ архитекторъ Эскуріала, Эррера, подпаялъ ее на нѣсколько этажей“ (стр. 301). Элементы разсказа, въ томъ же примѣрѣ, встрѣчаются и выше: „я цѣлую недѣлю ходилъ въ соборъ и каждый день выходилъ оттуда съ повымъ изумленіемъ“; или: „каждый вѣкъ строилъ свой придѣлъ и свой престолъ, и при всемъ томъ соборъ еще не вполне отдѣланъ“. Странно также, особенно послѣ уроковъ логики, что авторъ, здѣсь и въ другихъ мѣстахъ (описанія и повѣствованія), не упоминаетъ даже о важнѣйшемъ связующемъ элементѣ, именно судительномъ, безъ котораго нельзя ничего ни описывать, ни разказывать. Трудно допустить, чтобы это подразумевалось само собою—и бѣдные ученики, основываясь на курсивной рубрикѣ учителя, не только указанные факты, но и всѣ сужденія Боткина должны принимать за чистое описаніе! Между тѣмъ, здѣсь, что ни шагъ,

то сужденіе, которое то сливается съ фактомъ и описаніемъ: „въ Севильскомъ соборѣ—пять сводовъ самаго чистаго готическаго стиля, раздѣленныхъ колоннами“; то стоитъ отдѣльно: „художественное богатство собора поразительно...“ „сколько разсыпано тутъ искусствъ, великолѣпія, изящества, разсыпано съ тою величавою, небрежною роскошью, о которой можетъ дать понятіе одна Италия!..“ „Теперь это самая оригинальная, изящная колокольня въ мірѣ“.

Не лучше случилось и съ образцомъ художественнаго описанія въ стихотвореніи Пушкина „Кавказъ“. Выписавъ его, г. Классовскій замѣчаетъ; „Оно, по единогласному приговору цѣлителей, принадлежитъ къ числу самыхъ изящныхъ, самыхъ поэтическихъ. Можемъ, слѣдовательно, разсматривать его, какъ образецъ образцовъ по своей части, по части „поэтическихъ описаній“ (стр. 304). И что же? Авторъ замѣчаетъ, что если отбросить стихотворную форму, то откроются недостатки—въ крайней сжатости, или неполнотѣ подробностей описываемаго предмета и т. п., затѣмъ рѣчь склоняется къ вопросу объ утилитаризмѣ въ искусствѣ, объ отношеніи утилитаризма къ теоріи искусства и пр. (стр. 305—306). При такомъ способѣ объясненія, блуждающаго по сторонамъ, для учениковъ остается совсѣмъ непонятною поэтическая прелесть описанія Пушкина,—а замѣтки объ утилитаризмѣ и пр. пропадаютъ совсѣмъ даромъ. Конечно, этого не сознаетъ составитель курса: „Вышеприведенное объ описаніяхъ“ не можетъ не прилагаться въ равной степени также и къ повѣствованіямъ, потому что въ тѣхъ и въ другія одинаково проникаютъ права и обязанности поэзіи и прозы“ (стр. 306); въ чемъ тутъ дѣло, предоставляемъ догадываться самимъ читателямъ.

Для оригинальности, должно быть, виды повѣствовательныхъ сочиненій (§ 98) располагаются составителемъ курса въ обратномъ порядкѣ: сначала исторія, а въ концѣ лѣтопись. Впрочемъ, къ этому предмету г. Классовскій приступаетъ неохотно—только „платя отчасти давъ обычаю упоминать въ словесности объ исторіи“,—такъ какъ, по его мнѣнію, къ первой (то-есть словесности), какъ „наукѣ о сочиненіяхъ литературныхъ“, собственно не относится разсматриваніе историческихъ сочиненій, Но если было крайностію, что „въ старинныхъ учебникахъ словесности, по какому-то особенному предпочтенію исторіи другимъ наукамъ, считалось необходимымъ излагать цѣльмъ ея теоріи, не безъ намѣренія и надежды давать чрезъ то наставленія историкамъ, какъ имъ слѣдуетъ разрабатывать и излагать свою науку“ (стр. 307),—то не меньшую крайность представляетъ и нашъ

теоретикъ, когда онъ совсѣмъ изгоняетъ изъ курса словесности разсмотрѣніе высшаго образца повѣствованія, какой представляется исторія. Было же основаніе, почему теоретики словесности предпочли исторію другимъ наукамъ, безъ сомнѣнія въ томъ, что историческое повѣствованіе представляетъ одну изъ господствующихъ литературныхъ формъ, которая употребляется въ прозаическихъ и поэтическихъ сочиненіяхъ.

Мы видѣли, что на разсудочный, какъ связующій въ описательно-повѣствовательныхъ сочиненіяхъ, элементъ совсѣмъ не обращено было вниманія. Гораздо ниже, по другому случаю, брошена замѣтка: „ничего не описывая и не разказывая, невозможно ни разсуждать, ни ораторствовать (стр. 339); тогда какъ прежде слѣдовало ввести въ сознаніе учениковъ то, что безъ сужденія нельзя ни описывать, ни разказывать. Несудивительно, поэтому, что и самое разсужденіе, какъ особая литературная форма, разсматривается въ курсѣ небрежно. Для образца данъ очень небольшой отрывокъ о химическомъ сродствѣ желѣза съ кислородомъ воздуха при калильномъ жарѣ (изъ Штеггардта въ переводѣ Ходнева). Самое опредѣленіе разсужденія такъ темно выражено, что тѣ же ученики совсѣмъ не заподозрятъ въ себѣ способности разсуждать, а придутъ къ заключенію, что этимъ скучнымъ дѣломъ занимаются развѣ только ученые, задающіеся „открытіемъ или подтвержденіемъ условій существованія какого-нибудь предмета, которыя являются здѣсь, то въ видѣ законовъ (ссылка на стр. 76), для него обязательныхъ, то въ видѣ связи его съ аксіомою достаточнаго основанія“ (§ 17, стр. 321). Далѣе, оказывается, что поэты совсѣмъ не разсуждаютъ, потому что руководятся фантазіей, „которая можетъ отъ всего придти ко всему“ (?), — между тѣмъ какъ „источникъ прозы—наблюденіе, которое чѣмъ точнѣе, тѣмъ оно достоинѣе своего имени“ (стр. 321). Не правда ли, дурная рекомендація для поэтовъ: они даже будто не наблюдаютъ (въ творчествѣ съ общей обрисовкой выше личности поэта), блуждая въ какой-то темной области фантазіи! „Представьте себѣ, говоритъ далѣе авторъ, что химикъ, подражая Пушкину въ стихотвореніи „Кавказъ“, гдѣ поэтъ ограничился въ частной характеристикѣ Кавказа названіемъ какихъ нибудь двухъ рѣкъ, и несущественныхъ, и недостаточныхъ для того, чтобы эта характеристика относилась именно только къ Кавказу,—представьте, говорю, что химикъ, разсматривая золото, ограничился бы только наименованіемъ его цвѣта,—хорошо ли было бы такое „ислѣдованіе золота“ (стр. 321)? Конечно, тутъ не

было бы изслѣдованіе золота, но развѣ стихотвореніе Пушкина, въ свою очередь, возможно было безъ наблюденія поэтомъ природы Кавказа? И какая же тутъ параллель: между художественнымъ описаніемъ и научнымъ изслѣдованіемъ? Если въ области поэтическихъ сочиненій „изслѣдованія“, или „разсужденія“, въ спеціально ихъ смыслѣ, не существуютъ“ (стр. 321) то, изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что поэты не наблюдаютъ и не разсуждаютъ, руководясь будто одной фантазіей, а слѣдуетъ только, что „дидактическія разсужденія“ относятся не къ поэзіи, а къ прозѣ. Между тѣмъ, нѣсколько ниже, дѣлается въ курсѣ еще такая оговорка: „И такъ, поэту воспрещается изслѣдованіе? онъ не вправѣ ни о чемъ разсуждать?.. Нимало. Разсуждаетъ и по праву разсуждаетъ дѣльно не только поэтъ, но и всякій не глухой человѣкъ (?). Мы утверждаемъ только, что цѣль поэта—разсуждать не для истины реальной, а для истины правдоподобной, обусловленной формулою правдоподобія (стр. 272), при чемъ ничто не мѣшаетъ и правдоподобному отъ времени до времени (?) совпадать съ дѣйствительнымъ: назвавъ дѣятельность фантазіи почти безпредѣльною (стр. 18), мы тѣмъ самымъ уже предположили почти всевозможныя для нея возможности“ (стр. 322). Мы рады, что г. Классовскій, спохватившись немного, выдалъ поэтамъ билетъ на право „разсуждать“, только прописавъ здѣсь неудобопонятный способъ разсужденія со „всеими возможностями фантазіи“, притомъ выраженный проговорчиво съ тѣмъ мѣстомъ, на которое дѣлается ссылка. На стр. 272 сказано: „Вотъ формула правдоподобія: еслибы это было возможно, то оно вышло бы такъ-то. Первая половина этой формулы допускаетъ, въ изобрѣтеніи безусловную свободу, но во второй половинѣ (оно вышло бы такъ-то) непременно мы должны видѣть нѣчто и привычное для насъ, считаемое нами всегдашней, непарушимой реальностію и пр.; за отсутствіемъ же этихъ условій, вымыселъ мы назовемъ и нелѣпымъ, и бессмысленнымъ“. Пусть объясненіе формулы правдоподобія и неточно, допуская „безусловную свободу“, которая сейчасъ же и отрицается; но здѣсь вѣрнѣе передается поэтическая дѣйствительность, то-есть ея основаніе въ реальной истинѣ. Истина—какъ истина, должна быть одна для прозаика и поэта, но только отношеніе къ ней различно у обоихъ. Критикъ, разбирающій произведеніе поэта, обыкновенно и представляетъ это единство истины, одинаково обязательной въ прозѣ и поэзіи. Допуская въ дѣятельности поэта „всевозможныя возможности“ фантазіи, мы низведемъ поэзію до

часть ссш, отд. 3.

степени „нелѣпаго вымысла“. Нашъ теоретикъ справедливо отрицаетъ это изведеніе, не замѣчая того, что самъ же подаетъ къ нему поводъ.

Не будь этой двойственности въ отношеніи къ „разсужденію, мы не встрѣчали бы въ курсѣ оговорочныхъ дополненій—въ родѣ слѣдующихъ: „Но есть виды поэзіи, основанныя на точномъ наблюденіи, прямо ведущіе къ реальнои правдѣ; такова, на примѣръ, нравоучительная басня“. И дальше: „Ошибочно... отнести и ближайшій, повидимому, къ прозѣ видъ поэзіи—басню—къ рубрикѣ „изслѣдованій“, или „разсужденій“ (стр. 322 и 323). Слѣдовательно, все-таки возможны поэтическія созданія безъ наблюденій надъ явленіями внутренней и вѣшной жизни? Съ другой стороны: на томъ основаніи, что въ баснѣ развивается какая нибудь нравственная мысль, возможно будто отнести ее къ рубрикѣ „изслѣдованій“ — въ прозаическомъ смыслѣ? Мысль, предполагается, должна быть присуща каждому поэтическому произведенію, заслуживающему вниманіи: почему же предостереженіе оговаривается только въ отношеніи къ баснѣ? И почему басня ближайшій къ прозѣ видъ поэзіи, когда еще ближе подходитъ сюда сатира? Мы боимся, что въ головахъ учениковъ образуется порядочная путаница послѣ такихъ объясненій.

Знакомство съ ораторскою рѣчью начинается чтеніемъ коротенькаго слова о Родіона Путятинѣ на текстъ: многими скорбями подобаетъ намъ впити въ царствіе Божіе (Дѣян. 14, 2). Нельзя не замѣтить, что проповѣдникъ обращается здѣсь исключительно къ старшимъ возрастамъ, а потому и предметъ слова, при всей кажущейся простотѣ языка, въ сущности почти недоступенъ для усвоенія учениками. Если пайдено возможнымъ ограничиться однимъ образцомъ ораторской рѣчи, то уже гораздо лучше было выбрать что нибудь изъ свѣтскаго краснорѣчія (выше стоящій отрывокъ, и при томъ сокращенный издателемъ, не восполняетъ этого недостатка).

Оставляя это въ сторонѣ, обратимся къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ автора. „Неправы были теоретики, говоритъ онъ, требовавшіе, чтобы ораторская рѣчь непремѣнно имѣла приступъ (exordium), предложеніе (propositio), то-есть разъясненіе темы рѣчи, затѣмъ изложеніе (expositio) и, наконецъ, заключеніе, послѣсловіе (peroratio, epilodus). Такія требованія, „правила“, содержали въ себѣ два порока: непрактичность, противорѣчіе съ дѣйствительностію, именно—ихъ поминутно нарушали талантливые ораторы; во вторыхъ, рѣчи, шаблонно построенныя, лишаютъ себя эфектовъ неожиданности,

отзываются одпообразіемъ, рутинностію, обнаруживаютъ какъ бы пивы постоянно на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, и, наконецъ, опѣ, по вредъ себѣ, внушаютъ слушателямъ мысль, что авторъ въ искусствственности ищетъ средствъ прикрыть какія нибудь свои натяжки или слабыя стороны въ проповѣдуемой имъ истинѣ. „Дѣланное“ (это техническій въ подобныхъ случаяхъ терминъ) есть лишь мѣдъ, звенящая противъ непосредственнаго, задумевнаго, искренняго, безыскусственнаго“ (стр. 338). Еслибы эта тирада стояла въ какомъ нибудь рефератѣ, назначенномъ для прочтенія предъ зрѣлыми слушателями, положимъ, подвизающимися на ораторскомъ поприщѣ, то она не содержала бы въ себѣ ничего неподходящаго: можно было бы соглашаться съ авторомъ или не соглашаться, но осуждать его за это выраженіе образа мыслей не было бы основанія. Другое дѣло, когда мы встрѣчаемъ такое изложеніе теоріи ораторской рѣчи передъ юношами, только изучающими теорію словесности: здѣсь всякое выраженіе личныхъ мнѣній преподавателя, не проверенныхъ строгимъ изслѣдованіемъ, непременно подлежитъ осужденію въ педагогическомъ смыслѣ. Легко убѣдиться, что заблужденіе теоретиковъ, рекомендовавшихъ извѣстный способъ расположенія или построенія рѣчей,—только кажущееся. Теорія не виновата, если ее неумѣло или совсѣмъ дурно примѣняютъ на практикѣ. Но, сама по себѣ, данная теорія была и остается разумною: каждый ораторъ съ чего нибудь начинаетъ свою рѣчь (exordium),—пусть и не всегда съ побочныхъ вещей,—какую нибудь мысль проводитъ въ ней (propositio),—чѣмъ нибудь аргументируетъ, или доказываетъ свою мысль (expositio),—и, наконецъ, приходитъ самъ или приводитъ слушателей къ какимъ нибудь выводамъ и пр. (epilogus). Достаточно было замѣтить, что exordium, не составляя важнаго мѣста въ рѣчи, не всегда обязательно,—что propositio не всегда прямо высказывается ораторомъ въ началѣ, а иногда съ намѣреніемъ умалчивается до благопріятнаго мѣста въ рѣчи и т. п.; но отрицать всю старую теорію, какъ что-то безусловно рутинное, и замѣнить не дать ничего лучшаго — значитъ оставить юношей безъ всякаго руководства. И на какомъ основаніи? „Два порока“ бичуемыхъ „правилъ“ представляются фиктивными: 1) „талаптливые ораторы“ (да не для нихъ и теорія пишется) также располагаютъ свои рѣчи по извѣстному плану — и въ общихъ чергахъ слѣдуютъ данной же теоріи; 2) „дѣланннмъ“, съ указанными чертами, краснорѣчіе становится не отъ соблюденія вообще тѣхъ или другихъ „правилъ“ въ построеніи рѣчи, а, повтори-

емъ, отъ неумѣлаго соблюденія, особенно же отъ фальшивости чувства оратора, когда онъ составляетъ рѣчь только „по обязанности“ не сочувствуя лично ни взятому предмету, ни лицамъ, предъ которыми выступаетъ съ рѣчью. При этомъ условіи безразлично, будетъ или не будетъ ораторъ держаться какихъ нибудь „правиль“: въ обоихъ случаяхъ его рѣчь будетъ „мѣдью звенящей“, такъ какъ фальшивая рѣчь, возможная и съ „эффектами неожиданности“, встрѣчается обыкновенно холодно (чувство обмануть очень трудно), и не покоряетъ сердецъ или воли слушателей.

Вопроса объ отношеніи ораторской рѣчи къ поэзіи лучше было и не касаться, вмѣсто того чтобы рѣшать его такъ неопредѣленно и уклончиво (стр. 338—339). Какъ „въ ораторство могутъ эпизодально проникать черты поэзіи“,—предоставляемъ догадливости читателя. Замѣтка ученикамъ: „напередъ можно предвидѣть, что занимаясь изученіемъ поэзіи въ слѣдующихъ §§, не найдете уже тамъ рубрики для ораторской рѣчи“ (339) безцѣльна, или брошена даромъ — безъ указанія извѣстной параллели между ораторскимъ и театральнымъ искусствомъ.

Послѣ ораторской рѣчи, на перепутьѣ между прозой и поэзіей, въ § 102 объясняются обойденные „отдѣльные виды прозы“: характеристика и письма. Для наглядности „характеръ“ сопоставляется съ „типомъ“ и въ результатѣ оказывается нѣчто странное: Плюшкинъ и „Скуной Рыцарь“ — не художественные „типы“, а „характеры“, потому что они „изображены не общимъ типомъ скупости (?), а конкретно, прямо, чрезъ свой „характеръ“, именно чрезъ то, чѣмъ отличается одинъ такой-то человѣкъ отъ всѣхъ другихъ“ (стр. 341). Мы привыкли думать, что общій характеръ скупца-скриги прекрасно обрисованъ поэтами въ живыхъ индивидуальных образахъ, или „типахъ“, Плюшкина и „Скунаго Рыцаря“, а тутъ оказывается совсѣмъ наоборотъ: типъ выраженъ въ характерѣ. Дальнѣйшее разсужденіе (стр. 341—342) объ уравниваніи типа съ характеромъ у первоклассныхъ писателей показываетъ, что своеобразный взглядъ на отношеніе между этими понятіями происходитъ отъ неточнаго взгляда на художественный типъ. Послѣдвій представляетъ, напр., въ лицахъ Фамусова, Чичикова, Обломова и др., не одну общность (какъ „типъ человѣка вообще, типъ извѣстнаго времени, сословія, воспитанія“ и пр.), а органическое сліяніе общихъ характерныхъ чертъ съ индивидуальными въ живомъ лицѣ,— дру-

гими словами: типъ представляетъ не отдѣльное нѣчто отъ характера, а живое его олицетвореніе.

При переходѣ къ теоріи поэзіи выставлены три образца: лирическая пьеса Лермонтова: „Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю“, эпическая изъ Мея: „Слѣпорожденный“, и драматическая: „Борисъ Годуновъ“ Пушкина. Двѣ первыхъ, положимъ, можно прочесть тутъ же на урокъ и съ краткимъ разборомъ; но какъ читать трагедію Пушкина: нѣсколько отрывковъ изъ нея, или всю, въ два-три урока? Авторъ объ этомъ ничего не говоритъ, а только замѣчаетъ вычурнымъ слогомъ, что „чтеніе ихъ (данныхъ образцовъ) разрѣшилось для насъ въ психическую дѣятельность, въ условіе психическаго наслажденія (ссылка на 258 стр.), и самое наслажденіе это оказалось спеціальнымъ, обладающимъ условіями поэзіи—гармонією и увлекательностію“ (ссылка на 259 стр.). Черезъ нѣсколько строкъ повторяется: „они, всѣ три, поэтичны, всѣ три за неприужденный, легкой трудъ прочтенія ихъ щедро вознаградили насъ изящнымъ наслажденіемъ“ (стр. 346—347). Отсюда можно заключить, что и „Борисъ Годуновъ“ читается разомъ или подъ-рядъ за стихотвореніями Лермонтова и Мея; такой способъ чтенія цѣлой исторической драмы, требующей разнообразныхъ объясненій, нельзя одобрить. Но это, положимъ, второстепенный вопросъ: главное, „изящное наслажденіе“ поэтическимъ произведеніемъ трактуется здѣсь такъ легко, какъ будто оно дается всегда само собою (стоятъ только прочесть любое мѣсто), какъ будто не нужно еще, въ большинствѣ случаевъ, умѣть наслаждаться поэзіей. Разумѣется, ученики будутъ все слушать, что ни скажетъ учитель; но потребуйте отъ нихъ сейчасъ же отчета въ вашихъ словахъ—и пойдетъ путаница.

Предъ разборомъ видовъ лирической поэзіи „безотлагательно“ (почему-то) объясняется второстепенное значеніе здѣсь чувства, отчего будто послѣднее не приято даже и въ опредѣленіе поэзіи (стр. 348). Мы видѣли, однако, что чувство тамъ занимаетъ чуть ли не господствующее мѣсто: „Поэзія есть психическое наслажденіе чрезъ внутреннюю дѣятельность.“ и пр. (стр. 268). Или, по мнѣнію автора, „наслажденіе“ относится не къ области чувства? Возражая противъ взгляда, что „лирика есть поэзія чувства“, чтобы установить другой: „лирика есть поэзія субъективная“ (поэзія „личныхъ взглядовъ“, „личнаго идеала“ и т. п.),—нашъ теоретикъ просто-на-просто заговаривается. „Чтобы исписывать бумагу такими звуками („сладкими“, по выраженію Пушкина), нужно отчетливо видѣть ее глазами,

которые уже выплакались" (стр. 349). И такъ, чувство должно сопровождаться непременно слезами, и въ такомъ при томъ количествѣ, чтобъ затемнилось зрѣніе?.. „Въ питательный матеріалъ поэзіи оно пересоздается, наравнѣ съ мышленіемъ, только фантазією“ (Ibid.). Положимъ, этому приходится только вѣрить (слушатели ждуть фактическаго объясненія теоріи, а предъ ними сыплются слова и слова), но развѣ фантазія, поэтизируя чувство, не проявляется съ нимъ или въ немъ одновременно? Вотъ, напримѣръ, въ народной пѣснѣ молодая женщина, оплакивая несчастное замужество, прямо фантазируетъ:

Не буду я къ матушкѣ ровно три годка,
На четвертый къ матушкѣ пташкой полечу,
Горемычпой птапсочкою, кукушечкой.
Сяду я у матушки въ зеленомъ саду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ изсушу,
Слезамъ горячимъ весь садъ потоплю,
Родимую матушку сердцемъ надорву и пр.

И развѣ чувство при этомъ, проникаясь фантазіей, перестаетъ быть чувствомъ, какъ главнымъ элементомъ лирической поэзіи? „Оно участвуетъ въ ней“ (лирикѣ), замѣчаетъ г. Классовскій, „но только косвенно (?), хотя, впрочемъ, въ довольно значительной степени (?), несравненно, на примѣръ, значительно, чѣмъ отвлеченное или критическое мышленіе“ (стр. 349). „Для наглядности, продолжаетъ г. Классовскій, можно сравнить роль чувства въ поэтизированіи темъ съ тою ролью, какую играетъ влага при химическихъ соединеніяхъ и смѣсяхъ.... Также ведетъ себя и чувство: примѣсь его къ понятіямъ о предметахъ, болѣе или менѣе замѣтно, содѣйствуетъ ихъ оноэтизированію; но если предметъ (какъ масло и вода), по природѣ своей, недоступенъ для фантазіи (напр., критическія мысли), то не быть ему поэтичнымъ, сколько бы о томъ ни хлопотало чувство“ (стр. 349). Это сравненіе чувства съ влагой само по себѣ, положимъ, наглядно; но при настоящемъ объясненіи термлетъ это свойство, потому что объясняетъ—неизвѣстный предметъ! Перечитайте нѣсколько разъ только что выписанное мѣсто, и вы затруднитесь рѣшить, о чемъ тутъ рѣчь, такъ какъ говорится о какомъ-то чувствѣ, о какомъ-то оноэтизированіи имъ чего-то, о какихъ-то напрасныхъ хлопотахъ его же надъ чѣмъ-то и пр. Подобныя объясненія, по результату, подходятъ къ процессу писанія на водѣ: тамъ не видно, что напишешь, а здѣсь непонятно, что объяснишь. Этого, къ сожалѣнію, не сознастъ авторъ,

который, напротивъ, думаетъ, что разрушаемое зданіе (т. е. изгояемое изъ лирики чувство) „сильно пошатнулось“. Чтобы покопчить съ нимъ, приводятся аргументы отъ писателей—лириковъ: напримеръ, поэзія Пиндара „усыпана образами и мифологическими сближеніями, созданными фантазією“; у насъ лирика Державина (бѣдность и безцвѣтность чувства которой указывалъ де Бѣлипскій) также „несравненно болѣе обязана фантазіи, нежели чувству“ и пр. (стр. 350). Но что же все это доказываетъ? То одно, что въ лирическихъ пьесахъ, рядомъ съ чувствомъ, встрѣчаются и другіе элементы поэзіи, мѣста эпическихкіи или драматическіи, а въ отношеніи къ Державину— и то еще, что въ его лирикѣ чувство часто искусственно, или фальшиво. Замѣтка о Карамзинѣ, что онъ превосходитъ Державина, лучшаго лирика, „силою и выдержанностію чувства“, заставляетъ предполагать, что подъ гонимымъ „чувствомъ“ авторъ разумѣетъ собственно сантиментальность (какъ то заявлено выше и слезами); но развѣ здравая критика не должна строго различать этихъ понятій? Лирика, оставаясь поэзією живаго естественнаго чувства, отнюдь не должна быть сантиментальна—и въ этомъ отношеніи чувство Карамзина совсѣмъ не представляетъ ни „силы“, ни „выдержанности“.

Изъ сказаннаго можемъ видѣть, по крайней мѣрѣ, что авторъ не побѣдилъ того, съ чѣмъ боролся. Замѣна „чувства“ въ лирикѣ элементомъ „субъективности“, не внося въ опредѣленіе лирической поэзіи ничего существенно новаго (потому что субъективно и чувство), представляется излишнею. Прежде чѣмъ изгоять „чувство“, нашему теоретику слѣдовало всмотрѣться хорошенько въ природу того психическаго состоянія, которое принято называть этимъ именемъ. Чувство, какъ и все въ нашей душѣ, представляется въ сложномъ процессѣ: оно зарождается мыслию, или представленіями (чаще по новоду разныхъ фактовъ) и разрѣшается въ то или другое желаніе, иногда основанное на идеалѣ. Примѣровъ не приводимъ, предполагая ихъ множество въ личномъ опытѣ cadaго. Другими словами: въ понятіе „чувство“ само собою входитъ все, что г. Классовскій объединяетъ въ словѣ „субъективность“,—такъ что борьба его противъ чувства въ опредѣленіи лирики, въ концѣ концовъ, представляется игрою, которая „не стоила свѣчъ“.

Эго сказалось и при рассмотрѣніи важнѣйшихъ видовъ лирики какъ пѣсни, ода, сатира и элегія. Здѣсь теоретикъ какъ будто забылъ сказанное имъ о фантазіи и субъективности, и потому не счелъ нужнымъ наглядно объяснить свою теорію примѣрами. Между тѣмъ

слѣдовало же показать, какъ фантазія „позитизируетъ чувство“, какъ и въ чемъ представляется здѣсь „субъективность“ лирики. При озна-комленіи съ пѣсней паговорено много побочнаго (напр. даже о раз-витіи пародовъ по аналогіи съ возрастами человѣка); случайно, тутъ же, помѣщено длиннѣйшее примѣчаніе о пословицахъ (стр. 354—356) ¹⁾, а не сдѣлано ни одного примѣненія теоріи къ пѣснѣ. Безъ того и дальнѣйшія теоретическія замѣтки остаются частію непонят-ными, а частію и петочными, напримѣръ, хоть слѣдующая: „Въ на-родной лирикѣ нѣтъ эффектовъ „исключительнаго положенія“, нѣтъ рѣзкихъ случайностей, которыми нестра судьба людей, насильственно открывающихся отъ условій своего быта; нѣтъ... ни бурныхъ стра-стей, ни протеста противъ устатовившагося въ силу преданій, при-вычекъ или по праву давности“ (стр. 358). Развѣ, напримѣръ, пѣсни „разбойничьи“ не представляютъ случайностей въ судьбѣ оторвав-шихся отъ условій своего быта людей? Развѣ жалобы въ пѣсняхъ дѣвушки, при насильственной выдачѣ замужъ, или молодой женщи-ны, при несчастномъ замужествѣ, не представляютъ своеобразнаго протеста? Коснувшись разновидности пѣсни, авторъ курса не пока-зываетъ отличія романса отъ подражательно-народныхъ пѣсенъ, а только, по перечисленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ, дѣлаетъ мимоходомъ замѣчаніе, что эти и многія другія стихотворенія (какъ, напр. „Крас-ный сарафанъ“, Цыганова, или „Выйду я на рѣченьку“, Мелединска-го-Мелецкаго) „пріѣлись и отчасти опошлись, то отъ частаго ихъ употребленія, то отъ сосѣдства въ „пѣсенникахъ“ съ плохими стиш-ками“ (стр. 359). Мы напомнимъ старую истину: „золото и въ грязи видно“; стало быть, художественно составленная пѣсня въ глазахъ лицъ понимающихъ не можетъ „опошлиться“ отъ случайнаго сосѣд-ства съ дурнымъ стихотвореніемъ.

Для знакомства съ одой дано больше матеріала, хоть опять съ критическими промахами. По образцу оды Пиндара на прославленіе Оерона, потомка Кадма и Эдипа, нельзя „легко убѣдиться“, какъ полагаетъ авторъ, что въ одѣ античной „гораздо болѣе образовъ, картинъ, описаній и разказовъ, чѣмъ субъективныхъ проявленій

¹⁾ Между прочимъ, допущена рѣшительно парадоксальная мысль, что по-словицы «оказываются вредными въ педагогическомъ отношеніи для привыкаю-щихъ къ нимъ съ дѣтства», потому будто, что «онѣ задерживаютъ самостоя-тельность наблюденій, производящихъ оригинальности мыслей» (стр. 355) Развѣ пословицы не возбуждаютъ мысли?

мысли и чувствъ поэта“ (стр. 359),—такъ какъ здѣсь элементъ эпической почти уравнивается съ дидактико-лирическимъ; по общему же характеру пьесы послѣдній слѣдуетъ считать даже преобладающимъ, потому что разказъ служитъ лишь канвою для восхваленія „благороднаго и добраго мужа“. Къ описанію во всей одѣ относятся только одно мѣсто съ изображеніемъ острова блаженныхъ:

Тамъ вѣтерки океана
Кругомъ обвѣвають.
Тамъ златомъ плаваютъ цвѣты,
Обильно рождаась
Изъ водъ, изъ земли, отъ блестящихъ деревьевъ,
Вѣтвями, вѣтками
Силегаюся вокругъ.

Но эта не точная оцѣнка оды Пипдара еще не бѣда; гораздо важнѣе, относительно теоріи предмета, дальнѣйшее замѣчаніе нашего критика объ одѣ ложно-классической, что она „захватываетъ въ составъ свой, то посторонніе для лирики эпическіе элементы, то вообще чуждый для поэзіи дидактизмъ“ (стр. 367—368). Если признается нормальнымъ преобладаніе эпическаго элемента въ одѣ античной, то почему лишь примѣсь его является положительнымъ недостаткомъ въ разновидности той же оды, или въ одѣ ложно-классической? Противорѣчіе остается не разъясненнымъ, а самое изгнаніе эпическаго элемента изъ лирики произвольно по существу. Выше уже было замѣчено по поводу чувства, что оно не мыслимо само по себѣ — чѣмъ нибудь оно возбуждается и сопровождается, — такъ и въ лиричѣ элементъ эпическій, какъ ея основа, не можетъ быть предметомъ „постороннимъ“. Пусть г. Классовскій перечитаетъ, напримѣръ, безукоризненные мѣста изъ лирики Пушкина (хоть „Осень“, „Опять на родинѣ“ и т. п.) и рѣшитъ по нимъ занимающій теперь насъ вопросъ. Самый „дидактизмъ“ отнюдь нельзя считать безусловно „чуждымъ поэзіи“, пока басня, сатира и комедія съ ихъ разновидностями признаются поэтическими произведениями. Признасть же дальше и самъ авторъ дидактическую поэму „за одинъ изъ неотъемлемыхъ видовъ поэзіи“ (стр. 418)! Дидактизмъ въ поэзіи только принимаетъ своеобразныя формы, какъ въ одѣ „На смерть Мещерскаго“ или въ элегіи „Тезей и Эсхипъ“ и т. п. Въ одѣ ложно-классической оба изгнанные элемента, эпическій и дидактическій, дѣйствительно представляются недостаткомъ, но только не сами по себѣ, какъ нѣчто совсѣмъ чуждое поэзіи, а какъ крайности, или уклоненія въ

сторону. Образцомъ такой оды взять „Водопадъ“ Державина, въ разборъ котораго, между прочимъ, допущенъ тотъ же произвольный разрывъ пьесы на самостоятельныя будто части, какой мы видѣли въ „Тарасѣ Бульбѣ“, Гоголя. „Ода эта по плану своему, говоритъ авторъ, распадается по крайней мѣрѣ на четыре отдѣльныя сочиненія: тема одного—водопадъ, другаго—Румянцевъ, третьяго—Потемкинъ, четвертаго—мораль, попеременно исходящая то отъ Румянцева, то отъ самого поэта. Главный мотивъ этой морали, какъ ни почтенна она, давно исчерпанъ, давно сдѣлался избитымъ, именно: всякое земное величіе непрочно, и вся его относительная цѣнность соотвѣтствуетъ нравственной высотѣ челоука, а не условіямъ положенія, занимаемаго имъ въ обществѣ“ (стр. 366—367). Сказать: „четыре отдѣльныя сочиненія“ значитъ утверждать, что каждое изъ нихъ попятно само по себѣ и не имѣетъ непосредственнаго отношенія одно къ другому: но такъ ли отнесется между собою указанная часть „Водопада“? „Двѣ аллегоріи, сочиненныя поэтомъ, читаемъ въ курсѣ, не могутъ быть причислены къ удачнымъ. Первая изъ нихъ (звѣри въ строфахъ 5, 6 и 7) безцѣльна, излишня, и неизвѣстно, къ кому она именно относится—къ Румянцеву, Потемкину или вообще къ лицамъ, виднымъ въ обществѣ. Вторая, то-есть уподобленіе императрицы Екатерины рѣкѣ Сунѣ, а замѣчательныхъ людей водопадамъ этой рѣки, легко можетъ подать поводъ къ мысли, отъ которой Державинъ, вѣроятно, былъ далекъ, именно: водопады, то-есть пороги на рѣкѣ, будучи эффектнымъ, въ сущности портятъ ее, затрудняя плаванье по ней, дѣлая ее негодною къ судоходству“ (стр. 367). Здѣсь, въ первой аллегоріи, критикъ ищетъ, чего нѣтъ, и не мудро, что не находить; по тутъ виноватъ не писатель, который объяснилъ аллегорическое значеніе трехъ животныхъ, олицетворяющихъ собою разнородныя свойства—безъ всякаго отношенія къ опредѣленнымъ лицамъ: злобу, переходящую отъ ужаса въ ярость, кротость, робкую въ опасности, и гордость, или честолюбіе, которое возрастаетъ отъ препятствій. Такимъ образомъ, первая аллегорія не „безцѣльна“ и не „излишня“, такъ какъ въ пей поэтъ художественно выразилъ разнообразное впечатлѣніе, производимое феноменомъ природы. Каждое описаніе, особенно художественное, обыкновенно сопровождается тѣмъ или другимъ впечатлѣніемъ, что Державинъ и передалъ въ образахъ животныхъ. Между тѣмъ, по предубѣжденному взгляду на разбираемое мѣсто оды, нашъ критикъ не включилъ даже этихъ прекрасныхъ строкъ въ рядъ „исполнѣ изящныхъ“, на что онѣ

имѣютъ большее право, чѣмъ строфы 9, 17 и 60—63 (стр. 366). Здѣсь каждое изъ выведенныхъ животныхъ выступаетъ предъ нами какъ бы живьемъ—со всѣми своими отличительными признаками и символическою характерной чертой. Вотъ, на выдержку, одно изъ нихъ каждому извѣстное:

Ретивый конь, осапку горду
Храва, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпятъ, ушми придетъ
И, подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится.

Замѣтка о другой аллегоріи, также объясненной самимъ поэтомъ,— пустая привязка, въ которой критикъ произвольно стаповится на утилитарную точку зрѣнія, когда слѣдовало бы держаться общаго съ писателемъ взгляда—художественнаго, то-есть въ водопадѣ видѣть только рѣдкое, могущественное и величественное явленіе природы, и съ этой одной стороны усвоить аллегорію.

Вслѣдъ за перечисленіемъ недостатковъ ложно-классической оды,— ея неестественности, длинноты и пр., — г. Классовскій говоритъ: „Спрашивается: какъ это случилось, что мы, проходя нашъ скромный курсъ словесности, себѣ и другимъ завѣдомо не будучи ни записными критиками, ни призванными открывать какія нибудь невѣдомыя для другихъ истины (?), отчетливо видимъ и смѣло указываемъ недостатки въ сочиненіи, еще не очень давно всѣми признанномъ за безусловно изящное, за совершенство въ своемъ родѣ? Очень просто: дверь подалась съ перваго раза потому, что она была не заперта, ее открыли не наше искусство, не наши усилія, а сила совершившагося факта—измѣнившійся вкусъ въ публикѣ (кур. подл.): одинъ вкусъ существуетъ теперь, другой существовалъ прежде, во времена Державина... Такимъ образомъ и наши пышныя понятія, напимѣръ литературныя, черезъ какіе нибудь 84 года (срокъ появленія „Водопада“) могутъ оказаться страшными, ложными въ глазахъ нашихъ потомковъ судей. Одно вѣрно—такъ было до сихъ поръ... Долговѣчность даннаго настоящаго можетъ быть различна; но оно не приходилось бы никому „современнымъ“, еслибы по природѣ своей не было временнымъ, то-есть всячески жертвою въ пользу ближайшаго своего будущаго. Но развѣ есть что нибудь лучше естественности, составляющей отличительную черту и гордость литературы второй половины XIX вѣка? Что найдеть сказать про-

тивъ естественности критика будущихъ поколѣній? Какъ знать! Можетъ быть, она и поставитъ въ вину литературѣ нашего времени именно это самое ея стремленіе къ естественности, къ спеціальности естествовѣдѣнія, заслоняющей „идеальность“ поэзіи, вѣрно понятую и на своемъ мѣстѣ вполне „естественную“. Мало ли что придетъ въ голову тѣмъ, кого еще нѣтъ на свѣтѣ“ (стр. 368 — 369)! Все это мѣсто—новый образецъ безотчетнаго словоговоренія,—совсѣмъ неприлично въ учебномъ курсѣ.

Изъ другихъ видовъ лирики только поименовываются извѣстные образцы сатиры и элегіи. Впрочемъ, будто для разъясненія живучести элегіи, авторъ распространяется на цѣлой почти страницѣ о счастьи—съ наивной оговоркой въ концѣ: „Можетъ быть, разсужденія объ этомъ по серьезности своей неумѣстны, преждевременны для возраста, въ которомъ проходятся элементарныя науки? Нѣтъ: упражняться въ серьезности, если она не папускала, никогда не рано“ (стр. 375). Конечно, „упражняться въ серьезности“ даже очень полезно, только надо, чтобъ это было кстати; характерною чертою романческаго элемента въ элегіи Жуковскаго является не „безцѣльность грусти, оплакивающей потери того, чѣмъ не обладаетъ ни самъ поэтъ, ни другіе, тоскующей по недостижимомъ, тревоги отъ мысли о несчастіи, прежде чѣмъ оно настало“ (стр. 376), — а тоска недовольства земною жизнію съ представленіемъ лучшаго въ жизни загробной. Возьмемъ элегію Жуковскаго „Пѣвецъ“. Что же видимъ? Здѣсь „бѣдный пѣвецъ“.

Една разцвѣль—и жизнь ужъ разлюбить,
и потому

Заснулъ желаннымъ спомъ могилы...

Самъ пѣвецъ такъ объясняетъ это состояніе:

«Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
Блаженство знать, къ нему летѣть душой,
Но пропастъ зрѣть межъ пимъ и межъ собой,
Желать всякъ часъ и трепетать желанья...
О пристань горестныхъ сердець,
Могила, вѣрный другъ къ покою,
Когда же будетъ взять тобою
Бѣдный пѣвецъ?»

Элегія: „О милый другъ! теперь съ тобою радость“ такъ варьируетъ ту же тоску:

О милый другъ, пусть прахъ холодный
То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила.

Есть лучший міръ; *тамъ* мы любить свободны;
Туда моя душа ужъ все перенесла;
Туда всечастное влечетъ меня желанье;
Тамъ свидимся опять; *тамъ* наше воздашье...

Перечитайте „Путешественника“, „Теона и Эскина“ и др., — вездѣ встрѣтитесь съ варьяціей того же романтическаго элемента въ элегіи Жуковскаго. Замѣтка о романтизмѣ, что онъ „безвозвратно отошелъ уже въ исторію“ стоитъ въ противорѣчій съ дальнѣйшимъ объясненіемъ автора, что „въ человѣческой природѣ, которая не удовлетворяется ни реализмомъ, ни исключительно реалистическою поэзіею... всегда былъ, есть и будетъ сочувственный откликъ на таинственность, на идеализмъ, только съ виду безцѣльный, на неопредѣленность стремленій, словомъ, на тѣ характеристическія черты, которыя были господствующими въ романтизмѣ“ (стр. 377—378). Если, такимъ образомъ, романтическое настроеніе представляется бытовымъ явленіемъ, то нельзя уже безъ оговорокъ сказать о романтизмѣ, что онъ „отошелъ безвозвратно въ исторію“. Достоинствомъ исторіи становится не сущность этого психическаго настроенія, а только его разнообразныя временныя формы, какъ напримѣръ средне-вѣковой романтизмъ и пр.

Разсмотрѣніе видовъ эпической поэзіи начинается также чтеніемъ, между прочимъ „Рудина“ и „Гамлета Щигровскаго уѣзда“ (стр. 381—382): но какъ отчасти совершается процессъ чтенія (вѣроятно, въ классѣ, а, можетъ быть, и дома), объ этомъ ничего не сказано въ курсѣ. Впрочемъ, весь очеркъ составленъ сравнительно лучше предыдущаго. По поводу „Рудина“ авторъ опять возвращается къ вопросу объ отношеніи между характеромъ и типомъ. Здѣсь на помощь берется даже классификаціи типовъ „знаменитаго мыслителя“ Канта. Классификація эта, представляющая попытку уловить неуловимое (въ чемъ дальше отчасти сознается и авторъ на стр. 387), мало уясняетъ предметъ ученикамъ (особенно V класса), а главное, и въ самомъ составителѣ курса обнаруживаетъ страпный взглядъ на типъ, какъ на нѣчто реальное. Выходитъ все таки, что Чичиковъ, Собакевичъ, Поздревъ — не типы, а характеры. Вся разповидность эпоса приурочена къ двумъ главнымъ видамъ: сказкѣ (съ басней, балладою и легендой), имѣющей частное значеніе, и поэмѣ (отъ былинны до романа включительно) съ преобладающимъ интересомъ общественнымъ. Конечно, въ этомъ приуроченіи есть доля и натяжки, потому что, напримѣръ, сказка са-

тирическая (которая почему-то пропущена въ курсѣ), а также и нѣкоторыя басни имѣютъ общественное значеніе; по въ этихъ какъ бы исключеніяхъ можно усматривать связующій элементъ между главными видами эпоса, а потому и натяжка извинительна.

Примѣромъ эпоса, сюжетомъ коего служатъ животныя, берется сказка: „Зимовье звѣрей“ съ такимъ объясненіемъ: „Тема — похождения быка, барана, свиньи, гуся и пѣтуха, пристраивающихъ себя на зиму, чтобы не пострадать отъ стужи, и отпоръ, который они дали лисѣ, полку и медвѣдю. Главная мысль совпадаетъ съ темой. Содержаніе — разказъ о животныхъ, безъ всякой задней мысли, аллегорической или правоучительной (какъ это бываетъ въ позднѣйшей баснѣ), о животныхъ, простодушно принятыхъ за существа челоѣкоподобныя“ (стр. 390). Если уже держаться различенія темы отъ главной мысли, то послѣдовательно было указать тему въ самомъ заголовкѣ (какъ выше замѣчено о баснѣ), а то, что выражено темой, назвать главной мыслию; по крайней мѣрѣ, читатель не смущался бы подобнымъ совпаденіемъ того, что, по теоріи г. Классовскаго, должно стоять отдѣльно. Въ предыдущей сказкѣ (Строева дочь) главная мысль составлена тѣмъ же способомъ, какъ здѣсь тема: „преслѣдуемая падчерица, благодаря чудесному покровительству, переноситъ тяжелыя испытанія, чтобы наконецъ жить счастливо, въ награду за свою доброту и терпѣніе“ (стр. 389)“. Почему же тамъ не случилось совпаденія? Нельзя также согласиться съ тѣмъ, что „разказъ о животныхъ“ въ сказкѣ ведется „безъ всякой задней мысли“. Гдѣ связанный разказъ, тамъ должна быть и мысль, — а если это сказка, непременно и „задняя“ мысль, то есть какая-нибудь мораль. Такъ и въ „Зимовкѣ звѣрей“ животныя дѣлятся на двѣ группы: притѣсняемыхъ (быкъ, баранъ и пр.) и притѣснителей (лиса, волкъ и медвѣдь); въ первыхъ, кромѣ быка, замѣтна легкомысленная самонадѣянность при представленіи опасности, управляемая лѣнью въ послѣднихъ съ хищностію соединяется глупая разъединенность интересовъ (или отсутствіе солидарности), вслѣдствіе которой они и погибаютъ. Тутъ вмѣстѣ дается знать, что и слабѣйшія существа, при благопріятныхъ обстоятельствахъ (какъ здѣсь, защищенныя хатой), и, главное, при дружномъ отпорѣ могутъ побѣждать сильнѣйшаго одиночнаго врага. Очевидно, что такая, по видимому, паянная вещь, какъ это „Зимовье звѣрей“, разказывается не „безъ задней мысли“. Извѣстно, что къ этимъ связ-

камъ, очеловѣчивающимъ животныхъ, примѣшивается сатира, и потому онѣ служатъ переходною ступенью къ баснѣ.

Для послѣдней разновидности сказки „въ отличіе“ будто отъ разсмотрѣнныхъ сказокъ, придуманы въ курсѣ цѣлыхъ три названія: анекдотическая сказка, фантастическій анекдотъ или сказка въ тѣсномъ смыслѣ (стр. 393). Если три клички для одного предмета, то уже что-нибудь не ладно. Дѣйствительно, развѣ каждая, напримѣръ „миоическая“ сказка не есть вмѣстѣ и „анекдотическая“ въ смыслѣ устной ея передачи? То же и съ другими названіями, которыя имѣютъ прямо обобщающее, а не обособляющее значеніе, какое требуется въ данномъ случаѣ. Въ хрестоматіяхъ правильнѣе эта разновидность эпоса носить названіе „искусственной сказки“, какъ „сочиненной“ извѣстнымъ лицомъ, въ отличіе отъ сказки „народной“, и не было резона обходить это названіе. Зачѣмъ безъ умысла дѣлать три версты крюкомъ вмѣсто одной прямо? Это же хожденіе крюкомъ приводитъ автора къ случайному вопросу: „сказка или пѣтъ—стихотвореніе Лермонтова „про царя Ивана Васильевича“? Это не сказка, а „стихотворная повѣсть“, — не шутя отвѣчаетъ г. Классовскій, — съ оговоркой далѣе: „назовите упомянутое стихотвореніе Лермонтова, какъ хотите, сказкою или не сказкою, все-таки оно останется совершенствомъ въ своемъ родѣ“ (стр. 394). Положимъ, послѣднее правда, хотъ ученикамъ и не видно, въ какомъ это „своемъ родѣ“; но зачѣмъ же придумывать названіе сочиненію, когда оно уже названо самимъ поэтомъ не сказкой, а пѣснью, о чемъ умалчиваетъ почему-то нашъ теоретикъ? Лермонтовъ здѣсь „поддѣлывается подъ манеру“ не „сказочника“ собственно, а пѣвца былинъ, и о „пѣсни“ его приличнѣе было упомянуть подъ былинами.

Что касается былинъ, то курсъ не упоминаетъ, ить чемъ собственно долженъ состоять разборъ ихъ (какъ и всѣхъ произведеній народной поэзіи), представляющихъ въ себѣ совокупность чертъ миоическихъ, историческихъ, бытовыхъ и, мѣстами, сатирическихъ. Самое опредѣленіе былинъ сдѣлано такъ мудро, что требуетъ подробнаго комментарія. „Былина есть исторія въ глазахъ того, кто еще не нуждается въ правдивой, критически разработанной исторіи, и не умѣя бы оцѣнить чистой исторической истины (курс. подл.), то-есть былина замѣняетъ нашу научную исторію народамъ, или некультурнымъ, или такимъ, которымъ еще предстоитъ dorости до періода умственной зрѣлости (ср. выше

стр. 353), или наконецъ, тѣмъ слоямъ общества, которые временно остались на нѣсколько столѣтій моложе окружающихъ ихъ другихъ сословій“ (стр. 399). Ближе къ правдѣ и проще было бы сказать, что былина есть народная пѣснь о быломъ, въ которой дѣйствительность важнѣйшихъ въ судьбѣ народа фактовъ перемѣшана съ вымысломъ и т. п.

Мы опускаемъ замѣтки о разновидностяхъ поэмы, которыя сопровождаются только сухой номенклатурой извѣстнѣйшихъ по хрестоматіямъ образцовъ; остановимся нѣсколько на объясненіяхъ г. Классонскаго объ отличіи романа отъ поэмы. Это отличіе, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что въ романѣ „мышленіе наблюдающее преобладаетъ надъ мышленіемъ фантазирующимъ (курсъ подл.), другими словами—элементъ прозаическій беретъ верхъ надъ элементомъ поэзіи“ (стр. 421). Предупреждая въ читателяхъ возможность вывода, что романъ не принадлежитъ къ области поэзіи, авторъ, въ особомъ примѣчаніи, такъ оговаривается: „Нѣтъ: это значило бы пойти уже слишкомъ далеко. Дѣло въ томъ, что романистъ, какъ бы щедро не вводилъ онъ въ свои произведенія реализмъ, неизмѣнно долженъ обладать, наравнѣ съ поэтами, сильною фантазією, такъ какъ безъ нея онъ не въ состояніи мысленно переселяться въ положеніе и характеры изображаемыхъ имъ лицъ“ (стр. 423). Прежде всего, г. Классовскій противорѣчитъ здѣсь своему опредѣленію поэтическихъ сочиненій, созданныхъ фантазією (стр. 267). Далѣе, мы уже видѣли выше, что нельзя, строго говоря, допускать мышленія фантазирующаго безъ наблюдений, — что самая смѣлая произведенія фантазіи, даже въ пору наивнаго творчества, какъ мѣны, облекаются неизмѣнно въ тѣ или другіе образы, которые даются наблюденіемъ. Стало быть, нужно искать другой основы для различія между романомъ и поэмой, ибо и здѣсь и тамъ мы встречаемъ наблюдательность съ фантазіей.

Очеркъ драматической поэзіи только въ первомъ параграфѣ обозначаетъ нѣсколько теоретическихъ чертъ драмы, а затѣмъ до конца имѣетъ уже характеръ историческій. Въ немъ довольно подробно изложено происхожденіе античной драмы (съ пересказомъ содержанія „Трахинянокъ“, Софокла), потомъ образованіе трагедій и комедій ложно-классическихъ (съ отрывкомъ изъ „Димитрія Донскаго“, Озерова, и указаніемъ на группировку лицъ въ „Недоросль“, Фонъ-Визина). Изъ повѣйшей русской драмы только упомянуто нѣсколько произведеній а изъ иностранной — произнесено въ одномъ мѣстѣ

имя Шекспира (стр. 449), — такъ-что историческій очеркъ оказывается поверхностнымъ. Заключается онъ обычными въ руководствахъ замѣтками о мелодрамѣ, водевилѣ, оперѣ и балетѣ.

Въ теоретической части очерка г. Классовскій спотыкается на своемъ любимомъ конькѣ— темахъ, замѣняющихъ у него всевозможные разборы. Возьмемъ два мѣста:

„Тема въ „Горѣ отъ ума“—многіе сильнѣе одного, не смотря на его умственное или нравственное превосходство надъ ними; главная мысль, или идея сочиненія — дѣло здѣсь одного (Чацкаго) противъ многихъ пострадало, сверхъ означенной общей причины, въ частности отъ такихъ-то поступковъ Чацкаго и отъ такихъ-то случайностей, отъ него независѣвшихъ (черезъ это главная мысль тѣсно сливается съ цѣлымъ содержаніемъ пьесы)“.

„Тема въ „Ревизорѣ“—наказаніе мелкимъ хитрецамъ за ихъ недоразумѣніе, заставившее ихъ видѣть крупную хитрость тамъ, гдѣ ея вовсе не было; главная мысль — чиновники захолустнаго городка, по примѣру большинства провинціаловъ, напередъ рѣшили, что Петербургскій чиновникъ по крайней мѣрѣ долженъ быть хитрѣе ихъ настолько, насколько столица во всѣхъ отношеніяхъ выше провинціи. Это напередъ обезпечило успѣхъ Хлестакову: чѣмъ открытѣе и опрометчивѣе, чѣмъ неправдоподобнѣе ведетъ себя этотъ пустѣйшій человекъ, тѣмъ болѣе онъ, повидимому, оправдываетъ своими поступками предвзятую мысль городничаго и его товарищей о „столичной товкой штукѣ“ и т. д. (стр. 431—432).

Грибоѣдовъ и Гоголь не признали бы здѣсь, конечно, своихъ темъ.

Въ заключеніи не можемъ не остановиться на вопросѣ объ общихъ требованіяхъ отъ учебника по теоріи словесности.

Рядомъ съ хрестоматіей, безъ которой немислимо преподаваніе словесности, учебникъ долженъ имѣть лишь второстепенное или вспомогательное значеніе, какъ справочная книга. Этимъ опредѣляется его содержаніе и самый объемъ. Въ содержаніе учебника входитъ: 1) все то, что обращается непосредственно къ памяти учениковъ, чего учитель подробно можетъ и не касаться при назначеніи уроковъ (напримѣръ вся стилистика), а только при ихъ повѣркѣ; 2) все то, что должно облегчать ученикамъ запоминаніе устныхъ объясненій преподавателя, какъ научная основа ихъ. Сюда относятся опредѣленіе всѣхъ терминовъ теоріи словесности въ систематическомъ порядкѣ,—тезисы построенія разныхъ сочиненій, напримѣръ описаній, повѣствованій, разсужденій и наконецъ, приемы разборовъ, то-есть чего

искать, или на что обращать вниманіе въ литературныхъ памятникахъ. Въ изложеніи этого содержанія (конечно, догматическомъ) не допускается ничего личнаго—никакихъ мнѣній, догадокъ или предположеній составителя, а только матеріалъ, строго провѣренный критикой, или результаты окончательно добытаго научнымъ изслѣдованіемъ. Тѣмъ самымъ опредѣляется и объемъ учебника: онъ долженъ быть кратокъ, до такой степени, что можетъ и не составлять отдѣльной книжки, а войти въ хрестоматію, гдѣ предъ каждымъ родомъ и видомъ статей могутъ быть выставлены указанныя теоретическія замѣтки. Нужно имѣть въ виду, что учебникъ составляется для учащагося юношества, которое находится подъ руководствомъ преподавателей,—слѣдовательно въ немъ нѣтъ мѣста никакимъ подробностямъ, предоставляемымъ живой классной бесѣдѣ.

Читатели видятъ, что подъ этотъ взглядъ на учебникъ не подходятъ объ рассмотрѣнныя нами книги.

А. Шадровъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ СЪ 1871 ПО 1877 ГОДЪ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО ¹⁾.

Въ предшествующемъ изложеніи мы представили общій статистическій очеркъ вопроса о замѣщеніи преподавательскихъ мѣстъ; теперь предлагаемъ, на случай справокъ административныхъ, болѣе обстоятельныя и подробныя данныя относительно этого предмета по каждому учебному округу отдѣльно.

С.-Петербургскій учебный округъ.

Требуемыя свѣдѣнія по С.-Петербургскому учебному округу доставлены:

изъ 15 гимназій,
„ 8 прогимназій,
„ 7 реальныхъ училищъ,
„ 1 учительскаго института,
„ 4 учительскихъ семинарій.

Всего изъ 35 учебныхъ заведеній,

Не доставлены свѣдѣнія изъ:

Велико-луцкаго реального училища и

Гатчинской учительской семинаріи.

---

¹⁾ Окончаніе. См. майскую книжку *Ж. М. Н. Пр.*, за 1879 годъ.

Изъ числа означенныхъ выше 35 учебныхъ заведеній, вновь открыто было:

въ 1872 году	1 учительскій институтъ,
„ 1873 „	1 прогимназія, 5 реальныхъ училищъ,
„ 1874 „	2 прогимназіи, 1 учительская семинарія,
„ 1875 „	1 прогимназія, 1 реальное училище, 1 учительская семинарія,
„ 1876 „	1 реальное училище, 2 учительскія семинаріи,
„ 1877 „	1 прогимназія.

Всего . 17 учебныхъ заведеній.

Такимъ образомъ, изъ числа существующихъ въ округѣ среднихъ учебныхъ заведеній, почти половина или 46% учреждены и открыты въ послѣднее семилѣтіе.

Вакантныхъ преподавательскихъ должностей имѣлось:

	Всего.	Замѣнено по- революціи или временно.	Вновь посту- пившими на службу.
Въ гимназіяхъ	191	74	117
„ прогимназіяхъ	55	10	45
„ реальныхъ училищахъ	40	8	32
„ учительскихъ семинаріяхъ	7	—	7
Всего	293	92	201

А именно:

въ 1871 году	48	20	28
„ 1872 „	37	14	23
„ 1873 „	36	15	21
„ 1874 „	33	9	24
„ 1875 „	53	10	43
„ 1876 „	37	9	28
„ 1877 „	49	15	34
Всего	293	92	201

По предметамъ преподаванія вакантныя мѣста распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Всего.	Замѣщено пе- реводами или временно.	Вновь посту- пившими на службу.
По русскому языку и словесности	37	13	24
Древнимъ языкамъ	98	27	71
Математикѣ и физикѣ	57	16	41
Естественной исторіи и химіи	7	—	7
Исторіи и географіи	30	16	14
Нѣмецкому языку	19	8	11
Французскому языку	20	9	11
Механикѣ	4	—	4
Письмоводству, счетоводству и книго- водству	3	—	3
Черченію, рисованію и чистописанію	18	3	15
Всего.	293	92	201

Изъ приложенныхъ трехъ таблицъ видно, что общее число вакантныхъ мѣстъ достигало въ теченіе семи лѣтъ до 293, что составляетъ по 42 ежегодно на 35 учебныхъ заведеній, по 1 или 2 на каждое въ годъ. Если же исключить 92 вакантныхъ мѣста, замѣщенные лицами, уже состоящими на службѣ, или занятія по которымъ поручены другимъ преподавателямъ того же учебнаго заведенія или лицамъ, приглашеннымъ по найму, то остальныхъ вакантныхъ мѣстъ, къ которымъ опредѣлены были лица, вновь поступившія на учебную службу, было всего 201, по 29 ежегодно, мѣтѣ 1 вакантнаго мѣста на каждое учебное заведеніе въ годъ.

Вакантныхъ мѣстъ собственно по древнимъ языкамъ открылось въ С.-Петербургскомъ округѣ, въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ:

	Всего.	Замѣщены переводами или временно.	Вновь посту- пившими на службу.
Въ гимназій	78	25	53
„ прогимназій	20	2	18
Въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ:			
въ 1871 году	15	3	12
„ 1872 „	19	6	13
			1*

въ 1873 году, ...	16	7	9
„ 1874 „	10	2	8
„ 1875 „	10	2	8
„ 1876 „	14	3	11
„ 1877 „	14	4	10
Всего	98	27	71

Изъ числа вновь опредѣленныхъ на службу преподавателей, на означенныя вакантныя мѣста поступили окончившіе курсъ:

Университетовъ:

	Въ гим- назій.	Прогимназій.	Всего.
С.-Петербургскаго.	12	9	21
Дерптскаго	3	1	4
Духовной академіи	2	—	2
Историко-филологическаго института	19	4	23
Лейпцигской филологической семинаріи	5	—	5
Бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	11	4	15
Среднихъ учебныхъ заведеній.	1	—	1
Всего	53	18	71

Распредѣленіе ихъ по годамъ изображено въ слѣдующей таблицѣ. Опредѣлены окончившіе курсъ:

	Универси- тетъ.	Духовн. ака- деміи.	Истор. филол. инстит.	Лейпц. семи- наріи.	Выш. сти- пендіатовъ.	Средн. учебн. завед.
въ 1871 году.	5	1	4	—	2	—
„ 1872 „	2	—	5	—	6	—
„ 1873 „	3	1	3	—	2	—
„ 1874 „	4	—	3	—	1	—
„ 1875 „	2	—	4	—	2	—
„ 1876 „	7	—	1	2	—	1
„ 1877 „	2	—	3	3	2	—
Всего.	25	2	23	5	15	1

Изъ показанныхъ здѣсь преподавателей, получившіе образованіе въ университетахъ всѣ, безъ исключенія, проходили курсъ историко-филологическаго факультета.

По русскому языку и словесности вакантныхъ мѣстъ числилось съ 1871 по 1877 годъ:

	Всего.	Замѣщены переводомъ или временно.	Вновь опредѣленными на службу.
Въ гимназіяхъ	23	10	13
„ прогимназіяхъ	9	2	7
„ реальныхъ училищахъ	4	1	3
„ учительскихъ семинаріяхъ.	1	—	1
Всего.	37	13	24

А именно:

въ 1871 году	8	2	6
„ 1872 „	3	2	1
„ 1873 „	5	2	3
„ 1874 „	7	1	6
„ 1875 „	7	1	6
„ 1876 „	2	2	—
„ 1877 „	5	3	2
Всего .	37	13	24

Кромѣ лицъ, перемѣщенныхъ изъ другихъ учебныхъ заведеній или приглашенныхъ по найму, на означенныя должности опредѣлены окончившіе курсъ:

Въ университетахъ:

	Въ гимназіи.	Прогимназіи.	Реальн. учи- лища.	Учит. семи- наріи.	Всего.
С.-Петербургскомъ	7	5	2	1	15
Кіевскомъ	1	—	—	—	1
Историко-филологическомъ институтѣ	4	1	1	—	6
Среднихъ учебныхъ заведеній	1	1	—	—	2
Всего .	13	7	3	1	24

Означенныя лица распредѣлялись по годамъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Окончившіе курсъ:

	Универси- тета.	Истор. филол. института.	Среди. учебн. заведеній.
въ 1871 году	4	—	2
„ 1872 „	—	1	—
„ 1873 „	2	1	—
„ 1874 „	4	2	—
„ 1875 „	4	2	—
„ 1877 „	2	—	—
Всего	16	6	2

Всѣ преподаватели русскаго языка и словесности, получившіе образованіе въ университетахъ, окончили курсъ историко-филологическаго факультета.

По математикѣ и физикѣ вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего.	Замѣщены переводомъ или временно.	Вновь посту- пившіи на службу.
Въ гимназіяхъ	31	10	21
„ прогимназіяхъ	11	3	8
„ реальныхъ училищахъ	12	3	9
„ учительскихъ семинаріяхъ	3	—	3
Всего	57	16	41

А именно:

въ 1871 году	7	4	3
„ 1872 „	8	2	6
„ 1873 „	2	—	2
„ 1874 „	8	4	4
„ 1875 „	12	—	12
„ 1876 „	9	2	7
„ 1877 „	11	4	7
Всего	57	16	41

На вакантныя мѣста опредѣлены вновь поступившіе на службу:

Окончившіе курсъ университетовъ:

	Въ гимназіахъ.	Прогимназіахъ.	Реальн. учи- лища.	Учит. семи- наріахъ.	Всего.
С.-Петербургскаго	12	6	9	2	29
Московскаго	5	2	—	—	7

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 101

Окончившіе курсъ университетовъ:	Въ гимназіахъ.	Прогимназіахъ.	Реальн. учп-лица.	Учпт. семп-наріахъ.	Всего.
Харьковскаго	2	—	—	—	2
Бывшаго Главнаго педагогическаго инсти-тута	1	—	—	—	1
Высшихъ специальныхъ учебныхъ заведе-ній русскихъ	—	—	—	1	1
Среднихъ учебныхъ заведений	1	—	—	—	1
Всего	21	8	9	3	41

Распределенія по годамъ не помѣщаемъ: оно было довольно равномѣрное, по 1, по 2 и по 3 человека на каждый годъ, исключая 1875-й, въ который опредѣлено было учителей математики 12.

Всѣ преподаватели математики и физики, окончившіе университетскій курсъ, проходили физико-математическій факультетъ.

По естественной исторіи и химіи было 7 вакантныхъ мѣстъ, 1 въ гимназіи замѣщено лицомъ, переведеннымъ изъ другаго учебнаго заведенія, а на остальные (4 въ реальныхъ училищахъ, 2 въ учительской семинаріи) опредѣлены лица, не служившія, окончившія курсъ физико-математическаго факультета С.-Петербургскаго университета.

Вакантныхъ мѣстъ по исторіи и географіи насчитывалось:

	Всего.	Замѣщены переводомъ и временно.	Вновь опредѣленными на службу.
Въ гимназіахъ	20	13	7
„ прогимназіахъ	5	1	4
„ реальныхъ училищахъ	5	2	3
Всего	30	16	14

И приходилось по 1, по 2 или по 3 въ годъ, кромѣ 1875 года, въ которыхъ съ-разу открылось 10 вакансій.

Изъ 14 учителей исторіи и географіи, вновь опредѣленныхъ на службу, окончили курсъ С.-Петербургскаго университета:

по историко-филологическому факультету	11
„ юридическому	1
„ физико-математическому	1
„ историко-филологическаго института	1

Нѣмецкаго языка было 19 преподавательскихъ вакантныхъ мѣстъ:

въ гимназіяхъ	14
„ прогимназіяхъ	1
„ реальныхъ училищахъ	4

Замѣщены переводомъ или временно 8

окончившими курсъ:

С.-Петербургскаго университета (по физико-математическому факультету)	1
иностраннаго университета (по богословскому факультету)	1
иностраннаго высшаго спеціального учебнаго заведенія	1
среднихъ учебныхъ заведеній	8

По французскому языку было 20 вакантныхъ мѣстъ:

въ гимназіяхъ	16
„ прогимназіяхъ	3
„ реальныхъ училищахъ	1

Замѣщены переводомъ или временно 9

окончившими курсъ:

въ иностранныхъ университетахъ	2
„ С.-Петербургскомъ университетѣ (историко-филологическаго факультета)	1
„ высшихъ спеціальныхъ училищахъ:	
иностранныхъ	6
русскихъ	1
„ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	1

По механикѣ имѣлось 4 вакантныя мѣста, открывшіяся въ реальныхъ училищахъ въ 1875 и 1877 годахъ, и замѣщенные бывшими студентами физико-математическаго факультета университетовъ:

Московскаго	2
С.-Петербургскаго	1
высшаго спеціального училища	1

По бухгалтеріи и письмоводству имѣлось 3 вакантныя мѣста въ реальныхъ училищахъ, и замѣщены лицами, получившими образованіе на юридическомъ факультетѣ университетовъ:

Кіевскаго	2
С.-Петербургскаго	1

Учителей черченія, рисованія и чистописанія имѣлось 18 вакантныхъ мѣстъ:

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 103

въ гимназіяхъ	8
„ прогимназіяхъ	6
„ реальныхъ училищахъ.	3
„ учительскихъ семинаріяхъ.	1

А именно:

въ 1871 году	3
„ 1872 „	2
„ 1873 „	2
„ 1874 „	3
„ 1875 „	4
„ 1876 „	1
„ 1877 „	3

Эти вакантныя мѣста были замѣщены:

переводомъ изъ другаго учебнаго заведенія или по найму.	3
окончившими курсъ въ высшихъ спеціальныхъ заведеніяхъ:	
иностранныхъ	2
русскихъ	12
въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	1

Такимъ образомъ, 201 преподавательское вакантное мѣсто, открывшееся въ теченіе семилѣтняго періода времени, въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ по различнымъ предметамъ курса, было замѣщено:

Окончившими курсъ университетовъ:	Въ гимназіяхъ.	Прогимназіяхъ.	Реальн. училищахъ.	Учт. семинаріяхъ.	Всего.
С.-Петербургскаго	38	24	21	5	88
Московскаго	5	3	1	—	9
Кіевскаго	1	—	2	—	3
Харьковскаго.	2	—	—	—	2
Дерптскаго	3	1	—	—	4
иностранныхъ	3	—	—	—	3
историко - филологическаго института.	24	5	2	—	31
главнаго педагогическаго	1	—	—	—	1
духовныхъ академій.	2	—	—	—	2
Лейпцигской семинаріи	5	—	—	—	5

Окончившими курсъ уни- верситетовъ:	Въ гимназі- яхъ.	Прогимназі- яхъ.	Реальн. учи- лищахъ.	Учител. се- минаріяхъ.	Всего.
бывшими славянскими сти- пендіатами	11	4	—	—	15
высшихъ спеціальныхъ учеб- ныхъ заведеній:					
иностранныхъ	7	—	2	—	9
русскихъ	5	7	2	1	15
среднихъ учебныхъ заведеній	10	1	2	1	14
Всего.	117	45	32	7	201

Изъ этой таблицы видно, что среднимъ учебнымъ заведеніямъ С.-Петербургскаго округа, за семилѣтній періодъ времени, университеты доставили 109 преподавателей по всѣмъ предметамъ или немного болѣе половины общаго числа преподавателей, вновь опредѣленныхъ въ этомъ учебномъ округѣ, точнѣе 54,2%. Если воспитанниковъ духовныхъ академій причислимъ къ богословскому факультету университета, а учениковъ Историко-филологическаго института, Лейпцигской семинаріи и бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ къ историко-филологическому факультету, то получимъ слѣдующую таблицу, показывающую, какое образованіе получили вновь опредѣленные преподаватели по ихъ спеціальностямъ:

Окончившихъ курсъ на фа- культетахъ:	Въ гимназі- яхъ.	Прогимназі- яхъ.	Реальн. учи- лищахъ.	Учител. се- минаріяхъ.	Всего.
Богословскомъ	3	—	—	—	3
Историко-филологическомъ .	71	28	6	1	106
Физико-математическомъ . .	20	9	17	4	50
Юридическомъ	1	—	3	—	4
Спеціально-техническомъ .	12	7	4	1	24
Въ среднихъ учебныхъ за- веденіяхъ	10	1	2	1	14
Всего	117	45	32	7	201

Получившіе образованіе на историко-филологическомъ факультетѣ занимались преподаваніемъ:

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 105

русскаго языка . . .	22
древнихъ языковъ . . .	69
исторіи и географіи . . .	12
французскаго языка . . .	3
Окончившіе курсъ физико-математическаго:	
математики и физики	39
естественной исторіи и химіи	6
географіи	1
механики	8
нѣмецкаго языка	1
Факультетовъ спеціально-техническихъ:	
черченія и рисованія	14
французскаго языка	7
Математики 1, механики 1 и нѣмецкаго языка 1.	
Богословскаго: факультета:	
древнихъ языковъ	2
нѣмецкаго языка (изъ иностраннаго университета)	1
Юридическаго:	
исторіи и географіи	1
бухгалтеріи и письмоводства	3
Среднихъ учебныхъ заведеній:	
русскаго языка	2
древнихъ языковъ	1
математики	1
нѣмецкаго языка	8
французскаго языка	1
черченія и рисованія	1

Распредѣленіе преподавателей, вновь опредѣленныхъ, по годамъ и мѣсту воспитанія было слѣдующее:

Опредѣлены преподавателями окончившіе курсъ:	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	Всего.
въ русскихъ университетахъ	14	7	10	11	27	18	19	106
„ историко-филологическомъ институтѣ	4	6	4	6	7	1	3	31
„ бывшемъ Главномъ Педагогическомъ	—	—	—	1	—	—	—	1
„ духовныхъ академіяхъ	1	—	1	—	—	—	—	2

Опредѣлены преподава- телями.	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	Всего
въ Лейпцигской соминаріи.	—	—	—	—	—	2	3	5
„ бывшихъ славянскихъ сти- пендіатовъ	2	6	2	1	2	—	2	15
„ иностранныхъ университе- тахъ	1	—	—	1	—	—	1	3
„ высшихъ специальныхъ учи- лищахъ русскихъ	1	2	2	3	3	2	2	15
„ иностранныхъ	1	—	2	—	1	2	3	9
„ среднихъ учебныхъ заведе- ніяхъ	4	2	—	1	3	3	1	14
Всего	28	23	21	24	43	28	34	201

Московскій учебный округъ.

Изъ учебныхъ заведеній Московскаго учебнаго округа требуемыя свѣдѣнія доставили:

- 20 гимназій,
- 16 прогимназій,
- 15 реальныхъ училищъ,
- 1 учительскій институтъ,
- 7 учительскихъ семинарій.

Всего 59 учебныхъ заведеній.

Въ Московскомъ учебномъ округѣ въ періодъ времени съ 1871 по 1877 г. вновь учреждены и открыты:

- въ 1871 году 1 гимназія,
- 1 прогимназія,
- „ 1872 „ 1 учительскій институтъ,
- 2 учительскія семинарія,
- „ 1873 „ 1 прогимназія,
- 6 реальныхъ училищъ,
- 1 учительская семинарія,
- „ 1874 „ 9 прогимназій,
- 1 учительская семинарія,
- „ 1875 „ 1 прогимназія,
- 4 реальныхъ училища,
- 2 учительскія семинарія,

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 107

въ 1876 „	1 прогимназія,
	2 реальныя училища,
„ 1877 „	3 прогимназіи,
	3 реальныя училища.

Всего 39 учебныхъ заведеній изъ числа 59 существующихъ.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ означенныхъ 59 учебныхъ заведеній, въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, въ нихъ открылось всего 490 вакантныхъ мѣстъ учителей, въ томъ числѣ 157 были замѣщены переводомъ лицъ уже состоявшихъ на службѣ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, или приглашенными по найму, или поручены наличнымъ преподавателямъ того же заведенія; вновь опредѣлено на учебную службу 333, что составляетъ среднимъ числомъ по 48 учительскихъ вакансій, ежегодно открывающихся въ 59 училищахъ, мѣнѣ одной на каждое учебное заведеніе.

Вакантныхъ мѣстъ учителей открылось:

	Всего.	Замѣщено переводомъ или временно.	Вновь поступившими на службу.
Въ гимназіяхъ	327	128	199
„ прогимназіяхъ	88	15	73
„ реальныхъ училищахъ	49	5	44
„ учительскомъ институтѣ	3	1	2
„ учительскихъ семинаріяхъ	23	8	15
	490	157	333

А именно:

въ 1871 году	42	12	30
„ 1872 „	49	13	36
„ 1873 „	71	27	44
„ 1874 „	90	22	68
„ 1875 „	81	32	49
„ 1876 „	70	21	49
„ 1877 „	87	30	57
Всего	490	157	333

По слѣдующимъ предметамъ преподаванія:

Русскому языку	89	29	60
Древнимъ языкамъ	146	40	106
Математикѣ и физикѣ	68	22	46
Естественной исторіи и химіи	7	—	7
Исторіи и географіи	69	29	40
Нѣмецкому языку	37	13	24
Французскому языку	41	18	23
Механикѣ	2	—	2
Письмоводству и счетоводству	4	—	4
Землѣмѣрію и нивелировкѣ	2	—	2
Черченію и рисованію	25	6	19
	490	157	333

Вакантныхъ мѣстъ учителей древнихъ языковъ открылось въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ:

	Всего.	Замѣнены переводомъ или временно.	Вновь определенны на службу.
Въ 20 гимназіяхъ	130	35	95
„ 16 прогимназіяхъ	16	5	11
Въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ:			
въ 1871 году	14	2	12
„ 1872 „	17	2	15
„ 1873 „	20	8	12
„ 1874 „	30	5	25
„ 1875 „	25	8	17
„ 1876 „	19	6	13
„ 1877 „	21	9	12
	146	40	106

На означенныя вакансіи были опредѣлены, изъ числа вновь поступившихъ на учебную службу, окончившіе курсъ:

	Въ гимназіахъ.	Въ прогимназіахъ.	Всего.
Историко-филологическаго факультета университетовъ:			
Московского	38	4	42
С.-Петербургскаго	2	—	2

Историко-филологическаго факультета
университетовъ:

	Въ гимназій.	Въ прогим- назій.	В с е г о.
Казанскаго	3	—	3
Харьковскаго	1	—	1
Кіевскаго	1	—	1
Варшавскаго	4	—	4
Дерптскаго	—	1	1
Иностранныхъ	5	2	7
Историко-филологическаго института	5	—	5
Лейпцигской филологической семинаріи	9	2	11
Бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	25	2	27
Высшаго иностраннаго спеціального училища	1	—	1
Среднихъ учебныхъ заведеній	1	—	1
Всего	95	11	106

А именно:

	Изъ студен- товъ универ- ситета.	Историко- филологиче- скаго инсти- тута.	Лейпцигской семинаріи.	Славянскихъ стипендіа- товъ.	Высшихъ спеціальныхъ училищъ.	Среднихъ учебныхъ заведеній.
Въ 1871 году	7	1	—	4	—	—
" 1872 "	8	1	—	6	—	—
" 1873 "	9	2	—	1	—	—
" 1874 "	16	1	—	9	—	—
" 1875 "	12	—	—	5	—	—
" 1876 "	4	—	4	2	1	1
" 1877 "	5	—	7	—	—	—
Всего	61	5	11	27	1	1

Опредѣляемые въ гимназій и прогимназій для преподаванія древнихъ языковъ проходили, конечно, полный университетскій курсъ историко-филологическихъ факультетовъ, за исключеніемъ одного, окончившаго курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но имперскаго спеціальный экзаменъ учителя гимназій, и другаго, о которомъ точно не объяснено, въ какомъ высшемъ иностранномъ училищѣ онъ окончилъ курсъ.

Вакантныхъ мѣстъ учителей русскаго языка и словесности въ то же время числилось:

	Всего.	Замѣщены пе- реводомъ или временно.	Вновь посту- павшіи на службу.
Въ гимназіяхъ	57	22	35
„ прогимназіяхъ	17	1	16
„ реальныхъ училищахъ	9	2	7
„ учительскомъ институтѣ	1	1	—
„ учительскихъ семинаріяхъ	5	3	2
Всего	89	29	60

А именно:

въ 1871 году	11	4	7
„ 1872 „	10	2	8
„ 1873 „	15	5	10
„ 1874 „	18	5	13
„ 1875 „	12	3	9
„ 1876 „	13	6	7
„ 1877 „	10	4	6
Всего	89	29	60

На означенныя вакантныя мѣста опредѣлены, изъ лицъ вновь поступившихъ на службу:

Окончившіе курсъ въ университетахъ:

	Въ гимназіи.	Въ прогим- назіи.	Въ реальныхъ училищахъ.	Въ учитель- скихъ семина- ріяхъ.	Всего.
Московскомъ	24	9	6	1	40
С.-Петербургскомъ	2	2	—	—	4
Казанскомъ	1	—	—	—	1
Историко-филологическаго института	3	1	—	—	4
Бывшаго Главнаго педагогическаго	1	—	—	—	1
Духовной Академіи	1	—	—	—	1
Высшаго спеціального училища русскаго	1	1	—	—	2
Среднихъ учебныхъ заведеній	2	3	1	1	7
Всего	35	16	7	2	60

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ, 111

А именно:

	Студентовъ университета	Истор.-фило- лог. инст.	Главнаго пе- дагогическаго.	Духовной Академіи.	Высш. спец. училищъ.	Оконч. курсъ средн. уч. за- веденій.
въ 1871 году.	4	2	—	—	—	1
„ 1872 „	6	1	—	—	—	1
„ 1873 „	3	—	1	1	1	2
„ 1874 „	12	—	—	—	1	—
„ 1875 „	9	—	—	—	—	—
„ 1876 „	5	—	—	—	—	2
„ 1877 „	4	1	—	—	—	1
Всего	45	4	1	1	2	7

Изъ 60 вновь опредѣленныхъ въ должности учителей русскаго языка, 4 окончили курсъ на юридическомъ факультетѣ университета и 41 на историко-филологическомъ.

По математикѣ и физикѣ вакантныхъ мѣстъ оказалось въ Московскомъ учебномъ округѣ:

	Всего.	Замѣщены пе- реводами или временно.	Вновь посту- пившими на службу.
Въ гимназіяхъ.	42	18	24
„ прогимназіяхъ	11	1	10
„ реальныхъ училищахъ	8	—	8
„ учительскихъ семинаріяхъ	7	3	4
Всего	68	22	46

А именно:

Въ 1871 году.	6	2	4
„ 1872 „	3	2	3
„ 1873 „	12	3	9
„ 1874 „	12	3	9
„ 1875 „	15	6	9
„ 1876 „	7	3	4
„ 1877 „	11	3	8
Всего.	68	22	46

часть ссш, отд. 4.

2

На означенныя вакантныя мѣста, изъ числа лицъ, вновь поступившихъ на службу, опредѣлены окончившіе курсъ на физико-математическомъ факультетѣ университетовъ:

Московского	39
С.-Петербургскаго	2
Харьковскаго	3
	44

И только 2 лица изъ окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній.

По естественной исторіи и химіи оказалось вакантныхъ мѣстъ:

въ реальныхъ училищахъ	4
въ учительскихъ семинаріяхъ	3

И замѣщены окончившими курсъ на физико-математическомъ факультетѣ университетовъ:

Московского	4
С.-Петербургскаго	3

А именно:

въ 1871 году	1
„ 1872 „	1
„ 1873 „	1
„ 1875 „	1
„ 1876 „	3
„ 1877 „	1

По исторіи и географіи оказалось вакантныхъ мѣстъ:

	Всего.	Замѣщены переводомъ или временно.	Вновь поступившими на службу.
Въ гимназіяхъ	45	24	21
„ прогимназіяхъ	11	3	8
„ реальныхъ училищахъ	7	1	6
„ учительск. институтѣ	1	—	1
„ учительскихъ семинаріяхъ	5	1	4
Всего	69	29	40

А именно:

Въ 1871 году	5	2	3
„ 1872 „	6	3	3

О ЗАМѢЩЕНИИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 113

въ 1873	» . . .	9	4	5
» 1874	» . . .	12	5	7
» 1875	» . . .	11	6	5
» 1876	» . . .	9	4	5
» 1877	» . . .	17	5	12
Всего .		69	29	40

Изъ числа лицъ, вновь опредѣленныхъ на службу получили мѣста преподавателей исторіи и географіи:

Окончившіе курсъ въ университетѣхъ:	Въ гимназіи.	Въ прогимназіи.	Въ реальн. училища.	Въ учительск. институтъ.	Въ учительск. семинаріи.	Всего.
Московскомъ . . .	16	4	2	1	1	24
С.-Петербургскомъ . .	—	1	—	—	—	1
Казанскомъ	1	—	—	—	—	1
Кіевскомъ	1	—	3	—	—	4
Харьковскомъ	—	1	1	—	2	4
Въ Духовной Академіи	2	2	—	—	1	5
Въ среднемъ учебномъ заведеніи	1	—	—	—	—	1
Всего	21	8	6	1	4	40

Изъ числа питомцевъ университета окончили курсъ факультетовъ:

Историко-филологическаго	19
Физико-математическаго	4
Юридическаго	11
Всего	34

По преподаванію нѣмецкаго языка оказалось вакантныхъ мѣстъ преподавателей 37

Въ гимназіяхъ	18
» прогимназіяхъ	10
» реальн. училищахъ	9
Всего	37

Замѣщены переводомъ или временно	13
Окончившими курсъ въ университетахъ:	
Московскомъ	1
Дерптскомъ	1
(Оба по юридическому факультету)	
Иностраннхъ (факультетъ не означенъ)	3
Окончившими курсъ въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведе- деніяхъ:	
Иностраннхъ	1
Русскихъ	1
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	17
	Всего . . . 37

По преподаванію французскаго языка оказалось вакантныхъ мѣстъ:

Въ гимназіяхъ	28
„ прогимназіяхъ	9
„ реальныхъ училищахъ	4
	41

Замѣщены переводомъ или временно 18

Окончившими курсъ:

въ университетахъ Московскомъ (на физико-математи- ческомъ факультетѣ)	2
иностраннхъ (факультетъ не показанъ)	2
въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ	
иностраннхъ	1
русскихъ	2
въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	16
	Всего . . . 41

По механикѣ, вакантныхъ мѣстъ въ реальныхъ
училищахъ было 2

Замѣщены окончившими курсъ:

На физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета	1
въ высшемъ спеціальному учебному заведенію русскому	1
По письмоводству и счетоводству, вакантныхъ мѣстъ въ реальныхъ училищахъ	4

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 115

Замѣщены окончившими курсъ юридическаго факультета университетовъ:

С.-Петербургскаго	1
Харьковскаго	1
Кіевскаго	1
высшаго спеціального учебнаго заведенія русскаго . . .	1
По землемѣрью и нивелировкѣ, въ реальныхъ училищахъ вакантныхъ мѣстъ	2

Замѣщены окончившими курсъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній русскихъ.

По черченію и рисованію, вакантныхъ мѣстъ было:

въ гимназіяхъ	7
„ прогимназіяхъ , ...	14
„ учительскомъ институтѣ	1
„ учительскихъ семинаріяхъ	3
<hr/>	
Всего	25

Замѣщены переводомъ или временно 6

Остальныя—окончившими курсъ:

въ С.-Петербургскомъ университетѣ (факультетъ не означенъ)	1
въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ русскихъ	15
въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	3
<hr/>	
Всего	25

Всего же, изъ 333 вакантныхъ преподавательскихъ мѣстъ, открывшихся въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ въ Московскомъ учебномъ округѣ, замѣщены:

Окончившими курсъ въ университетахъ:	Въ гимназіяхъ.	Прогимназіяхъ.	Реальн. учил.	Учител. инст.	Учител. семин.	Всего.
Московскомъ	101	27	19	1	5	153
С.-Петербургскомъ	5	4	4	—	1	14

Окончившихъ курсъ въ университетахъ.	Въ гимназіяхъ.	Прогимназіяхъ.	Реальн. учил.	Учител. инст.	Учител. семина.	Всего.
Казанскомъ	5	—	—	—	—	5
Харьковскомъ	3	1	2	—	3	9
Кіевскомъ	2	—	4	—	—	6
Варшавскомъ	4	—	—	—	—	4
Дерптскомъ	—	2	—	—	—	2
Иностраннхъ	7	3	2	—	—	12
Въ историко-филологиче- скомъ институтѣ	8	1	—	—	—	9
„ бывшемъ Главномъ педагогическомъ	1	—	—	—	—	1
„ Лейпцигской семина- ріи	9	2	—	—	—	11
Бывшими славянскими стипендіатами	25	2	—	—	—	27
Окончившими курсъ въ духовной академіи	3	2	—	—	1	6
Въ высшихъ специаль- ныхъ учебныхъ заве- деніяхъ						
русскихъ	5	12	2	1	3	23
иностраннхъ	2	1	1	—	—	4
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	19	16	10	—	2	47
Всего	199	73	44	2	15	333

Если питомцевъ нашихъ духовныхъ академій причислимъ къ богословскому факультету университетовъ, а воспитанниковъ историко-филологическаго и педагогическаго институтовъ, Лейпцигской филологической семинаріи и бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ къ историко-филологическому, то получимъ:

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 117

Окончившихъ курсъ на факультетахъ:	Въ гимназ.	Прогимназ.	Реал. учил.	Учит. мест.	Учит. семин.	Всего.
Богословскомъ	3	2	—	—	1	6
Историко-филологическомъ .	133	25	10	1	—	169
Физико-математическомъ . .	27	10	13	—	8	58
Юридическомъ	8	5	5	—	2	20
Спеціально-техническомъ . .	7	13	4	1	2	27
Безъ показанія факультета.	2	2	2	—	—	6
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	19	16	10	—	2	47
Всего . .	199	73	44	2	15	333

Изъ филологовъ посвятили себя преподаванію:

русскаго языка и словесности	46
древнихъ языковъ	104
исторіи и географіи	19
Всего . .	169

Окончившіе курсъ физико-математическаго факультета преподавали:

Математику и физику	44
естествовѣдѣніе	7
исторію и географію	4
французскій языкъ	2
Механику	1
Всего . .	58

Факультетовъ спеціально-техническихъ:

Черченіе и рисованіе	15
Землемѣріе и нивелировку . .	2
Счетоводство и письмоводство .	1
Механику	1
Русскій языкъ	2
Нѣмецкій языкъ	2
Французскій	3
Древніе языки	1
Всего 27	

Юридическаго факультета:

Исторію и географію	11
Счетоводство и письменоводство	3
Русскій языкъ	4
Нѣмецкій	2
Всего	20

Богословскаго факультета:

Исторію и географію	5
Русскаго языка	1
Всего	6

Среднихъ учебныхъ заведеній:

Русскій языкъ	7
Древніе языки	1
Математику	2
Исторію и географію	1
Нѣмецкій языкъ	17
Французскій	16
Черченіе и рисованіе	3
Всего	47

Распредѣленіе ихъ по годамъ изображено въ слѣдующей таблицѣ:

Опредѣлены преподавателями окончившіе курсъ:	1871.	1872.	1873.	1874.	1875.	1876.	1877.	Всего.
въ русскихъ университетахъ	20	19	26	44	35	24	25	193
„ историко-филологическомъ институтѣ	3	2	2	1	—	—	1	9
„ бывшемъ главномъ педагогическомъ	—	—	1	—	—	—	—	1
„ духовныхъ академіяхъ	—	1	1	—	1	3	—	6
„ Лейпцигской семинаріи	—	—	—	—	—	4	7	11
„ бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	4	6	1	9	5	2	—	27
въ иностранныхъ университетахъ	—	—	1	2	3	1	5	12

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕВНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 119

ВЪ ВЫСШИХЪ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ

русскихъ	—	1	4	6	1	4	7	23
иностранныхъ	—	1	1	1	—	—	1	4
„ среднихъ учебныхъ заведе- деніяхъ		3	6	7	5	4	10	47
Всего		30	36	44	68	49	49	333

Кромѣ вышеисчисленныхъ вакантныхъ мѣстъ, съ открытіемъ въ 1876 году Сергіево-посадской прогимназіи потребовалось замѣстить должности учителей означенной прогимназіи, положенныя по штату, именно:

русскаго языка	1
древнихъ языковъ	2
математики	1
исторіи и географіи	1
нѣмецкаго языка	1
французскаго	1

Эти должности поручены преподавателямъ Московской духовной академіи и въ общій счетъ вакантныхъ мѣстъ по округу не занесены.

Казанскій учебный округъ.

Требуемыя свѣдѣнія доставлены:

изъ 8 гимназій
3 прогимназій
7 реальныхъ училищъ
1 учительскаго института
4 учительскихъ семинарій

Всего изъ 23 учебныхъ заведеній, изъ коихъ вновь было открыто:

въ 1872 г.	1 гимназія
	2 учительскія семинаріи
„ 1873 г.	3 реальныхъ училища
„ 1874 г.	1 прогимназія
„ 1875 г.	1 прогимназія
	1 реальное училище.

въ 1876 г.	1 прогимназія
	1 реальное училище
	1 учительскій институтъ
	1 учительская семинарія
„ 1877 г.	2 реальныя училища
<hr/>	
Всего . .	15 учебныхъ заведеній

Въ теченіе семи лѣтъ въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ оказалось вакантныхъ учительскихъ должностей:

	Всего.	Замѣщено переводомъ или временно.	Вновь опредѣленными на службу.
Въ гимназіяхъ	79	25	54
прогимназіяхъ	14	4	10
реальныхъ училищахъ	38	—	38
учительскомъ институтѣ	5	—	5
учительск. семинаріяхъ	30	1	29
<hr/>			
Всего . .	166	30	136

А именно:

въ 1871 году	12	3	9
„ 1872 „	19	3	16
„ 1873 „	25	5	20
„ 1874 „	21	5	16
„ 1875 „	27	5	22
„ 1876 „	34	2	32
„ 1877 „	28	7	21
<hr/>			
Всего . .	166	30	136

По слѣдующимъ предметамъ преподаванія:

Русскому языку	28	5	23
Древнимъ языкамъ	43	15	28
Математикѣ и физикѣ	27	1	26
Естественной исторіи и химіи	8	—	8
Исторіи и географіи	21	1	20
Нѣмецкому языку	9	1	8
Французскому	11	5	6

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 121

Механикѣ	1	—	1
Письмоводству и счетовод- ству.	5	—	5
Черченію и рисованію . .	13	2	11
Всего	166	30	136

Вакантныхъ мѣстъ учителей древнихъ языковъ открылось:

	Всего.	Замѣщено переводомъ или времен- но.	Вновь опре- деленными на службу
Въ 8 гимназіяхъ	37	13	24
„ 3 прогимназіяхъ	6	2	4
Въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ:			
Въ 1871	4	2	2
1872	11	2	9
1873	8	3	5
1874	4	1	3
1875	5	2	3
1876	5	1	4
1877	6	4	2
Всего	43	15	28

Вновь опредѣленные на службу учителя (по древнимъ языкамъ) получили образованіе:

Въ университетахъ:	Опредѣленные:		
	Въ гимназ.	Въ прогимн.	Всего.
Казанскомъ	11	2	13
Дерптскомъ	2	—	2
Иностранныхъ	—	1	1
Историко-филологическомъ институтѣ	7	—	7
Духовной Академіи	1	—	1
Бывшихъ славянскихъ сти- пендіатовъ	2	1	3
Въ среднихъ учебныхъ за- веденіяхъ	1	—	1
Всего	24	4	28

Опредѣлены:	Оконч. курсъ въ универ- ситетѣ.	Истор.-фил. институтѣ.	Духовной Академіи.	Высшихъ стипендіат.	Средн. учебн. заведенія хъ.
въ 1871 году . . .	1	1	—	—	—
„ 1872 „ . . .	3	4	—	2	—
„ 1873 „ . . .	4	—	1	—	—
„ 1874 „ . . .	1	2	—	—	—
„ 1875 „ . . .	2	—	—	1	—
„ 1876 „ . . .	3	—	—	—	1
„ 1877 „ . . .	2	—	—	—	—
Всего . . .	16	7	1	3	1

Означенныя лица окончили курсъ историко-филологическаго факультета, за исключеніемъ обучавшихся: 1 въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, 1 въ духовной академіи и 1 на богословскомъ факультетѣ Дерптскаго университета.

По русскому языку и словесности имѣлось вакантныхъ мѣстъ:

	Всего.	Замѣнены пе- реводомъ или временно.	Вновь опредѣ- ленными на службу.
Въ гимназіяхъ	15	4	11
„ прогимназіяхъ . . .	1	—	1
„ реальныхъ учили- щахъ	3	—	3
„ учительскомъ инсти- тутѣ	1	—	1
„ учительскихъ семи- наріяхъ	8	1	7
Всего	28	5	23

Въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ:

въ 1871 г.	2	—	2
„ 1872 „	3	1	2
„ 1873 „	4	1	3
„ 1874 „	5	1	4
„ 1875 „	5	—	5

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 123

въ 1876 „ . . .	6	—	6
„ 1877 „ . . .	3	2	1
Всего. . .	28	5	23

Вновь опредѣленные на службу получили образованіе:

Опредѣленные:	Въ гимназіи.	Прогимназіи.	Реальн.учил.	Учнт. инсти- тутъ.	Учнт. семи- наріи.	Всего.
Въ Казанскомъ университетѣ . .	10	1	3	—	4	18
„ историко-филологическомъ ин- ститутѣ.	1	—	—	—	—	1
„ духовной академіи.	—	—	—	1	2	3
„ среднемъ учебномъ заведеніи .	—	—	—	—	1	1
Всего. . .	11	1	3	1	7	23

Опредѣлены:

	Оконч. курсъ университет.	Историко-фи- лолог. инст.	Духовн. ака- деміи.	Средн. учебн. заведеній.
въ 1871 г.	2	—	—	—
„ 1872 „	1	—	—	1
„ 1873 „	2	—	1	—
„ 1874 „	3	1	—	—
„ 1875 „	5	—	—	—
„ 1876 „	4	—	2	—
„ 1877 „	1	—	—	—
Всего	18	1	3	1

Питомцы Казанскаго университета окончили курсъ:

историко-филологическаго факультета . .	17
юридическаго.	1

По математикѣ и физикѣ имѣлось вакантныхъ мѣстъ учителей:

Въ гимназіяхъ	10
„ прогимназіяхъ	1
„ реальныхъ училищахъ.	6

въ учительскомъ институтѣ . . .	1
„ учительскихъ семинаріяхъ . . .	9
Всего . . .	27

Одна только вакансія, въ гимназіяхъ въ 1874 г., замѣщена переводомъ лица уже служащаго, изъ другаго учебнаго заведенія; на остальные опредѣлены лица, окончившія курсъ на физико-математическомъ факультетѣ университетовъ:

Казанскаго . . .	25
Дерптскаго . . .	1

А именно:

въ 1871 году Казанскаго . . .	4	
„ 1872 „ „ . . .	2	
„ 1873 „ „ . . .	1	
„ 1874 „ „ . . .	4	
„ 1875 „ „ . . .	4	
„ 1876 „ „ . . .	6	Дерптскаго 1
„ 1877 „ „ . . .	4	(въ гимназіи).
Всего . . .	25	1

По естественнѣднію и химіи вакантныхъ мѣстъ было:

Въ реальныхъ училищахъ . . .	5
„ учительскомъ институтѣ . . .	1
„ учительскихъ семинаріяхъ . . .	2
Всего . . .	8

И замѣщены лицами, окончившими курсъ на физико-математическомъ факультетѣ университетовъ:

Казанскаго	5
Московскаго	1
Въ высшемъ спеціальному училищѣ русскомъ	1
Въ среднемъ учебномъ заведеніи	1
Всего	8

Означенныя лица поступили на службу: въ 1873—2, 1874—2, 1876—3 и 1877—1.

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕВНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 125

По исторіи и географіи оказалось вакантныхъ мѣстъ:

	Всего.	Замѣщены переводомъ или временно.	Вновь опредѣленными на службу.
Въ гимназіяхъ	6	1	5
„ прогимназіяхъ	2	—	2
„ реальныхъ училищахъ	4	—	4
„ учительскомъ институтѣ	1	—	1
„ учительскихъ семинаріяхъ	8	—	8
Всего.	21	1	20

Одна только вакансія, въ гимназіи въ 1874 г., замѣщена переводомъ, на остальные опредѣлены:

Окончившіе курсъ:

Въ Казанскомъ университетѣ на факультетахъ:	Въ гимназіи.	Прогимназіи.	Реальн. уч-ища.	Уч-т. инстит-тута.	Уч-т. семинаріи.	Всего.
Историко-филологическомъ	4	2	1	1	3	11
Юридическомъ	1	—	—	—	1	2
Въ духовныхъ академіяхъ	—	—	2	—	4	6
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	—	—	1	—	—	1
Всего.	5	2	4	1	8	20

А именно:

	Студентовъ университета.	Духовной академіи.	Изъ среднихъ учебн. заведеній.
Въ 1871 г.	—	1	—
„ 1872 „	—	2	—
„ 1873 „	2	—	—
„ 1874 „	2	—	—
„ 1875 „	3	—	—
„ 1876 „	3	1	—
„ 1877 „	3	2	1
Всего.	13	6	1

По нѣмецкому языку вакантныхъ мѣстъ было:

Въ гимназіяхъ	3
„ прогимназіяхъ	1
„ реальныхъ училищахъ	5
<u>Всего . . . . .</u>	<u>9</u>

Одно только, въ гимназіи въ 1877 году, замѣщено переводомъ, на остальные опредѣлены окончившіе курсъ университетовъ:

Казанскаго (юридическаго факультета)	1
и Дерптскаго (Истор.-филолог. и физико-математич.)	2
Высшаго спеціального училища русскаго	1
Среднихъ учебныхъ заведеній	4
<u>Всего . . . . .</u>	<u>8</u>

Означенныя лица поступили на службу: въ 1873 г.—4, въ 1875 году — 1 и въ 1876 г.—3.

По французскому языку вакантныхъ мѣстъ было:

Въ гимназіяхъ	5
„ прогимназіяхъ	2
„ реальныхъ училищахъ	4
<u>Всего . . . . .</u>	<u>11</u>

Пять вакансій замѣщены переводомъ или временно, въ гимназіяхъ 4 и въ прогимназіи 1; на остальные 6 вакансій (1 въ гимп. 1 въ прогимп. и 4 въ реал. учил.) опредѣлены окончившіе курсъ на юридическомъ факультетѣ университетовъ:

Казанскаго	2
Иностраннаго	1
Въ высшихъ спеціальныхъ училищахъ русскихъ	2
„ среднемъ учебномъ заведеніи	1

Опредѣленіе вновь поступившихъ на службу относится къ годамъ: 1875 (2), 1876 (1) и 1877 г. (3).

По механикѣ одно вакантное мѣсто въ реальномъ училищѣ въ 1877 году замѣщено окончившимъ курсъ на физико-математическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета.

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕВНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 127

По бухгалтеріи и счетоводству на 5 вакантныхъ мѣстъ въ реальныхъ училищахъ опредѣлены окончившіе курсъ:

въ 1874 году среднихъ учебныхъ заведеній	1
„ 1875 „ Кіевскаго университета (юридическаго факультета)	1
„ 1876 „ С.-Петербургскаго университета (того же факультета)	1
Высшаго спеціального училища русскаго.	1
„ 1877 „ С.-Петербургскаго университета (юридическаго факультета).	1
Всего	5

По черченію и рисованію вакантныхъ мѣстъ было:

въ гимназіяхъ.	3
„ прогимназіяхъ	1
„ реальныхъ училищахъ	5
„ учительскомъ институтѣ	1
„ учительскихъ семинаріяхъ.	3
Всего	13

Два вакантныхъ мѣста замѣщены переводомъ или временно (въ 1875 г. 1 въ гимназіи и 1 въ прогимназіи) на остальные опредѣлены окончившіе курсъ:

	Въ гимназіи.	Реальн. учил.	Учт. инст.	Учт. семин.	Всего.
Въ высшихъ спеціальныхъ училищахъ					
русскихъ	—	4	1	1	6
иностраннхъ	—	1	—	—	1
среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	2	—	—	2	4
Всего	2	5	1	3	11

И приходится по 1 или по 2 въ годъ.

Такимъ образомъ оказывается, что въ казанскомъ учебномъ округѣ вакантныхъ мѣста преподавателей были въ послѣднія семь лѣтъ замѣщены:

Окончившими курсъ уни- верситетовъ:	Въ гимна- зіяхъ.	Прогимна- зіяхъ.	Реальн. учи- лищахъ.	Учит. инсти- тута.	Учит. семп- наріяхъ.	Всего.
С.-Петербургскаго	—	—	3	—	—	3
Московскаго	—	—	1	—	—	1
Казанскаго	36	6	13	3	19	77
Кіевскаго	—	—	1	—	—	1
Дерптскаго	3	—	2	—	—	5
иностраннхъ	—	2	—	—	—	2
Историко-филологическаго инсти- тута	8	—	—	—	—	8
Духовной академіи	1	—	2	1	6	10
Бывшими славянскими стипенді- атами	2	1	—	—	—	3
Высшихъ спеціальныхъ училищъ русскихъ	—	—	9	1	1	11
иностраннхъ	—	—	1	—	—	1
Среднихъ учебныхъ заведеній . .	4	1	6	—	3	14
Всего	54	10	38	5	29	136

По факультетамъ:

Богословскому	2	—	2	1	6	11
Историко-филологическому . . .	35	7	5	1	7	55
Физико-математическому	9	1	11	2	12	35
Юридическому	4	1	4	—	—	9
Спеціально-техническому	—	—	10	1	1	12
Среднихъ учебныхъ заведеній . .	4	1	6	—	3	14
Всего	54	10	38	5	29	136

Окончившіе курсъ историко-филологическаго факультета занима-
лись преподаваніемъ:

Древнихъ языковъ	25
Русской словесности	18
Исторіи и географіи	11
Нѣмецкаго языка	1

Всего. 55

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 129

Физико-математическаго:

Математики и физики	26
Естественной исторіи и химіи.	6
Механики.	1
Исторіи и географіи	1
Нѣмецкаго языка	1
Всего	35

Юридическаго:

Русскаго языка	1
Нѣмецкаго	1
Французскаго	3
Исторіи и географіи.	1
Бухгалтеріи и письмоводства	3
Всего	9

Богословскаго:

Русскаго языка	3
Древнихъ языковъ	2
Исторіи и географіи	6
Всего	11

Спеціально-техническаго:

Нѣмецкаго языка.	1
Французскаго	2
Естественной исторіи	1
Бухгалтеріи.	1
Черченія и рисованія	7
Всего	12

Среднихъ учебныхъ заведеній:

Древнихъ языковъ	1
Русскаго языка	1
Нѣмецкаго	4
Французскаго	1
Исторіи и географіи.	1

Естественной исторіи	1
Бухгалтеріи	1
Черченія и рисованія	4
Всего.	14

Распределеніе ихъ по годамъ изображено въ слѣдующей таблицѣ:

Опредѣлены преподавателями окончившіе курсъ:	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	Всего.
въ русскихъ университетахъ . . .	7	6	13	11	16	21	13	87
» историко-филологическомъ ин- ститутѣ.	1	4	—	3	—	—	—	8
» духовныхъ академіяхъ.	1	2	2	—	—	3	2	10
бывшихъ славянскихъ стипендіа- товъ.	—	2	—	—	1	—	—	3
въ иностранныхъ университетахъ .	—	—	—	—	1	—	1	2
» высшихъ специальныхъ учили- щахъ русскихъ	—	—	2	—	3	3	3	11
иностраннхъ	—	—	—	—	—	1	—	1
» среднихъ учебныхъ заведенійхъ.	—	2	3	2	1	4	2	14
Всего.	9	16	20	16	22	32	21	136

Оренбургскій учебный округъ.

Требуемая свѣдѣнія доставили:

гимназій.	6
прогимназій.	2
реальныхъ училища	3
учительскія семинаріи	2

Всего. . . . . 13 учебныхъ заведеній.

Не доставилъ Оренбургскій учительскій институтъ.

Вновь открытыхъ учебныхъ заведеній числилось:

гимназій (въ 1873 и 1874 гг.).	2
прогимназій (1873 и 1876 гг.).	2
реальныхъ училищъ (1873, 1875 и 1876 гг.).	3

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 131

Благовѣщенская учительская семинарія (1876 г.)	1
Татарская учительская школа въ Оренбургѣ (1872 г.)	1
Всего	9

Вакантныхъ преподавательскихъ должностей было:

	Всего.	Замѣщены переводомъ или времен- но.	Вновь опре- делены на службу.
Въ гимназіяхъ	82	29	53
„ прогимназіяхъ	14	8	6
„ реальныхъ училищахъ	26	3	23
„ учительскихъ семинаріяхъ	7	3	4
Всего	129	43	86

А именно:

въ 1871 году	21	7	14
„ 1872 „	10	5	5
„ 1873 „	11	2	9
„ 1874 „	13	4	9
„ 1875 „	20	7	13
„ 1876 „	31	12	19
„ 1877 „	23	6	17
Всего	129	43	86

По слѣдующимъ предметамъ преподаванія:

Русской словесности	22	10	12
Древнимъ языкамъ	34	15	19
Математикѣ и физикѣ	16	3	13
Естествовѣдѣнію	2	—	2
Исторіи и географіи	17	4	13
Нѣмецкому языку	13	5	8
Французскому	7	3	4
Механикѣ	1	—	1
Письмоводству и счетоводству	1	—	1
Черченію и рисованію	16	3	13
Всего	129	43	86

Вакантныхъ мѣстъ по древнимъ языкамъ было:

	Всего.	Замѣчено переводомъ или временно.	Еновь посту- пили на службу.
въ гимназіяхъ	33	15	18
прогимназіяхъ	1	—	1
Въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ			
въ 1871 году	7	2	5
" 1872 "	3	3	—
" 1873 "	2	—	2
" 1874 "	4	3	1
" 1875 "	5	2	3
" 1876 "	8	2	6
" 1877 "	5	3	2
Всего	34	15	19

Еновь опредѣленные на службу получили образование:

На историко-филологическомъ факультетѣ университетовъ:

Казанскаго	7
Варшавскаго	1
Въ историко-филологическомъ институтѣ	9
Въ духовной академіи	1
Изъ бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	1

Всего 19

И поступили:

	Изъ студен- товъ универ- ситета.	Историко- филологиче- скаго инсти- тута.	Духовной академіи.	Славянскихъ стипендіа- товъ.
въ 1871 г.	3	2	—	—
" 1873 "	2	—	—	—
" 1874 "	1	—	—	—
" 1875 "	1	1	—	1

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 133

	Изъ студен- товъ универ- ситета.	Историко- эологиче- скаго инсти- тута.	Духовной академіи.	Славянскихъ стипендіа- товъ.
» 1876	—	4	1	—
» " въ прогимназію.	—	1	—	—
» 1877	1	1	—	—
Всего	8	9	1	1

По русскому языку имѣлось вакантныхъ мѣстъ:

	Всего.	Замѣщено пе- ревокомъ или времено.	Вновь посту- пившіи на службу.
Въ гимназіяхъ	14	6	8
» прогимназіяхъ	2	1	1
» реальныхъ училищахъ	1	1	—
» учительскихъ семинаріяхъ . .	5	2	3
Всего	22	10	12

Именно:

въ 1871 г.	4	1	3
» 1872 "	1	—	1
» 1873 "	2	2	—
» 1874 "	1	1	—
» 1875 "	2	1	1
» 1876 "	5	4	1
» 1877 "	7	1	6
Всего	22	10	12

Вновь опредѣленные на службу получили образованіе:

Опредѣленные:

Въ университетахъ:	Въ гимназіи.	Прогимназіи.	Учит. семи- наріи.	Всего.
Казанскомъ	—	—	1	1
С.-Петербургскомъ	1	—	—	1

Въ университетахъ.		Въ гимназій.	Прогимназій.	Учит. семинаріи.	Всего.
„ Историко-филологическомъ институтѣ	2	—	—	—	2
„ духовныхъ академіяхъ	2	1	2	—	5
Всего	8	1	3	—	12

Опредѣлены же:	Оконч. курсъ университетскаго.	Историко-филологич. институтъ.	Духовн. академіи.
въ 1871 г.	2	1	—
„ 1872 „	1	—	—
„ 1875 „	—	1	—
„ 1876 „	—	—	1
„ 1877 „	2	—	4
Всего	5	2	5

Изъ питомцевъ Казанскаго университета одинъ, опредѣленный въ 1873 г. въ учительскую семинарію, окончилъ курсъ юридическаго факультета, остальные—историко-филологическаго.

По математикѣ и физикѣ вакантныхъ мѣстъ было:

въ гимназіяхъ	10
„ прогимназіяхъ	5
„ учительскихъ семинаріяхъ	1
Всего	16

Три вакансіи въ прогимназіяхъ (двѣ въ 1876 г. и 1 въ 1877) были замѣщены переводомъ или временно, на остальные опредѣлены въ гимназію—окончившіе курсъ физико-математическаго факультета университетовъ:

Казанскаго	9
С.-Петербургскаго	1

Въ учительскую семинарію:

Высшаго спеціального училища русскаго	1
---	---

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕВНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 135

Въ прогимназію:

Среднихъ учебныхъ заведеній 2

А именно:

	Студентовъ университ.	Высшихъ спеціальныхъ училищъ.	Среднихъ учебныхъ заведеній.
въ 1871 году	3	—	—
„ 1872 „	2	—	—
„ 1873 „	2	—	—
„ 1874 „	2	—	1
„ 1875 „	—	—	1
„ 1876 „	1	1	—
Всего	10	1	2

По естественной исторіи и химіи было 2 вакантных мѣста: въ реальныхъ училищахъ въ 1875 г. и 1877 г., и замѣщены питомцами физико-математическаго факультета Казанскаго университета.

По исторіи и географіи 17 вакантных мѣстъ:

	Всего.	Замѣщены переводомъ или временно.	Вновь опредѣ- ленными на службу.
Въ гимназіяхъ	6	1	5
„ прогимназіяхъ	2	2	—
„ реальныхъ училищахъ.	9	1	8
Всего	17	4	13

А именно:

Въ 1871 г. . . .	2	1	1
„ 1873 „	2	—	2
„ 1874 „	1	—	1
„ 1875 „	4	1	3
„ 1876 „	4	2	2
„ 1877 „	4	—	4
Всего	17	4	13

Замѣщены окончившими курсъ въ университетахъ:

Казанскомъ	7
Кіевскомъ	1
Варшавскомъ	1
Историко-филологическомъ ин- ститутѣ	1
Среднихъ-учебныхъ заведеніяхъ.	3

Изъ питомцевъ университетовъ: 1 Кіевскаго—окончилъ курсъ на физико-математическомъ факультетѣ, 1 Казанскаго — на факультетѣ восточныхъ языковъ, остальные—на историко-филологическомъ факультетѣ.

По нѣмецкому языку вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего.	Замѣщены пе- реводами или временно.
Въ гимназіяхъ	8	4
„ прогимназіяхъ	2	1
„ реальныхъ училищахъ	3	—
Всего	13	5

Именно:

Въ 1871 г.	2	1
„ 1872 „	1	—
„ 1873 „	1	—
„ 1874 „	1	—
„ 1875 „	2	1
„ 1876 „	5	2
„ 1877 „	1	1
Всего	13	5

Означенныя должности замѣщены лицами, окончившими курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ одной (въ 1876 г. въ гимназіи), которая замѣщена окончившимъ курсъ въ иностранномъ университетѣ, неизвѣстно на какомъ факультетѣ.

По французскому языку вакантныхъ мѣстъ было:

въ гимназіяхъ	6
„ прогимназіяхъ	2

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 137

Именно въ 1871 г.	2
„ „ 1873 „	1
„ „ 1874 „	1
„ „ 1875 г. (въ прогим.)	1
„ „ 1877 „	2
<hr/>	
Всего	7

Три вакантныя мѣста, 1 въ прогимназиі и 2 въ гимназіяхъ (въ 1871 г. и 1877 г.) замѣщены были переводомъ или временно, на остальные опредѣлены окончившіе курсъ:

Историко-филологическаго факультета Казанскаго университета	1
Юридическаго факультета иностраннаго университета	1
Среднихъ учебныхъ заведеній	2

По механикѣ въ реальномъ училищѣ оказалось въ 1876 г. одно вакантное мѣсто и замѣщено окончившимъ курсъ на физико-математическомъ факультетѣ Казанскаго университета.

По бухгалтеріи одно мѣсто въ 1877 г. и замѣщено окончившимъ курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи.

По черченію и рисованію вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего.	Замѣщено переводомъ или временно.
Въ гимназіяхъ	5	1
„ прогимназіяхъ	2	1
„ реальныхъ училищахъ.	8	—
„ учительскихъ семинаріяхъ	1	1
<hr/>		
Всего.	16	3

А именно:

Въ 1871 г.	1	1
„ 1872 „	2	1
„ 1873 „	1	—
„ 1874 „	2	—
„ 1875 „	4	1

въ 1876 „ . . .	4	—
„ 1877 „ . . .	2	—
Всего. . . .	16	3

Кромѣ замѣщенныхъ переводомъ, на 4 вакантныя должности въ реальныя училища опредѣлены лица, окончившія курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, на остальные—окончившіе курсъ въ высшихъ спеціальныхъ училищахъ русскихъ.

Всего же вакантныхъ мѣстъ было замѣщено:

Окончившими курсъ университетовъ:	Въ гимназіяхъ.	Прогимназіяхъ.	Реальн. училищахъ.	Учител. семинаріяхъ.	Всего.
С.-Петербургскаго	2	—	—	—	2
Казанскаго	23	—	7	1	31
Кіевскаго	1	—	—	—	1
Варшавскаго	1	—	1	—	2
Иностраннхъ	2	—	—	—	2
Историко-филологическаго института	11	1	—	—	12
Духовной академіи	3	1	—	2	6
Бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	1	—	—	—	1
Высшихъ спеціальныхъ училищъ русскихъ	4	1	4	1	10
Среднихъ учебныхъ заведеній	5	3	11	—	19
Всего.	53	6	23	4	86

Что составитъ по факультетамъ:

Богословскому	3	1	—	2	6
Историко-филологическому	27	1	5	—	33
Физико-математическому	11	—	3	—	14
Юридическому	1	—	—	1	2
Восточныхъ языковъ	1	—	—	—	1
Спеціально-техническому	4	1	4	1	10
Среднимъ учебнымъ заведеніямъ	5	3	11	—	19
Всего.	52	6	23	4	85

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 139

Факультетъ одного изъ преподавателей гимназій (нѣмецкаго языка) не обозначенъ.

Окончившіе курсъ историко-филологическихъ наукъ преподавали

Русскую словесность	6
Древніе языки.	18
Исторію и географію.	8
Французскій языкъ	1
Всего	<u>33</u>

Физико-математическихъ наукъ:

Математику	10
Исторію и географію	1
Естественную исторію.	2
Механику	1
Всего	<u>14</u>

Юридическихъ:

Русскій языкъ.	1
Французскій	1

Богословскихъ:

Русскій языкъ.	5
Древніе языки.	1

Факультета восточныхъ языковъ:

Исторію и географію.	1
------------------------------	---

Спеціально-техническаго:

Математику.	1
Черченіе и рисованіе.	9

Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній:

Математику.	2
Исторію и географію.	3
Нѣмецкій языкъ	7
Французскій.	2
Бухгалтерію.	1
Черченіе и рисованіе.	4
Всего	<u>19</u>

Распредѣленіе по годамъ опредѣленныхъ на преподавательскія должности изображено въ слѣдующей таблицѣ:

Опредѣлены окончившіе курсъ:	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	Всего
въ русскихъ университетахъ	9	3	6	4	3	3	8	36
„ историко-филологическомъ институтѣ	3	—	—	—	3	5	1	12
„ духовныхъ академіяхъ	—	—	—	—	—	2	4	6
„ бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	—	—	—	—	1	—	—	1
„ иностранныхъ университетовъ	—	—	—	1	—	1	—	2
„ высшихъ спеціальныхъ училищахъ русскихъ	—	1	1	1	2	3	2	10
„ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	2	1	2	3	4	5	2	19
Всего	14	5	9	9	13	19	17	86

Харьковскій учебный округъ.

Требуемая свѣдѣнія доставлены:

- изъ 10 гимназій,
- „ 11 прогимназій,
- „ 6 реальныхъ училищъ,
- „ 1 учительскаго института,
- „ 5 учительскихъ семинарій.

Всего изъ 33 учебныхъ заведеній,

Не доставили Харьковская 1-я гимназія и Харьковское реальное училище.

Изъ 35 существующихъ въ округѣ учебныхъ заведеній были вновь учреждены и открыты:

- въ 1873 году   4 прогимназій,
- 2 реальныхъ училища,
- „ 1874 „   1 гимназія,
- 1 прогимназія,
- 1 учительская семинарія,

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕВНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ, 141

въ 1875 „	1	учительская семинарія,
„ 1876 „	1	прогимназія,
	2	реальныхъ училища,
	1	учительскій институтъ,
	1	учительская семинарія,
„ 1877 „	1	прогимназія,
	2	реальныхъ училища,
	1	учительская семинарія,
<hr/>		
Всего . . .	19	учебныхъ заведеній.

Преподавательскихъ вакантныхъ должностей было:

	Всего.	Замѣщено по-революкомъ для временно.	Вновь поступившіи на службу.
Въ гимназіяхъ	117	19	98
„ прогимназіяхъ	43	12	31
„ реальныхъ училищахъ	31	11	20
„ учительскомъ институтѣ	3	1	2
„ учительскихъ семинаріяхъ	3	1	2
<hr/>			
Всего	197	44	153

А именно:

въ 1871 году	23	6	17
„ 1872 „	26	3	23
„ 1873 „	27	8	19
„ 1874 „	21	5	16
„ 1875 „	24	6	18
„ 1876 „	43	15	28
„ 1877 „	33	1	32
<hr/>			
Всего	197	44	153

По слѣдующимъ предметамъ преподаванія:

Русской словесности	37	6	31
Древнимъ языкамъ	57	8	49
Математикѣ	31	8	23
Естественновѣдѣнію	6	1	5

Исторіи и географіи	25	4	21
Нѣмецкому языку	19	5	14
Французскому.	12	8	4
Механикѣ	2	1	1
Письмоводству и счетоводству . .	1	—	1
Черченію и рисованію.	7	3	4
Всего	197	44	153

Вагантныхъ мѣстъ по древнимъ языкамъ было:

	Всего.	Замѣнены переводомъ или временно.	Вновь опре- дѣленные на службу.
Въ 10 гимназіяхъ.	46	5	41
„ 11 прогимназіяхъ	11	3	8
Въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ:			
въ 1871 году	10	2	8
„ 1872 „	11	2	9
„ 1873 „	5	1	4
„ 1874 „	7	1	6
„ 1875 „	5	—	5
„ 1876 „	6	2	4
„ 1877 „	13	—	13
Всего	57	8	49

Вновь опредѣленные учителя получили образованіе:

Въ университетахъ:	Опредѣленные:		
	Въ гимназіи.	Въ прогим- назіи.	Всего.
Московскомъ	1	—	1
Казанскомъ	1	—	1
Харьковскомъ	4	1	5
Кіевскомъ	1	—	1
Иностраннхъ	2	—	2
Въ Историко-филологическомъ институтѣ. .	12	1	13

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 143

Въ университетахъ:	Въ гимназіи.	Въ прогим- назіи.	Всего.
Въ Лейпцигской семинаріи	2	—	2
Бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	16	4	20
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	2	2	4
Всего	41	8	49

Опредѣлены:	Оконч. курсъ университе- та.	Истор. фил. института.	Лейпц. семи- наріи.	Бывш. слав. стипенді.	Иностр. уни- верситетовъ.	Средне учеб. заведеній.
въ 1871 году	2	—	—	5	—	1
„ 1872 „	1	5	—	3	—	—
„ 1873 „	—	2	—	—	—	2
„ 1874 „	2	1	—	3	—	—
„ 1875 „	1	—	—	4	—	—
„ 1876 „	—	—	—	2	2	—
„ 1877 „	2	5	2	3	—	1
Всего	8	13	2	20	2	4

За исключеніемъ лицъ, получившихъ образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, остальные окончили курсъ историко-филологическаго факультета. Между ними, въ Харьковскомъ учебномъ округѣ преобладаютъ числомъ бывшіе славянскіе стипендіаты, за тѣмъ слѣдуютъ питомцы историко-филологическаго института, а питомцы русскихъ университетовъ уступаютъ въ численности каждой изъ этихъ двухъ категорій и въ общемъ числѣ вновь опредѣленныхъ преподавателей древнихъ языковъ составляютъ съ небольшимъ одну шестую часть или 16,3%.

По русскому языку и словесности вакантныхъ преподавательскихъ должностей числилось:

часть оснп, отд. 4.

	Всего.	Защитены пер- еводомъ или временно.	Вновь посту- пившіи на службу.
Въ гимназіяхъ	20	1	19
„ прогимназіяхъ	11	3	8
„ реальныхъ училищахъ. . .	4	2	2
„ учительскомъ институтѣ .	2	—	2
Всего .	37	6	31

Въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ:

въ 1871 году	3	—	3
„ 1872 „	4	—	4
„ 1873 „	4	1	3
„ 1874 „	2	1	1
„ 1875 „	5	1	4
„ 1876 „	11	3	8
„ 1877 „	8	—	8
Всего	37	6	31

Вновь опредѣленные на службу получили образованіе:

Опредѣленные:

Въ университетахъ:	Въ гимназіахъ.	Въ прогим- назіахъ.	Въ реальныхъ училищахъ.	Въ учитель- скихъ инсти- тутахъ.	Всего.
С.-Петербургскомъ	1	—	—	—	1
Московскомъ	1	—	1	—	2
Казанскомъ	3	—	—	—	3
Харьковскомъ	4	4	—	—	8
Кіевскомъ	—	1	1	1	3
Иностраннхъ	—	1	—	—	1
Въ Историко-филологическомъ институтѣ.	6	—	—	—	6
„ Духовныхъ Академіяхъ.	1	—	—	1	2
„ Среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. . .	3	2	—	—	5
Всего .	19	8	2	2	31

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 145

Опредѣлены:	Оконч. курсъ университ.	Истор. филол. инстит.	Духовн. ака- демія.	Иностран. университ.	Средн. учебн. завед.
въ 1871 году	—	1	—	—	2
„ 1872 „	3	—	—	—	1
„ 1873 „	—	2	1	—	—
„ 1874 „	1	—	—	—	—
„ 1875 „	4	—	—	—	—
„ 1876 „	6	—	1	—	1
„ 1877 „	3	3	—	1	1
Всего	17	6	2	1	5

Питомцы русскихъ университетовъ окончили курсъ:

историко-филологическаго факультета	16
юридическаго	1

Получившій образованіе въ иностранномъ университетѣ проходилъ курсъ физико-математическаго факультета и опредѣленъ учителемъ въ Александровскую Старобѣльскую шестиклассную прогимназію.

По математикѣ и физикѣ вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего.	Замѣщены переводомъ или временно.	Вновь посту- пившими на службу.
Въ гимназіяхъ	14	4	10
„ прогимназіяхъ	7	2	5
„ реальныхъ училищахъ	9	2	7
„ учительскихъ семинаріяхъ	1	—	1
Всего	31	8	23

Въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ:

въ 1871 году	2	1	1
„ 1872 „	2	—	2
„ 1873 „	7	3	4
„ 1874 „	5	—	5
„ 1875 „	6	2	4
„ 1876 „	7	2	5
„ 1877 „	2	—	2
Всего	31	8	23

4*

Вновь опредѣленные получили образование:

Въ университетахъ:	Опредѣленные:				Всего.
	Въ гимназіахъ.	Прогимназіахъ.	Реальн. училищъ.	Учит. семинаріахъ.	
С.-Петербургскомъ	4	1	3	—	8
Московскомъ	—	1	—	—	1
Казанскомъ	1	—	—	—	1
Харьковскомъ	3	3	4	1	11
Кіевскомъ	1	—	—	—	1
Въ высшемъ спеціальному училищѣ рускомъ (1877 г.).	1	—	—	—	1
Всего	10	5	7	1	23

Питомцы университетовъ всѣ проходили курсъ физико-математическаго факультета.

По естественной исторіи и химіи имѣлось вакантныхъ мѣстъ:

Въ гимназіяхъ	1
„ реальныхъ училищахъ	3
„ учительскихъ семинаріяхъ	2
Всего	6

Одно только вакантное мѣсто, въ учительской семинаріи въ 1877 г. замѣщено лицомъ, состоявшимъ на службѣ, на остальныхъ вновь опредѣлены окончившіе курсъ физико-математическаго факультета, по естественному отдѣленію, университетовъ:

С.-Петербургскаго	1 въ 1876 г. въ реал. учил.
Казанскаго	1 въ 1876 г. въ учит. семин.
Харьковскаго	2 въ 1874 и 1877 гг. въ реал. учил.
Харьковскаго, медицинскаго факультета	1 въ 1877 г. въ гимн.
Всего	5 человѣкъ.

По исторіи и географіи вакантныхъ мѣстъ было:

въ гимназіяхъ	18
„ прогимназіяхъ	4

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 147

въ реальныхъ училищахъ	2
„ учительской семинаріи	1
Всего	25

Четыре вакансіи, въ томъ числѣ 1 въ учительской семинаріи въ 1876 г., 1 въ прогимназіи въ 1873 г. и 2 въ гимназіяхъ въ 1876 г., замѣщены были переводомъ лицъ изъ другихъ учебныхъ заведеній или временно, на остальные опредѣлены окончившіе курсъ:

Въ Харьковскомъ университетѣ:

	Въ гимназіи.	Прогимназіи.	Реальн. училища.	Всего.
На историко-филологическомъ факультетѣ	7	2	2	11
На юридическомъ	1	1	—	2
Въ Московскомъ университетѣ на юридическомъ	1	—	—	1
Въ историко-филологическомъ институтѣ	3	—	—	3
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	4	—	—	4
Всего	16	3	2	21

А именно:

	Оконч. курсъ университет.	Ист.-филол. института	Среднихъ учеб. завед.
въ 1871 году	1	1	1
„ 1872 „	2	—	1
„ 1873 „	3	1	1
„ 1874 „	—	—	1
„ 1875 „	3	1	—
„ 1876 „	2	—	—
„ 1877 „	3	—	—
Всего	14	3	4

По нѣмецкому языку вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего.	Защитены переводомъ или временно.
въ гимназіяхъ	9	2
„ прогимназіяхъ	6	1
„ реальныхъ училищахъ.	4	2
Всего	19	5

А именно:

въ 1871 году	2	2
„ 1872 „	4	—
„ 1873 „	2	—
„ 1874 „	3	1
„ 1875 „	1	1
„ 1876 „	4	1
„ 1877 „	3	—
Всего	19	5

Вновь опредѣленные получили образованіе:

Опредѣленные:

Въ Дерптскомъ университетѣ на факультетахъ:	Въ гимназіи.	Прогимназіи.	Реальныхъ училищъ.	Всего.
богословскомъ	1	—	—	1
историко-филологическомъ.	1	—	—	1
юридическомъ	—	—	1	1
Въ иностранныхъ университетахъ:				
на факультетѣ историко-филологическомъ	1	—	—	1
неизвѣстно на какомъ	1	1	—	2
Въ высшемъ спеціальному училищѣ иностранномъ	—	1	—	1
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.	3	3	1	7
Всего	7	5	2	14

По французскому языку вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего.	Замѣщены переводомъ.
въ гимназіяхъ.	7	4
„ прогимназіяхъ.	3	2
„ реальныхъ училищахъ	2	2
Всего.	12	8

На 4 вакантныя мѣста, незамѣщенныя лицами, состоявшими уже на службѣ (3 въ гимн. и 1 въ прогимн.) опредѣлены лица, получившія образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По механикѣ въ реальныхъ училищахъ одно преподавательское вакантное мѣсто было замѣщено переводомъ, и одно лицомъ, окончившимъ курсъ физико-математическаго факультета Кіевскаго университета.

По бухгалтеріи и письмоводству на одно вакантное мѣсто въ реальномъ училищѣ опредѣленъ окончившій курсъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета.

По черченію и рисованію вакантныхъ мѣстъ было:

въ гимназіяхъ.	2
„ прогимназіяхъ	1
„ реальныхъ училищахъ	4
Всего	7

Въ томъ числѣ замѣщены переводомъ 1 въ гимназіи въ 1876 г. и 2 въ реальныхъ училищахъ въ 1873 и 1876 г.; на остальные опредѣлены окончившіе курсъ высшихъ спеціальныхъ училищъ русскихъ, а именно:

въ 1871 году 1 въ прогимназію,
„ 1875 „ 1 въ реальное училище,
„ 1876 „ 1 въ гимназію,
„ 1877 „ 1 въ реальное училище.

Всего же въ Харьковскомъ учебномъ округѣ опредѣлено вновь преподавателей, въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ:

Окончившихъ курсъ:	Въ гимназін.	Прогимназін.	Реальн. училища.	Учит. института.	Учит. семинаріи.	Всего.
Въ университетахъ С.-Петербургскомъ	5	1	4	—	—	10
Московскомъ	3	1	2	—	—	6
Казанскомъ	5	—	—	—	1	6
Харьковскомъ	20	11	8	—	1	40
Кіевскомъ	2	1	2	1	—	6
Дерптскомъ	2	—	1	—	—	3
иностранныхъ	4	2	—	—	—	6
Историко-филологическаго института	21	1	—	—	—	22
Духовной академіи	1	—	—	1	—	2
Въ Лейпцигской семинаріи	2	—	—	—	—	2
Вывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	16	4	—	—	—	20
Высшихъ специальныхъ училищъ русскихъ	2	1	2	—	—	5
и иностранныхъ	—	1	—	—	—	1
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	15	8	1	—	—	24
Всего	98	31	20	2	2	153

По факультетамъ:

Вогословскому	2	—	—	1	—	3
Историко-филологическому	65	13	4	1	—	83
Физико-математическому	9	6	11	—	2	28
Юридическому	3	1	2	—	—	6
Медицинскому	1	—	—	—	—	1
Спеціально-техническому	2	2	2	—	—	6
Среднихъ учебныхъ заведеній	15	8	1	—	—	24
Неизвѣстно какихъ факультетовъ	1	1	—	—	—	2
Всего	98	31	20	2	2	153

Окончившіе полный курсъ историко-филологическихъ наукъ преподавали:

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 151

Древніе языки. . . .	45
Русскую словесность. . . .	22
Исторію и географію. . . .	14
Нѣмецкій языкъ	2
<hr/>	
Всего. . . .	83

Физико-математическихъ:

Математику	22
Естествовѣдѣніе	4
Механику	1
Русскій языкъ. . . .	1
<hr/>	
Всего. . . .	28

Юридическихъ:

Русскій языкъ	1
Исторію и географію. . . .	3
Бухгалтерію. . . .	1
Нѣмецкій языкъ	1
<hr/>	
Всего. . . .	6

Богословскихъ:

Русскій языкъ (Духов. акад.). . . .	2
Нѣмецкій (Дерпт. унив.). . . .	1

Медицинскихъ:

Естествовѣдѣніе	1
-------------------------	---

Спеціально-техническихъ:

Математику	1
Нѣмецкій языкъ. . . .	1
Черченіе и рисованіе. . . .	4

Среднихъ учебныхъ заведеній:

Древніе языки	4
Русскій языкъ. . . .	5
Нѣмецкій	7
Французскій	4
Исторію и географію	4
<hr/>	
Всего. . . .	24

Распределение ихъ по годамъ изображено въ слѣдующей таблицѣ:

Опредѣлены преподавателями окончившіе курсъ:	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	Всего.
Въ русскихъ университетахъ.	4	9	7	10	12	18	11	71
„ историко-филологическомъ институтѣ	2	5	5	1	1	—	8	22
„ духовныхъ академіяхъ	—	—	1	—	—	1	—	2
„ Лейпцигской семинаріи	—	—	—	—	—	—	2	2
Бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	5	3	—	3	4	2	3	20
Въ иностранныхъ университетахъ	—	1	1	—	—	3	1	6
„ высшихъ специальныхъ училищахъ русскихъ	1	—	—	—	1	1	2	5
„ иностранныхъ	—	—	—	—	—	—	1	1
„ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	5	5	5	2	—	3	4	24
Всего	17	23	19	16	18	28	32	153

Одесскій учебный округъ.

Требуемыя свѣдѣнія доставлены:

- изъ 13 гимназій,
- „ 10 прогимназій,
- „ 9 реальныхъ училищъ,
- „ 1 учительскаго института,
- „ 3 учительскихъ семинарій.

Всего изъ 36 учебныхъ заведеній.

Не доставлены изъ 2-й Одесской прогимназіи.

Изъ 36 указанныхъ учебныхъ заведеній вновь учреждены и открыты:

- въ 1872 году 2 гимназій,
- 1 учительская семинарія,
- „ 1873 „ 2 прогимназій,
- 4 реальныхъ училища,

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 153

въ 1874 году	1 реальное училище,
	1 учительскій институтъ,
„ 1875 „	1 прогимназія,
	2 реальныя училища,
	1 учительская семинарія,
„ 1876 „	1 гимназія,
	4 прогимназіи,
	2 реальныя училища,
„ 1877 „	1 прогимназія,
Всего.	23 учебныя заведенія.

Преподавательскихъ вакантныхъ должностей имѣлось:

	Всего.	Замѣщены пе- реводомъ или временно.	Вновь посту- павшими на службу.
Въ гимназіяхъ	127	30	97
„ прогимназіяхъ	57	14	43
„ реальныхъ училищахъ	47	12	35
„ учительскомъ институ- тѣ	2	2	—
„ учительскихъ семинарі- яхъ	15	6	9
Всего.	248	64	184

А именно:

въ 1871 году	20	7	13
„ 1872 „	18	3	15
„ 1873 „	45	11	34
„ 1874 „	39	15	24
„ 1875 „	37	16	21
„ 1876 „	50	7	43
„ 1877 „	39	5	34
Всего.	248	64	184

По слѣдующимъ предметамъ преподаванія:

По русскому языку	54	19	35
Древнимъ языкамъ	57	19	38

Математикѣ	46	4	42
Естествовѣдѣнію	9	3	6
Исторіи и географіи	30	8	22
Нѣмецкому языку	13	4	9
Французскому языку	17	4	3
Механикѣ	2	1	1
Письмоводству и счетоводству	2	—	2
Черченію и рисованію	18	2	16
Всего	248	64	184

Вакантныхъ мѣстъ по древнимъ языкамъ было:

	Всего.	Замѣнены пере- водомъ или временно.	Вновь посту- пившими на службу.
Въ гимназіяхъ	44	13	31
„ прогимназіяхъ	13	6	7

Въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ:

въ 1871 году	6	3	3
„ 1872 „	4	—	4
„ 1873 „	9	2	7
„ 1874 „	10	5	5
„ 1875 „	8	3	5
„ 1876 „	10	3	7
„ 1877 „	10	3	7
Всего	57	19	38

Вновь опредѣленные на службу получили образованіе:

Опредѣленные:

Въ университетахъ:	Въ гим- назіи.	Прогим- назіи.	Всего.
С.-Петербургскомъ	2	—	2
Московскомъ	2	—	2
Казанскомъ	1	—	1
Харьковскомъ	—	1	1
Одесскомъ	5	—	5
Кіевскомъ	2	—	2
Дерптскомъ	1	—	1
Варшавскомъ	1	—	1

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕВНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 155

Въ университетахъ:	Въ гим- назіахъ.	Прогим- назіахъ.	Всего.
Иностранныхъ	3	—	3
Въ историко-филологическомъ институтѣ.	8	3	11
Въ Лейпцигской семинаріи	1	—	11
Бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	5	3	8
Всего.	31	7	38

Изъ нихъ опредѣлены:

	Окончившіе курсъ русск. университ.	Историко-фи- лолог. инсти- тута.	Лейпцигской семинаріи.	Бывшіе сти- пендіаты.	Иностран- ныхъ уни- верситетовъ.
Въ 1871 г.	—	—	—	2	1
„ 1872 „	1	2	—	1	—
„ 1873 „	3	4	—	—	—
„ 1874 „	2	1	—	2	—
„ 1875 „	3	—	—	1	1
„ 1876 „	3	3	1	—	—
„ 1877 „	3	1	—	2	1
Всего.	15	11	1	8	3

Означенныя лица окончили всѣ полный курсъ историко-филологическаго факультета, за исключеніемъ одного лица, получившаго образованіе на богословскомъ факультетѣ иностраннаго университета.

По русскому языку и словесности вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего.	Замѣщены пе- реводомъ или временно.	Вновь опре- ленными на службу.
Въ гимназіяхъ	31	9	22
„ прогимназіяхъ	9	1	8
„ реальныхъ училищахъ	6	4	2
„ учительскомъ институтѣ	1	1	—
„ учительскихъ семинаріяхъ	7	4	3
Всего.	54	19	35

Въ тѣхъ и другихъ мѣстѣхъ:

Въ 1871 г.	5	2	3
„ 1872 „	6	2	4

въ 1873 „	11	3	8
„ 1874 „	8	3	5
„ 1875 „	10	7	3
„ 1876 „	7	1	6
„ 1877 „	7	1	6
Всего	54	19	35

Вновь опредѣленные на службу получили образование:

Въ университетахъ:	Опредѣленные:				Всего.
	Въ гимназіи.	Прогимназіи.	Реальн. училища.	Учт. семинаріи.	
Въ С.-Петербургскомъ	2	1	—	—	3
„ Московскомъ	1	1	—	—	2
„ Одесскомъ	11	2	—	—	13
„ Кіевскомъ	4	2	—	1	7
„ медико-хирургической академіи	—	—	—	1	1
„ историко-филологическ. институтъ	4	2	—	—	6
„ духовной академіи	—	—	1	—	1
„ высшемъ спеціальному училищю русскому	—	—	—	1	1
„ среднемъ учебномъ заведеніи	—	—	1	—	1
Всего	22	8	2	3	35

Изъ нихъ опредѣлены:	Оконч. курсъ университет.	Ист.-филолог. института.	Духовной академіи.	Высп. спец. училищю.	Средн. учебн. заведеній.
въ 1871 году	3	—	—	—	—
„ 1872 „	2	2	—	—	—
„ 1873 „	7	—	—	1	—
„ 1874 „	5	—	—	—	—
„ 1875 „	3	—	—	—	—
„ 1876 „	3	3	—	—	—
„ 1877 „	3	1	1	—	1
Всего	26	6	1	1	1

Распредѣляя ихъ по факультетамъ, получимъ окончившихъ курсъ:

богословскаго (духовн. акад.)	1
историко-филологическаго	29
юридическаго (въ гимн.)	1
медицинскаго (въ учит. семин.)	1
физико-математическаго (въ приготовитель- номъ классѣ гимназій)	1
спеціально-техническаго	1
среднихъ учебныхъ заведеній	1

По математикѣ и физикѣ вакантныхъ мѣстъ было:

въ гимназіяхъ	24
“ прогимназіяхъ	10
“ реальныхъ училищахъ	8
“ учительскомъ институтѣ	1
“ учительскихъ семинаріяхъ	“
Всего	46

Только 4 вакансіи замѣщены переводомъ лицъ изъ другихъ учебныхъ заведеній или временно по найму, въ гимназіяхъ въ 1871 и 1875 гг., въ прогимназіи въ 1874 г. и въ учительскомъ институтѣ въ 1875 г.; два вакантныхъ мѣста въ гимназіяхъ заняты окончившими курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1874 и 1876 гг.; на остальные опредѣлены лица, окончившія курсъ физико-математическаго факультета университетовъ, а именно:

	Въ гимназіи.	Прогимназіи.	Реал. учил.	Учит. семин.	Всего
С.-Петербургскаго	1	2	1	1	5
Московскаго	1	—	1	1	3
Одесскаго	14	6	5	1	26
Кіевскаго	4	1	1	—	6
Всего	20	9	8	3	40

Они поступили на службу: въ 1871—2, 1872—4, 1873—9, 1874—4, 1875—7, 1876—7 и 1877—7.

По естественной исторіи и химіи было всего 9 вакантных мѣстъ въ реальныхъ училищахъ, изъ которыхъ 3 замѣщены переводомъ преподавателей изъ другихъ учебныхъ заведеній или временно по найму; на остальные 6 опредѣлены лица, окончившія курсъ физико-математическаго факультета Новороссійскаго университета (въ Одессѣ).

По исторіи и географіи вакантныхъ мѣстъ оказалось:

	Всего.	Замѣщены переводомъ или временно.	Вновь посту- пившии на службу.
Въ гимназіяхъ	16	3	13
„ прогимназіяхъ	5	1	4
„ реальныхъ училищахъ	4	2	2
„ учительскихъ семинаріяхъ	5	2	3
Всего	30	8	22

Мы не приводимъ перечисленія по годамъ, по чрезмѣрной дробности чиселъ. Достаточно примѣровъ этого распредѣленія приведено выше. Изъ 22 преподавателей, вновь опредѣленныхъ, получили образованіе:

На историко-филологическомъ факультетѣ университетовъ:

Московскаго	1
Харьковскаго	1
Одесскаго	8
Кіевскаго	9
Въ историко-филологическомъ институтѣ	2
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (въ учит. семин.)	1
Всего	22

По нѣмецкому языку вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего.	Замѣщено пе- реводомъ или временно.
въ гимназіяхъ	2	1
„ прогимназіяхъ	6	2
„ реальныхъ училищахъ	5	1
Всего	13	4

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 159

Изъ 9 преподавателей, вновь опредѣленныхъ, 6 получили образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и 3 въ иностранныхъ университетахъ, одинъ на богословскомъ факультетѣ, другой на историко-филологическомъ, о третьемъ не объяснено, на какомъ факультетѣ получилъ образованіе.

По французскому языку вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего.	Замѣщено переводомъ или временно.
въ гимназіяхъ	4	2
„ прогимназіяхъ	7	1
„ реальныхъ училищахъ	6	1
Всего	17	4

Вновь опредѣленные преподаватели получили образованіе:

Въ иностранныхъ университетахъ на историко-филологическомъ факультетѣ 3

Въ высшихъ спеціальныхъ училищахъ:

иностраннхъ 2
русскихъ 1

Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 7

Всего 13

По механикѣ изъ 2 вакантныхъ мѣстъ, открывшихся въ реальныхъ училищахъ въ 1875 г., одно замѣщено переводомъ, другое получившимъ образованіе на физико-математическомъ факультетѣ Новороссійскаго университета.

По письмоводству и счетоводству, изъ двухъ вакантныхъ мѣстъ (въ реал. учил.), одно замѣщено окончившимъ курсъ юридическаго факультета С.Петербургскаго университета, другое питомцемъ высшихъ спеціальныхъ училищъ русскихъ.

По черченію и рисованію вакантныхъ мѣстъ было:

въ гимназіяхъ	6
„ прогимназіяхъ	7
„ реальныхъ училищахъ	5
Всего	18

Только 2 вакансіи въ прогимназіяхъ замѣщены переводомъ, на остальные опредѣлены получившіе образованіе:

На физико-математическомъ факультетѣ	
Новороссійскаго университета.	1
Въ высшихъ спеціальныхъ училищахъ:	
русскихъ	9
иностраннхъ.	2
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	
	4
<hr/>	
Всего.	16

Всего же опредѣлено вновь преподавателей въ Одесскомъ учебномъ округѣ:

Окончившихъ курсъ:	Въ гимназіи.	Прогимназіи.	Реальн. уч.-лица.	Учители семинаріи.	Всего.
Университетовъ С.-Петербургскаго	5	3	2	1	11
Московскаго	4	2	1	1	8
Казанскаго	1	—	—	—	1
Харьковскаго	1	1	—	—	2
Одесскаго	36	11	12	1	60
Кіевскаго	15	3	3	3	24
Варшавскаго	1	—	—	—	1
Дерптскаго	1	—	—	—	1
Иностраннхъ.	5	2	2	—	9
Медико-хирургической академіи	—	—	—	1	1
Историко-филологическаго института	14	5	—	—	19
Духовной семинаріи	—	—	1	—	1
Лейпцигской семинаріи	1	—	—	—	1
Бывшихъ славянск. стипендіатовъ.	5	3	—	—	8
Высшихъ учебныхъ заведеній:					
русскихъ	4	5	2	1	12
иностраннхъ.	—	1	3	—	4
Среднихъ учебныхъ заведеній	4	7	9	1	21
<hr/>					
Всего.	97	43	35	9	184

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 161

По факультетамъ:

Богословскому	2	—	1	—	—	3
Историко - филологиче- скому	64	20	4	—	3	91
Физико-математическому.	22	9	15	—	3	49
Юридическому	1	—	1	—	—	2
Медицинскому	—	—	—	—	1	1
Спеціально-техническому	4	6	5	—	1	16
Среднихъ учебныхъ за- веденій	4	7	9	—	1	21
Всего	97	42	35	—	9	183

Объ одномъ преподавателѣ нѣмецкаго языка не объяснено, на какомъ факультетѣ онъ окончилъ курсъ.

Окончившіе курсъ историко-филологическаго факультета занима-
лись преподаваніемъ:

древнихъ языковъ.	37
русской словесности	29
исторіи и географіи	21
французскаго языка	3
нѣмецкаго языка	1
Всего.	91

Физико-математическаго:

математики	40
естествовѣдѣнія.	6
механики:	1
русскаго языка.	1
черченія и рисованія.	1
Всего.	49

Юридическаго:

русскаго языка.	1
бухгалтеріи	1

Медицинскаго:

русскаго языка.	1
-------------------------	---

Богословскаго:

русскаго языка. . .	1
древнихъ языковъ. . .	1
нѣмецкаго языка . . .	1

Спеціально-техническаго:

русскаго языка. . .	1
бухгалтеріи	1
черченія и рисованія. . .	11
французскаго языка . . .	3
Всего	16

Получившіе образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподавали:

русскій языкъ . . .	1
математику	2
исторію и географію. . .	1
нѣмецкій языкъ. . .	6
французскій языкъ . . .	7
черченіе и рисованіе. . .	4
Всего. . . .	21

Распредѣленіе преподавателей по времени поступленія ихъ на службу изображено въ слѣдующей таблицѣ:

Окончившіе курсъ:	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	Всего.
въ русскихъ университетахъ и медико - хирургической академіи. . . .	9	8	23	15	17	20	17	109
„ иностранныхъ университетахъ	1	—	1	1	2	2	2	9
„ историко - филологическомъ институтѣ . . .	1	4	5	1	—	6	2	19
„ духовныхъ академіяхъ . . .	—	—	—	—	—	—	1	1
„ Лейпцигской семинаріи. . .	—	—	—	—	—	1	—	1

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 163

Окончившіе курсъ:	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	Всего.
бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ.	2	1	—	2	1	—	2	8
въ высшихъ спеціальныхъ училищахъ:								
русскихъ	—	—	3	2	—	4	3	12
иностраннхъ	—	—	1	—	—	2	1	4
„ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.	—	2	1	3	1	8	6	21
Всего	13	15	34	24	21	43	34	184

Кіевскій учебный округъ.

Свѣдѣнія о вакантныхъ преподавательскихъ должностяхъ, за послѣдніа семь лѣтъ, доставлены:

- изъ 11 гимназій,
- „ 7 прогимназій,
- „ 7 реальныхъ училищъ,
- „ 2 учительскихъ институтовъ,
- „ 2 учительскихъ семинарій.

Всего изъ 29 учебныхъ заведеній.

Въ томъ числѣ были вновь учреждены и открыты:

- въ 1872 г. 1 гимназія,
- „ 1873 г. 2 реальныя училища,
- „ 1874 г. 2 прогимназіи,
- 1 учительскій институтъ,
- „ 1875 г. 1 реальное училище,
- 1 учительская семинарія,
- „ 1876 г. 1 реальное училище,
- „ 1877 г. 1 прогимназія,
- 1 реальное училище.

Всего 11 учебныхъ заведеній.

Въ указанныхъ выше 29 учебныхъ заведеніяхъ преподавательскихъ вакантныхъ должностей имѣлось:

	Всего.	Замѣнены переводомъ или временно.	Вновь поступившими на службу.
въ гимназіяхъ	119	26	93
„ прогимназіяхъ	39	8	31
„ реальныхъ училищахъ	61	12	49
„ учительск. институтахъ	16	4	12
„ учительскихъ семинаріяхъ	11	—	11
Всего	246	50	196

А именно:

Въ 1871 году	23	11	12
„ 1872 „	25	4	21
„ 1873 „	41	11	30
„ 1874 „	52	5	47
„ 1875 „	33	7	26
„ 1876 „	35	6	29
„ 1877 „	37	6	31
Всего	246	50	196

По слѣдующимъ предметамъ преподаванія:

Русскому языку	43	7	36
Древнимъ языкамъ	57	6	51
Математикѣ и физикѣ	40	8	32
Естествовѣдѣнію и химіи	10	1	9
Исторіи и географіи	30	9	21
Нѣмецкому языку	19	8	11
Французскому	15	7	8
Механикѣ	4	—	4
Письмоводству и счетоводству	5	—	5
Черченію и рисованію	23	4	19
Всего	246	50	196

Вакантныхъ мѣстъ по древнимъ языкамъ было:

	Всего.	Замѣнено переводомъ или временно.	Вновь поступившими на службу
Въ гимназіяхъ	46	5	41
„ прогимназіяхъ	11	1	10

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 165

Въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ:

Въ 1871	10	2	8
1872	6	1	5
1873	8	1	7
1874	13	1	12
1875	9	1	8
1876	6	—	6
1877	5	—	5
Всего .	57	6	51

Вновь опредѣленные на службу получили образованіе:

Опредѣленные:

Въ университетахъ:

	Въ гимназ.	Въ прогимн.	Всего.
С.-Петербургскомъ	1	—	1
Кіевскомъ	25	6	31
Дерптскомъ	2	—	2
Иностранномъ	1	—	1
Историко-филологическомъ институтѣ	4	3	7
Бывшихъ славянскихъ сти- пендіатовъ	8	1	9
Всего	41	10	51

Опредѣлены:	Изъ студен- товъ универ- ситета.	Истор.-фи- л. инсти- тута.	Иностран. уни- верситета.	Бывшихъ стипендіат.
въ 1871 году	6	2	—	—
" 1872 "	3	—	—	2
" 1873 "	6	—	—	1
" 1874 "	8	2	—	2
" 1875 "	6	1	—	1
" 1876 "	2	1	—	3
" 1877 "	3	1	1	—
Всего	34	7	1	9

Означенныя лица всѣ окончили курсъ историко-филологическаго факультета.

По русскому языку и словесности имѣлось вакантныхъ мѣстъ:

	Всего.	Заявлены пе- реводомъ или временно.	Вновь опредѣ- ленными на службу.
Въ гимназіяхъ	14	3	11
„ прогимназіяхъ . . .	10	1	9
„ реальныхъ учили- щахъ	12	3	9
„ учительскихъ инсти- тутахъ	2	—	2
„ учительскихъ семи- наріяхъ	5	—	5
Всего	43	7	36

Въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ:

въ 1871 г.	3	1	2
„ 1872 „	8	1	7
„ 1873 „	6	1	5
„ 1874 „	10	1	9
„ 1875 „	3	—	3
„ 1876 „	6	1	5
„ 1877 „	7	2	5
Всего	43	7	36

Вновь опредѣленные на службу получили образованіе:

Опредѣленные:

Въ университетахъ:	Въ гимназіи.	Прогимназіи.	Реальн. учил.	Учител. инст.	Учител. семин.	Всего.
Кіевскомъ	8	6	8	1	5	28
Харьковскомъ	—	2	1	—	—	3
Историко - филологиче- скомъ институтѣ	1	1	—	—	—	2
Духовныхъ академіяхъ .	2	—	—	1	—	3
Всего	11	9	9	2	5	36

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 167

Изъ нихъ опредѣлены:	Окончившіе курсъ университета.	Историк.-эн-долог. институтъ.	Духовной академіи.
Въ 1871 г.	1	—	1
„ 1872 „	7	—	—
„ 1873 „	5	—	—
„ 1874 „	9	—	—
„ 1875 „	3	—	—
„ 1876 „	5	—	—
„ 1877 „	1	2	2
Всего.	31	2	3

Относительно специальности по факультетамъ, 1 изъ опредѣленныхъ вновь на службу окончилъ курсъ юридическаго факультета, 1 физико-математическаго (оба опредѣлены въ учительскія семинаріи въ 1876 г.), 3 духовныхъ академій, остальные историко-филологическаго факультета.

По математикѣ и физикѣ вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего.	Замѣщены переводомъ или временно.	Вновь опредѣленными на службу.
Въ гимназіяхъ	24	4	20
„ прогимназіяхъ.	3	1	2
„ реальныхъ училищахъ	7	2	5
„ учительскихъ институтъ	3	1	2
„ учительск. семинаріяхъ	3	—	3
Всего.	40	8	32

Въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ:

въ 1871 году	3	3	—
„ 1872 „	5	—	5
„ 1873 „	8	2	6
„ 1874 „	7	1	6
„ 1875 „	5	—	5
„ 1876 „	5	—	5
„ 1877 „	7	2	5
Всего.	40	8	32

За исключеніемъ двухъ, окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній и опредѣленныхъ, одинъ въ гимназію въ 1872 г., а другой въ учительскую семинарію въ 1875 г., остальные окончили курсъ физико-математическаго факультета въ университетахъ:

Кіевскомъ.	22
С.-Петербургскомъ.	3
Московскомъ.	1
Харьковскомъ	3
Одесскомъ	1
<hr/>	
Всего	30

По естественной исторіи и химіи вакантныхъ мѣстъ было:

Въ реальныхъ училищахъ.	5
„ учительскихъ институтахъ	2
„ учительскихъ семинаріяхъ	3
<hr/>	
Всего	10

А именно:

въ 1872 году.	7
„ 1874 „	5
„ 1875 „	2
„ 1877 „	2

Только одно вакантное мѣсто, въ учительскомъ институтѣ, въ 1875 г. замѣщено переводомъ; на остальные опредѣлены окончившіе курсъ физико-математическаго факультета университетовъ:

Кіевскаго.	1
Одесскаго.	1
Медицинскаго факультета Кіевскаго университета	1
<hr/>	
Всего	9

По исторіи и географіи вакантныхъ мѣстъ оказалось:

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕВНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 169

	Всего	Замѣщено не- революцъ или временно.	Вновь опре- дѣленные на службу
Въ гимназіяхъ	14	5	9
„ прогимназіяхъ	4	—	4
„ реальныхъ училищахъ	7	3	4
„ учительскихъ институтахъ	5	1	4
Всего	30	9	21

Въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ:

въ 1871 г.	2	—	2
„ 1872 „	4	1	3
„ 1873 „	7	4	3
„ 1874 „	3	—	3
„ 1875 „	4	2	2
„ 1876 „	3	1	2
„ 1877 „	7	1	6
Всего	30	9	21

Вновь опредѣленные получили образованіе въ университетахъ:

Кіевскомъ	17
Одесскомъ	1
Въ Историко-филологическомъ институтѣ	3
Всего	21

Одинъ только проходилъ курсъ физико-математическаго факультета по естественному отдѣленію, остальные — историко-филологическаго.

По нѣмецкому языку вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего	Замѣнено пе- ревозомъ или временно	Вновь посту- павшіи на службу.
Въ гимназіяхъ	6	4	2
„ прогимназіяхъ	3	2	1
„ реальныхъ училищахъ.	9	1	8
„ учительскихъ институтахъ	1	1	—
Всего	19	8	11

А именно:

	Замѣнены перевозомъ или временно.	Дерптскаго университет.	Иностранн. университет.	Среднихъ учебныхъ за- веденій.
въ 1871 году	4	—	—	—
„ 1873 „	1	—	—	1
„ 1874 „	2	1	1	3
„ 1875 „	—	1	1	—
„ 1876 „	1	—	—	2
„ 1877 „	—	—	—	1
Всего	8	2	2	7

Получившіе образованіе въ Дерптскомъ университетѣ проходили курсъ—одинъ историко-филологическаго факультета, другой физико-математическаго; одинъ изъ питомцевъ иностранныхъ университетовъ также физико-математическаго, а другой историко-филологическаго факультета.

По французскому языку вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего	Замѣнено пе- ревозомъ или временно	Вновь посту- павшіи на службу.
Въ гимназіяхъ	9	4	5
„ прогимназіяхъ	3	2	1
„ реальныхъ училищахъ.	3	1	2
Всего	15	7	8

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 171

А именно:

въ 1871 г.	1	1	—
„ 1872 „	1	1	—
„ 1873 „	5	2	3
„ 1875 „	1	1	—
„ 1876 „	3	2	1
„ 1877 „	4	—	4
Всего.	15	7	8

Изъ 8 вновь опредѣленныхъ одинъ только, опредѣленный въ 1877 году въ гимназію, окончилъ курсъ историко-филологическаго факультета Кіевскаго университета, остальные получили образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ низшихъ церковныхъ школахъ за границей, или домашнее.

По механикѣ въ реальныхъ училищахъ открылись 3 вакантныя мѣста въ 1875 и 1 въ 1876 г., замѣщенные тремя питомцами высшихъ спеціальныхъ училищъ русскихъ и однимъ физико-математическаго факультета Одесскаго университета.

По письмоводству и счетоводству было 5 вакантныхъ мѣстъ въ реальныхъ училищахъ:

въ 1874 г.	2
„ 1875 „	1
„ 1876 „	1
„ 1877 „	1

Къ означеннымъ должностямъ опредѣлены окончившіе курсъ юридическаго факультета университетовъ:

С.-Петербургскаго.	1
Кіевскаго	1

Высшихъ спеціальныхъ училищъ:

русскихъ.	2
иностранныхъ (лѣсной академіи)	1

По черченію и рисованію вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего	Замѣнено пе- ревозомъ или времено	Вновь посту- пившии на службу.
Въ гимназіяхъ.	6	1	5
„ прогимназіяхъ.	5	1	4
„ реальныхъ училищахъ	9	2	7
„ учительскомъ институтѣ	3	—	3
Всего	23	4	19

А именно:

въ 1873 г.	5	—	5
„ 1874 „	5	—	5
„ 1875 „	3	2	1
„ 1876 „	7	1	6
„ 1877 „	3	1	2
Всего	23	4	19

Изъ числа вновь опредѣленныхъ на службу, окончили курсъ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній русскихъ 11, среднихъ учебныхъ заведеній 7 и иностраннаго университета (факультетъ не обозначенъ) 1.

Всего же вновь опредѣлено преподавателей въ Киевскомъ учебномъ округѣ въ періодъ времени съ 1871 г. по 1877 годъ:

Окончившихъ курсъ:	Въ гимназіи.	Прогимназіи.	Реальн. учил.	Учт. инст-тум.	Учт. семипарк.	Всего.
Университетовъ Киевскаго	55	15	21	7	10	108
Московскаго	1	—	—	—	—	1
С.-Петербургскаго	4	—	1	—	—	5
Дерптскаго.	3	—	1	—	—	4
Харьковскаго	—	4	2	—	—	6
Новороссійскаго	1	—	2	1	—	4
Иностраннхъ	2	—	2	—	—	4

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 173

Окончившіе курсъ:	Въ гимназіи.	Прогимназіи.	Реал. учил.	Учл. настѣ- тутѣ.	Учл. семл- варіи.	Всего.
Духовныхъ академій	2	—	—	1	—	3
Историко-филологическаго факультета	7	5	—	—	—	12
Бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ.	8	1	—	—	—	9
Высшихъ спеціальныхъ учебныхъ за- веденій:						
русскихъ	1	3	9	3	—	16
иностранпыхъ	—	—	1	—	—	1
Среднихъ учебныхъ заведеній	9	3	10	—	1	23
Всего.	93	31	49	12	11	196

По факультетамъ:

Вогословскому	2	—	—	1	—	3
Историко-филологическому	60	23	14	5	3	105
Физико-математическому	21	2	12	3	5	43
Юридическому	—	—	2	—	1	3
Медицинскому	—	—	—	—	1	1
Спеціально-техническому	1	3	10	3	—	17
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.	9	3	10	—	1	23
Всего.	93	31	48	12	11	195

Объ одномъ преподавателѣ, получившемъ образованіе въ иностранномъ университетѣ, не объяснено, какого онъ факультета.

Окончившіе курсъ историко-филологическаго факультета занимались преподаваніемъ:

древнихъ языковъ	51
русской словесности	31
исторіи и географіи	20
нѣмецкаго языка	2
французскаго языка	1
Всего.	105

Физико-математическаго:

математики	30
естествовѣдѣніи	8

механики	1
русскаго языка	1
нѣмецкаго языка	2
исторіи и географіи	1
Всего	43

Юридическаго:

русскаго языка	1
письмоводства и книговодства	2

Богословскаго:

русскаго языка	3
--------------------------	---

Медицинскаго:

естествовѣдѣнія	1
---------------------------	---

Спеціально-техническаго:

черченія и рисованія	11
бухгалтеріи	3
механики	3

Всего 17

Среднихъ учебныхъ заведеній:

математики	2
нѣмецкаго языка	7
французскаго языка	7
черченія и рисованія	7

Всего 23

Распредѣленіе ихъ по годамъ изображено въ слѣдующей таблицѣ:

Опредѣлены преподавателями окончившіе курсъ:	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	Всего.
русскихъ университетовъ	9	17	19	32	19	13	19	128
иностранныхъ	—	—	—	1	1	—	2	4
историко-филологическаго ин- ститута	2	1	1	2	1	2	3	12
духовныхъ академій	1	—	—	—	—	—	2	3
бывшихъ стипендіатовъ	—	2	1	2	1	3	—	9

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 175

Определены преподавателями окончавшіе курсъ.	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	Всего.
высшихъ спеціальныхъ учи- лицъ русскихъ . . .	—	—	2	6	3	4	1	16
иностранныхъ . . .	—	—	—	1	—	—	—	1
среднихъ учебныхъ заведеній.	—	1	7	3	1	7	4	23
Всего. . . .	12	21	30	47	26	29	31	196

Виленскій учебный округъ.

Требуемая свѣдѣнія доставили:

- 8 гимназій,
- 5 прогимназій,
- 4 реальныя училища,
- 2 учительскіе института,
- 5 учительскихъ семинарій.

Всего. . . 24 учебныхъ заведенія.

Въ томъ числѣ вновь открытыхъ:

- въ 1872 году 1 реальное училище,
- 2 учительскія семинаріи,
- „ 1873 „ 1 прогимназія,
- 1 учительскій институтъ,
- „ 1875 „ 1 учительскій институтъ,
- 1 учительская семинарія,
- „ 1876 „ 1 учительская семинарія.

Всего. . . . 8 учебныхъ заведеній.

Вакантныхъ преподавательскихъ мѣстъ имѣлось:

	Всего.	Замѣщено пе- реводами или временно.	Вновь посту- пившимъ на службу.
Въ гимназіяхъ	82	15	67
„ прогимназіяхъ	32	10	22
часть оснн, отд. 4.			6

	Всего.	Замѣнены переводомъ или временно.	Вновь поступившіи на службу.
Въ реальныхъ училищахъ	25	6	19
„ учительскихъ институтахъ	7	1	6
„ учительскихъ семинаріяхъ	26	5	21
Всего	172	37	135

А именно:

въ 1871 году	17	1	16
„ 1872 „	19	2	17
„ 1873 „	19	7	12
„ 1874 „	27	11	16
„ 1875 „	34	9	25
„ 1876 „	20	4	16
„ 1877 „	36	3	33
Всего	172	37	135

По слѣдующимъ предметамъ преподаванія:

Русскому языку	35	6	29
Древнимъ языкамъ	33	3	30
Математикѣ	35	8	27
Естествовѣдѣнію	13	2	11
Исторіи и географіи	15	2	13
Нѣмецкому языку	14	6	8
Французскому	12	5	7
Механикѣ	3	—	3
Письмоводству и книговодству	4	—	4
Черченію и рисованію	8	5	3
Всего	172	37	135

Вакантныхъ мѣстъ собственно по древнимъ языкамъ было:

	Всего.	Замѣнены переводомъ или временно.	Вновь определенными на службу.
Въ гимназіяхъ	26	1	25
„ прогимназіяхъ	7	2	5

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕВНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 177

Въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ:

Въ 1871 году . . .	6	—	6
„ 1872 „ . . .	4	—	4
„ 1873 „ . . .	3	—	3
„ 1874 „ . . .	5	1	4
„ 1875 „ . . .	6	1	5
„ 1876 „ . . .	5	1	4
„ 1877 „ . . .	4	—	4
Всего . . .	33	3	30

Преподаватели, вновь поступившіе на службу, получили образованіе:

Въ университетехъ:	Опредѣленные:		
	Въ гимназіи.	Прогимназіи.	Всего.
Московскомъ	3	2	5
С.-Петербургскомъ	1	—	1
Дерптскомъ	5	1	6
Кіевскомъ	1	—	1
иностранпомъ	1	—	1
Историко-филологическомъ институтѣ	10	2	12
Бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	4	—	4
Всего	25	5	30

И проходили всѣ, безъ исключенія, курсъ историко-филологическаго факультета.

По русскому языку и словесности вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего.	Замѣщены переводомъ или временно.	Вновь поступившими на службу.
Въ гимназіяхъ	18	2	16
„ прогимназіяхъ	3	—	3
„ реальныхъ училищахъ	3	1	2
„ учительскихъ институтахъ	2	—	2
„ учительскихъ семинаріяхъ	9	3	6
Всего	35	6	29
			6*

А именно:

Въ 1871 г.	6	1	5
„ 1872 „	1	—	1
„ 1873 „	2	—	2
„ 1874 „	5	1	4
„ 1875 „	10	2	8
„ 1876 „	3	1	2
„ 1877 „	8	1	7
Всего	35	6	29

Вновь опредѣленные преподаватели получили образованіе:

Опредѣленные

Въ университетахъ:

	Въ гимназіахъ.	Прогимназіахъ.	Реальн. учил.	Учтел. инст.	Учтел. семин.	Всего.
Московскомъ	4	2	—	1	1	8
С.-Петербургскомъ.	3	—	1	—	1	5
Кіевскомъ.	2	1	—	1	—	4
Харьковскомъ	—	—	1	—	—	1
Историко-филологическомъ институтѣ	7	—	—	—	—	7
Духовныхъ академіяхъ	—	—	—	—	4	4
Всего	16	3	2	2	6	29

Опредѣлены:

	Окончившіе курсъ университетовъ.	Истор. филол. института.	Духовныхъ академій.
Въ 1871 г.	3	2	—
„ 1872 „	1	—	—
„ 1873 „	1	—	1
„ 1874 „	4	—	—
„ 1875 „	5	2	1
„ 1876 „	1	1	—
„ 1877 „	3	2	2
Всего.	18	7	4

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 179

Получившіе университетское образованіе окончили курсъ на факультетахъ: юридическомъ 3 (опредѣлены въ прогимн., учт. инст. и учт. семин.) и историко-филологическомъ—15.

По математикѣ вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего.	Замѣщены переводомъ или временно.	Вновь поступившіи на службу.
Въ гимназіяхъ	15	3	12
„ прогимназіяхъ	8	3	5
„ реальныхъ училищахъ	3	1	2
„ учительскихъ семинаріяхъ	9	1	8
Всего.	35	8	27

Вновь опредѣленные на службу получили образованіе на физико-математическомъ факультетѣ университетовъ:

О п р е д ѣ л е н н ы е:

	Въ гимназіи.	Прогимназіи.	Реальн. училища.	Учт. семинаріи.	Всего.
Московского	4	2	—	2	8
С.-Петербургскаго	4	—	—	1	5
Варшавскаго	—	1	—	—	1
Харьковскаго	4	1	1	3	9
Кіевскаго	—	1	—	—	1
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	—	—	1	2	3
Всего.	12	5	2	8	27

Распределеніе по годамъ при семъ прилагается:

Вновь опредѣлены кончившіе курсъ:

	Всего вакансій.	Замѣщены переводомъ или временно.	Университетовъ.	Средн. учебн. завед.
Въ 1871 г.	2	—	2	—
„ 1872 „	4	—	4	—

	Всего вакан- сій.	Вновь опредѣлены кон- чившіе курсъ.		
		Замѣнены переводомъ или врен- но.	Университе- товъ.	Среди учебн. заведен.
Въ 1873 г.	5	2	3	—
„ 1874 „	6	3	2	1
„ 1875 „	8	3	4	1
„ 1876 „	2	—	1	1
„ 1877 „	8	—	8	—
Всего.	35	8	24	3

По естествовѣдѣнію и химіи вакантныхъ мѣстъ было въ реаль-
ныхъ училищахъ 4 и въ учительскомъ институтѣ 1; послѣднее замѣ-
щено переводомъ преподавателя изъ другаго учебнаго заведенія; въ
учительскихъ семинаріяхъ, при совмѣстномъ преподаваніи естество-
вѣдѣнія, исторіи и географіи—8, изъ коихъ одно замѣщено также
переводомъ.

На означенныя вакантныя мѣста опредѣлены:

Окончившіе курсъ университетовъ:	Изъ реальна училища.	Учительскія семинаріи.	Всего.
С.-Петербургскаго.	3	5	8
Харьковскаго	—	1	1
Кіевскаго	1	—	1
Высшаго спеціального учебнаго за- веденія	—	1	1
Всего.	4	7	11

А именно: окончившіе курсъ университетовъ въ 1872 г.—1, въ
1875—2, 1876—3, 1877—4 и спеціального училища въ 1874 г.—1.
Изъ получившихъ образованіе въ университетахъ 1 окончилъ курсъ
юридическаго факультета (опредѣленъ въ учит. семинарію), осталь-
ные физико-математическаго.

Отдѣльно по всеобщей исторіи и географіи вакантныхъ мѣстъ

было: въ гимназіяхъ 8, прогимназіяхъ 4, реальныхъ училищахъ 2, учительскомъ институтѣ 1, всего 15, изъ коихъ замѣщены переводомъ лицъ, уже состоявшихъ на службѣ 2 (въ 1873 г. въ гимн. и реальн. учил.).

На остальные опредѣлены окончившіе курсъ университетовъ.

	Въ гимназі- яхъ.	Прогимназі- яхъ.	Реальн. учи- лищахъ.	Учител. се- минаріяхъ.	Всего.
С.-Петербургскаго	1	—	—	—	1
Казанскаго	1	—	—	—	1
Харьковскаго.	3	3	1	1	8
Кіевскаго	2	1	—	—	3
Всего.	7	4	1	1	13

По 1, по 2, или по 3 въ годъ, 1 юристъ, остальные питомцы историко-филологическаго факультета.

По нѣмецкому языку вакантныхъ мѣстъ было:

	Въ гимназі- яхъ.	Прогимназі- яхъ.	Реальн. учи- лищахъ.	Всего.
Всего.	5	6	3	14
Замѣщено переводомъ или временно	3	2	1	6
Окончившими курсъ уни- верситетовъ:				
Дерптскаго	—	1	—	1
Иностраннаго	1	—	1	2
Историко - филологическаго института	—	1	—	1
Среднихъ учебныхъ заведе- ній.	1	2	1	4
Всего.	5	6	3	14

И приходится по 1 или по 2 въ годъ; получившіе образованіе въ университетахъ слушали курсъ историко-филологическаго факультета.

По французскому языку было:

	Въ гимназі- яхъ.	Прогимназі- яхъ.	Реальн. учил- ищахъ.	Всего.
Всего вакантныхъ мѣстъ преподавателей. . . .	7	3	2	12
Въ томъ числѣ замѣщены переводомъ или временно.	2	2	1	5
На остальные опредѣлены окончившіе курсъ иностранныхъ университетовъ (факультетъ назначень).	2	—	1	3
Среднихъ учебныхъ заведеній	3	1	—	4

По механикѣ въ реальныхъ училищахъ было 3 вакантныхъ мѣста, и замѣщены лицами, окончившими курсъ физико-математическаго факультета Московскаго университета 2, и высшаго спеціального учебнаго заведенія русскаго 1.

По письмоводству, счетоводству и книговодству было 4 вакантныхъ мѣста въ реальныхъ училищахъ, и замѣщены преподавателями, окончившими курсъ юридическаго факультета университетовъ:

С.-Петербургскаго.	1
Московскаго.	2
Кіевскаго.	1

По черченію и рисованію было всего 8 вакантныхъ мѣстъ: 3 въ гимназіяхъ, 1 въ прогимназіи, 1 въ реальномъ училищѣ, всѣ замѣщенные, или переводомъ изъ другаго учебнаго заведенія лицъ, уже состоявшихъ на службѣ, или временно по найму; и 3 вакантныхъ мѣста въ учительскихъ институтахъ, на которыя опредѣлены лица, обучашіяся въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ русскихъ.

Всего же въ Виленскомъ учебномъ округѣ, по всѣмъ предметамъ преподаванія насчитывалось 135 преподавателей, вновь опредѣленныхъ на службу, которые получили образованіе:

Въ университетахъ:	Опредѣленные:					Всего.
	Въ гимназ.	Прогимназ.	Рекл. учил.	Учит. инст.	Учит. соин.	
Московскомъ	11	6	4	1	3	25
С.-Петербургскомъ	9	—	5	—	7	21
Дерптскомъ	5	2	—	—	—	8
Варшавскомъ	—	1	—	—	—	1
Казанскомъ	1	—	—	—	—	1
Харьковскомъ	7	4	3	1	4	19
Кіевскомъ	5	3	2	1	—	11
Иностранныхъ	4	—	2	—	—	6
Духовныхъ академіяхъ	—	—	—	—	4	4
Историко-филологическомъ институтѣ	17	3	—	—	—	20
Бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	4	—	—	—	—	4
Высшихъ специальныхъ учебныхъ заведенійхъ русскихъ	—	—	1	3	1	5
Среднихъ учебныхъ заведенійхъ	4	3	2	—	2	11
Всего	67	22	19	6	21	135
По факультетамъ:						
Богословскому	—	—	—	—	4	4
Историко-филологическому	48	13	4	2	1	68
Физико-математическому	12	5	7	—	11	35
Юридическому	1	1	4	1	2	9
Специально-техническому	—	—	1	3	1	5
Въ среднихъ учебныхъ заведенійхъ	4	3	2	—	2	11
Всего	65	22	18	6	21	132

Къ какому факультету принадлежали 3 преподавателя французскаго языка, получившіе образованіе въ иностранныхъ университетахъ, неизвѣстно.

Окончившіе курсъ историко-филологическаго факультета занимались преподаваніемъ:

Древнихъ языковъ	30
Русскаго	22
Нѣмецкаго	4
Исторіи и географіи	12
Всего	68

Физико-математическаго, преподаваніемъ:

Математики , ...	24
Естествовѣдѣнія	9
Механики	2
Всего.	35

Юридическаго:

Русскаго языка	3
Исторіи, географіи и естественной исторіи	2
Бухгалтеріи и писъмоводства	4
Всего	9

Богословскаго:

Русскаго языка	4
Спеціально-техническаго	
Механикѣ	1
Естествовѣдѣнія	1
Черченія и рисованія	3
Всего.	5

Среднихъ учебныхъ заведеній:

Нѣмецкаго языка	4
Французскаго	4
Математики	3
Всего.	11

Распредѣленіе ихъ по годамъ при семъ прилагается:

Опредѣлены получившіе обра- зованіе:	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	Всего.
въ русскихъ университетахъ . . .	11	11	9	9	15	8	22	85
иностраннхъ	2	—	1	—	—	2	1	6
„ духовныхъ академіяхъ.	—	—	1	—	1	—	2	4
„ историко-филологическомъ ин- ститутѣ.	2	2	1	3	4	4	4	20
бывшихъ славянскихъ стипендіа- товъ.	—	1	—	1	2	—	—	4
„ высшихъ спеціальныхъ учили- щахъ русскихъ	—	—	—	2	1	—	2	5
„ среднихъ учебныхъ заведенійхъ.	1	3	—	1	2	2	2	11
Всего.	16	17	12	16	25	16	33	135

Варшавскій учебный округъ.

Требуемыя свѣдѣнія доставили:

- изъ 18 гимназій,
- „ 8 прогимназій,
- „ 3 реальныхъ училищъ,
- „ 8 учительскихъ семинарій.
- „ 6 жепскихъ гимназій,
- „ 7 женскихъ прогимназій,

Всего изъ 50 учебныхъ заведеній.

Изъ числа означенныхъ ученыхъ заведеній 1 только реальное училище отзѣчено, по представленнымъ ими вѣдомостямъ, вновь открытымъ, именно въ 1874 году.

Изъ одного только Варшавскаго учебнаго округа получены свѣдѣнія о вакантныхъ преподавательскихъ должностяхъ въ жепскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, и то не изъ всѣхъ учебныхъ заведеній этого разряда, существующихъ въ Варшавскомъ округѣ. Мы рѣшились ими воспользоваться, чтобы имѣть какое либо основаніе для сравненія числа вакантныхъ мѣстъ въ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ таковыми же въ училищахъ другихъ разрядовъ; но со-

знаемъ, что доставленныхъ свѣдѣній слишкомъ недостаточно для извлеченія какихъ либо основательныхъ выводовъ.

Вакантныхъ мѣстъ числилось въ Варшавскомъ учебномъ округѣ:

	Всего.	Замѣнены переводомъ или времен- но.	Новые опре- дѣленныя на службу.
Въ гимназіяхъ	111	46	65
„ прогимназіяхъ	35	18	17
„ реальныхъ училищахъ.	6	—	6
„ учительскихъ семинаріяхъ	20	4	16
„ женскихъ гимназіяхъ и про- гимназіяхъ	36	20	16
Всего	208	88	120

А именно:

въ 1871 году	22	10	12
„ 1872 „	34	11	23
„ 1873 „	47	27	20
„ 1874 „	23	9	14
„ 1875 „	27	11	16
„ 1876 „	36	18	18
„ 1877 „	19	1	17
Всего	208	88	120

По слѣдующимъ предметамъ преподаванія:

Русскому языку.	63	37	26
Древнимъ языкамъ.	51	16	35
Математикѣ	31	11	20
Естествовѣдѣнію	4	1	3
Исторіи и географіи	12	3	9
Нѣмецкому языку	16	9	7
Французскому	16	7	9
Механикѣ.	1	—	1
Черченію и рисованію	14	4	10
Всего	208	88	120

Вакантныхъ мѣстъ собственно по древнимъ языкамъ было:

	Всего.	Замѣщено по-революц. или временно.	Вновь посту-пили на службу.
Въ гимназіяхъ	43	13	30
„ прогимназіяхъ	8	3	5

Въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ:

въ 1871 г.	7	1	6
„ 1872 „	9	5	4
„ 1873 „	8	5	3
„ 1874 „	8	3	5
„ 1875 „	6	—	6
„ 1876 „	6	2	4
„ 1877 „	7	—	7
Всего	51	16	35

Вновь опредѣленные на службу получили образованіе:

Опредѣленные:

Въ университетахъ:	Въ гимназіяхъ.	Прогимназіяхъ.	Всего.
Варшавскомъ	22	2	24
С.-Петербургскомъ	2	—	2
Кіевскомъ	1	1	3
Одесскомъ	—	1	1
Духовныхъ академіяхъ.	1	1	2
Историко-филологическомъ инсти- тутѣ.	1	—	1
Бывшей Варшавской главной школѣ	2	—	2
Всего	30	5	35

Получившіе образованіе въ университетахъ окончили курсъ историко-филологическаго факультета. Распредѣленіе ихъ по годамъ легко вывести изъ вышесприведенной таблицы распредѣленія по годамъ ва-

кантныхъ преподавателей древнихъ языковъ вообще. Въ 1871 голу были опредѣлены: 1 окончившій курсъ духовной академіи, 1 историко-филологическаго института, 1 главной школы, въ 1876 году 1 главной же школы, въ 1877 году 1 духовной академіи; остальные вакантныя мѣста принадлежатъ питомцамъ университетовъ.

По русскому языку и словесности вакантныхъ мѣстъ числилось:

	Всего.	Замѣнено переводомъ на временно.	Вновь поступившими на службу.
Въ гимназіяхъ	26	16	10
„ прогимназіяхъ	7	5	2
„ реальныхъ училищахъ	1	—	1
„ учительскихъ семинаріяхъ	8	1	7
„ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ	21	15	6
Всего	63	37	26

А именно:

въ 1871 году	6	4	2
„ 1872 „	10	3	7
„ 1873 „	16	11	5
„ 1874 „	3	1	2
„ 1875 „	9	7	2
„ 1876 „	14	9	5
„ 1877 „	5	2	3
Всего	63	37	26

Вновь опредѣленные преподаватели получили образованіе:

Опредѣленные:

Въ университетахъ:	Въ гимназіяхъ.	Прогимназіяхъ.	Реальн. училищахъ.	Учит. семинаріяхъ.	Женск. гимн. и прогимназ.	Всего.
Варшавскомъ	3	—	—	—	1	4
С.-Петербургскомъ	1	—	—	1	2	4
Московскомъ	1	—	—	1	—	2

Въ университетахъ:						Всего.
	Въ гимназіи.	Въ прогим- назіи.	Въ реальныя училища.	Въ учебн. семина. Женск. гим- наз. и про- гимназ.		
Кіевскомъ	2	2	—	1	—	5
Духовныхъ академіяхъ	2	—	1	—	3	6
Высшемъ юридическомъ училищѣ.	1	—	—	—	—	1
Среднихъ учебныхъ заведенійхъ .	—	—	—	4	—	4
Всего	10	2	1	7	6	26

Опредѣлены:				
	Окончившіе курсъ ун- верситета.	Духовныхъ академіи.	Средн. учебн. заведеній.	Высш. юрид. училища.
Въ 1871 г.	—	1	1	—
„ 1872 „	4	1	1	1
„ 1873 „	4	1	—	—
„ 1874 „	2	—	—	—
„ 1875 „	1	1	—	—
„ 1876 „	4	—	1	—
„ 1877 „	—	2	1	—
Всего	15	6	4	1

Изъ получившихъ образованіе въ университетахъ 3 окончили курсъ юридическаго факультета, 1 факультетъ восточныхъ языковъ, остальные историко-филологическаго.

По математикѣ вакантныхъ мѣстъ числилось:

	Всего.	Замѣщены переводомъ или временно.	Вновь посту- пившими на службу.
Въ гимназіяхъ	18	8	10
„ прогимназіяхъ	5	1	4
„ реальныхъ училищахъ.	2	—	2
„ учительскихъ семина- ріяхъ	4	2	2
„ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ	2	—	2
Всего	31	11	20

А именно:

Въ 1871 г.	4	2	2
„ 1872 „	1	1	—
„ 1873 „	7	4	3
„ 1874 „	6	2	4
„ 1875 „	3	—	3
„ 1876 „	6	2	4
„ 1877 „	4	—	4
Всего.	31	11	20

Вновь опредѣленные преподаватели получили образование на физико-математическомъ факультетѣ университетовъ:

	Опредѣленные:					Всего.
	Въ гимназіи.	Въ прогимназіи.	Въ реальна училища.	Въ учительск. семинаріи.	Въ женскія гимназіи и прогимназіи.	
Варшавскаго.	6	2	2	1	1	12
С.-Петербургскаго.	2	1	—	1	—	4
Московскаго	—	1	—	—	—	1
Кіевскаго	—	—	—	—	1	1
Въ высшемъ спеціальному учебномъ заведеніи русскомъ	1 ¹⁾	—	—	—	—	1
Въ бывшей Варшавской главной школѣ	2 ²⁾	—	—	—	—	1
Всего.	10	4	2	2	2	20

По естественнѣйшю вакантныхъ мѣстъ числилось въ гимназіяхъ 1 въ 1872 г. и замѣщено окончившимъ курсъ физико-математическаго факультета Кіевскаго университета; въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ замѣщены:

въ 1875 г. окончившимъ курсъ того же факультета Варшавскаго университета,

¹⁾ Опредѣленъ въ 1875 г.

²⁾ Опредѣленъ въ 1877 г.

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 191

въ 1877 г. окончившимъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ 1872 г. переводомъ лица, уже состоявшаго на службѣ.

По исторіи и географіи имѣлось вакантныхъ мѣстъ въ гимназіяхъ 4, прогимназіяхъ 2, женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ 5, учительской семинаріи 1, всего 12, изъ коихъ 3 замѣщены переводомъ лицъ, уже состоявшихъ на службѣ (1 въ прогим., 2 въ женск. гимн.); на остальные опредѣлены лица, вновь поступившія на службу, окончившія курсъ университетовъ:

Предѣленные:

	Въ гимназіи.	Прогимназіи.	Женскія гим- назіи и про- гимназіи.	Учит. семи- наріи.	Всего.
Варшавскаго	3	—	—	—	3
Московскаго.	—	—	—	1	1
С.-Петербургскаго	—	—	2	—	2
Кіевскаго	1	—	1	—	2
Новороссійскаго	—	1	—	—	1
Всего	4	1	3	1	9

Одинъ изъ получившихъ образованіе въ Кіевскомъ университетѣ окончилъ курсъ физико-математическаго факультета; всѣ остальные— историко-филологическаго.

По нѣмецкому языку вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего.	Замѣщено переводомъ или временно.
Въ гимназіяхъ.	7	3
„ прогимназіяхъ.	6	4
„ реальныхъ училищахъ	1	—
„ учительскихъ семинаріяхъ.	1	1
„ женскихъ гимназіяхъ	1	1
Всего	16	9

На 7 вакантныхъ мѣстъ опредѣлены окончившіе курсъ:

Въ университетахъ:

Варшавскомъ.	1
Дерптскомъ	2

Иностранныхъ	3
Въ среднихъ учебныхъ заведе- ніяхъ.	1
<u>Всего. . . . .</u>	<u>7</u>

По факультетамъ:

Богословскому	3
Историко-филологическому . . .	1

Относительно 2 преподавателей факультета не обозначено.

По французскому языку вакантныхъ мѣстъ было:

въ гимназіяхъ	11
„ прогимназіяхъ	3
„ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ	2
<u>Всего . . . . .</u>	<u>16</u>

Замѣщены переводомъ или временно 1 вакансія въ прогимназіяхъ мужскихъ и 6 въ гимназіяхъ; на остальные 9 опредѣлены окончившіе курсъ:

Университетовъ:

Дерптскаго	1
Иностраннаго	1
(Оба историко-филологическаго факультета) Духовной академіи	1
Высшаго спеціального учебнаго заведенія русскаго	1
Среднихъ учебныхъ заведеній	5
<u>Всего. . . . .</u>	<u>9</u>

По механикѣ въ реальныхъ училищахъ было 1 вакантное мѣсто, замѣщенное преподавателемъ, получившимъ образованіе въ высшемъ спеціальному училищѣ.

По черченію и рисованію вакантныхъ мѣстъ числилось:

	Всего.	Замѣщено пе- реводомъ или временно.
Въ гимназіяхъ	1	—
„ прогимназіяхъ	4	3
„ реальныхъ училищахъ.	1	—

	Всего.	Замѣщено пе- реводомъ или временно.
Въ учительскихъ семина- ріяхъ	6	—
; женскихъ гимназій и прогимназійхъ	2	1
Всего.	14	4

На 10 вакантныхъ мѣстъ опредѣлены окончившіе курсъ: высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній 6 и среднихъ учебныхъ заведеній 4. Между послѣдними упоминаются питомцы Строгановскаго училища технического рисованія.

Всего же въ Варшавскомъ учебномъ округѣ оказывается 120 преподавателей, вновь опредѣленныхъ на службу въ послѣдніи семь лѣтъ, а именно:

Окончившихъ курсъ въ университетахъ.	Въ гимназій.	Прогимназ.	Реальн. учил.	Учит. семин.	Женскихъ гимназ. и про- гимназійхъ.	Всего.
Московскомъ	1	1	—	2	—	4
С.-Петербургскомъ	5	1	—	2	4	12
Дерптскомъ	1	1	1	—	—	3
Варшавскомъ	35	4	2	1	3	45
Кіевскомъ	6	3	—	1	2	12
Новороссійскомъ	—	2	—	—	—	2
Духовныхъ академіяхъ	3	2	1	—	3	9
Историко-филологическомъ институтѣ	1	—	—	—	—	1
Иностранныхъ университе- тахъ	3	1	—	—	—	4
Высшихъ специальныхъ учи- лищахъ русскихъ	2	1	2	2	2	9
Юридическомъ училищѣ	1	—	—	—	—	1
Бывшей Главной Варшав- ской школѣ	3	—	—	—	—	3
Среднихъ учебныхъ заведе- ніяхъ	4	1	—	8	2	15
Всего	65	17	6	16	16	120

По факультетамъ:

Богословскому	4	4	2	—	3	13
Историко-филологическому	42	5	—	3	4	54
Физико-математическому	10	4	2	3	4	23
Юридическому	3	1	—	—	—	4
Восточныхъ языковъ	—	—	—	—	1	1
Спеціально-техническому	2	1	2	2	2	9
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	4	1	—	8	2	15
Всего	64	16	6	16	16	118

Къ какому факультету относятся 2 преподавателя нѣмецкаго языка, окончившіе курсъ въ иностранныхъ университетахъ, въ вѣдомостяхъ не означено.

Получившіе образование на Богословскомъ факультетѣ Дерптскаго или иностранныхъ университетовъ, а также въ духовныхъ академіяхъ, занимались преподаваніемъ:

Русскаго языка	6
Древнихъ языковъ	3
Нѣмецкаго	3
Французскаго	1
Всего	13

Окончившіе курсъ историко-филологическаго факультета занимались преподаваніемъ:

Русскаго языка	11
Древнихъ языковъ	33
Исторіи и географіи	7
Нѣмецкаго языка	1
Французскаго	2
Всего	54

Физико-математическаго:

Математики	19
Естествовѣдѣнія	3
Исторіи и географіи	1
Всего	23

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ 195

Юридическаго:

Русскаго языка	4
Факультета восточныхъ языковъ, преподаваніемъ	
Русскаго языка	1

Спеціально-техническихъ:

Математики	1
Механики	1
Черченія и рисованія	6
Французскаго языка	1
Всего	9

Среднихъ учебныхъ заведеній:

Русскаго языка	4
Нѣмецкаго	1
Французскаго	5
Естествовѣдѣнія	1
Черченія и рисованія	4
Всего	15

Распредѣленіе ихъ по годамъ при семъ прилагается:

Получившіе образованіе:	1871.	1872.	1873.	1874.	1875.	1876.	1877.	Всего.
въ русскихъ университетахъ	7	15	12	12	11	12	9	78
иностраннхъ	—	—	2	—	1	—	1	4
„ духовныхъ академіяхъ	2	1	1	—	1	—	4	9
„ историко - филологическомъ институтѣ	1	—	—	—	—	—	—	1
Юридическомъ училищѣ	—	1	—	—	—	—	—	1
Бывшей главной школѣ	1	—	—	—	—	1	1	3
Высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній русскихъ	—	1	3	—	2	3	—	9
Среднихъ учебныхъ заведеній	1	5	2	2	1	2	2	15
Всего	12	23	20	14	16	18	17	120

Дерптскій учебный округъ.

Требуемыя свѣдѣнія доставлены изъ 13 гимназій, 2 реальныхъ училищъ и 3 учительскихъ семинарій, всего изъ 18 учебныхъ заведеній, изъ числа которыхъ вновь учреждены и открыты:

въ 1872 году 1 гимназія,
„ 1875 „ 1 гимназія,
„ 1877 „ 1 учительская семинарія,
<u>Всего . . . 3 учебныя заведенія.</u>

Вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего.	Замѣщены пе- реводомъ или временно.	Вновь посту- пившими на службу.
Въ гимназіяхъ	78	23	55
„ реальныхъ училищахъ	8	5	3
„ учительскихъ семинарі- яхъ	4	2	2
<u>Всего . . . . .</u>	<u>90</u>	<u>30</u>	<u>60</u>

А именно:

въ 1871 году	14	8	6
„ 1872 „	11	1	10
„ 1873 „	13	5	8
„ 1874 „	9	2	7
„ 1875 „	13	5	8
„ 1876 „	11	4	7
„ 1877 „	19	5	14
<u>Всего . . . . .</u>	<u>90</u>	<u>30</u>	<u>60</u>

По слѣдующимъ предметамъ преподаванія:

По русскому языку	24	13	11
Древнимъ языкамъ	24	6	18
Математикѣ	9	3	6
Естествовѣдѣнію	3	—	3
Исторіи и географіи	9	5	4

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 197

Нѣмецкому языку.	11	3	8
Французскому языку.	3	—	3
Черченію и рисованію	7	—	7
Всего.	90	30	60

Собственно по древнимъ языкамъ было вакантныхъ мѣстъ въ гимназіяхъ 24, въ томъ числѣ замѣщены переводомъ или временно по найму 6, на остальные 18 вновь опредѣлены окончившіе курсъ университетовъ (по историко-филологическому факультету):

Дерптскаго.	9
Кіевскаго.	1
Иностранныхъ.	5
Историко-филологическаго института.	3
Всего	18

А именно:

Окончившими курсъ:

	Замѣщены переводомъ или временно.	Русскіи университеты.	Иностран-ныхъ.	Истор.-филологическаго института.
Въ 1871 году.	3	—	1	—
„ 1872 „	—	2	1	—
„ 1873 „	—	1	2	2
„ 1874 „	—	3	1	—
„ 1875 „	—	1	—	—
„ 1876 „	1	—	—	—
„ 1877 „	2	3	—	1
Всего.	6	10	5	3

По русскому языку и словесности вакантныхъ мѣстъ было:

	Всего.	Замѣщены переводомъ или временно.	Вновь поступившими на службу.
Въ гимназіяхъ	19	10	9
„ реальныхъ училищахъ.	1	1	—
„ учительскихъ семинаріяхъ	4	2	2

А именно:

въ 1871 году	5	3	2
„ 1872 „	2	1	1
„ 1873 „	3	2	1
„ 1874 „	2	2	—
„ 1875 „	4	2	2
„ 1876 „	6	2	4
„ 1877 „	2	1	1
Всего	24	13	11

На 11 вакантных мѣстъ опредѣлены окончившіе курсъ историко-филологическаго факультета университетовъ:

	Въ гимназiи.	Учит. семинаріи.
Московскаго	3	—
Дерптскаго	2	—
Историко-филологическаго института	3	—
Духовной академіи	—	1
Среднихъ учебныхъ заведеній	1	1
Всего	9	2

По математикѣ вакантныхъ мѣстъ было: 1 въ реальныхъ училищахъ и 2 въ гимназіяхъ, замѣщенныхъ переводомъ лицъ, уже состоявшихъ на службѣ, и кромѣ того 6 въ гимназіяхъ, на которыя опредѣлены лица, вновь поступившія на службу, окончившія курсъ физико-математическаго факультета С.-Петербургскаго университета 2 и Дерптскаго 4. Ихъ опредѣленіе на службу приходилось по одному въ годъ.

По естественнѣднію было 3 вакансіи въ гимназіяхъ округа, замѣщенные вновь поступившими на службу преподавателями, окончившими курсъ физико-математическаго факультета Дерптскаго университета.

По исторіи и географіи было 2 вакантныхъ мѣста въ реальныхъ училищахъ и 3 въ гимназіяхъ, замѣщенные переводами преподавателей, уже служившихъ, или по найму и 4 вакантныхъ мѣста въ гимназіяхъ, предоставленныя лицамъ, окончившимъ курсъ историко-филологическаго факультета Дерптскаго университета.

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 199

По новымъ иностраннымъ языкамъ: нѣмецкому, 1 вакантное мѣсто въ реальномъ училищѣ и 2 въ гимназіяхъ, замѣщенныя переимѣненіемъ преподавателей изъ одного учебнаго заведенія въ другое; 8 въ гимназіяхъ, того же языка, и 3 французскаго языка, предоставленныя лицамъ, вновь поступившимъ на службу.

Послѣднія, исключительно въ гимназіяхъ, замѣщены лицами получившими образованіе:

	Преподаватели:	
	Нѣмецкаго языка.	Французскаго языка.
Въ Дерптскомъ университетѣ		
на Богословскомъ факультетѣ	1	—
„ историко-филологическомъ	5	—
Въ иностранномъ университетѣ	1	1
Высшихъ спеціальныхъ училищахъ русск.	1	—
„ „ „ иностранныхъ —	—	2
Всего.	8	3

Изъ питомцевъ иностранныхъ университетовъ, одинъ окончилъ курсъ историко-филологическаго факультета, другаго факультета неизвѣстенъ.

По черченію и рисованію было 7 вакантныхъ мѣстъ: 4 въ гимназіяхъ и 3 въ реальныхъ училищахъ. На означенныя мѣста опредѣлены:

Окончившіе курсъ:	Въ гимназіяхъ.	Реальныхъ училищахъ.
Дерптскаго университета по физико-матем. факультету.	—	1
Высшихъ спеціальныхъ училищъ русскихъ	1	2
Иностранныхъ.	2	—
Среднихъ учебныхъ заведеній.	1	—
Всего.	4	3

Всего же въ Дерптскомъ учебномъ округѣ числилось 60 вакантныхъ мѣстъ, на которыя были опредѣлены лица, окончившія курсъ въ университетахъ:

	Въ гимназіи.	Реальн. уч-лища.	Учител. семинаріи.	Всего.
Дерптскомъ	28	1	—	29
Московскомъ	3	—	—	3
С.-Петербургскомъ	2	—	—	2
Кіевскомъ	1	—	—	1
Иностраннхъ	7	—	—	7
Духовной академіи	—	—	1	1
Историко-филологическ. институтъ.	6	—	—	6
Высшихъ спеціальныхъ учебныхъ за- веденіяхъ русскихъ	2	2	—	4
иностраннхъ	4	—	—	4
Среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. .	2	—	1	3
Всего	55	3	2	60

По факультетамъ:

Богословскому	1	—	1	2
Историко-филологическому.	36	—	—	36
Физико-математическому.	9	1	—	10
Спеціально-техническому	7	2	—	9
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.	2	—	1	3
Всего	55	3	2	60

Получившіе образованіе на богословскомъ факультетѣ Дерптскаго университета и въ духовной академіи занимались преподаваніемъ первый нѣмецкаго языка, а второй русскаго.

Получившіе образованіе на историко-филологическомъ факультетѣ—преподаваніемъ:

Русскаго языка	8
Древнихъ языковъ	18
Исторіи и географіи	4
Нѣмецкаго языка.	6
Всего	36

О ЗАМѢЩЕНІИ ВАКАНТНЫХЪ МѢСТЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. 201

Физико-математическаго:

Математики	6
Естествовѣдѣнія	3
Черченія и рисованія	1
Всего	10

Спеціально-техническаго:

Нѣмецкаго языка	1
Французскаго	3
Черченія и рисованія.	5
Всего	9

Среднихъ учебныхъ заведеній:

Русскаго языка	2
Черченія и рисованія.	1

Распредѣленіе по годамъ было слѣдующее:

Окончившіе курсъ университе- товъ:	1871.	1872.	1873.	1874.	1875.	1876.	1877.	Всего.
Русскихъ	2	7	3	5	5	3	10	35
Иностраннхъ.	2	1	2	1	1	—	—	7
Духовныхъ академій.	—	—	—	—	—	1	—	1
Историко - филологическаго ин- ститута	1	—	2	—	—	2	1	6
Высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній: русскихъ	1	—	—	1	1	1	—	4
иностраннхъ	—	2	—	—	—	—	2	4
Среднихъ учебныхъ заведеній	—	—	1	—	1	—	1	3
Всего	6	10	8	7	8	7	14	60

Западная Сибирь.

Требуемая свѣдѣнія доставлены изъ 3 гимназій, 1 реальнаго училища и 1 учительской семинаріи, всего изъ 5 учебныхъ заведеній, изъ коихъ Омская гимназія открыта въ 1876 году, а реальное училище въ 1877 году.

Вакантныхъ мѣстъ числилось всего 28: въ гимназіяхъ 21, реаль-

номъ училищѣ 4 и учительской семинаріи 3; въ томъ числѣ замѣщены переводомъ или временно въ 1874, 1875, 1876 и 1877 годахъ 5 вакансій въ гимназіяхъ и 3 въ реальномъ училищѣ.

Остальныя 20 приходились, по 2, по 3 въ годъ, по слѣдующимъ предметамъ преподаванія:

	Въ гимназі- яхъ.	Реальн. учи- лищъ.	Учител. се- минаріи.
Русскому языку.	4	—	1
Древнимъ языкамъ.	7	—	—
Математикѣ	3	1	1
Исторіи и географіи	2	—	1

По древнимъ языкамъ числилось всего 9 вакантныхъ мѣстъ, 2 замѣщены переводомъ или временно, на остальные 7 опредѣлены окончившіе курсъ университетовъ:

С.-Петербургскаго	1
Казанскаго.	1
Историко-филологическаго ин- ститута.	4
Изъ бывшихъ славянскихъ сти- пендіатовъ	1
Всего	7

По русскому языку и словесности числилось всего 5 вакантныхъ мѣстъ (4 въ гми., 1 въ учит. семин.), на которыя опредѣлены окончившіе курсъ:

Казанскаго университета по исто- рико-филол. факультету.	1
По юридическому.	1
Духовной академіи	2
Бывшаго главнаго педагогическа- го института	1
Всего	5

По математикѣ 3 вакантныхъ мѣста въ гимназіяхъ, 1 въ реаль-

номъ училищѣ, 1 въ учительской семинаріи, на которыя опредѣлены окончившіе курсъ физико-математическаго факультета университетовъ:

Московского	3	•
Казанскаго	2	

По естественнѣдѣнію было одно вакантное мѣсто въ реальномъ училищѣ, замѣщенное переводомъ лица, уже служившаго.

По исторіи и географіи 2 вакантныя мѣста въ гимназіяхъ, 1 въ учительской семинаріи, на которыя опредѣлены окончившіе курсъ университетовъ:

Казанскаго по историко-филологическому факультету	1
По юридическому	1
Московского по юридическому	1

По инострапнымъ языкамъ: нѣмецкому, было 2 вакантныя мѣста въ гимназіяхъ; французскому 1 въ гимназіи, 1 въ реальномъ училищѣ—по черченію и рисованію 1 въ реальномъ училищѣ—всѣ пять замѣщеныя лицами, уже состоявшими на службѣ.

Такимъ образомъ, на 20 вакантныхъ мѣстѣ, открывшихся въ Западной Сибири, опредѣлены окончившіе курсъ:

Университетовъ:	Въ гимназіи.	Реальн. училищъ.	Учит. семинаріи.	Всего.
Московского	2	1	1	4
С.-Петербургскаго	1	—	—	1
Казанскаго	6	—	1	7
Духовной академіи	1	—	1	2
Историко-филологическаго института	4	—	—	4
Бывшаго главнаго педагогическаго	1	—	—	1
Изъ бывшихъ славянскихъ стипендіатовъ	1	—	—	1
Всего	16	1	3	20

По факультетамъ:

Богословскому.	1	—	1	2
Историко-филологическому.	10	—	—	10
Физико-математическому	3	1	1	5
Юридическому	2	—	1	3
<hr/>				
Всего	16	1	3	20

Восточная Сибирь.

Требуемая свѣдѣнія доставлены изъ 2 гимназій означеннаго учебнаго округа, 2 прогимназій, 1 реальнаго училища и 2 учительскихъ семинарій, всего изъ 7 учебныхъ заведеній, изъ числа которыхъ вновь учреждены и открыты: въ 1872 г. одна учительская семинарія, въ 1873 г. другая и въ 1876 г. прогимназія.

Вакантныхъ мѣстъ числится, въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ всего 32, а именно:

въ гимназіяхъ	20
„ прогимназіяхъ.	4
„ учительскихъ семинаріяхъ	8

Только 1 въ прогимназіи и 1 въ учительской семинаріи замѣщены переводомъ и перемѣщеніемъ лицъ уже служащихъ.

По древнимъ языкамъ числится въ гимназіяхъ 8 вакантныхъ мѣстъ и замѣщены окончившими курсъ:

Университетовъ: Московскаго	1
С.-Петербургскаго	1
Кіевскаго	1
Историко-филологическаго института	1
Духовныхъ академій.	4
<hr/>	
Всего	8

По русскому языку и словесности 2 вакантныхъ мѣста въ гимназіяхъ, 1 въ прогимназіи, 2 въ учительскихъ семинаріяхъ, всего 5, и замѣщены окончившими курсъ:

С.-Петербургскаго университета по факультету восточныхъ языковъ		1
Историко-филологическому.		1
Духовной академіи (въ прогимн.)		1
Среднихъ учебныхъ заведеній (въ учит. семин.)		2
Всего		5

По математикѣ 5 вакантныхъ мѣстъ въ гимназіяхъ и 2 въ учительскихъ семинаріяхъ; замѣщены лицами, окончившими курсъ физико-математическаго факультета университетовъ:

Московскаго	1
С.-Петербургскаго	2
Казанскаго	2
Новороссійскаго	1
Среднихъ учебныхъ заведеній (въ учит. семин.)	1
Всего	7

По естественнѣднію было 3 вакантныя мѣста въ учительскихъ семинаріяхъ и замѣщены окончившими курсъ того же факультета въ университетахъ:

С.-Петербургскомъ	2
Казанскомъ	1

По исторіи и географіи 3 вакантныхъ мѣста въ гимназіяхъ и замѣщены окончившими курсъ:

Московскаго университета, по факультету юридическому	2
Среднихъ учебныхъ заведеній	1

По нѣмецкому языку было 1 вакантное мѣсто въ гимназіи и 2 въ прогимназіяхъ. Изъ послѣднихъ одно замѣщено переводомъ, на другія поступили лица, получившія образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По французскому языку 1 вакантное мѣсто въ гимназіи, 1 въ прогимназіи. На первое опредѣленъ окончившій курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, на второе—С.-Петербургскаго университета по юридическому факультету.

По черченію и рисованію 1 вакантное мѣсто въ учительской се-

минаріи, и замѣщено лицомъ, переведеннымъ изъ другаго учебнаго заведенія.

Такимъ образомъ, изъ 32 вакантныхъ мѣстъ, 2 замѣщены переводомъ, а на остальные поступили лица, получившія образование въ университетахъ:

	Въ гимназіи.	Прогиазіи.	Учт. семи- наріи.	Всего.
Московскомъ	4	—	—	4
С.-Петербургскомъ	5	1	2	8
Казанскомъ	1	—	2	3
Кіевскомъ	1	—	—	1
Новороссійскомъ	1	—	—	1
Духовныхъ академіяхъ	4	1	—	5
Историко-филологическомъ инсти- тутѣ	1	—	—	1
Среднихъ учебныхъ заведенійхъ	3	1	3	7
Всего	20	3	7	30

По факультетамъ:

богословскому	4	1	—	5
историко-филологическому	5	—	—	5
физико-математическому	5	—	4	9
юридическому	2	1	—	3
Восточныхъ языковъ	1	—	—	1
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	3	1	3	7
Всего	20	3	7	30

Изъ опредѣленіе на службу относится къ слѣдующимъ годамъ:

	Окончившіе курсъ уни- версит.	Историко-фи- лолог. инсти- тута.	Духовной академіи.	Средн. учебн. заведеній.	Всего.
Въ 1871 г.	2	—	1	1	4
„ 1872 „	4	—	—	—	4
„ 1873 „	2	—	2	—	4

	Окончашіе курсъ уни- верситета.	Историк.-фи- лолог. инсти- тутъ.	Духовной академіи.	Среди учебн. заведеній.	Всего.
Въ 1874 г.	1	—	—	2	3
„ 1875 „	5	—	1	3	9
„ 1876 „	2	1	—	1	4
„ 1877 „	1	—	1	—	2
Всего.	17	1	5	7	30

Туркестанскій край.

Въ двухъ прогимназіяхъ, открытыхъ въ 1876 году въ гг. Ташкентѣ и Вѣрпомѣ, со времени ихъ учрежденія числилось всего 4 вакантныхъ мѣста преподавателей: одно—русскаго языка и словесности, замѣщенное лицомъ, получившимъ образованіе въ историко-филологическомъ институтѣ; два—по древнимъ языкамъ: на одно опредѣленъ воспитанникъ того же института, а на другое стипендіатъ Лейпцигской филологической семинаріи, и наконецъ одно вакантное мѣсто преподавателя черченія и рисованія, предоставленное лицу, окончившему курсъ въ русскомъ высшемъ спеціальному учебномъ заведеніи.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1878 ГОДУ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, дѣятельность Императорскаго Русскаго Географическаго общества въ минувшемъ году была и очень разнообразна, и весьма обильна важными результатами.

Приступая къ изложенію здѣсь краткаго очерка этой дѣятельности, считаемъ прежде всего умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ изъ членовъ Общества, которые въ теченіе 1878 года покинуты были смертью. Въ числѣ ихъ должно назвать: И. О. Бларамберга, Ю. А. Гагемейстера, И. К. Гейлера, В. В. Дерикера, Ф. Б. Дорандта, д-ра А. Петермана, Ф. М. Собѣщанскаго, Н. Н. Тютчева, Н. В. Ханыкова, В. И. Чаславскаго, М. П. Чурилова, Н. Б. Штиглица и Ю. И. Штубендорфа. Всѣ эти лица принимали болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ занятіяхъ Общества въ разныя эпохи его существованія; всѣ почти оказали болѣе или менѣе существенныя услуги тому кругу знаній, представителемъ которыхъ служить Географическое общество; но изъ числа названныхъ лицъ въ особенности выдаются нѣкоторые по важности ихъ научныхъ заслугъ. Такъ имена бывшаго помощника предсѣдателя Общества Ю. А. Гагемейстера, автора „Разысканій о финансахъ древней Россіи“ (1833 г.), „Топографическаго и хозяйственнаго описанія Прикаспійскаго края и Закавказья“ (1850 г.) и „Статистическаго обзорнія Сибири“ (1854 г.), В. И. Чаславскаго, изслѣдовавшаго хлѣбную торговлю въ центральной Россіи и отхожіе промыслы нашихъ крестьянъ, и молодаго статистика М. П. Чурилова навсегда останутся связанными съ успѣхами русской

статистики и изученія нашихъ экономическихъ отношеній, а имена извѣстнаго своими топографическими работами генерала И. О. Бламберга, метеоролога Ф. Б. Дорандта и въ особенности знаменитаго оріенталиста Н. В. Ханькова — съ развитіемъ нашихъ свѣдѣній о юго-восточныхъ окраинахъ Русской имперіи и прилегающихъ къ нимъ азіатскихъ странъ. Наконецъ, д-ръ Петерманъ извѣстенъ какъ ученый издатель Готскихъ Geographische Mittheilungen, въ которыхъ онъ постоянно знакомилъ Европу съ результатами русскихъ географическихъ изслѣдованій.

Отъ воспоминанія о членахъ Общества, скончавшихся въ истекшемъ году, переходимъ къ обзорѣннѣю текущей ученой дѣятельности его, остановимся прежде всего на экспедиціяхъ Общества, дѣйствовавшихъ въ теченіе минувшаго года. Продолжая въ 1878 году начатыя еще ранѣе предпріятія, снаряжая новыя экспедиціи и оказывая содѣйствіе ученымъ предпріятіямъ своихъ сочленовъ, Географическое общество неуклонно слѣдовало направленію, предначертанному имъ себѣ съ самаго его основанія.

Значительное количество научныхъ силъ Географическаго общества всегда бывало направлено на изслѣдованіе далекихъ окраинъ Россіи, изученіе которыхъ, въ силу исторической необходимости, въ силу условій географическихъ, является одною изъ существеннѣйшихъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ составляетъ прямой долгъ Географическаго общества. Въ ряду новѣйшихъ предпріятій его въ этомъ направленіи первое мѣсто принадлежитъ, безъ сомнѣнія, экспедиціи Н. М. Пржевальскаго въ центральную Азію.

Въ 1877 году г. Пржевальскимъ совершена была экспедиція на озеро Лобъ-норъ, которая принесла значительное количество научныхъ результатовъ, доставила массу естественно-историческихъ коллекцій и совершенно измѣнила карту бассейна р. Тарима. Но путешествіемъ этимъ далеко еще не была исчерпана вся задача, предстоявшая г. Пржевальскому: предполагалось идти на Тибетъ. Невозможность проникнуть въ Тибетъ со стороны Лобъ-нора принудила г. Пржевальскаго избрать обходный путь — на города Гучень и Хами, съ тѣмъ чтобъ отсюда спуститься на югъ къ Цайдаму и слѣдовать далѣе въ Лассу черезъ верховья Голубой рѣчки. Снарядивъ караванъ и запасшись на долгое путешествіе всѣмъ необходимымъ, экспедиція выступила 26-го августа 1877 года изъ Кульджа и направилась въ Гучень. Такъ какъ по большой дорогѣ, ведущей черезъ

города Шихо и Манась, вездѣ по станціямъ разставленн китайскіи войска и частью даже тампаны, то-есть, сильно-каторжные преступники, то чтобъ избавиться отъ различныхъ неприятныхъ случаевъ, которыя почти неизменно должны были встрѣтиться со стороны подобнаго люда, г. Пржевальскій избралъ окольный путь: поднялся мимо озера Эби-нора къ сѣверу до горъ Сауръ, а отсюда направился въ Гучень тѣмъ самымъ путемъ, по которому въ 1875 году шелъ полковникъ Сосновскій. Экспедиція прибыла въ Гучень въ началѣ ноября; дальнѣйшій путь въ Хами былъ свободенъ, но къ сожалѣнію, встрѣтилось непреодолимое препятствіе къ продолженію путешествія.

Еще вскорѣ по выходѣ изъ Кульджи Н. М. Пржевальскій заболѣлъ такъ называемою *Pruritis scroti*, болѣзнью, которая является результатомъ всѣхъ неудобствъ путешествія, дурной воды для питья, соленой пыли, наполняющей воздухъ, и постоянной верховой ѣзды при сильныхъ жарахъ. Болѣзнь эта, постепенно усиливаясь, достигла въ Гученѣ крайней степени. При подобныхъ обстоятельствахъ нельзя было и думать идти впередъ, невозможно было вылѣчиться своими средствами безъ медицинской помощи, въ грязной и холодной юртѣ при сильныхъ морозахъ, которые въ началѣ декабря переходили за 40° Ц., такъ что ртуть въ термометрѣ замерзала пять сутокъ сряду. Поэтому г. Пржевальскій рѣшился возвратиться въ Зайсанскій постъ, вылѣчиться здѣсь и затѣмъ съ новыми силами идти въ Тибетъ. Экспедиція возвратилась въ Зайсанъ 20-го декабря. Весь путь экспедиціи отъ Кульджи до Гученя заключалъ въ себѣ 985 верстъ. Въ первой, большей половинѣ этого пространства экспедиція шла по горамъ, служащихъ связью между Тянь-шанемъ и Тарбагатаемъ и окаймляющимъ съ запада Джунгарскую пустыню; послѣднюю экспедиція пересѣкла по діагонали отъ Саура до Гученя на протяженіи 400 верстъ. Мѣстность равнинная, крайне маловодная; абсолютная высота ея отъ 1.500—2.200 футовъ. Почва въ сѣверо-западной части—глина, въ юго-восточной—сыпучіе пески. Не смотря на мучительную болѣзнь, г. Пржевальскій не покидалъ научныхъ занятій своихъ во все время путешествія; объ этомъ свидѣлствуютъ доставленныя имъ хотя краткія, но весьма любопытныя свѣдѣнія относительно флоры и фауны пройденнаго пространства. Нѣсколько недѣль спокойнаго пребыванія въ Зайсанѣ значительно поправили здоровье путешественника, и онъ считалъ себя въ силахъ продолжать экспедицію. Караванъ уже выступилъ въ путь и сдѣлалъ свой первый переходъ отъ Зайсана, когда его остановила

телеграмма г. военного министра съ приказаніемъ временно приостановить экспедицію въ виду нѣскольکو сомнительныхъ политическихъ обстоятельствъ. Весною 1878 года г. Пржевальскій возвратился съ своимъ спутникомъ, прапорщикомъ Эклономъ, въ Петербургъ.

Возстановивъ окончательно свое здоровье, г. Пржевальскій осенью миувшаго года представилъ Географическому обществу новый проектъ для продолженія прерванной экспедиціи, составленный въ размѣрахъ еще болѣе широкихъ, сравнительно съ предыдущимъ. Признавая полную невозможность пройти до Лассы черезъ Лобъ-норъ, въ особенности въ виду послѣднихъ событій въ Кашгаріи, г. Пржевальскій нашелъ необходимымъ избрать одинъ изъ болѣе далекихъ, кружныхъ путей. Сравнительная оцѣнка всѣхъ этихъ путей заставила его остановиться на двухъ изъ нихъ, какъ наиболѣе удобныхъ: одинъ, болѣе короткій черезъ Гучень, Хами, Цайдамъ, Ша-джеу и верховья Голубой рѣки представляетъ болѣе интереса по своей неизвѣстности и пролегаетъ черезъ мѣстности, почти совершенно не изслѣдованныя, но въ то же время нѣскольکو опасенъ, благодаря значительному количеству китайскихъ войскъ, наполняющихъ сѣверные города этого пути. Другой, болѣе далекій путь идетъ черезъ Ургу и Куку-норъ и далѣе въ томъ направленіи, какимъ обыкновенно слѣдуютъ караваны. Вполнѣ безопасный и спокойный, путь этотъ въ то же время тяжелъ по своей длинѣ, и пролегая по мѣстности уже изслѣдованной, не представляетъ большого научнаго интереса. Достигнувъ Лассы тѣмъ или другимъ путемъ, смотря по обстоятельствамъ, г. Пржевальскій предполагалъ посвятить около года на изученіе Тибета, сдѣлать экскурсію въ юго-восточный Тибетъ и возвратиться въ Россію черезъ западный Тибетъ, Хотанъ, Кашгаръ и Туркестанъ.

Новый проектъ, предложенный г. Пржевальскимъ, встрѣтилъ живое и единодушное сочувствіе въ совѣтѣ Общества, и будучи представленъ его Августѣйшему Предсѣдателю, великому князю Константину Николаевичу, удостоился его полного одобренія. Вслѣдствіе ходатайства Его Высочества послѣдовало Высочайшее соизволеніе на отпускъ изъ суммъ государственнаго казначейства 20,000 рублей золотомъ въ распоряженіе Общества на расходы по экспедиціи. Въмѣстѣ съ самъ, по всеподданнѣйшему докладу г. военного министра, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на командировку полковника Пржевальскаго и состоящихъ въ его распоряженіи прапорщикомъ Эклономъ и Роборовскаго съ сохраненіемъ имъ содержанія, равно какъ и на оказаніе со стороны военнаго министерства содѣйствія снаряженію

экспедиціи. Такимъ образомъ экспедиція, проэктъ которой былъ представленъ совѣту Географическаго общества въ началѣ октября, къ половинѣ декабря прошлаго года была уже окончательно подготовлена и 20-го января 1879 года выступила въ путь. Принимая въ соображеніе всѣмъ извѣстныя высокія качества путешественника, его эпергію и обширныя познанія, столь блистательно проявившіяся въ его прежнихъ путешествіяхъ, можно питать полное убѣжденіе, что эта новая экспедиція принесетъ новыя, обширныя и драгоцѣнныя матеріалы для науки.

Другое учебное путешествіе, снаряженное Географическимъ обществомъ, также направлено было въ среднюю Азію. Еще въ 1876 г. членъ-сотрудникъ Общества Г. Н. Потанинъ предпринялъ поѣздку въ сѣверо-западную Монголію. Въ началѣ 1878 года онъ со своими спутниками возвратился въ Петербургъ и дѣятельно занялся разработкою собранныхъ матеріаловъ. Въ настоящее время почти весь этотъ матеріалъ, обработанъ и значительная часть его уже печатается.

Едва только окончивъ свою экспедицію и вступая назадъ въ предѣлы Россіи, г. Потанинъ могъ убѣдиться въ томъ, что Монголія представляетъ ему много новыхъ вопросовъ, не затронутыхъ имъ за недостаточностью времени. Желая пополнить эти невольныя пробѣлы, г. Потанинъ почти одновременно съ своимъ возвращеніемъ въ Петербургъ подалъ въ совѣтъ Общества проэктъ новой экспедиціи, которая должна изучить мѣстности, не посѣщенныя имъ въ 1876—1877 годахъ, и собрать новый матеріалъ для этнографіи племенъ, населяющихъ страну, которой окраины были очерчены кольцеобразнымъ маршрутомъ прежней поѣздки. Проэктъ г. Потанина былъ встрѣченъ, безъ сомнѣнія, съ самымъ полнымъ сочувствіемъ. Не смотря на всю ограниченность средствъ, находящихся въ распоряженіи Общества, совѣтъ нашелъ возможность ассигновать на экспедицію до 3,000 рублей. Какъ ни недостаточна эта сумма для того, чтобы вполне обезпечить экспедицію, г. Потанинъ рѣшился не откладывать дѣла и готовился уже къ снаряженію въ путь, когда неожиданное благопріятное обстоятельство дало совершенно иной оборотъ этому предпріятію. Услышавъ о подготовленіи г. Потанина къ новому путешествію, одинъ изъ просвѣщенныхъ торговыхъ дѣятелей Западной Сибири, потомственный почетный гражданинъ Иванъ Федоровичъ Каменскій, выразилъ желаніе оказать экспедиціи содѣйствіе и ассигновалъ на нее три тысячи рублей. Щедрое пособіе г. Каменскаго позволило значительно расширить прежде предполагавшіяся изслѣдо-

ванія. Кромѣ г. Потанина, принимающаго на себя главнымъ образомъ этнографическія наблюденія, въ составѣ экспедиціи участвуетъ кандидатъ физико-математическаго факультета С.-Петербургскаго университета, членъ-сотрудникъ А. В. Адриановъ, который принимаетъ на себя естественно-историческую часть изслѣдованій и имѣетъ занятыя, между прочимъ, фотографіей, частью съ натуралистической, а преимущественно съ этнографической точки зрѣнія. Г. Адриановъ вооружился съ этою цѣлью прекраснымъ и лишь недавно изобрѣтеннымъ аппаратомъ А. В. Варнерке, представляющимъ значительныя удобства для путешественника, какъ по своей легкости, такъ и по простотѣ необходимыхъ для работы манипуляцій. Третьимъ членомъ экспедиціи имѣетъ быть одинъ изъ членовъ корпуса топографовъ, который получить свое специальное назначеніе—вести маршрутную съемку пути. Планъ экспедиціи, на сколько онъ выработанъ г. Потанинымъ, слѣдующій: Лѣто 1879 года экспедиція проведетъ въ системѣ Енисея. Исходнымъ пунктомъ экспедиціи будетъ мѣстность Кошъ-агачъ, лежащая въ Війскомъ округѣ, на государственной границѣ. Начало лѣта будетъ употреблено на изслѣдованіе промежутковъ между четырьмя большими озерами сѣверо-западной Монголіи: Убса, Киргизъ-норъ, Хара-усу и Дурга-норъ. Рѣшивъ вопросъ о соединеніи или отдѣльности этихъ озеръ, а также собравъ весеннюю флору озерной котловины и окружающихъ ее горъ, экспедиція, обойдя озеро Убса съ запада, перевалитъ черезъ хребтъ Тапгну-ола однимъ изъ самыхъ западныхъ горныхъ проходовъ и пройдетъ по долинѣ Камчика, внизъ до Улу-кема, а потомъ пересѣчетъ малоизвѣстные лѣвые притоки этой рѣки и достигнетъ до береговъ озера Косогола. Обогнувъ его съ сѣвера, экспедиція долиной рѣки Эга выйдетъ къ зимѣ въ Кяхту. Такимъ образомъ экспедиціей будетъ пройдена вдоль вся земля, занимаемая Урянхайцами Татарскаго племени; пребываніе въ средѣ ихъ почти въ теченіе цѣлаго лѣта дастъ возможность собрать объ этомъ народѣ болѣе полныя свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, какія имѣлись до сихъ норъ. Въ картографическомъ отношеніи экспедиція займется покрытіемъ тѣхъ пробѣловъ, какіе оказались на составленной экспедиціей двухъ прошлыхъ лѣтъ и приготавливаемой къ печати картѣ сѣверо-западной Монголіи. Если пайдутся средства на продолженіе экспедиціи, слѣдующія затѣмъ два лѣта г. Потанинъ желалъ бы употребить на разѣзды въ восточномъ Хангаѣ, въ предѣлахъ между Улсутаемъ и Ургою и въ промежуткѣ между рѣками Эцзинъ-голь и Хуанъ-хэ; все это пространство представляетъ страну, значительныя части которой

совсѣмъ не были посѣщены Европейцами, а о другихъ хотя и имѣются свѣдѣнія, но лишь бѣгло записанныя путешественниками, бы stro проѣхавшими по краю.

Въ дополненіе къ очерку экспедицій Н. М. Пржевальскаго и Г. Н. Потанина, нельзя не указать на дѣятельность еще одного лица, именно—правителя дѣлъ Западно-Сибирскаго отдѣла Географическаго общества, М. В. Пѣвцова, который также совершилъ въ 1878 г. путешествіе въ предѣлы Монголіи. Маршрутъ его поѣздки пересѣкаетъ страну, изслѣдовавшую Г. Н. Потанинымъ, и близокъ съ направлениемъ пути монгольской экспедиціи Н. М. Пржевальскаго, хотя представляетъ въ то же время и своеобразный интересъ. Поводомъ къ снаряженію экспедиціи послужило то обстоятельство, что нѣсколько бійскихъ купцевъ рѣшили отправить изъ Кобдо въ Куку-хото большой торговый караванъ, избирая для его слѣдованія путь, часто употребляющійся китайскими караванами, но мало знакомый нашимъ торговымъ людямъ. Путь этотъ, пролегая значительно южнѣе маршрута г. Neu-Elias'a (1872—1873 гг.) и сѣвернѣе маршрута полковника Соосновскаго, и находясь въ сторонѣ отъ маршрутовъ гг. Припца и Матусовскаго, представляетъ значительный географическій интересъ какъ вообще по своей новизнѣ, такъ и тѣмъ, что можетъ представить новыя данныя для рѣшенія вопроса о соединеніи Хангая и Алтая. Географическое общество, получивъ свѣдѣнія о предпріятіи бійскихъ купцевъ и не желая упустить случай для пополненія нашихъ свѣдѣній о сѣверо-западной Монголіи, просило г. генераль-губернатора Западной Сибири о командированіи вмѣстѣ съ караваномъ одного изъ гг. офицеровъ генеральнаго штаба, находящихся въ его распоряженіи. Выборъ генераль-адъютанта Н. Г. Казнакова остановился, согласно предложенію Общества, на подполковникѣ Пѣвцовѣ. Общество посѣщило снабдить экспедицію всѣми необходимыми для нея инструментами, и въ половинѣ іюля г. Пѣвцовъ оставилъ Омскъ.

Выступивъ изъ Кобдо 6-го сентября, г. Пѣвцовъ, вмѣстѣ съ караваномъ и въ сопровожденіи двухъ топографовъ, направился къ озеру Хара-усу, къ юго-востоку, по широкой горной долинѣ южнаго Алтая и прослѣдовалъ по ней на протяженіи около 180-ти верстъ. Перейдя затѣмъ пустынную равнину около 90 верстъ ширины, г. Пѣвцовъ достигъ мощной вѣтви южнаго Алтая, называемой Мадоту-ола (лѣсная гора), пересваливъ черезъ которую онъ снова увидѣлъ себя въ широкой горной долинѣ, ограниченной съ юга хребтомъ Мадоту-ола, а съ сѣвера однимъ изъ отроговъ Хангая и простирающейся въ юго-восточ-

помъ направлеиъ. Этимъ путемъ караванъ достигъ верховьевъ рѣки Дзабхына. 28-го сентября караванъ остановился на время у кумирни гыгея Нарвини, лежащей на берегу Дзабхына. Отсюда караванъ вступилъ въ горную страну южныхъ отроговъ Хангая; между этою страной и южнымъ Алтаемъ экспедиція спустилась въ обширную долину съ четырьмя весьма большими озерами, къ югу отъ которыхъ лежатъ въ южномъ Алтаѣ двѣ высочайшія вершины: Ихти-богдо и Цасту-богдо, уже описанныя г. Потанинымъ. Около 280-ти верстъ караванъ слѣдовалъ горами; абсолютная высота страны постепенно начала понижаться, и 23-го октября передъ путешественниками открылась необозримая, волнообразная равнина. Это была пустыня Гоби; караванъ вступилъ въ нее 25-го октября. Переходъ черезъ эту часть Гоби былъ сильно затрудненъ страшными песчаными и снѣжными бурями, господствовавшими въ теченіе почти всего ноября мѣсяца. Пройдя по пустынѣ около 150-ти верстъ, караванъ сталъ встрѣчать на пути сѣверо-восточные отроги южнаго Алтая, который непрерывно тянется и здѣсь все въ томъ же сѣверо-западо-западномъ направленіи и исчезаетъ окончательно лишь въ обширной равнинѣ, называемой Голынь-гоби (Голбынь-гоби), подъ 42° сѣверной широты и 126° восточной долготы отъ Ферро. Пройдя эту равнину при сильномъ песчаномъ бурянѣ, караванъ вступилъ въ гористую страну, совершенно отличную по своему строенію отъ горъ южнаго Алтая и простирающуюся приблизительно на 300 верстъ. Въ 250-ти верстахъ до Куку-хото окончилась пустыня Гоби, имѣющая 525 верстъ ширины въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее пересѣкъ г. Шѣвцовъ, и караванъ вступилъ въ мѣстность, населенную Китайцами. Переваливъ черезъ высокій хребетъ Тачинъ-са, караванъ вышелъ на равнину съ весьма густымъ китайскимъ населеніемъ, среди которой лежитъ городъ Куку-хото. Все пройденное отъ города Кобдо до города Куку-хото разстояніе опредѣляется по снятому маршруту въ 2.054 версты, въ томъ числѣ 525 верстъ по пустынѣ Гоби. На этомъ пространствѣ г. Шѣвцовъ опредѣлилъ широты и долготы 16-ти пунктовъ, а топографъ Скопичъ снялъ маршрутъ въ масштабѣ 5-ти верстъ въ дюймѣ, пополненный разпросными свѣдѣніями. Экспедиція благополучно прибыла въ Куку-хото 10-го декабря, и употребивъ двѣ недѣли своего пребыванія въ этомъ городѣ на собраніе различныхъ разпросныхъ свѣдѣній, 25-го декабря перешла въ Калганъ. Обратное движеніе свое г. Шѣвцовъ предполагалъ предпринять на Ургу, Уласутай и затѣмъ на Копъ-агачъ въ Том-

ской губерніи. Изслѣдованіе этого малоизвѣстнаго караваннаго пути можетъ имѣть важное значеніе по отношенію къ географіи страны.

Не оставляя предѣловъ Средней Азіи, мы можемъ упомянуть еще о нѣсколькихъ экспедиціяхъ, хотя и не снаряженныхъ Географическимъ обществомъ, но тѣмъ не менѣе близкихъ Обществу, потому что почти всѣ главные дѣятели этихъ экспедицій его члены, и Общество постоянно стремилось если не матеріально, то по крайней мѣрѣ нравственно поддерживать ихъ. Это суть экспедиціи Н. А. Сѣверцова, И. В. Мушкетова, Н. А. Маева, А. О. Миддендорфа, С. М. Смирнова, изслѣдовавшія съ одной стороны Алай, Памиръ и Бухару, а съ другой—русскія средне-азиатскія владѣнія.

Изслѣдованія Тянь-шаня и Алая и Памира, начавшіяся уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ по инициативѣ Туркестанскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана, продолжаемы были и въ минувшемъ году г. Мушкетовымъ и Сѣверцовымъ.

Пріѣхавъ въ Ташкентъ еще въ сентябрѣ 1877 года, Н. А. Сѣверцовъ немедленно собрался въ путь и въ октябрѣ мѣсяцѣ уже выступилъ въ предварительную поѣздку отъ Ходжента. Въ составъ экспедиціи его входили топографъ г. Скасси и астрономъ г. Шварцъ. Снарядившись затѣмъ окончательно въ городѣ Ошѣ, экспедиція двинулась на Гульчу, а потомъ прошла въ долину Тарн до Ойтала; дальше экспедицію не пустили сиѣга. Отсюда г. Сѣверцовъ двинулся черезъ переваль Акъ-бугузъ, долину Куршаба и переваль Талдыкъ на Алай, а оттуда черезъ переваль Кызыль-артъ въ Заалайскомъ хребтѣ на Памиръ. Экспедиція однако не дошла до озера Каракуля и повернула къ востоку по долинѣ Кокъ-ташъ, а затѣмъ, направляясь на сѣверъ, перевалила черезъ Заалайскій хребетъ и черезъ переваль Шартъ возвратилась въ Ошъ. Результатомъ этой второй поѣздки были зоологическія и геогностическія коллекціи, съемка небольшой части Заалайскаго хребта, разъясненіе орографіи этой мѣстности и опредѣленіе нѣсколькихъ астрономическихъ пунктовъ.

Раннею весною г. Сѣверцовъ предпринялъ новую — третью поѣздку въ горы. Изъ Андижана онъ направился къ Ферганскому хребту, который прошелъ переваломъ Шартъ, спустился къ Узуиъ-ахмату и оттуда снова возвратился въ Андижанъ. Наконецъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года г. Сѣверцовъ выступилъ въ свое четвертое путешествіе въ сопровожденіи полковника Кушакевича какъ коллектора по ботаникѣ и энтомологіи, пренаратора г. Скорнякова, топографа г. Рудпева для съемки и топографа г. Скасси для инструментальной жи-

веллировки. Начавъ свою экспедицію изъ города Маргилана, г. Сѣверцовъ направился въ Андижанъ, и здѣсь г. Скасси опредѣлилъ свой начальный астрономическій пунктъ, а г. Сѣверцовъ занялся научнымъ опредѣленіемъ коллекцій, собранныхъ въ половинѣ декабря 1877 года г. Скорняковымъ, котораго 15-го мая 1878 г. онъ отправилъ для дальнѣйшаго зоологическаго и ботаническаго сбора внизъ по рѣкѣ Сыръ-дарьѣ чрезъ Наманганъ до Ходжента. Изъ Андижана гг. Сѣверцовъ и Скасси направились къ сѣверо-востоку на Учъ-курганъ, гдѣ перешли р. Нарынъ; оттуда чрезъ перевалъ Шартъ пересѣкли водораздѣльный хребетъ, отдѣляющій Чаткаль и Кара-су отъ Узунъ-ахмата, и пошли вверхъ по Нарыну къ рѣкамъ Торкуну и Толюку, не нанесеннымъ ни на какую карту. Здѣсь они осмотрѣли неизвѣстное до того горное пространство самаго внутренняго Тянь-шаня между Узунъ-ахматомъ, Сусамыромъ и Нарыномъ, при чемъ г. Скасси наполнилъ обширный пробѣлъ существующихъ съемокъ, а г. Сѣверцовъ собралъ богатые зоологическія коллекціи и сдѣлалъ интересныя наблюденія относительно геологической исторіи, орографіи и всей вообще физической географіи осмотрѣннаго горнаго пространства,—наблюденія, которыя, по словамъ путешественника, имѣютъ существенное значеніе для научнаго изслѣдованія всей вообще Тянь-шаньской системы. Опъ нашелъ, напримѣръ, древнѣйшіе подъемы въ этой системѣ, предшествовавшіе еще осаждепію горнаго известняка, и огромныя гранитныя массы, составлявшія островъ еще силурийскаго океана и съ тѣхъ поръ не покрыты никакими морскими осадками; нашелъ также не опровержимыя подтвержденія своихъ прежнихъ наблюденій надъ слѣдами ледниковаго періода на Тянь-шанѣ. Кроме того, онъ осмотрѣлъ богатые залежи каменнаго угля и опредѣлилъ множество высотъ.

Экспедиція г. Сѣверцова на Памиръ находилась въ связи со сформированіемъ Алайскаго отряда, и потому она вмѣстѣ съ отрядомъ выступила изъ города Оша 5-го іюля. Работы членовъ экспедиціи были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: г. Скорняковъ отправился чрезъ перевалъ Кара-казикъ вмѣстѣ съ частію отряда для зоологическаго и ботаническаго сбора въ совершенно неизвѣстномъ Каратегинѣ; онъ произвелъ интересный зоологическій и ботанический сборъ на западномъ Аляѣ. Г. Скасси повелъ отъ Оша геодезическую нивеллировку, весьма подробную и точную, чрезъ Гульчу, перевалъ Талдыкъ и поперекъ Алая чрезъ Кызыль-артъ на Памиръ къ озеру Кара-куль, при чемъ опредѣлилъ относительныя высоты 600 пунк-

товъ и каждый вершинный пунктъ нѣсколькими повѣрочными измѣреніями угловъ. Самъ г. Сѣверцовъ, полковникъ Кушакевичъ и г. Рудневъ направились на Алай другимъ путемъ, черезъ переваль Арчаты, и дошедши до Алайскаго отряда у рѣки Кызыль-су, раздѣлились: гг. Кушакевичъ и Рудневъ пошли черезъ Кызыль-артъ къ Кара-кулю, а г. Сѣверцовъ на востокъ, къ Иркештаму, въ отрядъ генерала Абрамова; отсюда г. Сѣверцовъ сдѣлалъ двѣ экскурсіи въ горной области истоковъ Кашгаръ-дарьи и осмотрѣлъ южныя части хребтовъ, соединяющіе Тянь-шань съ Памиромъ. Затѣмъ 31-го іюля всѣ члены экспедиціи сошлись у Кара-куля; при пересмотрѣ собранныхъ ими коллекцій, онѣ оказались весьма полными, въ особенности коллекціи птицъ, рыбъ, пасѣкомыхъ и растеній.

Послѣднія свѣдѣнія отъ г. Сѣверцова были получены въ концѣ октября 1878 г.; онъ телеграфировалъ генералу фонъ-Кауфману, что онъ вернулся съ Памира, и что изслѣдованія его были успѣшны: онъ объѣздилъ его неизвѣстнѣйшія части—Ріанкуль, Зарестъ, Аличуръ, и въ результатъ вездѣ оказалась необходимою полная передѣлка карты; разъяснена историческая географія Памира, добыты весьма интересныя и обильныя географическіе и вообще естественно-научные результаты и богатая коллекція.

Что касается экспедиціи И. В. Мушкетова, то она имѣла въ виду главнымъ образомъ геологическія задачи. Г. Мушкетовъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ предпринялъ изученіе геологическаго строенія горныхъ поднятій Средней Азіи и собралъ прекрасный матеріалъ для геологіи Тянь-шаня. Въ минувшемъ году онъ продолжалъ свои изслѣдованія.

Въ началѣ іюля минувшаго года снарядившись окончательно въ городѣ Ошѣ, г. Мушкетовъ направился къ востоку до крѣпости Гульчи. На этомъ пути, кромѣ изученія массивныхъ отложений лесса, третичныхъ и мѣловыхъ формаций, ему удалось отыскать выходы діабазы, обуславливающіе здѣсь сѣверо-западные поднятія. Потомъ по долинѣ Курпаба, состоящей частью изъ мѣловыхъ, но главнымъ образомъ изъ метаморфическихъ сланцевъ, прорѣзанныхъ гранито-сіенитами, черезъ сланцевый, весьма крутой переваль Шартъ (около 12.500 футовъ), г. Мушкетовъ вышелъ на Алай, гдѣ и присоединился къ военному отряду въ долинѣ Акъ-ташъ. Оттуда, съ отрядомъ, черезъ пологій переваль Тонъ-мурунь (или Тогусъ-мурупъ, около 11.000 футовъ) путешественникъ дошелъ до долины кашгарской Кызыль-су. Плоскій и широкій переваль Тонъ-мурунь, имѣющій скорѣе харак-

теръ плато, нежели горнаго перевала, соединяетъ два массивные хребта—Алайскій или Южно-коканскій и Заалайскій, и служитъ водораздѣломъ рѣкъ—алайской Кызыль-су, принадлежащей къ системѣ Аму-дарьи, и кашгарской Кызыль-су изъ системы Тарима. Главные истоки этихъ рѣкъ берутъ начало въ массивныхъ сѣвѣгахъ Заалайскаго хребта. Изученіе перевала, какъ и восточной части Алая, подтвердило отсутствіе какихъ бы ни было меридіональныхъ поднятій, что уже было высказываемо г. Мушкетовымъ ранѣе, на основаніи изученія Западнаго Алая и Памира. За переваломъ Топъ-мурунь повливаются большія отложенія мѣловыхъ, устричныхъ известняковъ, гипсовъ и третичныхъ песчаниковъ и конгломератовъ, которые залегаютъ на метаморфическихъ сланцахъ. Около долины Кокъ-су г. Мушкетову удалось изслѣдовать громадныя провалы, какъ слѣдствіе размывающей дѣятельности подземныхъ водъ въ пластахъ песчаника и гипса, а около Иркештама изучить разрушеніе третичныхъ песчаниковъ подѣ влияніемъ субаэральныхъ агентовъ. По случаю натянутыхъ отношеній съ Китайцами и небезопасности на границѣ г. Мушкетовъ долженъ былъ пробыть нѣсколько дней при отрядѣ въ Иркештамѣ и Егинѣ, по затѣмъ отправился на сѣверо-востокъ по долинѣ Егина и чрезъ сланцевый перевалъ Таркола (около 13.000 футовъ) на Алайскомъ хребтѣ въ долину Алай-кули, гдѣ метаморфическіе сланцы, мѣстами прорѣзаемые діоритами, прикрываются снова третичными красными песчаниками. Проникнувъ съ Алай-кули до долины Тары и обратно по едва проходимому ущелью Урта-казыкъ и перевалъ Наурузъ (около 14.000 футовъ, тоже на Алайскомъ хребтѣ, по западнѣе Таркола) въ долину Кокъ-су, и отсюда отдѣльною экскурсіей изучивъ огромный перевалъ Велиули (около 15.000 футовъ), бывший до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ, г. Мушкетовъ возвратился долиною Кокъ-су черезъ небольшой перевалъ Икезакъ снова въ Иркештамъ. Результатомъ этой поѣздки было: 1) опредѣленіе новыхъ четырехъ астропомическихъ пунктовъ; 2) съемка въ пятиверстномъ масштабѣ всего пройденнаго пути, и 3) разъясненіе геогностическаго строенія весьма сложной и интересной восточной части Алайскаго хребта, что, въ связи съ прошлогодними изслѣдованіями г. Мушкетова въ западной части этого хребта, даетъ полную картину его геологическаго состава. Здѣсь нашлись, кромѣ вторичныхъ и третичныхъ образованій, огромныя толщи девонскихъ известняковъ и сланцевъ, горныхъ известняковъ и особенно разнообразныя породы кристаллическія, какъ діориты, діабазы, порфиры, сіениты и

пр. Интересно, что здѣсь наблюдается та же особенность въ направленіи выходовъ различныхъ породъ, какъ и въ другихъ частяхъ Тянь-шаня; такъ, вездѣ діабазы обуславливаютъ раздутіе хребта въ сѣверо-западномъ направленіи, тогда какъ сіениты и граниты постоянно сохрпляютъ сѣверо-восточное направленіе, и пр. Въ эту же поѣздку было изслѣдовано нѣсколько ледниковъ типа Firngletscher, на перевалахъ Наурузъ, Беляули и пр. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ иркештамскомъ отрядѣ, г. Мушкетовъ получилъ наконецъ возможность, посѣтить озеро Чатырь-куль. По той же долинѣ Кокъ-су, но уже чрезъ переваль Тянь-джайлау (около 14.000 футовъ) съ массою снѣга и небольшими ледниками, г. Мушкетовъ вышелъ въ долину Алай-куля. Отсюда среди огромныхъ тріасовыхъ песчаниковъ и сланцовъ съ плоскими отпечатками растений, по ущелью Суѣкъ и чрезъ діабазовый переваль того же имени, г. Мушкетовъ достигъ верховьевъ рѣки Арпы, гдѣ мощные тріасовые песчаники залегаютъ на горныхъ известнякахъ. Переваль Суѣкъ представляетъ собою средину громаднаго горнаго узла, въ которомъ сталкиваются діабазовый сѣверо-западный Ферганскій хребетъ съ сѣверо-восточнымъ гранитнымъ Алайскимъ хребтомъ; поэтому здѣсь стратиграфическія отношенія породъ чрезвычайно запутаны. Далѣе, чрезъ широкую нагорную долину Чирмашъ съ роскошными пастбищами, г. Мушкетовъ добрался наконецъ до Чатырь-куля. Изслѣдованіе долины его, какъ и долины Чирмашъ, показало, что осадки ихъ, тождественныя между собою, аналогичны осадкамъ многихъ другихъ озеръ Тянь-шаня и Памира, и что Чирмашъ также нѣкогда былъ подобнымъ же водоемомъ, но уже осушившимся при посредствѣ рѣки Арпы, а Чатырь-куль значительно усыхаетъ. Но всего интереснѣе, что черные остроконечные пики, располагающіеся на гребнѣ юго-восточнаго продолженія Ферганскаго хребта и находящіеся на югѣ и юго-западѣ отъ озера Чатырь-куля, вовсе не представляютъ собою потухшихъ вулкановъ, какъ это сообщаетъ г. Столичка, сопровождавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ одну изъ англійскихъ экспедицій на Памиръ. Всѣ они состоятъ изъ темпозеленаго авгитоваго порфира и плотнаго діабазы. Издали эти копусобразные пики, съ массою осыпи на склонахъ, рисуясь чрезвычайно рельефно на бѣломъ фонѣ вѣчныхъ снѣговъ, дѣйствительно имѣютъ поразительное сходство съ вулканическими конусами; для полнаго разъясненія дѣла г. Мушкетовъ съ большимъ трудомъ избирался на два такіе конуса, но нигдѣ не находилъ настоящихъ вулканическихъ породъ. Этого нельзя не считать самымъ важнымъ результатомъ его

изслѣдованія. Съ бурнаго и холоднаго Чатыръ-куля г. Мушкетовъ спустился по долинѣ Арпа, верстъ на 150, и изслѣдовавъ богатое мѣстороженіе каменной соли въ долинѣ Алабуга, чрезъ песчаниковый Чаарташъ возвратился въ долину Ферганы и въ Андижанъ. Въ концѣ сентября 1878 г. путешественникъ выѣхалъ уже изъ Ташкента въ Петербургъ. Окончательные результаты этой поѣздки слѣдующіе: масса наблюденій чисто стратиграфическаго и орографическаго характера, кромѣ разъясненія геологическаго строенія всего пройденнаго пространства, богатая коллекція породъ, множество геологическихъ разрѣзовъ и геологическая карта окрестностей Чатыръ-куля, замѣчательныхъ по своему геопостическому разнообразію; все это ставитъ экспедицію г. Мушкетова въ рядъ важнѣйшихъ географическихъ приобрѣтеній нашего времени.

Экспедиція для изслѣдованія сельско-хозяйственныхъ условій русскаго Туркестана, начатая еще въ 1877 году, также продолжала свою дѣятельность въ избранномъ направленіи. Двое изъ членевъ ея, академикъ А. Ѳ. Миддендорфъ и г. Руссовъ возвратились въ Петербургъ съ богатымъ запасомъ собраннаго матеріала, но уже здѣсь г. Руссовъ сдѣлался жертвой эпидемической болѣзни, захваченной имъ на пути. Въ предѣлахъ Туркестана остался лишь третій изъ участниковъ экспедиціи, С. М. Смирновъ, поставившій себѣ задачей прослѣдить полный годъ въ растительной жизни страны.

Чтобы дополнить картину изслѣдованій различныхъ мѣстностей Средней Азіи, предпринятыхъ и исполненныхъ въ истекшемъ году, необходимо указать на чрезвычайно любопытныя и важныя географической съ точки зрѣнія рекогносцировки Н. А. Маева въ Бухарѣ. Въ началѣ мая 1878 года генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ поручилъ г. Маеву осмотрѣть пути, ведущіе изъ Самарканда на Гузаръ и далѣе, горами, до Аму-дарьи. Г. Масвъ обозрѣлъ тогда двѣ дороги, ведущія изъ Гузара къ Аму; первый путь ведетъ изъ Самарканда на Джамъ, Чиракчи, Кара-багъ, Гузаръ, Тенга-хорамъ, Дербентъ, Сиръ-объ, Лайлаканъ, Ширъ-абадъ до переправы на Аму при урочищѣ Чушка-гузаръ; второй путь — отъ Самарканда на Джамъ, Чимъ-курганъ (на Кашка-дарѣ), Гузаръ, зимовку Керчакъ, Куйтапъ, Огузъ-булакъ и Келифъ (на Аму). При сравненіи этихъ путей выяснилось, что первый представляетъ несомнѣнныя удобства въ сѣверной своей части и труденъ въ южной, а второй путь, на оборотъ, труденъ въ сѣверной части и доступней въ южной; вслѣдствіе того явилась мысль о необходимости изслѣдованія поперечныхъ горныхъ путей, съ

цѣлью соединенія сѣверной части перваго (гузаро-ширъ-абадскаго пути) съ южною частью втораго (гузаро-келифскаго пути). Исслѣдованіе это также поручено было Н. А. Маеву, который 29-го іюля минувшаго года и выѣхалъ изъ Самарканда въ Бухару, въ составѣ посольства, отправленнаго къ эмиру генераломъ фонъ-Кауфманомъ. Въ Карши Маевъ отдѣлился отъ посольства и направился, въ сопровожденіи переводчика своего Ф. А. Жукова и четырехъ туземныхъ джигитовъ, горами, къ Аму-дарьѣ. Послѣ многихъ распросовъ и предварительныхъ развѣдокъ г. Маевъ призналъ наиболѣе соотвѣтствующую ожиданіямъ горную тропу, проложенную рубщиками лѣса, отъ Тенга-хорама на перевалъ Акъ-башъ. Отсюда г. Маевъ спустился въ долину значительной горной рѣчки Керчакъ-дарьи, до того времени совершенно неизвѣстной географамъ, и прошелъ горами къ кышлаку Куйтанъ; такъ какъ дальнѣйшая часть дороги отъ Куйтана до Келифа на Аму была уже ему извѣстна, то г. Маевъ предпочелъ обрекогносцировать горную дорогу, ведущую отъ Куйтана къ Ширъ-абаду и прорѣзывающую узкимъ ущельемъ всю громаду горъ Куйтанъ-тау (то-есть, юго-западную оконечность Гиссарскаго хребта). При этомъ была осмотрѣна весьма интересная долина горной рѣчки Куйтанъ-дарьи, также совершенно неизвѣстной географамъ и не нанесившейся до послѣдняго времени на карты. Такимъ образомъ результатомъ этой поѣздки г. Маева явилось опредѣленіе горнаго рельефа страны между меридіанами Ширъ-абада и Келифа; открытіе двухъ новыхъ горныхъ рѣчекъ, не высыхающихъ лѣтомъ, Куйтанъ-дарьи и Керчакъ-дарьи; опредѣленіе значенія Келифа, какъ аму-дарьинской переправы; выясненіе вопроса о порогахъ на Аму-дарьѣ между Чушкагузаромъ и Келифомъ; опредѣленіе удобнѣйшаго пути между Гузаромъ и Келифомъ, и рекогносцировка долины рѣки Сурхана отъ переправы Какайты до Саръ-и-джуя.

Отъ предѣловъ Средней Азіи обращаясь къ далекимъ сѣвернымъ окраинамъ Русскаго государства, нельзя не остановиться на томъ громадномъ географическомъ подвигѣ, который совершенъ въ минувшемъ году въ водахъ Ледовитаго океана профессоромъ Норденшѣльдомъ; этотъ ученый, уже давно составившій себѣ славу смѣлаго и опытнаго полярнаго мореплавателя доказавшій возможность плаванія по Карскому морю и проложившій морской путь изъ Европы въ низовья Оби и Енисея, въ истекшемъ году увѣнчалъ блестящимъ подвигомъ свои прежнія усилія: онъ на дѣлѣ доказалъ возможность обогнуть Таймирскій полуостровъ, и посѣтивъ устья Лены, прошелъ

морскимъ путемъ почти вдоль всего сѣвернаго побережья Сибири. Дойдя до устьевъ Лены и направляясь въ дальнѣйшее плаваніе, г. Норденшѣльдъ имѣлъ возможность передать европейскому ученому міру результаты своихъ научныхъ работъ, между которыми значительное количество наблюденій надъ физическою географіей моря, полная картина флоры и фауны Ледовитаго океана и большое число другихъ разнообразныхъ изслѣдованій даютъ богатый матеріалъ для научнаго познанія этой части земнаго шара. Но самую существенную часть трудовъ г. Норденшѣльда составляетъ карта частей Ледовитаго океана, омывающихъ Таймырскій полуостровъ. Составленная по его астрономическимъ наблюденіямъ и съемкамъ, она бросаетъ совершенно новый свѣтъ на топографію всего сѣвернаго побережья Западной Сибири, значительно измѣняетъ астрономическое положеніе Таймыра и наноситъ не мало новыхъ доселѣ неизвѣстныхъ пунктовъ. При самомъ снаряженіи г. Норденшѣльда въ путь, Русское Географическое общество признало необходимымъ принять съ своей стороны посильное участіе въ снаряженіи этой экспедиціи. Обществомъ былъ командированъ къ участію въ плаваніи парохода „Вега“ молодой натуралистъ г. Оскаръ Нордквистъ, получившій весьма основательную научную подготовку и снабженный инструкціями и наставленіями специалистовъ, которыя облегчатъ ему собраніе научныхъ свѣдѣній. Отчетъ г. Нордквиста еще не дошелъ до Общества.

Въ предѣлахъ Сибири, не столь отдаленныхъ, какъ ея сѣверные побережья, имѣла мѣсто экспедиція, снаряженная Географическимъ обществомъ совместно съ министерствомъ путей сообщенія, для изслѣдованія водныхъ путей средней Сибири. Ближайшею цѣлью этой экспедиціи было изученіе водораздѣла бассейновъ Оби и Енисея.

Экспедиція эта отправилась изъ Петербурга въ февралѣ 1878 г. Прибывъ 21-го апрѣля въ Енисейскъ, начальникъ ея баронъ Аминовъ тотчасъ занялся приготовленіями къ предварительной поѣздкѣ, которую онъ полагалъ предпринять съ цѣлью наблюденія надъ весенними водами рѣкъ, входящихъ въ соединительную систему, и для личнаго ознакомленія съ мѣстностью. Узнавъ заранѣе, что самыя высокія весеннія воды бываютъ около среднихъ чиселъ мая, баронъ Аминовъ вмѣстѣ съ своимъ сотрудникомъ г. Порцелемъ отправился 11-го мая изъ Енисейска въ село Московское, гдѣ для дальнѣйшаго слѣдованія экспедиціи была приготовлена лодка и рабочіе; инженеру же г. Липину, оставшемуся въ Енисейскѣ, было поручено окончить

снаряженіе экспедиціи. Изъ села Московскаго, баронъ Аминовъ, слѣдуя днемъ и ночью внизъ по теченію рѣки Бети, прибылъ въ устье рѣки Озерной 16-го мая. Здѣсь необходимо было учредить водомѣрный наблюдательный постъ; но гдѣ найти наблюдателя, который могъ бы каждый день записывать показанія поставленнаго футштока? Все населеніе состояло изъ трехъ семействъ Остяковъ, среди которыхъ не оказалось человѣка, имѣющаго хотя нѣкоторое понятіе о цифрахъ. Не теряя однакоже надежды, баронъ Аминовъ подозвалъ къ себѣ одного молодого Остяка, далъ ему карандашъ и бумагу и заставилъ копировать съ рейки всѣ цифры. Къ удивленію Остякъ сдѣлалъ это столь разборчиво и хорошо, что баронъ Аминовъ рѣшился поручить ему наблюденія надъ футштокомъ. Въ тотъ же день вечеромъ экспедиція отправилась далѣе, и слѣдуя медленно вверхъ по рѣкамъ Озерной, Ломоватой и Язевой, прибыла 21-го числа къ болотамъ, составляющимъ водораздѣлъ рѣкъ Оби и Енисея, при чемъ на рѣкѣ Ломоватой пришлось двѣнадцать разъ выгружать лодку и перетаскивать ее берегомъ, такъ какъ рѣка мѣстами совершенно заграждена карчами. Перетащивъ свою лодку 3¹/₂ версты по болотамъ въ Касовское озеро, путешественники 23-го мая начали спускаться по рѣкѣ Малому Касу, затѣмъ вошли въ Большой Касъ и вышли въ Енисей 27-го числа. Въ устьѣ р. Большого Каса равнымъ образомъ также удалось учредить водомѣрный постъ.

Возвратившись 31-го мая въ городъ Енисейскъ, баронъ Аминовъ нашелъ снаряженіе экспедиціи почти оконченнымъ. Имѣя кромя г. Липина, въ своемъ распоряженіи четырехъ топографовъ и одного техника, приглашеннаго еще въ Петербургѣ, баронъ Аминовъ рѣшился раздѣлить экспедицію на два отдѣленія, изъ которыхъ одно должно было начать работу отъ устья рѣки Большого Каса и идти на встрѣчу другому отдѣленію, которое начало отъ устья рѣки Озерной. Къ 10-му іюня всѣ приготовленія были окончены, и того же числа г. Липинъ, сопровождаемый топографами гг. Точаловымъ и Федоровичемъ, — выѣхалъ изъ Енисейска по рѣкѣ Енисею къ устью Большого Каса, гдѣ 13-го числа приступилъ къ работамъ. Въ то же время баронъ Аминовъ, со своими сотрудниками г. Порцелемъ и топографами гг. Сергѣевымъ и Хондажевскимъ, отправился въ село Московское, куда заранѣе была отправлена провизія экспедиціи, и гдѣ была собрана рабочая команда, состоявшая изъ одного артельщика, 15-ти человѣкъ солдатъ и 15-ти человѣкъ вольнонаемныхъ крестьянъ. Составъ рабочихъ въ отдѣленіи г. Липина былъ точно такой же.

Исслѣдованія въ обоихъ отдѣленіяхъ состояли въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ: Вдоль исслѣдуемаго пути провѣшивалась магистральная линія, которая должна была служить основой для всѣхъ работъ; эта линія тщательно измѣрялась и пронивелировалась, съ отнесеніемъ къ ней какъ горизонта воды въ рѣкахъ, такъ и горизонта встрѣчаемыхъ озеръ и старорѣчій. На общемъ основаніи этой линіи производилась мензурная съемка мѣстности, въ предѣлахъ отъ 100 сажень до одной версты, съ той и другой стороны снимаемыхъ рѣкъ, смотря по характеру мѣстности и по той важности, которую она представляла. Съемка производилась въ масштабѣ 100 сажень въ 0,01 сажени, что дало возможность представить на планахъ даже самыя малые изгибы исслѣдуемыхъ рѣкъ. По всѣмъ рѣкамъ и озерамъ предполагаемаго пути дѣлались на разстояніи около 100 сажень другъ отъ друга поперечныя промѣрныя профили русла рѣки, и въ дополненіе къ нимъ, ватерпасная нивелировка береговъ; на р. Большомъ Касу эти профили дѣлались черезъ 250 сажень одинъ отъ другаго. Всѣ главнѣйшіе притоки исслѣдовались вышеописаннымъ порядкомъ на протяженіи около двухъ верстъ отъ ихъ устьевъ. Во всѣхъ рѣкахъ, входящихъ въ соединительную систему или могущихъ служить для снабженія пути водою, была по мѣрѣ возможности опредѣлена скорость теченія и расходъ воды. Одновременно производились исслѣдованія грунта дна рѣки и береговъ и собирались образцы. Сверхъ этихъ техническихъ исслѣдованій, въ обоихъ отдѣленіяхъ производились ежедневныя метеорологическія наблюденія.

Не входя въ частности этихъ изысканій, замѣтимъ только, что задача, поставленная экспедиціи, была рѣшена ею вполне успѣшно: водораздѣлъ между бассейнами Оби и Енисея не только обстоятельно осмотрѣнъ, но и указано направленіе, по коему можетъ быть устроенъ соединительный водный путь, столь важный для экономическаго развитія средней Сибири.

Обращаясь къ ученымъ поѣздкамъ, совершеннымъ при содѣйствіи Географическаго общества въ предѣлахъ Европейской Россіи, должно прежде всего упомянуть объ экспедиціи И. С. Полякова, посѣтившаго долину р. Оки въ предѣлахъ Муромскаго уѣзда для разысканія тамъ остатковъ каменнаго періода. Результатомъ его исслѣдованій былъ рядъ физико-географическихъ свѣдѣній о долинѣ Оки и громадный запасъ данныхъ о доисторическихъ обитателяхъ этого края. Рядомъ съ орудіями каменнаго вѣка г. Поляковъ нашелъ въ нанос-

номъ слоѣ постройки изъ громаднѣхъ дубовъ и другихъ деревьевъ; изслѣдователь полагаетъ, что это сооруженія бобровъ, которыми пользовался затѣмъ человекъ и усовершенствовалъ ихъ затѣмъ для своихъ цѣлей. Но самое выдающееся въ изслѣдованіяхъ г. Полякова—это раскопка, которую онъ вмѣстѣ съ гр. А. С. Уваровымъ, произвелъ около с. Карачарова. Эта раскопка обнаружила въ древнихъ послѣдниковыхъ наносахъ, въ глинѣ, громадную массу костей вымершихъ животныхъ, какъ-то—мамонта, посорога, первобытнаго быка, вмѣстѣ съ грубыми кремневыми орудіями неолитическаго періода. Послѣ окончанія этой поѣздки г. Поляковъ отправился въ Швецію, Данію, Германію, Англію, Францію и Швейцарію, гдѣ между прочимъ осматривалъ разныя собранія первобытныхъ древностей.

Другая поѣздка въ предѣлахъ Европейской Россіи была совершена при пособіи Общества И. Н. Смирновымъ: она была направлена въ Печерскій край и имѣла цѣлью собрать матеріалы для изученія магнитныхъ элементовъ этого края. Этою поѣздкою заканчивается рядъ совершенныхъ при содѣйствіи Общества изслѣдованій г. Смирнова надъ земнымъ магнетизмомъ въ предѣлахъ Европейской Россіи.

Еще одна экспедиція—также во внутреннія области Россіи—совершена была А. И. Воейковымъ, который въ минувшемъ году посѣтилъ вторично Самарскую луку, и продолжая начатыя имъ въ 1877 году наблюденія, изслѣдовалъ ея сѣверо-восточную часть почти совсѣмъ неизвѣстную. Г. Воейковъ проѣхалъ изъ Самары до села Шириева и отсюда въ нѣкоторыя окрестныя мѣста, какъ напримѣръ, на озеро Елгуши. На склонахъ и въ долипахъ онъ вездѣ нашелъ обнаженія чернаго известняка каменноугольной формации; близъ села Шириева этотъ известнякъ употребляется въ большемъ количествѣ на выдѣлку плитъ, ступеней и т. п., а также на сженіе извести; то и другое сбывается въ Самару и Саратовъ; въ послѣдніе годы усиленному развитію каменоломень содѣйствовала постройка каменнаго желѣзнодорожнаго моста черезъ Волгу близъ села Пятичей. На плоскогорьяхъ, между глубокими крутыми оврагами (буераками), изрѣзывающими эту часть Самарской луки, простирается почти повсюду черноземъ. Тѣмъ не менѣе земледѣліе очень мало развито. Одною изъ главнѣхъ причинъ того является, вѣроятно, недостатокъ воды, которая встрѣчается рѣдко даже въ оврагахъ, вслѣдствіе непроницаемости известняка для воды и еще рѣже на плоскогорьяхъ. Почти единственное исключеніе представляетъ озеро Елгуши. Вся мѣстность покрыта сплошнымъ, хотя и не очень крупнымъ лѣсомъ. Главное вниманіе г. Воей-

кова было обращено точно также какъ и въ предыдущую его поѣздку, на измѣреніе высотъ. Вычисленіе сдѣланныхъ имъ наблюденій еще не окончено, но позволяетъ уже прійти къ тому общему выводу, что западная часть Самарской луки значительно выше восточной.

Послѣ этого обзора ученыхъ экспедицій, исполненныхъ при содѣйствіи Географическаго общества или по крайней мѣрѣ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы достигнутые результаты предоставить въ его распоряженіе, умѣстно упомянуть еще о двухъ ученыхъ предпріятіяхъ, начатыхъ по инициативѣ Общества; мы разумѣемъ, во первыхъ, изслѣдованіе формъ землевладѣнія у Русскаго народа въ связи съ географическими, экономическими и другими условіями, и собраніе свѣдѣній о вскрытіи и замерзаніи рѣкъ въ Европейской Россіи. По первому предмету выработана была обстоятельная программа вопросовъ, а по второму — особый циркуляръ съ просьбой о сообщеніи свѣдѣній. Оба эти обращенія были встрѣчены во многихъ мѣстахъ Россіи весьма сочувственно, и по нимъ уже поступило въ Общество значительное количество отвѣтовъ.

Издательская дѣятельность Географическаго общества имѣетъ столь же широкое развитіе, какъ и предпріятія его по изслѣдованію разныхъ мало еще изученныхъ областей Россіи и смежныхъ съ нею странъ, а также по изученію разныхъ вопросовъ народной жизни экономической и нравственной.

Въ теченіе 1878 г. Общество издавало свой постоянный органъ Извѣстія (томъ XIV), въ которомъ, кромѣ журналовъ засѣданій общаго собранія и отдѣленій, находимъ цѣликомъ многія изъ сдѣланныхъ въ этихъ засѣданіяхъ сообщеній, а также рядъ разныхъ замѣтокъ, отчетовъ и извѣстій географическаго характера. Другое періодическое изданіе Общества составляютъ его Записки, издаваемыхъ особыми серіями по отдѣленіямъ. Въ теченіе минувшаго года вышли въ свѣтъ VIII-й томъ Записокъ по отдѣленію этнографіи и V-й Записокъ по отдѣленію статистики. Первый специально посвященъ народнымъ юридическимъ обычаямъ и содержитъ въ себѣ статьи по обычному праву, какъ русскихъ, такъ и инородцевъ, — А. Я. и П. С. Ефименко, И. И. Ибрагимова, Н. В. Калачова и А. Ф. Кистяковского, князя Н. А. Кострова, П. А. Матвѣева, Д. М. Самоквасова, Е. Т. Соловьева и И. Я. Фойницкаго. Въ новомъ томѣ Записокъ по отдѣленію статистики помѣщены слѣдующія статьи: 1) Кемскій уѣздъ и рыбные промыслы на Мурманскомъ берегу во

врачебномъ и экономическомъ отношеніяхъ—доктора медицины Ульриха; 2) этюдъ свящ. Н. Гиляровскаго „о такъ-называемой порчѣ браковъ вслѣдствіе суровости брачныхъ обычаевъ“; 3) Населеніе Оханскаго уѣзда Пермской губерніи по сословіямъ, возрастамъ и семейному составу по даннымъ X-й ревизіи—свящ. А. Луканина; 4) Статистика купли-продажи поземельной собственности въ С.-Петербургской губерніи за 1867—1876 годы—А. И. Штейна, и 5) Выкупные за земли платежи крестьянъ-собственниковъ, бывшихъ владѣльческихъ за 1862—1876 годы и бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ за 1871—1876 годы—И. И. Вильсона; въ видѣ приложенія къ послѣдней статьѣ помѣщена карта Европейской Россіи, показывающая по уѣздамъ 37-ми губерній проценты недоимки въ выкупныхъ платежахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ къ суммѣ оклада за 12 лѣтъ съ 1862 по 1873 годъ.

Изъ числа отдѣльныхъ изданій, предпринятыхъ Географическимъ обществомъ для обнародованія результатовъ разныхъ совершенныхъ по его инициативѣ экспедицій, въ теченіе 1879 года вышли:

1) II-й томъ Трудовъ юго-западнаго отдѣла этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край; томомъ этимъ, содержащимъ въ себѣ малорусскія народныя сказки, заканчивается юго-западный отдѣлъ, по которому весь собранный матеріалъ составилъ семь большихъ томовъ.

2) Второй выпускъ III-го тома Трудовъ Сибирской экспедиціи, содержащій въ себѣ статью г. Геера: Юрская флора Иркутской губерніи и Амурскаго края, со множествомъ рисунковъ.

3) Три выпуска Трудовъ Аму-дарьинской экспедиціи, заключающіе въ себѣ результаты гидрографическихъ, гидрометрическихъ и физико-географическихъ изслѣдованій; первыя принадлежатъ Н. И. Зубову, а остальные Ф. Б. Дорандту.

Труды другихъ экспедицій, снаряженныхъ Обществомъ, какъ-то: для изученія хлѣбной торговли, въ Литву—Ю. П. Кузнецова, въ Монголію—Н. М. Пржевальскаго, и туда же Г. Н. Потанина, а также А. Л. Чекаповскаго въ Восточную Сибирь—находятся въ печати, и многія части ихъ выйдутъ въ свѣтъ въ теченіе 1879 года. Результаты наблюденій В. Н. Майнова надъ Мордовскимъ племенемъ отчасти сообщены въ Извѣстіяхъ Общества за 1878 годъ, отчасти еще ожидаютъ отъ него въ будущемъ.

Наконецъ, нельзя не упомянуть, что въ теченіе прошлаго года Обществомъ предпринято изданіе замѣчательнаго труда А. Н. Куро-

паткина: Кашгарія,—труда, который заключаетъ въ себѣ обстоятельный очеркъ исторіи и географіи этой страны, а также обзоръ ея военныхъ силъ, торговли и производительности.

Какъ общія собранія Географическаго общества, такъ и засѣданія его отдѣленій, составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ способовъ, которые служатъ, съ одной стороны, для изложенія и обсужденія различныхъ вопросовъ изъ круга географическихъ знаній, а съ другой—для распространенія въ массѣ публики свѣдѣній о новыхъ географическихъ открытіяхъ. Соотвѣтственно тому и собранія минувшаго года представили въ этомъ отношеніи рядъ любопытныхъ сообщеній. Сверхъ того, въ годовомъ собраніи Общества, въ январѣ текущаго года, объявлено было о присужденіи почетныхъ наградъ. Изъ числа ихъ медаль Константиновская была присуждена извѣстному поларному мореплавателю проф. Норденшельду, обогнувшему Таймырскій полуостровъ и изслѣдовавшему крайнюю береговую полосу Западной и частію Восточной Сибири до устьевъ Лены; медаль графа Ө. П. Литке была присуждена Н. А. Сѣверцову за его зоогеографическія изслѣдованія въ Тибѣ-Шагѣ; малыя медали были выданы золотыя—тремъ лицамъ, серебряныя—восьми, и бронзовыя—шести.

Библіотека Общества, заключавшая въ себѣ въ январю 1878 года около 10,450 названій, въ 23,400 томахъ, въ теченіе минувшаго года пополнилась 992 названіями, въ 1864 томахъ, 58 картами и 3 атласами.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ университета св. Владиміра въ 1878 году: личный составъ преподавателей; вакантныя кафедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; присужденіе наградъ за представленныя сочиненія; ученые труды преподавателей; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; командировки съ ученою цѣлію; бюджетъ университета; свидѣнія объ учащихъ; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Въ университетѣ св. Владиміра состояло къ 1-му января 1879 года, сверхъ профессора православнаго богословія, слѣдующее число штатныхъ преподавателей: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 5, экстраординарныхъ 1, доцентовъ 5, лекторовъ иностранныхъ языковъ 2; въ физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 3, доцентъ 1, астрономъ-наблюдатель 1, лаборантъ 1, хранителей кабинетовъ 3; въ юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 8, экстраординарный 1, доцентъ 1; въ медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 8, прозекторовъ 2, помощниковъ прозекторовъ 3, ординаторовъ 9, лаборантовъ 2, повивальная бабка 1. Всего состояло штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ 37, экстраординарныхъ 9, доцентовъ 14, астрономъ-наблюдатель 1, лекторовъ 2, прозекторовъ 2, ординаторовъ 9, лаборантовъ 4, хранителей кабинетовъ 3. Сверхъ того состоялъ одинъ сверхштат-

ный преподаватель по кафедрѣ философіи. Приватъ-доцентовъ имѣлось 10, по слѣдующимъ предметамъ: философіи, метеорологіи, международному праву, полицейскому праву, офталмологіи, частной патологіи, накожными болѣзнями, акушерству, дѣтскихъ и ушныхъ болѣзней. Изъ положенныхъ по дѣйствующему университетскому уставу кафедръ оставались незамѣченными слѣдующія: сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, церковной исторіи, геогнозиса и палеонтологіи съ іюня 1863 года, исторіи славянскихъ законодательствъ, церковнаго законовѣдѣнія, сельскаго хозяйства и лѣсоводства, частной терапіи съ госпитальною клинкою, послѣднія двѣ съ 1877 года.

Въ 1878 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій 16, физико-математическій 16, юридическій 18 и медицинскій 19. По вакантнымъ кафедрамъ поручено было преподаваніе слѣдующимъ приватъ-доцентамъ: полицейскаго права магистру Соколову, философіи Козлову, метеорологіи Кюсовскому, международнаго права Базиперу, офталмологіи Маделъштаму, частной патологіи и терапіи Тритшелю, дѣтскихъ болѣзней Липскому, акушерства Шварцу, ушныхъ болѣзней Успенскому. Для привлеченія студентовъ къ научнымъ занятіямъ, вмѣстѣ лекцій, факультеты историко-филологическій и юридическій, по примѣру прежнихъ лѣтъ, требовали отъ студентовъ представленія сочиненій на одобренныя ими темы, по одному отъ каждаго студента предъ полукурсовымъ, и по одному предъ окончательнымъ испытаніемъ. Независимо отъ сего, въ историко-филологическомъ факультетѣ происходили практическія занятія. Такъ, по русской исторіи профессоромъ были предложены студентамъ 5—8 семестровъ слѣдующія темы: „Сношенія Англіи съ Россією въ XVI вѣкѣ“, „Кто былъ авторомъ извѣстій, приписываемыхъ Кобенцелю и Пернштейну, и содержаніе этихъ извѣстій“, „Поручныя записи при Иванѣ Грозномъ“, „Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторіи на Россію“, „Пункты и записи, представленныя императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ при вступленіи ея на престолъ“, „Описаніе городовъ по писцовымъ книгамъ, изд. географическимъ обществомъ“, „7-я и 8-я главы исторіи Курбскаго, проверенныя другими источниками“. „(О) бумагахъ Петра Великаго, изданныхъ въ Сборникѣ русскаго историческаго общества“, „Служилые иностранцы въ Россіи въ XVI и XVII в.“, по актамъ и другимъ источникамъ, Торговля Англичанъ и Голландцевъ въ Россіи въ XVI и XVII вв.“, „Иностранныя донесенія о Россіи отъ смерти Петра Великаго до императрицы

Елисаветы“, „Свѣдѣнія о патриархѣ Никонѣ, заключающіяся въ актахъ Иверскаго монастыря, изд. археографическою комиссією“, „Сношенія Ивана IV съ папою Григоріемъ XIII“, „Торговныя сношенія Россіи съ Востокомъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ“. На всѣ названныя темы представлены были сочиненія, которыя разсматривались въ аудиторіи, причемъ дѣлались поправки и замѣчанія какъ со стороны преподавателя, такъ и со стороны слушателей. Необходимо при этомъ замѣтить, что составителю разсужденія объ авторѣ извѣстій, приписываемыхъ Кобенцелю и Пернштейну, удалось вполне точно опредѣлить какъ сличеніемъ ихъ, такъ и сличеніемъ съ русскими матеріалами (по памятникамъ дипломатическихъ сношеній), что авторомъ означенныхъ извѣстій былъ именно Кобенцель, и что Пернштейнъ никакого отношенія къ нимъ не имѣетъ. По русской же исторіи практическія занятія подъ руководствомъ доцента Антоновича состояли въ представляемыхъ студентами отчетахъ объ иностранныхъ источникахъ, служащихъ для изученія классическаго періода (о Павлѣ Діакопѣ, о Каблупкѣ, о Дитмарѣ, о Мартинѣ Галлѣ), которые напечатаны въ Университетскихъ Извѣстіяхъ. Практическія упражненія по греческому языку состояли въ чтеніи и объясненіи исторіи Геродота и другихъ древнихъ памятниковъ; по всеобщей исторіи — въ разборѣ студентскихъ работъ по источникамъ средневѣковой исторіи; по исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій — въ изслѣдованіи нѣкоторыхъ вопросовъ науки славяновѣдѣнія и потомъ извлеченіи изъ трудовъ по сему предмету извѣстныхъ ученыхъ; такъ студентомъ IV курса Стороженко представлено было полное изложеніе всего историко-этнографическаго и литературнаго матеріала касательно Галицкой земли XVI вѣка изъ латинской поэмы: „Rixilania“ польскаго поэта Клѣновича; тѣмъ же студентомъ представлена 1-я половина труда „О сербскомъ народномъ бытѣ“ на основаніи словаря Караджича и его сочиненія „Животъ и обычаи народа Српскаго“, книги Миличевича, „Животъ срба сельскаго“ и Раевича „Leben, Sitten und Gebräuche der Südslaven“ и друг.; студентъ Якубовичъ представилъ сочиненіе „Древнѣйшіе обычаи и религіозно-поэтическія воззрѣнія Польскаго народа“, составленное на основаніи матеріала, собраннаго въ изданіи А. В. Маціевскаго „Polska aż do XVII v.“ pod Vzględem obyczajów“; студентъ Громыка составилъ полный систематическій сводъ доселѣ бывшихъ неизвѣстными „Сказаній арабскихъ писателей о бытѣ и нравахъ Славянъ“; студентъ Дудка-Стеловичъ представилъ: сочиненіе „Объ обычаяхъ Сербскаго на-

рода", относящихся къ браку, по сербскому словарю В. Караджича и его сборнику „Ковчежець“, первую половину труда подъ заглавіемъ „Изложеніе розысканій и изслѣдованій чешскаго ученаго Вацлава Небеснаго въ области чешской литературы средних вѣковъ“ и сочиненіе о бытѣ древнихъ Чеховъ по Краледворской и Зеленогорской рукописямъ“; студентъ Винникъ—„Разборъ словъ о злыхъ женахъ“ и первую половину „Изслѣдованія о Словѣ Данила Заточника“, заключающую въ себѣ сравненіе двухъ редакцій сего слова; студентъ Поржецкій — „Сводное полное изложеніе розысканій пр. Макарія Булгакова о памятникахъ древне-русской литературы и письменности“, по его „Исторія церкви“; студентъ Куницкій — статьи: „О рѣкѣ Дунаѣ въ русской народной поэзіи и славянской древности“ и „Изложеніе розысканій Цейсберга о физикѣ и хроникѣ Викентія Каднубка“. — Практическія занятія студентовъ юридическаго факультета состояли: а) по гражданскому праву — въ приготовленіи дома работъ по избраннымъ вопросамъ и указаннымъ источникамъ, въ изложеніи этихъ работъ въ аудиторіи, въ особо-опредѣленные часы, и въ обсужденіи изложеннаго слушателями подъ руководствомъ преподавателя. Вопросы для работъ выбирались по предметамъ, непосредственно предъ тѣмъ изложеннымъ въ курсѣ; участіе въ практическихъ занятіяхъ принимали студенты 3-го и 4-го курсовъ по собственному вызову и съ интересомъ; б) по полицейскому праву — въ чтеніи рефератовъ, составленныхъ по указаннымъ источникамъ; по прочтеніи реферата, извлекались изъ него общія положенія, которыя составляли предметъ обсуждения. Къ числу заданныхъ темъ, на которыя представлены сочиненія, между прочимъ относятся: „Характеристика меркантильной системы“, „О бумажныхъ деньгахъ по Вагнеру“, „Новые законы относительно соглашенія интересовъ рабочаго класса и предпринимателей“ и „О системѣ Дрона Ли“; в) по политической экономіи — студенты 1-го курса составляли рефераты въ видѣ извлеченій изъ трудовъ первоклассныхъ экономистовъ; эти рефераты читались на лекціяхъ и служили матеріаломъ для устныхъ преній, имѣвшихъ цѣлю сравненіе и критическій разборъ воззрѣній различныхъ экономическихъ школъ по важнѣйшимъ вопросамъ науки. Въ теченіе полугодія двѣ лекціи были посвящены разсмотрѣнію вопроса о сотрудничествѣ (соединеніе и раздѣленіе труда), остальные — изученію теоріи цѣнности по сочиненіямъ Ад. Смита, Рикарда, Мальтуса, Маклеода и Маркса. Студентамъ 2-го курса предложены были занятія по одному изъ спеціальныхъ отдѣловъ науки.

Избранъ былъ вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ, при чемъ рефераты представлены были тремя студентами: Якимовымъ — „Исторія развитія желѣзнодорожнаго дѣла въ западной Европѣ“ по сочиненію проф. Цѣхановецаго; Чистяковымъ — „Исторія постройки русскихъ желѣзныхъ дорогъ“ по сочиненіямъ Блюха и Головачева, и Коробчикъ-Чернявскимъ — „Товарное движеніе на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ“ по сочиненію проф. Чуйрова „Желѣзнодорожное хозяйство“. — По статистикѣ, студенты, въ дополненіе къ теоретическимъ лекціямъ, были ознакомлены преподавателемъ съ Петербургской и Кіевскою однодневными переписями, причемъ рассмотрѣны данныя о населеніи этихъ городовъ, помѣщенные въ 1-мъ выпускѣ Петербургской и въ 1-мъ отдѣлѣ Кіевской переписей.

Для соисканія наградъ медалями на 1877—78 учебный годъ предложены были слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета — „Изложеніе литературной исторіи Зеленогорской и Краледворской рукописей“ и „Сравнительное обозрѣніе понятій Платона и Аристотеля объ изящномъ искусствѣ“; отъ физико-математическаго — „Теорія функций составнаго (мнимаго) переменнаго“ и „Сравнительно-гистологическое изслѣдованіе нѣсколькихъ растений изъ семейства маревыхъ (Chenopodiaceae)“; отъ юридическаго — „Какіе юридическіе и нравственные принципы предполагаются обычаями сибирскихъ инородцевъ, собранные правительственной комиссіей 1821 года, изданные въ сборникѣ Самоквасова“ и „О товариществѣ“; отъ медицинскаго — „Патологическая анатомія черновровія“. На исчисленные темы представлены были сочиненія студентами: историко-филологическаго факультета — Стороженко, физико-математическаго — Демущимъ и Петрушевскимъ; изъ нихъ награждены медалями: золотую — Стороженко, серебряными — два послѣднихъ. На 1878—1879 учебный годъ съ тою же цѣлю предложены слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета — „Вопросъ о классицизмѣ и романтизмѣ въ русской литературѣ тридцатыхъ годовъ“, и „Изложить исторію сѣверной земли до половины XIV вѣка“, „Дѣятельность графа Н. П. Румянцева на пользу разработки русскихъ древностей и исторіи“ и „Сравнительное обозрѣніе понятій Платона и Аристотеля объ изящномъ и искусствѣ“; отъ физико-математическаго — „Составить обзоръ азосоединеній и діазосоединеній“ и „Изложить одно изъ рѣшеній основнаго вопроса геодезіи и примѣнить это рѣшеніе къ вычисленію частей геодезическаго треугольника, составленнаго между обсерваторіями Кіева, Пулкова и Берлина“; отъ юридическаго — „Ка-

кіе юридическіе и правственныя припцины предполагаются обычаями сибирскихъ инородцевъ, собранныя правительственною комиссіею 1821 года и изданныя въ Сборникѣ профессора Самоквасова“ и „О налогѣ на табакъ“; отъ медицинскаго—„Объ удѣльномъ вѣсѣ молока и сродныхъ жидкостей“.

Въ 1878 году преподаватели университета и другія служащія въ ономъ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературныя труды: профессоры: В. С. Иконниковъ — редактировалъ Университетскія Извѣстія и помѣстилъ въ этомъ изданіи „Обзоръ литературы русской исторіи въ періодическихъ изданіяхъ за 1874 — 1876 гг.“, а также напечаталъ рецензіи сочиненій по русской исторіи въ Русской Старинѣ, Сборникѣ государственныхъ знаній и Russische Revue; С. С. Гогоцкій — издалъ первый томъ сочиненія „Философія XVII и XVIII вѣка и отношенія ея къ образованію“ и печаталъ статью о значеніи высшаго образованія въ примѣненіи къ женскому полу; А. А. Котляревскій — по порученію академіи наукъ написалъ разборъ 1-го тома сочиненія Забѣлина „Исторія русской жизни“ и напечаталъ нѣсколько статей, читанныхъ въ засѣданіяхъ историческаго общества Нестора лѣтописца; П. В. Павловъ приготовилъ, по порученію археографической комиссіи, окончательно къ изданію текстъ „Сибирскихъ лѣтописей“; О. Я. Фортинскій -- напечаталъ рецензіи: на сочиненіе Геденова „Варяги и Русь“ — въ отчетѣ о присужденіи премій графа Уварова, на книгу А. Валена „Le village sous l'ancien régime“ и „Новыя открытія въ области исторіи ордена тамплиеровъ“ — въ Университетскихъ извѣстіяхъ; И. В. Лучицкій — издалъ переводъ описательной соціологіи Герберта Спенсера, отдѣлъ „Англія, помѣстилъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Исторію крестьянской реформы съ 1789 года“ и разныя статьи въ журналахъ Revue historique, Слово и Отечественныя Записки; К. М. Теофилактовъ напечаталъ въ Запискахъ общества естествоиспытателей при университетѣ „Отчетъ о геологической экскурсіи въ Волынской губерніи“; И. И. Рахманиновъ напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ статью „Начало наименьшей работы, какъ общее начало механики“; М. П. Апенариусъ напечаталъ въ Mélanges physique et chimiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg статью подъ заглавіемъ „Volumveränderung einer Flüssigkeit durch Temperatur und Druck“; П. П. Алексѣевъ помѣстилъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Обзоръ русской химической литературы за 1877-й

годъ" и „Обзоръ литературы о сжиженіи такъ-называемыхъ постоянныхъ газовъ“, въ Журналѣ русскаго химическаго Общества „Обзоръ русской химической литературы за 1877-й годъ“ и реферировалъ итальянскія химическія работы, и въ Запискахъ Кіевскаго общества естествоиспытателей— „О солдатскихъ сухаряхъ одного изъ кіевскихъ сахарныхъ заводовъ“; М. Е. Ващенко-Захарченко помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ переводъ съ толкованіемъ Евклида; М. О. Хандриковъ приготовлялъ къ печати: первый томъ атласовъ кіевской университетской обсерваторіи и статью объ интегрированіи уравненій геодезической кривой; О. М. Гарничъ-Гарницкій составилъ аналитическія таблицы для студептовъ; Н. А. Бунге напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Обзоръ книжной литературы по химической технологіи“ и первые листы „Руководство къ химической технологіи“ и редактировалъ Указатель русской литературы за 1877-й годъ, издаваемый Кіевскимъ обществомъ естествоиспытателей; О. В. Барапецкій напечаталъ отдѣльной книгой „Die Stärke umbildenden Fermente in den Pflanzen“; Н. В. Бобрецькій напечаталъ въ Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie статью „Ueber die Bildung des Blastoderms und der Keimblätter bei den Insecten“; В. П. Ермаковъ напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Курсъ теоріи вѣроятностей“; Н. Х. Бунге напечаталъ изслѣдованіе „О восстановленіи постоянной денежной единицы въ Россіи“; А. О. Кистяковскій напечаталъ: а) „Программу для собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву съ предисловіемъ, содержащимъ обзоръ литературы по сему предмету и правила о методѣ собиранія матеріаловъ по обычному праву“, б) „Обозрѣніе работъ по обычному праву за послѣднія пять лѣтъ (1873—1878)“, в) рецензію на сочиненіе Неклюдова „Руководство къ особенной части русскаго уголовного права“ (въ Сборникѣ государственныхъ знаній), г) „Главнѣйшіе моменты исторіи смертной казни въ Россіи“ (въ Трудахъ общества лѣтописца Нестора); окончилъ печатаніемъ монографіи „Молодые преступники и учрежденія для ихъ исправленія, съ обзоръніемъ русскихъ учреждений“; окончилъ изслѣдованіе по исторіи Литовскаго статута въ Малороссіи и выпустилъ въ свѣтъ начатый имъ въ прошлые годы печатаніемъ Сборникъ законовъ, составленный при императрицѣ Елисаветѣ для Малороссіи, при которомъ означенное сочиненіе составляетъ предисловіе; М. Ф. Владимірскій-Будановъ напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ разборъ сочиненія Дитятина „Городское самоуправленіе“;

В. А. Бець издалъ вмѣстѣ съ вѣнскимъ профессоромъ Бенедиктомъ атласъ поверхности головного мозга подъ заглавіемъ „Die Gehirn oberfläche der Verbrecher“, и приготовилъ для Университетскихъ Извѣстій статью подъ заглавіемъ „Замѣтки о Парижской выставкѣ 1878 года“; В. А. Субботинъ напечаталъ: въ Сборникѣ сочиненій, издаваемыхъ медицинскимъ департаментомъ — критическій разборъ сочиненія д-ра Пантюхова „Опытъ санитарной топографіи и статистики г. Кіева“ и „О дезинфекціи кожъ животныхъ, павшихъ отъ чумы“ и въ журналѣ Здоровье „Значеніе марганцовокислаго кали, какъ дезинфицирующаго средства“; П. И. Перемежко помѣстилъ статьи: въ „Archiv für mikroskopische Anatomie“ — „Ueber die Theilung der thierischen Zellen“ и въ Медицинскомъ Вѣстникѣ предварительное сообщеніе объ этихъ наблюденіяхъ; Г. Н. Мипхъ напечаталъ статью „Объ эпифичарныхъ измѣненіяхъ при наследственномъ сифилисѣ“, К. Г. Гейбель редактировалъ русское изданіе „Руководство фармакологіи Р. Бухгейма и приготовилъ къ печати статью подъ заглавіемъ „Ueber die Wirkung wasseranziehender Stoffe“. Доценты: В. Б. Антоновичъ напечаталъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго до половины XV столѣтія (вып. 1-й)“, въ Древностяхъ, издаваемыхъ Московскимъ археологическимъ обществомъ „Описаніе кіевскаго клада, содержащаго римскія монеты“, и въ Трудахъ Казанскаго археологическаго съѣзда „О Днѣпровскихъ пещерахъ каменнаго вѣка“; Ф. А. Терновскій издалъ отдѣльный выпускъ по церковной исторіи подъ заглавіемъ „Первые три вѣка христіанства“ и помѣстилъ въ Трудахъ Кіевской академіи статьи: „Характеристика императора Александра I“ и „Кіево-Софійскій протоіерей Іоаннъ Леванда (біографія и изданіе доселѣ неизданныхъ проповѣдей и писемъ Леванды)“; Аландскій помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ и напечаталъ отдѣльною книгою „Изложеніе и разборъ сочиненія А. Бека: «Энциклопедія и методологія филологическихъ наукъ»“; О. Г. Мищенко напечаталъ статьи: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Практическая школа высшихъ знаній въ Парижѣ“, „Торговля сношенія Аѳинъ съ Боспоромъ“, „Критическія замѣтки къ греческимъ авторамъ“ и „Доисторическая Греція“, и въ Парижскомъ Revue de Philologie „Обозрѣніе филологическихъ журналовъ въ Россіи“; Е. И. Афанасьевъ помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Отчетъ за семь лѣтъ существованія Старокіевскаго отдѣленія Кирилловскихъ больницъ“; Н. Ф. Толочинъ напечаталъ: „О леченіи катарра матки у старыхъ женщинъ“ и „О

распознаваніи и леченіи вѣнчаточной беременности"; С. П. Колонинъ „Общій медицинскій очеркъ войскъ 1876 и 1877 годовъ (выпускъ 1-й и 2-й)". Приватъ-доценты: Е. Х. Мандельштамъ описалъ случай амилоиднаго перерожденія *conjunctivae bulbi ex pulvibragum*"; К. Г. Тритшель напечаталъ: „Объ измѣненіи периферическихъ нервовъ подъ вліяніемъ механическаго раздраженія. Патолого-анатомическія измѣненія при столбнякѣ a frigore" и въ *Archiv für Psychiatrie* „Untersuchung des N. ischiadicus tibialis und cutaneus posterior bei combinirter Erkrankung des Rückenmarkstrange"; А. А. Козловъ напечаталъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — окончаніе начатаго въ 1877 году сочиненія „Философія дѣйствительности" и критическую статью о книгѣ „Atomistik und Criticismus von Lassewitz", въ Педагогическомъ листкѣ, издаваемомъ въ Москвѣ Полиновымъ — рецензію на два руководства по логикѣ: „Логика" Струве (3-е изд.) „Философская пропедевтика" Румпеля. Ординаторы: Л. И. Куцевольт-Артемовскій напечаталъ въ Медицинскомъ Обзорѣніи: „Годовой отчетъ по хирургической клиникѣ; В. И. Водехинъ напечаталъ въ Медицинскомъ Обзорѣніи: „Случай изъ клиники Нептоиде Retrouterinae" и „Отчетъ цифровой акушерской клиники за пять лѣтъ". Лаборанты: Т. И. Лоначевскій-Петруняка редактировалъ журнальныя записки Кіевскаго отдѣла русскаго техническаго общества и прибавленіе къ нему „Техническій Листокъ"; Я. Н. Барзиловскій напечаталъ въ Запискахъ Кіевскаго общества естествоиспытателей магистерскую диссертацию подъ заглавіемъ: „Объ азопроизводныхъ толуола". Публичныя лекціи читалъ доцентъ Базаровъ — по химіи.

Совѣтъ университета Св. Владиміра имѣлъ въ теченіе 1878 года 18 засѣданій. Утверждены: въ степени доктора магистръ Антоновичъ русской исторіи; въ степени магистра кандидаты: Лебедевъ всеобщій исторіи, Житецкій русской словесности, Барзиловскій химіи. Затѣмъ удостоены степени кандидата: по историко-филологическому факультету 5, по физико-математическому 1, по юридическому 7, всего 13; званія дѣйствительнаго студента: по историко-филологическому факультету 1, по юридическому 9, всего 10. По медицинскому факультету удостоено: степени лекаря 56, оператора какъ члена врачебной управы 1, уѣзднаго врача 3, провизора 22, аптекарскаго помощника 52, зубнаго врача 2, повивальной бабки 73. Для приготовленія къ профессорскому званію оставлены были при университетѣ: кандидаты Любавичъ по всеобщей исторіи, Бѣлогриць-

Котляревскій и Тальбергъ по уголовному праву, лекари: Рава по анатоміи и Жукъ по частной терапіи. Командированы были съ ученою цѣлю: а) за-границу профессора: Караваевъ, Эргардтъ, Вецъ, Хандриковъ, Субботинъ, Рамеръ, Авенариусъ, Н. Бунге, Миихъ, доценты: Базаровъ и Дашкевичъ и стипендіатъ для приготовленія къ профессорскому званію Жукъ; б) внутри Россіи: профессоръ Теофилактъ въ качествѣ депутата для присутствованія на 50-ти-лѣтнемъ юбилей профессорскаго Московскаго университета Щуровскаго, и доцентъ Антоповичъ въ Сквирскій уѣздъ, для раскопки нѣсколькихъ кургановъ и для изслѣдованія первобытныхъ пещеръ на берегу Днѣпра.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на 1878-й годъ было ассигновано: на содержаніе личнаго состава 210,620 руб. 80 коп., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы 92,040 руб. 20 коп., на стипендіи и пособія студентамъ 37,520 руб., всего 340,181 руб. Спеціальныя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) капиталы и проценты съ нихъ: отъ 1877 года оставалось 656,907 руб. 93¹/₂ коп., въ 1878 году поступило 61,660 руб. 78¹/₄ коп., израсходовано 55,857 руб. 5¹/₂ коп., затѣмъ къ 1-му января 1879 года оставалось 662,715 руб. 66¹/₄ коп.; б) пожертвованій для разныхъ цѣлей: оставалось отъ 1877 года 1,411 руб. 12 коп., въ 1878 году поступило 1,716 руб. 1 коп., израсходовано 1,595 руб. 90 коп., къ 1-му января 1879 года состояло 1,561 руб. 23 коп.; в) суммы сбора со студентовъ за слушаніе лекцій: состояло къ 1-му января 1878 года 1,184 руб. 46 коп., въ теченіе года поступило 17,946 руб. 43 коп., израсходовано 17,962 руб. 54 коп., затѣмъ къ 1-му января 1879 года имѣлось на лицо 1,168 руб. 35 коп. Изъ спеціальныхъ средствъ произведены слѣдующіе наиболѣе значительные расходы: на плату приватъ-доцентамъ 4,850 руб., за чтеніе курсовъ 4,550 руб., на добавочное жалованье 2,906 руб., на путешествія и командировки съ ученою цѣлю 3,958 руб., на леченіе и пособія студентамъ 3,052 руб., на печатаніе Университетскихъ Извѣстій съ приложеніями и сочиненій профессоровъ 7,257 руб., на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій 6,081 руб. 76 коп., на хозяйственныя и строительныя надобности университета 865 руб., на стипендіи и пособія студентамъ 4,368 руб. 79 коп.

Студентовъ къ 1-му января 1878 года состояло на лицо 771, въ теченіе года вновь поступило 338 (изъ гимназій по аттестатамъ зрѣлости 149, по свидѣтельствамъ зрѣлости 3, изъ духовныхъ семинарій часть сспн, отд. 4.

12, бывшихъ студентовъ университета св. Владиміра 106, бывшихъ студентовъ другихъ университетовъ 64, изъ студентовъ медико-хирургической академіи 3, изъ С.-Петербургскаго технологическаго института 1); выбыло 316 (до окончанія курса 223, по окончаніи курса 93); затѣмъ къ 1-му января 1879 года оставалось 793, которые распредѣлены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ 85, на физико-математическомъ 114, (по разряду естественныхъ наукъ 46, по разряду математическихъ наукъ 68), на юридическомъ 107, на медицинскомъ 487. Стороннихъ слушателей состояло: въ первомъ полугодіи 58, во второмъ 118. Отъ платы за слушаніе лекцій освобождены: въ первой половинѣ года 153, во второй половинѣ 107, пособіе получили: въ первомъ полугодіи 64, во второмъ 96, стипендіями пользовались, не внося платы за слушаніе лекцій: въ первомъ полугодіи 96, во второмъ 99; стипендіатовъ, платившихъ за ученіе было: въ первомъ полугодіи 27, во второмъ 21.

Учебно-вспомогательныя учрежденія университета св. Владиміра находились къ 1-му января 1879 года въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской библіотекѣ числилось: книгъ 82,035 названій 139,597 томовъ на сумму 258,046 руб., періодическихъ изданій 744 названія на 58,146 руб., рукописей 643, тетрадей, плановъ, гравюръ, эстамповъ и рисунковъ 153 названія, тѣхъ и другихъ на 1,595 руб. Въ студентской библіотекѣ: книгъ 7,974 названія 15,553 тома, на 27,523 р., періодическихъ изданій 99, названій на 6,524 руб. Въ астрономической обсерваторіи: книгъ, журналовъ и атласовъ 947 номеровъ, инструментовъ, снарядовъ и мебели 99 номеровъ, всего на сумму 31,126 руб. Въ метеорологической обсерваторіи: снарядовъ и инструментовъ 12 номеровъ, на 1,032 руб., карта одна стоимостью 19. руб. Въ кабинетѣ практической механики: книгъ 5 названій, 7 томовъ, чертежей 3 связки, собраніе кинематическихъ моделей Рело 43 номера, геодезическихъ инструментовъ, моделей, машинъ, пособій для преподаванія начертательной геометріи, элементовъ машинъ, рисунковъ 203 номера, всего на 4,000 руб. Въ физическомъ кабинетѣ и лабораторіи: книгъ 106 названій, 163 тома, на 657 руб., періодическихъ изданій 5 названій, на 138 руб., рукописей, плановъ, гравюръ, глобусовъ, снарядовъ и инструментовъ 756 номеровъ на сумму 31,526 руб. Въ химической лабораторіи и кабинетѣ: книгъ 224 названія 699 томовъ на 2,501 руб., инструментовъ, аппаратовъ, мебели, посуды и проч. 22,750 номеровъ на сумму 29,872 руб. Въ минералогическомъ кабинетѣ: книгъ 201 названіе 291 томъ на 2,649 руб., періодиче-

скихъ изданій 14 названій 234 тома на 1,164 руб., минераловъ, горныхъ породъ, инструментовъ, плановъ и проч. 26,193 нумера на 23,043 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ и университетскомъ гербаріи: книгъ 472 названія 834 тома, періодическихъ изданій 18 названій 181 томъ, тѣхъ и другихъ на 2,281 руб., сухихъ растений, инструментовъ, приборовъ, коллекцій, моделей и препаратовъ 786 номеровъ 72,376 экземпляровъ на 4,071 руб. Въ ботаническомъ саду: оранжерейныхъ растений, фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ и грунтовыхъ травъ 6,157, номеровъ 20,648 экземпляровъ на 9,353 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ и лабораторіи: книгъ 569, названій 930 томовъ на 3,920 руб., зоологическихъ препаратовъ 4,498 номеровъ 41,177 экземпляровъ на сумму 10,096 руб., инструментовъ и діаграммъ 291 номеръ, на 2,405 руб. Въ анатомическомъ кабинетѣ и лабораторіи: книгъ 327 названій 481 тома на 2,163 руб., инструментовъ, аппаратовъ и діаграммъ 66 названій 196 томовъ на 1,815 руб., препаратовъ 785 номеровъ на 2,869 руб. Въ технической лабораторіи: книгъ 215 названій 704 тома на 2,177 руб., рисунковъ, моделей, приборовъ, препаратовъ, инструментовъ, машинъ и проч. 1,932 нумера на сумму 16,648 руб. Въ физиологической лабораторіи: періодическихъ изданій разныхъ сочиненій и брошюръ 187 названій на 1,006 руб., рисунковъ, атласовъ, аппаратовъ инструментовъ, и мебели 780 номеровъ на 7,573 руб. Въ анатомическомъ театрѣ: книгъ и періодическихъ изданій 425 названій 501 томъ на 1,071 руб., препаратовъ, инструментовъ, спарядовъ и приборовъ 4,385 номеровъ 4,790 экземпляровъ на 3,536 руб. Въ агрономическомъ кабинетѣ: книгъ, атласовъ, таблицъ, рисунковъ и брошюръ 269 номеровъ 563 экземпляра на 2,259 руб., моделей, образцовъ, сѣмянъ, сухихъ растений, древесныхъ породъ, фруктовъ въ слѣпкахъ 1,263 нумера 1,557 экземпляровъ на 5,450 руб. Въ музеѣ патологической анатоміи и въ лабораторіи: книгъ и журналовъ 158 названій на 1,074 руб., препаратовъ, мебели, микроскоповъ, спарядовъ, инструментовъ и проч. 1,798 номеровъ на сумму 7,305 руб. Въ фармакологической лабораторіи и кабинетѣ: книгъ 205 названій на 1,155 руб., аппаратовъ, инструментовъ и мебели 222 нумера 406 экземпляровъ на 2,812 руб. Въ фармацевтической лабораторіи: книгъ 278 названій 360 томовъ на 1,564 руб., приборовъ и аппаратовъ 1,016 номеровъ 4,092 экземпляра на 6,137 руб. Въ кабинетѣ судебной медицины: книгъ 31 названіе на 138 руб. аппаратовъ и инструментовъ 128 номеровъ на 1,724 руб. Въ музеѣ древностей и художествъ: книгъ 200 названій 345 томовъ на 1,802 руб.,

периодическихъ изданій 5 названій 12 томовъ на 132 руб., рукописей, плаповъ и рисунковъ 389 листовъ на 130 руб., предметовъ принадлежащихъ къ искусствамъ и древностямъ 2,062 нумера 5,710 экземпляровъ на сумму 11,314 руб. Въ кабинетъ собранія монетъ и медалей: книгъ 95 названій 201 томъ на 1026 руб., картъ и плаповъ 102 листа на 55 руб., медалей и монетъ 33,218 номеровъ на сумму 31,878 руб. Въ лабораторіи медицинской химіи: книгъ 125 названій 226 томовъ на 1,173 руб., инструментовъ, аппаратовъ, посуды, мебели и препаратовъ 446 номеровъ 3,982 экземпляра на сумму 8,643 руб. Въ лабораторіи при кафедрѣ гистологіи и эмбриологіи: книгъ 52 названія, 208 томовъ на 492 руб., микроскоповъ, и инструментовъ, аппаратовъ, мебели, посуды, и препаратовъ 1,239 номеровъ 1,580 экземпляровъ на 4,134 руб. Въ лабораторіи при кафедрѣ общей патологіи: книгъ 49 названій на 680 руб., аппаратовъ, инструментовъ и посуды 166 номеровъ на 5,867 руб. Въ кабинетъ при хирургической факультетской клиникѣ: книгъ 135 названій, 176 томовъ на 1,133 руб., инструментовъ и аппаратовъ 775 номеровъ на сумму 6,929 руб. Въ кабинетъ при акушерской факультетской клиникѣ: книгъ 2 названія, аппаратовъ и инструментовъ 1,359 номеровъ, всего на 2,998 руб. Въ кабинетъ при терапевтической факультетской клиникѣ: книгъ 9 названій, снарядовъ и инструментовъ 249 номеровъ 384 экземпляра на 2,336 руб. Въ кабинетъ при терапевтической госпитальной клиникѣ: аппаратовъ, инструментовъ, приборовъ, посуды, мебели, препаратовъ 146 номеровъ, 329 экземпляровъ на 1,999 руб. Въ кабинетъ при хирургической госпитальной клиникѣ: книгъ 254 названія на 988 руб., инструментовъ, аппаратовъ, мебели, препаратовъ и моделей 70 номеровъ 171 экземпляръ на 4,651 руб. Въ кабинетъ при глазной факультетской клиникѣ: книгъ 2 названія, 3 тома на 13 руб., снарядовъ, инструментовъ и посуды 114 нумера 460 экземпляровъ на 3,129 руб. Въ дерматологической клиникѣ: книгъ и периодическихъ изданій 41 названіе, 78 томовъ, посуды, приборовъ, инструментовъ, снарядовъ и мебели 114 номеровъ 27 экземпляровъ на 1,116 руб. Состояніе клиникъ университета св. Владиміра и движеніе въ нихъ больныхъ за 1878-й годъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: въ терапевтической факультетской клиникѣ (25 кроватей) больныхъ отъ 1877 года не оставалось, въ 1878 году поступило 294, которые всѣ выздоровѣли и выбыли; больныхъ, приходившихъ за совиѣтами, было 693; въ хирургической факультетской (25 кроватей): оставалось отъ 1877 года 24; въ теченіе 1878 года вновь поступило 139,

изъ нихъ выздоровѣло и выбыло 131, умерло 7, къ 1-му января 1879 года оставалось на излеченіи 25, приходившихъ за совѣтами было 1778; въ глазной факультетской (10 кроватей): оставалось отъ 1877 года 8, въ 1878 году поступило вновь 124, выздоровѣло и выбыло 119, оставалось къ 1879 году на излеченіи 13, приходило за совѣтами 1,193; въ акушерской факультетской (25): отъ 1877 года оставалось 10, въ теченіе 1878 года вновь поступило 53, выздоровѣло и выбыло 50, умерло 3, осталось къ 1879 году 10, приходившихъ за совѣтами было 397; въ госпитальныхъ клиникахъ, учрежденныхъ при кievскомъ военномъ госпиталѣ: въ терапевтической (64 кровати): оставалось отъ 1877 года 92, въ 1878 году поступило 1,134, выздоровѣло 1,104, умерло 50, оставалось къ 1879 году на излеченіи 63; въ хирургической (138 кроватей): отъ 1877 года оставалось 131 въ теченіе 1878 года прибыло 381, выздоровѣло и выбыло 375, умерло 8, осталось къ 1879 году на излеченіи 129, приходившихъ за совѣтами было 58; въ дерматологической (75 кроватей): оставалось отъ 1877 года 41, въ 1878 году вновь поступило 381, выздоровѣло и выбыло 107, умеръ 1, къ 1-му января 1879 года оставалось на излеченіи 29.

DE PARMENIONE ET PHILOTA, DUOBUS MACEDONUM DUCIBUS..

I.

Auctumno anni ante Christum natum trecentesimo tricesimi ¹⁾).

Alexander, Macedonum rex, Bessum Darei parricidam insequens cum exercitu Prophthasiam, Drangianae caput, nullo resistente ingressus est, militibus defatigatis parvum intervallum daturus ad respirandum ²⁾. At vero tristi eventu non solum ea quies Alexandri copiis fuit insuavissima ac causa longius longiusque progrediendi, sed etiam in regem alienatio militum ota est, qui cum ad id tempus imperatoris sui amore atque admiratione incitati paene clausis, ut ita dicam, oculis eum, quocumque voluisset, secuti essent, iam illis rebus Prophthasiae gestis ex effusa victoriarum suarum laetitia ad sanitatem revocati pristina cum praesentibus contendebant et mox suorum meritorum magis magisque conscii facti eo adducebantur, ut suam virtutem pro praecipuo Alexandri potentiae firmanento habere et propterea adversus regem inaudito fere ante id tempus modo se gerere inciperent. Quae utrum suo iure an iniuste fecerint, ³⁾ tum modo cognoscere poteris, si accuratissime nulla opinione praesumpta illum potissimum Prophthasiae eventum a multis scriptoribus traditum examinaveris, quo Philotas et Parmenio cum nonnullis aliis maiestatis accusati supplicio capitis affecti sunt.

Parmenio, Philotae filius ³⁾, nobili genere Macedonico anno quadringentesimo vel quadringentesimo primo natus ⁴⁾ pueritiam atque adolescentiam turbulentis illis temporibus agebat, quibus Macedonia post Archelai mortem usque ad initium regni alterius Philippi obnoxia erat. Quas res Parmenio ad id tempus gesserit cuiusque partium fu-

erit, ut nihil apud veteres scriptores traditum invenitur, ita, cum aetate progressus esset, genere, virtute, ingenio excellentem eum haud mediocri auctoritate in aula Macedonica usum esse facile conicias, quippe qui iam paulo post, quam Philippus imperio potitus est, multum valeret apud regem.

Celeriter audacterque agendo Philippus omnibus, qui regnum appetebant, remotis per arma dolumque imperii augendi causa multa susceperat atque in omnibus coeptis tam prospera fortuna usus erat, ut iam anno trecentesimo quinquagesimo sexto Illyriis victis Amphipoli-que expugnata Potidacam, urbem et natura et arte valde munitam, obsideret, dum Illyrii eius peregrinatione freti et Bardylis regis sui cladem mortemque vindicaturi denuo contra Macedones exsurgunt. Nihilominus Philippus Potidaeae expugnandae causa castris ibi positis se tenebat summam fiduciam in Parmenione collocans eique mandans, ut bellicosissimam illam gentem ab ipso rege duobus ante annis summo labore multisque amissis superatam ⁵⁾ bello persequeretur ⁶⁾. Neque cum tanta fiducia fefellit. Nam paulo post Potidaeam captam Philippus ibi eodem tempore, quo Alexandrum filium natum esse atque in certamine Olympico quadrigarum currum suum vicisse accepit, de magna Parmenionis victoria ex Illyriis lata certior factus est ⁷⁾.

Omnia igitur pulcherrime regi processerunt; nec quisquam est, quin intellegat, praeter Antipatri virtutem plurimum valuisse ad tantos eventus illud Parmenionis ingenium, quo non solum egregium imperatorem, sed etiam prudentem cautumque Philippi consiliorum administrum virumque rerum civilium peritissimum se praestaret. Cum Antipatro semper belli domique intererat privatis consiliis regis ⁸⁾ gravissimas difficillimasque res permittentis Parmenionis potissimum fidei. Qui quatenus decem proximis annis assiduorum Philippi conatorum particeps fuerit, ut nihil apud veteres scriptores legimus ita tum quoque cum non quiesse verisimile est. Anno ante Christum natum trecentesimo quadragesimo sexto Parmenio rursus honestissima regis mandata persecuturus in bello inter Pharsalum et Halum Philippo auctore coorto hoc oppidum Pharsaliorum socius oppugnavit ⁹⁾ et propinquitate exercitus sui tantum terrorem iniecit Atheniensibus, ut celerrime cum Macedonum rege pacificare vellent, cuius rei causa Philocrate suasore iam Februario mense ad Philippum legatos miserant. Qui cum Pellam venissent, liberaliter comiterque a rege accepti tam officiosa voluntate tractati sunt, ut Athenas reversi imprimis Philocrates atque Aeschines abunde laudibus Philippum ornando etiam magis civium suo-

rum desiderium confirmarent quam celerrime pacis cum „optimo illo amico“ conficiendae. Nimirum igitur Philippus ea Atheniensium voluntate abusus nulla fere re magis demonstravit calliditatem suam, quam quod inani illorum ambitioni blanditurus Antipatrum et Parmenionem in consiliis rerum maximarum domi bellicae praeclarissime versatos cum Eurylocho Athenas legatos misit ¹⁰). Demosthene ferente magnifice ibi accepti ab ipso epulis, a senatu honoris sedibus in theatro datis honorati sunt ¹¹). Facere non possum, quin hoc loco omittam illius pacis condiciones, praesertim cum nesciamus, quatenus Philippi legati tunc ipsorum arbitrio egerint. Immo vero Parmenio et Antipater tantum mandata a rege definita exsecuti esse videntur ¹²).

Tandem pace composita gratia inter Philippum et Athenienses modo fecte reconciliata erat; perpetuo enim Macedonum rex imperii propagandi studio ita incitatus, ut ipsam pactionis fidem interdum rumpere, magis magisque auctoritatem suam eis rebus, quae modo ad Graecorum civitates pertinebant, inserebat. Itaque vix amplius quattuor anni intercesserant, cum Parmenio rege iubente cum exercitu in Euboeam invasit atque Eretriae principibus, qui Philippi partium erant, integras copias subsidio adduxit ¹³). Tum Oreo oppido occupato controversias turbasque distraxit inter Macedonum assectatores et bonos cives coortas. Maxime autem Oritanorum res morte Euphraei, bonorum ducis, compositae sunt, qui cum in Macedonia olim Perdicca regnante propter magnam potentiam suam omnium in se odium convertisset, eorum Oritanorum, qui a Philippi partibus dissentiebant, princeps fuerat, donec ab adversariis in custodiam datus aut voluntaria morte aut, quod verisimilius mihi esse videtur, Parmenionis id est Philippi iussu tum periit ¹⁴).

Iam Macedonum auctoritate in opulentissimis Euboeae oppidis aliquantum aucta Philippus etiam ceteros Graecos in ipsorum iure palam magisque palam ac violenter interpellabat. Pugna ad Chaeroneam commissa Graeciae fortuna in omne tempus diiudicata est. Etsi veteres scriptores de rebus tunc a Parmenione gestis nihil tradiderunt, tamen Macedonum rex sine dubio etiam per illos annos maximeque in pugna ad Chaeroneam commissa optime usus est ingenio et virtute spectati ducis consiliorumque suorum administrandi ¹⁵). Ac profecto quantum in aula regia auctoritatis ac gratiae Parmenio semper tenuerit, id potissimum ostendit, quod Philippus paulo ante, quam mortuus est, cum atque Attalum ad efficiendum ipsius vitae propositum vere anni trecentesimo tricesimo sexto cum exercitu in Asiam misit Persarum impe-

rio labefactato bellum illaturos ¹⁶). Ipse autem rex, cum iam in eo esset, ut cum ceteris copiis duces suos sequeretur, subita nece periit Alexandro filio relicto, qui regnum adeptus, ne extemplo patris consilium evertendi Persarum imperii ipse conficeret, propter multitudinem domesticorum atque externorum hostium expeditus est. Sed interea exercitus Macedonici pars in Asiam transgressa iam in Memnona, peritissimum Persarum ducem, initium armorum fecere.

Inito vere anni trecentesimo tricesimo sexti cum Parmenio et Attalus classem a Philippo praemissam ¹⁷) ad oram Asiaticam appulissent et urbium Graecarum liberandarum exordium cepissent ¹⁸), barbari parvis Macedonum copiis contemptis nihil fere de resistendo cogitabant ¹⁹). Itaque hostes sine mora iam usque ad Magnesiam processerant, cum subito Memnon incautos eos aggressus est multisque caesis castra in ipsam urbem referre coegit ²⁰). Nihilominus tantum aberat, ut Persae hac victoria et commodis suis uterentur, ut paulo post infecta re exercitum abduxisse videantur nescio an volente rege, quippe qui Philippo modo (id est eiusdem anni Augusto fere mense) mortuo, cum Macedonia tum Alexandrum puerum, regni successorem, despiciendum ac sibi ut antea quiescendum esse putaret. Sed vehementer Dareum ea opinio frustrata est. Philippi filius, cum imperii sui confirmandi causa societatem a patre cum Graecis initam renovare studisset, paullatim valida ac violenta manu omnes, qui regnum appetebant, removebat. Maxime autem Attalus, Cleopatrae avunculus, qui tunc una cum Parmenione socero exercitui a Philippo in Asiam praemisso praeerat et semper Alexandro insidias moliebatur, iam diu regi invisus erat. Quamobrem is uno velut ictu commutaturus hanc incertam rerum condicionem Hecataeum amicum cum satis idoneis copiis in Asiam misit, qui Attalum aut vivum aut mortuum in suam potestatem daret. Hecataeus sine mora in Macedonum castra profectus a Parmenione acceptus est; nec quidquam eius fidem regibus suis omnibus temporibus praestitam magis ostendit, quam quod prope ad Alexandri salutem generum suum proiecit proiectumque per Hecataeum occidi passus est ²¹).

Interea Persae omni ope atque opera enitebantur, ut hostes finibus expellerent. Anno ante Christum natum trecentesimo tricesimo quinto Memnon Darei iussu cum quinque milibus militum mercenariorum Idaeos montes Cyzicum versus transgressus hanc urbem tam improvise oppressit, ut haud multum abesset, quin primo impetu eam expugnaret. Neque vero Parmenio quievit: Grynio capto incolas sub corona vendiderat iamque Pitane oppugnaturus erat, cum repente Memnon cum exer-

citu advenit, urbem obsidione liberat. Tum ad septentriones iterum profectus multitudine sua parvam Macedonum manum, cui Callas praeerat, vincit, cum ad Rhoetcum recedere cogit ²²). Sed paulo post ab utraque parte bellum constitisse, vel potius Alexander copias suas ex Asia cum Parmenione duce revocasse videtur, quippe quem iam auctumno eiusdem anni rursus in Macedonia fuisse traditum sit.

Thebis enim deletis rex tandem contra Persas bellum moliturus peritissimos optimosque inter duces et amicos suos in huius rei consilium adhibuit. Tum Parmenio et Antipater suasere hortatique sunt Alexandrum, ut priusquam in Asiam pergeret, imperii successionis confirmandae causa matrimonium iniret prohibiturus, quominus se absente motus seditionesque domi orirentur. Rex autem iuveniliter gloriae cupiditate inflammatus optimum illud consilium neglexit ²³) atque omnibus ad proposita exsequenda praeparatis ineunte vere anni trecentissimi tricesimi quarti cum magno exercitu Thraciae oram secutus usque ad Sestum profectus est, unde Parmenio Alexandri iussu, qui ipse Ilium petivit, plurimas copias Abydum traiecit ²⁴). Quo facto in Troadis finibus totius exercitus numerus et singulorum in armis industria recognita sunt; ac tum quoque ²⁵) summa illa Parmenionis auctoritas patuit, quippe qui e quinque praecesset quattuor universi peditatus partibus, id est viginti quattuor milibus militum, cum tertia eaque optima equitatus pars imperio Philotae pareret, Parmenionis filii maximi, ut videtur, natu ²⁶), qui, cum iam antea in pugnis contra Thraces, Triballos, Taulantios, alios factis floruisset, multum apud regem valebat ²⁷).

Interea Persae Memnone dissuadente ad Granicum constiterant. Cum vero Alexander copias eo admovisset, Parmenio opportuno hostium loco statim cognito regem admonuit, ne extemplo tam manifesto periculo se obiciens flumen transire conaretur; sed castra poneret, proximum diem exspectaret; brevi enim hostes impetum nocturnum voritos procul a ripa recessuros esse; iam autem conatum periculi plenum, vel potius, si aspere foedeque evenisset, Macedonum perniciem fore ²⁸). Quod consilium ut illius ducis gravitatis cautionisque idoneum erat testimonium, ita iuveni temeritate ab Alexandro neglectum est. Igitur Parmenionem cornui sinistro praeficit, Philotam, maximum eius filium, cum equitibus Macedonicis, Nicanorem, alterum Parmenionis filium, cum argyraspidibus, ceteras acies in dextro constituit ²⁹), signum trans-eundi dat.

Diu atque acriter pugnatum est. Postremo autem, cum proxime ipsum Alexandrum regem Thessali equites in dextro cornu Parmenione

praesente certantes summa virtute floruisse²⁰⁾, hostes profligati sunt. Cuius victoriae eventus tantus erat, ut dissipatae Persarum copiae ad tempus Alexandro iam resistere non possent. Itaque rex ipse Sardes profecturus Parmeniona emisit, qui Dascylium occuparet. Macedonibus appropinquantibus hostium praesidium tam propere loco cessit, ut oppidum sine ulla dimicatione illis traderetur²¹⁾.

Ubique Graecorum urbes Alexandrum vindicem clamoribus excipiunt: Sardibus captis Ephesus, Magnesia, Tralles in eius partes transeunt. Idecirco Parmenio, qui Ephesi rursus regi se coniunxisse videtur, cum quinque milibus peditum partim mercenariorum partim Macedonicorum Magnesium Trallesque pristini status restituendi causa ingredi iussus est²²⁾. Dum haec geruntur, ipse Alexander ad Miletum profectus urbem cum natura firmam tum a Persarum Phoenicumque classe apud Mycalen constituta adiutam obsidere coactus est. Quod cum in longius trahi videretur, Parmenio, qui interea rursus convenerat regem, multis verbis ac bono consilio cum, ut classe cum hostibus configeret, hortatus est ratus Macedones, si prospere id proelium navale evenisset, facilius celeriusque urbem expugnaturos, sin aliter accidisset, non nimis id profuturum esse hostibus. Se ipsum navem conscendere ac pugnae interesse velle; auspiciam vero a dis factam suis victoriam promittere²³⁾. Quibus dictis tamen Alexander rem periculosissimam illam veritus et Parmenionis omen aliter interpretatus hostibus nullam proelii navalis committendi copiam fecit. Sed interea, ut alia ratione depelleret eorum classem, quae noctu apud Mycalen in ancoris consistebat, Philotam cum equitatu tribusque peditum cohortibus commisit prohibere iussum, quominus hostes frumentandi causa in terram egrederentur. Quod negotium Philotas tam diligenter et prospere confecit, ut Persae omnibus rebus ad victum necessariis exclusi Samum se recipere cogerentur²⁴⁾. Itaque Alexander copia atque occasione liberius graviusque urbis oppugnandae data haud multo post Miletum cepit. Tum in Cariam profectus victor omnes incolas in dicionem suam redegit Halicarnassensibus exceptis, qui Persarum praesidio adiuvante tam fortiter atrociterque ei repugnabant, ut difficilior et lentior esset eorum urbis oppugnatio. Nihilominus rex nullo periculo territus in obsidione perseverabat. Omnes ergo studio flagrant: nec duces nec milites laborum, aliarum asperarum rerum rationem habent. Imprimis autem Philotas excellit et, cum hostes aliquando e portis egressi magnam partem machinarum operumque a Macedonibus urbi admotorum incendissent, cetera suae ipsius et Hellenici curae demandata ab ig-

nis vi defendit ³⁵). Tandem Alexander Halicarnassum expugnavit et delevit. Iam tota Caria praeter oram domita in Lyciam ac Pamphyliam profecturus Parmeniona cum turma regionum equitum et Thessalo equitatu et ceteris sociis Sardes misit hiemandi, ut videtur, causa, priusquam in Phrygia rursus cum rége se iungeret ³⁶). Paulo post, dum Alexander totam Lyciam subigit ac Phaselida occupat, Parmenio ab eo magnum periculum diligentia fideque sua propulsavit insidias irritas faciens, quae diu Macedonum regi a Dareo per illius necessarium parabantur. Alexander enim Lyncestes, equitum Thessalorum praefectus, secretis consiliis iam antea coctis, tunc ipsam regis sui caedem moliebatur. Cuius rei transigendae causa Dareus in Parmenionis castra Sisinen familiarem misit, qui Lyncestae Macedoniae regnum ac mille auri talenta principis necandi pretium polliceretur. Iamque Sisines in castra pervenerat, cum a Parmenione deprehensus statimque omnes insidias professus cum custodibus Phaselida deductus atque ante tribunal Alexandri destitutus est. Itaque cum hic quoque per iudicium regem certiozem fecisset de Lyncestae consiliis, Parmenio occultum accepit mandatum, ut sine ulla mora Thessalorum ducem proditionis maiestatisque reum in artissimam custodiam traderet ³⁷).

Ineunte vere anni ante Christum natum trecentesimo tricesimo tertii exercitus Parmenionis atque Alexandri ad Gordium rursus inter se congressi ³⁸) per Galatiam et Cappadociam usque ad Ciliciae fauces profecti sunt. Priusquam autem eas transcenderent, rex cum expedita manu ipse saltuum angustias ab hostibus desertas occupaturus Parmeniona cum phalangibus peditum gravis armaturae in campo reliquit postero mane subsequi iussum ³⁹). Qua re perfecta viribusque collatis per Ciliciam nullo fere resistente longius progressi sunt tantumque terrorem hostibus iniecerunt, ut etiam Arsames, Ciliciae satrapes, Macedones appropinquare comperto Tarsum, eius regionis caput, delere et si hoc fecisset, retro cedere vellet. Quo de consilio certior factus Alexander prope Parmeniona cum militibus expeditis praemisit. Itaque hostes, quominus urbem incenderent, prohibiti infecta re tam celeriter fugerunt, ut paulo post ipse rex cum exercitu urbem a Parmenione servatam intraret ⁴⁰).

Tarsi Alexander in periculosum morbum implicatus est sive ex ingentibus proximorum itinerum laboribus et defatigatione, sive, ut alii tradiderunt, ex praecipiti frigidaque in Cydno flumine lavatione ortum. Et haec et illa morbi causa vera fuisse potest ⁴¹). Iamque morbus adeo increverat, ut ceteri omnes medici salutem Alexandri desperarent

Philippo Acarnane excepto, qui veneno sanitatem aegro restitui posse confidebat: cum litterae regi redditae sunt, quibus Parmenio eum praemonuit, ut Philippum caveret, quippe qui a Dareo mercede corruptus esse diceretur. Alexander ingenti perturbatione animi commotus nihilominus medico suo credere perseverabat. Neque eum fiducia fefellit. Tribus enim diebus post, quam veneni poculum a Philippo acceptum exhausit, e morbo recreatus est ⁴²).

Interea Dareus immenso exercitu undique coacto Sochis, in Assyriae oppido, castra posuerat. Itaque Alexander, viribus corporis receptis, sociorum peditatum, milites mercenarios Graecos, Thraces, equites Thessalos Parmenione duce praemisit, qui artas Ciliciae fauces, per quas in Syriam penetrandum erat, explorarent occuparentque ⁴³). Ipse autem Anchialum et Solos, opulentiora Ciliciae oppida, expugnatum profectus est. Quibus rebus patris cum peditatu suo per Tarsum ad orientis regionem Magarsum, Mallum, Catabolum ⁴⁴) progressurus Philotam cum equitibus recta via per campos Aleios usque ad Pyramum flumen pergere iussit ⁴⁵). Dum haec geruntur, Parmenio, ubi primum hostibus fugatis angustias illas occupavit atque etiam Issum a barbaris desertam cepit, in Ciliciae campos reversus Catabolum vires rursus cum Alexandro contulit ⁴⁶). Itaque iam iunctis viribus adversa Pyrami fluminis ripa profecti cum Philota se iunxerunt celeriterque saltibus superatis usque ad Myriandrum progressi sunt. Tum autem Alexander, certior factus Dareum ad Pinarum fluvium haud procul ab Isso castra movisse, sine mora reversus Parmenione suasore et auctore angustias, quae ad pylas Amanicas prope oppidum illud pertinent, proeliaudi locum delegit ⁴⁷). Cuius opportunitas Parmeniona non fefellit. Nam paulo post ibi praeclarissima illa pugna commissa est, qua ipso Dareo victo Persarum regnum iam pridem labefactum ad extremum periculum ac prope perniciem venit. Longum atque a proposito alienum est omnem certaminis ordinem narrare. Unum hoc facere non possum quin commemorem Parmeniona, cum Philotas et Nicanor, filii eius, in dextro cornu hic argyraspidibus ceterisque cohortibus regis, ille Macedonum equitibus praefectus, ipsius Alexandri imperio parerent ⁴⁸), sinistrum cornu administrasse atque egregie functum esse negotio prohibendi, quominus hostes ab ora maritima aperti planique eius loci natura usi Macedonum aciem a latere vel a tergo circumvenirent ⁴⁹). Ingens erat eius victoriae eventus: tota Darei castra cum familia eius in Macedonum manus inciderunt. Cum vero maximi thesauri ante pugnam a Persis Damasci depositi essent, Alexander Par-

meniona urbis occupandae causa praemisit 50). Cui per dolum et praefecti proditorem contigit, ut sine contentione et Damasco et tota gaza ibi coacervata potiretur 51). Mox Coeles Syriae capite in fidem accepto etiam cetera eius provinciae pars in dicionem potestatemque Alexandri redacta est. Qui Parmenioni pro laboribus meritisque pretium redditurus eum et regioni et praedae Damasci captae praefecit 52). At mox regem poenituisse videtur, quod peritissimum fidissimumque inter duces suos tali modo prohiberet futuris stipendiis. Ita tunc ad Alexandri voluntatem Parmeniona eodem tempore, quo ille Tyri celeberrius expugnandae causa cum exercitus parte in Arabiae fines excurreret, praefecturam suam Andromacho tradidisse verisimile est 53). Sic enim ille Polyaei locus, ubi, quanvis obscure et confuse urbis obsidionem narret, Alexandrum a Parmenione ex Arabia revocatum esse tradit, intellegendus mihi esse videtur 54). Dum igitur rex ipse Parmenione monente, ut cunctis viribus obsessorum excursiones propulsarent, reversus Tyrum oppugnare pergit, Dareus legatos ad eum misit, qui pro captivis decem milia talentum auri ac praeterea, si pacem foedusque cum Persis facere voluisset, quidquid inter Hellespontum et Euphraten esset, offerrent. Alexander amicorum consilio advocato, quid de iis condicionibus placeret, quaesivit. Cum vero ipsius regis sententia incerta esset, diu nemo suadere ausus est. Tandem Parmenio se, si Alexander esset, Darei condiciones accepturum dixisse traditur. Tum rex: et ego, inquit, si Parmenio essem 55). Quae narratiuncula, quamvis incertae sit fidei, tamen praeclarissime morum studiorumque Parmenionis atque Alexandri distantiam declarat. Omnibus enim temporibus illum prudentem, providum, ab effrenata rerum gloriaeque cupiditate alienum, hunc superba et iuvenili ambitione accensum se praebuisse quis est, qui neget? Legatis igitur dimissis Alexander in obsidione perseverans tanta vi hostes pressit, ut tandem scalis admotis munimenta occuparet totamque Tyrum septimo mense, quam oppugnari coepta erat, caperet. Tum in Aegyptum profectus summo gaudio ab incolis acceptus est. Quibus in secundis rebus Alexandri animus subita morte amici vehementer afflictus est. Hector enim, Parmenionis filius minimus natu 56), regem secundo Nilo devehentem assecuturus parvum navigium, pluribus, quam capere poterat, impositis, conscendit mersaque navi, cum ceteri comites illico fluctibus obruti essent, diu flumini obluctatus ripam tam fatigatus ceperat, ut paulo post nullo adiuvante extremum vitae spiritum ederet. Alexander, cum de

adolescentis tristi exitu certior factus esset, summo maerore profligatus carissimo corpori magnifice iusta fecit 57).

Vere anni trecentesimo unius et tricesimi rex ex Aegypto per Palaestinam et Phoenicam ad Euphraten ac Tigridem profectus est, ubi Dareum ultimae dimicationis facultatem sibi daturum esse cognoverat. Iamque Macedones haud procul ab hoste aberant, cum Darei litterae, quibus Graecos milites in exercitu Alexandri stipendia merentes ad defectionem regisque parricidium sollicitabat, interceptae sunt. Quarum summa cognita Parmenio Alexandrum diu cunctatum, num exercitum ad contionem convocaret eumque litterarum censorem atque iudicem constitueret, a tali agendi ratione tam vehementer avocabat, ut rex statim providum familiaris sui consilium sequeretur 58). Itaque castris motis ad hostem magnis itineribus contendit nec prius signa consistere iussit, quam non multo amplius triginta stadia a Gaugamelis distaret, ubi ingens Persarum exercitus consederat horribilem speciem praebens. Tum Alexander ducum consilio advocato, quid placeret, ad eos retulit. Cum vero ceteri omnes regem impulissent, ut extemplo hostes aggrederetur, Parmenio dicere exorsus diligenter explicavit ostenditque, quam stultum ac periculosum suis esset tale consilium, quoniam nec de illius regionis natura nec de Persarum loco certiores facti essent. Itaque primo in re praesenti castra ponenda atque omnia accuratissime exploranda, post acie decernendum esse. — Quod Alexander diu incertus erat, utrum consilium sequeretur, dilucide docet, quousque vehementi impetu animi sui induci potuerit, quantulumque interdum afuerit, quin omnium praeceptorum imperatoriorum oblivisceretur. Sed tunc quoque considerata Parmenionis argumentatio regem adduxit, ut, cum placatiore animo omnia deliberasset, veteris, ducis sententiam assensione comprobaret 59), alterum eius consilium, quo intempesta nocte hostes opprimendos esse censuerat, ut turpe atque indignum repudians. Itaque Alexander, cum per furtum se victoria potiri nolle dixisset 60), omnes milites corpora curare et quietem capere iussit. Tum ipse in tabernaculum reversus diu praec anxietate animi obdormire non potuit. Tandem defatigatum corpus arto somno oppressum est. Incipiente igitur die, cum nemo regem etiam nunc dormientem excitare ausus esset, Parmenio diu, quid faceret, cunctatus ipse, ut milites se pararent, pronuntiavit. Iamque signum profectionis dari necesse erat: tunc demum regis tabernaculum intrare ausus dormientem suscitavit. Fiducia et securitate Alexander summam admirationem sui iniecit provido duci 61), qui optimo iure instantem pugnam maximi momenti ac dis-

criminis esse existimabat, praesertim cum hostes propter loci opportunitatem ingentes copias suas facillime explicare possent contra parvam Macedonum manum. Tandem pugnae signum tuba datum est. Parmenio, ut alias, sinistrum cornu administrabat ipse Pharsaliis equitibus Thessalorum robore stipatus ⁶²); Philotas autem et Nicanor, eius filii, in dextro cornu, ille cum universo amicorum equitatu, hic cum agemate scutatorum, collocati ipsius regis imperio parebant ⁶³). Dum is Scythis Bactrianisque equitibus celeriter reiectis curribusque falcatis feliciter discussis in ipsum Dareum fertur et, postquam per exiguum temporis acriter pugnatum est, totam Persarum aciem fugat, Parmenio a Mazaeo, qui universo equitatu dextri lateris praefectus erat, valde urgetur. Cum enim Alexander alacritate studioque pugnandi et vincendi incitatus curam sinistri cornus periclitantis abieciisset ac longius progressus esset, Simmiae Craterique agmina ab reliqua Macedonum phalange interclusa ordines solverant eaque ratione effecerant, ut Indorum et Persarum equites in illud intervallum irrumperent et mox usque ad Macedonum impedimenta profecti Parmenionis copiis a tergo multum damni inferrent. Itaque is etiam a fronte statim, ut proelium inceptum est, multitudine fortis equitatus Mazaei oppressus in tanto discrimine ad Alexandrum nuntios misit, qui subsidium peterent; nisi propere subveniretur, hostes ei victoriam e manibus erepturos esse. Quo cognito rex quamvis indignabundus ulterius Dareum persequi abstinit et sine ulla mora ad exercitum suum revertit. Interea vero ibi quoque, ut primum Mazaeus devicti Darei fama percussus languidius in Parmenionis aciem invehit coeperat, belli fortuna adeo inclinaverat, ut, cum duces Macedonum, qui post primae phalangis tergum locati erant, Persas impedimenta diripientes subito adorti omnes fere interfecissent, Parmenio ipse Thessalos equites cohortatus iamque vehementer cum suis invectus hostes in fugam converteret. Alexander igitur cognito, ab eo nihil sibi conficiendum reliqui factum esse, iterum ad Dareum persequendum conversus non prius destitit, quam nocte prohiberetur. Parta victoria etiam Parmenio tanta alacritate hostes, qui contra ipsum in acie steterant, insecutus est, ut castra eorum cum omnibus impedimentis et elephantis et camelis caperet ⁶⁴).

Ex hac descriptione pugnae facile intellegi potest, quam iniustum ac stultum sit illud crimen, quo Callisthenes aliique scriptores antiquitus Parmenionem in proelio ad Gaugamela commisso segnem et difficilem se praebuisse insimulaverunt. Iam vero peritissimus ille dux propterea sic se gessisse dicitur, quod magnificentiam et tumorem potentiae

regis aegre et invidiose tulisset! Quo nihil mihi absurdius a Callisthene 65) excogitatum vel ex Parmenionis ruina non multo post ab Alexandro contracta collectum esse videtur. Scilicet quis non concesserit, ducem illum iam grandem natu maxime in comparatione violenti ingenii regis ad Gaugamela non fuisse eadem alacritate et pernicitate atque olim? Sed stultissimus Alexander fuisset, si inter omnes scriptores constaret eum Parmenioni succensuisse, quod is ad tutandum exercitum, utique regis culpa a tergo circumventum, subsidium petiisse 66). Apud Arrianum quidem fidissimum scriptorem, neque eas ineptias nec quidquam de Parmenionis segnitia dictum invenies. Quid? quod Alexander etiam postea praetori suo credidit eumque in altissimo dignitatis gradu collocavit? An haec fecisset, si ad Gaugamela in sinistro cornu Macedonum tam diu incerto Marte pugnatum esset Parmenionis culpa?

Victoria parva Alexander Darei imperium paene evertit: nullo resistente Babylon et Susa cum ingenti gaza capta sunt. Suis Parmenio pro magnis meritis suis ab Alexandro magnificam domum, quae olim famosi Bagoae fuerat, dono accepit 67), Philotas autem, filius eius, regi victori cum pedibus eius in regia sella sedentis ab uno ex regis pueris mensa, in qua Dareus vesci solitus erat, subdita esset, felix faustumque imperium ominatus est 68).

Mense Decembri anni trecentesimo unius et tricesimi Alexander Suis contra Uxios profectus est. Quibus subactis Parmeniona Thessalis equitibus, sociis, militibus mercenariis, ceteris copiis gravis armaturae praefecit campestri itinere in Persidem procedere iussum 69); ipse cum Philotae equitatu et cum expedito agmine trans montes eo profecturus apud Susidas pylas, quas Ariobarzanes satrapes cum magno exercitu occupaverat, acrem pugnam subire coactus est. Tandem contigit ei, ut angustiis saltibusque superatis improvise adoriretur hostes; qui, cum etiam Crateri, Philotae aliorum ducum copias diversis itineribus in ipsos invehi vidissent 70), aucipiti malo oppressi mox tam incomposite fugerunt, ut omnes fere aut occiderentur aut caperentur. Quibus rebus gestis Alexander sine mora longius progressus paulo post, quam rursus cum Parmenionis copiis se coniunxit, Persepolim, regionis caput, intravit.

Iam vero rex, nimia prosperitatis continuatione insolens factus victoriae laetitia eo profectus est, ut sua manu priscam antiquamque Persarum regiam incenderet exclamans se ulturum esse, quod illi olim in Graeciam profecti Athenas delevisent templaque incendissent aliaque multa perpetrassent in Graecos. Nequiquam Parmenio cohortatus, ut

ut dignissimi essent, quos Alexander in summo dignitatum gradu collocaret. Itaque facile intellegi potest, veterem illam atque insitam Macedonum nobilitati superbiam etiam magis auctam esse in Philotae animo, quippe qui universo amicorum equitatu praefectus cotidiana consuetudine cum Alexandro coniunctus esset ⁷⁷⁾). Ea amicitia inductus, cum regi se exaequare vellet, eo insolentiae atque amentiae processit, ut etiam irideret illum ⁷⁸⁾) atque ipsius patris consilium neglegeret aliquando hortati, ut minor modestiorque fieret ⁷⁹⁾). Quid ergo mirum est, si Philotas, quamvis plerisque meritorum suorum aestimationem exprimeret ⁸⁰⁾), tamen eo, quod profusae luxuriae deditus secundum superbiam cupiditatemque suam nec militum sortem turbare nec patrios mores evectere quidquam pensi habebat, longe aliter ac Parmenio militibus odio, collegis invidiae erat ⁸¹⁾).

Practerea Philotas nemini, ne regi quidem, dissimulans, quid sentiret, eo liberius utebatur verborum licentia, quo magis Alexander post Darei clades in re publica gerenda Persas imitabatur. Tantumque a fuit, ut Parmenionis filius omnia regis consilia artesque probaret, ut graviter ferret, quod ille, cum antea Hammonis oraculo in numerum deorum receptus esset, iam Persas serviliter ipsum venerantes Macedonibus anteponeret. Pariter ac Philotas alii quoque ea ratione Alexandri non contenti erant.

Droysenius autem obicit, ingeniosa consilia regis, qui Graecos et Asianos in populi unius corpus coalescere voluisset, numquam a Philota ceterisque morosis mente comprehensa esse. Quae Droysenii sententia quantopere abhorreat a veritate, non solum eo, quod unus Hephaestio in omnia belli pacisque consilia se consociabat cum Alexandro, sed etiam ipso eventu eorum demonstratur. At hercule vehementer rex errasset, si civitatem labefactatam ex diuturna perturbatione ad meliorem statum atque ad pristinum florem eo revocari posse putasset, quod ipse regum Persarum habitu assumpto moribus voluptatibusque Asiaticis totum se dederet ⁸²⁾) ac, ne solus eis succubuisse videretur, milites quoque vitam victumque cum Persarum mutare iuberet. Parva Macedonum manus, contra quam innumerabilis multitudo hostium staret, cum ab eis assumpto Asiatico luxu mala tantum accepisset, corrumpere ac depravare necesse erat.

Sed tantum aberat, ut Alexander re vera consilium Persarum cum Macedonibus reconciliandorum agitare vel constanter persequeretur, ut unius ostentationis causa et cultu Asiatico et subiectorum ratione salutandi gauderet. An Persepoli antiquae illi regiae pepercit quam

delationi, quippe quae fortasse tantum iurgio inter amatorem atque adolescentem orto effecta esset; de futura autem Dimni morte voluntaria se ne conicere quidem potuisse. Itaque rex potius praeteritam vitam amici, quam culpam silentii intueretur.

Quibus dictis Alexander re vera aut fecte tantum lenitus et placatus dextram, reconciliatae gratiae pignus, Philotae obtulit ⁸⁹⁾. Sed continuo rex amicorum consilio advocato, cui tamen ille adhibitus non est, Nicomachum eadem, quae cum fratre de coniuratione communicasset, ordine exponere iussit. Quo facto Craterus aliique duces Philotae ob aemulationem dignitatis malevoli tandem inimici premendi et incusandi occasione data intemperantius libertate in Parmenionis potentissimi filium invehuntur ⁹⁰⁾ atque omnium consensu quaestionem de eo, ut participes sceleris indicare cogeretur, habendam esse decernunt. Tum Alexander familiares suos admonitos, ut consilium tacitum tenerent, dimittit, milites iter in posterum parare iubet. Sub vesperum autem praeter ceteros amicos etiam Philotam ad epulas invitat ibique comiter et benigne cum eo colloquitur. Secunda deinde vigilia luminibus extinctis familiares regis in regiam congregati imperant, ut ad omnes aditus equites disponderentur itinera quoque occupare iussi, ne quis occultus in Mediam ad Parmeniona evaderet. Dum haec aguntur ac simul conjurati a Dimno nominati comprehenduntur, armatorum manus Atharria duce in Philotae domum irrumpit. Qui alto et gravi somno sopitus catenis devincitur et capite velato in regiam abducitur ⁹¹⁾.

Postero die Alexander armati exercitus contionem advocat, ut ea vetusto Macedonum more in Philotam iudicium ederet. Postquam Dimni corpus allatum est, rex sollicito vultu in contionem escendit stupenti similis. Tandem animo revocato modo iracundia modo dolore concitatus militibus narrat, se proxime deum providentia et misericordia e summo periculo ereptum esse. Coniurationem enim Parmenione et Philota auctoribus conflata a Nicomacho detectam esse. Quibus dictis Metron ac Cebalinus cum fratre in contionem producti, quae quisque detulerat exponunt. Tum Alexander litteras Parmenionis interceptas, quae ad Philotam et Nicanorem filios scriptae erant, recitat iis quoque scelus illud significari ratus. Dimnum autem ceteris coniurationis sociis nominatis, Philotam tantum idcirco non nominasse, quod eius potentiam veritus esset. Ceterum Parmenionis filium, iam pridem a suspicione non remotum, Amynta atque Attalo, gravissimis regis inimicis, familiariter usum esse; praeterea immodicam eius linguae temeritatem, qua per colloquium et per litteras ipsi probra intentasset, animi a se alienati

indiciū esse. Iam vero, cum Philotas verbis fidem impositurus etiam insidias ipsi parasset, se ad arma manusque militum suorum confugere; qui ipsum ab impiorum scelere defenderent ac tutarentur.

Postquam rex haec dixit, Philotas religatis post tergum manibus producitur miserabilis visu. Iamque prope erat, ut milites, ubi primum equitatus ducem repente damnatum et catenis devinctum conspexerunt, Parmenionis fortunae memores misericordia commoverentur: cum Amyntas ac Coenus, Philotae sororis maritus, acriter in reum invehī exorsi eum regis, patriae, exercitus parricidam esse clamitant; quin Coenus lapidem, qui forte ante pedes iacuerat, arreptum in eum misisset, nisi Alexander eius manum inhibuisset. Tum causam dicendi potestate Philotae facta rex contione excessit. Iam igitur ille diserte unamquamque criminationem ab Alexandro allatam repellere et innocentiam suam purgare conatur. Sed a concitata turba interpellatus defensionem ad finem perducere nequit atque a custodibus e contione abducitur. Quo facto Bolon quidam milites ad memoriam luxuriae et ambitiosae superbiae Philotae excitatos adeo instigavit, ut omnes reum extemplo suis ipsorum manibus discernendum esse clamitarent. Sed Alexander in contionem reversus prohibitis illis, quominus verbis fidem imponerent, consilium in posterum diem distulit ⁹²). Tum regis amici sub vesperum in regiam convocati Hephaestione, Cratero, Coeno postulantes Philotae tormentis veritatem exprimendam esse decreverunt. Itaque reus sine ulla mora in cruciatum datus est. Diu hinc ignis illinc verberum vim pertulit; tandem maximo dolore confectus ⁹³) Cratero in primis impellente confessionem fecit, Parmeniona patrem et se ipsum quondam ab Hegelochō nuper mortuo, qui Alexandro Iovis filium se esse professo succensuisset, admonitos esse, ut regis vitae insidias ponerent. Parmeniona autem usque ad Darei mortem eius consilii perficiendi moram interponendam esse censuisse. Proxinae coniurationis se expertem esse. Quibus iudiciis Craterus ceterique non contenti tormentis rursus admotis expresserunt, ut etiam Dimni scelus confiteretur. Impellentibus igitur illis Philotas respondit: se timuisse, ne pater septuaginta annos natus, tanti exercitus dux, tantae pecuniae custos, mox vita excederet ipsique, spoliato tantis viribus, regis occidendi facultas non esset. Itaque se prope Parmenione inscio occasionem cum Dimno aliisque coniurandi amplexum esse. Ea Philotae confessio Alexandro adeo suffecit, ut postero die omnibus iudiciis in contione recitatis equitatus ducem omnesque conscios a Nicomacho nominatos necari iuberet ⁹⁴). Tum rex Polydamanta, Parmenionis amicum, fratribus eius ob-

sidibus retentis, in Mediam misit, qui per literas ab ipso scriptas exercitus praefectis imperaret, ut Parmeniona ducem sine ulla mora interficerent. Polydamas per deserta quam celerrime profectus undecima die, quo destinaverat, pervenit. Redditis deinde literis ac consilio cum ducibus composito matutinum tempus ad perficienda regis mandata expectavit. Tandem lux orta est. Iamque Parmenionis medius inter legatos, quibus Alexandri literis, ut eum occiderent, imperatum erat, in amoeno nemore spatiatum de Polydamantis adventu certior factus erat, cum is procul veniens ad complectendum amicum cucurrit. Salute accepta reditaque Polydamas epistolas a rege atque a Philota scriptas Parmenioni tradidit. Dum is imprudens laetusque eas legit, subito ex composito Cleander ceterique legati strictis gladiis eum petiverunt ac crudeliter trucidaverunt. Qua caede divulgata milites tanto furore inflammati sunt, ut prope armati ad nemus, in quo Parmenio occisus erat, pergerent: et, nisi Cleander in tempore ad eos recitasset regis epistolas, quibus insidiae Parmenionis in Alexandrum huiusque preces, ut ipsum vindicarent, continebantur, concitata turba murum nemori circumdatum evertisset omniumque sanguine parentasset carissimo duci. Sed ne Alexandri quidem voluntate cognita militum indignatio sedata est; dilapsisque pluribus nonnulli remanserunt, qui, saltem ut Parmenionis corpus a se sepeliri paterentur, rogabant. Diu cunctatus Cleander capite deciso truncum militibus concessit. Caput ad regem missum est ⁹⁵).

Cum ea narratione Curtii nequaquam alienum esse videtur comparare viam ac rationem, qua Droysenius in causa et morte Philotae Parmenionisque exponendis usus sit ⁹⁶). Raro alius scriptor in tractandis fontibus maiora delicta commisit, quam Droysenius illas res in Drangianae capite gestas describens. Ut enim prima specie Curtium accuratissime secutus esse videtur, ita re vera permulta aut addidit aut praetermisit eoque prohibitus est recte et sincere iudicare de illo eventu. Neque eius consilium in occulto latet. Itaque cum Alexandri et contionis sententiam de Philota ut de vero proditore latam iustam fuisse demonstrare conetur, Curtii, Diodori, Plutarchi narrationes ita confundit, ut nonnumquam, quamvis ii scriptores in summa inter se congruant, ipsarum rerum incorruptam fidem violet. Ut exemplis utar, Droysenius non tantum nullo auctore, verum contra traditionem narravit, Dimnum semper ab Alexandro amplissimo honore ornatum esse ⁹⁷), Nicomachum autem puerum nobilem fuisse ex regia cohorte ⁹⁸). Sed ne haec errata, quippe quae Droysenius ipse in altera historiarum suarum editione correxerit, nimis premam, multo ma-

gis eo offendit, quod Alexandro Philotam accusanti varias sententias ne apud Curtium quidem extantes attribuit ⁹⁹), quarum argumentum aut falsum fictumque ¹⁰⁰) aut regi ignotum ¹⁰¹) fuisse constat. Quid? quod Droysenius severe affirmat, Alexandrum oratione contra Philotam habita idcirco excessisse contione, ne reus ipso praesente in iure suo causam libere dicendi interPELLARETUR? At hercle nihil mihi absurdius esse videtur ea Droyserii sententia. An honestiore praescriptione res turpis tegi potest? Tantum enim a fuit, ut Alexander recti et aequi reverentia permotus Philotae ius redderet, ut contione egressus, priusquam reus se defenderet, eum condemnaret. Iam enim Philotas, cum ab accusatore absentem neque audiri neque iudicari posset, tantum milites concitatos, caecos, iam diu sibi infestos iudices habuit, qui vel propterea, quod rex in illius damnatione salutem suam consistere dixerat (cf. Curtium VI, 9, 24), reum condemnare debebant. Porro Droysenius in referenda Philotae defensione gravissima argumenta omittit, quae is pro se afferre potuit (cf. Curt. VI, 9). Quid autem dicam de ratione, qua historicus ille de Parmenionis nece disputat, tamquam si veteres scriptores totam rem praetervolantes ne levissima quidem dubitatione Alexandri ius potestatemque ducis interficiendi attingant? Nusquam enim Droysenius significat, quam subdole et insidiosae Parmenio, dux imprimis de rege meritus, iussu eius confossus sit. Sane quidem in posteriore historiarum suarum editione ille interdum sine ira et studio res illas in Drangianae capite gestas narrare conatus nonnulla, quae in priore editione Alexandri gratia dicta erant, aut delumbans levavit ¹⁰²) aut, ut supra duobus exemplis allatis vidimus, prorsus omisit ¹⁰³). Sed tamen ad ipsum Droysenium utpote in summa eisdem cogitationibus atque antea immoratum etiam nunc illud crimen redundat, quo Croicem ira Alexandri incensum in tractandis auctoribus infidum et fraudulentum fuisse accusavit (in priore editione) ¹⁰⁴). Quis enim est, qui Droysenium in aestimandis et diiudicandis illis Prophthasiae eventis recte egisse dicat, si eius verba pag. 298 scripta: „Auf diese Weise war das Attentat gegen des Königs Leben mit der strengsten Gerechtigkeit bestraft worden; das Heer hatte in seiner richterlichen Entscheidung gezeigt, dass es, weit entfernt, Misstrauen oder Abneigung gegen Alexander zu hegen, vielmehr diejenigen verabscheute, die unter dem Vorwande, die makedonische Sitte aufrecht erhalten zu wollen, nur ihren Ehrgeiz und ihre Habsucht zu befriedigen gedachten“,—si, inquam, ea verba comparaverit cum his, quae idem I 8, 28—29 II disserit: „So endete dieser trostlose Handel, trostlos

quamvis impeditus sit auctorum suorum in narrandis illis rebus brevitate, tamen incorrupte atque integre de iis iudicare conatus, si quidem tantum, ut censeo, eius orationi obliquae dandum est, dubitare videtur, num Ptolemaeus et Aristobulus vere sincereque omnia tradiderint ¹⁰⁷). Immo vero, si narrationem Arriani simpliciter consideraveris, ex eo, quod in exponenda Philotae causa Ptolemaeum solum sequitur, colleges eam ab Aristobulo praetermissam aut aliter tractatam esse. Sed utcumque se habet res, pauca illa, quae Ptolemaeus de tota re obscure dicit, cum summa narrationis Curtii ac ceterorum scriptorum plane consentiunt. Itaque eam cum Arriani traditione accuratissime comparandam esse apparet. Nec quisquam est, quin intellegat nos talem rationem ineuntes eo facilius ad certum exitum pervenire posse, quo magis cogitatio de educatione et progressionem Alexandri morum atque indolis suscepta discrepet inter Clitarchum et Ptolemaeum, hunc Arriani, illum Curtii, Iustini, Diodori potissimum auctorem.

Ptolemaeus igitur tradidit, Alexandrum in Drangiana de insidiis sibi a Philota comparatis certiorum factum esse; tum indices in militum contionem prodixisse ac Philotam ceterosque reos culpae convicisse cum aliis non obscuris argumentis, tum praecipue, quod Philotas, bis per singulos dies Alexandri tabernaculum adire solitus, quamquam de quibusdam insidiis ei structis se audivisse confessus esset, tamen eas regem celasset. Cuius rei indicia allatis Parmenionis filium ceterosque omnes coniurationis socios a Macedonibus iaculis confossos esse.

A Curtio autem et Plutarcho et Diodoro eadem tradentibus comperimus, indices illos re vera unum tantum fuisse eumque Nicomachum, militem tironem infimum, qui, ne ausus quidem regem adire, tam vili et perdita esset nequitia, ut stupri consuetudinem cum Dimno quodam faceret. Cuius sermonibus auditis scortum illud de insidiis regi paratis se certiorum factum esse dixit. Itaque Alexander, cum talis flagitii delationes pronis auribus ne cunctatus quidem accepisset, quam suspiciosa atque indigna credulitate ductus consilia factaque ad dignitatem et ad virtutem referre oblitus est! Quo modo Dimni sermones regi delati sint, Arriani quidem auctor leviter tantum eo, quod complures ἐπιμνηστικὰ commemorat, significat; tamen, cum ceteri scriptores totam rem pluribus verbis exponentes in summa cum Ptolemaeo consentiant, etiam singula atque uberius ab iis tractata vera esse existimo. Cebalius igitur, inquit, Nicomachi fratris iussu, cum Philotas admonitus, ut coniurationem detectam ad regem deferret, per ligum mandati perficiendi occasiones praetermisisset, ipse Alexandro, quae ex fratre audierat, aperuit

eumque de Philotæ silentio monuit. Quibus cognitis rex contionem exercitus convocavit ibique equitatus ducem graviter accusavit, qui cum se defendisset, tamen delatione ab indicibus iterata, damnatus et cum ceteris reis trucidatus est. De hac Arriani narratione cum ceterorum scriptorum plane congruenti Grotius praeclarissime et commodissime: «What these other «indicia» were, inquit, we are not told; but we may see how slender was their value, when we learn, that the non-revelation admitted by Philotas was stronger than any of them. The non-revelation, when we recollect, that Nicomachus was the only informant (Arrian loosely talks of *μηνοτάς*, as if there were more), proves absolutely nothing as to the complicity of Philotas, though it may prove something as to his indiscretion» ¹⁰⁸). Ac profecto quidem alia indicia argumentaque, quibus Philotas culpæ convinci posset, deerant. Nam ut Arrianus eum ab Alexandro graviter accusatum esse ducit, ita fieri non potest, ut rex non easdem criminationes adversus eum instituerit, quas apud Curtium legimus. Quamquam igitur is scriptor orationem a rege habitam rhetorice ornasse videtur, tamen sine dubio etiam historice eam prosecutus omnia, quæ ad ipsas res spectant, vere sincereque tradidit.

Indiciis coniurationis factis, Curtius ait, ac Philota de taciturnitatis causis interrogato Alexander prima specie ei ignoverat, tum autem a Cratæro aliisque equitatus ducem infestissime criminantibus instigatus paulatim eo suspicionis processerat, ut postremo non solum pristinum amicum suum, sed etiam Parmenionem, eius patrem, exitio tradere constitueret. Vetusto Macedonum more de capitalibus rebus belli tempore iudicabat exercitus. Itaque Alexander, cum Parmenio apud milites permultum gratia atque auctoritate valeret et Philotas quoque, quamvis apud plerosque propter superbiam invisus esset, tamen pro dignitate ac potestate certos haberet sui studiosos, in efficiendo consilio omne cautionis genus adhibere debebat. Ac profecto raro aliquis propositum maiore calliditate peregit, quam Alexander illo tempore. Media enim nocte Philotas comprehensus atque in vincula coniectus est ¹⁰⁹), dum milites omnes aditus itineraque obsident, ne quis nuntius clam ad Parmenionem, Mediæ præfectum evaderet. Tum in suspecti ducis domo cuncta sedulo perlustrata esse videntur eo consilio, ut fortasse manifestiora argumenta eius culpæ reperirentur. Tandem Parmenionis litteræ ad filios Nicanorem et Philotam scriptæ interceptæ sunt, quarum summa ¹¹⁰) etiamsi nullum indicium gravioris consilii præbuit, tamen propter obscuram conceptionem aliquo modo ansam dare potuit ad

lotae illatorum perspexissent, sententiae suae poeniteret, concilium velut aequitati obsecuturus in posterum diem distulit atque, ut gravioribus argumentis in roum et in Parmeniona, eius patrem, instrueretur, tormentis confessionem illi exprimendam esse decrevit. Arrianus quidem, cuius narrationem secuti Philotam ex inanibus illis iudiciis condemnatum et cum ceteris coniurationis sociis confossum esse vidimus, de tormentis nihil tradit. Sed tamen ea reo adnota esse, non solum Plutarchi, Curtii, Diodori, Iustini consensu, sed etiam eo demonstratur, quod Alexander, nisi graviora argumenta ad convincondum reum attulisset, numquam cum ac Parmeniona supplicio capitis afficere ausus esset veritus, ne exercitus atrocitate rei quandoquo ad seditionem impelleretur. Quid enim, quod vel paulo post, quam Philotas confessione in tormentis facta iure meritoquo, ut plerisque videbatur, capitis poenam subit, non deerant, qui mox integrum iudicium adepti in illis iudiciis per cruciatus homine ingenuo indignos expressis vim ac culpae dicis argumentum inesse negarent et in dies Alexandrum utpote totius facinoris auctorem obiurgatione incesserent ¹¹³)? Itaque dubitari non potest, quin re vera tormenta Philotae admota sint. Cuius rei ordinem supra Curtium secuti narravimus. Iam vero quis est, qui omnibus diligenter circumspectis neget, confessiones tam crudeliter reo expressas eademque a fide abhorrentes atque ineptas ¹¹⁴) nullius fuisse momenti? Atqui Alexandro suspicione inflammato satis ad puniendum Philotam efficere videbantur. Postridie igitur rex, quae reus confosus erat, in contione recitari eumque cum omnibus a Dimno (vel potius a Nicomacho) nominatis ¹¹⁵) interfici iussit ¹¹⁶). Cuius rei atrocitas mox etiam turpiore facinore susperata est. Tantum enim afuit, ut Alexander similiter atque antea omnia consilia factaque ad dignitatem et ad virtutem referret, ut, cum admissae nequitiae conscius esset, primum timiditate atque invidia quadam incensus Parmeniona, Philotae patrem potentissimum, subdole et crudeliter trucidari iuberet. Quantam autem rex in his ducibus iacturam fecerit, quis est, quin intellegat? Accuratissime enim, quod traditae sint, omnes res a Parmenione atque a Philota gestas persecuti utrumque semper et ducem et regis consiliorum socium adiutoremque peritissimum se praestitisse cognovimus. Praecipue autem Parmenio omnibus temporibus et Philippo et Alexandro rognante eminerat tantaque auctoritate et gratia apud totum exercitum usus erat, ut postremo Mediae praefectus haud multum infra fastigium magnitudinis Alexandri staret. Quo optimo amico et monitore necato rex

magis magisque interminata atque inexplicabilia incepta persecutus militum suorum voluntatem a se alienavit.

N O T A E.

1) Cf. Muetzellium, p. 618—620 ad Curtium VII, 11, 3 (VII, 3, 3 Zumpt. et Foss.).

2) Curtius VI, 6, 36 Foss. (cuius editionem semper in citando Curtio sequutus sum); Arrian. III, 25, 8.—Strabo XV, 10. p. 724.—Diod. XVII, 78, 4 et alibi.

3) Plerique hodie narrant eiusdem Philotae filios etiam Asandrum et Agathonem fuisse. Quam dubia sit ea opinio, ex eo collegi potest, quod Asander atque Agatho apud veteres scriptores obscurius tantum «Philotae filii», nusquam autem Parmenionis fratres appellati anno trecentesimo tertio decimo nondum mortui erant (cf. Diod. XIX, 15). Praeterea Philotae nomen in Macedonia frequentissimum fuisse constat.

4) Parmenio, ut Curtius ait (VI, 11, 32 et VII, 2, 33), senex septuagenarius anno trecentesimo tricesimo mortuus est. Iustinus quoque (XI, 6, 6), postquam copias exercitus Macedonum modo in Asiam egressi enumeravit: «ordines quoque, inquit, nemo nisi sexagenarius duxit». His verbis ut praecipue Parmenionem dictum esse apparet, ita optime demonstratur, quam non accurate Iustinus excerpserit ex Trogo. Nam is scriptor vix narraverit, ordinibus tantum sexagenarios praefectos fuisse. Plerique duces multo minores erant natu.

5) Diod. XVI, 4, 5—7.

6) Ex quo collegi potest, Parmenionem fortasse etiam proximo bello Illyrico (a. a. Chr. n. 358) cum laude interfuisse.

7) Plutarch. Alex. c. 3 extr. Iustin. XII, 16, 6.

8) Cf. imprimis Demosth. de falsa legat., p. 362 et Plutarch. reg. et imperat. apophth. p. 20 (Tauchnitz).

9) Demosth. de fal. legat. p. 392 et 352. Paucis mensibus post Halus ab ipso Philippo capta est; cf. Demosth. de f. leg. p. 353 et 448.

10) Demosth. de f. leg. p. 336.

11) Demosth. de corona p. 234. de f. leg. p. 414. Aeschines II, 55, p. 35 et alibi.

12) Tantum enim abest, ut Antipater et Parmenio multa illa, quae Aeschines Philippo affingit, Atheniensibus polliciti sint, ut ipse Demosthenes (de falsa legat. p. 362) contraria affirmet haec locutus: και ὁ μὲν Ἀντίπατρος και ὁ Παρμενίων δεσπότῃ διακονοῦντες και οὐ μέλλοντες ὑμῖν μετὰ ταῦτ' ἐντεύξεσθαι, ὅπως τοῦθ' εὐροντο, μή δι' αὐτῶν ὑμᾶς ἐξπατηθῆναι κ. τ. λ. Confer etiam: de fals. leg. p. 446: ὁ μὲν (Φίλιππος) οὐδὲν ἔψευσται. De Philocratis pace cf. imprimis: A. Schaefer: «Demosthenes und seine Zeit», II, 209—218.

13) Demosth. 3. Philipp., p. 125.

14) Cum solus Carystius Pergamennus (2 fragm. apud Mueller., fragm. histor. Graec. IV, 357) Oreum a Parmenione occupatum esse tradat, maxima pars eorum, quae supra in oratione contexta exposuimus, tantum probabili coniectura

nititur. Demostheni Euphraeum voluntaria morte decessisse narranti (3. Philipp., p. 127) minor fides, mea quidem sententia, tribuenda est, quam Carystio, quem secuti Euphraeum Parmenionis iussu occisum esse diximus. Nam manifestum est Demosthenem iis, quae audierat, ita usum esse, ut Atheniesibus praeclarum exemplum amoris patriae atque odii in Philippum effusi ad initandum proponeret (l. c.: ὁ δ' Εὐφραῖος ἐκεῖνος ἐπέσφαζεν ἑαυτὸν ἔργῳ ματρῶν ἡσας, ὅτι δικαίως καὶ καθαρῶς ὑπὲρ τῶν πολιτῶν ἀνθίστηται Φιλίππῳ). Quis autem est, qui nesciat, etiam Demosthenem nonnumquam res in maius extollere? Severitas poenae in Euphraeum constitutae non solum hostilibus ab eo in Philippum factis, sed fortasse etiam prioribus delictis in Macedonia commissis excusatur. Euphraeus enim, cum Philippo industrie gratificatus occasionem regni armis potendi subministrasset (cf. Carystii fragm. 1), pristinam auctoritatem suam firmissime Perdicca rege retentam (cf. Carystii fragm. 2) ultra exercere studuisse videtur, donec a Philippo graviter haec ferenti ex Macedonia egredi coactus est. Itaque nihil habeo, quod Schaefer assentiar, qui mixtis Demosthenis ac Carystii narrationibus Euphraeum in carcere, priusquam a Parmenionis ministris comprehenderetur, se ipsum interemisse conicit.

15) Qui diligenter Diodori narrationem pugnae ad Chaeroneam commissae perlegerit, facile illi coniecturae meae assentietur. Cum enim per se minime verisimile sit unum Alexandrum puerum a Philippo tum praefectum esse toti cornui sinistro, apud ipsum Diodorum (XVI, 86, 1) rex peritissimos duces — τῶν ἡγεμόνων τοὺς ἀξιολογωτάτους—ei adiunxisse traditur. Quibus verbis Diodorus alio loco (XVII, 16, 1) imprimis Antipatrum et Parmeniona significat. Ac profecto num quis alius tantundem auctoritate apud Philippum valebat, quantum ii duces? Eo denique, quod in bello Asiatico sinistrum Macedonum cornu semper parebat imperio Parmenionis, etiam verisimilius fit, eum et Antipatrum in pugna ad Chaeroneam commissa Alexandro iuveni adiunctos praefuisse sinistro cornui.

16) Diod. XVI, 91, 2 (cf. XVII, 2, 4 et 6; XVI, 1, 5). Justin. IX, 5, 8. XI, 2, 6, qui unus praeter Parmeniona et Attalum etiam Amyntam a Philippo praemissum esse dicit. Praeter Arrianum, qui II, 14, 2: Φίλιππος, inquit, ἀδελφὸς πρῶτος ἐς βασιλείαν Ἀρσῆν ἤρξεν οὐδὲν ἄγαρ ἐκ Περσῶν παθῶν. Curtius quoque eandem rem significare videtur VII, 1, 3 (Parmenio): «primus Asiam apernerat regi».

17) Pompei Trogi prolog. 9: «cum bella Persica moliretur, praemissa classe cum ducibus, . . . occisus est» (Philippus). Cum Cyzicus aliaeque urbes Asiae septentrionalis iam antea in libertatem se vindicassent, Parmenio et Attalus Pixodari, Cariae principis, amicitia freti, belli initium in Lydia fecisse videntur.

18) Diod. XVI, 1, 5.

19) Parmenionis Attalique copias a Polyaeo (V, 44, 4) decem milia Macedonum fuisse narranti verbis multiplicatas esse facile ex eo collegi possit, quod, cum Dareus mox acriter in bello apparando occupatus (Diod. XVII, 7, 1—2) semper multitudinē hostes premere soleret, anno trecentesimo tricesimo sexto in Memnonis exercitu quattuor tantum milia, sequenti anno quinque milia (Diod. XVII, 7, 3) militum fuere.

20) Polyæn. V, 44, 4.

21) Diod. XVII, 2, 3—6; 5, 2. Curtius (VII, 1, 3. VIII, 1, 42; 7, 5) Parmenionis fidem Alexandro praestitam tantopere praedicat, ut narrare non dubitet, regem occidendi Attalum alio ministro uti noluisse.

22) Diod. XVII, 7, 2—4; 8—10. Polyæn. V, 44, 5.

23) Diod. XVII, 16, 1—2.

24) Arrian. I, 11, 6.

25) Diod. XVII, 17, 3—4. Imprimis confer: Grote, history of Greece, vol. XII, p. 96—97; et Schaefer: Demosthenes u. s. Z. III, 142 seq.

26) Parmenionis patri nomen erat Philotae (Arr. III, 11, 10). Itaque cum Graecorum et Macedonum more semper fere filio maximo natu avi nomen daretur ac praeterea Philotas multo plus quam fratres Nicanor et Hector auctoritate valeret apud regem, coniecturam supra propositam certam esse apparet (cf. notam 56). Praeter tres filios Parmenio etiam duas filias habuisse videtur, alteram Attalo (Curt. VI, 9, 17 et alibi), alteram Coeno (Curt. VI, 9, 30) nuptam.

27) Confer Arrian. I, 2, 1; 5; 5, 9 seq. Plutarchus (Alex. 10) Philotam iam Philippo rege amicissimum familiarissimumque Alexandro fuisse tradit (τῶν φίλων αὐτοῦ (id est Ἀλεξάνδρου) καὶ συνήθων ἕνα Φιλώτου).

28) Arrian. I, 13, 3—5.

29) Arrian. I, 14, 1—2. Diodor. XVII, 19, 6.

30) Diod. XVII, 21, 4 (cf. XVII, 19, 6: οἱ τῶν Θετταλῶν ἱππεῖς Παρμενίωνος ἡγουμένου κ. τ. λ.): μετὰ δὲ τούτου (τὸν Ἀλέξανδρον) οἱ τῶν Θετταλῶν ἱππεῖς ἀρισταταῖς ἴλας χρώμενοι καὶ διαφόρως ἀγωνισάμενοι μεγάλην ἐπ' ἀνδρεία βόξαν ἔσχον.

31) Arrian. I, 17, 2.

32) Arrian. I, 18, 1—2.

33) Arrian. I, 18, 6—8.

34) Arrian. I, 19, 8.

35) Arrian. I, 21, 5.

36) Arrian. I, 24, 3.

37) Arrian. I, 25, 3—5; 9—10. Cf. Iustin. XI, 7, 1—2. Diodorus (XVII 32, 2) multis rebus hoc loco perturbatis illum eventum posteriori temporis ascribit.

38) Arrian. I, 29, 3.

39) Arrian. II, 4, 3—4.

40) Curtius III, 4, 14—15. cf. Arrian. II, 4, 5—6. Quibus causis commotus Grotius (history of Greece XII, 151, n. 3) de hac narratione Curtii dubitet, non intellego. An Arrianus Persis, Arsamae praefecti imperio parentibus, aliud consilium, quam a Curtio expositum, attribuit narrans: δεδιέναι οὖν τοὺς Ταρσέας, μὴ ἐφ' ἀρπαγὴν τραπέεις (Ἀρσάμης) οὕτω τὴν ἀπόλειψιν τῆς Ταρσοῦ ποιήσονται... ὁ Ἀρσάμης.. φεύγει. : οὐδὲν βλάβας τὴν πόλιν? Sane quidem cum Curtius totam rem rhetorice ornet atque a Parmenione urbem servatam esse tradat, Arrianus brevi praecidens hoc factum «αὐτῶ», id est Alexandro assignat. Sed tamen eam narrationem nequaquam a Curtii discrepare apparet.

41) Illam morbi causam Aristobulus attulit (cf. Arrian. II, 4, 7 cum II, 4, 6 et cum Plut. Alex. c. 19); οἱ δὲ (Arrian. II, 4, 7. Plut. l. c.) enim alii tum

Clitarchus, quem Iustinus (XI, 8, 3—4) et Curtius (III, 5, 2 seq.) in altera causa morbi reddenda sequuntur, dicti esse videntur. Num Ptolemaeus quoque in eorum numero fuerit, vehementer dubito. Immo vero eum nihil de Alexandri valetudine tradidisse existimo. Diodorus (XVII, 31, 4—6) tantum de progrediente morbo, non de oriente disserit.

42) Quanta fides ei narrationi habenda sit, hodie affirmari vix potest. Sed ipse Arrianus, si quidem tanta vis tribuenda est orationi obliquae, qua semper in exponendis rebus incertis utitur (cf. praefat. § 3: «λεγόμενα»), de illo eventu dubitare videtur. Itaque cum a Ptolemaeo et fortasse ab Aristobulo quoque praetermissum esse affirmarim. Etiam Diodorus (XVII, 31) alias plerumque Clitarchum sequi omnesque narratiunculas reddere solitus, cum de Parmenionis epistola nihil tradat, hoc loco alio eoque graviore auctore usus esse videtur. Sed utcumque se habet res, Curtium (III, 6), Iustinum (XI, 8, 3—9), Plutarchum (Alex. 19) et Clitarcho hausisse ac totam illam rem a scriptoribus in dies magis magisque exornatam esse quis est, qui neget? Cum enim Arriani orationis munditia delectet, Curtius ampullans narrationem fusa disputationum serie per totum caput exponit. — Iam vero apud Pseudo-callisthenem (II, 8) Philippus medicus Alexandrum ex gravissimo morbo recreatum, ut Parmeniona poena afficeret, precatus: «αὐτός γάρ (Παρμενίων), inquit, πολλάκις πείσαι ἐζήτησε φαρμάκῳ ἀναρῆσαι σε ἐφ' ὧ λάβῃ τὴν ἀδελφὴν Δαρτίου Δαδιφάρταν πρὸς γάμον· καὶ ἀρνησαμένῳ μου, ἴδε οἷψ' ἡλεπῶ με παρετίθετο παρά σοι θανάτῳ». — Καὶ ταῦτα ἐξετάσας Ἀλέξανδρος καὶ εὐρῶν ἀνάιτιον Φίλιππον τὸν Παρμενίωνα διαδέχεται καὶ κολάζει. — Qua re nihil stultius vel absurdus a mendaci Pseudo-callisthene excogitatum esse mihi videtur. An Alexander Parmenioni summa illa munera imperiaque usque ad eius mortem mandare perseverasset, si re vera de insidiis sibi a duce paratis certior factus esset?

43) Arrian. II, 5, 1, Diod. XVII, 32, 2. Curt. III, 7, 6, seq.

44) Sic enim huius oppidi nomen (apud Curtium III, 7, 5) pro Castabulo restituendum est cum Schmiedero.

45) Arrian. II, 5, 8. Strabo XIV, p. 676 Mein.

46) Curt. III, 7, 6—7.

47) Tali enim ratione Arriani narrationem (II, 6, 2; 7, 2, 8, 1—2) cum Curtii (III, 7, 8—10; 8, 13—24) coniungendam esse censeo. Quae autem haudquam inter eos scriptores congruere videantur, mea quidem sententia ex eo tantum pendent, quod Curtius Clitarchum secutus ubique temporum et locorum rationes miscet et turbat.

48) Arrian. II, 8, 3. Curt. III, 9, 7. — Arr. II, 8, 9. Curt. III, 9, 8. Etsi enim neuter scriptor ipsam Philotam nominat, tamen Macedonum equites imperio eius ducis paruisse notum est.

49) Arr. II, 8, 4; 9—10; 9, 1; 11, 2. — Curt. III, 9, 8; 11, 3; 13 et alibi.

50) Arr. II, 11, 10. Curt. III, 12, 27. — In Iustini codicibus (XI, 10, 4) traditum est Parmeniona ab Alexandro paulo post pugnam ad occupandam Persicam classem missum esse. — Quam falsa sit ea narratio, haec tria argumenta demonstrant: primum, quod ceteri scriptores ne levissime quidem rem significant; alterum, quod Persarum classis ad id tempus florebat; tertium, quod Parmenio, rei nauticae nequaquam peritus, minime aptus erat ad capiendam classem.

Itaque Iustini codicum lectionem depravatam et falsam esse ratus corrigo et emendo: «gazam» (pro: «classem»); cf. Curt. III, 12, 27: Damascus, ubi regis gaza erat, Parmenione praemisso.

51) Curt. III, 13. Arrian. II, 11, 10; 15, 1. Polyæn. IV, 5. Athen. XIII, p. 607f et 608a. cf. etiam. Plut. Alex. 24.

52) Curt. IV, 1, 4. Arrian. II, 15, 1.

53) Curt. IV, 5, 9.

54) Polyæn. IV, 3, 4. Quod Curtius (IV, 3, 1) ab Alexandro in Asiam profecturo molis aggerisque exstructionem administrationi Perdicae et Crateri permissam esse tradit (sic enim verba «operi praefecit» intellegenda sunt, cf. IV, 2, 8; 12; 18; 19; 21 et alibi), nequaquam impedit summum Parmenionis fortasse etiam postea Tyrum profecti imperium a Polyæno significari.

55) Arrian. II, 25, 2. Plut. Alex. 29. Diod. XVII, 54, 4. Curt. IV, 11, 10—14. Itinerarium Alexandri, 43—44. — Quamvis toti narratiunculæ minima fides tribuenda esse videatur, tamen coniecturam nostram supra propositam affirmans ostendit Parmeniona Tyro oppugnandæ interfuisse. Eo enim tempore legatos ad Alexandrum venisse, inter omnes constat, qui confusis narrationibus Curtii (IV, 5, 1) et Diodori (XVII, 54) repudiatis Arrianum sequuntur (cf. Droysen: Geschichte Alex. d. Gr., edit. II, vol. I, 286).

56) Curtius IV, 8, 7: «Hector, Parmenionis filius, eximio aetatis flore». — Itaque Parmenionis filii, quod ad aetatem pertineat, hoc modo ordinandi esse mihi videntur: Philotas, Nicanor, Hector (cf. notam 26).

57) Curt. IV, 8, 7—9.

58) Curt. IV, 10, 16—18.

59) Arrian. III, 9, 3—4. Quam providum ac pulchrum fuerit Parmenionis consilium, eo demonstratur, quod Dareus equitum curruumque suorum comodi causa locum adaequari et passim murices ferreos Macedonum equitatum retenturos in terram defodi iusserat (cf. Arrian. III, 13, 2. Curt. IV, 13, 36. Polyæn. IV, 3, 17).

60) Arrian. III, 10, 1. Plut. Alex. 31. Curt. IV, 13, 4—11. — Arrianus ut Parmeniona sero in Alexandri tabernaculum intrasse et nocturnum impetum suasisse tradit, ita eius narratiunculæ fidem non praestat (Παρμενίων δὲ λέγουσιν ὅτι ἀφικόμενος κ. τ. λ.—cf. notam 42 et Arriani praefat. § 3).

61) Plut. Alex. 32. Curt. IV, 13, 17—24. Iustin. XI, 13, 1—4. Sed de hac quoque narratione vehementer dubitari potest, cum Arrianus omnino eam praetermittat, Plutarchus solum «λεγόμενον» referat.

62) Arrian. III, 11, 10. Plut. Alex. 32. Curt. IV, 13, 35 et alibi.

63) Arrian. III, 11, 8—9. Diod. XVII, 57, 1—2. Curt. IV, 13, 26—27.

64) In exponenda pugna Arrianum (III, 13—15) potissimum ut certissimum auctorem secutus sum. Curtius (IV, 15—16) et Diodorus (XVII, 58—61) rerum ordinem minus perspicue describentes interdum ita discrepant cum Arriano, ut raro digni sint, quorum narrationibus maior fides tribuatur.—Confer etiam Plut. Alex. c. 33. Polyæn. IV, 3, 6, 17. Iustin. XI, 14, 1—7. Itinerar. Alex. c. 64. Inter recentes scriptores cf. Grote: history of Greece, XII, 216 seq. et Muetzell. ad Curt. IV, 15—16 etc.

65) Callisth. fr. 37 (Mueller) apud Plut. Alex. 33.—Iam vero Droysenius

(«Gesch. Alex. d. Gr.»—I ed., p. 294.—2. ed. I b., 24) veritatis parum studiosus eo procedit, ut criminationes illas a Callisthene allatas ipsi Alexandro Philotam atque Parmeniona accusanti attribuat. (cf. notam 100).

66) Plut. Alex. 32. Polyæn. IV, 3, 6 et alibi.

67) Plut. Alex. 39.

68) Diod. XVII, 66, 7. Curt. V, 2, 13—15.

69) Arrian. III, 8, 1. Curt. V, 3, 16.

70) Arrian. III, 18, 2—9. Curt. V, 4.—Polyænus (IV, 3, 27) pro Ariobarzane Phrásaorten nominat haud dubie errans (cf. Arrian. III, 18, 11: σατραπὴν μὲν δὲ Περσῶν κατέστησε Φρασαόρτην post illam pugnam).

71) Arrian. III, 18, 11—12 —cf. Diod. XVII, 72. Curt. V, 7, 1—8. Plut. Alex. 38. Clitarchus apud Athenaeum XIII, 37, p. 576.

72) Quod Curtius (V, 6, 11) magnae exercitus parti et impedimentis Porsopoli relictis Parmeniona Craterumque praefectos esse tradit, ita tantum intellegendum est, Craterum a Parmenione summam imperii obtinenti secundum fuisse.

73) Arrian. III, 19, 7 (cf. III, 26, 3—4). Diod. XVII, 80, 3. Iustin. XII, 1, 3. Curt. VI, 8, 7; 18; 11, 6 et alibi.—Cum nihil accuratius de hac re traditum sit, dubitari potest, Parmenio expeditionem illam in Hyrcaniam profecerit an, ut equidem existimo, posteriore Alexandri iussu omiserit.

74) Arrian. III, 21, 8. Curt. V, 13, 19.

75) Curt. VI, 6, 18—19. cf. Arrian. III, 25, 4.

76) Curt. VI, 11, 39: «Parmenio et Philotas, principes amicorum».

77) Curt. VI, 8, 7. Arrian. III, 26, 2 et alibi.

78) Imprimis confer Philotae literas ad Alexandrum scriptas (Curt. VI, 9, 18) eiusque sermones ab Antigona divulgatos (Plut. Alex. 48).—Plut. Alex. 49.

79) Plut. Alex. 48.

80) Plut. I. I. et alibi.

81) Curt. VI, 11, 2—5. Plut. I. I. Curt. VI, 8, 2; 9, 25—26.

82) Tum Alexander ipse eodem modo se gerebat, de quo olim Philotam aliosque amicos reprehenderat. (Plut. Alex. 40).

83) Plut. I. c.

84) Curt. VI, 9, 18.

85) Plut. Alex. 48.

86) Apud Arrianum III, 26, 1. Nemini enim dubium esse potest, quin Arrianus eandem rem tangat, quae uberius a Plutarcho tractatur. Quomodo autem is de Antigonae fide iudicat, optime illustrant haec verba: Πρὸς δ' αὐτὸν Ἀλέξανδρον ἐκ πάντων πολλῶν χρόνων ἐτόγγανε διεβεβλημένος (Plut. Alex. 48) et: ὁ μὲν οὖν Φιλώτας ἐπιβουλευόμενος οὕτως κ. τ. λ. (I. c. c. 49).

87) Quod Plutarchus (Alex. 49) eum Limnum nominat, tantum scripturae mendum esse videtur.

88) Plutarchus (I. c.) Dimnum comprehensioni reluctatum ab Alexandri ministro interfectum esse tradit. Quae narratio Droysonio (I. c. pag. 293 I n. 16 et I b, 22 II, n. 1) aut incredibilis videtur aut «ein doppeltes Zeugniß von der Grösse der Gefahr, dass der Abgeschickte selbst im Interesse des Philotas

den Mann, dessen Zeugniß Alles offenbaren konnte, umzubringen eilte. Hanc Droysenii sententiam absurdam esse censeo. Num credibile est Alexandrum modo per Cebalinum de coniuratorum nominibus certiorum factum proximo cuique, non fidissimo ministro mandasse, ut Dimnum insidias ipsi parantem comprehenderet? Itaque voluntaria mors Dimni et a Curtio (VI, 7, 29) et a Diodoro (XVII, 79, 6) exposita multo verisimilior mihi esse videtur.

89) Curt. VI, 7. Diod. XVII, 79. Peut. Alex. 49.

90) Curt. VI, 8, 1—14. Plut. 1. 1.

91) Curt. VI, 8, 15—23.

92) Curt. VI, 8, 23—11, 8.—Ut res per se intellegitur, ita Diodorus quoque in iudicio multas orationes habitas esse testatus: τὴν κρίσιν, inquit, ὑπὲρ τούτου (τοῦ Φιλώτου) τοῖς Μακεδόσιν ἐπέτρεψε (XVII, 79, 6)... πολλῶν δὲ ῥηθέντων λόγων οἱ Μακεδόνες κ. τ. λ. (XVII, 80, 1). cf. etiam Arrian. III, 26, 2—3.

93) Ipse Alexander quamvis occultus carnificinae affuisse et, cum Philotas per ultimos cruciatus laceratus exclamasset, imbecillitatem eius insidias regi parare ausi irrisisse dicitur (Plut. Alex. 49).

94) Curt. VI, 11, 9—40. Plut. Alex. 49. Diod. XVII, 80, 1—2. Iustin. XII, 5, 3. Is ex Trogi historiis parum accurate excerpens etiam Parmeniona tortum esse dicit.

95) Curt. VII, 2, 11—33. Diod. XVII, 80, 3. Plut. 1. c. Strabo XV, p. 724. Iustin. XII, 5, 3.—cf. Arrian. III, 26, 3—4.

96) Droysen: «Geschichte Alex. d. Gr.» edit. I, p. 292—298,—edit. II, I b, 21—29.

97) At contra Curtius (VI, 7, 2): Dimnus, inquit, modicae apud regem auctoritatis et gratiae.—Eadem Diodorus quoque, etsi Dimnum φίλων τινά τοῦ βασιλέως fuisse uberius dicit, his verbis significat (XVII, 79, 1): μεμφιμοιρήσας (Dimnus) τῷ βασιλεῖ περὶ τινῶν καὶ τῷ θυμῷ προσπεσῶν.

98) Nicomachum puerum nobilem ex regia cohorte fuisse, ipso Curtius refutat ac diluit his verbis (VI, 7, 16): «placet ipsum (Nicomachum) subsistere in tabernaculo, ne, si regiam intrasset non assuetus adire regem, coniurati proditos se esse resciscerent», (De puerorum regia cohorte confer imprimis Curt. V, 1, 42: VIII, 6, 2. Aelian. XIV, 49. Arrian. IV, 13, 1 et alibi. Valer. Max. III, 3).—Immo Nicomachum militem tironem fuisse Diodorus (XVII, 79, 2: νέος ὢν) et Plutarchus (Alex. 49: τῶν νέων τις) docent.—Itaque, si Droysenius vera narrasset, indicia Dimni et maxime Nicomachi digniora fuissent, quibus crederet Alexander.

99) Huc referenda est tota pars a verbis: «schon in Aegypten habe er von den frechen und drohenden Aeusserungen... usque ad: «den Umsturz alles Bestehenden vorbereitet». (Droysen I ed., p. 294—295; II. edit., I b, 24).

100) Ut exemplo utar, Droysenius, veritatis parum studiosus, dicit per Parmeniona stotisse, quominus paulum abesset, quin Alexander ad Gaugamela proelio inferior discederet (Praetor notam 65. confer etiam, quae supra de ordine huius iugnae exposuimus).

101) Verba, quae Alexandrum Droysenius facit locutum: «scit Dareios 'Tode aber seien ihre (Parmenio's und Philotas') vorräthrische Pläne gereift», rex dicere non potuisset, nisi de confessione tormentis Philotae expressa iam cer-

tior factus esset. Sed eam rex sequenti donique nocte cognovit (cf. Curt. VI, 11, 12 cum VI, 11, 29).

102) Huc referendum est, quod Droysenius, cum in priore editione (pag. 293) dixisset, Philotam ab Alexandro dimissum esse «ohne Zweifel an seiner Treue», in posteriore editione accuratius Curtium (VI, 7, 35: «haud facile dixerim, credideritne ei rex, an altius iram suppresserit») secutus: «ohne Zweifel, inquit, an seiner Treue zu aeußern». (I b, 22).

103) Ut alio exemplo utar, Droysenius, qui quidem antea (cf. p. 296 I, n. 19) hanc narrationem Curtii praestantissimum opus («Meisterstück») esse dixerat, tamen nunc hanc sententiam non solum omittit, sed refellit his verbis (I b, 23 n. 1. II): «Dass bei Curtius VI, 8, 20 der Veteran Atharrias dies Commando führt, macht dessen Schilderung nicht glaubwürdiger». — Ita iudicans Droysenius nihilo minus semper Curtium sequitur.

104) cf. Thirlwall: «history of Greece» VI, 324.—St. Croix: «examen critique des anciens historiens d'Alexander le Grand». (Paris, 1804).

105) Diod. XVII, 79, 1. Iustin. XII, 5, 1.—cf. § 4: «fremere ...coepere innoxii senis filiiquo casum miserantes.

106) Curt. VI, 11, 21. VII, 2, 34 et alibi.—Plut. Alex. 49: ὁ δὲ Φιλώτας ὅτι δὴ παθῶν (ἀδῆλον γὰρ ἔστιν) οὐ παρήγεν αὐτούς (Nicomachum et Cobalinum) κ. τ. λ. .... καὶ πικρῶς ἔχων πρὸς τὸν Φιλώταν ἐπεσπάσατο (Alexander) τοὺς πάλαι μισοῦντας αὐτόν κ. τ. λ. ... Τοιοῦτοις λόγοις καὶ ὑπονοίαις ἀναπετάσαντος τὰ ὤτα τοῦ βασιλέως ἐπήγον ἤδη μυρίας κατὰ τοῦ Φιλώτου διαβολάς. (cf. notam 86). De tota donique re Plutarchus (l. c.) hoc modo iudicat: Ταῦτα πραγθέντα πολλοῖς τῶν φίλων φοβερόν ἐποίησε τὸν Ἀλέξανδρον, μάλιστα δὲ Ἀντιπάτρω κ. τ. λ.

107) Arrian. III, 26, 4: καὶ πρὸς τούτων (id est, πρὸς Κλεάνδρου τε καὶ Σιτάκου καὶ Μενίδου ἀποθανεῖν Παρμενίωνα, τυχὸν μὲν ὅτι οὐ πιστὸν ἐδόκει εἶναι Ἀλέξανδρος Φιλῶτα ἐπιβουλεύοντος μὴ ξυμμετασχεῖν Παρμενίωνα τῷ παιδί τοῦ βουλεύματος, τυχὸν δὲ ὅτι, εἰ καὶ μὴ ξυμμετέσχε, σφάλερός ἦδη ἦν περιῶν Παρμενίων τοῦ παιδὸς αὐτοῦ ἀνηρημένου, ἐν τσσαύτῃ ὧν ἀξιώσει παρὰ τε αὐτῷ Ἀλεξάνδρῳ καὶ ἐς τὸ ἄλλο στράτευμα, μὴ ὅτι τὸ Μακεδονικόν, ἀλλὰ καὶ τῶν ἄλλων ξένων, ὧν πολλάκις καὶ ἐν τῷ μέρει καὶ παρὰ τὸ μέρος κατὰ πρόσταξιν τὴν Ἀλεξάνδρου ξὺν χάριτι ἐξηγεῖτο.—Ita de Parmenionis ingenio iudicans Arrianus se dubitare ostendit, num Alexander rectum secutus sit.—Ptolemaei variis de causis intererat, ne uberius tractaret illas res in Drangianae capito gestas. Maxime autem eius animo caliginem offundi oportebat eo, quod ipse oppressis Philota eiusque consociis, qui dicuntur, Alexandri favore et beneficio ad ampliorem gradum promotus Demetrii loco σωματοφύλαξ factus erat (Arrian. III. 27, 5). Quod munus ei pro industria et studio per illos dies in regem navato mandatam esse existimo.

108) Grote, hist. of Greece, XII, 268 nota.

109) Non intellego, quibus causis commotus Droysenius, ceteroqui Curtii narrationem secutus, hoc loco repente dubitet, num re vera Atharrias ad comprehendendum Philotam missus sit (cf. notam 104).

110) Curt. VI, 9, 14: «Summa eius (id est: epistolae) haec erat: Primum vestri curam agite, deinde vestrorum; sic enim, quae destinavimus, efficiemus».

111) Curtius (VI, 8, 23): «sex milia fere militum, inquit, venerant; praeterea turba lixarum calorumque impleverant regiam».—Hanc colluviem facillime ab inimicis Philotae in reum instigari potuisse, quis est qui neget? (cf. Bolois orationem apud Curt. VI, 11, 1—7). Militum autem sex milia tantum convenerant. Ubinam reliquorum magna multitudo erat? Droysenius quidem eos in stativis dissipatos fuisse putat; tamen haec opinio nulla re fulcitur.

112) Arrian. III, 26, 2: Etiam Philotae orationem apud Curtium (VI, 10) quamvis rhetorice ornatam tamen ad historiae fidem redditam esse existimo. cf. Thirlwall, hist. of Greece VI, 324.—Omnino Curtius res Prothasiae gestas sine ira et studio narrans de ipsis singulis factis dubitare nos vetat. Quam integrum sit eius iudicium, facile collegi potest ex his locis: VI, 7, 1; VI, 11, 21: «Philotas verone an mendacio liberare se a cruciatu voluisset, anceps coniectura est». cf. VII, 2, 34.

113) Diod. XVII, 80, 4. Curt. VII, 2, 35. Iustin. XII, 5, 4—8. Plut. Alex. 49.—cf. etiam Arrian. III, 27, 4 et Curt. VIII, 1, 33; 52. VIII, 7, 4—5: «Parmenio indicta causa trucidatus est».

114) Hegelochum re vera coniurationis conflandae fuisse suasorem et auctorem, nemo omnium scriptorum affirmat. Immo enim vero omnibus temporibus virtute bellica spectatus et dignus fuisse traditur, cui Alexander crederet. cf. Arrian. I, 13, 1. II, 2, 3. Curt. III, 1, 19. IV, 1, 36. Arrian. III, 2, 3—8. Curt. IV, 5, 14—22. In pugna ad Gaugamela commissa Hegelochus regiae turmae praefectus erat (Arr. III, 11, 8). Itaque cum imprimis Macedonum equitatus eo proelio deminutus esset (cf. Arrian. III, 15, 6), etiam Hegelochus tunc cecidisse videtur. (cf. Curt. VI, 11, 22: «illum dico Hegelochum, qui in acie cecidit»).

115) A Dimno nominati erant: Demetrius, Peucolus, Nicanor, Aphobetus, Iolous (?), Dioxonus, Archepolis, Amyntas (Curt. VI, 7, 15).—Demetrium, unum ex corporis custodibus Alexandri, coniurationis participem fuisse, Arriames quoque tradit (III, 27, 5). De ipsis ceterorum coniuratorum vitis nihil comperti habemus. Cum enim Amyntae, Peucolai, Nicanoris nomina, saepius occurrentia, nusquam conscios significant, nomina Aphobeti, Iolei (?), Dioxeni, Archepoleos, alias quoque rarissima, apud scriptores rerum Alexandri omnino non reperiuntur illo loco excepto, quem supra attulimus (Curt. VI, 7, 15). Eoque gravius negaris, haec nomina commenticia esse.

116) Arrianus (III, 26, 3) condemnatos telis, Curtius (VI, 11, 38) lapidibus coopertos esse dicit. Utri scriptori adsendendum sit, vix diiudicaveris. Tamen facere non possum, quin opiner Curtium non traditurum fuisse illud, nisi meminisset veteris moris Macedonum (cf. l. c.: «omnes... more patrio... saxis obruti sunt»). Itaque cum in hac re errasse, maiorem fidem Arriano tribuendam esse existimem.

Oscar Basiner.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ А. *Радонежскій*.

Изданіе пятое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

Цѣна 75 коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ *Фему и К^о*.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ
ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

въ видахъ распространенія въ средѣ публики свѣдѣній о письменныхъ памятникахъ отечественной старины, признало полезнымъ издавать въ опредѣленные сроки приложенія къ своимъ изданіямъ, подъ именемъ:

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Въ составъ этихъ приложеній входятъ: монографіи о древнерусскихъ памятникахъ, извлеченія изъ рукописей, описанія общественныхъ и частныхъ книгохранилищъ, библиографическія свѣдѣнія и замѣтки о всемъ, что появляется у насъ и на Западѣ по части изданія старинныхъ текстовъ.

„Памятники Древней Письменности“ выходятъ четыре раза въ годъ, въ январѣ, апрѣлѣ, августѣ и ноябрѣ, выпусками отъ 7—15 листовъ каждый, на веленовой бумагѣ: всего въ годъ составитъ около 60 листовъ вмѣстѣ съ литографическими факсимиле и однимъ изъ №№ изданій общества за текущій годъ.

Подписная цѣна на годъ съ пересылкой и доставкой 15 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (Невскій, 60), Н. Фену и К° (Невскій, д. Армянской церкви), Риккера (Невскій, д. № 14), а равно и у всѣхъ извѣстныхъ столичныхъ книгопродавцевъ.

Подписчики пользуются уступкой 25% съ изданій, поступившихъ въ продажу.

ВЫШЛИ ПРОШЛЫЙ и 1-й ВЫПУСКИ.

СОДЕРЖАНІЕ ИХЪ: Тексты: „Оацецы или жарты польскіи повѣсти, бо-сѣдки утѣшки московскія“.—О пльиствѣ (двѣ легенды).—Сказаніе о птицахъ небесныхъ.—Сказка о Бовѣ Королевичѣ (по рукописи XVII в.).—Факсимиле: Арифметическія задачи (по рук. XVII в.) и 8 гравюръ къ „сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ“.—Статьи: I. О литературной исторіи „физиолога“, князя П. П. Вяземскаго.—II. Сказаніе о страстяхъ господнихъ, О. И. Булгакова.—III. Біографія Юрія Бризанина, П. П. Морозова.—IV. Историческія свѣдѣтельства о славянской народной поэзіи, его же.—V. Историческое развитіе русскаго искусства.—Библиографія: Архивъ славянской философіи, изд. профессоромъ Ягичемъ, князя П. П. Вяземскаго.—Изданія общества древне-

русскаго искусства, О. И. Булгакова.—Литература средневѣковыхъ романскихъ текстовъ.—Свѣдѣнія о рукописяхъ: Палеографическое собраніе князя П. А. Путятина.—Фотографическіе снимки съ старинныхъ вещей Ипатьевского монастыря.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 6 руб. за оба выпуска.

Подписчики получаютъ въ 1879 г.

ПОВѢСТЬ О СУДѢ ШЕМЯКИ.

Факсимиле текста XVII-го вѣка. — Двѣнадцать гравюръ. — Транскрипціи текста.—Талмудическія сказанія о праведныхъ судахъ премудраго царя Соломона и неправедныхъ судахъ Содомскихъ. Съ предисловіемъ. О. И. Булгакова. Въ отдѣльной продажѣ 2 руб.

Съ требованіями обращаться: къ секретарю общества, С.-Пб. Фушадтская, д. 42, О. И. Булгакову.

ПРИ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ ТИПОГРАФИИ В. С. БАЛАШЕВА,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, СРЕДНЯЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, № 1,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Сочиненія И. И. Павличева. Томы I, II и III: Польская анархія, съ портретами и картой польской Рѣчи Посполитой. Цѣна 6 р.

Я. И. Полопскій. «Озимы», новый сборникъ стиховъ, двѣ части, по 1 р. 50 к.

Строительная памятная книжка на 1879 г. Составилъ В. Карловичъ, профессоръ строительнаго искусства Николаевской Инженерной Академіи. Цѣна 3 р. 50 к.

Русскій справочный альманахъ, заключающій въ себѣ, помимо прочихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ каждомъ коммерческомъ дѣлѣ, 15,000 адресовъ С.-Петербургскаго, Московскаго, Варшавскаго, Кіевскаго, Одесскаго и Харьковскаго купечества. Цѣна 3 р.

Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины IX до конца XVIII вѣка. Соч. П. А. Парай-Кошица. Цѣна 1 р. 50 к.

Желѣзнодорожныя трудобы, К. А. Лебедева. Цѣна 1 р. 20 к.

Практическое объясненіе о предохраненіи имущества послѣ умершихъ, о порядкѣ наслѣдованія и составленія духовныхъ завѣщаній, о раздѣлѣ имущества и т. д. Цѣна 50 к.

1-го ПОПЯ вышла и разослана подписчикамъ VI-я,
ПОПЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Казенные крестьяне: общинное и подворное землевладѣніе, изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семевскаго (окончаніе).—II. Царь Петръ Великій въ письмахъ къ И. А. Толстому, 1708—1712 гг. (окончаніе).—III. Петербургъ въ 1720-мъ году, изъ записокъ очевидца-полика.—IV. Принцъ Іоаннъ Антоновичъ въ Шлиссельбургѣ въ 1764 г. V. Хосров-мирза, персидскій принцъ, историко-біографическій очеркъ Ад. П. Берже.—VI. Мн. Александръ Ивановичъ Барятинскій, изъ Записокъ М. И. Ольшевскаго.—VII. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ: первыхъ двадцать лѣтъ его жизни.—VIII. Воспоминанія И. А. Гольшова: жизнь и труды бывшаго крѣпостнаго крестьянина, нынѣ археолога и члена разныхъ ученыхъ обществъ (окончаніе).—IX. Бунтъ военныхъ поселенъ въ Старой Руссѣ, въ іюлѣ 1831 г., разсказъ очевидца.—X. Разказы и замѣтки.—XI. Библиографическій листокъ.

Приложенія: I. Снимки съ собственноручныхъ письма и чертежа царя ПЕТРА ВЕЛИКАГО.—II. Портретъ персидскаго принца ХОСРОВ-МИРЗЫ.

Продолженіе записокъ Н. В. Берга о Польскомъ возстаніи 1863—1864 гг. (Гл. V. Назначеніе М. И. Муравьева въ Литву.—Организація Жонда и подвѣдомственныхъ ему учрежденій и проч.) будетъ напечатано въ слѣдующей, Іюльской, книгѣ.

ПОДПИСКА НА „РУССКУЮ СТАРИНУ“ (десятый годъ) изд. 1879 г. продолжается: въ Петербургѣ, у Мамонтова, Невскій пр., д. № 46; въ Москвѣ—у Мамонтова, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова, и у Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами (въ теченіе 1879 г. непрерывно при каждой книгѣ!) восемь руб. съ пересылкой.

Можно получить: «Русскую Старину» съ портретами 1870 г. (3-е изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877 г. (съ 10 гравированными на мѣди и на деревѣ портретами) и 1878 г. съ портретомъ Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками) и другими портретами. Цѣна за каждый годъ **восемь** руб. съ пересылкой.

Изд.-ред. «Рус. Старина» М. И. Семевскій.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. (16-го января 1879 года). О правахъ лицъ, окончившихъ курсъ въ бывшихъ уѣздныхъ училищахъ Царства Польскаго.	3
2. (20-го ноября 1878 года). По дѣлу о правахъ и обязанностяхъ почетныхъ блюстителей сельскихъ училищъ и объ учрежденіи званія почетныхъ блюстительницъ при сихъ училищахъ.	4
3. (19-го января 1879 года). Объ устройствѣ шестаго сѣзда русскихъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ	—
4. (22-го января 1879 года). Объ учрежденіи педагогическихъ курсовъ для приготовленія учителей рисованія.	—
5. (6-го февраля 1879 года). О причисленіи Виленскаго и Житомирскаго еврейскихъ учительскихъ институтовъ во второму разряду учебныхъ заведеній по отношенію къ отбыванію воинской повинности.	6
6. (7-го марта 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Троицкосавскомъ реальномъ училищѣ.	7
7. (7-го марта 1879 года). О наименованіи открытаго въ городѣ Юрьевцѣ, Костромской губерніи, трехкласснаго городского	

училища Юрьевецкимъ трехкласснымъ городо-Миндовскимъ (А. И.) училищемъ	
8. (27-го февраля 1879 года). О должностныхъ лицахъ, за-вѣдывающихъ содержимою въ городѣ Вѣрпомъ ученическою квартирою для дѣтей инородныхъ киргизовъ.	47
9. (9-го марта 1879 года). О продленіи порядка выдачи евреямъ свидѣтельствъ на званіе меламда.	48
10. (7-го марта 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Вологодской мужской гимназій.	—
11. (7-го марта 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Новгородской гимназій.	49
12. (7-го марта 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Гомельской прогимназій.	—
13. (7-го марта 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи на проценты съ капитала, пожертвованнаго статскимъ совѣтникомъ Сырбомъ	—
14. (7-го марта 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Томскомъ реальномъ училищѣ.	50
15. (7-го марта 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Курскомъ реальномъ училищѣ.	—
16. (7-го марта 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи въ школь, устроенной при Сквирскомъ городскомъ училищѣ.	—
17. (7-го марта 1879 года). Объ учрежденіи премій при С.-Петербургскомъ университетѣ.	51
18. (7-го марта 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Таганрогской Маріинской женской гимназій.	—
19. (7-го апрѣля 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Кіевской 2-й гимназій.	52
20. (7-го апрѣля 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Севастопольскомъ Константиновскомъ реальномъ училищѣ.	—

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (4-го ноября 1878 г.). Положеніе о стипендіи бывшаго директора училищъ Симбирской дирекціи, статскаго совѣтника Пикторова, учрежденной при Симбирской гимназій.	8
2. (11-го ноября 1878 г.). Уставъ юридическаго общества при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ	9

3. (13-го января 1879 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ѳеодоровича Базилевскаго	2
4. (13-го января 1879 г.). Положеніе о стипендіи 2-й саперной бригады, учреждаемой при Рижской Александровской гимназій	13
5. (13-го января 1879 г.). Правила о стипендіи имени бывшаго предсѣдателя Курскаго губернскаго земскаго собранія, свѣтлѣйшаго князя Алексѣя Александровича Солтыкова-Головкипа при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ	14
6. (13-го января 1879 г.). Правила о стипендіи, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, имени покойнаго заслуженнаго профессора сего университета и гласнаго Московской городской думы Михаила Петровича Погодина	15
7. (13-го января 1879 г.). Инструкція училищнымъ совѣтамъ дирекцій народныхъ училищъ Виленскаго учебнаго округа	—
8. (27-го января 1879 г.). Положеніе о стипендіи имени графа Дмитрія Андреевича Толстаго, учрежденной при Тульской гимназій	25
9. (3-го февраля 1879 г.). Правила о преміи Николая Ивановича Пирогова, учрежденной при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра	26
10. (17-го февраля 1879 г.). Правила о стипендіяхъ генераль-адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ	—
11. (8-го марта 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ уплаты денегъ за бланки ассигновокъ	28
12. (10-го марта 1879 г.). Положеніе о стипендіи имени Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго при Сквирской ремесленной школѣ	29
13. (10-го марта 1879 г.). Правила о стипендіи, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, имени покойнаго князя В. А. Черкаскаго	—
14. (13-го марта 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о стѣнныхъ физическихъ таблицахъ Карла Янскаго	30
15. (24-го марта 1879 г.). Циркуляръ попечителямъ учебныхъ	.

округовъ и главнымъ начальникамъ частей, имѣющимъ въ своемъ вѣдомствѣ высшія учебныя заведенія.	31
16. (16-го декабря 1878 г.). Правила для испытаній и другихъ способовъ контроля надъ занятіями студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ	55
17. (13-го января 1879 г.). Инструкція инспекторамъ народныхъ училищъ Туркестанскаго края.	58
18. (10-го марта 1879 г.). Положеніе о преміи Павла Антоновича Ильенкова.	69
19. (24-го марта 1879 г.). Правила о стипендіи, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ университетѣ подъ наименованіемъ „стипендія 12-го апрѣля 1877 года“	71
20. (11-го апрѣля 1879 г.). Правила о единовременныхъ пособіяхъ, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго дѣтми покойнаго статскаго совѣтника Сергѣя Михайловича Шилова.	72
21. (11-го апрѣля 1879 г.). Правила о стипендіи Ѳедора Васильевича Чижова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	—
22. (12-го мая 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о допущеніи воспитанниковъ духовныхъ семинарій къ испытанію зрѣлости въ гимназіяхъ тѣхъ городовъ, гдѣ они окончили курсъ.	—
23. (14-го мая 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о предохраненіи учащагося юношества отъ соціальной пропаганды.	74

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

27-го января 1879 года. (№ 1).	32
24-го февраля 1879 года. (№ 2)	75
17-го марта 1879 года. (№ 3).	
7-го апрѣля 1879 года. (№ 4)	

ВЫСОЧАЙШІЙ ПРІКАЗЪ.

7-го марта 1879 года (№ 3)	52
--------------------------------------	----

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Справочная книжка и указатель русскаго правописанія“. Сост. преподаватель 1-го реального училища В. П. Геннипгъ 36
- О книгѣ: Географія Россіи. Курсъ низшихъ учебныхъ заведеній, преимущественно уѣздныхъ и начальныхъ училищъ. Сост. П. Малипипъ . . . . . —
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Краткая просодія и элементарныя свѣдѣнія изъ метрики латинскаго языка, именно: о латинскомъ стихѣ вообще, о составѣ, раздѣленіи на стопы и чтеніи Федрова ямба, гекзаметра и пентаметра, съ разборомъ ихъ образцовъ, и о размѣрахъ Горация, съ прибавленіемъ указателя. Сост. протоіерей Николай Кувшинскій. Изд. 2-е исправленное и дополненное 37
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Учебникъ по словесности. I. Стилистика. II. Теорія прозы. III. Теорія поэзіи. Андрей Филонова. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е . . . . . —
- О книгахъ: изданныя обществомъ распространенія полезныхъ книгъ брошюры: 1) „Соломонія. Повѣсть изъ русской старины (1525 годъ) Е. Обуховой. 2) Гуттенбергъ, первый изобрѣтатель книгопечатанія. 3) „Георгъ Стифенсонъ, изобрѣтатель паровозовъ. 4) Правдивый Петя . . . . . —
- О книгѣ: „Сборникъ стихотвореній для приготовительнаго и низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Изд. А. Г. Сыркина. —
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Исторія Болгаръ. Соч. профессора Пражскаго университета доктора Конс. Іос. Иречка. Переводъ Ф. К. Бруна и В. Н. Палаузова 37
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Русское слово. Практическое руководство къ изученію русскаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Прибалтійскаго края. Сост. Е. Ковинъ. (Praktischer Leitfaden zum Erlernen der Russischen Sprache). 38
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Греческо-русскій словарь, составленный А. Д. Вейсманомъ . . . . . —
- О книгахъ подъ заглавіями: 1) Русская хрестоматія Т. П. Изд. 17-е. Сост. А. Галаховъ. 2) „Родина. Сборникъ для класс-

наго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устно и письменномъ изложеніи. Въ 3 частяхъ. Сост. А. Радонежскій. 38

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ по Векелю, Шниццу и др. Сост. А. Дмитріевъ. Примѣпело къ курсу гимназій и реальныхъ училищъ. Кн. II. Стереометрія. Съ приложеніемъ задачъ на максіма и мініма, а также геометрическихъ темъ для окончательныхъ испытаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ таблицей чертежей. . . . . —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Исторія христіанской церкви, общедоступно изложенная. Выпуски 1 и 2 Сост. священникъ магистръ Пав. Образцовъ . . . . . —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Chrestomathie Française pour les classes moyennes et les classes superieures des établissements d'éducation avec dictionnaire, introductions litteraires, notices biographiques, notes explicatives et exercices par V. Jaclard-Corvin, professeur de langue et de litterature françaises. Tome I—prose; tome II—poesie 39

О книгахъ подъ заглавіями: 1) Императоръ Александръ I и Его царствованіе. Соч. И. А. Галактіонова. Часть II. 2) „Книга для чтенія и упражненій въ русскомъ языкѣ. Сост. Е. Козинъ. 85

О книгѣ: „Наставленіе къ собранію и сохраненію естественно-историческихъ коллекцій, составленное А. Петровскимъ и Л. Сабанѣвымъ . . . . . —

О книгахъ подъ заглавіями: 1) Histoire élémentaire de la littérature française depuis l'origine jusqu'à nos jours, par Jean Fleury, lecteur en langue française à l'université impériale de S.-Petersbourg, seconde édition corrigée et augmentée de plus d'un tiers 2) Элементы геометріи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, расположенный по способамъ доказательствъ. Сост. Д. Гика и А. Муромцевъ 86

О книгахъ подъ заглавіями: 1) Практическія замѣтки о русскомъ синтаксисѣ. Монографія А. Дмитревскаго. Отдѣльный оттискъ изъ филологическихъ записокъ. 2) Книга упражненій къ греческой грамматикѣ г. Нидерле. Курсъ III и IV классовъ гимназій и прогимназій. Сост. И. Мейеръ. 3) Сборникъ геометрическихъ задачъ примененный къ курсамъ гимназій и реальныхъ училищъ. Задачи алгебраической геометріи. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго

- года и темы для письменныхъ испытаній Сост. В. Мининъ Изд. 2-е, исправленное и значительно дополненное. . . . . —
 О книгѣ подъ заглавіемъ: „Хорватія Славонія, Далмація и Военная граница Л. В. Брезива. Въ двухъ томахъ . . . . . —

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

- О книгѣ: „Воспитаніе Петра Великаго“. Разсказъ для дѣтей. Сост. В. Ястребовымъ. 59
 О брошюрахъ 1) „Первые уроки грамоты и письма“. 2) Наставленіе къ тому, какъ давать первые уроки грамоты и „письма“. Изд. 5-е. Сост. Н. Рязанскимъ. . . . . —
 О книгѣ: 1) „Петруша Лабуле“. Переводъ съ французскаго. Изд. 2-е. 2) „Робертъ Фултонъ“, изобрѣтатель пароходовъ. Изд. 2-е. —
 О книгѣ: „Подарокъ. Стихотворенія для дѣтей и бесѣды съ дѣтьми“. Сост. П. Вересовымъ. . . . . —
 О книгѣ: „Методика обученія письму въ народной школѣ“. Практическое руководство для учительскихъ семинарій, учителей, учительницъ народныхъ школъ и руководителей педагогическими курсами. Сост. С. Миропольскимъ. . . . . —
 О книгѣ: 1) Покаяніе. Изъ твореній св. Тихона, епископа Воронежскаго. Изд. 7-е. 2) Христосъ грішную душу къ себѣ призываетъ. Изъ твореній св. Тихона, епископа Воронежскаго. Изд. 2-е. 3) О вѣрѣ во Христа. Изъ сочиненій Тихона, епископа Воронежскаго. Изд. 9-е. 4) О словѣ Божіемъ. Изъ сочиненій Тихона, епископа Воронежскаго. Изд. 8-е. Издае. книгопродавцемъ Блисмеромъ. 87
 О книгѣ: содержащей въ себѣ шесть разсказовъ: 1) Добрая жена, 2) Злая жена, 3) Дѣвочка со спичками, 4) Гречиха, 5) Дѣдушка и Внучекъ, 6) Вечеръ на Рождество. Изданіе 3-е. . . . . —
 Официальныя извѣщенія . . . . . 40 и —

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

- Взглядъ митрополита Давида на отношеніе къ еретикамъ.
 В. Жмакина 1

Трагедокомедія Теофана Прокоповича „Владиміръ“. Н. Тихонравова.	52
Господствующая группа выводовъ. М. Каринскаго.	97
Лѣтописи Ассирійскихъ царей. Н. Астафьева.	165
Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII ст. (по рукописямъ Соловецкой библіотеки). П. В. Владимірова. В. К.	161
Очеркъ внутренней исторіи церкви въ великомъ Новгородѣ. А. Пикитскаго.	202
Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка. В. Ламанскаго.	202
Исторія славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь переработанное и дополненное. Томъ I. Антопа Будиловича	277

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Неустойчивость критики въ руководствахъ по теоріи словесности. Алексѣя Шаврова.	1 и 31
---	--------

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ преподавателей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ 1871 по 1877 годъ включительно. 1 и 95	
Императорское русское археологическое общество въ 1878 году.	48
Московская антропологическая выставка 1879 года.	52
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты б) низшія училища.	66 и 230
Императорское русское географическое общество въ 1878 году.	208

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Объ основахъ текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга В. Эрнштедта.	151
De Parmenione et philota, duobus Macedonum ducibus. Oscar Vasinet'a	193

181
18

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
☐
1994**

3 2044 022 671 564

